ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CXCVI

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ Е. БАЛАШЕВА
Екате[illegible] Е. Мар[illegible]вичъ 90-1
1878.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Восточный вопросъ и Задунайская славянщина (Окончаніе) — И. Кулиша.

Марія Владиміровна и Магнусъ Датскій. — Д. Цвѣтаева.

Жизнь Патрика Гордона и его дневникъ. (Продолженіе.) — А. Г. Брикнера.

Русско-византійскіе отрывки — В. Г. Васильевскаго.

Наша педагогическая литература. — Н. Колумбуса.

Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ за 1877 годъ.

Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани (Окончаніе).

О государственныхъ экзаменахъ въ Германіи и Австріи (Продолженіе.) — А. Н. Георгіевскаго.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложенія

(См. стр. обертки

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CXCVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90 1.

1878

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (20-го декабря 1877 года). Объ открытіи реальнаго училища въ гор. Елабугѣ, Вятской губерніи . 1

2. (13-го января 1878 года). О присвоеніи Кронштадтской женской гимназіи наименованія „Александринской". 2

3. (13-го января 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ. —

4. (13-го января 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Казанскомъ университетѣ. —

5. (13-го января 1878 года). О наименованіи 10-ти воспитанниковъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, содержимыхъ на средства сего заведенія, стипендіатами имени императора Александра I. 3

6. (6-го января 1878 года). О преобразованіи училища при Покровской общинѣ сестеръ милосердія въ женскую гимназію. —

7. (13-го января 1878 г.). О принятіи пожертвованій, сдѣланныхъ коллежскимъ совѣтникомъ А. Ф. Кушакевичемъ. 4

8. (13-го января 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи имени князя А. П. Ширинскаго-Шихматова. 5

9. (13-го января 1878 года). О принятіи въ даръ отъ помѣщика Сназина двухъ десятинъ земли изъ родоваго его имѣнія. —

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

10. (6-го февраля 1878 года). Указъ правительствующаго сената (по 1-му департаменту). О порядкѣ причисленія училищъ къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности. 19

11. (15-го февраля 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Померанскомъ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ. 20

12. (15-го февраля 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ. 21

13. (15-го февраля 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Троицкой гимназіи —

14. (14-го февраля 1878 года). Объ источникѣ для производства хозяйственныхъ расходовъ по испытательнымъ комитетамъ. —

Высочайшіе приказы.

26-го декабря 1877 года (№ 10) 6
30-го декабря 1877 года (№ 11) 7
13-го января 1878 года (№ 12). 9
1-го января 1878 года. (№ 1). 22

Высочайшія награды

Министерскія распоряженія.

1. (15-го декабря 1877 года). Положеніе о стипендіи Дмитрія Дмитріевича Долбижова, учрежденной при Рижской Александровской гимназіи. 10

2. (15 декабря 1877 г.). Положеніе о стипендіи Любови Михайловны Широковой въ Астраханскомъ реальномъ училищѣ. 11

3. (17-го декабря 1877 г.) Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ относительно призыва преподавателей къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. 12

4. (9 января 1878 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи для библіотекъ учебныхъ заведеній сочиненія г. Властова „Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ“ 13

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

5. (7-го января 1878 г.). Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта Хрущова при Тобольской губернской гимназіи. . . 35

6. (4-го февраля 1878 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о замѣщеніи служительскихъ должностей въ учрежденіяхъ министерства ранеными въ послѣдней войнѣ нижними чинами. . . . —

7. (18-го февраля 1878 г.). Положеніе о стипендіи почетнаго блюстителя Померанскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Новгородской губерніи, отставнаго гвардіи полковника князя Николая Давыдовича Багратіона-Мухранскаго, учрежденной при названномъ училищѣ. 36

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

3-го декабря 1877 года (16). 36
21-го января 1878 года. (№ 1.). 37
4-го февраля 1878 года. (№ 2). 41

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Генрихъ Песталоцци, знаменитый швейцарскій педагогъ". Біографическій очеркъ, составленный и переведенный изъ нѣмецкихъ источниковъ Константиномъ Тимоѳеевымъ. 15

О книгѣ: „Грамматическія правила нѣмецкаго языка, вытекающія изъ § 1 — § 86 учебника Керковіуса". Изд. 2-е вновь передѣланное. Составилъ Ю. Б. Стурцель. —

1) О книгахъ: „Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій" Для четырехъ высшихъ классовъ гимназій. Составили Э. Черный, и Н. Баталинъ, 2) „Русско-греческій словарь гимназическаго курса". Составилъ Э. Черный, 3) „Таблица латинскихъ спряженій", составленная съ цѣлію облегченія ихъ изученія—Станиславомъ Гаргульскимъ, 4) „Планиметрія по системѣ Лежандра" для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Сост. Карлъ Гехель. Перевелъ В. Шиховъ 5) „Стереометрія по Лежандру"

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Сост. К. Гехель. Перевелъ В. Шиховъ. 16

О книгѣ: „Записки по методикѣ русскаго языка", составленной для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей народныхъ школъ преподавателемъ Черниговской земской учительской семинаріи П. Н. Солониною. —

О книгѣ: „Новые оптическіе приборы". Первая группа: графическое изображеніе пластинками посредствомъ особыхъ механизмовъ основныхъ явленій свѣта. Вторая группа: универсальная камера и приборы, къ ней относящіеся. Съ атласомъ чертежей. Изобрѣлъ В. Л. Розенбергъ. —

О книгѣ: „Животныя и ихъ жизнь". Сборникъ статей по зоологіи. (Аксаковъ, Бремъ, Бюффонъ, Вагнеръ, Гартвигъ, Ленцъ, фонъ-Лехнеръ, Лихтенштейнъ, К. Мюллеръ, Науманнъ, Одюбонъ, Ренгеръ, Рулье, Скоресби, Сетлеръ, Сѣверцовъ, Тэннентъ, Усовъ, Чуди и Шейтлинъ). Съ 11 картинами. Сост. А. Сопова. —

О книгѣ: „Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ. Съ правилами для перевода видовъ русскаго глагола на греческій языкъ". Э. Чернаго. 43

О книгѣ: „Упрощенный учебникъ русской грамматики въ связи съ практическими упражненіями. Синтаксисъ. Сост. А. Семеновъ". Выпускъ IV. 44

О составленныхъ протоіереемъ церкви Маріинскаго Дворца Дмитріемъ Соколовымъ книгахъ, подъ заглавіями: 1) Священная Исторія Ветхаго Завѣта, составленная въ объемѣ гимназическаго курса. Съ 17 рисунк., двумя картами мѣстностей, упоминаемыхъ въ Св. Писаніи. Изданіе 9. 2) Священная Исторія Новаго Завѣта, составленная въ объемѣ гимназическаго курса. Съ 21 рисунками, двумя картами мѣстностей, упоминаемыхъ въ св. Писаніи. Изданіе 9. 3) Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ. Курсъ начальнаго народнаго училища и перваго класса городскихъ училищъ. Съ рисунками, картою и программою для испытанія отбывающихъ воинскую повинность съ льготою IV разряда. Изданіе 15-е исправленное. 4) Молитвы, заповѣди и символъ вѣры съ объясненіемъ. Изд. 7-е. 5) Ученіе о богослуженіи православной церкви, съ 80 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное. 6) Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви, составленное протоіереемъ церкви Маріинскаго Дворца Д. Соколовымъ въ объемѣ городскихъ

Библиотека "Руниверс"

училищъ. Изд. 2-е исправленное, съ рисунками въ текстѣ. 7) Исторія греческихъ героевъ, разсказанная Нибуромъ своему сыну. Перевелъ М. Т. Марсовскій. —

О книгѣ: „Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ. Е. Бѣлявскаго". Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. 45

О книгѣ: Сборникъ географическихъ вопросовъ и задачъ для возбужденія самодѣятельности учащихся. Составленъ преподавателемъ 1-й военной гимназіи А. Овсянниковымъ. —

О книгѣ: „Русская и церковно-славянская этимологія для среднихъ учебныхъ заведеній съ приложеніемъ: 1) ореографическаго указателя; 2) отрывковъ изъ евангелія по списку Остромирову и по новому тексту; 3) примѣчаній и вопросовъ, руководящихъ при этимологическомъ разборѣ этихъ отрывковъ. Составилъ Левъ Поливановъ. Изд. 5-е вновь переработанное и дополненное сближеніями съ этимологіей древнихъ языковъ.

О книгѣ: „Историческая хрестоматія по русской исторіи". Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичъ и В. А. Павловичъ. Ч. I. . . . . —

О книгѣ: „Recits, descriptions et dialogues gradués suivis de divers extraits des auteurs classiques en vers et en prose pour la traduction du français en russe, avec un vocabulaire methodique, par Jean Fleury, lecteur en langue fançaise à l'université de St.-Petersbourg. Nouvelle edition. —

О листкѣ: „Таблица объ употребленіи греческаго глагола по грамматикѣ г. Курціуса". Состав. О. Н. Фрейбергъ. —

О книгахъ подъ заглавіями: 1) „Братья-подобки и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка". А. Кочубинскаго. 2) „Собираніе растеній и составленіе гербарія. Практическія указанія для учениковъ реальныхъ училищъ и народныхъ школъ". А. Д. Корицкаго. 3) „Начальныя основанія физики". Руководство для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій, съ вопросами и задачами. Составилъ А. Малининъ. 4) „Историческій очеркъ русской литературы отъ Петра I до смерти Гоголя" (для учащихся). Составилъ Бураковскій, преподаватель Новгородскаго реальнаго училища. 5) „Метафразы" для обратнаго перевода съ русскаго языка на греческій четырехъ книгъ Анабазиса Ксенофонта. Для IV и V классовъ гимназій. Сост. Э.

Библиотека "Руниверс"

Черный 6) „Начальная геометрія и коническія сѣченія. Сост. Ф. Симашко. Изд. 5-е дополненное. 46

О книгѣ: „Руководство геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ" для уѣздныхъ и городскихъ училищъ. Сост. А. Малининъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное

О картинахъ изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, 2-е исправленное и дополненное изданіе по оригиналамъ, изданнымъ заведеніемъ метахромотипіи, подъ фирмою Ракочій Сидорскій и К°. —

О книгахъ подъ заглавіями: 1) „Cours gradué de la langue française" à l'usage des classes moyennes et superieures des gymnases et des écoles, en quatre parties, par Aimé Guill Kercoff 2-e edition. 2) „Императоръ Александръ I и его царствованіе". Соч. И. А. Галактіонова. 3) „Руководство по всеобщей исторіи". Сост. Д. Иловайскій. Часть 1. Древній міръ. Древняя исторія. Курсъ старшаго возраста. Изд. 9-е пересмотрѣнное. 4) „Учебная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества". Сост. учитель Златопольской прогимназіи К. Крафтъ. 5) Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ для употребленія дома и въ училищахъ. Часть 1. Приготовительный курсъ. Выборъ статей для упражненія въ письмѣ, чтеніи и переводахъ съ нѣмецко-русскимъ словаремъ. Составилъ Л. Мюллеръ. Издан. 3-е исправленное. 5) „Практическій синтаксисъ" нѣмецкаго языка. Состав. Л. Мюллеръ. 6) „Славянскій ежегодникъ". Календарь 1876 г. (высокосный) годъ изданія первый. Составилъ Н. П. Задерацкій. 7) „Славянскій ежегодникъ". Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, 1877 г. Годъ изданія второй. Съ приложеніемъ нотъ славянскаго марша. Составилъ Николай Задерацкій. 8) „Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности". Сочиненіе доктора Я. Э. Воцеля. Переводъ съ Чешскаго Николая Задерацкаго. 10) „Пазелъ-Іосифъ Шафарикъ". Очерки изъ исторіи Чешской литературы XIX вѣка, по „Словнику научному" Николая Задерацкаго. 47

О книгѣ: „Исторія Еврейскаго народа: 1) Отъ сотворенія міра до возстановленія храма. 2) Отъ возстановленія храма до возстановленія Бархъ—Кахбы". Составилъ А. Маргольешъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе.. 48

Библиотека "Руниверс"

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

стран.

О книгѣ подъ заглавіемъ: „Курсъ черченія для начальныхъ народныхъ школъ, составленный по системѣ профессора Долешке съ приложеніемъ 42 таблицъ Ѳ. В. Савенко —

Журналъ „Сельское чтеніе“, С. Поля 17

О книгѣ: „Собраніе ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія“ Сост. А. Вороновымъ. Часть II (дроби и тройныя правила)..

Объ изданіи: „Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію“. Сост. Григорій Маринчъ.

О книгѣ: „Сборникъ численныхъ примѣровъ и ариѳметическихъ задачъ для приготовительнаго и систематическаго курса“. Сост. В. Евтушевскій. Ч. 1. Цѣлыя числа. Десятое, вновь передѣланное и значительно дополненное изданіе..

О книгѣ: „Обученіе грамотѣ“. Методическое руководство для учительскихъ семинарій, учителей начальныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. Изд. 2-е, вновь пересмотрѣнное, исправленное и дополненное. 49

О книгѣ: „Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ. Состав. В. Евтушевскій. Изд. 2-е, исправленное и дополненное

Официальныя извѣщенія. 17 и 49

Всеподданнѣйшій адресъ членовъ Академіи Наукъ..

Открытіе училищъ 52

Объявленіе отъ Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія. 53

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Восточный вопросъ и Задунайская Славянщина. П. Кулиша 1

Марія Владиміровна и Магнусъ Датскій. Д. Цвѣтаева. 57

Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. А. Брикнера. 86

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Русско-Византійскіе отрывки. В. Васильевскаго. 128 и 181

Сказаніе о красавицѣ въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ. А. Веселовскаго 183

Исторія Болгаръ въ трудѣ К. О. Иречка. Макушева. 239

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Geschichte der Serben von ältesten Zeiten bis 1815 von Benjamin von Kollay, General-consul in Belgrad. Aus dem Ungarischen mit Zustimmung des Verfassers ins Deutsche übertragen von Professor I. Schwicker. Erster Band (Исторія Сербовъ съ древнѣйшихъ временъ до 1815 г. Веніамина фонъ-Калая, генеральнаго консула въ Бѣлградѣ. Переводъ съ мадьярскаго на нѣмецкій языкъ профессора И. Швикера т. I). Budapest, Wien und Leipzig. 1878. 297

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша педагогическая литература. П. Колумбуса. 1 и 12

Теорія словесности, какъ научный и учебный предметъ. И. Бѣлорусова. 13

Къ вопросу о преподаваніи математики. К. Мазинга. 25

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1877 годъ. 1

Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани 36

О государственныхъ экзаменахъ въ Германіи и Австріи. А. И. Георгіевскаго 83

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) Университеты 144 и 263

Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1876 и 1877 годы 165

Объ участіи городскихъ обществъ въ пожертвованіяхъ на дѣло образованія 190

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Письмо изъ Парижа. Л—ра. 284

Начальная дѣятельность Общества любителей древней письменности. 294

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Observationes rhetoricae in Demosthenem. Joannes Lunák. 91 и 133

О словѣ Epodus. Э. Верта 110

По поводу мнимаго вліянія размѣра на образованіе формъ Гомеровскаго языка. И. Мейера. 113

Этимологическое изслѣдованіе глаголовъ. Шенберга 151

О nihil aliud nisi у Цицерона. Э. Верта. 161

Отчетъ С.-Петербургскаго общества классической филологіи и педагогики за 1874—1877 годы. 163

БИБЛІОГРАФІЯ.

Андріанка (Andria) П. Теренція А. (P. Terentii A.). Изъ академическихъ чтеній по каѳедрѣ латинской словесности, читанныхъ заслуженнымъ профессоромъ Академіи Давидомъ Подгурскимъ. Р. Фохта 117

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Е. К. Шмида.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (20-го декабря 1877 года). Объ открытіи реальнаго училища въ гор. Елабугѣ, Вятской губерніи.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія объ открытіи реальнаго училища въ гор. Елабугѣ, Вятской губерніи, мнѣніемъ положилъ:

1) Предоставить министру народнаго просвѣщенія открыть въ гор. Елабугѣ, Вятской губерніи, шестиклассное реальное училище, съ отдѣленіями основнымъ и коммерческимъ въ двухъ высшихъ его классахъ, на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ 15-го мая 1872 года устава и штатовъ реальныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

2) На содержаніе упомянутаго училища, сверхъ обращаемыхъ на этотъ предметъ процентовъ, въ количествѣ 7,650 р. ежегодно, съ пожертвованнаго купцомъ Иваномъ Стахѣевымъ и другими частными лицами капитала въ 153,000 руб. и жертвуемыхъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ 1,500 руб. ежегодно, а также предоставляемаго городомъ помѣщенія, отпускать еще изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го іюля 1879 года, по пятнадцати тысячъ девятисотъ пятидесяти руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы въ 1879 г. была отпущена только половина этой суммы, по расчету съ 1-го іюля.

3) Всю сумму, причитающуюся на содержаніе Елабужскаго реальнаго училища, заносить, въ свое время, въ подлежащія подраздѣленія расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, а проценты съ пожертвованнаго частными лицами капитала и деньги,

Библиотека "Руниверс"

жертвуемыя мѣстнымъ городскимъ обществомъ, показывать, по доходной смѣтѣ того же министерства, пособіемъ государственному казначейству на содержаніе названнаго училища; и

4) Могущія быть отъ штатныхъ суммъ Елабужскаго реальнаго училища остатки раздѣлять на двѣ части: одну, соотвѣтствующую ассигнованію казны, передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначейство, а другую оставлять въ распоряженіи Елабужскаго городскаго общества, для употребленія, по его усмотрѣнію, на нужды училища.

Государь Императоръ, изложенное мнѣніе, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

2. (13-го января 1878 года). О присвоеніи Кронштадтской женской гимназіи наименованія „Александринской".

Попечительный совѣтъ Кронштадтской женской гимназіи постановилъ ходатайствовать о присвоеніи означенной гимназіи, въ честь Имени Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Александры Іосифовны, наименованія „Александринской".

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на приведеніе изложеннаго ходатайства въ исполненіе.

3. (13-го января 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ.

Начальство Московскаго учебнаго округа донесло министру народнаго просвѣщенія, что Ярославская городская дума, въ засѣданіи 2-го декабря 1877 г., постановила учредить при Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ въ Ярославлѣ одну стипендію въ 180 р. имени императора Александра I, въ воспоминаніе столѣтней годовщины со дня рожденія въ Бозѣ почившаго Монарха, каковая стипендія и обезпечена взносомъ на вѣчныя времена капитала въ двѣ тысячи восемьсотъ рублей.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше на сіе соизволилъ, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить Ярославскую городскую думу за означенное пожертвованіе.

4. (13-го января 1878 года). Объ учрежденіи стипендій при Казанскомъ университетѣ.

Оренбургскій генералъ-губернаторъ увѣдомилъ министра народ-

Библиотека "Руниверс"

наго просвѣщенія, что киргизскія общества Тургайской области, желая сохранить въ потомствѣ благодарное воспоминаніе о заботахъ и трудахъ его, генералъ-адъютанта Крыжановскаго, на пользу ввѣреннаго его попеченію киргизскаго населенія Тургайской области, пожертвовали капиталъ въ девятьнадцать тысячъ двѣсти руб., заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка 4-го внутренняго займа, на учрежденіе при Казанскомъ университетѣ трехъ стипендій его имени для бѣдныхъ студентовъ изъ киргизскихъ дѣтей Тургайской области, каковой капиталъ и переданъ въ правленіе Казанскаго университета.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Казанскомъ университетѣ, на счетъ процентовъ означеннаго капитала, трехъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіями генералъ-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго“; при этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей.

5. (13-го января 1878 года). О наименованіи 10-ти воспитанниковъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, содержимыхъ на средства сего заведенія, стипендіатами имени императора Александра I.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на наименованіе 10 воспитанниковъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, содержимыхъ на средства сего заведенія, стипендіатами имени въ Бозѣ почивающаго императора Александра I, съ тѣмъ, чтобы выборъ кандидатовъ на общихъ основаніяхъ былъ предоставленъ педагогическому совѣту института, а утвержденіе ихъ—начальству Варшавскаго учебнаго округа.

6. (6-го января 1878 года). О преобразованіи училища при Покровской общинѣ сестеръ милосердія въ женскую гимназію.

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, Высочайше повелѣть изволилъ:

1) Существующее при Покровской общинѣ сестеръ милосердія, въ С.-Петербургѣ, училище съ гимназическимъ курсомъ для приготовленія фельдшерицъ, передавъ въ вѣдѣніе министерства народнаго

Библиотека "Руниверс"

просвѣщенія, преобразовать въ женскую гимназію, на точномъ основаніи положенія о сихъ заведеніяхъ 24 мая 1870 года;

и 2) Отмѣнить, соотвѣтственно сему, въ уставѣ названной общины, Высочайше утвержденномъ 13 февраля 1876 года, всѣ тѣ параграфы, которые касаются названной гимназіи, а именно: §§ 108, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 118 и 122-й.

7 (13-го января 1878 года). О принятіи пожертвованій, сдѣланныхъ коллежскимъ совѣтникомъ А. Ф. Кушакевичемъ.

Коллежскій совѣтникъ А. Ф. Кушакевичъ (нынѣ умершій), уроженецъ гор. Нѣжина (Черниговской губерніи), представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія пятьдесятъ тысячъ рублей пятипроцентными банковыми билетами, ходатайствуя объ учрежденіи, на проценты съ этого капитала, на мѣстѣ его родины, въ названномъ городѣ, женской четырехклассной прогимназіи, на основаніи дѣйствующаго положенія о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія 24-го мая 1870 г., съ тѣмъ, чтобы названному заведенію было присвоено наименованіе „женской прогимназіи Пелагеи Ивановны Кушакевичъ", въ память покойной жены его, а племяннику П. Ф. Кушакевичу было предоставлено постоянное званіе предсѣдателя попечительнаго совѣта прогимназіи, съ переходомъ послѣ него таковаго званія къ старшему въ родѣ ихъ, Кушакевичей; кромѣ того, на случай удовлетворенія объясненнаго ходатайства, коллежскій совѣтникъ Кушакевичъ представилъ 500 р. на первоначальное обзаведеніе прогимназіи и сдѣлалъ распоряженіе о покупкѣ на его счетъ въ гор. Нѣжинѣ приличнаго для помѣщенія ея дома.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему о семъ докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ:

1) Разрѣшить министерству народнаго просвѣщенія принять предложенныя Кушакевичемъ пожертвованія на предметъ учрежденія въ гор. Нѣжинѣ женской прогимназіи на основаніи положенія 24-го мая 1870 года.

2) Присвоить означенному заведенію наименованіе „женской прогимназіи Пелагеи Ивановны Кушакевичъ";

и 3) Предоставить пожизненно племяннику жертвователя Павлу Федоровичу Кушакевичу, согласно § 14 приведеннаго положенія, званіе предсѣдателя попечительнаго совѣта Нѣжинской женской про-

Библиотека "Руниверс"

гимназіи, съ переходомъ затѣмъ сего званія къ старшему въ фамиліи Кушакевичей.

8. (13-го января 1878 года). Объ учрежденіи стипендіи имени князя А. П. Ширинскаго-Шихматова.

Въ память управленія Московскимъ учебнымъ округомъ бывшаго попечителя онаго, нынѣ товарища министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шихматова, собрано, по подпискѣ, исключительно частными учебными заведеніями гор. Москвы, 1526 руб., заключающихся нынѣ во временныхъ свидѣтельствахъ государственнаго банка, вполнѣ оплаченныхъ, на пятипроцентные билеты внутренняго восточнаго займа, съ цѣлію учрежденія стипендіи имени князя А. П. Ширинскаго-Шихматова въ одномъ изъ таковыхъ заведеній, по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на учрежденіе означенной стипендіи.

9. (13-го января 1878 года). О принятіи въ даръ отъ помѣщика Сназина двухъ десятинъ земли изъ родоваго его имѣнія.

Вслѣдствіе представленія попечителя Московскаго учебнаго округа, по ходатайству помѣщика Сназина о принятіи отъ него въ пользу двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ сельцѣ Владимірскомъ, Вышневолоцкаго уѣзда, Тверской губерніи, въ даръ, двухъ десятинъ земли изъ родоваго его имѣнія, съ укрѣпленіемъ жертвуемой земли за симъ училищемъ установленнымъ порядкомъ, министромъ народнаго просвѣщенія, было внесено въ комитетъ министровъ представленіе объ удовлетвореніи означеннаго ходатайства.

Нынѣ управляющій дѣлами комитета министровъ, выпискою изъ журналовъ, отъ 3-го и 17-го января сего года, сообщилъ, что комитетъ министровъ полагалъ: испросить на сіе, согласно съ представленіемъ министра народнаго просвѣщенія, Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Государь Императоръ на сіе Высочайше соизволилъ.

Библиотека "Руниверс"

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

26-го декабря 1877 года (№ 10). Производятся за отличіе: въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: окружной инспекторъ Виленскаго учебнаго округа Хрисанфъ Сольскій; директоры гимназій: С.-Петербургской шестой, Николай Максимовъ Казанской третьей, Дмитрій Островскій, Житомирской, Иванъ Сорокинъ, Виленской, Яковъ Балвановичъ, Екатеринбургской, Василій Соловьевъ и Таганрогской, Эдмундъ Рейтлингеръ; директоры реальныхъ училищъ: Саратовскаго, Петръ Мерцаловъ, Николаевскаго Александровскаго, Николай Ленцъ и Тамбовскаго, Василій Никитинъ; Начальники учебныхъ дирекцій: Плоцкой, Владиміръ Захаровъ и Холмской, Сергѣй Марковъ; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: Даніилъ Хвольсонъ и Орестъ Миллеръ, Московскаго, Федоръ Бредихинъ, Казанскаго: Николай Ковалевскій, Николай Осокинъ, Емельянъ Ламанскій, Адольфъ Осиповъ, Дерптскаго: Іоганъ Энгельманъ, Людвигъ Стида, Эрнстъ Бергманъ и Людвигъ Шварцъ, Новороссійскаго, Егоръ Сабининъ, Харьковскаго, Иванъ Щелковъ и Иванъ Зарубинъ и сверхштатный, Левъ Ценковскій; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Михаилъ Владиславлевъ, директоры народныхъ училищъ губерній: Вологодской, Николай Левицкій, Симбирской, Илья Ульяновъ и Пермской, Петръ Чоглоковъ; бывшій Почетный Попечитель Тульской гимназіи Антонъ Торопчаниновъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Эдмундъ Вреденъ; коллежскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Дмитрій Котелевскій и надворный совѣтникъ, инспекторъ студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета Михаилъ Серно-Соловьевичъ.

Въ статскіе совѣтники: коллежскіе совѣтники: библіотекарь Императорскаго С.-Петербургскаго университета Петръ Лерхъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Иванъ Ефремовскій, исправляющій должность инспектора Варшавской IV мужской гимназіи, учитель сей гимназіи Владиміръ Ильинъ, уволенный отъ службы, бывшій заслуженный преподаватель Варшавской V мужской гимназіи Казиміръ Поллевичъ, штатный учитель Варшавской II женской гимназіи, завѣдывающій тою же гимназіею

Библиотека "Руниверс"

Владиміръ Биллевичъ; надворные совѣтники: учитель Плоцкой мужской гимназіи Оскаръ Шульцъ, учитель Варшавскаго реальнаго училища Осипъ Верига, штатный учитель наукъ Вымыслинской учительской семинаріи Урбанъ Стецевичъ; коллежскій ассесоръ, учитель Варшавской I мужской гимназіи Калистратъ Янцевичъ; коллежскій секретарь, директоръ Калишской мужской гимназіи Александръ Савицкій; неимѣющіе чиновъ: директоръ Люблинской мужской гимназіи Николай Сѣнгалевичъ, директоръ Маріампольской мужской гимназіи Адріанъ Абрамовичъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Игнатій Барановскій, библіотекарь Императорскаго Варшавскаго университета и доцентъ сего же университета Николай Барсовъ, учитель и исправляющій должность инспектора Варшавскаго реальнаго училища Леонтій Вербицкій, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Болеславъ-Германъ Фудаковскій, учитель Варшавской 1-й женской гимназіи Максимъ Свидерскій, учитель Варшавской 1-й мужской гимназіи Алексѣй Жировъ, учитель Сувалкской мужской гимназіи Конрадъ Гонсеровскій, учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Рудольфъ Грофе, учитель Варшавскаго реальнаго училища Людовикъ Богуцкій и помощникъ директора Варшавской ветеринарной школы Францъ Коверовскій.

Въ коллежскіе совѣтники: коллежскій секретарь, лекторъ русскаго языка Императорскаго Варшавскаго университета Николай Бергъ; неимѣющіе чиновъ: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета и врачъ Варшавскихъ VI мужской и III женской гимназій Людовикъ Нейгебауеръ, лекторъ нѣмецкаго языка Императорскаго Варшавскаго университета Іосифъ Пржиборовскій и учитель Сувалкской мужской гимназіи Казиміръ Вишницкій; изъ нихъ со старшинствомъ: Бергъ съ 1-го августа 1875 года, Нейгебауеръ съ 1-го сентября 1877 года, Пржиборовскій съ 20-го марта 1874 года и Вишницкій съ 7-го октября 1873 года.

Въ титулярные совѣтники: неимѣющій чина, помощникъ классныхъ наставниковъ Сандомирской мужской прогимназіи Дмитрій Моссаковскій, со старшинствомъ съ 19-го іюля 1876 года.

30-го декабря 1877 года (№ 11). Производится: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, главный докторъ евангелической военной больницы, статскій совѣтникъ Эдуардъ Валь— въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ 14-го ноября 1877 года,

Библиотека "Руниверс"

за поданіе помощи раненымъ на поляхъ битвъ и въ госпиталяхъ (Высоч. пов. 14-го ноября 1877 года).

Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Питра—вновь ректоромъ сего университета, по 10-е февраля 1881 года.

Членъ общаго присутствія Хозяйственнаго управленія при святѣйшемъ сунодѣ, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ Муромцевъ — почетнымъ попечителемъ Зарайскаго реальнаго училища на три года, съ увольненіемъ отъ настоящей должности.

Инженеръ-поручикъ Безпальчевъ—почетнымъ попечителемъ Роменскаго реальнаго училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: прозектору Дерптскаго ветеринарнаго института, надворному совѣтнику Земмеру—на два мѣсяца.

Кандидату Императорскаго С.-Петербургаго университета Позднѣеву—по 1-е января 1879 года.

Командируются за границу съ ученою цѣлію: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, докторъ медицины, коллежскій ассесоръ Добронравовъ—на одинъ годъ.

Доктора медицины Императорскихъ университетовъ: Св. Владиміра, Сотничевскій и Харьковскаго, Данилевскій, кандидаты Императорскаго Московскаго университета: Кулаковскій и Колоколовъ и лекторъ нѣмецкаго языка Императорскаго Казанскаго университета Колмачевскій—на два года.

Продолжается срокъ отпуска за границу: ординарному профессору Императорскаго университета Св. Владиміра, статскому совѣтнику Алексѣеву, по болѣзни, до шести мѣсяцевъ.

Зачитается въ командировку за границу: экстраординарному профессору Императорскаго Харьковскаго университета, коллежскому совѣтнику Лагермарку заграничный отпускъ съ 10-го августа по 11-е сентября 1877 года.

Объявляется Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе: членамъ бывшей коммисіи по пересмотру общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ 1813 года: тайнымъ совѣтникамъ: товарищу министра народнаго просвѣщенія, сенатору князю Ширинскому-Шихматову, члену совѣта министра народнаго просвѣщенія Воскресенскому, члену совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати Варадинову, директору Демидовскаго юри-

Библиотека "Руниверс"

дическаго лицея въ Ярославлѣ Капустину, бывшему ректору Императорскаго Московскаго университета Соловьеву, ректорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго, Осокину и Варшавскаго, Благовѣщенскому; дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: ректорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Бекетову и Харьковскаго, Питрѣ, бывшему ректору Императорскаго Новороссійскаго университета, ординарному профессору сего университета Леонтовичу, проректору Императорскаго университета Св. Владиміра Рахманинову и ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, Коссовичу и Казанскаго, Кремлеву— за труды ихъ по пересмотру означеннаго Устава.

Помощнику попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику Малиновскому — за отлично-усердную и ревностную службу.

13-го января 1878 года (№ 2). Производятся: почетный попечитель Ришельевской гимназіи, въ званіи камергера, коллежскій совѣтникъ графъ Михаилъ Толстой, за отличіе, въ статскіе совѣтники, съ 26-го декабря 1877 года, съ сохраненіемъ придворнаго званія Выс. пов. 26-го декабря 1877 г.).

Дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, Титулярный совѣтникъ князь Михаилъ Кантакузинъ графъ Сперанскій, за отличіе, въ надворные совѣтники, со старшинствомъ съ 21-го Февраля 1877 года, съ сохраненіемъ придворнаго званія (Выс. пов. 1-го января 1878 г.).

Состоящій при канцеляріи непремѣннаго секретаря Императорской Академіи наукъ потомственный почетный гражданинъ Василій Евдокимовъ— въ коллежскіе регистраторы.

Утверждаются на три года: Почетный смотритель Бендерскаго уѣзднаго училища, потомственный почетный гражданинъ Степанъ Рали—почетнымъ попечителемъ Одесской третьей гимназіи съ увольненіемъ отъ должности почетнаго смотрителя.

Дѣйствительный студентъ Императорскаго Новороссійскаго универ- Павелъ Ралли—почетнымъ попечителемъ Николаевскаго Александровскаго реальнаго училища.

Библиотека "Руниверс"

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по удостоенію комитета министровъ, вслѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 31 день декабря 1877 г., пожаловать воспитанника С.-Петербургской второй гимназіи, сына контръ-адмирала, Дмитрія Свѣшникова и ученниковъ Саратовской гимназіи VII-го класса, сына священника Леонида Беллярминова, сына священника Святослава Розанова и сына аптекаря Михаила Шмуккера. III-го класса, сына дворянина Алексѣя Козлова и сына доктора Сергѣя Ельчинскаго и IV-го класса: сына чиновника Александра Лебедева и Михаила Дроздова, серебряными медалями съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“ на Владимірской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (15-го декабря 1877 года). Положеніе о степендіи Дмитрія Дмитріевича Долбижова, учрежденной при Рижской Александровской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго рижскимъ гражданиномъ Дмитріемъ Долбижовымъ и состоящаго въ 7 облигаціяхъ восточнаго займа по 100 р. каждая, на 700 р., изъ 5% въ годъ, учреждается при Рижской Александровской гимназіи, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 12 декабря 1877 г. степендія Дмитрія Дмитріевича Долбижова.

§ 2. Означенная степендія, въ размѣрѣ 35 р. въ годъ, производится одному изъ бѣдныхъ и способныхъ учениковъ Рижской Александровской гимназіи, происходящему изъ Рижскаго русскаго купеческаго или мѣщанскаго сословій отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

§ 3. Право назначать степендіата изъ числа способныхъ учениковъ принадлежитъ педагогическому совѣту Рижской Александровской гимназіи.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія степендіи Дмитрія Дмитріе-

Библиотека "Руниверс"

вича Долбижова, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными въ видѣ стипендіи, обращаются въ пособіе стипендіату

§ 5. Означенный въ § 1 капиталъ въ 700 р., составляя неприкосновенную собственность Рижской Александровской гимназіи, хранится вмѣстѣ съ спеціальными суммами этой гимназіи въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

2. (15 декабря 1877 г.). Положеніе о стипендіи Любови Михайловны Широковой въ Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

1. На проценты съ капитала, на 800 руб., внесеннаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Николаемъ Николаевичемъ Широковымъ въ Астраханское реальное училище, учреждается съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 12-го декабря 1877 г., при названномъ училищѣ стипендія на вѣчныя времена, въ память умершей жены жертвователя Любови Михайловны Широковой.

2. Назначеніе стипендіата предоставляется потомственному почетному гражданину Николаю Николаевичу Широкову, и послѣ его смерти это право переходитъ къ Астраханскому городскому обществу.

3. Пользоваться стипендіей можетъ только ученикъ Астраханскаго реальнаго училища, каковой, по избраніи на стипендію, носитъ названіе стипендіата Широковой.

4. Проценты, въ 30 руб. ежегодно употребляются на взносъ за право ученія стипендіата, а на остальныя деньги педагогическій совѣтъ пріобрѣтаетъ стипендіату книги и учебныя пособія, могущія же за тѣмъ остаться свободными деньги, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, или выдаются на руки стипендіату въ видѣ пособія, или хранятся въ кассѣ и выдаются стипендіату по окончаніи имъ курса, или присоединяются къ основному капиталу, если впослѣдствіи, въ случаѣ увеличенія платы за право ученія, процентовъ съ основнаго капитала не будетъ достаточно для полнаго взноса платы за ученіе.

5. Капиталъ хранится неприкосновеннымъ въ спеціальныхъ средствахъ Астраханскаго реальнаго училища и на обязанности хозяйственнаго комитета училища лежитъ забота слѣдить за тѣмъ, чтобы капиталъ всегда состоялъ въ выгодныхъ, гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ и своевременно обмѣнивался на такія же другія бумаги.

6. Стипендіатъ увольняется изъ училища на общемъ основаніи и директоръ училища сообщаетъ тогда же кому слѣдуетъ о назначеніи другаго стипендіата.

Библиотека "Руниверс"

7. Объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата директоръ. въ опредѣленные сроки, увѣдомляетъ потомственнаго почетнаго гражданина Широкова.

3. (17-го декабря 1877 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ относительно призыва преподавателей къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей.

Имѣя въ виду заявленія нѣкоторыхъ попечителей учебныхъ округовъ о неблагопріятномъ вліяніи на учебное дѣло неравномѣрнаго призыва преподавателей къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, нужнымъ считаю, по соглашенію съ г. министромъ юстиціи, разъяснить, что неудобства, проистекающія для учебнаго дѣла отъ одновременаго призыва въ одну сессію нѣсколькихъ преподавателей къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей могли бы быть до извѣстной степени устраняемы по собственному ходатайству помянутыхъ выше лицъ, ибо, на основаніи 108 ст. учр. суд. уст., каждый, изъ внесенныхъ въ очередной или запасный списокъ засѣдателей, можетъ, съ объясненіемъ причинъ, просить о перенесеніи очереди его изъ одной четверти года въ другую предсѣдателя мѣстнаго окружнаго суда, отъ котораго и зависитъ удовлетвореніе этой просьбы. Независимо отъ сего въ тѣхъ случаяхъ, когда за отсутствіемъ уже нѣкоторыхъ преподавателей одного и того же учебнаго заведенія, вызванныхъ въ судъ, исполненіе ихъ обязанностей возлагается на остальныхъ преподавателей, неявка послѣднихъ въ качествѣ засѣдателей должна почитаться законною на основаніи п. 1 ст. 650 уст. уч. суд., коль скоро о возложеніи на нихъ особаго порученія по службѣ будетъ представлено суду свидѣтельство, выдача коего учителямъ гимназіи зависитъ отъ усмотрѣнія директоровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако статсъ-секретарь графъ Паленъ, вслѣдствіе сношенія моего по сему предмету, озабочиваясь устраненіемъ всякихъ, по возможности, дальнѣйшихъ затрудненій для лицъ учебнаго вѣдомства, въ случаѣ призыва ихъ къ исполненію упомянутыхъ выше обязанностей, а также имѣя въ виду, что, на основаніи 89 и 97 ст. учр. суд. уст., составленіе какъ общихъ, такъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, предоставлено временнымъ коммиссіямъ, назначаемымъ для сей цѣли ежегодно уѣздными земскими собраніями, а въ столицахъ соединенными засѣданіями общихъ городскихъ думъ и мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ соб-

Библиотека "Руниверс"

раній, обратился ко всѣмъ губернаторамъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ судебные уставы введены въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ, о принятіи зависящихъ мѣръ къ болѣе правильному призыву преподавателей къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей.

О вышеизложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ по ввѣренному вамъ учебному округу.

4. (9 января 1878 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о рекомендаціи для библіотекъ учебныхъ заведеній сочиненія г. Властова „Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества, какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ".

Издатель сочиненія подъ заглавіемъ: „Священная лѣтопись первыхъ временъ міра и человѣчества какъ путеводная нить при научныхъ изысканіяхъ. СПБ. 1875 г." томъ второй. Вторая и третья книги Моисеевы Исходъ и Левитъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Властовъ обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ пріобрѣтенію учебными заведеніями сего министерства означеннаго сочиненія, рекомендованнаго ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

Признавая весьма желательнымъ распространеніе означеннаго изданія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить названнымъ заведеніямъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа, не признаютъ ли они нужнымъ пріобрѣсти означенное сочиненіе для своихъ фундаментальныхъ библіотекъ.

V. ПРИКАЗЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

3-го декабря 1877 года. (№ 16). Утверждаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ зоологіи Ганинъ—ординарнымъ профессоромъ сего университета, по каѳедрѣ зоологіи, сравнительной анатоміи и систематики животныхъ, съ 1-го сентября 1877 года.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ чистой математики, коллежскій совѣтникъ Сонинъ—экстраординарнымъ

Библиотека "Руниверс"

профессоромъ сего университета по каѳедрѣ математики, съ 1-го сентября 1877 года.

Исправляющій должность директора Динабургскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Князевъ—въ сей должности.

Назначаются: инспекторъ Усть-Медвѣдицкой гимназіи Миротворцевъ—исправляющимъ должность директора сей гимназіи.

Управляющій свѣчными и мыловаренными заводами въ гор. Пинскѣ Фишеръ и Пинскій 1-й гильдіи купецъ Лурье—вновь членами попечительства Пинскаго реальнаго училища, на три года.

Дворянинъ Бурцевъ—членомъ попечительства Муромскаго реальнаго училища, на три года.

Опредѣляется: вычислитель Николаевской главной астрономической обсерваторіи, Дубяго—адъюнктъ-астрономомъ сей обсерваторіи.

Оставляется на службѣ: директоръ Харьковскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рубенко—по 1-е іюля 1878 года.

Увольняется въ отпускъ, въ Россіи: директоръ Глуховскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ Бѣлявскій—съ 22-го декабря 1877 года по 16-е января 1878 года, въ Смоленскую и Московскую губерніи.

За границу: исправляющій должность помощника классныхъ наставниковъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи Михельсонъ—на зимнее вакаціонное время $187^{7}/_{8}$ учебнаго года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Энгельманъ—за границу, на три недѣли.

Адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, надворный совѣтникъ Астенъ—на двадцать восемь дней.

Исправляющій должность почетнаго смотрителя Рогачевскаго уѣзднаго училища Верманъ—на три мѣсяца, по болѣзни.

Увольняются, согласно прошеніямъ: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, статскій совѣтникъ Молчановъ—отъ службы по сему министерству, съ освобожденіемъ отъ званія Члена особаго отдѣла упомянутаго комитета, съ 15-го октября 1877 года.

Членъ попечительства Муромскаго реальнаго училища Языковъ—отъ сего званія.

Объявляется признательность министерства народнаго

Библиотека "Руниверс"

просвѣщенія: Коломенскому купцу Степану Петрову—за пожертвованія его въ пользу Коломенской прогимназіи.

Исключаются изъ списковъ умершіе: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Гирштовтъ и помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Мартьяновъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

Книгу „Генрихъ Песталоцци, знаменитый швейцарскій педагогъ". Біографическій очеркъ, составленный и переведенный изъ нѣмецкихъ источниковъ Константиномъ Тимоѳеевымъ. Изд. 2-е С.-Пб. 1877 г.—рекомендовать какъ полезное сочиненіе для основныхъ библіотекъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Грамматическія правила нѣмецкаго языка, вытекающія изъ § 1—§ 89 учебника Керковіуса". Изд. 2-е вновь передѣланное. Составилъ Ю. Б. Стурцель. Москва. 1876 г.—рекомендовать какъ весьма полезное пособіе для низшихъ классовъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ принятъ учебникъ Керковіуса.

— Книги подъ заглавіями:

1) „Сборникъ матеріаловъ для устнаго и письменнаго перевода съ русскаго и латинскаго языковъ на греческій". Для четырехъ высшихъ классовъ гимназій. Составили Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ при 3-й Московской гимназіи и Н. Баталинъ, преподаватель русскаго языка при той же гимназіи. Часть 1. Синтаксическія фразы. Москва. 1876 г. Цѣна 75 коп.

2) „Русско-греческій словарь гимназическаго курса". Составилъ Э. Черный, преподаватель древнихъ языковъ при Московской 3-й гимназіи. Москва. 1877 г. Цѣна 2 р. 25 коп.,—одобрить какъ учебныя пособія для гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

3) „Таблица латинскихъ спряженій", составленная съ цѣлію облегченія ихъ изученія—Станиславомъ Гаргульскимъ. Варшава. 1877 г.

Библиотека "Руниверс"

Цѣна 20 коп., допустить какъ учебное пособіе для 1-го класса гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

4) „Планиметрія по системѣ Лежандра“ для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Сост. Карлъ Гехель. Перевелъ В. Шиховъ. Рига. 1869 г. Цѣна съ пересылкою 60 коп. и

5) „Стереометрія по Лежандру“ для употребленія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Сост. К. Гехель. Перевелъ В. Шиховъ. Рига. 1870 г. Цѣна въ переплетѣ 60 коп..—допустить въ основныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а равно въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Записки по методикѣ русскаго языка“, составленныя для учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и для учителей народныхъ школъ преподавателемъ Черниговской земской учительской семинаріи П. Н. Солониною. Отдѣлъ III. „Методика начальной грамматики“. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 75 к.—одобрить какъ учебникъ для учительскихъ семинарій и институтовъи для библіотекъ начальныхъ училищъ.

— „Новые оптическіе приборы“. Первая группа: графическое изображеніе пластинками посредствомъ особыхъ механизмовъ основныхъ явленій свѣта. Вторая группа: универсальная камера и приборы къ ней относящіеся. Съ атласомъ чертежей. Изобрѣлъ В. Л. Розенбергъ. С.-Пб. 1878 г.—одобрить какъ пособіе для преподаванія физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Животныя и ихъ жизнь“. Сборникъ статей по воологіи. (Аксаковъ, Бремъ, Бюффонъ, Вагнеръ, Гартвигъ, Ленцъ, фонъ-Лехнеръ, Лихтенштейнъ, К. Мюллеръ, Науманнъ, Одюбонъ, Ренгеръ, Рулье, Скоресби, Стеллеръ, Сѣверцовъ, Тэннентъ, Усовъ, Чуди и Шейтлинъ). Съ 11 картинами. Сост. А. Сопова. Москва. 1878 г. Цѣна 2 р. 85 к.—допустить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго Просвѣщенія, разсмотрѣвъ составленную Ѳ. В. Савенко книгу „Курсъ черченія для начальныхъ народныхъ школъ, составленный по систе-

Библиотека "Руниверс"

въ профессора Доленго со приложеніемъ 42 таблицъ. № 1867. Н. Б. 25 п. мѣсяцемъ своимъ утвержденіемъ г. товарищемъ министра, призналъ возможнымъ допустить названную книжку и таблицы въ библіотеки начальныхъ и городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ издаваемый подъ редакціею С. Поля журналъ «Сельское чтеніе» мѣсяцемъ сколь, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, призналъ возможнымъ одобрить названный журналъ для библіотекъ начальныхъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 13 день января сего года, Высочайше соизволилъ на постановку въ актовомъ залѣ Оренбургской татарской учительской школы портрета Оренбургскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго.

— Вслѣдствіе представленій попечителя Варшавскаго учебнаго округа отъ 8 и 15 ноября истекшаго года за №№ 7820 и 8354, г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніями отъ 26 того же ноября за №№ 12833 и 12834 утвердилъ, съ огражденіемъ неприкосновенности правъ третьихъ лицъ, значущіеся въ формально составленныхъ:

1) дарственномъ актѣ отъ 27 апрѣля (9 мая) 1877 г. вдовы Петронелли Бауманъ пожертвованіе обезпеченное на принадлежащей Бауманъ части дома въ Варшавѣ подъ № 795, и состоящее: а., изъ 2000 р. на стипендіи для бѣдныхъ учениковъ гимназій еврейскаго вѣроисповѣданія; б., процентовъ съ суммы 300 р., уплачиваемыхъ одинъ разъ въ три года бѣдному студенту филологическаго факультета Варшавскаго университета, еврейскаго вѣроисповѣданія, въ случаѣ же недостатка таковаго кандидата студенту физико-математическаго факультета или воспитаннику инаго высшаго учебнаго заведенія и

2.) Духовномъ завѣщаніи отъ 16—28 мая истекшаго года Матвѣя Лавриновича отказъ 400 р., въ ликвидаціонныхъ листахъ, въ пользу института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ Варшавѣ.

По донесеніямъ управляющаго Оренбургскимъ учебнымъ округомъ

1) Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1877 г. открыты русскіе классы при медрес-

Библиотека "Руниверс"

сихъ въ деревняхъ Старый-Думей, Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губерніи и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1877 г. въ г. Троицкѣ. Въ первый классъ поступило 5, а въ послѣдній 10 учениковъ и 2.) 15 сентября и 6 ноября 1877 г. открыты двѣ Черемисскія школы въ деревняхъ Тюльдяхъ и Кельтеѣ, Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи. Въ дни открытія въ первую школу поступило 15 учениковъ, а во вторую 10 учениковъ.

— 12 декабря 1877 г. послѣдовало открытіе двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селеніи Русскомъ Камышлырѣ, Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи. При открытіи сего училища поступило учениковъ: въ 1-й классъ 66 и во второй классъ 12-ть.

— 11 декабря 1877 г. послѣдовало открытіе двухкласснаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Камышевахъ, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, при 65 учащихся.

— 29 декабря 1877 года послѣдовало открытіе одноклассnаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Малыхъ—Кутищахъ, Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи.

14 ноября 1877 г. въ Корбангской волости, Кадниковскаго уѣзда Вологодской губ. открыто Корбангское двухклассное училище министерства народнаго просвѣщенія на соединенныя средства министерства, земства и мѣстнаго сельскаго общества. Въ день открытія сего училища принято въ оное 45 мальчиковъ.

Библиотека "Руниверс"

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ И ЗАДУНАЙСКАЯ СЛАВЯНЩИНА

передъ глазами московскаго царя Михаила Ѳеодоровича. 1626 [1]).

(Посвящается Ольгѣ Платоновнѣ М***.)

IX.

Между тѣмъ какъ подвластные Турціи христіане теряли вѣру въ могущество Московіи и въ стойкость православія, боровшагося съ уніей, сѣверная Славянщина продолжала древній свой споръ подъ знаменами русской народности съ одной стороны, и польской—съ другой. Въ то самое время, когда Болгарскій патріархъ Аѳанасій, воображая, что судьбы христіанства находятся въ рукахъ у Римскаго папы, готовъ былъ повѣрить ему не далекій уже, какъ ему казалось, отъ завоеванія Царьградъ, Московское царство, возставшее изъ своего упадка послѣднимъ напряженіемъ силъ своихъ, обновляло свое разшатанное строеніе съ быстротой безпримѣрной и своимъ свѣжимъ дыханіемъ оживило дѣятельность русскаго элемента въ землѣ Владиміра Мономаха. Возстановленіе православной митрополіи въ Кіевѣ было естественнымъ послѣдствіемъ возстановленія государственной силы въ Москвѣ, хотя отъ насъ и скрыти приготовительныя работы этого великаго дѣйствія. Скрыты отъ насъ и тѣ пути, которыми католическая политика овладѣла передовыми умами въ православномъ населеніи Турціи; но характеръ выслѣженныхъ исторіей явленій говоритъ о неизвѣстныхъ ей антецедентахъ. Православный Востокъ, подобно православному Сѣверу, въ своей исторической жизни, постоянно вырабатывалъ двѣ партіи: одна склоняла его къ уступкамъ преобладающей силѣ, какова бы ни была эта сила; другая крѣпко держа-

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

лась преданій церкви и народности въ самомъ бѣдственномъ, отчаянномъ, почти уже погибельномъ положеніи. Мы видимъ въ исторіи Сѣверной Руси дивное торжество этой партіи, постоянно животворившей народъ свой. Исторія Южной Руси представляетъ намъ еще болѣе дивное зрѣлище. Уничиженные и ничего незначащіе въ политическомъ мірѣ, иноки Аѳонской горы и созданныхъ подъ ихъ вліяніемъ Кіевскихъ обителей положили преграду распространенію папизма, который на Западѣ былъ остановленъ только гибелью непобѣдимыхъ армадъ и традиціонными дворцовыми политиками отъ края до края европейскаго материка. Западные политики, способные провидѣть государственные смуты еще въ правленіе богомольнаго сына Ивана Грознаго [1]), предупреждать развитіе здоровой философіи посредствомъ іезуитской педагогики и систематически развращать общество восточныхъ пуританъ продуктами псевдохристіанской культуры, не могло не предусматривать, что̀ можетъ произойдти въ расторгнутыхъ половинахъ русскаго міра отъ возгорѣвшейся искры народной самобытности. Ихъ безпокойство о нашей отособленной будущности сказывается намъ въ историческихъ явленіяхъ, которыя напоминаютъ намъ длинный рядъ попытокъ втянуть въ свою систему передовиковъ русской дѣятельности, начиная съ того важнаго момента, когда Кіевскій Владиміръ Святославичъ отвѣчалъ посламъ нѣмецкихъ католиковъ: „Идите обратно: отцы наши не принимали вѣры отъ папы“. Къ этому ряду не удавшихся, но съ удивительнымъ постоянствомъ возобновляемыхъ попытокъ мы причислимъ и неизвѣстное доселѣ путешествіе Болгарскаго патріарха Аѳанасія въ Кіевъ и за Пороги съ цѣлью поднять воинственное населеніе Кіевской земли на войну съ Турками [2]). Аѳанасій могъ предпринять это путешествіе, какъ предста-

---

[1]) Англійскій посланникъ Флетчеръ, проведшій въ Москвѣ около полугода, въ 1588 году, по возвращеніи въ Лондонъ, подалъ англійскому министерству донесеніе, въ которомъ предсказываетъ будущія происшествія въ Россіи по смерти царя Ѳедора Ивановича, на основаніи сдѣланныхъ имъ наблюденій.

[2]) О дѣятельности Аѳанасія Болгарскаго за предѣлами Русской земли мы знаемъ изъ документальной статьи *В. В. Макушева*: «Византійскій вопросъ въ XVI и XVII вѣкѣ» (*Спб. Сб.*, III). Со смертью героя, Осеуны, профессоръ Макушевъ теряетъ Аѳанасія изъ виду. Но Аѳанасій является передъ нами въ перепискѣ, возникшей между московскимъ центральнымъ управленіемъ и его чиновниками на окраинахъ государства по поводу пріѣзда въ Московское царство претендента на Цареградскій престолъ, Александра Ахіи. (Она напечатана въ I т. Матеріаловъ для Исторіи Восточн. Руси). На этой перепискѣ основано дальнѣйшее наше повѣствованіе.

Библиотека "Руниверс"

витель православныхъ подданныхъ Турецкаго султана, обращающихся къ братьямъ своимъ по вѣроисповѣданію съ мольбой о помощи. Но онъ слишкомъ долго былъ орудіемъ католическихъ видовъ на христіанскій Востокъ. Судя по пріемамъ его дѣятельности, онъ, должно быть, получилъ воспитаніе не отъ аѳонскихъ, а отъ римскихъ богослововъ. Въ этихъ пріемахъ онъ расходился, какъ и самые латинцы, съ кіевскими вождями православнаго движенія, которые вписывались въ церковныя братства съ готовностью „пролить и кровь свою", которые постановили себѣ правиломъ „приготовлять самихъ себя и сердца народа къ святому мученичеству", но никогда не являлись въ той роли, какую опредѣлилъ себѣ Аѳанасій Болгарскій. Ему нужно было только изгнать изъ Европы Турокъ, а передача Константинополя во власть латинцевъ не ужасала его, тогда какъ въ умахъ кіевскихъ руководителей народной совѣсти торжество надъ Агарянами было неразлучно съ возстановленіемъ на берегахъ Босфора царства православнаго. Не будучи отступникомъ религіознымъ, Аѳанасій Болгарскій былъ тѣмъ не менѣе отступникомъ политическимъ. Спасая своихъ единовѣрцевъ отъ ига мусульманъ, онъ былъ готовъ подчинить ихъ испытанному уже въ XIII вѣкѣ господству папистовъ [1]). Онъ домогался освобожденія православныхъ отъ деспотизма, который угнеталъ ихъ ради корысти средствами обыкновенными, и подчинялъ тому деспотизму, который производилъ свои грабежи съ помощью инквизиціи.

Къ воинамъ, находившимся, какъ слышно было въ католическихъ совѣтахъ, въ распоряженіи православныхъ архіереевъ, вели Аѳанасія

---

[1]) Напомнимъ читателю, какими ужасами сопровождалось основаніе Латинской имперіи на берегахъ Босфора. Когда крестоносцы вломились въ Царьградъ, ничто не было ими пощажено, ни цѣломудріе, ни лѣта, ни святость церквей и гробницъ. Одна изъ войсковыхъ проститутокъ поучала каѳедры Софіи. Нагруженные награбленною въ церквахъ добычею мулы срывали алтари текущею изъ ихъ ранъ кровью. Въ священныхъ сосудахъ крестоносцы варили свое любимое кушанье—позвоночныя части говядины съ бобами и лукомъ. Памятники, которыми Константинъ Великій и его преемники обогатили городъ, были разрушены или опустошены. Кромѣ драгоцѣнныхъ камней, металловъ и тканей, крестоносцы жадно накинулись на реликвіи, сопровождая грабежъ убійствами, и вскорѣ вся Западная Европа сдѣлалась рынкомъ продажи и перепродажи реликвій не только святыхъ, но и самого Іисуса Христа. Но всего позорнѣе для христіанства было то, что крестоносцы, окончивъ неслыханное разграбленіе и осквернѣніе христіанскихъ церквей, праздновали въ завоеванномъ Царьградѣ пасху съ самою церемоніальною набожностью.

Библиотека "Руниверс"

неборимымъ распространявшагося по южной Руси нашизма, и именно тотъ домъ, который изъ южной опоры православія сдѣлался злымъ редутомъ католичества, домъ князей Острожскихъ, былъ на Руси операціоннымъ базисомъ таинственной дѣятельности Болгарскаго патріарха. Въ городѣ Острогѣ Аѳанасій нашелъ такой пріемъ, что, заболѣвъ на обратномъ пути, испустилъ тамъ духъ, напутствуемый въ вѣчную жизнь, конечно, отступниками православія. Его внезапная смерть покрыла непроницаемою доселѣ тайною бесѣды его съ Іовомъ Ворецкимъ и товарищемъ Борецкаго по архіерейству, Іосифомъ Курцевичемъ, которого впослѣдствіи царь Михаилъ Ѳедоровичъ перевелъ въ Московское государство на Суздальскую архіепископію. Знаемъ только, что Запорожское войско не отказалось воевать подъ знаменемъ, выставленнымъ Аѳанасіемъ Болгарскимъ, и не отвергло денегъ, которыя получены имъ для найма казаковъ, само собою разумѣется, не изъ тѣхъ рукъ, которыя нуждались въ оружіи для возстанія противъ Турокъ, а изъ тѣхъ, которыми зажигались инквизиціонные костры.

Еслибы дѣятельность Болгарскаго патріарха въ Малороссіи была направлена только къ тому, чтобы туренкимъ христіанамъ возвратить ихъ независимость, еслибы католической политикѣ Запада не было дѣла до его путешествія въ „разсадникъ ядовитыхъ растеній и пастбище драконовъ", какъ называлась въ папскихъ буллахъ наша Кіевщина,—то она окончилась бы съ его смертію, какъ обыкновенно оканчиваются начинанія отдѣльныхъ лицъ или недолговѣчныхъ партій. Но глубокое и пространное море политической жизни народовъ появило передъ нами еще одного пловца, столь же подозрительнаго по своимъ рессурсамъ и по своимъ тайнымъ связямъ, какъ и неутомимый Болгаринъ.

Нѣкто, выдававшій себя за сына султана Магомета III и титуловавшійся султаномъ Ахіей или Александромъ Оттоманусомъ, проживалъ въ 1615—1616 годахъ въ Парижѣ на счетъ князя Неверскаго Константина, происходившаго по женской линіи отъ Палеологовъ. Тотъ и другой были питомцами дворовъ, заинтригованныхъ турецкими дѣлами; тотъ и другой заявляли свое право на Цареградскій престолъ: Александръ Оттоманусъ—какъ наслѣдникъ мусульманъ завоевателей, крещеный въ православную вѣру, а князь Неверскій—какъ потомокъ низвергнутой ими православной династіи, обращенный въ католичество. Первый расчитывалъ на сочувствіе къ нему мѣстнаго христіанскаго населенія, второй—на помощь католическихъ государей. Они, такимъ образомъ, стремились каждый своимъ путемъ къ овладѣнію

Библиотека "Руниверс"

однимъ и тѣмъ же престоломъ; и однакожь между ними, какъ видно, существовалъ какой-то компромиссъ: потому что потомокъ Палеологовъ платилъ долги Александра Оттомануса и снабжалъ его агентовъ паспортами и рекомендательными письмами. Изслѣдованіе сношеній обоихъ этихъ интригановъ съ европейскими дворами по документамъ, хранящимся въ италіанскихъ архивахъ, должно еще рельефнѣе опредѣлить характеръ тогдашней политики католическихъ правительствъ. Покамѣсть мы имѣемъ только возможность показать, какъ отнеслась не образованная Россія къ европейскому проходимцу, пользовавшемуся довѣріемъ во Франціи, Савойѣ, Флоренціи, Римѣ, Венеціи, и безъ сомнѣнія, обработанному, для особенной цѣли, тѣми же искусниками, которые создали, въ предшествовавшемъ поколѣніи, сына Ивана Грознаго.

Дорога, которою невѣдомые намъ дѣятели или случайности привели Александра Оттомануса сперва въ Малороссію, а потомъ въ Россію, оправдываетъ крайнюю осторожность, съ какою отнеслось къ нему правительство царя Михаила Ѳедоровича. Въ загадочныхъ поступкахъ этого проходимца, умѣвшаго держать себя вкрадчиво и въ толпѣ французскихъ, испанскихъ, австрійскихъ, италіанскихъ политиковъ, и въ кельѣ кіевскаго аскета, и среди запорожской вольницы, и въ бесѣдахъ съ довѣренными лицами Московскаго царя, болѣе нежели что-либо другое, обращаетъ на себя наше вниманіе то обстоятельство, что самозванецъ турецкій не могъ обойдтись безъ казаковъ такъ точно, какъ всѣ волошскіе и московскіе самозванцы,—такъ точно, какъ и агентъ римской политики, Аоанасій Болгарскій.

Нелюбовь казаковъ къ письменамъ скрыла отъ насъ біографическій элементъ ихъ исторіи; но общій характеръ казацкой военно-промышленной жизни напоминаетъ нынѣшнихъ азіатскихъ іезидовъ, которые считаютъ себя въ правѣ дѣлать все, что осуждается законами божескими и человѣческими. Онъ говоритъ намъ ясно, что руководителями запорожской вольницы были люди, поссорившіеся съ родными, сосѣдями, властями, а иногда и съ цѣлымъ краемъ. Эти люди отвергались міра гражданственныхъ отношеній, устраивали себѣ въ днѣпровскихъ трущобахъ родъ своеобразнаго скита и предавались въ немъ, если можно такъ выразиться, хищному, кровавому, безпощадному иночеству. Общій характеръ дѣяній Запорожца своимъ широкимъ нигилизмомъ объясняетъ намъ еще одну черту днѣпровскаго казачества, доселѣ не замѣченную исторіей, именно:—что въ которую бы сторону эта орда ни направила путь свой, къ Солиману ли

Библиотека "Руниверс"

Великобѣлому, или къ Ивану Грозному, къ Нѣмецкому ли императору, или къ Персидскому шаху,—всюду она шла нѣрвою ногой, точно по своимъ роднымъ пустынямъ. Причиной этого непонятнаго въ мужицкомъ, какъ обыкновенно думаютъ, скопищѣ запорожской вольницы были, очевидно, ихъ разноплеменность и отсутствіе въ ихъ средѣ единовѣрія. Недаромъ казаковъ называли весьма компетентные ихъ наблюдатели сбродомъ людей со всего свѣта. Недаромъ казаки съ одинаковою охотой нанимались воевать Нѣмцевъ и Русскихъ, Турокъ и православныхъ. Недаромъ сановники Московскаго царя говорили о нихъ, что это люди, не имѣющіе страха Божія, а сановники Польскаго короля твердили, что это народъ religionis nullius [1]). Въ казацкую вольницу принимались безразлично пришельцы всевозможныхъ вѣроученій, не исключая ни жидовъ, ни мусульманъ. По духу полной терпимости и ничѣмъ не связанной вольности казацкой, запорожское войско состояло изъ представителей различныхъ религій, племенъ и состояній. Всѣ они относились одинаково къ покинутому ими обществу, какъ его отверженцы, и въ какую бы сторону ни направила Днѣпровская орда походъ свой, всюду вели ее на добычу туземные мстители. Мы знаемъ, что бѣжавшіе къ Татарамъ и Туркамъ польскіе шляхтичи дѣлались ихъ проводниками на грабежъ и опустошеніе родныхъ мѣстностей. То же самое побужденіе заставляло и бѣжавшихъ въ казацкія куны указывать своимъ хищнымъ товарищамъ путь въ тѣ страны, гдѣ эти бѣглецы страдали такъ или иначе отъ богатыхъ и сильныхъ, и гдѣ всѣ зажиточные жители съ ихъ обстановкою были имъ хорошо извѣстны. Кто больше представлялъ ручательствъ легкости и безнаказанности набѣга, тотъ и увлекалъ казацкое товарищество въ свою родную сторону на добычу. Лица, являвшіяся въ казацкой средѣ представителями православныхъ, католическихъ, протестантскихъ, магометанскихъ, языческихъ народовъ и инородцевъ, были своего рода нитями, протянутыми по различнымъ радіусамъ изъ притона крайней вольницы въ притоны всякаго рода деспотизма, которымъ управлялся тогда весь христіанскій и магометанскій міръ. Въ этомъ отношеніи Запорожье представляло въ тогдашнемъ человѣчествѣ одну крайность, а римская курія—другую. Исторія московской самозванщины свидѣтельствуетъ, что если нужно было найдти людей безнравственныхъ и безбожныхъ для того, чтобы за-

[1]) Отзывъ православнаго Адама Киселя въ оффиціальномъ донесеніи о переговорахъ съ казаками.

Библиотека "Руниверс"

тѣять рѣзню и опустошеніе въ мирной странѣ во имя отчаяннаго обманщика, то за этимъ обращались или туда, гдѣ всего меньше, или туда, гдѣ всего больше говорили о нравственности и религіи. По совпаденію крайностей Запорожская Сѣчь и римскій конклавъ являлись недовѣдомыми, но заподозрѣнными исторіей дѣятелями одного и того же предпріятія, хотя паписты и казаки часто позорили другъ друга, одни—во имя своего наглаго присвоенія себѣ господства надъ человѣчествомъ, другіе—во имя дикаго отрицанія всякаго присуда, кромѣ своего казацкаго.

И для каждаго предпріятія, каково бы оно ни было, въ томъ числѣ и для войны за христіанскую вѣру, въ смѣшанной средѣ низовыхъ добычниковъ находились подходящія личности, понимавшія рыцарство и христіанство не лучше и не хуже воинственныхъ и христолюбивыхъ демагоговъ своего желѣзнаго вѣка. Но каково бы ни было предпріятіе, во всякомъ случаѣ дѣло, обсуждаемое въ маломъ кругу избранныхъ людей съ извѣстными прецедентами, рѣшалось окончательно бурными рядами низменно мыслившаго большинства, а общая рѣшимость полудикой массы зависѣла, вопервыхъ, отъ того, кто вызывался вести казаковъ на добычу, вовторыхъ, обладалъ ли онъ достаточными средствами для запомоги казацкой голоты, и втретьихъ, въ такой ли степени былъ безпомощенъ край, предназначенный для казацкихъ похожденій, чтобъ ожидаемая добыча досталась не слишкомъ дорогою цѣною. По своему разнообразному составу, по характеру отчужденія своего отъ гражданскихъ интересовъ христіанскаго общества, по отсутствію правилъ чести и долга, свойственныхъ корпораціямъ осѣдлымъ, запорожскіе казаки были именно такимъ гнѣздомъ, въ которое макіавеллевская и іезуитская политика могла класть свои змѣиныя яйца. Змѣеныши, предназначенные отравить жизнь цѣлому народу, высиживались казаками весьма скоро и охранялись весьма усердно.

Такъ было и съ Ахіей, котораго нравственное зачатіе покрыто такою же неизвѣстностью, какъ и зачатіе высиженнаго казаками для Москвы самозванца. Когда это новое порожденіе темныхъ силъ появилось въ Малороссіи, днѣпровское казачество находилось въ періодѣ широкаго развитія своего губительнаго промысла. Пожива въ раззоренной имъ православной Московіи растравила его еще больше, чѣмъ добычное гостеванье на Черномъ морѣ. Со временъ московской самозванщины число казакующихъ людей возросло ко временамъ Ахіи до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Этимъ людямъ, наконившимся

Библиотека "Руниверс"

въ чужеядное товарищество большею частью путемъ дурного воспитанія, пьянаго разгула и потомъ, удачнымъ грабежомъ и всякаго рода преступленій, не было возврата въ мирнымъ занятіямъ. Волей и неволей они искали „казацкаго хлѣба“ тамъ, гдѣ государственное управленіе переходило въ безначаліе, гдѣ промышленность и торговля оставались беззащитными, гдѣ собственность и жизнь гражданина зависѣли отъ произвола вооруженнаго пѣздника. Такою страною была для казаковъ имперія Габсбурговъ. Эта несчастная имперія еще со временъ Рудольфа II представляла широкое поприще для добыванія казацкаго хлѣба. И преемникъ Рудольфа, императоръ Матѳей, и преемникъ Матѳея, императоръ Фердинандъ II, постоянно нуждались въ наемныхъ казакахъ; начатая же Фердинандомъ II въ 1618 году безконечная религіозная война дала въ его владѣніяхъ опустошительному казацкому элементу, такъ сказать, право гражданства среди безпомощныхъ сельскихъ общинъ и бюргерскихъ муниципій. Бѣдствія, испытанныя мирными жителями Австріи отъ казацкихъ разбоевъ, заставили ихъ подать императору коллективную просьбу, въ родѣ той, съ какою черноморское купечество по поводу казацкихъ набѣговъ обратилось къ султану въ 1616 году [1]). Московія, Турція, Польша и Австрія поочередно давали казакамъ случаи зарабатывать ихъ добычный хлѣбъ. Мѣрой этихъ заработковъ, иначе—мѣрой умноженія казачества на счетъ одной или другой страны опредѣлялась государственная и общественная помощь каждой изъ нихъ. Въ эпоху слѣпаго фанатика папизма Фердинанда II, готоваго изъ преданности Риму превратить свою имперію въ безлюдную пустыню, Австрія для казаковъ была тѣмъ самымъ, чѣмъ была для нихъ Московія въ эпоху своихъ смутъ, и казаки терзали Австрійскія владѣнія подъ тѣми самыми видами своими, подъ какими проторили широкіе татарскіе шляхи по беззащитнымъ областямъ православнаго царства. Вопервыхъ, здѣсь были казаки лисовчики, называвшіеся такъ по имени шляхтича Лисовскаго, славнаго искусствомъ налетать на мирныя села и опустошать ихъ съ татарскою быстротою. Вовторыхъ, казаки днѣпровскіе, именовавшіеся въ послѣднее время казаками Сагайдачнаго, служили императору то отдѣльными дружинами, то въ составѣ казаковъ Лисовскаго, какъ отборные люди Запорожскаго войска. Далѣе, казаки донскіе, будучи участниками запорожскихъ набѣговъ съ незапамят-

[1]) Ист. Возс. Руси, II, 214. Просьба имперскихъ жителей напечатана въ *Theatrum Europaeum* подъ 1620 годомъ.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ временъ [1]), находили вмѣстѣ съ днѣпровцами казацкій хлѣбъ и въ Нѣмецкой имперіи. Наконецъ, независимо отъ казаковъ наемныхъ, соотвѣтствовавшихъ польскимъ реестровикамъ, такъ-называемые вольные казаки появлялись гайдамацкими купами въ тысячу, въ двѣ, въ три, въ четыре тысячи человѣкъ, то въ одной, то въ другой изъ имперскихъ областей, смотря по ихъ беззащитности. Имѣя своими проводниками туземныхъ бѣглецовъ, казаки проникали всюду, гдѣ пахло поживою, грабили предмѣстья самой Вѣны, и не довольствуясь повсемѣстнымъ бѣгствомъ жителей изъ своихъ домовъ, вислѣживали ихъ въ болотахъ и зарослях для того, чтобы вырывать щипцами куски тѣла у своихъ жертвъ или прожигать беременнымъ женщинамъ насквозь животъ [2]). Эти „неслыханныя" злодѣйства въ коллективной жалобѣ имперцевъ приписываются безразлично всѣмъ казакамъ, которые, по словамъ документа, своимъ звѣрствомъ превосходили даже ужасныхъ Валлонцевъ, воспитавшихъ въ себѣ страсть къ пролитію человѣческой крови, служа то одному, то другому государю своимъ истребительнымъ ремесломъ. Какъ въ эпоху московскаго разворенія, такъ и въ моменты хаотическаго состоянія имперіи Фердинанда II, не было возможности знать ни принадлежности казаковъ къ той или другой бандѣ, ни численности самихъ бандъ. Мудрено было также отличить казаковъ служилыхъ отъ такъ-называемаго охотнаго казацкаго войска, и именно потому, что служилые сваливали

---

[1]) Въ 1626 году, со словъ запорожскаго полковника Шафрана записано въ Москвѣ: «А повелось де у нихъ то съ донскими казаки изстари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣстѣ въ одних куренях» (Матер. для Ист. Возс. Русн, т. I, 230).

[2]) Казацкая тиранія была необходимымъ условіемъ крестьянской пролетаріи. Казаки не напрасно величались тѣмъ, что передъ ними дрожитъ весь свѣтъ, и даже въ украинскіе города вступали не иначе, какъ наводя страхъ на своихъ земляковъ. Вунтъ Желѣзняка и Гонты, по разказамъ очевидцевъ, характеризуетъ ихъ въ этомъ отношеніи. Гайдамаки, напримѣръ, въ Черкасахъ не позволяли даже смотрѣть на себя мирному жителю. «Такий буръ народъ шалений тыи запаци, що оце іде по улиці та вбачить у дворі человіка, то выне пистолетъ та й кричитъ: У хату, мурѣю, ато запалю!» То человікъ скилитця та підъ повітку» (Зап. о Южн. Руси, I, 252). Слѣдующая сцена дневнаго грабежа, произведеннаго соратниками Желѣзняка въ домѣ черкасскаго мѣщанина, показываетъ наслѣдственную кѣмецкую практику запугивать мирныхъ жителей для облегченія себя дѣла. «Анъ ось и йдутъ у хату два запаци, та одинъ на порозі въ пистолета—бацъ! Пані матка тамъ и затрусилась. А другий гайдамака каже: «О, вражій сыну, влякавъ молодицю! А ну, кажутъ, одчиняй, нѣче, комору»... (Тамъ же, 257).

Библиотека "Руниверс"

свои грабежи на гайдамацкія купы, а гайдамаки пользовались для своихъ переходовъ пребываніемъ въ Австріи казаковъ наемныхъ. Но отторгались ли казаки въ имперскія земли гайдамацкимъ способомъ, или пѣздились въ нихъ по праву своей службы, во всякомъ случаѣ они были настоящею отравою для мѣстной государственности и общественности.

Нельзя сказать, чтобы правительство Фердинанда II не сознавало страшнаго вреда, который терпѣли мирные жители отъ такихъ наемниковъ, какъ дикари Арденискихъ лѣсовъ — Валлонцы и дикари днѣпровскихъ пустынь — запорожскіе казаки. Но въ наемныхъ варварахъ, безчувственныхъ къ человѣческимъ бѣдствіямъ, оно видѣло противоядіе распространявшемуся по Европѣ протестантизму. Цалѣчить эту заразу католическаго міра было возможно, какъ это казалось, только огнемъ и желѣзомъ, и казаки были именно такимъ орудіемъ въ рукахъ энтузіастовъ истинной вѣры, въ какомъ нуждался религіозный фанатизмъ Фердинанда II. Конечно, при наймѣ казацкой орды, не принимались въ расчетъ бѣдствія мирныхъ жителей отъ волчьяго рысканья наемниковъ по беззащитнымъ убѣжищамъ земледѣлія, промысловъ, торговли, и не предвидѣлось, что эта орда привлечетъ по своимъ слѣдамъ хищныя орды казаковъ охочихъ. Не предвидѣлась также и невозможность уплачивать наемникамъ въ назначенные сроки жалованье. Но при тогдашнемъ, такъ—сказать хроническомъ разстройствѣ государственнаго хозяйства это случалось неизбѣжно; и служилые казаки, всякій разъ, когда не могли свалить свои разбои на казаковъ охочихъ, оправдывали себя недоплатою жалованья. Польша извѣстна намъ съ этой стороны ближе, а она была подобіемъ Австріи, быстро склонявшейся къ упадку со временъ зловредныхъ для всей Европы подвиговъ Карла V. Въ Польшѣ жолнеры въ такіе моменты, когда казна находилась у нихъ въ неоплатномъ долгу, обыкновенно занимали по непріятельски цѣлыя области и неистовствовали въ нихъ до тѣхъ поръ, пока правительство не собирало столько денегъ, чтобъ удовлетворить ихъ не выплаченнымъ жалованьемъ, или же—столько вооруженныхъ людей, чтобъ ихъ разбить, разогнать, а предводителей разбоя переказнить публичными казнями. Такого сорта жолнеры, или лучше сказать, ихъ вожаки, проигравъ свою игру въ качествѣ коронаго войска, вступали обыкновенно въ казацкія купы, какъ бы онѣ ни назывались, какими бы именами онѣ ни гордились, противъ какой бы націи онѣ ни воевали, а не то — бѣжали къ мусульманамъ и нерѣдко дѣлались, въ качествѣ мурзъ и башей,

Библиотека "Руниверс"

ужасомъ покинутаго отечества. Такого сорта жолнеры наполняли казацкія купы лисовщиковъ, запорожцевъ, донцовъ, и имъ болѣе, нежели которой-либо изъ составныхъ частей казачества, надобно приписать общій характеръ этой разрушительной корпораціи. Христіанѣйшій императоръ, получая отъ своихъ подданныхъ конфиденціи прошенія, не зналъ, бывало, что дѣлать съ наемными людоѣдами по окончаніи одной кампаніи противъ еретиковъ до начала другой. Выпроводить ихъ за предѣлы имперіи было нельзя по той причинѣ, что на пустой имперской казнѣ числилась казацкая недоимка. Содержать ихъ, какъ постоянное войско, также было невозможно, потому что и самая война противъ богоненавистныхъ отрицателей папы пріостанавливалась вслѣдствіе истощенія денежныхъ ресурсовъ государства. Оставалось терпѣть казацкіе грабежи и разбои, совершавшіеся подъ предлогомъ взысканія съ жителей натурою того, чего казна была не въ состояніи платить деньгами.

Въ такомъ именно положеніи находился Фердинандъ II въ 1625 году. Его осаждали просьбами, недалекими отъ угрозъ, ротмистры казаковъ Лисовскаго, польскіе баниты, лишенные чести за превышеніе всякой мѣры шляхетскаго своевольства, между тѣмъ какъ ихъ банды повторяли надъ Моравіей такія дѣла, за которыя польскихъ жолнеровъ сажали на колъ и четвертовали. Въ то самое время, когда кровавый узелъ отношеній христіанѣйшаго императора съ безчеловѣчнымъ казацкимъ сконищемъ затянулся, подобно узлу классическаго Гордія, появился уже не впервые при Вѣнскомъ дворѣ султанъ Ахія или Александръ Оттоманусъ и привезъ планъ поднятія Задунайской Славянщины и Греціи противъ Турокъ,—тотъ самый планъ, надъ которымъ работалъ въ пользу католиковъ Болгарскій патріархъ Аѳанасій. Появленію этого, давно ужъ извѣстнаго въ Европѣ, агитатора восточнаго вопроса обрадовались обѣ стороны, и въ особенности Фердинандъ II, которому представился весьма удобный случай освободиться отъ своихъ голодныхъ и необузданныхъ наемниковъ. Что касается до казаковъ Лисовскаго, то перспектива разоренія Турціи была для нихъ залогомъ будущности, которой угрожало возстановленіе въ имперіи Фердинанда нѣкотораго гражданскаго порядка. Для нихъ турецкій царевичъ Александръ Ахія былъ повтореніемъ Московскаго царевича Димитрія. Они поняли другъ друга съ первыхъ словъ, и дѣло самозваннаго султанича сдѣлалось дѣломъ казацкимъ.

Библиотека "Руниверс"

X.

Александръ Оттоманусъ отправился изъ Вѣны вмѣстѣ съ ротмистрами лисовчиковъ въ Моравію, для заключенія съ ними договора въ общемъ казацкомъ сборѣ. Но въ Моравіи между казаками, какъ это бывало у нихъ сплошь да рядомъ, сдѣлалась розня. Такъ-называемые худшіе люди, сосредоточивавшіе управленіе казацкими нетягами, опасались идти съ Ахіей въ Волгарію и Сербію, чтобы не столкнуться на пути съ Татарами. Это, конечно, былъ только предлогъ къ несогласію съ людьми лучшими, съ которыми и здѣсь какъ въ Украинѣ, голота постоянно соперничала, вызывая ихъ враждебными думами; но тѣмъ не менѣе нетяги-лисовчики уклонились отъ похода, оставили тайкомъ своихъ болѣе воинственныхъ товарищей и разбрелись по своимъ пристановищамъ. Только восемь тысячъ лучшихъ, хорошо вооруженныхъ лисовчиковъ пристали къ Ахіи. Но не они затруднялись вопросомъ: какъ пробраться на Балканскій полуостровъ? Надобно было миновать Венгрію, которую они опустошали отъ имени императора, а миновать Венгрію можно было не иначе, какъ обходомъ черезъ польскія владѣнія. Въ Польшу между тѣмъ запрещено было лисовчикамъ вступать подъ страхомъ казни. Здѣсь рыцари грабежа и разбоя были обезпечены банитами; здѣсь каждый могъ убить лисовчика и овладѣть его имуществомъ безнаказанно.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи помогло имъ то обстоятельство, что въ ихъ составѣ находились товарищи Запорожскаго войска. Одинъ изъ такихъ людей, принадлежавшихъ къ двумъ различнымъ вольницамъ, московскій эмигрантъ князь Иванъ Мосальскій, имѣлъ большія знакомства въ казацкой Украинѣ, куда судьба бросила его изъ-подъ Москвы послѣ разсѣянія тушинскаго сколища. Вмѣстѣ съ другими своими товарищами Запорожцами, Мосальскій заявилъ мысль, что Александръ Оттоманусъ, въ качествѣ православнаго царевича, можетъ расчитывать на готовность Запорожскаго войска воевать съ Турками. „Хотя запорожцы и мужики, но они люди воинскіе, и нарядъ у нихъ есть, и за греческую вѣру стоятъ они крѣпко“. Такъ говорили аристократическіе представители Запорожья въ кругу шляхетныхъ ротмистровъ и привели свою рѣчь къ тому, что если только запорожскіе казаки, по найму турецкаго царевича, двинутся кошемъ въ походъ, тогда лисовчикамъ нечего будетъ бояться Польши: вмѣстѣ съ Запорожцами „пойдутъ они черезъ Польшу, не боясь никого“ Мысль эту одобрили всѣ лучшіе люди между ка-

Библиотека "Руниверс"

замки Лжедмитрія. Рѣшено было войдти въ соглашеніе съ казаками Сагайдачнаго, именемъ котораго все еще продолжала называться днѣпровская вольница, и одно это рѣшеніе придало добычничьимъ ту смѣлость, которая передъ всякимъ казацкимъ походомъ склоняла на ихъ сторону людей анархіи и приводила въ оцѣпенѣніе людей порядка. Нѣсколько человѣкъ, не очень большихся панцирь, яко шляхтичи, принадлежавшіе къ обширной системѣ родства, значившей въ Польшѣ много, вызвались проводить Александра Оттомануса въ Кіевъ; другіе же отправились прямо на Запорожье для распространенія товарищей днѣпровской вольницы въ пользу предпріятія.

Во главѣ первыхъ стоялъ нѣкто панъ Вонсовичъ. Въ сопровожденіи пятидесяти человѣкъ другихъ лисовчиковъ, онъ благополучно проѣхалъ къ Любавину, гдѣ у него былъ подгородный домъ. Тамъ странствующіе рыцари повторили среди сосѣдней шляхты исторію отцовъ своихъ съ царевичемъ Димитріемъ во имя царевича Александра. На пирушкахъ, затѣваемыхъ веселымъ польскимъ обычаемъ въ честь дорогого гостя, они указывали предпріимчивымъ людямъ новое поприще добычи, съ которою въ тотъ грубый вѣкъ соединялась и слава. Ахія былъ въ Польскомъ королевствѣ не впервые. Проходя школу придворныхъ интригъ въ Германіи, Франціи, Италіи, онъ познакомился съ Поляками, воспитывавшимися, для высшаго положенія въ обществѣ, обыкновенно за границею, и въ самомъ Краковѣ имѣлъ пріятелей, принадлежавшихъ къ вліятельнымъ членамъ польской аристократіи. Года два тому назадъ, онъ гостилъ въ древней столицѣ Польши, и какъ видно, уже съ того времени среди Поляковъ пущена была въ ходъ мысль о возмущеніи турецкихъ христіанъ во имя крещенаго султанича. Коронный маршалокъ Вольскій, ланцкоронскій староста Жебридовскій и другіе знатные паны были не прочь заварить въ Турціи такую кашу, какую сошедшее со сцены поколѣніе расхлебало поплавать съ бѣдою въ Московіи. Даже королевичъ Владиславъ, съ которымъ Ахія познакомился при Вѣнскомъ дворѣ, и приближенные къ Владиславу люди, которымъ самимъ суждено было, на верху своей знатности, сдѣлаться жертвами казацкихъ похожденій, были болѣе или менѣе расположены принять участіе въ затѣѣ новаго казацкаго царевича.

Нельзя не замѣтить родственности политическаго происхожденія между подставнымъ сыномъ Іоанна IV и подставнымъ сыномъ Магомета III. Извилистые пути, которыми мыкровался Ахія по западной Европѣ, Польшѣ и Малороссіи, самою таинственностью своею пово-

Библиотека "Руниверс"

дать на подозрѣніе, что дѣйствіями этого человѣка управляла интрига, устроившая не менѣе таинственное появленіе и московскаго самозванца. Сквозь повѣствованіе самого Ахія о своихъ приключеніяхъ, оставшееся въ современныхъ письменахъ, видѣется мѣстами общій широкій планъ дѣйствій, въ который самъ турецкій царевичъ входитъ какъ дѣятель второстепенный. Такими же второстепенными дѣятелями, подобными инструментамъ, нужнымъ на нѣкоторое время, являлись и лисовчики, соединенные узами товарищества съ казаками днѣпровскими. Что касается собственно до днѣпровскаго казачества, то мужики-Запорожцы были всегда слѣпымъ орудіемъ пановъ-Запорожцевъ, такихъ, какимъ былъ въ настоящемъ случаѣ князь Мосальскій, лишь только эти паны раздобывали имъ на подъемъ денегъ и указывали въ перспективѣ похода неистощимую добычу. Перспектива повторенія надъ Турціей московскаго разворенія вовлечены были въ католическую политику и тѣ казаки, которыхъ исторія знаетъ подъ именемъ Поляковъ, и тѣ, которымъ она до сихъ поръ приписываетъ защиту русскаго православія и русской народности въ землѣ Владиміра Мономаха. Но дѣло тѣмъ не кончилось. Посредствомъ днѣпровскихъ казаковъ, какъ видно по всему, предполагалось втянуть въ турецкую войну всю Польшу, а посредствомъ донскихъ, находившихся въ тѣсномъ общеніи съ днѣпровскими, и самую Московію.

Въ эпоху царевича Александра Ахія, равно какъ и въ эпоху царевича Димитрія Ивановича, Польшу представляли люди, имѣвшіе общія шляхетскія права, но не имѣвшіе ничего общаго въ понятіяхъ о государственности. Какъ во время оно во главѣ честныхъ, мыслившихъ трезво людей стоялъ охолопленный Русинъ Янъ Замойскій, такъ и теперь все честное и здравомыслящее группировалось вокругъ такого же Русина Конецпольскаго. Какъ двадцать лѣтъ назадъ, люди безъ правилъ и безъ общественныхъ заслугъ подмыли все польское общество на войну, считавшуюся въ началѣ вѣроломствомъ, такъ, очевидно, расчитывали и теперь деракимъ нарушеніемъ только что заключеннаго съ Турціей мира увлечь всю Польшу въ азартную игру, которая, можно сказать, не прерывалась въ политической жизни Полякова со временъ Болеславовыхъ. Между тѣмъ какъ Конецпольскіе, которыхъ въ польскомъ обществѣ было всегда мало, преслѣдовали цѣли государственной цѣлости и внутренняго благосостоянія, Вишневичи, Вольскіе, Жебридовскіе, которыхъ въ немъ нарождалось безъ числа, дышали духомъ казачества, подобно Самуилу Зборовскому, и эти-то отчаянные эгоисты служили пропагандѣ повторенія москов-

Библиотека "Руниверс"

свой самозванщины на турецкой территоріи, будучи безсознательными орудіями людей, готовившихъ переходъ цѣлыхъ народовъ въ государствахъ для цѣлей католичества. Такимъ образомъ, помимо гражданъ своего отечества, занимицъ приведеніемъ въ порядокъ общественныхъ и частныхъ дѣлъ своихъ, какіе-то злые духи, равнодушные къ благополучію націй, возбуждали наѣздническія страсти на западѣ и на востокѣ Европы въ видахъ своей исключительной политики, политики ничѣмъ не ограниченнаго властвованія.

Если смотрѣть на турецкаго самозванца, какъ на воспроизведеніе московскаго, то его появленіе въ Кіевѣ и роль, которую онъ тамъ игралъ, нельзя считать импровизаціей самого пройдохи. Болгарскій патріархъ путешествовалъ въ Кіевъ, за Пороги и обратно до города Острога не въ одиночку. Ему не суждено было вернуться въ невѣдомое для насъ гнѣздо римскихъ заговорщиковъ противъ христіанскаго міра; но спутники его, конечно, вернулись къ людямъ, съ которыми онъ выработалъ планъ овладѣнія Царьградомъ, или къ тѣмъ, отъ которыхъ получилъ ассигновку для найма Запорожцевъ. Всѣ данныя, необходимыя для Александра Ахіи въ Малороссіи, были, безъ сомнѣнія, собраны ими на мѣстѣ, и программа его поведенія въ Кіевѣ и за Порогами, вѣроятно, была начертана заблаговременно. Турецкою войной, какъ мы знаемъ, бредилъ московскій самозванецъ, сидя на престолѣ Ивана Грознаго: въ турецкую войну надобно было и теперь такъ или иначе впутать государство, надломленное недавно миновавшими смутами. И вотъ московскій эмигрантъ, князь Мосальскій, человѣкъ православный, но связанный единствомъ личныхъ интересовъ съ католиками, приступилъ къ началу новаго акта политической игры, прерванной небольшимъ антрактомъ.

Въ октябрѣ 1624 года онъ появился съ своимъ турецкимъ султаничемъ въ столицѣ казацкой Украины — Кіевѣ. Казаки въ этомъ году нѣсколько разъ побывали на морѣ. Флотилія ихъ увеличилась до 150 челновъ, чего до сихъ поръ никогда не бывало. Они сражались однажды нѣсколько дней съ ряду противъ турецкихъ большихъ галеръ и малыхъ ушкановъ на Днѣпровомъ устьѣ, отбросили ихъ въ море и невозбранно проникли не только въ Босфоръ, но и въ Золотой Рогъ, гдѣ разграбили цареградское предмѣстье, называвшееся Новымъ Селомъ [1]). Успѣхи казацкаго гостеванья на морѣ благопріят-

[1]) Изъ письма Іова Борецкаго къ Христофору Радивилу (Археогр. Сборн. VII, 82).

Библиотека "Руниверс"

отвозили видать Азіи; во время чѣмъ войдти съ письмами по сему поводу, надобно было запаститься благословеніемъ Кіевскаго митрополита, который долженъ былъ помочь ему испросить у Московскаго царя денежное пособіе для войны съ невѣрными и расположить въ его пользу всѣхъ Запорожскаго войска. Съ этою цѣлью князь Мосальскій побывалъ у Іова Борецкаго и таинственно сообщилъ ему о необычайной судьбѣ турецкаго царевича, которого мать, Гречанка Елена, будучи женою султана Магомета, исповѣдывала тайкомъ отъ него православную вѣру и вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и малолѣтнимъ сыномъ Ахіей бѣжала изъ Малой Азіи въ Морею, а тамъ крестила султанича чрезъ Солунскаго митрополита и при его посредствѣ воспитала incognito въ правилахъ восточнаго вѣроисповѣданія.

Въ тѣ времена не только въ Греціи, но и въ самой Россіи обновилась память о пророчествѣ философа Леона, отца Константина Багрянороднаго, что во дни царя Михаила прійдетъ отъ сѣвера воинственный народъ и освободитъ Грековъ отъ ихъ завоевателей. На этомъ пророчествѣ, записанномъ въ книгѣ Патрасскаго епископа Меѳодія, люди мечтательные строили планы разрушенія Турецкой имперіи, а люди хитрые основывали надежду вовлечь Московію въ турецкую войну. Іовъ Борецкій, съ своими почитателями, принадлежалъ къ первымъ, Александръ Отопинусъ съ своими соумышленниками—ко вторымъ. Изъ письменныхъ памятниковъ о его пребываніи въ Россіи намъ извѣстно, что пророчество о царѣ Михаилѣ носилъ онъ такъ-сказать за пазухой и при удобномъ случаѣ казалъ его весьма кстати передъ Россійскими людьми. По всей вѣроятности, оно было пущено въ дѣло и передъ Кіевскимъ митрополитомъ, который не былъ чуждъ ни простодушной вѣры своего вѣка въ подобныя предсказанія, ни племенной мечтательности, выработавшейся на русскомъ югѣ особеннымъ теченіемъ общественной жизни. Въ тогдашней схоластически ученой средѣ Іовъ Борецкій былъ такой же простодушный монахъ, какъ и другіе монастырскіе добряки. Относительно практической оцѣнки людей и явленій онъ уступалъ многимъ, стоявшимъ ниже его по книжной образованности и энергіи благочестія, въ томъ числѣ и такимъ политикамъ, какъ московскій эмигрантъ князь Мосальскій. Даже и послѣ разочарованія въ ученыхъ друзьяхъ своихъ, Смотрицкомъ и Саковичѣ, измѣнившихъ православію предательски, онъ все еще мѣрилъ человѣка кажущейся приверженности къ восточной церкви, не предполагая въ немъ двуличности. Бывалый и рѣчистый Мосальскій встрѣтилъ въ немъ глу-

Библиотека "Руниверс"

боясь внимания къ своему повѣствованію о судьбѣ турецкаго царевича, чудесно уцѣлѣвшаго среди многочисленныхъ опасностей и по видимому, предопредѣленнаго свыше для спасенія православной церкви на Востокѣ.

Борецкій пожелалъ видѣть Александра Оттомануса, бесѣдовалъ съ нимъ по латыни, по эллински, по гречески и призналъ въ этомъ проходимцѣ царственное происхожденіе по самой наружности его, въ которой многолѣтніе опыты жизни отразились, какъ ему казалось, глубокимъ смиреніемъ передъ таинственнымъ призваніемъ свыше. Александръ, проведя цѣлые годы безъ исповѣди и святаго причащенія, среди иновѣрныхъ народовъ, жаждалъ облегчить душу передъ столь достойнымъ исповѣдникомъ, какимъ былъ Кіевскій митрополитъ, и принять изъ его рукъ честное тѣло и честную кровь Христовы. Ничего не могло быть пріятнѣе для глубоко религіознаго Іова. Во время тогдашняго incognito въ Михайловскомъ Золотоверхомъ монастырѣ и совершенія обрядовъ православной церкви, искусный въ лицедѣйствѣ Оттоманусъ продѣлалъ все, чѣмъ долженъ былъ удостовѣрить своего исповѣдника въ царственномъ происхожденіи своемъ и въ христіанской рѣшимости пролить по крайней мѣрѣ кровь свою въ битвѣ съ невѣрными за святое православіе, если ему не суждено возстановить православную монархію на развалинахъ Оттоманской имперіи. Іовъ Борецкій заставилъ его произнести страшную, какъ судилъ онъ по себѣ, клятву передъ самымъ совершеніемъ св. таинства причащенія, и не сомнѣвался болѣе въ справедливости его повѣствованія о совершившемся надъ нимъ дивномъ промыслѣ Божіемъ. Борецкій вѣрилъ Александру Ахіѣ, что его мать бѣжала съ нимъ отъ своего мужа султана, боясь открытія исповѣдуемой ею въ тайнѣ христіанской вѣры. Онъ вѣрилъ, что вся католическая Европа съ радостью предоставила бы Александру Оттоманусу въ распоряженіе войска и флоты свои, еслибъ онъ только согласился на предложеніе папы — ввести латинскую вѣру въ возстановленную Греческую имперію. Онъ вѣрилъ, что Ахія скитальческую жизнь со всѣми ея опасностями предпочелъ царскому сану, который могъ бы купить отступничествомъ. Въ ловкомъ самозванцѣ онъ видѣлъ христіанскаго героя, готоваго на мученичество, къ которому и самъ приготовлялъ сердца преданной православію паствы своей. Съ наивною радостью внималъ онъ краснорѣчивымъ разсказамъ Ахіи о томъ, какъ убогія племена Задунайской Славянщины, ведущія независимую жизнь въ своихъ горахъ, провозгласили его своимъ царемъ, какъ онъ, на челѣ славянскихъ юнаковъ

Библиотека "Руниверс"

и Грековъ, торжествовалъ надъ турецкимъ войскомъ цѣлые годы, какія массы смѣлаго и боеваго народа готовы встать на Турокъ, лишь только онъ появится среди нихъ съ казаками, и какія субсидіи обѣщаны ему Флорентинскимъ великимъ герцогомъ, на сестрѣ котораго онъ обѣщалъ жениться по взятіи Царьграда, съ тѣмъ чтобъ она приняла православную вѣру. Все казалось возможнымъ для человѣка, который провелъ всю свою жизнь въ подвигахъ благочестія и совершалъ міръ войны и политики съ монашеской точки зрѣнія. Боренкій принялъ Ахію на свое попеченіе, снабдилъ его рекомендательными письмами къ казацкимъ вождямъ и отправилъ съ опытнымъ проводникомъ въ низовья Днѣпра.

XI.

На Низу были уже приготовлены къ прибытію султана Ахіи или Турецкаго царя, какъ начали величать Александра Оттомануса между собою казаки. Запорожскіе товарищи, промышлявшіе войною въ войскѣ лисовчиковъ, распустили благодрiятную молву о немъ по всѣмъ городкамъ, гдѣ жили собственно такъ-называемые Московскими людьми Черкасы, подъ которыми разумѣлись, должно быть, люди осѣдлые и собственно такъ-называемые казаки или бездомные бурлаки. Самый крайній пунктъ тогдашней городовой или заселенной Украины былъ приднѣпровскій городокъ Крыловъ. Въ этомъ городкѣ одинъ изъ казацкихъ вождей, по имени Чепракъ, принялъ странствующаго Турецкаго царя съ подобающею честью и пригласилъ для переговоровъ съ нимъ изъ Переяслава казацкихъ старшинъ Чечугу, Ксенжу, Бириляша. Запорожскіе казаки, находившіеся въ войскѣ лисовчиковъ, свидѣтельствовали въ казацкой радѣ, что видали Александра Оттомануса въ Нѣмецкой землѣ и знаютъ, что онъ дѣйствительно законный наслѣдникъ покойнаго султана Магомета. Такимъ образомъ турецкій самозванецъ очутился среди днѣпровскихъ казаковъ какъ бы дома. Безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій онъ признанъ былъ тѣмъ, за кого себя выдавалъ, и ему стали оказывать царскія почести.

Предложеніе идти съ нимъ въ его земли и воевать невѣрныхъ басурманъ казаки приняли съ радостью. Начался торгъ относительно жалованья. Запорожцы не могли не знать отъ своихъ товарищей-лисовчиковъ, что Ахія назначилъ лисовчикамъ по восьми ефимковъ жалованья въ мѣсяцъ, и однакожь согласились получать отъ него только по шести ефимковъ. Очевидно, они признавали себя низшею степенью казачества сравнительно съ казаками Лисовскаго, которые,

Библиотека "Руниверс"

судя по книгѣ Мосальскому, принимали въ свои купи только избранныхъ запорожскихъ товарищей.

Какъ разъ на ту пору, когда Ахія договаривался съ днѣпровскими казаками, появился за Порогами донской атаманъ Алексѣй, „молодецъ добръ“ (какъ сказано о немъ въ современной перепискѣ) съ тремя стами Донцовъ, только что вернувшихся изъ морскаго похода съ Запорожцами. Атаманъ Алексѣй и его казаки „дали слово свое на томъ“, чтобы служить Турецкому царю Александру „и биля съ нимъ по рукамъ“. Оставалось только двинуть массу искателей боеваго счастья въ Задунайскую Славянщину. Закипѣла бы тогда работа ловли рыбы въ мутной водѣ. Днѣпровцы, подъ предводительствомъ Ахіи, были бы за Дунаемъ представителями Польши, а Донцы—представителями Россіи. Отраженіе Османа II подъ Хотиномъ было разглашено польскими трубами по всей Европѣ, какъ „война, больше которой вѣкъ смертныхъ не видѣлъ, война, ужасающая числомъ войска и приготовленій, славная знаменитыми чудесами мужества, быстрыхъ дѣйствій и счастливаго окончанія, война, изумляющая вѣка и достойная того, чтобы въ отдаленнѣйшихъ концахъ земли, у самаго поздняго потомства, получала она хвалу и заняла знаменитѣйшія перья“ [1]). Только въ интимной перепискѣ сознавалась польская шляхта, что хлопы-казаки были розовымъ вѣнкомъ на головахъ хотинскихъ героевъ [2]); но у запорожскихъ казаковъ были свои трубачи, которые, какъ очевидцы, распространяли казацкую славу „по всѣхъ украинахъ“. Въ составѣ запорожскаго войска были и Волохи, и Болгары, и сербскіе гайдуки, и греческіе майлоты. Они, по свойству вѣчно мѣнявшейся днѣпровской корпораціи, растеклись по всей Задунайской Славянщинѣ и своими эпическими преувеличеніями казацкихъ подвиговъ подъ Хотиномъ не уступали польско-латинской прессѣ. Появленіе чубатыхъ рыцарей среди подготовленныхъ латинцами къ возстанію Славянъ и Грековъ могло бы не только произвести множество революціонныхъ вспышекъ, но сдѣлаться началомъ и такихъ событій, какими ознаменовано смутное время Московскаго государства. Но появленіе вмѣстѣ съ „чупрунами Запорожцами“ донскихъ бородачей, этихъ лонгобардовъ приазовской Туреччины, значило бы въ Задунайской Славянщинѣ еще болѣе. Они разыграли бы роль московскаго знамени, выставленнаго среди раздраженныхъ турецкими

[1]) Изъ книги *Якуба Собѣскаго*: Commentarius Belli Chótinensis.
[2]) Starozytnosci historyczne, przez *Ambr. Grabowskiego*, I, 107.

Библиотека "Руниверс"

грабежами христіанъ. Что касается до просвѣщенія, представлявшихъ намъ дѣятелями колонизаціи и католичества въ противность упорствовавшихъ въ вѣрѣ Славянъ между собою, то они большею частью были Люблинцы, Львовяне и другіе Русскіе люди, пристращавшіеся тогда вообще къ войнѣ больше коренныхъ Поляковъ, и заключали въ своемъ составѣ множество лютеранъ, кальвинистовъ, аріанъ и такихъ спеціалистовъ военнаго разбоя, которые по многу лѣтъ не ощущали потребности въ какомъ-либо общеніи съ духовными лицами, какъ служителями церкви и проповѣдниками ея внушеній [1]); поэтому могли сражаться подъ какимъ угодно знаменемъ, и подобно Запорожцамъ, являться попеременно врагами то православныхъ, то католиковъ, то протестантовъ.

Все, по видимому, сладилось для вѣчной славы казацкаго имени и для погибели Турокъ. Запорожское войско обѣщало выступить въ походъ зимою, чтобы перейдти черезъ рѣки, еще покрытыя льдомъ, а когда расцветитъ, тогда казацкая флотилія съ остальными запорожскими молодцами придетъ въ Болгарію Черными моремъ и Дунаемъ. Но въ то время, когда злой геній Польши, изъ-подъ полы у Римскаго папы, поднималъ за Порогами губителей всякой культуры, погашая въ нихъ и послѣднюю искру здраваго смысла, покупаемаго на счетъ ленты св. Петра сокомитомъ,—геній общественнаго благоденствія дѣлалъ послѣднія усилія спасти Рѣчь Посполитую отъ ея разбойнаго элемента, оградить миромъ юго-восточныя границы государства, превратить русскія окраины Польскаго королевства изъ неизмѣримыхъ пустынь въ неистощимую житницу Европы и вернуть шляхетскому народу то честное имя, которымъ онъ пользовался даже и въ Россіи до изобрѣтенія іезуитами московской самозванщины. Наслѣдникъ благородной политики Яна Замойскаго и Станислава Жолковскаго, коронный гетманъ Конецпольскій, взялъ на себя задачу обращенія казачества изъ вредоносной въ полезную для государства силу,—задачу, выполненіе которой спасло бы Рѣчь Посполитую отъ страшной руины, но которую было по силамъ выполнить только сосредоточенной въ царскомъ единовластіи Россіи. Во время казацкихъ сборовъ на Днѣпрѣ въ далекій путь подъ Валахны, въ Низовой Кошъ

[1]) Обращикъ подобнаго разновѣрія и совершеннаго забвенія о вѣрѣ представляло кварцяное войско, квартировавшее въ Кіевѣ въ 1635 году (Матер. для Ист. Возс. Р., т. I, 155).

Библиотека "Руниверс"

неожиданно прибылъ королевскій дворянинъ Пачковскій и объявилъ, что Польша заключила съ Турціей вѣчный миръ; что на сторону времени будетъ коронный гетманъ, и они бы готовились въ сборъ для составленія новой переписи, по которой казаковъ должно быть, согласно закону, только шесть тысячъ, а остальныхъ они должны сами изъ казацкаго реестра вычеркнуть. „Если же не“, говорилъ Пачковскій, — „пойдете полемъ и моремъ на Турецкаго султана или на Крымскаго хана, или не захотите сами выписываться, въ такомъ случаѣ коронному гетману повелѣно отъ короля всѣхъ васъ побить и поплѣнить“.

Услышавъ такую угрозу, казаки сильно встревожились. Они давно ждали отъ Конецпольскаго расширенія своихъ буйствъ въ городовыхъ городкахъ и панскихъ имѣніяхъ и пары за походы на Черное море, за нападеніе на Польшу турецкой войны, но никакъ не думали, что коронный гетманъ станетъ ихъ такъ строго и такъ рѣшительно реестровать. Увеличивая число свое всевозможными принольцами подъ шумъ такихъ событій, какъ московская и турецкая войны, казаки считали своимъ неотъемлемымъ правомъ то, что было только попущеніемъ со стороны сбиваемаго съ пути папскими и клерикальными фикціями правительства. Они сознавали свои заслуги передъ королемъ и Рѣчью Посполитой, и цѣнили по-казацки военные свои подвиги, забывали тотъ вредъ, который терпѣло отъ нихъ торговое, промышленное и земледѣльческое общество. Пошумѣвъ на своей радѣ въ видѣ совѣщанія, какъ имъ быть, казаки рѣшили было послать къ королю нѣсколько атамановъ съ просьбой — уважить ихъ войсковыя нужды, не посылать на нихъ коронное войска, не вводить въ немъ правительственной регуляціи. Но Пачковскій сказалъ имъ напрямикъ, что это ни къ чему не послужитъ: королевскій универсалъ, полученный коронимъ гетманомъ, ни въ какомъ случаѣ отмѣненъ не будетъ.

Рѣшительный тонъ королевскаго посла смутилъ казаковъ окончательно. Зимній походъ не состоялся. Семейнымъ казакамъ было страшно оставить въ Украинѣ свои жилища, женъ и дѣтей безъ обороны. Но молодые, бессемейные люди, которыхъ въ казацкомъ войскѣ было всегда множество, и по имени которыхъ все днѣпровское казачество называлось запорожскими молодцами, не хотѣли знать никакихъ оглядокъ. Это были, такъ-сказать, студенты казачества; ихъ и называли въ современной перепискѣ tirones, въ смыслѣ учениковъ ратнаго дѣ-

Библиотека "Руниверс"

ла [1]). Они принадлежали часто къ панскимъ домамъ, но по духу оппозиціи грубому режиму тогдашней общественной и семейной жизни, братались на Запорожьѣ съ бездомными бурлаками и всесвѣтными бродягами, которымъ все было ни по чемъ, и которые, въ своей щербатой казацкой долѣ, утѣшали себя пословицею: „Чи вирешъ, чи повиснешъ, разъ мати родила". Не слушая никакихъ увѣщаній, эти двѣ части Запорожскаго войска, составлявшія въ немъ большинство, съ первою весенней водой 1625 года пустились опять на море. Казаки „старые", то-есть, давнишняго казацкаго происхожденія, люди сравнительно богатые и степенные, или какъ говорилось тогда, поважные, остались дома въ положеніи несчастной насѣдки, подъ которую были подсыпаны утиныя яйца. Но и эти больше показывали видъ, что встревожены своею молодостью и голотою. Въ тайнѣ они надѣялись, что своевольная часть войска привезетъ съ моря богатую добычу, и эта добыча дастъ Запорожскому войску возможность подняться на войну съ Поляками, какъ назывались у казаковъ владѣльцы вотчинныхъ имѣній и королевщинъ въ русскихъ провинціяхъ Польши, которымъ они не давали ни хозяйничать, ни обезпечить себя миромъ отъ турецко-татарскихъ вторженій.

Казаки, говоря о нихъ вообще, были всегда народъ, сравнительно съ панами и мѣщанами, убогій. Убожество, порожденное ихъ отчужденіемъ отъ людей такъ-называемыхъ статочныхъ, было постояннымъ возбужденіемъ ихъ дѣятельности; а безпріютность и безпорядочность ихъ быта не давали имъ возможности обезпечить себя на долго даже и такою поживою, какую находили они въ запасливой Московщинѣ. Ахія это зналъ и прежде всего постарался навѣсить имъ уши золотомъ, наговорить имъ о громадныхъ суммахъ, которыя будто бы Флорентинскій герцогъ прислалъ къ нему въ Краковъ, гдѣ онѣ хранятся у его пріятелей-пановъ до востребованія. Масса золота на храненіи у краковскихъ пановъ была то же самое, что̀ кусокъ говядины на храненіи у голодныхъ собакъ. Такіе казаки, какъ Мосальскій, очень хорошо знали, состоя на службѣ у Фердинанда II, могъ ли его родственникъ, великій герцогъ Тосканскій, снабдить Ахію средствами для войны съ Турціей; но они имѣли въ виду грабежъ и скрывали отъ толпы безденежье Турецкаго царя. Имъ не впервые было предпринимать великія дѣла съ мизерными средствами. Они

[1]) Напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ Іова Борецкаго къ Христофору Радивилу.

Библиотека "Руниверс"

дѣйствовали по пословицѣ: „не на то казакъ пье, що е, а на те, що буде". Ахіи между тѣмъ вмѣсто Кризова, гдѣ всѣ паны сидѣли по уши въ долгахъ, какъ и самъ великій герцогъ Тосканскій, направятъ мысли свои на Москву, которая, въ противоположность Флоренціи, держалась правила: „не красна изба углами, красна пирогами". Возвратившись въ городовую Украину и свидѣвшись въ Трахтомировскомъ монастырѣ съ Іовомъ Борецкимъ, онъ безъ труда склонилъ добродушнаго митрополита посодѣйствовать ему къ испрошенію у Московскаго царя подмоги для войны съ Агарянами. Борецкій перевелъ съ греческаго составленную Ахіей записку и написалъ отъ себя письма къ царю и отцу его, Московскому патріарху Филарету Никитичу. Бумаги эти вмѣстѣ съ просительною грамотою самого „султана Ахіи Оттоиана, во святомъ крещеніи Александромъ нареченнаго", были отправлены въ Москву съ Маркомъ Македоняниномъ да съ запорожскимъ казакомъ Иваномъ Мартыновичемъ, который, какъ видно, зналъ, какъ пройдти безопасно до московскаго рубежа.

Но въ Москвѣ на Задунайскую Славяншину смотрѣли вовсе не съ той точки зрѣнія, съ какой выгодно было смотрѣть на нее съ береговъ Днѣпра, и самое спасеніе православныхъ жителей Турціи отъ власти невѣрныхъ представлялось тамъ иначе, чѣмъ въ стѣнахъ Трахтомировскаго монастыря. Увлеченіе блестящими мечтаніями, которымъ, очевидно, предался Іовъ Борецкій въ своемъ бѣдственномъ положеніи, было не свойственно московскому характеру. Только изъ уваженія къ Кіевскому митрополиту ходатайство его объ Александрѣ Ахіѣ не было отклонено. На грамоту же его, представленную Маркомъ Македоняниномъ, болѣе отвѣчали уклончиво и не удостоили ее отвѣтной царской грамоты, подъ тѣмъ предлогомъ, что она могла попасть въ руки польскихъ властей и повредить Александру въ его дѣлѣ. Допуская, однакожъ, возможность переворота въ Турціи и не желая вооружить противъ Россіи днѣпровское казачество, московскіе дипломаты вручили посланцамъ Ахіи на тысячу рублей соболей, лисицъ и золотыхъ бархатовъ.

Съ своей стороны Запорожское войско, предвидя бѣду отъ столкновенія съ панскимъ правительствомъ, въ которомъ король и коронный гетманъ были только исполнительною властью, отправило, при посредствѣ того же Іова Борецкаго, посольство къ царю Михаилу Ѳедоровичу, прося его взять всю Малороссію подъ свою крѣпкую руку, а они казаки готовы помогать ему въ этомъ дѣлѣ всѣми своими силами. Если жъ этого сдѣлать нельзя, то умоляли, въ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

наступленія на нихъ „Поляковъ“ позволитъ имъ перейдти вмѣстѣ съ православными архіереями въ Московское государство. Это посольство было руководимо архіепископомъ Іовомъ, епископомъ Исаіемъ Борисковичемъ, но имѣло успѣхъ не больше перваго. Государству Михаила Ѳедоровича всего нужнѣе былъ отдыхъ отъ минувшихъ войнъ, а принятіе казаковъ подъ царскую руку возобновило бы немедленно войну съ Польшею. Притомъ же казаки недавнимъ поведеніемъ своимъ передъ патріархомъ Ѳеофаномъ не нагнали въ умахъ москвичей тѣхъ впечатлѣній, которыя оставили въ нихъ казацкія похожденія съ 1604 по 1618 годъ, и которыя слишкомъ краснорѣчиво опредѣляли давнишнее понятіе московскихъ бояръ о необузданности и вѣролюбствѣ чубатыхъ рыцарей. Все-таки и казацкому посольству, на всякій случай, данъ былъ отвѣтъ не отталкивающій. Заявленную имъ рѣчникомъ, епископомъ Исаіемъ, мысль о присоединеніи Малой Россіи къ Великой боярe въ принципѣ одобрили, но сказали, что она еще въ жителяхъ Малороссіи не достаточно утвердилась, и отложили дѣло на неопредѣленное время.

Такимъ образомъ царство, въ которое казаки еще недавно вторгались, помогая Польшѣ, отказалось отворить передъ ними ворота свои, когда Польша задумала положить предѣлъ увеличенію казацкой силы на счетъ государственной. Напрасно казаки пытались уйдти подъ крѣпкую царскую руку отъ грозившаго имъ королевскаго меча. Надобно было встрѣтиться лицомъ къ лицу съ панами, которые долго собирались составить и наконецъ таки составили военносудную коммиссію для разбора жалобъ, поступавшихъ къ правительству на казаковъ со всѣхъ сторонъ. Осѣдлыхъ казаковъ утѣшала еще надежда, что морской походъ принесетъ имъ средства для снабженія одеждою, съѣстными припасами, горѣлкой и оружіемъ украинской голоты, которая готова была идти—и хаживала—противъ панскихъ ополченій даже съ однимъ кіями, если только было чѣмъ ее кормить и поить. Но въ этомъ году казакамъ не „нефортунило“, какъ въ прошломъ. Въ прошломъ году они проникли было въ Босфоръ, а изъ Босфора—въ Золотой Рогъ, мимо Ключа, мимо Черной Башни, мимо страшныхъ для всякаго другаго войска Стражницъ, въ Новое Село, и привезли домой богатую добычу [1]). Теперь Турки разбили ихъ въ двухъ мѣстахъ, и вѣтромъ потопило 22 или 23 челна. Казацкіе tirones вернулись въ Успеньевъ день на Запорожье, растерявъ по Черному

[1]) Археогр. Сб., VII, 82.

Библиотека "Руниверс"

[illegible] свои собственные [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] морскіе челны, погубивъ множество отваж-наго народа, издержавшись попусту на „добычную дорогу“ и очутясь въ неоплатныхъ долгахъ у Армянъ и Жидовъ.

А между тѣмъ слухи о панскихъ сборахъ на военносудную коммиссію приходили къ Запорожцамъ все въ болѣе и болѣе грозномъ видѣ. До сихъ поръ Запорожскіе казаки удерживали въ своихъ кошахъ и городкахъ именитаго гостя своего, въ надеждѣ запугать Конецпольскаго многочисленностью навербованной ими въ Украинѣ голоты. Теперь они должны были признаться передъ нимъ, что не ручаются въ казацкихъ жилищахъ за его безопасность. Они вручили ему проѣзжій листъ, заготовленный еще въ іюнѣ, когда безнадежность ихъ положенія смѣнялась надеждами, и отпустили въ Кіевъ, подъ охрану митрополита, самъ-пятъ.

Охранная грамота выдана была „вельможному его милости князю Александру, царю Турецкому“, отъ имени „Михайла Дорошенка (безъ всякаго титула) со всѣмъ войскомъ его королевской милости Запорожскимъ“. Въ ней атаманамъ и всѣмъ товарищамъ-казакамъ, гдѣ бы они ни проживали по городамъ и мѣстечкамъ, именемъ Запорожскаго войска, подъ лаской и сердитымъ караньемъ войсковымъ, повелѣвалось защищать его милость отъ всякаго насильства и самомалѣйшей кривды со стороны польскихъ пановъ, и воздавать ему такую честь, какая подобаетъ царскому сану. Грамота была подписана только войсковымъ писаремъ, съ приложеніемъ войсковой печати. Она, очевидно, представляла Запорожское войско въ томъ гегемоническомъ значеніи, коророе оно пыталось удержать за собою въ Украинѣ. Но вещи тамъ стояли иначе.

По выраженію современной переписки, Ахія прибѣжалъ къ митрополиту 17-го сентября. По его слѣдамъ гнались тревожныя для него вѣсти. Конецпольскій, пользуясь миромъ съ Турціей, энергически готовился къ борьбѣ съ Густавомъ-Адольфомъ, который, преобразовавъ шведскую армію въ пѣхотные полки, покорялъ въ сѣверозападной Литвѣ городъ за городомъ и не взялъ Вильны только потому, что въ ней свирѣпствовало моровое повѣтріе. Въ 1625 году Конецпольскій собралъ такія силы изъ боевой шляхты, изъ панскихъ почтовъ и наемныхъ Нѣмцевъ, какихъ Поляки не могли выставить и подъ Хотиномъ въ 1621 году. Чтобъ обезпечить польскій юговостокъ на время предстоящей кампаніи, необходимо было подавить казаковъ, этихъ чужеядниковъ, которые если не терзали сосѣднихъ

Библиотека "Руниверс"

народовъ, то вѣдались, какъ выражались паны, in viscera reipublicae [1]). Для подавленія казаковъ двинуто было въ Днѣпру 30.000 войска, состоявшаго преимущественно изъ нѣмецкихъ надворныхъ хоругвей, и 3.000 нѣмецкой пѣхоты. Передъ Покровомъ Пресвятыя Богородицы коронный гетманъ былъ уже подъ Бѣлою Церковію. Расположась потомъ въ Каневѣ и Черкасахъ, жолнеры, какъ это записано Москвичами,—„побили многихъ казаковъ и разорили ихъ казацкія мѣста". Отсюда приготовленное для похода на Шведовъ войско направилось внизъ по Днѣпру и стало „обозомъ" въ десяти верстахъ ниже Крылова, разграбивъ и сжегши этотъ казацкій городокъ. Такова была и такова только и могла быть въ Польшѣ военносудная комиссія. Свобода, преобладавшая въ этомъ оригинальномъ государствѣ надъ всѣми иными элементами гражданственной жизни, давала возможность каждому своевольному сборищу развиваться невозбранно до тѣхъ поръ, пока наконецъ оно дѣлалось для государства невыносимымъ. Тогда правительство собирало всѣ наличныя средства свои и сильнымъ ударомъ истребляло искоренившееся отъ панской безваботности зло. Такъ поступали Поляки со всѣми вредными конфедераціями своими; такъ поступали они и съ казаками.

Коронный гетманъ, окруженный представителями знатнѣйшихъ панскихъ домовъ, именно тѣми, которые владѣли родовыми имѣніями въ русскихъ провинціяхъ Польскаго государства, звалъ казаковъ передъ себя на Миносовскій судъ за все, что они сдѣлали противнаго интересамъ панской республики со смерти Сагайдачнаго. Другими словами: республика панская звала передъ своего диктатора республику казацкую. Или еще иначе: общество колонизаторовъ и сельскихъ хозяевъ „позывало", съ оружіемъ въ рукахъ, общество воинственныхъ номадовъ и пиратовъ. Но всего вѣрнѣе опредѣлимъ характеръ военносудной польской комиссіи въ настоящемъ случаѣ, если скажемъ, что это была экономическая травля волковъ посредствомъ голодныхъ, и какъ говорится по польски, заядлыхъ псовъ.

Передъ бѣгствомъ въ Кіевъ Ахія былъ свидѣтелемъ сильнаго колебанія между казаками, что имъ дѣлать, на что рѣшиться. Покориться велѣнію Польскаго короля, который, въ глазахъ казаковъ, былъ не что иное, какъ панскій попихачъ, это значило бы „топтать

[1]) Въ утробу Рѣчи Посполитой.

Библиотека "Руниверс"

подъ ноги свою казацкую славу", которую казаки „полемъ и моремъ у всего свѣта себѣ добыли", и которою они дорожили такъ точно, какъ и вонственная плата—своею. Но биться съ Ляхами,—какъ съ ними биться? Бѣдность и недостатокъ въ предметахъ первой необходимости сѣяли въ казацкомъ обществѣ случайное изобиліе очень быстро. Теперь они были бѣдны, хотя не далѣе, какъ въ прошломъ году совершили три весьма удачные морскіе похода и привезли изъ Золотаго Рога богатую добычу. Но съ другой стороны, какъ не биться съ Ляхами, которые разорили уже многія казацкія жилища и для острастки низовыхъ буйтуровъ забрали въ ихъ верхнихъ городкахъ множество казацкихъ женъ и дѣтей? Если такъ-называемые старые казаки, люди сравнительно зажиточные и уживчивые, уступятъ коронному гетману въ возникшемъ спорѣ за свободу дѣйствій безъ боя, то по удаленіи Поляковъ и Ляховъ (такъ постоянно называются казацкіе враги въ современной московской перепискѣ), развѣ ихъ собственные дома и они сами останутся цѣлы, имѣя противъ себя громадное большинство казацкой голоты? Надобно биться (рѣшили между собою казацкіе дуки),—биться во что бы то ни стало,—биться хотя бы для того, чтобы коронное войско поуменьшило завзятости въ казацкой молодежи, въ этихъ студентахъ казачества, которые всему войску сообщали юношескую пылкость свою, въ этихъ „необачныхъ" tirones, которые, по словамъ одного изъ казацкихъ наблюдателей, опечаливали всѣхъ „бачнѣйшихъ" [1]).

Отъ рѣшенія этого спора зависѣла теперь судьба Александра Оттомануса. Если восторжествуютъ казаки, панскія имѣнія будутъ ими ограблены, и казачество пріймет размѣры громадные. Если же возьмутъ верхъ землевладѣльцы, тогда Запорожское войско войдетъ въ опредѣленные закономъ размѣры, и вербовка въ Украинѣ казаковъ для похода въ Задунайскую Славянщину сдѣлается невозможною. Того мало,—самое пребываніе Ахіи въ Кіевской землѣ будетъ рискованнымъ. Правительственныя власти знали уже, что казаки затѣяли обычную въ ихъ ремеслѣ самозванщину. Отъ Конецпольскаго получено въ Кіевѣ предписаніе сыскать Александра Ахію и доставить къ нему, а по дорогамъ, ведущимъ въ Молдавію и Германію, какъ было слышно, всюду разставлены имъ рейтары, чтобъ изловить

[1]) Co wszitko (изъ Іовъ Борецкій Христофору Радзивилу о морскихъ походахъ 1624 года), ta wola, iako wszytkich baczniejszych trapi...

Библиотека "Руниверс"

казацкаго гостя. Дѣло въ томъ, что арестованіемъ Ахіи, кто бъ онъ ни былъ, устранялось вторженіе казацкой вольницы въ турецкія владѣнія. Если же Ахія въ самомъ дѣлѣ сынъ Магомета III и прямой наслѣдникъ Оттоманскаго престола, въ такомъ случаѣ имѣть его въ рукахъ—для Константинопольскаго значило много: Константинопольскій могъ бы тогда угрожать Туркамъ государственнымъ переворотомъ и требовать отъ нихъ какихъ угодно уступокъ. Все это хорошо понималъ Ахія. Онъ вернулся въ Кіевъ также таинственно, какъ прибылъ сюда съ княземъ Мосальскимъ, и митрополитъ спряталъ его въ Золотоверхомъ монастырѣ архистратига Михаила подъ монашескою рясою. Борецкій видѣлъ въ царевичѣ Александрѣ представителя интересовъ православія на Востокѣ и считалъ долгомъ христіанина спасти его отъ рукъ латинцевъ.

XII.

Казаково-хмѣлетская война 1625 года была третьимъ междоусобіемъ Русской земли, подвластной Польскому государству. Подъ этимъ именемъ значится она и въ современной московской перепискѣ. Положеніе Іова Борецкаго, какъ предводителя православной оппозиціи нѣмцу, искусно пропагандировавшему королевскою партію, было крайне затруднительно въ виду новаго казаково-хмѣлетскаго междоусобія, въ сравненіи съ которымъ два прежнія, при Косинскомъ и Наливайкѣ, казались только небольшими вспышками панскаго гнѣва и казацкой завязчивости. Съ одной стороны, Борецкій былъ огорченъ увеличивавшимся съ каждымъ годомъ совращеніемъ русскаго дворянства въ католичество или же въ протестантство, и даже на тѣхъ панахъ, которые оставались еще въ православіи, смотрѣлъ съ негодованіемъ за ихъ безучастіе къ положенію возстановленной въ Кіевѣ митрополіи; но съ другой—не могъ онъ сочувствовать и той завязчивости, съ которою казаки, друзья и родственники мѣщанъ, вступались иногда за неприкосновенность православныхъ церквей. Дѣйствуя въ этихъ случаяхъ обыкновенно спѣшно и сопровождая свою грубую защиту православія грабежемъ и убійствами, казаки не приносили тѣснимой напастями церкви никакой пользы, и напротивъ, тѣмъ давали королевской партіи предлогъ заподозривать русское духовенство въ кровавыхъ, несвойственныхъ ему агитаціяхъ. Въ этомъ отношеніи наступленіе польскаго войска на казаковъ сильно тревожило Борецкаго.

Имѣя передъ собою горизонтъ сравнительно широкій, не могъ онъ, подобно низшему духовенству, опасаться, что съ уменьшеніемъ

Библиотека "Руниверс"

числа казаковъ „Полякъ и Литвѣ станутъ ломать христіанскую вѣру въ Кіевѣ", то-есть, что монастыри и церкви отнимутъ они, по праву сильнаго, пожелаютъ. Борецкій зналъ, что паны-двоумцы и панисдиссиденты, имѣвшіе вліяніе законодательной власти, не допустятъ королевскую партію до подобнаго самоуправства. Онъ зналъ и то, что коронное войско, предводимое Конецпольскимъ, исполняло только единогласное постановленіе земскихъ пословъ на сеймѣ. Онъ зналъ, что безъ панскихъ почтовъ коронное войско составляло лишь небольшой отрядъ войска и „могло назваться скорѣе толпою, чѣмъ войскомъ" [1]; зналъ, что предводители панскихъ почтовъ принадлежали къ различнымъ противодѣйствующимъ вѣроисповѣданіямъ, и что самые почты или надворныя панскія хоругви навербованы почти исключительно въ русскихъ провинціяхъ Польши изъ людей православныхъ. Поэтому гласимое народною молвою, подъ казацкимъ вліяніемъ, наступленіе короннаго войска на „христіанскую вѣру" въ умѣ Борецкаго, дѣлалось еще невозможнѣе. Ему, сверхъ того, былъ извѣстенъ толерантный образъ мыслей Конецпольскаго, и притомъ Конецпольскій былъ первенствующимъ колонизаторомъ украинскихъ пустынь: а всѣ безъ исключенія колонизаторы пустынной Руси, въ закладываемыхъ ими осадахъ или слободахъ, прежде всего объявляли неприкосновенность православнаго исповѣданія, строили православныя церкви и старались расположить въ свою пользу приходскихъ священниковъ. На этомъ пунктѣ интересы украинскихъ землевладѣльцевъ, по большей части уже окатоличенныхъ, совпадали съ интересами православія. Паны были поставлены въ необходимость потакать мѣстному элементу въ его симпатіяхъ, склонностяхъ, обычаяхъ; и отсюда-то происходило развитіе въ Украинѣ свободныхъ отношеній низшихъ классовъ къ высшимъ, которыя поражали здѣсь заѣзжаго наблюдателя даже изъ такой мѣстности, какъ люблинская Холмщина.

Но зная, что предпринятый панами походъ на казаковъ отнюдь не угрожалъ цѣлости украинскихъ церквей и монастырей, зная, что онъ угомонитъ надолго казаковъ, не дававшихъ никому покоя въ Украинѣ, ни даже хозяйственнымъ черпецамъ.—Борецкій долженъ былъ помышлять съ горестью о панскомъ предпріятіи. Помимо „несноснаго своевольства" необычной молодежи и голоты, казаки, въ цѣломъ своемъ, были въ глазахъ Борецкаго „преславнымъ войскомъ Запорожскимъ", которое проливало кровь свою для спасенія рода хри-

[1]) Слова коронного гетмана.

Библиотека "Руниверс"

стіанскаго тому назадъ четыре года подъ Хотинomъ [1]). Наступившій по убіеніи Кунцевича, два года тому назадъ, терроръ со стороны фанатическихъ приверженцевъ королевской политики заставилъ его укрыться на нѣкоторое время „подъ крилѣ христолюбиваго воинства черкасскихъ молодцовъ", какъ писалъ онъ въ прошломъ году къ Московскому царю [2]). По памяти о Сагайдачномъ, котораго раскаянію онъ былъ обязанъ своимъ митрополичьимъ престоломъ, былъ онъ связанъ со многими приверженными къ Божію дому казацкими вождями. Не могъ онъ молиться о ниспосланіи побѣды тѣмъ, которые только что надѣли до нѣкотораго времени разсѣянную волками-уніатами паству его, но сами отверглись вѣры отцовъ своихъ, если жъ и исповѣдывали еще ее устами, то сердцемъ далеко отстояли отъ нея. Такъ долженъ былъ чувствовать и мыслить Борецкій, который на Польскую державу смотрѣлъ не иначе, какъ на Божіе попущеніе надъ православными [3]). Мысли его слишкомъ сильно были увлечены открывшеюся передъ нимъ перспективою грядущаго. Каковы бы ни были казаки по своимъ разбоямъ до появленія въ Кіевѣ Іерусалимскаго патріарха, но получивъ отъ него прощеніе въ слѣпомъ послѣдованіи иновѣрцамъ-Полякамъ, они искупили грѣхи свои головами и кровью на берегахъ Днѣстра. Господь раскаявшихся разбойниковъ благословилъ побѣдою надъ врагами христіанства, и нынѣ не онъ ли призываетъ ихъ къ новымъ очистительнымъ жертвамъ? Если казаки, избѣжавъ грозящей имъ вмѣстѣ съ царевичемъ Александромъ опасности, явятся за Дунаемъ воинами православія, если имъ суждено посадить поборника восточной церкви на престолѣ агарянскаго злочестія и безбожія,—развѣ не отпустятся имъ тогда всѣ грѣхи неразумія и слѣпоты ихъ, какъ отпущены были висѣвшему на крестѣ разбойнику? Не само ли Божественное Провидѣніе избрало отверженцевъ Русскихъ князей и пановъ, чтобы посрамить государственную мудрость надменныхъ и въ надменности своей совратившихся въ римскую и въ лютеранскую и въ кальвинскую и въ иныя ереси? Не повторится ли въ казакахъ и панахъ библейское сказаніе о Валаамовой ослицѣ, обличившей безуміе сѣдока своего? И не было ли варяжское

[1]) Совѣтованіе о Благочестіи.

[2]) Матер. для Ист. Возс. Р., т. I, 136.

[3]) «Понежѣ здѣ въ державѣ великаго короля Польскаго (писалъ Іовъ къ царю), государя Богомъ попущеннаго надъ нами, умножившейся злочестивой уніатской отъ апостатовъ церкве святоя восточноя ереси, яже поклонишась тому ему же никогда же отцы наши не поклонихуся», и т. д.

Библиотека "Руниверс"

преемникъ древнихъ Русичей въ Царьградѣ прообразованіемъ христіанскаго подвига потомковъ ихъ въ стѣнахъ агарянской столицы? Не есть ли царевичъ Александръ новый Олегъ или новый Святославъ Русичей православныхъ, и не наступило ли время исполненія пророчества премудраго отца Константина Багрянороднаго?

Предаваясь религіознымъ помысламъ, подогрѣтымъ лѣтописными сказаніями, Борецкій хранилъ своего гостя, яко зѣницу ока. Изъ-за него рисковалъ онъ самимъ собою, какъ человѣкъ, всегда готовый къ мученичеству за интересы православія. Съ своей стороны, облеченный въ одежду инока наслѣдникъ Цареградскаго престола умѣлъ держать себя съ такимъ тактомъ, что въ умѣ Кіевскаго митрополита не мелькнула и тѣнь сомнѣнія въ его царственномъ происхожденіи. Еще въ февралѣ писалъ онъ къ царю о султанѣ Ахіѣ, во святомъ крещеніи Александрѣ, что онъ, проведя пятьдесятъ дней въ совѣтованіи „съ благочестивымъ воинствомъ и вземъ отъ нихъ обѣщаніе помощи, взыде въ Черкасы и пребываетъ во смиреніи глубоцѣ, чая весенняго пролѣтія, еже бы совокупити православную силу къ имени Христовѣ“ Глубокимъ смиреніемъ въ виду предстоящаго ему великаго подвига очаровалъ Ахія набожнаго митрополита еще больше, чѣмъ своими разказами о томъ, какъ искушали его сперва Римскій папа съ своими кардиналами, а потомъ латинцы „кавалеріоны“, составившіе въ Ольмюнцѣ для похода въ Турцію громадный капиталъ и предлагавшіе ему честь и богатство вмѣсто влачимой имъ ради святого православія скитальческой жизни. Онъ безпрестанно повторялъ, что желаетъ по крайней мѣрѣ положить животъ свой за други своя, если ему не суждено сидѣть на престолѣ православныхъ императоровъ. О пребываніи своемъ въ Европѣ Ахія говорилъ осторожно и совершенно умалчивалъ о близкихъ отношеніяхъ своихъ къ окатоличенному потомку Палеологовъ; напротивъ того, представлялъ его постояннымъ врагомъ, который обманомъ и прельщеніемъ подкапывается подъ его царскія права въ Задунайской Славянщинѣ. Такъ точно уклонялся онъ и отъ бесѣды о Болгарскомъ патріархѣ, котораго, безъ сомнѣнія, зналъ хорошо.

Между тѣмъ какъ уединенная келья Іова Борецкаго сдѣлалась виталищемъ лицемѣрія и политико-религіозныхъ мечтаній, Кіевъ наполнялся множествомъ пріѣзжаго народа. Ограбленные казаками Жиды, обиженные ими Армяне, шляхта, державшаяся вдали отъ казачества и потому раззоряемая своими казакующими, то-есть, промотавшимися собратьями, все это съѣхалось въ Кіевъ искать у членовъ военно-

Библиотека "Руниверс"

судной комиссіи вознаграждены за убытки и вины за убійства побои и другія обиды. Даже православныя монастыри водили на казаковъ жалобы за основанные имъ на монастырскихъ земляхъ хутора. Среди этого народа шныряли тогдашніе сыщики, разсѣдавая, не въ Кіевѣ ли скрывается турецкій самозванецъ. На пріѣзжихъ Іовъ Борецкій не имѣлъ того вліянія, которому волею-неволею подчинялись мѣстные жители, зная привязанность къ нему Запорожскаго войска. Да и самое войско Запорожское потеряло теперь свое грозное значеніе съ прибытіемъ шляхетскихъ корутвей и нѣмецкихъ ротъ, сопровождаемыхъ артиллеріей, какой не видали еще въ Кіевѣ. Митрополитъ сталъ чувствовать крѣпкій гнетъ, которому онъ подвергался, держа въ толпѣ послушниковъ человѣка, столь опаснаго для спокойствія Рѣчи Посполитой. Онъ отправилъ Акію въ уединенную монастырскую слободу, подъ видомъ сборщика митрополичьихъ доходовъ съ крестьянъ, поселенныхъ на церковной землѣ. Слобода служила мѣстомъ воспитанія такъ-называемыхъ дѣтенышей или сиротъ, призрѣнныхъ милосердіемъ Іова и предназначаемыхъ имъ для разныхъ духовныхъ должностей. Проживая среди этихъ дѣтенышей да темныхъ папарей въ образѣ инока, искатель Царьградскаго престола со страхомъ и надеждою прислушивался къ вѣстямъ, которыя приходили съ низоваго Днѣпра, гдѣ на урочищѣ Медвѣжьи Лозы, у стараго городища Кремянчука, рѣшался вопросъ о его царственности.

Онѣ были печальны, эти вѣсти. Что дѣлали казаки надъ шляхетскими имѣніями, то съ лихвою выдѣлывала теперь шляхта надъ казацкими дворами. Вооруженная защита домашнихъ очаговъ и тѣхъ угодій, которыя казаки привыкли считать своими по праву свободнаго займа, поощряла еще больше жолнеровъ къ насиліямъ, оправдывая жестокости ихъ даже въ глазахъ умѣренныхъ и осторожныхъ предводителей. Наемные Нѣмцы не отставали отъ коронныхъ жолнеровъ и панскихъ затяжцевъ [1]). Это были актеры безобразной драмы, которую мы называемъ Тридцатилѣтнею войной, и которая въ то время была въ самомъ разгарѣ. Служба на извѣстное число мѣсяцевъ подъ польскими знаменами была для нихъ только дивертисментомъ. Многіе изъ нихъ были свидѣтелями казацкихъ похожденій въ провинціяхъ Нѣмецкой имперіи. Хотя нѣмецкіе наемники не отличались и сами кротостью обращенія съ мѣстными жителями, единоземцами

[1]) *Затяти* говорилось тогда вмѣсто *навербовать*; отсюда *затяжцы*—навербованные. Иногда они называются въ современныхъ письменахъ и *выбранцами*.

Библиотека "Руниверс"

своихъ, но тѣмъ не менѣе они теперь спѣшатъ отомстить варварамъ казакамъ по-своему за злодѣйства, которыя они совершали надъ всею восточною Европою. Вѣсть о постигшемъ Турецкую державу несчастіи, что казаки жестоко побиты на Медвѣжьихъ Лозахъ и подчинились во всемъ волѣ побѣдителя. Осиная казацкій таборъ картечью, допытывался, между прочимъ, у нихъ Конецпольскій и про „турецкаго господарчика", какъ называли послѣдняго Ахію. Но каждый самозванецъ былъ для казаковъ все равно, что курица, несущая золотыя яица. Съ Ахіей соединялись у нихъ единственныя блестящія надежды: онъ повелъ ихъ въ самую глубь Туретчины, въ Задунайскія земли, Черное море, цвѣтущіе берега Босфора возвратятъ имъ сторицею то, что потеряли они въ усобицѣ съ коронными войсками. На прямой вопросъ Конецпольскаго о господарчикѣ, казацкіе депутаты отвѣчали съ притворною простотой и искренностью: „Царикъ Ахія какъ пришелъ невѣдомо откуда, такъ и ушелъ невѣдомо куда. За Порогами теперь обидай, что каждый можетъ пріѣзжать и уѣзжать по своей волѣ".

Вслѣдъ за печальными вѣстями о погромѣ казаковъ стали двигаться къ сѣверу отряды польскаго войска, направлялись въ Швеціи. Одинъ отрядъ прошелъ черезъ монастырскую слободу, и нѣкоторые жолнеры спрашивали у Александра Гогенмауса, зачѣмъ онъ здѣсь? Александръ отвѣчалъ, что его прислалъ митрополитъ для сбора своихъ доходовъ, и жолнеры не догадались, что видятъ передъ собою того самаго господарчика, котораго такъ настойчиво домогались у казаковъ. Ахія пользовался подобными случаями, чтобы развѣдать о подробностяхъ шляхетскаго похода на казаковъ. Противъ 33.000 польскаго войска, казаковъ стояло до сорока тысячъ, но при всякой встрѣчѣ они обращались въ бѣгство, и наконецъ ихъ предводители, запертые въ тѣсномъ углу на Медвѣжьихъ Лозахъ съ своими „необачными" и съ своими „кольпаками", выпросили пощаду, валяясь въ ногахъ у побѣдителя. Всего тяжелѣе было для него узнать, что въ числѣ пансвихъ почтовъ было много „платныхъ казаковъ", которые сражались противъ своихъ братій тѣмъ же порядкомъ, какъ ихъ отцы сражались противъ казаковъ Косинскаго вмѣстѣ съ драгунами и рейтарами князя Острожскаго. Раздѣленіе днѣпровскаго рыцарства на ся лишило Ахію и послѣдней надежды согласить его къ походу въ Турцію на перекоръ волѣ правительства. Преславное Запорожское войско превратилось въ толпу покорныхъ панскихъ слугъ. Казаки собственными руками сожгли свои челны, которые недавно наводили

Библиотека "Руниверс"

ужасъ на турецкія флотиліи и красовались даже въ Золотомъ Рогѣ за грозною для Польши Черною Башнею, гдѣ около трехъ лѣтъ просидѣлъ узникомъ ихъ нынѣшній побѣдитель, Станиславъ Конецпольскій. Собственными руками вычеркнули казаки до сорока тысячъ своихъ сподвижниковъ изъ казацкаго реестра, и тотъ самый Михайло Дорошенко, который еще такъ недавно повелѣвалъ атаманамъ и всѣмъ товарищамъ-казакамъ, гдѣ бы они ни проживали по городамъ и мѣстечкамъ, защищать вельможнаго его милость князя Александра, царя Турецкаго, отъ всякаго насильства со стороны польскихъ пановъ,—этотъ самый Дорошенко, облеченный теперь властью старшаго, разъѣзжалъ по правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра, повелѣвая всѣмъ выписчикамъ бросить военное ремесло, равнявшее ихъ съ господствующимъ классомъ, и взяться за торговлю, промыслы и земледѣліе, которые, по словамъ кобзарской думы, были казакамъ не честь и не подоба.

Между тѣмъ поиски за господарчикомъ продолжались, и было кому искать его. Въ Украинѣ, для наблюденія за казаками, оставлена была Конецпольскимъ значительная часть войска, наготовленнаго для похода противъ Густава-Адольфа. Въ случаѣ, еслибы казаки не выписали изъ реестра всѣхъ мѣщанскихъ и другихъ гультяевъ, или вздумали „верстать добычную дорогу“, — надъ ихъ жилищами и семействами должна быть повторена огненная и кровавая экзекуція безъ всякой пощады. Очутясь въ положеніи крайне опасномъ, Ахія рвался въ Западную Европу; но по собраннымъ Ювомъ Борецкимъ свѣдѣніямъ, всѣ заставы были снабжены гетманскими фискалами. На турецкаго претендента вдоль южной и западной границы Кіевской земли устроенъ былъ родъ облавы, такъ что въ какомъ бы видѣ ни вздумалъ онъ пробраться къ своимъ, онъ сильно рисковалъ быть задержаннымъ. Тогда глухая молва, ходившая по Кіеву, что господарчикъ спрятанъ въ кельяхъ у митрополита, превратилась бы въ улику, и Борецкій долженъ былъ бы отвѣчать передъ королемъ и сенатомъ, какъ государственный злоумышленникъ. Ужь и теперь носился слухъ, что онъ къ слѣдующему сейму будетъ вытребованъ въ Варшаву для допроса обо всемъ, къ чему онъ былъ прикосновенъ въ казацкихъ смутахъ.

Въ этой крайности Борецкій сталъ совѣтовать своему гостю отдаться подъ покровительство Московскаго царя и просить у него дозволенія переждать въ Московскомъ государствѣ до конца украинской усобицы. Ахія сперва ужасался этого шага. О Московскомъ царствѣ на-

Библиотека "Руниверс"

слышался онъ отъ лисовчиковъ и другихъ иностранцевъ, что выѣхать въ него нехитрое дѣло, но выѣхать изъ него трудно. Да и вообще онъ былъ самаго невыгоднаго мнѣнія о московскихъ порядкахъ. Въ тѣ времена, да и гораздо прежде, можетъ быть, еще со временъ Іоанна III, въ Европѣ укоренилось уже мнѣніе, которое въ 1659 году ученый Сербъ Крижаничъ приводитъ, какъ политическую ересь, распространенную Ляхами у всѣхъ европейскихъ народовъ,—что жить подъ русскимъ владычествомъ, значитъ жить въ ужаснѣйшей неволѣ, стѣсненіи и рабствѣ, которое горше турецкой тиранніи, горше фараоновой службы и египетской работы [1]). Естественно, что питомецъ западной политики не могъ иначе думать о государствѣ, которое служило устоемъ всему восточному христіанству. Но Іовъ Борецкій, какъ человѣкъ, воспитанный въ духѣ смиренномудрія и христіанскаго самоотверженія для пользы общей, находилъ, что сравнительно съ другими государствами, Московское царство представляетъ успокоенное отъ волненія море. Московскаго царя называлъ онъ единымъ на всемъ свѣтѣ владыкой и блюстителемъ непорочной вѣры Христовой, тогда какъ всѣ другіе государи хоть и называютъ себя христіанами, но далеко отъ истины отпали, сдѣлались горше окаянныхъ Турокъ, гонителями православія, и напрасно было бъ уповать на нихъ хри-

[1]) *Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.*, 1877 г., кн. 3, смѣсь, стр. 115. Наименѣе извѣстный у насъ по русскому переводу наблюдатель древней Россіи, Флетчеръ, вывезъ изъ Москвы въ Англію такое заключеніе о правленіи при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ: «Образъ правленія у нихъ весьма похожъ на турецкій, которому они, по видимому, стараются подражать, сколько возможно по положенію своей страны и по мѣрѣ своихъ способностей въ дѣлахъ политическихъ. Правленіе у нихъ чисто тираническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного царя, и сверхъ того, самымъ явнымъ и дерзкимъ образомъ. Это видно изъ sophismata или тайнъ ихъ образа правленія, описанныхъ ниже, и угнетенія дворянства и простого народа, безъ всякаго притомъ соображенія ихъ различныхъ отношеній и степеней, равно какъ изъ податей и налоговъ, въ коихъ они не соблюдаютъ ни малѣйшей справедливости, не обращая никакого вниманія, какъ на высшее сословіе, такъ и на простолюдиновъ». Мы представили этотъ судъ о Русскомъ царствѣ посла Елизаветы Англійской, какъ противоположность тому, что раскрываетъ намъ московская перепалка по поводу появленія Ахіи въ Малороссіи и въ Россіи. Никогда изданіе сочиненія Флетчера въ русскомъ переводѣ (давно уже изготовленномъ въ Москвѣ знаменитымъ своимъ научнымъ подвижничествомъ О. М. Бодянскимъ) не было бы такъ кстати, какъ въ настоящее время, когда нарисованную имъ карикатуру русскихъ порядковъ продолжаютъ воспроизводить, съ тою же дипломатическою наивностью, его соотечественники.

Библиотека "Руниверс"

стіанъ [1]). Какъ самого царя, такъ и сощедшаго съ патріарха его, Московскаго патріарха Филарета Никитича, Борецкій зналъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, зналъ ихъ искреннее, глубокое благочестіе, какъ людей, которые чувствовали на Божій перстъ, указавшій ихъ для умиротворенія и возстановленія Россіи. Борецкому хорошо была извѣстна ихъ милость ко всѣмъ гонимымъ и страдающимъ за православную вѣру, ихъ благоволеніе ко всѣмъ труждающимся на пользу церкви. Поэтому онъ совѣтовалъ Ахіи довѣриться имъ безъ малѣйшаго опасенія. Совершенную безопасность его въ Московскомъ государствѣ брать онъ на свою душу и если не могъ удостовѣрить, что ему тамъ учинять помощь къ одолѣнію злочестивыхъ Агарянъ, то ручался за то, что онъ будетъ отпущенъ царемъ во свояси также, какъ и принятъ.

Видя совершенную невозможность пробраться изъ Кіевской земли въ Германію или хоть въ Молдавію, Александръ Оттоманусъ рѣшился доиграть до конца роль христіанской покорности судьбѣ своей, которая такъ нравилась въ немъ смиренному Іерусалимскому митрополиту. Теперь его свобода, жизнь, а можетъ быть, и успѣхъ его предпріятія зависѣли отъ того, чтобы не измѣнить себѣ ни малѣйшимъ рубежемъ ни въ словахъ, ни въ движеніяхъ. Съ новыми расчетами на удачу своего дѣла среди сѣверныхъ варваровъ Ахія отдался теченію чуждой для него жизни.

Былъ у Іова Борецкаго въ числѣ такъ-называвшихся тогда бѣлыхъ поповъ надежный человѣкъ, отецъ Филиппъ. Борецкій выбралъ его изъ „простачковъ" и воспиталъ при себѣ въ совершенной трезвости, которая въ тотъ вѣкъ даже между учеными монахами была

---

[1]) По Коричей книгѣ, эти мысли выразилъ Іерусалимскій патріархъ Осоанъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ. Его сталенникъ Борецкій, естественно, думалъ съ нимъ одинаково. Вотъ подлинныя слова Коричей: «Видѣхъ на востоцѣ и на полудне отъ поганыхъ Агарянъ святыми Божіими церквами запустѣніе и православныхъ христіанъ святаго греческаго закона великое насиліе и погубленіе, и утѣшенія ни отнуда нѣсть, точію слухъ благочестиваго христіанскаго Русійскаго царя, яко не той единъ на вселенѣй владыка и блюститель непорочные вѣры Христовы. Прочіи не вси, аще нѣцыи и именемъ христіане нарицаюся, но далече отъ истины отпадоша, и горше сказанныхъ Турокъ въ православной вѣрѣ гонители быша, и никое же упованіе тамо въ сущихъ странахъ. На иначе же во святомъ градѣ Іерусалимѣ —— точію надеждою веселяюся благочестивыхъ —— царей Русійскихъ —— яко на водахъ покойныхъ прохлаждаемъ. —— Сподоби мя человѣколюбивый Богъ достигнути царьствующаго града Москвы и во пристанище невлаено пріяти» (Изд. 1653 г., л. 26).

Библиотека "Руниверс"

такою рѣдкостью, что въ интимной перепискѣ съ Христофоромъ Радивиломъ, Борецкій называлъ человѣка ученаго и трезваго fenix in mundo, алмазомъ между камнями и золотомъ между металлами [1]). Этотъ проѣздомъ бывалъ у него и къ низовымъ казакамъ за сборомъ хронологическихъ сказаній, и въ Польшу для развѣдыванья, о чемъ сомнѣлись паны на сеймѣ, и въ Москву къ царю для испрошенія милостыни на церковное строеніе. Ему поручена была доставка царевича Александра въ Путивль. Кіевъ и Путивль были въ то время узлами торговаго тракта между Турціей, Крымомъ, Польшей и Московіей. Купцы чаще всего появлялись на этомъ трактѣ, меньше всего возбуждали подозрѣніе и въ нѣкоторомъ родѣ находились подъ покровительствомъ международнаго права. Отецъ Филиппъ преобразился въ купца и выѣхалъ съ Александромъ въ дорогу тайнымъ обычаемъ. Отъ своей стороны Александръ перемѣнилъ монашескую рясу на польскій жупанъ и сдѣлалъ себѣ на головѣ хохолъ, который былъ тогда отличительнымъ признакомъ Поляка [2]). Марко Македонянинъ и два Запорожца, составлявшіе его свиту, также были одѣты по польски. Двое митрополичьихъ слугъ, данныхъ въ провожатые отца Филиппу, носили обыкновенную въ южной Руси одежду. Обезпеченный такимъ образомъ, Турецкій царь благополучно прибылъ, 2-го декабря 1625 года, на Путивльскую заставу, къ Желѣзнымъ Кольцамъ, и по надлежащемъ опросѣ застѣнными головами, былъ пропущенъ на посадъ къ городу Путивлю подъ именемъ купецкаго человѣка Александра. На посадъ выѣхали къ нему пограничные путивльскіе воеводы, которыми тогда были Алексѣй Головинъ и Иванъ Есиповъ. Эти сановники разспросили пріѣзжихъ въ съѣзжей избѣ тайнымъ обычаемъ, безъ посторонихъ свидѣтелей, и узнавъ, что имѣютъ дѣло съ тѣмъ самымъ турецкимъ царевичемъ Александромъ, котораго пословъ препровождали въ Москву тому назадъ около года, отправили къ царю ихъ распросныя рѣчи, прося государева указу, а по нынѣшнему—инструкціи, какъ поступить съ турецкимъ царевичемъ.

---

[1]) Археогр. Сб., VII, 82.

[2]) Чтобы сдѣлать хохолъ, надобно было выстричь плотно, или по турецкой модѣ, выбрить голову вплоть до макушки, такъ чтобы оставшіеся на макушкѣ волосы назались шапочкой, надѣтою на голую голову. См. портретъ Станислава Конецпольскаго, приложенный при книгѣ: Pamiętniki o Koniecpolskich, wydał *Stan. Przyłecki*. Lwow, 1842.

Библиотека "Руниверс"

XIII.

Самъ ли Ахія умудрился составить себѣ извѣстное положеніе въ политическомъ мірѣ, или же какъ мы аналогически предполагаемъ, его создали и водили изъ края въ край тѣ люди, которыхъ слѣды заботливо спрятаны отъ потомства въ исторіи московскаго Лжедимитрія,—во всякомъ случаѣ интересно появленіе турецкаго самозванца въ томъ самомъ Путивлѣ, гдѣ память о самозванцѣ московскомъ была еще жива въ памяти людей, видавшихъ его собственными глазами. Самые воеводы путивльскіе, Головинъ и Есиповъ, могли быть участниками миновавшихъ событій самозванщины съ одной или съ другой стороны. Эти воеводы знали, что послы турскаго царевича Александра были отпущены изъ Москвы честно, и потому обходились почтительно съ гостемъ своимъ, но тѣмъ не менѣе держали его вмѣстѣ съ его людьми, какъ говорилось тогда, въ великомъ береженьѣ, покамѣсть прійдетъ изъ Москвы отвѣтъ на ихъ „отписку".

Отписка пограничныхъ воеводъ о прибытіи въ Путивль наслѣдника Цареградскаго престола озаботила возстановителей Московскаго царства весьма серьезно. Этимъ обстоятельствомъ Россія относительно Турціи была теперь поставлена въ то самое положеніе, въ какомъ, двадцать лѣтъ назадъ, относительно ея самой стояла Польша. Русскіе были теперь „въ миру, въ дружбѣ и ссылкѣ" съ Турецкимъ султаномъ такъ точно, какъ Поляки во время оно—съ Московскимъ царемъ. Сынъ Магомета III являлся теперь передъ ними такимъ соблазномъ къ нарушенію мира, какимъ тогда для Поляковъ былъ сынъ Іоанна IV. Разница была только въ томъ, что Поляки во имя Димитрія вели тогда христіанъ на христіанъ и Русскихъ на Русскихъ, тогда какъ Москвичамъ предстояло теперь идти съ православнымъ воинствомъ для освобожденія православныхъ отъ агарянскаго ига и поражать враговъ св. креста. Разница была велика, и она усиливала вѣроятность, что московскіе политики, въ свою очередь, поступятъ съ обезпеченнымъ ими сосѣдомъ, какъ поступили съ Русскимъ царемъ во время—оно Поляки. Оправданіе государственной чести и народной совѣсти было у Русскихъ на лицо. То, что Поляки сдѣлали на перекоръ одному и другому чувству, отозвавшемуся устами лучшихъ членовъ панской республики, Русскіе, казалось бы, могли совершить доблестно, во славу своего царя и въ удовлетвореніе благородной гордости своего народа. Но тутъ-то и выступило наружу ве-

Библиотека "Руниверс"

лное несходство внутренняго строенія, или какъ выражается наука, формація двухъ половинъ Сѣверной Славянщины.

Члены Польской республики усвоивали себѣ чувство патріотизма отъ того духовенства, которое для цѣлей своего конклава готово было жертвовать благоденствіемъ и даже существованіемъ цѣлыхъ народовъ [1]). Члены Русской монархіи воспитали въ себѣ чувство народнаго самосохраненія при содѣйствіи духовенства, ограничивавшагося только христіанскими внушеніями полагать душу свою за други своя [2]). Отъ этого въ Польшѣ, на перекоръ оппозиціи лучшихъ людей, восторжествовало большинство тѣхъ, у которыхъ цѣль оправдывала средства, и которые личное обогащеніе и возвышеніе смѣшивали съ интересами общими: напротивъ того, у подавленныхъ царскимъ деспотизмомъ бояръ московскихъ и у хранителей народной совѣсти, которые давали свои отзывы по государственнымъ вопросамъ, по видимому, „безъ всякаго разсужденія, какъ бы затверженный урокъ“, [3]) далеко не такъ цинически выступаютъ на всенародное позорище придворныя партіи, монастырскія факціи и разныя интриги эгоистовъ. Это были явленія исключительныя; въ общемъ теченіи русской жизни, при всей ея грубости, государственная честь и народная совѣсть покрывали козни и происки людей, желавшихъ торжествовать польскимъ обычаемъ надъ благотворною дѣятельностью лучшихъ представителей русскаго **ума и чувства.**

Что касается до царствованія перваго Романова, то со временъ

---

[1]) Вспомнимъ отвѣтъ Сигизмунда III депутату Виленскаго братства Древинскому, предсказывавшему гибель государства отъ религіозной нетерпимости. По взгляду воспитаннаго Римомъ Сигизмунда, лучше было погибнуть всему свѣту, нежели оставаться равнодушнымъ къ интересамъ католичества, и это мнѣніе находили чудовищнымъ весьма немногіе представители польской правительственной власти.

[2]) Эту черту русскаго духовенства иноземные наблюдатели Московіи неизмѣнно въ своихъ замѣткахъ съ тѣмъ невѣжествомъ, которое заставляло Флетчера писать, будто бы у Русскихъ «нѣтъ ни исторіи, ни памятниковъ старины относительно происшествій, бывшихъ въ государствѣ по дѣламъ церковнымъ или общественнымъ». Роль патріарха и избраннаго духовенства на земскомъ соборѣ, противоположная тому, что дѣлалось на западѣ, представлена имъ нукольною комедіей. Онъ и не повѣрилъ бы, что въ осмѣянной имъ средѣ находятся Гермогенъ и такіе люди, какъ Филаретъ Никитичъ, который изъ польскаго плѣна напоминалъ въ Москву, чтобы ради него не дѣлали Полякамъ ни малѣйшей уступки.

[3]) Слова Флетчера.

Библиотека "Руниверс"

бытства нашимъ великимъ предкамъ по мысли, никогда еще русскій умъ и русское чувство не были представляемы столь достойнымъ образомъ. Одно изъ убѣдительныхъ свидѣтельствъ нравственнаго здоровья тогдашняго правительства представляетъ намъ рѣшеніе государственнаго вопроса, возбужденнаго внезапнымъ появленіемъ въ Путивлѣ турецкаго царевича. Когда вникнешь въ характеръ народнаго представительства, соединившагося вокругъ тогдашняго Русскаго царя, какъ вокругъ знамени, поднятаго противъ польскаго королевича Владислава, становится понятнымъ, какъ это представительство въ нисходящихъ поколѣніяхъ пережило тѣ разлагающія начала, которыми всегда сопровождаются попеченія старыхъ цивилизацій объ уподобленіи себѣ цивилизацій новыхъ. Могучее и великое сравнительно близкаго къ намъ времени коренилось въ эпохѣ русскаго воскресенія, какъ подобало бы намъ звать эпоху царя Михаила Ѳедоровича.

Бояре, собравшіеся, по царскому велѣнію, для обсужденія новаго для нихъ дѣла, прежде всего, какъ и слѣдовало, взглянули на него съ точки зрѣнія чисто политической, стали разсматривать его со стороны матеріальныхъ государственныхъ выгодъ. Принять Александра Ахію, кто бы онъ ни былъ, въ Московскомъ государствѣ, значило бы вооружить противъ себя Турецкаго султана, котораго предки издавна были, какъ и онъ самъ, „съ великими государями Московскими въ дружбѣ и въ ссылкѣ". Вмѣстѣ съ султаномъ подданствомъ Россію и послушный ему Крымскій ханъ. Это была первая мысль, подвергнутая обсужденію московскаго государственнаго совѣта. Вторая мысль, заявленная вслѣдъ за нею какимъ-нибудь „опаснымъ", какъ говорилось иногда, докладчикомъ въ родѣ думнаго дьяка, Ивана Курбатовича Грамотина, а можетъ быть, возбужденная и такимъ смѣтливымъ бояриномъ, какимъ, судя по комбинаціи казацкаго посольства съ пребываніемъ въ Москвѣ Ѳеофана, является князь Борисъ Ивановичъ Черкасскій, забирала въ себя политическія обстоятельства пошире. Человѣкъ, называющій себя турскимъ царевичемъ, находился мѣсяцевъ восемь или девять въ польскихъ владѣніяхъ. Онъ проживалъ у днѣпровскихъ казаковъ, а казаки—польскіе слуги, въ однихъ случаяхъ строптивые, въ другихъ угодливые. Хотя Поляки теперь и побили казаковъ, но „невѣдомо, какимъ умысломъ онъ убѣжалъ отъ нихъ". Весьма возможно, что не кто другой, какъ Поляки же и подослали его, разумѣется, воспользовавшись монашескимъ простодушіемъ Іова Борецкаго, для замаскированія латинскаго дѣла передъ православными. Имъ лишь бы поссорить государя съ Турскимъ султаномъ: на

Библиотека "Руниверс"

то они съ своимъ королемъ государю и всему Московскому государству не другъ отъ друга надобно всего опасаться. Подослалъ Ахію въ Путивль, Польскій король, чего добраго, тотчасъ пошлетъ къ султану гонца, объявляючи, что вотъ былъ у Запорожскихъ Черкасъ Турчанинъ, а называется царевичемъ магметъ-салтановымъ сыномъ, и онъ король, не желая быть съ Турскимъ салтаномъ въ пелюбьѣ посылалъ на него и на казаковъ рать свою, чтобъ его поймать, и казаковъ побилъ, и на море ходить имъ не велитъ; а самозванецъ де ушелъ въ Московское государство и нынѣ проситъ у государя помочи, и государь хочетъ ему на Турскаго салтана помогать. Это какъ разъ подниметъ Турокъ и Крымцевъ на войну съ Московскимъ государствомъ. Какъ быть въ такомъ случаѣ, если Александръ Ахія есть не что иное, какъ новое дѣтище польской зловредности?

Разсматривая дѣло съ этой стороны, нѣкоторые изъ членовъ Московскаго государственнаго совѣта естественно приходили къ заключенію, что всего проще пожертвовать подозрительною личностью для спокойствія государства, именно отправить называющаго себя Оттоманусомъ къ Турецкому султану и такимъ образомъ уничтожить предполагаемую въ этомъ дѣлѣ интригу злокозненныхъ латинцевъ. Людямъ, пострадавшимъ такъ много отъ ухищреній той темной силы, которая сказывалась во всей политикѣ Польши относительно Россіи, этимъ людямъ было свойственно впасть въ ту крайнюю подозрительность, которая такъ часто дѣлаетъ вѣрную оцѣнку фактовъ невозможною. Но религіозность Москвы, заключавшаяся, по видимому, только въ тупой обрядности, не позволяла ей отнестись къ личности Ахіи такъ механически pro domo publico, какъ это случалось безпрестанно у народовъ, смѣнившихъ обрядное богослуженіе широкою проповѣдью [1]).

[1]) Опять приходятъ намъ на мысль слова Флетчера, который долженъ занять почетное мѣсто въ ряду авторитетовъ, поучавшихъ верхушки просвѣщенной Россіи тому особеннаго рода варварству, которое ищетъ цѣнителей нашего былого у людей, меньше всего знакомыхъ съ истинною исторіей Россіи, до сихъ поръ еще погребенною во множествѣ невѣдомыхъ, не обнародованныхъ, пренебреженныхъ исторіографіей не осмысленныхъ критикой, или же позабытыхъ, памятниковъ. Вотъ отзывъ Флетчера о московскомъ духовенствѣ, скользящій по поверхности предмета: «Священники суть люди совершенно необразованные, что впрочемъ вовсе не удивительно, потому что сами поставляющіе ихъ епископы точно таковы же и не извлекаютъ никакой особенной пользы изъ какихъ бы то ни было свѣдѣній или изъ самаго Священнаго Писанія, кромѣ того, что читаютъ и поютъ. Общая ихъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ отправлять литургію, совершать таинства по принятымъ у нихъ обрядамъ, хранить и украшать образа, наконецъ соблюдать всѣ другіе обряды, принятые ихъ церковію».

Библиотека "Руниверс"

Всего лучше было бы (разсуждали царскіе бояре), принять Александра Алію въ Московское государство, держать его подъ крѣпкою стражей и послать къ Турецкому салтану нарочна гонца, съ тѣмъ что вотъ былъ де въ литовской сторонѣ ихъ государства человѣкъ и называетъ себя турскаго Ахметъ-салтановымъ сыномъ, Александромъ Ахіей, и сказываетъ, что его лишили турецкаго престола невѣрей, и просилъ у Польскаго короля и у пановъ рады помочи, и Запорожскихъ Черкасъ водилъ съ собою; чтобъ ему достигнуть турецкаго престола и быть въ Царѣгородѣ царемъ; и Польской де король и паны рада хотѣли ему въ томъ помочь учинить, и казаки запорожскіе хотѣли съ нимъ идти подъ Царьгородъ, но межь ними учинилась рознь; и тотъ человѣкъ пріѣхалъ къ государю бить челомъ, чтобы государь велѣлъ учинить ему на Турскаго салтана помочь; но государь, памятуя прежнихъ государей Московскихъ съ Турскими салтаны дружбу и любовь и желая быть съ Мурадъ-салтаномъ въ дружбѣ и любви, тому вору не повѣрилъ, а хочетъ его отдать Мурать-салтану, а Мурать бы салтанъ съ государемъ за то учинился въ вѣчномъ миру и въ докончаньѣ, и Крымскому бъ царю и камѣ и всѣмъ Крымскимъ людямъ указъ учинилъ крѣпко, чтобъ они съ государемъ были въ дружбѣ и войною на Московское государство не ходили бы. Этимъ, конечно, можно бъ упрочить миръ съ Турціей и Крымомъ (продолжали размышлять наши дипломаты XVII вѣка); но вѣдь миръ-то былъ бы купленъ дѣломъ нехристіанскимъ. Неизвѣстно еще, кто именно этотъ Александръ Ахія. Весьма быть можетъ, что онъ такой же воръ, какъ и всѣ самозванцы: но что если онъ прямой Магметъ-салтановъ сынъ, крещеный въ христіанскую вѣру? Вѣдь праведные судьбы Божіи никому недовѣдомы. Можетъ быть, Богъ избралъ его на то, чтобъ избавить Грековъ отъ турецкой неволи, и вотъ онъ былъ во многихъ государствахъ, и нигдѣ ему зла не учинили; напротивъ того, сказываетъ, что многіе христіанскіе государи хотятъ ему помогать; но лишь только обратился съ просьбой о такой же помощи къ царю, тутъ его и предали. Какъ бы такимъ поступкомъ не прогнѣвить Бога; какъ бы не огорчить Грековъ и всѣхъ, которые на него надѣются, и не причинить имъ послѣдняго разоренья отъ Турскаго салтана; да и пограничные государи не упрекали бы Москвы, что она человѣка христіанина отдала въ языческія руки.

Такова была мораль политикой на взглядъ иностранныхъ наблюдателей націи. Политическіе интересы должны быть подчиняемы хри-

Библиотека "Руниверс"

стіанскому ученію, которыя тщетно напрасно гордились такіе католики, какъ Пеосе́линъ, и такіе протестанты, какъ Флетчеръ. По убѣжденію просторѣчивыхъ Московичей, политика пронырства, интриги, двоедушія и тьмы затрудненныхъ выводовъ ведутъ къ явной погибели. Истинно спасительною политикой признавалась ими политика правды. Неложительно можно сказать, что ни объ англійскомъ самозванцѣ Варбекѣ, ни о московскомъ Лжедимитріѣ не разсуждали такъ въ свое время ни въ одномъ придворномъ кругу на западѣ, какъ разсуждала теперь царская дума объ Александрѣ Ахіи. Къ этому надобно прибавить, что въ Англіи и въ Испаніи большая часть пособниковъ Варбека, а въ Римѣ и Польшѣ большая часть покровителей Лжедимитрія была убѣждена въ ихъ самозванствѣ, и однакожъ представители этихъ монархій предпочитали политическія выгоды истинѣ факта, о которой должна была имъ говорить воспитанная христіанствомъ совѣсть. Посмотримъ, какъ распорядилась на счетъ истины факта пренебрегаемая западною интеллигенціей Москва.

Послѣ многократно повторенныхъ совѣщаній царская дума постановила: прежде, чѣмъ прійдти къ какимъ-либо заключеніямъ по возбужденнымъ вопросамъ, удостовѣриться: дѣйствительно ли называющійся Александромъ Ахіей человѣкъ, есть то лицо, за которое онъ выдаетъ себя. Для обслѣдованія этого вопроса пограничный городъ Путивль признанъ былъ неудобнымъ. Хотя Головинъ и Есиповъ были не такіе люди, какъ прежніе путивльскіе воеводы, князь Иванъ Вортынскій да Никита Оладьинъ, давшіеся въ обманъ посланцамъ Сагайдачнаго тому назадъ пять лѣтъ, но сѣверскіе казаки Московскаго государства и путивльскіе торговые люди находились въ постоянномъ общеніи съ украинопольскими людьми. Поляки, чего добраго, могли пронюхать черезъ ихъ посредство, о пребываніи Ахіи за московскимъ рубежемъ и налгать въ Царѣградѣ небывальщины. Москва также была неудобнымъ пунктомъ для содержанія турскаго царевича въ глубокомъ incognito. Посольскій дворъ въ Москвѣ, пожалуй, еще со временъ Ивана Грознаго приспособленъ былъ для государственныхъ надобностей такъ, что конюхи иноземныхъ пословъ не могли даже водить лошадей на водопой къ Москвѣ рѣкѣ [1]); но самый фактъ

[1]) Изданная въ 1843 году кн. Оболенскимъ и проф. Даниловичемъ «Книга посольская метрики великаго княжества Литовскаго» оставила позади себя такъ много, не заслуживавшаго въ ихъ время вниманія, что стоитъ ходить по слѣдамъ этихъ почтенныхъ мнецовъ на нивѣ русской исторической жизни и собн-

Библиотека "Руниверс"

пребыванія [illegible] милостивое къ Москвѣ расположеніе, политическую искренность, которыми всякомъ случаѣ [illegible] сдержаться правительство царя Михаила Ѳеодоровича и его отца, Московскаго патріарха. Притомъ же и достоинство московской царственности не дозволяло Богъ вѣсть кого принимать какъ именитаго гостя въ престольномъ градѣ Россійскаго государства. Было соображеніе съ цѣлью изслѣдованія правды и неопредѣленностью характера загадочной личности помѣстить его въ одномъ изъ городовъ Польской Украйны, какъ называли тогда ту часть тогдашней Россіи отъ [illegible] поле, начиная отъ Тулы до литовскаго рубежа. Такими

рять сбереженныя имъ колосья. Впрочемъ, они не ошиблись въ своемъ выборѣ слѣдующей инструкціи Іоанна IV, данной приставамъ, встрѣтившимъ посольство Польскаго короля въ 1558 году, Андрею Щепотеву и Мясоѣду Власову:

«Беречи того накрѣпко, чтобъ хъ посломъ на дворъ, опричъ приставовъ, дѣти боярские и боярские люди не ходили никто никакимъ дѣломъ, и не говорили бы съ ними никто ничего чемъ, и ружья бъ имъ посломъ дворомъ не ездили не никто; а на Успеновомъ врагѣ держати сторожа, чтобъ Успеновымъ врагомъ мимо пословъ дворъ не ездилъ же никто, а одно конечно того беречи накрѣпко, чтобъ дѣти боярские и боярские люди и торговые люди мимо пословъ дворъ не ходилъ никто и на дворъ не всходили, и не говорили бы съ пословыми людьми никто. А которые дѣти боярские и конюхи и сторожи учнутъ съ Ондрѣемъ съ товарищы у пословъ ночевати и дневати,—и Ондрѣю съ товарищы тѣмъ всѣмъ приказати накрѣпко, чтобъ съ посломъ людемъ не говорилъ никто ничего; и беречи того надъ ними накрѣпко, чтобъ они съ ними не говорили; а тѣхъ дѣтей боярскихъ людей денщиковыхъ на дворъ на пословъ никакъ не пускати. — — А лошади велѣти поити на послове изъ дворѣ, а на реку поити не пускати. А нѣчто учнутъ говорити, что напередъ того лошади поивали на рекѣ, а въ колодезяхъ вода дурна, и лошади не пьютъ,—і Ивану (Черемисинову) и Ондрѣю и Мясоѣду говорити: Колодези добры, лучче рѣчные воды; а на перед того поивали на рекѣ,—и у водопоя люди пословы въ одѣяніи людьи всегда бываетца и лошади теряютъ, и въ томъ посломъ бываетъ кручина великая; и государева приказные люди того для учинили во дворѣ всякой доваль, чтобъ бездѣльные ссоры въ людяхъ не было, а посломъ бы кручины не было; и вы поите на дворѣ; а вода добра. А нехотите поити на рекѣ, и вы у васъ тое воды не отнимемъ, и вы посылайте на реку, а мы съ вашими людьми учнемъ посылати на реку приставовъ, а безъ приставовъ бы не ѣздили.—И учнутъ поити на дворѣ,—нино вельми добро; а похотятъ поити на рекѣ,—и отпускати ихъ на водопой всѣхъ вмѣстѣ, а посылати съ ними въ приставехъ дѣтей боярскихъ добренскихъ по шти человѣкъ, да дѣтей боярскихъ молодыхъ человѣкъ по пятнатцати, и велѣти того беречи накрѣпко, чтобъ съ пословыми людьми не говорилъ никто. А пролубь имъ велѣти учинити великую особную, да въ которую пору поятъ,—и хъ той пролуби не пропускати никово, отсылати людей всѣхъ далече». (Гл. Арх. Мин. Ин. Д. Рукопись посольскаго двора 1558—1560, № 5, л. 7—10.)

Библиотека "Руниверс"

городомъ былъ лежавшій на переправѣ чрезъ Мценскъ старый Мценскъ на рѣкѣ Зушѣ. Какова была безопасность Полевой Украйны Московскаго государства послѣ многолѣтняго шлянья по ней иноземнаго сброду, видно изъ того, что приставъ, стрѣлецкій голова Данило Пузиковъ, которому повелѣно было проводить Ахію изъ Путивля во Мценскъ, нашелъ необходимымъ взять у путивльскихъ воеводъ 20 провожатыхъ, „для того, что отъ Путивля до Брянска и до Сѣвска дорога лежитъ у литовскаго рубежа „такъ чтобъ ему „было съ иноземцы дорогою проѣхать здорово", и только отъ Сѣвска до Мценска ѣхалъ онъ съ собственнымъ конвоемъ, состоявшимъ изъ десяти стрѣльцовъ. Хотя мы привыкли читать о плохомъ житьѣ служилыхъ московскихъ людей, однакожь они содержались на счетъ казны щедрѣе, чѣмъ подобные имъ люди гдѣ-либо въ современной Европѣ. Пузиковъ доносилъ въ Москву, что „питья изъ Путивля до Мценска взято у воеводъ съ кабака 4 ведра вина и 15 ведеръ меду; и медъ путивльскій до Мценска весь исшелъ, а вина путивльскаго во Мценскѣ будетъ денъ на 5 или 6 Подводъ подъ Александромъ и его людьми „по его запросу" было 10 (хотя съ Ахіей были и свои лошади), „да кормовыхъ подъ питьемъ и подъ хлѣбнымъ и подъ мяснымъ запасомъ было 2 подводы".

Во Мценскѣ, какъ во всѣхъ тогдашнихъ городахъ, находился острогъ, игравшій родъ крѣпости, но это „тверженное мѣсто" было обострожено такъ плохо, что и люди, и скотина ходили въ проломы, которыхъ не собрались еще задѣлать повое государственное хозяйство. Среди валящагося отъ ветхости острога стояла такъ-называемая съѣзжая изба, состоявшая всего изъ одной комнаты. Въ ней были помѣщены турскій царевичъ, бѣлый попъ Кіевскаго митрополита и пятеро ихъ провожатыхъ, всѣ вмѣстѣ: [1]) такъ была проста и груба тогдашняя русская жизнь вдали отъ ея усовершенствованія, служившаго примѣромъ подражанія для всѣхъ, такъ-сказать, пригородовъ.

Хотя Мценскій замокъ меньше всего могъ служить ручательствомъ, что таинственный гость не будетъ имѣть сообщенія съ посторонними людьми, но за то съѣзжую избу сторожили приписанные къ замку стрѣльцы съ величайшею бдительностью. Ни днемъ, ни ночью не спускали они глазъ не только съ иноземцевъ, но и съ ихъ лошадей и только дѣлали это такъ осторожно, что, казалось, будто шляются

[1]) «Самъ Александръ і попъ Өилипъ и люди ихъ спятъ всегда разбросався удоль», доносили царскіе люди изъ Мценска въ Москву, наказывавшую строго сторожить иноземцевъ.

Библиотека "Руниверс"

по-острову безъ опредѣленной цѣли. Никому изъ Мценцевъ нельзя было ни переговорить словомъ съ пріѣзжими, ни передать имъ что нибудь отъ нихъ.

XIV.

Пребываніе Ахіи во Мценскѣ представляетъ одинъ изъ множества случаевъ, доказывающихъ намъ горестную и вмѣстѣ отрадную истину, что иное невѣжество лучше иного просвѣщенія. Здѣсь питомецъ католическихъ дворовъ, западныхъ политиковъ европейскаго рыцарства, достигшій сорокалѣтняго возраста въ совершенствованіи той трудной роли, которую выбралъ онъ себѣ на позорищѣ жизни, встрѣтился съ представителями того, что могла выработать русская жизнь безъ всякаго вмѣшательства школы, и можно сказать—безъ всякаго наслѣдія отъ той цивилизаціи, которая завѣщала Западу богатыя свои развалины. Задачей цивилизованнаго пройдохи было обмануть грубыхъ варваровъ, задачей грубыхъ варваровъ было проникнуть въ сокровенныя души цивилизованнаго пройдохи. Москва чуяла, если не сознавала ясно, что западная политика направлена на ея народную самобытность, на ея свободу строить внутреннюю жизнь свою по собственному идеалу, который она выработала подъ вліяніемъ православія, и которымъ дорожила по инстинкту самосохраненія. На основаніи многовѣковаго опыта она предполагала возможность всяческихъ козней со стороны латинскаго и родственнаго латинцамъ Запада. Она естественно вооружалась всѣми средствами наслѣдственной недовѣрчивости своей. Но въ настоящемъ случаѣ способы, которыми она оборонялась, въ своихъ потемкахъ, отъ посягательствъ просвѣщенной политики, являются неожиданностью для тѣхъ, кто изучалъ русское былое сквозь медіумъ западной культуры, не предполагая въ ней нравственной несостоятельности — для тѣхъ, кто одностороннія заключенія иноземныхъ наблюдателей русскаго міра принималъ за историческія откровенія.

Лишь только Александръ Ахія прибылъ во Мценскъ, изъ Москвы были присланы къ нему два делегата царской думы: дворянинъ Дмитрій Васильевичъ Лодыгинъ да дьякъ Григорій Нечаевъ [1]). Они повели съ Александромъ Ахіей бесѣду вовсе не въ качествѣ царскихъ слѣдователей; напротивъ, ихъ вопросы имѣли характеръ дружескихъ разговоровъ между людьми, которыхъ дорожныя препятствія задержали на перепутьѣ въ маленькомъ городкѣ. По внѣшнему своему харак-

[1]) Отчество почтеннаго дьяка Нечаева нигдѣ въ перепискѣ не означено.

Библиотека "Руниверс"

теру это были широкія разглагольствованія досужихъ путешественниковъ, коротающихъ свое время за кубкомъ меду и сытнымъ столомъ, но невозможности продолжать обычныя свои занятія. Невѣжество, постоянно приписываемое иностранцами тогдашнимъ Москвичамъ, не помѣшало Лодыгину и Нечаеву быть начитанными не только въ Библіи, но и въ лѣтописяхъ русскаго бытія съ древнѣйшихъ временъ. Они были хорошо знакомы и съ византійскими хронографами, и съ польскими хрониками. Они читывали и такія книги, какъ сочиненіе Патрасскаго епископа Меѳодія. Наконецъ, дьякъ Нечаевъ зналъ даже и греческій языкъ, что въ Москвѣ не было исключеніемъ, какъ это мы видѣли и изъ отзыва Іерусалимскаго патріарха Ѳеофана. Бесѣды ихъ съ Ахіей были весьма искусно перемѣшаны съ предметами, далекими отъ того, что втайнѣ занимало обѣ стороны, очевидно— съ цѣлью усыпить осторожность испытуемой личности; но опытный въ своемъ дѣлѣ проходимецъ, платя имъ тою же монетою, извѣшивалъ всѣ свои слова такъ строго, что царскіе слѣдователи, послѣ многочисленныхъ свиданій и по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ знакомства съ нимъ, остались все при тѣхъ же наблюденіяхъ, какія сдѣлали надъ нимъ въ первое время. „Въ словахъ опасенъ", доносили они въ Москву. И однакожъ, заводя рѣчь о томъ, что было уже нѣсколько разъ предметомъ ихъ любопытства, Лодыгинъ и Нечаевъ предлагали Александру Ахіѣ вопросы, изъ которыхъ видно, что они давно уже не вѣрили его царственности. Отъ времени до времени они возобновляли бесѣды и съ отцомъ Филиппомъ, котораго призывали къ себѣ всегда отдѣльно отъ Ахіи, и о которомъ Ахія отзывался съ пренебреженіемъ, какъ о человѣкѣ, неспособномъ понимать подобныя дѣла. Еще до пріѣзда во Мценскъ, на послѣднемъ стану, Ахія говорилъ приставу Пузикову, а приставъ тотчасъ отписалъ къ царю и его отцу патріарху: „Только де вы государи, укажете съ нимъ кому говорить (во Мценскѣ), и попу Филиппу въ тѣ поры тутъ не быть: попъ де не таковской человѣкъ. А иного де попъ не вѣдаетъ, и быти ему тутъ и вѣдать нельзѣ". Простачокъ Іова Борецкаго, однакожъ, смекалъ дѣломъ лучше своего „многонаучнаго" архипастыря. Онъ подробно разказывалъ о томъ, какими способами удостовѣрилъ себя Кіевскій митрополитъ, что имѣетъ дѣло съ ревностнымъ приверженцемъ православной церкви; но когда Лодыгинъ и Нечаевъ потребовали его личнаго удостовѣренія на счетъ этого важнаго пункта, онъ отвѣчалъ: что по ево вѣдѣнію, кабы онъ крестьянскую вѣру имѣетъ

Библиотека "Руниверс"

и питово де онъ (князь Ивашко) перекрещался изъ вѣрѣ (у Ахіи) не видитъ, а сердечное его [illegible]

Разспросныя рѣчи пристава Пушкова, Александра Ахіи и священника Филиппа тщательно записывались и отправлялись въ Москву. Какіе дѣлалъ изъ нихъ выводы царскій дума — неизвѣстно; но изъ ея вопросовъ, приходившихъ во Мценскъ, видно, что ее всего больше интересовала православность Ахіи. Ладыгинъ и Нечаевъ должны были подробно разспросить у Пушкова, какъ держалъ себя Ахія относительно благочестія въ дорогѣ, какого у него креста знаменія, поклоняется ли онъ образамъ, и какой съ нимъ въ дорогѣ былъ образъ. Поведеніе гостя не вполнѣ соотвѣтствовало религіозности пристава Пушкова. Онъ доносилъ, что „въ вѣрѣ его узнать нельзя, а какъ де приходилъ, онъ (Пушковъ) къ Александру въ Путивлѣ, и у него де въ избѣ въ тѣ поры былъ образъ Пречистые Богородицы, писанъ черниломъ на бумашно и приемпленъ къ стѣнѣ воскомъ. А въ дороге де не станомъ и того образа не видать. Какъ де Александръ учнетъ садитца ѣсть, и попъ де говоритъ Отче нашъ передъ образомъ или передъ крестомъ, что гдѣ у христіянъ въ избѣ есть,—и Александръ де, государи, перекрестясь на уздъ, не пимаючи рукою, куда лицомъ стоитъ, туды и поклонитца; иногда и хребтомъ къ образу стоитъ и въ шапкѣ, и онъ такъ и поклонится, къ образу и не оборотяся".

Самихъ слѣдователей Ладыгина и Нечаева непріятно поражалъ польскій хохолъ Александра Ахіи, не согласовавшійся въ ихъ понятіи съ наружностью православнаго человѣка. Отвѣчая на полученныя изъ Москвы освѣдомленія о внѣшности турецкаго царевича, они писали: что Александръ „наперед тое голову простригъ и учинилъ хохолъ, какъ дѣлаютъ польскіе купцы. И мы ему въ слову высказали: и сказываетца онъ нашие православные христіянскіе вѣры, а учинился въ хохлѣ по лашески, и въ крестьянскихъ обычаяхъ такъ не повелось. И Александръ говорилъ, что онъ называетца Полякомъ купецкимъ человѣкомъ, и онъ простригъ на голонѣ такъ же, какъ польскіе купецкіе люди дѣлаютъ, чтобъ не признатно. Да и въ Турской де земли только брѣютца, а такъ же дѣлаютъ. А собою, государи, Александръ ростомъ средней и образомъ обышной, черноусъ, въ лицѣ щупловатъ, носъ плоскъ, продолговатъ; лѣтъ ему по больше сорока; а по разсмотрѣнью, государи, слышенъ и въ рѣчи остерегателенъ, и языки говоритъ, и грамоте наученъ многихъ земель. А

Библиотека "Руниверс"

въ вѣре ево знать (нельзя) [1]); а вѣруя во единаго Бога Отца Вседержи(теля) говоритъ по достоинству, и образомъ поклоняетца, только крестница кабы не истово. А какъ съ нами, холопи вашими, говоритъ, и онъ на образъ Пречистые Богородицы взираетъ часто умильнымъ обычаемъ. И прежъ сево, и ныне, какъ объявлялъ намъ, для чево онъ въ Московское государство пріѣхалъ, и онъ билъ челомъ вамъ, государемъ, вставъ, и взозрѣвъ на образъ Пречистые Богородицы, прослезился и говорилъ все стоя и сквозь слезъ. А иново, государи, нельзѣ разсмотрить: въ рѣчехъ опасенъ".

Въ отвѣтъ на это, изъ Москвы присланы отъ патріарха Филарета Никитича для Александра Ахіи четки и книга Канунникъ. Патріархъ писалъ, что Александръ Ахія, должно быть, „въ вѣрѣ прямъ, да и Іову Борецкому, ставленнику патріарха Ѳсофана, вѣритъ въ томъ, что онъ писалъ про Александра, мочно". Но такова была его заботливость о сохраненіи, такъ-сказать, православнаго цѣломудрія, что онъ тутъ же наказывалъ дворянину Лодыгину и Дмитрію Нечаеву: „А будетъ Александръ и люди (ево) учнутъ проситца къ церкве, і вы бъ его къ церкве пускать поволили-по ево прошенью по праздникамъ и въ воскресные дни, а столлъ бы онъ и люди ево въ трапезе, которая не освящена, для тово, что онъ называется Поляком. А будетъ онъ учнетъ проситца въ церковь и ходить въ хохлѣ, і вы бъ ему велѣли оттоваривати, что ему въ церковь ходить въ хохлѣ нельзѣ, потому что онъ ныне учинилъ себѣ хохолъ и называетца Поляком; а въ Россійскомъ государстве Поляковъ съ хохлы въ церковь не пускаютъ, потому что Поляки отъ православные вѣры отпали и приняли отъ папы многую ересь, и нашу истинную православную вѣру гонятъ" [2]).

Какимъ языкомъ говоритъ Ахія, и умѣетъ ли русской или иной славянской грамотѣ, царскіе слѣдователи доносили уже въ Москву; но ихъ опять объ этомъ спрашивали. Они отвѣчали, что въ разговорахъ, на ихъ разпросы, Александръ сказалъ: „что онъ руские (грамо)ты слова многие знаетъ, а словенской (гра)моте не учился, потому что пробы(валъ во м)ногихъ государьствахъ; а руские де грамо(ты по немно)гу честь маленько умѣетъ, примѣрива(ясь къ се)рбской

[1]) Авторъ въ приводимыхъ здѣсь выпискахъ изъ современной переписки означилъ скобками буквы, утраченныя по ветхости подлинника.

[2]) *Отпаденіе* отъ православной вѣры указываетъ, что *Поляками* назывались русскіе подданные Польскаго короля. Коренные Поляки называются въ перепискѣ *Лятами*.

Библиотека "Руниверс"

и къ болгарской рѣчи, а иное и научилъ е(во) попъ Ѳилипъ, вѣрую во единово Бога, и Царю небесный, и иные стихи и псалмы по руски попъ Ѳилипъ ево выучилъ. І въ тѣ поры (прибавляетъ Нечаевъ) я холопъ твой Гришка, съ Александромъ говоря въ разговорехъ отъ книгъ, говорилъ Царю небесный и Отче нашъ, и вѣрую во единого Бога по гречески, и которое, государь, слово и я холопъ твой могу (sic) по гречески, а Александръ то жъ слово выговоритъ по руски все, не само чиста руская рѣчь, а не по польски и не по украинскиі.

Не смотря на это усердное изображеніе національности Ахіи, изъ Москвы снова спрашивали: какимъ языкомъ говоритъ Ахіа: „польскимъ ли, или по руски, или по украински, какъ говорятъ въ Литвѣ на Украине, и какое на немъ платье, и умѣетъ ли руской или словенской грамоте?“ Лодыгинъ и Нечаевъ отписали, что Александръ Ахіа говорилъ съ ними „по польски, а иное кабы по сербски, а иные немногие слова и по руски впрямь, а не такъ, какъ говорятъ на Украйне, и не такъ, какъ говоритъ кіевской попъ Ѳилипъ; а больши говорилъ по польски. А грамоте, государь, болгарской и сербской, сказывалъ не умѣетъ, (а) по руски умѣетъ ли, тово невѣдомо. А какъ я, холопъ твой (говоритъ отъ себя дьякъ Нечаевъ) на столѣ въ тетрать рѣчи (ево пи)салъ, и онъ слова многие знаетъ и называлъ впрямь по руски, какъ которое слово въ азбуке (нап)исано. Да и самъ, государь, Александръ съ нами (хо)лопи твоими говорилъ, что онъ русские грамоты честь маленько умѣетъ, а слова де многіе знаетъ потому, что де сербская грамота съ руской во многихъ словахъ сходитца. Да и попъ Ѳилипъ намъ, холопемъ твоимъ, сказывалъ, что Александръ съ нимъ псалтырь чтетъ по сербски съ руского обычая, и говорилъ де ему Ѳилипу, чтобъ онъ поучилъ ево Александра грамоте по руски. А платье, государь, Александръ носитъ все по польски, да и люди ево платья носятъ по польски жъ, і въ хохлахъ. І приставъ, государь, ево.... сказываетъ намъ холопемъ твоимъ, что у него въ дороге, ѣдучи отъ Путивля, виделъ и ныне во Мценску видитъ въ житьѣ і въ ѣстве і во всякомъ чину по польскому обычаю все; а говоритъ де съ попомъ и съ людьми по польски; а которые де слова отъ попа Ѳилипа и отъ ево людей таитъ, і онъ съ людьми своими говоритъ по турски [1]); а попъ Ѳилипъ и люди ево по турски не знаютъ ничево“.

---

[1]) Эти люди были, не исключая и Серба Марка Македонянина, запорожскіе казаки, слѣдовательно, могли происходить отъ разныхъ націй.

Библиотека "Руниверс"

Хотя въ Москвѣ и находили, что Александръ Ахія, по видимому, въ вѣрѣ прямъ, но его польское воспитаніе было болѣе, чѣмъ очевидно. Вонсовичи, Вольскіе и Жебридовскіе, о которыхъ самъ онъ упоминалъ, могли скрывать у себя за спиной, какъ во время—оно Вишневецкіе и Мнишки, незримыхъ свѣту двигателей дѣйствій—не только подставного царевича, но и тройственной лиги лисовчиковъ, Запорожцевъ, Донцовъ. Ходатайство Запорожскаго войска о дозволеніи всѣмъ казакамъ перейдти подъ крѣпкую руку Московскаго царя совпало съ посольствомъ Ахіи въ Москву для испрошенія у царя пособія на войну съ Турецкимъ султаномъ. Но во мценскихъ бесѣдахъ затрогиваемый Ахіей вопросъ о казакахъ, какъ воинахъ св. креста, делегаты государственной думы оставляли безъ всякаго вниманія. Москвичи знали, изъ кого состояли кадры Запорожскаго войска, и дружба Ахіи даже съ великорусскими представителями казачества, въ лицѣ князя Мосальскаго и донскаго атамана Алексѣя, не ослабляла опасенія, что все его предпріятіе есть не что иное, какъ новая компликація многовѣковой латинопольской интриги. Лодыгинъ и Нечаевъ освѣдомлялись о казакахъ и у Ахіи, и у священника Филиппа весьма заботливо въ томъ самомъ смыслѣ, какъ и о Татарахъ, о Полякахъ, о Шведахъ. Связывать вопросъ о русскомъ православіи съ перемѣнчивыми движеніями такъ еще недавно поладившаго съ Россіей Запорожскаго войска было бы съ ихъ стороны очень странно. Ахія, очевидно, воображалъ Москву, какъ и вся Западная Европа, царствомъ набожныхъ мужичковъ. Очутясь въ немъ игрой непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, онъ думалъ снискать у Москвичей сочувствіе своему предпріятію посредствомъ красивыхъ словъ о православіи да умильнаго поглядыванья на образъ и готовыхъ у него всегда слезъ. Но что ему удалось въ Кіевѣ, до того было далеко въ Москвѣ. Кіевъ, родоначальникъ русскихъ городовъ, былъ дряхлъ и слабъ въ своемъ отособленіи. Москва, собирательница Русской земли, жила, какъ выражались тогда „бодроопаснымъ“ государственнымъ строительствомъ. Не мудрено было Кіеву, въ лицѣ простосердечнаго инока Борецкаго, принимать казаковъ за христолюбивое воинство, а самозваннаго турецкаго царевича за орудіе Божьяго промысла. Кремлевскій горизонтъ былъ шире монастырскаго. Въ Москвѣ не могли просмотрѣть существо дѣла изъ-за той формы, въ которую оно облечено. Когда Ахія, разувѣрившись въ своихъ предположеніяхъ, сталъ хлопотать о томъ, чтобъ его отпустили въ Задунайскую Славянщину черезъ Запорожье,—на его проектъ вести казаковъ къ устью Дуная отвѣчали многозна-

Библиотека "Руниверс"

чительнымъ молчаніемъ. Вмѣсто сочувствія къ движенію христолюбиваго воинства на враговъ св. креста, Ахіи высказано было опасеніе, чтобъ онъ не попалъ въ руки польскихъ сыщиковъ и тѣмъ не навлекъ бѣды на Іова Борецкаго, къ которому паны рады писали уже, чтобъ онъ выдалъ скрывающагося у него возмутителя казаковъ. Само собою разумѣется, что этимъ путемъ Ахія искалъ только выхода изъ-подъ ареста, о которомъ изъ Москвы было предписано, чтобъ онъ былъ Александру не въ примѣту, по который былъ слишкомъ ощутителенъ для такой перелетной птицы. Видя запертымъ для себя днѣпровскій путь, сталъ онъ просить, чтобъ его отпустили хоть на Донъ, откуда онъ могъ бы провести казацкую дружину черезъ Азовское и Черное моря къ дунайскимъ берегамъ Болгаріи. Но лисовчики, Днѣпровцы и Донцы были способны разбиваться на сколько угодно купъ и собираться въ смѣшанныя купы, по общему свойству всякаго аггрегата, зависящаго отъ свойства своихъ элементовъ. Эту истину строители московскаго единства сознавали по своей собственной природѣ и отвѣчали Александру Ахіи языкомъ дипломатическимъ: „Билъ онъ челомъ великому государю нашему, его царьскому величеству, чтобъ ево отпустить на Донъ а оттоле на Дунай і въ Волохи і въ Болгары. И тово учинить, что ево на Донъ отпустить, не мочно, по тому что на Дону живутъ казаки, вольные люди, и государева повелѣнья мало слушаютъ, і воровство отъ нихъ чинитца многое, и за то на цихъ бываетъ его государьской гнѣвъ; а люди, они немногіе; большие войны имъ Турскому учинити нельзѣ". Не стоитъ де изъ-за такихъ пустяковъ нарушать той дружбы и любви и ссылки, въ которой находится великій государь съ Турскимъ салтаномъ. „А съ Крымскимъ царемъ (продолжали делегаты) потому жъ ссылка и любовь, а недружбы межъ царьского величества і Турсково салтана посямѣста не бывало, и съ крымскимъ царемъ нелюбья нѣтъ, и дружба и любовь и ссылка межъ царьского величества и Крымсково царя ежелѣтъ. А какъ онъ Александръ былъ въ Польше и въ Литве, и ему было мошно черезъ Литву въ Волоскую землю і въ Болгары пройти, потому что тѣ земли съ Польскою землею сошлися; а нынѣ ужъ назадъ (че)резъ Польшу и Литву итти ему нельзя, потому что ево въ Киеве (Поляки) сыскивали, а хотѣли поймать, і былъ (онъ у-Киевск)ово митрополита въ въ хоронехъ і ходилъ въ (чернечес)комъ платье и только ему итти назадъ въ Поль(шу, и ев)о поймаютъ и отошлютъ къ Турскому"

Библиотека "Руниверс"

XV.

Чѣмъ больше хлопотали на Западѣ о томъ, чтобы сдѣлать Россію игралищемъ римской политики, тѣмъ недовѣрчивѣе ко всему приходившему съ Запада была Москва. Не такъ зорко слѣдила она за іезуитскими происками во времена Ивана Грознаго, какъ теперь, когда въ отпоръ Полякамъ избранъ былъ царь изъ среды ея боярства, и отецъ его, Филаретъ Никитичъ, поставилъ свой патріаршій престолъ рядомъ съ престоломъ царскимъ. Не помогли Александру Ахіи и два письма, полученныя имъ изъ Флоренціи во время пребыванія его въ Краковѣ въ 1617 и 1618 годахъ. Одно писалъ къ нему великій герцогъ Козма II, другое—мать герцога Кристина. Письма были отправлены для разсмотрѣнія въ Москву, тамъ переведены иноземнымъ аптекаремъ по нѣмецки, а съ нѣмецкаго по русски, и возвращены для врученія Ахіи. Онѣ состояли изъ учтивыхъ выраженій, какими обмѣниваются между собою царственныя особы, но на Москвичей, какъ видно, не произвели выгоднаго для Ахіи впечатлѣнія. Напротивъ того, съ первыхъ чиселъ декабря 1625 до конца февраля 1626 года его заставили ожидать царскаго рѣшенія на его просьбы сперва о покровительствѣ и помощи, а потомъ уже только о пропускѣ за московскій рубежъ. Даже чрезъ Великій Новгородъ считалось не безопаснымъ перешагнуть ему изъ Россіи въ Нѣмецкія земли, такъ какъ въ той сторонѣ шла у Поляковъ война со Шведами, и Ахія могъ бы сдѣлаться въ рукахъ тѣхъ или другихъ орудіемъ политической интриги. Единственною дверью, въ которую можно было выпустить опаснаго гостя, найденъ Архангельскій портъ, и по всей вѣроятности, потому, что иностранные корабли приходили въ Архангельскъ только въ іюнѣ, а „исторговавшись“, отправлялись обратно въ августѣ и сентябрѣ. Это обстоятельство давало возможность положить между предыдущею и послѣдующею дѣятельностью Ахіи на поприщѣ политическаго пройдошества значительный промежутокъ времени, который могъ бы разобщить его съ такими неустойчивыми людьми, какъ лисовчики, Днѣпровцы и Донцы.

Между тѣмъ рѣшенъ былъ окончательно главный вопросъ относительно Задунайской Славянщины. По русской православной логикѣ, дѣла, основаннаго на подлогѣ, не могла освятить самая святая цѣль. Если царскіе совѣтники опасались, „чтобы тѣмъ Бога не прогнѣвить, что человѣка христіанина отдать въ поганскіе руки“, то могли ли

Библиотека "Руниверс"

они ожидать отъ Бога помощи въ такомъ дѣлѣ, какъ самозванщина? Пускай бы даже и впрямь распадалась Оттоманская имперія, какъ это твердили Полякамъ папскіе нунціи послѣ гибели Османа II; пускай бы въ самомъ дѣлѣ недоставало только одного удара, чтобы положить конецъ господству мусульманъ надъ христіанами,—и въ такомъ случаѣ политическая ложь во имя Іисуса Христа ужаснула бы людей, которымъ православное царство возвращено за крѣпкое стояніе на пути, указанномъ Гермогеномъ. Вотъ почему о возможности или невозможности спасти православныхъ отъ агарянскаго ига не было даже и рѣчи въ государственномъ совѣтѣ Михаила Романова, руководимаго достойнымъ отцомъ своимъ. Предварительно надобно было удостовѣриться: самозванецъ ли Ахія, или же прямой Магметъ-салтановъ сынъ? прикидывается ли онъ православнымъ, или же точно въ вѣрѣ прямъ? Второй изъ этихъ вопросовъ рѣшался вмѣстѣ съ первымъ, если только не предположить, что онъ вывезенъ изъ Турціи, какъ онъ разсказывалъ, по шестому году и не увѣренъ, подобно московскому Лжедимитрію, въ томъ, что онъ — спасенный отъ гибели султаничъ. Этимъ только предположеніемъ возможно для насъ объяснить себѣ терпимость, съ которою Москвичи смотрѣли и на его польскій хохолъ, и на то, что у него „въ житьѣ и въ ѣствѣ, и во всякомъ чину все по польскому обычаю".

Что касается до его бѣгства съ матерью и ея отцомъ изъ Магнезіи во время возшествія на престолъ султана Магомета III, то не могли они не видѣть, что это — повтореніе повѣсти о мнимомъ спасеніи изъ Углича царевича Димитрія, распущенной при Борисѣ Годуновѣ между лукавыми искателями поживы и людьми легковѣрными. Увѣренность Московскаго нравительства въ самозванствѣ Ахіи явствуетъ ужь изъ одного того, что до появленія своего въ Россіи онъ получилъ подарковъ на 1,000 рублей съ оговоркой, что „царское величество посылаетъ Олександру царевичю отъ своей царские любви, что у него великого государя лучилось, и Олександръ бы царевичъ принялъ то въ любовь". Къ этому было прибавлено, что „великій государь и впередъ Олександру царевичю желаетъ всякого добра, чтобъ ему милосердый Богъ помощь послалъ доступить отца своего государьства". Когда же Ахія сдѣлался царскимъ гостемъ въ Путивлѣ и во Мценскѣ, онъ, кромѣ четокъ и книги Канунника, не получилъ изъ Москвы никакого подарка, а отпускъ его самого вовсе не соотвѣтствовалъ отпуску его пословъ. Въ реляціи Лодыгина и Нечаева заключительная сцена изображена такъ:

Библиотека "Руниверс"

„Да осврали въ 26 день Дмитрей и Григорей вел(ѣли) Александру Ахие быть къ себѣ одному, и говор(или ем)у, что онъ великому государю... и отцу его государеву... билъ челомъ... чтобъ пожаловали его Александра (велѣли) отпустить на Архангельской городъ, а отъ Ар(хангельск)ого города моремъ въ Немецкие государства, і они о томъ писали къ царьскому величеству, и царьского величества указъ объ немъ... пришелъ; а велено ево Александра отпустить ізо Мценска къ Архангельскому городу и съ людьми его, а для чести и всякого береженья, чтобъ ему безчестье ни отъ кого не было, велено съ нимъ до Архангельского города ѣхать тому жъ приставу его Данилу Пузикову и кормъ и питье давать ему довольно, і онъ бы ѣхалъ въ путь свой безо всякого опасенья. А на платье (и) на всякой его разходъ, любо ему что понадобитца купить на себя и на людей его, прислано къ нему царьского величества и отца его государева... жалованья 150 рублевъ денегъ, і онъ бы то взялъ".

При такомъ явномъ разочарованіи въ турскомъ царевичѣ и при столь крайней осторожности, чтобы царскіе недоброхоты какъ-нибудь не провѣдали о его пребываніи въ Московскомъ государствѣ, казалось бы, всего сподручнѣе было сѣвернымъ варварамъ упрятать самозванца тайкомъ отъ православныхъ и тѣмъ освободить себя отъ всякихъ случайностей турецкой самозванщины, которая столь сильно заинтересовала казачество. Вѣдь, по отзыву Флетчера, „образъ правленія у Русскихъ весьма похожъ на турецкій, которому они старались подражать, сколько возможно, по положенію своей страны и по мѣрѣ своихъ способностей въ политическихъ дѣлахъ". Но то, что сплошь да рядомъ дѣлалось въ XVII столѣтіи у западныхъ католиковъ и протестантовъ pro bono publico, было несвойственно правительству „поповича", какъ называли Поляки на своихъ сеймахъ сына Московскаго патріарха. Кіевскій митрополитъ, совѣтуя Александру Ахіи искать спасенія у Московскаго царя, взялъ его безопасность на свою душу, и это ручательство не только спасло его отъ раздраженія, которое было бы такъ простительно въ народѣ, едва не погибшемъ отъ самозванщины, но защитило и отъ знаковъ явнаго презрѣнія.

Что касается до самого Іова Борецкаго, который далъ въ обманъ пройдохѣ, и въ своемъ увлеченіи ревностью къ православію, свернулъ было съ пути апостольскаго на тотъ путь, которымъ шествовали къ своимъ цѣлямъ неразборчивые въ средствахъ католическіе прелаты,— то царскіе слѣдователи не высказали его наперснику, отцу Филиппу, даже и намекомъ, что имѣютъ дѣло не съ царевичемъ, а съ обман-

Библиотека "Руниверс"

щикомъ. За нѣсколько дней до отпуска Ахіи въ Архангельскій городъ, священнику Филиппу было предложено ѣхать въ Москву, чтобы видѣть свѣтлыя царскія очи и получить обычную милостыню на церковное строеніе. Онъ даже и не зналъ, что сталось въ Мценскѣ съ турецкимъ царевичемъ Борецкаго. Собственному разуму и совѣсти Кіевскаго митрополита предоставлялось опредѣлить достоинство дѣйствій своихъ по отношенію къ поднятому Александромъ Ахіей вопросу. Въ интимныхъ сношеніяхъ между Московскимъ царемъ и Іовомъ Борецкимъ, продолжавшихся до смерти Іова, послѣдовавшей въ 1631 году, имя Ахіи не упомянуто ни разу. Если въ Москвѣ отцу Филиппу не сказали ничего объ отпускѣ Ахіи черезъ Архангельскій городъ, то добродѣтельный инокъ могъ безпокоиться о судьбѣ человѣка, котораго безопасность онъ взялъ на свою душу. Но онъ могъ узнать изъ другихъ источниковъ, и даже отъ такихъ почитателей своихъ, какимъ былъ князь Мосальскій, что въ 1627 году Александръ Оттоманусъ появился снова на поприщѣ придворныхъ интригъ въ Западной Европѣ и подвизался на немъ безъ всякаго видимаго участія въ дѣлахъ Задунайской Славянщины. Слѣды его ничтожнаго существованія, по италіанскимъ архивамъ, замѣтны до 1635 года; потомъ исчезаютъ. Къ чести московской проницательности прибавимъ, что только черезъ семь лѣтъ послѣ его пребыванія во Мценскѣ, бывшій другъ и покровитель Ахіи, великій герцогъ Тосканскій Козьма II Медичи, усомнился въ его царственномъ происхожденіи и поручилъ приближенному къ себѣ лицу изслѣдовать, дѣйствительно ли Александръ Ахія—турецкій султаничъ, или же просто—обманщикъ.

П. Кулишъ.

Библиотека "Руниверс"

МАРІЯ ВЛАДИМІРОВНА И МАГНУСЪ ДАТСКІЙ.

Печально было положеніе московскихъ княжескихъ дочерей въ XVI вѣкѣ. Ревнивый теремъ все крѣпче и крѣпче припиралъ за ними свои массивныя двери. Съ развитіемъ московской централизаціи, самостоятельные удѣльные князья отжили свой вѣкъ, полунезависимые бояре встали въ положеніе слугъ, прежнее юридическое понятіе „по рабѣ холопъ“ укрѣпилось. Великіе Московскіе князья разсудили, что послѣ того выдавать своихъ дочерей за „холопей“, значитъ—унижать себя; великимъ князьямъ подражали ихъ кровные родственники, князья одного съ ними московскаго корня: и имъ также не хотѣлось равняться съ „холопями“. Князья желали бы поискать себѣ ровню на западѣ; но это казалось дѣломъ крайней опасности для достоинства и чистоты православія. Въ свою очередь и западные принцы не на столько знали и уважали Русь, чтобы по доброй волѣ ѣхать въ нее за невѣстами. Московія казалась имъ слишкомъ отдаленною варварскою страной. Русскіе архіерен въ своихъ вѣроисповѣданіяхъ клятвенно обязывались не дозволять браковъ православныхъ Русскихъ съ западными иновѣрцами [1]). И напрасно Писемскій, посолъ и сватъ Грознаго, съ необычайною настойчивостію увѣрялъ Англійскую королеву Елизавету, что „государи наши даютъ свои дочери за государей и государскихъ дѣтей“, въ подтвержденіе чего сослался на примѣръ Елены, дочери Ивана III, выданной въ 1495 г. за Польскаго короля Александра [2]); примѣръ Елены Ивановны — лишь печальный отголо-

[1]) Акты Археогр. Экси., I, 162; *С. М. Соловьевъ*, Ист. Россіи, VII, 90; *К. А. Неволинъ*, Ист. росс. гражд. зак., I, 273—274.

[2]) *Сверн. Архивъ* 1824 г., IV, 315: Донесеніи Писемскаго о тайномъ объясненіи его съ кор. Елизаветою касательно сватовства Маріи Гастингсъ за царя Ивана Васильевича.

Библиотека "Руниверс"

сокъ предшествовавшей исторіи, который не только не повторился, но еще послужилъ къ разрыву Россіи съ Польшей. Словомъ, прежнія естественныя связи были сильно надорваны, новыхъ еще не сформировалось, и княжны-дочери великихъ князей и ихъ кровныхъ родственниковъ по необходимости оставались заключенными въ теремахъ, гдѣ, по старинной русской пѣснѣ, ихъ

...красно солнышко не опекетъ,
Буйные вѣтрушки не обвѣютъ,
Многіе люди не обгадятся [1]).

Казалось, никто и ничто не могло освободить ихъ оттуда, развѣ стеченіе исключительныхъ, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Послѣ реформаціи кредитъ католиковъ палъ у насъ еще ниже, чѣмъ до тѣхъ поръ, и благодаря общности вражды къ католическому міру и различнымъ практическимъ расчетамъ, Русскіе стали заводить уже многозначительныя связи съ протестантами, охотно предоставляя имъ то, что въ былую пору отдавали однимъ „латинянамъ". Тутъ-то и обнаружилось то исключительное стеченіе обстоятельствъ, которое проложило дорогу къ заключенію перваго брака между русскою княжною и принцемъ протестантскаго исповѣданія. Это случилось во время долголѣтней Ливонской войны, которую велъ царь Иванъ Грозный.

При покоренія Ливоніи Ивану Васильевичу, кромѣ мѣстныхъ жителей, пришлось вести счеты съ Польшей, Даніей и Швеціей, державами въ то время первостепенными. Вести съ ними успѣшную борьбу до конца было намъ не подъ силу, и Иванъ Васильевичъ задумалъ достигнуть подчиненія Ливоніи пока на правахъ вассальныхъ, и съ этою цѣлію предложилъ сперва Фирстенбергу, а затѣмъ Кетлеру — титулъ Ливонскаго короля. Ихъ отказъ повелъ къ тому, что Таубе и Крузе, агенты Іоанна, обратились къ Магнусу [2]), владѣтелю Эзеля, которому въ самыхъ радужныхъ краскахъ представили они всѣ выгоды вассальнаго подчиненія. Предложеніе агентовъ пало на добрую почву.

Юный владѣтель Эзеля находился въ положеніи далеко незавид-

---

[1]) Пѣсни, собранныя *П. Н. Рыбниковымъ*, I, 187. Галиться — глазѣть, смотрѣть, ухаживать, смѣяться, издѣваться.

[2]) По свидѣтельству Круве, будто бы даже самъ Магнусъ первоначально обратился къ нимъ.

Библиотека "Руниверс"

номъ. Получивъ въ наслѣдство отъ отца, Датскаго короля Христіана III, Шлезвигское герцогство, Магнусъ сталъ въ двусмысленныя отношенія къ старшему брату своему, королю Фридриху II, который счелъ болѣе удобнымъ взять эти земли себѣ, а герцогу въ замѣнъ ихъ купить часть отдаленной Ливоніи, епископство Эзельское и Пильтенъ, куда Магнусъ и направился (1560 г.), вмѣстѣ съ датскою дружиной и щедрыми обѣщаніями рыцарству, если оно пожелаетъ подчиниться ему. Открытымъ и уступчивымъ характеромъ, щедростью, доходившею часто до расточительности, юношескимъ пыломъ и склонностью къ веселымъ пирамъ Магнусъ дѣйствительно понравился привыкшимъ къ шумной жизни ливонскимъ дворянамъ; вскорѣ ему удалось присоединить Зонненбургъ и купить обширное епископство Ревельское. Но затѣмъ счастье не поладило съ нимъ. Своими успѣхами онъ вызвалъ энергическое противодѣйствіе со стороны своихъ соперниковъ, и они то тамъ, то самъ начали вредить ему. Шведы даже оттерли его отъ богатаго Ревеля; а король Фридрихъ, не видя выгодъ въ содѣйствіи брату, не только почти совсѣмъ покинулъ его на произволъ судьбы, но и задумалъ еще захватить самый Эзель въ свои руки. Борьба съ соперниками и роскошная жизнь требовали между тѣмъ отъ Магнуса непосильныхъ расходовъ. Съ цѣлію поправиться, онъ посватался за сестру Польскаго короля Анну, впослѣдствіи жену Стефана Баторія, и въ приданое просилъ всю Ливонію, но въ отвѣтъ отъ Сигизмунда-Августа получилъ лишь ѣдкій совѣтъ—подумать прежде о томъ, куда привести свою будущую супругу.... И въ самомъ дѣлѣ, безпомощность и безсиліе Магнуса достигли того, что и съ русской стороны съ нимъ вздумали войдти въ сношенія только послѣ неладицы съ Кетлеромъ. Молодой герцогъ обрадовался предложенію Ивана Васильевича, какъ нечаянной дорогой находкѣ. Ему казалось, что зависимость отъ Московскаго царя дастъ ему необходимую внѣшнюю поддержку, и быть можетъ, всю Ливонію въ руки. Чтобъ ускорить интересные переговоры, Магнусъ самъ, не снесясь напередъ съ братомъ, отправился поспѣшно въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, имѣвшей назначеніе прикрыть его безсиліе.

Это было въ мартѣ 1570 года, за нѣсколько дней до новгородскаго разгрома, о которомъ Магнусъ узналъ уже на пути. Молва, разнося ужасныя вѣсти, не обѣщала ничего хорошаго: говорили, что царь каждый день топитъ по пятисотъ человѣкъ да по тысячѣ, все-

Библиотека "Руниверс"

го погубилъ 15.000, по другимъ, до 60.000 человѣкъ. Но ворочаться было уже поздно [1]).

Въ Москвѣ хоть и правили кровавыя поминки по новгородскомъ погромѣ, но встрѣтили Магнуса со всѣмъ почетомъ, свойственнымъ гостепріимной русской столицѣ, въ первый разъ видѣвшей въ своихъ стѣнахъ такого важнаго гостя. Грозный царь прикинулся, что онъ строгъ только къ своимъ, а къ чужестранцамъ милостивъ. Ливонскіе лѣтописцы разказываютъ, какъ онъ ради своего дорогаго гостя отпустилъ изъ плѣна нѣсколько тысячъ дерптскихъ гражданъ, одарилъ всю свиту Магнуса—совѣтниковъ, дворянъ, слугъ, и задалъ ей богатый пиръ, при чемъ прямо заявилъ, что „теперь онъ любитъ Нѣмцевъ всѣмъ своимъ сердцемъ" [2]). Въ то же время предупредительно выслушана была проповѣдь любимаго Магнусоваго придворнаго проповѣдника, и царь, противъ обыкновенія, даже мягко отозвался о Лютерѣ и лютеранствѣ [3]). Самъ герцогъ въ одномъ изъ торжественныхъ собраній провозглашенъ былъ королемъ Ливоніи и въ залогъ будущаго королевства данъ ему Оберпаленъ; за церковно-религіозными и гражданскими законами Ливоніи Русскимъ царемъ признана полная неприкосновенность — въ то самое время, какъ въ Западной Европѣ шли самыя ожесточенныя религіозныя войны. Въ виду того Магнусу совсѣмъ не тяжело было присягнуть Русскому царю, и онъ торжественно призналъ его своимъ сюзереномъ. Разошедшійся на милости царь промолвилъ впрочемъ уже не въ торжественномъ собраніи,— что онъ не довольствуется однимъ высокимъ званіемъ верховнаго господина надъ новымъ Ливонскимъ королемъ, но желаетъ быть еще и и родственникомъ его: вмѣстѣ съ ливонскою короной онъ предложилъ ему руку своей двоюродной племянницы [4]).

Предъ пріѣздомъ Магнуса въ Москву Грозный лишилъ жизни своего двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича, обвинивъ его въ различныхъ измѣнническихъ замыслахъ. Отъ несчастнаго остались

---

[1]) *Н. М. Карамзинъ*, Ист. Госуд. Россійскаго, IX; *A. Richter's* Geschichte der dem Russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, I; *Sonntag*, König Magnus въ *Grave's* Caritas (Riga, 1831); *K. H. von Busse*, Herzog Magnus (Leipzig. 1871).

[2]) Scriptores Rerum Livonicarum, II, Russow: Bl. 70 a и в; *Hemming*, Bl. 516.

[3]) *Oderborn's* Ioann. Basilidis Leben (Gorlitz, 1596), 46.

[4]) Schreiben des Herz. Ulrich, an d. Kais. Maximilian II, von 24 Septemb. 1571, у *Карамзина*, IX, пр. 335, и въ *Mittheil. aus d. Gebiete d. Gesch. Liv-, Esth- und Kurland's*, (Riga, 1845), III, 124.

Библиотека "Руниверс"

двѣ дочери—Евфимія и Марья Владиміровны, едва ли, какъ дѣти ненавистнаго брата, пользовавшіяся расположеніемъ дяди, и въ свою очередь, едва ли любившія дядю, жестокаго убійцу ихъ отца. Иванъ Васильевичъ держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ, въ неизвѣстности; люди, даже очень близкіе къ нему, напримѣръ, Таубе и Крузе, считали ихъ убитыми вмѣстѣ съ ихъ отцомъ и матерью [1]). Очень вѣроятно, что царю думалось иногда о ихъ судьбѣ; нечаянный пріѣздъ холостаго принца натолкнулъ его на счастливую мысль — выдать за этого заѣзжаго гостя старшую изъ сиротъ—Евфимію Владиміровну. Ивану Васильевичу не было нужды ни до новаго, ужь извѣстнаго намъ укоренявшагося обычая, ни до архіерейскихъ клятвъ. Нѣтъ сомнѣнія, ему казалось, что при помощи этого брака ему удастся какъ избавиться отъ части непріятной ему тягости, такъ и крѣпче прибрать къ своимъ рукамъ Магнуса и Ливонію, гдѣ положеніе Русскихъ становилось не совсѣмъ удобнымъ. Могла ли дочь Владиміра Андреевича содѣйствовать своему не любимому дядѣ? Но не въ томъ вопросъ: не въ обычаѣ Грознаго было разбирать средства для дѣйствія. Съ другой стороны, и жениху также было не до разбора невѣстъ: какую ни предложилъ бы ему царь, онъ, чтобы не оскорбить Грознаго, едва ли нашелъ бы возможнымъ отказаться. Позаботиться же о согласіи невѣсты никому, кажется, не приходило и въ голову.

Надъ брачными переговорами царила непроницаемая тьма; по крайней мѣрѣ иначе ничѣмъ нельзя объяснить незнанія о нихъ Таубе и Крузе, которые и послѣ того преспокойно продолжали думать, что ни Евфиміи Владиміровны, ни ея сестры уже давно нѣтъ на свѣтѣ. Приданое обѣщано было богатое: кромѣ другихъ маловажныхъ вещей, пять бочекъ золота [2]). Все сложилось съ чрезвычайною быстротой и, неожиданностію. Но самые сборы къ свадьбѣ еще далеко не были кончены, а съ ливонскими дѣлами медлить было тоже нельзя, и потому бракосочетаніе отложили до болѣе благопріятнаго времени. Эта отсрочка, едва не разстроивъ всего дѣла, привела къ самымъ непредвидѣннымъ слѣдствіямъ.

Съ освобожденными плѣнными и русскимъ войскомъ Магнусъ, обласканный, ободренный, хотя, кажется, и не имѣвшій случая видѣть

---

[1]) Sendschreiben an Gotthard Kettler von *I. Taube* und *El. Kruse*, 1575 г., въ *G. Ewers Beitr. zur Kenntniss Russlands*, I, 168.

[2]) *Oderborn*, 39; *Mittheil. aus d. Gebiete d. Gesch. Liv-, Esth- und Kurlands*, 124.

Библиотека "Руниверс"

свою невѣсту, отправился въ обратный путь, въ Ливонію, гдѣ провозгласилъ объединеніе всѣхъ орденскихъ земель подъ своею королевскою властью, какъ вѣрнѣйшее средство для страны—освободиться отъ всѣхъ терзавшихъ ее невзгодъ, и отъ многихъ лицъ, коихъ поразила новость и привлекательность мысли, тотчасъ же получилъ сочувственный откликъ. Чтобы лучше осуществить широкій планъ, Магнусу очень было важно прежде всего вырвать у Шведовъ Ревель, лучшій городъ Эстляндіи. Съ пріобрѣтеніемъ его получался почти вѣрный ключъ къ захвату остальной Ливоніи. Не безъ надежды на успѣхъ, отчасти подкрѣпляемой и сочувствіемъ горсти Ревельцевъ, новый король осадилъ ихъ городъ. Но у Ревеля были крѣпкія стѣны, достаточный шведскій гарнизонъ и свободный подвозъ хлѣба съ моря; при такихъ условіяхъ не могла одолѣть его храбрость русскаго войска; къ тому же потери отъ усиленныхъ приступовъ увеличивались еще возникшимъ моровымъ повѣтріемъ. Обезсиленному королю пришлось, послѣ шестимѣсячной осады, отступить (16-го марта 1571 г.) къ Оберпалену.

Неудача подъ Ревелемъ, стоившая Русскимъ громадныхъ потерь, страшно раздражила Грознаго, который не хотѣлъ и слышать о подобной развязкѣ. Между тѣмъ, почти въ то же время его извѣстили о новомъ противъ него союзѣ Фридриха Датскаго со Швеціей и о неожиданной измѣнѣ Таубе и Крузе, передавшихся Польшѣ. Какъ теперь смотрѣть ему на Магнуса: прямодушенъ ли онъ, нѣтъ ли тутъ хитраго содѣйствія и съ его стороны? вѣдь Фридрихъ—его родной братъ, Таубе и Крузе нарочно даны ему въ главные подручники, какъ люди, бывшіе до тѣхъ поръ самыми ревнивыми защитниками московскихъ интересовъ... Естественность подозрѣній со стороны Ивана Васильевича чувствовалась и самимъ Магнусомъ, и онъ, боясь мести, поспѣшно отъѣхалъ на Эзель. Отошла къ отцамъ и его невѣста, Евфимія Владиміровна.

Тутъ казалось, и конецъ дружественнымъ отношеніямъ между царемъ и королемъ, а вмѣстѣ съ нимъ и конецъ затѣянной исторіи брака. Разумѣется, такъ бы и случилось, еслибы взаимные интересы не тянули болѣе другъ къ другу главныхъ дѣятелей въ этой исторіи. Но нужда въ обоюдной помощи, напротивъ, значительно у нихъ усилилась.

Союзомъ со Швеціей Фридрихъ показалъ своему брату, чего онъ можетъ ждать отъ него. Ревельцы въ свою очередь оскорбляютъ Грознаго. День снятія осады они положили праздновать каждый годъ, какъ день освобожденія отъ „московскаго тирана", и тѣмъ, вмѣстѣ

Библиотека "Руниверс"

съ горькимъ сознаніемъ тяжести потерь, возбуждаютъ въ Грозномъ чувство злобы, личную месть. И вотъ, вмѣсто того, чтобы разрывать связи, вассальный король спѣшитъ оправдаться предъ царемъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта, а царь рѣшается продолжать разыгрывать роль великодушнѣйшаго изъ людей и посылаетъ Магнусу любезное письмо, въ которомъ, успокоивая его, проситъ возвратиться въ Оберпаленъ и обязательно предлагаетъ ему на прежнихъ условіяхъ руку Маріи Владиміровны, младшей сестры умершей невѣсты. Магнусъ тотчасъ же соглашается; свое согласіе на этотъ бракъ шлетъ въ Москву и король Фридрихъ [1]). Недолго спустя, въ знакъ царскаго довѣрія, дарится Магнусу только что отнятая у Шведовъ нашими войсками крѣпость Киркусъ. Примиреніе наступило полное.

Одно препятствіе лежало еще на пути къ совершенію бракосочетанія—война съ Швеціей, но и она, благодаря не замедлившемуся перемирію (весной 1573 г.), вскорѣ прекратилась на неопредѣленное время. На возвратномъ пути изъ Ливоніи, гдѣ Иванъ Васильевичъ провелъ послѣднюю зиму, онъ остановился въ Новгородѣ, чтобы послѣ военныхъ трудовъ найдти покой и веселье.

Когда такимъ образомъ препятствія устранились, свадьбу, не откладывая далѣе, назначили въ Новгородѣ на 12-е апрѣля 1573 года. Свидѣтелями ея пришлось быть многимъ. Кромѣ возвращавшагося съ Грознымъ войска, Магнусъ прибылъ со свитой до 200 дворянъ и немалымъ количествомъ дамъ; съ невѣстой пріѣхалъ царевичъ Иванъ Ивановичъ и большое число московскихъ бояръ и боярынь [2]). Въ первый разъ Русскіе и Нѣмцы встрѣтились такъ близко.

Марья Владиміровна была очень миловидная дѣвочка; ей считали всего около 13 лѣтъ, а Магнусу—23 года. Спустя шесть мѣсяцевъ братъ послѣдняго писалъ о ней Мекленбургскому герцогу, что она—чистое дитя: достаточно яблока и немного сахару, чтобъ она оставалась спокойною [3]). Впрочемъ, бракъ въ такіе годы у насъ не былъ рѣдкостью. Стоглавымъ соборомъ (1551 г.) запрещалось выдавать замужъ кнѣнь моложе двѣнадцати лѣтъ [4]); у западныхъ же путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, передается, что имъ часто встрѣчались молодыя

---

[1]) *Mittheil.*, III, 124; *Büsching's Magazin*, VII, 303—304.

[2]) *Dr. Vheling's* Sendung nach Nowgorod im. J. 1572, въ *F. S. v. Bunge's Archiv*, I; *F. Nyenstädt's* Livlandische Chronik, въ Monum. liv. antiqu., II, 76.

[3]) *Mittheil.*, III, 124; VIII, 266—267.

[4]) Стоглавъ, гл. XVIII.

Библиотека "Руниверс"

женщины, которыя, преспокойно играя на улицѣ съ другими дѣтьми, ничѣмъ не отличались отъ своихъ маленькихъ сверстницъ, кромѣ развѣ особаго способа заплетать косу.

При наступившемъ, по обычаю, изготовленіи „свадебнаго разряда" или „чина", отъ составителей его потребовалось самодѣятельности значительно болѣе, чѣмъ при другихъ подобныхъ случаяхъ. Воспользоваться прежними чинами, употреблявшимися при свадьбахъ великихъ князей и ихъ родственниковъ, было нельзя: они сюда не подходили; особаго же чина для свадебъ княженъ съ иновѣрными принцами Москва еще не выработала. Съ собственно московскою княжной такой случай былъ одинъ разъ, да и то назадъ тому семьдесятъ-восемь лѣтъ, въдобавокъ—на чужбинѣ, въ Вильнѣ, гдѣ Русскимъ воли не давали, и участвовать въ свадебномъ торжествѣ имъ приходилось тогда больше пассивно. Когда Елена Ивановна оставляла Москву, ея отецъ строго на строго наказывалъ ей, чтобъ она при вѣнчаніи на вопросъ епископа о любви ея къ королевичу Александру отвѣчала: „Любъ ми и не оставити ми его до живота, никоея ради болѣзни, кромѣ закона; держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому" Московскіе бояре, сопровождавшіе невѣсту, въ своемъ суевѣрномъ страхѣ сильно „являли и рѣчь говорили" жениху, что у него, великаго князя, вѣтъ „мыльни" [1]). Не лишено значенія и то обстоятельство, что прежде выдавали княженъ за принцевъ католическихъ, теперь же—за протестанта. Какъ ни смутно, говоря вообще, было различіе между католичествомъ и протестантствомъ въ умахъ нашихъ предковъ, все же католичество считалось ближе къ православію. Это ясно видно, напримѣръ, изъ полемики Ивана Васильевича съ пасторомъ Рокитой, которому царь, между прочимъ, прямо заявилъ, что послѣдователи „лютаго отступника" Лютера недостойны даже названія христіанъ [2]). Извѣстно еще, что принимавшихъ православіе протестантовъ у насъ обыкновенно перекрещивали; на католиковъ же это распространилось только съ 1620 года, подъ сильнымъ вліяніемъ тогдашнихъ политическихъ отношеній къ Польшѣ. То обстоятельство, что Грозный допустилъ протестантамъ пользоваться большею, сравнительно съ католиками, религіозною свободой,—ничего не доказываетъ: онъ дѣйствовалъ тутъ по расчетамъ чисто государственнымъ. Если же такъ, то какимъ же способомъ теперь было раздѣлаться съ затрудненіями? Какъ устроить свадьбу съ такимъ

[1]) *Древн. Росс. Вивліовика*, XIV, 1—24.

[2]) *Oderborn*, 58—77; *J. Lasicius*, Collect. (1585), 1—184.

Библиотека "Руниверс"

„еретикомъ", за какого до сихъ поръ еще не приходилось выдавать нашихъ княженъ? Составители „разряда" нашли; впрочемъ, исходъ довольно удобный: гдѣ дѣло касается религіи, ввели нѣкоторыя новости, во всемъ же остальномъ послѣдовали прежнимъ образцамъ, хотя и здѣсь не обошлись безъ отступленій. Слѣдуя обычаю, выбрали тысяцкаго, дружекъ, свахъ и т. п.; невѣстѣ назначили посаженаго отца и посаженую мать, но не видно, чтобы назначили ихъ для жениха, незамѣтно также „держальщиковъ ширинокъ", „мыльниковъ" и нѣкоторыхъ другихъ,—за то видимъ новую должность—„сидящихъ бояръ и боярынь". Большая часть должностей и самыя почетнѣйшія были замѣщены Русскими.

Въ точности неизвѣстны всѣ подробности свадьбы—полнаго описанія ея до насъ не дошло; но все-таки обстоятельства этого событія можно возстановить довольно отчетливо по сохранившемуся „чину" и нѣкоторымъ другимъ памятникамъ того времени. Въ назначенный день всѣ свадебники собрались на „царскомъ дворѣ". Невѣсту, богато разодѣтую, окруженную ея многочисленными „чинами", торжественно ввели въ ту комнату, гдѣ стояло приготовленное для нея и жениха „чертожное мѣсто". На послѣднемъ лежали одинъ подлѣ другаго два сорока соболей, третій сорокъ—„опахивальный", державъ стоявшій подлѣ дьякъ. Тотчасъ одинъ сорокъ принялъ дьякъ Пушкинъ, и на освобожденное мѣсто свахи посадили невѣсту. Рядомъ съ нею сѣлъ вошедшій женихъ. Другой сорокъ принятъ Яровымъ. Всѣ присутствующіе размѣстились, гдѣ кому слѣдовало. Началось обрученіе. Обручалъ и смѣнялъ кольца у невѣсты новгородскій священникъ Дмитріевской церкви, у жениха—его придворный пасторъ. По окончаніи обряда, княгиня Мстиславская, чтобъ окончательно приготовить невѣсту къ вѣнчанію, разчесала ей голову, „смачивая гребень въ чарѣ съ виномъ", надѣла на нее кику; взявъ у дьяка Скобельцина „осыпало"—вѣроятно, съ хмѣлемъ символомъ любви,—осыпала имъ вмѣстѣ жениха и невѣсту, и въ заключеніе, опахнула ихъ третьимъ сорокомъ соболей. Когда все было готово, открылся свадебный поѣздъ.

Поѣздъ направился на Пробойную улицу, что на Славновѣ, къ Дмитріевской церкви. Марью Владиміровну повезли въ саняхъ, Магнусъ сѣлъ на коня. На великокняжескихъ свадьбахъ того времени женихъ обыкновенно предшествовалъ невѣстѣ, но на этотъ разъ, по уваженію къ вѣроисповѣданію невѣсты и въ видахъ удобства, первенство оставлено за Маріей Владиміровной: кажется, она ѣхала впе-

Библиотека "Руниверс"

реди жениха. Вмѣстѣ съ нею сидѣли свахи; около нея толпились „оберегатели пути"—четыре князя и до тридцати боярскихъ дѣтей, обязанностью коихъ было наблюдать, чтобы никто не перешелъ путь между невѣстой и женихомъ. Къ увеличенію пышности и торжественности поѣзда, въ немъ, въ качествѣ почетныхъ „поѣзжанъ", въ извѣстномъ порядкѣ—„по наряду"—ѣхали нарочно выбранные 26 князей и бояръ и 15 королевскихъ дворянъ, приставшіе къ поѣзду у крыльца, гдѣ должны были дожидаться выхода и встрѣтить виновниковъ торжества, въ комнатахъ же не присутствовали. Кромѣ большихъ чиновъ, виднѣлось многое множество малыхъ. Изъ послѣднихъ кто несъ фонари, кто свѣчи, короваи, скляницу, подножія, сголовья, осыпало и т. д. Одинъ изъ фонарей отличался такою величиной, что его несли два человѣка. Свѣчи были трехъ сортовъ: одна—большая, несли ее двое; другія поменьше—горѣли въ фонаряхъ; третьи, „обручальныя"—небольшія. Короваи тоже раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ; большой коровай несли четыре человѣка. „Скляница" (стеклянный сосудъ) была не пустая, а съ виномъ. Въ тѣ времена существовалъ при вѣнчаніи обычай выпивать жениху и невѣстѣ изъ такой скляницы сначала по разу, что̀ изображало знакъ ихъ взаимной любви и согласія; затѣмъ женихъ, отпивъ другой разъ, бросалъ скляницу на полъ, растаптывалъ ее ногой, а искорки приказывалъ иногда побросать въ рѣку: послѣднее означало, что онъ желаетъ подобной участи всякому, кто посѣялъ бы раздоръ между нимъ и невѣстой. Къ концу XVII вѣка обычай попирать скляницу пошатнулся; нѣкоторые стали ее отсылать прямо въ алтарь, и съ тѣхъ поръ получилъ свое начало современный намъ обычай пить три раза изъ одной, постоянно находящейся въ церкви, металлической чарки. Среди другихъ, не упомянутыхъ нами, не важныхъ чиновъ заслуживаетъ вниманія „ясельничій", тогда совершенно необходимый, но со временъ Петра I не являющійся болѣе въ свадебномъ чинѣ. На немъ лежала обязанность занимать въ саняхъ невѣстино мѣсто, когда оно порожнее. На этихъ саняхъ ясельничій обыкновенно пріѣзжалъ къ царскому крыльцу и дожидался выхода невѣсты; едва появлялась она, онъ вылѣзалъ и сопровождалъ потомъ поѣздъ до самой церкви, гдѣ, по уходѣ невѣсты, опять садился на ея мѣсто и снова оставлялъ его, когда невѣста возвращалась послѣ вѣнчанія; дошедши обратно за поѣздомъ до крыльца, въ тѣхъ же саняхъ онъ преспокойно возвращался во свояси на колымажный дворъ. У Маріи Владиміровны должность ясельничаго исполнялъ Облясъ Яровъ.

Библиотека "Руниверс"

Предъ церковнымъ входомъ брачной четѣ постлали большой красный коверъ, честь, пріятно поразившая иностранцевъ, по незнанію русскихъ обычаевъ, принявшихъ это за знакъ особеннаго уваженія къ Магнусу; другой коверъ и два сорока соболей были разостланы по паперти и церкви. По нимъ православная невѣста торжественно вошла въ самую церковь, а женихъ на паперть,—далѣе идти ему не дозволили: вѣнчальный обрядъ надъ нимъ, какъ протестантомъ, долженъ былъ совершиться здѣсь. На лѣвой сторонѣ отъ княжны виднѣлись чины съ короваемъ, свѣчами и фонаремъ, съ тѣми же принадлежностями стали и близъ жениха. Какъ расположились остальные присутствующіе, и впустили ли въ церковь протестантовъ—неизвѣстно. Вообще послѣднимъ, изъ той предосторожности, чтобъ отъ нихъ, какъ „нечистыхъ", „нехристей", не осквернился православный храмъ, входъ въ наши церкви строго воспрещался, и ни изъ чего не видно, чтобъ и на этотъ разъ сдѣлано было исключеніе, хотя бы то для нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ, наступилъ и давно ожидаемый и по нѣкоторымъ своимъ частностямъ единственный въ нашей исторіи вѣнчальный обрядъ. О предшествовавшемъ ему бракосочетаніи Елены Ивановны съ Александромъ Польскимъ лѣтописецъ говоритъ такъ: „Въ лѣто 7003... февраля въ 15 вѣнчаша ихъ въ Станиславѣ въ римскаго закона церкви бискупь (епископъ) Виленскій по латынски, а великаго князя попъ Ѳома по греческому закону единъ" [1]). Какъ бы въ подражаніе этой формѣ бракосочетанія, но еще съ большею долей рѣзкости, теперь устроили такъ, что въ то время, какъ мѣстный священникъ вѣнчалъ въ церкви княжну по православному чинополоненію, на паперти, гдѣ все еще стоялъ принцъ, его придворный пасторъ совершалъ надъ нимъ лютеранскій обрядъ. Въ такомъ видѣ совершился первый бракъ нашей русской православной княжнѣ съ протестантскимъ принцемъ, бракъ, послужившій крѣпкимъ основаніемъ для подобныхъ послѣдующихъ. Петръ I и Ѳеофанъ Прокоповичъ ссылались на него, какъ на законное историческое основаніе. Своею оригинальною формой далеко превосходя своихъ предшественниковъ, онъ рѣзко отличается и отъ послѣдующихъ. Второй подобный бракъ нашей княжны, состоявшійся во времена Петра Великаго, былъ совершенъ однимъ православнымъ духовнымъ лицомъ, и притомъ въ пра-

[1]) П. С. Р. Лѣтоп., IV, 165; VIII, 229; *Русскій Зритель* 1828 г., II, V—VI: Поѣздка Елены Ивановны въ Вильно.

Библиотека "Руниверс"

вославной церкви. По окончаніи вѣнчанія, когда новобрачные выходили изъ храма на улицу, ихъ, по русскому обычаю, осыпали.

Отъ церкви поѣздъ въ прежнемъ порядкѣ направился къ государеву дворцу. Здѣсь открылся пиръ на славу. Пировали всѣ вмѣстѣ—и Русскіе, и иностранцы, но первые сидѣли выше послѣднихъ. Изъ русскихъ боярынь „большое мѣсто“ занимала жена перекрещеннаго татарскаго царевича Михаила Камбуловича, а противъ нея сидѣлъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій. Русскія забавы, начавшіяся послѣ обѣда, мѣшались вмѣстѣ съ иноземными. Гости разбушевались. Въ представленіяхъ, пляскахъ и пр. они, по словамъ одного изъ ливонскихъ лѣтописцевъ, дошли до такихъ безобразій, какихъ не испорченнымъ глазамъ и ушамъ нельзя ни видѣть, ни слышать. На общей радости развеселился и царь Иванъ Васильевичъ. Не гораздый въ пляскѣ, но большой охотникъ до пѣнія, онъ взялъ собралъ маленькихъ послушниковъ и запѣлъ съ ними символъ Аѳанасія Великаго. Пѣлъ онъ быстро, наизусть, и маленькіе товарищи не могли поспѣть за нимъ по книгѣ. Это его сердило, и когда они сбивались и отставали, онъ до крови билъ ихъ своимъ тяжелымъ посохомъ, которымъ регентовалъ. Нѣмецкіе ученые, случившіеся тутъ, видно, мало принимали участія въ увеселеніяхъ. Между ними и однимъ русскимъ игуменомъ, хорошимъ начетникомъ, завязался сильный религіозный споръ, при чемъ игуменъ выказалъ желѣзную неуступчивость, чѣмъ очень не понравился иноземцамъ; отголосокъ этого неудовольствія слышенъ и въ насмѣшкахъ надъ нимъ ливонскаго лѣтописца.

На ночь молодыхъ отвели въ опочивальню, приготовленную въ одномъ деревянномъ домѣ. Въ прихожей помѣстилось нѣсколько знатныхъ пожилыхъ женщинъ. Около дома ѣздило двое сильныхъ дворецкихъ, на обязанности коихъ лежало охранять покой новобрачныхъ, подъ угрозой смерти не пускать въ домъ никого, хотя бы то былъ царевичъ. По утру царь надѣлилъ молодыхъ богатыми мѣховыми шубами. Пированье продолжалось нѣсколько дней [1]).

Свадьбу сыграли, пришло время разчета. Магнусъ мечталъ о бо-

---

[1]) *Виліовика*, XIII, 97—103; *И. П. Сахарова*, Сказанія Русскаго народа, II, 65—66; *Nyenstädt*, S. 76; *Henning*, Bl. 55 a u. 6; *Russow*, Bl. 82 6, *D. P. Buchau*, Moscoviae ortus et progressus (Gubenae, 1679), 222—225. Всѣ эти документы, нужно замѣтить, отличаются крайнею неполнотой и по мѣстамъ неопредѣленностью; многіе изъ деталей по нимъ окончательно нельзя реставрировать, многочисленными же намеками ихъ можно пользоваться только при сносеніи ихъ съ извѣстіями о другихъ княжескихъ свадьбахъ той эпохи.

Библиотека "Руниверс"

гатомъ приданомъ. Онъ надѣялся, что получитъ обѣщанныя царемъ бочки золота, всѣ завоеванныя Русскими земли и будетъ жить со своею молодою женой въ довольствѣ, припѣваючи.

Но у Грознаго царя были свои виды; простой разчетъ подсказывалъ ему теперь, что гораздо лучше пока попридержать, постѣснить Магнуса. Недавніе измѣнническіе побѣги Таубе, Крузе, Фаренсбаха и другихъ иноземцевъ научили Грознаго осторожности. Прежній обычай хвалиться своимъ необычайнымъ довѣріемъ къ иностранцамъ онъ ужъ оставилъ; Фелингу, послу Мекленбургскаго герцога, онъ сказалъ около этого времени: „Нѣмцы мнѣ извѣрились“ [1]). Не удивительно послѣ того, что на требованіе королевича онъ отвѣтилъ приблизительно такъ: „Король Магнусъ! Отправляйся съ своею супругой въ данный тебѣ Оберпаленъ и Каркусъ. Мы хотѣли-было теперь же, согласно нашему обѣщанію, препоручить тебѣ и другіе ливонскіе города, вмѣстѣ съ богатымъ приданымъ и деньгами; но вспомнили иностранцевъ, прежде служившихъ у насъ и осыпанныхъ нашими милостями, а потомъ измѣнически оставившихъ насъ... Ты,—королевской крови, и мы знаемъ, что такіе лучше сдерживаютъ свое слово, но ты—человѣкъ. Если дадимъ тебѣ деньги и прибавимъ крѣпостей, ты можешь обезопасить свои границы, измѣнить намъ, нашими же деньгами нанять войско, и тогда мы будемъ принуждены добывать крѣпости своею же кровію! Нѣтъ, мы лучше теперь не отпустимъ приданаго съ тобою и замковъ болѣе не уступимъ, но ты вскорѣ узнаешь нашу милость, когда мы увидимъ, какъ ты почитаешь насъ“ [2]). Вмѣсто всего обѣщаннаго Иванъ Васильевичъ прислалъ Магнусу нѣсколько сундуковъ съ женином одеждой.

Дѣлать нечего, обманутая въ своихъ надеждахъ новобрачная чета отправилась въ Каркусъ и затѣмъ въ Оберпаленъ—дѣлить свое незавидное житье-бытье. Въ одномъ Оберпаленѣ принадлежало ей до тысячи крестьянъ; жить бы еще можно было, пожалуй, не особенно бѣдно, еслибы чета была попрактичнѣе; жена была не хозяйка и совершенное дитя, а супругъ — довѣрчивый, до расточительности щедрый юноша. Вскорѣ онъ раздарилъ своимъ придворнымъ почти всѣхъ крестьянъ и оставилъ себѣ только около пятидесяти душъ. Чету постигла бѣдность. По словамъ Фридриха, столъ ея состоялъ всего

---

[1]) *Bunge*, I, 324.
[2]) *Mittheil.*, VIII, 277—278.

Библиотека "Руниверс"

изъ трехъ блюдъ, а иногда и изъ одного. Слуги изощряли надъ господами свое остроуміе.

Не смотря на бѣдность, во взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ не замѣчалось серьезныхъ непріятностей. Марья Владиміровна вполнѣ подчинилась вліянію своего мужа; добрый и рыцарски честный, хотя и не обладавшій твердымъ характеромъ, Магнусъ не хотѣлъ злоупотреблять ея довѣріемъ и совсѣмъ не желалъ вымещать на ней свои неудачи предъ ея дядей. Она пришла съ православными вѣрованіями и русскою угловатостью; религіозныя убѣжденія ея онъ оставилъ въ покоѣ, и взялся преобразовать лишь одну ея внѣшность. Ливонскія дамы славились своею красотой, граціей, изяществомъ манеръ; Магнусу, какъ молодому королю, естественно желалось, чтобъ и его жена ни въ чемъ не уступала имъ. Ея платья перешилъ онъ по современной западной модѣ, пріучалъ ее къ нѣмецкимъ манерамъ и обычаямъ. Это не понравилось Русскимъ людямъ и показалось имъ чуть не совращеніемъ отъ православія. Между тѣмъ средства окончательно изсякали. Магнусъ обратился къ Грозному за деньгами, но тотъ прислалъ ему крупный выговоръ за растрату ввѣреннаго имущества и за перекрой платья [1]).

Кромѣ безденежья, чету безпокоили и внѣшніе враги. И прежде воинственные сосѣди посматривали на Магнуса плохо, а теперь, послѣ того какъ онъ сталъ вассаломъ и родственникомъ Грознаго, начали относиться къ нему еще враждебнѣе. Враги Ивана Васильевича превратились въ его собственныхъ. Польскій гарнизонъ, засѣвшій въ Перновѣ, то и дѣло совершалъ хищническіе набѣги на его владѣнія; Шведы грозили ему съ сѣвера, тамъ опять шла русско-шведская война. Четѣ приходилось подумать о себѣ посерьезнѣе. Магнусъ рѣшилъ добиваться у Грознаго позволенія принять главное начальство надъ русскимъ, воевавшимъ въ Ливоніи, войскомъ, въ чемъ и успѣлъ. Но едва отправился онъ къ войску, какъ Шведы, пользуясь его отсутствіемъ, разорили у него Оберпаленъ. Марья Владиміровна принуждена была переселиться въ Каркусъ. Здѣсь она жила потомъ почти постоянно. При ней, кромѣ Ливонцевъ, находилась небольшая кучка Русскихъ людей. Самымъ любимымъ ея занятіемъ, значительно умѣрявшимъ горечь разлуки съ мужемъ, было заботливое попеченіе о двухъ малюткахъ-пріемышахъ, оставшихся круглыми сиротами послѣ одного

[1]) *Mittheil.*, VIII, 276—277; *Döbner's* König Magnus und Zaar Iwan Wassilicwitsch II въ *Rigascher Almanach* für 1869.

Библиотека "Руниверс"

знатнаго, трагически-погибшаго ливонскаго семейства. Магнусъ лишь изрѣдка могъ навѣщать свою молодую супругу.

Съ десяти тысячнымъ войскомъ подступилъ онъ въ началѣ 1575 года къ Ревелю. Ревель не сдался. Раздосадованный Магнусъ, жестоко опустошивъ окрестности и оставивъ подъ городомъ русское войско, отправился на дальнѣйшія завоеванія съ одною своею нѣмецкою дружиной. Ему сдались Гелметъ, Эрмесъ и Рюгенъ. Главнымъ мѣстопребываніемъ своимъ онъ выбралъ Гелметъ, откуда, какъ изъ центральнаго пункта между Каркусомъ и Дерптомъ,—ему удобно было и навѣщать жену, и сноситься съ русскими воеводами, которые въ это время тоже очень счастливо вели свои военныя дѣйствія [1]).

Едва дѣла Магнуса на сѣверѣ стали поправляться, какъ онъ почувствовалъ себя ужаленнымъ съ противоположной стороны. Случились обстоятельства, произведшія неожиданный переворотъ. Постепенно осложняясь, они разрушили все, съ такими заботами и пожертвованіями взлелѣянное Магнусомъ, дѣло—основать самостоятельное Ливонское королевство подъ номинальною зависимостью отъ Московскаго царя, а самого Магнуса довели до жалкаго ничтожества.

Въ маѣ 1576 года вступилъ на польскій престолъ знаменитый своими военными талантами Стефанъ Баторій. Ливонскія силы встрепенулись. Магнусу тотчасъ стала грозить опасность потерять Пильтенъ, это коренное его владѣніе. Какъ ни трудился онъ, его Ливонское королевство все еще ограничивалось нѣсколькими городами и не достигало желанной безопасности. Грозный могъ всегда по своей волѣ взять у него тотъ или другой городъ; Фридрихъ Датскій безцеремонно наложилъ свою руку на Эзель и удерживалъ его за собою; Шведы крѣпились, не уступали ему дорогаго Ревеля, грозили новыми походами. Потому совершенно естественно, что Магнусъ очень дорожилъ Пильтеномъ и считалъ его надежнѣйшимъ якоремъ при возможныхъ случайностяхъ. Вдругъ онъ узналъ [2]), что и на это владѣніе курляндскіе дворяне, ободренные силою новаго короля, заявили свои неумѣстныя притязанія и начали вторгаться сюда съ военною силою. Своевременными походами онъ спѣшилъ отразить Курляндцевъ; тѣмъ не менѣе ему ясно представился вопросъ—что станется съ нимъ, если дворяне не теперь, такъ послѣ отнимутъ у него Пильтенъ. Успѣхъ ихъ казался тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что за ними стоялъ Сте-

[1]) *Russow.*, Bl. 896, 906—91 a; *Henning*, 566.

[2]) *Henning*, Bl. 60 a.

Библиотека "Руниверс"

фанъ Баторій, съ которымъ ему и Грозному было сладить не легко, и что Эстляндцы, какъ нарочно, успѣли къ этому времени воротить себѣ счастье и опрокинули нѣкоторыхъ русскихъ воеводъ.

Между тѣмъ открылся новый, третій русскій походъ противъ Ревеля. Мы ужь имѣли случай замѣтить, какую важную роль игралъ тогда этотъ городъ, и видѣли, какъ усиленно всегда добивался его Магнусъ. Естественно, что и теперь, едва заслышавъ о новомъ движеніи Москвитянъ, онъ послалъ [1]) сказать горожанамъ ревельскимъ, чтобъ они, если желаютъ спасти свой городъ отъ раззоренія, присягнули ему. Граждане положили защищаться. Русскіе осадили (въ январѣ 1577 г.) городъ, и хотя они по обыкновенію не взяли его, но такъ какъ они не пригласили къ себѣ Магнуса, то послѣднему стало ясно, куда клонится дѣло. Магнусъ понялъ, что еслибы Русскіе и взяли городъ, они не отдали бъ его ему: а безъ Ревеля, какъ ему быть? Вѣдь безъ него Ливонское королевство никогда не можетъ ни образоваться, ни тѣмъ болѣе упрочиться.

Тутъ, конечно, припомнилась Магнусу вся исторія отношеній къ нему царя Ивана Васильевича, припомнилось, какъ царь ласкалъ его, когда онъ былъ еще свободенъ, и какъ сжималъ, обманывалъ, не сдерживалъ своихъ обѣщаній, когда онъ былъ опутанъ. Магнусъ усумнился не только въ царскомъ расположеніи, въ увѣренности, что обѣщанія Грознаго будутъ исполнены, но и въ томъ, что онъ въ состояніи ихъ выполнить; Магнусъ увидѣлъ, какъ жестоко онъ ошибся въ разчетахъ, когда задумалъ чрезъ Грознаго добыть себѣ ливонскую корону. Оскорбленное чувство человѣческаго достоинства и боязнь за личную безопасность краснорѣчиво заговорили въ королевичѣ. Онъ обратился къ своему постоянному совѣтнику и духовнику Христіану Шрафферу, чтобы тотъ посовѣтовалъ, какъ ему быть. Вдвоемъ они порѣшили, что нужно отложиться отъ царя. Вскорѣ Шрафферъ тайно отправился къ Курляндскому герцогу, затѣмъ къ королю Стефану съ секретнымъ предложеніемъ принять Магнуса въ вассалы. Герцогъ согласился, но Баторія не особенно обрадовало это добровольное подчиненіе. Какъ искусный политикъ, онъ хорошо сознавалъ всю ничтожность наличныхъ средствъ просителя и неудобство разрыва съ Москвой теперь, ради интересовъ Магнуса; къ московской войнѣ онъ еще только подготовлялся. Король отвѣтилъ просителю, что было бы хорошо, еслибъ онъ прежде занялъ Дерптъ или иной

[1]) *Nyenstädt*, S. 77; *Russow*, Bl. 95—102.

Библиотека "Руниверс"

какой-нибудь важный городъ: тогда удобнѣе можно было бъ охранять его [1]).

Эти измѣнническія сношенія, хотя и не достигшія своей цѣли, не могли пройдти Магнусу даромъ. Какъ ни осторожно велись они, глухая молва о нихъ достигла до мнительнаго царя, и гроза, собиравшаяся надъ головой Магнуса, еще болѣе сгустилась.

На первыхъ порахъ впрочемъ казалось, что они принесли Магнусу пользу. Иванъ Васильевичъ, двигавшійся въ то время въ Ливонію, потребовалъ его къ себѣ во Псковъ, но впрочемъ обошелся съ нимъ довольно ласково, гораздо ласковѣе, чѣмъ можно было бъ ожидать. Онъ даже постановилъ договоръ, по которому Венденъ и всѣ земли на востокъ отъ Аа должны были перейдти во владѣніе Магнуса; чтобы завладѣть ими онъ обѣщалъ свое содѣйствіе; что же касается другихъ городовъ и мѣстечекъ, то еслибъ они захотѣли отдаться королевичу, Магнусъ долженъ напередъ извѣстить его и просить совѣта [2]). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Ивана Васильевича располагало къ такимъ рѣшеніямъ то, что онъ еще не имѣлъ опредѣленныхъ свѣдѣній о сношеніяхъ Магнуса; но въ то же время важность предстоящаго дѣла — онъ шелъ теперь съ рѣшительнымъ намѣреніемъ покорить себѣ всю Ливонію — совсѣмъ не располагала его къ ссорѣ съ Магнусомъ; напротивъ того, теперь, по обстоятельствамъ казалось удобнѣе было сдѣлать ему небольшую поблажку, указать ему достижимую и выгодную цѣль.

Изъ Пскова Магнусъ отправился въ обратный путь, а Иванъ Васильевичъ, противъ всѣхъ ожиданій, что пойдетъ къ Ригѣ, повернулъ въ польскую Ливонію, засталъ ее врасплохъ, и не встрѣчая сопротивленія, побѣдоносно двинулся впередъ. Въ своей жестокости онъ не хотѣлъ знать никакихъ предѣловъ, и жители пришли въ ужасъ. Молва объ этихъ дѣйствіяхъ царя и народная паника пришлись Магнусу лучше всякой дѣйствительной помощи: онѣ невольно обратили на него взоры Ливонцевъ. Отъ Магнуса, какъ одноплеменника и единовѣрца, Ливонцамъ нельзя было ожидать подобныхъ жестокостей. Къ тому жь онъ торжественно объявилъ имъ, что если они желаютъ освободиться отъ гибели, пусть скорѣе подчинятся ему, нѣмецко-христіанскому князю. И городъ за городомъ, крѣпость за крѣпостію—Венденъ, Кокенгаузенъ, Ашераденъ, Ленвардъ, Эрла, Воль-

---

[1]) *Dogiel*, Codex dipl. regni Poloniae, V, № CLXXII—CLXXIV.

[2]) *Henning*, Bl. 61 b; *Russow*, 103 a; *Nyenstädt*, S. 79.

Библиотека "Руниверс"

маръ и другіе — добровольно сдались ему. Это былъ не завоевательный походъ, а скорѣе торжественное шествіе. Но неожиданное счастіе, по видимому, не замедлило вскружить Магнусу голову. Ему показалось, что пришла пора осуществить его задушевную мечту, время сдѣлаться дѣйствительнымъ королемъ Ливоніи. Въ увлеченіи онъ сталъ нѣсколько самоувѣренно смотрѣть на Ивана Васильевича и мало заботился о заблаговременной доставкѣ ему свѣдѣній и о полученіи отъ него распоряженій. Между прочимъ онъ принялъ изъявленіе покорности и отъ нѣкоторыхъ такихъ городовъ, которые лежали по ту сторону Аа, но въ силу Псковскаго договора, Магнусъ не могъ этого сдѣлать, не снесясь напередъ съ Иваномъ Васильевичемъ. На эти дѣйствія, о которыхъ царь узналъ изъ посторонннихъ источниковъ, онъ, и безъ того сомнѣвавшійся въ надежности Магнуса, посмотрѣлъ какъ на явное нарушеніе подданнической вѣрности. Еще болѣе убѣдился Грозный въ измѣнническихъ намѣреніяхъ Магнуса, когда около того времени получилъ отъ князя Александра Полубенскаго, воеводы Вольмара, подробныя свѣдѣнія о сношеніяхъ Магнуса съ герцогомъ Курляндскимъ и королемъ Польскимъ.

Быстро измѣнилъ Грозный движеніе своихъ войскъ, разорилъ нѣсколько подчинившихся Магнусу укрѣпленій, приказалъ своимъ воеводамъ забирать и другія, а самъ стремительно подступилъ къ Вендену, въ которомъ находился тогда Магнусъ, и потребовалъ его къ себѣ. Магнуса ждала жестокая кара. Сопротивляться не представлялось никакой возможности; надѣяться на помощь Баторія было совершенно безполезно; Магнусъ завелъ было предъ тѣмъ сношенія съ Ригой, но Рижане, опасаясь навлечь на себя месть Грознаго, наотрѣзъ отказались имѣть съ нимъ какія бы то ни было дѣла. Венденъ трепеталъ за свою участь и побуждалъ Магнуса исполнить царское повелѣніе, чтобы тѣмъ спасти себя и городъ. Не съ веселыми чувствами, въ сопровожденіи двадцати-пяти человѣкъ свиты, подъ благовиднымъ предлогомъ личныхъ переговоровъ съ русскими воеводами, Магнусъ вышелъ за крѣпкія городскія ворота. Тамъ оцѣпила его группа русскихъ воиновъ и повела къ царю. Магнусъ зналъ суровый нравъ царя, зналъ также и то, что при настоящемъ положеніи достаточно одного гнѣвнаго царскаго слова, роковаго приказанія, чтобы въ концѣ разрушились всѣ его мечты о созданіи Ливонскаго королевства, даже чтобы лишиться ему жизни. Благородное присутствіе духа измѣнило Магнусу. Единственнымъ средствомъ спасти себя онъ счелъ униженіе. Завидя царскую палатку, у которой стоялъ Грозный съ

Библиотека "Руниверс"

своими приближенными, нѣмецкій принцъ и Ливонскій король, говорятъ, палъ на колѣни и въ такомъ приниженномъ видѣ ползъ къ ней. Съ слезами на глазахъ просилъ онъ помилованія. „И ты, презрѣнный простофиля“ (elender Tropff), получилъ онъ въ отвѣтъ,— „смѣлъ надѣяться завладѣть Ливоніей и быть въ ней господиномъ? Не я ли тебя, когда ты бѣжалъ изъ отечества и скитался въ бѣдности, принялъ въ свой родъ, женилъ на племянницѣ, которой ты не стоилъ, обогатилъ тебя, далъ тебѣ денегъ, людей, платья, доставилъ большой почетъ, и ты смѣлъ измѣнить своему благодѣтелю? Какъ? Не нѣсколько ли разъ обвиняли тебя въ томъ, что ты домогался моей власти, и ты все-таки высокомѣрно презиралъ своего лучшаго друга, благодѣтеля, не говорю уже царя?.. Но очи Божіи блюли за мною, предали тебя въ мои руки, уничтожили всѣ твои козни. Потому совершенно справедливо отнимаю теперь у тебя все, что ни далъ я тебѣ по своей особенной милости“ [1]). Царь велѣлъ засадить его самого и его свиту въ одну стоявшую неподалеку хижину, ветхую, безъ кровли, и въ ней, на голой соломѣ, они пробыли пять сутокъ; свита съ часу на часъ ожидала себѣ смерти [2]); однако то, что Грозный сорвалъ свою досаду, и безусловная покорность Магнуса значительно смягчили его. Отъ Вендена плѣнника повезли въ Московію, но когда довезли до Дерпта, царь простилъ (19-го сентября) его, возвратилъ ему почти всѣ города и королевскій титулъ, съ условіемъ выплатить 40,000 венгерскихъ гульденовъ. „Самъ происходя отъ Римскаго императора и нѣмецкой крови“, сказалъ ему Иванъ Васильевичъ,—„я уважаю въ тебѣ короля, королевскаго сына и своего родственника, и думаю, что не ты—главный виновникъ, а твой совѣтникъ Шрафферъ“ [3]).

Иванъ Васильевичъ когда отпускалъ Магнуса, думалъ, что сильно пригрозилъ ему, и разчитывалъ, что можетъ всегда опять, если понадобится, имѣть его въ своихъ рукахъ. Но противъ его ожиданій, они больше уже не видались другъ съ другомъ. Вытерпѣвъ предъ Грознымъ жестокое униженіе, Магнусъ долженъ былъ возненавидѣть его; понятно, по возвращеніи изъ Дерпта къ своей женѣ въ Кар-

---

[1]) *Oldenborn*, 39—40, *P. Petrei* Historien u. Bericht v. d. Grossfurstentumb Muschkow, 185.

[2]) *Russow*, Bl 105 a. У другихъ хронистовъ вся эта сцена разказывается впрочемъ иначе, мягче.

[3]) *Nyenstädt*, S. 80; *Henning*, Bl. 66 b; *Russow*, Bl. 105 b.

Библиотека "Руниверс"

кусъ, онъ съ бо́льшимъ, чѣмъ прежде, желаніемъ сталъ дожидаться удобнаго времени, чтобъ явно измѣнить своему сюзерену.

Удобный случай не заставилъ долго ждать себя. Счастливая звѣзда Ивана Васильевича быстро клонилась къ упадку. Съ его отъѣздомъ изъ Ливоніи кончилась здѣсь слава русскаго оружія, Поляки и Шведы оттѣсняли наши войска, возвращали потерянныя земли. 4-го іюня 1578 года между Швеціей и Польшей былъ заключенъ миръ; это показало Магнусу, что продолжать сохранять вѣрность царю значитъ—чуть не намѣренно напередъ отказаться отъ своихъ владѣній. И прежде, когда названныя два государства враждовали между собою, ему не всегда удобно было защищаться отъ нихъ, а теперь, съ взаимнымъ ихъ примиреніемъ, какъ устоять ему? Въ Магнусѣ возникла увѣренность, что теперь Баторій, какъ открывшій военныя дѣйствія противъ Москвы, не откажется принять его подъ свое покровительство. Вскорѣ Шрафферъ дѣйствительно извѣстилъ его, что король согласенъ на это. И Магнусъ, вмѣсто того, чтобы доставить Грозному обѣщанный штрафъ и поддерживать его противъ враговъ, наскоро собрался и отправился вмѣстѣ съ своею супругой подальше отъ Московіи въ Пильтенъ, а оттуда къ литовскимъ границамъ въ Баускъ, и здѣсь съ Николаемъ Радивиллом окончательно рѣшилъ переговоры. Всѣ его владѣнія навсегда подчинялись польской коронѣ, впрочемъ, безъ нарушенія прежнихъ почетныхъ правъ его брата, Датскаго короля; старшаго сына Курляндскаго герцога, принца Фридриха, Магнусъ обязывался принять въ качествѣ сына и наслѣдника, и за все это король Стефанъ обѣщалъ ему свою охрану [1]).

Подчиненіемъ Польскому королю Магнусъ думалъ воспользоваться какъ подходящимъ средствомъ, чтобъ удержать за собою свои владѣнія. Но надежды его не оправдались.

Хорошо сознавая, что Магнусу не къ кому теперь болѣе прильнуть, Поляки, подъ благовиднымъ предлогомъ защиты его владѣній отъ внѣшнихъ враговъ, словно урѣзывали его во всемъ, безцеремонно стѣсняли его въ управленіи и въ болѣе или менѣе безконтрольное распоряженіе предоставили ему одинъ отдаленный Пильтенъ. Русскія войска, съ своей стороны, услыхавъ о его измѣнѣ, разрушили Оберпаленъ; Иванъ Васильевичъ уступилъ Фридриху Датскому Эзель. Политическая роль Магнуса упала до ничтожества. Новые властители вполнѣ орудовали имъ, вынуждали его вездѣ ходить на ихъ помо-

[1]) Cod. diplom. Polon., V, № CLXXV; *Henning*, Bl. 68 a.

Библиотека "Руниверс"

чахъ; онъ даже пересталъ употреблять свой титулъ Ливонскаго короля. Въ послѣдній разъ съ нѣкоторымъ блескомъ Магнусъ заявилъ о себѣ въ 1580 году, когда вмѣстѣ съ Поляками опустошалъ русскія окрестности Дерпта; но это было и послѣднимъ посѣщеніемъ имъ Лифляндіи; послѣ того онъ ужь и не бывалъ въ ней. По возвращеніи въ Пильтенъ, его ждалъ семейный праздникъ—крещеніе тридцати-недѣльной дочери Евдокіи. Флетчеръ передаетъ [1]), что крещеніе совершили по обряду православному. На пиръ гостей собралось до 80 человѣкъ. Послѣ него Марья Владиміровна была отправлена въ Донаугенъ [2]).

Во время войны съ Россіей Поляки еще могли прикрывать различными благовидными предлогами свое вмѣшательство во внутреннія дѣла Магнусовыхъ владѣній. Въ январѣ 1582 года она прекратилась, завершившись Запольскимъ перемиріемъ, по которому Русскіе уступили имъ Ливонію. Магнусъ обратился къ Стефану, чтобы тотъ выдалъ ему ленъ. Заручиться послѣднимъ Магнусу было выгодно въ томъ отношеніи, что онъ обезпечивалъ бы за нимъ обѣщанную безконтрольность. Проницательный король любезно отвѣтилъ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ предварительнаго рѣшенія сейма. Сеймъ собирался въ Варшавѣ, и Магнусъ отправилъ туда своихъ уполномоченныхъ—Христіана Шраффера, Фридриха Крюмера и Вильгельма Штурца, далъ имъ подробную инструкцію и нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нѣкоторымъ знатнымъ панамъ. Уполномоченные добились только того, что окончательное рѣшеніе Магнусовой просьбы сеймъ отложилъ до слѣдующаго сейма [3]). Напрасно было бы, кажется, добавлять, что это была одна пустая отговорка. Вмѣсто обѣщаннаго рѣшенія, которое доставило бы Магнусу безконтрольность во всѣхъ его владѣніяхъ, скоро обнаружились хитрыя притязанія и на неприкосновенный дотолѣ Пильтенъ [4])...

Магнусъ не въ силахъ былъ долѣе сносить огорченія. Здоровье его разстроилось раньше времени. Больнаго навѣстила Марья Владиміровна, пріѣхавшая къ нему въ Пильтенъ со своею малюткой; но и прибытіе супруги не подняло несчастнаго, и 18-го марта 1583 года, онъ скончался сорока-двухъ лѣтъ.

---

[1]) *Флетчеръ*, О государствѣ Русскомъ. Лондонъ. 1591.

[2]) *Henning*, Bl. 706.

[3]) Инструкція, письма и нѣкоторые другіе важнѣйшіе документы этой исторіи помѣщены въ *Mittheil.*, III, 330—343.

[4]) *Henning*, Bl. 726—73 a и в.

Библиотека "Руниверс"

Даже смерть не принесла ему желаннаго покоя. Пильтенскіе дворяне, не желая подчиняться Польшѣ и Курляндіи, старательно скрывали кончину Магнуса, чтобы тѣмъ временемъ предупредить его брата Фридриха, на сторону котораго они клонились. Когда Юрій Радивиллъ, губернаторъ Ливоніи, прислалъ въ Пильтенъ пословъ навѣдаться о достовѣрности слуховъ, ходившихъ о Магнусовой смерти, дворяне увѣряли ихъ, что онъ не помиралъ и для большей доказательности своихъ словъ на торжественномъ обѣдѣ шумно пили за его выздоровленіе. Укрывательскіе маневры вообще велись съ такимъ искусствомъ, что долго оставляли въ заблужденіи самого короля Стефана, такъ что онъ въ своемъ невѣдѣніи еще отъ 23-го апрѣля писалъ къ Радивиллу о мѣрахъ, которыя должны приняты въ случаѣ смерти Магнуса. Потомъ, когда скрывать болѣе не представлялось возможности, тѣло было выставлено и похоронено въ дворцовой пильтенской киркѣ. Въ слѣдующемъ году его перевезли въ Данію: такъ передаетъ лѣтопись Руссовъ [1]); по пильтенскимъ же церковнымъ книгамъ [2]), это случилось лишь 79 лѣтъ спустя, 5-го апрѣля 1662 года.

Большая часть современниковъ и писателей ближайшихъ къ Магнусу поколѣній не добромъ помянули несчастнаго принца. Не ограничивались тѣмъ, что чернили его дѣятельность, жизнь, характеръ, умъ, даже о внѣшности его разсказывали разныя небылицы: такъ напримѣръ, Діонисій Фабриціи, католическій писатель начала XVII вѣка, изъ города Феллина, въ своей Ливонской исторіи изобразилъ его чистымъ чудовищемъ, съ однимъ глазомъ и гусиною ногой; испуганная набожная мать будто бы хотѣла бросить его въ воду, между тѣмъ какъ достовѣрно извѣстно, что мать-то особенно и любила Магнуса, такъ что пока она жила, его старшій братъ Фридрихъ не осмѣливался ни явно бросить его, ни тѣмъ болѣе обижать.

Что касается сужденій о политической жизни Магнуса, то говорившіе о немъ писатели, сами принадлежа къ одной изъ современныхъ ему партій религіозныхъ или политическихъ, смотрѣли на него подъ исключительнымъ угломъ зрѣнія своихъ партій. Одни изъ нихъ не жаловали его за политическія неудачи, другіе — за то, что онъ нѣкоторое время былъ солидаренъ съ Грознымъ; католики не терпѣли его за лютеранскія убѣжденія и благосклонность къ протестантамъ, и т. д. Всѣ они въ большинствѣ случаевъ не обнаружили на-

[1]) *Russow*, Bl. 134 a.

[2]) *Kalmeyer*, Wo ist Herzog Magnus begraben? въ *Das Inland*, 1837, № 25.

Библиотека "Руниверс"

клонности посмотрѣть на личность Магнуса спокойно, въ связи съ тѣми бурными событіями, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Вслѣдъ за современниками, и Карамзинъ, единственный изъ нашихъ историковъ, попытавшійся болѣе или менѣе ясно характеризовать Магнуса, изобразилъ его низкимъ, трусливымъ честолюбцемъ и нашелъ его во всемъ виноватымъ предъ Грознымъ; но тотъ же Карамзинъ, чуткій къ исторической правдѣ, не могъ не назвать несчастнаго осужденнымъ быть удивительнымъ „игралищемъ судьбы".

Въ свою очередь и эта послѣдняя мысль получила дальнѣйшее развитіе въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ нѣмецкихъ біографовъ Магнуса: послѣдній изъ нихъ, Буссе, всѣ неудачи Магнуса свалилъ на постороннія, не зависѣвшія отъ него обстоятельства и чрезъ то сильно затемнилъ личность своего героя, хотя, по мѣстамъ, и старался показать, что онъ видитъ въ немъ широкій, способный къ управленію умъ. По видимому, Магнусъ былъ вообще натурой болѣе цѣльною, чѣмъ обыкновенно привыкли считать его, и заслуживаетъ болѣе гуманнаго отношенія, нежели съ какимъ привыкли обращаться къ нему. Въ личности Магнуса нѣтъ чего-нибудь особенно жесткаго или отвращающаго; скорѣе можно найдти черты мягкія, даже симпатичныя, это былъ, какъ говорится, добрый малый, человѣкъ не безъ гуманныхъ свойствъ и стремленій, у котораго однако не было достаточно ни матеріальныхъ средствъ, ни практической мудрости, чтобы справиться съ гнетущими обстоятельствами. Вся жизнь его прошла между молотомъ и наковальней.

Не лучшая выпала судьба и супругѣ Магнуса, Марьѣ Владиміровнѣ. Изъ всего, оставшагося ей послѣ мужа наслѣдства самой неотъемлемою частью оказались его несчастья и безпомощность.

Король Стефанъ Баторій какъ только узналъ о вдовствѣ Марьи Владиміровны, написалъ (23-го мая 1583 года) ей на латинскомъ языкѣ письмо, въ которомъ утѣшалъ ее въ постигшемъ несчастіи и совѣтовалъ имѣть полное довѣріе къ Станиславу Костѣ, посланному къ ней съ тайными порученіями. Если,—добавлялъ король—она пожелаетъ возвратиться въ Россію, можетъ: онъ велитъ проводить ее съ надлежащимъ почетомъ, если же останется въ Ливоніи, то узнаетъ, что онъ можетъ цѣнить знатность рода и измѣнчивость обстоятельствъ [1]). Не знаемъ точно, въ чемъ состояли секретныя порученія Стефана, но знаемъ, какъ выполнилъ онъ свои благородныя

[1]) *Mittheil.*, III, 346—347.

Библиотека "Руниверс"

обѣщанія. Мало по малу Марья Владиміровна была лишена всѣхъ своихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ и затѣмъ отправлена въ Рижскую крѣпость. На годовое содержаніе ей положено всего около тысячи талеровъ, помѣщеніе отвели тѣсное, штатъ прислуги недостаточный. Здѣсь жила она подъ строгимъ наблюденіемъ коменданта, входъ къ ней дозволялся постороннимъ лицамъ только съ разрѣшенія губернатора и кардинала Радивилла. Почетной плѣнницѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ сосредоточиться въ самой себѣ и сосредоточить всѣ свои симпатіи и заботы на находившейся при ней малюткѣ-дочери.

Среди такой безотрадной и безнадежной жизни вдругъ мелькнулъ свѣтлый лучъ, посулившій Марьѣ Владиміровнѣ счастье, богатство и свободу. Лучъ блеснулъ съ той стороны, откуда она всего менѣе, кажется, ожидала его.

Ровно чрезъ годъ послѣ смерти Магнуса скончался (18-го марта 1584 г.) его московскій сюзеренъ, царь Иванъ Васильевичъ. Престолъ занялъ его сынъ и троюродный братъ Марьи Владиміровны, Ѳедоръ Ивановичъ. По обнаруженной имъ неспособности къ государственному правленію, всѣми дѣлами заправлялъ ловкій и честолюбивый его шуринъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ. Какъ человѣкъ, еще только прокладывавшій себѣ дорогу и не имѣвшій подъ собою вполнѣ твердой почвы, онъ необходимо забиралъ въ свои руки тѣхъ, кто казался ему опаснымъ. Въ своихъ рукахъ Борисъ пожелалъ имѣть и Марью Владиміровну съ ея дочерью. Прямая причина этого желанія достовѣрно неизвѣстна; современники же полагали ее въ томъ, что вдовствующая королева и ея дочь, какъ ближайшія родственницы бездѣтнаго царя, могли считаться и ближайшими наслѣдницами престола, на который между тѣмъ уже будто бы мѣтилъ самъ Борисъ. Отправляя (въ августѣ 1585 г.) отъ имени Ѳедора Ивановича посломъ въ Англію расторопнаго Англичанина Іеронима Горсея, правитель далъ ему секретное порученіе заѣхать по пути въ Ригу, чтобъ уговорить тамъ Марью Владиміровну возвратиться въ Россію. Скупиться на обѣщанія онъ не велѣлъ. Горсей, какъ онъ увѣряетъ, не подозрѣвалъ тутъ никакихъ худыхъ мотивовъ и потому взялся за дѣло энергично. Въ Ригѣ онъ ловко вкрался въ расположеніе Радивилла и добился отъ него позволенія на доступъ къ Марьѣ Владиміровнѣ.

Русскій посолъ нашелъ ее уже далеко не тою скромною дѣвочкой, какою она выѣхала изъ Москвы назадъ тому двѣнадцать слишкомъ

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ. Марья Владиміровна была уже важною, хотя и молодою особой, умѣвшею при случаѣ принять величественный видъ, при случаѣ сказать умное и ловкое слово; но при всемъ томъ она осталась все тою же добродушною Москвитянкой, женщиной, которая жила болѣе сердцемъ, нежели умомъ. Когда входилъ къ ней Горсей, она разчесывала волосы своей любимой дочери, очень хорошенькой дѣвочкѣ. Послѣдней шелъ всего пятый годъ, но Горсей далъ ей цѣлыхъ девять лѣтъ. Объ аудіенціи своей онъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

На вопросъ королевы [1]: что ему нужно, Горсей изъявилъ желаніе поговорить съ нею наединѣ. Она сначала посмотрѣла на него сурово и сказала, что не знаетъ его и что у нея нѣтъ особыхъ пріемныхъ комнатъ и свиты. Оставивъ свою дочь съ дворянкой, она отошла къ окну и приняла еще болѣе величественную осанку. „Государыня", сказалъ ей тогда Горсей,—„у меня нѣтъ времени распространяться о причинѣ посольства моего къ вашему высочеству; позвольте мнѣ просить васъ сохранить въ тайнѣ то, о чемъ я буду говорить съ вами, имѣя въ виду одну вашу пользу". Марья Владиміровна молчала. Горсей продолжалъ „Братъ вашъ, царь Ѳедоръ Ивановичъ, провѣдавъ о той нуждѣ, въ какой живете вы и дочь ваша, желаетъ, чтобы вы возвратились на родину; тамъ бы вы были поставлены сообразно вашему царственному рожденію и сану и получили бы приличное содержаніе, а правитель Борисъ Годуновъ съ своей стороны обязывается выполнить это". Она отвѣчала: „Они меня не знаютъ, и я—ихъ, не вашъ видъ, рѣчь и наружность побуждаютъ меня вѣрить имъ болѣе, чѣмъ приказываетъ разсудокъ"... Но на этихъ словахъ недовѣрчивый комендантъ велѣлъ вывести Горсея. Этотъ нечаянный перерывъ бесѣды вышелъ какъ нельзя болѣе не кстати. Марью Владиміровну взорвало: подъ вліяніемъ нахлынувшихъ чувствъ, нечаянной радости и досады она не выдержала, заплакала; глядя на нее, заплакали дочь и дворянка. Она выразила желаніе, чтобы Горсей снова добился доступа къ ней. Это ему дѣйствительно удалось, и чтобъ обезоружить коменданта, онъ далъ ему денегъ.

„Королева", продолжаетъ Горсей,—„съ нетерпѣніемъ желала выслушать остальное; я такъ охотно сообщилъ ей все. „Вы видите, сэръ", сказала она,—„я здѣсь какъ плѣнница; содержаніе мое самое скудное, едва тысяча талеровъ въ годъ!" „Вы можете помочь этому, если пожелаете". „Два важныя сомнѣнія тревожатъ меня: положимъ, я се-

[1]) Горсей называетъ ее Еленой; это, очевидно, ошибка.

Библиотека "Руниверс"

гласилась бы ѣхать съ вами, но я не имѣю возможности бѣжать и думаю, что это очень трудно; принимаю во вниманіе и то, что король и государство хотятъ пользоваться моимъ рожденіемъ и кровью, какъ египетскими божками; а съ другой стороны, я знаю московскіе обычаи и мало имѣю надежды, чтобы тамъ поступили со мною иначе, чѣмъ какъ обыкновенно поступаютъ съ царскими вдовами, запирая ихъ въ несносные монастыри; это мнѣ было бы хуже смерти". „Ваше положеніе совсѣмъ другое, да и времена не тѣ; теперь никого не принуждаютъ къ этому, у кого есть ребенокъ или дѣти, которыхъ нужно воспитывать".

Хитрый Англичанинъ искусно затронулъ материнское чувство молодой королевы. Она спросила: „Какое мнѣ ручательство въ этомъ и въ томъ, что дѣйствительно такъ думаютъ тѣ, отъ имени которыхъ вы говорите?" „Если вы согласитесь, то можете подвергнуть это опыту, а увѣренность въ успѣхѣ съ вашей стороны можетъ много способствовать благополучному исходу предпринятаго вами бѣгства; нужно только, чтобы вы убѣдились и увидѣли въ задуманныхъ средствахъ возможность безопасно выполнить его". „Я должна положиться на Бога и на вашу христіанскую скромность и обѣщаніе; позвольте узнать ваше мнѣніе и приблизительно время, когда это можетъ случиться?" „Не сомнѣвайтесь, милостивая государыня; чрезъ два мѣсяца ваше высочество узнаете и то, и другое; я оставлю вамъ въ залогъ эти сто венгерскихъ дукатовъ, а чрезъ семь недѣль или около того ваша милость получите ещё четыреста".

Марья Владиміровна приняла деньги съ благодарностью. Горсей подѣсъ еще двадцать дукатовъ ея дочери. На прощаніи Іонѣ обѣ пожали ему руку, и онъ вышелъ очень счастливый своимъ успѣхомъ.

Комендантъ, удивленный, что Горсей такъ долго оставался у Марьи Владиміровны, доложилъ объ этомъ Радзивиллу. „Да ну его, отвѣчалъ тотъ,—и не подозрѣвайте; вы видите, какой онъ молодой и красивый... Я желалъ бы, чтобъ она досталась ему: тогда я возвратилъ бы то, чего она стоила; но на это не согласятся ни король, ни государство и за сто тысячъ дукатовъ".

Отблагодаривъ любезнаго кардинала, Горсей поспѣшно отправился далѣе. Въ городскихъ воротахъ съ нимъ встрѣтилась аристократической наружности дѣвушка, и не говоря отъ кого, подала ему носовой платокъ съ завязаннымъ въ немъ маленькимъ перстнемъ. Платокъ и письменное донесеніе о своихъ успѣхахъ Горсей, когда прибылъ въ Данцигъ, находившійся внѣ власти Радзивилла, нарочно

Библиотека "Руниверс"

отправивъ со своимъ слугой въ Москву, къ Годунову. Слѣдствіемъ того, по свидѣтельству Горсея, было, что „королева и дочь были затѣмъ очень ловко похищены и отправлены на почтовыхъ чрезъ Ливонію, прежде чѣмъ замѣтили, что ихъ нѣтъ. Комендантъ послалъ за ними верховыхъ, но было уже поздно. Его отставили отъ должности и назначили на его мѣсто другаго, болѣе осторожнаго“ [1]). Довѣрять этому извѣстію нѣтъ никакихъ основаній, хотя оно до сихъ поръ принято въ нашей исторической литературѣ [2]). Два документа, хранящіеся въ государственномъ архивѣ и изданные Московскимъ обществомъ исторіи и древности россійскихъ, съ неопровержимою достовѣрностію говорятъ, что никакого такого романическаго тайнаго похищенія не было. Дѣло сдѣлалось гораздо проще. Русское правительство, заручившись согласіемъ Маріи Владиміровны, просило польское правительство о добровольномъ ея отпускѣ въ Россію, а послѣднее, давно уже тяготившееся непріятною для себя обузой, съ полною готовностью исполнило эту, давно желанную, просьбу.

Въ февралѣ 1586 года царь Ѳедоръ Ивановичъ писалъ Радивиллу: „Доносили до нашего царскаго величества бояре наши, что присылала къ намъ бити челомъ эрцгерцогиня королева внучка Марья, князя Володимерова дочь, человѣка своего Вилима [3]), просячи того, чтобъ намъ надъ ней милосердіе свое показать, взять бы намъ ее къ себѣ въ наше государство... И мы, выслушавши челобитье ее, надъ ней милость свою показали, велѣли если ей ѣхать къ намъ въ наше государство... Нынѣ послали если къ тобѣ своего сына боярскаго Салтана Дубровскаго, и какъ нашъ сынъ боярскій Салтанъ у тебя будетъ, и ты бъ къ намъ службу свою совершилъ, эрцгерцогиню королеву княжну Марію отпустилъ къ намъ въ наше государство, и проводити ее послалъ до нашей отчизны до псковскаго рубежа своихъ людей съ нашимъ сыномъ боярскимъ, чтобъ ей пріѣхать здорово“. За эту услугу царь обѣщалъ Радивиллу неоскудно держать къ нему свое жалованье [4]). 25-го марта того же 1586 года

[1]) *Библ. д. чтен.* 1865 г., № 6, стр. 8—11: Записки о Московіи XVI вѣка, сера Джерома Горсея.

[2]) См. *Костомаровъ*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, 1, 572.

[3]) Здѣсь, вѣроятно, разумѣется присланный Горсеемъ слуга, «данцигскій поселянинъ». Имени его Горсей не называетъ.

[4]) Листъ отъ князя великаго Московскаго до его милости князя Кардынала,

Библиотека "Руниверс"

кардиналъ отвѣтилъ Ѳедору Ивановичу, что его „листъ" онъ получилъ въ г. Гродно, гдѣ былъ тогда и наисвѣтлѣйшій король, „и мы", продолжалъ Радзивиллъ, — „донесши то въ вѣдомости наисвѣтлѣйшему и великому господарю нашему милостивому, били есмо челомъ его королевской милости, и наисвѣтлѣйшій великій государь нашъ милостивый, будучи съ вашей милостью въ доброй и братской пріязни, позволилъ съ панствъ своихъ государскихъ княжну [1]) Марью Магнусовую при вашей милости сыну боярскому при Солтану Дубровскомъ добровольные отпустити, и азъ до границъ вашей милости проводити; а держати есмо ее во всякой чти яко пристоитъ обыкласъ христіанскимъ" [2]).

Марья Владиміровна разсталась съ осаждавшими ее невзгодами. Въ Москвѣ окружили ее большимъ почетомъ, дали ей свой дворъ, удѣлъ и богатое содержаніе. Жизнь наступила привольная, если только вообще можно такъ выразиться о жизни русской до-петровской женщины знатнаго рода. Но вдругъ, какъ передаетъ Горсей, — среди этого приволья послышалось раздирающее душу восклицаніе: „Будетъ же проклято то время, когда я повѣрила обманщику!" то былъ отчаянный голосъ убитой горемъ женщины, вдругъ лишившейся всего ей дорогаго. Русскій Татаринъ злостно перехитрилъ ее. Неизвѣстно для какой цѣли Годуновъ первоначально разыгрывалъ комедію, хотѣлъ ли онъ отвести глаза польскому правительству, или чтобы найдти болѣе удобный случай очернить Марью Владиміровну въ глазахъ царя Ѳеодора и заручиться его согласіемъ на пожизненное ея заключеніе. Англійскій посолъ Флетчеръ свидѣтельствуетъ, что Борисъ предложилъ ей выбрать себѣ монастырь или темницу. Марья Владиміровна выбрала первое. Ее отвезли въ Пятницкій, близъ Троицы, монастырь и постригли подъ именемъ инокини Маріи. Злая судьба не оставила ее и въ мрачной кельѣ вскорѣ. Марья Владиміровна горько оплакала смерть, говорятъ, не естественную, своей любимой дочери, ея единственной отрады, но сама оставалась въ живыхъ еще не менѣе двадцати лѣтъ: по крайней мѣрѣ одинъ документъ, напечатанный во II-мъ томѣ Актовъ Историческихъ (стр. 286), показываетъ ее жи-

---

писанный о княгинюю Магнусовую. *Тр. и лет. общ. и. и др. росс.* 1837 г., VIII, 392—393.

[1]) Поляки вообще не называли ее королевою, а только княжной.

[2]) Опись е. м. князя кардиналовъ до в. князя Московскаго. Тамъ же, стр. 395—396.

Библиотека "Руниверс"

вою въ 1609 году. Когда она скончалась—неизвѣстно. Монахи Троицко-Сергіевой лавры, какъ могли, почтили покойницъ. Гробницы ихъ они поставили въ своемъ Успенскомъ храмѣ и на гробницѣ дочери написали: „лѣта 7097 (1589), марта въ 17 день, представися благовѣрная королевна Евдокея"; надпись же на гробницѣ матери: „лѣта 7105 (1597) іюня 13 дня преставися благовѣрная королева инока Марѳа Владиміровна", какъ очевидно изъ предыдущаго, не вѣрна, и ошибка въ ней сдѣлана, вѣроятно, при ея подновленіи [1]). Ливонцы-современники передали о своей королевѣ добрую память: въ ихъ разсказахъ она представляется женщиной покорною и доброю, помощницей несчастнымъ сиротамъ, покровительницей ливонскимъ плѣнникамъ въ Россіи.

---

[1]) *Москвитянинъ* 1841 г., кн. II, стр. 557.

Д. Цвѣтаевъ.

Библиотека "Руниверс"

ПАТРИКЪ ГОРДОНЪ И ЕГО ДНЕВНИКЪ [1]).

Послѣднее время службы и дѣятельности.

Возвратившись въ Нѣмецкую слободу осенью 1696 года, Гордонъ жилъ тамъ спокойно до отправленія своего къ Азову въ третій разъ, въ апрѣлѣ 1697 года. Образъ его жизни и занятія оставались прежніе. Военно-административная дѣятельность его, какъ кажется, принимала все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Вмѣстѣ съ Шеинымъ онъ управлялъ всею военною частью.

Петръ между тѣмъ готовился къ отъѣзду за границу. Какъ извѣстно, незадолго до отъѣзда случился заговоръ Цыклера, Соковнина и Пушкина. Въ самый день обнаруженія этого заговора, 23-го февраля, Гордонъ также какъ и другіе близкіе къ Петру люди, провелъ вечеръ у Лефорта, но какъ пишетъ нашъ генералъ,—заговоръ помѣшалъ веселью. Въ день казни преступниковъ, о чемъ Гордонъ говоритъ очень подробно (II, 93), Петръ долженъ былъ ужинать у него, но не могъ явиться по случаю похоронъ своего дяди Мартемьяна Кирилловича Нарышкина.

10-го марта предъ отъѣздомъ Петра былъ обѣдъ у Петра, на которомъ участвовали важнѣйшіе сановники и иностранцы. Какъ извѣстно, Петръ, уѣзжая, ввѣрилъ управленіе государствомъ тремъ лицамъ—Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну и Петру Ивановичу Прозоровскому, а Москву „приказалъ“

[1]) *Продолженіе.* См. *Ж. М. Н. Пр.* за декабрь 1877 года

Библиотека "Руниверс"

стольнику Ѳеодору Юрьевичу Ромодановскому. Гордонъ не говоритъ о томъ въ своемъ дневникѣ; но Корбъ передаетъ слухъ, что эта мѣра была принята по совѣту Гордона, и именно съ тою цѣлью, чтобъ эти правители-соперники, „враждуя другъ съ другомъ, съ бо́льшимъ стараніемъ занимались тѣмъ, что относится до спокойствія царства“ [1]). Этотъ разсказъ не подтверждается однако никакими другими данными.

Во время отсутствія Петра Гордонъ находился въ перепискѣ какъ съ нимъ, такъ и съ Лефортомъ (III, 95, 163). Главною обязанностью его тогда было вести военныя дѣйствія на югѣ. Уже въ январѣ было рѣшено, что Гордонъ долженъ отправиться въ Азовъ [2]). Въ этомъ, впрочемъ не имѣвшемъ значенія, походѣ участвовалъ и Шеинъ, а также зять Гордона, Стевинсъ, и сыновья Джемсъ и Ѳеодоръ. Главною цѣлью похода были постройка кое-какихъ укрѣпленій въ Азовѣ и оборона южныхъ границъ отъ вѣроятнаго нападенія Турокъ и Татаръ. Въ дневникѣ Гордона за это время много говорится о разъѣздахъ его не военнымъ дѣламъ, о передвиженіяхъ войскъ, фортификаціонныхъ работахъ, совѣщаніяхъ съ Шеинымъ во время похода и съ Мазепою на возвратномъ пути въ Харьковѣ. Отношенія Гордона къ московскимъ правителямъ были чисто официальныя. Политическаго вліянія онъ не имѣлъ вовсе. Онъ былъ только генераломъ, который во всѣхъ отношеніяхъ зависѣлъ отъ центральной власти и дѣйствовалъ лишь по инструкціи Его Величества, какъ онъ называлъ московскій тріумвиратъ.

Отсутствіе Гордона изъ Москвы продолжалось отъ начала апрѣля до 9-го ноября. Возвратившись туда, онъ сталъ еще чаще писать къ Петру, отпраздновалъ въ кругу знакомыхъ и родныхъ свою серебряную свадьбу и похоронилъ своего зятя, полковника Стевинса. Сношенія его съ правителями были не слишкомъ частыя.

Въ самомъ началѣ своей служебной дѣятельности въ Россіи, въ 1662 г., Гордонъ имѣлъ случай содѣйствовать подавленію мятежа: тогда московская чернь взволновалась вслѣдствіе выпуска легковѣсной мѣдной монеты, и только нерѣшимость полковника Крафурда, начальника Гордона, воспрепятствовала ему оказать болѣе существенныя услуги правительству. Въ концѣ своей карьеры Гордону при-

[1]) Diarium, 217.
[2]) П. С. З., III, 272, № 1566.

Библиотека "Руниверс"

лось оказать русскому правительству подобную же услугу; но на этотъ разъ борьба съ мятежниками была гораздо серьезнѣе: бунтъ стрѣльцовъ обнаружилъ довольно ясно цѣли и стремленія противниковъ Петра, а Гордону принадлежала важнѣйшая доля въ его подавленіи.

Гордонъ имѣлъ достаточно случаевъ узнать характеръ русскаго войска и его недостатки. Въ дневникѣ его встрѣчается много данныхъ объ отсутствіи въ немъ дисциплины, побѣгахъ, пьянствѣ и буйствѣ русскихъ солдатъ и стрѣльцовъ. Гордонъ неоднократно и горько жаловался на лѣность, безпечность и строптивость стрѣльцовъ, которые даже въ рѣшительныя минуты, когда солдаты шли на приступъ, не торопились занять оставленныя имъ траншеи. Уже въ 1695 году подъ Азовомъ пытали и наказывали кнутомъ многихъ стрѣльцовъ, бѣжавшихъ изъ траншей и этимъ подвергавшихъ величайшей опасности начальниковъ и инженеровъ (II, 593 и 598). Впрочемъ служба стрѣльцовъ во время Азовскихъ походовъ была тяжелою, опасною и необычайною. Петръ требовалъ, чтобъ они служили не по прежнему, не возвращались домой; поэтому бывшіе подъ Азовомъ и въ Азовѣ въ 1695, 1696 и 1697 годахъ роптали. Осенью 1697 года нѣкоторые полки на возвратномъ пути въ Москву получили приказъ отправиться въ Великія Луки къ польской границѣ. Съ ожесточеніемъ въ душѣ, съ злобою на бояръ, которые третій годъ „таскали“ ихъ по службамъ, отправлялись они туда и провели тамъ зиму. Во время великаго поста 1698 года появились въ Москвѣ бѣглецы оттуда въ числѣ 175 человѣкъ. Начались сношенія стрѣльцовъ съ царевною Софіей.

Въ дневникѣ Гордона впервые о началѣ бунта говорится 3-го апрѣля. Онъ подробно разказываетъ, какъ недовольные стрѣльцы приходили къ Ромодановскому съ жалобами, и какъ по случаю арестованія нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили безпорядки. На Ромодановскомъ, какъ мы знаемъ, лежала тяжелая отвѣтственность—блюсти порядокъ въ столицѣ. Происшедшіе безпорядки сильно напугали вельможъ. Ромодановскій тотчасъ же послалъ за Гордономъ и сообщилъ ему о случившемся, „преувеличивая“, какъ полагаетъ Гордонъ—„всѣ частности“ этого событія. Гордонъ не придалъ однако движенію особеннаго значенія, указывалъ на слабость партіи недовольныхъ и на отсутствіе въ ней передоваго человѣка; онъ старался успокоить Ромодановскаго и увѣрялъ его, что не можетъ быть опасности. Впрочемъ, онъ отправился въ Бутырки, гдѣ находился его полкъ, для

Библиотека "Руниверс"

того, чтобы на всякій случай быть готовымъ къ дѣйствію. Сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія и сообщивъ о принятыхъ мѣрахъ Шеину и Ромодановскому, Гордонъ легъ спать. На другой день рано утромъ онъ велѣлъ узнать, все ли спокойно въ городѣ. Все было тихо. Гордонъ старался успокоить вельможъ; сановники, говоритъ онъ,— не только изъ дѣйствительнаго опасенія придавали большое значеніе этимъ событіямъ, но и въ тѣхъ видахъ, чтобъ ихъ заслуги въ дѣлѣ подавленія мятежа казались тѣмъ болѣе важными. Впрочемъ Гордонъ оставался въ Бутыркахъ и только на самое короткое время пріѣзжалъ къ себѣ домой въ Нѣмецкую слободу (III, 181—182). Вскорѣ однако всѣ успокоились, и Гордонъ могъ продолжать свои обычныя занятія, совѣщаться съ сановниками и иностранными инженерами о постройкѣ укрѣпленій на югѣ, переписываться съ знакомыми и вести свои частныя дѣла. Такъ прошло нѣсколько недѣль.

8-го іюня распространился слухъ, что четыре стрѣлецкіе полка, находившіеся въ Торопцѣ, склонны къ бунту. Тотчасъ же изъ Москвы отправили вѣрнаго человѣка разузнать о положеніи дѣла. 9-го было рѣшено отправить противъ стрѣльцовъ часть Бутырскаго и другихъ полковъ и арестовать 140 стрѣльцовъ, оставившихъ свои полки. 10-го и 11-го числа были получены болѣе подробныя и тревожныя извѣстія о бунтѣ. Опять сильно перепугались высшіе сановники, тотчасъ же рѣшившіе въ совѣтѣ отправить на встрѣчу приближавшимся стрѣльцамъ отрядъ войска изъ конницы и пѣхоты. Опять послали за Гордономъ и сообщили ему объ этомъ рѣшеніи. Гордонъ долженъ былъ выступить съ 2,000 войска и самъ назначалъ офицеровъ, которые должны были сопровождать его. Въ первомъ совѣщаніи по этому дѣлу Гордонъ не участвовалъ, но былъ во второмъ, въ которомъ были и подтверждены рѣшенія перваго.

12-го іюля Гордонъ обѣдалъ вмѣстѣ съ императорскимъ посломъ и датскимъ резидентомъ у польскаго посланника, но долженъ былъ встать изъ-за стола, и проститься со всѣми, отправился для принятія послѣднихъ мѣръ къ походу [1]). Очевидно, онъ былъ въ сущности главнымъ начальникомъ отряда, хотя надъ нимъ и стоялъ генералиссимусъ Шеинъ. Къ Гордону были присланы 27 человѣкъ, которыхъ онъ долженъ былъ употребить, какъ нарочныхъ, для сообщенія извѣстій въ столицу (II, 193).

---

[1]) *Gord*, Diarium, 59.

Библиотека "Руниверс"

13-го іюля Гордонъ выступилъ въ походъ. Шейнъ отправился 16-го. 17-го іюля узнали, что стрѣльцы спѣшатъ занять Воскресенскій монастырь. Гордонъ ускорилъ походъ, стараясь предупредить стрѣльцовъ. Онъ далѣе самъ въ сопровожденіи нѣкоторыхъ всадниковъ поѣхалъ впередъ, чтобъ узнать о мѣстѣ пребыванія мятежнаго войска. Ему попались на встрѣчу четыре стрѣльца съ письмомъ къ Шейну отъ всѣхъ полковъ, при чемъ объявили, что полки еще далеко, верстъ за 15, и не намѣрены въ сей день занимать монастыря. Затѣмъ Гордонъ поспѣшно двинулся впередъ и предъ вечеромъ сталъ близъ монастырской слободы Рогожи, въ выгодной позиціи на холмахъ, подъ которыми разстилается обширный лугъ на лѣвомъ берегу Истры. Тутъ Гордонъ узналъ, что на другомъ берегу рѣки появились стрѣльцы. Еслибы стрѣльцы хотя за часъ успѣли овладѣть монастыремъ, то подъ защитой его твердыни могли бы разбить войско, оставшееся вѣрнымъ Петру: утомленное дневнымъ походомъ, оно съ трудомъ могло препятствовать переправѣ стрѣлецкаго войска. Стрѣльцы уже подошли къ рѣкѣ и начали переходить ее въ бродъ. Гордонъ немедленно съ немногими всадниками поскакалъ къ переправѣ, стараясь убѣжденіями и угрозами отклонить ихъ отъ этого предпріятія. Онъ говорилъ съ ними спокойно (III, 196). Корбъ (который, очевидно, со словъ Гордона сообщаетъ подробности о бунтѣ) передаетъ рѣчи Гордона такъ: „О чемъ вы думаете? Куда идете? Ежели вы идете въ Москву, то вѣдь ночь наступаетъ, самъ невозможно будетъ продолжать дорогу, а на этомъ берегу слишкомъ мало мѣста, чтобы вы могли всѣ помѣститься; оставьтесь лучше на той сторонѣ рѣки и ночью подумайте хорошенько, что завтра дѣлать!“ Гордонъ дѣйствовалъ тутъ чрезвычайно отважно. Если принять въ соображеніе, что мятежники страшно ненавидѣли иностранцевъ и особенно Лефорта считали главнымъ виновникомъ своихъ бѣдъ, что они намѣревались сжечь всю Нѣмецкую слободу и пр., то нельзя не считать весьма опаснымъ положеніе Гордона, который бесѣдовалъ съ бунтовщиками безъ необходимой военной защиты. Захватить при этомъ случаѣ Гордона, убить его было дѣломъ не труднымъ.

Впрочемъ старанія Гордона сначала не имѣли успѣха. Стрѣльцы не слушались, перебирались на лугъ, и очевидно, хотѣли занять Московскую дорогу. Тогда Гордонъ поспѣшилъ назадъ и тотчасъ же распорядился: двумъ ближайшимъ полкамъ велѣлъ пройдти слободой и стать за нею въ дефилеяхъ, а двумъ другимъ—расположиться на

Библиотека "Руниверс"

Московской дорогѣ. Послѣ того Гордонъ снова отправился къ мятежникамъ для переговоровъ; они по прежнему были несговорчивы въ своихъ требованіяхъ. Онъ уговорилъ ихъ послать еще двухъ человѣкъ къ боярину, и условившись съ ними ничего не предпринимать въ теченіе ночи, поѣхалъ назадъ для совѣщаній съ Шеиным. Еще разъ однако Гордонъ самъ осмотрѣлъ всю мѣстность, убѣдился въ томъ, что въ стрѣлецкомъ лагерѣ дѣйствительно все тихо, и что въ царевомъ войскѣ всѣ стражи исправны. Гордонъ не упустилъ изъ виду ничего, что могло бы служить ему для обороны и быть обращено во вредъ и уронъ врагамъ. Особенно искусно разставилъ пушки полковникъ Краге, такъ что почти вся часть успѣха принадлежала артиллеріи. Послѣ долгаго совѣщанія рѣшили — послать Гордона въ станъ стрѣльцовъ, чтобъ объявить имъ, что если они возвратятся въ указанныя мѣста и выдадутъ 145 человѣкъ бѣглецовъ, зачинщиковъ и руководителей мятежа, государь проститъ ихъ непослушаніе, за исключеніемъ главныхъ виновниковъ, и прикажетъ удовлетворить ихъ жалованьемъ и провіантомъ.

Утромъ 18-го іюля Гордонъ, взявъ съ собою шестерыхъ извѣтчиковъ стрѣлецкихъ, отправился въ станъ мятежниковъ и велѣлъ имъ собраться для выслушанія царской милости. Его окружили 200 человѣкъ, и онъ со всевозможнымъ краснорѣчіемъ убѣждалъ ихъ къ покорности, но тщетно. Стрѣльцы отвѣчали, что или умрутъ, или будутъ въ Москвѣ дня на два или на три, а потомъ пойдутъ, куда имъ укажутъ. Гордонъ повторилъ, что къ Москвѣ ихъ не пропустятъ. Они остались непреклонны. Наконецъ, выступили два старые стрѣльца и вычислили свои нужды и бѣдствія; прочіе подтвердили ихъ слова и подняли великій шумъ. Гордонъ совѣтовалъ имъ переговорить съ каждымъ полкомъ отдѣльно и здраво порассмыслить, что они дѣлаютъ. На это они не соглашались, говоря, что у всѣхъ у нихъ одна дума. Тогда Гордонъ объявилъ, что онъ внѣ стана подождетъ немного, и прибавилъ, что если стрѣльцы теперь не воспользуются милостію Государя, то позднѣйшія условія будутъ совсѣмъ иныя, и тогда уже нельзя будетъ имъ ожидать пощады. На все это они не обращали вниманія. Тогда Гордонъ, удалившись на нѣкоторое разстояніе изъ стана, подождалъ съ четверть часа и затѣмъ еще разъ послалъ къ нимъ спросить отвѣта. Такъ какъ стрѣльцы упорствовали, то Гордонъ съ сожалѣніемъ о нихъ возвратился въ царскій лагерь и подробно осмотрѣлъ мѣстность, чтобъ опредѣлить, съ какой стороны

Библиотека "Руниверс"

удобнѣе всего напасть на нихъ [1]). Затѣмъ Гордонъ [2]) указалъ боевой порядокъ, а потомъ еще разъ сдѣлалъ попытку возобновить переговоры, отправивъ къ стрѣльцамъ князя Кольцова-Масальскаго и еще другое лицо. Но все это было тщетно. Тогда, поместивъ на удобномъ мѣстѣ артиллерію и окруживъ съ лѣвой стороны стрѣлецкій лагерь конницею, Гордонъ далъ залпъ изъ 25 орудій; однако ядра перелетѣли чрезъ головы стрѣльцовъ. Завязалось настоящее сраженіе, продолжавшееся около часа. Почти всѣ бунтовщики, послѣ того, какъ четырьмя залпами была убита нѣкоторая часть ихъ, были переловлены и заключены въ Воскресенскомъ монастырѣ. Въ розыскѣ, начавшемся тотчасъ же послѣ битвы, участвовалъ и Гордонъ. „Мы постановили приговоръ", пишетъ онъ, упоминая въ дневникѣ о казни нѣкоторыхъ изъ мятежниковъ (II, 200). 24-го іюня Гордонъ написалъ письмо Петру съ донесеніемъ о случившемся (III, 200), а 4-го іюля уже вернулся въ Нѣмецкую слободу, изъ которой отсутствовалъ всего 19 дней.

Въ августѣ 1698 года Гордонъ отправился въ свои имѣнія и тамъ занимался устройствомъ хозяйства. „Между тѣмъ Петръ, возвратившись изъ-за границы, по своему обыкновенію тотчасъ же по пріѣздѣ отправился въ Нѣмецкую слободу къ Гордону, но не засталъ его дома. Узнавъ о томъ во время пребыванія въ одной изъ своихъ деревень, Гордонъ тотчасъ же, 3-го сентября, поспѣшилъ въ Москву, куда и пріѣхалъ 8-го. Въ тотъ же самый вечеръ Петръ, бывшій въ гостяхъ у полковника Краге, послалъ за Гордономъ. Гордонъ явился и извинился за поздній пріѣздъ; царь милостиво поцѣловалъ его [3]).

Въ страшномъ стрѣлецкомъ розыскѣ Гордонъ не игралъ особенно важной роли. Кое-какія подробности о показаніяхъ истязаемыхъ стрѣльцовъ Петръ самъ разказывалъ Гордону, посѣщая его иногда по вечерамъ, при чемъ Гордонъ угощалъ царя виномъ (III, 216). Впрочемъ, 24-го сентября Гордонъ присутствовалъ при пыткѣ Анны Жуковой и полковника Колпакова. При казняхъ же стрѣльцовъ его не

---

[1]) Корбъ, Diarium, 161, говоритъ, что Гордонъ еще разъ отправился къ стрѣльцамъ, которые оскорбили его угрозами убить его, и пр.

[2]) По *Устрялову*, III, 170, распоряжался Шеинъ, по дневнику Гордона— Гордонъ.

[3]) *Корбъ*, Diarium, 79.

Библиотека "Руниверс"

было. Увеселенія, разныя пирушки и попойки продолжались все время. Гордонъ хворалъ въ ноябрѣ, и Петръ не разъ заходилъ спросить о его здоровьѣ.

Продолжалъ ли Гордонъ и въ 1699 году записывать ежедневно о случившемся—мы не знаемъ. Напечатанный дневникъ его прекращается 31-мъ декабря 1698 года; за то въ другихъ источникахъ мы находимъ свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ Гордона въ послѣдній годъ его жизни. Такъ, напримѣръ, у Корба упоминается о болѣзни Гордона въ первыхъ числахъ января 1699 года. 4-го января Петръ былъ у Гордона и бесѣдовалъ съ нимъ о восточномъ вопросѣ; при этомъ случаѣ Гордонъ совѣтовалъ Петру обезпечить флотъ въ Азовскомъ морѣ сооруженіемъ гавани, на что Петръ будто бы отвѣтилъ, что самою надежною гаванью для русскаго флота онъ считаетъ море. Въ 1699 же году Гордонъ получилъ право раздавать офицерскія мѣста, такъ какъ генералиссимусъ Шеинъ злоупотреблялъ этимъ правомъ и продавалъ офицерскіе чины. Петръ, узнавъ объ этомъ на вечерѣ у Лефорта, вышелъ изъ себя и прибилъ Зотова и Ромодановскаго, принимавшихъ участіе въ этихъ злоупотребленіяхъ, самому Шеину не сдобровать бы при этомъ случаѣ, еслибы Лефортъ не защитилъ его. Тутъ-то Петръ и даровалъ Гордону право повышенія чинами, потому что, какъ пишетъ Корбъ, могъ положиться на него безусловно [1]). Упомянутая выше болѣзнь Гордона не была продолжительною. Уже 6-го января онъ могъ со своимъ полкомъ присутствовать при торжествѣ Крещенія. 3-го февраля, въ самый день казни 137 стрѣльцовъ, Петръ обѣдалъ у Гордона и не безъ волненія разказывалъ ему объ упорствѣ стрѣльцовъ, приглашая его присутствовать слѣдующій день при казняхъ еще другихъ [2]).

Весною 1699 года Петръ отправился на югъ въ такъ-называемый Керченскій походъ. Гордонъ не участвовалъ въ немъ. Корбъ разказываетъ, что царь, прощаясь съ Гордономъ при этомъ случаѣ, сказалъ ему: „Я все предоставляю тебѣ и твоей ко мнѣ преданности“ [3]). Въ мартѣ 1699 года Петръ учредилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Первымъ кавалеромъ этого ордена былъ Головинъ, вторымъ Мазепа; Гордонъ же не былъ удостоенъ этой чести; за то Гор-

[1]) Diarium, 77 и 99.
[2]) Тамъ же, 112 и 113
[3]) Diarium, 733.

Библиотека "Руниверс"

донъ, вѣроятно, въ послѣднемъ году своей жизни получилъ портретъ Петра, который виденъ на его портретѣ въ Императорскомъ эрмитажѣ [1]).

Таковы были важнѣйшія событія послѣдняго года жизни Гордона. Прежде другія, болѣе мелкія, о которыхъ сохранились однако извѣстія (у Корба и Устралова), мы могли бы приступить къ описанію его кончины и погребенія, но считаемъ не лишнимъ прежде того сообщить нѣсколько замѣчаній о семействѣ Гордона, его отношеніяхъ къ Русскимъ и иностранцамъ, перепискѣ его, экономическомъ его положеніи и личномъ характерѣ.

Семейство Гордона.

У Гордона было пятеро дѣтей. Старшіе сыновья его — Джонъ и Джемсъ, служили, какъ кажется, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII в. въ русскомъ войскѣ прапорщиками, но неизвѣстно почему, лишились своихъ мѣстъ. Въ одномъ изъ своихъ прошеній Гордонъ говоритъ объ этомъ фактѣ, прибавляя, что онъ, не имѣя средствъ къ воспитанію сыновей, долженъ былъ отправить ихъ къ своимъ родителямъ въ Шотландію [2]). Джонъ Гордонъ нѣкоторое время находился въ іезуитской коллегіи близъ Лондона, но вскорѣ отправился въ Шотландію, гдѣ управлялъ имѣніями отца (II, 136), который, впрочемъ, какъ видно изъ многихъ писемъ его къ сыну, былъ часто крайне недоволенъ тѣмъ, что сынъ недостаточно часто и подробно давалъ отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ (III, 232—235, 241). Когда Джонъ задумалъ жениться, отецъ сначала и этимъ былъ недоволенъ, хотя невѣста была изъ знатнаго и богатаго дома (III, 262, 268, 269—270, 279, 296, 296, 337, 347, 351). Впрочемъ, мало по малу отношенія между отцомъ и сыномъ исправились. Джонъ сообщилъ отцу о рожденіи внука (III, 492) въ 1694 году, а въ августѣ 1698 года на нѣсколько недѣль пріѣхалъ въ Россію со своимъ семействомъ навѣстить отца (III, 208) [3]).

---

[1]) Поссельтъ (Дневникъ, II, стр. III) считаетъ возможнымъ, что это—медаль, полученная послѣ покоренія Азова.

[2]) См. въ Дневникѣ, II, 86, и нѣкоторыя замѣчанія Поссельта, I, X. XI, о воспитаніи сыновей Гордона. Джонъ и Джемсъ родились между 1666 и 1671 годами.

[3]) См. разныя грамоты о пріѣздѣ Джона. I, 639; *Корбъ*, Diarium, подъ 13-мъ августа 1698 г.

Библиотека "Руниверс"

Джемсъ находился нѣкоторое время въ іезуитской коллегіи близъ Данцига, что для отца было сопряжено съ большими расходами (II, 110). Проѣздомъ въ Англію въ 1666 году Гордонъ взялъ сына съ собою, опасаясь, что онъ будетъ заражетъ въ Германіи реформатской ересью (II, 128 и 129). Изъ Англіи онъ отправилъ его учиться въ Дюнкирхенъ, но Джемсъ не успѣвалъ въ ученіи, и потому отецъ перевезъ его въ Эдинбургъ, гдѣ Джемсъ пріучался къ судебнымъ дѣламъ (II, 135, 166). Затѣмъ нѣкоторое время онъ находился въ Дуэ (Douai), въ университетѣ. Оттуда онъ удалился безъ вѣдома отца, проѣзжалъ затѣмъ сестру задобрить отца и пробылъ нѣкоторое время въ іезуитской коллегіи въ Люблинѣ (III, 202, 203). Гордонъ, „не желая лишить сына совершенно отцовской милости" (II, 203), переписывался съ нимъ о поступленіи въ русскую службу. Сперва Джемсъ выразилъ желаніе служить въ Польшѣ, но затѣмъ пріѣхалъ въ Россію. Въ 1690 году онъ былъ подполковникомъ, а въ 1693 полковникомъ русской службы, участвовалъ въ Азовскихъ походахъ и въ Нарвской битвѣ былъ взятъ въ плѣнъ Шведами, а въ 1702 году бѣжалъ изъ Швеціи и возвратился въ Россію. О дальнѣйшей судьбѣ его мы не имѣемъ свѣдѣній [1]) (I, 634, 635; II, 216, 217, 320, 323, 324, 327, 331, 332, 423, 495, 574; III, 189, 284 — 387).

Старшая дочь Гордона, Екатерина, родившаяся въ 1665 году, какъ кажется, была любимицей отца. Ежегодно въ дневникѣ отмѣчалъ онъ о празднованіи дня ея рожденія. Въ 1682 году она вступила въ бракъ съ полковникомъ Стразбургомъ, Нѣмцемъ, находившимся тогда въ Кіевѣ. Стразбургъ былъ реформатскаго исповѣданія, но принялъ католическую вѣру. Когда онъ скончался въ 1692 году, Гордонъ замѣтилъ въ письмѣ къ сыну Джону, „онъ былъ самымъ совершеннымъ и честнымъ человѣкомъ во всемъ краѣ" (III, 305). По смерти Стразбурга, (не вслѣдствіе взрыва фейерверка, какъ полагаетъ Поссельтъ, а отъ какой-то болѣзни, II, 690; II, 358—360) Екатерина нѣкоторое время жила въ домѣ отца. У нея былъ сынъ и двѣ дочери. Въ 1698 году она вышла замужъ за Алек-

[1]) О Джемсѣ см. письмо Гордона къ Герри Гордону, гдѣ разсказана подробно судьба Джемса съ 1689 по 1691 годъ. Онъ былъ, равно какъ и отецъ, отчаяннымъ католикомъ и ратовалъ въ сраженіи при Килликренки, какъ сторонникъ Якова II; Дневникъ, III, 282.

Библиотека "Руниверс"

сандра Гордона и впослѣдствіи переселилась съ нимъ въ Шотландію (II, 168, 171) [1]).

Вторая дочь Патрика Гордона, Мэри, вышла за полковника Крофурда въ 1690 году (II, 320), но уже въ 1691 году мужъ ея скончался. Послѣ смерти мужа она родила сына, который умеръ въ 1692 году (II, 372), а 9-го іюля 1691 года вступила во второй бракъ съ полковникомъ Стевинсемъ и жила съ нимъ въ Архангельскѣ. Два сына ея отъ второго брака умерли также въ раннемъ возрастѣ (II, 372; III, 204), а второй мужъ скончался въ 1698 году (III, 171).

Младшій сынъ Гордона, Ѳеодоръ, какъ мы уже знаемъ, воспитывался въ Браунсбергѣ (II, 379, 393, 408, 409, 429; III, 317—318) и затѣмъ, возвратившись въ Россію, вступилъ также въ военную службу [2]).

Всѣ эти дѣти, а также и вторая супруга Гордона, пережили его. О томъ, какъ отцовское имѣніе въ Россіи, то-есть, деревни его, было распредѣлено между ними, сохранились кое-какіе документы, сообщаемые г. Поссельтомъ въ приложеніи къ третьему тому изданія дневника [3]).

Общественное и экономическое положеніе Гордона.

Тридцать-восемь лѣтъ Гордонъ прожилъ въ Россіи. Полюбилъ ли онъ ее, сжился ли съ Русскими? На эти вопросы не легко дать отвѣтъ. То обстоятельство, что Гордонъ почти все время своего пребыванія въ Россіи мечталъ о томъ, какъ бы покинуть эту страну и возвратиться въ отечество, доказываетъ, что Россія оставалась для него нѣкоторымъ образомъ чужбиной. Съ другой стороны, его отношенія къ Русскимъ, къ высшимъ кругамъ русскаго общества, заставляютъ насъ думать, что процессъ акклиматизаціи Гордона въ Россіи былъ не безуспѣшенъ.

Ненависть къ иностранцамъ была сильна въ Россіи. Мы видѣли, что патріархъ во время Крымскихъ походовъ приписывалъ неудачу

---

[1]) Въ сочиненіи Алекс. Гордона о Петрѣ (нѣм. изд., стр. 8), сказано, что у него было нѣсколько дѣтей, но всѣ умерли въ раннемъ возрастѣ.

[2]) О Ѳеодорѣ Гордонѣ, какъ о полковникѣ, есть относящіяся къ 1717 году извѣстія въ Московскомъ гл. архивѣ ин. иностр. дѣлъ. См. соч. *Фехнера*, Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. Moskau, 1876, т. I, стр. 458.

[3]) III, 394 — 395. Наслѣдники Гордона не долго оставались владѣльцами этихъ деревень.

Библиотека "Руниверс"

послѣднихъ участію въ этомъ дѣлѣ еретика Гордона. Въ концѣ своей жизни Гордонъ могъ убѣдиться на силѣ ненависти къ иностранцамъ: въ программѣ стрѣлецкаго бунта стояло, между прочимъ, истребленіе иностранцевъ и уничтоженіе Нѣмецкой слободы. Соотвѣтственно тому и Гордонъ умеръ до конца оставался Шотландцемъ, вѣрнымъ католической религіи, и нисколько не обрусѣлъ подобно Виніусу и другимъ.

Въ дневникѣ Гордона вопросъ о національностяхъ не затрогивается почти вовсе. Тамъ вообще очень рѣдко высказываются оттѣнки и субъективные взгляды автора; но однажды, въ эпоху своего пребыванія въ Польшѣ въ молодости, онъ замѣчаетъ, что нельзя удивляться національному отвращенію Поляковъ отъ иностранцевъ: „какъ можно ожидать", спрашиваетъ онъ, — „чтобы свои и чужіе при равныхъ заслугахъ пользовались равнымъ уваженіемъ?" (I, 170). Когда сынъ Гордона, Джемсъ, намѣревался вступить въ польскую службу, отецъ не совѣтовалъ ему дѣлать это, потому именно, что Поляки презираютъ иностранцевъ (III, 255). Отзывовъ о Русскихъ мы почти вовсе не встрѣчаемъ въ дневникѣ. Только во время путешествія въ Москву въ 1661 году, вступая въ первый разъ въ Россію, онъ сравниваетъ Русскихъ съ Поляками и отдаетъ преимущество послѣднимъ (I, 285). Въ письмѣ къ Герри Гордону въ 1691 году онъ повторяетъ свое сужденіе о Русскихъ, высказанное за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, и замѣчаетъ, что Русскіе менѣе образованы и обманчивы, чѣмъ другіе народы (III, 281). Недобросовѣстность и продажность дьяковъ и подьячихъ, какъ мы видѣли, тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Россію заставили его желать покинуть эту страну по возможности скорѣе: слѣдуемыхъ денегъ ему не выдавали безъ взятки (I, 290); его ограбили обманомъ, или лучше сказать, грабежомъ (I, 295), прошенія съ ложными показаніями (I, 297), разныя продѣлки въ приказахъ, въ которыхъ чиновники мѣняли бумаги и пр. (I, 415), и произвольные поступки алчныхъ писцовъ. Когда ему назначили 80 р. въ мѣсяцъ жалованья, „злой дьякъ" въ бумагѣ написалъ не 30, а 25 рублей (I, 359). При составленіи списка лошадямъ, купленнымъ для Азовскаго похода, подъячій въ бумагѣ показалъ 41 лошадь болѣе чѣмъ было (II, 588). Мы знаемъ однако, что Гордонъ легко привыкъ ко всему этому. Онъ угощалъ русскихъ чиновниковъ, задаривалъ ихъ, а иногда и прямо прибѣгалъ къ подкупу и къ кашпировскимъ продѣлкамъ (I, 307—308, 114; II, 298).

Къ попойкамъ и пирушкамъ Русскихъ Гордонъ привыкъ очень скоро, хотя его здоровье страдало отъ такихъ удовольствій. Довольно

Библиотека "Руниверс"

часто на слѣдующій день послѣ пирушки въ дневникѣ замѣчено: „боленъ отъ похмѣлья". Какъ кажется, онъ любилъ и охотиться съ Русскими, и объ этомъ не разъ говорится въ дневникѣ (II, 380, 422, 434).

Чѣмъ дольше Гордонъ жилъ въ Россіи, тѣмъ разнообразнѣе становились его сношенія съ русскими сановниками. Чаще всего эти отношенія имѣли офиціальный характеръ, напримѣръ, состояли въ перепискѣ по дѣламъ посольскаго приказа (I, 628) или по военнымъ (II, 453). Безъ сомнѣнія, Гордонъ во многихъ случаяхъ писалъ письма по русски. Съ Матвѣевымъ, а также съ гетманомъ Мазепой, онъ переписывался по латыни (III, 312, 344, 276, 289). Къ князю Василію Васильевичу Голицыну отношенія Гордона были офиціальныя только отчасти; скорѣе въ нихъ преобладала интимность. Весьма часто Гордонъ обѣдалъ у него (напримѣръ, I, 414, 427; II, 8, 3, 18); однажды подарилъ Голицыну великолѣпное сѣдло съ драгоцѣнными камнями (II, 39); иногда бесѣдовалъ съ нимъ о политическихъ событіяхъ въ западной Европѣ (II, 159, 171, 226). Особенно въ Малороссіи, гдѣ было сравнительно меньше иноземцевъ, чѣмъ въ Москвѣ, Гордонъ очень часто принималъ у себя Русскихъ (напримѣръ, I, 418, 458, 464), особенно малороссійскихъ офицеровъ (II, 15), и даже духовныхъ лицъ изъ Печерскаго монастыря (II, 21). Духовенство въ Кіевѣ, можетъ быть, отличалось большею терпимостью, чѣмъ московское. Иногда архимандритъ Печерскій, изъ бытности Гордона въ Кіевѣ, приглашалъ его къ себѣ, совѣтовался съ нимъ о постройкахъ и проч. (II, 28, 29). Однажды Гордонъ угощалъ у себя дѣтей знатныхъ казаковъ съ ихъ учителями (II, 41). Во время переѣздовъ своихъ по Россіи Гордонъ всюду былъ принимаемъ съ почетомъ и пользовался вниманіемъ начальствующихъ лицъ; такъ, проѣздомъ въ Англію въ 1666 году, онъ во Псковѣ обѣдалъ у воеводы Шенца, въ Кіевѣ постоянно бывалъ у воеводы Кіевскаго, въ Батуринѣ у гетмана и пр. Мазепа часто посылалъ ему разные подарки, дичь и т. п. (II, 289, 503). По возвращеніи Петра, Гордонъ постоянно былъ въ коротскихъ сношеніяхъ съ Борисомъ Александровичемъ Голицынымъ (II, 207, 228, 289, 310), съ Нарышкинымъ (II, 292, 307, 312), со Стрѣшневымъ (II, 302), съ Матвѣевымъ (II, 290, 292), съ Лефортомъ (II, 314, 412), съ Зотовымъ, съ Шереметевымъ, Апраксинымъ и пр. Когда Гордонъ сталъ пользоваться особеннымъ вниманіемъ Петра, Русскіе со своей стороны начали заискивать его (II, 301, 315). Къ русскому языку, какъ кажется, Гордонъ привыкъ

Библиотека "Руниверс"

совершенно; въ дневникѣ его нерѣдко встрѣчаются русскія слова, напримѣръ, drotiken (дротики, II, 505), tesma (тесьма, II, 491), newoseila (новоселье, II, 508) wecterinka и пр.

Гораздо болѣе интимными, чѣмъ въ Россіи, были отношенія Гордона къ иноземцамъ. Всюду онъ имѣлъ знакомыхъ; путешествуя за границей или по Россіи, онъ во всѣхъ болѣе замѣчательныхъ городахъ находилъ друзей, знакомыхъ или родственниковъ. Изъ дневника его видно, какъ сильна была въ то время англійская и шотландская эмиграція. Уже во время пребыванія своего въ Польшѣ Гордонъ всюду встрѣчалъ соотечественниковъ. Путешествіе въ Россію въ 1661 году онъ совершилъ въ большой компаніи Шотландцевъ съ ихъ женами, а въ Конотопѣ встрѣтилъ Нѣмцевъ, которые звали его на крестины. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ очень скоро пріобрѣлъ весьма обширный кругъ знакомства. Чрезъ женитьбу онъ вступилъ въ родственныя связи съ разными семействами; родственники Гордона, Вейковены, Крофурды, Ронэры и пр. были почти всѣ офицерами русской службы, а затѣмъ изъ Шотландіи пріѣзжали еще другіе его родственники, также вступившіе въ русскую службу. Всѣхъ этихъ людей связывалъ общій интересъ, одинаковое матеріальное положеніе, одни и тѣ же наклонности, надежды и желанія. Не только иноземцы-офицеры, но и ихъ семейства состояли въ самой тѣсной связи между собою. Кромѣ военныхъ, иностранные врачи, находившіеся въ то время въ Москвѣ, также были въ весьма дружескихъ сношеніяхъ съ Гордономъ. Такъ напримѣръ, онъ былъ хорошо знакомъ съ извѣстнымъ докторомъ Коллинсомъ, авторомъ сочиненія о Россіи, съ докторомъ Уильсономъ, находившимся въ Россіи впрочемъ только два года [1]), и пр. Нѣкто докторъ Векъ обязанъ былъ покровительству Гордона полученіемъ мѣста въ Москвѣ [2]). Въ самой тѣсной дружбѣ былъ Гордонъ съ докторомъ Карбонари, который послѣ внезапной смерти доктора фонъ-деръ-Гульста сдѣлался царскимъ врачомъ.

Мы уже видѣли выше, что Гордонъ, когда онъ въ первый разъ отправился изъ Россіи въ Англію, былъ, такъ-сказать, представителемъ интересовъ англійскихъ купцовъ. Не даромъ поэтому негоціанты въ Москвѣ и въ Англіи ухаживали за нимъ. Хорошими знакомыми Гордона были купцы Меверель въ Лондонѣ, Форбесъ въ Ригѣ, Фрезеръ въ Данцигѣ и пр. Съ купцомъ Брейаномъ (Bryan), игравшимъ

---

[1]) См. *Richter*, Gesch. d. Medicin in Russland, II, 282—284.

[2]) Тамъ же, II, 398 и 399.

Библиотека "Руниверс"

въ шестидесятыхъ годахъ роль англійскаго консула въ Москвѣ; Гордонъ былъ въ весьма близкихъ сношеніяхъ, такъ что, напримѣръ, жена Брейана хлопотала объ ускореніи свадьбы Гордона и т. п. Иногда англійскіе купцы въ Москвѣ давали Гордону обѣды (II, 395), иногда же онъ принималъ ихъ у себя (II, 167 и 307). Какъ выше было сказано, они чрезъ Гордона передавали Петру разные подарки. О томъ, какъ Гордонъ съ англійскими шкиперами веселился въ Архангельскѣ, мы также говорили (II, 459—477).

Изъ числа европейскихъ дипломатовъ, посѣщавшихъ Москву въ то время, какъ тамъ жилъ Гордонъ, онъ, безъ сомнѣнія, лично познакомился съ графомъ Карлейлемъ, но въ дневникѣ говорится лишь о перепискѣ его съ этимъ англійскимъ посланникомъ. Во время посольства Карлейля Гордонъ еще не былъ столь важнымъ лицомъ какъ впослѣдствіи. За то Карлейль посѣтилъ Гордона въ Англіи въ 1666 году. О дружескихъ сношеніяхъ съ Гебдономъ мы уже говорили, разсказывая о поѣздкѣ Гордона въ Англію въ 1666 году. Впослѣдствіи Гебдонъ пріѣхалъ въ Москву въ качествѣ дипломатическаго агента и тутъ однажды по случаю спора между Англичанами и Датчанами обратился къ Гордону съ просьбою требовать удовлетворенія отъ датскаго резидента (II, 417). Весьма часто видался также Гордонъ съ голландскимъ резидентомъ барономъ Келлеромъ, съ которымъ иногда обѣдывалъ у польскаго резидента; покровительства барона Келлера Гордонъ, какъ мы видѣли, искалъ въ критическое время своего разжалованія въ прапорщики (II, 164). Но еще гораздо ближе знакомъ онъ былъ съ польскими и австрійскими дипломатами. Съ ними Гордона соединялъ общій интересъ—католицизмъ. Уже забота о католической церкви въ Москвѣ подавала поводъ къ частымъ свиданіямъ Гордона съ этими лицами. Чаще всего польскій резидентъ посѣщалъ Гордона, сообщалъ ему разныя новости, совѣтовался съ нимъ о дѣлахъ, былъ крестнымъ отцомъ Гордонова внука и сына, приходилъ иногда безъ приглашенія и особенно интересовался успѣхами католицизма въ Россіи. При польскомъ посольствѣ всегда были католическіе священники. Тамъ Гордонъ присутствовалъ иногда при богослуженіи и пр. Съ императорскимъ посломъ Игнатіемъ Курцомъ Гордонъ также находился въ довольно близкихъ сношеніяхъ; племянникъ Курца, Плейеръ, игравшій довольно важную роль въ качествѣ дипломатическаго агента Австріи, также часто бывалъ у Гордона. Изъ многихъ писемъ Гордона къ Курцу видно, что сношенія ихъ были почти дружескія. Когда пріѣхалъ въ Москву Гваріентъ, то и онъ бывалъ

Библиотека "Руниверс"

часто у Гордона, и Гордонъ у него. Поэтому о Гордонѣ часто упоминается въ дневникѣ Корба, сопровождавшаго Гваріента. Наконецъ и датскій резидентъ Вутенантъ былъ хорошимъ знакомымъ Гордона. Они видѣлись часто и посѣщали другъ друга безъ церемоніи, съ женами и съ дѣтьми.

Именно тѣмъ и отличался кругозоръ иностранцевъ отъ русскаго общества, что почти во всѣхъ увеселеніяхъ иностранцевъ участвовали дамы. Семейные праздники чрезвычайно часто упоминаются въ дневникѣ Гордона (II, 87). Въ Кіевѣ всѣ полковники обѣдали у Гордона съ ихъ женами (II, 211). Устраивались у него иногда и музыкальные вечера (II, 298, 331). Говоря о большихъ обѣдахъ, которые онъ давалъ для соотечественниковъ и прочихъ иностранцевъ, онъ иногда замѣчаетъ: „Всѣ были веселы, но оставались въ извѣстныхъ предѣлахъ“ (II, 342) [1]). Дни рожденія дѣтей Гордона обыкновенно праздновались болѣе или менѣе торжественно обѣдами, балами и пр. Лѣтомъ предпринимались разныя поѣздки въ большой компаніи. Во время пребыванія Гордона въ Кіевѣ упоминается о такихъ увеселеніяхъ на какомъ-то островѣ на Днѣпрѣ. Этому острову Гордонъ по случаю такого пикника далъ имя „Якобина“ въ честь Англійскаго короля Якова II (II, 82). О такихъ же увеселеніяхъ, напримѣръ, о прогулкѣ въ Марьиной рощѣ или въ Семеновскомъ лѣсу, упоминается и во время пребыванія Гордона и его семейства въ Москвѣ.

Самыми близкими друзьями Гордона были слѣдующія лица: итальянскій купецъ Гуаскони, генералъ Мепенесъ, съ которымъ Гордонъ воспитывался въ Браунсбергѣ, богатый капиталистъ Марселисъ, зажиточный купецъ Кенкель и пр.

Каждый разъ, когда Гордонъ уѣзжалъ изъ Москвы, онъ считалъ долгомъ побывать съ визитами у всѣхъ знакомыхъ. Самъ онъ постоянно принималъ посѣщенія, о чемъ обыкновенно и отмѣчалъ въ дневникѣ. Такая обходительность требовала большихъ пожертвованій временемъ и утомляла хозяевъ. Весьма часто цѣлый день употреблялся на визиты, игру въ кегли, крестины, свадьбы, обѣды, ужины и пр. О всѣхъ такихъ торжествахъ Гордонъ дѣлаетъ замѣтки въ своемъ дневникѣ. Число этихъ церемоній громадно. Такъ напримѣръ, упоминается болѣе чѣмъ о ста свадьбахъ, на которыхъ Гордонъ присут-

[1]) Въ противоположность ужасной оргіи, о которой разказываетъ Корбъ, Diarium, стр. 70. То были подъячіе.

Библиотека "Руниверс"

ствовалъ. Празднества при этомъ обыкновенно продолжались два дня. Нерѣдко Гордона приглашали въ крестные отцы.

То обстоятельство, что Гордонъ, лишенный возможности жить въ своемъ отечествѣ, постоянно былъ окруженъ соотечественниками и вообще представителями западной Европы, достойно вниманія. Имѣя всюду друзей, знакомыхъ, единовѣрцевъ, онъ всюду былъ какъ дома и легче могъ сохранять свою національность и исповѣдуемую имъ религію. Англичане и Шотландцы, находившіеся тогда въ разныхъ концахъ Европы, были въ постоянной связи между собою, переписывались другъ съ другомъ, давали другъ другу рекомендательныя письма и такимъ образомъ взаимно облегчали путешествія и сношенія всякаго рода въ то время, когда вообще средства сообщенія были еще мало развиты. Такъ напримѣръ, отправляясь въ Англію въ 1666 году, Гордонъ во Псковѣ остановился у одного знакомаго, завтракалъ у другаго, обѣдалъ у третьяго; въ Нейгаузенѣ онъ познакомился съ тамошнимъ пасторомъ и обѣдалъ у него; въ Ригѣ жилъ у какого-то толмача, принималъ визиты разныхъ Нѣмцевъ и Англичанъ, обѣдалъ у стараго знакомаго генералъ-лейтенанта Фермана и пр.; въ Гамбургѣ имѣлъ рекомендательное письмо къ какому-то Англичанину, и вслѣдствіе того, могъ воспользоваться его услугами; въ Голландіи видѣлся съ одною дамою, которую зналъ въ молодости, и дочь которой была начальницею монастыря въ Гентѣ, и т. д.

Въ этомъ отношеніи поразителенъ контрастъ между представителями западной цивилизаціи и русскими путешественниками. У русскихъ дипломатовъ нигдѣ не было за границею ни знакомыхъ, ни корреспондентовъ. Вездѣ являются они во время путешествія по Европѣ въ какомъ-то жалкомъ уединеніи, между тѣмъ какъ Гордонъ постоянно былъ въ связи со всѣми странами. Довольно интересны на этотъ счетъ нѣкоторые случаи инструкцій, составленныхъ Гордономъ для знакомыхъ, отправлявшихся изъ Россіи на западъ. Онъ даетъ безконечное число порученій къ разнымъ лицамъ въ разныхъ городахъ; онъ имѣетъ текущіе счеты съ разными купцами, посылаетъ деньги или векселя, выписываетъ разныя вещи, которыя можно купить лишь въ томъ или другомъ городѣ. Уже то обстоятельство, что сыновья Гордона воспитывались за границею, заставляло его сохранять связи со многими лицами, тамъ находившимися.

Переписка Гордона вслѣдствіе всего этого имѣла огромные размѣры. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, Гордонъ обнаруживалъ большую усидчивость въ трудѣ. Самый дневникъ его,

Библиотека "Руниверс"

[illegible] писать много, писали быстро и [illegible]

Во время пребыванія въ Пензѣ Гордонъ велъ обширную переписку. Это въ Россіи корреспонденція его разрослась чрезвычайно, напримѣръ, однажды въ 1666 г. Гордонъ въ одинъ день написалъ до 17 писемъ (I, 406); въ другой разъ, въ 1684 году, — 14 писемъ, въ третій, тогда же, — 16 писемъ (II, 117, 87, 54). Въ 1687 году ему случилось однажды въ одинъ день написать не менѣе 25 писемъ (II, 167). Такъ бывало даже и въ походахъ (III, 101). Количество получаемыхъ Гордономъ писемъ соотвѣтствовало числу писемъ имъ. Далѣе во время поѣздокъ съ Петромъ на Переславское озеро, Гордонъ постоянно занятъ былъ своею корреспонденціей. Самымъ точнымъ и отчетливымъ образомъ умѣлъ онъ устраивать дѣло такъ, что во время какого-либо путешествія никогда не оставался безъ вѣстей и на главныхъ станціяхъ получалъ и отправлялъ множество писемъ. Такъ напримѣръ, было во время путешествія въ Архангельскъ въ 1694 году (II, 453) и Азовскаго похода въ 1695 году (II, 582). Въ одномъ письмѣ къ сыну Джемсу онъ совѣтуетъ ему наблюдать за тѣмъ, сколько времени письмо бываетъ въ дорогѣ. Онъ самъ зналъ совершенно точно, что письмо изъ Москвы въ Гамбургъ бывало въ дорогѣ четыре недѣли, а письмо въ Данцигъ — три недѣли и пр. (II, 254).

Ведя огромную корреспонденцію, Гордонъ сверхъ того весьма часто снималъ копіи съ тѣхъ писемъ, которыя отправлялъ. Благодаря этому обстоятельству, издатель дневника былъ въ состояніи напечатать въ приложеніи къ третьему тому 112 писемъ Гордона къ разнымъ лицамъ. Изъ писемъ къ купцамъ Меверелю, Фрезеру и Форбесу видно, что иногда даже въ дѣловыя письма съ порученіями о деньгахъ и товарахъ вносились замѣтки о семейныхъ, политическихъ и другихъ дѣлахъ. Въ письмахъ къ сыновьямъ, разумѣется, говорится главнымъ образомъ о семейныхъ дѣлахъ. Въ письмахъ къ патеру Шмидту подробно сообщается о состояніи католицизма въ Россіи и пр.

Письма посылались по почтѣ, но чаще чрезъ путешественниковъ, иногда же съ нарочными. Настоящая почта учреждена въ Россіи вскорѣ послѣ пріѣзда Гордона. Завѣдывавшіе почтой Іоганъ фонъ-Шведенъ, Марселисъ и Виніусъ были хорошими его знакомыми, и едва ли многіе его современники пользовались русскою почтою, въ первое время ея существованія, въ такой мѣрѣ, какъ Гордонъ. Сами Русскіе совсѣмъ иначе смотрѣли на это учрежденіе, какъ видно то,

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ, изъ письма Посошкова къ Головину, въ которомъ онъ предлагалъ „загородить ту дыру накрѣпко и отставить ее, дабы всѣми не разворовлена". Посошкову казалось обиднымъ, что „что въ нашемъ государствѣ ни сдѣлается, то во всѣ земли разносится" [1]). Гордонъ, напротивъ того, не только изъ писемъ, но и изъ газетъ, получаемыхъ имъ, узнавалъ подробно о современныхъ событіяхъ во всемъ мірѣ и былъ въ состояніи сообщать Русскому правительству всевозможныя свѣдѣнія о восточномъ вопросѣ, объ англійской революціи, о войнахъ между Англіей, Франціей и Голландіей и пр. Вообще для него почта была самымъ необходимымъ учрежденіемъ, и почтовые расходы составляли немалую сумму въ его бюджетѣ: по случаю поѣздки въ Англію въ 1666 году имъ было истрачено не менѣе 74 рублей на корреспонденцію (I, 681), а такъ какъ въ то время четверть ржи стоила 50 копѣекъ, то этотъ почтовый его расходъ въ настоящее время, если принять въ соображеніе разницу въ цѣнѣ хлѣба, равнялся бы суммѣ около 1000 рублей.

Цѣлью Гордона было сдѣлать карьеру, нажить себѣ состояніе; онъ и достигъ этой цѣли, сталъ въ Россіи зажиточнымъ человѣкомъ. Когда онъ удалился изъ Брауншберга, онъ имѣлъ мѣшокъ съ книгами и бѣльемъ и 7½ талеровъ (III, 401). Въ Польшѣ онъ умѣлъ наживать себѣ деньги отчасти прямо грабежомъ, отчасти контрибуціями. Въ Россію онъ пріѣхалъ, ужь имѣя 600 червонцевъ, съ четырьмя слугами. Когда онъ былъ произведенъ въ полковники, ему назначили окладъ въ 30 рублей въ мѣсяцъ. „Злой" дьякъ вмѣсто 30 написалъ 25 (I, 359); жалованье въ 300 рублей въ годъ могло считаться довольно значительнымъ по тогдашнему времени, такъ какъ равнялось 600 четвертей хлѣба, что нынѣ составляло бы до 4000 рублей. Еще до путешествія въ Англію онъ былъ уже довольно обезпеченъ, такъ какъ могъ уплатить изъ своего кармана значительную часть путевыхъ расходовъ. Эти расходы доказываютъ, что Гордонъ путешествовалъ зажиточнымъ человѣкомъ, нанималъ экипажи, дарилъ своихъ знакомыхъ, покупалъ предметы роскоши, а по возвращеніи изъ Англіи подарилъ своему тестю лошадь съ сбруей для верховой ѣзды.

Положеніе Гордона, какъ и прочихъ иноземцевъ въ Россіи, было затруднено тѣмъ, что окладъ выплачивался весьма неправильно, съ замедленіемъ. Напрасно ему въ Ригѣ въ 1661 году разказывали о точной выдачѣ срочнаго жалованья въ Россіи; тотчасъ же по

[1]) Сочиненія Посошкова, изд. *Погодинымъ*, I, 273 и 274.

Библиотека "Руниверс"

пріѣздѣ онъ могъ случай убѣдиться въ противномъ. Весьма часто нужно было просить по нѣсколько разъ, кланяться сильнымъ, подавать челобитныя, чтобы получить слѣдуемыя деньги (I, 417, 456). Иногда на такія просьбы отвѣчали однимъ объщаніемъ, иногда вовсе не было отвѣта. Однажды, когда Гордонъ просилъ выдать ему въ счетъ жалованья 100 рублей, правительство извинялось случившимся за недолго до того пожаромъ, и нужно было хлопотать нѣсколько недѣль изъ-за этой суммы (II, 231). Часто Гордонъ по нѣсколько дней сряду долженъ былъ отправляться „въ городъ“ за жалованьемъ, и возвращаясь, замѣчалъ въ дневникѣ, что есть „мало надежды получить мѣсячный окладъ“ (II, 302). Хотя въ 1698 году и было рѣшено, что отнынѣ окладъ долженъ выплачиваться правильно ежемѣсячно (II, 423), постановленіе это нарушалось. Корбъ разсказываетъ, какъ однажды докторъ Карбонари за столомъ шутя сказалъ Петру, что ему приходится заложить или продать жену, такъ какъ онъ уже давно не получалъ слѣдуемаго ему оклада [1]).

Другое затрудненіе заключалось въ томъ, что жалованье выплачивалось не всегда деньгами, а значительною долею—соболями. Гордонъ вслѣдствіе того долженъ былъ хлопотать о продажѣ этого товара. Онъ имѣлъ своихъ комиссіонеровъ въ Москвѣ—купца Мюнстера, въ Хмѣльницѣ—Роберта Гордона и пр., и велъ съ ними постоянные счеты. Иногда продажа соболей была сопряжена съ убытками, иногда Гордонъ былъ недоволенъ неисправнымъ образомъ дѣйствій купцовъ. Изъ замѣтки его, что однажды онъ выхлопоталъ обѣщаніе казны обмѣнять соболей на деньги, видно, что обыкновенно было выгоднѣе получать окладъ деньгами, чѣмъ соболями. И между частными людьми соболи считались чѣмъ-то въ родѣ денегъ. Отправляясь за границу, Гордонъ взялъ съ собою нѣкоторое количество соболей; однажды, когда ему нужно было заплатить долгъ въ Данцигѣ, онъ отправилъ туда соболей вмѣсто векселя (II. 225). Въ письмѣ къ Герри Гордону, желавшему вступить въ русскую службу, сказано (въ 1691 году), что лишь одна треть жалованья выплачивается деньгами, остальное—натурою, что сопряжено съ убытками (III, 281; II, 403, 409—410; III, 240, 288).

При всемъ томъ Гордонъ даже и до воцаренія Петра, какъ кажется, былъ поставленъ хорошо, хотя иногда и жаловался въ своихъ прошеніяхъ на бѣдность. Послѣ 1691 года возросли не только

[1]) Diarium itineris, 88.

Библиотека "Руниверс"

доходы, но и расходы его. Привыкшая жить обширнее средняго. Впрочемъ, онъ надѣялся, что, благодаря милости Петра, его экономическое положеніе поправится, и надежда его обманула: ему прибавили жалованья, да сверхъ того, онъ получалъ разные подарки — серебра, камни, баркалу, вина. Въ послѣдніе годы жизни его жалованье составляло 952 рубля [1]).

Значительнѣйшею наградою, которую дало Гордону русское правительство, были деревни. Изъ пожалованныхъ ему въ 1697 г. деревень онъ получалъ значительное количество съѣстныхъ припасовъ и даже, хотя небольшими суммами, оброчныя деньги. Ему позволили прикупить еще разныя земли, находившіяся въ сосѣдствѣ его деревень, что, по видимому, и было имъ исполнено. Кромѣ того, Гордонъ былъ, кажется, весьма зажиточнымъ землевладѣльцемъ въ Шотландіи. Управленіе этими имѣніями заставляло его два раза ѣздить въ Шотландію (въ 1670 и 1686 гг.). Въ письмахъ его къ сыну Джону встрѣчаются много данныхъ о томъ, какъ должно управлять этимъ имѣніемъ, о садоводствѣ, о контрактахъ съ фермерами, о способѣ счетоводства и отчетности. Достаточно обезпеченный въ Россіи, Гордонъ не бралъ себѣ доходовъ съ шотландскихъ имѣній, но считалъ себя въ правѣ во всѣхъ отношеніяхъ контролировать сына, которому вѣрилъ управленіе ими. Доходы эти составляли около 1600 талеровъ, которые, по желанію Гордона, должны были обращаться въ капиталъ, то-есть, отдаваться на проценты.

Изъ дневника Гордона видно, что иностранцы, жившіе въ Россіи, постоянно вели между собою денежныя дѣла, иногда довѣряли другъ другу довольно значительныя суммы и занимались разными кредитными операціями. Очень часто говоритъ Гордонъ о векселяхъ, о переводѣ денегъ, о займахъ, о торговыхъ сдѣлкахъ. Многіе знакомые его находились съ нимъ въ такихъ дѣловыхъ отношеніяхъ, но между Русскими и иностранцами подобныхъ дѣлъ, по видимому, не было.

Все это свидѣтельствуетъ о зажиточности Гордона; тѣмъ не менѣе, мы не въ состояніи опредѣлить размѣръ Гордонова богатства. Есть основаніе думать, что нѣкоторые иностранцы, жившіе въ Россіи, были гораздо богаче его. Такъ напримѣръ, когда генералъ Ме-

---

[1]) Ш, 90, 226; это подтверждается и показаніемъ Корба, Diarium, 218. Въ 1699 году пасторъ лютеранскаго прихода въ Москвѣ имѣлъ не болѣе 60 рублей жалованья. См. *Fechner*, Chronik der Evang. Gemeinden in Moskau, I, 402.

Библиотека "Руниверс"

[illegible] Марселиса, онъ получилъ съ него въ приданое 5000 рублей деньгами да 2000 рублей на серебряныхъ и прочихъ дѣнныхъ предметахъ (I, 416). Вообще Гордонъ не разъ въ своихъ письмахъ жалуется, что въ Россіи ему нельзя найдти богатыхъ невѣстъ, и поэтому медлилъ сосватать своего сына за племянницу богатаго купца Кенведя въ Гамбургѣ (III, 336—337). Во всякомъ случаѣ самъ Гордонъ жилъ гораздо скромнѣе, чѣмъ Лефортъ, который въ своемъ погребѣ имѣлъ вина на нѣсколько тысячъ рублей и расходовалъ отъ 12 до 15,000 талеровъ въ годъ [1]).

Домашній бытъ Гордона также свидѣтельствовалъ о его зажиточности. Многіе предметы роскоши, какъ напримѣръ, виноградное вино, галстухи, чулки, кружева, гребенки, оружіе, серебряную посуду и т. п., онъ выписывалъ изъ за границы. Пряности, сласти и пр., упомянутыя въ спискѣ предметовъ, взятыхъ имъ въ Азовскій походъ, также были предметомъ роскоши; все это стоило тогда дорого. Постоянно покупалъ онъ или продавалъ лошадей, а иногда и экипажи. У Гордона была многочисленная прислуга. Когда однажды жена Гордона должна была пріѣхать изъ Кіева въ Москву, онъ отправилъ за нею четырехъ человѣкъ. Между слугами Гордона встрѣчаются Англичане, Русскіе, Волошанинъ, Турокъ и пр.; нѣкоторые служили вмѣстѣ со своимъ семействомъ. Содержаніе этихъ слугъ обходилось дешево. За то гораздо большій расходъ составляли подарки и награды, которыя ему приходилось выдавать весьма часто.

Роялизмъ, католицизмъ и образованіе Гордона. — Личный его характеръ.

Нельзя сказать, чтобы Гордонъ сдѣлался въ Россіи вполнѣ государственнымъ человѣкомъ. Его дѣятельность ограничивалась одною военною техникою. Только въ видѣ исключенія онъ однажды, въ 1684 году, долженъ былъ написать обще-политическій мемуаръ о восточномъ вопросѣ. Въ Кіевѣ онъ, безъ сомнѣнія, занимался отчасти и гражданскими административными дѣлами; но обыкновенно служба его ограничивалась только сферою военныхъ дѣлъ. Нельзя даже сказать, чтобъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ политическихъ событій въ Россіи. Только въ 1689 году по случаю борьбы

[1]) *Posselt*, Lefort, II, 79.

Библиотека "Руниверс"

придворныхъ партій онъ не могъ не интересоваться этими явленіями. Вообще же онъ былъ равнодушенъ къ русской политикѣ, въ сравненіи съ напряженнымъ вниманіемъ, съ которымъ слѣдилъ за политическими событіями въ Англіи. Разставшись съ родиной, постоянно жилъ за границей, онъ оставался вполнѣ Шотландцемъ, приверженцемъ Стюартовъ и сторонникомъ католицизма.

Мы видѣли уже, что революція содѣйствовала его рѣшенію покинуть отечество, а реставрація Карла II заставила его желать возвращенія въ отечество. Затѣмъ онъ три раза ѣздилъ въ Англію и лично познакомился съ королями Карломъ II и Яковомъ II. Во время его пребыванія въ Англіи въ 1686 году положеніе короля уже казалось ему чрезвычайно опаснымъ; онъ находилъ, что король былъ окруженъ ненадежными людьми и осуждалъ чрезмѣрное легковѣріе Якова. (III, 260). Изъ донесеній голландскаго резидента Коллера видно, что Гордонъ незадолго до революціи 1688 года желалъ отправиться въ Англію, чтобы поддерживать партію короля Якова II, партію папистовъ [1]).

Въ 1688 году онъ имѣлъ подробныя свѣдѣнія о всемъ происходившемъ въ Англіи. Когда на вечерѣ у Ильи Таберта заговорили о томъ, что Яковъ II принялъ строгія мѣры противъ нѣсколькихъ англиканскихъ епископовъ, Гордонъ сказалъ, что находитъ образъ дѣйствій короля совершенно правильнымъ (II, 222). Въ Россіи не любили Якова II: однажды за обѣдомъ у Василія Васильевича Голицына князь замѣтилъ, что Россія какъ-то не ладитъ съ Англійскимъ королемъ, потому что онъ слишкомъ гордъ. Гордонъ далъ разговору такой оборотъ, что Яковъ только кажется гордымъ, потому что не отправляетъ посланника въ Россію, и старался объяснять это обстоятельство чрезмѣрными заботами короля о внутреннихъ дѣлахъ. Когда затѣмъ бояринъ замѣтилъ, что Англичане не могутъ прожить безъ русскихъ товаровъ, Гордонъ не хотѣлъ высказать откровенно своего мнѣнія, очевидно, не согласнаго съ мнѣніемъ Голицына (II, 226). Наканунѣ революціи Гордонъ вмѣстѣ съ соотечественниками праздновалъ день рожденія Якова II. При этомъ былъ и голландскій резидентъ, который, уходя домой въ концѣ вечера, замѣтилъ: „Счастливъ король, подданные котораго и въ такомъ отдаленіи столь радушно празднуютъ его память“ (II, 231). Нѣсколько дней спустя получено было извѣстіе, что голландскій флотъ отправился въ Англію, чтобы

[1]) См. сочиненіе *Поссельта*, Lefort und seine Zeit, I, 441.

Библиотека "Руниверс"

принудить Якова созвать либеральный парламентъ и не нарушать правъ англиканской церкви (II, 232). Гордонъ узнавалъ подробности этихъ событій изъ газеты и письма купца Фрезера (II, 236). Съ Шаховитымъ и съ другими сановниками Гордонъ бесѣдовалъ о намѣреніяхъ Голландцевъ. Все это сильно его тревожило, и онъ просилъ купца Меверела въ Лондонѣ сообщить ему подробнѣе объ англійскомъ кризисѣ (II, 237). Вскорѣ въ Москвѣ получена была декларація принца Оранскаго, а затѣмъ до Гордона дошли извѣстія о прибытіи самого Вильгельма въ Англію съ войсками; полученныя Гордономъ по этому поводу письма онъ велѣлъ перевести на русскій языкъ и представилъ правительству. Онъ замѣчаетъ, что эти извѣстія сильно обрадовали русскихъ сановниковъ. Съ посѣщавшимъ его польскимъ резидентомъ Гордонъ также бесѣдовалъ объ англійскихъ дѣлахъ. Онъ замѣчаетъ, что Голландцы были въ восхищеніи отъ этихъ извѣстій. За обѣдомъ у Голицына, гдѣ были и другіе высшіе сановники, Гордонъ по случаю бесѣды объ Англіи „выѣзжалъ свое мнѣніе съ нѣкоторымъ жаромъ“ (II, 239 — 241). Очень опечалило его „прискорбное“ извѣстіе о бѣгствѣ Якова II во Францію (II, 243).

Въ продолженіе 1689 года извѣстія объ Англіи въ дневникѣ весьма скудны. Можно полагать, что Гордонъ въ это время ревностно переписывался со своими политическими друзьями въ Англіи и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ событій, въ особенности за неудачной попыткой Якова II завладѣть вновь короной Великобританіи при помощи Людовика XIV. Его письма, относящіяся къ 1691 и слѣдующимъ годамъ, сохранились и даютъ намъ возможность судить о мѣрѣ участія, съ которымъ Гордонъ слѣдилъ за печальною судьбою Стюартовъ. 28-го января 1690 года онъ писалъ къ графу Эбердину: „Я сильно встревоженъ бѣдствіями и расколами въ нашемъ бѣдномъ отечествѣ“. При этомъ онъ выражалъ желаніе возвратиться въ Шотландію (III, 239). 27-го февраля 1690 года онъ просилъ купца Меверела указать ему, къ кому должно обращаться при Англійскомъ дворѣ, такъ какъ, пишетъ онъ,—„мои друзья не участвуютъ болѣе въ государственномъ управленіи, и мои политическія убѣжденія едва ли содѣйствуютъ пріобрѣтенію новыхъ покровителей“ (III, 249). Къ графу Мельфорту, самому фанатическому сторонникову Якова II, онъ писалъ въ маѣ 1690 года о „несчастной революціи“ и своемъ желаніи дѣйствовать какимъ-либо образомъ въ пользу Якова II. Онъ изъявлялъ готовность идти туда, куда король ему укажетъ, вербовать офицеровъ на службу Якову II и отправиться, если нужно, въ Шаль-

Библиотека "Руниверс"

ну или въ Гамбургѣ для полученія тамъ дальнѣйшихъ приказаній (III, 248).

Гордонъ крѣпко надѣялся на реакцію въ пользу Стюартовъ. Въ письмѣ къ сыну Джемсу отъ 27-го іюня 1690 года сказано: „Ты можешь оставаться въ Россіи до перемѣны обстоятельствъ въ Шотландіи, потому что, безъ сомнѣнія, нынѣшнее правительство не долго продержится“ (III, 254). И въ письмѣ къ герцогу Гордону отъ 15-го ноября 1690 года выражается искреннее желаніе Гордона служить изгнанному королю, а далѣе—сожалѣніе, что въ Россіи не легко получать точныя и вѣрныя извѣстія о всѣхъ событіяхъ (III, 260). Онъ совѣтуетъ Якову II хлопотать о томъ, чтобы Людовикъ XIV отправилъ посольство къ Петру. Въ письмѣ къ лорду Мельфорту выражается сожалѣніе о неудачной агитаціи въ пользу Якова въ Ирландіи, и далѣе—надежда, что принцъ Оранскій не усидитъ на престолѣ (III, 261 и 262). Съ Мельфортомъ, игравшимъ роль дипломатическаго агента Якова II въ Римѣ, Гордонъ все время былъ въ перепискѣ (II, 322).

Между тѣмъ какъ Гордонъ приглашалъ къ себѣ на вечеръ соотечественниковъ, съ которыми пилъ здоровье короля Якова II, ненавистный ему король Вильгельмъ старался вступить въ дипломатическія сношенія съ Россіей. Грамота его сначала не была принята, потому что царскій титулъ былъ въ ней написанъ не совсѣмъ правильно; съ своей стороны, Гордонъ былъ очень радъ этому случаю (II, 328). Однако голландскій резидентъ убѣдилъ наконецъ русское правительство принять грамоту и отвѣчать на нее (II, 331, 335). Все это не мѣшало Гордону питать надежду на сверженіе Вильгельма съ престола въ ближайшемъ будущемъ. Къ тому же онъ потерпѣлъ убытокъ по случаю взятія какихъ-то англійскихъ кораблей (II, 350, III, 292), на которыхъ, вѣроятно, находились кое-какіе предметы или товары, принадлежавшіе Гордону.

Послѣ англійской революціи явилось въ печати нѣсколько брошюръ въ пользу Якова. Гордонъ старался пріобрѣсти эти произведенія публицистики. Онъ писалъ объ этомъ предметѣ къ Джемсу Гордону въ Ротердамъ (III, 272) и говорилъ въ письмѣ къ Джону Пенндону о двухъ такихъ же брошюрахъ (III, 311). Изъ письма къ герцогу Гордону отъ 22-го мая 1691 года видно, въ какой степени всѣ приверженцы Стюартовъ состояли въ связи между собою, и какъ сильно всѣ они надѣялись на помощь Людовика XIV. Гордонъ ожидалъ, что Вильгельмъ III скоро надоѣстъ Англичанамъ, и что мало

Библиотека "Руниверс"

по всему въ англійскомъ народѣ пробудился сознаніе его постыднаго рабства" (III, 280). Капитана Перри Гордонъ просилъ сообщить ему подробные списки всѣхъ лицъ, которые оставались вѣрными Стюартамъ, которые измѣнили имъ или пробивали нейтральными. Изъ этого письма видно, что и сынъ Гордона, Джемсъ, былъ горячимъ роялистомъ (III, 282). Даже въ письмахъ къ родным почти всѣмъ ему незнакомымъ Гордонъ съ горячностью говоритъ о печальной, по его мнѣнію, судьбѣ Англіи (III, 288). Объ этомъ же предметѣ онъ говорилъ въ латинскихъ стихахъ въ письмѣ къ графу Эбердину (III, 308). Изъ письма Гордона къ герцогу Гордону отъ 10-го января 1692 г. видно, что роялисты подвергались разнымъ опасностямъ и оскорбленіямъ. Они считали себя какъ бы мучениками, страдавшими за вѣру и правду (III, 309); они боролись, какъ видно изъ письма Гордона къ архіепископу Глестоускому, съ разными затрудненіями (III, 359), но не теряли надежды на реставрацію Стюартовъ.

Гордонъ все время слѣдилъ за войсками партіи роялистовъ, а также за состояніемъ войскъ въ самой Англіи, за преніями въ англійскомъ парламентѣ и пр. (II, 335, 359, 392, 396). О королѣ Вильгельмѣ онъ говорилъ не иначе, какъ называя его принцемъ Оранскимъ; за то Якова II и его супругу онъ постоянно называлъ королемъ и королевою (II, 377). Въ октябрѣ 1692 года онъ пригласилъ къ себѣ „столько соотечественниковъ, сколько могъ собрать" и вмѣстѣ съ ними пилъ здоровье короля Якова II (II, 385). Въ Москвѣ, кажется, всѣ или почти всѣ Англичане и Голландцы были приверженцами Стюартовъ: иначе англійскіе купцы, желавшіе поднести Петру разные подарки, не избрали бы Гордона въ 1694 году своимъ представителемъ для передачи этихъ предметовъ (II, 427 и 437). Только однажды въ 1695 году Вильгельмъ въ дневникѣ Гордона названъ королемъ (II, 524). За то въ Воронежѣ, когда по случаю празднества у Лефорта пили здоровье короля Вильгельма, Гордонъ рѣшительно отказался участвовать въ этомъ тостѣ и пилъ здоровье короля Якова II (III, 22). И въ этомъ году, какъ и прежде, 14-го октября, онъ праздновалъ день рожденія Якова II, пригласивъ къ себѣ соотечественниковъ (III, 76).

Вообще на этотъ счетъ Гордонъ могъ казаться близорукимъ, ограниченнымъ политикомъ. Какъ всѣ эмигранты, онъ не имѣлъ правильной мѣрки для справедливой оцѣнки событій въ Англіи. Притомъ его политическія убѣжденія состояли въ самой тѣсной связи

Библиотека "Руниверс"

съ религіозными: Гордонъ былъ не только ревностнымъ роялистомъ; онъ былъ еще болѣе ревностнымъ католикомъ.

Бывали случаи, что иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, принимали православную вѣру. Такъ напримѣръ, Трауернихтъ и Турнеръ [1]), Виніусъ [2]), Лесли [3]), взятый Ягушка, перебѣжавшій къ Туркамъ въ 1695 году [4]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранцы находили выгоднымъ для себя въ матеріальномъ отношеніи перемѣнить религію [5]). Напротивъ того, Гордонъ не только не думалъ о перемѣнѣ вѣры, но даже былъ, какъ кажется, главнымъ орудіемъ католической пропаганды въ Россіи. Положеніе католиковъ было въ Россіи чрезвычайно невыгодное. Тщетно іезуиты, императоръ и вообще католики хлопотали о тѣхъ самыхъ правахъ для католической церкви въ Москвѣ, которою пользовались лютеранское и реформатское исповѣданія. Въ борьбѣ за эти права Гордонъ игралъ весьма важную роль. Ненависть его къ Кромвелю и Вильгельму III объясняется не только его политическими убѣжденіями, но и религіозными. Онъ смотрѣлъ на событія въ Англіи съ точки зрѣнія іезуитскаго ордена; и въ Россіи онъ состоялъ въ самой тѣсной связи съ этою воинствующею церковью.

Въ то время, когда Гордонъ пріѣхалъ въ Россію, тамъ не было еще католическихъ церквей. Кто пѣвалъ голландскій пасторъ (I, 356, 357), какъ впослѣдствіи и дочь его Марія (I, 320). Въ 1684 г., когда въ январѣ и февралѣ Гордонъ находился нѣсколько недѣль въ Москвѣ, здѣсь былъ, пріѣздомъ въ Персію, какой-то архіепископъ, пріѣхавшій изъ Рима и Вѣны. Гордонъ присутствовалъ при его богослуженіи и слушалъ его проповѣдь. Послѣ того аналогичные католики обѣдали у Гордона (II, 13). 31-го января Гордонъ бесѣдовалъ съ княземъ Голицынымъ о печальномъ положеніи католицизма въ Россіи и жаловался на то, что католики не имѣютъ права публичнаго богослуженія наравнѣ съ другими исповѣданіями. Голицынъ

---

[1]) *Gordon*, Tagebuch, I, 434; III, 341.

[2]) *Korb*, Diarium, 24-го апрѣля 1699 г.

[3]) *Olearius*, 167.

[4]) *Posselt*, Lefort, II, 274.

[5]) О двухъ братьяхъ Штаденъ, принявшихъ православную вѣру, чтобы поправить свое положеніе, пишетъ Лефортъ; см. *Посселта* Lefort, I, 257. Голландскій резидентъ баронъ Келлеръ также сообщаетъ разныя данныя о перекрестившихся иностранцахъ съ цѣлью пріобрѣтенія внѣшнихъ выгодъ. *Possilt*, Lefort, I, 265.

Библиотека "Руниверс"

совѣтовалъ Гордону подать прошеніе царямъ и обѣщалъ, что желаніе католиковъ будетъ исполнено (II, 13).

Дѣйствительно, въ томъ же 1684 году было подано такое прошеніе. Московскіе католики, военные люди и купцы, просили права содержать священнослужителей и строить церкви. Просьба эта была поддержана австрійскими уполномоченными Жировскимъ и Блюмбергомъ отъ имени императора [1]). Гордона въ то время не было въ Москвѣ: 6-го марта онъ выѣхалъ въ Кіевъ. Во всякомъ случаѣ, это дѣло долго оставалось проектомъ. 1-го августа Гордонъ изъ Кіева написалъ письмо лорду Грему о содержаніи католическихъ священниковъ; отсюда видно, что католики получили тогда благопріятный отвѣтъ отъ правительства (II, 37). Гордонъ составилъ списокъ католикамъ, обязанныхъ платить ежегодно извѣстную сумму на содержаніе священниковъ и на разныя нужды церкви. Каждому католику приходилось по этому разчету вносить 47½ рублей въ годъ (II, 37). Сумма значительная; но какъ видно, католики для достиженія своихъ цѣлей были готовы приносить большія жертвы. Настоящаго разрѣшенія строить католическую церковь, впрочемъ, пока не послѣдовало. Очевидно, патріархъ не одобрялъ такой терпимости, и потому продолжались переговоры между Австріей и Россіей, въ которыхъ еще въ 1686 году принималъ участіе боярин Шереметевъ, бывшій тогда въ Вѣнѣ [2]). Католикамъ скорѣе хотѣли дозволить отправленіе богослуженія въ частныхъ домахъ, чѣмъ постройку особой церкви. Между тѣмъ Гордонъ хлопоталъ далѣе; изъ Кіева онъ отправилъ въ Москву нѣсколько денегъ для покупки строительныхъ матеріаловъ. Со своимъ старымъ знакомымъ, патеромъ Шмидтомъ, находившимся тогда за границей, онъ переписывался также объ этомъ предметѣ и узналъ отъ него, что можно ожидать пріѣзда австрійскаго дипломата Курца съ письмами отъ императора къ царямъ.

Въ 1685 году осенью Гордонъ пишетъ о кратковременномъ пребываніи какихъ-то католическихъ священниковъ въ Кіевѣ. Католики-офицеры исповѣдывались у нихъ, пріобщались св. тайнъ, слушали проповѣдь и пр. (II, 113). Въ началѣ 1686 года Гордонъ опять былъ въ Москвѣ, гдѣ между тѣмъ дѣло католиковъ подвинулось впередъ. Туда пріѣхалъ Курцъ, который распорядился о покупкѣ дома для іезуитовъ въ Москвѣ. Этотъ домъ былъ купленъ на имя стараго

[1]) См. соч. графа *Дм. Толстаго*: Le catholicisme romains en Russie (Paris, 1863). I, 124—125.

[2]) Тамъ же I, p. 125.

Библиотека "Руниверс"

пріѣзжія Гордона, Гуасконя, который подъ видомъ купца былъ не кѣмъ инымъ, какъ агентомъ іезуитскаго ордена [1]). Въ началѣ 1686 года въ Москвѣ находился какой-то католическій священникъ, котораго, какъ кажется, правительство хотѣло удалить. Гордонъ чрезъ князя Голицына выхлопоталъ ему отсрочку на восемь дней (II, 118). Но дѣло это затянулось. 10-го января Монезесъ и Гордонъ узнавали у Голицына и просили его „о католическомъ священникѣ". Голицынъ обѣщалъ донести о томъ царямъ. На другой день Гордонъ обѣдалъ у Голицына, но „не получилъ отвѣта насчетъ католическаго священника" Ему сказали, что нужно имѣть терпѣніе (II, 118).

Послѣ возвращенія его изъ перваго Крымскаго похода, въ дневникѣ опять появляются извѣстія относительно католической церкви. Можетъ быть, мѣсто для постройки, которое получилъ Гордонъ (II, 206—208), было назначено для ея сооруженія. Въ свитѣ польскаго посланника, находившагося тогда въ Москвѣ, былъ іезуитъ, съ которымъ Гордонъ находился въ сношеніяхъ (II, 207). Съ купцомъ Гуасконя онъ въ февралѣ 1688 года бесѣдовалъ „о церковныхъ дѣлахъ" (II, 210). Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1688 года въ Москвѣ находился патеръ Шмидтъ, который между прочимъ крестилъ дочь Гордона (II, 220). Онъ, впрочемъ, недолго оставался въ Москвѣ, такъ какъ уже въ октябрѣ этого года упомянуто о письмѣ Гордона къ Шмидту (II, 230). За то въ ноябрѣ было получено извѣстіе, что какой-то „докторъ медицины и еще другой священникъ для занятія мѣста Шмидта" уже находятся въ дорогѣ (II, 236). Это былъ никто иной, какъ патеръ Авриль, который исполнялъ должность священника по случаю похоронъ казненнаго Брабантца де-Рулья (II, 244) и вмѣстѣ съ другими священниками и польскимъ посланникомъ обѣдалъ у Гордона (II, 244). Всѣ эти пріѣзды католическихъ священниковъ, случаи отправленія богослуженія и пр. были однако исключеніями, и положеніе католической церкви въ Россіи все еще нисколько не соотвѣтствовало желаніямъ Гордона и его товарищей по вѣрѣ. Въ то же время (какъ узнаемъ мы изъ донесеній голландскаго резидента Келлера) Гордонъ интриговалъ противъ протестантовъ въ Москвѣ: было подано „на верхъ" какое-то челобитье, въ которомъ протестанты обвинялись въ томъ, что ихъ ученіе заключаетъ въ себѣ поношеніе Богородицы [2]). Будучи въ Кіевѣ, Гордонъ въ 1684 году ходатайствовалъ о разрѣ-

[1]) См. Le Cathol. romain, I, стр. 112.

[2]) См. соч. *Посселя*, Lefort, I. 441.

Библиотека "Руниверс"

шеніи ему приглашать изъ Польши въ большіе праздники, два или три раза въ годъ, католическихъ священниковъ для отправленія богослуженія (II, 87). Теперь, послѣ государственнаго переворота 1689 года, когда Гордонъ могъ разсчитывать на личное къ нему расположеніе Петра, онъ тотчасъ же принялся за дѣло и 18-го декабря 1689 года подалъ прошеніе о дозволеніи содержать въ Москвѣ католическихъ священниковъ (II, 289). Въ слѣдующіе дни онъ искалъ случаевъ поговорить съ Петромъ объ этомъ предметѣ. Онъ въ то время часто бывалъ въ городѣ и имѣлъ разговоры „на счетъ католическихъ священниковъ" (II, 293). Въ это время іезуиты постоянно дѣлали попытки утвердиться въ Москвѣ, и русское правительство постоянно заботилось о ихъ удаленіи. Такъ напримѣръ, въ 1689 году какіе-то іезуиты должны были уѣхать изъ Москвы и всевозможными средствами старались отсрочить отъѣздъ, прося между прочимъ времени для продажи дома, купленнаго въ Нѣмецкой слободѣ для императора Леопольда. Правительство не желало оскорбить императора, но все-таки настаивало на своемъ [1]). Такой же случай былъ и въ 1690 году съ іезуитомъ Терпиловскимъ, съ которымъ Гордонъ былъ въ весьма близкихъ сношеніяхъ. Въ мартѣ 1690 года Гордонъ подалъ прошеніе о томъ, чтобы патеру Терпиловскому было дозволено оставаться въ Москвѣ до пріѣзда другаго священника (II, 299). На другой день Гордонъ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ Петромъ, который дозволилъ пригласить священника, но не изъ іезуитовъ. Послѣ того Гордонъ совѣтовался съ польскимъ посланникомъ о приглашеніи священника. Вѣроятно, объ этомъ же предметѣ писалъ онъ и къ патеру Шмидту. Между тѣмъ умерла дочь Гордона Іоанна; при ея похоронахъ служилъ Терпиловскій. Царю очень не нравился Терпиловскій, и потому онъ приказалъ спѣшить приглашеніемъ другаго священника. Между тѣмъ Гордонъ бывалъ при богослуженіи, которое на Страстной недѣлѣ происходило съ музыкою (II, 301). 7-го мая Терпиловскому было приказано выѣхать (II, 303), а 31-го это приказаніе возобновлено (II, 305). Но онъ все-таки оставался; 28-го іюня происходило обыкновенное католическое богослуженіе (II, 308); 2-го іюля Терпиловскому снова приказано было уѣхать. Наконецъ, 12-го іюля его отправили насильно (II, 310).

Можно думать, что Гордонъ былъ сильно огорченъ этимъ образомъ дѣйствій русскаго правительства. Онъ все еще надѣялся на заступничество императора. Не безъ удовольствія разсказывалъ онъ въ своемъ

[1]) Le catholicisme romain en Russie, граф. *Толстаго*, I, 114.

Библиотека "Руниверс"

дневникѣ, что польскій посланникъ получилъ отъ императорскаго посланника письмо для передачи думному дьяку Украинцеву, въ которомъ было сказано, что изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи крайне непріятно императору, и что можно ожидать совершеннаго прекращенія дипломатическихъ сношеній императора съ Россіей, если іезуитамъ не будетъ дозволено возвратиться (II, 328). О пребываніи Терпиловскаго въ Москвѣ Гордонъ писалъ къ патеру Шмидту и горевалъ о томъ, что ему, какъ іезуиту, не дозволяютъ оставаться въ Россіи, а также и о томъ, что когда нѣтъ священника, католики собираются для богослуженія и безъ таковаго (III, 245). Такъ было и послѣ высылки Терпиловскаго, въ маѣ 1691 года (II, 341). Гордонъ старался пригласить школьнаго учителя и на счетъ этого обращался также къ патеру Шмидту и къ сыну Джемсу, находившемуся тогда за границею. Безъ сомнѣнія, разчитывали при этомъ случаѣ опять на іезуита. Гордонъ совѣтовалъ, чтобы приглашенный учитель совершилъ путешествіе въ Москву вмѣстѣ съ его сыномъ Джемсомъ: „иначе подумаютъ (или догадаются), что это іезуитъ“ (III, 253). Въ декабрѣ 1690 года Гордонъ въ письмѣ къ Шмидту горько жалуется на то, что по недостатку священника многіе измѣняютъ католической вѣрѣ. Онъ даже желалъ сына своего Ѳеодора посвятить духовному званію, и это обстоятельство было причиной отправленія этого юноши въ іезуитскую коллегію въ Браунсбергѣ (III, 264—265). Въ письмѣ къ Шмидту Гордонъ называлъ католическую общину осиротѣлою.

Еще въ 1685 году посланникъ Курцъ былъ въ Москвѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и іезуиты. Теперь, въ 1691 году, Курцъ пріѣхалъ во второй разъ въ сопровожденіи священника. Оба они часто обѣдали у Гордона. Въ іюнѣ какой-то доминиканскій монахъ крестилъ сына Гордонова Петра (II, 342). Католики просили этого монаха остаться въ Москвѣ (II, 350), на что и послѣдовало разрѣшеніе правительства (II, 350), но доминиканецъ могъ остаться лишь временно, до пріѣзда другаго священника. Поэтому въ концѣ 1691 году въ католической общинѣ выбрали другаго священника (II, 358). Вообще не упуская никакого случая для сношеній съ іезуитами, Гордонъ, 10-го марта 1692 года, написалъ чрезъ Избрандта письмо къ іезуитамъ въ Китаѣ, въ которомъ рекомендовалъ имъ Избрандта и замѣтилъ: „мы, католики, благодаря милости царя, пользуемся здѣсь правомъ свободнаго богослуженія“ (III, 314). Лѣтомъ того же года онъ писалъ къ Шмидту: „Наша община находится въ посредственномъ положеніи; молельня наша увеличена и прилично украшена“ (III, 318). Въ ноябрѣ

Библиотека "Руниверс"

того же года въ Москву пріѣхалъ Плейеръ, также служившій орудіемъ католической пропаганды въ Москвѣ. Онъ долго оставался въ Россіи и занимался изученіемъ русскаго языка. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали и новые священники (II, 388). Тотчасъ же послѣ ихъ прибытія Гордонъ посѣтилъ ихъ (II, 388) и былъ очень доволенъ, когда имъ было позволено оставаться въ Россіи (II, 388). И у Гордона, и у Менезеса [1]) пріѣзжіе были приняты весьма радушно. Въ письмѣ къ Курцу Гордонъ сильно хвалитъ ихъ и только сожалѣетъ о томъ, что они плохо знали по нѣмецки. Изъ этого письма видно, что Гордонъ крѣпко надѣялся на дальнѣйшее покровительство императора Леопольда „ради славы Божіей и распространенія католической религіи и ради душевнаго блага католиковъ" (III, 326). Въ этомъ же письмѣ Гордонъ въ духѣ іезуитизма говоритъ, что сохраненіе и дальнѣйшее распространеніе католической религіи въ Россіи главнымъ образомъ обусловливается успѣшнымъ воспитаніемъ юношества. Священники содержались на счетъ императора, и въ письмахъ къ Шмидту и Курцу Гордонъ жалуется на замедленіе въ высылкѣ имъ денегъ, такъ что ему и другимъ католикамъ приходилось иногда ссужать священниковъ изъ своихъ собственныхъ средствъ (III, 346, 347, 355).

Не имѣя въ Нѣмецкой слободѣ настоящей церкви, католики совершали богослуженіе только въ молельнѣ. Каково же было волненіе Гордона, когда вдругъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ пригласилъ его къ себѣ и сообщилъ, что правительство намѣрено уступить доктору фанъ-деръ-Гульсту именно то мѣсто въ Нѣмецкой слободѣ, на которомъ была построена католическая молельня. Гордонъ возразилъ, что продать домъ и мѣсто не возможно, потому что все это куплено на деньги императора для католическаго богослуженія, что это мѣсто священное, и что грѣхъ построить на этомъ мѣстѣ другое зданіе (II, 402). Какъ кажется, впрочемъ, Гордонъ сильно перепугался и на другой день отправился къ разнымъ вельможамъ хлопотать объ отклоненіи удара, грозившаго католической общинѣ (II, 402). Въ началѣ 1694 года Гордонъ сталъ хлопотать о постройкѣ уже каменной церкви для католиковъ. Онъ собиралъ деньги для этой цѣли, подарилъ церкви чашу и пр. (II, 436, 443, 444, 445, 508). Изъ другаго

[1]) Менезесъ былъ фанатическимъ католикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ другомъ Гордона. Онъ жертвовалъ значительныя суммы на бѣдныхъ католической общины (Дневникъ, II, 444). Умирая, онъ проклиналъ всѣхъ, кто будетъ стараться отклечь его сыновей отъ католичества (Дневникъ, II, 484).

Библиотека "Руниверс"

источника мы знаемъ, что главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ былъ Гуаскони. Подъ предлогомъ сооруженія для семейства Гордона особенной надгробной часовни было куплено мѣсто, на которомъ хотѣли построить церковь. Рабочимъ было вмѣнено въ обязанность спѣшить. Но у Русскихъ явилось во-время подозрѣніе, и работы были пріостановлены по приказанію правительства. По наведеніи справокъ оказалось слѣдующее [1]): однажды въ 1694 году Гордонъ имѣлъ съ царемъ въ каретѣ отправился на свадьбу какого-то иностранца. Проѣзжая мимо колельни, Гордонъ просилъ дозволенія католикамъ построить каменную церковь, и Петръ, какъ пишетъ Гордонъ, изъявилъ согласіе (II, 494). Такое устное изъявленіе согласія не было однако формальнымъ разрѣшеніемъ, и потому католики сочли нужнымъ приступить къ дѣлу съ нѣкоторою осторожностью. Какъ кажется, постройка этой мнимой часовни происходила въ первой половинѣ 1695 года. Во время осады Азова, 17-го іюля, Гордонъ пишетъ въ дневникѣ: „Я отправился съ его величествомъ къ каланчамъ и на дорогѣ просилъ на счетъ моего мѣста погребенія, такъ какъ оказались затрудненія окончить это зданіе и покрыть крышею. Его величество обѣщалъ распорядиться". Вскорѣ послѣ того Гордонъ написалъ письмо въ Москву къ Стрѣшневу о томъ же предметѣ и присоединилъ какую-то бумагу царя (II, 577 и 583). Дальнѣйшій ходъ этого дѣла неизвѣстенъ. Но какъ бы то ни было, мало по малу сооружена была такимъ образомъ каменная католическая церковь въ Москвѣ [2]), которая описывается нѣкоторыми путешественниками, посѣтившими Москву, и въ которой впослѣдствіи Гордонъ дѣйствительно былъ похороненъ.

Не безъ удивленія можно видѣть изъ дневника Гордона, что въ Азовскомъ походѣ при войскѣ находились между прочимъ католическіе священники. По случаю похоронъ подполковника Крофурда сказано: „Нашъ патеръ провожалъ покойника, но не въ ризѣ и не впереди; онъ три раза бросилъ землю на гробъ, говоря memento mori, а затѣмъ сказалъ прекрасную рѣчь" (II, 525; ср. 539). Можно бы подумать, что эти священники состояли въ войскѣ тайно, подъ видомъ свѣтскихъ людей, и что при погребеніи Крофурда нарочно не соблюдалось внѣшнихъ формъ обряда; впрочемъ, при описаніи погре-

[1]) См. соч. гр. *Толстаго* Le catholicisme, l. c.

[2]) См. въ сочиненіи графа *Д. А. Толстаго*: Le catholicisme romain en Russie, I, 127—128, любопытныя данныя объ этомъ событіи изъ Моск. главн. архива министерства иностр. дѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

бенія другаго патріарха прямо говорится о „церемоніи", при которой присутствовалъ самъ Петръ.

Въ семейномъ кругу своемъ Гордонъ усиленно хлопоталъ объ упроченіи и распространеніи католической вѣры. Онъ сильно опасался, что сынъ его Джемсъ будетъ зараженъ реформатскою ересью (II, 128), и съ радостію сообщилъ Шмидту, что его зять Страсбургъ принялъ католическую вѣру, выражалъ надежду, что и другой зять послѣдуетъ его примѣру (III, 265). Какъ кажется однако, Крофурдъ остался вѣренъ реформатскому исповѣданію, а Стиннисъ, кажется, былъ лютеранинъ. По случаю его погребенія упомянуто о „пасторѣ", который получилъ 5 рублей (III, 172).

Въ послѣдніе годы жизни Гордонъ постоянно былъ окруженъ духовными лицами и имѣлъ случай отправлять католическое богослуженіе безъ препятствій. Очень часто говорится въ дневникѣ о религіозныхъ обрядахъ, о пріобщеніи св. тайнъ и пр. Въ католической церкви въ это время являлись знатные гости, напримѣръ, императорскій посолъ Гваріентъ, а далѣе архіепископъ Анкирскій, который совершилъ обрядъ конфирмаціи. И Гордонъ былъ конфирмованъ, при чемъ получилъ имя „Леопольдъ". Крестнымъ отцомъ при этомъ случаѣ былъ Гваріентъ [1]) (III, 203). Въ 1699 году Гордонъ участвовалъ въ конференціи о католической церкви въ Москвѣ, о которой сообщаетъ нѣкоторые подробности Корбъ [2]).

Образованіемъ своимъ Гордонъ въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ іезуитамъ. Онъ хорошо зналъ по латыни и былъ знакомъ съ латинскими классиками. Онъ часто цитуетъ ихъ въ своемъ дневникѣ и въ своихъ письмахъ (I, 224, 234. 269. III, 126. 308. 326). По латыни онъ писалъ плавно и правильно. Оставляя польскую службу, онъ самъ, какъ бы отъ имени Любомирскаго, написалъ для себя на латинскомъ языкѣ свидѣтельство о своей службѣ (I, 277). Всѣ его письма къ дьяку Алмазу Иванову, къ гетману Мазепѣ, къ Матвѣеву, къ Курцу были писаны на латинскомъ языкѣ. Съ игуменомъ Печерскаго монастыря онъ говорилъ по латыни (II, 22); когда умеръ его сынъ въ Кіевѣ, онъ сочинилъ латинскую надгробную надпись въ стихахъ (II, 50). Отъ сына Ѳеодора, учившагося въ Браунсбергѣ, онъ требовалъ тщательнаго изученія латинскаго языка, ариѳметики и русскаго языка (II, 429).

---

[1]) Объ этой церемоніи см. Diarium *Корба*, подъ 15-мъ и 16-мъ іюля 1698

[2]) *Корбъ*, 18-го мая 1699 года.

Библиотека "Руниверс"

Въ дневникѣ и письмахъ Гордона часто говорится о книгахъ. Еще будучи юношей и плывя по Вислѣ, онъ занимался чтеніемъ книгъ охотнѣе, нежели чѣмъ-нибудь инымъ (III, 408). Попавшись въ польскій плѣнъ, онъ особенно сожалѣлъ о потерѣ своей книги Фомы Кемпійскаго (I, 131). Занимаясь въ Польшѣ грабежомъ, онъ старался пріобрѣсти и книги, изъ которыхъ лучшія выбиралъ для себя (I, 180). Въ дневникѣ говорится о Гордоновыхъ книгахъ, находившихся въ Смоленскѣ и отправленныхъ въ 1665 году въ Москву (I, 359). Голландскому резиденту онъ изъ Кіева посылаетъ книгу „Описаніе Дуная“ (II, 79). Когда кто-нибудь изъ знакомыхъ Гордона отправлялся за границу, Гордонъ обыкновенно давалъ ему порученіе купить для него книгъ. Нѣсколько разъ говорится о выпискѣ книгъ чрезъ купца Мюнтера въ Москвѣ, чрезъ купца Фразера въ Ригѣ и пр. (II 413, 416). Сочиненіе Вобана о фортификаціи онъ посылаетъ своему сыну въ Тамбовъ (II, 441). Очевидно, книги, которыя онъ давалъ Петру, были именно такого содержанія (II, 477 и 494). Къ купцу Меверелю и къ другимъ лицамъ онъ писалъ иногда о доставкѣ ему новыхъ книгъ по артиллеріи и пр. (II, 172; III, 87, 264, 272). Иногда книги, желаемыя Гордономъ, описываются подробно, какъ, напримѣръ, книга о древнихъ оружіяхъ, изданная въ Нюрнбергѣ и стоившая 9 талеровъ, новѣйшее изданіе которой Гордонъ заказалъ чрезъ купца Форбеса въ Данцигѣ въ двухъ экземплярахъ (III, 266). Впрочемъ, Гордонъ читалъ не только сочиненія, относящіяся къ его спеціальности. Разказывая, напримѣръ, о жестокости Іоанна IV въ Новгородѣ, онъ ссылается на какого-то писателя, можетъ быть, на Петрея (I, 288). Чрезъ нѣкоего Лойда, отправившагося за границу, онъ заказываетъ книгу о церемоніяхъ (II, 430). Другой разъ онъ находитъ, что „и извѣстный авторъ“ сильно ошибается, говоря, что рѣка Трубная имѣетъ глубину 100 саженей (II, 483). Въ другихъ мѣстахъ говорится о турецкихъ книгахъ (III, 24), о разныхъ французскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ книгахъ, о какомъ-то календарѣ (III, 163, 175, 226). Однажды сообщается въ письмѣ въ Меверелю списокъ книгъ историческаго, религіознаго и беллетристическаго содержанія, которыя выписываются отчасти для Гордона самого, отчасти для его знакомыхъ въ Нѣмецкой слободѣ. Къ тому же онъ желаетъ получить карту Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Далѣе онъ проситъ Фразера доставить ему геральдику и генеалогію Венгріи (III, 311, 339). Изъ подробнаго описанія нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій видно, что Гордонъ со вниманіемъ слѣдилъ за современною литературою, хотя книж-

Библиотека "Руниверс"

ная) торговля была исходя (еще рѣзче мы это увидимъ, когда самая личная въ Россіи представляла благопріятныхъ условій для занятій западно-европейской литературой). Разумѣется, нельзя полагать, чтобы Гордонъ особенно много занимался чтеніемъ. Но, безъ сомнѣнія, его можно было считать однимъ изъ самыхъ образованныхъ и начитанныхъ людей въ Нѣмецкой слободѣ.

Что касается до знанія языковъ, то шотландская орѳографія у Гордона чрезвычайно плоха и произвольна. Можно полагать, что многолѣтнее пребываніе въ Россіи, вслѣдствіе котораго въ языкѣ Гордона является много русскихъ словъ, было причиной, что онъ забылъ шотландскую орѳографію. Сначала, въ 1658 году (III, 401), онъ не зналъ нѣмецкаго языка, но впослѣдствіи научился ему настолько, что могъ написать нѣмецкое письмо къ сыну Ѳеодору въ Браунсбергъ, хотя и не совсѣмъ грамотное (III, 340). Въ Польшѣ онъ научился по польски (I, 68). Безъ сомнѣнія, Гордонъ довольно свободно говорилъ по русски; иначе онъ не могъ бы находиться въ столь близкихъ сношеніяхъ съ русскими вельможами и сановниками, не владѣвшими другими языками, не могъ бы произносить рѣчи на русскомъ языкѣ и пр. Своему сыну Ѳеодору онъ неоднократно совѣтовалъ заниматься серьезно изученіемъ русскаго языка (III, 340, 345). Въ Браунсбергѣ даже былъ какой-то монахъ, обучавшій ему сына Гордона (II, 438).

Хотя Гордонъ когда-то просилъ не называть его инженеромъ, но на дѣлѣ онъ довольно часто выказывалъ обстоятельное знаніе этого искусства. Купца Меверела онъ просилъ сообщать ему о новыхъ изобрѣтеніяхъ въ области механики и пр., публикованныхъ Королевскимъ обществомъ въ Англіи, и присылать модели, или по крайней мѣрѣ подробное описаніе новыхъ снарядовъ (III, 278). О разныхъ инструментахъ для черченія и для баллистики, о циркуляхъ и квадрантахъ и пр. не разъ говорится въ письмахъ Гордона (напримѣръ, III, 317). Вниманіе Гордона къ этимъ предметамъ отразилось и на Петрѣ. Безъ сомнѣнія онъ многимъ былъ обязанъ образованію, начитанности и опытности Гордона по этой части. Далѣе изъ писемъ Гордона къ сыну Джемсу видно, что онъ былъ знатокомъ въ области садоводства (III, 232, 263), а изъ замѣтокъ по случаю затмѣнія луны видно, что онъ имѣлъ нѣкоторыя астрономическія познанія (II, 215). Въ области изящной литературы и искусствъ Гордонъ вообще едва ли былъ знатокомъ. У него, впрочемъ, бывали музыкальные вечера; въ бытность въ Англіи онъ видѣлъ „Гамлета“, но не дѣлаетъ ни-

Библиотека "Руниверс"

какихъ замѣчаній объ этой драмѣ (II, 186). Политическія способности Гордона были, какъ кажется, не особенныя. Его записка о восточномъ вопросѣ, составленная для Голицына въ 1684 году, не обнаруживаетъ проницательности или дальновидности. Но умъ и познанія Гордона, не представляя ничего чрезвычайнаго, были солидные и доставляли ему возможность исполнять свой долгъ какъ слѣдуетъ и быть полезнымъ Россіи.

Таковъ же былъ и нравственный характеръ Гордона. Не должно судить о качествахъ, убѣжденіяхъ и міросозерцаніи его, не принявъ предварительно во вниманіе, что онъ былъ наемнымъ воиномъ, притомъ воспитанникомъ іезуитскаго ордена, и что политическій и общественный строй Россіи въ XVII вѣкѣ не представлялъ особенно благопріятныхъ условій для развитія высокой нравственности. Храбрость Гордона не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Разсказывая о разныхъ подвигахъ своихъ, о страшныхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, онъ никогда не обнаруживаетъ хотя бы малѣйшаго самолюбія. Всюду онъ оказывался безстрашнымъ рубакою; больше всего онъ однако отличился самоотверженіемъ, отчаяннымъ мужествомъ въ Чигиринѣ.

Боевое мужество Гордона превосходило его гражданское мужество. Но иногда онъ высказывалъ свое мнѣніе смѣло и съ горячностью, какъ, напримѣръ, по поводу англійской революціи; ходатайствуя о своемъ увольненіи, онъ дѣйствовалъ смѣло и подвергалъ себя большой опасности. За то подъ Азовомъ онъ боялся заявлять свое мнѣніе, ибо зналъ хорошо, что оно можетъ сильно не понравиться Петру (II, 586, 604). Не всегда Гордонъ дѣйствовалъ открыто. Корбъ замѣчаетъ: „искусный мастеръ притворяться и скрывать настоящія свои мысли, Гордонъ, по правиламъ Аристотеля, говорилъ московскому властителю только то, что, по понятію его, должно было нравиться Петру“ [1]). Тутъ дѣйствительно замѣтно, что Гордонъ былъ воспитанникомъ іезуитовъ. Довольно наивно сознается онъ иногда въ заднихъ мысляхъ, въ наклонности къ нѣкоторымъ проискамъ, къ пронырству. Чтобъ освободиться отъ обязанности отправиться въ Вѣну въ 1661 году, онъ придумалъ цѣлую систему лжи, сочинилъ два письма о мнимой болѣзни и пр. (I, 280—281). Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Россію, онъ однажды страшно избилъ одного капитана, а когда дѣло дошло до слѣдствія, сталъ отпираться отъ этого факта, такъ какъ и „свидѣтелей не было“

[1]) Diarium, 217.

Библиотека "Руниверс"

(I, 296). Подавъ одно прошеніе, онъ двумя червонцами подкупилъ писца, чтобы тотъ подмѣнилъ это прошеніе другимъ (I, 308), и выражаетъ радость, что такимъ образомъ вышелъ изъ непріятнаго положенія. И тутъ дѣло касалось жалобы на Гордона. Впрочемъ, Гордонъ при этомъ случаѣ руководствовался совѣтомъ подьячаго Марка Иванова. Таковы уже были пріемы тогдашней бюрократіи.

Въ письмахъ къ сыну Джемсу онъ наставляетъ его, какъ должно поступать при пріѣздѣ въ Россію. Сынъ долженъ выдавать себя за капитана, а своего спутника, учителя и воспитанника іезуитовъ, за прапорщика. Онъ сочиняетъ для сына цѣлую исторію, которую тотъ долженъ разсказать на русской границѣ, заключая свой совѣтъ словами: „Такъ какъ это ложь обстоятельна и сложна, то и грѣхъ не столь большой“ (III. 250). Въ другомъ письмѣ онъ совѣтуетъ сыну въ своихъ письмахъ показывать ложныя данныя о своемъ мѣстопребываніи, чтобы можно было принять, что письма писаны не въ Польшѣ, а во Франціи; только начальныя буквы названій городовъ должны соотвѣтствовать настоящимъ; такое же искаженіе рекомендуется и въ отношеніи къ собственнымъ именамъ; все это оправдывается вскрытіемъ въ то время частныхъ писемъ и натянутыми отношеніями между Россіей и Польшей (III, 256). Наконецъ, отецъ пишетъ: „Если ты уже поступилъ въ польскую службу и не можешь отдѣлаться отъ нея, то все-таки на нѣкоторое время могъ бы пріѣхать сюда, обѣщая при этомъ, что ты скоро вернешься въ Польшу. Ты знаешь, что я хочу сказать“ (III, 257). Другими словами, Гордонъ совѣтовалъ сыну обѣщать то, чего исполнить онъ не хотѣлъ. Религіозность Гордона была искренняя и глубокая, и разумѣется, соединялась съ строгимъ соблюденіемъ обрядовъ и внѣшнихъ формъ, что впрочемъ объясняется воспитаніемъ Гордона и условіями тогдашняго религіознаго быта вообще.

Лучшею мѣркою для оцѣнки характера Гордона можетъ служить то уваженіе, которымъ онъ пользовался какъ въ Нѣмецкой слободѣ, такъ и въ кругахъ Русскихъ. Всѣмъ знавшимъ его внушали довѣріе къ нему его добросовѣстность, его солидность, точность при исполненіи всѣхъ служебныхъ обязанностей, готовность заботиться объ интересахъ другихъ лицъ, любовь къ порядку, отчетливость и аккуратность. Есть основаніе думать, что онъ большею частью неохотно участвовалъ въ попойкахъ, которыя характеризовали нравы тогдашняго общества. Недаромъ Гордона особенно часто избирали въ посредники при спорахъ между разными лицами, въ опекуны при управле-

Библиотека "Руниверс"

нія имѣніемъ сиротъ и вдовъ (II, 211, 416). Въ молодости, во время пребыванія въ Польшѣ, Гордонъ позволялъ себѣ поступки, несогласные съ нынѣшними понятіями о военной честности и о правѣ войны. Находясь въ военной службѣ Швеціи и Польши, онъ занимался прямо грабежомъ. Тогда частное имущество не было еще охранено отъ опасности сдѣлаться добычею каждаго воина. Наивность, съ которою Гордонъ разказываетъ о подобныхъ случаяхъ, доказываетъ, что тогдашнія понятія о военной чести удобно согласовались съ подобными поступками. Однажды Гордонъ при продажѣ скота, отнятаго у польскихъ крестьянъ, выручилъ 100 талеровъ (I, 69). Особенно часто онъ бралъ лошадей безъ денегъ (I, 125). Иногда онъ бралъ отъ польскихъ шляхтичей деньги за обѣщаніе не грабить ихъ или защитить ихъ отъ грабежа товарищей. Систематически устроено было слѣдующее предпріятіе: товарищи Гордона грабили скотъ; онъ же возвращалъ скотъ собственникамъ и получалъ за каждую штуку по одному талеру (I, 129, 138). Воины, говоритъ Гордонъ, не получали ни гроша отъ правительства и потому должны были промышлять такимъ образомъ, чтобы не умереть съ голоду (I, 140). Но дѣло въ томъ, что Гордонъ не довольствовался спасеніемъ отъ голодной смерти; онъ составилъ себѣ грабежомъ даже небольшое состояніе. По нравственнымъ понятіямъ того времени возможно было однако послѣ такихъ поступковъ утверждать, какъ утверждалъ Гордонъ въ письмѣ къ своему сыну Джону, — что онъ во всю жизнь гораздо болѣе искалъ славы и чести чѣмъ денежныхъ выгодъ, и постоянно предпочиталъ умѣренную выгоду въ соединеніи съ чистою совѣстью большимъ выгодамъ, пріобрѣтеннымъ нечестнымъ образомъ. „Будь увѣренъ, что въ моемъ состояніи нѣтъ ни одного гроша, нажитаго непозволительнымъ путемъ“, заключаетъ Гордонъ (III, 233).

Какъ бы то ни было, въ Россіи Гордонъ слылъ вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Въ качествѣ полковаго командира, онъ постоянно имѣлъ въ рукахъ весьма значительныя суммы; нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что онъ когда-нибудь употребилъ во зло довѣріе, которымъ пользовался сперва отъ шведскаго, а потомъ отъ московскаго правительства. Иностранцы, какъ напримѣръ, Корбъ, Русскіе, какъ напримѣръ, Нартовъ, въ одинъ голосъ хвалили Гордона.

Болѣзнь и кончина.

Здоровье Гордона не могло не быть потрясено многими ранами, утомительными походами и еще болѣе утомительною придворною

Библиотека "Руниверс"

жизнью при Петрѣ. Онъ получилъ нѣсколько ранъ въ польско-шведскихъ походахъ въ пятидесятыхъ годахъ и во время осады Чигирина въ 1678 году. Въ 1655 году онъ былъ два раза раненъ ружейными пулями въ бокъ (I, 18, 24); затѣмъ нѣсколько разъ былъ раненъ въ ногу, въ голову (I, 29, 136), въ лѣвое плечо и пр. (I, 142, 143, 159, 235). Въ Чигиринѣ онъ былъ раненъ въ лицо, въ руки и ноги саблями и ручными гранатами (I, 493, 495, 499, 503, 524). Кромѣ того, не разъ онъ былъ раненъ по случаю фейерверковъ и маневровъ Петра I (II, 305, 318). Однако всѣ эти раны едва ли были особенно опасны, и по видимому, не имѣли губительнаго вліянія на его здоровье. Тѣмъ не менѣе, судя по дневнику, Гордонъ бывалъ боленъ очень часто, и иногда даже весьма опасно. Въ 1653 году онъ страдалъ отъ какой-то горячки (III, 416), въ 1655 году хворалъ лихорадкой въ Гамбургѣ (I, 6), во время шведско-польской войны заболѣлъ чумою (I, 192), но скоро выздоровѣлъ, а кромѣ того часто страдалъ разными горячками (I, 134, 215, 284, 307).

Притомъ Гордонъ, какъ кажется, былъ въ нѣкоторой степени ипохондрикомъ. Описанію своихъ болѣзней, особенно въ позднѣйшее время, онъ посвящаетъ въ дневникѣ много мѣста (II, 16, 59). Онъ любилъ лѣчиться и совѣтоваться съ докторами. Изъ довольно подробнаго описанія болѣзней Гордона и изъ лѣкарствъ, которыми онъ пользовался, видно, что онъ страдалъ отъ хроническаго катарра желудка. Есть основаніе думать, что онъ сдѣлался и жертвой этой болѣзни. Уже въ 1698 году припадки ея становились особенно серьезными (III, 125, 188—89, 206, 218—219, 220—225). 31-го декабря 1698 года онъ заключаетъ свой дневникъ слѣдующими словами: „Въ послѣднемъ году я чувствовалъ видимое убавленіе силъ моихъ: да будетъ Твоя воля, о Боже“ (III, 228.) Напротивъ того, о состояніи здоровья Гордона въ продолженіе 1699 года мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Мы знаемъ только, что онъ скончался 19-го ноября этого года. Корбъ пишетъ: „Его царское величество пять разъ посѣщалъ Гордона во время послѣдней его болѣзни, а въ послѣднюю ночь былъ у умирающаго два раза. Государь собственною рукою закрылъ глаза Гордону, когда тотъ испустилъ духъ“ [1]).

За нѣсколько мѣсяцевъ до того скончался Лефортъ. Его погребеніе было чрезвычайно великолѣпно. О погребеніи Гордона Корбъ говоритъ, что оно совершилось по тому же пышному церемоніалу. „Сол-

[1]) Diarium, 218.

Библиотека "Руниверс"

даты трехъ гвардейскихъ полковъ", разсказываетъ Корбъ, — „имѣя среди себя царя, занимавшаго свое обычное мѣсто въ своемъ полку, проводили гробъ Гордона; похороны сопровождались выстрѣлами изъ двадцати-четырехъ пушекъ большаго размѣра, такъ что приходилось сомнѣваться было ли это заявленіе печали или радости. По приказанію царя совершено было священнослуженіе, и императорскій миссіонеръ, Іоаннъ Берула, произнесъ надгробную рѣчь; наканунѣ царевичъ Алексѣй съ Натальей, любимою сестрой Государя, слушали церковную службу въ католическомъ храмѣ". Все это потверждается и донесеніемъ Плейера къ цесарю [1]).

Прахъ Гордона покоится въ той самой католической церкви, которая была построена въ 1695 году, какъ мы видѣли, подъ видомъ надгробной часовни для Гордона и его семейства. Въ серединѣ этой церкви по лѣстницѣ можно спуститься въ сводъ, въ которомъ на надгробномъ камнѣ находится латинская надпись [2]).

Нартовъ, разсказывая о кончинѣ Гордона, замѣчаетъ, что Петръ закрылъ ему очи своею рукой и потомъ поцѣловалъ его въ лобъ, а при великолѣпномъ погребеніи сказалъ: „Я и государство лишились усерднаго, вѣрнаго и храбраго генерала. Когда бы не Гордонъ, въ Москвѣ было бы великое бѣдствіе". Можетъ быть, послѣднее замѣчаніе относится въ заслугахъ Гордона въ борьбѣ съ мятежными стрѣльцами. Нартовъ заключаетъ свой разсказъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Сей чужестранецъ, по сказанію тѣхъ, кои его лично знали, любимъ былъ не только Петромъ Великимъ, но и подданными его. Смерть его была сожалѣніемъ всеобщимъ" [3]).

Корбъ приводитъ мнѣніе современниковъ о Гордонѣ слѣдующимъ образомъ: „Военныя свои обязанности Гордонъ всегда исполнялъ съ благоразуміемъ, и сами Москвитяне не откажутъ памяти усопшаго въ уваженіи, которомъ обязаны были ему при жизни за его достоинства. Осторожность была отличительною особенностью Гордона. Ревнуя въ пользѣ государя и его безопасности, Гордонъ во всѣхъ своихъ поступкахъ руководствовался такою благоразумною вѣрностью, что никогда никто не могъ упрекнуть его въ неосмотрительной отважности. Однако же совѣты Гордона нравились Москвитянамъ болѣе, чѣмъ его личность: Мос-

---

[1]) *Устрялова*, Ист. П. В., III, 646.

[2]) О торжественномъ погребальномъ шествіи см. изданіе Дневника Гордона т. I, стр. V—VIII. Къ сожалѣнію, г. Поссельтъ не говоритъ, откуда имъ заимствованы эти данныя о церемоніи.

[3]) Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра В.

Библиотека "Руниверс"

ковъ пользовалась проницательностью ума Гордона только тогда, когда предстояло рѣшить трудное дѣло .... Гордонъ всегда отличался благоразуміемъ, зрѣлымъ умомъ и предусмотрительностью въ совѣтахъ. Безъ притязаній на громкую извѣстность, онъ своею скромностью и любезностью въ частной жизни пріобрѣлъ особенное расположеніе Москвитянъ, людей вообще недоброжелательныхъ иностранцамъ и по своей природной наклонности питающихъ ненависть къ ихъ славѣ. Расположеніе Москвитянъ было такъ велико, что во время внутреннихъ смутъ домъ этого человѣка былъ для самихъ даже царевенъ безопаснымъ и спокойнымъ убѣжищемъ. Величаемый часто отъ государя „батюшкой", почитаемый боярами, чествуемый думными любезный благородным, любимый простымъ народомъ, Гордонъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что едва ли иноземецъ могъ когда-либо разчитывать на подобный успѣхъ" [1]).

Важнѣйшая часть жизни и дѣятельности Гордона относится въ той эпохѣ русской исторіи, когда совершился поворотъ Россіи на западъ, когда Петръ готовился къ превращенію Россіи въ европейское государство. Въ этой реформѣ и Гордонъ имѣлъ свою долю участія, такъ какъ былъ наставникомъ Петра, такъ сказать, главою Нѣмецкой слободы и представителемъ западно-европейской цивилизаціи.

---

[1]) Diarium, 217.

А. Брикнеръ.

Библиотека "Руниверс"

РУССКО-ВИЗАНТІЙСКІЕ ОТРЫВКИ.

VIII. Житіе Георгія Амастридскаго [1]).

IV.

Касательно состава произведенія, предложеннаго нами въ довольно обширномъ извлеченіи, касательно отношенія между различными его частями и отдѣлами, были высказаны — правда, мимоходомъ—такія предположенія и догадки, которыя можно устранить безъ дальнихъ разсужденій, тѣмъ болѣе, что эти предположенія не были подкрѣпляемы какими-либо точными наблюденіями надъ текстомъ, а просто имѣли видъ гаданій a priori. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что все наше Житіе, начиная отъ вступленія и кончая молитвеннымъ обращеніемъ ко святому, написано однимъ и тѣмъ же авторомъ и за одинъ разъ, что всякія очень обычныя и очень легкія предположенія о вставкахъ и приставкахъ, которыя могли бы служить къ удобствамъ той или другой школы, той или другой теоріи, будутъ и совершенно излишними, и совершенно праздными. Не говоря о полной тожественности языка, стиля и литературныхъ пріемовъ во всемъ Житіи отъ начала до конца,—что, полагаемъ, несовершенно изчезло даже въ нашихъ извлеченіяхъ,—единство всѣхъ частей занимающаго насъ сочиненія обнаруживается изъ тѣсной связи начальной вступительной части (приступа), въ которой сообщается какъ бы краткая программа всего послѣдующаго изложенія, съ другими отдѣлами, слѣдующими одинъ за другимъ въ законномъ риторическомъ порядкѣ. Въ приступѣ между прочимъ дѣлается указаніе на чудеса святаго, которыми онъ сдѣлался страшенъ для враговъ, и вслѣдствіе которыхъ его слава достигла крайнихъ предѣловъ

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

[illegible] Отсюда видно, что тотъ, кто писалъ начало сочиненія, уже имѣлъ въ виду и Сарацинское нашествіе, о которомъ говорится въ серединѣ Житія, и нѣкое, совершившееся ранѣе Русское, поставленное въ тѣсную связь съ нимъ. Въ заключительной, послѣдней практической части сочиненія, свое которой оно только теперь могло бы получить въ силу, какъ и безъ прямого указанія, самаго изложенія, внѣшнюю связь соединяется съ предшествующимъ повѣствованіемъ о посмертныхъ чудесахъ святого и возвращается къ нимъ въ нѣсколькихъ очень прозрачныхъ намекахъ: одинъ изъ нихъ опять говоритъ о славѣ гроба, достигшей до предѣловъ океана. Наконецъ и въ срединѣ сочиненія, вслѣдъ за сообщеніемъ о кончинѣ преподобнаго, [illegible] обѣщается намъ, въ видѣ образчика, повѣсть объ одномъ изъ двухъ изъ безчисленныхъ чудесъ его, при этомъ второе чудо, заранѣе предполагаемое только по наружности нерѣшительной и неопредѣленной фразы, именно есть русское чудо... Существуетъ только одинъ, весьма тонкій слабый признакъ, который могъ бы повести къ предположенію о двойной редакціи сочиненія, о послѣдовательномъ участіи двухъ писательскихъ рукъ въ составленіи Житія. Мы должны отвѣтить этотъ признакъ ради полноты нашего комментарія. Въ самомъ началѣ Житія, въ первой или второй его строкѣ, мы находимъ фразу, въ которой безъ всякой нужды и безъ какой-либо логической и грамматической связи одно синонимическое выраженіе поставлено подлѣ другаго: Οἱ πρὸς γυμνικοὺς ἀγῶνας ἀποδυόμενοι σκάμματα, πρότερον εἰς παρὰ τῶν τοιούτων ἐπιστατουμένων, κατελέγοντο, πρὶν τῇ πείρᾳ τὴν ῥωστικὴν ἐν προγυμνάσμασιν ἀναδείξασθαι ἐπιτηδειότητα. По русски это можетъ быть передано такъ: „Тѣ, которые въ гимнастическимъ играмъ готовятся къ состязаніямъ, не прежде къ тому допускаются завѣдывающими тѣмъ лицами, какъ докажутъ въ предварительныхъ упражненіяхъ соотвѣтствующую предстоящему испытанію физическую способность“[1]). Очевидно,

[illegible]

[1]) Синонимическія выраженія, вообще, πρὸς σκάμμα, ἀποδύεσθαι πρὸς ἀγῶνα, любопытныя тѣмъ, что въ нихъ сохранилось воспоминаніе еще о древнихъ аѳинскихъ обычаяхъ, встрѣчаются довольно часто у византійскихъ церковныхъ писателей. Напримѣръ: ἀποδύεται πρὸς σκάμμα у Никиты Паѳлагонскаго (in Laud. Anast. *Migne*, Patrol., CV, 348); ἀπεδύσατο πρὸς ἀγῶνας у Осодора Студита (Serm. *Migne*, Patrol., XCIX, 520). О Маѳоѳестѣ, прославившемъ мученическія подвиги, говорятъ: τὰ μαρτυρικὰ σκάμματα πολλοῖς κόποις κατανύξαντι (Balsam. *Ralli*, Syntagma can. II, 453) или: τὰ τῶν ἁγίων μαρτύρων σκάμματα—συγγράμματα.

Библиотека "Руниверс"

что и въ подлинникѣ, и въ переводѣ есть одно лишнее слово, которое нами и отмѣчено. А затѣмъ, мы полагаемъ, что для такого простого и несложнаго явленія можетъ быть отыскано даже вполнѣ удовлетворительныхъ объясненій, и самымъ простымъ изъ нихъ никакъ не будетъ то, которое, видя ошибки переписчика или стилистической замѣтки литературнаго читателя, стало бы искать двойственности во всемъ сочиненіи. Конечно, на это больше было бы права, если бы случай, нами указанный, не былъ единственнымъ.

V.

Очень естественно, что предметомъ исключительнаго вниманія русскихъ изслѣдователей долго оставалась послѣдняя часть Житія, въ которой говорится о нашествіи Руси, и что когда сознавалась потребность отвѣчать на вопросъ о времени появленія Житія въ свѣтъ, о времени его написанія, то отвѣтъ былъ отыскиваемъ именно въ этой послѣдней, болѣе выдающейся части. Кто считалъ вѣроятнымъ, что легенда о посмертныхъ чудесахъ святаго первоначально составляла нѣчто самостоятельное и отдѣльное отъ прочихъ частей Житія, тотъ и вовсе не имѣлъ побужденія изучать все произведеніе въ цѣлости. Но теперь, когда мы убѣждены, что все Житіе Георгія Амастридскаго отъ начала до конца представляетъ одно неразрывное цѣлое, мы одинаково имѣемъ право искать признаковъ, опредѣляющихъ эпоху писателя, какъ въ первой, такъ и во второй части его произведенія: если бы оказалось, что въ повѣствованіи о событіяхъ земной жизни угодника есть черты, несомнѣнно указывающія на первую половину IX вѣка, то изъ этого слѣдовало бы, что и легенда о чудѣ при гробницѣ святаго записана ранѣе 862 года и т. д. Мы намѣрены идти именно этимъ путемъ, то-есть, искать отвѣта на интересующій насъ вопросъ путемъ анализа, простирающагося на цѣлое произведеніе. Но прежде чѣмъ приступить къ этому, намъ нужно показать, почему другой кратчайшій путь, давно указываемый наиболѣе опытнымъ руководителемъ, представляется намъ совершенно ненадежнымъ.

Мы уже упомянули о томъ пріемѣ, посредствомъ котораго акаде-

(ibid. VI, 492 въ комментаріяхъ М. Власгаря). Ср. Страданіе 42 учениковъ Аморейскихъ, соч. Евдокіи (AA. SS. I, Mart. 6, cap. I.: τὰ τῶν Χριστοῦ μαρτύρων σώματα) и Spicileg. rom., X, 167.

никъ А. А. Куникъ доказывалъ принадлежность Амастридскаго Житія Фотіевскому и Розановскому времени, но не болѣе раннему. Онъ находилъ, что греческая фразеологія легенды, описывающей дѣйствія и поведеніе варварскихъ посѣтителей Амастриды, совершенно сходствуетъ съ характеристикою тѣхъ же самыхъ свирѣпыхъ и жестокихъ Росовъ въ окружномъ посланіи патріарха Фотія, что черты буквальнаго сходства рѣшительны и явны и обличаютъ несомнѣнность прямаго заимствованія, сдѣланнаго агіографомъ изъ грамоты патріарха. Уважаемый академикъ представляетъ дѣло такимъ образомъ: сочинитель легенды о святомъ Георгіи былъ обитателемъ Пафлагоніи, куда также, какъ и въ другія мѣста, „пришелъ экземпляръ окружнаго посланія, которое патріархъ Фотій въ 866 году разослалъ по всему восточному духовенству, и въ которомъ онъ сообщалъ о нашествіи Росовъ въ 865 году и о послѣдовавшемъ вскорѣ затѣмъ учрежденіи епископства въ Кіевѣ". Онъ, то-есть, сочинитель нашего Житія, „долженъ былъ жить именно въ это время, ибо въ своей характеристикѣ Росовъ онъ не только подражалъ характеристикѣ ихъ, представленной въ окружномъ посланіи, но даже прямо выхватилъ изъ него иныя отдѣльныя выраженія" Вслѣдъ за почтеннымъ авторомъ приведенныхъ строкъ, которыя намъ предстоитъ оспаривать, мы приводимъ рядомъ соотвѣтствующія мѣста изъ грамоты Фотія по изданію Валетты (Valetta, Φωτίου ἐπιστολαί, pag. 178), и изъ Житія, чтобы всякій могъ наглядно убѣдиться въ дѣйствительности или недѣйствительности предполагаемаго родства между двумя текстами:

Καὶ γὰρ οὐ μόνον τὸ ἔθνος τοῦτο τὴν εἰς Χριστὸν πίστιν τῆς πρότερας ἀσεβείας ἠλλάξατο· ἀλλά γε δὴ καὶ τὸ παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρυλλούμενον, καὶ εἰς ὠμότητα καὶ μιαιφονίαν πάντας δευτέρους ταττόμενον, τοῦτο δὴ τὸ καλούμενον Ῥῶς, οἱ δὴ καὶ κατὰ τῆς ῥωμαϊκῆς ἀρχῆς, τοὺς περὶ αὐτῶν δουλωσάμενοι, κακεῖθεν ὑπέρογκα φρονηματισθέντες, χεῖρας ἀντῆραν.

Ἔφοδος ἦν βαρβάρων τῶν Ῥῶς· ἔθνους, ὡς πάντες ἴσασιν, ὠμοτάτου καὶ ἀπηνοῦς, καὶ μηδὲν ἐπιφερομένου φιλανθρωπίας λείψανον. Θηριώδεις τοῖς τρόποις, ἀπάνθρωποι τοῖς ἔργοις· αὐτῇ τῇ ὄψει τὴν μιαιφονίαν ἐπιδεικνύμενοι, ἐπ' οὐδενὸς τῶν ἄλλων ὧν πεφύκασιν ἄνθρωποι χαίροντες, ὡς ἐπὶ φονοκτονίᾳ, τοῦτο δὴ φθοροποιὸν καὶ πρᾶγμα καὶ ὄνομα, ἀπὸ τῆς Προποντίδος ἀρξάμενον τῆς λοιμῆς, καὶ τὴν ἄλλην ἐπινεμηθὲν παράλιον, ἔφθασεν καὶ μέχρι τῆς Ἁγίου πατρίδος.

А. А. Куникъ пишетъ: „Народу, о которомъ многіе много разъ слыхали, соотвѣтствуетъ народъ, который какъ всѣ знаютъ"

Библиотека "Руниверс"

то-есть, τὸ παρὰ πολλὰ πολλῶν μᾶλλον ἀνθρωποκτονοῦν καὶ σαρκοβόρον. „Между тѣмъ какъ Фотій приписываетъ Россіи высшую степень грубости и кровожадности, сочинитель Житія видитъ въ немъ народъ, завершенно грубый и дикій“, то-есть, ἔθνος παντελῶς ἀγροικότατον καὶ ἀπῃνές. „Фотій употребляетъ эти два существительныхъ для того, чтобы сказать, что Россій народъ превосходитъ всѣхъ другихъ людей въ грубости и кровожадности, между тѣмъ какъ сочинитель Житія видитъ въ немъ народъ, въ которомъ нѣтъ слѣда человѣколюбія“ то-есть, εἰς ὠμότητα καὶ μιαιφονίαν πάντας δευτέρους ταττόμενον=μηδὲν ἐπιφερόμενον φιλανθρωπίας λείψανον. „Въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ онъ (сочинитель Житія), по-видимому, только развиваетъ то, что было приведено Фотіемъ какъ черты, отличавшія Россовъ отъ всѣхъ другихъ народовъ; онъ называетъ ихъ ἀπάνθρωποι τοῖς ἔργοις, αὐτῇ τῇ ὄψει τὴν μιαιφονίαν ἐπιδεικνύμενοι (безчеловѣчные дѣлами, обнаруживающіе свою кровожадность однимъ своимъ видомъ); при чемъ, какъ Азіатецъ, присмотрѣвшійся къ смугловатому цвѣту лица, указываетъ на румяный цвѣтъ лица сѣверныхъ людей [1]). Фотіево простое наименованіе этого столь кровожаднаго народа дѣйствительнымъ его именемъ также не удовлетворяетъ азіатскаго ритора; онъ не хочетъ повторять имени Ῥῶς, которое онъ уже употребилъ въ самомъ началѣ своей характеристики; но слова патріарха Фотія: именно такъ называемый народъ Россовъ (τοῦτο δὴ τὸ καλούμενον τὸ Ῥῶς), даютъ ему поводъ намекнуть на смыслъ, который, въ его воображеніи, имя это можетъ имѣть на греческомъ языкѣ: этотъ подлинно столько же на дѣлѣ, сколько и по имени вредоносный народъ (τοῦτο δὴ τὸ φροροποιὸν καὶ πρᾶγμα καὶ ὄνομα) [2])... Дальнѣйшихъ тѣмъ для парафразъ Фотіева характеристика агіографу не представляла“.

[1]) Кромѣ извѣстнаго мѣста изъ Лиутпранда, гдѣ говорится, что Русь называется у Грековъ Ῥούσιος, Rusios (Красный) по физическимъ своимъ признакамъ (a qualitate corporis), объясненіемъ къ словамъ, приведеннымъ въ текстѣ изъ Житія, можетъ еще служить разсужденіе патріарха Никифора (Antirrhet., III, cap. 10; *Migne*, C, 552) о значеніи краснаго цвѣта, которымъ отличался конь, несшій вселенную—въ видѣніи пророка Захаріи. Красная краска есть символъ ярости, кровопролитія и военнаго пыла сражающихся — τὸ δὲ χρωτὸς εἶδος, ᾧ τὸ θυμικὸν ὡς αἱμόχρουν καὶ ὑπέρυθρον καὶ πυρίπνουν τῶν μαχομένων ταττόμενον, τὴν τῶν κατά τινων πολεμίων ἐθνῶν ὀργὴν ὑπαινίττεται.

[2]) Вѣроятно, и здѣсь имѣется въ виду названіе Руси, напоминающее слово ῥόδιος: красный, что въ символическомъ толкованіи значитъ кровавый, яростный, гнѣвный.

Библиотека "Руниверс"

Указанія, самыя свѣжія приверженія, если только таковы, что первоначально они были внушены тогда, когда время буквальнаго заимствованія еще не сдѣлалось обычаемъ и самый обращающійся предметъ еще не успѣлъ потерять новости въ употребленіи и сравненіи съ новыми временами. Извѣстно, что сходство одного автора съ другимъ по отношенію выраженія нерѣдко можетъ доказываться самымъ сходственнымъ выраженіемъ, какое совершенно достаточно могло бы оправдывать единство или сходство предмета или принципа, о которыхъ предстояло говорить тому и другому. Понятно, что два писателя, которымъ придется говорить, напримѣръ, о христіанскихъ Индіяхъ, непремѣнно скажутъ оба что-нибудь сходное по содержанію, а потому и по выраженію, если бы они вовсе не были знакомы между собою и не руководились одинъ другимъ и почитали совершенно независимо другъ отъ друга; несомнѣнно и крайней мѣрѣ, что эпитеты „христіанскія“ и „дикія“ показутся общими и удобными, если и согласно не заимствованными. Между тѣмъ, судя по нашимъ образцамъ новѣйшаго критическаго искусства, по отношенію къ древнимъ и современнымъ писателямъ, такое подобное сходство было бы уже доказательнымъ правомъ заимствованія и чуть не плагіата. На счастіе, нѣкоторое новое рода опыты, прямо и основательно оказавшіеся неудачными, сдѣлали то, что осторожность и недовѣріе начинаютъ признаваться въ подобныхъ обстоятельствахъ болѣе соотвѣтствующими научнымъ требованіямъ. Если, отправляясь отъ такихъ принциповъ, мы обратимся опять къ сравнительнымъ наблюденіямъ А. А. Куника, составлявшимъ обольстительную и привлекательную новость въ 1847 году, то должны будемъ признаться, что сходство между двумя текстами, напечатанными на предыдущей страницѣ, вовсе не представляется имъ столь рѣшительнымъ, чтобъ оно способно было обезпечить всѣ наши сомнѣнія. Сходство выраженій, во-первыхъ, не такъ велико и ослѣпительно, а во-вторыхъ, оно отчасти объяснится единствомъ предмета, о которомъ обязаны были говорить оба писателя — можетъ быть, совершенно независимо другъ отъ друга. Справедливо или нѣтъ, но за Росами водилась въ древнѣйшія времена такая прочная репутація свѣтскости и свирѣпства, что каждый Византіецъ, какъ скоро начиналъ говорить о нашихъ предкахъ, сейчасъ же ощущалъ стремленіе обозвать ихъ соотвѣтствующими, весьма лестными эпитетами. „Жестокость и грубость“, „дикость и кровожадность“, „звѣрство и отсутствіе всякихъ признаковъ человѣколюбія“ — вотъ довольно обычныя и

обычныя выраженія, вовсе не характеристическія, когда они прилагаются къ нынѣшнему, враждебному и вѣроломному племени. Но что для насъ особенно важно, почти всѣ слова и обороты, какими писатель Житія характеризуетъ варваровъ, посѣщавшихъ окрестности Амастриды, не только вообще обычны, но именно обычны для него самого. Если мы сравнимъ описаніе нашествія Сарацинскаго съ изображеніемъ русскихъ жестокостей, то увидимъ, что и въ отношеніи къ Арабамъ авторъ Житія употребляетъ такія же выраженія, какія потомъ приложены къ Русскимъ: „Агарянское кольно превосходитъ Персовъ грубостію: τοσοῦτον δὲ μᾶλλον καὶ λίαν ἀπηνεστέρου..." „Суровость, жестокость нечестиваго" — характеризуютъ Арабовъ точно такъ, какъ и Русскихъ. Τὴν τῶν πολεμίων ἀπήνειαν, τὴν ὠμότητα, τὴν θηριωδίαν: всѣ три слова повторяются въ обоихъ отрывкахъ, тогда какъ у Фотія нѣтъ слова ἀπήνεια. Сверхъ того, ненависть къ злодѣямъ и грубость — μισανθρωπίαν, ἀπήνειαν — приписываются и Іоанну Кипрскому митрополиту, которій неблагосклонно принялъ Георгія, посвященнаго во епископы. Выраженіе Фотія, что „Роскій народъ исключительно жестокосерденъ и кровопійственъ, оказывается вѣрнымъ другимъ, изъ его слова (εἰς ὠμότητα καὶ φονικὴν μᾶλλον ἀκρότητα κατάκρημνον), имѣетъ весьма мало общаго съ фразами агіографа „народъ, въ которомъ нѣтъ слѣда человѣколюбія" (μηδὲν ἀπορροιᾶς φιλανθρωπίας λείψανον). За то въ грамматическомъ строѣ фразы, говорящей, что Русскіе ни въ чемъ другомъ, что свойственно людямъ, не находили такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, мы находимъ излюбленный оборотъ нашего писателя (πέφυκα и πεφύκασι — постоянно встрѣчаются въ Житіи въ значеніи естественно, обычно: стр. 14, 24, 34, 42, 45 и другія примѣчанія на стр. 298 февраль. книжки Ж. М. Н. Пр.). „Многіе многими превознесенный народъ Русь" (πρεσβευτικὴ), и „народъ, о которомъ всѣ знаютъ" — выраженія сходныя не по буквѣ, а по смыслу. Если мы предположимъ, что выраженіе Фотія имѣло фактическое основаніе, что Русь была въ самомъ дѣлѣ „прославленнымъ" народомъ, что имя ея было уже часто на устахъ Грековъ ранѣе 866 года, то очевидно, что авторъ Житія, писавшій хотя бы и немного ранѣе того, не нуждался въ тѣхъ или другихъ официальныхъ документахъ, чтобы выучить его имя и потомъ признать его общеизвѣстнымъ. По видимому, наибольшее значеніе можетъ имѣть совпаденіе фразы: „τοῦτο δὴ τὸ" φθοροποιὸν καὶ πρᾶγμα καὶ ὄνομα въ Фотіевыхъ выраженіемъ: „τοῦτο δὴ τὸ" καλούμενον τὸ Ῥῶς. Но въ греческомъ подлинномъ текстѣ Житія можно найдти цѣлый рядъ доказательствъ,

Библиотека "Руниверс"

VI.

Весьма замѣчательно и на первый разъ совершенно загадочно отношеніе автора Амастридской легенды къ тому вопросу, который наиболѣе занималъ современную ему, или во всякомъ случаѣ ближую къ нему эпоху, то есть къ вопросу о почитаніи или отверженіи иконъ. Отношеніе это можетъ быть обозначено однимъ словомъ: умолчаніе, полное по нарочитости отсутствіе всякихъ симпатій въ ту или другую сторону. Никакъ нельзя утверждать, что автору не было повода выказать свои воззрѣнія; никакъ нельзя объяснить молчанія объ иконахъ тѣмъ, что дѣятельность Георгія Амастридскаго, героя біографіи у Похвалы, палала на православный промежутокъ между двумя иконоборческими періодами, промежутокъ, представляемый царствованіями Константина VI (780—797 гг.), его матери Ирины (797—802 гг.), Никифора Логовета (802—811 гг.) и Михаила Рангавія (811—813 гг.). Вникнемъ ближе въ обстоятельства жизни Георгія, особенно съ хронологической точки зрѣнія, и попытаемся разгадать то, что есть темнаго въ нашемъ памятникѣ.

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ Георгій былъ возведенъ на епископскій санъ 790 года, (какъ мы это ниже увидимъ), такъ какъ уже по тогдашнимъ каноническимъ для этого возрастомъ признавалось тридцатилѣтній, то его рожденіе должно быть отнесено приблизительно къ 760 году. Слѣдовательно, дѣтство Георгія протекло еще въ царствованіе Константина Копронима (744—775 гг.), наиболѣе ревностнаго гонителя иконъ и монашества. Совершенно не сбыточно, чтобъ эдикты и мѣры этого ненавистника иноковъ и образовъ не достигали Пафлагоніи и Амастриды. Изъ Житія Андрея Первозваннаго, которое было написано монахомъ Епифаніемъ въ концѣ VIII вѣка, либо въ началѣ IX, мы знаемъ, что въ городѣ Синопѣ, не очень отдаленномъ отъ родины Георгія, именно при Константинѣ Копронимѣ, приняли ревностные иконопочитатели отъ цѣлію уничтожить всѣ древніе, частію почтенные изваянія. Съ другой стороны, изъ Житія Стефана Новаго [1]) мы можемъ, что именно въ 761 году началось правое преслѣдованіе иконопочитателей, въ особенности монаховъ, какъ противниковъ царской воли и нарушителей собраннаго постановленія 754 года. Изъ этого слѣдуетъ, что агіографъ жизнеописанія, если онъ слѣдовалъ историческимъ отношеніямъ, восхваляя благочестіе родителей святаго, долженъ былъ непремѣнно указать на высшій и главнѣйшій признакъ благочестія, на вѣрность ихъ иконопочитанію. Вмѣсто того онъ какъ бы нарочно остается въ области совершенно неопредѣленныхъ и туманныхъ выраженій, которыя только потому не могутъ быть названы общими мѣстами, что совершенно не походятъ на обычные пріемы агіографовъ этой эпохи (ср. Житіе Стефана Новаго). Описываются усердныя молитвы безплодныхъ родителей Георгія, упоминается обѣтъ, данный ими, посвятить его Богу. Нужно припомнить, что мы должны при этомъ подразумѣвать внѣшнія символическія дѣйствія, подобныя тѣмъ, какія перечисляются, напримѣръ, въ посланіи Михаила II Косноязычнаго къ Людовику Благочестивому. Когда иконы отправляли даже роль воспріемниковъ при крещеніи дѣтей, когда постриженіе въ монахи и даже причащеніе совершалось для большей силы при помощи образовъ и статуй [2]), тогда вовсе не были странны и обычны,

[1]) См. *Журн. Мин. Нар. Пр.* за іюнь 1877 г.

[2]) *Baron.*, Annal. ecclesiast., sub anno 824. Psallebant et adorabant, atque ab iisdem imaginibus auxilium petebant; plerique autem linteamentis eosdem imagines circumdabant, et filiorum suorum de baptismatis fonte susceptrices faciebant. Alii vero religiosorum habitum monasticum sumere volentes [illegible] admittis imagini-

bus, quasi in signum decoris decidere capillos Slavorum insebant. — — — Alii vero corpus Domini in manus imaginis ponebant, unde communicare volentes accipere faciebant. и т. д.

[1]) О запрещении школ см. Theoph., I, pag. 688 (Bonn.) О подвигѣ говорить только последній писатель. Кедринъ воспользовался его краткими далеко недостаточными.

[2]) Theophan., I, 689.

ны [1]). Никакого намека на что-либо подобное, напоминающее упомянутое препятствіе къ образованію нѣтъ въ Житіи Георгія Никитскаго, о немъ прямо сказано, что онъ получилъ „энкиклическое образованіе", и подъ этимъ выраженіемъ разумѣется полный курсъ наукъ, соотвѣтствующій латинскому средневѣковому trivium и quadrivium [2]). Самъ писатель Житія, не опустившій особенно характерныхъ указаній черты, и по всѣмъ признакамъ, ревнитель одинаковыхъ похвальныхъ владѣній Георгія Амастридскаго, имѣлъ, очевидно, полную возможность достигнуть того близкаго знакомства съ правилами грамматики и риторики, которое пріобрѣтается только упражненіемъ и школой и весьма сильно отзывается на первомъ его литературномъ опытѣ. Не смотря на одинъ легкій промахъ, указывающій какъ бы на пренебреженіе памятію Гомера [3]), мы должны предполагать, что образцами для его школьныхъ предыдущихъ упражненій, а также источникомъ фразеологіи, служили все-таки не одни духовные, но и древніе эллинскіе писатели, и такими нами, сохранявшіе школьный матеріалъ, полученный въ наслѣдство отъ древности. Впрочемъ, безъ этого другихъ основаній ожидать, что авторъ житія знакомыхъ писателей отличенія на школы и науки со стороны неизмѣримыхъ цицеронов,

[1]) Cedrен., II, 74: Μηδὲ τοὺς κοὺς παιδοτριβεῖσθαι μου φοιτῶραν.

[2]) Καὶ παιδεύεται μὲν πᾶσαν ἐγκύκλιον παίδευσιν, ὅση τε ἡμετέρα καὶ ὅση τῶν ἔξωθεν. Наиболѣе отчетливое перечисленіе предметовъ, входившихъ въ кругъ этого образованія, содержится въ Житіи патріарха Никифора († 829 г.), принадлежащемъ Іоанну Игнатію, современнику и ученику его (гл. 14 и 15). Не перечисляя хотя сдѣлать *грамматику*, части которой научаютъ различать правильныя выраженія отъ неправильныхъ, чистую эллинскую рѣчь отъ всякой другой, и дающія основаніе для стихосложенія: всѣмъ хотя отчасти знакомымъ съ этимъ искусствомъ извѣстно, какъ силенъ былъ въ немъ Никифоръ. Затѣмъ слѣдуетъ *риторика*: не трудно убѣдиться всякому въ сладости и пріятности, которыми отличаются упражненія Никифора на многозначительной риторской почвѣ. Онъ научилъ краткости многорѣчивости и болтливости и всѣ, что окаянства, словопрестарскому празднословію и суемудрію, рѣчь отрицался къ разборчивости и чистотѣ рѣчи, что сообщало его сочиненіямъ грацію и пріятность. (Пропускается діалектика). Что же касается математической *четверицы*' (τῆς μαθηματικῆς τετρακτύος), то онъ достигъ одинаковыхъ успѣховъ въ астрономіи, геометріи... музыкѣ... и ариѳметикѣ... Затѣмъ уже слѣдуютъ высшія занятія философіей, задачи и проблемы которой подробно исчисляются у діакона Игнатія.

[3]) Писатель говоритъ о городѣ Кромнѣ, что она знаменита не столько богатствомъ или знатностію своихъ гражданъ, сколько тѣмъ, что именно здѣсь жили родители Георгія. Онъ забылъ, что Кромна знаменита своею древностію, и что ея имя встрѣчается въ каталогѣ кораблей у Гомера (Iliad., II, 855): Κρῆμνάν τ' Αἰγιαλόν τε καὶ ὑψηλοὺς Ἐρυθίνους.

Библиотека "Руниверс"

тать и имѣніи новыхъ успѣховъ о графинѣ увидѣ обнаружилось въ VIII вѣкѣ—одновременно съ предшествующимъ и послѣдующимъ его явленіемъ—при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось достаточно преувеличенныхъ фактовъ относительно основанныхъ на сношеніяхъ церковнаго и монастырскаго просвѣщенія съ общимъ и ученымъ, между тѣмъ имѣлъ даже и въ VIII вѣкѣ полнаго совпаденія между этими двумя понятіями не было, и „внѣшняя мудрость“ всѣмъ искусствъ всегда отличается отъ духовной. Но Западъ Греціи продолжалъ слыть „матерью словесности, родительницею философіи и покровительницею всѣхъ свободныхъ наукъ“, даже и тогда, когда на византійскомъ престолѣ сидѣлъ Михаилъ Амморейскій, отвергавшій будто бы дѣтямъ учиться грамотѣ [1]).

Вероломъ какихъ-либо специальныхъ упрековъ противъ иконоборческихъ императоровъ мы тѣмъ менѣе могли бы ожидать въ нашихъ памятникахъ, что они вообще избѣгаютъ говорить о иконахъ и не упоминаютъ ни одного изъ тѣхъ правителей, которые сидѣли на престолѣ ранѣе прославленныхъ Ирины и Константина Багрянороднаго, уже къ періоду слѣдующаго царствованія собственно принадлежащихъ матери и сыну, но не имѣющихъ первыхъ годовъ его—то есть, именно къ иконоборческому времени—отношенія, въ которомъ мы встрѣчаемся съ даннымъ нами Георгіи. „Когда Іеофилъ достигъ мужескаго возраста и горячо предавался ересямъ и дѣйствіямъ философіи, его взялъ къ себѣ [архіерей] и дядя его, который управлялъ тогда отечественными престолами, съ тѣмъ вмѣстѣ (это замѣчательно) познакомился съ церковными установленіями и могъ быть наставникомъ во всякомъ церковномъ благоустройствѣ [2])“. Достигшій мужескаго возраста предполагается здѣсь двадцатилѣтній (не болѣе) возрастъ, такъ что вступленіе Георгія въ церковный клиръ своего дяди будетъ относиться—самое позднее (такъ какъ для рожденія его 780-й годъ есть

[1]) Inque temporibus gloriosi et orthodoxi Hludowici, imperatoris Graecis, quae se matrem verborum et genitricem philosophorum et omnium liberalium atrium fautricem appellari contendit, de his superstitionibus superfluis (о почитаніи иконъ)—gentem latinis linguae utentem consulere tentavit: Liber adversus Graecos Энея Парижскаго (d'Achery, Spicileg., I, VIII; Simson, Ludwig der Fromme, I, 282). Авторъ Житія патріарха Никифора (cap. 35) говоритъ о времени Льва Армянина, что иконоборцы дорожили тѣмъ, „содержащимъ обличеніе, многословіемъ, какимъ въ нихъ недостатку своихъ аргументовъ“.

[2]) Ὡς δὲ αἱ ἀνδρικαὶ ἡλικίαι ἐπεγένοντο τῷ προειρημένῳ φιλοσοφίᾳ προσβάντι ἐκποδὼν ἐποιήσατο παρὰ τοῦ ἰδίου καὶ θείου τοῦ τηνικάδε τὸν τῆς πατρίδος θρόνον διέποντος, τῶν ἐκκλησιαστικῶν μαθήσεων νομίμων...

наибольшая возможная цифра) — о на 780 годъ. Объ этихъ синодахъ сходятся извѣстія, къ которой мы еще должны будемъ возвратиться, что всегда Георгій — очевидно, какъ первенецъ изъ дядей — посѣщалъ вѣсть съ нимъ столицу, что тамъ Тарасій еще не былъ патріархомъ (онъ сдѣлался патріархомъ не 784 году), а сидѣлъ первый Никифоръ и что извѣстнаго намъ разсказа (или еще какого-то) Тарасій [illegible] говорился о Тарасіѣ. Какъ бы то ни было, вспоминаніе того, что дядя Георгія занималъ епископскій престолъ въ такое время, когда официально всегда господствовало иконоборство, хотя умѣ и ослабѣло гоненіе противъ людей, державшихся противъ иконнаго образа мыслей и непризнавшихъ собора 754 года. Извѣстно далѣе, что еще при Константинѣ Копронимѣ вся высшая церковная іерархія боялась не только запрещенія, болѣе или менѣе долговременнаго, но и крайней мѣры вѣчнаго обличенія, требовавшимся свѣтской властью и примѣру патріарха въ Константинополѣ, тогда немилостиво защищавшаго себя иконоборческимъ усердіемъ и даже преслѣдованіемъ противниковъ. Послѣ этого напередъ бы весьма любопытно знать, къ какому разряду принадлежалъ епископъ Александрійскій. Мы имѣемъ право предполагать, хотя и не безъ удивленія, видѣть этого противника Никифора, дяди Георгія присутствовавшимъ на второмъ Никейскомъ соборѣ (787 г.), и въ такомъ случаѣ мы узнаемъ его въ томъ епископѣ Анастасіѣ Григоріѣ, который подписался подъ опредѣленіями четвертаго засѣданія (Γρηγόριος ἐλέει Ἀλεξανδρείας) и упоминается въ протоколахъ другихъ засѣданій (втораго, седьмого)[1]. Этотъ Григорій, какъ это ясно изъ актовъ соборныхъ дѣяній, съ самаго начала и безъ всякихъ колебаній сталъ на сторонѣ Ирины и Тарасія, тѣхъ заливавшихъ себя рѣшительными приверженцами иконопочитанія; онъ не находился въ числѣ тѣхъ епископовъ, которые допускали отдѣльные соборныхъ засѣданій въ Никеѣ, чтобы занять свое опредѣленіе къ православію, и подобно Григорію Неокесарійскому, были прежде завѣдомыми противниками иконопочитанія [2]). Авторъ Житія могъ, слѣдовательно, не нарушая истины, сказать что-нибудь въ похвалу выводимаго имъ на сцену лица, и указать хотя бы на его истинное благочестіе и ревность по правой вѣрѣ. Онъ предпочелъ поступить здѣсь такимъ, какъ и въ

[illegible]

[1]) Mansi, Concilia XIII, 335; XII, 1099 (здѣсь ошибочно: Ἀμφιλόχιος), XIII, 513.

[2]) Таковы, кромѣ Григорія Неокесарійскаго, были епископы Никомидіи, Пессинунта, Пизидіи, Анкиры, Аморіи, Миры, Іерополя, Никеи, Родосъ, Карѳагена. Интересно, что иконоборство было извѣстно изъ врачей, сообщественниковъ съ Пасикратіей.

Библиотека "Руниверс"

его къ жгучимъ вопросамъ времени. Послѣ этого уже совершенно естественно, что агіографу не пришло на умъ сообщить какія-либо особенныя указанія, почему и какъ въ смутное и тяжелое для иноковъ время могъ процвѣсть въ Пафлагоніи общежительный монастырь. Вопросъ вправѣ [illegible] стырем, а также съ названіями другихъ мѣстностей въ Пафлагоніи, какова Агро-Сирикійская гора, указать современное наименованіе которой довольно трудно Что касается Вониссы, то мы должны ограничиться тѣмъ предположеніемъ, что, вѣроятно, этотъ же монастырь [illegible] игуменъ которыхъ упоминается въ дѣяніяхъ собора 787 года[1]). Обитель славилась по-видимому [illegible] времена; какъ писалъ нашъ авторъ, [illegible] о ней тонкій [illegible] устія и съ глубокимъ [illegible]

Можетъ быть [illegible] обстоятельство, что авторъ, легко переносящій мысль въ [illegible] географическую обстановку своихъ [illegible] совершенно въ сторонѣ условія времени, которыя, конечно, давали себя чувствовать и внутри монастырской ограды. Но вотъ опять [illegible], за которыми непремѣнно скрывается разчетъ и умыселъ. Почему путешествіе Георгія съ своимъ дядею въ Константинополь не помѣщено въ ряду событій, относящихся къ его юношескому возрасту, выдѣлено изъ рамокъ хронологической послѣдовательности и сообщено только въ видѣ воспоминанія патріарха Тарасія изъ времени его придворной службы? Не въ томъ ли заключается причина, что если бы этотъ эпизодъ былъ разказанъ на своемъ надлежащемъ мѣстѣ, то сейчасъ же сдѣлались бы необходимыми нѣкоторыя объясненія или примиренія, казавшіяся автору нежелательными? Нѣтъ сомнѣнія, что въ той церкви, въ которой Георгій [illegible] съ другими [illegible] священные гимны, еще не

[1]) Хотя все-таки [illegible] полнаго тожества между двумя, написаніями весьма созвучныхъ словъ: въ Житіи Βονισσα, acc. Βονισσαν; въ актахъ (Βονισσαι? genit.) Βονισσων. Впрочемъ, авторъ Житія, очевидно знакомый лично съ монастыремъ, говоритъ, что Βονισσα — [illegible] (простонародное) названіе. Можетъ, [illegible] Βονισσα произошло [illegible] Нынѣ есть [illegible] селеніе Βανισσα (Ριζου, Καπελλου ρεση 107). Но [illegible] отъ Анастриды. Замокъ (κάστρον) Βονητα, (Βονητα), упоминаемый въ письмахъ Феодора Студита (Mai, Nov. Biblioth, VIII, 10) и въ Житіи Николая Студита, находился въ темѣ Анатоликонъ, и сюда тоже не идетъ. Агро-Сирикійская гора, можетъ быть, соотвѣтствуетъ теперешнему Сагра-дагъ (на востокъ отъ Аносеры).

Библиотека "Руниверс"

были возстановлены иконы, что во время господствовавшей ереси, общенія съ которыми такъ усердно избѣгали ревностные иконопочитатели. Чтобъ это измѣнилось, нужно было собрать соборъ, подобному вселенскому, и протосекрету Тарасію, раздававшему плату полностью, предстояло еще быть избраннымъ въ патріарха и поставить условіемъ своего согласія—соборъ и возстановленіе иконъ. Очевидно, что для Георгія такъ или иначе нужно было миръ съ господствовавшимъ въ его время направленіемъ. Это можно понять, читая внимательно наше Житіе. Авторъ, конечно, не рѣшается былъ абсолютно утаивать фактъ, который легко могъ быть опровергнутъ страхомъ наслѣдія и гоненія, но въ то же время онъ не находитъ удобнымъ указать на него прямо.

Дальнѣйшая жизнь Георгія, далеко не двадцатипятилѣтній періодъ православія. Въ Житіи совсѣмъ не отмѣчены переходы отъ одного періода къ другому; даже при имени Тарасія не упомянуто о главной его заслугѣ, состоявшей въ добровольномъ иконопочитаніи, и совсѣмъ пропущенъ второй Никейскій соборъ, послѣднія засѣданія котораго, какъ извѣстно, происходили въ самой столицѣ. Между тѣмъ мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что Григорій, епископъ Амастриды, участвовавшій въ засѣданіяхъ этого собора, именно и былъ дядею Георгія, которому онъ прежде сопутствовалъ въ другомъ путешествіи. Такъ какъ Георгій сдѣлался епископомъ не раньше 790 года, то-есть, былъ посвященъ не болѣе какъ черезъ три года послѣ собора 787 года, то естественно полагать, что именно этотъ нами-упомянутый Григорій и былъ его непосредственнымъ предшественникомъ. А что Георгій вступилъ на епископскую каѳедру именно около 790 года, это слѣдуетъ изъ отношенія его къ Іоанну Готскому, когда тотъ, вскорѣ послѣ Никейскаго собора, принужденъ былъ искать убѣжища на противоположномъ берегу Чернаго моря, гдѣ онъ принятъ былъ въ Амастридѣ Георгіемъ [1]). На то, что Георгій сдѣлался епископомъ не ранѣе 790 г., довольно ясно намекаетъ разсказъ о желаніи царя или самодержца возвести на Амастридскую каѳедру своего собственнаго кандидата (текстъ греческій приведенъ въ изложеніи содержанія легенды). Такъ какъ здѣсь говорится объ одномъ царѣ и самодержцѣ, то нужно разумѣть то время, когда Константинъ VI, лишивъ свою мать Ирину власти и титула царскаго,—а случилось это именно въ 790 году,—сталъ управлять государствомъ са-

[1]) См. Житіе Іоанна Готскаго: *Ж. М. Н. Пр.* текущаго года, янв. кн.

местодательно. Съ другой стороны, позднѣйшій списокъ послѣ пріобрѣлъ расположеніе императрицы Ирины, управлявшей государствомъ, и ея сына Константина (ἐπειδὴ ἡ αὐτὴ κατέστη τῆς βασιλείας ἡ Εἰρήνη καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτῆς Κωνσταντίνου ἐπίτροπος, ср. положеніе Житія въ предыдущей книгѣ, стр. 298). Въ 790 году Константинъ принялся за серьезное управленіе государствомъ, но такъ какъ его тогда имя еще не было извѣстно во всѣхъ провинціяхъ (ἀγνοούμενος), такое отношеніе, при которомъ первенствовала все-таки Константина, продолжалось до 797 года, когда мать императора своего сына и сдѣлалась виновницею его ослѣпленія и смерти. Не смотря на нѣкоторую неточность не столько самыхъ выраженій, сколько ихъ порядка, очевидно, что наше Житіе предполагаетъ пребываніе Георгія при дворѣ въ періодѣ времени между 792 и 797 годами. Все дальнѣйшее соотвѣтствуетъ вполнѣ такой хронологіи. Въ царствованіе Ирины, когда она уже одна правила государствомъ (797—802 гг.), Георгій предсказалъ логоѳету Никифору, который былъ въ числѣ его первыхъ друзей и почитателей, что его ожидаетъ богатое наслѣдство послѣ одной вдовы, то-есть, согласно съ позднѣйшимъ объясненіемъ, императорскій тронъ, занимаемый преступною матерью. Сбывшись въ самомъ дѣлѣ предсказаніе Ирини (хотя и не безъ насилія), Никифоръ питалъ величайшее уваженіе къ Амастридскому святителю. Нужно думать, что именно въ его царствованіе (802—814 гг.) совершились тѣ перемѣны въ іерархическихъ отношеніяхъ Цефалонской митрополіи, которыя упомянуты въ нашемъ Житіи только вскользь по поводу Георгія, какъ епископскую каѳедру, но съ прямою оговоркой, что она относится ко времени много позднѣйшему. Перемѣна состояла въ томъ, что Амастридская епископія была изъята изъ состава митрополичьей Пафлагонской епархіи, стольнымъ городомъ которой была Гангра (или Гангры, теперь Чангры, Ченгры), и возведена была на степень митрополіи, хотя безъ подчиненія ей какихъ-либо другихъ епископскихъ каѳедръ, то-есть, дѣло касалось только ранга и чести, а не каноническихъ правъ надъ другими каѳедрами. Въ древнѣйшемъ спискѣ христіанскихъ церквей, носящемъ имя Іерокла грамматика (Hieroclis Synecdemus), на 33-мъ мѣстѣ мы дѣйствительно находимъ: Ἔπαρχία Παφλαγονίας, ὑπὸ χορήκτορα, πόλεις ε, Γάγγρα, Πομπηιούπολις, Ἀμάστρεως, Ἰουστόπολις, Ἀδόορα. А въ позднѣйшемъ каталогѣ X вѣка, приписываемомъ Льву Мудрому, Амастра (ἡ Ἀμάστρις) уже стоитъ на 53-мъ

мѣсто въ этомъ житіи, и также замѣчено, что она не имѣетъ подчиненія Херсонесу¹).

Разсказъ объ арабскомъ нашествіи заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ наибольшаго вниманія. Первый вопросъ, который при этомъ возникаетъ, есть, конечно, вопросъ о достовѣрности разсказа, о возможности нашествія Арабовъ на такой далекій сѣверъ и на западъ Малой Азіи, у самыхъ береговъ Чернаго моря, и потомъ о времени, къ которому слѣдуетъ пріурочивать такое событіе, если оно дѣйствительно историческое или возможное. Для рѣшенія такихъ вопросовъ, необходимо сдѣлать краткій обзоръ враждебныхъ столкновеній арабскаго калифата при Гарунъ-аль-Рашидѣ съ Византійскою имперіей при Константинѣ VI и Никифорѣ Логоѳетѣ (отъ 790 до 811 г.)²).

Гарунъ-аль-Рашидъ восемь разъ ходилъ лично въ походъ противъ Грековъ, по крайней мѣрѣ именно столько разъ являлся онъ лично, становясь на границѣ. Его военачальники дѣлали почти ежегодно вторженія на византійскую территорію и часто возвращались съ богатою добычей людьми и имуществомъ, потому что Ирина должна была употреблять свои войска частію для защиты своихъ личныхъ и церковныхъ интересовъ, частію для борьбы съ Болгарами. По арабскимъ извѣстіямъ, такіе удачные набѣги идутъ вплоть до 791 года. Объ одномъ изъ нихъ упоминаетъ и византійская хроника³). Въ 791 году, во время сильной стужи, Арабы проникли, по видимому, слишкомъ далеко и понесли большой уронъ; въ слѣдующемъ (792) году, когда Константинъ самъ лично пошелъ на нихъ, неудачи ихъ оказались бы, вѣроятно, еще болѣе чувствительною, если бы интриги Ирины противъ роднаго сына не принудили его воротиться назадъ⁴). Къ

¹) Если обратить вниманіе на титулъ Георгія въ заглавіи Житія, то можно даже подумать, что Амастрида съ начала возведена была въ архіепископію и уже послѣ Никифора въ митрополію. Но личные титулы архіереевъ не отличаются строго въ византійскихъ источникахъ, когда не идетъ прямой рѣчи о іерархическихъ ихъ отношеніяхъ между собою. Объ этомъ смотри замѣчанія у *Тафеля* въ изданіи сочиненія Константина Багрянороднаго, а также: de provinciis regni Byzantini и т. д.

²) При этомъ особенно важны арабскіе источники, намъ недоступные. Впрочемъ, содержаніе ихъ, хотя и не совсѣмъ достаточно для нашихъ цѣлей, передается въ сочиненіи Вейля (*Weil*, Geschichte der Chalifen II, 156—163) въ текстѣ и примѣчаніяхъ.

³) Theophan., I, 717 (подъ 6281, 788 годомъ): Κοῦρσον τῶν Ἀράβων... εἰς τὸ τῶν ἀνατολικῶν θέμα, εἰς τόπον λεγόμενον Κοπιδνάδον.

⁴) Theophan., I, 724. Константинъ прибылъ къ войску въ Аморіѣ и пошелъ было на Тарсъ въ Киликіи.

Библиотека "Руниверс"

[illegible] годовъ [illegible] и [illegible] скаго [illegible] по арабскимъ извѣстіямъ — у Кипра, а по византійскимъ [illegible] побѣжденный, византійскій адмиралъ Ѳеофилъ былъ взятъ въ плѣнъ, и когда онъ [illegible] Магомета, то былъ тутъ же зарубленъ ¹). Въ 793 году Сарацины [illegible] укрѣпленіемъ [illegible] на берегу Евфрата (называютъ его Эмеруми), [illegible] Армяне ²). Въ 796 году [illegible] мѣстечко Ѳивасы по ту сторону Ливійскаго Тавра, [illegible] ³). Зимою же 794 на 795 годъ, вѣроятно, [illegible] движеніе; мусульманская армія подъ предводительствомъ Солимана (сынъ калифа) [illegible] Валидія, [illegible] городъ Амиса или Самсуна. [illegible] однако Арабы были [illegible] Константинополѣ, [illegible] сирійскій [illegible] Діонисій Тельмарскій, [illegible] въ Эдессѣ 600 человѣкъ, [illegible] и возвращавшихся на родину ⁴). Въ 796 году предпринята была экспедиція со стороны Византійцевъ, во главѣ которой стоялъ самъ императоръ; въ маѣ мѣсяцѣ онъ одержалъ побѣду надъ однимъ изъ арабскихъ отрядовъ при [illegible] Амусинѣ, а послѣ посѣтилъ городъ Ефесъ ⁵). Наиболѣе тяжелыми были годы 797 и 798. Въ походѣ, относящемся къ

¹) Theophan., I, 721. Ср. Weil, Gesch. der Chalif., II, 156.

²) Theophan., подъ 6485 (=793); I, 727: τὸ κάστρον Κάμαχον; Histor. Misc. Amachan.

³) Theophan., ibid. τὸ κάστρον Θηβασάν. Histor. Misc. Sebasa. Liv., XXXVIII, cap. 15: [illegible] castellum [illegible] Tarsus [illegible] (Геронисъ [illegible]) [illegible] Citium (Кипръ) [illegible] Ср. Plin. Hist. Nat., V, 2[illegible] Texier, Asie mineure, p. 466.

⁴) Арабскіе мусульманскіе писатели (Ибнъ-Калдунъ, Ибн-ал-Асиръ) говорятъ только, что Сулейманъ-Ибн-Рашидъ провелъ зиму въ Малой Азіи и былъ сопровождаемъ Телмидіемъ. О бѣдствіяхъ предводимой имъ арміи сообщаютъ не византійскія хроники, которыя совершенно опускаютъ этотъ походъ, а Абульфарагъ, сирійскій христіанинъ, писавшій по-арабски (Chron. Syr., II, 136—137) и его соотечественникъ Михаилъ Сирійскій, дошедшій до насъ въ армянскомъ переводѣ (онъ пропущенъ у Вейля). Они пользовались и не изданною донынѣ частію хроники Діонисія Тельмарскаго, патріарха іаковитскаго въ Антіохіи.

⁵) Theophan., I, 121, 728: Ἀμουσίῳ; Histor. Miscell. Amusam. Можетъ быть = Ἀμυσών въ Каріи, упоминаемый въ спискахъ Гіерокла и Льва Мудраго.

[illegible] изъ [illegible] подъ [illegible] предводи-тельствомъ самого Гаруна-ар-Рашида; [illegible] со [illegible] горы Тавра и Киликійскія [illegible] Сафсафъ; между тѣмъ какъ другіе отряды проникли до Анкиры (Ангоры) и Амморіи: Каппадокія и Галатія сильно пострадали [1]. Послѣ [illegible] Арабы воротились къ себѣ за Тавръ; [illegible] Константина и [illegible] Ирины. [illegible] (въ 798 году) [illegible] въ Малую Азію и [illegible] до Ефеса [illegible] Обсекіи [illegible] а одинъ отрядъ достигъ до Малагины или Малагіны, что уже въ Виѳиніи, между Никеей и [illegible] [2]. За симъ послѣдовало четырехлѣтнее перемиріе, [illegible] обязательствомъ платить ежегодно дань со стороны Ирины, пока Гарунъ [illegible] Византіей [illegible] Кесарію [3]. Съ восшествіемъ на престолъ Никифора Логоѳета (802—811 гг.) борьба возобновилась съ прежнею силою. Никифоръ, [illegible] Ирины, [illegible] арабскій вождь [illegible] же воротился назадъ, какъ скоро Гарунъ [illegible] мусульманъ. Не одинъ [illegible] императора платить дань, [illegible] въ [illegible] писанъ [illegible] калифа. Онъ вскорѣ [illegible] подъ Гераклеей, подъ которою, однако, вовсе не слѣдуетъ разумѣть понтійскій городъ этого имени (Пендераклію), а совершенно другой, находившійся между Иконіемъ (Коніе) и Тарсомъ (то-есть, Eregli) [4]. Никифоръ, занятый борьбою съ бунтовщикомъ Варданомъ, не въ состояніи былъ противостать Рашиду; ему ничего другаго не осталось дѣлать, какъ новымъ обѣщаніемъ дани побудить слишкомъ поспѣшно осмѣяннаго калифа къ отступленію. Торжество надъ Варданомъ и наступившая зима сообщили императору новую смѣлость: онъ еще разъ нарушилъ миръ; калифъ, съ своей стороны, снова перешелъ Тавръ и не прежде

1) Weil, Gesch. der Chalif., II, 157; Cp. Theophan., I, 229, 238.

2) Theophan., I, 124. О мѣстоположеніи Малагины см. Partitio regni Byzant. въ Fontes rerum Austriac., XII, 478 (Венеціанскіе документы).

3) См. Житіе Іоанна Готскаго: Журн. Мин. Нар. Пр., январь 1878 г., стр. 122.

4) Gibbon, Decline and Fall: They swept the surface of Asia minor far beyond Tyana and Ancyra, and invested the Pontic Heraclea.

[illegible] Это было уже зи-мою 803 года [1]). Въ слѣдующемъ (804) году, Джабриль Ибнъ-Яхья [illegible] Никифоръ, [illegible] араб-[illegible], [illegible] 40,000 человѣкъ и [illegible] [2]). [illegible] Кораба [illegible] Красѣ [3]). [illegible] Хорасанѣ [illegible] Гаруна-аль-Рашида [illegible] изъ византійскихъ предѣловъ, и это дало Никифору [illegible] собрать новую армію и поправить прежнія потери возстановленіемъ разрушенныхъ городовъ Анкиры, Өивасы и Андраса [4]). Но какъ скоро дѣла на дальнемъ востокѣ пришли въ порядокъ, калифъ личнымъ [illegible] Никифора, [illegible] Тавра и [illegible] Мелитены [illegible] Собравъ армію [illegible] 135 тысячъ человѣкъ, [illegible] (въ 806 г.) [illegible] Ираклію [illegible] Тіану, гдѣ [illegible] Өивасу и Андрасу [illegible] Малакопію [illegible] Анкиры [5]). Нике-форъ [illegible] города [illegible] Григорія, [illegible] церкви [illegible] [6]). [illegible] условіяхъ полученъ былъ миръ, въ слѣдующемъ (807) году, по обычаю, но уже въ послѣдній разъ нарушенный Никифоромъ, и притомъ не безъ удачнаго наконецъ разчета, потому что Византійцы одержали

---

[1]) *Weil*, Gesch. der Chal., II, 159.

[2]) *Weil*, Gesch. der Chal. II, 159.

[3]) Theophan., I, 746.

[4]) Theophan., I, 746. Ἄγκυραν τῆς Γαλατίας, καὶ τὴν [illegible] καὶ τὴν Ἀνδρασόν. Ср. *Weil*, Gesch. der Chalif. II, 160. По спискамъ [illegible] городъ въ Исавріи: *Tafel*, de prov. p. 16.

[5]) Theophan., I, 748. Georg. Hamartol., p. 674 и сл. Leo Grammat., 203; Theodos. Melite. Chron., pag. 140 (ed. *Tafel*); Cedren. II, 34. Малакопія теперь *Мелегобъ* на сѣверъ [illegible] Нигде (въ Каппадокіи). Сидирополь: если это то же, что Σιδηρ[illegible] теперь = Эгердиръ (въ Писидіи) на югъ отъ большаго озера того же имени.

[6]) Theophan., I, 748.

Библиотека "Руниверс"

значительные успѣхи и нанесъ отпоръ на время наступательному движенію [1]).

Въ 811 году Сарацины отчасти значительно подчинили своей власти, отчасти опустошили Амастриду, принотовленную для уплаты выкупныхъ издержекъ (1200 литръ золота), у безсмѣнныхъ воеводы области Армениаковъ, будущаго императора Льва V; это былъ не болѣе какъ хищническій полуразбойничій набѣгъ, но онъ интересенъ для насъ тѣмъ, что печальное происшествіе случилось у города Евхаиты, то-есть, очень далеко отъ Аминса (Самсуна) [2]).

Итакъ, за время, которое только и можетъ быть принято въ расчетъ въ нашемъ изслѣдованіи, исторія, непосредственно движимая подробно о враждебныхъ столкновеніяхъ халифата съ имперіей, не знаетъ прямого нападенія Сарациновъ на приморскую Амастриду; даже самое названіе Амастриды встрѣчается при этомъ только одинажды, да и то не въ числѣ городовъ, непосредственно отъ руки невѣрныхъ. Но изъ того мы узнаемъ, что враги нѣсколько разъ совсѣмъ уже на границахъ (восточныхъ и южныхъ) Пафлагоніи и утомились, конечно, и наслѣдъ Амастридскаго епископа, отъ Самсунскаго древняго Аминса до Амастриды разстояніе слишкомъ не такое большое, чтобы можно было оставаться спокойнымъ за послѣдней, когда въ первой утвердилась на зимнія квартиры многочисленная непріятельская армія. Небольшой легкій отрядъ очень легко могъ переправиться на западъ рѣки Галиса (Кизиль-Ирмакъ); этого было бы довольно, чтобы распространить по всей Пафлагоніи ужасъ и смятеніе, которыя описываются въ приведенномъ нами отрывкѣ Житія. То же самое всегда возможно было и со стороны Анкиры, древней Анкиры, тѣмъ что пять особенныхъ происшествій принесли историческое содержаніе и въ этой части нашего пандектиша. Всѣмъ обратимъ вниманіе на мѣсто, занимаемое повѣствованіемъ о сарацинскомъ нашествіи въ ряду другихъ событій (ранѣе предсказанія логоѳету Никифору и передъ упоминаніемъ о расположеніи къ Георгію Ирины и Константина), то всего скорѣе можно остановиться именно на 797 годѣ, какъ на болѣе соотвѣтствующемъ хронологическихъ условіямъ. Дальнѣйшій непосредственно слѣдующій разказъ о Трапезунтскомъ путешествіи, стоящій въ срединѣ между исторіей сарацинскаго нашествія и замѣткой о возвращеніи Георгія въ столицу, конечно, могъ бы при этомъ пред-

[1]) См. *Weil*, Gesch. der Chal., II, 161; *Finlay*, II, 120, 121.

[2]) Theophan., I, 761.

Библиотека "Руниверс"

стѣснить сотрудничія, вслѣдствіе чего необходимо было помѣстить въ небольшой промежутокъ пространства населеніе Аморіи и завоеваніе Константина Исаврянина (въ 746 году). Но тѣ самыя авторитетныя лица очень рѣдко знали бы опредѣленно изъ хронологической послѣдовательности фактовъ [1]), и соединяется въ преданіяхъ только посредственное указаніе на внутреннюю связь, на однородность общихъ признаковъ, состоящихъ въ томъ, что взятіе города произвело Сарацинъ, и воспламенило ожесточеніе въ Православіи одинаково геллинскаго преданія Георгія своей паствѣ и родинѣ. Такъ какъ трудно сказать что-нибудь рѣшительное въ вопросахъ такого рода, то мы должны принять, что исторія сарацинской войны 806 года представляетъ также черты, не противорѣчащія возможности вторженія въ Пафлагонію легкихъ или мелкихъ непріятельскихъ отрядовъ, а роль, которая принадлежала Амастридскому эконому въ мирныхъ переговорахъ съ Гарунъ-ал-Рашидомъ, даже какъ будто заставляетъ предполагать то или другое участіе въ дѣлѣ Амастридскаго епископа. Вообще пріуроченіе сообщаемаго Житіемъ факта, касающагося сарацинскихъ войнъ, не представляетъ какихъ-либо непреодолимыхъ трудностей; не слѣдуетъ только опускать изъ виду особенный характеръ нашего осточника. Риторика и пафосъ, расточаемыя въ такомъ изобиліи его авторомъ, не должны скрывать отъ нашихъ глазъ небогатую простоту содержанія и скудость чудеснаго элемента, свидѣтельствующую или о нѣкоторой трезвости писателя, или о бѣдности его воображенія. Вся сущность событія, расписываемаго такимъ многословіемъ, состоитъ въ томъ, что разъ Агаряне находились не въ дальнемъ разстояніи отъ города Амастриды и свирѣпствовали въ самой епархіи Георгія, что сельскіе жители изъ окрестностей искали себѣ убѣжища за стѣнами этого города, но что опасность миновала и все окончилось грабежомъ, отчасти убійствами,—а главное захватомъ въ плѣнъ мѣстныхъ жителей. Послѣдняя черта имѣетъ, по видимому, наиболѣе реальное значеніе. Именно въ одинъ періодъ времени многіе жители [illegible] Сарацины [illegible] стало уже [illegible] завоеванія, [illegible] добычу, [illegible] въ видѣ плѣнниковъ, предназначенныхъ потомъ на продажу въ рабство за выгодную цѣну. Гарунъ-ал-Рашидъ въ извѣстномъ

[1]) Ἐάλωσάν κατα τὴν αὐτοῦ πόλιν ἐμπορικῶν ἀφορμῶν ἐν Τραπεζοῦντι συνοφαντηθέντες ἐγκλήμασι.

[illegible] являлся не столько завоевателемъ, сколько работорговцемъ [1]). Замѣчено, что это обстоятельство, превращавшее войну въ торговую спекуляцію, вносило нѣкоторую человѣчность въ [illegible] противниковъ — по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что поголовное истребленіе населенія въ непріятельской странѣ не [illegible] завоевателямъ, что была выгода щадить тѣхъ, кто могъ быть [illegible] на невольничій рынокъ или отпущенъ за приличный выкупъ. Автору нашего Житія принадлежитъ заслуга, что [illegible] признавать существованіе подобной человѣчности со стороны Сарацинъ.

Затѣмъ мы снова возвращаемся въ главной своей темѣ [illegible] главѣ и обращаемъ вниманіе еще на одну черту [illegible] изслѣдованія о сарацинскомъ нашествіи, черту, которая быть можетъ, даже лишена реальнаго историческаго содержанія, но для насъ имѣетъ большое значеніе — и не столько своею положительною, сколько отрицательною стороною. Георгій является на стражѣ своего города и на защиту своей паствы съ крестомъ въ рукахъ... Какъ это ни странно, но послѣ Константина Великаго въ православной Византіи, въ жизни и въ духовной литературѣ, крестъ всего рѣже является служебнымъ орудіемъ чуда, какимъ онъ является у нашего автора. Эта роль принадлежитъ нерукотворнымъ иконамъ, изображеніемъ Богородицы и святыхъ, нетлѣннымъ останкамъ послѣднихъ. Такъ, той самой Амастридѣ были мощи св. Іакинѳа, которые [illegible] въ [illegible] Давида, жившаго, [illegible], въ IX вѣкѣ, [illegible] „опорой, защитой и оградою города, отражающею всѣ ухищренія и [illegible] оружія враговъ“ [2]). Богородица является постоянно [illegible] и [illegible] Царьграда со времени Аварскаго нашествія 626 года. Только однажды византійская столица прибѣгла къ кресту, именно въ 822 году, когда ей угрожала опасность отъ [illegible] Ѳомы, [illegible] съ своими [illegible] [illegible] [illegible] на другой сторонѣ пролива. Но это было при иконоборческомъ императорѣ Михаилѣ II Аморейскомъ и во главѣ процессіи, которая обходила вокругъ городскихъ стѣнъ съ крестомъ и одеждою ([illegible]) Богоматери, стоялъ вмѣстѣ съ [illegible] его сынъ Ѳеофилъ, будущій

[1]) «Haroun therefore took the Field in his wars with Byzantine empire more as a slave merchant than a conqueror».

[2]) Τῆς Ἀμάστριδος τὸ περιτείχισμα καὶ περίφραγμα, μᾶλλον δὲ πύργωμα καὶ στέφανωμα, πάσας ἑλεπόλεις καὶ μηχανὰς ἀποκρουόμενον ἐχθρῶν. [illegible], Patr. gr., CV, 440.

напротивъ съ особеннымъ усердіемъ и настойчивостью выдвигали впередъ почитаніе креста, наиболѣе ненавистнаго для мусульманъ символа, а съ другой стороны—противопоставляли его иконамъ, за-

Αφωνον εἶδος καὶ πνοῆς ἄπνουν
Χριστὸν γραφεῦσθαι μὴ φέρων ὁ δεσπότης
Τῷ ζωτικῷ ταῖς Γραφαῖς παραινέσαι
Δεῶν σὺν ῥιπῇ τῷ νεκρῷ Καισταχίκῳ
Σταυροῦ χαράττει τὸν τροπαῖόν τύπον.

(Не перенося, чтобы Христосъ изображался въ безгласномъ видѣ и лишенномъ дыханія, на земной матеріи, отвергаемой писаніемъ, государь Левъ съ юнымъ сыномъ Константиномъ (Левъ Псаврь съ Константиномъ Копронимомъ) начерталъ сіе треблаженное изображеніе креста[1]. Своихъ противниковъ иконокласты упрекали и обличали въ томъ, что они изгоняли кресты изъ храмовъ и на мѣсто ихъ ставили иконы, которымъ потомъ возжигали свѣтильники и вообще воздавали такую честь, какая подобала бъ одному животворящему древу[2]) и т. д. Крестообразно начертанныя слова:

Ἐχθροὺς τροπούμενος καὶ φονεὺς βαρβάρους

[1]) Primum quidem honorificas et vivificas cruces de Sacris tenalia extellebant et ad eadem loca imagines statuebant ponebantque lucernas coram eis, simul et incensum adolebant, atque eas in tali honore habebant, sicut honorificum et vivificum ligni[illegible] Никейскомъ Вселенскомъ (754 г.) императору Льву, уже разъ нами цитированному

Не распространяясь болѣе на вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ для исторіи иконоборческаго движенія это объясненіе, замѣтимъ только, что Житіе Іоанна Кассіана, какъ и другія житія, обязательно должно было содержать въ себѣ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ внѣшней исторіи святого, какъ-то: время рожденія, имена родителей, мѣсто рожденія, имена учителей, краткія свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи святого, о его подвигахъ, которые тѣмъ или инымъ образомъ могли имѣть отношеніе къ времени. Притомъ чтеніемъ этого отрывка предполагалось, вѣроятно, описаніе святительствованія, совершеннаго Іоанномъ около Амастриды. Что самое житіе дѣйствительно имѣетъ иконоборческій характеръ, это—фактъ; но мы полагаемъ, что составитель отмѣтитъ не одно мѣсто, гдѣ можно было бъ ожидать въ перечисленіи осквернённыхъ или оскорбленныхъ святынь упоминанія о чтимыхъ инокахъ. Даже исторія Трапезунтской поѣздки Георгія давала бы поводъ къ подобному замѣчанію. Во время своего пребыванія въ Трапезунтѣ онъ совершилъ литургію въ простомъ молитвенномъ домѣ одной благочестивой вдовы. Нужно припомнить при этомъ еще одно иконоборческое обвиненіе противъ православныхъ, высказанное въ извѣстномъ намъ посланіи императора Михаила, чтобы позволить себѣ и здѣсь нѣкоторыя догадки, соотвѣтствующія вышеприведеннымъ замѣчаніямъ. Такъ или иначе, но конечно, не совсѣмъ лишенъ основанія тотъ упрекъ противъ православныхъ, который высказывается въ слѣдующихъ словахъ грамоты: „пренебрегши храмомъ, они употребляли въ мѣсто алтарей иконныя доски и даже совершали на нихъ таинство евхаристіи“ [1]; по крайней мѣрѣ, отсюда слѣдуетъ, что въ молитвенномъ частномъ домѣ, о которомъ идетъ рѣчь въ Житіи, еще болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, несомнѣнно предполагалось присутствіе образовъ, и что при описаніи данной обстановки, особенно если авторъ былъ близокъ къ ней по времени, именно эти священные предметы прежде всего должны были прійдти на память. Тѣмъ не менѣе и въ данномъ случаѣ нашъ памятникъ сообщаетъ совершенное молчаніе объ иконахъ, но за то обнаруживаетъ какое-то особое одушевленіе при описаніи процесса, по наружности, факта отправленія литургіи въ частной „молельнѣ“; чудесный элементъ, безъ всякаго, казалось бы, для него мотива, выступаетъ при этомъ на сцену необычно рѣзкимъ образомъ, а затѣмъ, слѣдуютъ длинное патетическое прославленіе чуда, которое мы опустили, не находя въ

[1]) Καὶ γὰρ ἐν ταῖς ἁγίαις ἐκκλησίαις, ἐν αἷς ἐκοινολογοῦντο θεῖα μυστήρια, ἀντὶ τῶν ἁγίων τραπεζῶν ἐπὶ τῶν εἰκονισμάτων ἐτίθεντο καὶ ἐπ' αὐτῶν τὸ ἱερὸν μυστήριον ἐτελοῦντο.

[illegible] Представляется [illegible] что собственно [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Мы еще возвратимся къ объясненію, почему молчаніе объ иконахъ мы считаемъ не признакомъ антипатіи къ нимъ, а напротивъ, молчаніемъ вынужденнымъ. Съ начала мы докончимъ обозрѣніе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Но [illegible] [illegible] преступленіе, было весьма строго [illegible] [illegible] ожидали [illegible] смертной казни [illegible]. Изъ разсказа Ліутпранда (Legatio, cap. 55) мы знаемъ, что и въ послѣдующія времена существовали строгія правила относительно вывоза товаровъ изъ предѣловъ имперіи [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Подобнаго рода стѣснительныя правила имѣли силу не только для вывоза, но и для ввоза, не только для внѣшней торговли, но и для внутренней. Императоръ Византійскій бралъ десятину съ тѣхъ товаровъ, которые были ввозимы Русскими [3], а самимъ Русскимъ позволялось покупать въ Константинополѣ паволоки только на извѣстную сумму [4]. По древнѣйшимъ византійскимъ договорамъ съ персидскими Сассанидскими царями, купцы той и другой стороны обязывались провозить свои [illegible]

[illegible]

σαν τὸν διὰ ξίφους ἐκδεχόμενοι θάνατον.

3) Les Russes qui appartiennent à la race Slave [illegible] des peaux de castor et de renard, ainsi que des épées. L'empereur (grec) se contente de prélever une dixième sur leurs marchandises. Ibn-Chordadbeg, le Livre des routes et des provinces, [illegible]

4) См. договоръ Русскихъ съ Греками 945 г., Лаврент. лѣтоп. стр. 48.

Библиотека "Руниверс"

ярмарку тѣмъ только, что купцы, не довѣряя своихъ товаровъ городскимъ складамъ, выкладывали ихъ на открытомъ мѣстѣ (въ поляхъ, какъ выражается Продолжатель Георгія), поступающая въ казну при этомъ пошлина называлась комміерсіемъ (κομμέρκιον), а чиновники, взимающіе оную, коммеркіаріями. Въ „складахъ“ (ἀποθῆκαι), состоявшихъ подъ ихъ завѣдываніемъ, хранились запасы разнообразныхъ предметовъ, такъ какъ не только съ дорогихъ товаровъ, но и съ предметовъ первой необходимости, напримѣръ, съ хлѣба, дѣлались вычеты въ пользу казны по причинѣ недостаточнаго количества монетъ, находившихся въ обращеніи. Въ настоящее время извѣстенъ цѣлый рядъ печатей (plombs), носящихъ имена „коммеркіаріевъ Киликіи“, взимавшихъ опредѣленное законное количество съ товаровъ, привозимыхъ въ другія провинціи (Каппадокію и т. д.) [2]). Нужно думать, что именно нарушеніе правилъ десятиннаго сбора, замѣченное или открытое трапезунтскимъ коммеркіаріемъ, подчиненнымъ мѣстному воеводѣ (стратигу), было причиною тщательнаго занесенія имперскими купцами, что затѣмъ назвалъ путешествіе Георгія. Прибавимъ, что во время Константина и Ирины они освѣжили для указанія, какія пошлины: Константинъ понизилъ или же совсѣмъ отмѣнилъ сборъ государственныхъ пошлинъ во время ежегодной ярмарки въ городѣ Ефесѣ, что доставляло казнѣ доходъ во сто литръ (Theophan., I, 728); его мать Ирина сдѣлала подобное же облегченіе въ отношеніи къ таможнямъ въ Абидосѣ (на Дарданелльскомъ проливѣ) и Іеронѣ (на Босфорѣ) [3]). Напротивъ, императоръ Никифоръ, занимавшій до вступленія на престолъ должность государственнаго казначея (Λογοθέτης τῶν γενικῶν), былъ настоящимъ бичемъ для столичныхъ купцовъ и судовладѣльцевъ, которымъ приходилось вносить „обычныя пошлины“ (τὰ συνήθη κομμέρκια: Theophan., I, 757).

По своимъ привычкамъ, Георгій не переносилъ привычекъ Никифора, которому онъ былъ обязанъ обязанъ предстоящимъ вступленіе на царство. Это послѣдній государь, имя котораго встрѣчается въ Житіи. Далѣе предполагая кончину Георгія въ царствованіе Никифора (802—811 гг.), мы все-таки имѣли бы право ожидать при извѣстіи о ней той или другой замѣтки на тотъ счетъ, что Богъ не попус-

[1]) Menandr. Fragm., ed. *Didot*, Histor. graeci minores, pag. 21.

[2]) См. статью *Mordtmann*: Plomb byzantin de la Grèce et Péloponnèse. *Revue archéolog.*, Mai 1877.

[3]) Theophan., I, 737: τῆς Ἀβύδου, καὶ τοῦ Ἱεροῦ τὰ λεγόμενα κομμέρκια ἀπὸ φίσεν.

[illegible] до восшествія на престолъ новаго иконоборца, Льва Армянина (813—820 гг.). А если бы въ самомъ дѣлѣ Георгій дожилъ до 813 года, до начала новаго гоненія на церковь, то упоминаніе объ этомъ сдѣлалось бы совершенно необходимымъ въ томъ или другомъ видѣ. Мы уже замѣтили, что извѣстіе о кончинѣ святаго отличается нѣкоторою краткостію; но все-таки въ немъ сообщаются данныя, могущія служить къ ближайшему хронологическому опредѣленію событія. Сказано, что при погребеніи почившаго Амастридскаго святителя можно было видѣть стеченіе царей и архіереевъ и ихъ слезы, неутѣшный плачъ правителей и управляемыхъ [1]). Такъ какъ и по связи разказа въ нашемъ Житіи, и по дальнѣйшимъ свѣдѣніямъ о мѣстѣ нахожденія гробницы Георгія, [illegible] странным. Вотъ, однако, нѣкоторыя соображенія, служащія къ объясненію странности. Во второй годъ своего царствованія, въ декабрѣ 804 года, Никифоръ призвалъ къ соправительству и короновалъ своего сына Ставракія (Theophan., I, 745), такъ что съ этого времени было два императора. Съ другой стороны, изъ исторіи арабскихъ походовъ намъ извѣстно, что въ первые годы своего правленія Никифоръ нѣсколько разъ стоялъ лично во главѣ своей рати. Одинъ разъ, именно въ 806 году, онъ былъ сопровождаемъ и сыномъ своимъ Ставракіемъ. Арабскій историкъ повѣствуетъ, что при заключеніи въ этомъ году мира, Никифоръ обязался заплатить хараджъ (поголовную дань) за себя и за своего сына, но что Гарунъ-ал-Рашидъ безъ выкупа отпустилъ изъ плѣна дѣвицу, взятую въ плѣнъ въ Гераклеѣ, о которой было извѣстно, что она была близка къ Ставракію [2]). Вѣроятно, оба императора оставались здѣсь до лѣта 807 года, когда унизительный мирный договоръ былъ ими нарушенъ, византійская армія снова ходила за горы Тавра, къ крѣпости Аназарбу и одержала значительную побѣду надъ арабскимъ военачальникомъ при Тарсѣ [3]). При этомъ случаѣ, то-есть, во время своего пребыванія въ Азіи, оба императора легко могли явиться въ Амастриду для участія въ погребальномъ торжествѣ, для возданія послѣдней почести архіерею, имѣвшему особыя

[1]) Καὶ ἦν ἰδεῖν συνδρομὴν βασιλέων καὶ ἀρχιερέων, καὶ δάκρυα, θρῆνον ἀρχόντων ἀρχομένων ἀπαράκλητον.

[2]) *Weil*, Geschichte der Chalif., II, 161.

[3]) *Weil*, ibid.

Библиотека "Руниверс"

[illegible] на [illegible] [illegible] 806 и 807 годовъ Никифоръ [illegible] дился въ [illegible] съ Сарацинами и [illegible] съ Болгарскимъ [illegible] Крумомъ, такъ что въ [illegible] годы [illegible] правленія пребываніе его въ Малой Азіи [illegible]. [illegible] слѣдуетъ, что наиболѣе вѣроятный [illegible] Георгія [illegible] между 802 и 807 годами. [illegible] онъ [illegible], что [illegible] большая вѣроятность [illegible] года [illegible] 806 г. [illegible] Амастриды, при которомъ [illegible] герой нашего Житія.

Наиболѣе [illegible] нашего [illegible] Житія Георгія Амастридскаго все-таки является [illegible], что [illegible] и во всемъ своемъ [illegible], что [illegible] не [illegible], а напротивъ, [illegible] мѣрѣ, [illegible]. Трудно [illegible], чтобы [illegible] [illegible] Житія [illegible] условіяхъ [illegible] святаго, [illegible] котораго [illegible] въ періодъ [illegible] и [illegible] случаѣ не могли [illegible], чтобы [illegible] какой-либо [illegible] наиболѣе существенную [illegible] для [illegible] и [illegible] своего [illegible]. Недостатокъ [illegible], недостатокъ живаго [illegible] [illegible] въ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] объясненія [illegible]. Мы [illegible], что [illegible] [illegible] Георгія [illegible] духовныхъ [illegible] [illegible] сочувствіе [illegible] довольно легко [illegible] [illegible] историческихъ [illegible] [illegible] случаевъ, довольно прозрачный характеръ и легко сводимыя къ естественнымъ процессамъ, если мы выдѣлимъ современное автору міросозерцаніе, не уничтожаютъ и не поглощаютъ вполнѣ историческаго содержанія, а отзываются, напротивъ, живою, хотя и прошедшею дѣйствительно-

Библиотека "Руниверс"

ніи. Такимъ образомъ этой предвзятой идеѣ противорѣчитъ сказаніе житія, что Георгій, будучи еще ребенкомъ, „не любилъ играть съ другими дѣтьми, но, сидя одинъ, любилъ разсматривать образа, и что-то изъ нихъ запечатлѣвалъ въ своемъ умѣ". Что это сказано не безосновательно и не безъ намѣренія, тому былъ и нѣкоторый, хотя бы и косвенный, свидѣтель, который слѣдующаго обстоятельства не могъ не замѣтить. Георгій, говоритъ житіе, „имѣлъ обыкновеніе, когда онъ видѣлъ какое-нибудь изображеніе, обращать на него свои глаза и, внимательно разсматривая, запечатлѣвать въ своемъ умѣ". Такимъ образомъ, по словамъ житія, Георгій, будучи еще ребенкомъ, „имѣлъ обыкновеніе, когда онъ видѣлъ какое-нибудь изображеніе, обращать на него свои глаза и, внимательно разсматривая, запечатлѣвать въ своемъ умѣ". Такимъ образомъ, по словамъ житія, Георгій, будучи еще ребенкомъ, „имѣлъ обыкновеніе, когда онъ видѣлъ какое-нибудь изображеніе, обращать на него свои глаза и, внимательно разсматривая, запечатлѣвать въ своемъ умѣ". Такимъ образомъ, по словамъ житія, Георгій, будучи еще ребенкомъ, „имѣлъ обыкновеніе, когда онъ видѣлъ какое-нибудь изображеніе, обращать на него свои глаза и, внимательно разсматривая, запечатлѣвать въ своемъ умѣ".

---

[1]) Καὶ τοὺς βίους τῶν μακαρίων ἀνδρῶν ἀγαγράπτους παραδεδρομένους οἷόν τινας ἰκόνας ἐμψύχους τῆς κατὰ θεὸν πολιτείας.

[2]) Μᾶλλον τας τούτων ἀρετὰς διὰ τῶν ἐν γραφαῖς περὶ αὐτῶν (τῶν ἁγίων) δηλουμένων οἷόν τινας ἐμψύχους εἰκόνας ἐν ἑαυτῷ ἀναζωγραφεῖ. Ср. Житіе Стефана Новаго. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1877 г., іюнь, стр. 312, гдѣ приведено опредѣленіе собора 754 года.

[3]) Εἰς αὐτὸν γὰρ ὥσπερ εἰς ἀρχέτυπον ἀφορῶντες πίνακα τοὺς τῶν ἀρετῶν χαρακτῆρας ἐναργεῖς ἐπεμάσσοντο, ἀνεξαλείπτους τοῖς τῆς ἀρετῆς εἰκόνας τῇ ψυχῇ ἐντυποῦντο.

Библиотека "Руниверс"

зовъ выраженія, особенно изъ процесса подражанія, заимствованныя изъ терминологіи, относящейся къ матеріальнымъ образамъ иконописи; слова Василія Великаго, что честь, воздаваемая образу, переходитъ на первообразъ (ἀρχέτυπον), было поводомъ къ споровъ во время борьбы за иконы, переходившихъ потомъ изъ рукъ въ руки, изъ книгъ въ книги. Слѣдовательно, сюда же относятся и здѣшнія выраженія, которыя могутъ быть отнесены не только къ подобнымъ выраженіямъ, какъ образъ и начертаніе, обнимающимъ такимъ образомъ и понятіе объ образу (ἀπολήψεται τὸ εἶδος: см. февральскую книжку, стр. 296, 299), но и такое великое дѣло могло имѣть предъ собою первообразы (ἀρχέτυπα), то-есть, примѣры святыхъ или подражанія [1]). Сюда же относится и другія выраженія, какъ глаголъ а) ἐξεικονίζω (изображаю, отъ слова εἰκών), нѣсколько разъ встрѣчающійся въ Житіи: все полно было плача, все изображало (ἐξεικονίζοντα) нерсидскій плачъ Іудеевъ [2]): Георгій изобразилъ въ себѣ (ἐξεικόνισε) Іосифа, Моисея и Даніила), — и b) глаголъ ἐπιφαίνομαι, означающій на себѣ что-либо или самаго въ чемъ-либо отпечатокъ [3]). Частое употребленіе выраженій, заимствованныхъ отъ иконописи и принадлежащихъ къ самой обычной и модной выразительной иконоборческой эпохѣ, ясно доказываетъ, что составляющіе матеріальные предметы не были чужды воображенію и памяти писателя. Въ ту эпоху, когда нашъ авторъ, нельзя было говорить о дѣятельности духовенства безъ образовъ (по гречески εἰκών), не вмѣющихъ и не получавшихъ образа (εἰκονάς) другаго рода, о которыхъ, кромѣ того, сейчасъ же напоминали имена императрицы Ирины, патріарха Тарасія и др. Итакъ, не вслѣдствіе забвенія, недостатка памяти или какой другой способности авторъ нашего Житія умолчалъ объ отношеніяхъ своего героя къ наиболѣе живому вопросу его и своей эпохи, но по какимъ-нибудь другой причинѣ; представленіе и память объ иконахъ, очевидно, не оставляли его ни на одну минуту, такъ что безъ нихъ онъ только умѣлъ говорить о нихъ отъ никакъ не могъ.

Однимъ словомъ, фактъ намѣреннаго умолчанія объ иконахъ, или

---

[1]) Καὶ οἷόν τι ἓν ἀρετῆς εἶδος τὰς πάντων ἀριστείας ἀποραξάμενος, εἰς ἑαυτὸν καλῶς ἀπηκρίβωσατο. ὥστε μέγα μὲν τούτῳ πρὸς τοιαῦτα ἀφορῶντι ἀρχέτυπον, μεῖζω δ'ἐκείνοις, τοιοῦτον ἐσχηκόσι τὸν μιμησάμενον.

[2]) См. Ж. М. Н. Пр., февральск. книжку, стр. 296.

[3]) Тамъ же, стр. 300.

[4]) Ж. М. Н. Пр., см. на этой же стр., примѣч. 1, и мѣсто, приведенное въ первой части изслѣдованія, февраль, стр. 294.

Библиотека "Руниверс"

[illegible] иконоборческаго необходимо [illegible] въ Житіи Георгія Амастридскаго, и только [illegible] найдемъ [illegible] подлежащее объясненіе. [illegible] объ иконоборческомъ [illegible] не можетъ быть предположенія объ иконоборческомъ настроеніи писателя, хотя онъ и употребляетъ одно иконоборческое выраженіе, [illegible] хотя и легко было бы предположить, что [illegible] 842 г., но [illegible] государственной власти, все еще, когда оставалось значительное [illegible] приверженцевъ ереси, нерѣдко [illegible] готовыхъ служить церкви своимъ перомъ и литературнымъ образованіемъ. Тайный врагъ иконопочитанія не сталъ бы отзываться о памяти патріарха Тарасія съ такимъ глубокимъ уваженіемъ, не назвалъ бы его святителемъ „великимъ" и не поставилъ бы въ особенную честь своему герою избраніе его этимъ патріархомъ. Хотя мы уже знаемъ, что иконоборцы, можетъ быть—за нѣкоторыми немногими исключеніями, признавали ходатайство и заступленіе святыхъ и даже допускали почитаніе мощей[1]) и другихъ святыхъ останковъ, какъ напримѣръ, ризы Богоматери[2]), но все-таки [illegible] несомнѣнно православнаго епископа, [illegible] вызвать [illegible] чувства [illegible] почитанія, [illegible] выраженнаго въ нашемъ памятникѣ. Не тайнымъ иконоборцемъ, наружно подчинявшимся церкви, написано Житіе Георгія Амастридскаго, а скорѣе православнымъ, [illegible] либо [illegible] свою [illegible] въ святыхъ иконахъ.

Если мы припомнимъ исторію иконоборческаго періода, то намъ легко будетъ указать время и обстоятельства, при которыхъ для православнаго писателя, вѣрнаго памяти патріарха Тарасія, возможна была литературная дѣятельность подъ условіемъ умолчанія объ иконахъ. Когда злѣйшій врагъ иконъ и православія императоръ Левъ V Арменинъ палъ на помостѣ придворной церкви жертвою заговора, и на престолѣ возсѣлъ [illegible] глава заговорщиковъ Михаилъ Косноязычный (Аморейскій), то находившійся въ изгнаніи бывшій патріархъ Никифоръ обратился къ нему съ приглашеніемъ возстановить иконопочитаніе. Были полныя осно-

[1]) См. опредѣле[illegible] иконоборческ[illegible] собора 754 года въ статьѣ: «Житіе Стефана Новаго». Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1877 [illegible] стр. 313.

[2]) Въ вышеупомянутой процессіи Өеофила при отцѣ его Михаилѣ Аморейскомъ вмѣстѣ съ крестомъ вокругъ стѣнъ столицы [illegible] была и одежда Богородицы.

ванія предавать тѣхъ изъ сановниковъ, которые держались было за посланія патріарха, — такое имя и правда Митьковъ разгорѣвшаяся рѣвность защитника православія и безпрекословнаго уважителя Іоанновыхъ на уничтоженіе обрядовъ, и теперь послѣ поступленія въ управленіе имперіею, готовясь освободить изъ тяжкаго заключенія, монаховъ и сановниковъ многихъ монастырей, подвергшихся преслѣдованію за свои религіозныя и церковныя убѣжденія. Какой же могъ дать совѣтъ со стороны новаго императора на посланіе стараго патріарха, доказывавшаго, что „начертаніе священныхъ фигуръ (τὸ τῶν ἱερῶν μορφωμάτων ἐνίστασθαι) есть истинное отеческое преданіе?

„Хотя императоръ и былъ менѣе тѣхъ кто-либо посвященъ въ тайны словеснаго искусства, тѣмъ не менѣе онъ, имѣвъ большаго наставника, получилъ отъ наставляющаго отца въ наслѣдство себѣ полное невѣжество; однако онъ поражалъ бывшихъ ритористовъ и самою доказательностью патріарха и тѣмъ отвѣтомъ, что принесетъ ему записка: „Тѣ, которые ранѣе насъ бранились за наслѣдованіе церковныхъ догматовъ, сами отдадутъ на себя отвѣтъ предъ Богомъ въ томъ, хорошо или нѣтъ они постановили; а мы предпочитаемъ удержать церковь въ тѣхъ же самыхъ направленіяхъ, въ какихъ нашли ее отцы наши. Твердо держась такого образа мыслей, мы постановляемъ, чтобы никто не смѣлъ приводить въ движеніе языкъ свой ни противъ иконъ, ни за иконы; но чтобы пребывалъ и стоялъ соборъ Тарасія, такъ какъ и соборъ Константина или недавно вновь собранный при Львѣ, и пусть глубокое молчаніе будетъ правиломъ во всемъ, что касается обѣихъ сторонъ. Если бы тотъ, кто взялъ на себя трудъ сказать и написать сіе (посланіе), захотѣлъ управлять церковію на указанномъ основаніи, то онъ, сохраняя впредь всякое уничтоженіе о существованіи и почитаніи иконъ, то пусть онъ сюда идетъ“ [1]). Никифоръ, конечно, не могъ принять такихъ условій и не могъ поступиться своими убѣжденіями въ пользу такой странной политики примиренія и терпимости.

Однако императоръ въ то же время объявилъ, что онъ не будетъ преслѣдовать кого-либо за убѣжденія относительно иконъ, какъ велѣлъ поступать въ отношеніи почитанія или непочитанія ихъ какъ

[1]) Nicephori Patr. Vita, cap. 83, 84; A. A. 8 Sl., Mart., tom. II, die 13. Анастасій заставляетъ говорить императора въ силлиціумѣ почти тѣ же самыя слова, которыя читаются въ Житіи патріарха Никифора (—Hamart., ed. *Marcel*, pag. 695). Cp. Theoph. contin., p. 47; Leo Gramm., p. 21]; Sym. Magist., p. 620.

Библиотека "Руниверс"

ему самому наблагорассудится [1]). Когда знаменитый предводитель монаховъ, столпъ и величайшій мученикъ запечатлѣвшій свою ревность о вѣрѣ и о точности почитанія, вмѣстѣ со многими епископами добился аудіенціи у императора и старался убѣдить его въ святости иконъ и необходимости прямого и всеобщаго, для всѣхъ обязательнаго, признанія ихъ, то отвѣтъ былъ полученъ знать въ томъ же смыслѣ: „Можетъ быть, ваши рѣчи и хороши, однако я, до сихъ не почитавшій образовъ, не поклонявшійся никакой иконѣ, не могу съ вами согласиться. Поэтому справедливо будетъ, если и останусь такимъ, какимъ былъ, и вы различныхъ образовъ оставляйте при своемъ и будете держаться своего мнѣнія; препятствовать кому либо въ этомъ я не намѣренъ. Только одного я не могу допустить, именно чтобы позволялось выставлять иконы въ самой столицѣ, а вдали отъ нея вы можете это дѣлать, гдѣ кому будетъ угодно“ [2]). Церковная политика Михаила, главными правилами которой были терпимость къ иконопочитателямъ и принужденное молчаніе обѣихъ сторонъ, оставалась въ силѣ и при его сынѣ и преемникѣ Ѳеофилѣ, съ тѣми же самыми ограниченіями относительно Константинополя. Извѣстные намъ изъ церковной исторіи и Житій Михаилъ случаи жестокаго преслѣдованія и даже мученія монаховъ, вѣрныхъ постановленіямъ Никейскаго собора, не только не дозволяютъ того, чтобы Ѳеофилъ отрекся отъ христіанскаго своего рода терпимости, наслѣдованныхъ отъ отца, но даже напротивъ, дозволяютъ, что при Ѳеофилѣ оставались въ силѣ все тѣ же самые церковные законы. Одни изъ монаховъ подвергались мученіямъ за то, что, увлекаемые ревностію по вѣрѣ, вмѣшались въ обличеніяхъ далѣе къ самому царю другія нарушенія постановленія, запрещавшаго имъ являться въ столицу, послѣ того какъ они уже разъ обнаружили свою враждебность иконамъ и неукротимую вражду къ противникамъ [3]).

Нужно предполагать то, что само по себѣ естественно, именно, что большинство православныхъ иконопочитателей вообще предпочитали спокойно отправлять свои обряды подъ своими епископами христіанскимъ законовъ, и по возможности старались со-

[1]) Vita Theod. Stud. (a Michaele monacho), cap. 102 (*Migne*, Patrolog. graeca, XCIX, 208): Οὔτε δὲ λυκεῖν ὅλως τοὺς αὐτῷ μὴ κεκοινωνηκότας ἐβούλετο, ἀλλ' στον ὀρθοῖς χρῆσθαι δόγμασι καὶ πράττειν εἴτε καθ' ἑαυτόν.

[2]) Theodor. Stud. Vita, cap. 118 (*Migne*, Patrolog. gr., XCIX, 221).

[3]) Ср. *Hergenröther*, Photius, I, 292.

Библиотека "Руниверс"

блюдать безобидное молчаніе относительно запретнаго плода, особенно во всякаго рода публичныхъ выступленіяхъ, то-есть поученіяхъ, рѣчахъ и похвалахъ святымъ, назначаемыхъ для чтенія въ церкви. Такъ продолжалось до смерти Ѳеофила, до 842 года. Само собою разумѣется, что въ данный періодъ времени не могло быть написано православными разнаго рода сочиненій, нужныхъ для духовнаго назиданія и церковнаго обихода, въ которыхъ, не смотря на всѣ эти поводы, избѣгалось однако всякое упоминаніе объ иконахъ и иконопочитаніи. Понятно, что вслѣдствіе такого безцѣльнаго прекращенія, свидѣтельствовавшаго объ ненадежности и слабости вѣры, не могли пользоваться уваженіемъ и сочтены пропали безслѣдно отчасти вслѣдствіе небрежности и перемѣнъ, только немногія должны были сохраниться и дойти неприкосновенными до нашего времени. Къ главнымъ немногимъ памятникамъ второго иконоборческаго періода слѣдуетъ отнести Житіе Георгія Амастридскаго, и можетъ быть, еще нѣсколько произведеній такого же рода. Нечего и говорить о томъ, что только въ тѣхъ случаяхъ молчаніе объ иконахъ можетъ быть считаемо неумѣстнымъ и вреднымъ, когда писатель сочиненія имѣлъ право требовать отъ читателя съ увѣренностію безопасности и безпристрастія, что онъ не станетъ прилагать свой критерій только къ императорскимъ такимъ святымъ, которые были современниками иконоборческой эпохи. Если кто-нибудь вздумалъ бы разсмотрѣть указанный нами періодъ агіографической литературы второй половины IX и всего X вѣка, то въ началѣ онъ, конечно, поражен будетъ богатствомъ матеріала для изученія иконоборческаго періода; матеріалъ этотъ заключается въ такомъ скоро начавшемся отдаленіи отъ господствующей и единовѣрной половины христіанскаго міра, упомянутаго выше „Константинища“ и т. д. Краткій обзоръ исторіи гоненія на церковные образа, характеризующій нечестивыхъ преемниковъ Льва Исавра сего, Льва Армянина находится въ жизнеописаніи двухъ такихъ святыхъ, которые принадлежатъ къ данному періоду только своимъ дѣтствомъ или даже младенчествомъ. Для примѣра можно указать на Житіе Николая Студита, св. Іоанникія, патріарха Игнатія, и т. д. Послѣ довольно обширнаго изученія, посвященнаго памятникамъ агіографіи за вышеозначенный періодъ, мы нашли только одно Житіе, которое, подобно разобранному нами Житію Георгія Амастридскаго, относится по содержанію своему къ царствованію Константина и Ирины и однако умалчиваетъ о предшествующихъ и послѣдующихъ бѣдствіяхъ церкви. Мы раз-

Библиотека "Руниверс"

увѣнчанъ Житіе Филарета Милостиваго, которое и по всему дѣйствію сходно съ Житіемъ Георгія Амастридскаго, такъ какъ Филаретъ былъ ученикомъ Платоновымъ. Но и это произведеніе, такъ мило, хотя и нѣсколько идиллически рисующее жизнь византійскаго земледѣльца и помѣщика въ VIII вѣкѣ по Р. Х., написано, вѣроятно, въ одно время съ нашимъ сказаніемъ, то-есть, при Михаилѣ или Осефилѣ (820—842 гг.). Впрочемъ, греческій подлинникъ этого важнаго и любопытнаго памятника, сколько мы знаемъ, до сихъ поръ еще остается не изданнымъ. Сверхъ того, слѣдуетъ прибавить, что здѣсь не должны идти въ разсчетъ повѣсти о мученикахъ палестинскихъ и армянскихъ, пострадавшихъ отъ Сарацинъ или предѣловъ византійскихъ.

Итакъ, судя по внутреннимъ признакамъ, довольно достовѣрнымъ и рѣшительнымъ, наше Житіе написано ранѣе 842 года; другія, болѣе посторонніе и побочные соображенія могутъ служить къ подтвержденію такого вывода. Между прочимъ, вотъ что не слѣдуетъ опускать изъ виду: не смотря на свои добродѣтели и глубокое уваженіе, которымъ онъ пользовался при дворѣ и на родинѣ, Георгій Амастридскій всегда оставался второстепеннымъ церковнымъ дѣятелемъ; по значенію своему и подвигамъ онъ никакъ не могъ быть сопоставленъ съ лицами, подобными Осодору Студиту и патріарху Никифору. Трудно поэтому предположить, чтобы память о немъ, съ достаточною ясностію обозначенною и полною подробностей, могла сохраниться долѣе ближайшаго времени, долѣе одного поколѣнія, если бы она не была закрѣплена письменными преданіями уже при младшихъ его современникахъ. Черезъ шестьдесятъ или семьдесятъ лѣтъ — какое было бы побужденіе вспомнить о забытомъ Амастридскомъ архіереѣ? Даже на родинѣ имя Георгія, перваго архіепископа или митрополита, тѣмъ легче могло быть смѣшано съ другими, что здѣсь же, около Амастриды, помимо св. Іакинов, пользовался особеннымъ почитаніемъ другой Георгій, именно извѣстный каппадокійскій великомученикъ [1]). Весь тонъ нашего сочиненія ясно

[1]) Въ сказаніи объ одномъ изъ чудесъ великомученика Георгія (διήγησις περὶ τοῦ παραδόξου θαύματος и т. д.) говорится, что жители Пафлагоніи питаютъ пламенную вѣру ко святому великомученику Георгію, особенно тѣ изъ нихъ, которые живутъ по сосѣдству съ Амастридою (καὶ μάλιστα οἱ ἐν τῇ περιχώρῳ τῆς Ἀμάστριδος τυγχάνοντες), гдѣ въ одномъ мѣстечкѣ, именуемомъ Потаму или Ипіаконъ (ἐν οἷς ἐν τόπῳ τινὶ λεγομένῳ τοῦ Ποταμοῦ ἤτοι τοῦ οἰκιακοῦ), находится пре-

Библиотека "Руниверс"

говоритъ за его первоначальность, то-есть, за то, что онъ есть не передѣлка какого-нибудь другаго Житія, а непосредственно первая похвала святому. Георгій умеръ около 806 года. Авторъ Житія, по видимому, былъ его младшимъ современникомъ и писалъ тогда, когда еще не сошло со сцены слѣдующее ближайшее поколѣніе. Онъ говоритъ, что уже современники святого, т. которые не по рожденію были участниками его жизни, облагодѣтельствованы были рядомъ его удивительныхъ чудотвореній; но а для тѣхъ, которые этого не сподобились, но которыхъ имѣло воспріять наступающее время, для тѣхъ оставались въ запасѣ посмертныя чудеса [1]). Здѣсь довольно ясно различаются два поколѣнія: одно—современное Георгію Амастридскому, и потомъ—другое, которое народилось послѣ его смерти и потому не было свидѣтелемъ его чудесъ при жизни. Но конечно, были и такія лица, которыя родились, когда Георгій былъ еще въ живыхъ, а потомъ пережили его, и такимъ образомъ сподобились того и другаго, то-есть, быть свидѣтелями или лучше современниками какъ его возможенныхъ, такъ и посмертныхъ чудесъ. Къ сему послѣднему разряду, по всѣмъ признакамъ, принадлежалъ нашъ авторъ, выражающійся о младшемъ народившемся поколѣніи такъ объективно, какъ о постороннемъ въ извѣстной степени и чуждомъ ему. Очевидцемъ пожизненныхъ чудесъ Георгія, онъ конечно не былъ, но точно также не былъ онъ зрителемъ и его посмертныхъ дѣяній. По крайней мѣрѣ на это нѣтъ никакого намека, потому что даже мѣстоимѣніе „нашъ" въ разсказѣ о нападеніи сарацинъ имѣетъ вообще грѣшившаго такого бы то ни было времени. Но современникомъ этихъ и другихъ чудесъ онъ все-таки могъ быть.

VII.

Единственный извѣстный пока списокъ Амастридскаго Житія, находящійся въ Парижскомъ Медицейскомъ кодексѣ, не имѣетъ надписанія, обозначающаго имя автора. Но это не значитъ, чтобы сочиненіе съ самаго начала явилось анонимнымъ, и чтобъ имя сочи-

---

красный храмъ, выстроенный во имя его. См. AA. SS., Apr. 23. Любопытно, что извѣстно съ такимъ же точно названіемъ—Потамія, и съ храмомъ великомученика Георгія, находится и въ Каппадокіи близъ Кара-Гиссара—Ρίζοὺ, Καππαδοκίας.

[1]) Ἀλλ' οὐς μὲν ἤδη διὰ γενέσεώς ὁ βίος ἐδέξατο, τούτοις τηνικαῦτα καταλλήλως εὐεργετηθῆναι ταῖς παραδόξοις θαυματουργίαις ἐπισυμβέβηκεν ἀφθονώτατα· οἷς δὲ τοῦτο μὲν τέως οὐκ ἐξεγένετο, ὁ δ' ἐπιὼν χρόνος ἐμελλεν ὑποδέχεσθαι и т. д.

Библиотека "Руниверс"

писателя никогда никому не было извѣстно. Есть очень много произведеній какъ агіографической, такъ и вообще церковной литературы, которыя не имѣютъ надписанія въ одномъ спискѣ, но являются съ именемъ своего автора въ другихъ. Неизвѣстно, отыщется ли когда-нибудь и для нашего Житія другой списокъ и какое-либо прямое указаніе на имя автора. До тѣхъ поръ мы имѣемъ полное право сдѣлать на этотъ счетъ нѣкоторыя предположенія и выставить гипотезу, которая впослѣдствіи можетъ найти себѣ фактическое подтвержденіе, а пока должна отвѣчать сама за себя, ничуть однако и ни въ какомъ случаѣ не ослабляя силы предыдущихъ соображеній, нисколько отъ нея не зависящихъ.

Когда мы задали себѣ вопросъ, кто изъ ближайшихъ по времени агіографовъ могъ бы быть авторомъ Житія Георгія Амастридскаго, то первымъ именемъ, которое намъ представилось, было имя Никиты Пафлагонскаго, автора Похвалы Іакинѳу Амастридскому, извѣстнаго обширною литературною дѣятельностію въ этомъ родѣ. Въ пользу такого предположенія на первый разъ говорило и то обстоятельство, что рядомъ съ Житіемъ Георгія, но ниже его въ кодексѣ помѣщено сочиненіе того же Никиты философа, рѣчь въ похвалу Ѳеодору мученику. Однако, не смотря на нѣкоторую заманчивость догадки, мы скоро должны были отказаться отъ предположенія, которое не только ничего не объясняло, но напротивъ все запутывало, а главное—не находило себѣ никакого подтвержденія въ складѣ языка и слога. Довольно того, что Никита, авторъ Похвалы Іакинѳу Амастридскому постоянно называетъ Амастриду Амастрой (Ἀμάστρα), тогда какъ въ нашемъ Житіи обычное и единственное наименованіе есть Амастрида (Ἀμαστρὶς, ἡ). Гораздо болѣе прочною и состоятельною оказалась другая гипотеза, по которой списателемъ Житія Георгія Амастридскаго долженъ былъ считаться тотъ же самый агіографъ, что сочинилъ біографію современнаго Георгію патріарха Тарасія и преемника его Никифора, то-есть, діаконъ великой церкви Константинопольской Игнатій. На такую догадку наводитъ насъ прежде всего нѣкоторое сходство отдѣльныхъ выраженій и оборотовъ въ Житіяхъ Георгія Амастридскаго, патріарха Никифора и даже Тарасія, хотя послѣднее доступно сравненію только въ латинскомъ переводѣ. Въ обоихъ послѣднихъ сочиненіяхъ діаконъ Игнатій „пускается въ море похвалъ“, какъ это онъ сдѣлалъ и въ Житіи Георгія Амастридскаго; иконоборческіе синсоны, которыхъ обличалъ патріархъ Никифоръ, не имѣютъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ священства,

Библиотека "Руниверс"

подобно тому, какъ Росъ не имѣлъ никакихъ слѣдовъ славянолюбія, поговорка „ex unge leonem" (ἐξ ὀνύχων τὸν λέοντα) также нисколько не прилагается къ одному дѣянію отца Никифора, какъ въ Житіи Георгія къ его посмертнымъ чудесамъ; значеніе слова „секретарь" объясняется почти тѣми же самыми выраженіями и такимъ же оборотомъ фразы такъ и здѣсь и т. д. и т. д. [1]. Конечно, въ Житіи патріарха Никифора языкъ еще изысканнѣе, фразеологія гораздо разнообразнѣе, богаче и причудливѣе, но это можетъ объясняться большимъ стараніемъ автора, а равно дальнѣйшимъ его литературнымъ развитіемъ, такъ какъ Житіе Никифора могло быть написано гораздо позднѣе прочихъ, а съ другой стороны—представляло сюжетъ еще болѣе высокій и богатый по содержанію, что выразилось на самомъ внѣшнемъ, весьма обширномъ объемѣ его. Не только отдѣльныя слова и выраженія, но и вообще стиль, манера и литературные пріемы, свойственные автору знакомаго намъ Анастасіевскаго Житія, болѣе родственны съ тѣми, которыя встрѣчаются въ агіографическихъ трудахъ діакона Игнатія, не смотря на очевидно большую сжатость и зрѣлость и на отличный нѣсколько планъ и характеръ изложенія, прямо отмѣченныхъ его именемъ. Приведемъ одинъ отрывокъ изъ Житія патріарха Никифора, гдѣ идетъ рѣчь о гоненіи на иконы при Львѣ Армянинѣ, и гдѣ разказъ, не смотря на совершенную разность содержанія, своимъ тономъ и пріемами напоминаетъ извѣстные намъ строки изъ Житія Георгія, посвященныя агарянскому и русскому нашествіямъ:

„И можно было видѣть, какъ приношенія божественныхъ храмовъ попирались ногами, какъ будто во время плѣненія; можно было видѣть, какъ нечистыми руками волочится и выставляется всякому на позоръ то, что было непривосновенно и незримо для толпы; можно было видѣть настырей, питавшихъ изъ ихъ храмовъ, и волковъ,

[1]) Vita Nicephor., cap. I: Ἑαυτὸν (leg. ἑαυτόν), ὡς οἶδέ τις, εἰς τῶν ἐγκωμίων βυθὸν — τὴν πατρός. Vita Taras., cap. 2: In quibus verbum meum est, ut narrare, Данил. Vita Nicephor. cap. 61. τῶν μὲν ἱστορίας ἐπιφερομένων λαμπρῶν. Vita Georg... Μηδὲν ἐπιφερομένου φιλανθρωπίας λείψανον. Vita Niceph., p. 8, Ἐκ μέρους ὅλον ὑμῖν γνωρίσαι, ὡς ἐξ ὀνύχων λέοντα. Ср. выше, совр. книжн., стр. 300. Vita Niceph. cap. 91. ἐγὼ δὲ λοιπὸν τῆς ἐμῆς ἥττης καὶ πτώσεως διὰ ἐπιλόγου πρὸς σὲ ἀνοίσω, ἀήττητον.... Ὦ δέ, ὦ τῆς θείας σκηνῆς ἐπόπτα κ. т. д. Ср. важное объясненіе, совр. книжн., стр. 305. Глаголъ ἐπιφέρομαι встрѣчается и въ Житіи Никифора въ извѣстномъ намъ смыслѣ (cap. 60, 88), а также: τὸ δὲ λεγόμενον (cap. 90); τοῦτο δὴ (μακρόπους ἐτυμηρίζουσι) τὸ στόμα (ibid.).

Библиотека "Руниверс"

которымъ завладѣло стадо, изгнаніе тѣхъ, которые служили правому ученію, и замѣщеніе ихъ тѣми, которые ненавидятъ его; (можно было видѣть) невинныхъ, подвергаемыхъ отвѣту на подобіе виновныхъ, и палачей ихъ, сидящихъ на (судейскихъ) креслахъ, клириковъ, приписывающихъ нечистыя вины и насмѣшки и злорѣчіемъ въ неисходныя тюрьмы, многихъ изнуренныхъ побоями, голодомъ и жаждою, долговременнымъ заключеніемъ подъ стражею и трудами,—женщинъ, обнажаемыхъ въ видѣ мужчинъ и бичуемыхъ, но все ради Христа переносящихъ мать бо мужественныхъ духомъ [1]).

Чтобы приступить свою исторію, мы рѣшились собрать всѣ свѣдѣнія, которыя можно найдти, о діаконѣ Игнатіи, дабы затѣмъ посмотрѣть, на сколько этимъ путемъ можно разъяснить нѣкоторыя частныя данныя, открывающіяся изъ болѣе внимательнаго изученія нашего памятника.

Діаконъ Игнатій оказывается весьма замѣчательнымъ дѣятелемъ въ византійской письменности IX вѣка и весьма любопытнымъ представителемъ тогдашняго литературнаго образованія. Свида пишетъ о немъ слѣдующее: „Игнатій, діаконъ и сосудохранитель великой Константинопольской церкви, а потомъ митрополитъ Никейскій, грамматикъ (γραμματικός). Онъ написалъ Житія (Βίους) Тарасія и Никифора, святыхъ и бывшихъ патріарховъ; надробныя элегіи, письма, ямбы на Оссу буквицами [2]), что называютъ „τὰ κατὰ Θεφρά", и многое другое".

Къ этому многому другому мы можемъ присоединить Житіе Георгія Декаполита, не изданное греческое списки котораго носятъ то же надписаніе съ именемъ Игнатія, и странное причудливое изложеніе басенъ Эзопа или Бабрія посредствомъ ямбическихъ четверостишій. Именно къ нашему діакону Игнатію относятся слѣдующія слова позднѣйшаго баснописца:

Mais surtout certain Grec renchérit et se pique
D'une élégance laconique;
Il renferme toujours son conte en quatre vers;
Bien ou mal, je le laisse à juger aux experts [3]).

---

[1]) Nicephor. Patr. vita, cap. 79: καὶ ἦν ἰδεῖν, ὡς ἐν σπαγυῇ, συμπεπόμενα τὰ τῶν θείων νεῶν ἀναθήματα· ἦν ἰδεῖν τὰ πολλοῖς ἄψαυστα καὶ ἀθίκτα χερσὶ βαθμαλοις ἐλκόμενα и т. д.

[2]) При Михаилѣ Косноязычномъ, въ 822 году.

[3]) Лафонтенъ. См. Κοραῆ, Μύθων Αἰσωπείων Συναγωγή. Prolegom., p. 26, 27. Ср. *Fabric. Harless*, Biblioth. greca, I, 635.

Библиотека "Руниверс"

Учителемъ Игнатія какъ вообще въ словенской письменности, такъ въ частности въ наукѣ стихосложенія, изъ которой онъ сдѣлалъ такое неразумное приложеніе, былъ не кто другой, какъ знаменитый поборникъ идолъ, патріархъ Тарасій. Въ жизнеописаніи сего послѣдняго Игнатій съ благодарностію вспоминаетъ о великой пользѣ, которую онъ извлекъ изъ наставленій Тарасія, о томъ, какъ онъ еще въ лѣта цвѣтущей юности былъ посвященъ своимъ учителемъ въ тайны триметровъ, тетраметровъ, анапестовъ и стиха героическаго [1]). Вѣроятно, что это было ранѣе посвященія Тарасія въ патріархи, въ то время, когда онъ еще носилъ должность и званіе „царскаго секретаря". Въ такомъ случаѣ Игнатій ужъ около 784 года долженъ былъ имѣть возрастъ по крайней мѣрѣ десятилѣтній (род. около 774 г.). Впрочемъ, нельзя ручаться за точность такого разсчета; такъ какъ въ Житіи Тарасія нигдѣ не говорится, чтобъ онъ когда-либо заѣдывалъ общественною школою, то можно принимать лѣтнее и частное литературное вліяніе или даже обученіе, а это можетъ относиться и ко времени патріаршества.

Изъ Житія Тарасіева преемника Никифора мы узнаемъ, что діаконъ Игнатій пользовался также назидательными бесѣдами и этого патріарха. Но здѣсь уже не разумѣется ученое или литературное образованіе, а религіозное, или лучше сказать, богословское. Изъ патетическаго обращенія ученика къ своему духовному умершему наставнику, обращенія, составляющаго заключительную главу въ Житіи, обнаруживается слѣдующій печальный, но для насъ весьма любопытный фактъ: Игнатій особенно нуждался въ заступленіи и ходатайствѣ своего бывшаго наставника, такъ какъ онъ хотя и оставался въ глубинѣ своей души вѣрнымъ его наставленіямъ, хотя и сохранилъ неосквернённымъ свое сознаніе, но все-таки запятналъ себя об-

[1]) Tu vero venerande, meis sacerdotii, ne meae temeritatis reprehendas vomitum, qui audacissime, sed rudi et inepidito sermone, tam magnas referam narrationes; sed intensam meam benevolentiam ac fidem tanquam parvum munus oblatum reputans, concede verbis locum, ut accipiantur et quiescant. Non enim obliviscar *utilitatis* tuae in me *doctrinae*, nec ferventis mei in te ministerii mediocritatis: cum illius quidem deliciis me expleverim *in flore juventutis et a te fuerim initiatus in iis, quae sunt optima et praestantissima ex trimetris, tetrametris, trochaicis et anapaestitis ac heroicis*. Далѣе говорится, что Игнатій вписывалъ проповѣди и поученія Тарасія—celeri calamo et atramento notis excipiens, передавалъ потомъ самымъ лучшимъ каллиграфамъ и потомъ собиралъ ихъ въ одинъ сборникъ. Vita Tarasii, cap. 56.

Библиотека "Руниверс"

щеніемъ съ еретиками, и далъ имъ какое-то рукописаніе. Чтобы слово истины на правой пути, Игнатій не нуждался въ защитѣ и не имѣлъ нужды въ наученіи благочестивыхъ словъ многодѣятельныхъ бесѣдъ патріарха Никифора, такъ отпечатлѣлись въ душѣ его, что онъ все какъ сокровище въ своемъ сердцѣ, какъ нѣкое сѣмя, чистоту догматическаго ученія (τὸ εἰλικρινὲς τοῦ δόγματος). Но и послѣ своего возвращенія на правый путь, къ которому онъ умилился, грѣшникъ предался на поношеніе и заслуженіи святаго, въ пеланіи, строгой епитиміи и связахъ. „Будь поручителемъ души моей предъ Господомъ", взываетъ онъ къ своему наставнику, — „и обличи Тѣму, Кто все видитъ, прежде, чѣмъ оно совершится, что не по произволенію своего ума прибѣгнулъ я къ Фавору (собств. Итаврію) еретиковъ, и что не былъ я уловленъ ими сѣтями и соблазнительными приманками, но завертѣлъ было жестокими угрозами, преградившими мнѣ всякій путь къ бѣгству, злымъ образомъ занятъ былъ въ ихъ путахъ уловляющихъ душу" [1]).

Житіе Григорія Декаполита, написанное діакономъ Игнатіемъ, до сихъ поръ не издано ни въ подлинникѣ, ни въ какомъ-либо переводѣ [2]), о чемъ слѣдуетъ весьма пожалѣть, такъ какъ судя, по краткимъ указаніямъ на его содержаніе, сдѣланнымъ тѣми, кто имѣлъ возможность читать его въ рукописныхъ сборникахъ, оно заключаетъ въ себѣ очень важныя историческія данныя, касающіяся, между прочимъ, славянской исторіи. Для насъ имѣютъ значеніе слѣдующіе пункты: Григорій Декаполитъ, уроженецъ Исаврійскаго Декаполя, жилъ при Львѣ Армянинѣ (а не Исаврѣ, какъ ошибочно толковалъ Баронія sub anno 731); его учениками были знаменитый Іосифъ пѣснописецъ и равнымъ образомъ въ свое время извѣстный, но для насъ темный Іоаннъ. Большую часть своей жизни Григорій провелъ въ европейскихъ провинціяхъ Византійской имперіи, въ Константинополѣ и Солуни, хотя посѣтилъ даже и западъ, то есть, Римъ и Сиракузы. Когда Іосифъ, ученикъ его, освободился изъ агарянскаго плѣненія на островѣ Критѣ, а это было досдѣ низверженія Льва Армянина († 820 г.), то онъ уже не нашелъ въ живыхъ Григорія Декаполита. Прибывъ въ столицу для посѣщенія какого-то подвижника

[1]) Nicephori patriar. Vita, cap. 91.

[2]) По каталогу Парижской національной библіотеки извѣстно, что въ ней есть нѣсколько списковъ Житія Григорія Декаполита, написаннаго Игнатіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Симеона, нисходившаго въ темницу заклепо вѣрностью цесарю, Григорій разстался здѣсь съ земною жизнію [1]). Іосифъ Пѣснотворецъ время оставался вмѣстѣ съ ученикомъ и ревнителемъ учителя своего, Іоанномъ. Іоаннъ, подобно своему учителю, который оставилъ намъ дивную повѣсть о чудѣ св. Георгія Великомученика и обращеніи одного Сарацина, отличался даромъ краснорѣчія [2]). Далѣе извѣстно то, что съ этимъ Іоанномъ, скончавшимся, какъ полагаютъ, около 880 года, равно какъ и съ учителемъ его, Григоріемъ, былъ знакомъ авторъ Житія сего послѣдняго, то-есть, діаконъ Игнатій. Онъ называетъ Іоанна „мужемъ, украшеннымъ всякимъ почтеніемъ и благочестіемъ", и повѣствуетъ объ одной личной встрѣчѣ съ нимъ [3]).

Изъ поэтическихъ опытовъ Игнатія, кромѣ четверостишнаго изложенія басенъ Бабрія, извѣстенъ „православный алфавитъ" или увѣщаніе отрокамъ, начинающимъ учиться, полезное тѣмъ, что начальные буквы стиховъ идутъ по порядку алфавита или азбуки [4]):

Ἄκουσον, ὦ παῖ, τῆς ἐμῆς συμβουλίας,
Βλέψον πρὸς αὐτὴν μᾶλλον, ἢ πρὸς ἄλλο τι.

а конецъ:

Ψυχὴν κράτυνε πρὸς τόκους μαθημάτων
Ὡσὰν δὲ αὐτῶν καὶ τύχοι συστρίβας...

и церковные каноны различнымъ святымъ, именно въ періодъ иконоборческій (св. Іакову, 21-го марта; см. слѣдующую Минею), а также канонъ на перенесеніе мощей Нимфодора иконіарха (тоже 13-го марта): „Побѣдами вѣнчавъ отъ церкви, прелесть отогналъ мечемъ, побѣдоносецъ сущи бывъ, и /основавши міра

---

[1]) Josephi Hymnogr. Vita, AA. SS., I, April., d. 4, cap. 23.

[2]) Πολλὰς γὰρ εἶχε καὶ Ἰωάννης ἐκπαιδεύσας τοῦ γλώσσῃ τὰ κρίσιμα. Ibid., cap. 23. Повѣсть Григорія о чудѣ въ AA. SS. подъ 23-мъ апрѣля.

[3]) Отрывокъ изъ Житія Григорія Декаполита, напечатаннаго Игнатіемъ, приведенъ въ статьѣ объ Іоаннѣ въ AA. SS., II, April 18, при чемъ годъ смерти послѣдняго отнесенъ къ 850 году. Показаніе *Вершинскаго* о Григоріѣ Декаполитѣ, скончавшемся будто бы около 880 года, неизвѣстно на чемъ основано и противорѣчитъ другимъ данными, кромѣ вышеприведенныхъ, и тому, что даже ученикъ Григорія Іоаннъ скончался гораздо ранѣе Іосифа пѣснотворца, тогда какъ послѣдній написалъ ему канонъ. Приводимъ теперь самый отрывокъ, сообщенный Болландистами: Erat S. Gregorii discipulus *Ioannes*, vir omni reverentia ac pietate exornatus, qui cum plurima certitudine nos agnosceret, inquirebat, unde tam mane ambularemus, et simul quomodo contigeret, me per illam viam adeo oberrasse, et non longo intervallo ante S. Gregorium appulisse.

[4]) *Bandini*, Catal. Biblioth. Laurent. , I, 516.

Библиотека "Руниверс"

конецъ, перенесеніемъ мощей твоихъ". Легко замѣтить, что и здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя изъ пріемовъ и оборотовъ, проявляющихся въ Житіи Георгія Амастридскаго. Перенесеніе мощей патріарха Никифора было на четвертый годъ послѣ возшествія Осодоры [1], то-есть, въ 846 году. Нужно думать, что около этого же времени Игнатій написалъ и Житія обоихъ патріарховъ Тарасія и Никифора, когда онъ трудился надъ первымъ, то уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ.

Если мы вернемся къ Житію Георгія Амастридскаго и приложимъ къ нему представленныя нами данныя относительно предполагаемаго его автора, то мы получимъ слѣдующіе выводы:

1) Житіе Георгія Амастридскаго могло быть только первымъ агіографическимъ опытомъ діакона Игнатія, предшествовавшимъ другимъ его трудамъ въ этомъ родѣ. Авторъ Амастридскаго Житія дѣйствительно, даетъ намъ знать, что онъ берется за свою задачу съ большимъ страхомъ за свою совершенную неопытность.

2) Житіе Георгія Амастридскаго могло быть написано только ранѣе 842 года и такимъ писателемъ, который, не смотря на свое православіе, поспѣшилъ постановленіемъ Михаила Аморейскаго, наложить на себя извѣстную узду, показать свою осторожность по крайней мѣрѣ молчаніемъ объ иконахъ. Оно написано діакономъ Игнатіемъ ранѣе 842 года, когда онъ, вслѣдствіе какихъ-то угрозъ, вступилъ въ общеніе съ иконоборцами, и внутри души оставаясь вѣрнымъ православію, наружно поддерживалъ съ ними миръ.

3) Амастридское Житіе написано такимъ авторомъ, который обладалъ значительнымъ для его времени школьнымъ образованіемъ, такъ какъ обнаруживаетъ знакомство съ древнею эллинскою письменностію, говоритъ объ Одиссеѣ, Праксидикѣ, Пелопидахъ и т. д. [2]. Діаконъ Игнатій, переписатель въ четверостишіи Бабріевыхъ басенъ, несомнѣнно стоялъ въ числѣ передовыхъ ученыхъ своего времени.

4) Амастридское Житіе написано по желанію какого-то Іоанна,

---

[1]) Это извѣстно изъ слова, написаннаго по этому случаю *другимъ* авторомъ и помѣщеннаго какъ въ AA. SS., такъ и въ Патрологіи *Миня* (т. 100) въ латинскомъ переводѣ.

[2]) Разсказавъ спасеніе Амастриды отъ нашествія Агарянскаго, авторъ пишетъ: «Развѣ исторіи Эллиновъ заключаютъ въ себѣ такую военную хитрость? Какой Одиссей одержалъ такой тріумфъ? Какіе Иракліды и Пелопиды, подвиги которыхъ ни чѣмъ другимъ столько не отличаются, сколько волнымъ стыдомъ (позоромъ)? или т. д.

Библиотека "Руниверс"

названнаго тамъ „знаменитымъ и любителемъ мальчиковъ". Діаконъ Игнатій былъ знакомъ съ ученикомъ Григорія Декаполита Іоанномъ, о которомъ извѣстно, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ современниковъ и самъ отличался краснорѣчіемъ. Вѣроятно, и подъ тѣмъ не названнымъ по имени лицемъ, по внушенію котораго написано Житіе Тарасія, мы должны разумѣть того же самаго Іоанна.

5) Нѣтъ никакихъ признаковъ, чтобы Житіе принадлежало перу мѣстнаго пафлагонскаго гражданина; объ Амастридѣ постоянно говорится какъ о родинѣ Георгія, но нигдѣ нѣтъ намека, чтобы здѣсь же было мѣстожительство автора. Только въ концѣ стоитъ воззваніе: „Охрани градъ сей, соблюди сіе твое стадо"; но эти слова могли быть прибавлены и посторонними Амастридѣ авторомъ въ виду того, что „Похвала" назначалась къ произношенію въ Амастридской церкви, при гробницѣ святаго. Очень возможно, что либо самъ діаконъ Игнатій былъ нѣкогда близокъ къ Георгію, и потому долженъ былъ взяться за сочиненіе его жизнеописанія, либо его старшій другъ, Іоаннъ, пришедшій, по видимому, изъ Малой Азіи вмѣстѣ съ Григоріемъ Декаполитомъ, находился въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ новой Пафлагонской митрополіи, и потому отъ себя возложилъ порученіе на своего младшаго товарища; возможно, что тотъ или другой изъ нихъ былъ уроженцемъ Черноморскаго побережья между Иракліей (Пондерахи) и Синопомъ.

Если бы даже наши соображенія о діаконѣ Игнатіѣ, какъ авторѣ Житія Георгія Амастридскаго, были признаны проблематичными и гадательными, все-таки мы будемъ имѣть въ его личной исторіи если не прямой отвѣтъ, то примѣръ и аналогію. Не одинъ онъ находился въ условіяхъ, которыя заставляли дѣлать уступки цензитамъ и хранить благоразумное молчаніе о предметахъ спорныхъ; всякій другой византійскій литераторъ VIII вѣка могъ поступить точно также. Мы настаиваемъ только на томъ, что такія условія перестали существовать съ 842 года, и что, слѣдовательно, наше Житіе написано ранѣе этого года.

VII.

Большая часть признаковъ, указывающихъ на принадлежность нашего памятника иконоборческому періоду, заключаются въ первыхъ частяхъ сочиненія. Но такъ какъ выше было доказано, что все Житіе отъ начала отъ конца, не исключая и посмертныхъ чудесъ, составляетъ одно неразрывное цѣлое, написанное за одинъ разъ, то

Библиотека "Руниверс"

слѣдуетъ признать, что нападеніе, о которомъ тамъ идетъ рѣчь, а равно и нашествіе Росовъ, относятся еще къ царствованію Өеофила, совершившись ранѣе 842 года. Что касается нападенія, которое, завоевавъ Амастридскія улицы, проникло и во храмъ, гдѣ покоились мощи святаго, то здѣсь мы въ другихъ источникахъ, въ византійскихъ общеимперскихъ хроникахъ не находимъ никакихъ указаній, чтобы въ данное время совершилось подобное событіе: это тѣмъ менѣе можетъ насъ смущать, что, благодаря условіямъ Амастридскаго мѣстоположенія—на длинной косѣ, вдающейся въ море, здѣсь всегда возможно было мѣстное нападеніе, даже и безъ помощи дождя сверху; равно какъ и съ его помощью, и въ особенности, если плотины, остатки которыхъ досихъ поръ тамъ видны, еще не существовали въ VIII вѣкѣ.

Принадлежность Житія первой половины VIII вѣка гораздо труднѣе примирается съ другимъ посмертнымъ чудомъ Георгія, гдѣ на сцену является народъ Русь, посѣтившій воды Пропонтиды и опустошавшій берега Понта. Но и здѣсь мы должны предположить точно такое только мѣстное событіе, хотя на первый взглядъ можетъ казаться, что нашъ авторъ разумѣетъ такое русское нашествіе, при которомъ враги не только посѣтили любимую ему Амастриду, но и коснулись самой столицы, либо ея окрестностей. Онъ говоритъ, что разореніе началось отъ Пропонтиды, перешло на прибрежныя страны и достигло родины Георгія, Амастриды. Положимъ, что здѣсь подъ Пропонтидою, какъ это обычно, разумѣется Мраморное море. Это давало бы ранѣе нашей легенды о русскомъ нашествіи большое и весьма замѣчательное сходство съ извѣстными намъ исторіи подробностями Асвальдова нашествія, особенно если мы къ нему же отнесемъ во всякомъ случаѣ близкое по времени нападеніе Русскихъ на монастырь низверженнаго патріарха Игнатія, тоже находившійся на островѣ Теревинѳѣ, что въ Мраморномъ морѣ [1]); такое сходство признаковъ располагало бы къ принятію тожества описываемаго въ легендѣ нашествія съ русскимъ корсарскимъ походомъ 865 года. Такъ какъ въ виду всѣхъ результатовъ предыдущаго изслѣдованія намъ не было бы никакой возможности принять предполагаемое тожество, то на насъ лежала бы задача разрѣшить недоумѣніе какимъ

[1]) Объ этомъ нападеніи повѣствуется въ Житіи патріарха Игнатія, принадлежащемъ перу извѣстнаго Никиты Давида Паѳлагонскаго. Хронологическаго вопроса мы здѣсь не имѣемъ нужды касаться.

Библиотека "Руниверс"

образомъ могло быть ощущено всѣми византійскими лѣтописями русское нашествіе, относящееся къ довольно недробно описываемому царствованію Ѳеофила, и притомъ два раза—на пути въ Пропонтиду и обратно—проведшее яремъ Босфоръ, мимо дворцевъ и храмовъ византійскихъ. Если однако ближе вникнуть въ выраженія нашего памятника, то намъ придется съ недоумѣніями и сомнѣніями обращаться прежде всего именно къ этому самому памятнику. Развѣ не странно, что исходнымъ пунктомъ русскихъ враждебныхъ дѣйствій полагается въ Житіи Мраморное море, тогда какъ оно могло быть развѣ только наиболѣе отдаленнымъ пунктомъ и предѣломъ, за который уже не заходили русскія одноодерева?... Слово Пропонтида, по византійскому словоупотребленію, не только означаетъ Мраморное море, но такое употребляется какъ бы въ смыслѣ нарицательнаго, означая „предморье", а затѣмъ прилагается къ обоимъ проливамъ, Геллеспонту и Босфору. „Есть двѣ Пропонтиды"[1]), говорятъ византійскія глоссы, — „одна у Абидоса, другая при Іероѣ и Псамаѳіѣ". Абидосъ, какъ извѣстно, находится при Геллеспонтѣ или Дарданеллахъ, а Іеронъ есть передовой Анадоли-Кавакъ при входѣ въ проливъ Константинопольскій (на азіатской сторонѣ); Псамаѳія же соотвѣтствуетъ цыкѣшнему предмѣстью, а также и воротамъ Стамбула, носящимъ названіе Самаѳіа-Капусси и лежащимъ на Мраморномъ морѣ, близъ стѣнъ сераля. Итакъ, одна изъ Пропонтидъ раздѣлялся проливу, соединяющему Черное море съ Мраморнымъ моремъ. Вотъ одинъ примѣръ такого словоупотребленія: объ епископѣ, назначенномъ въ Анкиру, Никифоръ говоритъ, что онъ умеръ во время своего шествія въ Царьградъ, не достигнувъ предѣловъ столицы, хотя уже и видѣлъ ее. И бысть уже преплавляющимъ пучину морскую, яко и Царьграда бы видѣти, тогда внезапу разболѣся Митяй" (Полн. Собр. лѣт. VIII, 31). „И преплыша до моря Кафинскаго. И бысть близь города, яко видѣти Царьградъ, и сей корабль, мимо его идущи многи корабли, и внезапу (умре) въ кораблѣ Митя" (XV, 440)[2]). Итакъ, Митяй скончался, несомнѣнно, во время плаванія по

[1]) Catalogi urbium, quae nomen mutarunt *Tafel*, De provinc. pag. 21. Προποντίδες δύο, ἡ μὲν κατὰ τὴν Ἀβυδον ἡ δὲ κατὰ τὸ Ἱερὸν καὶ Ψαμμάθιον Въ житіи Стефана Новаго слово Пропонтида употреблено въ смыслѣ предморья: См. іюньская кн. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1877 г., стр. 307.

[2]) Ср. *С. М. Соловьева*, Исторія Россіи, IV, 278 (изд. четвертое).

Библиотека "Руниверс"

Босфору. Греческій документъ, описывающій тѣ же самыя событія, выражается о смерти Михаила (Магнаѣ), что онъ умеръ, плавая въ Пропонтидѣ, такъ что на другой день море бы войдя въ ладью [1]). Нельзя не слѣдуетъ думать, чтобы между русскими источниками и византійскими было какое-либо противорѣчіе; вся сила въ томъ, что Пропонтида означаетъ у Грековъ Босфоръ или проливъ Константинопольскій. Въ такомъ же смыслѣ стоитъ слово Пропонтида и въ нашемъ памятникѣ, такъ что въ немъ не заключается ни малѣйшаго намека на прохожденіе русскихъ судовъ мимо Золотаго рога, а прямо повѣствуется о частномъ набѣгѣ, при которомъ Русь начала свой грабежъ у Босфора (при входѣ въ Константинопольскій проливъ), и потомъ, держась морскаго берега, достигла Амастриды. Теперь намъ гораздо легче примирить разсказъ нашей легенды съ другими данными византійской исторіографіи. Допустить какое-либо нашествіе Руси на Царьградъ или его окрестности ранѣе 866 года — не возможно, такъ какъ о немъ никакъ не умолчали бы другіе византійскіе источники. Но это не исключаетъ возможности частныхъ набѣговъ на при-Понтійскія Азіатскія области; умолчаніе въ такихъ случаяхъ для общихъ византійскихъ хроникъ есть правило и законъ. Еще менѣе можемъ мы удивляться тому, что легенда, записанная ранѣе 642 года, не только знаетъ имя Руси, но и предполагаетъ его всѣмъ извѣстнымъ.

II

Такъ или иначе, но послы народа, именовавшаго себя Русью, были въ Константинополѣ уже въ 839 году: qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant. Собственно говоря, нами достаточно одного свидѣтельства Бертинскихъ лѣтописей. Мы не можемъ, конечно, читать въ источникахъ то, чего въ нихъ нѣтъ, и въ самыхъ бесѣдахъ Фотія, сказанныхъ по поводу нашествія въ 865 году, находить указанія на болѣе раннее пребываніе Русскихъ въ Константинополѣ, на какіе-то предшествовавшіе договоры Русскихъ съ Греками. То, что стали писать объ этомъ новѣйшіе русскіе историки, основано на печальномъ и странномъ недоразумѣніи [2]). Но все-таки мы думаемъ,

---

[1]) Οὔκω γὰρ ἐκβᾶσι τῆς βασιλίδος τῶν πολίων, ἀλλ' ἔτι ταῖν Προποντίδα πλέων καὶ μᾶλλον κατὰ τὴν πόντου κατάγεσθαι, τὸν βίον ἀπαλλάττει. Acta Patriarch. Constantinopol., II, 131. (№ 404).

[2]) Объясняя причину нашествія Русскихъ, новѣйшіе историки пишутъ: «Дѣло въ томъ, что за нѣсколько временъ греческое правительство нарушило свои торговые договоры съ Русскимъ народомъ и допустило избить многихъ русскихъ торговцевъ, проживавшихъ въ Византіи; сверхъ того они хозяйничали тамъ-за

что если Фотій въ окружномъ посланіи 867 года, назначенномъ для греческихъ епископовъ и духовенства, выражается о Руси, какъ о

TOM

нѣкоторомъ незначительномъ долгѣ. Тщетно Русь требовала удовлетворенія за обиду и т. к. Ничего подобнаго не бывало. Долгій споръ можетъ доказать, что избіеніе русскихъ торговцевъ произошло отъ мнимаго умерщвленія *русскихъ молотильщиковъ*. Преосвященному Порфирію принадлежитъ слава перваго изданія бесѣдъ Фотія на нашествіе Руси, но давно извѣстно, что честь болѣе правильнаго и филологическаго изданія принадлежитъ другимъ. Преосвященный Порфирій читалъ: πολλῶν καὶ μεγάλων ἐλευθερούντων, ἀλίγους ἔφασκε σφετέρους ἐδουλώσασθαι (Многіе и великіе нѣкогда получали свободу отъ насъ по человѣколюбію; а мы не многихъ молотильщиковъ безчеловѣчно сдѣлали своими рабами). Въ изданіи акад. Наука, вмѣсто такихъ странныхъ противопоставленій, мы читаемъ: (Lexicon Vindobonense, pag. 203) πολλῶν δὲ καὶ μεγάλων φιλανθρώπως ἐλευθερωθέντες, ἀλίγων ἄλλους ἐδουλώσαμεν. Освобожденные отъ многихъ и великихъ (долговъ мы относимся къ Богу), мы другихъ за немногое обращали въ рабство. Во всей довольно длинной тирадѣ, которая заключаетъ въ себѣ вышеприведенную фразу, и которою начинается первая бесѣда Фотія, рѣчь идетъ вообще о грѣхахъ, вызвавшихъ гнѣвъ Божій, при чемъ постоянно противополагается милосердіе Господне жестокосердію людскому въ отношеніи къ *ближнимъ* (τοὺς πλησίον). Обращенные въ рабство, завлаженные Византійцами «другіе» (=пленительницы)—именно были ихъ «ближніе» въ христіанскомъ смыслѣ слова или «братья» (ἀφοδούλων), слушавшіе одному господину, т. е. Спасителю нашему Христу. *Избіеніе* русскихъ торговцевъ Гредами, очевидно, разно двѣ второй бесѣды Фотія, гдѣ описываются миновавшіе ужасы русскаго нашествія. Приводимъ данное мѣсто сначала въ переводѣ преосв. Порфирія, а затѣмъ въ подлинникѣ: «Тѣ, которыхъ усмирила гнѣвъ Божій о грѣхахъ, сими окружили городъ, сдѣлавшись отважными по причинѣ нашей безпечности, тѣмъ что мы не стали и воспротивились имъ прежде и поробѣе, напротивъ *расслабили и унизили духомъ отъ самаго того, отъ чего имъ нѣкогда было сдѣлать мужественно. Ибо* эти *варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе сплеменниковъ* ихъ, и *благословно требовали и ожидали кары равной злодѣянію*. А наши отъ страха, отъ поражения разслабѣли такъ, что страданій захваченныхъ начали ставить въ зачетъ собственнаго плѣна и воображеніемъ предупредить, что бы имъ вынести за несчастіе. Соотвѣтствующій греческій текстъ въ обоихъ изданіяхъ (преосв. *Порфирія* и акад. *Наука*) прочитанъ почти вполнѣ одинаково; мы приводимъ его съ тѣхъ словъ, которыми начинается отмѣченная разрядкою тирада русскаго перевода (со слова напротивъ): Ἀλλ' ἐξ ὧν εἰκὸς ἦν μᾶλλον αὐτοὺς (=τοὺς ἐνοικοῦντας) ἀνδρικώτερον τοῖς πολεμίοις συμπλακέσθαι, τοῦτοις ἐξενευροῦντο καὶ κατέπιπτον τὴν τὰρ εἰς τοὺς ὁμεφύλους τῶν βαρβάρων μιαιφονίαν δέον ποιεῖσθαι ὀργὴν καὶ μετ' εὐλόγων ἐλπίδων τὴν ἴσην τιμωρίαν ἐπάγεσθαι ἀφαιτεῖν, οἱ δὲ κατεσχυκότες καὶ ἐκπεπληγμένοι παρελέλυντο, τὰ πάθη τῶν ἑαλωκότων οἰκείαν ἄλωσιν οἱ ἀλόντες καὶ παρ' ὧν ἐκδίκησις τοῖς ἠτυχηκόσιν ὤφειλετο φαντάζοντο. Это значитъ: «Они (т.е. жители Царьграда) разслабли и упали духомъ отъ того самаго, отъ чего по настоящему имъ слѣдовало бы мужественно схватиться со врагами. Тогда какъ правильная злодѣйства (μιαιφονίαν варваровъ (то-есть, Русскихъ) противъ священнаго

Библиотека "Руниверс"

народѣ „многопрославленномъ“, или „пресловутомъ“ [1]), то предполагается, что объ этомъ народѣ ранѣе говорилъ не одинъ только патріархъ, и что онъ былъ извѣстенъ не только съ 865 года. Здѣсь же слѣдуетъ теперь припомнить извѣстіе Генесія (pag. 89) о Скиѳахъ изъ Таврики, уже въ 854 году служившихъ въ императорской этеріи. Всего скорѣе здѣсь разумѣются Таврескиѳы, то-есть, Русскіе. ибо въ такомъ смыслѣ это выраженіе употребляется у писателей X-го вѣка, къ которымъ принадлежитъ и Генесій, писавшій при Константинѣ Багрянородномъ (между 945—959 гг.). До тѣхъ поръ, пока несовсѣмъ ясны были отношенія между различными византійскими хрониками, можно было предпочитать другія объясненія даннаго мѣста, но теперь мы знаемъ, что Генесій есть первоначальный и самостоятельный писатель, и что именно для исторіи Михаила III онъ располагалъ наилучшими свѣдѣніями, и потому мы должны думать, что служба Скиѳовъ изъ Таврики въ этеріи этого императора соотвѣтствуетъ дѣйствительному историческому факту, а не произошла въ слѣдствіе какого-либо недоразумѣнія, свойственнаго компиляторамъ,

---

(то-есть Грековъ), должны были возбудить въ нихъ справедливый гнѣвъ и вызвать съ основательными надеждами (на удовлетвореніе) требованіе о соотвѣтствующемъ отмщеніи, въ мѣсто того они (то-есть, жители Царьграда, Греки) отъ страха и ужаса совершенно разслабѣли, такъ что тѣ, которые остались въ безопасности (спасенные) и были обязаны отмстить за потерпѣвшихъ, своимъ воображеніемъ превратили страданія плѣнниковъ въ собственное плѣненіе». Итакъ, совершенно на оборотъ, въ приведенномъ отрывкѣ рѣчь идетъ не объ избіеніи Русскихъ Византійцами не за долго до нашествія ихъ на Царьградъ, а напротивъ, объ избіеніи Грековъ Русскими во время самаго нашествія. Мысль Фотія довольно ясна и проста: звѣрскія жестокости Русскихъ противъ Грековъ должны были возбудить жажду мести въ соплеменникахъ; въ мѣсто того они повергли ихъ въ ужасъ и оцѣпененіе, совершенно парализовали ихъ энергію...

[1]) Мы полагаемъ, что чудное выраженіе Фотія (τὸ παρὰ πολλοῖς πολλαχοῦ θρυλλούμενον scil ἔθνος), переведенное въ этеріенной книгѣ словами «многимъ многажды повѣдаемый языкъ», совершенно равняется болѣе простому и обычному выраженію «πολυθρύλητος», многопрославленный, пресловутый. Къ болѣе близкому опредѣленію смысла, заключающагося въ глаголѣ θρυλλεῖν, могутъ служить слѣдующія мѣста у Византійцевъ: Никифоръ Фока по силѣ равнялся «пресловутому Геркулесу» κατὰ τὸν θρυλλούμενον Ἡρακλῆν: Leo Diacon, p. 48); дочери императора Константина соперничали съ «пресловутыми харитами» (Χάριτας—θρυλλουμένας ἐκείνας ἰσαρίθμους: Psell in epistola ad Constantin Monom: *Ducange-Dindorf*, annotation. ad zonar., pag 173); *многопрославленное* у народовъ имя римлянъ (τὸ πολυθρύλλητον τοῖς ἔθνεσι ὄνομα: Simocatt. p. 32); то же самое выраженіе Генесій употребляетъ о Ѳомѣ, противникѣ Михаила Аморейскаго. авторъ житія Стефана Новаго—объ Аннѣ пророчицѣ (ἡ πολυθρύλλητος Ἄννα) и т. д.

Библиотека "Руниверс"

или же извращенія чужихъ неправильно понятыхъ письменныхъ извѣстій [1]).

Описаніе религіозныхъ обычаевъ Руси въ нашемъ Житіи заключаетъ въ себѣ, конечно, любопытныя черты, хотя было бы тщетною и безумною попыткою рѣшать на основаніи ихъ вопросъ о племенномъ происхожденіи Руси. Авторъ Житія говоритъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, которыя совершались варварами, опустошившими окрестности Амастриды: „Храмы ниспровергаются, святыня оскверняется; на мѣстѣ ихъ алтари, беззаконныя возліянія и жертвы, то древнее таврическое убіеніе иностранцевъ, у нихъ остающееся новымъ (молодымъ): заклaніе дѣвственныхъ — мужчинъ и женщинъ. Нѣтъ помогающаго, нѣтъ никого, кто имъ бы противосталъ“ [2]). Еслибы здѣсь рѣчь шла просто о человѣческихъ жертвахъ, то не было бы въ этомъ ничего особеннаго. У всѣхъ народовъ въ мірѣ, у Грековъ, Галловъ, Германцевъ, Славянъ и Литовцевъ, существовало воззрѣніе, что кровь человѣческая можетъ быть наиболѣе угодною жертвою богамъ. Прокопій (de bello Goth. cap. 15, II, 207) говоритъ о жителяхъ Ѳулы, подъ которою у него разумѣется Скандинавія, что лучшимъ приношеніемъ верховному божеству своему они считали перваго плѣнника, взятаго на войнѣ. Адамъ Бременскій (Lib. III, cap. 27; школьн., изд., pag. 201) повѣствуетъ о Шведахъ, что во время религіознаго торжества въ Упсалѣ они приносили въ жертву по девяти головъ отъ всякаго живаго существа, и что этотъ обычай держался даже въ XI столѣтіи; одинъ изъ тамошнихъ христіанъ, обязанныхъ откупаться деньгами отъ участія въ общенародномъ праздникѣ, разказывалъ Бременскому канонику о 72 человѣческихъ тѣлахъ, будто бы видѣнныхъ имъ повѣшенными на деревьяхъ. Титмаръ Мерзебургскій и Дудо сообщаютъ намъ то же самое. Но наша легенда содержитъ нѣкоторыя спеціальныя указанія и черты, которыя дѣлаютъ ея сообщенія болѣе цѣнными. Она, вопервыхъ, намекаетъ на ксеноктонію, на извѣстное

[1]) Новѣйшія изслѣдованія сдѣлали весьма вѣроятнымъ, что отцемъ Генесія писавшаго свою хронику при Константинѣ Багрянородномъ, вѣроятно, въ глубокой старости, былъ тотъ самый Константинъ изъ Арменіи, который при Михаилѣ III начальствовалъ надъ царскими тѣлохранителями и вообще игралъ довольно важную роль: этотъ Константинъ былъ свидѣтелемъ убіенія Ѳеоктиста, то-есть той именно кровавой сцены, въ которой дѣйствуютъ упомянутые его сыномъ Тавроскиномъ; см. *Hirsch*, Byzantinische Studien, pp. 118, 150 — 155 и пр.

[2]) Въ русскомъ переводѣ отрывка, помѣщенномъ въ февральской книжкѣ, эти слова по недосмотру были пропущены.

Библиотека "Руниверс"

всѣмъ изъ исторіи Ифигеніи преданіе, что жители Тавриды (Тавры) приносили въ жертву иностранцевъ, пристававшихъ къ ихъ берегу: объ этомъ обычаѣ говорятъ многіе древніе авторы, начиная съ Геродота. Не безъ основанія и не безъ знакомства съ эллинскими миѳами, нашъ агіографъ замѣчаетъ, что собственно въ жертву подразумѣваемой дѣвственной богинѣ „заклалались“ только дѣвицы и дѣвственные юноши (παρθένων σφαγαί, ἀρρένων τε καὶ θηλειῶν). Притомъ, какъ бы мы ни объясняли слово νεάζουσι, въ немъ высказывается какое-то представленіе о родствѣ или связи между древними Таврами и новымъ варварскимъ народомъ. Авторъ Житія хочетъ сказать, что древняя всеэллинія остается молодою, то-есть, сохраняетъ свою силу и значеніе у народа Русь; онъ намекаетъ на непрерывное существованіе этого обычая, извѣстнаго изъ древнихъ преданій и теперь обнаруживающагося вновь предъ глазами его современниковъ [1]). Слова его значатъ не то, что Русь возобновила забытый и угасшій обычай, а что они получила его по наслѣдству, сохранила его. Очень вѣроятно, что авторъ Житія имѣлъ въ виду другое названіе Русскихъ, послѣ сдѣлавшееся обычнымъ, то-есть, названіе Русскими, или даже, въ видѣ сокращенія, какъ у Льва діакона (напримѣръ, pagg. 78, 79) Таврами, и что это подало ему поводъ объяснить изъ обычаи предполагаемымъ (не совсѣмъ основательно) родствомъ съ Крымскими Таврами. Приношеніе въ жертву именно юношей и дѣвицъ, по видимому, было дѣйствительнымъ русскимъ обычаемъ, хотя оно не чуждо было и Германскимъ племенамъ [2]). Мѣста, сюда относящіяся, собраны другими изслѣдователями [3]). Намъ довольно припомнить слова первоначальной лѣтописи: „Привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, осквернѣху землю требами своими, и осквернися кровьми земля“ (Лаврент. лѣтоп., стр. 77 нов. изд.). „Мечемъ жребій на отрока и на дѣвицю; на него же падетъ, того зарѣжемъ богомъ“ (тамъ же, стр. 80). Руссы Святослава, по свидѣтельству

---

[1]) Глаголъ νεάζω употребляется почти всегда въ среднемъ значеніи и по русски долженъ быть переводимъ словами: «быть молодымъ, быть новымъ, быть сильнымъ» и т. д.

[2]) О Франкахъ Прокопій (de bello Goth., lib. II, cap. 25, pag. 248), разсказываетъ, что при своемъ вторженіи въ Италію — παῖδας καὶ γυναῖκας τῶν Γότθων—ἱέρευόν τε καὶ αὐτῶν τὰ σώματα ἐς τὸν ποταμὸν ἀφροδίνια τοῦ πολέμου ἐρρίπτουν.

[3]) См. *С. А. Гедеонова*, Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ — въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. I (1862 г.), стр. 62.

Библиотека "Руниверс"

Льва діакона (pag. 149), „закалали мужей и женщинъ, согласно съ существовавшимъ у нихъ отеческимъ обычаемъ". Церковныя легенды указываютъ, что подобный обычай существовалъ въ той же мѣстности, гдѣ это совершалось, и ранѣе Русскихъ; въ Доростолѣ ежегодно приносили въ жертву Хроносу (?) юнаго и краснаго воина [1]).

Поклоненіе водамъ и рощеніямъ, на что нѣсколько разъ указывается въ нашемъ отрывкѣ, также хорошо извѣстно; оно было въ обычаѣ и у Германскихъ племенъ: такъ Агаѳія, писатель VI вѣка, (Dindorf, Histor graeci minores, II, 150) приписываетъ его Аламанамъ и Франкамъ: Δένδρα τε γάρ τινα ἱλάσκονται καὶ ῥεῖθρα ποταμῶν. Но судя по многократнымъ упоминаніямъ и многочисленнымъ сюда относящимся мѣстамъ, древнепоклоненіе и въ особенности водопоклоненіе составляло наиболѣе существенную часть не какой-либо другой, а именно славянскаго языческаго культа, и затѣмъ русскаго. „Вяху же тогда погании, жруще езеромъ и кладяземъ и рощеніемъ", говорится о Русскихъ Славянахъ. Еще въ VI вѣкѣ Прокопій писалъ о Славянахъ и Антахъ (II, 338), что они поклоняются рѣкамъ, почитаютъ водяныхъ дѣвъ (νύμφας) и т. д. [2]).

Таврическая ксеноктонія, съ которою Россы явились въ Пафлагоніи, указываетъ на сѣверные берега Чернаго моря, какъ ихъ родину. Не противорѣчитъ этому, конечно, и дальнѣйшее указаніе, что, какъ будто въ слѣдствіе чуда, поразившаго свирѣпыхъ варваровъ, слава мощей святого Георгія достигла до предѣловъ океана. Трудно видѣть въ послѣднихъ словахъ какой-либо опредѣленный намекъ на Скандинавію и позднѣйшихъ Варяговъ, обитавшихъ, по мнѣнію Вріенія (писатель XII вѣка), тоже вблизи океана. Мы уже замѣтили, что въ самомъ началѣ Житія находится параллельное мѣсто, которое гласитъ, что слава святаго прозвучала отъ концевъ до послѣднихъ предѣловъ міра. Въ этомъ послѣднемъ видѣ выраженіе является уже совершенно общимъ и прилагается ко многимъ другимъ святымъ: мы видѣли, что діаконъ Игнатій употребилъ его въ канонѣ на перенесеніе мощей патріарха Никифора; то же самое встрѣчается въ Житіи патріарха Никифора (cap. 10: οἰκουμένης τέρματα), а равно и въ другихъ подобныхъ случаяхъ...

---

[1]) Легенда о св. Дасіѣ: см. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1877 г., стр. 185.

[2]) Мѣста, относящіяся къ Славянамъ, въ значительномъ количествѣ собраны у С. А. Гедеонова въ указанномъ мѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

Одинъ только надежный выводъ можно сдѣлать изъ Житія Георгія Амастридскаго, именно, что Русь ранѣе 842 года была ужь извѣстна Византійцамъ и совершала разбойническіе набѣги на припонтійскія азіатскія области; а какая это была Русь — отвѣта на этотъ вопросъ нужно искать въ другихъ источникахъ.

В. Васильевскій.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НАША ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

«Коммерческая ариѳметика въ связи съ коммерческою экономіею». Курсъ V-го класса реальныхъ училищъ. Составилъ по программѣ министерства народнаго просвѣщенія И. Вознесенскій. Москва 1876 г. Цѣна 1 руб. 10 коп.

«Коммерческая ариѳметика въ сжатомъ видѣ». Составилъ А. В. Прокофьевъ, преподаватель бухгалтеріи и коммерческой ариѳметики въ Московской Практической академіи коммерческихъ наукъ. Съ приложеніемъ графической таблицы колебаній русскаго вексельнаго курса. Москва 1877 г. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Наша учебная литература по коммерческимъ наукамъ весьма не богата, и потому всякая появляющаяся книга по этой части возбуждаетъ особый интересъ. Интересъ этотъ тѣмъ понятнѣе, что коммерческія отдѣленія нашихъ реальныхъ училищъ не учреждены еще нигдѣ кромѣ Одессы, гдѣ существуютъ они всего только четвертый годъ [1]); вопросъ о преподаваніи коммерческихъ наукъ и о составленіи необходимыхъ для этого преподаванія учебниковъ нужно отнестись весьма осторожно.

Содержаніе коммерческихъ наукъ имѣетъ мало общаго съ другими предметами, преподаваемыми въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Только одна часть коммерческихъ наукъ, а именно коммерческія вычисленія, находится въ тѣсной связи съ ариѳметикою и требуетъ основательнаго знанія ея, а также и нѣкоторыхъ алгебраи-

[1]) Одесса, кромѣ реальныхъ училищъ, гдѣ коммерческія отдѣленія существовали и ранѣе, имѣетъ теперь еще одно изъ своихъ среднихъ учебныхъ заведеній, спеціально подготовляющее преподавателей коммерческихъ наукъ учителей математики, географіи и даже чистописанія (по бухгалтеріи), отъ которыхъ нельзя было и требовать правильнаго и цѣлесообразнаго веденія дѣла, совершенно новаго по своему содержанію и характеру, дѣла, которое и въ рукахъ преподавателей со спеціальною подготовкою не вполнѣ еще установилось.

ческихъ пріемовъ; другія же части, какова коммерческая экономія, коммерческая географія, бухгалтерія, все это — знанія, въ основѣ коихъ лежатъ науки совершенно чуждыя среднимъ учебнымъ заведеніямъ, а именно политическая экономія, финансовая наука и статистика. Даже и коммерческія вычисленія, какъ ни тѣсно связаны они съ ариѳметикою, только тогда могутъ быть производимы цѣлесообразно и согласно съ требованіями практики, съ требованіями той или другой коммерческой операціи, когда существуетъ точное и ясное понятіе объ обстоятельствахъ, послужившихъ поводомъ къ тому или другому вычисленію; съ математической стороны оно можетъ быть, пожалуй, произведено совершенно вѣрно, но все-таки не удовлетворитъ требованіямъ вопроса, если не будутъ надлежащимъ образомъ поняты тѣ положенія, математическія выраженія коихъ вошли въ самое вычисленіе; къ такимъ именно вычисленіямъ, между прочимъ, принадлежатъ всѣ пуровыя и особенно запасныя арбитражи.

Изъ сказаннаго ясно, что въ вычисленіяхъ этихъ весьма важную роль играютъ положенія, которыми они вызваны. Объясненіе же этихъ положеній находится именно въ упомянутыхъ выше наукахъ. Но эти науки относятся къ университетскому курсу, слѣдовательно не могутъ быть излагаемы подробно въ среднемъ учебномъ заведеніи, съ одной стороны по причинѣ малой подготовленности слушателей и недостатка времени, а съ другой — вслѣдствіе практической безполезности такого преподаванія. Изъ означенныхъ наукъ слѣдуетъ выбрать лишь все то, что главнымъ образомъ можетъ выяснить истинное и правильное значеніе и развитіе, а также законы существованія торговли и промышленности, этихъ главныхъ рычаговъ народнаго богатства и благосостоянія. Конечная цѣль всякаго промышленнаго и торговаго предпринимателя есть полученіе возможно большей прибыли, но прибыль зависитъ отъ цѣны извѣстнаго продукта и отъ издержекъ по его производству или пріобрѣтенію; вслѣдствіе того каждый образованный коммерческій и промышленный дѣятель долженъ быть хорошо знакомъ съ законами установленія и движенія цѣнъ и издержекъ производства, и согласно съ ними направлять свои дѣйствія; въ этомъ-то и заключается его практическая задача, все его искусство. Но за всѣмъ тѣмъ ему не должно быть чуждо правильное пониманіе и вообще экономическихъ, то-есть хозяйственныхъ явленій въ общественной жизни, ихъ причины и взаимная связь, ибо онѣ не мало вліяютъ на торговую и промышленную дѣятельность.

Библиотека "Руниверс"

Всему этому учитъ политическая экономія, дополненіемъ коей служатъ наука о финансахъ и статистика.

Теперь является весьма важный вопросъ—какъ выбрать изъ этихъ наукъ необходимыя свѣдѣнія и въ какой формѣ излагать ихъ? Ясно, что форма должна быть простая, удобопонятная для неподготовленныхъ учениковъ, чуждая всякой отвлеченности; при изложеніи должна быть соблюдена полнота, и въ то же время возможная краткость содержанія [1]). Достигнуть этого не легко. Опытъ покажетъ, какъ будутъ усвоиваемы учениками совершенно новыя для нихъ истины, о которыхъ многіе изъ нихъ никогда и не слыхали; лишь на основаніи его, руководясь, какъ цѣлями, которыя преслѣдуютъ коммерческія отдѣленія, такъ и средними уровнемъ пониманія учениковъ, можно будетъ приступить къ составленію учебника коммерческихъ вычисленій и связи съ коммерческою экономіею, содержаніе котораго, согласно принятой программѣ министерства, должно составлять курсъ V-го класса коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ. Но можно ли, при составленіи такого учебника, безусловно держаться предложенной программы? Очевидно нѣтъ; впрочемъ само министерство не считаетъ ее вполнѣ выработанною и называетъ ее лишь примѣрною, предоставляя преподавателямъ специальныхъ предметовъ коммерческихъ отдѣленій собственнымъ опытомъ выработать надлежащую программу, вполнѣ соотвѣтствующую требованіямъ дѣла. И дѣйствительно, можно ли объяснять ученикамъ что такое деньги, ничего не сказавъ предварительно о потребностяхъ человѣка и его хозяйствѣ, о цѣнностяхъ, богатствѣ, мѣнѣ и проч.; или говорить о кредитѣ, не объяснивъ существо капитала и его значеніе въ производствѣ, о силахъ производства, о различныхъ видахъ промышленности, о дѣятеляхъ производства и проч.? Конечно нельзя, а между тѣмъ въ программѣ коммерческихъ вычисленій и экономіи не встрѣчается ни одного изъ перечисленныхъ нами вопросовъ. Правда, многіе изъ нихъ содержатся въ § 1-мъ программы коммерческой географіи, но они не имѣютъ прямаго отношенія къ этому предмету; да и проходятся онѣ уже въ VI классѣ, тогда нѣкоторые изъ упомянутыхъ во-

1) Нельзя выпустить учебныя политической экономіи, изъ предисловія къ которому видно, что при составленіи его, авторъ имѣлъ въ виду ученики, изучающіе коммерческія науки; къ сожалѣнію, языкъ учебника такъ тяжелъ и туманенъ, что ученики не могутъ пользоваться этою книгою. Что же касается до содержанія учебника, то оно удовлетворительно, хотя въ немъ есть кое-что лишнее, не идущее къ дѣлу.

Библиотека "Руниверс"

просить можно, пожалуй, разсмотрѣть вкратѣ, пользуясь уже имѣющеюся подготовкою учениковъ V класса по спеціальнымъ предметамъ, напримѣръ, говоря о денежномъ и кредитномъ обращеніи въ важнѣйшихъ торговыхъ странахъ (§ 24 программы), можно обнаружить и коснуться вредныхъ, банковыхъ и торговыхъ привилегій, или разсматривая вопросъ о вывозѣ и ввозѣ (тотъ же § 24), остановиться подробно на спросѣ и предложеніи. Но все это не должно составлять обязательныхъ для V класса, исчисленныхъ выше вопросовъ: они и должны составлять содержаніе коммерческой экономіи. По моему мнѣнію, весь первый § программы коммерческой географіи слѣдуетъ измѣнить; содержаніе его должно состоять только въ самомъ краткомъ разсмотрѣніи вопроса о торговлѣ, при чемъ вначалѣ предварительно должно быть объяснено ученикамъ: опредѣленіе торговли; нравственное значеніе ея для государства—со стороны полицейскаго надзора, финансовой и со стороны регламентаціи. Дѣйствія цѣли правительственной регламентаціи: облегченіе и поощреніе. Международное значеніе торговли. Значеніе кредита въ торговлѣ. Обзоръ денежнаго и кредитнаго обращенія въ важнѣйшихъ торговыхъ странахъ. Краткая статистика всѣхъ видовъ предлагаемыхъ упрощеній въ Россіи. Международное и частное торговое право. Опредѣленіе ихъ. Наука о торговлѣ вообще и ея составныя части: торговое право, товаровѣдѣніе, коммерческая географія и проч. Современный взглядъ на торговое право и торговлю. Краткая исторія развитія торговли. Фазисы развитія торговли — ярморочный, биржевой и складочный или аукціонный. Ярмарки городскія и сельскія; ихъ историческое значеніе; главнѣйшія изъ нихъ въ Россіи и Европѣ. Внѣшнія условія торговли; безопасность перемѣщенія товаровъ, пути сообщенія, средства перевозки и своевременная передача рыночныхъ извѣстій. Виды торговли: сухопутная, морская, внутренняя, внѣшняя и проч. Торговое право Россіи и его источники; торговые законы Россіи. Раздѣленіе торговли по нашему уставу. Гильдіи и ихъ права. Кто такое торговецъ и изъ какихъ трехъ элементовъ составляется понятіе о немъ. Цѣль торговли и ея предметы. Виды имуществъ по нашимъ законамъ (томъ X ч. 1. ст. 384—420). Товаръ. Способы пріобрѣтенія правъ на имущество (ст. 699) и формы ихъ утвержденія (ст. 707). Понятіе о сдѣлкѣ вообще и объ обязательствахъ. Виды способовъ обезпеченія обязательствъ: личные и имущественные. Поручительство, неустойка, залогъ и закладъ. О торговой несостоятельности; ея виды и послѣдствія по нашимъ законамъ. Три элемента торговой сдѣлки,

Библиотека "Руниверс"

Продолженіе спекуляціи. Вторичный оборотъ капитала. Переучетъ векселей. Другіе роды спекуляцій. Спекуляціи, не имѣющія торговаго характера. Два рода торговыхъ оборотовъ и чѣмъ отличается ихъ спекуляція. Спекуляція товаромъ и кредитомъ. Торговыя дѣйствія. Торговый оборотъ перваго и второго рода. Ихъ усложненія и значеніе этихъ усложненій. Поставка, ея опредѣленіе; подрядъ (томъ X ч. 1. ст. 2138—до 2212), рядная плата. Запродажа. Биржи и ихъ значеніе въ торговлѣ. Первыя биржи въ Европѣ и ихъ значеніе для Петербургской. Различныя операціи, совершаемыя на европейскихъ, и особенно на русскихъ, биржахъ. Учрежденія, которыя ихъ обезпечиваютъ. Ихъ значеніе для государства. Вліяніе торговли на процвѣтаніе государства. Двѣ стороны ея дѣятельности. Консулы. Коммиссіонный и комиссіонерскій торгъ. Время ихъ возникновенія и значеніе для государства. Внѣшняя торговля Россіи и главные предметы нашего привоза. Числовыя данныя за нѣсколько годовъ, по отдѣльнымъ статьямъ, изъ каждаго. Доказательство разумности нашей внѣшней торговли. О таможняхъ и тарифахъ. Вліяніе послѣднихъ на торговлю нашу въ Европѣ и у насъ (сюда отдѣльно должны войти §§ 23 и 24). Обращаясь теперь къ главному предмету нашей книги, Цѣлесообразіе ея послужили поименованныя выше книги, заглавіе первой изъ нихъ весьма заманчиво, она заставляетъ предполагать, что авторъ сдѣлалъ многое, если не все, что требуется отъ учебника „коммерческихъ познаній вообще и коммерческой географіи“ и поставилъ себѣ задачею составить возможно пригодное руководство для учениковъ V-го класса. Въ предисловіи онъ говоритъ, что у насъ еще нѣтъ хорошихъ руководствъ, которыми могли бы пользоваться ученики, крайняя необходимость по причинѣ увеличенія числа реальныхъ училищъ.

Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ дѣйствительно разрѣшена авторомъ предложенная имъ себѣ задача. „Предлагаемое мною руководство, говоритъ онъ, составлено согласно учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія. Предварительныя теоретическія объясненія сопровождаются приложеніемъ этихъ послѣднихъ къ практикѣ. Выборъ статей, необходимый въ виду будущихъ коммерсантовъ, находящихся на службѣ“. При этомъ въ выноскѣ упоминаютъ о нѣкоторыхъ незначительныхъ, въ виду большей послѣдовательности, отступленіяхъ отъ программы. Объявленіе представляетъ собою точное воспроизведеніе программы министерства съ упомянутыми сейчасъ дополненіями, даже добавленіями, впрочемъ

безполезными, составляющія собственно только въ распространеніи того, что сказано въ программѣ и что имѣетъ цѣнность само по себѣ; такъ, напримѣръ, въ гл. II-й, послѣ упомянутія о простыхъ дробяхъ, говорится: составленіе и совершенное вычисленіе, трактующее для нихъ до переводныхъ векселей, но видно, это и есть то, что программа называетъ „долгими законами"; остаются главы IX, X и XI, которыя даже и не должны входить въ программу коммерческой экономіи, ибо такъ какъ онѣ тѣсно связаны съ вопросомъ о торговлѣ, то и слѣдуетъ касаться ихъ тамъ, гдѣ говорится о ней, а именно въ коммерческой географіи; кромѣ того означенныя имъ выраженія такъ кратки, что слышимъ нами и даже не всегда могутъ знакомить съ заключающимися въ нихъ вопросами, которые тѣмъ не менѣе весьма важны и интересны. Многое даже совсѣмъ не упомянуто; напримѣръ, говоря о биржахъ, авторъ ничего не говоритъ о биржевыхъ операціяхъ; въ вопросѣ о таможняхъ ничего не сказано о пошлинахъ и тарифѣ. Произнося это, мы полагаемъ, отъ того, что авторъ слишкомъ строго придерживался программы, а еще вѣроятно потому, что желалъ достигнуть краткости въ изложеніи; онъ упоминаетъ въ своемъ предисловіи, что изъ 7 уроковъ въ V классѣ, только 4 можно удѣлить на коммерческую экономію, а этого ему кажется, конечно, недостаточно, чтобы пройдти, какъ слѣдуетъ экономію. Вслѣдствіе того онъ и постарался быть какъ можно болѣе краткимъ, но краткость, въ ущербъ ясности и необходимой полнотѣ содержанія, есть не достоинство, а напротивъ, недостатокъ, и весьма не безвредный для учениковъ.

Разсмотримъ же содержаніе главъ.

Глава первая говоритъ о монетѣ, и прямо начинается не совсѣмъ яснымъ опредѣленіемъ, что такое деньги, чего, какъ было нами выше замѣчено, дѣлать нельзя, и затѣмъ излагается все такъ уже кратко, что въ вопросѣ о пробахъ даже совсѣмъ упущена англійская; правда, ее можно найдти въ главѣ V „о банкахъ", въ вопросѣ о торговлѣ банка драгоцѣнными металлами, но, по нашему мнѣнію, это не систематично, да и въ упомянутой мѣстѣ сказано о ней не совсѣмъ полно, а именно: говорится объ упоеніи, и не объясняется, въ чемъ оно состоитъ. Хотя бы тутъ авторъ дополнилъ статью объ agio, но этого однако не сдѣлано. Въ agio тоже многое упущено, такъ какъ объяснено оно только на русскихъ золотыхъ монетахъ; у г. Рейнбота, и особенно у г. Хрущова, эти статьи изложены гораздо полнѣе и обстоятельнѣе. Глава II „О кредитѣ", тоже не совсѣмъ

Библиотека "Руниверс"

удовлетворительна, не давая надлежащего понятія о томъ, что такое кредитъ, только поверхностно касаясь, не сообщая свѣдѣній о самыхъ кассахъ, вообще опредѣленіе кредита у автора представляется не совсѣмъ удачною выпискою изъ Гарнье: „Основныя понятія политической, общественной и промышленной экономіи“ (стр. 118, изд. 3-е[1]). Говоря о векселяхъ, авторъ не упоминаетъ о фиктивныхъ векселяхъ, имѣющихъ не малое значеніе въ торговлѣ и промышленности, пропустилъ одинъ или сроковые векселя и пр. Вообще по такому изданію, учащимся слѣдуетъ знакомиться съ нашими вексельными уставами подробнѣе, чѣмъ это сдѣлано въ разбираемой книгѣ (см. статью того же автора „Коммерческія науки въ нашихъ реальныхъ училищахъ“, помѣщенную въ Ж. М. Н. Пр., сентябрь 1877 года). Происхожденіе векселей объяснено ошибочно, да и исторія этого происхожденія невѣрна. Въ той же главѣ авторъ, согласно программѣ, говоря о торговой несостоятельности, не коснувшись администраціи, а о ней слѣдовало упомянуть въ вопросѣ о торговлѣ, которая и вызываетъ ее. Глава III разсуждаетъ о „курсовыхъ и вексельныхъ вычисленіяхъ“. Не говоря уже о весьма слабомъ и даже не многомъ совѣтъ примѣромъ объясненіи весьма важнаго вопроса о курсѣ, самые примѣры на вычисленія не отличаются ни полнотою, ни разнообразіемъ; стоитъ сравнить этотъ отдѣлъ съ соотвѣтствующимъ ему у гг. Райнбота и Хрущова, чтобы убѣдиться въ сказанномъ; всюду много совпаденія временъ курса и платежей, между тѣмъ какъ разница между ними ведетъ къ весьма не безразличному расчету, о которомъ нужно имѣть ясное понятіе. Ничего не упомянуто о курсовыхъ таблицахъ Кинбаха, а это промахъ не маловажный, такъ какъ пользованіе разными таблицами при коммерческихъ вычисленіяхъ есть одинъ изъ простѣйшихъ, удобнѣйшихъ, а потому и самыхъ употреби-

[1]) Авторъ въ предисловіи перечисляетъ нѣсколько сочиненій, которыми онъ пользовался при составленіи своей книги, но этого совсѣмъ не замѣтно. Почему не воспользовался онъ извѣстнымъ сочиненіемъ Георга Гессена, „Теорія вексельныхъ курсовъ“ (переводъ съ англійскаго)? Тогда, можетъ быть, въ своихъ объясненіяхъ о курсахъ онъ былъ бы болѣе вѣренъ, и не сказалъ бы, что нашъ курсъ главнымъ образомъ стоитъ низко потому, что мы ввозимъ гораздо болѣе, чѣмъ вывозимъ; извѣстно, напримѣръ, что въ 1870 г. было отпущено товаровъ на 342.852,658 р., а привезено только на 309.129,960 р., слѣдовательно первое количество на 33.722,600 болѣе. Курсъ же у насъ не высокій, а именно 29 пенсовъ (англ.) ушелъ (іюнь) до 24¼ д. См. Статистическое обозрѣніе Россійской имперіи *Де-Ливрона*, 1875 г. стр. 118; и друг.

Библиотека "Руниверс"

тельныхъ способовъ, а между тѣмъ съ Введеньемъ вышло ничего не говорится о таблицахъ. Такъ же недостаточна страница 104 главы IV „О фондахъ и акціяхъ", въ которой напримѣръ, по вопросу о курсѣ процентныхъ бумагъ (стр. 44) не объяснена причина его измѣненій. Нѣтъ вычисленій по нынѣшнему курсу. Въ главѣ V, О банкахъ" (66 стр.) исторія ихъ образованія и развитія изложена весьма слабо; происхожденіе названія не совсѣмъ объяснено, кромѣ того упущенъ изъ отдѣленія данныхъ баланса по способу образованія основнаго капитала; нѣтъ объясненія такъ называемыхъ „conto vario и conto loro", изъ-за которыхъ важныя статьи въ счетоводствѣ. Затѣмъ можно ли считать удовлетворительнымъ слѣдующее объясненіе комиссіонныхъ операцій банковъ „банки исполняютъ различныя (?) комиссіи частныхъ лицъ или другихъ банковъ за проценты и куртажъ % процентными бумагами и проч. (?)". Спрашивается, что это за „различныя" и проч. Такъ нельзя объяснять операціи банковъ, этихъ столь важныхъ и распространенныхъ учрежденій, особенно въ послѣднее время. Въ текущихъ счетахъ одни проценты объяснены не совсѣмъ ясно (стр. 68), почему-то у автора составляется особый родъ текущихъ счетовъ, какъ будто это новое явленіе, а только одно изъ обыкновенныхъ порождающихъ недобытое прогрессивнаго метода счета процентовъ; подобно же текущимъ счетамъ собственно два, а именно простой и специальный, которые авторомъ не указаны, почему нельзя не пожалѣть. Въ главѣ VI „О товарныхъ вычисленіяхъ", понимаемой нами слишкомъ широко, что всѣдствіе расширенія стоимости товаровъ, комиссіонныя книги претерпѣли столь большія измѣненія, въ которыя включены и фрахтъ, тара, акцизъ и проч., обыкновеніе не дѣлается. При перечисленіи документовъ на стр. 87 говорится пунктъ 6-й, „счетъ интересовъ" или „интересный счетъ", но послѣднее названіе не употребляется. Кромѣ того о конноссаментѣ и чертепартіи слѣдовало бы упомянуть болѣе подробно, указать наши законы о нихъ и привести образцы существующихъ и употребляемыхъ коносаментовъ. Глава VII о „страхованіи" совсѣмъ не пригодна по неудовлетворительности своего содержанія, а между тѣмъ вопросъ этотъ вполнѣ заслуживалъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. При изложеніи расчетовъ по страхованію жизни нѣтъ объясненій, почему они производятся именно такъ, нѣтъ никакихъ подлежащихъ таблицъ, даже не сказано о таблицѣ смертности, а этотъ родъ страхованія такъ своеобразенъ и начинаетъ столь сильно распространяться, что слѣдовало бы изложить его обстоятельнѣе (см. напримѣръ, у Хрущова „Купеческая ариѳметика" стр.

Библиотека "Руниверс"

215 и слѣд.). Ничего не сказано о такомъ важномъ вопросѣ, какъ взаимное страхованіе — правда, сдѣлана ссылка на банки организованные на началахъ взаимности, но развѣ это совершенно то же, и развѣ этимъ можно удовлетвориться? Въ „Приложеніи“ къ курсу есть только одна подходящая къ дѣлу статья, это — обмѣнъ векселей, все же остальное можно найдти во всѣхъ курсахъ ариѳметики, а потому является лишнимъ.

Таково вообще содержаніе помянутой книги. Къ сожалѣнію, мы не считаемъ ее вполнѣ пригодной для учениковъ такъ, какъ она далеко не удовлетворяетъ многимъ существеннымъ ихъ требованіямъ, ибо по экономіи пришлось бы имъ все-таки составлять со словъ учителя весьма обширныя записки, а по вычисленіямъ, отчасти же и по теоретическимъ вопросамъ, они найдутъ гораздо болѣе подробный и разнообразный матеріалъ въ книгахъ Рейнбота „Руководство коммерческихъ и финансовыхъ вычисленій“, и Хрущова „Купеческая ариѳметика“. Конечно, онѣ обширнѣе, но намъ кажется, что объема бояться нечего, если онъ вызванъ обиліемъ содержанія. Не мѣшаетъ помнить, что въ коммерческихъ отдѣленіяхъ реальныхъ училищъ соединены вмѣстѣ два предмета: коммерческая экономія и географія, которые въ другихъ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ проходятся отдѣльно подъ разными наименованіями: политической экономіи, государственнаго права, куда присоединено общее понятіе о существѣ гражданскаго и уголовнаго права, коммерческихъ вычисленій, географіи, исторіи торговли, и статистики. Совсѣмъ игнорировать эти предметы, конечно, нельзя и хотя краткое, но ясное понятіе о нихъ дать ученикамъ необходимо; всему этому надо отвести соотвѣтствующее мѣсто или въ коммерческой экономіи или въ коммерческой географіи. Такъ, напримѣръ, едва ли кто не согласится, что учениковъ слѣдуетъ познакомить съ содержаніемъ Свода законовъ Россійской Имперіи, и указать имъ, что изъ него можетъ когда либо пригодиться имъ, согласно съ будущею спеціальною ихъ дѣятельностію, а это вызоветъ много объясненій чисто юридическаго характера: придется потолковать о томъ, что такое право вообще, дать понятіе о правѣ собственности и ея видахъ, о различныхъ видахъ сдѣлокъ; о существѣ обязательствъ; способѣ ихъ возникновенія и обезпеченія; коснуться вопроса о нотаріатѣ, и проч.; за тѣмъ выяснить нѣкоторые общеупотребительные юридическіе термины. Конечно, при объясненіи всего сказаннаго слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, что предлагается оно ученикамъ, а не студентамъ; было бы странно читать университетскій курсъ, но тѣмъ

не менѣе обойдти безусловнымъ молчаніемъ помянутые вопросы едва ли возможно. А то случится, что обрезованный коммерсантъ не отличитъ закладa отъ залога, поставки отъ подряда и т. п. По нашему мнѣнію, коммерческой географіи слѣдуетъ придавать большое значеніе, особенно въ коммерческихъ отдѣленіяхъ реальныхъ училищъ, чѣмъ это думаетъ г. Васильевъ (см. упомянутую выше его статью). Мнѣніе свое основываетъ онъ на правилахъ для окончательныхъ испытаній (§ 69 стр. 22), гдѣ дѣйствительно предложены вопросы простые, почти вполнѣ извѣстные изъ общаго курса географіи, но само же министерство предложило весьма обширную программу коммерческой географіи, изъ чего ясно, что экзаменаціонные вопросы суть только примѣрные.

Позволимъ себѣ указать на неисправности книги г. Васильева въ корректурномъ отношеніи. На стр. 45 вмѣсто формулы: $\frac{1000.5}{100.360}$ стоитъ: $\frac{1000.5}{100.360}$, на слѣдующей страницѣ, 6 строка снизу, вмѣсто $310^1/_2$ поставлено $103^1/_2$; на стр. 64 въ текущихъ счетахъ съ красными $^0/_0$, въ дебетѣ сдѣланъ невѣрный расчетъ дней и процентнаго числа по сдѣлкѣ 20 мая; вмѣсто 40 дней показано 10, и процентный номеръ вмѣсто 400 имѣется 100; или уже тогда надо измѣнить названіе мѣсяца, поставивъ вмѣсто 20 мая—20 іюня. Заключеніе самого счета хорошо и вѣрно, но обыкновенно дѣлается не такъ; переносятъ не балансъ красныхъ процентовъ, а прямо красные $^0/_0$ одной стороны на другую, это менѣе сбивчиво. На стр. 135, п. 3, сказано: „городъ Ирбитъ Иркутской губерніи", тогда какъ онъ находится въ Пермской. Авторъ обѣщаетъ въ скоромъ времени издать особый задачникъ для практическихъ упражненій; искренно желаемъ, чтобы онъ былъ болѣе удаченъ; подобный задачникъ необходимъ, какъ необходимъ онъ въ руководствахъ по ариѳметикѣ, алгебрѣ и вообще математическимъ наукамъ.

Обратимся теперь къ другой, обозначенной въ заглавіи нашей статьи, книгѣ. Трудъ г. Прокофьева имѣетъ цѣлію объяснить не коммерческую экономію, а только ариѳметику съ присоединеніемъ необходимыхъ толкованій о томъ, о чемъ приходится дѣлать расчетъ, что и видно изъ самаго предисловія, въ концѣ котораго авторъ говоритъ: „Цѣль предлагаемаго руководства—не учить ариѳметикѣ [1]), которая уже предполагается извѣстною читателю, а повна-

[1]) Въ этомъ отношеніи извѣстная и весьма полезная «Купеческая ариѳметика г. Хрущова имѣетъ тотъ недостатокъ, что почти половина ея занята со-

комить съ мелочами встрѣчающимися въ торговыхъ дѣлахъ вычисленіями, объяснить самую сущность торговыхъ оборотовъ, указать на ихъ взаимную связь и вліяніе, дать возможность съ измѣненіями различныхъ цифръ соединять представленія о причинахъ, вызывающихъ измѣненія,—словомъ, заставить смотрѣть на цифры не какъ на простыя ариѳметическія знаки. Этимъ только и можно объяснить отсутствіе вычисленій по нѣкоторымъ вопросамъ, напримѣръ, страхованія, вопроса важнаго и столь обычнаго по разнообразію расчетовъ; но, какъ предпріятія, не носящаго на себѣ чисто торговаго характера. Съ педагогической стороны, которой впрочемъ авторъ не имѣлъ въ виду, книга его можетъ быть оправдана, такъ какъ товарныя вычисленія, будучи сравнительно легчайшими, и должны идти прежде другихъ, но въ такомъ случаѣ вначалѣ же слѣдовало бы помѣстить всѣ вообще монетныя вычисленія, какъ еще болѣе легкія, а между тѣмъ въ разсматриваемой книгѣ они помѣщены въ концѣ. Кстати упомянемъ, что вычисленія agio изложены слишкомъ кратко; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь заглянуть въ руководства гг. Рейнбота и Хрущева, а между тѣмъ обмѣнъ монетъ есть одна изъ отраслей банковыхъ операцій. Очень жаль, что въ калькуляціонныхъ вычисленіяхъ, изложенныхъ для товарныхъ вполнѣ достаточно, не приведены фабричныя калькуляціи, а только упомянуто объ ихъ существованіи (стр. 236); вопросъ этотъ далеко не простъ; примѣры мы находимъ только у г. Рейнбота въ его „Коммерческихъ и финансовыхъ вычисленіяхъ", да и то по одному льняному производству,—тогда какъ весьма желательно было бы имѣть ихъ по крайней мѣрѣ по другимъ болѣе замѣчательнымъ производствамъ, такъ какъ только при разнообразіи типовъ и можно точно усвоить самый ходъ фабричныхъ калькуляцій. Весьма кратокъ у г. Прокофьева отдѣлъ объ аваріи и ея расчетахъ; слѣдовало бы изложить ихъ обстоятельнѣе, такъ какъ эти расчеты весьма важны въ торговлѣ. Не малый промахъ представляетъ отсутствіе объясненій употребленія различныхъ таблицъ, напримѣръ, Кильбаха, хотя впрочемъ на стр. 143 упомянуты таблицы Цинето. Но за то, обращаясь къ статьямъ о простыхъ, о переводныхъ векселяхъ (68—90 стр.) и вексельномъ курсѣ со всѣми курсовыми вычисленіями (90—129 стр.), нельзя не признать этотъ отдѣлъ вполнѣ удовлетворительнымъ; терминологія точна и подробна, а главное вексельный

вершенно безполезнымъ изложеніемъ общей ариѳметики; г. Н. Прокофьевъ поступилъ вполнѣ вѣрно, устранивъ ее совсѣмъ.

Библиотека "Руниверс"

курсъ объясненъ безъ многословія и весьма толково. Странно только, почему о простыхъ векселяхъ говорится ранѣе, чѣмъ о переводныхъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы поступить наоборотъ. Вѣроятно это потому, что г. Прокофьевъ поставилъ себѣ задачею только наложить различныя вычисленія (въ простыхъ его легче найти въ переводныхъ), а не излагать исторію векселей. Приложенныя къ разсматриваемому отдѣлу двѣ таблицы очень наглядно знакомятъ съ вопросомъ повышенія и понижепія курсовъ, а также и съ причинами, обусловливающими эти колебанія (стр. 100 и 104). Текущіе счеты (169—194 стр.) изложены толково, красные проценты объяснены просто и ясно. Впрочемъ, у г. Рейнбота отдѣлъ вычисленій процентныхъ бумагъ разнообразнѣе; онъ знакомитъ со всѣми иностранными бумагами того же рода, что не безполезно можетъ впрочемъ для вычисленія цѣнъ.

П. Колумбусъ.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ЗА 1877 ГОДЪ [*].

Отчетъ о годовой дѣятельности ученаго учрежденія обыкновенно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, что совершено въ средѣ его въ теченіе этого времени, и какіе труды и предпріятія задуманы его членами или приводятся ими въ исполненіе. Если въ лѣтописяхъ учрежденія не каждый годъ отмѣчается появленіемъ въ свѣтъ замѣчательныхъ трудовъ, если не каждый годъ приносятъ изслѣдованія, подвигающія науку впередъ, то тѣмъ не менѣе совокупность всѣхъ, даже не слишкомъ значительныхъ или выдающихся, работъ за извѣстный періодъ времени всегда представитъ утѣшительную картину поступательнаго движенія науки и усилій къ освѣщенію того, что въ ея области является загадочнымъ или неяснымъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ теченіе 1877 года продолжало трудиться по плану, предначертанному для него Высочайше утвержденнымъ положеніемъ. По этому положенію главною задачей Отдѣленія поставлено—основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка, а таковое изслѣдованіе возможно только при условіи всесторонняго изученія разныхъ его говоровъ, которые употребляются народомъ на пространствѣ бывшихъ областей и удѣльныхъ княжествъ, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства. Не смотря на то, что и въ жизни, и въ языкѣ народъ держится по преимуществу охранительнаго начала, многія и разнообразныя причины принужда-

[*]) Отчетъ этотъ, составленный академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, читанъ имъ въ торжественномъ собраніи Академіи 29-го декабря.

Библиотека "Руниверс"

ютъ его нерѣдко уступать натиску нововведеній и давать имъ право гражданства. Всего яснѣе это замѣтно на языкѣ. Городъ постепенно все болѣе и болѣе оказываетъ вліяніе на деревню, приравниваетъ ее къ себѣ, сглаживаетъ особенности ея говора, и создавая новыя діалектическія разности, вмѣстѣ съ этимъ уничтожаетъ и важныя данныя для филолога. А между тѣмъ въ живой устной рѣчи народа, въ пѣсняхъ, сказкахъ и былинахъ, удерживаемыхъ его памятью отъ далекой старины, заключаются богатые матеріалы не только для отечественной филологіи и литературы, но и для сравнительной. Сколько словъ, встрѣчающихся въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, получили надлежащее объясненіе изъ этого источника; сколько изъ него же удовлетворительно разрѣшено особенностей въ формахъ и въ синтаксическомъ строѣ языка; какъ много данныхъ народные говоры доставили для фонетики языка; наконецъ, какое неисчерпаемое богатство они дали и могутъ дать художникамъ слова!

Въ виду всего вышеизложеннаго Отдѣленіе съ готовностію приняло не одно только матеріальное участіе въ ученой командировкѣ профессора Варшавскаго университета М. А. Колосова, поставившаго себѣ задачей: изучить языкъ, употребляемый въ тѣхъ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, которыя издавна заняты русскимъ населеніемъ, и въ которыхъ были центры его исторической жизни, но и снабдило его инструкціей, выполненною имъ съ добросовѣстною отчетливостію.

Г. Колосовъ въ продолженіе своей поѣздки посѣтилъ 11 губерній. Особенно подробно изслѣдованъ имъ языкъ жителей Новгородской и Вятской губерній. Въ первой изъ нихъ предстояло ему разрѣшить довольно важный вопросъ: отдѣляются ли естественными границами говоры, существующіе нынѣ въ предѣлахъ губерніи. Вслѣдствіе разныхъ политическихъ и экономическихъ причинъ, имѣвшихъ вліяніе на составъ населенія въ Новгородской области, вопросъ этотъ разрѣшился отрицательно, но за то изслѣдователь пришелъ къ убѣжденію, что въ отдаленное время языкъ ея представлялъ менѣе разнообразія, чѣмъ въ настоящее время, и что въ немъ не было такихъ рѣзкихъ подраздѣленій, какія существуютъ теперь. Болѣе остатковъ стариннаго языка сохранилось въ мѣстахъ, близкихъ къ Ильменю: тамъ еще въ употребленіи слова, которыя встрѣчаются въ новгородскихъ юридическихъ памятникахъ XII и XIII вѣковъ, и притомъ произносимыя, такъ какъ они въ нихъ написаны.

Вятская губернія въ глазахъ изслѣдователя языка являлась весьма любопытною мѣстностью. До сихъ поръ принималось въ видѣ неопре-

Библиотека "Руниверс"

ложной истины, что Вятскій край по отношенію къ языку, представляетъ богатое хранилище далекой новгородской старины, такъ какъ онъ былъ колонизированъ изъ Новгорода. Но послѣ внимательнаго наблюденія надъ составомъ русскаго населенія Вятской губерніи оказалось, что оно дѣлится на двѣ половины, которыя рѣзко и опредѣленно отличаются одна отъ другой особенностями своего говора, и что если нельзя положительно отрицать сходства этихъ говоровъ съ новгородскими, то въ то же время видна и разность между ними, прямо бросающаяся въ глаза: въ нихъ нѣтъ такихъ чертъ, которыя свойственны новгородскимъ говорамъ, и на оборотъ, въ нихъ много такихъ, которыхъ нѣтъ тамъ. Все это, будучи еще подкрѣплено нѣкоторыми другими соображеніями, дало г. Колосову поводъ высказать предположеніе: не былъ ли Вятскій край отчасти колонизированъ жившими нѣкогда по Окѣ Вятичами, быть можетъ, даже ранѣе, чѣмъ произошло завоеваніе и заселеніе его Новгородцами.

Въ Олонецкой губерніи, гдѣ въ недавнее время были найдены великолѣпные памятники народнаго эпоса, Отдѣленіе указало г. Колосову на городъ Каргополь, какъ на пунктъ, заслуживающій особеннаго вниманія. И дѣйствительно, нашъ изслѣдователь нашелъ въ языкѣ горожанъ и уѣздныхъ жителей много такихъ чертъ, которыя являются важными остатками старины, уступающими впрочемъ, по значенію народному языку Новгородской губерніи.

Разъѣзды г. Колосова по губерніямъ Владимірской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Казанской имѣли главною цѣлью опредѣлить: дѣйствительно ли окающее нарѣчіе подраздѣляется на сѣверное и восточное, и отличительныя черты новгородскаго нарѣчія не повторяются во владимірскомъ. Хотя Даль въ статьѣ о нарѣчіяхъ русскаго языка привелъ признаки, отличающіе восточное нарѣчіе отъ сѣвернаго, но изслѣдованія г. Колосова наглядно доказали почти тожество этихъ двухъ нарѣчій до такой степени, что онъ не усомнился высказать слѣдующій рѣшительный выводъ: „Не только восточнаго нарѣчія, но даже и поднарѣчія, нѣтъ: оно не отличается отъ сѣвернаго не только положительными, но даже и отрицательными признаками“. Впрочемъ изъ этого тожества языка нельзя еще заключать о тожествѣ населенія двухъ краевъ: строить на однихъ лингвистическихъ выводахъ выводы этнографическіе по меньшей мѣрѣ не прочно. Въ этомъ случаѣ исторія должна прійдти на помощь и сказать свое слово о томъ: было ли населеніе окающей области—коренное или пришлое, и если пришлое то опредѣлить при-

Библиотека "Руниверс"

близительно время его поселенія и мѣстность, откуда оно пришло. Г. Колосовъ весьма благоразумно отклонилъ отъ себя разрѣшеніе этого труднаго вопроса и предоставилъ его будущимъ изслѣдователямъ.

Что касается данныхъ объ языкѣ жителей губерній отдаленнаго сѣверо-востока, то они извлечены г. Колосовымъ преимущественно изъ доставленныхъ ему весьма обстоятельныхъ сообщеній разныхъ лицъ, такъ какъ самъ онъ въ Вологодской и Пермской губерніяхъ оставался весьма недолго, а въ Архангельской и вовсе не былъ. Данныя эти, сопоставленныя и критически провѣренныя г. Колосовымъ, положительно опредѣляютъ, къ какому изъ двухъ нарѣчій принадлежитъ языкъ жителей упомянутыхъ трехъ губерній.

Отчеты о результатахъ поѣздки, представлявшіеся г. Колосовымъ Отдѣленію, уже напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ. Они, вмѣстѣ съ присоединенными къ нимъ сборниками словъ сѣвернаго великорусскаго нарѣчія, которыя не вошли въ словарь Даля, и нѣкоторыхъ произведеній народной литературы, важныхъ какъ для изслѣдователя языка, такъ и для этнографа, свидѣтельствуютъ о строгомъ отношеніи къ дѣлу молодого ученаго, о его трудолюбіи, наконецъ, — о его любви къ избранному предмету, не обращающей вниманія на многія неудобства и лишенія, соединенныя еще у насъ съ изученіемъ чего-либо среди народа. Нѣкоторыя изъ наблюденій г. Колосова надъ звуковыми явленіями въ говорахъ сѣверныхъ губерній и надъ особенностями синтаксическаго строя этихъ говоровъ чрезвычайно важны, и безъ сомнѣнія, наука о русскомъ языкѣ ими воспользуется, а въ этомъ заключается и похвала труду, и награда ученому.

Отъ экспедиціи, уже оконченной и принесшей плоды для науки, я перейду къ другому, недавно начатому предпріятію, равномѣрно касающемуся изученію русскаго языка, исполнить которое вызвался П. В. Шейнъ, извѣстный собиратель великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ. Бѣлорусское нарѣчіе уже давно начало обращать на себя вниманіе Отдѣленія по уцѣлѣвшимъ въ немъ остаткамъ стариннаго языка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Отдѣленіе издало полный словарь бѣлорусскаго нарѣчія, составитель котораго, господинъ Носовичъ, слѣдовалъ говору, господствующему въ Могилевской губерніи. Но на обширномъ пространствѣ отъ Нѣмана и Нарева до верховьевъ Волги и отъ Западной Двины до Припети и Ипути, которое населяютъ Бѣлоруссы, существуютъ нѣсколько мѣстныхъ говоровъ, которые разнятся между собою не только въ фонетическомъ отношеніи, но и въ лексическомъ, сколько можно судить объ этомъ по немногимъ

Библиотека "Руниверс"

изданнымъ памятникамъ устной литературы. Изслѣдовать эти различные говоры, показать ихъ отношеніе между собою и къ нарѣчіямъ великорусскаго языка — составляетъ предметъ весьма важный, тѣмъ болѣе, что подобное изслѣдованіе можетъ повести къ окончательному рѣшенію до сихъ поръ продолжающагося спора; считать ли бѣлорусское нарѣчіе съ его говорами самостоятельнымъ нарѣчіемъ русскаго языка, или однимъ изъ нарѣчій великорусскаго. Предложеніе г. Шейна было весьма кстати, и Отдѣленіе поспѣшило его принять. Изъ всѣхъ мѣстностей, гдѣ слышится бѣлорусское нарѣчіе, наиболѣе интереса представляетъ Минская губернія, особенно такъ-называемый Пинскій край, который, вслѣдствіе топографическихъ условій, наименѣе подвергался разнороднымъ вліяніямъ, и гдѣ, по всему вѣроятію, бѣлорусское нарѣчіе сохранилось въ большей чистотѣ. Отдѣленіе первоначально намѣтило-было изслѣдовать именно этотъ край, но въ виду неблагопріятныхъ гигіеническихъ его условій, оно должно было отказаться отъ первоначальной мысли и предложило г. Шейну заняться изслѣдованіемъ языка въ южныхъ и сѣверо-западныхъ уѣздахъ Витебской и въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ Минской и Могилевской губерній.

Отдѣленіе въ программѣ, начертанной имъ для дѣятельности г. Шейна, просило его обратить вниманіе: 1) на характеристическія черты, отличающія бѣлорусское нарѣчіе отъ нарѣчій великорусскихъ; 2) на черты, отдѣляющія одинъ говоръ бѣлорусскаго нарѣчія отъ другого, какъ фонетическія, такъ и граматическія; 3) на слова, которыми можетъ пополниться словарь г. Носовича; 4) на собраніе сказокъ, пѣсенъ и другихъ памятниковъ устной литературы. Записанные съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ особенностей живой рѣчи народа, эти памятники послужатъ и оправданіемъ наблюденій, которыя будутъ сдѣланы г. Шейномъ, и богатымъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдованій. Сверхъ того, самъ г. Шейнъ вызвался провѣрить со стороны звуковой говоры тѣхъ мѣстностей, откуда были ему доставлены пѣсни для изданнаго имъ сборника. Изъ недавно напечатаннаго г. Шейномъ въ Виленскомъ Вѣстникѣ приглашенія, обращеннаго къ мѣстнымъ ученымъ и любителямъ народной словесности и старины содѣйствовать ему въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, видно, что онъ приступилъ къ выполненію той части программы Отдѣленія, которую оно считаетъ чрезвычайно важною въ интересахъ науки.

Членами Отдѣленія въ теченіе истекающаго года были выполнены

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторыя возложенныя на нихъ порученія какъ Отдѣленіемъ, такъ и Академіей. Академикъ Гротъ для составляемой имъ біографіи Державина совершилъ поѣздку въ Тамбовъ, чтобы разсмотрѣть въ тамошнихъ архивахъ бумаги, относящіяся въ тому времени, когда авторъ „Фелицы" былъ здѣсь губернаторомъ; онъ нашелъ въ архивныхъ матеріалахъ не мало любопытныхъ подробностей, дополнившихъ прежде собранныя имъ по этому предмету свѣдѣнія, что дало ему возможность довести біографію Державина до окончанія его губернаторства въ Тамбовѣ. Тотъ же академикъ присутствовалъ по порученію Академіи, въ качествѣ ея депутата, на 400-лѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Подробный и исполненный интереса отчетъ объ этомъ празднествѣ и объ обстоятельствахъ, ему предшествовавшихъ и его сопровождавшихъ, напечатанъ въ изданіяхъ Академіи и вышелъ отдѣльною брошюрою.

Академикъ Сухомлиновъ былъ командированъ въ Москву съ цѣлью собрать свѣдѣнія, относящіяся къ трудамъ членовъ Россійской академіи, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и профессорами Московскаго университета. Въ библіотекѣ университета, въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ архивѣ синодальной конторы онъ нашелъ не мало любопытныхъ матеріаловъ; изъ нихъ особенно важны и сравнительно многочисленны тѣ, которые относятся къ жизни и дѣятельности профессора Барсова, ученика Ломоносова и Тредіаковскаго.

Академики Срезневскій и Бычковъ были посланы въ Казань отъ Академіи въ качествѣ ея депутатовъ на IV-й археологическій съѣздъ, и кромѣ того, первый былъ командированъ съ ученою цѣлью въ сѣверо-восточныя губерніи Россіи. Оба они принимали живое участіе въ засѣданіяхъ съѣзда и въ обсужденіи многихъ на него представленныхъ рефератовъ. Сверхъ того, Бычковъ былъ выбранъ въ члены коммиссіи для разсмотрѣнія отзывовъ ученыхъ учрежденій и лицъ, доставленныхъ на записку профессора Дерптскаго университета Брикнера объ ученыхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи, а академикъ Срезневскій, выбранный предсѣдателемъ VI-го отдѣленія (памятниковъ языка и письма), прочелъ нѣсколько рефератовъ, и въ числѣ ихъ: „О русскихъ древностяхъ казанскихъ и средняго Поволжья до XVI вѣка". Главный предметъ этого реферата составляли древнѣйшія иконы XII и XIII вв., которыя академику посчастливилось открыть въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, Свіяжскомъ Предтеченскомъ женскомъ монастырѣ и въ Успенской церкви села Болгаръ, во время посѣщенія ихъ членами съѣзда. Образокъ, хранящійся въ Благовѣщенскомъ

Библиотека "Руниверс"

соборѣ, изъ темнокѣраго агата (вершокъ длиной и $^3/_4$ вершка шириной). На одной сторонѣ его довольно выпукло выбитъ ликъ святого; въ лѣвой рукѣ святой держитъ что-то въ родѣ свитка, обнявъ его поперекъ пальцами, а правою благословляетъ, приподнявъ пальцы: указательный, средній и мизинецъ, а два остальные приложивъ одинъ къ другому. Волосы довольно большіе, борода не очень длинная. По сторонамъ лика за сіяніемъ читаются нарѣзанныя буквы: андрѣмѕ. На другой сторонѣ въ серединѣ очень маленькое изображеніе святителя или же Спасителя, а вокругъ него семь изображеній, еще болѣе мелкихъ, потертыхъ. На продольныхъ плоскостяхъ толщи нашлись остатки двухъ надписей, нарѣзанныхъ очень тонко и почти стершихся. Можно думать, что эти надписи сдѣланы въ XIV вѣкѣ, позже самаго образка, который И. И. Срезневскій относитъ въ XIII вѣку, если не ранѣе. Образокъ, хранящійся въ Свіяжскомъ женскомъ монастырѣ, также каменный и по величинѣ равный предыдущему; на одной сторонѣ его изображенъ святитель Николай, а на другой—онъ же, или какой другой святитель, и направо отъ него архангелъ Михаилъ, въ царской одеждѣ. Изображеніе святителя Николая выбито выпукло и очень тщательно, такъ что выразились не только подробности одежды и рукъ, но и чертъ лица и вообще головы. Лобъ святителю данъ большой, лысый, борода округлая. Въ лѣвой рукѣ у него Евангеліе, а правою — онъ благословляетъ, выпрямивъ два средніе пальца, а два крайніе приложивъ къ большому. Вокругъ головы сіяніе, а за нимъ на одной сторонѣ буквы: ни, а на другой, читая снизу въ верхъ: кол (вм. кола или вм. ка). Изображенія святителя и архангела на другой сторонѣ образка также выпуклы и также тщательны. По начертанію буквъ этотъ образокъ отнесенъ И. И. Срезневскимъ не позже какъ къ XII вѣку. Наконецъ, въ церкви села Болгаръ хранится, какъ особенно чтимая святыня, полуобломанная рипида, между прочимъ, безъ нижняго конца, гдѣ была и втулка для древка, впрочемъ, не только со всѣми десятью изображеніями, по пяти на каждой сторонѣ, но и вообще въ такомъ видѣ, что не трудно возстановить весь ея первоначальный очеркъ и рѣзные узоры поля. Рипида мѣдная, позолоченная, величиною въ діаметрѣ около 7 вершковъ. Изображенія вырѣзаны на особыхъ круглыхъ, нѣсколько выпуклыхъ листахъ, въ діаметрѣ по $1^1/_2$ вершка, толщиною $^1/_{10}$ вершка. Одинъ изъ пяти на каждой сторонѣ занимаетъ середину, а другіе четыре расположены вокругъ средняго крестомъ. У каждаго изображенія есть

Библиотека "Руниверс"

напись по сторонамъ лика. На одной сторонѣ: Спаситель (въ серединѣ), Божія Матерь, Іоаннъ Предтеча и архангелы: Михаилъ и Гавріилъ; а на другой сторонѣ: Василій Великій (въ серединѣ), Косьма и Даміанъ, Кириллъ Іерусалимскій и Николай чудотворецъ. Судя по начертанію буквъ, рипиду эту можно несомнѣнно отнести къ XII вѣку. Такимъ образомъ, небольшой списокъ отечественныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ XII—XIII вѣковъ, благодаря ученымъ изслѣдованіямъ академика Срезневскаго, разомъ увеличился тремя, и притомъ найденными въ такихъ мѣстахъ, которыя вошли въ составъ Московскаго государства съ половины XVI вѣка; а это обстоятельство даетъ поводъ заключать, что эти памятники или существовали здѣсь гораздо ранѣе присоединенія этого края къ Россіи, будучи принесены, быть можетъ, нашими миссіонерами и тѣми, которые искали здѣсь убѣжища отъ разныхъ житейскихъ невзгодъ, или оставлены умершими здѣсь лицами, свѣтскими или духовными, приходившими на службу въ край изъ Россіи послѣ его завоеванія и приносившими вещи съ собою.

Во время своего путешествія по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи, академикъ Срезневскій изъ числа другихъ древнихъ памятниковъ, кромѣ нѣсколькихъ церквей Ярославля и Рязани и окрестныхъ съ Рязанью монастырей, обратилъ вниманіе на бѣдные, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнные остатки Старой Рязани, что на Окѣ у Спасска. До сихъ поръ и въ обширной мѣстности, окруженной высокимъ валомъ, и внѣ ея находятъ древнія вещи. Сохранились и приземные остатки древнихъ обширныхъ зданій изъ квадратнаго плоскаго кирпича, связаннаго такимъ же цементомъ, какъ въ древнѣйшихъ кіевскихъ церквахъ. Кромѣ того, во время путешествія И. И. Срезневскій старался увеличить запасъ свѣдѣній по вопросу: „какъ далеко по Окѣ и Волгѣ, и по Дону простирались поселенія Русскаго народа во время первыхъ завоеваній Кіевскихъ великихъ князей на востокъ отъ Днѣпра?“. Вопросъ этотъ важенъ и для исторіи русскаго языка. Наблюденія, нужныя для его рѣшенія, кромѣ показаній лѣтописей и другихъ подобныхъ свидѣтельствъ, суть этнографическія и лингвистическія. Послѣднія составляютъ: 1) русскій языкъ въ областяхъ, лежащихъ по означеннымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ, въ употребленіи народномъ и въ старинныхъ памятникахъ тамошняго происхожденія; 2) названія рѣкъ, потоковъ, озеръ, разныхъ мѣстностей и урочищъ въ тѣхъ областяхъ, сохранившіяся доселѣ отъ древности и занесенныя въ древніе памятники. Г. Срезнев-

Библиотека "Руниверс"

скому удалось нѣсколько увеличить прежній запасъ областнаго языка, и вмѣстѣ съ тѣмъ, выбрать изъ подробныхъ картъ, списковъ населенныхъ мѣстностей, лѣтописей и грамотъ и изъ живого употребленія значительное количество названій мѣстныхъ, относящихся болѣе всего къ области притоковъ Оки до ея устья. Академикъ Срезневскій полагаетъ, что дальнѣйшія изслѣдованія приведутъ къ заключенію, что хотя въ этой мѣстности и жили инородцы, но рядомъ съ ними издревле обитали и Русскіе, по крайней мѣрѣ отдѣльными разбросанными поселками, и что сила Русскихъ князей опиралась тамъ не на однѣхъ дружинахъ, но и на тамошнемъ коренномъ Русскомъ народѣ.

Кромѣ исполненія возложенныхъ порученій, о которыхъ было только что упомянуто, каждый изъ членовъ Отдѣленія еще трудился въ избранномъ имъ кругѣ дѣятельности.

Академикъ высокопреосвященный архіепископъ Литовскій и Виленскій Макарій, не смотря на многочисленныя и разнообразныя занятія, какъ по епархіи, такъ и по званію члена св. синода, успѣлъ подарить наукѣ въ истекающемъ году VIII-й томъ Исторіи Русской церкви, составляющій третью книгу періода раздѣленія церкви на двѣ митрополіи. Глава, трактующая о церковномъ правѣ, и глава, въ которой говорится о богослуженіи, обращаютъ на себя особенное вниманіе и полнотой и интересомъ сообщаемыхъ ими свѣдѣній.

Академикъ Гротъ по изученію царствованія Екатерины II окончилъ характеристику ея отношеній къ Густаву III и слилъ свои изслѣдованія по этому предмету въ одну статью, которая напечатана въ Запискахъ Академіи и въ то же время издана отдѣльною книгою. Составилъ статью „Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой", читанную имъ въ общемъ собраніи Историческаго Общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и напечатанную въ Сборникѣ Общества. По поводу найденнаго въ Швеціи и въ первый разъ изданнаго тамъ русскаго текста Орѣховецкаго договора 1323 года написалъ статью, напечатанную въ изданіяхъ Академіи, съ приложеніемъ снимка съ рукописи этого договора, относящейся по почерку къ концу XVI или къ началу XVII вѣка. Сохраняющееся въ Швеціи преданіе о происхожденіи оттуда императрицы Екатерины I дало поводъ академику разсмотрѣть, на чемъ основывается это преданіе, и написать статью, въ которой, показавъ недостовѣрность его, онъ привелъ неизвѣстные до сихъ поръ документы, подтверждающіе принадлежность государыни къ роду Скавронскихъ. Прочелъ двѣ за-

Библиотека "Руниверс"

мѣтки: о филологическихъ занятіяхъ Екатерины II, именно о трудахъ Яниковича де-Мириево и Богдана Аридта, вызванныхъ сравнительнымъ словаремъ, напечатаннымъ подъ редакціей Палласа, и по поводу статьи г. Карновича о герцогинѣ Кингстонъ, напечатанной въ журналѣ Русская Старина, и замѣчанія неизвѣстнаго о времени смерти Чулатова. Занимался составленіемъ русской грамматики и написалъ первыя ея главы. Продолжалъ въ государственномъ архивѣ свои занятія по разбору и приведенію въ порядокъ бумагъ Екатерины II и изъ числа ихъ печаталъ собраніе писанныхъ по французски писемъ ея къ Гримму, которыя будутъ изданы Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ наступающемъ году.

Академикъ Срезневскій продолжалъ одинъ изъ многочисленныхъ своихъ трудовъ, котораго напечатанными частями пользуются съ благодарностію ученые, и котораго каждый новый выпускъ составляетъ цѣнный вкладъ въ науку,—изданіе въ свѣтъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ памятниковъ древней нашей письменности. Во время своего путешествія въ истекающемъ году по Россіи онъ нашелъ три древнія рукописи, изъ которыхъ неполный служебникъ XIII вѣка, по мнѣнію академика, является памятникомъ важнымъ въ томъ отношеніи, что онъ пополняетъ недостатокъ, находящійся въ служебникѣ, принадлежавшемъ, основываясь на позднѣйшей впрочемъ припискѣ, св. Варлааму Хутынскому, будучи одинаковъ съ нимъ по содержанію. Служебникъ препод. Варлаама занимаетъ первое мѣсто по древности въ ряду служебниковъ доселѣ открытыхъ и отличается между однородными памятниками своимъ составомъ. Двѣ другія рукописи: служебникъ XIV вѣка и отрывки изъ книги Іисуса сына Сирахова заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія во многихъ отношеніяхъ. Напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ: Воспоминаніе о Павлѣ Михайловичѣ Строевѣ, въ которомъ представилъ полную картину ученой дѣятельности покойнаго академика и оцѣнку значенія его трудовъ. По порученію Академіи написалъ рецензіи на два сочиненія, представленныя на соисканіе Уваровскихъ наградъ: Варяги и Русь, С. А. Гедеонова, которое онъ разсмотрѣлъ преимущественно со стороны находящихся въ немъ филологическихъ соображеній, и Описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки, архимандрита Амфилохія. По поводу книги М. Ю. Милечевича: Княжество Сербія, прочелъ въ Отдѣленіи статью подъ заглавіемъ: Свѣдѣнія о современной Сербіи, которую напечаталъ въ IV-мъ томѣ Сборника государственныхъ знаній. Слѣдующія замѣчательныя сочиненія, вышедшія въ славян-

Библиотека "Руниверс"

скихъ земляхъ, дали И. И. Срезневскому поводъ сообщить въ засѣданіяхъ Отдѣленія подробныя о нихъ заявленія: Српске народне загонетке (загадки), сербскаго ученаго Новаковича, трудъ, составляющій дорогой подарокъ для изучающихъ народный языкъ и народную поэзію, а отчасти и для этнографіи; Brus (Оселокъ), чешскаго ученаго Гатталы, въ которомъ доказывается, что чешскій языкъ испорченъ въ своемъ составѣ сколько дѣйствіями безсознательными, столько же и сознательными; и Корни со словами, отъ нихъ происшедшими въ хорватскомъ или сербскомъ языкѣ, Даничича. Кромѣ этого, академикъ Срезневскій въ особой запискѣ сообщилъ Отдѣленію свои мысли о важности археологической энциклопедіи, какъ основной части археологическаго знанія, изложивъ при этомъ въ короткомъ видѣ и ея содержаніе.

Академикъ Бычковъ составилъ записку о вновь найденномъ пергаментномъ Евангеліи по недѣлямъ, XI вѣка (1092 года), принадлежащемъ нынѣ Московскому Публичному музею, которую прочелъ въ Отдѣленіи и напечаталъ въ Запискахъ Академіи. Напечаталъ въ тѣхъ же Запискахъ отчетъ о разсмотрѣнныхъ имъ матеріалахъ для библіологическаго словаря П. М. Строева, внесенныхъ въ Академію, по распоряженію покойнаго, его наслѣдниками. Приступилъ къ печатанію изъ этихъ матеріаловъ всего того, что̀ имѣетъ интересъ и значеніе и въ настоящее время, послѣ появленія Обзора русской духовной литературы, архіепископа Филарета, и того, что̀ дополняетъ и исправляетъ въ какомъ бы то ни было отношеніи предшествовавшіе библіографическіе труды. Представилъ въ комиссію, присуждавшую Уваровскія награды, написанную по ея порученію рецензію на сочиненіе Ю. В. Толстаго: Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею, 1552—1599. Печаталъ по званію члена Археографической коммиссіи Новгородскія лѣтописи и для Императорскаго Русскаго Историческаго Общества томъ Сборника, въ который войдутъ документы о пребываніи нашихъ пословъ во Франціи и донесенія французскихъ дипломатическихъ агентовъ при нашемъ дворѣ съ 1681 года по конецъ царствованія Петра Великаго. Составилъ описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ Императорскою Публичною Библіотекой отъ г. Сокурова, которое будетъ напечатано въ отчетѣ библіотеки за 1876 годъ. Продолжалъ занятія въ государственномъ архивѣ по собранію писемъ и бумагъ императора Петра Великаго. Въ настоящее время ужь имѣется около 10,000 документовъ, писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ

Библиотека "Руниверс"

нашимъ державнымъ преобразователемъ, въ числѣ которыхъ находится много важныхъ и доселѣ не обнародованныхъ.

Академикъ Сухомлиновъ приступилъ къ печатанію IV-го выпуска Исторіи Россійской Академіи. Отпечатанная часть заключаетъ монографію о Севергинѣ. Въ многочисленномъ ряду произведеній Севергина, оригинальныхъ и переводныхъ, главное мѣсто занимаютъ труды его по естествознанію и преимущественно по минералогіи. „Севергинъ", такъ говоритъ современный его біографъ,—„бывъ истиннымъ труженикомъ науки, вполнѣ понималъ ея требованія, и будучи превосходно знакомъ съ литературою своего предмета, стоялъ на высотѣ современнаго ему развитія естествознанія въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Севергинъ постоянно имѣлъ въ виду изученіе Россіи и распространеніе знаній въ русскомъ обществѣ. Онъ много содѣйствовалъ образованію и обогащенію русской научной терминологіи". Важное значеніе для своего времени имѣли его обширные труды: Опытъ минералогическаго описанія Россіи, Минералогическій словарь и др. Онъ былъ редакторомъ повременнаго академическаго изданія Технологическій журналъ, въ которомъ заключается множество статей не только по технологіи, но и по физикѣ, химіи, ботаникѣ, зоологіи, минералогіи. Севергинъ переводилъ на русскій языкъ сочиненія по исторіи и по словесности; онъ участвовалъ въ переводѣ Бартелеми: Путешествіе Анахарсиса по Греціи. Учено-литературная дѣятельность Севергина и другихъ академиковъ разсматривалась г. Сухомлиновымъ особенно подробно потому, что она составляетъ существенную часть исторіи науки въ Россіи. Напечаталъ рѣчь, произнесенную въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю столѣтняго юбилея Александра I. Въ этой рѣчи академикъ, изложивъ благотворныя преобразованія, совершившіяся въ Академіи Наукъ въ царствованіе императора Александра I, и очертивъ ея ученую дѣятельность за это время, остановилъ особенное вниманіе на учрежденіи и преобразованіи университетовъ, откуда, по справедливому его замѣчанію, „преимущественно выходили и выходятъ труженики, проникнутые живою, искреннею любовью къ наукѣ, не угасающею подъ гнетомъ невзгодъ и лишеній и недоступною для приманокъ внѣшняго блеска и житейскихъ выгодъ".

Академикъ Соловьевъ напечаталъ XXVII-й томъ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, или 3-й томъ Исторіи Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ которомъ разсказаны событія 1766—1768 годовъ, между прочимъ, дѣйствія коммиссіи объ уложе-

Библиотека "Руниверс"

ніи, борьба съ Польшею за диссидентовъ и объявленіе Турціей войны, кончившейся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Ко дню празднованія столѣтняго юбилея императора Александра I издалъ сочиненіе: „Императоръ Александръ Первый. Политика—дипломатія". Сочиненіе это, для котораго академикъ пользовался многими не обнародованными документами, представляетъ весьма замѣчательное явленіе въ исторической литературѣ и дѣлится на двѣ части: первая обнимаетъ эпоху коалицій, вторая—эпоху конгрессовъ.

Академикъ князь Вяземскій напечаталъ при Хроникѣ недавней старины изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго письмо, въ которомъ сообщилъ личныя воспоминанія объ упоминаемыхъ въ хроникѣ событіяхъ и лицахъ, которыхъ онъ былъ современникомъ. Это письмо освѣщаетъ картину прошедшаго самыми живыми красками и невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе писателя мастерскимъ, образнымъ изложеніемъ. Помѣстилъ въ Русскомъ Архивѣ статью: „Московское семейство стараго вѣка" и стихотвореніе: „Поминки". Въ письмѣ къ академику Гроту сообщилъ нѣсколько остроумныхъ замѣтокъ о русскомъ языкѣ и объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ по поводу спора, возникшаго въ газетахъ между И. С. Тургеневымъ и критикомъ Новаго Времени.

Въ теченіе 1877 года посторонніе ученые внесли въ отдѣленіе слѣдующія сочиненія: Братья Юнкевичи—Литовско-Русскій Словарь, который, по отзыву члена-корреспондента академіи, профессора Потебни, его разсматривавшаго, далеко оставитъ за собою и по полнотѣ, и по ученой обработкѣ словари этого языка Ширвида, Милке, Хазна, Нессельмана и др., не говоря уже о пользѣ, которую онъ принесетъ для Русскихъ, намѣревающихся изучать этотъ языкъ. Молодой чешскій ученый А. О. Патера—изслѣдованіе о глоссахъ Mater Verborum. Этотъ латинскій словарь Константинскаго епископа Саломона, умершаго въ 920 году, при переписке, нѣсколько разъ былъ дополняемъ глоссами, особенно нѣмецкими. Одинъ изъ такихъ списковъ этого словаря сохранялся въ великолѣпной рукописи начала XIII вѣка, писанной Вацерадомъ, въ которой находится множество чешскихъ глоссъ, внесенныхъ въ нее разновременно. Не смотря на то, что надъ этимъ древнимъ памятникомъ чешскаго языка трудились Ганка, Юнгманъ и Шафарикъ, г. Патера занялся имъ снова и успѣлъ не только раздѣлить всѣ глоссы на отдѣлы по времени ихъ написанія, но и разъяснить тѣ изъ нихъ, которыя считались до сихъ поръ темными. Въ виду важности изслѣдованія г. Патеры, какъ для

Библиотека "Руниверс"

славянской филологіи вообще, такъ и для древняго русскаго языка и быта, Отдѣленіе положило напечатать это изслѣдованіе въ своемъ Сборникѣ.

Въ истекающемъ году Отдѣленіе пополнило свой составъ выборомъ въ адъюнкты профессора С.-Петербургскаго университета А. Н. Веселовскаго, стяжавшаго себѣ почетную извѣстность и уваженіе въ западномъ ученомъ мірѣ своими открытіями и изслѣдованіями по средневѣковой словесности, преимущественно романской и германской, а между нашими учеными—многими замѣчательными трудами, въ которыхъ русскіе и славянскіе письменные и устные памятники объясняются памятниками западно- и южно-европейскими. Довольно многочисленный рядъ изслѣдованій г. Веселовскаго, отличающихся несомнѣнными достоинствами, даетъ право надѣяться, что въ молодомъ ученомъ Академія пріобрѣла полезнаго и необходимаго ей дѣятеля.

Въ 1877 году Отдѣленіе понесло чувствительную потерю. 21-го іюля, послѣ продолжительной болѣзни, скончался ординарный академикъ А. В. Никитенко, принимавшій въ его занятіяхъ самое живое участіе въ продолженіе почти 22-хъ лѣтъ.

Жизнь человѣка, посвятившаго полвѣка на преподаваніе молодому поколѣнію живымъ словомъ теоріи и исторіи отечественной словесности и во все это время честно стоявшаго за идеи истины, добра и прекраснаго,—полвѣка вносившаго свои вклады въ отечественную литературу и науку, связаннаго разнообразными отношеніями и съ представителями литературныхъ кружковъ самыхъ противоположныхъ направленій, и съ государственными сановниками и съ практическими дѣятелями, близко стоявшаго къ дѣлу при нѣкоторыхъ предпринимавшихся государственныхъ реформахъ,—представляетъ живую картину нашей литературной и общественной жизни за послѣднія 50 лѣтъ и заслуживала бы болѣе подробнаго и обстоятельнаго изображенія, чѣмъ предлагаемый мною краткій очеркъ жизни и трудовъ покойнаго.

А. В. Никитенко родился въ мартѣ 1805 года, въ деревнѣ, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Еще ребенкомъ онъ отличался особенною понятливостью, любилъ присутствовать въ хатѣ, когда что-либо читали вслухъ, и съ восторгомъ вслушивался въ духовные гимны, которые пѣли слѣпцы, странствовавшіе по южной Россіи. Отецъ его, принадлежавшій къ числу грамотныхъ и книжныхъ людей и стоявшій по уму и свѣдѣніямъ выше другихъ лицъ своего

Библиотека "Руниверс"

состоянія, пожелалъ дать сыну образованіе и съ этою цѣлью помѣстилъ его въ Воронежское уѣздное училище, гдѣ онъ и покончилъ курсъ, обративъ дарованіями и успѣхами на себя вниманіе училищнаго начальства и нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ. Свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя въ то время въ уѣздномъ училищѣ, были крайне ограничены, и юноша, которому, по сложившимся обстоятельствамъ, приходилось было ими ограничиться, отдался по выходѣ изъ училища чтенію попадавшихся подъ руку журналовъ, поэтическихъ произведеній и переводныхъ романовъ. Это чтеніе, какъ говорилъ самъ Никитенко,—открыло ему новый міръ идей непрестанно заставлявшій работать умъ, вдумываться въ явленія духовной жизни и отдавать въ нихъ себѣ отчетъ. Такъ длилось нѣсколько лѣтъ. Доступъ къ высшему образованію, казалось, былъ навсегда загражденъ А. В. Никитенку, но къ нему пришло на помощь Россійское библейское общество. Основанное въ памятную для Россіи эпоху 1812 года, оно обнаружило необыкновенную дѣятельность и быстрое развитіе. Во многихъ губернскихъ городахъ были заведены его комитеты и отдѣленія, а въ уѣздныхъ — сотоварищества. Лучшія мѣстныя силы были призваны содѣйствовать его цѣлямъ. Подобное сотоварищество было основано и въ Острогожскѣ, и секретаремъ его былъ избранъ молодой Никитенко, который произнесъ рѣчь въ публичномъ его засѣданіи, 27-го января 1824 года. Главнымъ лицомъ въ Библейскомъ обществѣ и его ревностнымъ дѣятелемъ былъ тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ, имѣвшій огромное значеніе у государя и вліяніе на дѣла общественныя. Къ нему доставлялись изъ губерній отчеты комитетовъ и сотовариществъ, рѣчи въ нихъ произносимыя, и все выдающееся изъ ряда Голицынъ докладывалъ государю. Въ числѣ многихъ рѣчей дошла до князя Голицына и рѣчь секретаря Острогожскаго сотоварищества; она обратила на себя вниманіе князя, понравилась ему, и соединенная съ ходатайствомъ разныхъ лицъ, рѣшила судьбу Никитенка. По желанію князя, молодой человѣкъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ томъ же 1824 году. „Не смотря на свою провинціальную неуклюжесть и неразвитость, Никитенко", такъ говорилъ онъ самъ о себѣ, — „былъ принятъ княземъ съ невыразимымъ добродушіемъ, обласканъ имъ, ободренъ, удостоенъ самаго теплаго вниманія къ его внѣшнему и умственному состоянію, и наконецъ, для довершенія его крайне недостаточнаго образованія, помѣщенъ въ университетъ. Пока не упрочилось нѣсколько его положеніе, князь заботился о его матеріальныхъ

Библиотека "Руниверс"

нуждахъ, и впослѣдствіи, при его содѣйствіи, ему назначено было отъ министерства народнаго просвѣщенія, не въ примѣръ другимъ, денежное пособіе для окончанія университетскаго курса, такъ какъ онъ не пожелалъ вступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ". Факультетъ, избранный Никитенкомъ, былъ философско-юридическій, между профессорами котораго не находилось лицъ особенно выдававшихся. Но сближеніе съ товарищами, слушавшими профессоровъ, удалившихся изъ университета послѣ постигшаго его погрома, должно было плодотворно дѣйствовать на воспріимчивую натуру Никитенка. Еще будучи студентомъ, Никитенко выступилъ въ печать. Въ Сынѣ Отечества 1826 года былъ помѣщенъ первый его трудъ: „О преодолѣніи несчастій". Этюды по нравственной философіи въ первой четверти настоящаго столѣтія особенно часто появлялись въ нашей повременной литературѣ; большая часть ихъ не отличалась самостоятельностью изслѣдованій, сообщала истины всѣмъ извѣстныя и была расположена по правиламъ хріи. Къ числу такихъ принадлежалъ и оконченный 30-го октября 1825 г. трудъ Никитенка, подъ которымъ онъ подписался: Александръ Никитенковъ, какъ подписывался въ дѣловыхъ бумагахъ и его отецъ. Въ этомъ разсужденіи, изложенномъ языкомъ цвѣтистымъ и нѣсколько многословно—недостатки, замѣчаемые отчасти и въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ трудахъ покойнаго академика,—изображалась неизбѣжность несчастій на землѣ и указывалось, что ихъ можетъ ослабить самосознаніе, гармоническое развитіе душевныхъ силъ, наконецъ—мужество, независимость и чистота духа. „Не о томъ должно заботиться", сказалъ Никитенко въ одномъ мѣстѣ этого этюда,—„чтобы провести жизнь безбѣдно, но чтобы провести ее съ честью"—и эти слова молодаго человѣка остались девизомъ всей его жизни.

Другой трудъ Никитенка изъ временъ его студенчества—разсужденіе, которое онъ читалъ на актѣ 1827 года: „О политической экономіи вообще, и въ особенности о производимости, какъ главномъ предметѣ оной", явилось результатомъ выслушанныхъ имъ лекцій профессора россійской словесности Бутырскаго, на котораго было возложено читать студентамъ политическую экономію, и который умѣлъ ее, вмѣстѣ съ наукой о финансахъ, излагать толково и занимательно.

Въ 1828 году Никитенко кончилъ курсъ наукъ въ университетѣ кандидатомъ, пятымъ изъ семи товарищей, получившихъ эту степень, и въ томъ же году, благодаря расположенію къ нему тогдашняго

Библиотека "Руниверс"

попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, К. М. Бороздина, человѣка просвѣщеннаго, имѣвшаго обширныя познанія въ русской исторіи и отличавшагося душевною добротой и прямодушіемъ, и продолжавшемуся вниманію князя А. Н. Голицына, къ которому имѣлъ постоянный доступъ, опредѣленъ на службу въ канцелярію попечителя округа младшимъ письмоводителемъ. Въ слѣдующемъ году онъ сопровождалъ Бороздина при обозрѣніи имъ учебныхъ заведеній округа, а въ 1830 году, по избранію совѣта, началъ преподавать въ университетѣ теорію о народномъ богатствѣ по Адаму Смиту. Каѳедру политической экономіи онъ занималъ два съ половиною года (съ 24-го февраля 1830 г. по 4-е августа 1832 г.), и въ послѣднее полугодіе, уже въ званіи адъюнкта по каѳедрѣ этой науки, написалъ сочиненіе: „О главныхъ источникахъ народнаго богатства".

Почти одновременно съ приглашеніемъ въ университетъ, Никитенко началъ преподавать русскую словесность въ высшихъ классахъ института ордена св. Екатерины (съ 10-го декабря 1830 г. по 12-е марта 1844 г.). Живая и одушевленная рѣчь, стремленіе снять оковы, наложенные на предметъ устарѣлыми правилами риторики и піитики, и положить въ его основаніе эстетическія начала сдѣлали вскорѣ извѣстнымъ въ Петербургѣ имя молодаго преподавателя. О немъ заговорили и въ средѣ педагогической, и въ высшихъ слояхъ общества. Этимъ весьма естественно объясняется переходъ его съ каѳедры политической экономіи на каѳедру русской словесности, послѣ выхода въ отставку Толмачева и послѣ окончательнаго перемѣщенія Бутырскаго на каѳедру политической экономіи. 26-го августа 1832 года, въ присутствіи небывалаго до того на университетскихъ лекціяхъ множества посѣтителей, А. В. Никитенко прочелъ вступительную лекцію: „О происхожденіи и духѣ литературы". Имѣя въ рукахъ конспектъ лекціи въ нѣсколько строкъ, даровитый профессоръ импровизировалъ лекцію, длившуюся, впрочемъ, вмѣсто двухъ часовъ, менѣе трехъ четвертей часа и сразу раздѣлившую слушателей на два противоположные лагеря, которые продолжали существовать во все время профессорской его дѣятельности въ университетѣ. Въ лекціи, которая была напечатана въ Сынѣ Отечества 1833 года и вышла потомъ отдѣльно, разбросано много свѣтлыхъ, здравыхъ мыслей, составлявшихъ у насъ для того времени новизну. Еще не многіе тогда сознавали, что „постигнуть духъ языка значитъ постигнуть таинственное отношеніе его къ духу народа", и что „исторія перваго можетъ служить исторіею глубокой внутренней жизни вто-

Библиотека "Руниверс"

рого"; что „не искусства образуются по теоріи, но теорія по искусствамъ"; что на преподавателѣ теоріи словесности лежитъ обязанность распространять чистыя понятія о сущности изящнаго и о высокомъ значеніи литературы, чтобы съ одной стороны поднять ея уровень, а съ другой—по достоинству оцѣнить и лжеименныя дарованія, и людей, вторгающихся въ храмъ чистой красоты съ предвзятыми цѣлями. Эту обязанность, при оцѣнкѣ литературныхъ явленій, А. В. Никитенко всегда имѣлъ въ виду и строго выполнялъ ее какъ на лекціяхъ, такъ и въ печатномъ словѣ. Вотъ какъ характеризовалъ П. А. Плетневъ лекціи Никитенка: „При изложеніи теоріи словесности онъ обратился къ основнымъ началамъ природы и человѣческой жизни, извлекая ихъ изъ психологіи и исторіи; для доставленія же общимъ началамъ несомнѣнной примѣнимости, вводилъ ихъ въ область русской народности, уравнивая правила мышленія съ требованіями нашего языка и успѣхами литературы" Если припомнить, что такого характера чтенія происходили 45 лѣтъ тому назадъ, то нельзя ихъ не поставить въ заслугу профессору, особенно въ виду того вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ слушателей. Во время службы своей въ университетѣ А. В. Никитенко въ 1834 году (17-го января) былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1837 году удостоенъ степени доктора философіи, по представленіи разсужденія, носящаго заглавіе: „О творящей силѣ въ поэзіи, или о поэтическомъ геніѣ", а въ 1850 г. (6-го февраля) получилъ званіе ординарнаго профессора по каѳедрѣ русской словесности. Чтеніе лекцій въ университетѣ А. В. Никитенко окончилъ 1-го іюня 1864 года. О томъ, какой характеръ и какое значеніе имѣли эти лекціи и его занятія съ студентами мы не беремъ на себя опредѣлить и предоставляемъ слово историку С.-Петербургскаго университета за первыя 50 лѣтъ его существованія, лицу, болѣе чѣмъ мы, компетентному въ этомъ случаѣ: „Проводя въ чтеніяхъ своихъ, путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое",—такъ говоритъ г. Григорьевъ,— „и ограждая самостоятельность его въ средѣ другихъ дѣйствующихъ элементовъ человѣческой природы, профессоръ Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто интересъ чувства, услаждающагося красотою, а великую образовательную силу, одного изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія. Такимъ образомъ, лекціи его „объ изящ-

Библиотека "Руниверс"

ность", сверхъ развитія эстетическаго вкуса въ слушателяхъ, философскою стороною своею восполняли еще, на сколько было это возможно, тотъ въ высшей степени важный пробѣлъ, какой оказывался въ университетскомъ преподаваніи съ 1850 года, вслѣдствіе исключенія изъ него философіи. Сверхъ того, съ 1850 года принялъ Никитенко отъ Плетнева и преподаваніе исторіи отечественной словесности, изъ которой, впрочемъ, въ 1852—1853 гг. излагалъ лишь періодъ ея отъ Петра Великаго до нашихъ дней. На немъ же лежало и руководствованіе студентовъ въ практическихъ занятіяхъ русскою стилистикою по предметамъ, относящимся къ теоріи и исторіи литературы, съ критическимъ разборомъ ихъ работъ".

Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что Никитенко въ лекціяхъ объ изящномъ, сколько можно судить по сохранившимся запискамъ его слушателей, умѣлъ соединить интересъ предмета и основательность взглядовъ съ живымъ, краснорѣчивымъ изложеніемъ; что часто указывалъ на совершенно новыя стороны въ предметѣ, который былъ, какъ казалось, совершенно извѣстенъ и изслѣдованъ; что, не владѣя вполнѣ новыми языками и потому не имѣя возможности черпать свѣдѣнія изъ иностранныхъ сочиненій, онъ тѣмъ не менѣе, силою своего ума и своихъ дарованій, до того становился въ уровень съ своимъ предметомъ, что молодые люди, отправлявшіеся, по окончаніи курса въ здѣшнемъ университетѣ, за границу, для слушанія лекцій, возвращались оттуда, говоря, что иностранные эстетики не прибавили ничего новаго къ свѣдѣніямъ, полученнымъ ими отъ Никитенка. Сверхъ многихъ порученій и назначеній отъ университета, Никитенко нѣсколько разъ являлся ораторомъ на университетскихъ актахъ. Въ 1836 году онъ произнесъ рѣчь „О необходимости теоретическаго или философскаго изслѣдованія литературы". Актъ 1838 года остался памятнымъ по блестящему, произнесенному имъ, похвальному слову Петру Великому. Проникнутый удивленіемъ, благоговѣніемъ и благодарностью къ создателю новой Россіи, сознавая, что его могучая воля живетъ въ каждомъ актѣ нашей жизни и продолжаетъ управлять событіями, что все вокругъ насъ и въ насъ самихъ исполнено святыней его мысли, все даръ ея, Никитенко успѣлъ стать на высоту предмета и разсыпать въ своемъ словѣ много мѣстъ, проникнутыхъ истиннымъ одушевленіемъ и исполненныхъ ораторскаго движенія. Значеніе Петра Великаго было опредѣлено Никитенкомъ чрезвычайно вѣрно, и сказавъ, что преобразователь Россіи столько же геній нашей будущности, сколько геній настоящаго, онъ выразилъ

Библиотека "Руниверс"

истину, которую едва-ли кто будетъ теперь оспаривать. Актъ 1841 года открылъ Никитенко рѣчью „О современномъ направленіи отечественной литературы", въ которой старался доказать, что литература того времени, обнаруживая стремленіе къ истинѣ и самобытности, не можетъ достигнуть полнаго и удовлетворительнаго развитія по отсутствію почвы, приготовляемой наукою, и указывалъ, что литература изъ шаткаго и печальнаго ея положенія можетъ быть выведена на прямую дорогу единственно наукою, которая только одна въ состояніи оградить ее „отъ варварскаго набѣга надменныхъ полумыслей и бѣдныхъ содержаніемъ идей". Въ 1842 году Никитенко произнесъ рѣчь „О критикѣ", вопросъ, весьма близкомъ къ жизни. Опредѣливъ, въ общемъ смыслѣ, что критика есть судъ разума надъ творчествомъ, профессоръ указалъ „три источника, изъ которыхъ черпаются всевозможныя понятія объ искусствѣ: личное убѣжденіе каждаго или тѣхъ, которые считаютъ себя знатоками и судьями въ области искусства; разсматриваніе произведеній со стороны дѣйствующихъ въ немъ силъ — генія художника, вѣка, духа народа—и наконецъ, всеобщія идеи красоты". По этимъ источникамъ авторъ дѣлитъ критику на личную, аналитическую и философскую или, по преимуществу, художественную. Особенности каждой изъ этихъ критикъ весьма тонко подмѣчены Никитенкомъ, который при этомъ указалъ вредъ первой, пользу второй и необходимость послѣдней, какъ для общества, такъ и для самого искусства. Нельзя не остановить вниманія на нѣсколькихъ весьма справедливыхъ словахъ, опредѣляющихъ личную критику, и именно тотъ ея видъ, который можно назвать пристрастнымъ и которую скорѣе слѣдуетъ отнести къ злоупотребленію критики. „У всякаго, безъ сомнѣнія", говоритъ Никитенко,—„есть враги, друзья, покровители; гдѣ, какъ не въ критикѣ удобный случай заклеймить врага позоромъ самымъ глубокимъ, самымъ вожделѣннымъ для ненависти, потому что онъ падаетъ на нѣжнѣйшую часть человѣческаго самолюбія—на умственную славу, друзьямъ оказать услугу, не требующую никакихъ жертвъ, потому что она вся состоитъ изъ словъ, и покровителямъ принести дань глубокой лести, не касаясь ногою даже порога ихъ прихожей? Личная критика для того и сдѣлана, чтобы, подъ видомъ литературы, говорить о своихъ нуждахъ, о своихъ великихъ дарованіяхъ, о своей книжной торговлѣ, друзьяхъ и недругахъ, о всемъ, что не составляетъ литературы. Къ чему же ей и стремиться къ пріобрѣтенію уваженія публики? Но публика столь снисходительна, что не только не требуетъ уваженія, а готова даже

Библиотека "Руниверс"

простить неуваженіе къ себѣ. Къ великимъ цѣлямъ искусства? Но тогда не была бы она личиною, тогда старалась бы она возвыситься до чистыхъ идей красоты и истины, она стала бы дѣйствовать въ духѣ разума—и погибла бы. Извѣстно, что разумъ уважаетъ только интересы всеобщіе, гармонію силъ, правду, законность: маленькіе эгоизмы тонутъ, какъ пылинки, въ широтѣ его безмѣрнаго горизонта". Рѣчь Никитенка о критикѣ, исполненная глубокаго интереса и важная по содержанію, въ которой онъ смѣло, проникнутый благороднымъ негодованіемъ, бросилъ перчатку господствовавшему направленію въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, вызвала въ современныхъ изданіяхъ того времени общее одобреніе, хотя они и не безусловно соглашались съ нѣкоторыми его положеніями, какъ главными, такъ и частными. Въ 1854 году Никитенко послѣдній разъ явился на каѳедрѣ, на университетскомъ актѣ, и прочелъ рѣчь: „О началѣ изящнаго въ наукѣ", въ которой онъ краснорѣчиво и убѣдительно возсталъ противъ укоренившагося весьма вреднаго предразсудка, будто наука, по природѣ своей, вовсе не причастна міру изящнаго. Къ трудамъ Никитенка, какъ профессора университета, принадлежитъ ещё „Опытъ исторіи русской литературы". Этого опыта вышла только первая книга, заключающая въ себѣ лишь введеніе, въ которомъ авторъ, какъ онъ самъ говоритъ, старался установить основныя идеи литературы, и этому своему намѣренію онъ придавалъ особенную важность и значеніе. Сочиненіе это было встрѣчено въ печати похвальными отзывами, со стороны публики холодностью, а отъ лицъ компетентныхъ жесткими порицаніями, не переходившими, впрочемъ, за предѣлы дружеской переписки, если не считать помѣщенной въ Современникѣ критики Плетнева, весьма деликатно и съ безпрерывными оговорками указавшаго слабыя стороны труда. Но едва ли и похвалы, и порицанія не представляются по отношенію къ „Опыту" крайностями. Въ немъ, какъ и во всякомъ трудѣ А. В. Никитенка, можно указать много прекрасныхъ, свѣтлыхъ и справедливыхъ мыслей, но къ сожалѣнію, онѣ скрыты среди цвѣтистыхъ фразъ, которыми не восполняется замѣтное иногда отсутствіе фактовъ. Впрочемъ, позднѣе, самъ Никитенко смотрѣлъ на этотъ трудъ, какъ на подробный конспектъ своихъ лекцій, требовавшій значительныхъ измѣненій и дополненій.

Мы уже говорили, что Никитенко пріобрѣлъ извѣстность въ Петербургѣ, какъ отличный преподаватель. Учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ наперерывъ старались приглашать его къ себѣ, предла-

Библиотека "Руниверс"

гая самыя выгодныя условія и предоставляя ему всевозможныя удобства и льготы, чтобы только получить его согласіе. Это послѣднее обстоятельство давало ему возможность, кромѣ университета и Екатерининскаго института, одновременно преподавать еще въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Онъ былъ послѣдовательно преподавателемъ и профессоромъ въ слѣдующихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нашей столицы: въ верхнихъ классахъ аудиторскаго училища (съ 1-го января 1833 по 15-е мая 1839 года); въ офицерскихъ классахъ артиллерійскаго училища (съ 8-го января 1835 по 8-е апрѣля 1838 года); въ старшихъ классахъ общества благородныхъ дѣвицъ (съ февраля 1838 по 5-е января 1844 года); въ римско-католической духовной академіи (съ 28-го января 1843 года по свою смерть); въ институтѣ корпуса путей сообщенія (въ 1844 г.) и въ спеціальномъ педагогическомъ классѣ для образованія наставницъ при С.-Петербургскомъ Александровскомъ училищѣ (съ 27-го мая 1848 по 1857 годъ). Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, а равно и въ лицахъ, имѣвшихъ удовольствіе слушать его лекціи, А. В. Никитенко оставилъ самыя пріятныя воспоминанія.

Педагогическая служба его была оцѣнена по достоинству и не разъ удостоивалась высочайшихъ наградъ; о ней вспоминали заведенія съ благодарностью при каждомъ особенномъ торжествѣ, не смотря на то, что Никитенко уже давно ихъ оставилъ.

Если, съ одной стороны, учебныя заведенія пользовались знаніями А. В. Никитенка, который охотно посвящалъ имъ свое время, убѣжденный, что его живое слово приноситъ пользу, вводя молодое поколѣніе въ свѣтлый міръ изящнаго, то съ другой стороны высшія военное и морское начальства нерѣдко обращались къ его педагогической опытности и приглашали къ дѣятельному участію въ устройствѣ заведеній. Мы знаемъ, что практическіе совѣты Никитенка нерѣдко были принимаемы, и приложенные къ дѣлу, всегда приносили полезные результаты. Его участіе въ комитетѣ устройства учебной части въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (съ 27-го іюня 1855 по день закрытія комитета), въ комитетѣ для обозрѣнія морскихъ учебныхъ заведеній (въ 1855 г.) и въ комитетѣ, учрежденномъ для устройства учебныхъ заведеній по военному министерству (съ 10-го января 1857 по 1-е сентября 1858 г.), осталось не безъ слѣда.

Почти одновременно съ переходомъ въ университетъ съ каѳедры политической экономіи на каѳедру русской словесности, А. В. Никитенко былъ назначенъ цензоромъ при С.-Петербургскомъ цензур-

Библиотека "Руниверс"

номъ комитетѣ (24-го апрѣля 1833 г.), и въ этой должности оставался 15 лѣтъ (до 11-го апрѣля 1848 г.). Должность цензора въ то время была щекотлива и весьма отвѣтственна. Малѣйшій недосмотръ, намекъ самаго невиннаго свойства на лицъ, облеченныхъ какою-либо властію, самое добродушное указаніе на недостатки въ администраціи, наконецъ, неловко употребленное слово имѣли послѣдствіемъ взысканія, и нерѣдко весьма строгія, иногда исходившія даже отъ высочайшей власти. И Никитенко не избѣгъ ни замѣчаній, ни выговоровъ, но, не смотря на всѣ эти непріятности, онъ, тѣмъ не менѣе, постоянно оставался самымъ доброжелательнымъ, самымъ снисходительнымъ цензоромъ, и это объясняется тѣмъ, что наука и литература были близки его сердцу. Преслѣдуя только вредныя крайности, онъ, въ засѣданіяхъ цензурнаго комитета, всегда являлся защитникомъ разумной свободы слова, въ которой видѣлъ средство не только къ успѣшному, самостоятельному движенію въ нашемъ отечествѣ наукъ и литературы, но и къ правильному развитію строя государственной жизни. Мы знаемъ, что многія произведенія обязаны А. В. Никитенку своимъ появленіемъ въ свѣтъ: одни благодаря его горячему, твердому заступничеству предъ предсѣдателемъ и членами цензурнаго комитета, другія—его искусству склонять авторовъ на измѣненіе того, что могло дать поводъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ. Изъ этого уже видно, что А. В. Никитенко исполнялъ не одну только официальную обязанность цензора, но во многихъ случаяхъ являлся добрымъ совѣтникомъ и умнымъ наставникомъ. Послѣднее могутъ засвидѣтельствовать и нѣкоторые наши писатели, и ученые, выступившіе впервые во время его цензорства на ученое и литературное поприще и пользовавшіеся его указаніями и замѣчаніями.

Никитенко нерѣдко съ удовольствіемъ вспоминалъ, что поэма Гоголя „Похожденія Чичикова или Мертвыя души", послѣ разныхъ мытарствъ и переходовъ изъ рукъ въ руки, была имъ разрѣшена къ печати, не смотря на грозившую ему за то отвѣтственность.

Съ этого времени у А. В. Никитенко завязались связи со многими литераторами и учеными, которыя, начавшись послѣ написанія на сочиненія обычной цензурной формулы: „печатать дозволяется", перешли потомъ въ искреннюю дружбу. Такимъ же просвѣщеннымъ и гуманнымъ характеромъ отличались отношенія А. В. Никитенко къ литературѣ и писателямъ и позднѣе, когда онъ состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія поступавшихъ на

Библиотека "Руниверс"

театръ драматическихъ пьесъ (съ октября 1856 г.), когда былъ назначенъ директоромъ дѣлопроизводства комитета по дѣламъ книгопечатанія, а потомъ членомъ главнаго управленія цензуры и членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія (съ 23-го марта 1862 по 30-е августа 1865 г.). Во всѣхъ этихъ должностяхъ и при всякомъ представлявшемся случаѣ онъ являлся то ходатаемъ за произведенія литературы, то ихъ оберегателемъ и защитникомъ. Намъ особенно памятны многія прекрасныя, исполненныя ума и теплоты чувства, рѣчи Никитенка въ коммиссіи, учрежденной для обработки проекта устава о книгопечатаніи, членомъ которой онъ былъ назначенъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ этой коммиссіи онъ почти всегда стоялъ на сторонѣ тѣхъ членовъ, которые въ благоразумной свободѣ слова видѣли залогъ будущаго развитія литературы и благосостоянія Россіи.

А. В. Никитенко несъ и административно-ученыя обязанности: онъ въ теченіе года былъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ внѣшней торговли (съ 15-го мая 1849 года по 3-е августа 1850 года) и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія для исполненія особенныхъ порученій по встрѣчающимся дѣламъ ученой и учебной администраціи министерства (съ 12-го декабря 1853 года). О послѣднемъ назначеніи необходимо сказать нѣсколько словъ. Никитенко принялъ его по желанію А. С. Норова, съ которымъ онъ находился уже давно въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Ихъ связывала и общность литературныхъ занятій, и любовь къ наукѣ и поэзіи, и то уваженіе, которое они питали другъ къ другу за прямодушный взглядъ на людей и дѣла. Норовъ, при вступленіи въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, искалъ человѣка, съ которымъ онъ могъ бы по душѣ дѣлиться своими взглядами на предстоявшія ему занятія, въ которомъ находилъ бы онъ не только искуснаго выразителя своихъ мыслей, но полезнаго совѣтника и еще болѣе строгаго судью. Такого человѣка Норовъ нашелъ въ Никитенкѣ. Въ исторіи русскаго просвѣщенія останутся навсегда памятными первые годы министерства Норова, въ которое состоялось нѣсколько чрезвычайно важныхъ постановленій. Въ это время было испрошено высочайшее соизволеніе на увеличеніе нормы числа студентовъ въ университетахъ Московскомъ и С.-Петербургскомъ; постановлено отправлять за границу молодыхъ людей для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ въ университетахъ; возстановлено правило на полученіе пенсій на службѣ сверхъ

Библиотека "Руниверс"

жалованья служащими въ учебныхъ заведеніяхъ; обращено вниманіе Государя Императора на неудобства существованія комитета 2-го апрѣля 1848 года, учрежденнаго для высшаго наблюденія надъ произведеніями книгопечатанія, и составленная по этому поводу записка, отличавшаяся истинно-просвѣщеннымъ воззрѣніемъ на цензуру, содѣйствовала къ закрытію этого комитета; испрошено разрѣшеніе представлять въ опредѣленные сроки краткій отчетъ о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ науки и литературы, явившихся въ пространствѣ этого времени, съ указаніемъ ихъ достоинствъ, что нерѣдко имѣло послѣдствіемъ удостоеніе ученыхъ и литераторовъ знаками монаршаго вниманія; совершено торжественное празднованіе юбилея столѣтняго существованія Московскаго университета, на которомъ Никитенко былъ депутатомъ отъ С.-Петербургскаго университета и произнесъ отъ его имени замѣчательную рѣчь. Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ постановленіяхъ самое дѣятельное участіе принималъ Никитенко; многія изъ нихъ своимъ появленіемъ обязаны его иниціативѣ; для другихъ, получившихъ утвержденіе, онъ писалъ обстоятельныя записки, убѣдительныя по силѣ доводовъ его краснорѣчія; о многихъ онъ велъ съ министромъ оживленныя бесѣды и споры. Однимъ словомъ Никитенко былъ душею министерства въ первые годы управленія имъ Норовымъ и потому совершенно справедливо долженъ раздѣлять съ министромъ тѣ похвальные отзывы, которые безпристрастная исторія произноситъ объ этомъ времени. На ней лежитъ обязанность отдавать должное и тѣмъ дѣятелямъ, которые до сихъ поръ оставались въ тѣни, или которыхъ проходили молчаніемъ.

Не смотря на всѣ свои занятія, на которыя у человѣка, одареннаго меньшими способностями, положительно не достало бы времени, Никитенко находилъ возможность писать статьи въ разныя повременныя изданія и быть редакторомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Бесѣдовать съ публикою въ какой бы то ни было формѣ объ общихъ вопросахъ литературы и передавать ей свои впечатлѣнія и сужденія о наиболѣе выдающихся литературныхъ явленіяхъ было потребностью для Александра Васильевича. Мы уже упомянули объ его первомъ ученo-литературномъ трудѣ, появившемся на страницахъ Сына Отечества. Въ 1832 году, въ альманахѣ Сѣверные Цвѣты и въ Невскомъ Альманахѣ Аладьина, Никитенко (въ послѣднемъ онъ подписался подъ статьею „Никитенковъ") помѣстилъ отрывки изъ романа: „Леонъ или идеализмъ", въ которомъ онъ хотѣлъ показать,

Библиотека "Руниверс"

что человѣкъ тогда только знакомится съ самимъ собою, когда начинаетъ изучать внутреннюю жизнь духа. Судить о достоинствѣ романа по этимъ отрывкамъ довольно трудно, но они важны въ томъ отношеніи, что представляютъ много біографическихъ чертъ о самомъ Никитенко, преимущественно о годахъ его молодости.

Въ Библіотекѣ для Чтенія 1835 года Никитенко помѣстилъ біографію Елисаветы Кульманъ — этого необыкновеннаго явленія въ нравственномъ и умственномъ мірѣ, отмѣченнаго печатью несомнѣнной геніальности и промчавшагося по нашему литературному небосклону лучезарною звѣздою. Владѣя нѣсколькими новыми языками и обоими классическими, Кульманъ свободно переводила съ одного языка на другой, и кромѣ переводовъ, мастерски исполненныхъ, оставила нѣсколько самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній, художественную оцѣнку которыхъ Никитенко присоединилъ къ свѣдѣніямъ объ ея жизни. Этотъ очеркъ, въ которомъ прекрасно изображена свѣтлая личность Кульманъ, съ ея фантастическою мечтательностью, возвышеннымъ благородствомъ и любовію къ природѣ, въ которомъ, подъ перомъ біографа, она является передъ читателемъ какъ бы живою, съ ея желаніями, мечтами и видѣніями, безспорно принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Никитенко.

Въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1836 года Никитенко помѣстилъ разборъ стихотвореній Жуковскаго, въ которомъ опредѣляетъ его значеніе и мѣсто въ нашей литературѣ. Признавая художественное значеніе за переводами Жуковскаго, въ которыхъ онъ является великимъ мастеромъ, Никитенко замѣчаетъ, что во всѣхъ произведеніяхъ поэта, переводныхъ и оригинальныхъ, проглядываетъ жизнь и истина, что вездѣ въ нихъ является человѣкъ съ его страстями и съ его возвышенными упованіями, и что, вслѣдствіе этого, всѣ его произведенія носятъ характеръ идеально-дѣйствительный. Ни ложно-классическое, ни французское направленіе не могли удовлетворить Жуковскаго; онъ искалъ новаго и нашелъ его въ томъ направленіи, въ которомъ человѣкъ изображался такъ какъ онъ есть въ дѣйствительности; отъ этого направленія было не только легко, но и неизбѣжно перейдти къ направленію народному. Зародыши самобытной русской поэзіи уже встрѣчаются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Жуковскаго, и ихъ то мы должны особенно цѣнить. Что касается прозы Жуковскаго, то по мнѣнію Никитенко, она проникнута тѣмъ же духомъ, какъ и его поэзія — стремленіемъ къ безконечному, къ чистѣйшей идеальной красотѣ. Всѣ эти положенія Ни-

Библиотека "Руниверс"

латели подробнѣе развилъ и подтвердилъ тѣми доказательствами въ обширной статьѣ: „Василій Андреевичъ Жуковскій со стороны его поэтическаго характера и дѣятельности", помѣщенной въ Отечественныхъ Запискахъ 1853 года и написанной по случаю изданія полнаго собранія его сочиненій. Статья эта, представляющая характеристику литературной дѣятельности Жуковскаго и значеніе, какое онъ имѣетъ въ нашей словесности и образованіи, составляетъ живо написанный отдѣлъ, иногда только въ формѣ конечныхъ результатовъ, исторіи новой нашей литературы.

Въ 1839 году Никитенко написалъ и напечаталъ „Воспоминаніе о Карлѣ Ѳедоровичѣ Германѣ", бывшемъ нашимъ сочленомъ и профессоромъ С.-Петербургскаго университета, въ которомъ не многими чертами, но чрезвычайно вѣрно обрисовалъ эту симпатическую личность, съ которой начинается исторія статистики въ нашемъ отечествѣ. Въ томъ же 1839 году Никитенко помѣстилъ въ альманахѣ Утренняя Заря: „Маленькіе великіе люди". Это — остроумно и граціозно написанный очеркъ тѣхъ людей, „которыхъ — по словамъ автора — природа съ избыткомъ одарила силою желать и силою стремиться, но которымъ отказала она въ силѣ сосредоточиваться и установлять себя среди своего поприща на прочной мысли и опредѣленной цѣли"; людей, „величіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они всѣ малыя вещи дѣлаютъ какъ великія, а нѣкоторая безполезность въ томъ, что великія вещи они хотятъ дѣлать какъ малыя, и отъ того ихъ не дѣлаютъ; людей, которые не имѣютъ никакого опредѣленнаго предмета дѣятельности, а между тѣмъ, кипятъ чувствами святыми; смотрятъ на жизнь съ высшей точки зрѣнія, и презираютъ жизнь; любятъ пламенно человѣчество, и ни во что ставятъ людей".

Въ Петербургскомъ Сборникѣ, изданномъ Н. Некрасовымъ въ 1846 году, мы находимъ статью Никитенка: „О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ". Предметъ этотъ былъ избранъ потому, что идея народности въ искусствахъ, по своей новизнѣ въ то время, требовала, по мнѣнію Никитенка, нѣкотораго ограниченія.

Въ Библіотекѣ для Чтенія 1846 года Никитенко велъ отдѣлъ критики и въ довольно обширныхъ статьяхъ разсмотрѣлъ слѣдующія книги: Сочиненія Державина; Замѣтки за границею, Ѳ. П. Лубяновскаго, въ двухъ статьяхъ; Петербургскій Сборникъ, Некрасова

Библиотека "Руниверс"

1846 года, въ двухъ статьяхъ, изъ которыхъ первая посвящена разбору „Бѣдныхъ людей" Достоевскаго, а во второй разсмотрѣна „Машенька", поэма Майкова; „Столѣтіе Россіи съ 1745 до 1845 года", Полеваго, при чемъ, сказавъ нѣсколько словъ о книгѣ, предоставилъ довольно полный очеркъ жизни Н. А. Полеваго, съ критическою оцѣнкой его трудовъ; „Брынскій лѣсъ", М. Загоскина, и Московскій литературный и ученый Сборникъ, изъ статей котораго преимущественно обратилъ вниманіе на статью Хомякова: „Мнѣніе русскихъ объ иностранцахъ". Эта послѣдняя критика сблизила Никитенко съ нѣкоторыми лицами изъ славянофильскаго кружка.

Въ 1857 году Никитенко въ первый разъ поѣхалъ за границу. Впечатлѣніе, произведенное на него перломъ Дрезденской картинной галлереи онъ передалъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Рафаэлева Сикстинская Мадонна" (напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ). Это дивное произведеніе кисти Рафаэля производитъ на каждаго зрителя неотразимое вліяніе; но покойный академикъ сумѣлъ не совершенно ему подчиниться, и взглянувъ на картину какъ эстетикъ, чрезвычайно тонко и вѣрно передалъ чарующую ея прелесть и всю художественную ея красоту. Теперь мы имѣемъ два описанія этой картины, Жуковскаго и Никитенка, и трудно сказать—которому слѣдуетъ отдать первенство.

Въ 1856 году Никитенко напечаталъ небольшой сборникъ, подъ заглавіемъ: „Три литературно-критическіе очерка", въ который вошли критическіе разборы: трагедіи Писемскаго: „Самоуправцы", комедіи Потѣхина: „Отрѣзанный ломоть" и трагедіи графа Толстаго: „Смерть Іоанна Грознаго".

Въ Домашней Бесѣдѣ 1857 года Никитенко помѣстилъ статью: „Молодое поколѣніе". Эта статья, очень сочувственная къ молодому поколѣнію, показываетъ, что роль его обусловливается потребностями общества, духомъ и законами возраста, что хотя этому поколѣнію и принадлежитъ будущее, но оно должно идти впередъ чрезвычайно осторожно, не дозволяя напускать на себя туманы умозрѣній и доктринъ.

Въ томъ же 1857 году вышелъ біографическій очеркъ М. П. Вронченко, переводчика Гамлета и Фауста.

Въ 1859 году Никитенко издалъ біографію Галича, подъ заглавіемъ: „Александръ Ивановичъ Галичъ, бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета". Это — чрезвычайно любопытный, содержательный и живой очеркъ жизни даровитаго профессора. Въ этой

Библиотека "Руниверс"

біографіи нашли мѣсто и исторія развитія философіи въ Россіи, и нѣкоторые эпизоды изъ исторіи С.-Петербургскаго университета [1]).

Въ 1872 году явилась брошюра Никитенка: „Мысли о реализмѣ въ литературѣ". Въ ней авторъ, между прочимъ, разсматриваетъ вопросъ: отъ чего современная художественная литература въ большинствѣ ея явленій не находится на высотѣ своего призванія, и отвѣтъ этому находитъ въ томъ, что реальный элементъ, который служитъ и содержаніемъ и формою для ея произведеній, она понимаетъ въ слишкомъ тѣсномъ смыслѣ.

Много мелкихъ статей, какъ-то: „Адъ Данта" въ переводѣ Минаева; „Еще замѣтка объ университетахъ" и др., Никитенко помѣстилъ въ повременныхъ изданіяхъ; но смотря на свой ограниченный объемъ, всѣ онѣ отличаются болѣе или менѣе жизненнымъ содержаніемъ, неотъемлемою принадлежностью всего, что выходило изъ-подъ его пера.

Участвуя своими трудами въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, Никитенко нѣсколько разъ былъ приглашаемъ принять не только дѣятельное, но и самостоятельное участіе въ редакціи этихъ изданій. Въ 1840 году, по убѣдительной просьбѣ Сандунова, онъ согласился быть редакторомъ „Сына Отечества". Эту обязанность онъ несъ въ продолженіе двухъ лѣтъ (1840 — 1841), и если бы не недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ издателя, журналъ несомнѣнно занялъ бы весьма почетное мѣсто въ нашей журналистикѣ.

Въ Сынѣ Отечества 1840 года Никитенко помѣстилъ „Литературныя замѣтки и наблюденія, статья первая. Три способа литературной дѣятельности", и безъ всякаго сомнѣнія, разборы нѣкоторыхъ книгъ, и именно тѣ разборы, въ которыхъ отсутствовалъ духъ журнальныхъ партій и каждому литературному произведенію отдавалось должное на основаніи коренныхъ законовъ искусства, а не по мелкимъ личнымъ увлеченіямъ. Въ томъ же журналѣ 1841 года Никитенко помѣстилъ критическіе разборы стихотвореній Лермонтова и стихотвореній графини Е. Ростопчиной.

По переходѣ въ концѣ 1846 года, изданія Современника отъ Плетнева къ Панаеву и Некрасову, редакторомъ его былъ избранъ Никитенко и оставался имъ до половины 1848 г. Благодаря умѣнью Александра Васильевича и дружнымъ усиліямъ сплотившагося кружка

---

[1]) Біографіи Вронченка и Галича были также напечатаны въ Ж. М. Н. Пр. вышеупомянутыхъ годовъ.

Библиотека "Руниверс"

даровитыхъ литераторовъ и ученыхъ, Современникъ не замедлилъ занять первое мѣсто въ нашей журналистикѣ. Въ немъ Никитенко помѣстилъ разсужденіе: „О современномъ направленіи русской литературы“ и очень подробный разборъ курса теоріи словесности Чистякова. Статья „О современномъ направленіи русской литературы“ была подробно разсмотрѣна въ Москвитянинѣ Ю. Ѳ. Самаринымъ, который видѣлъ въ ней литературное исповѣданіе новаго журнала и поэтому старался указать, безъ всякаго увлеченія, какъ вѣрные, такъ и ошибочные взгляды и мнѣнія, высказанные въ ней Никитенкомъ, и успѣлъ, надо сказать, съ достоинствомъ выполнить принятую на себя задачу.

Вскорѣ послѣ назначенія А. С. Норова министромъ народнаго просвѣщенія, Никитенко былъ опредѣленъ 24-го января 1858 года редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія и оставался въ этой должности до 18-го января 1860 года. За время его редакторства въ журналѣ были въ первый разъ помѣщены беллетристическія произведенія: оригинальная трагедія О. Ѳ. Миллера: „Конрадинъ, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ“, и въ переводѣ Водовозова: „Ифигенія въ Тавридѣ“, Гёте, и двѣ оды Пиндара; довольно часто помѣщались такіе статьи по предметамъ, наиболѣе любимымъ редакторомъ, по философіи и теоріи словесности. Внѣ редакторской дѣятельности, Никитенко оставался недолго. Въ концѣ 1861 года (3-го ноября) онъ принялъ на себя обязанность главнаго редактора издававшейся отъ министерства внутреннихъ дѣлъ газеты Сѣверная Почта и несъ эти обязанности до 6-го іюля 1862 года. Кромѣ редакторства повременныхъ изданій, Никитенко былъ въ числѣ редакторовъ „Энциклопедическаго Лексикона“ Плюшара и двухъ сборниковъ: Складчина (1874) и Братская помочь (1876). Въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ всѣ статьи по части исторіи и теоріи словесности, русской и всеобщей, помѣщенныя въ одиннадцати томахъ, обработаны, а многія написаны Никитенкомъ; въ Складчинѣ онъ помѣстилъ отрывокъ изъ приготовлявшагося къ печати собранія критическихъ этюдовъ о замѣчательнѣйшихъ произведеніяхъ нашей литературы, именно „Объ исторической драмѣ г. Островскаго: Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“.

Многообразная и полезная литературно-ученая дѣятельность А. В. Никитенко обратила на себя вниманіе Академіи Наукъ. 5-го ноября 1853 года она избрала его членомъ-корреспондентомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, а 20-го января 1855 года ординар-

Библиотека "Руниверс"

нымъ академикомъ по тому же Отдѣленію. Съ этого времени большую часть своей дѣятельности онъ посвящалъ Академіи. Избираемый ежегодно въ члены комиссіи по присужденію Уваровскихъ наградъ, Никитенку постоянно былъ порученъ разборъ представляемыхъ на конкурсъ драматическихъ произведеній. Чрезъ его руки прошли десятки пьесъ, и о каждой онъ далъ подробный и правдивый отзывъ. Изъ всѣхъ пьесъ, которыя онъ признавалъ заслуживающими Уваровской преміи, были удостоены таковой двѣ: драма Островскаго: „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“ и комедія Минаева: „Разоренное гнѣздо“, напечатанныя въ печати подъ заглавіемъ: „Спѣтая пѣсня“. Подробныя рецензіи этихъ пьесъ, написанныя Никитенкомъ, вмѣстѣ съ отчетами по присужденію, имъ же составленными, напечатаны въ отчетахъ о присужденіи Уваровскихъ наградъ. Совокупность всѣхъ рецензій, написанныхъ Никитенкомъ на драматическія пьесы, представляетъ богатый матеріалъ для будущаго историка драматической поэзіи въ Россіи и для выводовъ о состояніи драматическаго искусства у насъ за два послѣднія десятилѣтія.

Въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи, которыми она воздавала должный почетъ лицамъ, записавшимъ свои имена въ лѣтописи русской науки и словесности, А. В. Никитенко всегда находилъ возможность сказать слово, проникнутое и теплымъ сочувствіемъ къ лицу, въ честь котораго устраивалось торжество, и отличающееся вѣрною оцѣнкою заслугъ, оказанныхъ имъ литературѣ. Такъ, въ 1865 году при празднованіи столѣтія отъ дня кончины Ломоносова онъ произнесъ рѣчь: „Значеніе Ломоносова въ отношеніе къ изящной русской словесности“, а въ 1868 году, въ день празднованія столѣтняго юбилея И. А. Крылова: „О баснях Крылова въ художественномъ отношеніи“.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности въ теченіе многихъ лѣтъ поручало Никитенку составленіе отчета о своей дѣятельности. Въ этихъ отчетахъ (за 1856, 1858, 1861—1865, 1866—1876 гг.), кромѣ погодной лѣтописи о занятіяхъ членовъ Отдѣленія, Никитенко сообщилъ нѣсколько некрологовъ, или точнѣе сказать, воспоминаній о почетныхъ и дѣйствительныхъ членахъ Отдѣленія, изъ которыхъ съ одними онъ находился въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, а къ другимъ питалъ уваженіе за ихъ литературные и ученые труды. Въ этомъ скорбномъ помянникѣ нашли мѣсто: В. Г. Венедиктовъ, П. С. Билярскій, А. Ѳ. Вельтманъ, А. Ѳ. Гильфердингъ, Н. И. Гречъ, В. И. Даль, М. А. Коркуновъ, М. А. Максимовичъ, А. Н. Муравьевъ,

Библиотека "Руниверс"

К. И. Невоструевъ, А. С. Норовъ, Г. П. Павскій, П. П. Пекарскій, М. П. Розбергъ, К. С. Сербиновичъ, графъ М. М. Сперанскій, графъ А. К. Толстой, Ѳ. И. Тютчевъ, Черниговскій архіепископъ Филаретъ, Московскій митрополитъ Филаретъ. Какая плеяда именъ болѣе или менѣе извѣстныхъ и славныхъ! Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній, какъ напримѣръ, о Муравьевѣ, Норовѣ, Тютчевѣ, графѣ А. К. Толстомъ, дышутъ неподдѣльною теплотою чувства.

Членамъ Императорской Академіи Наукъ памятна задушевная, искренняя рѣчь Никитенка, содержавшая въ себѣ воспоминаніе о бывшемъ ея президентѣ графѣ Д. Н. Блудовѣ, произнесенная въ общемъ собраніи Академіи, 6-го марта 1864 года, въ которомъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ нынѣшній ея президентъ, и отличавшаяся такимъ же характеромъ рѣчь, которою онъ привѣтствовалъ, 19-го мая 1875 года, академика В. Я. Буняковскаго въ день празднованія докторскаго его юбилея.

Сверхъ ученыхъ занятій по Академіи, Никитенко несъ въ ней и административныя обязанности. Такъ, въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 18-го января 1858 г. по 1-е февраля 1860 г.) онъ велъ дѣлопроизводство по отдѣленію русскаго языка и словесности, а съ 27-го апрѣля 1865 года по день своей кончины былъ членомъ комитета правленія Академіи отъ того же отдѣленія. Въ 1874 году, по порученію Академіи, принималъ участіе въ трудахъ высочайше учрежденной комиссіи для обсужденія предположеній о слитіи сенатской и другихъ казенныхъ типографій въ одну общую.

Предлагаемый мною очеркъ жизни и дѣятельности А. В. Никитенко былъ бы весьма не полонъ, еслибъ я не упомянулъ о нравственныхъ и душевныхъ качествахъ покойнаго академика.

Натура любящая и восторженная, Никитенко отъ самыхъ юныхъ дней былъ неизмѣннымъ поклонникомъ прекраснаго, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, и таковымъ остался до конца своихъ дней, вѣря, что человѣчество постепенно идетъ къ совершенству и стремится утвердить повсюду идеи истины и изящнаго.

Будучи въ высшей степени нравственно-правдивымъ, онъ возмущался каждою ложью, каждымъ безчестнымъ поступкомъ, и вслѣдствіе того, былъ иногда рѣзокъ въ своихъ приговорахъ о лицахъ, уклонявшихся отъ прямой дороги. Отъ семьи, на которой были сосредоточены всѣ его заботы, и которой онъ былъ безгранично преданъ, Никитенко переносилъ свою любовь на народъ, изъ котораго самъ вышелъ, и на Россію. Привѣтствовалъ съ восторгомъ зарю освобожденія нѣ-

Библиотека "Руниверс"

сколькими людьми душа отъ профессіей сближенности, они вполнѣ тельно сойдутъ за всѣхъ, что совершилось на ихъ долю, и потому стѣснительно понятными по разположенію ума, которыми онъ одѣлялъ лицъ, относящихся къ образованнѣйшей тѣни массы, принимавшихъ міръ съ лучшимъ его бока, и та почти непризнавая вражды къ ближнему, которая открытіи значительному преимуществу. Частый преподаватель человѣческаго, которое было для него знатнѣй, онъ изъ его жизни, бѣгло принимать къ сердцу все событія, и внутреннія и внѣшнія, радовался хорошему, болѣлъ за дурное, и по мѣрѣ своихъ силъ, старался отвращать отъ него все вредное, а потому открыто презиралъ лицъ, безпрѣпятствующихъ и не приносящихъ ни малѣйшей пользы родинѣ. Готовый дѣлиться со всѣми своими знаніями и помышленіемъ, онъ не отказывалъ никому, кто обращался къ нему за совѣтомъ, а къ нему, знавшаго изящный вкусъ и силу воображенія, обращались всѣ отъ начинающаго живописца до Брюллова, отъ молодаго стихотворца до Жуковскаго. Сочувствуя молодому поколѣнію, возлагая на него лучшія надежды, Никитенко старался подать ему и дѣлами, и словомъ, и отсюда завязались у него многія сношенія, кончившіяся пріязнію и дружбою. Невзыскательный къ житейскимъ условіямъ, радушный хозяинъ, Никитенко собиралъ около круга себя, въ назначенные дни друзей, ученыхъ и литераторовъ и оживлялъ его своею бесѣдою, въ высшей степени остроумною и поучительною. Однимъ словомъ, свѣтлый нравственный образъ Никитенка, съ его чистою любовію ко всему прекрасному, живо будетъ носимо заранѣе добра для будущихъ поколѣній, сохранится навсегда въ его друзьяхъ и въ лицахъ, его знавшихъ.

Соединивъ во одно все сказанное нами о литературно-ученой дѣятельности А. В. Никитенка, всякій просмотрѣвшій его напечатанное, непремѣнно придетъ къ тому убѣжденію, что это былъ человѣкъ глубоко уважавшій науку, поэзію отводившій ей почетное мѣсто и въ ней одной видѣвшій поддержаніе и подкрѣпленіе высказываемыхъ имъ мыслей. Полвѣка бывъ глашатаемъ идей изящнаго и истины, полвѣка стоявъ на ихъ стражѣ, онъ успѣлъ во многихъ изъ своихъ слушателей посѣять это же направленіе, которое они теперь, въ свой чередъ, съ успѣхомъ переводятъ въ жизнь и съ высоты, занимаемыхъ ими въ администраціи. Сторонникъ свободы мысли, онъ никогда не набрасывалъ на нее стѣснительныхъ оковъ, когда былъ убѣжденъ, что они могутъ принести пользу обществу, и пре-

Библиотека "Руниверс"

слѣдовалъ только наиищейшую бѣдарность, отсѣкши прадную ложь. Если труды покойнаго академика не двигали науку впередъ, то они несомнѣнно разширили кругъ познаній, и мы готовы согласиться съ А. В. Никитенко, сказавшимъ объ нихъ лучшимъ представителей нашей литературы, будетъ произнесенъ съ благодарностію, какъ просвѣщеннаго и честнаго литератора и ученаго, имѣвшаго большое вліяніе на общественную среду, что отразится и еще долѣе отразится въ обширной оставшейся послѣ него перепискѣ съ разными лицами и изъ посмертныхъ его записокъ, которыми онъ занимался даже въ дни тяжкой болѣзни.

Отдѣленіе утратило еще члена-корреспондента, бывшаго профессора Московскаго университета, О. М. Бодянскаго, скончавшагося 6-го сентября. Бодянскій принадлежалъ къ тому небольшому кружку даровитыхъ лицъ, избравшихъ въ началѣ сороковыхъ годовъ впервые славянство предметомъ изученія, отъ котораго, въ настоящее время, остался одинъ И. И. Срезневскій. Ему принадлежитъ право и сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о Бодянскомъ и двухъ другихъ товарищахъ, возбудившихъ славяновѣдѣніе въ нашемъ отечествѣ, и оцѣнить значеніе ихъ трудовъ, многочисленныхъ и несомнѣнно важныхъ. Мы можемъ только сказать, что съ именемъ Бодянскаго тѣсно соединяются имена Шафарика, Юнгмана, Зубрицкаго, Крижанича, сочиненія которыхъ онъ передалъ русской наукѣ или въ переводахъ, или въ изданіяхъ; что съ его именемъ останется навсегда связано Московское общество исторіи и древностей и большая часть его изданій, составляющихъ памятникъ его неутомимаго и безкорыстнаго трудолюбія; наконецъ, можно надѣяться, что его имя будетъ красоваться на многихъ предпринятыхъ имъ изданіяхъ, остановившихся по разнымъ обстоятельствамъ, и преимущественно на желаніи, такъ извинительномъ въ ученомъ, придать своимъ трудамъ окончательное совершенство. Бодянскій трудился цѣлую жизнь для науки, ей жертвовалъ всѣмъ, но только не истиной, за которую приходилось неоднократно ему дорого платиться.

Оба лица, которыхъ въ истекающемъ году потеряло Отдѣленіе, а вмѣстѣ съ нимъ Академія и наука, въ продолженіе всей дѣятельной и полезной жизни полагали всѣ свои силы на распространеніе знаній въ нашемъ отечествѣ, на утвержденіе въ молодомъ поколѣніи высокой любви къ человѣку и правдѣ. Подъ отнынѣ святымъ знаменемъ совершенствуется общественная жизнь, совершаются великіе подвиги,

Библиотека "Руниверс"

исполняется историческое предназначеніе народовъ. Да поможетъ Провидѣніе Тому, Кто у насъ милліоны призвалъ къ свободной жизни водворить человѣческія и гражданскія права въ сопленныхъ намъ странахъ, гдѣ нѣкогда цѣвла наука и письменность, къ намъ оттуда перешедшія.

А. Бычковъ.

Библиотека "Руниверс"

ЧЕТВЕРТЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КАЗАНИ [1]).

Въ началѣ предлагаемаго обозрѣнія занятій Казанскаго археологическаго съѣзда было замѣчено, что вопросамъ о мѣстныхъ древностяхъ было отведено на немъ очень широкое мѣсто. Если представленный уже очеркъ сообщеній, сдѣланныхъ въ первомъ отдѣленіи съѣзда, не вполнѣ оправдываетъ это замѣчаніе, такъ какъ разрытіе кургановъ, обслѣдованіе городищъ, собираніе каменныхъ орудій и вообще изученіе такъ-называемыхъ первобытныхъ древностей еще не получило желательнаго и даже необходимаго развитія въ сѣверо-восточной Россіи,—за то изложеніе докладовъ, представленныхъ во второмъ отдѣленіи съѣзда — исторической географіи и этнографіи, можетъ доказать, что эта послѣдняя отрасль науки древностей разработывается въ Казанскомъ краѣ столь же усердно, сколько и успѣшно. Поэтому въ нижеслѣдующемъ обзорѣ вполнѣ правильно будетъ сперва изложить содержаніе рефератовъ о вопросахъ мѣстныхъ, а затѣмъ уже перейдти къ другимъ.

Въ предѣлахъ Казанскаго края наука встрѣчается со многими народами, и въ числѣ ихъ—съ такими, которые и нынѣ стоятъ не на высокой степени культуры: объ исторіи этихъ народовъ, ихъ взаимныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ, ихъ вліяніи другъ на друга сохранилось немного древнихъ письменныхъ свидѣтельствъ, и такой недостатокъ историческихъ извѣстій приходится нерѣдко восполнять изученіемъ современнаго быта и языка этихъ народовъ, собирая тутъ по крупицамъ остатки древностей и случайно уцѣлѣвшія воспоминанія о ней. Къ числу данныхъ такого рода, одинаково интересныхъ для историка, этнографа и лингвиста, относятся между прочимъ разнаго рода географическія названія—какъ населенныхъ мѣстъ, такъ и

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

на заселенныя урочища, рѣки, горы и т. д. Естественно и то, что и въ предѣлахъ Казанскаго края изученіе географической номенклатуры привлекло къ себѣ вниманіе мѣстныхъ ученыхъ и дало матеріалъ для любопытныхъ сообщеній на археологическомъ съѣздѣ.

Въ ряду этихъ сообщеній мы считаемъ возможнымъ сказать прежде всего о рефератѣ П. А. Износкова, который ставитъ вопросъ историко-этнографическомъ значеніи мѣстной географической номенклатуры на довольно широкое основаніе и трактуетъ о сохранившихся въ народѣ преданіяхъ о названіяхъ селеній въ Казанскомъ краѣ. Указавъ на обильный преданій о названіяхъ селеній, объ основателяхъ ихъ и о переселеніяхъ жителей, г. Износковъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что большая часть селеній въ Казанской губерніи носитъ инородческія названія, хотя многія изъ нихъ сравнительно недавно заселены Русскими. Почти во всѣхъ русскихъ селеніяхъ сохранились преданія о томъ, что на мѣстѣ ихъ поселеній, или непосредственно отъ нихъ, были прежде Татары или другіе инородцы. Встрѣчаются также преданія и о томъ, что нѣкоторыя переименованныя сохранились Татарскія названія нѣкоторыхъ поселеній Русскими. Многія изъ нынѣ существующихъ татарскихъ и русскихъ селеній были, судя по народнымъ преданіямъ, основаны во время завоеванія Казани, или немного ранѣе, или позже этого событія. Основателями болѣе древнихъ русскихъ селеній въ Казанской губерніи были, большею частью, выходцы изъ сосѣднихъ губерній, въ числѣ ихъ было не мало бѣглыхъ, вѣроятно—бывшихъ колоновъ, а затѣмъ крѣпостныхъ и людей, приговоренныхъ къ ссылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы. Инородческія селенія Чувашей и Черемисовъ, находящіяся въ западной полосѣ губерніи, основаны большею частью недавно. У инородцевъ этихъ до сего времени остались признаки кочевой жизни; они основывали только небольшіе поселки („касы“ или „сола“), въ которыхъ водворялись отдѣльныя семьи. Въ заключеніе реферата было высказано, что сохранившіяся въ народѣ преданія объ основаніи селеній, преданія, въ которыхъ часто упоминается о томъ, кто были основатели или какой мѣстности они были выходцами, почему оставлено прежнее мѣстное и по какому поводу дано названіе вновь заселенной,—могутъ способствовать къ разъясненію вопросовъ о томъ, въ какихъ направленіяхъ происходили въ разное время народныя передвиженія, какое вліяніе имѣли жители окружающихъ селеній на переселенцевъ, какія послѣдовали измѣненія въ обычаяхъ, языкѣ переселившихся и пр.? Для того, чтобы достигнуть болѣе правильныхъ

Библиотека "Руниверс"

отнестись къ этимъ вопросамъ, необходимо собрать какъ можно больше преданій, сличить ихъ и сгруппировать, выдѣлить изъ нихъ то, что составляетъ позднѣйшій вымыселъ, и затѣмъ на основаніи народныхъ воспоминаній основательно разсѣянно, подыскать соотвѣтствующія параллели, которыя могли бы служить къ объясненію названій и т. д.

Мысли, высказанныя г. Износковымъ, были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ вызвали нѣкоторыя возраженія. Такъ, Н. И. Зефтигинъ, соглашаясь съ мнѣніемъ г. Износкова о важности изученія преданій, связанныхъ съ названіями селеній, замѣтилъ, что къ такимъ преданіямъ слѣдуетъ однако относиться съ крайнею осторожностью, и если они не подтверждаются другими данными, то давать имъ менѣе цѣны, чѣмъ другимъ источникамъ. Вообще должно признать, что многія названія селеній не принадлежатъ языку того племени, которое обитаетъ въ этихъ селеніяхъ; такъ среди сплошного черемисскаго населенія встрѣчаются мѣстности съ чисто татарскими названіями, напримѣръ, въ черемъ. Новодеревенскаго уѣзда, названія большей части старинныхъ чувашскихъ деревень принадлежатъ языку до-татарской эпохи и т. д.; если же сравнить личныя историческія имена, сохранившіяся въ названіяхъ селеній, напр. напримѣръ, удалое татарскаго наѣзднника Епанчи—въ названіи деревень Епанчино, Казанскаго и Лаишевскаго уѣздовъ, или хитраго горно-черемисскаго героя Акпарса (Бѣлаго Тигра)—въ названіи починка Акпарскаго, Царевококшайскаго уѣзда, то ясно можно представить себѣ среди нынѣшнихъ инородцевъ Казанскаго края еще другихъ обитателей его, по выраженію русскихъ писателей XVI вѣка,—здолитыхъ ратниковъ, козлуяшихъ, панцирниковъ, латниковъ, удалыхъ, храбрыхъ, вооруженныхъ и изрядно изготовленнымъ оружіемъ. Принимая въ соображеніе этотъ воинственный характеръ нѣкоторой части древняго населенія Казанскаго края, можно—по мнѣнію г. Золотницкаго—считать достовѣрнымъ преданіе такія преданія, которыя относятся къ селеніямъ, имѣющимъ значеніе вооруженныхъ и укрѣпленныхъ мѣстностей, а стратегическихъ пунктовъ, и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняютъ названія этихъ селеній въ такомъ боевомъ смыслѣ.—Н. А. Смирновъ въ своихъ замѣчаніяхъ на рефератъ г. Износкова, кромѣ указанія на неточность его выраженія, что старѣйшія русскія поселенія въ Казанскомъ краѣ основаны бѣглыми крѣпостными и ссыльными на каторгу, неточность, вытекающую изъ того, что ни крѣпостного права, ни ссылки на каторгу не существовало въ XVI вѣкѣ,—сообщилъ нѣсколько историческихъ фак-

Библиотека "Руниверс"

ность, обнаруживающаяся новыми русскими семенами фамилій, данныхъ народами, скими названіями, великими, татарскими названіями озеръ, рѣкъ и т. д. Известно, что со временъ Іоанна Великаго и Елисаветы Петровны относятся значительныя поселенія, распространившія православіе среди инородцевъ Казанскаго края: во то время лишь одни владѣльцы земель и умершіе держатели окрещивались, утрачивали свое имущество и земли его переходили къ принявшимъ православіе. При Елисаветѣ постановлено было даже вовсе принявшихъ христіанство отдѣлять отъ язычниковъ и переселять на особыя мѣста; это соблюдалось въ теченіе всего XVIII, но вмѣстѣ, въ видахъ крайняго неудобства для переселенныхъ, было предписано, чтобы населеніе подвергалось сопротивлявшееся крещенію, а крестившіеся оставались бы на своихъ мѣстахъ. Въ Полномъ Собраніи Законовъ есть указанія, что многіе Чуваши и Черемисы крестились именно для того, чтобъ остаться на мѣстахъ осѣдлости и избѣжать переселенія. Эти передвиженія жителей и служатъ причиной тому, что названія многихъ селеній не могутъ быть объяснены изъ языка ихъ современныхъ обитателей. Наконецъ, П. Д. Шестаковъ вправѣ отъ имени второго отдѣленія съѣзда, осуществіе намѣренія И. А. Кипріанова и Н. И. Золотницкаго составить списки населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи съ объясненіемъ названій и указаніемъ историческихъ именъ и преданій, которыя относятся къ этимъ мѣстностямъ, и добавить при этомъ, что такіе списки желательно видѣть напечатанными въ Трудахъ Казанскаго съѣзда.

Какъ на частные примѣры точнаго изслѣдованія географической номенклатуры можно указать на два реферата: Н. И. Золотницкаго— о семенахъ съ названіемъ „тарханы" въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, и С. М. Шпилевскаго—по вопросу о томъ, было ли какое-нибудь племя, которое, какъ указываетъ покойный академикъ П. И. Кеппенъ, называлось „Вялавъ".

Г. Золотницкій въ своемъ рефератѣ сперва объяснилъ значеніе „тархановъ" въ государствѣ Чингисидовъ, какъ званія и сословія, а затѣмъ обратилъ вниманіе на значеніе ихъ въ Казанскомъ краѣ и высказалъ, что это было или сословіе, образовавшееся изъ потомковъ лицъ, пользовавшихся угодьями въ потомственное владѣніе, или же только названіе должности, означавшей сотника, въ общемъ значеніи начальника, которому между прочимъ поручался и сборъ податей. Покойный А. И. Артемьевъ, въ предисловіи къ Списку населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи (стр. LXXVIII), выразилъ мнѣніе, что обычай учреждать тархановъ, перейдя отъ Татаръ къ Русскимъ,

Библиотека "Руниверс"

держался до Петра I, и что такъ надъ пять селеній, носящихъ имя тарханцевъ, большая часть населена Чувашами, а только одно — Татарами, то надобно думать, что вообще сословіе тарханцевъ состояло преимущественно изъ Чувашей. Г. Золотницкій отвергъ эти утвержденія, и между прочимъ, указалъ, что не его справилъ, изъ 32 селеній съ названіемъ „тарханъ" только 17 суть чисто чувашскія. Затѣмъ референтъ исчисляетъ тѣ пять селеній этого наименованія, съ коими соединяются преданія о родоначальникахъ ихъ обитателей, или которыя замѣчательны по своей мѣстности. Въ заключеніе г. Золотницкій сказалъ, что подобные ханскимъ тарханскимъ ярлыкамъ льготные дипломы называются по арабски „берат", и что въ Казанской губерніи есть пять селеній съ названіями Царевъ, Парапмары, вслѣдствіе чего можно предположить, что эти селенія только пользовались нѣкогда какими-либо привилегіями.

Подобно слову „тарханъ", и слово „бѣлякъ" подаетъ на названіе нѣкоторыхъ селеній Казанской губерніи. Покойный Кеппенъ, извѣстный составитель этнографической карты Европейской Россіи и собиратель разныхъ матеріаловъ для этнографіи, придавалъ этому названію чисто этнографическое значеніе, разумѣя подъ Бѣлявами, по видимому, особый народъ или племя, подобное Вотякамъ или Чувашамъ. (Хронол. указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ, Кеппена, стр. 143, 430 и 502). А. И. Артемьевъ, на основаніи одного документа, напечатаннаго въ Актахъ Археографической Экспедиціи (I, № 220), гдѣ значится личность „Казанскаго Татарина Бѣляка, именнаго человѣка", полагалъ, что селенія съ названіемъ „бѣлякъ" входили въ составъ обширныхъ помѣстій этого казанскаго вельможи (Списокъ насел. мѣстъ Каз. губ., стр. LXXIV). Г. Шпилевскій, опровергнувъ въ своемъ сообщеніи оба вышеизложенныя мнѣнія и указалъ, что слово „бѣлякъ" тюркскаго происхожденія и означаетъ единицу территоріальнаго владѣнія.

Такое толкованіе, предложенное С. М. Шпилевскимъ, встрѣтило оживленныя возраженія со стороны И. Я. Христоферова: онъ имѣлъ случай часто встрѣчать слово „белякъ" въ разныхъ актахъ XVII вѣка, относящихся къ мѣстности нынѣшней Симбирской губерніи, и полагаетъ, что оно происходитъ отъ русскаго глагола „обѣлять", такъ какъ Русскіе государи, присоединяя къ своимъ областямъ инородческія земли, обѣляли ихъ и давали имъ большія льготы сравнительно съ черными русскими областями.—Возраженіе это встрѣтило однако сильныя опроверженія, какъ со стороны самого г. Шпилев-

Библиотека "Руниверс"

ского, такъ и этнографіи древнихъ племенъ. Г. Шпилевскій напомнилъ, что производства существительнаго „бояринъ" отъ глагола „бояться" не можетъ быть допущено, такъ какъ никто изъ населенія, по сознанію его матеріалъ, не былъ обѣленъ, а напротивъ видѣлъ—И. И. Мочалинскій объяснилъ, что онъ самъ видѣлъ въ И. Н. Мешенскомъ на сохранившемся деревянномъ Нижегородскомъ отпускномъ Симбирской губерніи: тотъ одинъ Мордвинъ не называлъ себя Мелтему бѣлымъ; да и вообще Мордва не была обѣлена, а напр. видно изъ грамотъ XVII в., раздавалась разнымъ служилымъ людямъ „для крещенія"; при Иванѣ Грозномъ многіе Нижегородскіе Мордвины пожалованы не были Калистеемъ Собакинымъ, братомъ второй жены царя; первые же обѣленные крестьянами были, вѣроятно, крестьяне, помогавшіе княгинѣ Маріи во время ея заточенія и заплатившіе за то ея сынамъ царямъ Михаломъ, да родственники Сусанина изъ нынѣшняго Костромскаго уѣзда.—Н. И. Золотницкій сказалъ, что слово „белякъ" есть смягченное джагатайское „бикъ", „булекъ"—даръ, подарокъ (чувашское „пилеи") или турецко-татарское „бёлюкъ"—часть, доля (чув. „пилюкъ"—духъ, раздающій жребій).—И. А. Ивановскій обратилъ вниманіе на то, что селеніи съ названіемъ „белякъ" населены Черемисами, которые говорятъ не „белякъ", а „пелякъ", и что слово значитъ—часть, половина („пель").

Изъ номенклатуры населенныхъ мѣстъ получаетъ свое объясненіе и еще одно племенное названіе, о которомъ шла рѣчь на Казанскомъ съѣздѣ: мы разумѣемъ Нагайбаковъ, о которыхъ представленъ былъ особый рефератъ В. Н. Витевскимъ [1]) Нагайбаки живутъ въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи, но это совсѣмъ не особое племя, а просто крещеные Татары, названные такъ по селу Нагайбакъ, Белебеевскаго уѣзда, изъ котораго они выселены лѣтъ тридцать тому назадъ. Въ рефератѣ г. Витевскаго изложены были также различныя этнографическія данныя о Нагайбакахъ.

Кромѣ названія селеній, памятниками древнихъ племенныхъ отношеній въ Казанскомъ краѣ являются и другіе этнографическіе при-

[1]) Сообщеніе г. Витевскаго было сдѣлано въ восточномъ отдѣленіи съѣзда, но мы сочли возможнымъ упомянуть о немъ при обзорѣ рефератовъ II-го отдѣленія по связи его содержанія съ рефератами гг. Износкова, Золотницкаго и Шпилевскаго. Такіе переносы рефератовъ изъ одного отдѣленія въ другое намъ придется дѣлать и ниже сего, такъ какъ на самомъ съѣздѣ иногда только случайныя обстоятельства, а не сущность дѣла, давали поводъ ко внесенію извѣстныхъ рефератовъ въ то, а не въ другое отдѣленіе.

Библиотека "Руниверс"

ными современнаго его состоянія. На съѣздѣ этотъ докладъ былъ сдѣланъ Н. А. Износковымъ въ приложеніи къ двумъ спискамъ личныхъ именъ инородческихъ и инородной одежды. Въ сообщеніи о личныхъ инородческихъ именахъ г. Износковъ обратилъ вниманіе на то, что подробные списки такихъ именъ не вполнѣ могутъ дать указаніе — къ какому народу принадлежали первые основатели селеній, какое вліяніе оказали на этотъ народъ другіе сообщавшіеся народы, и какъ съ теченіемъ времени измѣнялось это вліяніе; референтъ собралъ нѣсколько такихъ списковъ, относящихся къ инородцамъ Казанской губерніи, и говоритъ, что разсмотрѣвъ составленный Н. Н. Золотницкимъ списокъ инородческихъ именъ изъ старинныхъ актовъ, изъ этихъ списковъ, хотя и недостаточно полныхъ, можно сдѣлать нѣкоторые выводы о взаимномъ вліяніи инородцевъ другъ на друга.

Какъ и вышеизложенный рефератъ г. Износкова о названіяхъ селеній, докладъ его объ инородческихъ именахъ подвергся нѣкоторымъ возраженіямъ. Такъ Н. Н. Золотницкій указалъ, что при изученіи личныхъ именъ инородцевъ требуется извѣстная осторожность, дабы не принять за имена только прозвища лица, напримѣръ, Аппарся, или отдѣльныя фразы — „Пай-тус“, „Перне-тау“, „Пи-чель“, или даже названія предметовъ съ какою-либо приставкою — „Чабасар“. Кромѣ того, г. Золотницкій объяснилъ происхожденіе нѣкоторыхъ, приведенныхъ г. Износковымъ, инородческихъ именъ отъ арабскихъ и тюркскихъ корней, а А. Я. Гаринъ замѣтилъ, что въ числѣ этихъ именъ нѣкоторыя одинаково распространены у сартъ мусульманъ и суть арабскаго происхожденія.

Въ рефератѣ о народной одеждѣ Н. Износковъ сообщилъ свѣдѣнія о древнихъ одеждахъ крещеныхъ Татаръ, живущихъ въ Лаишевскомъ уѣздѣ; сравнивъ одежды древнія и современныя, и затѣмъ разсмотрѣвъ какъ покрой, такъ и вышивки и самыя названія первыхъ („чува“), г. Износковъ высказалъ предположеніе, что, судя по костюму, крещеные Лаишевскіе Татары не суть собственно Татары, а скорѣе другіе инородцы—Чуваши, Черемисы или Мордва.

Въ дополненіе къ этому сообщенію Н. Н. Золотницкій замѣтилъ, что ни названіе „чува“, ни вышивки на одеждахъ, о которыхъ говорилъ г. Износковъ, не даютъ права считать этотъ костюмъ чувашскимъ: между прочимъ въ узорѣ этихъ одеждъ не видно существеннаго признака чувашскихъ вышивокъ — звѣзды; на рукавахъ чувашской рубахи, ниже плеча, вышивается узоръ въ видѣ звѣзды, назы-

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Къ сожалѣнію, тѣ земляные и особенно каменные остатки, которые служатъ воспоминаніемъ древнихъ поселеній въ области средней и нижней Волги и Камы, находятся нынѣ почти въ полномъ разрушеніи. На это указывали отчасти въ рефератахъ о городищахъ и валахъ, содержаніе которыхъ мы помѣстили уже при обзорѣ занятій перваго отдѣленія съѣзда. Это же подтверждаютъ и другія сообщенія, какъ напримѣръ, о развалинахъ городовъ Маджара и Сарая или о земляныхъ сооруженій близъ с. Русскіе Кирмени, въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.

О городищѣ въ Русскихъ Кирменяхъ сообщилъ на основаніи личнаго осмотра Е. Т. Соловьевъ. Здѣшнее земляное укрѣпленіе имѣло выгодное стратегическое положеніе: расположенное на возвышенности и окруженное съ трехъ сторонъ лѣсомъ, а съ четвертой прилегавшее къ болоту, оно господствовало надъ окрестной равниной. По соображеніямъ, высказаннымъ И. А. Износковымъ и С. М. Шпилевскимъ, городище это есть остатокъ древняго болгарскаго города Кремянчуга, о взятіи котораго Русскими ханомъ Джанибекомъ упоминаетъ подъ 1399 годомъ, и изъ котораго—по указанію В. В. Радлова—былъ родомъ одинъ изъ Казанскихъ хановъ.

Наибольшее разрушеніе постигаетъ развалины каменныя: это ясно было указано въ сообщеніяхъ П. Д. Шестакова,—объ остаткахъ города Маджара на Кумѣ, и Н. А. Ловягина—о развалинахъ Сарая, столицы Золотой Орды. Маджарскія развалины были описаны во второй половинѣ XVIII вѣка академикомъ Гмелинымъ и затѣмъ, сто лѣтъ спустя, въ 1877 году, Ставропольскимъ статистическимъ комитетомъ: между тѣмъ и другимъ описаніемъ, по замѣчанію г. Шестакова,—громадная разница: тамъ—еще живая картина древняго быта, здѣсь—однѣ развалины, полныя глубокой тайны.—Не много лучше, по словамъ Н. А. Ловягина, состояніе и сарайскихъ развалинъ; онѣ лежатъ въ окрестностяхъ г. Царева, къ сѣверу отъ него, въ урочищѣ Царевы пады, и образуютъ массу кургановъ на площади въ четыре квадратныя версты; сверхъ того, рядъ отдѣльныхъ кургановъ верстъ на 20 тянется отъ этой главной массы на с. Пришибу и, на востокъ до с. Колобовщины. Всѣ эти курганы имѣютъ видъ опрокинутой чашки и состоятъ сверху изъ мелкаго щебня, а внутри изъ кирпича особаго рода, которые мѣстные жители называютъ Мамаевскимъ. Жители г. Царева, подобно жителямъ с. Селитряннаго, близъ городища того же имени, добываютъ кирпичъ изъ этихъ кургановъ и тѣмъ сильно содѣйствуютъ уничтоженію развалинъ.

Библиотека "Руниверс"

Вместе с тем употребляя выражение о самых древних сооружениях на новых постройках много содействовало значительному разрушению описываемых булгарских развалин. Столица Волжско-Болгарских Булгар находилась на 7 верстах далее от нынешнего течения Волги, на Спасовом уезде Казанской губернии, где ныне село Успенское-Болгары. Белая церковь этого села существует 30 столетий назад существовавшую многолюдную общину, из которой произошли собственно, соединившиеся с другими племенами единицы, что было „двуглавие“. Или особенная печать. Ныне этой общины в существе уже не существует, но руководящих сил должно особенно сохранилось, условий еще довольно развалин, издавна усвоенных себе названия „зеркальной“ или „судной палаты“, „белой палаты“, „каменного столба“ (башни) и т. п. В таком печальном виде место булгарских древностей мною было осмотрено 18-го августа 1877 г. Но не таким оно было еще недавно, и чуть более ста 1766 г., когда осматривала их императрица Екатерина II, и в начале XVII века, когда их посетил Петр Великий. Напоминание об этих осмотрах было сделано на Казанском съезде в рефератах о памятниках Троицко-Сергиевой лавры, архимандрита Леонида (Кавелина), а напоминание это вызвано тем, что у нас интересовались Булгарскими развалинами еще в прошлом веке, явился представителем от лица директора Московского главного архива министерства иностранных дел барона О. А. Бюлера приложенный план, виды и описание Булгарского городища, а также снятый с подлинника таможенный надпись, и сии лица директора Московского архива министерства юстиции Н. В. Калачова, в котором находящиеся планы, рисунки, в которых содержатся описание Булгарских развалин, составленное [illegible] Лепехиным [illegible] императрицы Екатерины II.

Как из следующего видно, на Казанском съезде были сделаны весьма важные сообщения о Булгарской области и истории Булгарского царства, так и о географии более поздней столицы царства Казанского. Мы уже говорили в начале этой статьи, что один из наиболее ревностных представителей науки древностей в Казани, С. М. Шпилевский, приготовил к съезду обширное сочинение под заглавием: „Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии“; извлечение из этого сочинения было представлено автором в виде устного сообщения на съезде. В реферате своем г. Шпилевский сперва сообщил обзор источ-

Библиотека "Руниверс"

никовъ, содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія о древнемъ Булгарѣ, взялъ описать нынѣшнія развалины Булгарскаго городища и упомянулъ о надгробныхъ надписяхъ, здѣсь сохранившихся, и вещахъ и монетахъ, здѣсь найденныхъ. Отдавъ справедливость выпискамъ тѣхъ извѣстій, которыя содержатся въ вышеупомянутыхъ арабскихъ, г. Шпилевскій заявилъ, что не придаетъ значенія помѣщаемымъ мусульманскими писателями, въ которыхъ встрѣчается множество анахронизмовъ и даже просто нелѣпостей, такъ напр. указалъ, что извѣстный походъ Монголовъ на Булгарскую землю, имѣвшій связь съ основаніемъ г. Казани, позднѣйшими татарскими историками приписанъ Алеакъ-Тимуру, а онъ былъ совершенъ Менгу-Тимуромъ. Говоря о русскихъ извѣстіяхъ, г. Шпилевскій замѣтилъ между прочимъ, что подъ 1376 г., когда, какъ замѣчаютъ современные историки, — въ первый разъ въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается г. Казань, должно разумѣть г. Булгаръ. О нынѣшнемъ состояніи Булгарскихъ развалинъ г. Шпилевскій сообщилъ, что основанія каменнаго осьмиугольнаго зданія на два перада съѣдаетъ, по поводу мусульманскихъ надписей объяснилъ, въ чемъ состояла ошибка въ чтеніи большей части надписей, принятыхъ Клапротомъ, Ердманомъ и И. Н. Березинымъ въ смыслѣ обозначенія года 628 (вѣроятно принесетъ упокоенія"), наконецъ, относительно вещей и монетъ, найденныхъ въ Булгарѣ, г. Шпилевскій указалъ на статью, помѣщенную описанію разныхъ найденныхъ здѣсь предметовъ и на важнѣйшія коллекціи, которыя составились изъ булгарскихъ находокъ, въ особенности—на богатую коллекцію А. О. Дмитріева въ Казани.

Въ дополненіе къ представленному г. Шпилевскимъ обзору источниковъ булгаро-казанской исторіи можно упомянуть о тѣхъ, которые на съѣздѣ трудъ ученаго казанскаго муллы Шихабеддина-Багаветдина: „Исторія Булгарскаго и Казанскаго царствъ". В. В. Радловъ, сообщившій о его трудѣ на съѣздѣ, обратилъ при этомъ вниманіе на новый указанный почтеннымъ муллой источникъ для изученія мухаммеданской исторіи Казанскаго края, а также на предисловія и посвященія разныхъ рукописныхъ книгъ богословскаго содержанія, составленныхъ во времена разныхъ хановъ Золотой Орды: въ этихъ предисловіяхъ и посвященіяхъ сдѣланы нѣкоторые историческіе намеки и собственныя имена, не искаженныя вліяніемъ позднѣйшихъ временъ.

О городѣ Казани представлено было на съѣздѣ любопытное сообщеніе о. протоіереемъ П. Е. Зарницкимъ, авторомъ книги „Очерки древней Казани, преимущественно XVI вѣка". Онъ описалъ топографію Казани во время осады ея царемъ Иваномъ IV. Сказавъ о

тому, что взятие осады Казани въ 1552 году, составляющее фонъ Казанскаго профессорскаго Суровошнаго генерала Ласковецкаго, не удовлетворительно въ научномъ отношеніи; отецъ Зарницкій объявилъ, что новое важное значеніе для исторіи осады имѣетъ списокъ съ писцовой книги города Казани, 1566—1568 гг., изданный совѣтомъ Казанской духовной академіи въ съѣзду. Пользуясь данными этого источника, о. Зарницкій указалъ на современномъ планѣ Казани мѣстонахожденіе воротъ, существовавшихъ здѣсь во время владычества Татаръ и потомъ Русскихъ въ XVI в., опредѣлилъ границы Казанской крѣпости, характеръ мѣстности, которую она занимала въ этотъ вѣкъ, и вліяніе послѣдней на расположеніе различныхъ частей этой крѣпости, а затѣмъ остановился на замѣткѣ „о напущеніи подкопу подъ стѣну" въ извѣстной „Исторіи о Казанскомъ царствѣ" (над. 1791 г., стр. 210—214); по мнѣнію о. Зарницкаго, эта замѣтка должна быть причислена къ источникамъ первоначальнымъ: авторъ ея находился въ 1552 г., во время осады, въ плѣну у Татаръ въ самой крѣпости, что доказывается, между прочимъ, его упоминаніемъ, что первый подкопъ былъ сдѣланъ „надъ Арскими стрѣлецкими воротъ, идеже нынѣ спасскія ворота нынуются"; Спасскія же ворота, по свидѣтельству писцовой книги, находились въ крѣпостной оградѣ, рядомъ съ Арскими воротами, по направленію къ Булаку, слѣдовательно, дѣйствительно напрямо для того, кто былъ въ крѣпости. Слѣдующія слова „Исторіи о Казанскомъ царствѣ" о мѣстонахожденіи втораго подкопа: „на улицу подъ стрѣлецкіе отъ Булака стрѣльбище полѣвую сторону, по обѣ Нагайскія ворота", точно такое свидѣтельство того, что авторъ ея находился въ Казанской крѣпости во время осады ея Русскими.

Извѣстно, что изъ всѣхъ областей старинной Руси Нижегородская сторона была въ ближайшей связи съ Казанскимъ царствомъ. Поэтому не будетъ ошибочнымъ помѣстить въ числѣ мѣстныхъ вопросовъ Казанскаго или Камско-Волжскаго края подобныя нашей настоящему реферату о. Зарницкаго соображенія о древней топографіи Нижняго Новгорода, или точнѣе говоря, о существовавшихъ тамъ Старомъ и Новомъ городѣ, они были высказаны П. И. Мельниковымъ. Въ лѣтописяхъ извѣстіяхъ объ Улу-Мухаметѣ, отцѣ перваго Казанскаго царя Мухаметъ-Амина, говорится, что онъ занялъ въ Нижнемъ Новгородѣ Старый городъ, а въ Меньшемъ городѣ затворились московскіе воеводы Ѳедоръ Долгорукой да Литвинъ Юшка Драница. Лѣтомъ 1445 года московскіе воеводы, затворившіеся въ Меньшомъ городѣ голодомъ, сошли въ вещь всѣ строенія и ушли къ великому князю Василію Василье-

Библиотека "Руниверс"

вину отъ Юрьевъ-Польскій. Улу-Мухаметъ занялъ тогда оба города, и въ Старый, послѣ сраженія при рѣкѣ Кажимѣ у Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря, принесенъ былъ пленникомъ Московскій государь. Старый городъ находился на горѣ Гремячей, противъ нынѣшняго плашкоутнаго моста чрезъ Оку, а Новгородъ Нижній Новгородъ назвали Новымъ городомъ въ отличіе Стараго города, построеннаго Юріемъ Всеволодовичемъ княземъ Суздальскимъ на Гремячей горѣ. Нижнимъ онъ названъ потому, что помѣщался ниже Стараго по теченію рѣки; Меньшимъ назывался онъ не потому, что пространствомъ былъ меньше Стараго, а потому, что былъ позднѣе построенъ, былъ младшимъ. Старый находился отъ Новаго въ 11/2 верстахъ. Старый погибъ во время осады Гремячей горы (1445—1462 гг.), когда засѣлъ, кромѣ ока, 150 дворовъ съ людьми и скотомъ. Слѣды этого сидѣнья до сихъ поръ видны возлѣ Похвалинскаго съѣзда прямо противъ плашкоутнаго моста чрезъ Оку.

Въ заключеніе обзора рефератовъ, представленныхъ на Казанскій съѣздъ по археологическимъ задачамъ погорѣлецкій географіи и этнографіи, нами слѣдуетъ упомянуть о сообщеніяхъ, относящихся къ исторіи водворенія русскаго населенія въ Казанскомъ краѣ: къ этому предмету относились рефераты Д. А. Корсакова. Онъ слѣдующему вопросу программы: „какихъ городовъ служилые люди были помѣщиками и вотчинниками въ Казанскомъ краѣ въ XVI и XVII вѣкахъ?“ и замѣчанію вообще по предмету колонизаціи средняго Поволжья, предоставленнаго И. Я. Христофоровичъ, представилъ разработки тѣхъ частей и документовъ XVII и XVIII вѣковъ, которые хранятся въ Кирѣевской библіотекѣ въ Шишкинѣ. Н. Мининъ г. Корсаковъ вопросы, поставленные въ программѣ съѣзда, тѣсно интересуютъ историко-этнографическія изысканія. Пришедшіе на вотчинныя земли изъ Казанскаго краѣ переводили туземное русское населеніе въ внутреннія губерніи Московскаго государства, и опредѣленіемъ границъ, въ которыхъ имѣли служилые люди въ этотъ край, можно было бы отчасти уяснить любопытный вопросъ: изъ какихъ областей земли Русской пришелцы населили Казанское царство русскіе колонисты? Г. Корсаковъ не пытался однако рѣшить этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ, но указалъ на одинъ изъ источниковъ, могущихъ служить для этой цѣли, притомъ не подвергнутый доселѣ обслѣдованію: это — дворянскія родо-

словныя книги. Указавъ на составъ этихъ книгъ, г. Корсаковъ привелъ изъ дворянской родословной книги Казанской губерніи, разсмотрѣнной имъ въ архивѣ Казанскаго дворянскаго депутатскаго собранія, нѣсколько свѣдѣній о служилыхъ родахъ XVI и XVII вѣковъ, прибывшихъ изъ разныхъ областей Московскаго государства, и равно и о такихъ служилыхъ людяхъ нѣкоторыхъ городовъ Казанскаго края, напримѣръ, Алатыря, Свіяжска, Атемара, — о которыхъ нѣтъ указанія откуда они пришли.

По поводу этого сообщенія нѣсколько замѣчаній было высказано Н. Н. Загоскинымъ. Онъ напомнилъ, что при Іоаннѣ Грозномъ помѣщики и вотчинники не могли переводить крестьянъ съ одной земли на другую, этого не могло быть не только въ XVI вѣкѣ, но и въ XVII, потому что въ то время крестьяне не были закрѣплены, и если что-либо подобное дѣлалось, то безъ всякаго легальнаго основанія. Правда, въ 1675 году данъ былъ боярину А. С. Матвѣеву указъ на право переводить крестьянъ съ одной земли на другую, но этотъ указъ не имѣлъ общаго характера, и если примѣнялся другими, то совершенно незаконно. Точно также, по мнѣнію г. Загоскина, замѣчаніе референта, что на земли Казанскаго царства переходили служилые люди изъ Алатырскаго и Пензенскаго уѣздовъ, не имѣло отношенія къ поставленному имъ вопросу, потому что Алатырь и Пенза сами принадлежали къ Казанскому царству.—На это г. Корсаковъ объяснилъ, что только нѣкоторая неясность его выраженій могла дать поводъ къ сдѣланнымъ ему возраженіямъ; возможность перевода крестьянъ помѣщиками въ Казанскій край въ XVI вѣкѣ онъ могъ разумѣть только въ смыслѣ добровольнаго соглашенія между обѣими сторонами или въ силу особаго на то распоряженія правительства; относительно же указа 1675 года, можно сказать, что хотя онъ имѣетъ чисто сепаратное значеніе — въ пользу боярина Матвѣева, но имъ вскорѣ стали пользоваться и другія лица для оправданія своихъ дѣйствій.

Что касается до сообщенія г. Христофорова, то разсмотрѣнные имъ документы почти всѣ относятся къ Симбирскому краю и принадлежатъ главнымъ образомъ XVII вѣку. На основаніи ихъ можно возстановить общій характеръ мѣстности между рѣками Волгой, Сурой и Свіягой и составъ ея населенія, какъ кореннаго, такъ и пришлаго. Первобытными обитателями страны были Буртасы, Мордва и Чуваши; Буртасы упоминаются еще въ документахъ XVII вѣка какъ особое племя. Представителями русской колонизаціи являются сперва казаки и бѣглые крестьяне, а послѣ нихъ разные служилые люди, которые на-

Библиотека "Руниверс"

чинаютъ здѣсь захватывать землю и выдерживать борьбу какъ съ инородцами, такъ и съ казаками.

Какъ ни отрывоченъ представленный нами обзоръ рефератовъ, внесенныхъ на Казанскій съѣздъ по мѣстнымъ задачамъ исторической географіи и этнографіи, онъ все-таки до нѣкоторой степени указываетъ на тотъ живой интересъ, съ какимъ эти задачи обсуждались на съѣздѣ. Напротивъ того, по той же отрасли археологіи, но внѣ предѣловъ Волжско-Камскаго края, жатва съѣзда была гораздо бѣднѣе, хотя также не безплодна. Не имѣя возможности излагать здѣсь всѣ относящіеся сюда рефераты, скажемъ нѣсколько словъ только о двухъ, которые касались древняго состоянія южно-русской степи и ея обитателей въ первые вѣка существованія Русскаго государства.

Л. Н. Майковъ предложилъ нѣсколько соображеній по слѣдующему вопросу программы съѣзда: „Безлѣсная, нынѣ степная, полоса южной Россіи представляла ли когда-либо въ древности обширныя пространства, покрытыя лѣсами, или же она искони, на сколько знаетъ ее исторія, отличалась своимъ нынѣшнимъ степнымъ характеромъ?“ Указавъ на два противоположныя мнѣнія по этому вопросу академиковъ Германа и Бера, изъ коихъ первый полагалъ, что южная Русь была въ древности покрыта обширными лѣсами, которые постепенно истреблены кочевниками, а второй признавалъ исконное безлѣсіе южно-русскихъ степей,—г. Майковъ замѣтилъ, что нѣкоторыя данныя для рѣшенія этого спорнаго вопроса могутъ представить новѣйшія гео-ботаническія изслѣдованія о черноземѣ—академика Рупрехта. Изъ этихъ изслѣдованій, подтвержденныхъ въ своемъ основаніи позднѣйшими изысканіями другихъ ученыхъ, оказывается, что черноземъ южно-русской степи произошелъ отъ перегноя травянистой растительности, растительность же степи образуетъ особую флору, которая характеризуется распространеніемъ большихъ массъ ковыля. Процессъ перегноя совершался весьма медленно, и потому,—замѣтилъ г. Майковъ,—необходимо допустить, что если южно-русская степь представляетъ нынѣ пространство земли, покрытое тучнымъ черноземомъ, то стало быть, она издревле обладала не лѣсною, а только травянистою растительностью, изъ которой въ теченіе вѣковъ и образовалась ея черноземная почва. Затѣмъ г. Майковъ исчислилъ по историческимъ свидѣтельствамъ тѣ лѣсные острова, которые находились въ древности среди нашего черноземнаго юга, при чемъ замѣтилъ, что въ нихъ почва не черноземная, а суглинистая, что

Библиотека "Руниверс"

косвенно также подтверждаетъ мнѣніе объ исконномъ безлѣсіи черноземныхъ пространствъ. Наконецъ, г. Майковъ указалъ, что въ историческихъ свидѣтельствахъ нашихъ лѣтописей можно найдти и прямое подтвержденіе той противоположности, которая издревле существовала между степною природой нашего черноземнаго юга—такъ-называемаго „поля" и лѣснаго сѣвера. Сближеніемъ этихъ историческихъ свидѣтельствъ съ вышеприведенными результатами физико-географическихъ наблюденій г. Майковъ закончилъ свое сообщеніе.

По поводу реферата г. Майкова высказаны были замѣчанія Н. В. Сорокинымъ, С. В. Смоленскимъ, Г. А. Корсаковымъ, Е. Т. Соловьевымъ и графомъ А. С. Уваровымъ. Н. В. Сорокинъ, принимая мнѣніе, что югъ Россіи, или правильнѣе, юго-востокъ, издревле не былъ покрытъ лѣсами, которые являются здѣсь лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, замѣтилъ, что происхожденіе чернозема возможно и водянымъ путемъ: очень многія озера на югѣ Россіи, какъ напримѣръ, большое озеро Лиманъ близъ Харькова, окончательно затягивается громаднымъ количествомъ развивающихся водорослей (изъ осциллярій), которыя образуютъ на днѣ его толщу въ нѣсколько аршинъ. Слой этотъ состоитъ изъ вымершихъ поименованныхъ организмовъ и окончательно уничтожилъ почти всякую возможность къ существованію рыбы. Въ настоящее время Лиманъ представляетъ небольшое озерко, окруженное топкими болотистыми берегами на большое разстояніе, и эта топь есть продуктъ разрушенія водорослей. Быть можетъ, что тѣ „поля", на которыя указалъ г. Майковъ, расположенныя среди прежней лѣсной полосы (Юрьево поле и пр.), соотвѣтствуютъ именно такимъ затянувшимся озерамъ.—С. В. Смоленскій, въ своихъ замѣчаніяхъ, указалъ на то, что распредѣленіе лѣсовъ въ степномъ пространствѣ Европейской Россіи находится въ прямой зависимости отъ подпочвы данныхъ мѣстностей. Подпочву пространства отъ Карпатъ до Днѣпра составляетъ гранитъ, отъ Днѣпра къ Дону, южнѣе Сѣвернаго Донца—каменный уголь, къ сѣверу отъ Донца до Волги—мѣлъ, а на востокъ отъ нижняго теченія Дона и Волги — песчаникъ. Всѣ четыре рода подпочвы представляютъ различную плотность относительно просачиванія воды, и слѣдовательно, влага удерживается въ почвѣ всего болѣе на западѣ и всего менѣе на востокѣ. Поэтому количество лѣсовъ, сравнительно большее на западѣ, постепенно уменьшается къ востоку, и въ прикаспійскихъ степяхъ нѣтъ условій, необходимыхъ для произрастанія лѣса. Эти указанія на факты, которые имѣли дѣйствіе въ древности точно также, какъ они дѣйствительны теперь,

Библиотека "Руниверс"

вполнѣ подтверждаютъ соображенія г. Майкова.—Д. А. Корсаковъ замѣтилъ, что древняя Ростовско-Суздальская земля въ названіяхъ своихъ поселеній, какъ напримѣръ, Боръ, Раменье, Доръ, Дерки, до сихъ поръ сохранила много такихъ, которыя прямо указываютъ, что лѣсу здѣсь всегда было много; рядъ другихъ названій въ той же мѣстности указываетъ на выжиганіе этихъ первобытныхъ лѣсовъ подъ пашню, подъ посѣвы: таковы въ Ярославской губерніи—Жаръ, Огнивики, Ожигино, Опалево, Палы, Пенье, Погары, Гарь и др. Вѣроятно, славянскіе колонисты этого края, встрѣтя большіе лѣса и отсутствіе полей для посѣва хлѣба, выжигали лѣсъ и вспахивали землю; такимъ же образомъ произошли поселенія съ названіемъ „поле", какъ напримѣръ, Юрьевъ-Польскій и др., которыя не могутъ быть объясняемы тѣмъ, что основаны на полѣ черноземномъ.—Е. Т. Соловьевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Д. А. Корсакова, сказалъ, что не только во время, сдѣлавшееся достояніемъ исторіи, но даже и теперь въ такихъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ находятся сплошные лѣса, новые поселенцы занимаютъ сначала небольшія лѣсныя поляны, а по мѣрѣ увеличенія народонаселенія, занятая народомъ площадь увеличивается путемъ вырубки окружающаго лѣса и выжиганія древесныхъ корней. Такимъ образомъ, новые поселенцы извѣстнаго края не всегда заселяли и заселяютъ среди лѣсовъ поляны совершенно готовыя и обладающія черноземнымъ слоемъ почвы, но нерѣдко приготовляютъ себѣ мѣсто для поселенія искуственнымъ путемъ.—На возраженіе г. Корсакова г. Майковъ отвѣчалъ, что онъ отнюдь не отрицаетъ многочисленныхъ случаевъ выжиганія лѣсовъ подъ пашни и не полагаетъ, будто всѣ селенія, въ названіе которыхъ вошли слова „поле", „польскій", непремѣнно стоятъ на поляхъ черноземныхъ, но считаетъ возможнымъ указать, что такія названія были дѣйствительно даны нѣкоторымъ селеніямъ, стоящимъ на черноземѣ, между тѣмъ какъ около этихъ черноземныхъ полей простирался лѣсъ, выросшій на иной почвѣ; черноземное же пространство отъ Юрьева Польскаго до Суздаля, нынѣ называемое Ополыцциной, такъ велико, что едва ли можно предположить, о оно могло произойдти отъ выжиганія.—Графъ Уваровъ, съ своей стороны, подтвердилъ догадку г. Майкова слѣдующими словами: „Въ Юрьевскомъ уѣздѣ при раскопкѣ кургановъ я не находилъ никакихъ слѣдовъ, которые свидѣтельствовали бъ о существованіи сплошныхъ лѣсовъ; поэтому я полагаю, что большая часть Юрьевскаго уѣзда въ древнія времена была безлѣсною".

Второй рефератъ о древней географіи юга Россіи принадлежалъ

Библиотека "Руниверс"

Н. Я. Аристову и былъ посвященъ вопросу о землѣ Половцевъ. Сначала референтъ указалъ на дошедшія сохранившіяся въ Харьковской губерніи названія мѣстностей, свидѣтельствующія о пребываніи здѣсь Хазаръ, Печенѣговъ, Торковъ, Ковуевъ и Половцевъ, а затѣмъ привелъ и объяснилъ извѣстія лѣтописей о набѣгахъ Половцевъ на Русскую землю и о походахъ Русскихъ князей въ землю Половецкую, при чемъ обратилъ особенное вниманіе на походы Владимира Мономаха и Игоря Святославича; вмѣстѣ съ этимъ г. Аристовъ высказалъ нѣсколько догадокъ о томъ, гдѣ именно слѣдуетъ искать разныя мѣстности, упоминаемыя въ лѣтописяхъ въ предѣлахъ Половецкой земли; такъ, по его мнѣнію, городъ Шарукань долженъ былъ находится на мѣстѣ нынѣшняго Харькова, Чешуевъ—на мѣстѣ Чугуева, рѣка Сальница есть р. Торъ или Торецъ, Сукрлій означаетъ уголъ при впаденіи р. Орельки въ р. Орель, а Каяла—то же, что р. Кайла.

Остальные два реферата по исторической географіи принадлежали Ф. К. Бруну и А. Я. Гаркави; первый старался разрѣшить вопросъ: кто были четыре Тюркскія племена, которыя разбили, по свидѣтельству Массуди, Грековъ въ 934 году у Валендаря, и гдѣ находился этотъ городъ; а второй сообщилъ нѣкоторыя данныя по географіи древней Руси и страны Хазаръ, извлеченныя изъ восточныхъ рукописей Императорской публичной библіотеки.

Кромѣ всѣхъ этихъ сообщеній, Е. Е. Замысловскій представилъ отчетъ о разныхъ поступившихъ въ отдѣленіе исторической географіи и этнографіи статьяхъ, которыя не были читаны на съѣздѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ полнаго вниманія и предполагаются къ изданію, цѣликомъ или въ извлеченіи, въ Трудахъ съѣзда. Таковы: статья Н. П. Вячеслова—„Къ вопросу о народныхъ преданіяхъ въ Казанской губерніи относительно первыхъ заселеній въ ней Русскихъ и ихъ борьбѣ съ туземцами"; кн. Н. А. Кострова—„Преданія томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи"; его же—„Очерки быта Минусинскихъ Татаръ"; доставленное архимандритомъ Леонидомъ (Кавелинымъ)—„Краткое изъясненіе плана древняго города Казани и описаніе осады и взятія онаго въ 1552 году". „Въ лѣтописи занятій нашего съѣзда сказалъ г. Замысловскій въ заключеніе своего отчета, — „займутъ также видное мѣсто по своей пользѣ для русской исторической науки труды и сообщенія столь много уже сдѣлавшаго для всесторонняго изученія Нижегородской губерніи секретаря Нижегородскаго статистическаго комитета А. С. Гацискаго. Имъ составленъ указатель всѣхъ статей по археологіи, этнографіи и историче-

Библиотека "Руниверс"

ской географіи, напечатанныхъ въ мѣстныхъ нижегородскихъ изданіяхъ. Въ замѣтѣ, приложенной къ этому указателю, изложены составителемъ его свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи доисторической археологіи Нижегородской губерніи и о томъ, что сдѣлано для ихъ изслѣдованія. А. С. Гацискимъ доставлены также свѣдѣнія, собранныя Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ отъ священниковъ и сельскихъ учителей этой губерніи о географическихъ названіяхъ, не вошедшихъ въ алфавиты, приложенные къ спискамъ населенныхъ мѣстъ, а именно—названія овраговъ, лѣсовъ, рѣкъ, рѣчекъ, ручейковъ и пр. Подобнаго же рода свѣдѣнія и по другимъ губерніямъ находятся въ центральномъ статистическомъ комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Весьма было бы желательно, чтобы всѣ эти матеріалы, крайне необходимые для русской исторической географіи, были напечатаны въ Трудахъ археологическихъ съѣздовъ.

Въ довольно близкой связи съ нѣкоторыми вопросами, обсуждавшимися въ засѣданіяхъ съѣзда по отдѣленію исторической географіи и этнографіи, находятся нѣкоторыя сообщенія, сдѣланныя по отдѣленію общественнаго и религіознаго быта. И здѣсь также были предложены рефераты мѣстнаго интереса, касавшіеся быта инородцевъ, обитающихъ въ предѣлахъ Камско-Волжскаго края; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по этому отдѣленію сдѣланы были и такія сообщенія, въ которыхъ возбуждались вопросы самаго широкаго и существеннаго значенія вообще въ наукѣ русскихъ древностей. Въ числѣ первыхъ упомянемъ рефераты: И. Я. Христофорова—объ актахъ и рукописяхъ Карамзинской библіотеки въ Симбирскѣ, Н. П. Загоскина—объ архивѣ князей Бюшевыхъ, Е. Т. Соловьева — о старинномъ расположеніи селеній въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, и Н. И. Золотницкаго—о религіозныхъ вѣрованіяхъ Черемисовъ. Не входя въ подробности изложенія двухъ первыхъ, тѣмъ болѣе, что результаты сообщенія г. Христофорова—о заселеніи Симбирскаго края—уже упомянуты нами выше, а докладъ г. Загоскина содержалъ въ себѣ только внѣшнее обозрѣніе документовъ, принадлежащихъ князьямъ Бюшевымъ, равнымъ образомъ не касаясь реферата г. Соловьева, какъ слишкомъ спеціальнаго, ограничимся лишь изложеніемъ сообщенія г. Золотницкаго.

Почтенный знатокъ инородцевъ Казанскаго края познакомилъ съѣздъ съ невидимымъ міромъ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисовъ, другими словами—представилъ очеркъ черемисской демонологіи и первый опытъ реставраціи старой черемисской вѣры. Референтъ

Библиотека "Руниверс"

поставилъ себѣ слѣдующіе вопросы: на сколько самостоятельная мифологія Черемисовъ, что содержитъ она въ себѣ общаго съ мифологіей Чувашей, и подъ вліяніемъ какихъ религіозныхъ воззрѣній происходило ея развитіе. Разсмотрѣніе собранныхъ данныхъ привело г. Золотницкаго къ убѣжденію, что 1) въ древности Черемисы, какъ и другіе народы, обожали небо подъ обще-финскимъ именемъ Юма, которое потомъ получило значеніе бога неба, и наконецъ, вообще божества и даже всего священнаго; и 2) Юма есть однако единственное слово, которымъ черемисская мифологія связывается съ вѣрованіями другихъ народовъ Финскаго племени, а предикаты къ Юма и названія другихъ боговъ, богинь и духовъ всѣ заимствованы изъ языковъ тюркскаго—главнымъ образомъ отъ Чувашей, частію изъ персидскаго, а также изъ арабскаго, равнымъ образомъ чрезъ посредство Чувашей. Наиболѣе широкое развитіе черемисской мифологіи г. Золотницкій относитъ къ IX и X вѣкамъ, къ цвѣтущему періоду торговыхъ сношеній Болгарскаго союза съ народами Багдадскаго халифата и къ эпохѣ распространенія магометанства въ Булгарѣ и сосѣдственныхъ мѣстахъ. Выводы эти привели г. Золотницкаго и къ такому заключенію: имя Черемисовъ, которое сами себя называютъ Мари, издревле было извѣстно западнымъ писателямъ (Іорнандъ) и русскимъ лѣтописцамъ, но подъ этимъ же названіемъ въ теченіе болѣе трехъ сотъ лѣтъ скрывался и другой народъ, который утратилъ вмѣстѣ съ самостоятельностью и свое имя, и который во второй четверти XVI вѣка явился подъ именемъ Чувашей. Лѣтопись называетъ Черемисовъ „злолютыми ратниками“, а Курбскій, говоря, что „черемисскій языкъ зѣло кровопійственъ“, отличаетъ отъ нихъ Чувашей словами: „языкъ особливый“ и вотъ этотъ мирный народъ—Чуваш-Иываш, подъ именемъ котораго у луговыхъ Черемисовъ теперь извѣстны Татары—Бигеръ, народъ, скрывавшійся подъ именемъ кровопійцъ Черемисовъ, сообщилъ послѣднимъ вмѣстѣ съ языкомъ своимъ и религіозные термины, и такимъ образомъ, содѣйствовалъ ихъ культурному развитію.

Здѣсь же кстати будетъ упомянуть и о другомъ сообщеніи Н. И. Золотницкаго, сдѣланномъ имъ въ восточномъ отдѣленіи съѣзда, но имѣющемъ ближайшее отношеніе къ вышеизложенному. Оно касается шаманской или старой чувашской вѣры. Объясняя происхожденіе ея отъ тунгузскихъ шамановъ, жрецовъ, призывателей и заклинателей духовъ, г. Золотницкій привелъ названія этихъ жрецовъ у разныхъ народовъ, названіе чувашскихъ жрецовъ Юмысъ тожественно съ

Библиотека "Руниверс"

алтайскимъ нам и якутскимъ ойон. Чуваши въ древности боготворили небо подъ именемъ тӧра, а это послѣднее слово сближается съ якутскимъ тенгэри чрезъ выпускъ носового ең. Обратимъ затѣмъ вниманіе на вопросы программы, касавшіе народныхъ преданій у инородцевъ Казанскаго края, касательно значенія у нихъ ворожей и ворожеекъ, способовъ ворожбы и формы употребляемыхъ у нихъ заклинаній, и наконецъ, касательно существующихъ у нихъ обычаевъ при возжиганіи, уборкѣ и обработкѣ хлѣбовъ. г. Золотницкій заявилъ, что относительно Чувашей на всѣ эти вопросы удовлетворительно отвѣчаетъ присланная для доклада съѣзду рукопись В. К. Магнитскаго „Матеріалы къ изученію старой чувашской вѣры“; здѣсь авторъ подробно описываетъ всѣ чувашскіе обычаи, обряды, праздники, наговоры и пр.; кромѣ того, эти матеріалы заключаютъ въ себѣ чувашскіе тексты, которые имѣютъ слѣды старинаго нарѣчія, замѣчаемаго въ булгарскихъ надписяхъ. На основаніи собранныхъ г. Магнитскимъ данныхъ можно какъ выяснить отсталость Чувашей посредствомъ ислама, такъ и найти слѣды древнихъ отношеній Чувашей къ Хазарамъ. Весьма любопытны также у г. Магнитскаго данныя, доказывающія общность нѣкоторыхъ понятій у разныхъ народовъ, какъ напримѣръ, кража для общаго блага, а также кража земли подъ видомъ невѣсты—у Чувашей и Вотяковъ.—Въ дополненіе къ сообщенію объ этомъ послѣднемъ обычаѣ Е. Т. Соловьевъ разсказалъ о слѣдующемъ обычаѣ у Вотяковъ Казанской губерніи: общество нѣсколькихъ деревень, чрезъ каждыя тридцать лѣтъ, похищаетъ человѣка чужого племени, мужчину лѣтъ 30 или 32; его привязываютъ къ дереву, колютъ ножами и наконецъ, ударомъ ножа въ сердце совершенно убиваютъ, а кровь его берутъ по всѣмъ домамъ на случай болѣзни.—По поводу этого сообщенія Н. И. Золотницкій замѣтилъ, что въ настоящее время у Вотяковъ, какъ ему достовѣрно извѣстно, нѣтъ человѣческихъ жертвоприношеній.

Совсѣмъ иного рода преній касались два другія сообщенія, сдѣланныя въ томъ отдѣленіи съѣзда, занятія котораго мы теперь разсматриваемъ, и возбудившія оживленныя преніе между членами. То были сообщеніе И. А. Сребницкаго—о слѣдахъ церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи, и К. Н. Бестужева-Рюмина—о характерѣ власти Варяжскихъ князей.

По мнѣнію г. Сребницкаго, нельзя отрицать связи между существовавшими въ городахъ юго-западной Россіи цехами и церковными братствами, и даже слѣдуетъ происхожденіе послѣднихъ выводить

именно отъ цеховъ. На лѣвомъ берегу Днѣпра слѣды братствъ сохранились преимущественно въ приднѣпровскихъ уѣздахъ Полтавской губерніи; тамъ есть братства двухъ родовъ: собственно церковныя—въ деревняхъ и селахъ, и цеховыя — въ поселеніяхъ съ городскимъ характеромъ, мѣстечкахъ. При описаніи нынѣ существующихъ братствъ г. Сребницкій указалъ на тѣ черты въ ихъ устройствѣ и дѣятельности, которыя приближаютъ эти учрежденія къ древнимъ братствамъ юго-западной Россіи, а также и на тѣ отступленія отъ старины, которыя вызваны условіями современной жизни Южно-Русскаго народа. Въ заключеніе референтъ замѣтилъ, что братства, не смотря на кажущуюся живучесть этого учрежденія, быстро уничтожаются въ послѣднее время.

По поводу этого реферата высказаны были замѣчанія нѣсколькими членами. В. Б. Антоновичъ отрицалъ участіе городскихъ цеховъ въ происхожденіи братствъ и доказывалъ, что южно-русскія братства возникли совершенно самостоятельно, какъ орудіе русскаго національнаго протеста и оппозиціи противъ аристократизма и католицизма, которыя навязывала южной и западной Руси Польша; поэтому въ составъ уже самыхъ первыхъ братствъ, при ихъ возникновеніи, на столько же входили члены городскаго сословія, сколько дворяне и духовенство.—Въ противоположность этому мнѣнію и въ подтвержденіе и разъясненіе доводовъ г. Сребницкаго Г. Ѳ. Карповъ замѣтилъ, что вездѣ въ городахъ и мѣстечкахъ восточной Малороссіи, въ эпоху присоединенія ея къ Московскому государству, существовали промышленные цехи, заключавшіе въ себѣ въ значительной мѣрѣ и элементъ благотворительности, такъ что они-то и были тѣми цехами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, братствами, современные остатки которыхъ описаны г. Сребницкимъ въ городахъ и мѣстечкахъ Полтавской губерніи.—К. М. Гринвальдъ возражалъ противъ мнѣнія о происхожденіи братствъ отъ цеховъ: братства существовали не только въ юго-западной Россіи, но и въ сѣверо-восточной, гдѣ онѣ получили характеръ ватагъ, артелей и тому подобныхъ корпорацій.—На это послѣднее сближеніе возразилъ Н. Я. Аристовъ, замѣтившій между артелями и братствами ту существенную разницу, что первыя суть учрежденія временныя, тогда какъ вторыя отличаются характеромъ постояннымъ.

Содержаніе реферата К. Н. Бестужева-Рюмина о характерѣ власти Варяжскихъ князей было слѣдующее: Уже полтора вѣка вопросъ о происхожденіи Варяжскихъ князей составляетъ предметъ спора между русскими учеными, и въ послѣднее время явились попытки

Библиотека "Руниверс"

рѣшить его въ пользу мѣстнаго, народнаго происхожденія князей Русскихъ. Этотъ вопросъ естественнымъ образомъ вызвалъ за собою и другой, тѣсно съ нимъ связанный — о характерѣ власти князей и о вытекающемъ отсюда характерѣ древнѣйшихъ русскихъ учрежденій. Въ виду шаткаго еще положенія филологіи, какъ подспорья при разрѣшеніи вопроса о національномъ происхожденіи князей и ихъ пришлыхъ дружинъ, и въ виду неполноты результатовъ, данныхъ до нашихъ дней раскопками, произведенныхъ въ древнѣйшихъ центрахъ русской исторической жизни (не выключая отсюда и вполнѣ успѣшныхъ раскопокъ Д. Я. Самоквасова), — въ настоящее время болѣе удобнымъ представляется обратить вниманіе на характеръ власти древнѣйшихъ князей Русскихъ, введя въ изслѣдованіе этого вопроса методъ сравнительный и обращая особое вниманіе на состояніе того же вопроса у народовъ единоплеменныхъ намъ. Эта-то задача и составляетъ предметъ реферата г. Бестужева-Рюмина, при чемъ онъ ограничился до-христіанскимъ періодомъ русской жизни.

Въ концѣ X вѣка, въ эпоху принятія Владиміромъ Святымъ христіанства въ Херсонѣ, Русская земля отъ Ильменя до Придѣпровскихъ степей находилась во власти уже одного княжескаго города, каждый членъ котораго считалъ себя въ правѣ имѣть въ своемъ владѣніи опредѣленную часть русской территоріи. Это не мѣшало землѣ, подчиненной княжеской династіи, быть государствомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ Русь представляла опредѣленную территорію, признающую надъ собою опредѣленную власть, съ населеніемъ, которое несетъ извѣстныя обязанности и до извѣстной степени сознаетъ свою обособленность отъ другихъ народовъ. Раздробленіе государственной власти между членами одного княжескаго рода не составляетъ явленія, исключительно присущаго древней Руси: то же явленіе видимъ мы и въ Франкскомъ государствѣ въ эпохи Меровинговъ и Карловинговъ, и въ земляхъ западныхъ и южныхъ Славянъ, понятіе о недробимости верховной власти есть явленіе новое, выработанное легистами на почвѣ преданій Римскаго государства. Но если Русская земля въ эпоху Владиміра Святаго представляется уже государствомъ, то трудно сказать то же по отношенію къ его предшественникамъ, при которыхъ зародышъ государственнаго быта, перенесенный съ сѣвера на югъ — въ Кіевъ, постепенно концентрировалъ, объединялъ области, населенныя отдѣльными Славянскими племенами и имѣвшія собственныхъ князей. Отличительная черта первоначальныхъ средневѣковыхъ государствъ есть механическое въ

Библиотека "Руниверс"

началѣ соединеніе въ народѣ отдѣльныхъ племенъ, между тѣмъ какъ для государствъ классической древности основною ячейкой служилъ городъ. Въ первое время существованія государства замѣчается рознь и враждебность между сплоченными въ немъ племенами; это явленіе даетъ себя замѣтить какъ въ германскихъ, такъ и въ первоначальныхъ славянскихъ государствахъ; свидѣтельства о розни отдѣльныхъ племенъ имѣются и въ древнѣйшей исторіи нашего отечества: таковы, напримѣръ, отношенія между Древлянами и Полянами по начальной лѣтописи. Попытки къ объединенію отдѣльныхъ племенъ шли у насъ изъ наиболѣе богатѣвшихъ земель—Новгородской и Кіевской, и эти два центра представятся съ объединяющимъ значеніемъ даже и въ томъ случаѣ, если будетъ допущено отсутствіе факта призванія князей—явленія, котораго г. Бестужевъ-Рюминъ не намѣренъ былъ касаться. Источники свидѣтельствуютъ, что образовавшаяся въ Кіевѣ государственная власть, явившись съ сѣвера, преслѣдуетъ цѣль объединенія отдѣльныхъ племенъ, дѣйствуя при этомъ нерѣдко насильственнымъ путемъ и обязывая подчиняемыя племена повинностями въ свою пользу. Присоединяя новыя области, князья отдавали ихъ въ управленіе своимъ приближеннымъ съ правомъ пользованія извѣстными доходами, но не предоставляя имъ, вмѣстѣ съ этимъ, владѣнія землями (помѣстная система составляетъ ужь особенность Московскаго государства); отсюда отсутствіе у насъ феодальной системы, присущей средневѣковымъ государствамъ западной Европы. По мнѣнію г. Бестужева-Рюмина, частное землевладѣніе врядъ ли существовало у насъ какъ общее явленіе до нашествія Татаръ, что до нѣкоторой степени объясняется самымъ способомъ воздѣлыванія земли. Лица, посаженныя князьями по городамъ съ правомъ пользованія извѣстными доходами, и были, вѣроятно, тѣ „свѣтлые мужи, сущіе подъ рукою" князя, о которыхъ упоминаетъ договоръ Олега съ Греками. По временамъ князь для суда и расправы разъѣзжалъ по племеннымъ волостямъ, при чемъ самъ онъ и его приближенные содержались на счетъ мѣстнаго населенія („полюдье"); подобныя явленія легко видѣть и у Нѣмцевъ—въ Священной Римской имперіи, и у Поляковъ, и въ другихъ странахъ. Не извѣстно, были ли изъяты отъ полюдья земли, отданныя въ управленіе „свѣтлымъ боярамъ", но кажется, что нѣтъ: по крайней мѣрѣ Игорь ходилъ полюдьемъ къ Древлянамъ, хотя они имѣли своего племеннаго князя Мала.

Такимъ образомъ, характеръ управленія древнѣйшихъ князей Русскихъ весьма схожъ съ характеромъ управленія у другихъ варо-

Библиотека "Руниверс"

довъ, стоявшихъ въ одинаковыхъ съ Русскою землей условіяхъ жизни. Это сходство—заключаетъ г. Бестужевъ-Рюминъ — обусловливается переходомъ массъ изъ племеннаго быта въ государственный. Способъ этого перехода тожественъ для всѣхъ народовъ: личная дѣятельность князя, временная передача части власти своей другимъ лицамъ—правителямъ, являющимся на смѣну бывшихъ досель племенныхъ князей и т. п. Слѣдовательно, съ одной стороны, нѣтъ нужды видѣть въ этой творящей государство княжеской дѣятельности какое-либо чужеземное вліяніе, а съ другой — едва ли нужно и признаніе туземнаго происхожденія князей. Противъ послѣдняго говоритъ впрочемъ и то обстоятельство, что на Руси не сохранилось народныхъ легендъ о божественномъ происхожденіи князей, или по крайней мѣрѣ, о божественной санкціи ихъ, легендъ, которыми у всѣхъ почти народовъ освящается начало той или другой туземной династіи.

Сообщеніе г. Бестужева-Рюмина вызвало—какъ мы сказали уже—самыя оживленныя возраженія и пренія. Д. Я. Самоквасовъ, положивъ краткій историческій очеркъ вопроса о возможности существованія древнѣйшихъ туземныхъ Славянскихъ князей, именно—возрѣнія Татищева, Шлецера и вообще нѣмецкой школы, затѣмъ школы скептической и положительной, заявилъ, что съ возникшимъ послѣ появленія трудовъ С. М. Соловьева стремленіемъ къ болѣе точному анализу явленій древней русской жизни, особенно вопроса о древнѣйшихъ Русскихъ князьяхъ и городахъ, возродилась и мысль о существованіи туземныхъ князей у древнихъ Славянскихъ племенъ. Въ настоящее время вопросъ долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: съ какимъ значеніемъ являлась у древнихъ Славянъ княжеская власть? Въ разрѣшеніи этого вопроса безспорно играютъ важную роль раскопки кургановъ. Г. Самоквасовъ еще въ 1870 году высказалъ убѣжденіе въ томъ, что раскопанные имъ въ Черниговской губерніи курганы всѣ славянскаго происхожденія и даютъ право утверждать, что подъ ними были похоронены туземные славянскіе племени Сѣверянъ, князья, при чемъ сослался на авторитетъ графа А. С. Уварова. Въ заключеніе своихъ замѣчаній г. Самоквасовъ выразилъ удивленіе къ заявленію г. Бестужева-Рюмина, будто курганныя раскопки не имѣютъ значенія для рѣшенія вопроса о происхожденіи древнихъ Русскихъ князей.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, отвѣчая на это возраженіе, заявилъ, что онъ отнюдь не отрицаетъ значенія курганныхъ раскопокъ для рѣшенія возбужденнаго вопроса,

Библиотека "Руниверс"

но утверждаетъ только, что результаты раскопокъ не даютъ опоры для признанія совершеннаго отсутствія норманскаго элемента въ древней русской жизни: это не можетъ еще быть выводимо изъ того, что раскопанные въ Черниговской губерніи курганы оказались сѣверскими.—Графъ А. С. Уваровъ, по поводу указанія на него г. Самоквасова, заявилъ, что между курганными находками послѣдняго встрѣчаются предметы, напримѣръ, турій рогъ, съ безспорными признаками западной, именно норманской фабрикаціи. Вообще изъ находокъ этихъ видно, что на культуру мѣстнаго племени дѣйствовало два вліянія: одно съ юга — византійское, и другое съ сѣверо-запада — норманское.—Д. Я. Самоквасовъ отвѣтилъ, что и онъ не отрицаетъ западнаго вліянія въ фабрикаціи выкопанныхъ вещей, но утверждаетъ только, что въ этихъ вещахъ есть элементъ славянскій, сѣверскій.—Д. И. Иловайскій, поддерживая мнѣніе г. Самоквасова, заявилъ, что нахожденіе въ курганахъ вещей византійскаго или западнаго стиля еще не доказываетъ, что въ этихъ могилахъ похоронены иноземцы: эти вещи могли быть занесены къ Сѣверянамъ путемъ торговли. Важное подтвержденіе славянскаго происхожденія черниговскихъ кургановъ составляетъ то обстоятельство, что раскопки ихъ обнаружили сходство соблюденныхъ здѣсь погребальныхъ обычаевъ съ описаннымъ у Ибнъ-Фодлана порядкомъ погребенія Руссовъ. Обращаясь затѣмъ къ реферату К. Н. Бестужева-Рюмина, г. Иловайскій находилъ, что референтъ возлагаетъ слишкомъ большую надежду на юридическую почву, на которой онъ построилъ свое сообщеніе. Г. Иловайскій формулируетъ разсматриваемый вопросъ слѣдующимъ образомъ: не находятся ли въ дѣятельности нашихъ князей черты, указывающія на ихъ иноземное происхожденіе? Онъ не находитъ никакихъ подобныхъ чертъ; онъ не находитъ ихъ также ни въ юридическихъ данныхъ (напримѣръ, договоры съ Греками), ни въ современныхъ туземныхъ, ни въ современныхъ иноземныхъ свидѣтельствахъ. Что же касается до хронологическихъ ссылокъ г. Бестужева-Рюмина, то г. Иловайскій считаетъ эту основу несостоятельною, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что значительная часть хронологическихъ данныхъ нашей лѣтописи до эпохи Владиміра построена искусственно и основана на гипотезахъ.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ возразилъ г. Иловайскому, что онъ вовсе не намѣревается доказывать норманское происхожденіе князей; для цѣлей его реферата важно лишь то, что древніе князья пришли изъ другого мѣста, а откуда именно — это для него безразлично; вопросъ же о происхожденіи князей останется

Библиотека "Руниверс"

открытымъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ болѣе высокой степени своего развитія наука филологіи. Что же касается, нападки г. Иловайскаго на древнюю лѣтопись, то г. Бестужевъ-Рюминъ привелъ факты въ пользу достовѣрности ея хронологіи со времени прихода Олега въ Кіевъ: таковы, напримѣръ, извѣстія о кометѣ 912 г., близкое совпаденіе съ хронологіей византійскихъ источниковъ и т. п.— В. Б. Антоновичъ выразилъ желаніе, чтобы частности возбужденнаго вопроса были поставлены болѣе объективнымъ образомъ. По его мнѣнію, повѣствованіе о завоеваніяхъ Олега фантастично, и по отношенію къ нему должны быть поставлены болѣе строгія требованія. Что касается постановки вопроса о черниговскихъ раскопкахъ, то г. Антоновичъ призналъ ее неудовлетворительною: г. Бестужеву-Рюмину слѣдуетъ доказывать не тотъ фактъ, что въ раскопанныхъ курганахъ не оказалось Славянъ, но тотъ, что подъ ними погребены Германцы.— На это замѣчаніе К. Н. Бестужевъ-Рюминъ возразилъ, что онъ вовсе не желаетъ безусловно находить Нѣмцевъ въ черниговскихъ курганахъ, но полагаетъ, что вообще вопросъ о національности погребенныхъ тамъ людей представляется сомнительнымъ.—В. А. Прохоровъ, въ дополненіе къ преніямъ о характерѣ найденныхъ въ черниговскихъ курганахъ предметовъ, заявилъ, что эти предметы, а въ томъ числѣ и турій рогъ, не могутъ быть безусловно признаны имѣющими норманское происхожденіе. Находящіеся на нихъ признаки иноземнаго вліянія встрѣчаются съ XI вѣка и на вещахъ русскаго издѣлія.—Д. А. Корсаковъ заявилъ, что онъ не совсѣмъ согласенъ съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ томъ отношеніи, будто власть нашихъ первыхъ князей не обставляется въ народныхъ преданіяхъ ничѣмъ чудеснымъ, сверхестественнымъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Корсаковъ указалъ на Олега, котораго преданія считаютъ „вѣщимъ", и который, по числовому перечню Повѣсти временныхъ лѣтъ, является первымъ историческимъ княземъ Полянъ, родоначальникомъ княжеской династіи.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ отвѣтилъ, что въ данномъ случаѣ Олегъ представляется лишь лицомъ популярнымъ въ преданіяхъ народа, но власть его отнюдь не облекается еще божественнымъ характеромъ, а именно эту послѣднюю черту онъ разумѣлъ какъ характерный признакъ туземнаго происхожденія династіи.

Сообщеніе К. Н. Бестужева-Рюмина и вызванныя имъ пренія составили, безъ сомнѣнія, любопытнѣйшій эпизодъ въ занятіяхъ отдѣленія съѣзда по общественному и религіозному быту.

Отдѣленіе восточныхъ древностей было богато сообщеніями

Библиотека "Руниверс"

преимущественно по археологіи Средней Азіи, большею частью доставленными г. Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Къ числу рефератовъ этой группы принадлежатъ: 1) записка капитана Ларіонова о буддійскомъ памятникѣ въ Семирѣченской области на р. Или, называемомъ теперь Тамгалы-тамъ; 2) записка доктора Регеля о нѣкоторыхъ достопамятностяхъ Кульджинскаго округа; 3) записка о памятникѣ Кугу-Керпечъ и Баянъ-Сулу и относящейся къ нему легендѣ; 4) записка Н. А. Маева о древнихъ развалинахъ и курганахъ въ Сыръ-Дарьинской области; 5) сообщеніе М. А. Терентьева о развалинахъ крѣпости Туртукуль въ Токмакскомъ уѣздѣ Семирѣченской области; 6) замѣтка о древней колоннѣ тамъ же и о легендѣ о ней; 7) свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ въ Вѣрненскомъ уѣздѣ той же области. Дѣйствительно, русскія среднеазіатскія владѣнія представляютъ обширное поле для археологическихъ изученій; такъ напримѣръ, судя по сообщенію г. Маева, бассейнъ древняго Яксарта, Сыръ-Дарьинская область, богата развалинами и урочищами, напоминающими событія самой глубокой древности. Тамъ доселѣ въ памяти народа сохраняются имена миѳическихъ царей, героевъ Ирана и Турана и Александра Двурогаго; многія мѣста доселѣ называются именами Кейкауса и сыновей его—Боллу, Анхора и Салара; народное преданіе указываетъ также на остатки миѳическаго Афросіаба. Древними памятниками и развалинами древнихъ городовъ особенно обильна мѣстность около Ташкента и Ходжента, и до сихъ поръ значительно заселенная. Но въ прежнее время густо заселена была и долоса отъ Ходжента до Аральскаго моря; вся эта мѣстность пришла въ запустѣніе послѣ губительнаго похода Джучи съ его ордами Монголо-Узбековъ. Вообще говоря, какъ замѣтилъ по поводу сообщенія г. Маева В. В. Радловъ, — необходимымъ условіемъ населенности въ маловодныхъ мѣстностяхъ Средней Азіи служитъ система арыковъ или каналовъ, которые могутъ быть поддерживаемы только общими усиліями многочисленнаго населенія; поврежденіе и разрушеніе этого искусственнаго орошенія влечетъ за собою совершенное запустѣніе страны, нѣкогда густо населенной. Впрочемъ, какъ видно изъ указанныхъ выше сообщеній о древностяхъ Семирѣченской области, и въ этомъ краѣ, гораздо менѣе населенномъ и нынѣ, и въ прежнія времена, чѣмъ долина Сыръ-Дарьи, существуютъ разные древніе памятники въ видѣ бугровъ или насыпей, кургановъ, каменныхъ укрѣпленій и другихъ сооруженій. По мнѣнію г. Радлова, древности Сыръ-Дарьинской области, описанныя г. Маевымъ, могутъ быть

Библиотека "Руниверс"

раздѣлены на послѣдовательныя группы: доисторическую, бактрійскую, монгольскую и магометанскую. Данныхъ о памятникахъ Семирѣченской области, по видимому, еще слишкомъ мало для подобной же классификаціи ихъ по времени; что же касается Кульджинскаго округа, то изъ достопамятностей, описанныхъ въ запискѣ г. Регеля, къ древностямъ относятся только курганы на р. Текесѣ и на урочищѣ Токузъ-тора; многіе же храмы, которые г. Регель описываетъ въ развалинахъ г. Радловъ, лѣтъ за десять передъ симъ, видѣлъ еще цѣлыми. Но вообще говоря, какъ бы ни были скудны и неточны пока наши свѣдѣнія о древностяхъ Средней Азіи, важно уже то, что на нихъ обращено въ извѣстной степени вниманіе, и можно пожелать на первый разъ, чтобъ они были охранены отъ дальнѣйшаго разрушенія и разграбленія: это во всякомъ случаѣ есть непремѣнный долгъ мѣстныхъ русскихъ властей.

Въ доказательство того, что и теперь, при отрывочномъ изученіи, памятники Средней Азіи могутъ представлять большой интересъ для разныхъ соображеній о культурныхъ вліяніяхъ на древнюю Русь, изложимъ здѣсь обмѣнъ мыслей, происшедшій на Казанскомъ съѣздѣ по поводу вышеупомянутаго реферата г. Ларіонова о буддійскомъ памятникѣ въ Илійской долинѣ. Памятникъ этотъ состоитъ изъ каменныхъ изображеній съ подписями. По мнѣнію г. Ларіонова, изображенныя лица суть буддійскія божества, а подписи—повтореніе религіознаго изреченія „ом-ма-ни-бад-ме-хомъ“ тангутскими и калмыцкими буквами. Съ своей стороны, В. П. Васильевъ, разсмотрѣвъ сдѣланныя г. Ларіоновымъ снимки съ изображеній памятника, призналъ, что всѣ эти лица представляютъ эманаціи одного и того же Будды. По этому же поводу, по двумъ истуканамъ Будды изъ коллекціи Казанскаго университета, г. Васильевъ отмѣтилъ отличія въ изображеніяхъ эманацій Будды тибетскаго и индѣйскаго происхожденія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ предположеніе, что идолъ индѣйскаго типа могъ попасть въ Россію въ древнія времена, быть можетъ, въ эпоху нашествія Монголовъ.—А. О. Бычковъ выразилъ мнѣніе, что подобные идолы могли попадать въ Россію при посредствѣ индѣйскихъ купчинъ, которые по торговымъ дѣламъ заѣзжали нерѣдко въ южные предѣлы Россіи.—В. Д. Смирновъ заявилъ предположеніе о томъ, не принадлежали ли означенные идолы Половцамъ; г. Смирновъ, думаетъ, что доводы г. Блау о магометанствѣ Кумановъ или Половцевъ, основанные на данныхъ извѣстнаго кумано-персидскаго словаря, найденнаго въ библіотекѣ Петрарки, не вполнѣ убѣдительны, ибо, кромѣ словъ, относящихся къ

Библиотека "Руниверс"

могойскаго культа религіи, въ словарѣ этого есть термины христіанскіе принятые вслѣдствіе того, по соображенію неизбѣжности религіознаго состоянія. Новостью, замѣтной изъ этихъ, приложенныхъ извѣстій Рубруквиса, было и Карелли насильно подъ видомъ новой находки бѣлыхъ каменныхъ старухъ на всѣхъ степяхъ, обращенную въ лицемѣріе, по которому онъ видѣлъ въ ней признакъ идола". Г. Бичуринъ замѣтилъ догадки не были ли Половцами буддисты.—Графъ А. С. Уваровъ возразилъ на это, что видѣнные Рубруквисомъ статуи были ничто иное, какъ каменныя бабы, а не изображенія Будды, а потому показаніе Рубруквиса не можетъ служить подтвержденіемъ догадки о буддизмѣ Половцевъ. Притомъ каменныя бабы находятся въ самыхъ различныхъ по населенію мѣстностяхъ, и не въ одной только Россіи, но и въ Германіи, и даже въ Испаніи, и всюду эти изваянія въ одинаковомъ положеніи, съ чашею въ рукахъ, между тѣмъ какъ конечныя цѣли, на которыхъ бабы стоятъ, носятъ слѣды совершенно различныхъ обрядовъ потребленія.—По поводу послѣдняго замѣчанія гр. Уварова В. В. Радловъ сказалъ, что въ Минусинскомъ округѣ они былъ свидѣтелемъ одинаковаго религіознаго почитанія къ каменнымъ бабамъ у татаръ безъ различія религіи, и что, можетъ быть, бабы были первоначально надгробными съ одного мѣста на другія, по стѣснялись тѣмъ, мѣсто онѣ были раньше поставлены.

Между тѣмъ какъ фактъ занесенія индѣйскаго идола въ Россію вызвалъ со Карелинымъ справки указанія на древность древнихъ культурныхъ связей Индіи съ Русью, другое сообщеніе, сдѣланное на восточномъ отдѣленіи, указало на древнія сношенія Руси съ Аравіею, имѣвшія мѣсто въ Таврикѣ. Въ рефератѣ своемъ о Крымскомъ полуостровѣ въ арабской литературѣ по поводу сказанія А. Л. Гаркави привелъ къ заключенію, что торговыя связи Русскихъ съ мусульманскимъ востокомъ черезъ Крымскій полуостровъ были настолько періодъ такъ постоянны, что подали арабскимъ писателямъ поводъ называть самую Таврику Русскимъ полуостровомъ; г. Гаркави полагаетъ также, что Русскія имѣли тогда въ Таврикѣ если не цѣлыя волости, то по крайней мѣрѣ фактории.

Изъ относящихся къ настоящему отдѣленію сообщеній мѣстнаго интереса, извѣстныхъ, принадлежащихъ гг. Витевскому, Золотницкому и Соловьеву, уже были нами упомянуты по поводу рефератовъ, читанныхъ въ другихъ отдѣленіяхъ; здѣсь же мы изложимъ содержаніе только реферата Н. И. Ильминскаго объ инородческихъ школахъ и переводахъ на инородческіе языки, какъ о мѣрахъ къ христіан-

Библиотека "Руниверс"

сному просвѣщенію инородцевъ Казанскаго края. Въ XVIII вѣкѣ господствовало убѣжденіе, что для утвержденія инородцевъ въ православной вѣрѣ должно обучать поступающихъ дѣтей ихъ изъ русской грамотѣ, то-есть, букварю, часослову, псалтирю и пятикнижію, а также скорописному письму; предполагалось, что послѣ такого образованія инородцы, поставленные во священники среди единовѣрнаго населенія, уже сами будутъ объяснять своимъ прихожанамъ ученіе христіанское на своемъ родномъ языкѣ. Однако такой порядокъ распространенія христіанскаго ученія оказался малоуспѣшнымъ, и съ начала нынѣшняго столѣтія стали появляться попытки перевода священныхъ, богослужебныхъ и назидательныхъ книгъ: въ 1806 году переведенъ былъ на татарскій катехизисъ митрополита Платона, въ 1808 году—еще другой катехизисъ, а около 1820 года, по учрежденіи Россійскаго библейскаго общества—Новый завѣтъ. Однако и эти переводы не понятны для инородцевъ по языку или изложенію. Окончательно же выяснилась и организовалась система инородческихъ школъ и переводовъ только въ предшествующее десятилѣтіе.

Намъ остается сказать о занятіяхъ еще двухъ отдѣленій съѣзда—памятниковъ искусствъ и художествъ, въ томъ числѣ и монетнаго дѣла, и памятниковъ зодчества и письма. Обѣ эти отдѣленія оказалось не слишкомъ богаты сообщеніями, впрочемъ не потому, что по нимъ мало было поставлено вопросовъ, а потому, что нѣкоторые вопросы, поставленные въ программѣ (какъ напримѣръ, по исторіи русской архитектуры, или о Словѣ о Полку Игоревѣ), не могли быть обсуждаемы за неприбытіемъ въ Казань тѣхъ лицъ, которыми эти вопросы главнымъ образомъ были возбуждены. Не смотря однако на это обстоятельство, нѣкоторыя сообщенія по вышеназначеннымъ отдѣленіямъ отличались значительнымъ интересомъ и заслуживаютъ полнаго вниманія.

По отдѣленію памятниковъ искусствъ и художествъ сдѣланы были слѣдующія сообщенія: П. В. Павловымъ — о предметѣ каѳедры исторіи и теоріи искусствъ; В. А. Прокоровымъ — объ изображеніяхъ креста въ христіанскомъ искусствѣ, и о вліяніи татарскаго костюма на русскій; графомъ М. В. Толстымъ — о древнихъ иконахъ въ Старой Русѣ; Ю. Б. Иверсеномъ—о значеніи отдѣльныхъ буквъ на лицевой и оборотной сторонѣ серебряныхъ копѣекъ и денежекъ до Петра I; В. К. Савельевымъ—о городахъ Булгарѣ и Маджарѣ по монетамъ, и о частныхъ нумизматическихъ коллекціяхъ, существовавшихъ въ разное время въ Казани, Симбирскѣ и Саратовѣ.

Библиотека "Руниверс"

Сверхъ того, по одному изъ сообщеній этого отдѣленія прочитана была статья Д. И. Прозоровскаго въ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ программы: „Монеты ли имперіи князя Владиміра могутъ ли быть приурочены къ Владиміру Святому, или должны быть отнесены къ эпохѣ болѣе поздней?“ Не передавая здѣсь содержанія всѣхъ нами неоднократно рефератовъ, остановимся только на трудѣ г. Прозоровскаго, касающемся одной изъ важныхъ задачъ русской нумизматики. По мнѣнію г. Прозоровскаго, рѣшительнымъ свидѣтельствомъ для положительнаго рѣшенія вышеприведеннаго вопроса программы служитъ кладъ, найденный въ октябрѣ 1858 года въ Мекленбургѣ, близъ Ростока, и поступившій въ Императорскій городскій музей. Самая поздняя монета этого клада принадлежитъ Чешскому князю Ольдриху (1012 — 1037 гг.); въ составѣ же этого клада оказался и экземпляръ Владимірова серебра, подобный изображенному при извѣстномъ изслѣдованіи академика А. А. Куника. Ученые полагаютъ, что ростокскій кладъ зарытъ въ землю около 1060 г., при чемъ на кладѣ не оказалось монетъ императора Конрада Салійскаго (1024 — 1039 гг.); слѣдовательно, находящійся тамъ экземпляръ Владимірова серебра не могъ принадлежать никакому иному Владиміру, кромѣ Равноапостольнаго, а стало быть, ему принадлежитъ и Владимірово злато.

По мнѣнію этого сообщенія А. Я. Гаркави сдѣлано было замѣчаніе о начертаніи буквъ на древнихъ монетахъ. Признавая вообще справедливость догадки г. Прозоровскаго, г. Гаркави обратилъ однако вниманіе собранія на то обстоятельство, что начертаніе позднѣйшей формы буквы в или рукописныхъ XI в. не монетъ еще служитъ доводомъ, что форма эта употреблялась уже на монетахъ XI в. Кромѣ христіанскихъ вѣроученій, слѣдуетъ, по мнѣнію г. Гаркави, принять еще во вниманіе различіе этихъ двухъ родовъ памятниковъ въ палеографическомъ отношеніи, именно, что форма буквъ въ письменныхъ памятникахъ ранѣе появляется и получаетъ видъ исключительно вслѣдствіе наклонности писцовъ къ литературѣ и сокращеніямъ, между тѣмъ какъ начертаніе и металлическія памятники гораздо долѣе сохраняютъ первоначальную форму буквъ; для наглядности г. Гаркави предлагалъ различные фасисы, чрезъ которые прошла буква *Ге* древне-семитскаго или финикійскаго алфавита при переходѣ въ греческую г и славяно-русскую г. При этомъ случаѣ г. Гаркави выразилъ желаніе, чтобъ археологическій съѣздъ позаботился о составленіи хронологической таблицы измѣненій буквъ

Библиотека "Руниверс"

славяно-русскаго алфавита на монументахъ (на надписяхъ иконъ, церквей и колоколовъ, на монетахъ) и на древнихъ рукописяхъ, такая таблица могла бы служить опорой въ русской палеографіи для безошибочнаго опредѣленія времени многихъ древне-русскихъ памятниковъ.

Кромѣ названныхъ рефератовъ, еще два доклада относились къ тому же отдѣленію памятниковъ искусства и художества, но, по случайнымъ причинамъ были прочитаны въ засѣданіяхъ другихъ отдѣленій совѣта. Эти рефераты принадлежали Н. Т. Фастрицкому и И. И. Срезневскому. Г. Фастрицкій сообщилъ о мѣдной копѣйкѣ въ формѣ бруска, найденной въ Кареліи, а академикъ Срезневскій—о русскихъ древностяхъ Казанскихъ и средняго Поволжья до XVI вѣка. Не входя въ подробности любопытнаго, но слишкомъ спеціальнаго сообщенія г. Фастрицкаго, ознакомимся только съ докладомъ г. Срезневскаго, тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что онъ возбуждаетъ вопросы, до сихъ поръ слишкомъ мало привлекавшіе къ себѣ вниманіе ученыхъ.

Г. Срезневскій указалъ, что при изученіи памятниковъ древности и старины въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыя входили въ предѣлы Казанскаго царства, обыкновенно останавливаются лишь на такихъ памятникахъ, которые могли появиться на свѣтъ только послѣ покоренія Казани, то-есть, не ранѣе второй половины XVI вѣка. Но дѣло въ томъ, что Русскіе люди за долго до этой поры населяли среднее Поволжье и вошли вставши здѣсь своими слѣды своего пребыванія, и затѣмъ, за покореніемъ царства Казанскаго, почти не рѣдкими побужденіями переносили сюда изъ другихъ мѣстъ разные предметы, имѣвшіе напр. рукописи и т. д., гораздо болѣе древняго происхожденія. На необходимость розысканія такихъ памятниковъ г. Срезневскій и обратилъ вниманіе съѣзда. Какъ на примѣры того, что такіе памятники въ Казанскомъ краѣ дѣйствительно существуютъ, г. Срезневскій указалъ на двѣ рукописи XV в.—Четвероевангеліе—въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, и Окологодовникъ—въ библіотекѣ Казанскаго университета (о рукописяхъ библіотеки Соловецкой, нынѣ въ Казанской духовной академіи, г. Срезневскій не упоминалъ, такъ какъ онѣ привезены въ Казань лишь двадцать два года тому назадъ), затѣмъ—на иконы XV же вѣка въ казанскихъ церквахъ и монастырехъ; изъ этихъ иконъ самыми замѣчательными должны быть почитаемыя иконы Казанской Божіей Матери и нѣкоторыя иконы изъ иконостасовъ въ деревянной Троицкой церкви Одиж-

Библиотека "Руниверс"

ского Предтеченского женского монастыря. Далѣе г. Срезневскій подробно описалъ еще болѣе древнія, XII и XIII вв., иконы находящіяся въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ, и Свіяжскомъ [illegible], и равнду, принадлежащія къ Хлѣповской церкви села Болгары [1]). На основаніи этихъ примѣровъ г. Срезневскій пришелъ къ тому заключенію, что изслѣдованіе Казанскихъ русскихъ древностей, коихъ происхожденіе выходитъ ранѣе половины XVI вѣка, можетъ быть далеко не безуспѣшно, и въ заключеніе своего сообщенія выразилъ надежду, что мѣстное ученое не откажется сдѣлать попытки вступить въ этомъ направленіи.

Поставленная такой задачи очень выгоднымъ образомъ расширяетъ сферу мѣстныхъ археологическихъ изученій, указывая еще на одну новую сторону, съ которой они могутъ внести свой вкладъ въ общую исторію древней русской культуры. Открытія въ этомъ отношеніи могутъ быть сдѣланы какъ по части памятниковъ искусствъ, такъ и по части памятниковъ языка и письма, и должно сказать, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи мысль, высказанная г. Срезневскимъ, была уже, въ нѣкоторой мѣрѣ, предусмотрѣна программой съѣзда; по крайней мѣрѣ въ вопросахъ ея не отдѣленіе памятниковъ языка и письма—къ обзору занятій коего мы теперь переходимъ,—встрѣчается нѣсколько такихъ, которые касаются предметовъ и явленій русской древности иногда значительно ранѣе половины XVI вѣка, и для рѣшенія которыхъ данныя представляются мѣстными условіями Казанскаго края; таковы, напримѣръ, вопросы объ историческомъ значеніи восточныхъ говоровъ русскаго языка, о вліяніи послѣдняго на языки финскіе, о памятникахъ древне-русской письменности въ Соловецкихъ рукописяхъ Казанской духовной академіи и т. п. Къ сожалѣнію только, на самомъ съѣздѣ сообщенія по предмету памятниковъ письма и языка — какъ уже впрочемъ сказано выше — были вообще порядкомъ малочисленнѣе, чѣмъ вопросы программы.

Для интересующихся письменными памятниками изъ прибывшихъ на Казанскій съѣздъ изъ другихъ городовъ весьма любопытно было сообщеніе И. Я. Порфирьева, которое заключало въ себѣ общее обозрѣніе рукописей Соловецкой библіотеки. Соловецкая библіотека поступила въ Казанскую духовную академію только въ 1855 году

---

1) Не включаемъ сюда подробностей объ этихъ памятникахъ, такъ результаты изслѣдованія ихъ г. Срезневскимъ находятся въ помѣщенномъ выше отчетѣ Академіи Наукъ по II-му Отдѣленію за 1877 годъ.

Библиотека "Руниверс"

и немедленно сдѣлались предметомъ изученія спеціалистовъ ученыхъ. Многіе прекрасные труды, основанные главнымъ образомъ на этомъ матеріалѣ, уже извѣстны въ печати, а въ настоящее время производится полное и обстоятельное описаніе Соловецкихъ рукописей. Результаты этихъ изысканій и были сообщены съѣзду г. Порфирьевымъ. Всѣхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ въ Соловецкой библіотекѣ 1500. Судя по записямъ на самыхъ манускриптахъ, а также по отмѣткамъ Соловецкаго лѣтописца и вкладной книгѣ, въ которую записывались разныя вещи и книги, поступавшія въ монастырь, библіотека составилась, начиная съ XV в., преимущественно чрезъ пожертвованія книгъ и рукописей въ монастырь разными лицами, къ нему расположенными. Между рукописями есть нѣсколько писаныхъ на пергаментѣ, изъ коихъ самая древняя принадлежитъ XIV вѣку; изъ рукописей бумажныхъ есть такіе если не очень древніе, то списанные съ древнихъ. Что касается содержанія рукописей, то въ нихъ находятся списки почти всѣхъ наиболѣе важныхъ и древнихъ произведеній славянской письменности, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, начиная съ первой эпохи славянской письменности въ Сербіи и Болгаріи и оканчивая позднѣйшими временами. Больше всего въ Соловецкой библіотекѣ житій святыхъ Русской церкви, разныхъ словъ, поученій и посланій; много также списковъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній, много произведеній старинной лѣчебной литературы и т. д.

И. Я. Порфирьевымъ представленъ былъ образецъ и болѣе частныхъ наблюденій надъ Соловецкими рукописями—въ рефератѣ объ апокрифическихъ молитвахъ, найденныхъ имъ въ двухъ рукописныхъ требникахъ Соловецкой библіотеки. Требники эти относятся къ XV—XVI вѣкамъ и содержатъ въ себѣ между прочимъ „молитвы врачевальныя“ апокрифическаго происхожденія, именно четыре молитвы противъ нежита, три молитвы противъ дны (такъ называется въ молитвахъ особаго рода болѣзнь, похожая на подагру), одна молитва „противъ всякаго недуга“ и одна, приписанная священномученику Кипріану, противъ „волшебства и чародѣйства“; какъ всѣ памятники этого рода, молитвы эти, по замѣчанію г. Порфирьева, имѣютъ связь, съ одной стороны, съ подлинными церковными молитвами, а съ другой—съ народными заклинаніями или заговорами.

Другое сообщеніе, также на основаніи рукописнаго запаса Казанской академической библіотеки, было сдѣлано Н. В. Калачовымъ. Оно касалось Казанской писцовой книги 1566—1568 годовъ, которая

Библиотека "Руниверс"

была издана на съѣздѣ по академическимъ рукописи. Книга эта представляетъ драгоцѣнный памятникъ для топографіи Казани во второй половинѣ XVI вѣка, и только благодаря ему, было возможно изслѣдованіе этого вопроса, столь талантливо сдѣланное о. протоіереемъ Зарянскимъ. Но все-таки рукописи Казанской академіи не старая, а новѣйшая и сокращенная копія съ подлинника, который находится въ архивѣ министерства юстиціи въ Москвѣ. Впрочемъ въ изданіи этомъ, которое есть трудъ покойнаго К. И. Невоструева, не пропущено — по свидѣтельству г. Калачова — ничего существеннаго; единственное отличіе подлинника отъ изданія состоитъ лишь въ томъ, что въ первомъ, вмѣстѣ со свѣдѣніями о городѣ Казани, имѣются свѣдѣнія и объ уѣздѣ Казанскомъ. Въ болѣе въ полномъ видѣ Казанская писцовая книга войдетъ въ составъ изданія писцовыхъ книгъ, предпринятаго Географическимъ обществомъ подъ редакціей Н. В. Калачова.

Слѣдовало бы сказать еще объ одномъ сообщеніи, составленномъ также на основаніи матеріаловъ Казанской академической библіотеки: мы разумѣемъ записку И. М. Добротворскаго объ обличеніи Селецкой челобитной, написанномъ Юріемъ Крижаничемъ. Но объ этой запискѣ было только заявлено на съѣздѣ, а читана она не была.

По части языка представлено было только одно небольшое сообщеніе, имѣвшее мѣстный интересъ въ томъ отношеніи, что въ немъ наложены были соображенія о вліяніи русскаго языка на инородческіе въ восточной Россіи. По мнѣнію П. Д. Шестакова, которому этотъ рефератъ принадлежитъ, вліяніе это сказывается тѣмъ, что инородческіе языки пополняются въ своемъ составѣ такими словами русскими, которыя выражаютъ понятія и означаютъ предметы, не существовавшіе первоначально въ жизни этихъ инородцевъ, но заимствованные ими изъ быта русскаго. Въ доказательство своей мысли г. Шестаковъ привелъ многочисленные и разнообразные примѣры такого культурнаго вліянія русскаго языка на финскіе и тюркскіе языки восточной Россіи.

Тотъ же почтенный референтъ обратилъ вниманіе съѣзда на одинъ весьма любопытный вопросъ въ исторіи древнихъ просвѣтительныхъ отношеній Русскихъ къ инородцамъ—на судьбу пермской азбуки, изобрѣтенной знаменитымъ представителемъ древне-русскаго миссіонерства, св. Стефаномъ Великопермскимъ въ исходѣ XIV вѣка. Стефанъ Храбрый съ дѣтства жившій между Зырянами и владѣвшій ихъ языкомъ, поставилъ цѣлью своей жизни привести этихъ дикихъ, но простодушныхъ язычниковъ въ христіанство путемъ перевода на ихъ языкъ священ-

Библиотека "Руниверс"

мять ея богослужебныя книги и совершеніе богослуженія на ихъ родномъ языкѣ. Съ этою цѣлію изъ пермскихъ писемъ (знаковъ) Стефанъ составилъ азбуку зырянскую, особь и звуки, и изображенія привелъ къ себѣ Пермякъ, какъ знакомое, родное. Именно этимъ составленнымъ имъ алфавитомъ, а не древне-славянскимъ, Стефанъ, по мнѣнію П. Д. Шестакова, и писалъ свои переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ: иначе начать ему было и составлять особую азбуку. Референтъ почитаетъ невѣрнымъ мнѣніе П. И. Савваитова, что книгъ, написанныхъ пермскимъ алфавитомъ, не сохранилось потому, что ихъ и не было, и что пермскія письмена употреблялись только тамъ, гдѣ народъ могъ ихъ видѣть, напримѣръ, на иконахъ. Принявъ мнѣніе г. Савваитова, придется допустить, что Стефанъ только для того и предпринялъ нелегкій трудъ составленія пермской азбуки, чтобы сдѣлать съ ея помощью двѣ-три надписи на иконахъ, надписи, ничего не говорившія народу, не обучавшемуся пермскимъ письменамъ. Референтъ указалъ на подпись шестаго Великопермскаго епископа Филоѳея на стопленой грамотѣ, какъ на доказательство противъ мнѣнія г. Савваитова: не сталъ бы замѣчательный по своей учености Филоѳей подписываться на офиціальномъ документѣ пермскими буквами, еслибъ онѣ употреблялись только въ иконныхъ надписяхъ и не были бы въ употребленіи у зырянскаго духовенства. Принимая во вниманіе и достоинство переводовъ Стефана, и любовь къ нему народа Пермскаго, и созданное имъ изъ самихъ же Зырянъ духовенство зырянское, референтъ выразилъ убѣжденіе, что книгъ переводовъ Стефана было немалое число, что хранились онѣ не въ однѣхъ церквахъ, но и въ домахъ усерднѣйшихъ изъ новопросвѣщенныхъ христіанъ, и что эти драгоцѣнныя рукописи, вѣроятно, существуютъ между зырянскими и пермскими старинами, которые получили ихъ отъ своихъ отцовъ, а тѣ — отъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

На прочитанный П. Д. Шестаковымъ рефератъ представилъ свои возраженія П. И. Савваитовъ; онъ сообщилъ, что болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, занявшись составленіемъ азбуки зырянскаго языка, онъ обратилъ особенное вниманіе на зырянскія или пермскія письмена, которыя съ дѣтства привыкъ видѣть на образѣ св. Троицы, находящемся въ Вологодскомъ каѳедральномъ соборѣ. Желая представить зырянскую азбуку вполнѣ соотвѣтствующею числу звуковъ этого языка и предполагая, что для этого можно употребить начертанія буквъ, изобрѣтенныя св. Стефаномъ Великопермскимъ, еслибы нашлись у Зырянъ

какія-нибудь книги, написанныя этими буквами, — онъ занялся отыскиваніемъ такихъ книгъ, чему особенно благопріятствовало то обстоятельство, что въ числѣ учениковъ его находились десятки дѣтей зырянскаго духовенства, которое, какъ извѣстно, пользуется особеннымъ довѣріемъ Зырянъ: чрезъ нихъ-то и чрезъ нихъ отцевъ П. И. Савваитовъ и надѣялся получить желаемыя имъ книги. Но всѣ поиски привели его лишь къ тому заключенію, что никакихъ книгъ, написанныхъ буквами, изобрѣтенными св. Стефаномъ, у Зырянъ нѣтъ. Къ тому же заключенію привела его и двукратная поѣздка въ край зырянскій. Куда же дѣвались такія книги, если онѣ дѣйствительно были? Вопросъ этотъ занималъ многихъ и рѣшаемъ былъ различно. Но ни пожаръ Усть-Вымскихъ церквей въ 1740 году, ни безпечность духовенства, ни непонятность языка древнихъ переводовъ, на что обыкновенно ссылались для объясненія утраты этихъ книгъ, нисколько не разъясняли дѣла; не разъясняетъ его и сообщенное въ рефератѣ П. Д. Шестакова преданіе, слышанное имъ отъ Зырянъ, будто зырянскія книги были отобраны у Зырянъ во время царя Ивана Васильевича, такъ какъ это преданіе не имѣетъ никакого фактическаго подтвержденія; оно появилось, по всей вѣроятности, для объясненія небывалой утраты зырянскихъ книгъ неизвѣстнымъ распоряженіемъ отбирать изъ церквей русскія богослужебныя книги, если бы оказались въ нихъ „ересей и развращенія“, вкравшіяся въ нихъ по небрежности или нерадѣнію переписчиковъ. Все это, по словамъ П. И. Савваитова, привело его къ тому твердому убѣжденію, что книгъ, написанныхъ письменами, изобрѣтенными св. Стефаномъ, совсѣмъ не было; что письмена эти употреблялись только тамъ, гдѣ народъ могъ видѣть ихъ, напримѣръ, на иконахъ и т. п.; что они и составлены были примѣнительно къ древнимъ „пасамъ“ именно для того, чтобы безграмотный народъ не могъ видѣть въ нихъ кабалы московской, которою стращали Зырянъ Пами отнять и подобные ему врачи проповѣди Стефановой. Указанная П. Д. Шестаковымъ зырянская подпись Великопермскаго епископа Филоѳея на стѣнной грамотѣ служитъ скорѣе подтвержденіемъ, чѣмъ опроверженіемъ того, что изобрѣтенныя св. Стефаномъ письмена употреблялись именно тамъ, гдѣ народъ могъ видѣть въ нихъ свои „пасы“, такъ какъ новопоставленные священно- и церковнослужители должны были, явившись на мѣсто своего служенія, предъявлять свои ставленныя грамоты прихожанамъ. Наконецъ, нельзя и предполагать, чтобы особенное уваженіе Зырянскаго народа и духовенства къ памяти Великопермскаго просвѣтителя не

Библиотека "Руниверс"

составила ихъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, объ искомыхъ рукописяхъ, если онѣ дѣйствительно существовали.

На возраженіе г. Самоквасова П. Д. Шестаковъ заявилъ, что онъ не признаетъ его соображеній на столько основательными, чтобъ измѣнить свое мнѣніе.

Если мы упомянемъ еще о небольшомъ рефератѣ П. В. Владимірова — о способѣ разработки русскаго эпоса, въ которомъ авторъ старался доказать, что эпосъ нашъ можетъ найдти себѣ значительное объясненіе въ такъ-называемыхъ мѣстныхъ преданіяхъ и повѣріяхъ, и что для этой цѣли необходимо тщательное собраніе такихъ матеріаловъ, между прочимъ, въ Поволжскомъ краѣ и сличеніе ихъ съ произведеніями русскаго эпоса,—то этимъ будетъ исчерпанъ весь кругъ рефератовъ отдѣленія памятниковъ языка и письма, которые, по содержанію своему или по обработанному матеріалу, находятся въ связи съ Казанскимъ или еще шире съ Камско-Волжскимъ краемъ. Остальные рефераты этого отдѣленія были слѣдующіе: Н. Л. Аристовъ сообщилъ свои соображенія о цѣнѣ русскихъ рукописей въ XVI и XVII вѣкахъ. Вопросъ этотъ, какъ и вообще разъясненіе древней книжной торговли, по мнѣнію референта, имѣетъ значеніе не только для исторіи образованности, но и для болѣе вѣрнаго взгляда на расколъ. Замѣтки о цѣнѣ рукописей мы находимъ въ сохранившихся приписокъ на самыхъ книгахъ; но цѣнность рукописей на старину можетъ быть опредѣлена только по сравненію съ цѣнностью разныхъ предметовъ потребленія въ то же время и въ данной мѣстности. Вообще говоря, по мнѣнію г. Аристова, въ XVI и XVII вѣкахъ рукописи стали нѣсколько дешевле, чѣмъ было до тѣхъ поръ. На цѣнность рукописей имѣли вліяніе цѣна письменныхъ принадлежностей, достоинство письма, украшенія ихъ, дорогіе оклады, рисунки, позолота, переплетъ и содержаніе переписчиковъ. Въ Москвѣ и особенно въ Новгородѣ рукописи, по видимому, продавались дешевле, чѣмъ въ юго-западной Руси. Сравнительно съ печатными книгами рукописи, кромѣ немногихъ, продавались дешевле печатныхъ. Раскольники значительно возвысили цѣны на старинныя рукописи и весьма дорожили сборниками, содержаніе которыхъ отвѣчало ихъ религіознымъ убѣжденіямъ.

Л. Н. Майковъ представилъ докладъ, заключающій въ себѣ обозрѣніе отвѣтовъ, присланныхъ на съѣздъ по слѣдующимъ вопросамъ программы: „Какія могутъ быть сдѣланы указанія о рукописяхъ, писанныхъ не позже конца XVIII вѣка и содержащихъ въ себѣ (въ

Библиотека "Руниверс"

числѣ другихъ статей или исключительно) народныя баснп, народныя пѣсни и собранія народныхъ пословицъ?" Краткія сообщенія по этому предмету были присланы барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ относительно библіотеки главнаго московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, и И. К. Забѣлинымъ и Н. С. Тихонравовымъ относительно ихъ собственныхъ собраній, болѣе же подробное сообщеніе принадлежитъ А. Ѳ. Бычкову—относительно нѣкоторыхъ рукописей Императорской публичной библіотеки. Съ своей стороны г. Майковъ представилъ свѣдѣнія о двухъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ XVIII вѣка, доставленныхъ ему Н. П. Дуровымъ и В. П. Мордвиновымъ изъ своихъ библіотекъ. Всѣ эти сборники представляютъ любопытные памятники русскаго народнаго творчества, отчасти и не изданные. Въ заключеніе своего реферата г. Майковъ сообщилъ о томъ, что И. Я. Порфиріевъ передалъ ему старинное стихотвореніе на взятіе Казани, извлеченное изъ одной рукописи XVII в., библіотеки Казанской духовной академіи; хотя произведеніе это написано и не народнымъ складомъ, но во всякомъ случаѣ любопытно, какъ одинъ изъ позднѣйшихъ образцовъ русскаго книжнаго стихотворства.

И. И. Срезневскій въ краткомъ перечнѣ обозрѣлъ нѣсколько статей, доставленныхъ на съѣздъ отсутствующими членами, а именно: архимандритомъ Амфилохіемъ—объ исправленіяхъ митрополита Кипріана въ славянскомъ переводѣ Псалтыри, И. С. Некрасовымъ — о принадлежащей ему раскольничьей рукописи XVII в., содержащей въ себѣ два посланія старца Авраамія и преніе священноиноковъ Ѳеодора съ митрополитомъ Иноковійскимъ Аѳанасіемъ, и Н. И. Петрова—„Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и Аѳонской горѣ", русскомъ сочиненіи второй половины XVII вѣка, въ которомъ проводится параллель между этими двумя знаменитыми обителями. Кромѣ того, И. И. Срезневскій представилъ свой докладъ о сдѣланномъ г. И. Верковичемъ „родопскомъ открытіи", то-есть, о пѣсняхъ, собранныхъ г. Верковичемъ среди Болгаръ въ Родопскихъ горахъ. Пѣсни эти поразительны по своему содержанію, ибо въ нихъ находятся воспоминанія о самыхъ первоначальныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ человѣка на пути образованности, какъ напримѣръ, объ изобрѣтеніи сохи, серпа, лодки и т. п., а также воспоминанія о войнѣ Троянской. Не менѣе поразительны нѣкоторыя пѣсни по своему языку: въ собраніи г. Верковича есть пѣсни не только болгарскія, но и изложенныя на иномъ языкѣ, который г. Верковичъ признаетъ древнимъ церковно-славянскимъ, да-

Библиотека "Руниверс"

встрѣчаемся видимо и не имѣетъ совершенно летописнаго, но часто поэтическій характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не видѣть и другихъ объясненій въ пѣсняхъ, которыя предложены въ запискѣ г. Верковича; такъ, воспоминанія пѣсенъ о Троянской войнѣ онъ считаетъ возможнымъ сближать съ описаніемъ тѣхъ же событій у Гомера, а въ двухъ Дунаяхъ, упоминаемыхъ въ одной пѣснѣ, видѣть воспоминаніе объ Индѣ и Гангѣ; вообще записка г. Верковича стремится доказать подлинность и древность собранныхъ имъ пѣсенъ близостью сходственнаго ихъ содержанія съ миѳическими преданіями древнихъ Грековъ и Индѣйцевъ. Такого рода толкованія со стороны г. Верковича несомнѣнно доказываютъ, что въ лицѣ его мы имѣемъ не простаго собирателя памятниковъ народнаго творчества, а человѣка, не лишеннаго образованія и нѣсколько знакомаго съ современными задачами исторіи народной поэзіи; по всему этому записка г. Верковича, какъ думаетъ г. Срезневскій,—является весьма важнымъ документомъ, могущимъ дать удостовѣреніе въ подлинности и научномъ значеніи заявленнаго г. Верковичемъ „родоскаго открытія".

Въ заключеніе настоящаго обозрѣнія дѣятельности Казанскаго съѣзда намъ остается упомянуть о занятіяхъ его общаго собранія, въ которыхъ, по установившемуся обычаю, обсуждаются вопросы, такъ сказать, учено-практическіе. Нѣкоторые вопросы такого рода были разсматриваемы еще на предшествующихъ съѣздахъ въ Петербургѣ и Кіевѣ, и можно сказать, по наслѣдству перешли на съѣздъ Казанскій. Такъ, Н. В. Калачовъ еще въ 1871 году, въ Петербургѣ, затронулъ вопросъ объ архивахъ, и послѣдствіемъ тогдашняго обсужденія было учрежденіе, по Высочайшему повелѣнію, особой комиссіи для начертанія правилъ объ устройствѣ архивовъ. На Казанскомъ съѣздѣ г. Калачовъ предложилъ къ обсужденію вопросъ о необходимости образованія архивовъ мѣстныхъ, и эта мысль встрѣчена была общимъ сочувствіемъ, хотя и вызвала нѣкоторыя возраженія относительно условій и формы своего осуществленія, какъ вообще въ Россіи, такъ и въ частности въ Казани.

Другой вопросъ, перешедшій на Казанскій съѣздъ съ Кіевскаго, касается записки А. Г. Брикнера объ учебныхъ пособіяхъ по русской исторіи. Записка эта (напечатанная въ іюльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1876 г.) была еще до съѣзда разослана на обсужденіе разныхъ учебныхъ учрежденій; по полученіи же отзывовъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно—отъ Московскаго университета, археографической комиссіи и профессора

Библиотека "Руниверс"

Дерптскаго университета Гаусмана (другихъ отзывовъ заявлено не было), ученый комитетъ съѣзда образовалъ особую коммиссію изъ А. О. Бычкова, К. Н. Бестужева-Рюмина и В. С. Иконникова, которой и поручилъ разсмотрѣть эти отзывы и составить изъ нихъ сводъ. При чтеніяхъ въ общемъ собраніи съѣзда докладчикъ этой коммиссіи, согласно съ представленными отзывами, выразилъ свое сочувствіе къ проекту А. Г. Брикнера; что же касается его практическаго осуществленія, то по мнѣнію коммиссіи, оно должно быть предложено на обсужденіе съѣзда. И дѣйствительно, въ соотношеніи по этому поводу заѣданіи предложеніе г. Брикнера вызвало многочисленныя замѣчанія со стороны членовъ. Такъ, Н. А. Опрсовъ заявилъ, что изданіе обзора источниковъ по проекту г. Брикнера не можетъ замѣнить самыхъ источниковъ, но можетъ только показать современное историческія возрѣнія преступающимъ къ занятіямъ исторіей; кромѣ того, при молодости науки русской исторіи и при ея быстромъ развитіи въ послѣднее время, не цѣлесообразно многотомное изданіе обзора источниковъ, которое можетъ быть окончено не ближе десяти лѣтъ, а въ этотъ промежутокъ времени появится много новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій, и помѣщенное въ предполагаемой энциклопедіи русской исторіи окажется устарѣвшимъ. Къ вопросу о наилучшемъ преподаваніи исторіи въ университетахъ, по мнѣнію г. Опрсова, слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, дабы не пріучить студентовъ легко смотрѣть на учебный трудъ. Существенно необходимо въ интересахъ университетскаго преподаванія исторіи, чтобы университеты напечатали систематическій каталогъ историческимъ отдѣламъ своихъ библіотекъ, чтобы при каѳедрахъ русской исторіи были устроены спеціальныя библіотеки по этому предмету и вообще по ознакомленію съ необходимыми географическими, этнографическими археологическими пособіями. Какъ на примѣръ подобной библіотеки, г. Опрсовъ указалъ на библіотеку, существующую въ Казанскомъ университетѣ при музеѣ этнографіи, древностей и инородческихъ искусствъ и устроенную на случайныя средства.—Д. А. Корсаковъ полагалъ весьма полезнымъ, чтобы на первый разъ изъ проекта г. Брикнера было исполнено хотя одно, именно—былъ бы изданъ подробный библіографическій указатель источниковъ по русской исторіи, оставляя въ сторонѣ изслѣдованія и монографіи. Такой трудъ, по мнѣнію г. Корсакова, могъ бы быть осуществленъ совокупными усиліями Академіи наукъ, археографической коммиссіи, археологическихъ обществъ и Императорской публичной библіотеки, при которой могли бы быть

Библиотека "Руниверс"

для этой цѣли образована особая комиссія изъ ученыхъ спеціалистовъ. Г. Кояловъ высказался также за демонстративный методъ преподаванія источниковѣдѣнія въ университетахъ и за организацію, при историко-филологическихъ факультетахъ, историческихъ семинарій, при чемъ слѣдуетъ вполнѣ отдѣлить ученую часть отъ педагогической.—И. А. Бирсовъ возразилъ на вышеприведенныя замѣчанія г. Кояловича, защитивъ, что изданіе указателя изслѣдованій и монографій необходимѣе, чѣмъ изданіе перечня источниковъ, потому что указанія на послѣдніе студенты всегда могутъ получить отъ профессоровъ. Затѣмъ г. Бирсовъ возвратился къ высказанной имъ прежде мысли о необходимости музея педагогическихъ пособій при университетской каѳедрѣ русской исторіи и выразилъ мнѣніе, чтобы съѣздъ высказался въ пользу такого учрежденія, въ особенности въ виду настоящаго пересмотра университетскаго устава 1866 года.—А. Ѳ. Бычковъ отнесся отрицательно къ мысли проекта г. Брикнера о пріостановкѣ изданія письменныхъ источниковъ, которыхъ, по мнѣнію г. Брикнера, издано уже достаточно. По мнѣнію г. Бычкова, напротивъ того, издано еще весьма незначительное количество матеріаловъ въ сравненіи съ тѣмъ, что еще остается не напечатаннымъ, и пріостановка въ изданіи документовъ можетъ лишь замедлить развитіе исторической науки. Кромѣ того, г. Бычковъ высказался противъ оцѣнки историческихъ сочиненій въ указателѣ источниковъ, считая помѣщеніе такихъ оцѣнокъ возбраненіемъ ученымъ на историческія изслѣдованія и нецѣлесообразнымъ въ изданіи, къ коему будутъ обращаться молодые люди, способные невольно подчиниться этимъ готовымъ произвольнымъ возрѣніямъ.—Въ отвѣтъ на это возраженіе А. Ѳ. Брикнеръ сказалъ, что мысль о пріостановкѣ изданія письменныхъ источниковъ принадлежитъ не ему, а редакціи Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ помѣщена его записка, а что ему, г. Брикнеру, кажется, что пришло уже время сгруппировать изданный матеріалъ, чтобы возможно было ориентироваться въ немъ [1]).

1) Это возраженіе профессора Брикнера съ ссылкою на редакцію *Ж. М. Н. Пр.* мы привели изъ *Извѣстій* Казанскаго съѣзда почти буквально, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы заявить, что странное мнѣніе о пріостановкѣ изданія источниковъ — вопреки указанію г. Брикнера — вовсе не принадлежитъ редакціи и никогда ею высказываемо не было. При печатаніи статьи г. Брикнера въ журналѣ, въ виду утвержденія г. профессора, что «при изданіи у насъ архивныхъ матеріаловъ, печатается множество или весьма мало значущихъ, или почти вовсе не имѣющихъ значенія дѣловыхъ бумагъ», и такие, что «и ученый обще-

Библиотека "Руниверс"

Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Брикнеръ замѣтилъ, что признавая всю трудность исполнить его проектъ, а также необходимость употребить на это значительное время, но въ то же время съ удовольствіемъ видитъ сочувствіе ученыхъ учрежденій и лицъ къ высказанной имъ мысли, а потому и выражаетъ желаніе, чтобы съѣздъ перенесъ его проектъ въ правительственную сферу и рекомендовалъ осуществленіе его вниманію министерства народнаго просвѣщенія. По окончаніи этихъ преній графъ А. С. Уваровъ предложилъ собранію: не сочтетъ ли оно полезнымъ обратить вниманіе г. министра народнаго просвѣщенія на проектъ г. Брикнера, и съѣздъ большинствомъ голосовъ постановилъ: принять это предложеніе.

Третій предметъ сужденій общаго собранія составилъ рефератъ Д. Я. Самоквасова — о причинахъ непроизводительнаго для науки уничтоженія древнихъ земляныхъ насыпей и о мѣрахъ къ предупрежденію безплодныхъ для науки раскопокъ кургановъ и городищъ. Референтъ указалъ на слѣдующіе четыре главнѣйшіе виды раскопокъ, непроизводительныхъ въ научномъ отношеніи, вслѣдствіе чего курганы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаютъ безслѣдно: 1) распашка кургановъ, 2) случайная ихъ разломка, 3) разломка изслѣдователями, и 4) раскопки лицами, не имѣющими научной подготовки къ этому дѣлу. Кромѣ того, референтъ признаетъ, что 1) и разломки, производимыя естествоиспытателями, оказываются безслѣдными для археологіи, потому что натуралисты не обращаютъ вниманія на данныя археологическія, и 2) общества естествоиспытателей и археологическія поручаютъ иногда производство раскопокъ лицамъ, недостаточно къ тому подготовленнымъ. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго г. Самоквасовъ настаивалъ на необходимости выработать постоянныя рациональныя правила для производства раскопокъ и предложилъ съ этою цѣлью сдѣлать необходимыя слѣдующія четыре

ства, и отдѣльные спеціалисты, и редакторы историческихъ сборниковъ и журналовъ оказали бы наукѣ гораздо болѣе важную услугу приведеніемъ въ порядокъ и разработкой имѣющагося матеріала, чѣмъ сообщеніемъ новыхъ тысячъ и десятковъ тысячъ старыхъ, плохихъ бумагъ, писемъ и записокъ» (стр. 6), редакція нашла нужнымъ сдѣлать только слѣдующее примѣчаніе: «Напрасно однако авторъ не упоминаетъ, сколько пользы принесло въ послѣднее время обнародованіе документовъ. Онъ какъ будто желаетъ, чтобы эта дѣятельность на время совсѣмъ прекратилась у насъ, какъ будто она препятствуетъ исполненію того, что составляетъ его любимую мысль» (стр. 7). Слава эти замѣтки, очевидно, совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой придалъ имъ г. Брикнеръ.

Библиотека "Руниверс"

условія: 1) раскопки древнихъ памятниковъ могутъ быть производимы не иначе какъ съ ученою цѣлью и съ разрѣшенія археологическихъ учрежденій и археологическихъ обществъ; 2) лица, получившія право на производство раскопокъ, должны строго руководствоваться общеобязательною инструкціей и для доказательства того должны представлять по окончаніи работъ отчетъ и журналъ, веденный во время раскопокъ, въ то мѣсто, откуда получено разрѣшеніе на работы; но пользоваться этими документами означенныя учрежденія и общества могутъ только съ согласія автора; 3) инструкція для производства раскопокъ, утвержденная тѣмъ или другимъ археологическимъ съѣздомъ, предлагается какъ общеобязательная, но должна пересматриваться на каждомъ съѣздѣ и утверждаться имъ до слѣдующаго съѣзда; 4) лица, не исполнившія требованій инструкціи, утвержденной археологическимъ съѣздомъ, и не представившія удовлетворительныхъ отчетовъ о произведенныхъ ими раскопкахъ, лишаются права раскопокъ, о чемъ сообщается учрежденіямъ, давшимъ порученіе, всѣмъ другимъ археологическимъ обществамъ и учрежденіямъ въ Россіи.

Рефератъ г. Самоквасова вызвалъ нѣсколько дополненій и разъясненій со стороны другихъ членовъ. Такъ Л. К. Ивановскій замѣтилъ, что, по его мнѣнію, инициатива раскопки кургановъ должна принадлежать исключительно археологическимъ обществамъ, ибо курганы доставляютъ несравненно большій матеріалъ для археолога, чѣмъ для антрополога. Но вмѣстѣ съ тѣмъ г. Ивановскій заявилъ, что изслѣдованія кургановъ нѣкоторыми естествоиспытателями, какъ напримѣръ, классическое изслѣдованіе, произведенное въ Московской губерніи профессоромъ Московскаго университета А. П. Богдановымъ, вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ археологіи; притомъ же антропологическія коллекціи въ Россіи находятся въ большемъ порядкѣ, чѣмъ археологическія, изъ коихъ только коллекція гр. А. С. Уварова расположена вполнѣ научно. Г. Ивановскій указалъ также на одинъ случай исчезновенія кургановъ, пропущенный г. Самоквасовымъ, именно— на разрушеніе ихъ разливами рѣкъ, и высказалъ желаніе, чтобы для сохраненія и изслѣдованія земляныхъ памятниковъ образовалось въ Россіи частное общество по примѣру существующаго въ Англіи общества изслѣдованія историческихъ памятниковъ Палестины. — А. С. Гацискій указалъ на то, что волостныя правленія, къ которымъ въ настоящее время обращаются за указаніемъ кургановъ и другихъ памятниковъ древности, не могутъ быть компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ, и предложилъ археологическимъ обществамъ избирать

Библиотека "Руниверс"

въ каждой губерніи извѣстное имъ по своей научной подготовкѣ лицо, которое должно заботиться о сохраненіи и изслѣдованіи памятниковъ древности въ предѣлахъ своей губерніи. Графъ А. С. Уваровъ обратилъ вниманіе на Высочайше учрежденную комиссію о сохраненіи вещественныхъ памятниковъ, которая наблюдаетъ за цѣлостью не только кургановъ, но и другихъ вещественныхъ остатковъ древности. Проектъ правилъ этой комиссіи устанавливаетъ именно такимъ мѣстнымъ блюстителей древнихъ памятниковъ, о необходимости которыхъ заявилъ г. Рацкій. По мнѣнію гр. Уварова, четыре пункта, предложенные г. Самоквасовымъ, могутъ дополнить программу указанной комиссіи, и потому гр. Уваровъ рекомендовалъ общему собранію съѣзда представить г. министру народнаго просвѣщенія, чрезъ посредство совѣта съѣзда, предложеніе г. Самоквасова, что и было принято собраніемъ единогласно.

Кромѣ этихъ трехъ вопросовъ, на утвержденіе общаго собранія съѣзда были внесены совѣтомъ послѣдняго еще слѣдующія предложенія: 1) постановленіе о назначеніи преміи въ сто рублей за открытіе древней зырянской рукописи, написанной буквами, изобрѣтенными св. Стефаномъ Великопермскимъ; 2) проектъ правилъ постоянной организаціонной коммиссіи русскихъ археологическихъ съѣздовъ, и 3) проектъ ходатайства предъ правительствомъ о сохраненіи древнихъ развалинъ въ селѣ Болгарахъ.

Наконецъ, общимъ же собраніемъ обсуждалось предложеніе объ учрежденіи въ Казани археологическаго общества. Мысль о томъ была высказываема въ теченіе съѣзда неоднократно Н. И. Золотницкимъ, П. Д. Шестаковымъ и С. М. Шпилевскимъ, а подробно развита въ особомъ рефератѣ Д. А. Корсакова. Онъ предложилъ, чтобы было основано общество древностей, исторіи и этнографіи Камско-Волжскаго края и обстоятельно развилъ будущую программу дѣятельности такого общества. Общество, по мнѣнію г. Корсакова, должно находиться въ непосредственной связи съ Казанскимъ университетомъ, при дѣятельномъ участіи Казанской духовной академіи и всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Камско-Волжскаго края. Нѣтъ надобности прибавлять, что съѣздъ встрѣтилъ это предложеніе съ полнымъ одобреніемъ, которое и высказалось въ многочисленныхъ заявленіяхъ гг. членовъ. При этомъ случаѣ П. Д. Шестаковъ, попечитель Казанскаго учебнаго округа, заявилъ, что мысль объ основаніи подобнаго общества встрѣчаетъ горячее сочувствіе въ Казани, и что многіе изъ мѣстныхъ казанскихъ дѣятелей ужь изъявили желаніе

Библиотека "Руниверс"

быть въ немъ членами-основателями. „Я глубоко убѣжденъ", заключилъ П. Д. Шестаковъ, — „что желающихъ потрудиться на пользу изученія мѣстныхъ древностей найдется не мало".

Нельзя не согласиться вполнѣ съ этими прочувствованными словами почтеннаго представителя Казанскаго ученаго и учащаго сословія: состоявшійся при близкомъ его участіи, четвертый археологическій съѣздъ служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ справедливости и явился достойнымъ продолженіемъ предшествовавшихъ собраній почтенныхъ знатоковъ и любителей русскихъ древностей.

Библиотека "Руниверс"

О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЭКЗАМЕНАХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ И АВСТРІИ [1].

II. О государственныхъ экзаменахъ на общія (не-техническія) административныя должности.

Вездѣ въ Германіи и въ Австріи болѣе или менѣе полное юридическое образованіе считается необходимымъ условіемъ для занятія общихъ (не-техническихъ) административныхъ должностей по какому бы то ни было вѣдомству.

Въ Баваріи существуютъ даже одни и тѣ же экзамены и одна и та же практическая подготовка для поступленія какъ на юридическую службу, такъ равно и на административную. Въ Саксоніи предоставляется только возможность, но не вмѣняется въ обязанность по выдержаніи перваго юридическаго экзамена приступить къ служебной практикѣ въ какомъ нибудь административномъ вѣдомствѣ, и кандидатъ можетъ практиковаться и на судебномъ поприщѣ. Вообще же, за исключеніемъ Виртемберга и отчасти Бадена и Гессена, первый юридическій экзаменъ, о которомъ было подробно говорено въ первой нашей статьѣ, служитъ основаніемъ для всей дальнѣйшей карьеры по вѣдомствамъ какъ судебному, такъ и административнымъ.

Только въ Виртембергѣ и отчасти въ Баденѣ и Гессенѣ первый юридическій экзаменъ существенно разнится отъ перваго административнаго экзамена: на должности по министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ въ Виртембергѣ и по послѣднему изъ этихъ управленій въ Баденѣ и Гессенѣ. Эти особые экзамены въ Виртембергѣ были установлены еще въ 1827 году для такъ-называемыхъ регимиталистовъ

1) *Продолженіе.* См. *Ж. М. Н. Пр.* за январь 1878 года.

Библиотека "Руниверс"

(кандидатовъ на должности по министерству внутреннихъ дѣлъ) и камералистовъ (кандидатовъ по министерству финансовъ), тогда какъ еще въ 1817 г. въ Тюбингенскомъ университетѣ отъ юридическаго факультета обособился камеральный или такъ-называемый staats-wirthschaftliche Facultät, которому многіе считаютъ болѣе правильнымъ усвоить названіе факультета государственныхъ наукъ staats-wissenschaftliche Facultät). Въ составъ перваго экзамена регминалистовъ входятъ нижеслѣдующіе предметы: 1) Виртембергское государственное право въ связи съ общимъ государственнымъ правомъ и съ публичнымъ правомъ [illegible] настоящее время Германской имперіи; 2) [illegible]е и отечественное гражданское право, преимущественно же важнѣйшія для управленія ученія о договорахъ, о залогахъ, о юридической давности, о сервитутахъ и о крестьянскомъ имущественномъ положеніи и т. д.; 3) церковное право протестантовъ и католиковъ, при чемъ особое вниманіе обращается на отечественныя церковныя учрежденія; 4) основныя положенія уголовнаго права, уголовнаго и гражданскаго процессовъ; 5) политическая экономія; 6) полицейское право; 7) Виртембергская система налоговъ и счетоводства и 8) энциклопедическія познанія въ области промышленности, сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Въ экзаменѣ для камералистовъ входятъ отчасти тѣ же самые предметы, и въ томъ же самомъ видѣ (какъ то: предметы, означенные выше подъ нумерами 2 и 5, то-есть, гражданское право и политическая экономія), отчасти въ уменьшенномъ размѣрѣ (такъ, по государственному праву только главныя основныя положенія Виртембергскаго государственнаго права, при чемъ особенное вниманіе обращается на общинное и провинціальное устройство и управленіе, а также и по уголовному праву требуется только знаніе главныхъ правилъ уголовнаго процесса); гражданское, церковное и полицейское право вовсе не входятъ въ составъ экзамена камералистовъ, но за то въ области промышленности, сельскаго хозяйства и лѣсоводства отъ нихъ требуются болѣе спеціальныя познанія. Особыя же предметныя ихъ испытанія служитъ наука о финансахъ и финансовые законы и учрежденія Виртемберга.

Въ Баденѣ законъ объ экзаменахъ для службы по финансовому управленію состоялся 16-го мая 1838 года и былъ затѣмъ видоизмѣненъ 12-го мая 1853 года. Испытаніе производится въ Карлсруэ комиссіей, назначенною министромъ финансовъ и состоящею подъ предсѣдательствомъ совѣтника министерства изъ совѣтниковъ финан-

Библиотека "Руниверс"

сныхъ коллегій и изъ мѣстныхъ ученыхъ. Для допущенія къ экзамену требуется представить документы и свѣдѣнія объ окончаніи курса въ гимназіи и о томъ, въ какихъ университетахъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какія лекціи и въ какомъ порядкѣ были выслушаны кандидатомъ. На экзаменѣ требуются: 1) предварительныя познанія: а) изъ математики: ариѳметика, алгебра, геометрія и плоская тригонометрія, начальныя основанія практической геометріи (геодезіи), элементарныя свѣдѣнія изъ механики и разрѣшаемыя съ помощью логариѳмовъ, ученія о соединеніяхъ и теорія вѣроятностей, задачи и вычисленія, встрѣчающіяся въ дѣловой практикѣ; б) изъ естественныхъ наукъ: по закону 1858 года: зоологія, ботаника, орикгогнозія, геогнозія, физика и химія, а по закону 1863 г.: химія, минералогія и геогнозія; 2) спеціальныя познанія: по закону 1858 г.: а) сельское хозяйство, лѣсоводство, горное дѣло, технологія и ученіе о торговлѣ, а по закону 1863 года: сельское хозяйство и ученіе о мануфактурной промышленности (Gewerbskunde), б) по закону 1858 года: политическая экономія, наука о финансахъ, полицейское право и камеральная практика, а по закону 1863 года: только политическая экономія и наука о финансахъ; 3) вспомогательныя познанія изъ области юридическихъ наукъ: по закону 1858 года: юридическая энциклопедія и общее государственное право, а по закону 1863 года: институціи римскаго права, Баденское земское право и общее государственное право. Сверхъ того законъ 1858 года требовалъ отъ кандидатовъ, являющихся на экзаменъ, чтобъ они посѣщали университетскія лекціи въ продолженіе 3½ лѣтъ и въ каждое изъ первыхъ четырехъ полугодій прослушали хотя бы по одному курсу филологическому или историческому, а также расширили свои познанія, пріобрѣтенныя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ новѣйшихъ языкахъ, въ особенности же во французскомъ. Законъ 1863 года, который вообще обнаруживаетъ желаніе нѣсколько упростить разнообразныя требованія, обращенныя прежде къ кандидатамъ, настаиваетъ только на томъ, чтобы спеціальныя познанія, и то за исключеніемъ сельскаго хозяйства, и познанія вспомогательныя въ области юридическихъ наукъ были пріобрѣтаемы въ университетахъ, познанія же по математикѣ, естественнымъ наукамъ и сельскому хозяйству предоставляется пріобрѣтать и въ политехническихъ институтахъ. Сверхъ того, въ законѣ 1863 года усматривается стремленіе усилить нѣсколько общее юридическое образованіе кандидатовъ, съ какимъ цѣлью въ составъ экзаменовъ введены институціи рим-

Библиотека "Руниверс"

скаго права. Испытаніе какъ по прежнему, такъ и по новому закону, бываетъ письменное и устное, но только письменному испытанію придается особенное значеніе, и оно простирается на всѣ вышеупомянутые предметы, при чемъ однако же по закону 1863 года, относительно естественныхъ наукъ оно производится совмѣстно съ тѣми спеціальными предметами, при которыхъ первые находятъ себѣ приложеніе. Министерство финансовъ опредѣляетъ число вопросовъ, которые по каждому предмету должны быть предлагаемы для письменнаго разрѣшенія. Что касается устнаго испытанія, то оно простирается на тѣ части требуемыхъ познаній, относительно коихъ предсѣдатель или другіе члены испытательной коммиссіи признаютъ полезнымъ произвести устное испытаніе. Каждый кандидатъ подвергается устному испытанію отдѣльно отъ другихъ. Члены коллегіальныхъ и среднихъ учрежденій министерства финансовъ могутъ присутствовать, буде пожелаютъ, при устномъ испытаніи каждаго кандидата.

Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются только о ходѣ и результатахъ перваго государственнаго испытанія на должности по финансовому управленію въ Виртембергѣ. Свѣдѣнія эти собраны и изложены финансъ-ассесоромъ докторомъ Шаллемъ въ статьѣ: „Die Ergebnisse der ersten höheren Finanz-Dienstprüfung seit dem Jahre 1838“, напечатанной въ „Виртембергскомъ Ежегодникѣ по статистикѣ и географіи королевства“ за 1875 г., издаваемомъ королевскимъ статистическо-топографическимъ бюро. Важность спеціально научнаго образованія для будущихъ административныхъ чиновниковъ, говоритъ между прочимъ авторъ статьи, была сознаваема въ Виртембергѣ уже съ давняго времени. Такъ, уже въ 1773 году при Карловой академіи существовало особое отдѣленіе камералистовъ. Въ 1782 году былъ въ ней учрежденъ особый экономическій факультетъ, а въ 1817 году послѣдовало учрежденіе государственно-хозяйственнаго факультета при Тюбингенскомъ университетѣ, при чемъ прямо была высказана цѣль „предоставить каждому классу будущихъ слугъ государства способы къ научному образованію“. Но способами этими очень долгое время весьма мало пользовались камералисты, ибо долгое время, какъ въ самомъ вѣдомствѣ, такъ и въ обширнѣйшихъ кругахъ, господствовало мнѣніе, что финансовое управленіе представляетъ преимущественно задачи чисто практическаго свойства и потому существенно нуждается въ лицахъ, практически къ нему приготовленныхъ. Съ давняго времени большое число чиновниковъ по

только по министерству финансовъ, но и по министерству внутреннихъ дѣлъ, получали преимущественно только практическую, какъ бы ремесленную, ручную подготовку къ своей службѣ, и, не имѣя высшаго научнаго образованія, занимали въ глазахъ образованныхъ классовъ общества низшее положеніе сравнительно съ юристами, врачами, преподавателями среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и духовными лицами. Законы 10-го февраля 1837 года о государственныхъ экзаменахъ на должности по министерству внутреннихъ дѣлъ и финансовъ вызваны были, между прочимъ, желаніемъ поднять умственный и нравственный уровень чиновниковъ этихъ двухъ вѣдомствъ, возвысить ихъ въ общемъ мнѣніи и тѣмъ привлечь болѣе даровитыхъ молодыхъ людей къ этимъ поприщамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ на этихъ законахъ несомнѣнно отразилось вліяніе и прежнихъ порядковъ, когда должностей въ этихъ вѣдомствахъ достигали, за немногими исключеніями, только практическіе самоучки. Такъ, между прочимъ, тогда какъ въ Баденѣ, напримѣръ, для допущенія къ первому финансовому экзамену требуется непремѣнно полное окончаніе гимназическаго курса и затѣмъ три съ половиною года ученія въ университетѣ или въ политехническомъ институтѣ, въ Виртембергѣ ни отъ регистраторовъ, ни отъ камералистовъ не требуется окончанія полнаго гимназическаго курса; по крайней мѣрѣ не требуется знанія одного изъ важнѣйшихъ гимназическихъ предметовъ, именно греческаго языка. Желающіе посвятить себя этому поприщу обязаны только по крайней мѣрѣ за три года до перваго государственнаго испытанія подвергнуться такъ называемому предварительному академическому экзамену (academische Vorprüfung), то-есть, экзамену изъ предметовъ гимназическаго курса, въ составъ котораго, смотря по желанію экзаменующагося, можетъ и не входить греческій языкъ. Затѣмъ въ законахъ 1837 года не опредѣлена продолжительность университетскихъ и вообще академическихъ занятій, и даже посѣщеніе университета вообще не вмѣняется въ обязанность кандидатамъ, а говорится только, что кандидаты, посѣщавшіе туземный или иностранный университетъ, обязаны предоставить свидѣтельства о продолжительности своихъ университетскихъ занятій, о курсахъ которые они прослушали, и о своемъ нравственномъ и дисциплинарномъ поведеніи. Кандидаты же, которые не посѣщали высшаго учебнаго заведенія, обязаны представить свѣдѣнія о родѣ и способахъ своего научнаго образованія и, буде они уже проходили какое-нибудь прак-

Библиотека "Руниверс"

тическое поприще, то и свидѣтельство сортѣ-терезіанскихъ офицеровъ объ ихъ прилежаніи и поведеніи.

Изъ данныхъ, которыя приводитъ докторъ Шаллъ въ вышеупомянутой статьѣ своей, усматриваются, между прочимъ, что въ продолженіи времени съ 1828 по 1875 годъ, то есть въ 37-лѣтній періодъ, семьдесятъ одинъ кандидатъ были уволены отъ предварительнаго академическаго образованія и допущены прямо къ первому государственному испытанію: въ первое десятилѣтіе (1838—1847) ихъ было 20, и они составляли слишкомъ 99% общаго числа экзаменовавшихся, во второе десятилѣтіе ихъ было 25 (16%), въ третье 11 (почти 5%), а въ послѣднее семилѣтіе всего 6 (съ небольшимъ 4%). Замѣчательно однако же, что изъ нихъ нѣсколько большій процентъ, чѣмъ изъ общаго числа экзаменовавшихся, а именно 71, противъ 70,8%, выдержали съ успѣхомъ первое финансовое испытаніе. Шаллъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что увольненіе отъ предварительнаго академическаго или гимназическаго экзамена дозволялось только тѣмъ лицамъ, которыя уже съ успѣхомъ прошли какое либо практическое поприще и уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, по обстоятельствамъ ими самими отъ себя независящимъ, приступили къ изученію предметовъ, входящихъ въ составъ перваго финансоваго испытанія, и которые вслѣдствіе того безвозвратно употребляли свое время и деньги въ пору своего университетскаго ученія въ качествѣ вольныхъ слушателей, по недостатокъ болѣе основательной гимназической подготовки выказался въ томъ, что изъ нихъ только 29% получили на первомъ финансовомъ испытаніи отличія 2-й и 1-й степени, тогда какъ въ общемъ числѣ допущенныхъ къ испытанію такихъ было 36,4%.

Хотя, какъ выше сказано, законъ не требуетъ отъ кандидатовъ обязательнаго посѣщенія университета и слушанія въ немъ спеціальныхъ предметовъ финансоваго испытанія, тѣмъ не менѣе фактически едва ли былъ хотя одинъ кандидатъ, который бы вовсе не посѣщалъ предварительно университета, но за то весьма многіе изъ нихъ слушали университетскія лекціи лишь небольшое число семестровъ. Всѣхъ допущенныхъ къ первому финансовому испытанію за 37 лѣтъ было 655, то есть отъ 17 до 18 кандидатовъ ежегодно въ среднемъ выводѣ. Кандидаты эти могутъ быть распредѣлены на три категоріи. Одни изъ нихъ, особенно въ началѣ 37-лѣтняго періода, еще не окончивъ полнаго гимназическаго курса, вступали въ качествѣ чиновниковъ въ канцеляріи различныхъ провинціальныхъ финансовыхъ

Библиотека "Руниверс"

управленія, то, такъ какъ оказалось, что увольненіе отъ предварительнаго академическаго испытанія давалось сравнительно немногимъ, а выдержать его могли лица, уже отставшіе отъ правильнаго академическаго ученія и занимавшіеся канцелярскою службой, было весьма трудно, то большая часть лицъ, желавшихъ подготовиться къ службѣ по финансовому вѣдомству, стали оканчивать юридическій курсъ и затѣмъ уже годъ или полгода служить въ канцеляріи, а потомъ готовиться въ университетѣ къ первому финансовому испытанію. Изъ 656 кандидатовъ, допущенныхъ къ испытанію, лицъ этой категоріи, которыя съ предварительною практическою и со совсѣмъ правильною научною подготовкой, было 200, или 30,6%, при чемъ съ теченіемъ времени число ихъ и абсолютно и относительно все болѣе уменьшалось. Въ первое десятилѣтіе ихъ было 91 или 61,8%, а въ послѣднее семилѣтіе (съ 1868 по 1875 года) всего 14 или 18%. Вторую наибольшую категорію кандидатовъ составили лица, ограничившія свою подготовку только исключительно университетскимъ ученіемъ. Такихъ было въ 27-милѣтній періодъ 353 или 53,9%, при чемъ число ихъ постоянно возрастало съ 46 въ первое шестилѣтіе до 125 въ третье и упало до 100 въ послѣднее семилѣтіе, а относительное ихъ число представляетъ постоянное увеличеніе съ 32 до 74%. Затѣмъ во второе десятилѣтіе (съ 1858 года) къ этимъ двумъ категоріямъ кандидатовъ присоединились еще третья: это молодые люди, окончившіе предварительно полный гимназическій курсъ и поступившіе первоначально въ содержимыя отъ правительства учебно-воспитательныя заведенія или такъ-называемые конвикты для римско-католическихъ богослововъ и затѣмъ уже добровольно или по неволѣ перешедшіе на гражданское званіе и большею частью по-тому направлявшихся къ камеральнымъ наукамъ. Такихъ было съ 1848 по 1875 г. всего 100 человѣкъ, и они составляютъ съ небольшимъ 15% общаго числа кандидатовъ, допущенныхъ къ первому финансовому испытанію. При такомъ несходствѣ состава этихъ кандидатовъ весьма понятно, что очень многіе изъ нихъ не выдерживаютъ перваго финансоваго испытанія.

Испытаніе это, подобно тому, какъ и испытаніе регіерунгсъ-юристовъ, производится дважды въ годъ въ Тюбингенѣ, при чемъ въ среднемъ выводѣ каждый разъ на испытаніе являются не болѣе 9 человѣкъ. Производится оно коммиссіей, состоящею изъ профессоровъ государственно-хозяйственнаго (камеральнаго) факультета, двухъ или трехъ профессоровъ юристовъ и одного изъ чиновниковъ министер-

Библиотека "Руниверс"

ства изъ числа членовъ второй испытательной комиссіи. Какъ и всѣ испытанія въ Вюртембергѣ, оно раздѣляется на письменное и устное. Письменное испытаніе производится подъ строгимъ надзоромъ и продолжается два цѣлыхъ дня. Вопросы предлагаются преимущественно изъ предметовъ болѣе обширныхъ. Сверхъ того дается одна тема для сочиненія, которое должно обнаружить даръ письменнаго изложенія. Устное испытаніе производится каждому кандидату въ отдѣльности изъ всѣхъ предметовъ не меньшей мѣрѣ на продолженіе цѣлаго часа. Выдержавшимъ испытаніе кандидатамъ выдаются свидѣтельства трехъ степеней, изъ коихъ каждая имѣетъ еще два подраздѣленія, смотря по обнаруженнымъ кандидатами познаніямъ и способностямъ. Каковы же, спрашивается, были результаты этого испытанія за 37-милѣтній періодъ съ 1838 по 1875 годъ?

Изъ 655 кандидатовъ, 145 или 23% вовсе не явились на испытаніе или же бросили его до окончанія; 50 или 7,7% хотя и довершили свое испытаніе, но не выдержали его, и наконецъ 460 или 70,2% получили свидѣтельства, но изъ нихъ никто не получилъ свидѣтельства первой степени съ отличіемъ (Ia) и только 4 получили свидѣтельства первой степени безъ отличія (Ib); 160 получили свидѣтельства второй степени и 296 — свидѣтельства третьей степени. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ г. Шмидъ, это фактъ далеко не отрадный, что изъ всѣхъ кандидатовъ, допущенныхъ къ первому финансовому испытанію, 29,8% или не явились, или не довершили, или не выдержали испытанія; 45,2% получили свидѣтельства низшей степени, и только 25% свидѣтельства второй и первой степени. Приходится сдѣлать такое заключеніе, что камеральное поприще избирается не всегда лучшими учениками гимназій, на чемъ во многомъ основывается и то, что при предварительномъ свидѣтельскомъ испытаніи будущимъ камералистамъ предъявляются отчасти низшія требованія, нежели тѣмъ, которые имѣютъ въ виду другія служебныя поприща, а именно въ силу подтвержденнаго еще 19-го іюня 1873 года распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ будущихъ камералистовъ, такъ же, какъ и регистраторовъ и лѣсничихъ, не требуется знаніе греческаго языка". Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается и другое явленіе также далеко не отрадное, а именно постепенное пониженіе процента тѣхъ лицъ между кандидатами-камералистами, отцы коихъ принадлежатъ къ либеральнымъ профессіямъ. Въ первое десятилѣтіе такіе кандидаты составляли 72,7% общаго числа, а въ послѣднее семилѣтіе только 49,6%. И одни ли это

Библиотека "Руниверс"

только простая случайность, замѣчаетъ г. Шаль, что наилучшіе результаты испытаній совпадаютъ съ наибольшими числами кандидатовъ изъ болѣе образованныхъ семействъ, а наихудшіе приходятся на послѣднее семилѣтіе, когда большая половина кандидатовъ не принадлежала къ этимъ семействамъ. Это послѣднее явленіе состоитъ въ связи не только съ условіями для допущенія къ первому финансовому испытанію, но и съ тѣмъ, что по тому же закону къ высшимъ должностямъ финансоваго управленія, для замѣщенія которыхъ требуется выдержать первое и второе государственное испытаніе, отнесены нѣкоторыя такія должности, которыя не требуютъ высшаго образованія и которыя занимающимъ ихъ лицамъ не предоставляютъ ни матеріальнаго обезпеченія, ни почетнаго общественнаго положенія. Въ 1875—1876 году изъ 316 мѣстъ по финансовому управленію Виртемберга было 216, или 68% такихъ, болѣе низменныхъ, должностей, отнесенныхъ однако же къ высшему разряду по условіямъ образованія, и только 101, или 32% такихъ должностей, которыя по соединеннымъ съ ними занятіямъ, окладу содержанія и общественному положенію, соотвѣтствуютъ требованіямъ лицъ, прошедшихъ полный курсъ гимназіи и университета, выдержавшихъ два высшіе государственные экзамена и въ промежуткѣ между ними исправлявшихъ въ теченіе года должность референдарія. Допущенное Виртембергскимъ закономъ привлеченіе кандидатовъ съ такимъ образованіемъ къ второстепеннымъ, подчиненнымъ должностямъ могло повлечь и дѣйствительно повлекло за собой, какъ замѣчаетъ Шаль, только пониженіе требованій отъ этихъ кандидатовъ относительно научной ихъ подготовки, пониженіе болѣе значительное, нѣмъ то можетъ быть допускаемо для дѣйствительно высшей службы по финансовому управленію.

Шаль на основаніи всѣхъ собранныхъ и изслѣдованныхъ имъ статистическихъ данныхъ о результатахъ перваго финансоваго испытанія въ Виртембергѣ приходитъ къ такому заключенію, что цѣлая масса должностей, отнесенныхъ теперь къ высшему разряду, должна быть исключена изъ него и сдѣлана доступною для лицъ, хотя бы не университетскаго, но гимназическаго и вообще средняго образованія. Остальныя же затѣмъ дѣйствительно высшія должности должны быть предоставляемы по основаніи высшаго государственнаго экзамена, въ составъ котораго входили бы равномѣрно предметы какъ чисто юридическаго, такъ и административнаго образованія. Такимъ образомъ г. Шаль высказывается противъ установленныхъ въ Вир-

Библиотека "Руниверс"

тенбергъ особыхъ экзаменовъ для юристовъ, регистраторовъ и камералистовъ и полагаетъ, что для всѣхъ трехъ категорій возможно установленіе одного общаго экзамена, но подъ условіемъ возможно большаго ограниченія—въ юридическихъ предметахъ подробностей по гражданскому праву, а въ предметахъ хозяйственныхъ и административныхъ преувеличенныхъ спеціальностей вспомогательныхъ хозяйственныхъ наукъ. Въ пользу объединенія этихъ первыхъ государственныхъ экзаменовъ онъ приводитъ, между прочимъ, то, что такимъ образомъ государство имѣло бы значительно большій выборъ лицъ съ достаточною научною подготовкою для занятія, соотвѣтственно ихъ способностямъ и ихъ призванію, должностей по различнымъ вѣдомствамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя эти лица могли бы лучше, въ болѣе поздюю пору своей жизни, соображать выборъ своего житейскаго поприща съ собственными своими наклонностями и способностями, а также и съ внѣшними видами, которыя въ данное время сулятъ то или другое изъ нихъ. Въ особенности же въ малыхъ государствахъ, какъ Виртембергъ, не маловажное преимущество предлагаемаго слитія всѣхъ трехъ государственныхъ экзаменовъ въ одинъ представляло бы и то, что оно дало бы болѣе легкую возможность перехода изъ одного вѣдомства въ другое.

Директоръ Виртембергскаго статистическо-топографическаго бюро и вмѣстѣ съ тѣмъ редакторъ его ежегодника, докторъ Римке вполнѣ присоединяется къ этому мнѣнію Шалля, но сверхъ того выражаетъ желаніе, чтобы отъ всѣхъ кандидатовъ для поступленія въ государственную службу, за исключеніемъ, конечно, низшихъ служителей для механическихъ услугъ, требовалось гимназическое образованіе по крайней мѣрѣ до высшаго класса гимназіи и чтобы затѣмъ число должностей, доступныхъ для лицъ съ такимъ образованіемъ, было значительно расширено, университетское же образованіе, обнимающее въ предположенныхъ размѣрахъ какъ собственно юридическія, такъ и государственныя науки, безусловно требовалось бы по крайней мѣрѣ по финансовому управленію отъ кандидатовъ на должности въ финансовыхъ коллегіяхъ и въ самомъ министерствѣ. Самою надежною основою всякаго послѣдующаго образованія, говоритъ г. Римке, будетъ всегда образованіе гимназическое вмѣстѣ съ домашнимъ воспитаніемъ и съ общеніемъ съ преданными интересамъ науки сверстниками. Что юношѣ, который принесъ съ собою изъ гимназіи хорошій запасъ школьнаго образованія, который успѣлъ на практикѣ оцѣнить свои способности, отбилъ свою юношескую восприимчивость въ качествѣ одно-

Библиотека "Руниверс"

лѣтняго добровольца, пріобрѣвшаго при этомъ квалификацію для офицерскаго чина, а можетъ быть и званіе офицера въ запасѣ арміи или въ ополченіи, такой гимназистъ можетъ смѣло лишь мать большую часть даже и начальническихъ, провинціальныхъ должностей по финансовому управленію" Предварительную практику между гимназическимъ и университетскимъ курсами Ранке отнюдь не считаетъ излишнею или нецѣлесообразною для будущаго административнаго чиновника. Что же касается до предполагаемаго экзамена на высшія должности, то онъ предаетъ наибольшій вѣсъ отнюдь не усвоенію постановленій положительнаго административнаго права, а главнымъ образомъ изученію гражданскаго права, политической экономіи и государственныхъ наукъ. „Какая польза, замѣчаетъ онъ, для будущаго практика въ изученіи въ университетскую пору огромнаго количества дѣйствующихъ въ данное время положительныхъ законовъ, предписаній, распоряженій и т. д., при безпрерывной смѣнѣ ихъ именно въ области административнаго права. Такъ, въ Виртембергѣ съ 1820 года получили силу болѣе чѣмъ 600 новыхъ узаконеній, а въ послѣднія 25 лѣтъ почти 40!"

Само правительство въ Виртембергѣ еще въ 1866 году возбудило вопросъ объ установленіи болѣе цѣлесообразнаго производства экзаменовъ для кандидатовъ на должности по внутреннему государственному управленію. Оно имѣло при этомъ въ виду, чтобы вопервыхъ, члены испытательныхъ коммиссій, какъ при первомъ теоретическомъ, такъ и при второмъ практическомъ экзаменѣ, были назначаемы поровну изъ университетскихъ профессоровъ и изъ административныхъ практиковъ, и вовторыхъ, чтобы былъ установленъ одинъ общій первый экзаменъ, какъ для юристовъ, такъ и для регимиталистовъ, при чемъ въ составъ экзаменовъ для лицъ обѣихъ категорій должны были входить какъ спеціально-юридическія науки, такъ и политическая экономія и полицейское право. Вопросъ этотъ былъ предложенъ на предварительное обсужденіе Тюбингенскаго университета, и при этомъ оба заинтересованные факультета юридическій и государственно-хозяйственный, а затѣмъ и университетскій сенатъ подали свое мнѣніе противъ предположеній правительства. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ не былъ уже болѣе возбуждаемъ, сколько извѣстно, вслѣдствіе того что во всѣхъ малыхъ государствахъ Германіи распространено мнѣніе, что вопросъ о государственныхъ экзаменахъ вообще получитъ общее разрѣшеніе для цѣлой Германіи и притомъ въ непродолжительномъ времени.

Библиотека "Руниверс"

Соображенія, по которымъ нѣк. университетскія власти Тюбингена высказались противъ предположеній правительства, были различны. Особенно подробное мнѣніе по вопросу о слитіи перваго юридическаго и перваго административнаго экзаменовъ подалъ профессоръ Шеффле, который потомъ и напечаталъ его въ органѣ государственно-хозяйственнаго факультета Тюбингенскаго университета: „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft", за 1868 годъ (томъ XXIV). Въ сущности, слитіе обоихъ экзаменовъ въ одинъ Шеффле считаетъ въ высшей степени желательнымъ, и по его словамъ, это былъ бы великій шагъ впередъ. „Этимъ путемъ, говоритъ онъ, были бы достигнуты: благодѣтельное устраненіе юридической исключительности, болѣе богатый выборъ пригодныхъ силъ для административныхъ вѣдомствъ, большее рвеніе къ юридической разработкѣ находящагося въ крайне плохомъ положеніи административнаго права, уголовно-административныхъ порядковъ и административной юстиціи. Фактически большинство юристовъ вступаетъ въ жизнь безъ сколько-нибудь глубокаго и обширнаго образованія по предметамъ государственнаго права и политики, а большинство референдаріевъ и камералистовъ безъ основательнаго научнаго юридическаго образованія". Но существеннаго улучшенія профессоръ Шеффле ожидаетъ не отъ замѣны административныхъ экзаменовъ первымъ юридическимъ, съ дополненіемъ послѣдняго политическою экономіей и полицейскимъ правомъ, а отъ требованія, чтобы кандидаты равномѣрно усвоивали себѣ все существенное въ научномъ отношеніи изъ дисциплинъ, относящихся какъ къ государству, такъ и къ праву. Какъ одинъ изъ представителей государственно-хозяйственнаго факультета, онъ съ большею подробностью разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія предметы этого факультета и находитъ возможнымъ значительное ограниченіе какъ ихъ преподаванія въ университетѣ, такъ и требованій по нимъ на экзаменѣ. „Подробное изученіе, говоритъ онъ, особыхъ административныхъ правъ: полицейскаго, общиннаго, финансоваго, дѣйствуетъ, насколько мы могли наблюдать, просто поглощающимъ образомъ, нисколько не уравновѣшивая научною своею цѣнностью пробѣлы, причиняемые ихъ преобладаніемъ въ общемъ ходѣ занятій". Всѣмъ этимъ правамъ, по его мнѣнію, могъ бы быть посвященъ одинъ общій курсъ общаго административнаго права, на который могло бы быть употреблено 6, много 9 часовъ въ недѣлю въ одинъ семестръ, съ дополненіемъ этого курса особыми курсами по наукѣ о финансахъ и по административной политикѣ. Конституціонная политика (Verfassungspolitik) и

Библиотека "Руниверс"

административная политика (Polizeiwissenschaft) могли бы быть также читаемы въ теченіе 3—4 часовъ въ недѣлю. Политическая экономія, какъ вспомогательная наука и не входитъ въ составъ экзаменовъ при-говоръ, такъ же какъ и теперь, по своей важности, слушается всѣми классами будущихъ гражданскихъ чиновниковъ, и для ея изложенія было бы достаточно отъ 5-ти до 6-ти часовъ въ недѣлю въ одинъ семестръ. Техническіе же предметы (сельское хозяйство, технологія, учете о вѣсахъ) могли бы быть отнесены во второму экзамену спеціально для регентивистовъ и камералистовъ. Затѣмъ остается вопросъ о возможности сокращенія преподаванія и требованій на экзаменѣ по чисто-юридическимъ предметамъ, особенно не по гражданскому праву. Такъ какъ здѣсь никакого сокращенія по своимъ спеціальнымъ предметамъ не допускаетъ, то, по мнѣнію Шеффле, изъ этого вытекаютъ два послѣдствія, а именно: или юристы не могутъ быть обременены весьма обширнымъ и значительнымъ матеріаломъ по государственнымъ наукамъ, въ будущіе административные чиновники—всѣмъ полнотою юридическихъ экзаменаціонныхъ требованій. При этомъ заключеніи Шеффле, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду и то обстоятельство, что полный юридическій курсъ, равно какъ и государственно-хозяйственный, въ Тюбингенскомъ университетѣ опредѣленъ только въ 3 года, и что изъ этихъ трехъ лѣтъ значительно большая часть одного года употребляется студентами еще на отбываніе воинской повинности.

Если Шеффле признаетъ установленіе одного и того же перваго экзамена за судебныя и административныя должности въ высшей степени желательнымъ и возможнымъ, но только несуществующимъ въ настоящее время, вслѣдствіе болѣе или менѣе случайныхъ причинъ, то другой болѣе извѣстный публицистъ Германіи, Робертъ фонъ-Моль, принципіально высказывается противъ этой мѣры. При этомъ надобно замѣтить, что Робертъ фонъ-Моль опредѣляетъ составъ экзаменовъ для регентивистовъ и камералистовъ совершенно согласно съ Вюртембергскими законами отъ 16-го февраля 1837 года. Юридическому образованію административныхъ чиновниковъ, въ особенности же по министерству внутреннихъ дѣлъ, онъ придаетъ весьма важное значеніе. „Правда, говоритъ онъ, имъ не придется самимъ рѣшать гражданскіе процессы, но въ видахъ общаго образованія и пригодности чиновника, онъ долженъ обладать способностью правильно обсуждать вопросы права, которые, по какому бы то ни было поводу, подвергнутся его вѣдѣнію. Съ другой же стороны, всѣми при-

Библиотека "Руниверс"

знано, что ничто такъ не развиваетъ юридическаго смысла и способности для дѣлъ публичнаго права, юридическаго чутья, какъ изученіе столь тонко развитаго и такъ основательно разработаннаго гражданскаго права, какова въ особенности римское. Далѣе, весьма нерѣдко вопросы частнаго права являются такъ неразрывно связанными съ предметами государственнаго права, что должны быть разрѣшаемы одними и тѣми же. Наконецъ, многія общія юридическія теоріи, которыя находятъ себѣ примѣненіе также и въ публичномъ правѣ, вслѣдствіе укорененнаго обычая, естественно разсматриваются только въ системѣ гражданскаго права. Такимъ образомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что римское право, общее германское гражданское право и, наконецъ, мѣстное право страны должны быть близко знакомы чиновникамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, равно какъ и основныя положенія уголовнаго права, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Только правильная мѣра всѣхъ этихъ познаній, въ особенности же по гражданскому праву, должна быть въ точности опредѣлена, такъ какъ именно въ этомъ отношеніи обнаруживаются наибольшія затрудненія и несообразности самыя преувеличенныя требованія. Даже тамъ, гдѣ по принципу требуется отъ административныхъ чиновниковъ спеціальное образованіе, изученіе гражданскаго права придается такое огромное значеніе, что необходимое собственно для нихъ знаніе терпитъ существенный отъ того ущербъ и въ концѣ концовъ во всемъ достигается только какое-то полузнаніе и нѣчто весьма неудовлетворительное". Возставая далѣе противъ мысли объ одномъ и томъ же образованіи и экзаменѣ для юристовъ и для административныхъ чиновниковъ, Роберъ фонъ Моль говоритъ, что вторичныхъ, административныхъ чиновниковъ вовсе нѣтъ надобности въ такомъ знаніи гражданскаго права, какое необходимо для юристовъ, ибо они не призваны разрѣшать судебныя дѣла, и въ административныхъ дѣлопроизводствахъ, особенно же въ финансовыхъ установленіяхъ, назначаются особые instanzien или сидятъ на мѣстахъ юристовъ для разрѣшенія и обработки болѣе трудныхъ гражданскихъ и вообще юридическихъ дѣлъ. Вторично, слишкомъ обширныя требованія по части юридической несовмѣстимы съ тѣми познаніями, пріобрѣтеніе коихъ прежде всего и безусловно необходимо для административныхъ чиновниковъ. Почиталось же всегда, неуспѣніе всей области юриспруденціи за такую задачу, которая требуетъ всего человѣка и притомъ обладающаго не совсѣмъ обыкновеннымъ умомъ и памятью. Какимъ же образомъ полагать, что вмѣстѣ съ этою задачею

чего человѣкъ можетъ взять на себя еще другую, почти столь же обширную? Совершенно неразумно заставлять людей изучать то, что имъ не нужно или очень мало нужно, и вслѣдствіе того опускать то, что для нихъ совершенно необходимо. Притомъ же государство вовсе не предоставляетъ своимъ административнымъ чиновникамъ такихъ выгодъ, чтобъ оно могло поставлять имъ необыкновенныя условія. Далѣе, напротивъ, административное поприще сравнительно съ другими, напримѣръ, юридическимъ, представляетъ то существенное неудобство, что оно ограничивается только государственною службою и не открываетъ доступа къ другимъ, прибыльнымъ частнымъ, занятіямъ, какова, напримѣръ, адвокатура". Но, въ третьихъ, продолжаетъ Робертъ фонъ-Моль, еслибы полное юридическое образованіе и было достижимо, то для административныхъ чиновниковъ оно скорѣе оказалось бы болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Въ сферѣ административной дѣятельности право имѣетъ только отрицательное значеніе, на столько, на сколько дѣйствія, направленныя къ пользѣ общества и государства, не должны нарушать никакого существующаго права. Но цѣль дѣятельности, средства и познанія, ведущія къ ея достиженію, весь духъ этой дѣятельности лежатъ въ совершенно иномъ направленіи. Лица, съ образованіемъ по преимуществу юридическимъ, очень легко могутъ быть склонны преувеличивать значеніе формальнаго юридическаго порядка для общества и государства и считать положеніе дѣлъ вполнѣ удовлетворительнымъ, когда противъ него нельзя ничего возразить съ юридической точки зрѣнія. Вся мудрость, почерпнутая изъ изученія пандектъ, не въ состояніи разрѣшить великой задачи обезпеченія пролетаріевъ. Самое безукоризненное съ юридической точки зрѣнія примѣненіе всѣхъ цѣховыхъ законовъ не въ состояніи создать обезпечивающую будущность организацію труда, и наилучшій юристъ не будетъ знать, гдѣ и когда могутъ быть устанавливаемы покровительственныя пошлины, и т. д., и т. д. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ вопросахъ юридическая точка зрѣнія есть сущая мелочь сравнительно съ ихъ соціальнымъ и политическимъ значеніемъ. Понять это значеніе и дѣйствовать согласно съ нимъ — вотъ задача сознающей свои цѣли администраціи [1]).

Не смотря однако же на всѣ эти доводы, значительнѣйшее число публицистовъ Германіи, даже и крайне недовольныхъ требованіемъ

[1]) Robert von Mohl. Politik. II. Band. Tübingen. 1869. Стр. 426—433.

Библиотека "Руниверс"

почти исключительно только юридическаго образованія отъ будущихъ административныхъ чиновниковъ, тѣмъ не менѣе не одобряютъ порядковъ, существующихъ въ этомъ отношеніи въ Виртембергѣ и устроенныхъ согласно съ идеями Роберта фонъ-Моля. Такъ, между прочимъ, извѣстный политико-экономъ бывшій профессоръ Боннскаго университета Эрвинъ Нассе прямо говоритъ: „Юридическое образованіе, какого достигаютъ наши то-есть (прусскіе) административные чиновники въ университетахъ и во время своей практики при судахъ, имѣетъ для нихъ преимущественно значеніе формальной школы; но достоинство этого образованія нельзя оцѣнить слишкомъ высоко. Еслибы предстоялъ выборъ между тѣмъ, должны ли поступать въ высшую административную службу, какъ то дѣлается въ нѣкоторыхъ южно-германскихъ государствахъ, молодые люди вовсе безъ такого юридическаго образованія, а только запасшись массою экономическихъ и политическихъ свѣдѣній и знаніемъ положительнаго административнаго права, или же люди съ исключительнымъ, но основательнымъ по части гражданскаго права образованіемъ, то мы, вѣроятно, отдали бы предпочтеніе послѣдней системѣ. Но вопросъ ставится вовсе не такъ. Дѣло идетъ скорѣе о томъ, достаточно ли для административнаго чиновника пріобрѣтаемаго нынѣ путемъ юридическихъ занятій формальнаго образованія и не имѣетъ ли онъ для успѣшнаго выполненія своихъ обязанностей надобности въ дальнѣйшихъ познаніяхъ".

Такъ какъ бо́льшая часть публицистовъ, обсуждавшихъ вопросъ о государственныхъ экзаменахъ на административныя должности, принадлежатъ Пруссіи и имѣютъ въ виду почти исключительно прусскіе въ этомъ отношеніи порядки, отдавая въ противоположность имъ полную справедливость экзаменаціоннымъ требованіямъ, установленнымъ въ Австріи, Баваріи и Саксоніи, то предварительно изложенія ихъ мнѣній не излишне будетъ подробнѣе ознакомиться съ дѣйствующимъ доселѣ въ Пруссіи регламентомъ отъ 14-го февраля 1846 г. объ условіяхъ, экзаменахъ и приготовительныхъ занятіяхъ для достиженія высшихъ административныхъ должностей.

Регламентомъ этимъ установлены для кандидатовъ на административныя должности тѣ же университетскія занятія, тотъ же первый государственный экзаменъ и та же практика при судахъ въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ, что́ и для юристовъ, и только затѣмъ уже пути ихъ расходятся. Припомнимъ при этомъ, что юридическій курсъ установленъ въ Пруссіи трехлѣтній и что на основаніи постановленія отъ 5-го декабря 1864 года въ составъ перваго юридиче-

Библиотека "Руниверс"

скаго экзамена входили подробно исчисленные предметы чисто юридическаго образованія съ присоединеніемъ только основныхъ понятій науки о государствѣ (Grundbegriffe der Staatswissenschaft), а дѣйствующій нынѣ законъ отъ 6-го мая 1869 года говоритъ вообще, что предметъ перваго юридическаго испытанія составляютъ дисциплины публичнаго и частнаго права и исторіи права, а также основы государственныхъ наукъ (die Grundlagen der Staatswissenschaften). По выдержаніи этого экзамена, кандидаты на административныя должности наравнѣ съ кандидатами на должности судебныя приступаютъ къ судебной практикѣ, которая и продолжается приблизительно два года. Затѣмъ имъ приходилось держать второй, нынѣ уже отмѣненный, юридическій экзаменъ или по крайней мѣрѣ получить отъ судебныхъ установленій, при коихъ они занимались практикой, свидѣтельство о томъ, что они достаточно зрѣлы для того, чтобы приступить къ этому второму юридическому экзамену. Только тогда предоставляется имъ обратиться съ прошеніемъ къ президенту окружнаго правленія о допущеніи ихъ къ экзамену при этомъ правленіи,—экзамену, который можно назвать первымъ собственно административнымъ. Экзаменъ этотъ есть только устный; онъ производится подъ предсѣдательствомъ президента правленія двумя для сего именно назначаемыми отъ него обыкновенно только на одинъ годъ совѣтниками правленія. На этомъ экзаменѣ кандидатъ долженъ доказать, что онъ близко ознакомился съ государственными науками, усвоилъ себѣ главныя основныя положенія политической экономіи, полицейскаго права и науки о финансахъ и пріобрѣлъ по крайней мѣрѣ общее знакомство со вспомогательными камеральными науками, въ особенности же съ сельскимъ хозяйствомъ. Если кандидатъ не выдержитъ этого экзамена, то можетъ повторить его еще только одинъ разъ по прошествіи не менѣе шести мѣсяцевъ. По выдержаніи же экзамена кандидатъ назначается референдаріемъ правленія. Президентамъ правленій, начальникамъ ихъ отдѣленій и прочимъ ихъ членамъ предписывается имѣть особенную и разумную заботливость объ основательномъ и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительномъ подготовленіи референдарія къ предстоящему ему административному поприщу. На это дѣло они должны смотрѣть какъ на особенно важную часть своихъ обязанностей. Такимъ образомъ они должны озаботиться, чтобы практическое образованіе ввѣренныхъ имъ референдаріевъ шло по заранѣе обдуманному цѣлесообразному плану, при чемъ имъ должно быть также предоставляемо достаточно времени и случаевъ для продолженія на-

Библиотека "Руниверс"

ученаго своего образованія. Референдаріи должны быть близко ознакомлены со всѣмъ кругомъ дѣлъ правленія, съ отношеніями его къ прочимъ установленіямъ, съ подчиненными ему учрежденіями и со всѣмъ ходомъ дѣлопроизводства, равно какъ съ отдѣльными канцеляріями и ихъ дѣлами. Мало по малу они должны быть посвящаемы въ дѣла всѣхъ отдѣленій правленія, въ томъ числѣ и отдѣленія сельскохозяйственнаго, гдѣ оно существуетъ. Въ отдѣленіяхъ они прикомандировываются къ одному или нѣсколькимъ совѣтникамъ, на которыхъ затѣмъ лежитъ обязанность упражнять ихъ въ дѣлопроизводствѣ, переходя постепенно отъ легчайшихъ дѣлъ къ труднѣйшимъ, выслушивать ихъ доклады объ ихъ работахъ, давать имъ при этомъ надлежащіе совѣты и указанія и въ особенности требовать основательности въ обработкѣ каждаго отдѣльнаго дѣла и въ изученіи потребныхъ для того пособій, равно какъ тщательности и правильности во всѣхъ представляемыхъ ими работахъ. Проектируемыя референдаріемъ распоряженія совѣтникъ обязанъ вмѣстѣ съ нимъ подписывать по тщательномъ разсмотрѣніи всего дѣла. Предоставляется сверхъ того требовать отъ референдарія теоретическихъ разсужденій, соображеній и предположеній относительно предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію правленія, и обсуждать съ нимъ вмѣстѣ эти его труды. При служебныхъ разъѣздахъ совѣтники и въ особенности начальники отдѣленій и президентъ правленія обязаны брать съ собою того или другого референдарія и пользоваться ими для веденія протоколовъ, для дѣлъ второстепенной важности, а въ случаѣ возможности употреблять ихъ также какъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ своихъ помощниковъ. Болѣе навыкшимъ къ дѣлу референдаріямъ слѣдуетъ предоставлять докладывать дѣла въ коллегіи и разрѣшать ихъ отъ начала и до конца, но не иначе, какъ подъ контролемъ совѣтника или ассесора. Они должны быть упражняемы также въ исполненіи самостоятельныхъ порученій въ качествѣ коммиссаровъ правленія, а также нѣкоторое время заниматься подъ руководствомъ особенно способныхъ и дѣльныхъ ландратовъ (уѣздныхъ начальниковъ) и даже занимать должность уѣзднаго секретаря или ландрата, если будутъ признаны къ тому способными. Такъ какъ въ Рейнской провинціи и въ Вестфаліи едва ли представляется достаточная возможность вполнѣ подготовлять референдаріевъ для управленія государственными имуществами, то по требованію президента правленія въ одной изъ этихъ провинцій они могутъ быть командируемы въ другія, гдѣ и должны быть упражняемы начальникомъ соотвѣтственнаго отдѣленія въ дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лять по управленію государственными имуществами, пока не получать отъ него свидѣтельства въ достаточной своей подготовкѣ по этой части. Обо всѣхъ этихъ занятіяхъ начальникъ отдѣленія или совѣтникъ, которому вмѣнено руководство референдаріемъ, обязанъ при переходѣ его въ другое отдѣленіе изложить обстоятельное свое мнѣніе, въ которомъ должны быть указаны его работы и его успѣхи и оцѣнено его поведеніе, какъ на службѣ, такъ и внѣ оной. Эта практическая подготовка по административной части продолжается обыкновенно не менѣе двухъ лѣтъ. Затѣмъ въ полномъ собраніи правленія тщательно обсуждается, можетъ ли референдарій быть допущенъ ко второму высшему административному экзамену. Тѣ, которые не признаются къ тому способными, или же сами не пожелаютъ подвергнуться этому экзамену, могутъ расчитывать только на второстепенныя должности, но не могутъ быть назначаемы въ члены правленія или какого нибудь другаго высшаго административнаго установленія. Признаннымъ же способными ко второму экзамену президентъ правленія выдаетъ свидѣтельство съ обозначеніемъ въ немъ: вопервыхъ, всѣхъ пройденныхъ имъ инстанцій и главныхъ отраслей дѣлопроизводства; вовторыхъ, важнѣйшихъ, исполненныхъ имъ дѣлъ какъ въ коллегіи, такъ и въ качествѣ комиссара, при чемъ дѣла эти могутъ быть приложены къ самому свидѣтельству, и втретьихъ, въ свидѣтельствѣ этомъ должно быть прямо и рѣшительно высказано убѣжденіе президента и цѣлой коллегіи, что референдарій, судя по всѣмъ его работамъ и всему его поведенію на службѣ и внѣ оной, признается достаточно подготовленнымъ и вообще способнымъ и достойнымъ быть членомъ коллегіи правленія. Это свидѣтельство, со всѣми принадлежащими къ нему документами, препровождается въ высшую экзаменаціонную коммиссію для испытанія на высшія административныя должности. Коммиссія эта имѣетъ свое пребываніе въ Берлинѣ и состоитъ изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ. Предсѣдатель назначается королемъ по докладу министра внутреннихъ дѣлъ послѣ предварительнаго совѣщанія о томъ въ совѣтѣ министровъ. Члены коммиссіи по соглашенію съ предсѣдателемъ назначаются: одинъ министромъ духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, другой министромъ внутреннихъ дѣлъ, третій министромъ финансовъ и четвертый, для всѣхъ отраслей юриспруденціи, въ томъ числѣ и всего публичнаго права, всѣми вышеупомянутыми министрами сообща. Этотъ четвертый экзаменаторъ можетъ быть назначенъ по соглашенію съ министромъ юстиціи изъ числа членовъ высшаго суда;

Библиотека "Руниверс"

первые же три экзаменатора—изъ числа членовъ совѣта каждаго изъ соотвѣтственныхъ министерствъ. Назначеніе въ экзаменаторы считается почетнымъ порученіемъ, которое во всякое время можетъ быть взято назадъ и дано другому лицу. Высшая экзаменаціонная коммиссія предназначается для послѣдняго и высшаго испытанія всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ пріобрѣсти право на званіе членовъ правленій, провинціальныхъ казенныхъ палатъ, свѣтскихъ членовъ консисторій и провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ и т. д. Исключаются изъ этого должности юстиціаріевъ, училищныхъ, медицинскихъ, строительныхъ и духовныхъ совѣтниковъ, которые должны доказать свою квалификацію путемъ другихъ государственныхъ экзаменовъ. Относительно испытанія ландратовъ существуютъ также особыя правила, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Второе или высшее административное испытаніе раздѣляется на письменное и устное. Для письменнаго испытанія предлагаются кандидату три работы: 1) трактатъ о какомъ либо предметѣ изъ области государственныхъ наукъ; 2) какая либо работа по предмету внутренняго (полицейскаго) управленія и 3) по предмету финансоваго управленія. Послѣднія двѣ работы должны быть болѣе практическаго свойства и могутъ быть дѣлаемы на основаніи актовъ, списокъ коихъ съ этою цѣлью доставляется высшей экзаменаціонной коммиссіи отдѣльными правленіями. Работы эти домашнія и должны быть исполнены не болѣе, какъ въ одинъ годъ и скрѣплены письменнымъ удостовѣреніемъ вмѣсто клятвы, что они исполнены самимъ экзаменующимся и безъ всякой посторонней помощи, кромѣ печатныхъ книгъ. Каждая изъ этихъ работъ передается на разсмотрѣніе одному изъ экзаменаторовъ, который обязанъ представить о ней обстоятельное письменное мнѣніе съ заключеніемъ, считаетъ ли ее удовлетворительною или неудовлетворительною. Въ мнѣніи этомъ экзаменаторъ долженъ высказать свое сужденіе не только объ основательности познаній, глубинѣ научнаго пониманія, дѣльности и мѣткости сужденій кандидата, но и о томъ, обнаружилъ ли онъ способность письменно излагать предметы съ надлежащею краткостью, но безъ ущерба для основательности, съ ясностью и опредѣленностью, плавнымъ и легкимъ слогомъ. Работы эти съ высказанными о нихъ мнѣніями разсылаются по всѣмъ членамъ экзаменаціонный коммиссіи со включеніемъ и предсѣдателя. Если кто-нибудь изъ нихъ не согласенъ въ существенныхъ отношеніяхъ съ мнѣніемъ главнаго рецензента или даже и съ его заключеніемъ, то обязанъ объ этомъ высказаться письменно, подробно изло-

Библиотека "Руниверс"

жанъ свои мотивы. Вопросъ объ удовлетворительности или неудовлетворительности вообще письменныхъ работъ и о томъ, должны ли быть кандидату предложены другія задачи или же онъ долженъ быть вовсе устраненъ отъ дальнѣйшаго испытанія, рѣшается по большинству голосовъ. Въ случаѣ одобренія письменныхъ работъ по крайней мѣрѣ большинствомъ, назначается срокъ для устнаго испытанія и передъ тѣмъ послужной списокъ экзаменующагося со всѣми къ нему приложеніями разсылается по всѣмъ членамъ коммиссіи.

Устное испытаніе производится соотвѣтственно съ тѣмъ воприщемъ, которое имѣетъ въ виду экзаменующійся, и потому испытаніе направляется преимущественно на тѣ предметы, по которымъ кандидатъ долженъ имѣть особенно основательное образованіе для хорошаго выполненія предстоящихъ ему обязанностей. При этомъ должны быть сколь можно полнѣе опредѣлены не только количество и качество теоретическихъ познаній кандидата, но и его природныя способности, сила его сужденія, его практическая находчивость, а также основательность и глубина его научнаго разумѣнія предметовъ имъ изученныхъ. Коммиссія должна также удостовѣриться въ способности кандидата къ послѣдовательному, ясному и основательному устному изложенію; для этого за день до испытанія ему предлагается какое нибудь дѣло, но для такого устнаго изложенія можетъ послужить также одна изъ двухъ темъ, предложенныхъ прежде для письменнаго испытанія и имѣющихъ болѣе практическій характеръ. Въ одинъ и тотъ же срокъ могутъ быть испытываемы не болѣе трехъ кандидатовъ. По окончаніи испытанія каждый экзаменаторъ представляетъ предсѣдателю письменно мнѣніе о результатѣ онаго и при этомъ по отношенію къ тому, въ чемъ самъ онъ производилъ испытаніе, онъ долженъ обстоятельно привести всѣ свои доводы; вообще же о цѣломъ испытаніи и устномъ изложеніи кандидата онъ долженъ вкратцѣ высказать и мотивировать свое мнѣніе. Если эти мнѣнія въ существенномъ между собой согласны и къ нимъ присоединится предсѣдатель, то принимается опредѣленное рѣшеніе, выдержалъ ли кандидатъ экзаменъ съ отличіемъ или безъ онаго, или же оказался при испытаніи вовсе неспособнымъ къ высшимъ административнымъ должностямъ или неспособнымъ только въ настоящее время. Въ послѣднемъ случаѣ кандидату можетъ быть предоставлено передержать весь или только устный экзаменъ по прошествіи не менѣе шести мѣсяцевъ. Въ случаѣ же разногласія мнѣній или несогласія съ ними предсѣдателя, дѣло предварительно обсуждается и рѣшается по большинству

Библиотека "Руниверс"

голосовъ. Экзаменъ этотъ, какъ и всѣ вообще государственные экзамены въ Пруссіи,—не публичный, но на немъ могутъ присутствовать, буде пожелаютъ, министры, директоры и совѣтники министерствъ и президенты правленій.

Объ этихъ экзаменаціонныхъ порядкахъ, установленныхъ регулятивомъ 14-го февраля 1846 г., писали многіе изъ прусскихъ публицистовъ, особенно же въ то время, когда шла рѣчь о послѣдней реформѣ государственныхъ экзаменовъ на судебныя должности. Такъ въ „Preussische Jarhbücher" за январь 1866 года (томъ XVII) была напечатана очень рѣзкая статья Евгенія Рихтера: „Ueber die Vorbildung der höheren Verwaltungsbeamten in Preussen," который, по выраженію профессора Нассе, быть можетъ, въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ но въ цѣломъ съ несомнѣнною истиною, изобразилъ, между прочимъ, способы приготовленія кандидатовъ ко второму административному экзамену въ такъ-называемой имъ „Schnellassessorenfabrik zu Baumgartenbrück bei Potsdam." Затѣмъ въ 1868 и 1869 г. году появилось нѣсколько брошюръ, посвященныхъ тому же предмету, какъ то: указанное нами уже въ первой статьѣ сочиненіе бывшаго Бреславскаго профессора Гепперта, затѣмъ въ отвѣтъ Рихтеру сочиненіе Вольтера, и наконецъ, брошюра извѣстнаго экономиста, бывшаго Боннскаго профессора Эрвина Нассе подъ заглавіемъ: Ueber Universitätsstudien und die Staatsprüfungen der preussischen Verwaltungsbeamten. Послѣ того, какъ состоялся законъ 6-го мая 1869 г., голосъ печати на нѣкоторое время замолкъ до той поры, когда само правительство внесло въ палаты проектъ преобразованія экзаменовъ на административныя должности. Къ этому новѣйшему времени относится брошюра доктора Кеннига: „Zur Ausbildung und Stellung der Beamten in Preussen, Berlin. 1875," и появившееся только на дняхъ сочиненіе Берлинскаго профессора международнаго права Гельдшмидта: Das dreijährige Studium der Rechts- und Staats Wissenschaften, Berlin. 1878. Всѣ эти авторы подвергаютъ болѣе или менѣе строгой и даже рѣзкой критикѣ прусскіе экзаменаціонные порядки на юридическія и въ особенности на административныя должности, при чемъ нельзя однако же не замѣтить, что при отсутствіи публичности прусскихъ экзаменовъ, замѣчанія ихъ основываются преимущественно на личныхъ ихъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ и на небольшомъ количествѣ фактовъ, которые лично имъ сдѣлались извѣстны, и вообще относятся главнымъ образомъ ко времени, предшествовавшему не только послѣдней реформѣ юридическихъ экзаменовъ по закону 6-го мая 1869-го года, но и постановленіямъ

Библиотека "Руниверс"

отъ 6-го декабря 1864 года, которыми впервые было отмѣнено принудительное слушаніе лекцій юридическаго факультета (Collegienzwang) и были введены многія другія улучшенія. Какъ бы то ни было, замѣчанія эти не безполезно принять во вниманіе.

Что касается до перваго юридическаго экзамена, общаго для будущихъ юристовъ и администраторовъ, то не подлежитъ кажется, никакому сомнѣнію, что до вышеупомянутыхъ реформъ 1864 и 1869 годовъ онъ былъ производимъ вообще съ большими послабленіями. Какъ нѣкогда въ университетахъ не бывало случая, чтобы кто-либо не выдержалъ экзамена на степень доктора, такъ точно до вышеозначенныхъ реформъ не было почти примѣра, чтобы кто нибудь не выдержалъ перваго юридическаго экзамена, даже при самыхъ ограниченныхъ и наскоро нахватанныхъ познаніяхъ; но за то на послѣднемъ юридическомъ экзаменѣ число не выдержавшихъ испытанія простиралось нерѣдко до $^1/_3$, даже почти до $^1/_2$, а въ нѣкоторыхъ округахъ, напримѣръ въ Ротиберскомъ въ 1858 году, даже до $^2/_3$ всѣхъ экзаменовавшихся. Въ 1855 году 45% всего числа подвергавшихся послѣднему юридическому экзамену не выдержали онаго.

Чрезмѣрная слабость перваго юридическаго экзамена въ Пруссіи, успѣвшая обратиться какъ бы въ преданіе, не могла не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ и на занятіяхъ студентовъ-юристовъ въ Прусскихъ университетахъ. Они не только ограничивались въ своихъ занятіяхъ предметами исключительно юридическими и преимущественно римскимъ и отечественнымъ гражданскимъ правомъ, но многіе изъ нихъ, особенно изъ болѣе богатыхъ семействъ, нерѣдко только въ послѣдній семестръ принимались и за эти предметы и готовились изъ нихъ къ экзамену на скорую руку при пособіи различныхъ репетиторовъ и по возможности коротенькихъ и сжатыхъ руководствъ. Офиціальныя свидѣтельства объ этомъ небрежномъ отношеніи прусскихъ студентовъ-юристовъ къ ихъ обязанностямъ относятся вообще ко времени уже довольно давнему. Такъ, прусскій министръ юстиціи, Мюллеръ, счелъ не излишнимъ въ циркулярѣ отъ 6-го мая 1840 года высказаться нижеслѣдующимъ образомъ: „Кандидаты, которые, какъ это все еще нерѣдко бываетъ, проводятъ въ праздности 4 или 5 семестровъ своего университетскаго курса и потомъ въ послѣдніе мѣсяцы безъ всякаго изученія права усвоиваютъ себѣ самонеобходимѣйшія положительныя познанія, чтобы затѣмъ также скоро ихъ позабыть, никогда не должны разсчитывать на то, чтобы выдержать успѣшно экзаменъ. Искусство экзаменаторовъ должно быть порукою

въ томъ, что такіе субъекты всегда будутъ отличаемы отъ основательно подготовленныхъ молодыхъ людей".

Кромѣ безплодной и пагубной траты времени слабость перваго юридическаго экзамена имѣла своимъ послѣдствіемъ и то, что между прусскими студентами-юристами укоренился обычай ограничиваться предписаннымъ въ законѣ трехлѣтнимъ университетскимъ курсомъ. Профессоръ Гольдшмидтъ совершенно вѣрно указываетъ на то, весьма знаменательное явленіе, что прусскіе филологи, хотя и для нихъ закономъ предписанъ только трехлѣтній университетскій курсъ, лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ приступаютъ къ учительскому экзамену до истеченія четырехлѣтнихъ университетскихъ занятій, а медики обыкновенно удлиняютъ свое университетское четырехлѣтіе даже на два года. Напротивъ, у прусскихъ студентовъ-юристовъ считается какъ бы за стыдъ не сдать перваго юридическаго экзамена черезъ три года по вступленіи въ университетъ. Этотъ фактъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что и въ Пруссіи между студентами-юристами насчитывается наименьшее число бѣдняковъ, пользующихся стипендіями или отсрочками въ уплатѣ гонорара.

Краткій срокъ пребыванія студентовъ-юристовъ въ университетѣ объясняетъ и то прискорбное явленіе, что студенты, даже и занимающіеся, ограничиваются по большей части только пассивнымъ слушаніемъ лекцій. Учрежденныя по иниціативѣ министерства народнаго просвѣщенія юридическія семинаріи, не смотря на установленныя преміи, все еще очень мало посѣщаются студентами прусскихъ университетовъ. Для этого у нихъ недостаетъ времени. Берлинскій юридическій факультетъ, объясняя въ докладѣ своемъ министру причину малаго участія студентовъ въ семинаріяхъ и малой успѣшности сихъ послѣднихъ, указываетъ именно на чрезмѣрную краткость трехлѣтняго университетскаго курса и на обусловленную оною незрѣлость даже и болѣе прилежныхъ студентовъ. „Чтобы кто-нибудь изъ прусскихъ студентовъ-юристовъ прошелъ многочисленный рядъ экзегетическихъ и практическихъ упражненій по многимъ или даже по всѣмъ главнымъ отраслямъ правовѣдѣнія, какъ то нерѣдко бываетъ въ другихъ германскихъ университетахъ, этого, говоритъ Гольдшмидтъ, быть можетъ еще никогда не случалось". Главную причину зла почтенный Берлинскій профессоръ усматриваетъ въ томъ, что закономъ опредѣленъ лишь трехлѣтній университетскій курсъ для юристовъ и все сочиненіе его направлено къ доказательству совершенной необходимости продолжить курсъ еще на одинъ годъ. Даже слабость

Библиотека "Руниверс"

перваго юридическаго экзамена онъ объясняетъ и до нѣкоторой степени оправдываетъ чрезмѣрною краткостью университетскихъ занятій и невозможностью при этомъ условіи требовать на экзаменѣ болѣе основательнаго юридическаго образованія, не говоря уже о познаніяхъ въ государственныхъ наукахъ. Но приводимые имъ самимъ факты, кажется, состоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ этимъ объясненіемъ. Филологамъ законъ предписываетъ также трехлѣтнее университетское ученіе, а медикамъ четырехлѣтнее, и однако же благодаря несравненно болѣе отчетливымъ учительскимъ и медицинскимъ экзаменамъ, первые въ большинствѣ случаевъ остаются не менѣе 4-хъ лѣтъ въ университетѣ, а послѣдніе даже и до 6-ти. Если же болѣе достаточные обыкновенно юристы спѣшатъ какъ можно скорѣе вонъ изъ университета, то это, очевидно, объясняется укоренившеюся по преданію слабостью перваго юридическаго экзамена въ Пруссіи.

Не трудно открыть и причины этой слабости. До вышеупомянутой реформы 1864 года первый юридическій экзаменъ производился при двадцати двухъ аппелляціонныхъ судахъ Прусской монархіи. „Во всѣ времена, — пишетъ профессоръ Гельшнеръ въ своемъ сочиненіи, вышедшемъ еще въ 1859 году, — „во всѣ времена студентамъ были хорошо извѣстны суды, экзаменаціонная практика которыхъ была такъ слаба, что даже съ самыми ограниченными познаніями можно было выдерживать успѣшно экзаменъ; а эти-то суды понятнымъ образомъ и были наиболѣе отыскиваемы кандидатами, которымъ предстоялъ экзаменъ“. При томъ же, какъ бы ни былъ высокъ въ прусскомъ судебномъ сословіи уровень научнаго юридическаго образованія, найдти такую массу хорошихъ экзаменаторовъ, какая могла потребоваться для этихъ двадцати двухъ испытательныхъ коммиссій, было дѣломъ, конечно, весьма нелегкимъ, и вслѣдствіе того между экзаменаторами бывали безъ сомнѣнія и такіе члены, которые сами должны были подготовляться къ экзамену въ римскомъ правѣ и въ исторіи права по самымъ поверхностнымъ руководствамъ. Сверхъ того, до 1864 года прусское министерство юстиціи систематически устраняло университетскихъ профессоровъ отъ участія въ юридическихъ экзаменахъ. Тотъ и другой существенный недостатокъ были устранены общимъ распоряженіемъ отъ 5-го декабря 1864 года, которымъ предписано было производить первый юридическій экзаменъ только при шести аппелляціонныхъ судахъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится юридическій факультетъ, или же по близости онаго, и сверхъ того

Библиотека "Руниверс"

каждую испытательную коммиссію было предписано составлять подъ предсѣдательствомъ президента апелляціоннаго суда изъ двухъ членовъ суда и двухъ университетскихъ профессоровъ. Эта реформа, какъ было указано и коммиссарами правительства и большею частью членовъ коммиссіи при разсмотрѣніи въ 1868 году новаго законопроекта о юридическихъ экзаменахъ, имѣла благотворное вліяніе не только на ходъ перваго юридическаго экзамена, но и на занятія молодыхъ людей въ университетѣ, и по заявленію профессора Нассе въ вышеуказанной его брошюрѣ, „вездѣ оправдался на дѣлѣ взаимный контроль, который имѣютъ въ испытательныхъ коммиссіяхъ относительно другъ друга практики и университетскіе преподаватели". Въ новомъ законѣ однако же отъ 6-го мая 1869 года къ прежнимъ шести апелляціоннымъ судамъ, при коихъ долженъ былъ производиться первый юридическій экзаменъ, были присоединены еще три, а вмѣсто пяти членовъ испытательной коммиссіи было назначено только трое или же четверо, если самъ предсѣдатель не принимаетъ участія въ экзаменѣ, и такъ какъ приглашать профессоровъ предоставлено самимъ президентамъ апелляціонныхъ судовъ, то они приглашаются, по свидѣтельству Гольдшмидта, не во всѣхъ судахъ и притомъ никогда не болѣе какъ по одному.

Но за то законъ 6-го мая 1869 года устранилъ еще одну весьма существенную причину слабости перваго юридическаго экзамена въ Пруссіи. Профессоръ Нассе совершенно справедливо замѣчаетъ, что серьезности экзамена чрезвычайно вредитъ частое его повтореніе или, лучше сказать, многочисленность экзаменовъ. „Естественно, что при этомъ въ самихъ экзаменаторахъ притупляется и ослабѣетъ чувство отвѣтственности". Между тѣмъ, до реформы 1869 года въ Пруссіи было три послѣдовательныхъ юридическихъ экзамена и, такъ какъ два первые изъ нихъ не давали никакихъ существенныхъ и опутительныхъ правъ, то они и были производимы весьма слабо. Законъ 6-го мая 1869 года окончательно устранилъ одинъ изъ этихъ экзаменовъ, именно средній. И самъ Гольдшмитъ неоднократно повторяетъ [1]), что благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ многое измѣнилось теперь къ лучшему. „Экзаменъ производится во всякомъ случаѣ строже прежняго. Нерѣдко уже слышно, что тотъ или другой кандидатъ провалился на первомъ юридическомъ экзаменѣ"; но за то результатъ послѣдняго, большаго юридическаго экзамена оказывается за

[1]) Стр. 39, 40.

Библиотека "Руниверс"

послѣднее десятилѣтіе измѣнительно болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ прежнюю пору.

Но и теперь еще, по свидѣтельству Гольдшмидта, состоящія при апелляціонныхъ судахъ испытательныя коммиссіи довольно часто бываютъ слишкомъ снисходительны въ своей оцѣнкѣ познаній кандидатовъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ референдаріяхъ, и въ такихъ случаяхъ болѣе строгій профессоръ навѣрное останется въ меньшинствѣ. Но это неудобство неустранимо тамъ, гдѣ, какъ въ Пруссіи, каждое заинтересованное вѣдомство само рѣшаетъ вопросъ о достаточности или недостаточности научнаго образованія желающихъ поступить въ него кандидатовъ. Въ этомъ отношеніи много предпочтительнѣе существующіе въ Австріи, въ Саксоніи и въ Вюртембергѣ порядки, гдѣ испытательныя коммиссіи для перваго научнаго экзамена учреждаются не при отдѣльныхъ вѣдомствахъ, а при общемъ учебномъ, то-есть, при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Заинтересованныя вѣдомства всегда невольно будутъ склонять вѣсы въ пользу экзаменующихся и дѣлать имъ всякаго рода послабленія, какъ только будетъ ощущаться недостатокъ въ кандидатахъ для замѣщенія вакантныхъ должностей, тогда какъ общее учебное вѣдомство, отвѣтствуя передъ всѣми другими не столько за количество, сколько за качество кандидатовъ, представляетъ въ этомъ отношеніи достаточныя гарантіи какъ противъ чрезмѣрныхъ послабленій, такъ и противъ чрезмѣрной требовательности.

Другой существенный недостатокъ перваго юридическаго экзамена въ Пруссіи, также не устраненный закономъ 6-го мая 1869 года, заключается въ томъ, что экзаменъ этотъ по прежнему ограничивается почти исключительно только собственно юридическими предметами и притомъ преимущественно только гражданскимъ римскимъ, германскимъ и мѣстнымъ правомъ. Правда, въ новомъ законѣ прежнее выраженіе „основныя понятія государственной науки“ замѣнено другимъ: „основы государственныхъ наукъ“, и съ этою замѣной нѣкоторые изъ членовъ прусскихъ палатъ связывали надежду, что впредь въ составъ экзамена будутъ дѣйствительно входить и главнѣйшія государственныя науки, но надежда эта оказалась несбыточною. Во-первыхъ, какъ мы уже видѣли, для письменнаго испытанія предлагаются задачи изъ гражданскаго или торговаго или уголовнаго права или гражданскаго процесса, а всѣ собственно государственныя науки, за исключеніемъ церковнаго права, оказываются при этомъ устраненными. Устныя же испытанія продолжаются для каждаго канди-

Библиотека "Руниверс"

дать въ отдѣльности не болѣе одного часа, такъ что при обширности собственно юридическихъ наукъ, на долю наукъ государственныхъ приходится очень немного. А сверхъ того, изъ послѣднихъ при нынѣшнемъ составѣ испытательныхъ комиссій не кому было бы экзаменовать, ибо и тотъ членъ, который приглашается изъ числа университетскихъ профессоровъ, бываетъ по большей части цивилистъ изрѣдка криминалистъ, о приглашеніи же профессора-публициста едва-ли кто и думаетъ. Такое ограниченіе экзамена только предметами чисто-юридическаго образованія не можетъ не отражаться вредно на положеніи государственныхъ наукъ въ прусскихъ университетахъ и между прочимъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что бо́льшая часть судей при вступленіи своемъ въ службу имѣютъ лишь самое общее представленіе объ организаціи управленія и если вообще знаютъ административное право, то весьма поверхностно, не сознавая болѣе глубокихъ основъ его, коренящихся въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Знаніе же послѣднихъ, какъ справедливо замѣчаетъ Кенигсъ, не менѣе важно для гражданскаго права, какъ и для государственнаго: достаточно сослаться при этомъ хотя бы только на дѣла акціонерныхъ и страховыхъ компаній. Но если по отношенію къ будущимъ юристамъ-практикамъ можно еще находить значительное преимущество въ рѣшительномъ преобладаніи собственно юридическихъ дисциплинъ надъ дисциплинами политическими, то по отношенію къ будущимъ административнымъ чиновникамъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ недостаточности одного исключительно юридическаго образованія и въ необходимости усвоенія ими основныхъ началъ государственнаго права обѣихъ важнѣйшихъ отраслей административнаго права, то-есть, права полицейскаго и науки о финансахъ, а равно и политической экономіи вмѣстѣ съ статистикой. Доводы, приводимые въ этомъ отношеніи профессоромъ Нассе, вообще довольно убѣдительны и заслуживаютъ вниманія, особенно какъ доказательство крайней необходимости вообще соотвѣтственной научной подготовки для административныхъ чиновниковъ. Вездѣ, говоритъ онъ, законъ предоставляетъ обширное поле собственному усмотрѣнію административныхъ чиновниковъ и только обозначаетъ извѣстныя границы, въ которыхъ должна заключаться его забота объ общемъ благѣ, тогда какъ судьѣ предстоитъ въ точности примѣнять положительные законы къ отдѣльнымъ случаямъ. Вслѣдствіе такой особенности своего положенія административному чиновнику еще необходимѣе, чѣмъ судьѣ, предварительная, относя-

Библиотека "Руниверс"

щаяся къ сферѣ его дѣятельности подготовка, чтобы онъ могъ правильно понимать мысль законодателя, усматривать въ массѣ предписаній и распоряженій общія руководящія начала, и чтобы для собственнаго свободнаго дѣйствія онъ имѣлъ руководство въ здравыхъ политическихъ и политико-экономическихъ правилахъ. Конечно, возможно попытаться восполнить недостаточное разумѣніе чиновниковъ всякаго рода инструкціями и пояснительными предписаніями, но такой образъ дѣйствій способенъ только уронить авторитетъ чиновниковъ въ глазахъ публики. Наконецъ, административный чиновникъ не есть только органъ исполнительной власти. Въ весьма многихъ и важнѣйшихъ вопросахъ законодательства, правительству приходится не только полагаться на донесенія мѣстной администраціи о дѣйствіи законовъ въ сферѣ ея наблюденій, но и справляться съ ея мнѣніями и соображеніями относительно необходимости ихъ измѣненія и отпосительно направленія, въ какомъ измѣненія эти должны состояться. Только на основаніи такихъ донесеній тѣхъ чиновниковъ, которые ежедневно примѣняютъ постановленія административнаго права и наблюдаютъ до мельчайшихъ подробностей дѣйствительное положеніе дѣлъ, могутъ быть вырабатываемы центральнымъ правительствомъ хорошіе законопроекты, напротивъ, если исполнительные органы не въ состояніи оказывать такого разумнаго содѣйствія законодательной власти, то она по необходимости попадаетъ на ложный путь. Мнѣніе же о направленіи, какое принимаетъ законодательство и объ образѣ его дѣйствій сравнительно съ другими учрежденіями и постановленіями, можетъ подать лишь тотъ, кто обладаетъ основательнымъ познаніемъ исторіи законодательства и мотивовъ, на которыхъ оно основывалось,— однимъ словомъ, кто получилъ основательное образованіе не только въ юридическихъ, но и въ государственныхъ и соціальныхъ наукахъ. Тамъ, продолжаетъ профессоръ Нассе, гдѣ государство при замѣщеніи должностей имѣетъ свободный выборъ изъ цѣлой массы людей, которые на практикѣ заявили свою пригодность (какъ, напримѣръ, Англія при замѣщеніи судебныхъ должностей изъ числа оказавшихся наилучшими адвокатовъ, или Пруссія при замѣщеніи высшихъ государственныхъ должностей, такъ какъ и въ ней при распространенности и солидности общаго образованія не можетъ быть недостатка въ людяхъ, которые соединяли бы основательное политическое образованіе съ практическимъ знаніемъ дѣла и житейскою опытностію), тамъ государство можетъ руководствоваться при выборѣ должностныхъ лицъ этою доказанною на дѣлѣ пригодностью гораздо лучше, чѣмъ

Библиотека "Руниверс"

результатами самой тщательной системы испытаній; но для замѣщенія низшихъ и среднихъ должностей въ высшей административной службѣ не можетъ быть кандидатовъ, которые заранѣе заявили бы свои способности въ общественной службѣ, и доступъ къ нимъ можетъ быть открываемъ лишь тѣмъ, кто на экзаменѣ доказалъ, что обладаетъ познаніями, достаточными для успѣшнаго выполненія предстоящихъ ему обязанностей.

Прусскій законъ впрочемъ нисколько и не отрицаетъ необходимости требовать такого образованія отъ будущихъ административныхъ чиновниковъ; но при первомъ ихъ экзаменѣ онъ сосредоточиваетъ эти требованія почти исключительно только на предметахъ собственно юридическихъ, а затѣмъ уже послѣ двухлѣтней судебной практики онъ, какъ мы выше видѣли, предъявляетъ кандидатамъ на административныя должности довольно обширныя требованія и по предметамъ политическимъ и соціальнымъ, — требованія, которымъ они должны удовлетворить на экзаменѣ при окружномъ правленіи. Такимъ образомъ экзаменъ, который должны выдержать кандидаты на административныя должности, распадается на двѣ отдѣльныя части: собственно юридическую и затѣмъ политико-административную, и въ этомъ заключается существенный недостатокъ прусскихъ порядковъ. Въ промежуткѣ между этими двумя экзаменами почти все время молодыхъ людей поглощено ихъ судебною практикой, такъ что они имѣютъ весьма мало возможности пополнить весьма значительные пробѣлы въ своихъ познаніяхъ по наукамъ политическимъ и соціальнымъ, буде они и вынесли какія нибудь познанія по этой части изъ университета. Нерѣдко, смотря по мѣсту ихъ практики, имъ недостаетъ для этого не только времени, но и необходимыхъ указаній и научныхъ пособій. Сверхъ того, этотъ первый административный экзаменъ производится при какомъ либо правленіи тремя членами онаго въ одномъ изъ 25 главныхъ окружныхъ городовъ Пруссіи, безъ всякаго участія со стороны людей науки—университетскихъ профессоровъ. Самая многочисленность этихъ испытательныхъ коммиссій должна крайне вредно дѣйствовать какъ потому, что крайне трудно найдти во всѣхъ 25 городахъ вполнѣ свѣдущихъ и способныхъ экзаменаторовъ, такъ и еще болѣе потому, что совершенно невозможно установить равномѣрность въ требованіяхъ столькихъ испытательныхъ коммиссій, и кандидаты безъ труда могутъ отыскать такія коммиссіи, которыя готовы удовольствоваться наименьшею мѣрою познаній. Ко всему этому присоединяется еще то, что экзаменъ этотъ ограничи-

Библиотека "Руниверс"

васъ только однимъ испытаніемъ, то есть, такимъ, отъ котораго не остается никакого слѣда, кромѣ показаній и оцѣнки самихъ экзаменаторовъ, и никакой возможности провѣрить правильность этой оцѣнки. Но болѣе всего предлагаетъ серьезности и основательности этого экзамена, по мнѣнію профессора Нассе, то обстоятельство, что ему не задолго предъ тѣмъ предшествовало другое и за нимъ должно послѣдовать черезъ нѣсколько лѣтъ еще третье гораздо болѣе основательное испытаніе. Совокупностью всѣхъ этихъ причинъ вполнѣ объясняется, почему это специально-административное испытаніе обратилось почти только въ одну формальность. „Нерѣдко мы видимъ, говоритъ Нассе, молодыхъ людей и именно изъ высшихъ классовъ общества, которые въ продолженіе своего университетскаго курса ограничивались подготовкою только въ послѣдніе семестры къ первому юридическому экзамену съ помощью нѣкоторыхъ privatissima и которые также во время своихъ занятій при судахъ нисколько не заботились о восполненіи серьезнымъ трудомъ того, что было ими прежде опущено, и однако же эти молодые люди нерѣдко выдерживаютъ экзаменъ безъ всякаго труда, и напротивъ весьма рѣдки случаи, чтобы кандидатъ не выдержалъ экзамена". Въ циркулярномъ предложеніи министра финансовъ фонъ-Патова и министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Шверина отъ 5-го ноября 1859 года, обращается вниманіе всѣхъ президентовъ правленій на обнаруженный при этихъ испытаніяхъ недостатокъ предварительной подготовки кандидатовъ въ государственныхъ и камеральныхъ наукахъ. Причина сего, по словамъ означеннаго циркуляра, заключается въ томъ, что эти науки въ продолженіе университетскаго курса болѣе или менѣе, а иногда и совершенно пренебрегаются молодыми людьми; оказывающіеся вслѣдствіе того пробѣлы не восполняются до самаго испытанія, и кандидаты въ сущности заботятся только о томъ, чтобы временно усвоить себѣ непосредственно необходимыя для выдержанія экзамена познанія. Правда, и этотъ циркуляръ относится къ довольно давнему времени; но, судя по отзывамъ Нассе и Гольдшмидта, положеніе дѣлъ едва-ли много измѣнилось къ лучшему и въ послѣдовавшія затѣмъ два десятилѣтія.

Наконецъ, что касается до послѣдняго, высшаго административнаго экзамена, къ которому кандидаты приступаютъ по меньшей мѣрѣ черезъ четыре года по окончаніи университетскаго курса, то онъ представляетъ несомнѣнныя и повидимому даже почти непреодолимыя трудности тѣмъ болѣе, что законъ, какъ было приведено выше, нисколько не опредѣляетъ въ точности самыхъ предме-

Библиотека "Руниверс"

тонъ испытанія. По свѣдѣніямъ, которыя сообщаетъ профессоръ Насе, средоточіемъ устнаго испытанія служитъ все, что принадлежитъ, какъ и публичное, праву Пруссіи; но комиссіи вмѣнено въ обязанность опредѣлять научное образованіе кандидатовъ, предлагая имъ вопросы изъ всѣхъ прочихъ историческихъ и догматическихъ государственныхъ наукъ, изъ политической экономіи, изъ географіи и даже изъ литературной и церковной исторіи. Самая трудность и неопредѣленность этого экзамена вызвала къ жизни совершенно особыя подготовительныя къ нимъ заведенія, въ которыхъ кандидаты дрессируются для экзамена примѣнительно къ направленію, пріемамъ и привычкамъ экзаменаторовъ. Однимъ изъ такихъ заведеній именно былъ предположенный „Schnellassessorenfabrik zu Baumgartenbrück bei Potsdam". По словамъ ослѣпившаго это заведеніе Рихтера, лѣтъ 10 тому назадъ, когда писалъ Рихтеръ, изъ 12 ассессоровъ едва ли не 11 проводили въ послѣдніе годы чрезъ эту удивительную школу, въ которой кандидаты, ведя жизнь почти затворническую, столько же научали наружныя и внутреннія качества своихъ будущихъ экзаменаторовъ, сколько и усвоивали себѣ массу самыхъ разнородныхъ свѣдѣній, конечно, не смотря на самое тщательное устраненіе всего, что не было необходимо для экзамена, все-таки достигали громадныхъ размѣровъ, безъ всякой однако же существенной пользы для научнаго образованія кандидатовъ на административныя должности. Такъ, между прочимъ, когда въ шестидесятыхъ годахъ было предположено учредить въ Берлинѣ статистическую семинарію, то для членовъ оной, большею частью ассессоровъ правленій, то есть, лицъ, выдержавшихъ послѣднее высшее административное испытаніе, было найдено необходимымъ учредить особые курсы по политической экономіи, финансовому и полицейскому праву, — курсы, которые читали профессора Берлинскаго университета и которые, очевидно, имѣли цѣлью пополнить познанія ассессоровъ въ соотвѣтственныхъ предметахъ.

Если принять во вниманіе всѣ вышеизложенные факты, то нельзя не согласиться съ профессоромъ Насе, что постановленія о подготовительномъ образованіи административныхъ чиновниковъ представляютъ собою одну изъ самыхъ неудовлетворительныхъ, слабыхъ сторонъ административной организаціи Пруссіи, и приводимыя Гольцендорфомъ слова графа (нынѣ князя) Бисмарка: „Если существующія учрежденія не помѣшали прусскимъ чиновникамъ оказать государству тѣ услуги, какія были ими оказаны, то это существенно говоритъ только въ пользу дѣльности той породы людей, которая населяетъ

Библиотека "Руниверс"

Пруссіи и въ некоторой [illegible], произве[illegible] [illegible] 1860 [illegible] только [illegible] [illegible] Германской имперіи, [illegible] и служатъ до нѣкоторой степени [illegible] отраженіемъ дѣйствительнаго положенія вещей.

Но какъ [illegible] недостатки экзаменаціонныхъ порядковъ Пруссіи при испытаніяхъ на административныя должности и какимъ рѣзкимъ и подчасъ преувеличеннымъ нападкамъ ни подвергали ихъ прусскіе публицисты, тѣмъ не менѣе [illegible] не [illegible] не только противъ принципа государственныхъ экзаменовъ, но [illegible] не высказывалось даже въ пользу устраненія, по примѣру нѣкоторыхъ южногерманскихъ государствъ, особаго державнаго испытанія для административныхъ чиновниковъ, а только раздавались [illegible] голоса въ пользу болѣе [illegible] и улучшенія существующихъ экзаменаціонныхъ порядковъ.

Исключеніе въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляютъ только Рихтеръ въ [illegible] статьѣ своей 1868 года и отчасти Гепперть въ брошюрѣ, изданной въ 1869 году. Первый изъ нихъ высказывается въ пользу обособленія университетскихъ занятій будущихъ административныхъ чиновниковъ съ [illegible] ослабленіемъ собственно юридическаго элемента и сосредоточеніемъ этихъ занятій главнѣйше на государственныхъ и камеральныхъ науках; вслѣдствіе чего и первый теоретическій экзаменъ [illegible] по окончаніи университетскаго курса должны быть [illegible] особый [illegible] на [illegible] административную должность. Точно также двухстепенную судебную практику будущихъ административныхъ чиновниковъ Рихтеръ считаетъ излишнею. Что касается до Гепперта, то онъ, не распространяясь подробно на этомъ вопросѣ, болѣе склоняется, [illegible] въ пользу отдѣленія административныхъ экзаменовъ отъ юридическихъ и полагаетъ, что осуществленіе того идеала, который былъ выставленъ Шеффеле и который заключается въ объединеніи собственно юридическаго и политико-административнаго образованія, съ теченіемъ времени все будетъ становиться менѣе и менѣе возможнымъ. Въ прежнюю пору, говоритъ Гепперть, судебная и административныя власти находились даже непосредственно въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Нѣкоторыя государства сохраняли [illegible] и теперь связь между обѣими посредствомъ одинаковой, по крайней мѣрѣ, подготовки тѣхъ и другихъ должностныхъ лицъ; но это — малыя государства, управленіе которыхъ представляетъ [illegible] задачи и для кото-

рикою недостатку служебнаго персонала желательно имѣть возможность употреблять низшій персоналъ для обѣихъ цѣлей. Во всякомъ же болѣе значительномъ государствѣ раздѣленіе администраціи и юстиціи основывалось не только на стремленіи сдѣлать послѣднюю болѣе независимою, но также на сознаніи, что въ развитомъ государственномъ быту обѣ функціи должны быть раздѣлены вслѣдствіе внутренней своей разнородности; разнородность же эта состоитъ не только въ способѣ дѣйствія, но и въ различіи того, чѣмъ и надъ чѣмъ приходится дѣйствовать. При этомъ нельзя не замѣтить, что положеніе автора, будто бы только въ малыхъ государствахъ сохранилась одинаковость образованія юристовъ и администраторовъ, противорѣчитъ дѣйствительности, какъ это можно видѣть изъ примѣра такихъ обширныхъ государствъ, какъ Австрія и Пруссія съ одной стороны, и изъ примѣра Вюртемберга, Бадена и Гессена, съ другой, именно здѣсь пути будущихъ юристовъ и будущихъ администраторовъ расходятся съ самаго начала ихъ университетскаго ученія.

Профессоръ Насse, какъ мы уже приводили, отдаетъ предпочтеніе даже односторонне юридическому образованію, какое получаютъ административные чиновники Пруссіи, предъ тѣмъ многосторонностью, какого отъ нихъ требуютъ въ многосторонне государственныхъ государствахъ. Установленіе особаго перваго государственнаго экзамена на административныя должности, говоритъ онъ, по необходимости повлекло бы за собою раздѣленіе этихъ обѣихъ карьеръ уже въ университетѣ. Подобное раздѣленіе было бы, безъ сомнѣнія, весьма прискорбно. Особенныя дарованія и особенныя наклонности въ той или другой изъ этихъ двухъ отраслей государственной службы обнаруживаются у большей части людей не при самомъ поступленіи въ университетъ, а гораздо позднѣе въ жизни. Далѣе, раздѣленіе это, вѣроятно, сообщило бы университетскимъ занятіямъ вслѣдствіе болѣе строгаго ограниченія ихъ практическою цѣлью, еще менѣе научное направленіе, чѣмъ какое замѣчается нынѣ. „Но мы, продолжаетъ Насse, никакимъ образомъ не можемъ допустить необходимости такого раздѣленія. Что административный чиновникъ не можетъ уклониться отъ основательнаго изученія въ университетѣ гражданскаго права, въ этомъ у насъ всѣ между собою согласны, а съ другой стороны, по нашему мнѣнію, едва ли можетъ быть также сомнѣніе въ томъ, что наши будущіе судьи во время своихъ академическихъ занятій должны пріобрѣсть нѣкоторое публицистическое образованіе и что они могутъ достигнуть его только путемъ изученія го-

Библиотека "Руниверс"

сударственныхъ наукъ, новѣйшей исторіи и политической экономіи. Конечно, въ большей части континентальныхъ государствъ кругъ дѣятельности судовъ въ области публичнаго права весьма ограниченъ; но и такимъ судамъ все-таки приходится имѣть дѣло съ примѣненіемъ полицейскихъ и финансовыхъ законовъ, и исключительно цивилистическое образованіе нашихъ судей, быть можетъ, было однимъ изъ главнѣйшихъ причинъ, почему столько спорныхъ дѣлъ, кажущихся имѣть публичный характеръ, изъемлются отъ судебнаго рѣшенія. Не такъ бы то ни было, независимо даже отъ офиціальной дѣятельности судей и адвокатовъ, въ странѣ, отъ которой веденіе общественныхъ дѣлъ не исключительно находится въ рукахъ коронныхъ чиновниковъ, они, благодаря своему почетному и независимому офиціальному положенію, своей формальной, дѣловой умѣлости и своему знанію права болѣе, чѣмъ всѣ другія сословія, призваются къ дѣятельному участію въ общественной жизни и имѣютъ значительное политическое вліяніе. Не желательно, чтобы вслѣдствіе этого вліянія политическіе вопросы были обсуждаемы и рѣшаемы исключительно съ точки зрѣнія гражданскаго права". Ознакомляясь такимъ образомъ въ пользу одинаковой научной подготовки и одинаковаго перваго экзамена на юридическія и административныя должности, быть можетъ, изъ виду предполагаемаго имъ вслѣдствіе того значительнаго расширенія предметовъ и объема этого перваго испытанія, полагаетъ, что было бы весьма полезно замѣнить трехлѣтній университетскій курсъ четырехлѣтнимъ, хотя, по его мнѣнію, та же цѣль могла бы быть достигаема и при трехлѣтнемъ курсѣ, но подъ условіемъ болѣе бережливаго и плодотворнаго употребленія времени студентами и болѣе разумнаго распредѣленія самаго преподаванія. Въ случаѣ прибавки одного года, онъ считалъ бы полезнымъ внѣсть вопросъ, не слѣдовало ли бы ввести какое-либо предварительное испытаніе послѣ полутора или двухъ лѣтъ университетскаго ученія, по примѣру tentamen physicum на медицинскомъ факультетѣ. Это внесло бы, по его мнѣнію, болѣе разумный порядокъ въ занятія студентовъ и предотвратило бы безплодную трату времени въ первые семестры. Имѣть продолжительнѣе университетскій курсъ, тѣмъ болѣе знаменательна опасность, что вынесенныя изъ школьной неволи студентами первый государственный экзаменъ будетъ представляться въ безконечной дали и что они будутъ приниматься за изученіе отдаленнѣйшихъ областей науки прежде, чѣмъ пріобрѣли необходимыя для того предварительныя познанія. Ни свобода ученія, ни прогрессъ

Библиотека "Руниверс"

тающая только подъема кромѣ истинныя научности ничего не потерпѣла бы ущерба, если бы отъ студента на одномъ tentamen'ѣ требовалось только несомнѣнно грамотное, а именно прежде всего изученіе римскаго права, а затѣмъ элементовъ политической экономіи, и отечественное гражданское право. При этомъ само собою разумѣется, что на первомъ государственномъ экзаменѣ устное испытаніе должно быть значительно продолжено, число письменныхъ работъ увеличено и нынѣшнія испытательныя коммиссіи дополнены однимъ административнымъ практикомъ и однимъ университетскимъ профессоромъ, какъ представителями политическихъ и экономическихъ наукъ. Но если по какой-либо причинѣ увеличеніе состава и объема нынѣшняго перваго юридическаго испытанія оказалось бы неудобнымъ для юристовъ, то Нассе предлагаетъ такую мѣру: не уничтожая обязательности экзамена, постановить, чтобы въ наукахъ политическихъ и политической экономіи, кандидатамъ, которые заранѣе заявятъ свое намѣреніе поступать въ административную службу, были предъявляемы лишь самыя умѣренныя требованія.

Въ томъ же смыслѣ, но съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, высказывается и Вольтеръ. И юристы, и будущіе административные чиновники должны, по его мнѣнію, идти однимъ и тѣмъ же путемъ въ университетѣ, изучая науки чисто юридическія, политико-административныя и камеральныя, а по окончаніи своего курса должны подвергнуться одинаковому для всѣхъ испытанію во всѣхъ этихъ предметахъ съ тѣмъ, чтобы по выдержаніи испытанія имѣть право на занятіе какъ юридическихъ, такъ и административныхъ должностей. Экзаменъ этотъ долженъ быть производимъ, по его мнѣнію, научно испытательною коммиссіей, члены которой назначались бы министромъ народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министрами юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, и состояли бы изъ декана и членовъ юридическаго и философскаго факультетовъ, подъ предсѣдательствомъ особаго государственнаго комиссара. Трехлѣтній университетскій курсъ онъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ для подготовки по всѣмъ вышеозначеннымъ предметамъ, такъ какъ и на медицинскомъ факультетѣ число теоретическихъ занятій продолжается всего только три года, а затѣмъ уже начинаются упражненія въ медицинской практикѣ при кровати больнаго. Все дѣло, по его мнѣнію, только въ томъ, чтобы юридическій и политико-административный матеріалъ былъ сообщаемъ методически правильно и чтобы студенты-юристы такъ же добросовѣстно занимались своимъ дѣломъ, какъ

Библиотека "Руниверс"

ведѣнія и философіи. „Но безъ энциклопедической, и въ практической точки зрѣнія, продолжаетъ Вольтеръ, раздѣленіе юридическихъ и государственныхъ наукъ не можетъ быть допущено, ибо понятіе о правѣ есть то твердое средоточіе, около котораго, подобно концентрическимъ кругамъ, вращаются всѣ дѣла и учрежденія государства. Нѣтъ, конечно, надобности, чтобы судья былъ знакомъ со всѣми теоретическими и статистическими подробностями, и со всѣми спорными вопросами изъ области политической экономіи и науки о финансахъ, чтобы онъ занимался до мелочей сельскимъ хозяйствомъ и всѣми его отраслями, для чтобы онъ такъ же точно изучалъ аграрное законодательство, какъ законы о договорахъ и обязательствахъ. Но въ виду многочисленныхъ соприкосновеній, въ которыя приходится онъ своею должностью со всѣми этими предметами, необходимо, чтобы онъ былъ знакомъ съ тремя главными системами политической экономіи и съ общими историческими ея развитіемъ, равно какъ и съ главнѣйшими основными положеніями этой науки, чтобы по сельскому хозяйству онъ зналъ главнѣйшія особенности различныхъ полевыхъ системъ, общую классификацію почвъ и главные моменты поощренія земледѣлія со стороны государства, вліяніе на оное техническихъ промысловъ и аграрныхъ законовъ. Съ приросами этого рода судьѣ приходится постоянно имѣть дѣло, напримѣръ, въ дѣлахъ по опекамъ, и если онъ отвергнетъ ихъ и вовсе не внимая настоящимъ, то это легко можетъ уронить его авторитетъ въ глазахъ привлекаемыхъ къ дѣламъ этого рода экспертовъ. Съ другой стороны и для административнаго чиновника необходимо имѣть отечественное гражданское право на столько по, чтобы въ процессахъ, въ которыхъ заинтересована казна, онъ былъ въ состояніи составить себѣ самостоятельное юридическое сужденіе независимо отъ какого либо мнѣнія потенціарія и чтобы вообще былъ знакомъ съ ходомъ различнаго рода процессовъ, а также съ уголовнымъ правомъ и уголовнымъ судопроизводствомъ."

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній Вольтеръ полагаетъ, что по выдержаніи перваго государственнаго экзамена, кандидаты на административныя должности должны прежде всего и не менѣе одного года, упражняться въ судебной практикѣ. При экзаменѣ же будущихъ юристовъ слѣдуетъ болѣе налегать на юридическія, а при испытаніи будущихъ администраторовъ на политико-административныя дисциплины.

Конечно, вопросъ такимъ отвлекается отъ той мысли, что и университетскія занятія и первый экзаменъ должны быть одни и тѣ же

Библиотека "Руниверс"

для юристовъ и административныхъ чиновниковъ и что сейчасъ послѣдніе должны пройдти прежде всего судебную практику на продолженіе полутора года. Центромъ юридическаго образованія въ университетѣ должно быть изученіе историческихъ основъ и историческаго развитія нынѣ дѣйствующаго права. Точно также должно быть исторически излагаемо и римское право: только этимъ путемъ могутъ быть познаны съ одной стороны относительность и историческая преходимость юридическихъ понятій, а съ другой — логическое развитіе системы права. Особенно важнымъ и необходимымъ считаетъ онъ учрежденіе юридическихъ семинарій, въ которыхъ возбуждалась бы самодѣятельность студентовъ и достигалась бы совмѣстная съ профессорами работа. Первый юридическій экзаменъ, по его мнѣнію, долженъ простираться на римское право, на всѣ части нынѣ дѣйствующаго права и на политическую экономію, при чемъ особенно должно быть обращено вниманіе на историческое развитіе и экономическія условія права.

Наконецъ, Гольдшмидтъ, имѣя преимущественно въ виду общность университетскихъ занятій и перваго государственнаго экзамена для кандидатовъ на судебныя и на административныя должности и необходимость пополненія предметовъ перваго юридическаго экзамена государственными науками, особенно настаиваетъ на томъ, чтобы самымъ закономъ былъ установленъ четырехлѣтній университетскій курсъ, какъ необходимое условіе для допущенія къ первому государственному экзамену на вышеозначенныя должности, и при этомъ онъ считаетъ весьма важнымъ, чтобы годъ отбыванія воинской повинности вовсе не былъ засчитываемъ въ академическое четырехлѣтіе, то-есть, желаетъ, чтобы въ этомъ отношеніи то же самое имѣло употреблялось на изученіе предметовъ юридическаго факультета, какое установлено въ нашихъ русскихъ университетахъ. Относительно же предварительнаго testamen'а онъ присоединяется къ идеямъ, высказаннымъ профессоромъ Насse.

Изъ предыдущаго очевидно, что наибольшее число прусскихъ публицистовъ высказываются, и чуть ли не наиболѣе вѣскіе доводы приводятся, противъ дѣленія университетскихъ студентовъ на административный и юридическій разряды и противъ установленія особыхъ испытаній сообразно этимъ разрядамъ; впрочемъ однакоже допускается нѣкоторое ослабленіе требованій для будущихъ юристовъ по предметамъ административно-политическаго образованія и для будущихъ административныхъ чиновниковъ по предметамъ спеціально-

Библиотека "Руниверс"

юридическаго образованія. Наибольшее же значеніе вообще придается собственно-юридическому образованію, преимущественно же изученію гражданскаго и уголовнаго права, особенно же въ формальномъ отношеніи.

Между тѣмъ имѣть такимъ образомъ цѣлость о научной подготовкѣ административныхъ чиновниковъ и установленные въ Пруссіи для нихъ экзамены нерѣдко подвергались подробному обсужденію въ печати и нерѣдко весьма рѣзкой критикѣ, само прусское правительство также не безъ основанія находило полезнымъ новый проектъ закона объ условіяхъ для достиженія должностей въ высшей административной службѣ.

Еще въ 1868 году президентамъ правленій было предписано съ 1-го іюля ограниченнаго года прекратить пріемъ референдаріевъ въ правленія, и такимъ образомъ съ тѣхъ поръ помимо кандидатовъ былъ преграждень доступъ на высшія должности по административной службѣ. Поводомъ къ этому чрезвычайному министерскому распоряженію было то, что, вопреки, что съ присоединеніемъ къ Пруссіи новыхъ областей оказалось такое изобиліе кандидатовъ на административныя должности, что временное ограниченіе новаго ихъ притока было признано не только полезнымъ, но и необходимымъ, а вопрокъ, правительство имѣло бы случай разсмотрѣть вопросъ, какимъ образомъ можно бы было впредь наилучше управлять слабыя стороны, оказавшіяся въ дѣлѣ подготовленія и отбора кандидатовъ на административныя должности. Затѣмъ при обсужденіи новаго законопроекта объ юридическихъ экзаменахъ правительствомъ неоднократно было заявлено, что регулятивъ 14-го февраля 1846 года объ условіяхъ для достиженія административныхъ должностей можетъ быть измѣненъ или и вовсе отмѣненъ нерядовымъ административнымъ, а не законодательнымъ путемъ. Противъ этихъ заявленій рѣшительно и неоднократно высказывалась палата депутатовъ, и одинъ изъ вліятельныхъ ея членовъ, фонъ-Форкенбекъ, ежегодно вноситъ предложеніе—настоятельно просить правительство разрѣшить законодательнымъ порядкомъ дѣло объ условіяхъ на званіе административныхъ должностей. Вслѣдствіе этихъ настояній правительство внесло въ 1875 году относящійся къ этому дѣлу проектъ закона, и этотъ проектъ былъ подвергнутъ первому чтенію и обсужденію на палатѣ депутатовъ, затѣмъ передатъ комиссіи и разсматривался ею составленной комиссіей докладъ не былъ на недавнемъ время обсужденъ въ общемъ собраніи палаты и ту же само-

Библиотека "Руниверс"

незадолго до сессіи. Вслѣдствіе того въ январѣ 1876 года правительство снова внесло на разсмотрѣніе палаты депутатовъ проектъ закона, весьма немногимъ отличавшійся отъ прежняго. Существенныя черты этого проекта заключаются въ нижеслѣдующемъ. Для полученія должности членъ правленія требуется пройти юридическій университетскій курсъ и выдержать для экзамена (§ 1). Первый экзаменъ ротмакиваетъ тотъ же, что и для полученія на основаніи закона 6-го мая 1869 года (§ 2) и университетскій аттестатъ признаются кандидаты по административной должности за существенно то же, что и присяжные, по своему образованію въ изученію правъ еще и государственныхъ наукъ. По окончаніи перваго экзамена, кандидаты занимаются не менѣе 3-хъ лѣтъ практическою службою при судахъ, а затѣмъ также не менѣе 3-хъ лѣтъ при административныхъ установленіяхъ (§ 3). Къ этой административной практикѣ допускается министромъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ лишь тотъ кандидатъ, который по окончаніи своей судебной практики держитъ въ особомъ (специальномъ) засѣданіи, которое требованію и по регламенту 1846 года, о томъ, что онъ близко знакомъ съ государственными науками, равнымъ образомъ основными положеніями политической экономіи, полицейской и финансовой наукъ и пріобрѣлъ по крайней мѣрѣ общее знакомство со всѣми относящимися къ нимъ (§ 4). Различіе этого случая противъ прежняго, какъ указано въ объяснительной къ проекту запискѣ, заключается въ томъ, что новымъ проектомъ предполагается не формальное испытаніе, а какъ назначенный (специальный), и что прежде это испытаніе производилось при правленіи на членами онаго, а теперь, по примѣру обыкновенной практики, имѣется въ виду установить для производства (специальнаго) особая комиссія изъ способныхъ къ тому членовъ правленій, а также и университетскихъ профессоровъ, и притомъ только въ главныхъ городахъ каждой провинціи, что представляетъ собой значительное улучшеніе противъ прежняго. Объяснительная записка настаиваетъ также на томъ, что будущій административный чиновникъ долженъ въ университетѣ прежде всего позаботиться о своемъ юридическомъ образованіи, ибо ему особенно необходимо основательное познаніе въ гражданскихъ правъ; но не менѣе того, онъ долженъ еще въ пору университетскаго своего ученія ближе ознакомиться съ государственными науками, въ особенности съ политическою экономіей и такъ называемыми науками камеральными, а затѣмъ административному вѣдом-

Библиотека "Руниверс"

ству должна быть предоставлена возможность удостовериться, обладают ли поступающие на эти референдарий и правильное и далее приобретенное ими впоследствии основательное познание наук, особенно важных для администрации. Съ этою-то целью и установляется упомянутый экзаменъ. Къ второму высшему испытанію допускается кандидатъ только по успѣшномъ окончаніи своей двухлѣтней административной практики, если на основаніи всѣхъ свѣдѣній, объ этой практикѣ имѣющихся, правленіе дастъ ему свидѣтельство о томъ, что онъ достаточно подготовленъ къ этому государственному экзамену (§ 6). Высшее административное испытаніе раздѣляется на устное и письменное и должно имѣть существенно практическій характеръ. Оно простирается на конституцію въ Пруссіи, общественное и гражданское право, въ особенности на право конституціонное и административное, такъ же, какъ на народно-хозяйственную и финансовую политику. При этомъ испытаніи, прежде всего опредѣлить, можно ли считать кандидата достаточно способнымъ и основательно образованнымъ для того, чтобы онъ могъ быть успѣшно занимать самостоятельное положеніе въ общей административной службѣ (§ 9). Такимъ образомъ здѣсь устраняется то неопредѣленное требованіе, которое страдало регулятивъ 1844 года и которое дѣлало высшій административный экзаменъ крайне труднымъ и тѣмъ вредило всей жизни особы подготовительныя къ нему заведенія. Выдержавшій второе высшее испытаніе получаетъ такіе ассесорскіе правленія и съ тѣмъ имѣетъ право на занятіе высшихъ административныхъ должностей (§ 10). Изъятія отъ установленнаго порядка занятія административныхъ должностей допускаются новымъ проектомъ: 1) для ландратовъ и ассистентовъ ихъ должностныя лица, которыя принадлежатъ большею частью къ богатымъ помѣстнымъ сословіямъ, избираются уѣздными земскими собраніями (Kreistag) и только утверждаются въ должности правительствомъ, и которыя по проекту могутъ быть непосредственно допущены къ высшему административному экзамену, прослуживъ по меньшей мѣрѣ пять лѣтъ въ своей должности (§ 11); 2) для лицъ, выдержавшихъ высшій юридическій экзаменъ и прослужившихъ по меньшей мѣрѣ пять лѣтъ или въ качествѣ сотиціаріи при правленіи, или въ какомъ либо межевомъ установленіи, или въ качествѣ ландрата: всѣ эти лица прямо могутъ быть сдѣланы членами правленія (§ 13), и наконецъ, 3) постановленія новаго проекта закона не должны быть примѣняемы и къ замѣщенію должностей президента, начальника

Библиотека "Руниверс"

отдѣленія къ какого либо техническаго члена правленій (по дѣламъ лѣсными, межевыхъ, дружинныхъ, училищныхъ строительныхъ, коллежскихъ и т. д.), а равно и къ замѣщенію должностей по управленію косвенными налогами (§ 14). Въ объясненіяхъ къ §§ 11 и 13 замѣчено, что исключительно практическимъ рутинистамъ не слѣдуетъ открывать доступа въ коллегіи правленій, тѣмъ болѣе, что по духу всего законопроекта одною изъ главныхъ задачъ образованія приступающихъ къ своему поприщу административныхъ чиновниковъ, должно быть доставленіе имъ всѣми способами для сдачи подробнаго ознакомленія со всѣми отраслями административной практики. Если же кандидатамъ, которые оказались вполнѣ пригодными въ административной практикѣ, предоставляется возможность занять мѣсто члена правленія, то эта возможность подчинена условію предварительнаго выдержанія ими высшаго административнаго экзамена и, слѣдовательно, зависитъ отъ удостовѣренія, что означенные практики имѣютъ основательныя научныя познанія въ народно-хозяйственной и финансовой политикѣ и въ конституціонномъ и административномъ правѣ. Что же касается до техническихъ членовъ правленія, то они, какъ и до настоящему закону, должны предварительно выдерживать установленныя по тѣмъ спеціальностямъ особыя испытанія. Относительно же высшихъ административныхъ должностей, начиная съ начальниковъ отдѣленій правленія, верховной власти предоставляется то право, которымъ она всегда пользовалась и прежде, назначать въ эти должности и такихъ лицъ, которыя не могутъ представлять для того никакой формальной квалификаціи.

Первое чтеніе и обсужденіе этого проекта въ палатѣ депутатовъ происходило 16-го февраля 1876 года, причемъ вниманіе было обращено преимущественно только на два пункта, именно на вопросъ о тентаменѣ и на вопросъ о нѣкоторыхъ льготахъ для кандидатовъ. Депутатъ Виндхорстъ высказался очень сильно противъ тентамена, усматривая въ немъ удобнѣйшее средство устранять отъ административной карьеры людей далеко весьма способныхъ, но почему бы то ни было не совсѣмъ пріятныхъ правительственной. Напротивъ, депутатъ Бернгардтъ усматривалъ въ тентаменѣ одно изъ самыхъ существенныхъ и самыхъ драгоцѣнныхъ постановленій всего законопроекта. Тентаменъ, говорилъ онъ, будетъ побуждать молодыхъ людей еще въ университетѣ заботиться не только о юридическомъ, но и о политико-административномъ своемъ образованіи. Трехлѣтній университетскій курсъ, конечно, очень кратокъ,

Библиотека "Руниверс"

но продолжительности университетскаго ученія не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія: иной въ три года научится очень многому, а другой и въ четыре ровно ничему. Лучше было бы даже вовсе не опредѣлять продолжительности университетскаго курса, но въ замѣнъ того производить сколь можно болѣе строгіе экзамены. Необходимость черезъ два года по окончаніи университетскаго курса выдержать еще тентаменъ изъ государственныхъ наукъ можетъ только оказать благотворное вліяніе на молодыхъ людей: они не будутъ думать, что съ окончаніемъ университетскаго курса для нихъ окончилось время ученія въ смыслѣ высшей школы, но найдутъ въ себѣ побужденіе и во время практической своей дѣятельности постоянно и обстоятельно вновь заниматься тѣми научными теоріями, которыя такъ близко соприкасаются съ практическою жизнью.

Что касается до ландратовъ и допущенныхъ для нихъ льготъ, то депутатъ баронъ фонъ-деръ-Гольцъ былъ того мнѣнія, что прежняя практика, въ силу которой предъявлялись весьма малыя требованія относительно научнаго образованія землевладѣльцевъ, назначаемыхъ въ ландраты, уже отжила свое время. Лицамъ, проживающимъ въ провинціи, хорошо-де, извѣстно, что между землевладѣльцами и ихъ сыновьями имѣется не мало лицъ, которыя прошли всю начальную карьеру—судебную и административную—до большаго экзамена и прошли ее во вниманіи къ заявленнымъ въ ихъ уѣздномъ земскомъ собраніи желаніямъ, чтобъ они достигли образованія, необходимаго для дальнѣйшаго ландрата. Юристамъ, по мнѣнію фонъ-деръ-Гольца, новый законопроектъ оказываетъ рѣшительное предпочтеніе, ибо имъ предоставляется возможность легкаго перехода на административную службу и такимъ образомъ законопроектъ очень-то благопріятствуетъ рѣшимости избирать съ самаго начала административное поприще. Съ своей стороны, депутатъ Виндгорстъ по вопросу о ландратахъ заявилъ что, на сколько ему извѣстно, въ народѣ давно господствуетъ всеобщее желаніе, чтобы правительственные чиновники научились дѣйствовать болѣе на основаніи законовъ и дѣйствующаго права, чѣмъ по личному своему усмотрѣнію, и въ этомъ смыслѣ желательно, чтобы органы правленія обладали знаніемъ законовъ и тѣмъ строгимъ пониманіемъ права, какое обыкновенно свойственно бываетъ юристамъ.

При этомъ первомъ обсужденіи законопроекта рѣшено было передать его на предварительное разсмотрѣніе коммиссіи, составленной изъ 14 членовъ. Предсѣдателемъ своимъ коммиссія избрала фонъ-Бо-

Библиотека "Руниверс"

нія, а докладчикомъ извѣстнаго намъ изъ предыдущаго изложенія профессора Эрвина Нассе. Комиссія эта имѣла десять засѣданій, въ которыхъ принимали участіе представители министровъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, торговли и публичныхъ работъ. Прежде всего были заявлены возраженія противъ введенія особаго тентамена изъ государственныхъ наукъ и политической экономіи при переходѣ судебныхъ референдаріевъ отъ судебной практики къ административной. Комиссія, вмѣстѣ съ правительствомъ, признавала необходимость для будущихъ административныхъ чиновниковъ основательнаго изученія государственныхъ наукъ и политической экономіи, а также и разумность цѣлей правительства удостовѣриться, дѣйствительно ли кандидаты на административныя должности знаютъ съ этими науками, но для пріобрѣтенія сколько нибудь систематическихъ знаній по этимъ предметамъ кандидатъ не имѣетъ ни времени, ни случая во время своей двухлѣтней судебной практики. Занятія эти должны быть отнесены на счетъ университетскаго ученія, ибо въ университетѣ государство вообще дало для этой цѣли достаточныя учебныя силы и учебныя пособія. Если же не подлежитъ сомнѣнію, что только университетъ предоставляетъ мѣсто вполнѣ приспособленныя къ этимъ занятіямъ, то и безъ результата опыта должна непосредственно слѣдовать за нашими общими требованіями, ибо при краткости университетскаго ученія вообще, что отдѣлять академическое вліяніе отъ серьезныхъ занятій, изученію государственныхъ наукъ и политической экономіи въ университетѣ будетъ вообще только весьма поверхностное, если по окончаніи университетскаго курса будетъ предоставлено только личнымъ знаніямъ, а политико-административный будетъ отсрочено еще на два года и сверхъ того самымъ именемъ тентамена обозначенъ, какъ нѣчто основательное. Нѣтъ бы ни былъ затѣмъ составъ комиссіи для производства этого тентамена, требованія не обязательныхъ научныхъ будутъ по необходимости поняты до послѣдней степени, какъ это было и прежде. Экзаменъ въ этихъ предметахъ можетъ оказаться лишь тогда полезнымъ, когда онъ будетъ произведенъ, какъ первое и юридическое испытаніе, тотчасъ же по окончаніи университетскаго курса. Сверхъ того, комиссія заявила, что предметы испытаній должны быть обозначены строже и опредѣленнѣе. Законопроектъ требуетъ слишкомъ знакомства съ государственными науками и въ то же время только усвоенія главныхъ основаній тѣхъ частей государствовѣдѣнія, именно полицейской и финан-

Библиотека "Руниверс"

совой наукъ, а что онъ разумѣетъ подъ именемъ камеральныхъ вспомогательныхъ наукъ, это совершенно неясно. Если тутъ разумѣется сельское хозяйство, лѣсоводство и технологія, то требовать отъ кандидата общаго знакомства съ этими дисциплинами значило бы только поощрять неосновательное полузнаніе. Поэтому должны быть указаны лишь тѣ предметы, которые должны быть пройдены въ университетѣ кандидатомъ-студентомъ, желающимъ посвятить себя государственной службѣ. [illegible]

Вполнѣ [illegible] предположенія отъ законопроекта членовъ, комиссія, [illegible] еще въ 1805 году, думала для будущихъ административныхъ дѣятелей [illegible] первому юридическому экзамену второй экзаменъ государственныхъ и политической экономіи, но комиссія 1876 года [illegible] этого предположенія по извѣстнымъ [illegible] довольно. Это, по ея мнѣнію, [illegible] на университетскій [illegible] и административной карьеры, а еще на [illegible] университетскаго [illegible] студенты должны [illegible] для себя вопросъ, желаютъ ли они посвятить себя [illegible], или нѣтъ, что было бы [illegible] и нецѣлесообразно. А если было бы допущено, что эту [illegible] часть экзамена можно сдѣлать и не только на [illegible] юридическаго [illegible], а черезъ извѣстное [illegible], то [illegible] отъ [illegible], что кандидаты [illegible] этого экзамена до самаго [illegible] срока, и тогда [illegible] бы [illegible] не [illegible], какъ и [illegible] способъ [illegible]. Обращаясь затѣмъ къ [illegible] 6-го мая 1868 года, комиссія [illegible], что [illegible] этого могли бы обезпечить [illegible] кандидатамъ [illegible] высокій и особенно государственныхъ наукъ, [illegible] только [illegible] быть въ [illegible] [illegible] самаго [illegible]. Въ [illegible] говорится, что предметами первой [illegible] должны быть [illegible] публичнаго и [illegible] права, исторіи [illegible], а также и основы государственныхъ наукъ, [illegible] выраженіе, предложенное членомъ [illegible] господиномъ, докторомъ Тегоборскимъ, должно было, по его объясненію, обнимать политическую экономію и общее государственное право. На дѣлѣ, однакожъ, оказалось, что испытаніе и въ настоящее время почти не выходитъ за предѣлы собственно юридическихъ наукъ, и даже въ этой области публичное право [illegible] отодвигается на задній планъ, что не составляетъ [illegible] очевиднаго вреда для университетскихъ занятій студентовъ. Комиссія поэтому [illegible] склонить [illegible] министра [illegible] къ [illegible] послѣдняго его [illegible] отъ 6-го

декабря 1875 года въ такомъ смыслѣ, чтобы государственныя науки и политическая экономія непремѣнно вошли въ составъ перваго юридическаго экзамена. На это предложеніе отъ министерства юстиціи былъ полученъ уклончивый отвѣтъ, что заданный имъ регулятивъ въ точности соотвѣтствуетъ закону, что испытательныя комиссіи дѣйствуютъ во всемъ согласно съ закономъ и регулятивомъ, и что предлагаемое комиссіей дополненіе послѣдняго могло бы состояться только по полученіи о томъ донесеній отъ всѣхъ испытательныхъ комиссій. Тогда комиссія членовъ депутатовъ рѣшилась предложить измѣнить нѣкоторыя статьи закона 6-го мая 1869 года и потребовать какъ отъ юристовъ, такъ и отъ будущихъ административныхъ чиновниковъ трехлѣтняго изученія въ университетѣ не только права, но и государственныхъ наукъ, а въ составъ перваго экзамена для тѣхъ и для другихъ ввести, кромѣ дисциплинъ публичнаго и частнаго права и исторіи права, еще политическую экономію и науку о финансахъ, замѣнивъ выраженіе прежняго закона: „Grundlagen der Staatswissenschaften" словами „Volks- und Staats-Wirthschaftslehre".

При обсужденіи этихъ предположеній комиссіи въ палатѣ депутатовъ 18-го мая 1876 года, мысль о тѣсномъ союзѣ была совершенно отвергнута; но затѣмъ большинство оратровъ высказалось противъ увеличенія объема испытаній для юристовъ. „Остается въ сторонѣ, говорилъ, между прочимъ, депутатъ Вальдерзее, будущихъ юристовъ, которые только что сошлись съ немалою предпосланною для нихъ энциклопедіи, и которые, естественно имъ болѣе или менѣе довольны". Особенно сильное впечатлѣніе на палату произвела рѣчь извѣстнаго берлинскаго профессора и депутата Гнейста. Восставая противъ предложенія комиссіи, онъ доказывалъ, что и настоящее время первый юридическій экзаменъ затрогиваетъ множество предметовъ. „Наше уголовное законодательство практическая практика до такой степени обширны, что мы не въ состояніи въ пять или шесть часовъ достаточно удостовѣриться въ познаніяхъ письменныхъ кандидатовъ. Если же и теперь невозможно въ очень день осилить всего матеріала, то дѣло еще удвоится, если къ юридическимъ предметамъ придется присоединить и политическіе. Сверхъ того, не найдется и экзаменаторовъ по этимъ предметамъ; уже и нынѣшній регламентъ придаетъ къ экзамену значительное число лицъ судебнаго вѣдомства и профессоровъ, которые мало имѣютъ къ тому призванія. Способность хорошо экзаменовать есть весьма рѣдкая способность, которая не можетъ считаться непремѣннымъ достоинствомъ ка-

Библиотека "Руниверс"

кого-нибудь званія или власса людей и для которой можно лишь въ маломъ числѣ отыскать пригодныхъ лицъ по самомъ тщательномъ наблюденіи. Сверхъ того, въ чемъ будетъ происходить испытаніе подъ именемъ государственныхъ наукъ, будетъ въ рукахъ каждаго экзаменатора совершенно особымъ, личнымъ предметомъ. Требовать отъ экзаменующагося, чтобы онъ зналъ то, о чемъ его будетъ спрашивать подъ именемъ государственныхъ наукъ тотъ или другой профессоръ или членъ суда, это значило бы прилагать къ экзаменующимся совершенно случайную, несправедливую и невѣрную мѣрку. Государственныя науки — это такая неопредѣленная и колеблющаяся область, что было бы безконечно трудно найдти для испытанія этого рода даже и въ самомъ тѣсномъ кругу пригодныхъ экзаменаторовъ. Затѣмъ нельзя не подумать о молодыхъ людяхъ, которые къ этимъ предметамъ должны изучить для экзамена, производимаго въ одинъ и тотъ же срокъ. Чтобы достаточно углубиться въ каждую юридическія дисциплины, трехъ лѣтъ оказывается уже слишкомъ мало и они совершенно недостаточны для тѣхъ студентовъ, которые отбываютъ въ продолженіе года воинскую повинность. Полагаете ли вы, продолжалъ ораторъ, что въ два и много въ два съ четвертью года могутъ быть окончены спокойныя, зрѣлыя, направленныя не на одно только заучиванье формулъ, но на серьезное и осмысленное усвоеніе главныхъ предметовъ занятія? Если законодатель не можетъ рѣшиться предписать четырехлѣтній университетскій курсъ, какъ въ южно-германскихъ государствахъ, то будетъ ли разумно вписать въ одинъ и тотъ же законъ постановленіе о трехлѣтнемъ курсѣ и прибавить къ этому курсу совершенно неизмѣримую массу предметовъ, тогда какъ и одинъ изъ юридическихъ предметовъ нельзя ослить въ этотъ срокъ времени? Издавая подобный законъ, слѣдовало бы откровенно высказаться, что хотя мы знаемъ, что вообще, юристы едва въ состояніи усвоить себѣ въ три года сколько нибудь основательное юридическое образованіе, все-таки мы предписываемъ имъ ослить матеріалъ, который требуетъ еще по крайней мѣрѣ на половину столько же усилій. Хотя мы знаемъ, что и для собственно юридическихъ предметовъ мы не въ состояніи пріобрѣсти отличныхъ экзаменаторовъ, тѣмъ не менѣе мы хотимъ заставить тѣхъ же экзаменаторовъ экзаменовать въ предметахъ, которыхъ они и сами не знаютъ и, наконецъ, хотя мы знаемъ, что и безъ того уже экзамены загромождены матеріаломъ и при этой ихъ загромажденности нѣтъ твердаго и справедливаго, надежнаго мѣрила для экзаменующихся, тѣмъ не менѣе, мы хотимъ

Библиотека "Руниверс"

присоединить еще нѣчто туманное и неопредѣленное, для чего мы не имѣемъ уже никакого сколько нибудь вѣрнаго и справедливаго мѣрила. Если желательно побудить нашихъ юристовъ и нашихъ административныхъ чиновниковъ къ болѣе серьезному изученію государственнаго и административнаго права и государственныхъ наукъ, то лучше уже установить для того особое испытаніе, какъ было предложено прошлогоднею (1875 года) коммиссіей съ предоставленіемъ права подвергнуться этому испытанію, или тотчасъ же на слѣдующій день, или въ теченіи одного или даже и двухъ лѣтъ, или же наконецъ принять предложенный правительствомъ тентаменъ. Какъ для этого особаго испытанія, такъ и для юридическаго, есть только одинъ рѣшительный способъ улучшенія — это сколь можно болѣе тщательный выборъ членовъ экзаменаціонной коммиссіи, которые затѣмъ уже должны быть сколь можно рѣже смѣняемы. Затѣмъ необходимо, чтобы за этотъ тяжкій и отнимающій много времени трудъ, на который къ успѣху можно употреблять лишь малое число лицъ, было назначено сколько нибудь приличное вознагражденіе. При нынѣшней же системѣ и размѣрахъ вознагражденія, члены судовъ не могутъ смотрѣть на этотъ трудъ иначе, какъ на совершенно второстепенное и побочное занятіе. Малое число испытательныхъ коммиссій, сколь можно лучшій выборъ ихъ членовъ и приличное вознагражденіе ихъ за трудъ, вотъ условія, при которыхъ можно еще достигнуть значительныхъ улучшеній. Вписать же въ законъ, что отъ экзаменующихся должно разомъ требовать всего — это не только ничего не улучшитъ, но еще многое ухудшитъ. Это все равно, какъ, еслибы кто при спорѣ о гимназическомъ и реальномъ образованіи, сдѣлалъ такое предложеніе: заявите вашу любовь къ наукѣ, поставивши, что каждый молодой человѣкъ долженъ разомъ пройдти оба курса". Профессору Гнейсту возражалъ докладчикъ коммиссіи, профессоръ Нассе. Прежде всего онъ указалъ на то, что тѣ же самыя требованія, какія предположены коммиссіей и почти въ тѣхъ же словахъ предъявляются студентамъ-юристамъ во многихъ германскихъ государствахъ, какъ то: въ Баваріи, въ Саксоніи и въ Баденѣ, и они удовлетворяютъ этимъ требованіямъ. Нельзя же думать, чтобы прусскіе юристы были менѣе способны, нежели баварскіе и саксонскіе; но всякій, кто знакомъ съ положеніемъ прусскихъ университетовъ, знаетъ, что прусскіе студенты-юристы гораздо менѣе прилежны, чѣмъ медики или филологи. Затѣмъ профессоръ Нассе припомнилъ, какъ три года тому назадъ самъ же Гнейстъ настаивалъ на томъ, чтобы испытаніе богослововъ простиралось и на философію,

Библиотека "Руниверс"

и на политическую исторію, и на исторію литературы; теперь онъ утверждаетъ, что политическая экономія и т. д.—это такая неопредѣленная и туманная область, что на нея нельзя экзаменовать. Развѣ нельзя было бы того же сказать о философіи по отношенію къ богословамъ? Тогда Гнейстъ только подсмѣивался надъ тѣми, которые полагали, что богословамъ невозможно или слишкомъ трудно совершенно одолѣть всѣ эти предметы. Онъ говорилъ, что это—обычные вопросы, будто бы юношеству приходится слишкомъ много учиться, а впослѣдствіи оказывается, что это было дѣломъ возможнымъ, и всякій радуется, если ему пришлось многому научиться въ молодости. Между тѣмъ политическая экономія ничуть не менѣе близка и важна для настоящихъ юристовъ, чѣмъ философія или исторія литературы для богослововъ, и притомъ она нужна юристамъ столько же, сколько и будущимъ административнымъ чиновникамъ. Наши студенты, продолжалъ Насе, изучаютъ вексельное право и нерѣдко не имѣютъ понятія о томъ, что такое вексель, какое мѣсто его дѣлается употребленіе и какая его функція въ обыденной жизни. Гражданское право относится преимущественно къ хозяйственной жизни и едва ли полезно обращать исключительное вниманіе только на формальную сторону не касаясь содержанія этихъ понятій. Сверхъ того, юристы не остаются исключительно судьями, адвокатами и прокурорами, они становятся сначала юстиціаріями въ административныхъ вѣдомствахъ, а затѣмъ занимаютъ и чисто административныя должности. Въ университетѣ же никто не можетъ знать заранѣе, посвятитъ ли онъ себя судебной или административной карьерѣ, и хорошо, чтобы дѣленіе это не начиналось такъ рано. Все современное развитіе въ изученіи права направлено не столько на увеличеніе раздѣленія труда, сколько напротивъ на то, чтобы эти обѣ отрасли образованія не такъ рѣзко раздѣлялись, какъ было прежде. Въ Англіи, въ Голландіи и въ Бельгіи и даже въ Баваріи и Австріи не могли бы достаточно надивиться, что эти обѣ области такъ рѣзко разграничиваются, какъ это по преданію дѣлается въ Пруссіи. Если не ввести науку о народномъ и государственномъ хозяйствѣ въ составъ перваго юридическаго испытанія, то это значило бы вовсе исключить ихъ для будущихъ административныхъ чиновниковъ изъ круга университетскихъ ихъ занятій и предоставить дальнѣйшее ихъ изученіе въ качествѣ самоученья случайностямъ, а поэтому какъ въ интересахъ юридическаго, такъ и административнаго образованія необходимо принять предложенія комиссіи.

Библиотека "Руниверс"

Не смотря однако же на всѣ эти доводы профессора Виссе, палата депутатовъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ приняла предложеніе не коммиссіи, а Виндгорста, въ силу котораго для будущихъ административныхъ чиновниковъ установлено то же первое испытаніе, какое и для юристовъ на основаніи закона отъ 6-го мая 1869-го года. Такимъ образомъ, по первому законопроекту, какъ онъ былъ передѣланъ въ палатѣ депутатовъ, все университетское ученіе, первый государственный экзаменъ и первоначальная двухлѣтняя практика устанавливаются совершенно одинаково какъ для юристовъ, такъ и для будущихъ административныхъ чиновниковъ, и затѣмъ послѣдніе безъ всякаго дальнѣйшаго испытанія переходятъ къ двухлѣтней же административной практикѣ и только при второмъ высшемъ испытаніи должны показать впервые свои познанія не только въ дѣйствующемъ въ Пруссіи публичномъ и частномъ правѣ, но и въ правѣ конституціонномъ и административномъ и въ народнохозяйственной и финансовой политикѣ. Относительно этого второго экзамена коммиссія предложила, а палаты приняли лишь одну поправку, а именно въ законопроектѣ исключены слова, что экзаменъ этотъ долженъ имѣть существенно практическій характеръ. Въ виду того, что предметы этого второго испытанія опредѣлены со всею точностью, оговорка эта признана излишнею и даже способною имѣть вредное вліяніе въ томъ случаѣ, если бы испытательная коммиссія стала ограничивать свои требованія только практическими свѣдѣніями изъ области этихъ предметовъ, не требуя строго научныхъ познаній.

Затѣмъ какъ въ самой коммиссіи, такъ и въ обѣихъ палатахъ, былъ подробно обсуждаемъ вопросъ о томъ, какія изъятія могутъ быть допущены изъ постановленій этого закона при замѣщеніи нѣкоторыхъ высшихъ административныхъ должностей и въ томъ числѣ, въ особенности, должности ландрата. Какъ коммиссія, такъ и обѣ законодательныя палаты легко согласились между собою относительно довольно значительнаго расширенія круга дѣйствія новаго закона объ условіяхъ для достиженія административныхъ должностей, а именно не только члены правленія, какъ предполагалъ представленный правительствомъ законопроектъ, но и начальники отдѣленій правленія, а также и приномендированные къ оберъ-президентамъ провинцій и президентамъ высшіе чиновники, за исключеніемъ юстиціаріевъ и техниковъ по дѣламъ духовнымъ, училищнымъ, лѣснымъ, строительнымъ и медицинскимъ, а также и члены высшаго административнаго суда и окружныхъ административныхъ судовъ должны для занятія своихъ

Библиотека "Руниверс"

должностей пройдти весь путь, указанный въ новомъ законѣ, то-есть, по окончаніи полнаго гимназическаго курса пройдти трехлѣтній университетскій курсъ, изучая при этомъ правовѣденіе и государственныя науки, затѣмъ выдержать первое юридическое испытаніе, пройдти по меньшей мѣрѣ двухлѣтнюю судебную практику и столь же продолжительную административную, а затѣмъ выдержать установленный второй административный экзаменъ. Изъятія изъ этихъ требованій нѣкоторые члены полагали допустить только для замѣщенія одной изъ высшихъ государственныхъ должностей—оберъ-президентовъ провинцій, подчинивъ однако же этимъ требованіямъ президентовъ и вице-президентовъ правленій. Но большинство членовъ коммиссіи и затѣмъ самихъ палатъ присоединилось къ мнѣнію правительства, что президенты правленій не столько администраторы, сколько политическіе дѣятели, при выборѣ которыхъ правительству должна быть предоставлена полная свобода для того, чтобы оно могло назначать въ эти должности людей, пользующихся полнымъ его довѣріемъ. При томъ же положеніе этихъ должностныхъ лицъ столь высоко, что правительство всегда можетъ и будетъ назначать на нихъ только такихъ, которые уже доказали свою способность на дѣлѣ. Затѣмъ дѣлать въ этомъ отношеніи различіе между вице-президентами и президентами нѣтъ никакого основанія, ибо фактически первые почти всегда предсѣдательствуютъ въ правленіяхъ, и должность ихъ имѣетъ тѣмъ болѣе политическое значеніе, что обыкновенно на нихъ въ случаѣ надобности возлагается и замѣщеніе оберъ-президента провинціи. Что же касается до ландратовъ, то вопросъ о нихъ особенно долго обсуждался и въ той и другой палатѣ и неоднократно между ними возникали разногласія. Палата господъ въ засѣданіи 23-го іюня 1876 года пришла наконецъ, къ заключенію, что постановленія закона объ условіяхъ для достиженія высшихъ административныхъ должностей должны быть примѣняемы вообще и къ ландратамъ, но тѣ лица, которыя представляются для замѣщенія этой должности уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, признаются способными къ занятію оной и въ томъ случаѣ, если они выдержали второе юридическое испытаніе, или, если по выдержаніи перваго испытанія, прошли четырехлѣтнюю подготовительную службу при судахъ и при административныхъ учрежденіяхъ, или если и не выдержали перваго испытанія, но крайней мѣрѣ столько же времени занимали должности по общинному, уѣздному и провинціальному самоуправленію. Палата депутатовъ въ засѣданіи 28-го іюня 1876-го же года, послѣ продолжительныхъ преній, одобрила

Библиотека "Руниверс"

это рѣшеніе съ двумя поправками, изъ коихъ одна была потомъ принята и палатою господъ, другая же, предоставлявшая земскимъ собраніямъ избирать кандидатовъ на должность ландрата и не изъ числа мѣстныхъ жителей, была, согласно съ заявленіями министровъ, отвергнута палатою господъ.

Такимъ образомъ полное соглашеніе между обѣими палатами не было достигнуто. Не сверхъ того рѣшенія палатъ и въ другомъ отношеніи представляли нѣкоторыя неудобства съ правительственной точки зрѣнія.

Весьма значительное пониженіе въ требованіяхъ относительно научнаго образованія кандидатовъ на должность ландрата допущено, какъ мы видѣли, только для тѣхъ лицъ, которыя представляются къ этой должности самимъ земскимъ собраніемъ. Помимо же представленія земскихъ собраній никакія изъятія отъ предписаній предположеннаго закона не допущены. Это представляетъ существенную перемѣну сравнительно съ нынѣ дѣйствующимъ и утвержденнымъ королевскою властью регулативомъ относительно испытанія кандидатовъ на должность ландрата отъ 18-го мая 1838-го года. Требованія этого регулатива относительно научнаго образованія кандидатовъ вообще довольно неизменны, а именно всѣ тѣ, которые имѣютъ право быть избранными въ эту должность, то-есть, принадлежатъ къ болѣе или менѣе крупнымъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, должны только окончить полный курсъ гимназическій и представить свидѣтельство зрѣлости для университетскихъ занятій, чтобы затѣмъ президентъ правленія въ видахъ практической ихъ подготовки допустилъ ихъ къ служебной практикѣ какъ въ самомъ правленіи, такъ и въ особенности при какомъ либо дѣльномъ и опытномъ ландратѣ. Затѣмъ по пріобрѣтеніи надлежащаго навыка въ дѣлахъ, кандидатъ допускается къ письменному и устному испытанію въ особой коммиссіи изъ трехъ экзаменаторовъ, назначенныхъ президентомъ правленія изъ числа начальниковъ отдѣленій и старшихъ совѣтниковъ коллегіи и состоящихъ подъ его личнымъ предсѣдательствомъ. Письменныя испытательныя работы состоятъ: 1) въ письменныхъ отвѣтахъ на нѣсколько вопросовъ, относящихся къ такимъ предметамъ управленія, которые входятъ въ кругъ дѣятельности ландрата, при чемъ вопросы эти должны быть не столько теоретическаго, сколько и преимущественно практическаго свойства; 2) въ изложеніи, съ собственнымъ своимъ заключеніемъ, какого либо даннаго случая или же изъ предоставленныхъ кандидату должностныхъ бумагъ, и наконецъ, 3) въ исполненіи

Библиотека "Руниверс"

нашего либо мѣстнаго, нѣсколько труднаго и запутаннаго, поручаетъ ему по какому либо изъ подвѣдомственныхъ ландрату полицейскихъ, военныхъ, податныхъ или общинныхъ дѣлъ. Письменныя работы эти должны быть окончены по большей мѣрѣ въ трехнѣдѣльный срокъ, и подъ каждою изъ нихъ кандидатъ долженъ вмѣсто клятвы написать удостовѣреніе, что они исполнены имъ самимъ и безъ всякой посторонней помощи. При оцѣнкѣ этихъ работъ обращается вниманіе, въ какой степени кандидатъ обнаружилъ способность излагать предметы въ логическомъ порядкѣ, правильнымъ языкомъ и съ надлежащею ясностью, а также понимать ихъ съ правильной точки зрѣнія, вполнѣ обсуждать и надлежащимъ образомъ подготовлять для разрѣшенія высшими инстанціями. Устное испытаніе точно также ограничивается кругомъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію ландрата и должно быть ведено сколь можно болѣе практически. Рядомъ съ пріобрѣтеннымъ кандидатомъ познаніемъ должны быть испытываемы природныя его способности, его умѣнье опредѣленно, ясно и для каждаго удобопонятно выражаться на нѣмецкомъ языкѣ о дѣловыхъ предметахъ, и примѣнять данныя предписанія къ болѣе затруднительнымъ спеціальнымъ случаямъ изъ служебной практики. Сверхъ того испытывается, въ какой мѣрѣ кандидатъ знакомъ съ общимъ положеніемъ и мѣстными условіями того уѣзда, въ которомъ онъ предназначается къ исполненію должности ландрата. Въ томъ случаѣ, если въ этомъ уѣздѣ или въ прилежащихъ къ нему мѣстностяхъ употребителенъ какой либо особый мѣстный языкъ (польскій, литовскій или французскій), кандидатъ испытывается и въ знаніи этого языка, которымъ онъ долженъ владѣть настолько, чтобы не только понимать его, но и довольно легко говорить и писать на немъ. Вирочемъ королевской власти предоставляется освобождать кандидатовъ на должность ландрата и отъ этого чисто практическаго экзамена.

Но въ теченіи 40-лѣтняго періода должность ландрата пріобрѣла несравненно большее значеніе, чѣмъ какое она имѣла въ пору изданія этого регулатива. По мнѣнію коммиссіи, она имѣетъ въ настоящее время для всего государственнаго управленія несравненно большую важность, чѣмъ даже должность члена правленія. Ландратъ является въ уѣздѣ съ одной стороны представителемъ правительства и состоящимъ на жалованьи чиновникомъ, а съ другой предсѣдателемъ уѣзднаго земскаго собранія (Kreistag) и уѣздной земской управы (Kreisausschuss), которая въ свою очередь имѣетъ въ настоящее время значеніе административнаго суда первой инстанціи, а потому отъ ланд-

Библиотека "Руниверс"

рата необходимо требовать знанія права и вообще юридическаго образованія. Недостатокъ этого образованія въ нѣкоторыхъ ландратахъ уже не разъ подавалъ поводъ къ жалобамъ, особенно же въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, на преобладающее вліяніе въ такихъ случаяхъ уѣзднаго секретаря. Всѣ эти соображенія побудили коммиссію и обѣ палаты требовать въ видѣ общаго правила такой же подготовки научной и практической отъ ландратовъ, какая требуется вообще для занятія высшихъ административныхъ должностей, и допустить облегчительныя условія лишь для тѣхъ кандидатовъ, которые будутъ предлагаемы на должность ландрата самимъ земскимъ собраніемъ.

При обсужденіи этого предмета, какъ въ коммиссіи, такъ и въ палатахъ, правительство заявило, что оно не усматриваетъ надобности измѣнять существующія нынѣ условія для замѣщенія должности ландрата и полагаетъ, что регулятивъ 13-го мая 1833 года выдержалъ вполнѣ пробу времени. Впрочемъ и оно признавало нормальнымъ порядкомъ, чтобы на эту должность были назначаемы только такіе кандидаты, которые выдержали высшій государственный экзаменъ административный или юридическій; но оно не считало допустить никакого стѣсненія при замѣщеніи этихъ должностей ни для уѣздныхъ земскихъ собраній, ни для королевской власти. Впрочемъ оно указывало, что уже и теперь значительная часть ландратовъ удовлетворяютъ всѣмъ условіямъ для занятія высшихъ административныхъ или судебныхъ должностей. Такъ, съ 1-го января 1865 года по 1875 г. было вновь опредѣлено на должность ландрата 321 лицо, и изъ нихъ выдержавшихъ высшій административный экзаменъ было 213 или 66,4%, выдержавшихъ высшій юридическій экзаменъ — 25, или 7,8%, прежнихъ референдаріевъ, то-есть, окончившихъ университетскій курсъ и выдержавшихъ первый юридическій экзаменъ — 32, или 10%, всего же съ университетскимъ образованіемъ и выдержавшихъ первый юридическій экзаменъ 270, или 84,4%, а не доказавшихъ этой степени образованія всего 51, или 15,6%.

Такъ какъ по вопросу о ландратахъ не послѣдовало полнаго соглашенія ни между правительствомъ и законодательными палатами, ни между сими палатами, то и выработанный сими послѣдними съ такими усиліями законопроектъ не получилъ и до сихъ поръ еще королевскаго утвержденія, и покамѣстъ все осталось по старому. Тѣмъ не менѣе происходившія по этому поводу пренія представляютъ довольно значительный для насъ интересъ въ томъ отношеніи, что во

Библиотека "Руниверс"

все ихъ продолженіе и не смотря на существенные недостатки прусскихъ экзаменовъ на административныя должности, противъ самаго принципа государственныхъ экзаменовъ не было подано ни одного голоса, и обнаружилось даже, что значительное большинство считаетъ строго юридическое образованіе самымъ необходимымъ условіемъ для всякой высшей административной службы, хотя бы даже пріобрѣтеніе его и значительной мѣрѣ стѣсняло изученіе политико-административныхъ наукъ. Съ прусской точки зрѣнія то преобладающее значеніе, какое имѣютъ эти послѣднія науки въ нашихъ юридическихъ факультетахъ надъ ними юридическими дисциплинами, было бы вопіющимъ недостаткомъ.

Какъ мы видѣли, болѣе или менѣе та же точка зрѣнія господствуетъ не только въ Баваріи, гдѣ вовсе нѣтъ никакихъ особыхъ экзаменовъ на административныя должности, а установлены одни и тѣ же условія для достиженія какъ юридическихъ, такъ и административныхъ должностей, но и въ Саксоніи и въ Австріи, гдѣ отъ кандидатовъ на тѣ и другія должности требуется по крайней мѣрѣ одно и то же научное образованіе и первый юридическій экзаменъ открываетъ доступъ равно и къ судебной, и къ административной карьерѣ. Въ Саксоніи, какъ уже было прежде сказано, кандидатамъ на административныя должности предоставляется проходить и подготовительную службу при судахъ. Тѣ же изъ нихъ, которые пожелаютъ раньше ознакомиться съ административною практикой, должны во всякомъ случаѣ одинъ годъ прослужить при судѣ первой инстанціи, а затѣмъ выдержать особое испытаніе для допущенія къ приготовительной административной службѣ (такъ называемое Accessprüfung). Испытаніе это производится при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ самого министра или лица, заступающаго по его порученію его мѣсто, коммиссіею, состоящею изъ трехъ и до пяти членовъ, которыхъ министръ избираетъ изъ числа совѣтниковъ министерства и къ которымъ министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій присоединяетъ своего депутата, также изъ числа членовъ совѣта ввѣреннаго ему министерства. Предметами испытанія служатъ: 1) общее германское и саксонское государственное право; 2) международное право; 3) политика; 4) наука о полиціи; 5) всеобщее и саксонское административное право; 6) статистика; 7) наука о финансахъ; 8) политическая экономія; 9) технологія и 10) сельское хозяйство и лѣсоводство; но по всѣмъ этимъ десяти предметамъ для письменной обработки предлагается лишь одна тема,

Библиотека "Руниверс"

при чемъ принимаются во вниманіе прежнія научныя занятія и ходъ образованія кандидата. Устное же испытаніе ограничивается устнымъ докладомъ передъ испытательною коммиссіей какого-либо административнаго или административно-судебнаго дѣла, при чемъ обсуждаются кандидатомъ всѣ приложимые къ дѣлу теоретическіе вопросы, а затѣмъ предлагается ему письменно изложить и мотивировать вопросительно принятыя рѣшенія. Выдержавшій это испытаніе кандидатъ допускается на два года къ административной практикѣ, а по окончаніи оной и къ формальному экзамену предъ вышеозначенною коммиссіей. Къ этому же экзамену по прошествіи трехлѣтней судебной практики могутъ быть допущены и юристы. Этотъ второй экзаменъ собственно на административныя должности имѣетъ чисто практическій характеръ и заключается преимущественно въ письменномъ испытаніи. Для письменной обработки предлагаются случаи и задачи изъ области административнаго права и высшей администраціи на основаніи текущихъ или уже оконченныхъ дѣлъ. Испытательная коммиссія (въ томъ же составѣ какой обозначенъ выше) при этомъ опредѣляетъ, должны ли эти письменныя работы имѣть форму докладной записки съ присоединеніемъ заключенія, или форму административнаго предписанія съ изложеніемъ всѣхъ основаній принятаго рѣшенія или же какую либо иную дѣловую форму. Обыкновенно такихъ задачъ предлагается двѣ. Въ случаѣ невыдержанія этого экзамена отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ зависитъ допустить кандидата, въ видѣ исключенія изъ правила, ко вторичному испытанію по прошествіи по крайней мѣрѣ одного года.

Въ Баденѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, существуетъ особое испытаніе на должности по финансовому управленію, дѣло ограничивается лишь однимъ вышеописаннымъ испытаніемъ, а затѣмъ право на окончательное опредѣленіе въ должность пріобрѣтается обыкновенно двухгодичною служебною практикою при провинціальныхъ финансовыхъ установленіяхъ.

Въ Виртембергѣ какъ референдаріусы, такъ и камералисты, по выдержаніи первыхъ установленнаго для каждой изъ этихъ категорій особаго государственнаго экзамена, проходятъ подготовительную службу только въ продолженіе одного года, при чемъ первые восемь мѣсяцевъ при какомъ-либо провинціальномъ установленіи, а послѣдніе 4 мѣсяца въ одномъ изъ коллегіальныхъ учрежденій департамента финансовъ или внутреннихъ дѣлъ. Послѣ того они приступаютъ ко второму, высшему, испытанію въ коммиссіи, состоящей подъ

Библиотека "Руниверс"

предсѣдательствомъ главнаго начальника департамента изъ назначенныхъ имъ членовъ. Испытаніе производится дважды въ годъ въ Штутгартѣ изъ тѣхъ же предметовъ, изъ которыхъ производился и первый экзаменъ. Въ виду существованія въ Вюртембергѣ особыхъ испытаній для юристовъ, ревизионалистовъ и камералистовъ, понадобились особыя постановленія для облегченія перехода на службу изъ одного вѣдомства въ другое. Выдержаніе только перваго испытанія по какому либо вѣдомству подвергается первому же испытанію по другому вѣдомству лишь изъ особыхъ предметовъ этого испытанія; обнаруженныя же ими прежде познанія въ предметахъ общихъ обоимъ испытаніямъ имъ засчитываются при новомъ испытаніи. Кандидаты, которые получили свидѣтельство первой или второй степени на первомъ испытаніи по какому либо изъ трехъ вѣдомствъ и сверхъ того прослужили по оному одинъ пробный годъ, допускаются прямо ко второму высшему испытанію по другому вѣдомству, минуя первое испытаніе, равно какъ и тѣ, которые выдержали и первое и второе высшія испытанія по одному вѣдомству могутъ приступить прямо ко второму высшему испытанію по другому, при чемъ сверхъ того отъ нихъ не требуется дальнѣйшей пробной службы.

Наконецъ, въ Австріи выдержаніе раздѣленнаго на три части (историко-юридическую, политико-административную и собственно судебную) перваго государственнаго юридическаго экзамена открываетъ доступъ ко всѣмъ юридическимъ и административнымъ должностямъ. Второму же экзамену предшествуетъ обыкновенно служебная практика при соотвѣтственныхъ установленіяхъ по меньшей мѣрѣ въ продолженіе одного года. Только одобрительное свидѣтельство о прилежаніи кандидата во время этой служебной практики, его способностяхъ и его поведеніи въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ, выданное отъ соотвѣтственнаго начальства, даетъ ему право приступить ко второму собственно практическому испытанію. Испытаніе это бываетъ письменное, клаузурное, для нѣсколькихъ кандидатовъ вмѣстѣ, и устное, и производится коммиссіями при соотвѣтственныхъ установленіяхъ. По министерству внутреннихъ дѣлъ письменное испытаніе заключается, по назначеніи испытательной коммиссіи, въ составленіи доклада для высшей инстанціи, въ рѣшеніи какихъ либо спорныхъ дѣлъ политическаго характера, или въ письменномъ разрѣшеніи нѣсколькихъ вопросовъ изъ различныхъ отраслей политическаго управленія. На эти письменныя работы назначается по большей мѣрѣ 8 часовъ времени. Устному испытанію каждый кан-

Библиотека "Руниверс"

дидатъ подвергается по одиночкѣ въ продолженіе двухъ часовъ, при чемъ отъ него требуется основательное знаніе существующихъ учрежденій, необходимыхъ для политическаго чиновника во всѣхъ отрасляхъ его службы законовъ и распоряженій, организаціи и дѣлопроизводства политическихъ учрежденій. Такого же рода испытаніе установлено и по министерству финансовъ, при чемъ предметами испытанія служатъ всѣ отрасли государственныхъ доходовъ и относящіеся къ нимъ учрежденія и вниманію основные законы, затѣмъ кредитныя государственныя учрежденія, тѣ промышленные и торговые уставы, которые состоятъ въ связи съ таможенными дѣлами, устройство государственнаго казначейства и государственнаго счетоводства, организація всѣхъ финансовыхъ установленій и т. д. Наконецъ, желающіе посвятить себя службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ или при одномъ изъ австрійскихъ посольствъ за границей обязаны, кромѣ общаго для всѣхъ кандидатовъ на административныя и судебныя должности юридическаго экзамена, подвергнуться еще особому такъ называемому дипломатическому испытанію. Испытаніе это производится въ особой коммиссіи по назначенію министра иностранныхъ дѣлъ, состоящей, подъ предсѣдательствомъ одного изъ высшихъ чиновниковъ министерства, изъ двухъ членовъ. Послѣдніе могутъ быть назначены какъ изъ чиновниковъ министерства, такъ и изъ профессоровъ, докторовъ правъ или другихъ ученыхъ спеціалистовъ. Каждый изъ членовъ коммиссіи, въ томъ числѣ и предсѣдатель, имѣетъ право предлагать экзаменующемуся вопросы. Экзаменъ раздѣляется на письменное и устное испытаніе. Какое изъ нихъ должно предшествовать, это опредѣляется самою коммиссіей. Но промежутокъ между ними не долженъ быть болѣе какъ въ 14 дней. При устномъ испытаніи предлагаются вопросы: 1) изъ всей области международнаго права, при чемъ преимущественно принимаются во вниманіе особенности международнаго положенія Австріи; 2) изъ дипломатической исторіи государствъ, начиная съ Вестфальскаго мира и до новѣйшаго времени, съ анализомъ болѣе значительныхъ европейскихъ и въ особенности австрійскихъ договоровъ и изъ частнаго гражданскаго международнаго права, насколько постановленія его относятся къ австрійскимъ подданнымъ, проживающимъ за границей, или къ иностраннымъ подданнымъ, проживающимъ въ предѣлахъ Австріи. Прежде важною составною частью этого экзамена было сверхъ того германское сословное право, которое въ настоящее время представляетъ только историческій интересъ. По меньшей мѣрѣ одинъ изъ этихъ

Библиотека "Руниверс"

вопросовъ долженъ быть предложенъ и разрѣшенъ на французскомъ языкѣ точно такъ же, какъ и одна изъ письменныхъ работъ должна быть исполнена на этомъ же языкѣ. При письменномъ испытаніи, каждый изъ членовъ комиссіи предлагаетъ кандидатамъ вопросъ по одному изъ назначенныхъ предметовъ. На исполненіе каждой письменной работы назначается время отъ 9-ти часовъ утра до большей мѣрѣ до 6-ти часовъ вечера подъ постояннымъ наблюденіемъ. Никакія пособія при этомъ не дозволяются кромѣ словарей и нѣкоторыхъ сборниковъ законовъ. Въ 6 часовъ вечера работы, все равно, окончены ли онѣ или не окончены, должны быть сданы наблюдателю, который подлинность ихъ свидѣтельствуетъ своею подписью. Немедленно по окончаніи обоихъ испытаній члены комиссіи на основаніи всѣхъ письменныхъ работъ кандидата, такъ и своихъ замѣчаній объ устныхъ его отвѣтахъ, рѣшаютъ вопросъ о его способности къ дипломатической службѣ, причемъ принимаются во вниманіе обнаруженныя имъ практическія и теоретическія познанія, сила сужденія и разумѣнія и достоинство какъ устнаго, такъ и письменнаго изложенія. Единогласное или принятое по большинству голосовъ рѣшеніе комиссіи съ приложеніемъ письменныхъ работъ и особыхъ мнѣній представляется министру, который, въ случаѣ одобренія кандидата, постановляетъ окончательное рѣшеніе о томъ, заслуживаетъ ли кандидатъ, чтобъ ему было выдано свидѣтельство о его пригодности для дипломатической службы. Въ случаѣ неуспѣшнаго экзамена министръ, по особо уважительнымъ причинамъ, можетъ назначить вторичное испытаніе черезъ извѣстный срокъ времени.

Сообразивъ все вышеизложенное, мы приходимъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ.

1) Принципъ государственныхъ экзаменовъ на судебныя и административныя должности вездѣ въ Германіи и Австріи укоренился такъ твердо, и признается настолько благотворнымъ и необходимымъ, что не подвергается въ настоящее время ни малѣйшему колебанію даже и въ тѣхъ случаяхъ, если сами экзаменаціонные порядки оказываются весьма неудовлетворительными.

2) За весьма немногими исключеніями вездѣ существуютъ два послѣдовательныхъ испытанія: первое по преимуществу теоретическое и научное, второе по преимуществу практическое, въ духѣ служебной практики.

3) Теоретическое, научное испытаніе признается за лучшее производить тотчасъ же по окончаніи университетскаго курса и притомъ

Библиотека "Руниверс"

ранѣе двухъ предметовъ испытанія. Впрочемъ, въ томъ случаѣ, если университетскій курсъ установленъ болѣе продолжительный, напримѣръ, четырехлѣтній, многимъ признается полезнымъ произвести полукурсовый экзаменъ, по тѣмъ изъ основныхъ предметовъ, изученіе которыхъ оказывается необходимымъ для дальнѣйшихъ правильныхъ научныхъ занятій (въ данномъ случаѣ, изъ римскаго права и его исторіи, изъ гражданскаго права и политической экономіи). Цѣлаго собственно научные экзамены не должны быть отсрочиваемы на болѣе или менѣе продолжительное время, посвященное служебной практикѣ.

4) Существеннымъ основаніемъ для всей дальнѣйшей какъ судебной, такъ и административной дѣятельности, почти всѣми признается строго-юридическое образованіе, которое и должно быть доказано на первомъ экзаменѣ, и порядки, которые въ этомъ отношеніи господствуютъ въ Виртембергѣ и отчасти въ Баденѣ и Гессенѣ, вообще далеко и въ этихъ странахъ не признаются заслуживающими одобренія или подражанія. Не полагая въ основу строго-юридическое образованіе, мнѣніе признаетъ полезнымъ какъ для будущихъ судей, такъ и въ особенности для будущихъ администраторовъ, пополненіе его нѣкоторыхъ областей государствовѣдѣнія и политической экономіи, съ тѣмъ, чтобы предметы эти входили также въ составъ перваго теоретическаго испытанія, особенно на тотъ случай, если университетскій курсъ установленъ четырехлѣтній; иначе же предметы эти приходится по необходимости отнести ко второму экзамену на административныя должности.

5) Второе собственно практическое испытаніе вездѣ производится при соотвѣтственныхъ вѣдомствахъ и коммиссіями изъ нихъ назначенія и изъ числа ихъ должностныхъ лицъ, съ нѣкоторымъ лишь участіемъ въ нѣкоторыхъ странахъ членовъ отъ министерства народнаго просвѣщенія. Но первое испытаніе, какъ имѣющее характеръ исключительно теоретическій и научный, только тогда производится тамъ, гдѣ оно, или исключительно, или наиболѣе находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и гдѣ отъ него болѣе или менѣе зависитъ выборъ членовъ испытательныхъ коммиссій.

6) Составъ испытательныхъ коммиссій для перваго теоретическаго экзамена имѣетъ первенствующее значеніе. Для обезпеченія хорошаго состава экзаменаторовъ необходимо: а) чтобы число этихъ коммиссій было по возможности ограничено, и б) чтобы трудъ каждаго экзаменатора надлежащимъ образомъ былъ вознаграждаемъ.

Библиотека "Руниверс"

Искусство экзаменовать, по справедливому замѣчанію профессора Гнейста, не можетъ считаться непремѣнною принадлежностью какого-либо класса людей или какого-либо особаго званія. Имъ могутъ обладать въ равной мѣрѣ и въ равной мѣрѣ могутъ быть его лишены и люди науки—университетскіе профессора, и люди практики — должностныя лица соотвѣтственныхъ вѣдомствъ, при чемъ послѣднія могутъ быть вообще назначаемы въ экзаменаторы только въ томъ случаѣ, если несомнѣнно обладаютъ соотвѣтственнымъ научнымъ образованіемъ. Систематическое устраненіе профессоровъ отъ производства перваго государственнаго экзамена, чего такъ долго придерживались въ Пруссіи всѣ министерства, за исключеніемъ, конечно, министерства народнаго просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ, можетъ имѣть только вредныя послѣдствія. По сужденію многихъ компетентныхъ и безпристрастныхъ лицъ, каковъ, напримѣръ, профессоръ Нассе, наилучшіе результаты даютъ смѣшанныя комиссіи изъ людей науки и изъ научно-образованныхъ людей практики, такъ какъ лица этихъ двухъ различныхъ категорій взаимно восполняютъ другъ друга, оберегаютъ производство экзамена отъ всякой односторонности и представляютъ достаточно ручательствъ относительно правильнаго во всѣхъ отношеніяхъ веденія дѣла.

7) Пробная, подготовительная служба вездѣ считается необходимымъ условіемъ для пріобрѣтенія права на занятіе высшихъ судебныхъ и административныхъ должностей. Вездѣ также она предшествуетъ второму, высшему государственному экзамену, который считается необходимымъ для повѣрки практическихъ познаній и научно-практическаго образованія, пріобрѣтенныхъ кандидатомъ во время подготовительной его службы. Въ Пруссіи признается наибольшее значеніе этой подготовительной службѣ, и на нее опредѣленъ наибольшій (четырехлѣтній) срокъ. Тщательному веденію этого дѣла практической подготовки будущихъ должностныхъ лицъ Пруссія, быть можетъ, наиболѣе обязана дѣльностью своихъ чиновниковъ въ судебномъ и административныхъ вѣдомствахъ и тою строгою послѣдовательностью, какою эти вѣдомства вообще отличаются въ своей дѣятельности.

А. Гогрѣевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности Московскаго университета въ 1877 году: малый составъ преподавателей, вакантныя каѳедры; мѣры для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и контроль надъ занятіями ихъ; темы для соисканія наградъ медалями; ученые кружки слушающихъ и читающихъ преподавателями публичныя лекціи; испытанія на ученыя степени и разныя званія; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; ученыя общества при университетѣ.

Въ Московскомъ университетѣ состояло въ 1877 году, сверхъ ординарнаго профессора православнаго богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ — 7, экстра-ординарныхъ — 2, доцентовъ — 6; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ — 13, экстра-ординарныхъ — 2, доцентовъ — 5; въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ — 7, доцентовъ — 7; въ медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ — 13, экстра-ординарныхъ — 6, доцентовъ — 10; прозекторовъ — 2, помощниковъ прозекторовъ — 3, астрономъ-наблюдатель — 1, лекторовъ — 4; всего — 86 преподавателей, въ томъ числѣ: ординарныхъ профессоровъ — 40, экстра-ординарныхъ — 10, доцентовъ — 26, прозекторовъ — 2, помощниковъ прозекторовъ — 3, астрономъ-наблюдатель — 1, лекторовъ — 4. Привать-доцентовъ состояло — 14, именно: по предмету ученія о накожныхъ болѣзняхъ — 2, по сифилитическимъ болѣзнямъ — 1, по женскимъ болѣзнямъ — 1, по сравнительной эмбріологіи — 1, по оперативной хирургіи — 2, по предмету ученія объ акушерскихъ операціяхъ — 1, по общей терапіи — 1, по акушерству и ученію о женскихъ болѣзняхъ — 1, по мифологіи въ примѣненіи къ научной медицинѣ — 1, по офтальміатріи — 1, по электротерапіи — 2. Сверхъ того состояли сторонними преподавателями кандидаты: Зубковъ — греческаго языка, Виноградовъ — исторіи среднихъ вѣковъ, Нер-

Библиотека "Руниверс"

сессовъ — торговаго права, Казанковъ — уголовнаго права, и Муравьевъ — уголовнаго судопроизводства. Изъ опредѣленныхъ дѣйствующимъ университетскимъ уставомъ каѳедръ оставались незамѣщенными двѣ, именно: исторіи славянскихъ законодательствъ и исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ служили практическія занятія въ учрежденныхъ при университетѣ семинаріяхъ, заключавшіяся въ слѣдующемъ: на историко-филологическомъ факультетѣ: по латинскому языку читались избранныя эпиграммы изъ 1-й книги Марціала. Пособіями для объясненій и перевода служили изданія Шнейдевина и Лемера. Очередной изъ членовъ семинаріи изготовлялъ письменный рефератъ, состоявшій изъ: а) введенія съ краткимъ изложеніемъ содержанія читаемой эпиграммы; б) объясненія связи мыслей и отдѣльныхъ выраженій съ точки зрѣнія критики текста и толкованія смысла; в) возможно-чистаго и близкаго перевода на русскій языкъ, и г) заключенія, гдѣ излагалось сужденіе объ относительномъ эстетическомъ значеніи прочитаннаго стихотворенія. Въ засѣданіи семинаріи другіе члены, кандидаты и сторонніе предлагали свои замѣчанія по поводу объясненій референта или исполненнаго имъ русскаго перевода, и референтъ или соглашался на нихъ, или отстаивалъ свои мнѣнія. Руководитель направлялъ пренія, поддерживалъ ихъ, слегка представляя нѣсколько своихъ соображеній въ пользу и противъ которой либо изъ сторонъ, и заботился, чтобы въ рѣшеніи каждаго изъ возникавшихъ вопросовъ принимали участіе сколь возможно болѣе лицъ. По греческому языку читаемы были элегики и эмбографы тѣмъ же способомъ, какъ и по латинскому, но пренія происходили по-латыни. По исторіи русскаго языка и литературы г. студенты занимались составленіемъ рефератовъ, по рукописямъ и указаннымъ профессоромъ пособіямъ, на слѣдующія темы: а) „Палея", б) „Стоглавъ", в) „Факецій" и г) „Литературныя вліянія на нѣкоторыя изъ русскихъ сказокъ" и сверхъ того разбирали, со стороны языка и содержанія, лѣтопись по Лаврентьевскому списку, руководствуясь фото-литографическимъ изданіемъ археографической коммиссіи. По славянскимъ нарѣчіямъ, въ первомъ полугодіи студенты отдѣленія славяно-русской филологіи продолжали практическія занятія, начатыя во второмъ полугодіи 1876 года, причемъ нарѣчіе древнечешское (легенды о св. Екатеринѣ) было замѣнено литературнымъ ново-чешскимъ языкомъ избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій Палацкаго и Гавлинка. По языкамъ сербскому и польскому предметомъ практи-

Библиотека "Руниверс"

ческихъ занятій были избранныя пѣсни изъ сборника В. Караджича и „Сатиръ" Кохановскаго. Къ экзамену были представлены письменные переводы изъ числа студентовъ отдѣленія: двумя — по языку сербскому, пятью — по языку чешскому и четырьмя — по языку польскому. По исторіи всеобщей литературы читались четыре первыя пѣсни Дантова „Ада" въ изданіяхъ Витта и Скартаццини. По всеобщей исторіи, студенты историческаго отдѣленія IV курса и студенты, участвовавшіе не менѣе двухъ лѣтъ въ исторической семинаріи, занимались письменными рефератами о различныхъ литературныхъ памятникахъ, относящихся къ исторіи XVIII вѣка, и разборомъ этихъ рефератовъ; студенты, принимавшіе не менѣе одного года участіе въ семинаріи, занимались устнымъ и письменнымъ разборомъ различныхъ мѣстъ сочиненія Азаревича „Патриціи и плебеи"; наконецъ студенты, еще не принимавшіе участія въ семинаріи, разбирали первыя двѣ книги „Исторіи" Ливія и изучали въ связи съ этимъ политическія учрежденія въ древнемъ Римѣ, что служило основаніемъ для письменныхъ работъ. По русской исторіи въ первомъ полугодіи читалось Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, и участвовавшій въ семинаріи студентъ представилъ сочиненіе по этому предмету; во второмъ полугодіи предметомъ занятій былъ разборъ Галицко-волынской лѣтописи и Русской Правды всѣхъ трехъ редакцій. На юридическомъ факультетѣ въ первые четыре мѣсяца студенты имѣли, подъ руководствомъ профессора Карасевича, слѣдующія практическія занятія, которымъ посвящено было 30 часовъ. На заданныя профессоромъ темы, съ указаніемъ пособій, были представлены рефераты, содержаніе которыхъ излагалось въ аудиторіи тѣмъ или другимъ референтомъ и обсуждалось другими студентами, готовившимися по этой же темѣ или интересовавшимися тѣмъ или другимъ вопросомъ. Въ заключеніе профессоръ дѣлалъ свои замѣчанія о содержаніи реферата и правильности усвоенныхъ референтомъ мыслей, а также высказанныхъ другими мнѣній, и развивалъ положенія, считавшіяся имъ правильными и обоснованными. Активное участіе въ этихъ занятіяхъ за все означенное время принимали 79 человѣкъ, прочитано и обсуждено 23 реферата. Содержаніе ихъ относилось къ слѣдующимъ предметамъ: объ естественномъ правѣ съ точки зрѣнія матеріалистовъ, позитивистовъ, дарвинистовъ и утилитаристовъ; о происхожденіи права по ученію Поста и представителей исторической школы; о борьбѣ за право съ точки зрѣнія Іеринга; объ обычномъ правѣ, объ условіяхъ возникновенія и проявленія воли по отношенію къ праву и кодифи-

Библиотека "Руниверс"

каѳедр и ея вліяніе на науки права и законодательства; объ идеѣ долга и понятіяхъ добра и зла; о нравственномъ законѣ, о нравственной отвѣтственности и правѣ наказанія, о религіозномъ элементѣ въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ, о юридическомъ положеніи имѣющихъ крѣпостныхъ передъ отмѣною крѣпостнаго права; объ обществѣ, его элементахъ и законахъ; о происхожденіи и будущности общества по теоріи эволюціонистовъ, объ идеѣ соціальнаго прогресса, о семействѣ, обществѣ и государствѣ; о первобытныхъ формахъ брака и семейнаго союза; о религіозныхъ, нравственныхъ и юридическихъ воззрѣніяхъ первобытныхъ народовъ. На физико-математическомъ факультетѣ семинаріи занимались практическими занятіями студентовъ въ химической лабораторіи, зоологическомъ музеѣ, ботаническомъ саду и ботаническомъ кабинетѣ. На медицинскомъ факультетѣ студенты ежедневно были заняты на многочисленныхъ лекціяхъ, которыя въ нѣкоторыхъ курсахъ продолжались отъ 8 часовъ утра до 3 часовъ пополудни, и занимались практически въ часы свободные отъ лекцій, показанныхъ въ росписаніи, въ химической и фармацевтической лабораторіяхъ и въ ботаническомъ саду. Профессоръ медицинской химіи руководилъ студентовъ въ производствѣ зоологическихъ изслѣдованій. Въ анатомическихъ театрахъ студенты раздѣлялись группы съ цѣлію изученія нормальной, хирургической и патологической анатоміи и судебной медицины; здѣсь упражнялись въ производствѣ операцій на трупахъ и изучали практически общую патологію. Въ кабинетахъ эмбріологическомъ и гистологическомъ, въ анатомо-патологическомъ театрѣ студенты занимались практическимъ изученіемъ физіологіи и гистологіи нормальной и патологической. Въ клиникахъ же писали исторіи болѣзней, на основаніи собственнаго изслѣдованія больныхъ, а въ случаѣ нужды сами производили термометрическія, химическія и микроскопическія опредѣленія. Профессору судебной медицины студенты представляли протоколы судебно-медицинскихъ изслѣдованій. Профессоръ Клейнъ, въ виду могущаго быть ускореннаго выпуска студентовъ V курса медицинскаго факультета и съ цѣлію возможно-полнаго ознакомленія этихъ студентовъ съ патологическою анатоміею и патологическою гистологіею, въ первомъ полугодіи 1877—1878 академическаго года велъ практическія занятія съ желающими изъ студентовъ V курса въ праздничные и воскресные дни отъ 1 до 3 часовъ пополудни.

Для поощренія наградъ медалями предложены были студентамъ слѣдующія темы: въ историко-филологическомъ факультетѣ—„Собра-

Библиотека "Руниверс"

ніе и критическій разборъ мнѣній древнихъ ритеровъ о языкѣ и стилѣ Геродота"; „Критическое обозрѣніе русскихъ источниковъ для исторіи Литовскаго княжества отъ древнѣйшихъ временъ до Люблинской уніи" и „Склоненіе именъ въ гомерическомъ языкѣ"; въ физико-математическомъ — „Объ ударѣ твердыхъ тѣлъ"; „Изучить строеніе и превращеніе какой либо формы мѣстныхъ насѣкомыхъ методомъ разрѣзовъ по преимуществу" и „Исторія развитія зародыша у явно-брачныхъ"; въ юридическомъ — „Сравненіе ученія Аристотеля съ ученіемъ Платона о воспитаніи, какъ предметѣ политики"; въ медицинскомъ — „Значеніе сосудодвигательныхъ нервовъ въ распредѣленіи крови" и „О свертываніи крови". За представленныя на заданныя темы сочиненія награждены медалями: золотыми: кандидаты по отдѣленію математическихъ наукъ выпуска 1877 года Сергѣй Макаровъ и Ѳедоръ Сиговъ, студенты IV курса по отдѣленію естественныхъ наукъ Михаилъ Меншбиръ и Владиміръ Бѣляевъ и того же курса медицинскаго факультета Иванъ Кацауровъ; серебряными: студенты IV курса: историко-филологическаго факультета — Иванъ Харахоркинъ, физико-математическаго — Сергѣй Басакиновъ и Николай Делоне, медицинскаго: III курса — Александръ Бѣлопольскій и V-го курса — Леонидъ Орловъ. Сверхъ того студенту III курса историко-филологическаго факультета Михаилу Великанову, за представленное имъ сочиненіе „Русскіе сатирическіе журналы", присуждена премія имени Н. В. Исакова, а студенты того же факультета: I-го курса — Алексѣй Дуговъ и II-го курса — Василій Никифоровъ и студентъ лицея Цесаревича Николая, Николай Фохтъ, за особые успѣхи въ древнихъ языкахъ, удостоены каждый половинной филологической преміи.

Въ 1877 году преподаватели университета и другія служащія при ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе ученo-литературные труды: ординарные профессоры: протоіерей Сергіевскій — напечаталъ въ Православномъ Обозрѣніи нѣсколько проповѣдей, говоренныхъ въ университетской церкви; Поповъ — напечаталъ статьи: въ Сборникѣ Древняя и Новая Россія — „Осипъ Андреевичъ Бежецкій, эпизодъ изъ исторіи общественныхъ нравовъ Петровской эпохи"; въ Сборникѣ Древности — „Археологическое общество при Чешскомъ музеѣ и его журналъ", въ Сборникѣ Племя — „М. П. Погодинъ какъ славянскій публицистъ", „Волненіе въ Босніи осенью 1873 года", „Письмо изъ Константинополя отъ 1870 г.", „Болгарскій церковный вопросъ въ 1866 году", въ Трудахъ виногра-

Библиотека "Руниверс"

фическаго отдѣла общества любителей естествознанія—„Французскій художникъ-этнографъ Теодоръ Валерій", и произнесъ въ торжественномъ собраніи университета рѣчь „О внутреннихъ реформахъ и внѣшнихъ дѣлахъ Александра I"; Буслаевъ—напечаталъ „Русскую христоматію" вторымъ изданіемъ и статью „О современномъ значеніи романа", читанную въ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности; Герье—напечаталъ: въ Сборникѣ государственныхъ знаній—„Очеркъ историческаго развитія французскаго государства", въ Вѣстникѣ Европы—статью о теоріи и практикѣ женскаго образованія и три статьи объ Августѣ и основаніи Римской имперіи, и въ журналѣ Древняя и Новая Россія — статью „Союзъ Россіи съ Пруссіей въ 1813 году"; Дювернуа—приготовилъ къ печатанію изслѣдованіе о критическомъ достоинствѣ и историческомъ значеніи Архангельскаго Евангелія; Щуровскій — напечаталъ въ Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія статью „Общая программа для изслѣдованія костеносныхъ пещеръ"; Бредихинъ—напечаталъ IV-й томъ Анналъ Обсерваторіи, въ который вошли слѣдующія его работы: „Sur les formes anomales dans le développement des comètes. Comète 1861, 2, „Sur l'éclipse totale de la lune du 23 août", „Etoiles filantes du mois d'août de 1877", „Observations de Jupiter", „Observations spectroscopiques du soleil en 1877", „Observations de la comète de 1877 (a)", Observations de la comète de 1877 (c)", Observations de Mars en opposition", „Spectre de la comète de Winnecké (1877)" и „Mesures micrométriques du groupe de Persée", и въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Труды Московской обсерваторіи въ 1876 году"; Богдановъ—напечаталъ четыре вступительныя лекціи въ курсъ зоологіи на медицинскомъ факультетѣ подъ заглавіемъ: „Форма и среда въ ихъ соотношеніяхъ съ зоологіею и медициною" и рѣчь и задачи будущаго по отношенію политехническаго музея"; издалъ подъ своею редакціею 4-й выпускъ „Протоколовъ засѣданій комитета антропологической выставки", въ которыхъ помѣстилъ статьи: „Матеріалы для изученія цыганъ", „Вопросы по изданію Лопарей", „Предварительныя замѣтки о поѣздкѣ въ Приволжье и Финляндію" и другія. Слудскій—помѣстилъ статьи: въ Математическомъ Сборникѣ—„О свободныхъ движеніяхъ гибкой нерастяжимой нити" и въ Бюллетенѣ Московскаго общества испытателей природы—„Zur Frage über das Gleichgewicht schwimmender Körper"; Бугаевъ—напечаталъ: нѣсколько статей въ Bulletin des Mathématiques et d' Astronomie и „Курсъ начальной алгебры" и „Вопросы къ алгебрѣ"; Марковни-

Библиотека "Руниверс"

ковъ — помѣстилъ въ Журналѣ Русскаго химическаго общества изслѣдованіе „О производныхъ нормальной пировиной кислоты"; Лешковъ—продолжалъ редактировать Юридическій Вѣстникъ, въ которомъ помѣстилъ статьи: „О народномъ просвѣщеніи по указамъ Петра Великаго" и „Библіографическое извѣстіе о разсужденіи доцента Ковалевскаго"; Павловъ — напечаталъ въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей „Грамоту Константинопольскаго патріарха Іереміи I о Сербской церкви", началъ печатаніе „Сборника источниковъ русскаго каноническаго права отъ XI до XV вѣка" и оканчивалъ печатаніемъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Опыты по исторіи греко-русской полемики противъ Латинянъ съ XI до XV столѣтія"; Карасевичъ—напечаталъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній „Мусульманское право и послѣдняя государственная реформа въ Турціи" и въ Юридическомъ Вѣстникѣ—„О значеніи и задачахъ науки права" и помѣстилъ въ томъ же журналѣ нѣсколько критико-библіографическихъ статей; Умовъ—напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ статью „О вліяніи отчужденія нанятаго имущества на существованіе найма"; Янжулъ—готовилъ къ печати второй томъ сочиненія „Англійская свободная торговля" и напечаталъ нѣсколько статей въ повременныхъ изданіяхъ; Матюшенковъ—издалъ брошюры „Цѣль и задача университетскаго медицинскаго образованія" и „Открытіе бюста профессора Иновемцева въ анатомическомъ театрѣ факультетской клиники", Соколовскій—печаталъ новое изданіе „Общей и частной фармакологіи"; Бабухинъ — напечаталъ въ Archiv für Anatomie und Physiologie статью „Beobachtungen und Versuche am Zitterwelse und Mormyrus des Niles"; Захарьинъ—сообщилъ въ физико-медицинскомъ обществѣ о сифилитической пневмоніи и напечаталъ это сообщеніе въ Медицинскомъ Обозрѣніи. Экстраординарные профессоры: Ивановъ-Платоновъ напечаталъ изслѣдованіе „Объ источникахъ для исторіи древнихъ ересей"; Герцъ — напечаталъ: въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Раскопки г. Шлиманна въ Микенахъ" и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ — нѣсколько мелкихъ статей „Объ археологіи и искусствѣ", Лясковскій—помѣстилъ статьи: въ Landwirtschaftliche Versuchstationen—„Объ обмѣнѣ газовъ, происходящемъ при созрѣваніи масличныхъ сѣмянъ" и въ Zeitschrift für analytische Chemie—„О новой реакціи на лимонную кислоту"; Булыгинскій—редактировалъ печатаемый переводъ „Физіологической химіи" Гоппе-Зейлера; Зерновъ—издалъ отдѣльной брошюрой изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Индивидуальные типы мозговыхъ извилинъ". Лекторы:

Библиотека "Руниверс"

Фельнель — напечаталъ третьимъ изданіемъ рѣчи Цицерона pro Archia и pro Ligario и вторымъ изданіемъ pro Milone, продолжалъ заниматься составленіемъ предисловія о стоической философіи, объясненій и подробныхъ примѣчаній къ книгамъ Цицерона de officiis; кромѣ того, приготовлялъ къ печати рѣчи Цицерона, записки Цезаря о Галльской войнѣ и 22-ю книгу Ливія вторымъ и третьимъ изданіями; Гемпліанъ—напечаталъ нѣсколько статей въ газетѣ, издаваемой Галдукомъ. Доценты: Корнѣ—помѣстилъ критическія замѣтки о нѣкоторыхъ мѣстахъ латинскихъ поэтовъ въ Nordisk Tidskrift for Philologi и напечаталъ докторскую диссертацію „Способы относительнаго подчиненія"; Стороженко — прочелъ въ обществѣ любителей Россійской словесности статью „Г-жа Сталь и ея друзья" по новымъ матеріаламъ, и написалъ предисловіе и примѣчанія къ русскому переводу сочиненія Жено: „Шекспиръ, его жизнь и сочиненія"; Миллеръ — издалъ и изслѣдованіе „Взгляд на Слово о Полку Игоревѣ" и напечаталъ статьи: въ Трудахъ общества любителей естествознанія — „Восточные и западные родичи одной русской сказки", въ Вѣстникѣ Европы — „О пѣснях Македонских Болгаръ", въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — „Замѣтки по поводу Сборника Верковича" и „Миѳъ о Ніобѣ на Востокѣ", и въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества — „О литомъ звѣрѣ народныхъ пѣсенъ"; Цвѣтаевъ — напечаталъ „Сборникъ Осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологіи и глоссаріемъ" и продолжалъ изданіе подъ заглавіемъ: „Inscriptiones Oscae", Горожанкинъ—занимался изученіемъ явленій реакціи цвѣтка голосѣменныхъ растеній и о результатѣ работы сдѣлалъ сообщеніе въ засѣданіи общества любителей естествознанія; Сабанѣевъ — напечаталъ въ Журналѣ русскаго химическаго общества статью „Дѣйствіе цинка и цинковой пыли, какъ общая реакція отнятія галоидовъ и возстановленія галоидныхъ соединеній"; Муромцевъ — издалъ въ свѣтъ сочиненіе „Очерки общей теоріи гражданскаго права" (ч. 1), и помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ рецензію на книгу Азаревича „Патриціи и плебеи", графъ Коморовскій — издалъ монографію „Первое трактатное institutum международнаго права", напечаталъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ статью „О книгѣ Рулеръ-де-Кара" и „Черты, характеризующія научныя положенія современнаго международнаго права"; помѣстилъ двѣ рецензіи въ Сборникѣ государственныхъ знаній и приступилъ къ собранію матеріаловъ для докторской диссертаціи; Ковалевскій — напечаталъ въ Прагѣ „Исторію полицейской админи-

Библиотека "Руниверс"

страціи въ Англіи въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ"; издалъ въ Лондонѣ „Сборникъ документовъ по исторіи мѣстнаго управленія въ Англіи" и напечаталъ „Полицію рабочихъ въ Англіи въ половинѣ XIV вѣка"; Медвѣденъ — прочелъ восемь публичныхъ лекцій по предмету гигіены, которыя приготовилъ къ печати; Ельцинскій — редактировалъ Московскую медицинскую газету, въ которой напечаталъ нѣсколько статей и рефератовъ по практической медицинѣ и велъ санитарную хронику Москвы; Снегиревъ — сдѣлалъ въ физико-медицинскомъ обществѣ пять сообщеній: три случая оваріотоміи, изъ коихъ одна двухсторонняя при двойной маткѣ, одинъ случай операціи гастротоміи, вслѣдствіе съуженія пищевода, и одинъ случай 3½ мѣсячнаго задержанія головки доношеннаго плода въ маткѣ, съ образованіемъ кишечно-маточнаго свища; Погожевъ — продолжалъ работу о происхожденіи активной гиперэміи послѣ перерѣзки нервовъ, которую сообщилъ въ засѣданіяхъ Московскаго хирургическаго общества; приватъ-доцентъ Добронравовъ — участвовалъ въ дискуссіяхъ по вопросу о леченіи ранъ, о леченіи послѣродовой лихорадки и написалъ критическую статью „Современное акушерство въ Америкѣ, Англіи и Франціи", помѣщенную въ Лѣтописяхъ хирургическаго общества. Сторонніе преподаватели: Виноградовъ—перевелъ первые два тома „Исторіи цивилизаціи во Франціи", Гизо; Нерсесовъ—готовилъ къ печати сочиненіе „О представительствѣ въ гражданскомъ правѣ"; Казачковъ—приготовилъ къ печати диссертацію „О преступленіяхъ противъ чести" и статью „О душевныхъ болѣзняхъ"; Муравьевъ — приготовилъ мотивированную программу университетскаго курса судебно-уголовнаго права съ библіографическимъ указателемъ, часть которой помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ, напечаталъ въ повременныхъ изданіяхъ двѣ статьи, и занимался приготовленіемъ къ изданію сочиненія: „Прокурорскій надзоръ по дѣйствующему русскому праву. Очерки устройства дѣятельности и практики русской прокуратуры". Хранитель минералогическаго кабинета Милашевичъ—напечаталъ въ Bulletin de la société des naturalistes de Moscou статью „О нѣкоторыхъ ископаемыхъ мѣловой формаціи въ Крыму". Хранитель зоологическаго музея Зографъ—напечаталъ: въ Извѣстіяхъ общества любителей естествознанія—статьи „Гельминтологическія замѣтки: 1) организація Triaenophorus nodulosus, 2) строеніе головки въ родѣ Batriocephalus" и „О микроскопѣ, приспособленномъ къ приготовленію разрѣзовъ изъ крупныхъ предметовъ", въ Протоколахъ того же общества—предварительныя замѣтки: „Ligulidae

Библиотека "Руниверс"

и ихъ мѣсто въ системѣ"; „Къ строенію центральной нервной системы „Lithobius" и „Строеніе органовъ зрѣнія у Myriapoda Chilopoda" и въ Протоколахъ комитета антропологической выставки того общества — дневникъ поѣздки на сѣверъ, подъ заглавіемъ „Поѣздка къ Самоѣдамъ". Лаборанты: князь Волконскій—сдѣлалъ сообщеніе въ обществѣ любителей естествознанія, напечатанное въ Извѣстіяхъ этого общества, подъ заглавіемъ: „Опытъ дезинфекціи животныхъ остатковъ и нечистотъ; Миллеръ—напечаталъ въ Журналѣ Русскаго химическаго общества статью „Объ изомерной нитро-фталевой кислотѣ"; сверхштатный помощникъ лаборанта Сабанинъ — напечаталъ: въ Landwirthschaftliche Versuchstationen—„Объ обмѣнѣ газовъ, происходящемъ при созрѣваніи масличныхъ сѣмянъ" и въ Zeitschrift für analytische Chemie К. Fresenius—„Eine neue Reaction auf Zitronensäure. Помощники прозектора: Вѣлинъ — окончилъ переводъ и изданіе Оперативной Хирургіи профессора Лингарта; Тихомировъ—писалъ библіографическія статьи и рефераты для журнала „Медицинское Обозрѣніе" и читалъ лекціи по анатоміи и физіологіи для сестеръ милосердія. Ассистентъ Глинки — сдѣлалъ въ обществахъ физико-медицинскомъ и медицинскомъ три сообщенія нейропатологическаго содержанія (случай заболѣванія продолговатаго мозга и случай опухоли мозжечка). Ординаторы: Карнѣевъ—сдѣлалъ сообщеніе въ Московскомъ медицинскомъ обществѣ о случаѣ рецидива крупозной пневмоніи, напечатанное въ Протоколахъ сего общества; Нестеровъ — сдѣлалъ сообщеніе въ Московскомъ медицинскомъ обществѣ: „Случай сыпнаго тифа вслѣдъ за брюшнымъ", и представилъ въ то же общество отчетъ о поѣздкѣ въ Сербію; Ланинъ—сдѣлалъ сообщеніе въ Московскомъ медицинскомъ обществѣ: „Случай винтообразнаго перелома нервой плесневой кости; Молловъ—читалъ публичныя лекціи по травматологіи сестрамъ милосердія въ медицинскомъ обществѣ; Зенгилеевъ — напечаталъ въ видѣ приложенія къ Протоколамъ Московскаго медицинскаго общества статью: „Случай органическаго пораженія мозговой клусы" и сообщилъ въ томъ же обществѣ свои наблюденія о терапевтическомъ дѣйствіи салициловой кислоты при рожѣ и индуктивнаго тока при острому сочленовному ревматизмѣ; Бобровъ — читалъ публичныя лекціи для сестеръ милосердія „О повязкахъ, перевязкахъ и объ уходѣ за ранеными; и сдѣлалъ въ Московскомъ медицинскомъ обществѣ сообщеніе: „Результаты леченія ранъ по нераціонному методу".

Въ 1877 году совѣтомъ университета утверждены въ ученыхъ

Библиотека "Руниверс"

степеняхъ и званіяхъ: въ степени доктора магистры: Корнцъ — римской словесности, Кондаковъ — теоріи и исторіи искусствъ, Брандтъ — зоологіи, Муромцевъ — гражданскаго права; лекаря: Жуковскій, Филатовъ, Луцъ, Царевскій и Могилевичъ — медицины; въ степени магистра кандидаты: Миллеръ — оріентальнаго языковѣдѣнія, Перетятковичъ — русской исторіи, Коротневъ — зоологіи, Зиловъ — физики, и Ковалевскій — государственнаго права. Затѣмъ удостоены степени кандидата: по историко-филологическому факультету — 10, по физико-математическому — 18, по юридическому — 37; званія дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету — 3, по физико-математическому — 5, по юридическому — 16; всего изъ окончившихъ курсъ студентовъ: степени кандидата — 65 и званія дѣйствительнаго студента — 24; кромѣ того удостоено степени кандидата три студента лицея Цесаревича Николая. Другихъ ученыхъ степеней и званій удостоено: лекаря — 10, провизора — 58, учителя гимназій и прогимназій — 11, инспектора врачебной управы — 1, уѣзднаго врача — 1; аптекарскаго помощника — 42, дантиста — 2 и повивальной бабки — 101. Для приготовленія къ профессорскому званію отправлены были за границу кандидаты Карѣевъ, Алексѣевъ и Сарандинаки; съ тою же цѣлію оставлены были при университетѣ кандидаты: Грефе, Бѣлоцольскій, Соколовъ, Сиговъ, Карцевъ и Домовскій, изъ нихъ первые на счетъ спеціальныхъ средствъ университета, а послѣдніе даже — безъ участія университета. — Командированы были съ ученою цѣлію: за границу — профессоры Гиляртовскій и Янишъ и доцентъ Шварцъ; по Россіи — астрономъ-наблюдатель — Громадзкій.

Денежныя средства Московскаго университета находились въ 1877 году въ слѣдующемъ положеніи: а) по финансовой смѣтѣ и дополнительнымъ кредитамъ отпущено было изъ государственнаго казначейства: на содержаніе личнаго состава — 224.270 руб. 26 коп., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы — 184.558 руб. 60 коп., на стипендіи и пособія студентамъ — 75.440 руб., на содержаніе кандидатовъ и лекарей, оставленныхъ при университетѣ — 7.039 руб. 50 коп., всего — 491.383 руб. 36 коп.; б) благотворительныхъ капиталовъ состояло: въ процентныхъ бумагахъ — 513.471 руб., въ наличныхъ деньгахъ — 36.703 руб. 38 коп., всего — 550.174 руб. 38 коп.; в) суммы сбора за слушаніе лекцій къ 1-му января 1877 года имѣлось — 15.185 руб. 17 коп., въ теченіе года поступило — 87.701 руб. 59 коп., въ теченіе года израсходовано — 32.299 руб. 32 коп.; затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

къ 1-му января 1878 года осталось — 17.587 руб. 47 коп. Главнѣйшія статьи расхода изъ сбора за ученіе слѣдующія: на жалованье и плату сверхштатнаго положенія — 11.043 руб., на разные непредвидимые расходы—7.467 руб., на учрежденія и выдачу стипендій и пособій студентамъ, и на выдачу содержанія молодымъ людямъ, оставленнымъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ — 5.959 руб., на ученыя командировки — 2,808 руб., на вознагражденіе профессоровъ и преподавателей за чтеніе лекцій по посторонними каѳедрамъ—2.750 руб., на печатаніе сочиненій ученаго содержанія—1.207 руб.

Студентовъ состояло къ 1-му января 1877 года — 1.301; въ теченіе года поступило—431 (изъ правительственныхъ гимназій—269, изъ духовныхъ семинарій — 42, изъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній — 21, изъ университетовъ — 71, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній — 11, бывшихъ студентовъ Московскаго университета — 17); въ теченіе 1877 года выбыло: до окончанія курса — 75, по окончаніи университетскаго курса и сдачи экзамена—89, всего—164; затѣмъ къ 1-му января 1878 года оставалось на лицо — 1.568, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ факультетѣ — 133, на физико-математическомъ — 234 (въ отдѣлѣ математическихъ наукъ — 183, въ отдѣлѣ естественныхъ наукъ — 51), на юридическомъ — 311, на медицинскомъ—890. Изъ общаго числа 1,568 студентовъ было: а) по происхожденію: потомственныхъ дворянъ — 311, личныхъ дворянъ — 410, духовнаго званія — 446, купцовъ — 142, мѣщанъ и цеховыхъ — 158, солдатскихъ дѣтей — 29, крестьянъ — 33, иностранцевъ — 39; б) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго — 1.368, армяно-григоріанскаго—26, евангелическо-лютеранскаго — 54, реформатскаго—7, римско-католическаго — 83, іудейскаго — 33; в) по мѣсту первоначальнаго образованія: окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ — 1.073, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ — 390; окончившихъ курсъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ — 105. Сверхъ студентовъ слушали университетскій курсъ: сторонннхъ слушателей — 47, аптекарскихъ помощниковъ, посѣщавшихъ въ качествѣ сторонннхъ слушателей лекціи предметовъ, входящихъ въ составъ провизорскаго экзамена — 207. Освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи изъ числа 1.301 студентовъ—778 (759 отъ полной платы и 19—отъ половинной), во второмъ полугодіи изъ числа 1.568 — 774 студента (отъ полной платы — 738, отъ половинной — 36); отсрочена плата до

Библиотека "Руниверс"

окончанія курса: въ первомъ полугодіи — 10-ти, во второмъ — 6-ти. Стипендій выдано было на сумму 98.501 руб. 87 коп. Эта сумма распредѣлена была: въ первомъ полугодіи — между 364 студентами, во второмъ — между 406; размѣръ стипендій простирался отъ 49 до 400 руб. въ годъ. Единовременныхъ пособій выдано было: въ первомъ полугодіи — 221 студенту на сумму 3.928 руб., во второмъ — 308 студентамъ на сумму 8.665 руб.; размѣръ пособій простирался отъ 10 до 40 руб. Сверхъ того общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ выдало денежныхъ ссудъ 158 студентамъ на сумму 2.818 руб. 50 коп. и внесло плату за слушаніе лекцій за 54 студента на 1.487 руб. 50 коп., и тѣмъ же обществомъ выдано безплатныхъ обѣдовъ на сумму 1.600 р., считая число пользовавшихся обѣдами отъ 60 до 80 человѣкъ въ мѣсяцъ. Независимо отъ сего Московскою купеческою управою выдано пособій изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго на этотъ предметъ почетнымъ гражданиномъ Куманинымъ, 16-ти студентамъ, изъ коихъ 11 получили пособіе по представленію университетскаго совѣта, а 5 по ходатайству душеприкащиковъ покойнаго Куманина; размѣръ пособій, полученныхъ первыми, простирался отъ 50 до 70 руб., размѣръ пособій вторыхъ— отъ 50 до 135 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Московскаго университета къ концу 1877 года находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ университета находилось сочиненій, періодическихъ изданій, рукописей, картъ, портретовъ, рисунковъ и разныхъ чертежей—99.790 названій 167.096 томовъ 8.419 тетрадей. Въ студенческомъ отдѣленіи библіотеки — 4.128 названій 8.043 тома. Изъ пожертвованій въ пользу библіотеки самое цѣнное по количеству и рѣдкости изданій составляетъ библіотека профессора Петрова, принесенная университету въ даръ сестрой покойнаго, М. Я. Петровой. Эта библіотека, составленная въ теченіе многихъ лѣтъ однимъ изъ первыхъ знатоковъ восточныхъ языковъ, богата многими весьма рѣдкими и цѣнными изданіями и потому представляетъ въ настоящее время въ Москвѣ самое богатое собраніе сочиненій по восточнымъ языкамъ.—Въ кабинетѣ изящныхъ искусствъ и древностей—19.929 разныхъ предметовъ.— Въ астрономической обсерваторіи: инструментовъ и приборовъ — 73 нумера на 29.000 руб. Число занимающихся практически на обсерваторіи студентовъ увеличилось противъ прежнихъ лѣтъ, такъ что въ 1877 году пять лицъ очень усердно упражнялись въ наблюденіяхъ и вычисленіяхъ.—Въ механическомъ кабинетѣ: моделей — 121,

Библиотека "Руниверс"

инструментовъ—66, чертежей—54 нумера, всего на сумму 4.710 руб. Въ химической лабораторіи различныхъ приборовъ, инструментовъ и проч.—317 нумеровъ на 7.161 руб., книгъ—171 названіе 268 томовъ и 5 періодическихъ изданій.—Въ отдѣленіи неорганической химіи: аппаратовъ, инструментовъ и мебели—96 нумеровъ 130 предметовъ на 2.467 руб., матеріаловъ и препаратовъ—200 предметовъ на 101 руб. Число практиковъ въ лабораторіи увеличилось противъ 1876 года на 20. Практическія занятія главнымъ образомъ производились по аналитической химіи. По факультетамъ число практиковъ раздѣлялось слѣдующимъ образомъ: естественнаго разряда—7, преимущественно 1 и 2-го курсовъ, медицинскаго факультета—55, преимущественно 2-го курса. Нѣсколько студентовъ высшихъ курсовъ естественнаго разряда и медицинскаго факультета занимались по органической химіи. Научная дѣятельность по лабораторіи выразилась напечатаніемъ слѣдующихъ изслѣдованій: завѣдывающій лабораторіею профессоръ Марковниковъ — напечаталъ „Изслѣдованіе ангидрида нормальной пировинной кислоты“ лаборантъ Миллеръ—„О новомъ изомерѣ нитрофталевой кислоты“, студенты Воронцовъ, Крестовниковъ, и Каретниковъ—„О динитронафтолсульфокислотѣ“ „О хлоропротеиновомъ альдегидѣ“, Обы эфирѣ пировиноградной кислоты, и „О дѣйствіи цианистаго серебра на бромистые углеводороди этиленоваго ряда“.—Въ зоологическомъ музеѣ разныхъ предметовъ до 82.026 нумеровъ. Практическія занятія въ музеѣ раздѣлялись на занятія съ начинающими, занятія съ болѣе успѣвшими и работы въ зоологической семинаріи. Занятія первой категоріи производили какъ съ студентами 1-го курса естественнаго разряда, такъ и медицинскаго факультета. Для первыхъ занятія были обязательныя и происходили два часа въ недѣлю. Изъ общаго ихъ числа (39) 8 посѣщали музей и занимались внѣ обязательнаго времени. Изъ 20-ти студентовъ перваго курса обязательныя занятія постоянно посѣщали—3, почти постоянно—8, пропустили болѣе половины часовъ занятій—, явились по одному разу — 2, и 2 вовсе не посѣщали. Студентовъ-медиковъ записалось для занятій — 129. Вслѣдствіе недостатка помѣщенія и необходимыхъ снарядовъ, занятія въ первую половину академическаго года происходили только съ 60 студентами, раздѣленными на группы по 10 человѣкъ, изъ коихъ 8 посѣщали музей и внѣ оффиціальныхъ занятій. Къ началу зимнихъ вакацій 2-го семестра отнесены были по необходимости занятія съ остальными студентами 1-го курса. Собранія зоологическаго семинаріи въ теченіе года

Библиотека "Руниверс"

было 19, на которыхъ сдѣлано было 63 реферата, причемъ разобраны были спеціальныя статьи 32 авторовъ. Кромѣ того, произведено было по поводу появившихся диссертацій въ семинаріи два диспута, и четыре студента демонстрировали и объясняли на препаратахъ результаты своихъ работъ надъ строеніемъ насѣкомыхъ. Въ теченіе года изданъ первый выпускъ трудовъ зоологической лабораторіи и приготовлялся къ печати второй. При музеѣ отъ комиссіи техническаго рисованія Общества распространенія техническихъ знаній устроенъ былъ по воскреснымъ днямъ курсъ микроскопическаго рисованія. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ музей былъ открытъ для публики, за исключеніемъ вакаціоннаго времени; вслѣдствіе отсутствія изъ Москвы лицъ, завѣдывающихъ музеемъ. — Въ палеонтологическомъ музеѣ: ископаемыхъ — 7,056 нумеръ, книгъ — 382 сочиненія, монографій Лондонскаго палеонтологическаго Общества оконченныхъ — 19, неоконченныхъ — 11 томовъ, журналовъ — 220 томовъ 360 ливреэоновъ, картъ — 31, моделей — 141, рисунковъ и картинъ — 57, инструментовъ — 15, портретовъ — 30 нумеровъ и 9 геологическихъ разрѣзовъ Франціи, Урала и друг. Въ минералогическомъ кабинетѣ: минераловъ, горныхъ породъ и ископаемыхъ — 14,000 нумеровъ, физическихъ и химическихъ аппаратовъ — 41, вспомогательныхъ инструментовъ — 87, препаратовъ и моделей — 655 нумеровъ, книгъ — 45 сочиненій. Въ физическомъ кабинетѣ снарядовъ — 847 нумеровъ. Въ физической лабораторіи: инструментовъ — 61 нумеръ на 2,038 руб., книгъ — 126 томовъ 39 тетрадей на 400 руб. Въ лабораторіи занимались 16 студентовъ 3-го и 4-го курсовъ математическаго отдѣленія, одинъ магистръ и одинъ кандидатъ. Темами для занятій учащихся служили измѣренія горизонтальной слагающей земнаго магнетизма, электровозбудительной силы элементовъ, гальваническихъ сопротивленій, длины свѣтовыхъ волнъ; числа качаній камертоновъ; коэффиціентовъ упругости и кручонія проволокъ. Въ ботаническомъ кабинетѣ: инструментовъ и приборовъ — 29 нумера, стѣнныхъ таблицъ рисунковъ — 310 нумеровъ, препаратовъ — 1,464 нумера, книгъ — 132 сочиненія, сухихъ растеній — 65,000 экземпляровъ. При кабинетѣ былъ прочитанъ курсъ лекцій по морфологіи и систематикѣ тайнобрачныхъ и курсъ систематики голосѣмянныхъ явнобрачныхъ; кромѣ того, во второмъ семестрѣ студенты первыхъ трехъ курсовъ естественнаго отдѣленія два раза въ недѣлю упражнялись въ микроскопическомъ изслѣдованіи по морфологіи высшихъ криптогамовъ. Практическія занятія студентовъ въ первомъ семестрѣ ограничивались работами студентовъ

Библиотека "Руниверс"

въ оранжереяхъ ботаническаго сада, гдѣ для этихъ работъ были отставлены многочисленные экземпляры двойныхъ растеній, а также и препараты по морфологіи этой группы. Въ ботаническомъ саду: экзотическихъ видовъ и разновидностей—2,800 нумеровъ, многолѣтнихъ и однолѣтнихъ видовъ русской и экзотической флоры—1,900 нумеровъ, украшающихъ растеній — до 2,000 экземпляровъ, книгъ — 174 сочиненія. Въ технической лабораторіи: снарядовъ и инструментовъ—167 нумеровъ, препаратовъ и матеріаловъ—488 нумеровъ, книгъ и журналовъ—177 экземпляровъ. Въ агрономическомъ кабинетѣ: аппаратовъ—197 нумеровъ, препаратовъ и химическихъ реактивовъ—62 нумера, книгъ—83 сочиненія, періодическихъ изданій—22 названія, разной посуды — 280 нумеровъ. Въ медицинской химической лабораторіи: различныхъ инструментовъ и приборовъ — 118 нумеровъ 412 экземпляровъ, на сумму 1,408 руб., книгъ и періодическихъ изданій — 47 названій 684 тома. Въ кабинетѣ сравнительной анатоміи: препаратовъ, цѣлыхъ животныхъ, матеріаловъ для приготовленія препаратовъ и инструментовъ—2,583 нумера, книгъ и атласовъ — 159 названій. Въ физіологическомъ кабинетѣ: снарядовъ и инструментовъ—1,544, книгъ и журналовъ—476 названій, атласовъ и рисунковъ—81 названій, физіолого-химическихъ препаратовъ—40 нумеровъ. Въ гистологическомъ кабинетѣ препаратовъ, инструментовъ и снарядовъ—797, рисунковъ 66, всего на сумму 1,404 руб. Въ фармацевтическомъ и фармакогностическомъ кабинетахъ книгъ и журналовъ—132 названія на 588 руб., химико-фармацевтическихъ препаратовъ, фармакогностическихъ коллекцій, посуды и стеклянныхъ орудій—2,198 руб. на сумму 1,396 руб. Въ кабинетѣ физіологической анатоміи: препаратовъ—3,212, инструментовъ—420 нумеровъ. Въ анатомическомъ театрѣ занимались практически по анатоміи человѣка студенты 1-го и 2-го курсовъ медицинскаго факультета и отчасти студенты 1-го курса физико-математическаго факультета, всего до 500 человѣкъ. Для этихъ занятій, а также для лекцій анатоміи, получено изъ разныхъ больницъ 150 труповъ взрослыхъ и 31 дѣтскій. Кромѣ того, двумя лекарями производились изслѣдованія: однимъ—по вопросу о распредѣленіи кровяныхъ сосудовъ въ мозгу, другимъ—по вопросу объ участіи упругости реберъ въ механизмѣ дыхательныхъ движеній. Въ музеѣ патологической анатоміи: журналовъ, книгъ и атласовъ—121 названій на сумму 3,246 руб., патологическихъ препаратовъ—3,912 нумеровъ, микроскоповъ—19 нумеровъ на 2,215 руб., инструментовъ и посуды—1,771 нумеръ на 1,927 руб. Въ кабинетѣ

Библиотека "Руниверс"

судебной медицины: книгъ—78 названій на 300 руб., инструментовъ, снарядовъ, реактивовъ, бѣлья, препаратовъ, рисунковъ и фотографическихъ снимковъ—390 нумеровъ на сумму до 500 руб. Въ теченіе года доставлено было 95 труповъ для судебно-медицинскихъ изслѣдованій. Студенты 5-го курса упражнялись въ судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ и въ составленіи свидѣтельствъ по заданнымъ темамъ. Въ терапевтическомъ отдѣленіи факультетской клиники находилось инструментовъ—117 нумеровъ. При 30-ти кроватяхъ, въ отдѣленіи состояло больныхъ—151; изъ нихъ выздоровѣло—130, умерло—9, осталось къ концу года—12; приходившихъ за совѣтами больныхъ было—3,107. Каждый изъ студентовъ велъ подробныя исторіи своихъ больныхъ и, подъ руководствомъ профессора клиники, упражнялся въ распознаваніи и леченіи болѣзней. Въ пропедевтическомъ отдѣленіи клиники при факультетской клиникѣ, имѣющемъ 16 кроватей для больныхъ обоего пола, пользовалось—76 человѣкъ, изъ нихъ выздоровѣло—56, умерло—13, осталось къ 1878 году—7. Въ хирургическомъ отдѣленіи той же клиники, имѣющемъ 50 кроватей, больныхъ находилось—258; изъ нихъ выздоровѣло—116, умерло—1, къ 1878 году осталось—41; приходившихъ за совѣтами больныхъ было—2,251; операцій произведено: большихъ—77, малыхъ—283; хирургическихъ инструментовъ и патологическихъ препаратовъ состояло—1,128. Въ акушерской клиникѣ съ родильней, имѣющей 34 кровати, инструментовъ и препаратовъ находилось—1,924 нумера. Клиника эта посѣщалась студентами 5-го курса, которые во время дежурства наблюдали за теченіемъ родовъ подъ руководствомъ профессора занимались изслѣдованіемъ беременныхъ женщинъ, какъ приходившихъ за совѣтомъ, такъ и поступавшихъ въ клинику для родовъ. Они наблюдали за теченіемъ послѣроднаго періода и производили акушерскія операціи на фантомѣ, присутствовали при производствѣ операцій, дѣлавшихся въ клиникѣ профессоромъ и ординаторами. Въ теченіе года въ клинику поступило 848 беременныхъ женщинъ, изъ которыхъ 842 разрѣшились отъ бремени, а 6 выкинулись, не разрѣшившись. Правильныхъ родовъ было 748, а въ 76 случаяхъ роды представляли уклоненія, по поводу которыхъ произведено 98 операцій. Изъ рожавшихъ заболѣло—75, изъ нихъ выздоровѣло—69, умерло—11, осталось къ 1878 году—2. Беременныхъ, приходившихъ за совѣтами было—135. Въ поликлиникѣ женскихъ болѣзней приходящихъ за совѣтами больныхъ было—717; разныхъ операцій сдѣлано—15; инструментовъ имѣлось—58 нумеровъ. Въ дѣтскомъ отдѣленіи факультетской клиники,

Библиотека "Руниверс"

имѣющемъ 11 кроватей для дѣтей обоего пола, больныхъ состояло—56; изъ нихъ выздоровѣло—43, умерло—5, осталось къ концу года—8; приходящихъ за совѣтами дѣтей было—615; инструментовъ находилось—40 нумеровъ. Въ спеціальной факультетской клиникѣ болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ (11 кроватей для мужчинъ) больныхъ состояло—83; изъ нихъ выздоровѣло—67, умерло - 6, къ концу года оставалось—10; операцій было сдѣлано: большихъ—42, малыхъ—240; пользовавшихся совѣтами и леченіемъ клиническаго врача было—431; въ клиникѣ находилось хирургическихъ инструментовъ—192 нумера и мочевыхъ камней—188. Въ терапевтическомъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ пользовалось—1.040; изъ нихъ выбыло—814, умерло—105, осталось къ концу года — 71; приходившихъ за совѣтомъ было—4.873; операцій произведено—41. Въ хирургической госпитальной клиникѣ больныхъ пользовалось — 472; изъ нихъ выбыло—339, умерло — 68, къ концу года оставалось на леченіи—65; операцій произведено—635, въ томъ числѣ: большихъ—97, малыхъ—538; больныхъ, приходившихъ за совѣтами, было—3.963. Въ нервномъ отдѣленіи госпитальной клиники больныхъ находилось — 134; изъ нихъ выбыло — 95, умерло — 13, оставалось на излеченіи — 26; приходившихъ за совѣтомъ было — 827. Въ сифилитической госпитальной клиникѣ больныхъ пользовалось — 182; изъ нихъ выбыло—156, умерло— 1, оставалось къ концу—25; операцій произведено — 96; больныхъ, приходившись за совѣтомъ, было—583. Московская глазная больница доставляла матеріалъ для изученія болѣзней студентамъ 5-го курса медицинскаго факультета. Въ теченіе года число явившихся въ первый разъ за совѣтомъ было—10.117 (5.540 м. и 4.277 ж.), всѣхъ же посѣщеній сдѣлано—36.276; операцій въ теченіе года произведено — 1.670. Кромѣ больныхъ, лечившихся амбулаторно, въ больницѣ находились стаціонарные больные, коими въ общей сложности въ теченіе года проведено 24.055 больничныхъ дней.

При Московскомъ университетѣ состоятъ семь ученыхъ обществъ, состояніе и дѣятельность коихъ въ 1877 году представляется въ слѣдующемъ видѣ: Общество любителей русской словесности: Имѣло въ теченіе года 3 частныхъ, 1 чрезвычайное и 5 публичныхъ засѣданій, изъ коихъ послѣднія посвящаемы были преимущественно чтенію новыхъ произведеній членовъ общества. Сверхъ продолжающихся изданій, общество приступило ко второму изданію 3-го и 4-го

Библиотека "Руниверс"

выпусковъ „Пѣсень" собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ". Расходы общества обращались на изданія, устройство засѣданій, кореспонденцію и на разныя потребности. Къ половинѣ декабря считалось билетами и въ ссудѣ на изданія—1,350 руб., наличными — 229 руб. Сверхъ того на проценты съ капитала, пожертвованнаго обществомъ, существовала стипендія, выдававшаяся одному изъ студентовъ университета по историко-филологическому факультету. Въ библіотекѣ общества къ концу года числилось: книгъ—482 названія 809 томовъ, газетъ—5 названій, рукописей — 21. Общество исторіи и древностей россійскихъ имѣло два обыкновенныхъ засѣданія и одно торжественное, продолжало изданія „Чтеній", коихъ въ 1877 году изданы 3-я и 4-я книги за 1876 и четыре книги за 1877 годъ, окончило печатаніе Галицкихъ пѣсенъ, начатое въ 1858 году, и издало въ приложеніи къ этому собранію пѣсенъ альбомъ рисунковъ, напечатанныхъ по плану и на иждивеніе дѣйствительнаго члена Я. Ѳ. Головацкаго. Общество испытателей природы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, всѣ свои средства и всю свою дѣятельность употребляло на изданіе Бюллетеня и расширеніе своей богатой библіотеки. Въ теченіе года общество издало подъ редакціею своего вице-президента К. И. Ренара четыре книги Бюллетеня, именно 4-ю за 1876 и первыя три за 1877 годъ. Общество имѣло 8 очередныхъ и одно годичное собраніе, на которыхъ сдѣлано было 27 рефератовъ, изъ коихъ по астрономіи, физики, химіи, метеорологіи и геологіи—17, по антропологіи и зоологіи—7, по ботаникѣ—3. Въ библіотекѣ общества числится около 33,000 различныхъ сочиненій и изданій ученыхъ обществъ. Средства общества, состоящія въ ежегодной субсидіи отъ правительства въ количествѣ 2,857 руб., частію изъ членскихъ взносовъ, находились въ слѣдующемъ положеніи: въ приходѣ значилось—3,049 руб. 6 коп., въ расходѣ—2,774 руб. 62 коп. Въ виду недостаточности помѣщенія, общество передало всѣ свои гербаріи на храненіе въ университетское травохранилище, а коллекцію чучелъ, птицъ и звѣрей, числомъ до 1,000 экземпляровъ—въ зоологическій музей университета, оставивъ нѣкоторые дублеты сихъ коллекцій для Петровской земледѣльческой академіи. Физико-медицинское общество составляли: 35 почетныхъ членовъ, 97 дѣйствительныхъ, 72 члена-корреспондента и 1 членъ-соревнователь. Въ теченіе года общество имѣло 11 засѣданій: одно публичное, 8 очередныхъ и 2 не очередныхъ, въ которыхъ дѣйствительными членами

Библиотека "Руниверс"

и сторонними посѣтителями сдѣлано было 21 сообщеніе. Движеніе суммъ общества представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1877 года въ кассѣ состояло:—7,555 р. 81 коп., въ теченіе года поступило—2,920 руб. 35 коп., израсходовано—3,179 руб. 53 коп., затѣмъ къ концу года оставалось—7,296 руб. 63 коп. Въ библіотекѣ общества состояло книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій—1,068 названій. Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, составляютъ: 21 почетный членъ, 30 основателей, 115 непремѣнныхъ членовъ, 228 дѣйствительныхъ, 61 сотрудникъ, 14 непремѣнныхъ иностранныхъ и 25 иностранныхъ дѣйствительныхъ членовъ. Общество имѣло 8 засѣданій, число заѣданій по отдѣламъ было: по антропологическому отдѣлу—2, по этнографическому—4, и по отдѣлу физическихъ наукъ—3. Въ теченіе года изданы слѣдующіе выпуски „Извѣстій" общества: томы XXIII (вып. 2-й), XXIV (вып. 1 и 2), XXVI (вып. 14), XXVII (выпуски 1—4 включительно), XXVIII (книга 4) и XXX (книга 5, вып. 1). Въ теченіе года 13 членовъ командированы были обществомъ въ разныя мѣстности Европейской и Азіатской Россіи, въ Финляндію и и на Дунай, для антропологическихъ, археологическихъ и естественно-историческихъ изслѣдованій. Ученыхъ рефератовъ въ засѣданіяхъ общества было 23. Математическое общество имѣло засѣданія въ первую субботу послѣ 25-го числа каждаго мѣсяца. Общество продолжало издавать Математическій Сборникъ и въ 1877 г. окончилось изданіе 8-го тома. Средства общества состоятъ изъ правительственной субсидіи въ 500 руб., которая не покрываетъ расходовъ по журналу, отчего самое изданіе журнала очень замедляется. Юридическое общество цѣлію своей дѣятельности имѣло а) обсужденіе и разрѣшеніе различныхъ юридическихъ вопросовъ, вызываемыхъ потребностями и интересами гражданскаго оборота и судебной практики, и б) изданіе журнала „Юридическій Вѣстникъ", въ которомъ помѣщались статьи научнаго и практическаго содержанія библіографическія и юридическія замѣтки, юридическіе вопросы, разрѣшенные обществомъ, и наконецъ тѣ судебныя рѣшенія, которыя заключали въ себѣ какой либо особый интересъ по примѣненію и толкованію спорныхъ законовъ. Изъ статей научнаго содержанія помѣщены въ журналѣ, между прочимъ, слѣдующія: „Русская промышленность по указамъ Петра Великаго", „О репризахъ нейтральныхъ кораблей", „О несостоятельности по частному международному праву",

Библиотека "Руниверс"

„О древнемъ Калмыцкомъ уложеніи", „О кодификаціи и ея вліяніи на законодательство и на науку права", „Тюремный вопросъ въ современномъ его состояніи, тюремная литература или тюрьмовѣдѣніе", „Обычное право южныхъ Славянъ" и мног. друг.

Библиотека "Руниверс"

OBSERVATIONES RHETORICAE IN DEMOSTHENEM.

Cum rhetoricae studium recentioribus temporibus Spengelio, Friderito, praecipue autem R. Volkmanno hac de arte restituenda optime meritis revixerit, cum alii quoque in singulis artis oratoriae partibus illustrandis non frustra operam posuerint, tamen multa restare, quae accuratius tractata artificium oratorum magis declarent, nemo est qui nesciat. Itaque hac in re aliquid proficere conatus Demosthenis orationes mihi delegi, in quibus quomodo orator sententiis, similitudinibus imaginibusque usus esset, demonstrarem. Ut igitur id quod mihi proposui assequerer, primum quae Graecorum atque Romanorum rhetores in hanc rem commentati sunt perscrutans colligebam, tum omnes Demosthenis orationes, exceptis quae a plurimis huius aetatis hominibus doctis subditiciae habentur, attente legens observabam, quo modo rhetorum praecepta ad oratoris usum referrentur. Usus enim oratorum et praecepta rhetorum artissimo vinculo inter se coniuncta sunt, ita ut neque illi artis oratoriae praecepta, quae eorum aetate traderentur, respuerent, neque hi dicendi leges scribentes optimas orationes non respicerent. Quod recte sese habere innumerabilia exempla demonstrant, quae a rhetoribus ad leges orandi illustrandas allata sunt, quae a plurimis non ficta, sed ex optimis orationibus deprompta sunt. Usus autem ipse, ut in ceteris omnibus, arte antiquior est, quod Cicero de Orat. I, 32, 146 et Quintilianus instit. orat. V, 10, 120 optime testantur. Ad Graecos Romanos quoque doctores asciscere non dubitavi, cum longa omnium artis scriptorum series a Corace et Tisia, qui eius inventores fuisse dicuntur, usque ad Tzetzen tamquam unam familiam efficere videatur.

Apud Ciceronem (de Orat. I, 49, 213) Antonius eum dicit esse oratorem, qui et verbis ad audiendum iucundis et sententiis ad probandum accommodatis uti possit in causis forensibus atque communibus.

Библиотека "Руниверс"

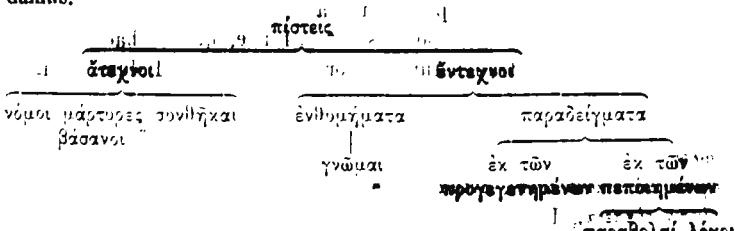
Cum igitur gravissimae oratoris partes in elocutione et argumentatione constent, quaeritur, num quid eum in utraque re sententiae, similitudines imaginesque adiuvent. Priusquam autem ad id quod nobis proposuimus, accedamus, non supervacaneum erit ostendere, quem locum sententiae et similitudines in tota rhetorica doctrina obtineant et quomodo cum aliis artis oratoriae partibus cohaereant.

Ut Graeci semper ab Iove, ita nos ab Aristotele incipiemus, illo praeceptore praestantissimo, qui ut ceteris artibus, ita rhetoricae quoque firmissima fundamenta iecit. Qui testis est tria esse, quibus orator ad persuadendum uti possit (Spengel. Rhett. gr. I, p. 8): primum ingenium atque mores ipsius oratoris (ἦθος), tum eorum qui audiunt affectum (πάθος), denique argumentationem ipsam, quam Graeci πίστιν vocabant; quae vox latine conversa Ciceroni fides, Quintiliano probatio dicitur. Aristoteles omnes probationes in duas partes divisit (p. 7, 31 sq.), quarum prior eas continet, quae nihil oratoris arte atque methodo indigent ideoque sine arte vel inartificiales dicuntur, posterior autem ex iis constat, quae arti et ingenio oratoris debentur, cum eas ex causa trahat et quodammodo ipse pariat; quamobrem artificiales nominantur. Verba eius haec sunt: τῶν δὲ πίστεων αἱ μὲν ἄτεχνοί εἰσιν, αἱ δὲ ἔντεχνοι. Illas probationes enumerat c. 15 (p. 55, 8 sq.): εἰσὶ δὲ πάντα τὸν ἀριθμόν, νόμοι μάρτυρες συνθῆκαι βάσανοι ὅρκος. Artificiales autem fiunt tantum duobus modis, ut ex c. 2 (p. 9, 17 sqq.) apertissime colligi potest: πάντες δὲ τὰς πίστεις ποιοῦνται διὰ τοῦ δεικνύναι ἢ παραδείγματα λέγοντες ἢ ἐνθυμήματα, καὶ παρὰ ταῦτα οὐδέν. Est autem enthymema rhetoricus syllogismus, id est quaevis sententia, cui ratio adiuncta est. Fuerunt vero technici, qui enthymematis vocem aliter atque Aristoteles et qui cum sequebantur interpretarentur, ut iam Anaximeni enthymema erat sententia, quae ex contrariis constat (Sp. I, p. 197, 27 sq.): ἐνθυμήματα δέ ἐστιν οὐ μόνον τὰ τῷ λόγῳ καὶ τῇ πράξει ἐναντιούμενα, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν, et porro (p. 200, 28 sq.): τὰ ἐνθυμήματα ἐκ τῶν ἐναντιώσεων σύγκειται. Eodem modo Cicero, Graecos secutus, enthymematis vim definivit (Top. 13): enthymema est sententia ex contrariis conclusa. Videndum est igitur, repugnetne aut oratio adversarii sibi ipsi, aut facta eius iusto, pulchro, utili, verisimili, ceteris, et inde concludendum. Demetrius denique utramque definitionem coniunxit (Sp. III, p. 268, 21 sq.): τὸ δ' ἐνθύμημα διάνοιά τις ἤτοι ἐκ μάχης λεγομένη ἢ ἐν ἀκολουθίας σχήματι. Nos ut in ceteris, ita hic quoque Aristotelis auctoritatem sequemur, qui divisis artificiosis argumentationibus in duas classes p. 97, 14 haec addit: ἡ γὰρ γνώμη

Библиотека "Руниверс"

μέρος ἐνθυμήματός ἐστιν. Quid discriminis vero inter γνώμην et ἐνθύμημα intercedat, infra planius explicabimus.

Παράδειγμα, quod alteram probationum artificialium classem efficere supra vidimus, est rhetorica inductio, quae fit exemplis, ut p. 9, 25 sqq. legitur: τὸ δὲ πολλῶν καὶ ὁμοίων δεῖνύσθαι ὅτι οὕτως ἔχει ἐκεῖ μὲν (sc. ἐν τοῖς διαλεκτικοῖς) ἐπαγωγή ἐστιν, ἐνταῦθα δὲ παράδειγμα. Latinis rhetoribus ἐνθύμημα argumentum, παράδειγμα exemplum dicitur. Exempla ipsa rursus in duas classes divisit: in ea, quae rerum gestarum auctoritate nituntur et quae orator ipse fingit. Alterum genus iterum duas species continet, comparationem vel similitudinem et fabulas Aesopicas. Dicit enim p. 97, 18 sqq.: παραδειγμάτων δ' εἶδη δύο· ἓν μὲν γάρ ἐστι παραδείγματος εἶδος τὸ λέγειν πράγματα προγεγενημένα, ἓν δὲ τὸ αὐτὸν ποιεῖν. τούτου δ' ἓν μὲν παραβολή ἓν δὲ λόγοι, οἷον οἱ Αἰσώπειοι καὶ Λυβικοί [1]). Iam igitur sub finem huius explicationis stemma apponimus, quo evidentius et brevius quomodo singula inter se cohaereant, ostendamus.



Quae Aristotelis divisio tam perfecta est, ut eam fere omnes posteriores artium scriptores acceperint, quod et ex eorum libris qui exstant cognoscimus et Quintilianus (V, 1, 1) testatur: Ac prima quidem illa partitio ab Aristotele tradita consensum fere omnium meruit. Igitur nos quoque in eius partitione acquiescemus et quomodo singuli in singulis ab eo discrepent missum faciemus.

Restat ut de ratione dicamus, qua in afferendis technicorum locis usuri simus. Duae offeruntur viae, quae nos ad id quod quaerimus perducant, ut aut temporum seriem secuti singulorum rhetorum sententias atque praecepta enumeremus ostendentes, quid unus quisque ad id

[1]) Unum Demosthenicum fabulae Aesopicae exemplum servavit Plutarchus (vit. Dem. c. 23): ὅτε καὶ τὸν περὶ τῶν προβάτων λόγον ὁ Δημοσθένης, ὡς (τις addidit Voemelius) τοῖς λύκοις τοὺς κύνας ἐξέδωκε διηγησάμενος, αὐτὸν μὲν εἴκασε καὶ τοὺς σὺν αὐτῷ κυσὶν ὑπὲρ τοῦ δήμου μαχομένοις, Ἀλέξανδρον δὲ τὸν Μακεδόνα μονόλυκον προσηγόρευσεν.

Библиотека "Руниверс"

de quo agitur attulerit, quid, ipse invenerit, quid a prioribus mutuatus sit, aut solam materiam spectantes dicendi leges prout res postulare videbitur colligamus. Quamquam nemo non intellegit illam priorem procedendi rationem longe optimam esse, tamen, cum multa sint, quae ea via progredi nos impediant ea uti nullo modo possumus. Nam artis oratoriae historia propter fontium paupertatem et veterum testimoniorum raritatem tam manca et imperfecta est, ut plerumque praeter auctoris, cuius τέχνη adhuc exstat, dubium nomen nihil sciamus, alias hoc quoque perpetua oblivione obrutum prorsus evanuerit, alias praeter auctoris et libri nomen vel paucissima fragmenta nihil remanserit. Quae cum ita sint ne in devia aberremus hanc posteriorem viam eligemus simulque operam dabimus, ut quoad fieri poterit, in disponendis dicendi praeceptis singulorum rhetorum tempora respiciamus.

DE SENTENTIIS.

Γνώμης eam quam apud posteriores artis oratoriae magistros habet significationem iam illis temporibus notam fuisse, quibus haec nova ars a primis doctoribus tradebatur, auctor est Plato, qui Bolum Agrigentinum, Gorgiae discipulum et comitem, gnomologiam ad orationem exornandam invenisse his verbis testatur[1] (Phaedr. p. 267 C): Τὰ δὲ Πώλου τῶν φράσεων αὖ μουσεῖα λόγων, ὃς διπλασιολογίαν καὶ γνωμολογίαν καὶ εἰκοναλογίαν ὀνομάτων τε Δικομνείων ἃ ἐκείνῳ ἐδωρήσατο πρὸς πίστιν εὐρεῖας; Praeterea Isocrati quoque haec verbi significatio non ignota fuit; exstant enim or. II, 44 haec verba: εἴ τις ἐκλέξειε τῶν προειρημένων τῶν πρώτων τὰς καλουμένας γνώμας, ἐφ' αἷς ἐκεῖνοι μάλιστ' ἐσπούδασαν, ὁμοίως ἂν καὶ πρὸς ταύτας διατεθείη. Cum autem utriusque scripta rhetorica interierint, videamus, quid ex iis artibus, quas nobis quoque adire licet, hac de re discere possimus.

Anaximenes, cuius ars omnium quae exstant antiquissima est, γνώμην ita definit, ut sit propriae sententiae vel proprii iudicii pronuntiatio de rebus in universum, cf. Sp. I, p. 198, 12 sq.: γνώμη ἐστὶν ὡς ἐν κεφαλαίῳ καθ' ὅλων τῶν πραγμάτων δόγματος ἰδίου δήλωσις. Quae definitio nimis amplis finibus inclusa est, cum non omnia universalia iudicia inter γνώμας numeranda sint. Etiam duo postrema exempla, quae rhetor ille ad illustrandam doctrinam suam attulit, collationes vel

[1]) Cf. R. Volkmanni praestantissimum librum qui inscribitur: Die Rhetorik der Griechen und Römer, p. 386.

Библиотека "Руниверс"

similitudines, non autem γνῶμαι sunt. Multo accuratius Aristoteles docet γνώμην esse enuntiationem de rebus in universum, ad actiones humanas pertinentem et quae expetenda vel fugienda sint monentem. Quam definitionem hoc modo expressit (p. 99, 17 s. 22): ἔστω δὴ γνώμη ἀπόφανσις, οὐ μέντοι περὶ τῶν καθ' ἕκαστον, οἷον ποῖός τις Ἰφικράτης, ἀλλὰ καθόλου, καὶ οὐ περὶ πάντων, πλὴν ὅτι τὰ αὐτὰ τῷ πρακτῷ ἐναντίον, ἀλλὰ περὶ ὧν οἱ πράξεις αἱρετὰ καὶ αἱρεταὶ ἢ φευκταὶ ἐστὶν πρὸς τὸ πρακτέον. Idem Cornificius dicit, qui γνωμῶν sententiae vocabulo vertit (IV, 17): Sententia est oratio sumpta de vita, quae aut quid sit aut quid esse oporteat in vita, breviter ostendit [1]). Quintilianus denique (VIII, 5, 3) est sententia vox universalis, quae etiam citra complexum causae possit esse laudabilis. Quae descriptio, ut illa Anaximenea, latius patet. Ceteris definitionibus, quae apud progymnasmaticos (Sp. II, p. 7, 12 sqq.; 25, 8 sq.; III, p. 468, 25 sq.), Rufum (Sp. I, p. 469, 15 sqq.), Doxopatrum (Walz. II, p. 288), scholiastas in Hermogenem (Walz. V, p. 422; VII, p. 755; ibid. p. 1164), ceteros reperiuntur, supersedere possumus, cum nihil novi ad illustrandam γνώμης significationem afferentes paucis tantum verbis mutatis priorum descriptiones reperiantur. Idem statuendum est de latinis rhetoribus qui dicuntur minores.

Si quaeritur, quid discriminis inter sententiam atque enthymema intercedat, respondendum est, cum enthymema semper ex duabus enuntiationibus constet, quarum altera antecedens (ἀρχή), altera consequens (συμπέρασμα) vocatur, utramque partem separatim positam γνώμην efficere, ut Aristoteles recte observavit (p. 99, 21 sqq.): ἐπεὶ τὰ ἐνθυμήματα περὶ τοιούτων συλλογισμῶν ἐστι σχεδόν, ὧν τὰ συμπεράσματα τῶν ἐνθυμημάτων καὶ αἱ ἀρχαὶ ἀφωρισμέναι τοῦ συλλογισμοῦ, γνῶμαι εἰσίν. Sunt autem sententiae, quae ratione minime possint carere (ut infra videbimus); quae ab enthymemate nihil differunt. Quae si respicimus, γνώμης significationem latius patere atque enthymema speciem eius esse facile cognoscimus. Ad quod illustrandum multum conferunt scholiastae in Hermogenem verba (Walz. VII, p. 765): διαφέρει δὲ γνώμης ἐνθύμημα ὡς Ἀλέξανδρός φησιν· τῆς μὲν ἀναποδείκτου προδήλως διαφέρει τῷ ἐκείνην μὲν φιλὴν εἶναι ἀπόφανσιν, τὸ δὲ ὥσπερ συλλογισμόν τινα, τῆς δὲ ἀποδεδειγμένης, ᾗ τὰ μέρη τῶν ὅλων· ἐμπεριέχεται γὰρ τῷ γνώμῃ τὸ

[1]) Originem et graecae et latinae vocis Quintilianus optime docuit (VIII, 5, 3): Utrumque nomen ex eo acceperunt, quod similes sunt consiliis aut decretis. Minus apta est Nicolai sophistae interpretatio (Sp. III, 464, 9 sqq.): εἴρηται δὲ γνώμη ἀπὸ τοῦ γνῶσίν τινα καὶ πίστιν εἶναι ἐν τοῖς προκειμένοις.

Библиотека "Руниверс"

ἐνθύμημα, μέρος δὲ ἐκεῖνο, καθὸ ἡ ἀπόφανσις ἀποδίδεται. Quae explicatio Aristotelis verbis (p. 97, 14) minime repugnabit, si apud eum μέρος vocabulum partem, hic autem speciem significare statuerimus [1]).

In dividendis in genera sententiis artium scriptores spectabant, utrum γνώμη cum ratione adiecta reperiretur, an eiusmodi epilogo careret, atque sententias in duo genera dispertiebant, ut iam apud Anaximenem legimus (p. 198, 13 sqq.): δύο δὲ τρόποι τῶν γνωμῶν εἰσιν ὁ μὲν ἔνδοξος, ὁ δὲ παράδοξος. ὅταν μὲν οὖν ἔνδοξον λέγῃς, οὐδὲν δεῖ τὰς αἰτίας φέρειν· [2]) οὔτε γὰρ ἀγνοεῖται οὔτ' ἀπιστεῖται τὸ λεγόμενον. ἐὰν δὲ παράδοξον λέγῃς, χρὴ φράζειν τὰς αἰτίας συντόμως, ἵνα τὴν ἀδολεσχίαν καὶ τὴν ἀπιστίαν διαφύγῃς. Idem Aristoteles dicit (p. 100, 5 sqq.), qui in utroque genere duas species inesse statuit, prout ratio adiecta sive per totam enuntiationem profertur sive in paucissima verba contrahitur, et sententiae ratione carentes iam prius vulgo notae erant vel prolatae statim ab unoquoque intelleguntur; si vero priorem divisionem in duo tantum genera retinuisset, melius eum facturum fuisse Spengelius (ad h. l.) recte censet. Verba autem Aristotelis haec sunt: ἀνάγκη πάντων εἰδη εἶναι γνώμης· ἢ γὰρ μετ' ἐπιλόγου ἔσται, ἢ ἄνευ ἐπιλόγου· ἀποδείξεως μὲν οὖν δεόμεναί εἰσιν ὅσαι παράδοξόν τι λέγουσιν ἢ ἀμφισβητούμενον, ὅσαι δὲ μηδὲν παράδοξον, ἄνευ ἐπιλόγου. Et porro (97 sqq.): περὶ τῶν ἀμφισβητουμένων (sc. ἁρμόττει εἶδος γνώμης) μὴ ἄνευ ἐπιλόγου, ἀλλ' ἢ προθέντα τὸν ἐπίλογον γνώμῃ χρῆσθαι τῷ συμπεράσματι, ἢ τοῦτο προεπιτόντα ἀπαιτεῖν τὰ ἔμπροσθεν. περὶ δὲ τῶν μὴ παραδόξων, φθάσαι δέ, προσιθέντα τὸ διότι, ἀτραγγελώτατα. Posteriores artis rhetoricae praeceptores praeter sententiae additam vel omissam id quoque spectabant, essetne γνώμη simplex an duplex, ut Cornificius (IV, 17) et Quintilianus (VIII, 5, 4). Alii, imprimis progymnasmatici, cum in eiusmodi nugis rhetoricis frustra

[1]) Exempli gratia unum Demosthenicam enthymema apponimus (or. XV, 21): δεῖ τοὺς εὐτυχοῦντας περὶ τῶν ἀτυχούντων οὕτ' ὀλιγωρεῖν τὰ βέλτιστα βουλευομένους, ἐπειδήπερ ἄδηλον τὸ μέλλον ἅπασιν ἀνθρώποις. Infra autem, ubi eiusdem oratoris gnomologiam afferemus, facere non poterimus, quin interdum enthymemate soluto utramque sententiam variis locis ponamus, eum non enthymematum, sed sententiarum usum observare nobis propositum sit.

[2]) R. Volkmannus l. l. p. 367 putat hoc loco pro simplici φέρειν legendum esse ἐπιφέρειν. Quamquam et compositum apud Anaximenem reperitur, ut c. 1, p. 175 λύσιν ἐπιφέρειν, c. 2, p. 178 ἰδίας ἐπιφέρειν, c. 22, p. 209 ἐπιλόγους ἐπιφέρειν, tamen multi loci, ubi rhetor simplex φέρειν posuit, codicum scripturam satis tuentur ut c. 7 p. 194 πρόφασιν οἰστέον, c. 8 p. 194 φέροι τινας πράξεις, ibid. φέροι παράδειγμα, c. 14 p. 200 παραδείγματα φέρειν, c. 18 p. 204 φέρειν αἰτίας.

Библиотека "Руниверс"

operam consumerent, alias divisiones proferre conati sunt, ut Quintilianus (ibid., 5) testatur: Sunt etiam, qui decem genera fecerint, sed eo modo, quo fieri vel plura possunt. — Ita Nicolaus sophista quattuordecim sententiarum genera enumerat, quae divisio e Syriici cuiusdam ludo rhetorico fluxit (cf. Sp. III, p. 464 sq.).

Iam ex iis, quae supra in sententiarum generibus enumerandis attulimus, satis apparet, primum in sententia recte conformata brevitatem requiri. Ita iam Anaximenes duobus locis sententiam brevem esse oportere praecepit, p. 198, 17 sq.: χρὴ φράζειν τὰς αἰτίας αὐτάρκως, ἵνα τὴν ἀδολεσχίαν καὶ ἀτοπίαν φεύγοντες, et p. 201, 28 sq.: γνώμην ἢ ἐνθύμημα αὐτάρκως εἰπεῖν. Aristoteles quoque sententias, in quibus ratio adiecta non per totam enuntiationem proferatur, sed in paucissima verba contrahatur, efficacissimas esse dicit (p. 190, 19), simulque rationem quam brevissime adiciendam esse monet (προσθέντα τὸ διότι στρογγυλώτατα p. 191, 1 sq.). Cornificius brevitatem vocem in definitione ipsa posuit et porro haec dicit: Sententiae simplices non sunt improbandae, propterea quod habet brevis expositio, si rationis nullius indiget, magnam delectationem. — Quod praeceptum Demetrius (Sp. III, p. 262, 9 sqq.) his verbis optime expressit: ἔστιν ἀποφθεγματικὸν ἡ βραχύτης καὶ γνωμολογικὸν καὶ σοφώτερον τὸ ἐν ὀλίγῳ πολλὴν διάνοιαν ἠθροῖσθαι, καθάπερ ἐν τοῖς σπέρμασι δένδρων ὅλων δυνάμεις· εἰ δὲ ἐκτείνοις τις τὴν γνώμην ἐν μακροῖς, διδασκαλία γίνεταί τις καὶ ἱστορία ἀντὶ γνώμης [1]). Tum sententiae rei propriae et causae accommodatae esse debent, ut non insertae, sed ex causa ipsa profectae et quodammodo natae esse videantur, quod iam Anaximenes praecepit (p. 198, 18 sqq.): δεῖ τὰς γνώμας εἰκότας φέρειν τῶν πραγμάτων, ἵνα μὴ σχαῖον καὶ ἀπηρτισμένον φαίνηται τὸ λεγόμενον. Idem Quintilianus dicit (II, 4, 31 sq.): Quidam sententiarum gratia verbosissimos locos arcessunt, cum ex locis debeat nasci sententia. Ita sunt autem speciosa haec et utilia, si oriuntur ex causa: ceterum quamlibet pulchra locutio, nisi ad victoriam tendit, utique supervacua, sed interim etiam contraria est.

Quod ad multitudinem sententiarum in orationibus attinet, in iis adhibendis modum servandum esse rhetores monent, ut Cornificius (IV, 17):

[1]) Itaque longiores sententiae, quamquam universaliter spectatae sententiarum speciem habent, tamen propterea quod gravissimo de brevitate praecepto repugnant et potius ad amplificandam orationem quam ad demonstrandum afferuntur, non sententiis, sed locis communibus adnumerandae sunt, ut XX, 154; XXIV, 68 sq.; ibid. 75 sq. de legibus; XVIII, 47 de proditore; ibid. 246 de oratoris officio; XIX, 183 sqq. de legatorum officio, alia.

Библиотека "Руниверс"

Sententias interponi rare convenit, ut rei actores, non vivendi praeceptores esse videamur: cum ita interponentur, multum afferent ornamenti et necesse est animo comprobet tacitus auditor, cum ad causam videat accommodari rem certam ex vita et moribus sumptam. Eadem sententia Longini fuit (Sp. I, p. 327, 9 sq.): αἱ γνωμολογίαι ἔριστα ἐπὶ τῇ κατασκευῇ· οὐ δεῖ δὲ κατακόρως ταύταις κεχρῆσθαι.

Cui denique et de quibus rebus sententiae dicendae sint, Aristoteles optime docet (p. 1404, 6 sqq.): ἁρμόττειν δὲ γνωμολογεῖν ἡλικίᾳ μὲν πρεσβυτέρῳ, περὶ δὲ τούτων ὧν ἔμπειρός τις ἐστιν, ὡς τὸ μὲν μὴ τηλικοῦτον ὄντα γνωμολογεῖν ἀπρεπὲς ὥσπερ καὶ τὸ μυθολογεῖν, περὶ δ' ὧν ἄπειρος, ἠλίθιον καὶ ἀπαίδευτον. Eadem Quintilianus repetivit (VIII, 5, 7 sqq.): In hoc genere cavendum est, id quod ubique, ne crebrae sint, ne palam falsae, ne passim et a quocunque dicantur. Magis enim decent eos, in quibus est auctoritas, ut rei pondus etiam persona confirmet. Quis enim ferat puerum aut adolescentulum aut etiam ignobilem, si iudicet in dicendo et quo lammodo praecipiat?

Cum igitur sententia inter artificiosas argumentationes numeretur, in ea potissimum parte orationis, quae probatio vocatur, eam adhiberi manifestum est. Artificialia autem argumenta, ut supra vidimus, multa sunt, itaque oratori in adhibendis sententiis primum quaerendum est, quo loco γνώμην ponat, quod omnium tecnicorum optime docuit Anaximenes, qui sententiam et in deliberativo et in demonstrativo et iudiciali genere aliis argumentis adiungendam et sub finem singularum partium ponendam esse censet (p. 221, 6 sqq.): μετὰ δὲ ταῦτα (sc. alias argumentationes) γνωμολογητέον. δεῖ δὲ καὶ περὶ τὰ μέρη τῶν εἰκότων καὶ τῶν παραδειγμάτων ἐπὶ τελευτῆς ἐνθυμηματοειδῆ καὶ γνωμολογικὰς τὰς τελευτὰς ποιεῖσθαι. Porro (p. 227, 1 sq.) haec dicit: διὰ τῆς τελευτῆς τοῦ μέρους ἐνθύμημα καὶ γνώμην εἰπόν... et p. 228, 1 sq.: τελευτὴν ἢ γνώμην ἢ ἐνθύμημα πάντι τῷ λόγῳ ἐπιθήσομεν. Ceterum eiusmodi sententia sub finem partis alicuius orationis posita proprio nomine ἐπιφώνημα appellari potest, quamquam ab ipso epiphonemate differt primum eo, quod quaevis sententia, describendi atque depingendi ornandique causa alteri addita ita appellatur, tum quod γνώμη non semper ultimum locum occupare, sed etiam initio orationis proferri solet, quod discrimen iam Demetrius animadvertit (p. 286, 25 sqq.): ὥσαύτως δὲ καὶ ἡ γνώμη ἐπιφωνουμένῳ τινὶ ἔοικεν ἐπὶ προειρημένοις, ἀλλ' οὐδ' αὕτη ἐπιφώνημά ἐστιν· καὶ γὰρ προλέγεται πολλάκις, λαμβάνει μέντοι χώραν ποτὲ ἐπιφωνήματος.

At non solum in probando atque refutando, sed etiam in ceteris orationis partibus sententiis uti licet. Quod ad prooemium attinet, non

Библиотека "Руниверс"

reperi graecum praeceptum, quo sententiae usus initio orationis uti possit, itaque Fortunatiani tantum testimonium afferam (apud Halmium p. 110, 6 sqq.), quo iubet proοemia „quibus nos nunquam uti possumus, sed compellente ratione, id est cum desiderat causa" γνωμικὸν quoque nominat.

Quintiliani temporibus usu receptum erat a proοemio ad narrationem per sententiam transire, quem morem ille magister dicendi reicit (IV, 1, 77): illa vero frigida et puerilis est in scholis affectatio, ut ipse transitus efficiat aliquam utique sententiam et huius velut praestigiae plausum petat: ut Ovidius lascivire in Metamorphosi solet, quem tamen excusare necessitas potest res diversissimas in speciem unius corporis colligentem [1]). In narratione ipsa sententiis uti licere docet Aristoteles (p. 157, 15): γνώμαις δὲ χρηστέον καὶ ἐν διηγήσει καὶ ἐν ῥήσει. Utrum in epilogo sententiae adhiberi possint necne, contendere non audemus, cum neque rhetorum praecepta neque oratoris exempla nobis praesto sint.

Quibus praemissis ex singulis orationum partibus unum vel duo exempla afferemus, ex quibus oratoris usus aperte intellegi possit. Ita a sententia ea oratio incipit, quam Demosthenes Timiae cuiusdam filio scripsit, cuius agro Callicles, eius malus atque avidus vicinus, potiri conatus eum tum ipse, tum per alios in ius vocabat. Reus igitur ad iudices conversus hoc modo incipit (p. 1272): Οὐκ ἦν ἄρ', ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, χαλεπώτερον οὐδὲν ἢ γείτονος πονηροῦ καὶ πλεονέκτου τυχεῖν. Quod se ipsum expertum esse statim audit: ὅπερ ἐμοὶ νῦν συμβέβηκεν.

In oratione de corona (§ 96 sqq.) Demosthenes exempla afferens narrat Athenienses semper civitatibus oppressis contra eos, qui Graeciae principatu potiti essent, auxilium tulisse atque earum oppressores impugnasse; quae narratio sollemnibus sententiis interpositis illustratur (97): πέρας μὲν ἅπασιν ἀνθρώποις ἐστὶ τοῦ βίου θάνατος, κἂν ἐν οἰκίσκῳ τις αὐτὸν καθείρξας τύχῃ, δεῖ δὲ τοὺς ἀγαθοὺς ἄνδρας ἐγχειρεῖν μὲν ἅπασιν ἀεὶ τοῖς καλοῖς, τὴν ἀγαθὴν προβαλλομένους ἐλπίδα, φέρειν δ' ἣν ὁ θεὸς δίδῳ γενναίως.

Maxima autem sententiarum pars confirmationi et refutationi inservit. Ita I, 23 orator contendit Paeones, Illyrios, alias nationes iugum Macedonum graviter ferre, cum subditi esse non consuevérint et Philip-

[1]) Ceterum Ovidius quod nos sciamus semel (III, 356 sq.) eiusmodi fabularum vinculo usus est; cf. nostram hac de re commentationem, quae est inserta indici scholarum gymnasii Novodomensis, a. 1874.

pus homo superbus esse dicatur, quod alterum verisimile esse demonstratur sententia: τὸ γὰρ εὖ πράττειν παρὰ τὴν εἰκὸν ἀφορμὴ τοῦ κακῶς φρονεῖν τοῖς ἀνοήτοις γίγνεται. Quod rhetores praecipiunt, sententiam aliis argumentis adiungendam et sub finem singularum partium ponendam esse, hoc saepissime a Demosthene factum est, ut I, 5, ubi orator docet Olynthios Philippo non credere, cum sciant, quomodo tyrannus finitimas civitates crepulas, ut Amphipolim et Pydnam, deceperit; quae sententia γνώμη confirmatur: ἄπιστον ταῖς πολιτείαις ἡ τυραννίς. Iam scholiasta hunc oratoris usum animadvertit: εἰκὸς τὰ μερικὰ παραδείγματα τῷ καθολικῷ τῆς γνώμης ταῦτα ἁπαρτίζεται. Pulcherrimum epiphonematis exemplum VI, 27 legitur. Messenii, aliique Peloponnesi incolae, inquit orator, quamquam magna orationem probaverunt, tamen periculum libertatis amittendae removere non conabuntur, idemque Athenienses facient. Tum indignatione atque dolore commotus sub finem haec addit: οὕτως ἡ παροῦσ' ἡδονὴ καὶ ῥᾳστώνη μεῖζον ἰσχύει τοῦ πρὸ ὕστερον συνοίσειν μέλλοντος.

Ad refutandum adhibita est sententia IX, 16. Quamquam Athenienses cum Philippo per legatos pacem iam fecerant atque iure iurando sese obstrinxerant, nihilominus Philippus, quem Atheniensium legati Pellae exspectabant, interea tempus non terebat atque Thraciae oppida expugnabat, quamobrem Demosthenes ius iurandum ab eo violatum esse affirmabat atque si quis hoc negaret, ea oppidula vilia esse dicens, eius sententiam his verbis refellere conatus est: τὸ δ' αἰσχρὸν καὶ τὸ δίκαιον ἂν τ' ἀπὶ μικροῦ τις ἂν τ' ἀπὶ μείζονος παραβαίνῃ, τὴν αὐτὴν ἔχει δύναμιν. Aliud exemplum ex oratione de corona afferemus (192). Aeschines enim cladis Atheniensium a Philippo acceptae culpam Demostheni tribuebat, quoniam eius consilio Athenienses ad bellum gerendum commoti essent; orator autem sese excusat atque adversarii exprobrationem hac sententia reicit: τὸ μὲν γὰρ πρᾶξαι, ὡς ἂν ὁ δαίμων βουληθῇ, πάντων γίγνεται, ἡ δὲ παρασκευὴ αὐτὴ τὴν τοῦ συμβούλου διάνοιαν δηλοῖ. Ad idem perficiendum porro (§ 289) epigrammate usus est:

Μηδὲν ἁμαρτεῖν ἐστι θεῶν καὶ πάντα κατορθοῦν,
Ἐν βιότῳ μοῖραν δ' οὔ τι φυγεῖν μερόπων.

Restat ut quaeramus, quidnam utilitatis afferant sententiae in orationibus adhibitae. Praeter id quod gravissimum est, sententiis recte usurpatis fidem fieri, tria iis efficiuntur. Nam primum oratio sententiis exornatur et iliae praestantissimae eloquendi virtutes, ut ἀστειότης, μεγαλοπρέπεια, σεμνότης iis augentur, quod ex rhetorum praeceptis perspici

Библиотека "Руниверс"

potest. Cf. Aristid. p. 201, 27 sqq. οὐδὲν δύναται παρεῖναι ἐπίλοιπον, ἐὰν μὴ βούλῃ τοῦτον ἢ ἀνθύπατον αὐτὸν εἶναι τὸν αὐτὸν ὄντα. Porro Aristidis verba (Sp. II, 466, 21): καὶ τὸ γνωμολογεῖν τῆς αὐτῆς ἐστιν. Quamquam Demetrius eloquendi praeceptis tradens γνώμας inter ea nominat, quibus orationis magnificentia efficitur, et Cornificius quoque non in inventione, sed in elocutione de sententia exit inter figuras earum numerans, quod Quintilianus (IX, 2, 98) prorsus improbandum esse censet, idque summo iure: nam sententia recte adhibita ipsa per sese orationem ornatam reddit, non vero tantum ornandi causa adhibenda est. Itaque Demosthenes summa laude afficiendus est, qui nunquam, ut iam Volkmannus (I, 1, p. 388) recte observavit, tantum orationis exornandae causa sententias attulerit.

Alterum et tertium, quod sententiae in oratione efficiant, optime Aristoteles docet, qui natura humana penitus perspecta in quae ipsum philosophia docuerat, in rhetorica quoque opportunissime usus est. Qui audiunt, tum domi proprias opiniones ac actiones et vitam humanam cum privatam, tum publicam spectantes secum afferunt; si igitur orator easdem quas illi habent opiniones in universum profert, omnes sese iam antea idem sensisse laetantur atque admiratione proprii acuminis arrepti facilius ea credunt, quae orator iis persuadere conatur. Itaque si orator apud iudices vel in contione aliquid proficere vult, antea opiniones eorum qui audiunt penitus perspectas habere necesse est. Verba autem Aristotelis haec sunt (p. 102, 8 sqq.): ἔχουσι δ' αἱ τοὺς λόγους βοήθειαν μεγάλην μίαν μὲν διὰ τὴν φορτικότητα τῶν ἀκουόντων· χαίρουσι γὰρ ἐάν τις καθόλου λέγων ἐπιτύχῃ τῶν δοξῶν ὃς ἐκείνου κατὰ μέρος ἔγνωσται· ὃ δὲ λέγω, δῆλον ἔσται ὕστερον, ἅμα δὲ καὶ πᾶς δεῖ αὐτὰς ὑποκρίνειν ἢ φαίνεσθαι· ἡ μὲν γὰρ γνώμη, ὥσπερ εἴρηται, ἀπόφανσις καθόλου ἐστίν· χαίρουσι δὲ καθόλου λεγομένου ὃ κατὰ μέρος προϋπολαμβάνοντες τυγχάνουσιν, ὥστε δεῖ στοχάζεσθαι πῶς τυγχάνουσι τοῖα προϋπολαμβάνοντες, εἶθ' οὕτω περὶ τούτων καθόλου λέγειν. Si igitur orator in contione talis civitatis verba facit, quae δημοκρατικῶς administratur, populariter sententiis ei utendum esse, quibus civium animos sibi conciliet, nemo non videt. Itaque Demosthenis popularibus sententiis collectis atque allatis ostendamus oratoris usum in hac re quoque cum rhetoricis praeceptis congruere: I, 5 (cf. supra) VI, 21 οὐκ ἀσφαλεῖς οὕτως πολιτείας εἰ πρὸς τοὺς πράττοντας λίαν ὀφλίσει. Ibid. 25 τύραννος ἅπας ἐχθρὸς ἐλευθερίᾳ καὶ νόμοις ἐστίν. XIX, 296 οὐκ ἔστι ὅ τι τῶν πάντων μᾶλλον εὐλαβεῖσθαι δεῖ ἢ τὸ μεῖζω τινὰ τῶν πολλῶν ἐᾶν γίγνεσθαι. Ibid. 300 πάντων ἐχθρότατον καὶ φοβερώτατον τὸ τὸν προεστηκότα ἐᾶν οἰκεῖον γίγνεσθαι τοῖς μὴ τῶν αὐτῶν ἐπιθυμοῦσι τῷ

Библиотека "Руниверс"

δήμῳ. VI, 24 ὃν δέ τις ποιεῖν ἡ φύσις τῶν εὖ φρονούντων ἐν αὑτῷ κέκτηται, φυλακτήριον, ὃ πᾶσι μέν ἐστιν ἀγαθὸν καὶ σωτήριον, μάλιστα δὲ τοῖς ἐπὶ θεσι πρὸς τοὺς τοιούτους ἀφ' οὗ ἂν τύχωσι διατιθεῖσι. XV, 18 οὐ γὰρ ἴσθ' ὅπως ὀλίγοι πολλοῖς καὶ ζητοῦντες ἄρχειν τοῖς μὲν ἰσηγορίας ζημιοῦσι καὶ ἐλευθερίας. Ibid. 20 τοὺς καὶ πολιτείας καταλύοντας καὶ μαθητὰς ἀνδρῶν εἰς ὀλιγαρχίαν κοινοὺς ἐχθροὺς παραπλησίως νομίζειν πάντων τῶν ἐλευθερίας ἐπιθυμούντων. XXII, 51 πάντα πρότερ' ἐστὶν ἐν δημοκρατίᾳ. XXI, 67 τῶν τε ἄλλων καὶ τῶν δικαίων ἕκαστος ἡγεῖται ἑαυτῷ μᾶλλον ἐν δημοκρατίᾳ. Ibid. 207 μὴ ἔστω μηδεὶς ἐν δημοκρατίᾳ πλείονος, ὥστε συνειπὼν τὸν μὲν ἁλῶναι, τὸν δὲ μὴ δοῦναι δίκην ποιῆσαι. XXII, 64 τὸν ὑπὲρ πόλεως πράττοντά τι δεῖ τὸ τῆς πόλεως ἦθος μιμεῖσθαι. XIX, 7 τὸ μὲν ἐν τούτων λαμβάνειν, ἐξ ὧν ἡ πόλις βλάπτεται, πάντες οἴδ' ὅτι φήσαντ' ἂν εἶναι δεινὸν καὶ πολλῆς ὀργῆς ἄξιον. XXII, 16 τὴν τῶν ὅλων σωτηρίαν πρώτην ὑπάρχειν δεῖ παρασκευαζομένην τῷ δήμῳ [illegible].

Haec referuntur ad eos qui audiunt; iam sequuntur Aristotelis verba, quae ad oratorem ipsum spectant: cum enim sententiae ostendant, quid orator in vivendo atque agendo comprobet aut respuat, mores eius ex sententiis quas adhibuit cognoscuntur et bonae sententiae sunt iustae dictionis optimae oratoris morum testimonia: ταύτην τε δὴ ἔχειν μὲν χρῆσιν τὸ γνωμολογεῖν καὶ ἑτέραν πρεῖττω· ἦθος γὰρ ποιεῖ τοῦ λόγου. ἦθος δ' ἔχουσιν οἱ λόγοι, ἐν ὅσαις ἂν ᾖ προαίρεσις· αἱ δὲ γνῶμαι πᾶσι ποιοῦσι πεποιῶσι διὰ τὸ ἀποφαίνεσθαι τὸν τὴν γνώμην λέγοντα περὶ τῶν προαιρέσεων, ὥστ' ὅταν χρηστὰι ὦσιν αἱ γνῶμαι, καὶ χρηστοὺς ποιήσει φαίνεσθαι τοὺς λέγοντα. Est autem duplex ἦθος, ut Dionysius Halicarnassensis (art. rhet. c. XI, § 2) docet; alterum constat in iuvitando ad virtutem et avertendo a scelere, alterum in eo, ut oratio et res de qua agitur ea sit, qui audiunt et dicunt apta atque accommodata esse videantur: τὸ ἦθος ἔστιν διπλοῦν εἶναι, τοιοῦτον τε καὶ ἴδιον, λέγω δὲ τὸ φρονοῦν φρόνησιν ἔχόμενον· τὸ εἰς ἀρετὴν ἐπιτρέπον καὶ κακίας ἀποκλίνοντα τὸ ἴδιον δὲ τὸ ῥητορικόν, τὸ πρέπουσας καὶ προσφόντας τοὺς λόγους ποιεῖσθαι περὶ τῶν ὑποκειμένων πραγμάτων τῷ λέγοντι φησὶ καὶ τῷ ἀκούοντι. In hoc, alterum ἦθος adhibendo praeter ceteros excellisse constat Lysiam, in cuius orationibus mores eorum, quibus ille orationes scripsit, optime expressi sunt; non de altera, illo philosophico, agimus. Quantum ad commovendam in oratione fidem facias, ut orator vir probus et honestus esse videatur, (quod nunc tam iam aptos de eo cognitum est, quam in oratione ipsa

[illegible]

1) Ex Stob. Flor. XIII, § 17 δοῦλον δ' εἶναι τοῖς ἐλευθέροις μεῖζον ἀτύχημα τῆς ἀφαιρέσεως τῆς παρρησίας. [illegible]

apparere debet), quanes artium scriptores, imprimis Aristoteles, summa cum gravitate praedicant. Qui praestantissimus dicendi praeceptor iam initio libri primi de rhetorica (p. 8) ex quibus in oratione fides fiat enumerans primo loco dicentis mores posuit: τῶν δὲ διὰ τοῦ λόγου παρεχομένων πίστεων τρία εἴδη ἐστίν· αἱ μὲν γὰρ εἶναι ἐν τῷ ἤθει τῷ λέγοντος. Fit autem, ut ibidem porro explicatur, fides per dicentis mores, si oratio ita comparata est, ut orationem fide dignum esse ostendat; probis enim facillime assentimur. Neque summo iure sub finem eius expositionis haec verba adduntur: σχεδὸν γὰρ εἰπεῖν κυριώτατον ἔχει πίστιν τὸ ἦθος. Quod cum tam grave sit, minime supervacaneum esse puto sententiis ex Demosthenicis orationibus collectis ostendere, quidnam inde de ipsius oratoris moribus iudicari possit.

Quae igitur ut ita dicam Demosthenis ethicam efficiunt, sunt: II, 10 οὐκ ὄσους ἀδυνάτους καὶ ἀπόρους καὶ ψευδόμενον δύνασθαι βαδίως κτήσασθαι. XVIII, 228 θαυμαστὸν ὡς σαφῶς τοὺμὸν ἐς ὑμᾶς ἐστι φανερὸν, ὅτι ἀγαθὴ βραχεῖα, ἢ προῆμένον. XIX, 208 Τἀληθὲς ἰσχυρὸν, καὶ τοιαυτὶ ἀφανὲς τοῖς ἀκούουσι προσκόσω αὐτοῖς τὰ πράγματα. IX, 16 (cf. supra). XVIII, 242 πολλὰ ἀνεφόμενος εἰς ἀπὸ παντάχοθεν βέβαιον καὶ φιλαίτιον. Ibid. 247 ὥσπερ γὰρ ἀνόμενος ἀνδρὸς τὸν λαβόντα, τὸν πρίαντα, οὕτως ἡ μὴ λυθὲν καὶ ἀφρθαρμὸς ἀπίκτησε τὸν ὠνησάμενον. Ibid. 269 τοιγὰρ τὸν μὲν αὖ παθόντα δεῖν μεμνῆσθαι πάντα τὸν χρόνον, τὸν δὲ ποιήσαντα μήδ' ἐπιλελῆσθαι. XXIV, 49 τοῖς γὰρ ἄλλοις ἀμαρτοῦσι μέτεστι συγγνώμης, οὐ τοῖς ἐπιβουλεύουσιν. XVIII, 274 ἀλλὰ τὸ σὸν τοῦτ' ἐστὶ καὶ τιμωρίαν κατὰ τούτου ἠδικηκότος καὶ ἄλλων συχνῶν ὄντι τῆς τιμωρίας τούτου. XIX, 289 οὐ γὰρ εἰ πρόβδηλον ἐστὶν ἡ ψῆφος, ἀφεὶς τοὺς θεούς. XXIII, 197 ἔστι πολὺ μείζων τιμὴ τῆς χαλκῆς εἰκόνος τὸ καλῶν, κεκριθῶν ἀνδρῶν κεκρίσθαι πρώτους. XXI, 89 τοὺς ἀδίκως τι πάσχοντας, ὃ μὴ δυνάσονται φέρειν, ἐλεεῖν προτρέπει, οὐ τοὺς μὴν πεπονθέναι δεινὸν ἄλλο τι δίκην διδόντας. Ibid. 100 οὐδεὶς γάρ ἐστι δίκαιος τυγχάνειν ἀλλου τῶν μεθ' ἑαυτῶν οὐδὲ συγγνώμης ἄξιος, ἂν συγγνωμονῇ. XVIII, 97 (cf. supra). XX, 135 πάντα μὲν εἰκαθεῖσθαι δεῖ ποιεῖν τὴν δυναστείαν καὶ ὅτι αἰσχρὰ. Ibid. 141 τοιοῦτον φόρος κακίας σημεῖόν ἐστιν ὁ φθόνος. Ibid. 151 πολὺ γὰρ βελτίονος ἀνδρὸς ἐσθ' ὑφ' οἷς αὐτὸς εὖ πεπείσμην εἶναι τιμᾶσθαι ἢ ὑφ' οἷς ἕτερα ποιήσαντες ἀτιμάζησαν φθονεῖν. XXI, 10 δεῖ δὲ σκοπεῖν μὲν καὶ πράττειν καὶ τὰ δίκαια, συμπαραμετρεῖν δ' ἅμα καὶ συμφέροντα ἔστιν ἀνδρί.

Praeter mores hoc quoque ad fidem faciendam maxime valet, ut orator prudens esse videatur. Qui enim aliis consilia dare vult, eum ipsum hominum naturam atque ingenium fortunaeque varietatem per-

spectam habere et ut in vita privata, ita in publica in agendo optima quaeque eligere et sequi necesse est. Hoc quidquid non fugit Aristotelem, qui initio secundi libri de rhetorica (p. 67, 16, sqq.) haec docet: τοῦ μὲν οὖν ἀγαθοὺς εἶναι πολλοὺς τοὺς λέγοντας τρία ἐστὶ τὰ ποιοῦντα δοκεῖν· ταῦτα δὲ τὰς φρονήσεις καὶ ἀρετὴν καὶ εὔνοιαν. Videamus igitur, quid haec in re ab oratore discere possimus.

Quid Demosthenes de multitudinis imperio tumultuario habuerit, sententiae de usu atque consuetudine hominum petitae ostendant: II, 8 οἱ τὰ πρᾶτ' ἐξηπατημένοι τὰ λοιπὰ οὐ πιστεύσουσιν. III, 32 ἔστι δ' οὐδέποτ', οἶμαι, μέγα καὶ νεανικὸν φρόνημα λαβεῖν μιᾶρὰ καὶ φαύλα πράττουσαι· ὅποι' ἄττα γὰρ ἂν τὰ ἐπιτηδεύματα τῶν ἀνθρώπων ᾖ, τοιοῦτον ἀνάγκη καὶ τὸ φρόνημ' ἔχειν. XXII, 64 ὁποίους τινὰς ἂν φαίνησθ' ἀγαπᾶντες καὶ σώζοντες, τούτους ὅμοιον δέδοκτ' εἶναι. XVIII, 8 φύσει πᾶσιν ἀνθρώποις ὑπάρχει τῶν μὲν λυσιτελούντων καὶ κατηγορεῖν ἡδέως, τοῖς ἐπαινοῦσι δ' αὐτοὺς ἥδεσθαι. Ibid. 315 τοῖς μὲν ζῶσι πᾶσιν ὅπλον ἐστίν τις ἡ πλείων ἢ ἐλάττων φθόνος, τοὺς τεθνεῶτας δὲ οὐδὲ τῶν ἐχθρῶν οὐδεὶς ὅτι μισεῖ. XIX, 313 τὸ δ' ἐπὶ τοῖς καλῶς πραχθεῖσιν ὀφεῖναι τῶν ὄντως τετελευτηκότων ἴδιον κτῆμ' εἶναι (σᾴδει γὰρ ὁ φθόνος αὐτοῖς ἔτι τηκεδὼ ἀναντιοῦτας). VI, 27 (cf. supra). Ibid. 34 ὁρῶ ὡς τὰ πολλὰ ἐνίους οὐκ εἰς τοὺς αἰτίους, ἀλλ' εἰς τοὺς ὑπὸ χεῖρα μάλιστα τὴν ὀργὴν ἀφιέντας. XVI, 24 τὰ δίκαια πάντες, ἂν καὶ μὴ βούλωνται, μέχρι τοῦ γε ἀληχόντα μὴ πράττειν, τοῖς δ' ἀδίκοις ἀναντιοῦνται φανερῶς, ἄλλως τε κἂν πένες βλάπτωνται. XXIII, 114 τῶν ὑπὲρ τοῦ πλεονεκτεῖν ἐπιχειρούντων, οἷς οὐ χρή, οὐ τὰ δοσγερέστατ' ἕκαστος αὑτῷ λογίζεσθαι, ἀλλ' ἃ κατορθώσας διαφέξεται. XIX, 215 οὐδεὶς πώποθ' ὁμολογῶν ἀδικεῖν ἑάλω, ἀλλ' ἀναισχυντοῦσιν, ἀρνοῦνται, ψεύδονται, προφάσεις πλάττονται, πάντα ποιοῦσιν ὑπὲρ τοῦ μὴ δοῦναι δίκην. p. 1101 μέγα τοῖς ἀνοήτοις ὄνειδος περὶ ὧν πεπόνθασιν εἰπεῖν καὶ ὁμωνῶς ἔχόντων ἔκφορτικὸν ἴσχειν. XXIII, 124 πολλοῖς δήπου διὰ παρούς τινας πολλάκις φίλοι γεγόνασθε.

Iam sequuntur sententiae, quae ad res secundas atque adversas referuntur: I, 23 (cf. supra). II, 20 αἱ εὐπραξίαι θεῖναι συγχύσαι τὰ ὀνείδη. Ibid. 22 μεγάλη ῥοπὴ μᾶλλον δὲ τὸ ὅλον ἡ τύχη παρ' ἡμῶν ἐστιν τὰ τῶν ἀνθρώπων πράγματα. V, 12 εὐτυχίαν συμπάσης ἀγὼ τῆς ἐν ἀνθρώποις οὔσης δεινότητος καὶ σοφίας ὁρῶ κρατοῦσαν. XVIII, 200 ἀπατυχεῖν πᾶσι κοινὸν ἐστιν ἀνθρώποις, ὅταν τῷ θεῷ ταῦτα δοκῇ. Ibid. 252 ἐγὼ δὲ ὅλως μὲν ὅστις ἄνθρωπος ὢν ἀνθρώπῳ τύχην προφέρει, ἀνόητον ἡγοῦμαι· ἦν γὰρ ὁ βέλτιστα πράττων νομίζων καὶ ἄριστην ἔχειν βίοιμενος οὐκ οἶδεν εἰ μενεῖ τοιαύτη μέχρι τῆς ἑσπέρας· πῶς χρὴ περὶ ταύτης λέγειν ἢ ἀνερίζειν ἑτέρῳ; Ibid. 308 πολλὰ τἀνθρώπινα, denique p. 998, IX, 38 τὸν καιρὸν

σκόπου τῶν πραγμάτων ἡ ἀσχολία καὶ τοῖς ἁπλοῦσιν κατὰ τῶν προσεχόντων πολλάκις παραπλησίως. XX, 3 ὅτε τὸ μέλλον ἕκαστον ἀποβήσεσθαι καὶ μεγάλη ἀνάγκη πάρεστι γίγνεσθαι. ὅτε δεῖ μεμνῆσθαι ἐν τῷ εὐπραξίαι καὶ προορᾶσθαι τὸ μέλλον φαίνεσθαι. XV, 2 (cf. supra). XVI, 30 ἦλθε τι καὶ παρ' ἐλπίδας ἔξω. XXI, 205 μνησθεὶς τὸ λίαν ἀνέχεσθαι ἑνὸς ἀκούσαντος ποιεῖν. XXIII, 178 οὐδὲ ἔχειν τῶν εὖ φρονούντων οὐδὲν ὅρον ἡ τελευτὴν τῆς τοῦ πλουσίου ἀπιστίας. ὅτῳ πολλοὶ πολλάκις μενόντων ἀκουσίως τὰ παρόντα ἀπώλεσαν. [illegible]

I. Ad loquendum, consiliandum, ordinandum, inprimis autem ad agendum referuntur haec sententiae. II, 12 ἔτους μὲν λόγος, ὃν ἐπῆγε πράγματος μᾶλλον τι φαίνεται καὶ μενόν. IV, 2 δύσκολον φύσει καὶ χαλεπὸν τὸ βούλεύεσθαι. I, 71 πρὸς τὰ παλαιότατον ἀρχὴν ἕκαστον τῶν πρὶν ὑπαρξάντων κρίνεται. XIV, 80 δεῖ τοῦ καιροῦ πρᾶγμάτων μεγάλων σκοποῦντας μηδένα συμφέροντα λογισμὸν καταλιπεῖν ἀπὸ μεγάλου πρόφασιν. III, 18 ἐξαίφνης ῥᾴδιον εἰς ταὐτὸ πάντ' ἄνδρ' ἐλθεῖν τὰ ἀφέλιμα ἐν ὀλίγῳ πλείονα. δὲ, ὅταν περὶ πραγμάτων προτεθῇ σκοπεῖν, οὐκέθ' ὁμοίως εὐπορεῖ ἀλλὰ δεῖ τὰ βέλτιστα ἀνεῦ τῶν ἡδέων, ἐν μὴ ἀναμφίβαρῆ ἔχῃ, λαμβάνειν. III, 9 ῥᾴστον ἀπόνοιαν ἐστὶν αὐτὴν ἐξαπατῆσαι· ὃ γὰρ βούλεται, τοῦθ' ἕκαστος καὶ οἴεται, τὰ δὲ πράγματα πολλάκις οὐχ οὕτω πέφυκεν. XVIII, 192 τὸ παραλῆλυθὸς καμὲ πάντ' ἀφεῖναι, καὶ οὐδεὶς πρὸ αὐτοῦ προτίθησιν οὐδαμοῦ βουλήν, τὸ δὲ μέλλον ἢ τὸ παρὸν τὴν τοῦ συμβούλου τάξιν ἀπέστειλ. II, 28 οὐκ ἔστ' αὐτὸν ἀργοῦντα οὐδὲ τοῖς φίλοις ὠφελοῦντα σῶσαι τι ποιοῦντ', μή τί γε δὴ τὰς θέσεις. III, 2 πρὶν τὴν ἀρχὴν ὁρθῶς ὑποθέσθαι, μάτην ἡγοῦμαι περὶ τῆς τελευτῆς ἀνανεῦν πάντ' ἐπιτηδεῖ λόγον. XIX, 80 ἡ ἀλήθεια καὶ τὰ παραγγέλματ' αὐτὰ βοᾷ. IV, 5 φύσει τἀπαρχεῖ τοῖς παροῦσι τὰ τῶν φύντων καὶ τοὺς ἀθλίους κενεῖν καὶ κινδυνεύειν τὰ τῶν ἀμελούντων. Ibid. 19 ἀφ' οἷσπερ τοῖς ἐλευθέρους μισοῦντ' ἀνάγκαν τὴν ὑπὲρ τῶν κτημάτων αἰσχύνην εἶναι. VIII, 51 ἐστὶν ἐλευθέρῳ ἀνθρώπῳ μετρίαν ἀνάγκη ἢ ὑπὲρ τῶν γεγονότων αἰσχύνη δεδιέναι δὲ πλήθει καὶ ὁ τὰς σώφρονας αἰκισμός. I, 27 ἢ τῶν πραγμάτων αἰσχύνη οὐδεμιᾶς ἐλάττων ζημίας τοῖς γε σώφροσιν. XVIII, 159 ὁ τὸ σπέρμα παρασχὼν αὐτὸς τῶν φύντων καρῶν αἴτιος. XXII, 62 κοιλὰ ἡμῶν ἕκαστος οὐχ ὡς βαίβατον πράττει. XXIII, 50 πανταχοῦ τὴν πρόφασιν βεβαιοῦσαν τὸ πρᾶγμ' εὑρήσομεν. XXIII, 148 αἱ ἀναγκαῖαι χρεῖαι τοὺς τοῦ τί πρακτέον ἢ μὴ λογισμοὺς ἀγαιροῦσιν ἅπαντας. p. 966 ἅπαντες ἄνθρωποι φιλοῦσι παρ' αὐτὰ τ'ἀοίκιτα μᾶλλον ἢ χρόνων ἐγγεγενημένων ἀγανακτεῖν. p. 1313 πολλὰ δουλικὰ καὶ ταπεινὰ πράγματα τοὺς ἐλευθέρους ἡ πενία βιάζεται ποιεῖν. I, 20 δεῖ χρημάτων καὶ ἄνευ τούτων οὐδὲν ἔστι γενέσθαι τῶν δεόντων. p. 958 πίστις ἀφορμὴ πασῶν ἐστι μεγίστη πρὸς χρηματισμόν. I, 23 πολλάκις δοκεῖ τὸ φιλάξαι

Библиотека "Руниверс"

τὰ γαθὰ τοῦ κτήσασθαι χαλεπώτερον εἶναι. II, 26 πολὺ μᾶλλον ἔχοντας φυλάττειν ἢ προσλαμβάνειν πάντα τὰ φοβερά. XX, 50 πῶς οὐθρώπων καὶ πλεῖστοι κἀγὼ μὲν τἀγαθὰ τῷ καλῶς βουλεύεσθαι καὶ μηδενὸς καταφρονεῖν, φυλάττειν δ' οὐκ ἐθέλουσι τοῖς αὐτοῖς τούτοις. XVIII, 5 πάντων ἀποστερεῖσθαι λυπηρὸν ἐστι καὶ χαλεπόν, ἄλλως τε κἂν ὑπ' ἀνδρὸς τοιούτου πεισθῆναι. IX, 1 Ad leges, rempublicam administrandam, bellum gerendum referuntur haec. XX, 49 βλάπτουσιν οἱ πονηροὶ νόμοι καὶ τοὺς ἀσφαλῶς οἰκεῖν δοκοῦντας πόλεις. XXIV, 205 νόμος αἰσχρὸς ὅταν κύριος ᾖ τῆς πόλεως ὄγκλος ἐστὶν τῆς θαρράνης καὶ βλάπτει πάντας, ὥσπερ ἂν αὐτῷ χρῶνται. III, 15 τὸ πράττειν τοῦ λέγειν καὶ γνώμην βέλτιον τῇ τάξει πρόσοδον τῶν πραγμάτων καὶ κρατίστην ἐστιν. VIII, 69 πόλεως πλοῦτον ἡγοῦμαι σωμάτων πόνους, πόνους. IV, 6 καὶ συμμαχεῖν καὶ προσέχειν τὸν νοῦν τούτοις ἐθέλειν ἅπαντας, οὓς ἂν ὁρῶσι παρασκευασαμένους καὶ πράττειν ἐθέλοντας ἃ χρή. XX, 117 ὧν ὑμᾶς ἁπάντων ἀφανεῖς κολάσεις τοὺς πονηροὺς ἐποίησαν τοὺς αὐτῶν κακῶς ποιοῦντας χάριν ἀπέδωκε. II, 14 ὅπως ὡς ἂν προσθῆ τὴν μικρὰν δύναμιν παντ' ὠφελεῖ. IV, 34 οὐκ ἔστ' ἄρχειν μὴ διδόντα μισθόν. II, 9 ἔχειν ὑπ' ἐκείνου πράγματα σοκτῇ, καὶ πᾶσι τοῖς συμφέρουσι μετέχουσι τῶν πολεμίων καὶ πονηροῖς καὶ πρᾶξαι συμφορὰν καὶ μόνον ἐθέλουσιν ἄνθρωποι ὄντες, ἐξ ἀλαζονείας καὶ ποιηρίας ἅπαντα ἡγησάμενοι ἡ πρώτη πρόφασις καὶ μικρὰν ἀτιμίαν ὑπεμειναν ἀνεχώρησαν καὶ διέλυσαν. XIX, 6 πολλάκις συμβαίνει πολλῶν πραγμάτων καὶ μεγάλων καιρὸν ἐν βραχεῖ χρόνῳ γίγνεσθαι, ὃν οὐκ ἔχων τις ἐξαίφνης τοῖς ἀναπόφευκτοις καὶ πρᾶξαι, οὐδ' ἂν ὁρᾶν πάλιν οἷός τ' ἔσεσθαι φησι. IV, 38 δεῖ τοὺς ὀρθῶς πολιτευομένους ἀσχάλλειν οὐκ ἐπὶ πράγμασιν, ἀλλ' αὐτοὺς ἐμπροσθεν εἶναι τῶν πραγμάτων. X, 1 Sed eam quam colligimus Demosthenicam γνωμολογίαν in universum spectantes, orationis in hac quoque parte praestantiam satis mirari non possumus: respondet enim sententiae ab eo prolatae nervis et artificum praeceptis artis, ut nihil inveniam, quod in ea non comprobem: sunt enim brevis, propriis neque ita vulgatis, ut earum numerus modum excedat, nec ne hoc quidem praetermittendum est, paucissimas sententias reperiri in iis orationibus, quas Demosthenes in privatis

[illegible]

1) Plura Demosthenica dicta, quamquam nobis praesto sunt, cumulare nolumus, cum haec ad oratoris usum demonstrandum sufficere videantur. Qui ampliorem sententiarum collectionem desiderat, inspiciat Ioannis Lomi librum, qui inscribitur: «Συναγωγὴ καὶ ὁμοίωσις ἐκ τῶν δημοσθένους λόγων τε καὶ ἀποστολῶν εἰς τὰ κεφάλαια τῶν ἀρετῶν καὶ κακιῶν κεφαλαιώμενα»; editus est Genevae, apud I. Tornaesium, a. 1603.

Библиотека "Руниверс"

causis aut ipse habuerit aut aliis scripserit; cum autem iam aetate provectior in contionibus atque causis publicis versaretur et sententiae quibus uteretur, eius ipsius auctoritate atque experientia niti possent, iam saepius eas adhibebat [1]). Quae non solum orationibus, sed oratori ipsi splendidissimo ornamento sunt, cum si ethicam spectas, morum praestantiae, si vitam privatam, in agendo prudentiae atque hominum fortunaeque experientiae, si reipublicae administrationem, boni erga rempublicam animi atque popularitatis optima testimonia reperies. Quamobrem et qui audiebant, populares eius sententias, ut ipse docet (VI, 26), applaudentes excipiebant, et rhetores variis occasionibus datis eas laudabant, ut Georgius (Walz. I, p. 557), cuius verba repetere liceat: ὥστε πάρεστιν ἐπαινεῖν κατ' ἀξίαν τὸν ῥήτορα κάλλιστα γνωματεύσαντα.

Non opus est orator omnes quibus uti velit sententias ipse formet, sed iam ab aliis formatas adhibere potest, quae a Quintiliano (V, 11, 36) auctoritates nominantur, in quarum numero proverbia et poetarum sententiae reperiuntur. Quae cum iam antea ficta ab oratore tantum asciscantur, summo iure ab Aristotele (p. 56, 15 sqq.) testimoniis adiunguntur: μάρτυρές εἰσι διττοί, οἱ μὲν παλαιοὶ οἱ δὲ πρόσφατοι. λέγω δὲ παλαιοὺς μὲν τούς τε ποιητὰς καὶ ὅσων ἄλλων γνωρίμων εἰσὶ κρίσεις φανεραί. ἔτι καὶ αἱ παροιμίαι μαρτύριά ἐστιν. Idem de usu eiusmodi communium sententiarum (p. 101, 13 sqq.): χρῆσθαι δεῖ, inquit, καὶ ταῖς τεθρυλημέναις καὶ κοιναῖς γνώμαις, ἐὰν ὦσι χρήσιμοι. διὰ γὰρ τὸ εἶναι κοιναὶ ὡς ὁμολογούντων πάντων, ὀρθῶς ἔχειν δοκοῦσιν. Proverbia quoque breves atque aptae vulgo receptae sententiae sunt et hoc ipso, ut Quintilianus recte monet, quod incertum auctorem habent, velut omnium fiunt. Quibus orationem venustam fieri Demetrius docet (p. 297, 11 sq.): ἐν δὲ τοῖς πράγμασιν λαμβάνονται χάριτες ἐκ παροιμίας· φύσει γὰρ χαρίεν πρᾶγμά ἐστιν παροιμία.

Quaenam ex iis quas colleginus sententiis proverbia fuerint aut a Demosthene formatae deinceps proverbia facta sint, scrutari mittemus dubitantes, num quid certi in ea re statui possit; longe utilius erit videre, quid de iis sententiis dicamus, quarum fontes nobis non ignoti sunt.

[1]) Non probanda sunt Rehdantzii verba, qui in indice rhetorico novem Philippicis orationibus adiuncta (p. 173, 3 ed.), Demosthenem in prioribus orationibus plures sententias adhibuisse dicit: in iis enim orationibus quas iuvenilis orator in sua causa adversus tutores habuit aut aliis scripsit, fere nullae sententiae reperiuntur, in posterioribus autem, ut in Philippicis et de corona, plurimae.

Библиотека "Руниверс"

Fere omnes sententiae e poetis haustae ad certamen oratoris cum Aeschine referuntur [1]). Ita XVIII, 289 epigrammate, quod in honorem civium apud Chaeroneam caesorum publice inscriptum est, Aeschinis criminatio refellitur; cuius tamen epigrammatis nonnulli oratorem ipsum auctorem fuisse putant.

Quam apte atque artificiose Demosthenes ab Aeschine adhibitas sententias non solum eluserit, sed etiam iis optime contra adversarium ipsum usus sit, ex oratione de falsa legatione colligi potest. Aeschines enim inopia testimoniorum, ut orator dicit, adductus ad Hesiodum confugit atque eius verbis (Ἔ. κ. ἡ. 761 sq.) Timarchi crimen demonstrare conatus est:

> φήμη δ' οὔ τις πάμπαν ἀπόλλυται, ἥντινα λαοὶ
> πολλοὶ φημίξωσι. θεός νύ τίς ἐστι καὶ αὐτή.

Qua sententia nunc ad Aeschinem relata orator demonstrat eodem modo veram esse famam de Aeschine a Philippo corrupto (§ 243). Eodem modo usus est sententia ex Euripidis Phoenice, quae sequitur (§ 245):

> ὅστις δ' ὁμιλῶν ἥδεται κακοῖς ἀνήρ,
> οὐ πώποτ' ἠρώτησα γιγνώσκων, ὅτι
> τοιοῦτός ἐστιν οἷσπερ ἥδεται ξυνών.

Deinde cum ipse allata Creontis e Sophoclis Antigona (vv. 175—195) oratione, in qua boni civis virtutes enumerantur, Aeschinis facta recensuisset, nec quidquam invenisset, quod iis responderet, Aeschinem his verbis derisit (255): ἐνθάδε σεμνολογεῖ καὶ λογάρια δύστηνα μελετήσας καὶ φωνασκήσας οὐκ οἶει δίκην δώσειν τηλικούτων καὶ τοσούτων ἀδικημάτων.

Reliquum est ut de forma sententiarum pauca dicamus. Proferuntur autem plerumque per enuntiationem primariam tum simplicem, tum alia sententia adiuncta, ut ratione (II, 9—10; III, 32), eventu (I, 23). Interdum duae sententiae per μέν et δέ particulas opponuntur (II, 9; III, 18; XVIII, 192). Breviores sententiae saepe παρενθετικῶς orationi insgruntur, ut XVIII, 308. Reperiuntur etiam sententiae, quae ab aliis pendeant, ut II, 8; per enuntiationem relativam expressae sunt sententiae IX, 38; XIX, 6; per genitivum absolutum V, 2; p. 966. Ex coniunctionibus, a quibus sententiae exordiuntur, frequentissima est γάρ; tum ὡς (II, 12), οὖν (II, 28); alias δέ (III, 2, 32; IV, 5); καί

[1]) Poetarum locos rarissime ab oratoribus adhibitos esse docuit Spengel. Τεχνῶν συναγ. p. 20.

Библиотека "Руниверс"

(I, 5); οὐ μὴν ἀλλά (XIV, 33). Ex modis fere semper indicativus reperitur, quo sententiam veram esse nec de ea dubitari posse significatur. Ex temporibus frequentissimum praesens est, quamquam etiam aoristus gnomicus qui vocatur haud raro adhibitus est, qui etsi rem semel factam esse significat, nihilominus tamen in sententiis universalibus locum habere potest, quoniam quod semel evenit, iterum fieri solet [1]) Praeterea futurum quoque quibusdam locis reperies, ut II, 8; XIX, 239; XXII, 64; XXIII, 50; imperfecto orator usus est p. 1272, perfecto XVIII, 247. Ut in proverbiis, ita in sententiis quoque copula omittitur, ut II, 20; III, 18; VI, 21, 25; XVIII, 159, 308. Si orator magna cum gravitate sententiam proferre vult, allocutione (ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι) utitur, ut XIX, 6; p. 1272.

Sententias in universum valere orator saepe variis verbis indicavit, ut πολλάκις III, 19; I, 23; XXIII, 124; πολλάκις συμβαίνει XIX, 6; ὡς τὰ πολλά VI, 34; εἴωθε XXIII, 114; δ φύσει πᾶσιν ἀνθρώποις ὑπάρχει XVIII, 3; οὕτως ἐχόντων τούτων τῇ φύσει XVIII, 315; ἀφ' οὗ γεγόνασιν ἄνθρωποι XIX, 215; τίς οὐκ οἶδε τῶν πάντων XVIII, 315; ἴσμεν ἅπαντες τοῦτο XVI, 24; ἐκεῖνό γε εἰδόσι μὲν ἴσως ὅμως δ' ἐρῶ XXII, 64; κἂν ἀπ' ἀνθρωπίνου λογισμοῦ τοῦτο ἴδοι τις XIX, 300.

Oratores multis modis in sententias generales specialia intulisse iam Dissenus ad XVIII, 159 adnotavit; nos exempla quaedam afferemus, ubi Demosthenes sententias ut suas opiniones proferens verbum sentiendi inseruit: οἶμαι I, 5; II, 14; III, 19, 32; ἡγοῦμαι III, 2; XVIII, 252; ὡς ἔοικε XVIII, 228; πολλάκις δοκεῖ I, 23; ὁρῶ V, 11.

---

[1]) Hanc aoristi gnomici explicationem recte se habere optime demonstratur eo quod etiam in adiectivis a verbis derivatis quae in τος exeunt idem observatur; ita significat ὁρατός primum eum qui visus est, tum qui videri potest. Cf. Koch. gr. gr. p. 232.

(Reliqua deinceps persequemur).

Ioannes Lunák.

Библиотека "Руниверс"

О СЛОВѢ EPODUS.

Семнадцать стихотвореній Горація, помѣщаемыя въ новѣйшихъ изданіяхъ вслѣдъ за четырьмя книгами одъ, столь различныя какъ по размѣру, такъ и по содержанію, носятъ общее заглавіе: Epodon liber. Не подлежитъ сомнѣнію происхожденіе слова epodus отъ греческаго языка, а также форма род. п. множ. ч. epodon прямо указываетъ на то, что упомянутое слово не получило полнаго права гражданства въ языкѣ латинскомъ и, вслѣдствіе того склонялось обыкновенно не съ латинскимъ окончаніемъ. Замѣткою моею по его поводу я не предполагаю сказать что-либо новое или подлежащее спору: вызвана она странною непослѣдовательностью, иногда встрѣчающеюся у насъ. Такъ, напримѣръ, во второмъ томѣ „Лекцій о римской литературѣ“ г. Модестова на стр. 113 читаемъ: „какова напр. 1-я эпода, написанная по поводу желанія Мецената отправиться на войну съ Антоніемъ, или 9-я, также обращенная къ Меценату“ и т. д. и на стр. 140 „что касается эподъ, то“ и т. д.—между тѣмъ какъ на стр. 124 сл.: „Таковы эподы: 8-й, гдѣ“ и т. д., 12-й, написанный“ „4-й, гдѣ Горацій“ и т. д. „5-й и 17-й, направленные“ и т. д. Въ виду этого невольно возникаетъ вопросъ: какъ же слѣдуетъ говорить по-русски—эподъ или эпода? Одно изъ двухъ очевидно должно быть ошибочно. А такъ какъ, сколько намъ извѣстно [1]), у насъ не установилась еще ни та, ни другая форма, то отвѣтъ на предложенный вопросъ безъ сомнѣнія долженъ зависѣть отъ того, какого рода форма epodon=ἐπφδῶν. Послѣднее можетъ быть Gen. pl. отъ ἐπφδή и отъ ἐπφδός. Слово ἐπφδή значитъ магическая формула, волшебное пѣніе т. е. оно = ὅ τις ᾄδει ἐπί τινι = incantatio. Такъ какъ подобное значеніе вовсе не подходитъ къ названнымъ стихотвореніямъ Гора-

[1]) Лат. русск. словари, къ которымъ мы обращались за справками, не содержатъ удовлетворительнаго отвѣта.

Библиотека "Руниверс"

ція, то остается предположить, что ἐπῳδῶν Gen. pl. отъ ἐπῳδός. Послѣднее очевидно прилагательное и когда оно употребляется въ смыслѣ существительнаго, то родъ зависитъ отъ того слова, которое при немъ подразумѣвается. Въ метрикѣ ἐπῳδός употребляется трояко: 1) ἡ ἐπῳδός (подр. вѣроятно ᾠδή) называется та часть лирическаго стихотворенія, которая слѣдуетъ за στροφή и ἀντιστροφή какъ напр. въ гимнахъ Пиндара и въ хоровыхъ пѣсняхъ трагиковъ. Готфридъ Германъ въ своихъ Elementa doctrinae metricae p. 726 предполагаетъ, что хоръ при своемъ движеніи вокругъ жертвенника пѣлъ στροφήν и ἀντιστροφήν, между тѣмъ какъ, стоя передъ жертвенникомъ и обращаясь къ слушателямъ, онъ пѣлъ ἐπῳδόν. — 2) ὁ ἐπῳδός (подраз. στίχος) употребляется двояко: a) оно значитъ то же самое, что στίχος ἐπιφθεγματικός, versus intercalaris, refrain, то-есть, стихъ, повторяемый черезъ извѣстное число стиховъ, какъ напр. у Θеокрита: Ἄρχετε βουκολιχᾶς, Μοῖσαι φίλαι, ἄρχετ' ἀοιδᾶς [1]) или у Виргилія: Incipe Maenalios mecum, mea tibia, versus [2]). b) обозначаетъ ὁ ἐπῳδός тотъ болѣе короткій стихъ, который слѣдуетъ за болѣе длиннымъ стихомъ (напр, trimeter iambicus, слѣдующій послѣ dimeter iambicus). Hephaestion p. 133 ed. Gaisf. (ed. II Окон. 1855) περὶ μέτρων καὶ ποιημάτων cap. XII, говоритъ прямо, что ἐπῳδός въ этомъ смыслѣ мужескаго рода: Εἰσὶ δὲ ἐν τοῖς ποιήμασι καὶ οἱ ἀρρενικῶς οὕτω καλούμενοι ἐπῳδοί, ὅταν μεγάλῳ στίχῳ περιττόν τι ἐπιφέρεται κτλ.; вслѣдъ затѣмъ онъ отличаетъ такіе ἐπῳδοί отъ προῳδοί, то-есть, подобныхъ же стихотвореній, гдѣ болѣе короткій стихъ предшествуетъ болѣе длинному. Вотъ какъ Гефестіонъ продолжаетъ: ὅταν δὲ ἔμπαλιν ἡ τάξις ᾖ, προῳδὸς καλεῖται. Примѣръ такого порядка представляетъ между прочимъ Hor. Epod. 2:

Petti, nihil me sicut antea iuvat
Scribere versiculos amore percussum gravi etc.

Подобныя стихотворенія поэтому не совсѣмъ вѣрно называются epodi; но Горацій, вездѣ придающій этому роду стихотвореній наименованіе iambi (ср. Epod. 14, 7. Od. I, 16, 3 и 24. Epist. I 19, 23. II 2,5 9), во всякомъ случаѣ непричастенъ въ неточности позднѣйшихъ грамматиковъ; впервые, кажется, ямбы Горація названы эподами у Квинтиліана. Inst. or. X, 1, 96: Iambus non sane a Romanis celebratus est ut proprium opus, quibusdam interpositus; cuius acerbitas in Ca-

[1]) Idyll. I, 64 = 73 = 89 = 108 и т. д. II, 17 = 22 и т. д.
[2]) Ecl. VIII 21 = 25 = 31 и т. д. ib. 68 = 72 и т. д.

Библиотека "Руниверс"

tullo, Bibaculo, Horatio, quanquam illi epodos interveniat (?), reperietur. Въ заключеніе мы приводимъ еще нѣсколько мѣстъ латинскихъ грамматиковъ, подтверждающихъ сказанное выше какъ о значеніи слова ἐπφδός, такъ и о его родѣ: Diomed. Art. Gramm. III p. 485 ed. K. Epodoe dicuntur versus quo libet metro scripti et sequentes clausulas habentes particularum, quales sunt epodoe Horatii, in quibus singulis versibus singulae clausulae adiciuntur.... dicti autem epodoe συνεχδοχικῶς a partibus versuum, quae legitimis et integris versibus ἐπάδονται, id est accinuntur. Fragm. Sangallensia VI p. 639 ed. K.: sed alii, ut Victorinus, putant esse Archilochum, qui cum epodos excogitaverit alios breviores, alios longiores etc. ib. 640: Duobus ergo metris syllaba compositis Archilochus tertium fecit epodon ex iambico trimetro detracta parte tertia, qualis est

Beatus ille qui procul etc.

Въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ имѣются вѣроятно въ виду слѣдующія слова Марія Викторина (VI p. 104 ed K.): Quorum, sicut et aliorum complurium, auctor et parens fertur Archilochus singularis artificii in excogitandis ac formandis novis metris, qui primus epodos excogitavit alios breviores, alios longiores etc.

Сказаннаго нами кажется вполнѣ достаточно для доказательства, что слово epodus рода мужескаго и что поэтому отдѣльное стихотвореніе Горація слѣдуетъ называть „эподъ“, а не „эпода“.

Э. Вертъ.

Библиотека "Руниверс"

ПО ПОВОДУ МНИМАГО ВЛІЯНІЯ ПРОСОДІИ НА ОБРАЗОВАНІЕ ФОРМЪ ГОМЕРОВСКАГО ЯЗЫКА.

Въ прежнее время, при объясненіи гомеровскихъ формъ, въ большомъ употребленіи было выраженіе „metri causa". „Требованіемъ стиха" объяснялось все, представлявшее какое-нибудь, мнимое или дѣйствительное, уклоненіе отъ формъ аттическаго нарѣчія, напримѣръ двойное σ въ аористѣ и будущемъ, удвоенія въ родѣ ἔννεπε, ὄππως, удлиненія въ родѣ οὔνομα, εἰρωτάω; словомъ все то, что не входило въ узкую рамку школьной грамматики. Въ настоящее время, эта точка зрѣнія можетъ считаться окончательно покинутою; благодаря успѣхамъ сравнительнаго языкознанія, мы знаемъ теперь, что эти „неправильности" у Гомера имѣютъ основаніе въ самомъ языкѣ, а не зависятъ отъ случайности размѣра стиха. Если же, при всемъ томъ, мы еще рѣшаемся говорить здѣсь объ этой, повидимому уже побѣжденной наукою точкѣ зрѣнія, то это потому, что еще въ 1877 году было заявлено въ печати о существованіи въ гомеровскомъ языкѣ формъ, необъяснимыхъ, будто бы, этимологически, а образовавшихся единственно подъ вліяніемъ просодіи. Одно изъ этихъ заявленій принадлежитъ г. Веркгаупту („Пособіе къ чтенію и изученію Гомера I. Введеніе III. О гомеровскомъ діалектѣ"); другое г. Шетру (въ началѣ его статьи „Объ удвоеніи сигмы въ темахъ аориста и будущаго въ гомеровскомъ нарѣчіи" въ „Ж. М. Н. Пр.", октябрь 1877, Отд. класс. фил.). Оба они говорятъ о „требованіи стиха" и вліяніи его на образованіе формъ гомеровскаго языка.

Такое объясненіе, въ настоящее время, безспорно является анахронизмомъ и представляетъ рѣшительно шагъ назадъ. Объясненіе, бывшее возможнымъ во времена Буттманна, невозможно теперь, послѣ столь громадныхъ успѣховъ сравнительнаго языкознанія. Это-то обстоятельство и побудило насъ написать настоящую статью.

Библиотека "Руниверс"

Выскажемъ тотчасъ же наше мнѣніе: мы не имѣемъ никакого права объяснять какую бы то ни было форму гомеровскаго нарѣчія „требованіемъ стиха“: такое объясненіе можетъ быть, пожалуй, и весьма удобнымъ на практикѣ, но тѣмъ не менѣе оно будетъ чисто механическимъ, и серьезная наука должна отказаться отъ него, такъ какъ жертвовать научною истиною „практическимъ удобствамъ“ должно считаться непозволительнымъ. Всякая форма языка, а, стало быть, и всякая форма языка гомеровскаго, должна быть объясняема только на основаніи этимологическихъ законовъ. Языкъ существовалъ раньше гексаметра, а послѣдній составлялся сообразно свойствамъ перваго, а не наоборотъ; и плохъ былъ бы поэтъ, который, ради стиха, сталъ бы насиловать языкъ. Если какая-нибудь изъ гомеровскихъ формъ не поддается нашему этимологическому объясненію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она вообще необъяснима, и лучше сознаться прямо въ недостаточности нашихъ средствъ, чѣмъ выставлять объясненіе противорѣчащее научной истинѣ. Въ прежнее время считались необъяснимыми многія формы, которыя мы объясняемъ теперь безъ всякаго труда; нечего, стало быть, опасаться, что не удастся болѣе объяснить то, что осталось необъясненнымъ до сихъ поръ, такъ какъ наука наша далеко еще не достигла своихъ крайнихъ предѣловъ.

Г. Петръ, въ упомянутой выше статьѣ, приводитъ только четыре формы, которыя онъ считаетъ „неорганическими, этимологически необъяснимыми“. Вотъ онѣ: μείλανι (П. 24, 79), θεμείλια (П. 23, 255), εἰρεσίη (Od. 10, 78) и ἀπειρέσιος—ἀπερείσιος (П. 16, 178 и 1, 13). Въ первыхъ трехъ формахъ ει произошло изъ ε, будто бы „вслѣдствіе неорганическаго удлиненія, причину котораго мы должны искать единственно только въ просодической необходимости“, а въ послѣдней „сокращеніе слога πει въ πε съ одной, а удлиненіе слога ρε въ ρει съ другой стороны произошло также только по просодическимъ причинамъ“. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія и полагаемъ, что эти формы могутъ быть объяснены болѣе научнымъ образомъ; θεμείλια могло произойти изъ θεμέλια просто посредствомъ эпентезиса (о чемъ см. Курціуса Grundzüge der griech. Etym. 3 стр. 281, 603, 632 слѣд.); и въ μείλανι можно видѣть эпентезисъ, при посредствѣ эолійской формы μέλαϊς (см. словари Папе и Пассова). Что же касается ἀπειρέσιος и ἀπερείσιος, то это могутъ быть слова даже совсѣмъ различныя; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые филологи производятъ ἀπερείσιος отъ ἀπερείδω, и объясняютъ его—установленный, опредѣленный (festgesetzt, см. словарь Пассова s. v. ἀπειρέσιος); если же это дѣйствительно двѣ раз-

Библиотека "Руниверс"

ныя формы одного и того же слова, то ничто не мѣшаетъ намъ видѣть перестановку количества, зависящую, впрочемъ, вовсе не отъ размѣра. Остается одно εἰρεσίη: объяснить его мы не беремся, но все-таки, не считаемъ удлиненіе ε въ ει слѣдствіемъ просодической необходимости, но утверждаемъ, что обѣ формы, ἐρεσίη и εἰρεσίη, существовали въ языкѣ до составленія Одиссеи, и что поэтъ въ данномъ мѣстѣ употребилъ ту изъ нихъ, которая подходила болѣе къ размѣру, но не образовалъ новой формы подъ вліяніемъ стиха. Мы не умѣемъ объяснить этой формы, но, быть можетъ, это удастся кому-нибудь впослѣдствіи.

Гораздо дальше чѣмъ г. Петръ, пошелъ въ объясненіи формъ „требованіемъ стиха" г. Веригаунтъ. Мы не говоримъ о томъ, что, по его словамъ, „по требованію стиха" употребляются то формы ἠέκων, μητέρος, ἀνέρος, ἰχθύας, то формы ἑκών, μητρός, ἀνδρός, ἰχθῦς; это можно понимать и такъ, что въ стихѣ употребляется „то полная, то сокращенная форма", смотря по надобности, хотя само изложеніе, особенно въ сопоставленіи съ другими мѣстами, можетъ легко ввести въ заблужденіе, будто эти формы образовались прямо вслѣдствіе размѣра. Но г. Веригаунтъ утверждаетъ далѣе, что приращеніе опускается „по требованію стиха"; а это всякій уже пойметъ такъ, что именно стихъ и вызвалъ существованіе формъ безъ приращенія, съ чѣмъ однако мы никакъ согласиться не можемъ. Въ эпоху составленія гомеровскихъ пѣсенъ въ греческомъ языкѣ были, безъ сомнѣнія, формы прошедшихъ временъ съ приращеніемъ, и рядомъ съ ними и формы безъ приращенія. Которыя формы древнѣе, съ приращеніемъ ли или безъ него, объ этомъ можно спорить; для нашей цѣли достаточно знать, что въ языкѣ были тѣ и другія, и пѣвцы Иліады и Одиссеи употребляли то тѣ, то другія, по мѣрѣ того, какъ они годились въ данномъ случаѣ. Вѣдь встрѣчаются формы безъ приращенія и у Геродота, гдѣ, однако, нельзя говорить о „требованіи стиха" Далѣе, по словамъ г. Веригаунта, долгія гласныя сослагат. наклоненія ω и η „по требованію стиха" сокращаются въ ο и ε; но объ этомъ см. Курціуса „Das Verbum der griech. Sprache" II, стр. 55 слѣд. Также и окончаніе μεσθα существовало, безъ сомнѣнія, рядомъ съ μεθα, еще до составленія гомеровскихъ пѣсенъ, но не образовалось вслѣдствіе просодической необходимости. О такъ называемыхъ „растяженныхъ" формахъ мы уже имѣли случай высказать свое мнѣніе („Ж. М. Н. Пр." 1876, августъ, Отд. класс. фил.). Далѣе, и въ формахъ τιθήμενος, διδοῦναι, δίδωθι мы не видимъ влія-

Библиотека "Руниверс"

нія стиха, а полагаемъ, что здѣсь дѣйствовалъ тотъ же законъ, какъ и въ τίθημι, δίδωμι, δοῦναι; все дѣло въ томъ, что τιθήμενος и т. д. впослѣдствіи вышли изъ употребленія. Относительно формъ сослаг. накл. аор. II. (Введ. III. § 22, 7) должно сказать то же, что и о формахъ „растянутыхъ". Примѣчаніе г. В. къ 1 стиху Одиссеи заставляетъ думать, что и въ ἔννεπε удвоено ν „по требованію стиха"; но давно признано, что ἔννεπε=*ἐνσεπε (отъ ἐνίσπω=*ἐνισ(ϝ)πω)=лат. insece, и что, стало быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ уподобленіемъ (assimilatio), въ которомъ, съ точки зрѣнія стиха, даже и не было бы надобности.

Вообще, съ научной точки зрѣнія единственно вѣрнымъ мнѣніемъ будетъ то, что тамъ, гдѣ въ гомеровскомъ языкѣ имѣется нѣсколько формъ одного и того же слова, формы эти существовали въ языкѣ, независимо отъ составленія гомеровскихъ пѣсенъ; что поэты, находя въ языкѣ нѣсколько однозначащихъ формъ, выбирали, въ каждомъ случаѣ, ту изъ нихъ, которая годилась для ихъ цѣли; что размѣръ стиха, такимъ образомъ, могъ оказывать вліяніе на сохраненіе формы уже существовавшей, но не на ея образованіе [1]).

Въ заключеніе мы можемъ только повторить слова г. Петра, сказанныя имъ въ концѣ упомянутой выше статьи, относительно группы σσ въ аористѣ и будущемъ: что пора уже и въ учебникахъ отказаться отъ устарѣлаго и невѣрнаго объясненія разныхъ формъ гомеровскаго языка посредствомъ просодической необходимости и примѣнить къ граматикѣ выводы сравнительнаго языкознанія.

---

[1]) Вотъ что говоритъ Курціусъ относительно окончанія μεσθα: «Mag also das mannigfaltige Bedürfniss des Verses hier wie in andern Fällen der Art mit dazu beigetragen haben, die vom homerischen Epos ausgehende Endung—μεσθα zu *erhalten*, *geschaffen* hat es sie sicherlich *nicht*» (Verbum der griech. Sprache, I., стр. 90).

И. Мейеръ.

Библиотека "Руниверс"

БИБЛІОГРАФІЯ.

Андріанка (Andria) П. Теренція А. (P. Terentia A.). Изъ академическихъ чтеній по каѳедрѣ латинской словесности, читанныхъ заслуженнымъ профессоромъ Академіи *Давидомъ Подгурскимъ*. Кіевъ, 1874 г. [1])

Кажется, мы достаточно доказали, что переводъ г. Подгурскаго во многихъ мѣстахъ несогласенъ съ подлинникомъ, а между тѣмъ переводчикъ, повидимому, именно старался достигнуть буквальной точности, сколько можно судить по объяснительнымъ замѣчаніямъ, которыя находятся у него подъ текстомъ. Къ нимъ то и обратимся мы теперь.

Къ I, 1, 2, не вѣрно замѣчено: „paucis te volo, подразумѣвая verbis alloqui, te v. tecum". Если можно, напримѣръ, сказать Philumenam volo, то также допускается и te volo, ничего не подразумѣвая при этомъ, а paucis вмѣсто существительнаго употреблено совершенно такъ, какъ употребляются всѣ остальныя прилагательныя. Ib. 13, „haud muto factum — то же что haud poenitet me facti"; однако poenitet относится лишь къ мыслямъ, тогда какъ muto factum сказано объ образѣ дѣйствій. Ib. 20, оборотъ quas credis esse has non sunt verae nuptiae названъ греческимъ, но совершенно вѣрно замѣчаетъ Клотцъ къ Prol. 3, что это не болѣе какъ заблужденіе, ибо упомянутый оборотъ встрѣчается у самыхъ древнихъ латинскихъ авторовъ. Ib. 26 сказано, что надъ нарѣчіемъ qui, для отличія отъ мѣстоименія, въ хорошихъ изданіяхъ ставится особый значекъ; это бываетъ только въ рѣдкихъ изданіяхъ. Ib. 31, praeter caetera объяснено prae caeteris; но въ смыслѣ „больше всего" prae caeteris этотъ оборотъ встрѣчается въ золотомъ вѣкѣ латыни только одинъ разъ у Auctor ad Herenn. 4, 22; въ другихъ же мѣстахъ онъ означаетъ „въ сравненіи съ другими", которымъ извѣстное сказуемое не приписы-

[1]) *Окончаніе.* См. выше стр. 75 сл.

Библиотека "Руниверс"

вается, такъ что, напримѣръ, prae caeteris dignus достойный чего-либо, тогда какъ другіе не достойны. Къ 44 замѣчено, что будто, по законамъ аѳинскимъ ближайшій и достаточнѣйшій родственникъ обязанъ былъ или самъ жениться на родственницѣ, или выдать ее за мужъ съ приданнымъ. Сколько намъ извѣстно, онъ имѣлъ только право передъ другими вступить въ бракъ съ наслѣдницею. См. Schoemann, Griechische Alterthümer I, стр. 377. Meier und Schoemann, Der Attische Process, стр. 169. Ib. 56, sodes объяснено какъ междометіе, сокращенное изъ sodalis или, правильнѣе, изъ si audes. О первомъ изъ этихъ производствъ и думать нечего; только второе имѣетъ основаніе, какъ видно изъ фрагмента Плавта у Присціана стр. 960 dic mihi si audes quis ea est. Ib. 61, „in symbolam dedit"; symbola, то-есть collatio, отъ συμβάλλω confero, складчина, напримѣръ, на обѣдъ, на пирушку, и т. п.". Тутъ, во первыхъ непонятно, откуда чтеніе in symbolam, не встрѣчающееся ни въ одной рукописи и въ добавокъ невозможное, ибо symbola не складчина, но пай или „дѣлежъ" въ складчинѣ (по объясненію Даля), между тѣмъ какъ складчина по латыни collatio. Symbola то же, что collecta (ср. Cic. de or. II, 57, 233, quoniam collectam a conviva exigis). Это значеніе подтверждается всѣми мѣстами, гдѣ встрѣчается означенное слово, какъ то Plaut. Curc. 4, 1, 13. Symbolarum collatores; Stich. 3, 1, 34. Symbolam dabo et iubebo ad Sagarinum coenam coqui; Ter. Eun. 3, 4, 2. Aliquot adolescentuli coimus, ut de symbolis essemus; ib. 3, 5, 59, de symbolis quid actum est? Ib. 75. „spondet отецъ невѣсты, despondet отецъ жениха" Правда, въ данномъ случаѣ дѣйствительно despondi говоритъ отецъ жениха; но если примѣчаніе переводчика принять за общее правило, то оно противорѣчитъ не только словамъ Варрона L. L. 6, 7, 70: qui sponderat filiam, despondisse dicebatur, но и множеству другихъ мѣстъ, гдѣ употреблено despondere: Ter. Heaut. 4, 5, 36, ut ei despondeam; ib. 31, at ego illi neque do neque despondeo; Hec. 1, 2, 49. Despondit ei gnatam; Phorm. 5, 8, 32. Si vis mi uxorem dare quam despondisti; Cic. ad Att. 1, 3. fin. Tulliolam C. Pisoni-despondimus. Напротивъ, despondere преимущественно употребляется объ отцѣ невѣсты; слѣдовательно, справедливо замѣчаніе Клотца, что despondit тотъ, который при помолвкѣ произноситъ послѣднее слово, а такъ какъ это обыкновенно подлежало отцу невѣсты, то употребляется оно въ примѣненіи къ нему; здѣсь же относится къ отцу жениха, ибо отецъ невѣсты первый заговорилъ о помолвкѣ. Ib. 100. „Sepulcrum — гробница, гробъ, могила"; sepulcrum

Библиотека "Руниверс"

въ томъ смыслѣ, въ которомъ нынѣ употребляется гробъ, не встрѣчаемъ нигдѣ, употребленіе же слова гробъ въ смыслѣ sepulcri теперь устарѣло. Ib. 136, „qua propter? вмѣсто quaepropter". Не ясно, объясняется ли тутъ только значеніе, или происхожденіе слова quapropter. Если значеніе, то должно замѣтить, что quapropter не заключаетъ въ себѣ указанія на множество причинъ, о которыхъ идетъ рѣчь; если же происхожденіе, то не слѣдуетъ забывать, что quapropter составлено совершенно такъ же, какъ propterea, а количество звука *a* въ этомъ послѣднемъ словѣ достаточно показываетъ, что *ea* не средній родъ множественнаго числа, а творительный женскаго рода въ единственномъ числѣ. I, 2, 14. „id populus curat scilicet—про то народъ знаетъ", но о знаніи тутъ и помину нѣтъ; Давъ издѣвается надъ тѣмъ, что, по мнѣнію Симона, народъ занятъ такими пустяками, какъ любовная связь Памфила. I, 2, 20: adolescentes ad matrimonium ab amore meretricio difficile avelluntur; нарѣчіе difficile въ классической латыни не употребляется. I, 3, 6: „cui verba dare difficile est обмануть кого-нибудь; на чью изъ двухъ сторонъ пристать". Едва ли авторъ полагаетъ, что verba dare означаетъ „пристать на чью изъ двухъ сторонъ", но что онъ именно хотѣлъ сказать, для насъ непонятно. I, 3, 9, къ выраженію „causam ceperit, quo iure quaque iniuria praecipitem in pistrinum dabit" замѣчено: „quo iure quaque iniuria—въ родѣ пословицъ iure an iniuria; per fas et nefas; velis — nolis, volens—nolens; правдою и неправдою, хочешь ли или не хочешь, всѣми средствами". Такъ какъ quo iure quaque iniuria ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не встрѣчается въ видѣ пословицы и такъ какъ не существуетъ пословицъ составленныхъ, то единственно правдоподобнымъ остается объясненіе Клотца: cuius causae iure aut iniuria me in pistrinum dabit; мѣстоименія же quo и qua относятся къ предшествующему слову causam. Сверхъ того изъ приведенныхъ, такъ называемыхъ, пословицъ одна — iure an iniuria вовсе не пословица, а nolens — volens у древнихъ вообще не встрѣчается. I, 4, 2: „въ edepol *e* есть сокращенное me или только вставочный звукъ, а de есть сокращенное deus. Мы не отвергаемъ этого производства, но если ужъ идетъ рѣчь о разныхъ толкованіяхъ, то не мѣшало бы упомянуть и о толкованіи Дедерлейна (Synon. VI, стр. 109), по которому edepol = ἦ διὰ Πολυδευκέα. — Не совсѣмъ ясно примѣчаніе къ I, 5, 16: „aliquid monstri aiunt etc. Первыя слова выражаютъ собою неопредѣленную поговорку: здѣсь что-то чудовищное кроется". Очевидно, однако, что aiere употреблено въ такомъ же смыслѣ, какъ

Библиотека "Руниверс"

напримѣръ filias alere (Corn. Nep. Arist. 3), a monstrum называется некрасивая женщина или женщина дурнаго характера, какъ Plaut. Poen. 1, 2, 61: en monstrum mulieris.—I, 6, 24, „aliquid facerem, ut hoc ne facerem — ужъ что нибудь да сдѣлалъ бы, чтобы только не дѣлать того, что̀ дѣлалъ, то-есть предпринялъ бы какія нибудь мѣры, чтобы предотвратить этотъ бракъ". Съ послѣдними словами этого замѣчанія нельзя не согласиться, но именно поэтому „что сдѣлалъ" неумѣстно, ибо Памфилъ еще не женился. I, 6, 26, nuptiarum sollicitatio объяснено черезъ sollicitudo; однако sollicitudo означаетъ душевное состояніе, напримѣръ у Цицерона Tusc. 4, 8, 18: aegritudo cum cogitatione; sollicitatio же отъ глагола sollicitare, здѣсь—побужденіе со стороны отца къ женитьбѣ. — Непонятно примѣчаніе къ I, 5, 39, Misera times. „Misera или misera (sic.: кажется, вмѣсто misere) бѣдственно, чрезвычайно, крайне: misere amare, страстно любить; misere invidere, timere, смертельно ненавидѣть, бояться". Кажется, авторъ хочетъ сказать, что misera timeo то же, что misere timeo, какъ будто бы прилагательное не доказываетъ, что рѣчь идетъ о душевномъ состояніи Мизанды, а не о качествѣ дѣйствія. I, 5, 60: „Hanc (dexteram) mihi in manum dat". Очевидно, авторъ hanc принимаетъ за опредѣленіе слова manum. Но, въ фразѣ dare alicui aliquid in manum опредѣленіе слова manum не употребительно, между тѣмъ какъ глаголъ dat, послѣ bona nostra въ предшествующемъ стихѣ, врядъ ли можетъ быть отнесенъ къ Гликеріи безъ дополненія; Памфилъ могъ подразумѣвать тутъ Гликерію, какъ видимъ изъ IV, 2, 13: hanc mi expetivi — ; 14. hanc nisi mors mi eximet nemo; 25. ego hanc visam.

II, 1, 5. „Aedepol выраженіе составное, вмѣсто per aedes Pollucis". Авторъ различаетъ, кажется, aedepol отъ edepol; выше, къ I, 4, 2. онъ объяснилъ edepol иначе.—Въ примѣчаніи къ II, 1, 10. сказано: δειχτικῶς, se ipsum indigitans. Повидимому, авторъ подразумѣваетъ тутъ „пальцемъ указывая на себя" и производитъ indigitare отъ digitus; Дедерлейнъ (Synon, VI, 169) опредѣляетъ indigitare какъ frequentativum отъ indĭcare. Римляне употребляли это слово только въ значеніи: взывать къ одному богу или къ нѣсколькимъ богамъ по опредѣленной въ ius divinum формѣ. (См. Becker — Marquardt, Handbuch der Römischen Alterthümer, IV, стр. 7).—II, 1, 13. ut aliquot saltem nuptiis prodat dies сказано: „prodat dies вмѣсто proferre, differre, producere, protrahere dies": но proditur только время кому-нибудь или чему-нибудь (Cato у Fest. p. 224, 14. Müll.

Библиотека "Руниверс"

diem prodidisse militibus legionis III), differtur и время и дѣло (Cic. Phil. 6, 7, 19. Venit tempus ita maturum, ut differri iam hora non possit. Caes. b. c. 3, 85, 4. Differendum est iter), profertur и protrahitur только дѣло, а не время.—II, 1, 16. Ut te arbitretur sibi paratum moechum не значитъ, какъ упомянуто въ примѣчаніи „что ты готовишься ему въ солюбовники", но „что ты готовъ быть солюбовникомъ". Готовиться было бы paras, а кто paratus, тотъ не готовится, но уже готовъ.—II, 1, 17: „abire in malam rem v. in malam partem"; мы знаемъ только выраженія in malam rem и in malam crucem.—II, 1, 24: „haud имѣетъ силу бо́льшаго отрицанія, нежели non, и поэтому рѣже употребляется". Таково мнѣніеГанда (Hand), но съ нимъ не согласенъ Стюренбургъ, полагающій, что haud содержитъ болѣе слабое отрицаніе, чѣмъ non (particula quae cum fluctuatione negat). Важнѣе было бы замѣтить, что вообще haud преимущественно употребляется передъ нарѣчіями; Цицеронъ, въ своихъ рѣчахъ, употребляетъ его, кромѣ нарѣчій, только передъ глаголомъ scio, хотя онъ же въ письмахъ и философскихъ сочиненіяхъ соединяетъ съ нимъ и другіе глаголы, а Ливій присоединяетъ haud, кромѣ нарѣчій, чаще къ глаголамъ съ отрицательнымъ понятіемъ и рѣже къ другимъ.—II, 1, 34, слова venit, vidit, vicit приписаны Цицерону, а принадлежали они Цезарю, въ жизнеописаніи котораго Светоній (c. 37) говоритъ: Pontico triumpho inter pompae fercula trium verborum praetulit titulum, Veni, Vidi, Vici.—II, 2, 11. Obtundis употреблено Теренціемъ не потому, что obtundere значитъ „бить, колотить, наскучать, подобно кузнецамъ, надоѣдающимъ своимъ сосѣдямъ постояннымъ стукомъ молотами объ желѣзо", но, по Донату, метафора взята „a fabris, qui saepe repetunt tundendo aliquid malleo et idem obtundunt et hebetant, такъ что человѣкъ, который obtunditur, сравнивается съ обрабатываемымъ желѣзомъ.—II, 2, 13: „me vide; говорится также me habe, me respice". Если авторъ хотѣлъ замѣтить, что приведенныя выраженія означаютъ то же, что̀ me vide (иначе замѣчаніе не имѣло бы смысла), то относительно me habe мы позволимъ себѣ усомниться. Скорѣе слѣдовало бы привести изъ Plaut. Asin. III, 3, до me spectes.—II, 3, 25: „quin taces? Здѣсь tacere имѣетъ значеніе securum esse. Quin taces? значитъ: cur non securus es? securus esto: что ты безпокоишься? будь покоенъ, то же, что̀ quiescas". Нѣтъ однако никакой причины не принимать здѣсь tacere въ обыкновенномъ, собственномъ смыслѣ. Даву надоѣдаютъ возраженія Памфила, поэтому онъ велитъ ему молчать.—II, 3, 402. Cave te esse

Библиотека "Руниверс"

tristem sentiat—„не обыкновенно выпускается послѣ cave, напр. cave putes, cave faxis (facias), cave dixeris (dicas)“ Въ этой формѣ замѣчаніе не вѣрно. Обыкновенно ne при cave выпускается только тогда, когда выражается запрещеніе, если же cave употреблено въ собственномъ смыслѣ—берегись, то ne сохраняется при немъ.—II, 4, 1: „Reviso quid agant etc. Reviso вмѣсто revisam или redeo ut videam“. Послѣдняя половина замѣчанія вѣрна, чего нельзя сказать о первой. Если viso значитъ „я прихожу, чтобы видѣть,“ то, послѣдовательно, и reviso значитъ „я возвращаюсь, чтобы видѣть“. На это есть много указаній, напримѣръ Plaut. Mil. Glor, III, 1, 113, visunt quid agam. ecquid velim. Prius quam lucet adsunt—или Rud. V, 1, 6. Nunc alteram illam quae meast visam huc in Veneris fanum.—II, 5, 5. „hem, serva — или observa, т. е. cave ne pecces,“ именно въ означенномъ смыслѣ observare не употребительно.—Изъ примѣчанія къ II, 6, 3: neque quicquam nunc quidem мы узнаемъ что это „образъ выраженія плутовской“, при объясненіи, „чтобы говоря, ничего не сказать;“ а грамматическое толкованіе опущено.

Въ примѣчаніи къ III, 1, 11 высказано что peregrinus и peregrina произведены отъ peregrinari, но врядъ ли кто нибудъ усомнится, что наоборотъ peregrinari происходитъ отъ peregrinus, ибо вообще глаголы на are большею частью производные.—III, 1, 6: „ridiculum существительное, вмѣсто нарѣчій—смѣшно, забавно, шутки“ Противъ такого перевода мы не возражаемъ; но замѣтимъ лишь, что латинское слово не представляетъ собою ни нарѣчія, ни существительнаго. Ridiculum—сказуемое, а подлежащимъ, какъ видно изъ предшествующихъ словъ, подразумѣвается: tam cito parere Pamphili amicam.

Не вѣримъ и тому, что III, 1, 19, Симонъ, говоря num immemores discipuli? намекаетъ на выраженіе Дава: si quis magistram cepit ad eam rem improbum, ipsum animum aegrotum ad deteriorem partem applicat,—не вѣримъ потому, что не находимъ между этими двумя мыслями ничего общаго.—III, 2, 10 къ слову puergerae замѣчено, что „даже puer употребляется въ общемъ родѣ, говорится puer meus сынъ мой и puer mea дочь моя;“ здѣсь смѣшаны разныя времена; вѣдь въ женскомъ родѣ puer встрѣчается исключительно у архаическихъ писателей, какъ видно изъ Карисія 1, 15. p. 64: Puer et in femini nosexu antiqui dicebant, ut Graeci ὁ παῖς καὶ ἡ παῖς, ut in Odyssia vetere, quod est antiquissimum carmen: mea puer etc. и Присціанъ 6, 8, 42. p. 697 приводитъ изъ Ливія Андроника sancta puer, изъ Невія prima incedit Cereris Proserpina puer, а 11, 5, 21 p. 923

Библиотека "Руниверс"

говоритъ: licet inveniantur vetustissimi protulisse et haec puera et hic et haec puer. Эти свидѣтельства гораздо важнѣе, чѣмъ не точное выраженіе въ Dig. L. 16, 163 § 1: pueri appellatione etiam puella significatur; nam et feminas puerperas appellant recentes ex pertu et Graece παιδίον appellatur communiter, въ которомъ идетъ рѣчь не о родѣ слова puer, а о томъ, что подъ puer a parte potiore разумѣется и дочь.—III, 2, 48 „orabo gnato uxorem подразум. ut det". Справедливо однако замѣчаетъ Клотцъ: „Едва ли не слѣдуетъ принимать за шутку слова Доната: subauditur ut det; вѣдь orare alicui uxorem совершенно вѣрно само по себѣ, не смотря на то, что этотъ оборотъ встрѣчается рѣдко. См. Plaut Trin. 3, 1, 10 (611): Atque quidem ipsus ultro venit Philto oratum filio. Тамъ отецъ также сватаетъ дѣвицу за своего сына. Говорятъ и aliquid alicui rei orare, напримѣръ Liv. 6, 3, 2 opem rebus adfectis orantes".—III, 2, 49 „qui alias malim quam hodie has fieri nuptias—въ нѣкоторыхъ изданіяхъ вмѣсто qui стоитъ quid" Quid стоитъ во всѣхъ рукописяхъ и у Доната.—Странно примѣчаніе къ III, 3, 1: „При томъ, по обычаю древнихъ, другъ друга привѣтствовали не одними словами, но присовокупляли къ тому лобзанія и объятія. Этотъ обычай соблюдался не только у іудеевъ, но и у Грековъ и Римлянъ". Какъ будто бы при привѣтствіи, никогда не обходилось безъ лобзаній!—III, 3, 14 къ словамъ arcessi iube замѣчено: „т. е. Памфила и Филумену;" arcessere служитъ стереотипнымъ обозначеніемъ для торжественнаго перехода невѣсты изъ дома отца въ домъ жениха, какъ и ниже III, 4, 2: Quor non arcessitur? IV, 4, 2. Revortor, postquam quae opus fuere ad nuptias Gnatae paravi, ut iubeam arcessi.—III, 3, 26 сказано: „harum scelera, подразум. peregrinarum s. meretricum mulierum, и притомъ вмѣсто единственнаго huius (т. е. Glycerii) сказано во множественномъ harum, чтобы придать больше презрѣнія и отвращенія". По настоящему, тутъ не слѣдуетъ ничего подразумѣвать, а нужно только harum отнести къ Гликеріи и къ ея прислугѣ, безъ всякаго оттѣнка презрѣнія, которое, сколько намъ извѣстно, множественное число вообще не можетъ выражать.—III, 3, 36 discessionem facere передано „разлучиться, разойтись, врозь, жить"; но „жить врозь" т. е. послѣ совершившагося развода, значило бы facto divortio vivere.—III, 3, 40: „Quid istbic или isthuc подразумѣвается resistere, то есть, чтожъ тутъ сопротивляться"; подразумѣвать resistere неудобно, въ какой бы то ни было формѣ, пока не доказано, что въ другихъ мѣстахъ дѣйствительно этотъ глаголъ встрѣчается при quid istic. Скорѣе можно бы подразумѣвать verba

Библиотека "Руниверс"

facinus, потому что этотъ оборотъ въ связи съ означенными словами находимъ у Plaut. Epid. I, 2, 40. По русски, кажется достаточно было бы сказать „чтожъ?“ Впрочемъ, это относится только къ quid istic; что quid istuc означаетъ нѣчто другое, а именно „что это значитъ“, не тр дно догадаться по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оно употреблено, напр. Ter. Ad. 4, 65, гдѣ вопросу предшествуютъ слова: maior filius tuos... neque boni neque liberalis functus officiumst viri, а за тѣмъ слѣдуетъ объясненіе, какимъ образомъ онъ не исполнилъ долга честнаго человѣка.—III, 4, 18 сказано, что irritare „производится отъ ira, гнѣвъ, и, по аналогіи, изъ наблюденія надъ состояніемъ собакъ, у которыхъ въ сердитомъ положеніи, когда онѣ стискиваютъ и оскаливаютъ зубы, только и слышится звукъ одной этой буквы r: rrrr“. Тутъ смѣшаны два производства этого слова, изъ которыхъ одно исключаетъ другое. Сверхъ того, противъ втораго производства говоритъ нерѣдко встрѣчающійся въ рукописяхъ способъ писанія inritare, а также и употребленіе глагола irritare, не всегда означающаго непріязненность (Сл. Дедерлейна Synonym. I, стр. 166); слѣдов. болѣе вѣроятія остается за другимъ производствомъ, хотя и оно подлежитъ сомнѣнію. Ср. еще Дедерлейна Synon. VI, стр. 179, гдѣ irritare производится отъ ἀνερεθίζω или отъ inrectare.—III, 5, 1, по поводу ubi illic est scelus qui замѣчено: „здѣсь scelus употреблено вмѣсто sceleratus или scelestus т. е. Davus, слѣдовательно abstractum pro concreto; поэтому illic и qui согласованы въ родѣ не съ существительнымъ scelus, а съ прилагательнымъ scelestus или sceleratus, подразумѣвается Davus“. Конечно, если лицо обозначено иносказательно, то мѣстоименіе относительное, по отношенію къ нему, .согласуется не съ родомъ этого обозначенія, но съ поломъ означаемаго лица, напримѣръ, Cic. ad fam. 1, 9, 15. Illa furia (т. е. Clodius), qui.—Но опредѣленіе, какъ и въ приведенномъ примѣрѣ, согласуется съ грамматическимъ родомъ своего опредѣляемаго, а въ данномъ случаѣ подлежащее составляетъ illic, къ нему относится qui, а scelus употреблено въ видѣ приложенія.—Въ примѣчаніи къ III, 5, 10: Ehodum bone vir quid ais? переведено: „пойди-ка сюда, голубчикъ!“ Въ eho, однако, не содержится никакого повелѣнія подойдти, и если въ ст. 184 ehodum ad me можно перевести „подойди ко мнѣ“, то повелѣніе выражено словами ad me, а не eho. Слѣдовало бы перевести просто: „Ну, что ты говоришь (на это)? — III, 5, 12: „immo melius spero—сказавъ melius въ сравнительной степени, Давъ какъ бы хочетъ этимъ сказать, что все то, что онъ досель дѣлалъ, хорошо;

Библиотека "Руниверс"

а что̀ затѣмъ сказать дѣлать, то еще лучше будетъ". Похвалы прежнимъ дѣйствіямъ здѣсь вовсе не находится. — Въ примѣчаніи къ III, 5, 18, слова изъ II, 3, 12: ut ab illa excludar, huc concludar переведены „что меня разлучатъ съ нею (Гликеріею), а свяжутъ съ тою (Филуменою)". Мѣткій оттѣнокъ латинской фразы можно было бы сохранить, сказавъ „исключатъ меня изъ ея дома, а здѣсь меня запрутъ"; excludi! стереотипное выраженіе о томъ, кого не пускаютъ въ домъ его возлюбленной. Авторъ не составилъ себѣ яснаго представленія о crux, furca и patibulum, какъ видно изъ примѣчанія къ III, 5, 16: „И crux крестъ и furca s. patibulum висѣлица — были у древнихъ орудіями смертной казни, но тѣмъ различались между собою, что смертная казнь на крестѣ (in cruce) сравнительно съ смертною казнью на висѣлицѣ (in furca s. patibulo) была мучительнѣйшею по своимъ страданіямъ и по продолжительности ихъ, и назначалась преимущественно рабамъ. Эти орудія казни различались и по наружному устройству своему: первое — crux, крестъ, имѣло видъ латинской буквы T или X, въ пересѣченіи двухъ прямыхъ линій подъ углами не прямыми, а обыкновеннѣе видъ знака +, образуемаго пересѣченіемъ двухъ прямыхъ линій подъ прямыми углами, послѣднее же — furca s. patibulum имѣло видъ буквы V". Furca не вездѣ одно и то же. Во первыхъ такъ называлось вилообразное дерево, находившееся надъ нереднею осью колесницы и куда вставлялось дышло. Эта furca дѣйствительно походила на букву V, но она не служила орудіемъ для смертной казни, а какъ вѣрно замѣчено переводчикомъ къ III, 5, 12, рабовъ заставляли для безчестія носить ее по улицамъ. Она и не называлась patibulum; русскій переводъ „висѣлица" ей не соотвѣтствуетъ. О ней говоритъ Плутархъ Coriol. 24. Ἦν δὲ μεγάλη κόλασις οἰκέτου πλημμελήσαντος, εἰ ξύλον ἀμάξης, ᾧ τὸν ῥυμὸν ὑπερείδουσιν, ἀράμενος διελθοι παρὰ τὴν γειτνίασιν. Ἐκαλεῖτο δὲ φούρκιφερ· ὃ γὰρ Ἕλληνες ὑποστάτην καὶ στήριγμα, τοῦτο Ῥωμαῖοι φούρκαν ὀνομάζουσιν. Другая furca состояла изъ колоды, надѣваемой на шею преступника, и къ которой привязывались его руки. О ней говоритъ Діонисій VII, 69. οἱ δ' ἄγοντες τὸν θεράποντα ἐπὶ τὴν τιμωρίαν τὰς χεῖρας ἀπατείναντες ἀμφοτέρας καὶ ξύλῳ προσδήσαντες παρὰ τὰ στέρνα τε καὶ τοὺς ὦμους μέχρι τῶν καρπῶν διήκοντι περιελοίσθουν ξαίνοντας μάστιξι, она же называлась patibulum, какъ видно изъ словъ Валерія Максима I, 7, 5: cum quidam servum suum sub furca ad supplicium egisset, и Макробія Sat. I, 11, 3: quidam servum suum patibulo constrictum per circum egit. Форму этой furcæ опредѣляетъ Ноній стр. 366, говоря: Patibulum sera, qua ostia obclu-

Библиотека "Руниверс"

duntur, quod hac remota valvæ pateant. Но смертную казнь на этой furca или patibulum нельзя противополагать смертной казни на крестѣ, crux, потому что для смертной казни furca и crux употреблялись вмѣстѣ. Crux назывался прямой колъ (palus или stipes), вколоченный въ землю, на него поднимали человѣка, привязаннаго къ furca или patibulum, и прикрѣпляли эту furca на верху его. Сл. Firmic. Matern. Astron. VI, 31: patibulo suffixus in crucem erigitur. Plin. H. N. XXIX, 4, 3. 57. vivi in furca sambucea armo fixi. Non. p. 221. Deligati ad patibulos circumferuntur et cruci defiguntur. Лишь послѣ того, какъ Константинъ отмѣнилъ распинаніе въ прежнемъ видѣ, стали вѣшать людей и на furca того вилообразнаго вида, о которомъ мы упомянули выше.

IV, 1, 11. Слова quor meam tibi объяснены: „изъ-за чего стану я жертвовать тебѣ своею собственностію? Это уже собственный интересъ. Здѣсь—cur meam tibi? ἔκλειψις, подраз. meam rem вообще, а еще вѣрнѣе, cur meam scil. sponsam s. amicam tibi reddam?" Разумѣется, послѣднее толкованіе не только вѣрнѣе, но и единственно вѣрное. „Моя собственность" по латыни значитъ не mea, но meum, какъ и говорится suum cuique. Coniugem или sponsam здѣсь подразумѣвалъ уже Присціанъ XVIII, p. 174, 6.—Въ примѣчаніи къ IV, 1, 34, volens-nolens приведено въ видѣ пословицы, но, какъ мы уже замѣтили, это выраженіе у древнихъ вовсе не встрѣчается; вмѣсто него говорили velim nolim, vellem nollem, seu velim seu nolim, или просто coactus, invitus.—IV, 1, 36, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Теренцій не обозначилъ подлежащаго, но просто сказалъ destitit—perpulit, переводчикъ предполагаетъ, что „произнося эти слова, Памфилъ вѣроятно указывалъ на Дава, но Харинъ не обратилъ на это вниманія, и потому вслѣдъ за этимъ спрашиваетъ: quis homo istuc? кто же это?" Въ такомъ случаѣ, полагаемъ, было бы поставлено указательное мѣстоименіе. Памфилъ, кажется, не называетъ Дава, потому что ужъ слишкомъ раздосадованъ имъ, слишкомъ много о немъ думалъ, а потому и не считаетъ лишнимъ упоминать его имя.—Страннымъ показалось намъ примѣчаніе къ IV, 1, 39: „мы слѣдовали Панкукеу, коего изданіе болѣе заключаетъ въ себѣ критики". Неужели автору неизвѣстно первое критическое изданіе Умфенбаха, вышедшее въ 1870 году? — Въ примѣчаніи къ IV, 1, 58, concrepuit ostium отнесены къ стуку въ дверь извнутри, чтобы проходящіе по улицѣ посторонились, прежде чѣмъ двери отворятся. Это несправедливо, ибо выраженія въ родѣ concrepuit ostium часто соединяются съ упоминаніемъ объ од-

Библиотека "Руниверс"

невременномъ, а не только ожидаемомъ выходѣ изъ дверей (Ter. Heaut. I, 121: Sed quid crepuerant fores Hinc a me? quis nam egreditur? Plaut. Amph. I, 3, 34: crepuit foris. Amphitruo subditivus eccum exit foras); Плавтъ Curcul. I, 3, 1, прямо упоминаетъ о cardinum crepitus.— IV, 2, 8 въ словахъ quibus quidem quam facile potuerat quiesci, si hic quiesset, слово quibus отнесено къ Памфилу и Гликеріи; какъ по латыни нельзя было бы сказать quibus potuerat quiesci вмѣсто qui potuerant quiescere, такъ и тутъ едва ли возможно quibus отнести не къ ближайшему существительному. По этому уже Perizonius къ Sanctius, Minerva III, 3, 116, quibus отнесъ къ nuptias, объясняя a quibus nuptiis, quæ nunc nos omnes perturbant adeo et sollicitant, quam facile potuerat esse quies. Съ творительнымъ безъ предлога quiescere соединено также у Symmach. epist. I, 8.—Примѣчаніе къ IV, 2, 29, хотя отчасти основано на Донатѣ, но тѣмъ не менѣе не вѣрно; переводчикъ утверждаетъ, что при ridiculum! подразумѣвается caput или hominem въ винительномъ падежѣ, по силѣ опущеннаго здѣсь предшествующаго междометія o или esse, управляющихъ этимъ падежемъ. Намъ кажется, нужно подразумѣвать не hominem или caput, а соотвѣтствующее предыдущимъ словамъ подлежащее (здѣсь „te hoc dicere" или нѣчто въ этомъ родѣ, какъ видно изъ подобнаго же употребленія другихъ прилагательныхъ, напримѣръ, IV, 4, 30: Verum, (то-есть, est id quod dixi); Eun. II, 3, 56. Verum, (то-есть, comites secutos virginem); Horat. Epist. I, 6, 22, indignum, (то-есть, Mutum tibi potius mirabilem esse); Ovid. Am. I, 6, 1, Ianitor, indignum, dura religate catena; Verg. Aen. I, 251, infandum, (то-есть, nos prodi), VI, 21, miserum, (то-есть, Cecropidas iussos esse corpora natorum pœnas pendere), Cic. Phil. X, 9, 18, malum, то-есть, optimis causis veteranorum nomen opponere. Едва ли нужно упоминать, что ни o, ни esse не управляютъ винительнымъ, хотя винительный и встрѣчается при нихъ; что же касается того, будто o или esse подразумѣваются, то это ужъ совсѣмъ неслыханное дѣло.—IV, 8, 15, при словахъ nova nunc religio in te istaec incessit, сказано „здѣсь religio значитъ суевѣріе". О суевѣріи тутъ нѣтъ и рѣчи; religio приписывается Даву потому, что онъ, въ случаѣ надобности, старается имѣть возможность чистосердечно поклясться, что не подкидывалъ ребенка. Это обнаруживаетъ совѣстливость съ его стороны.—IV, 4, 5: „Reliquit me homo atque abiit. Хорошо Мизида выражается здѣсь o Давѣ вообще: homo — человѣкъ, какъ и выше ille—онъ, чтобы отклонить подозрѣніе". Если, какъ замѣчено переводчикомъ въ скобкахъ, Мизида произноситъ эти слова

Библиотека "Руниверс"

въ тсонору, обращалсь къ зрителямъ, то нечего ей и опасаться возбудить подозрѣніе. Скорѣе она назоветъ Дава homo съ досады на него.—IV, 4, 32, liberæ объяснено „женщины свободно рожденныя или благородныя"; такія женщины назывались ingenuæ, а liberæ могли быть и отпущенницы.

Въ примѣчаніи къ ст. 40, замѣчено будто Давъ уже провѣдалъ о томъ, что Гликерія гражданка, „какъ мы увидимъ въ послѣдующей за симъ сценѣ". Но упомянутая сцена, въ которой появляется освѣдомляющійся между прочимъ у Мизиды, нашла ли Гликерія своихъ родителей, не даетъ никакого повода думать, что Давъ уже прежде узналъ что нибудь отъ Критона. Напротивъ, Давъ считаетъ гражданство Гликеріи за выдумку, какъ ясно видно изъ его словъ I, 3, 45: et fingunt quandam inter se nunc fallaciam civem Atticam esse hanc. IV,—4, 45: „По разнымъ изданіямъ мы встрѣчаемъ два чтенія: въ одномъ „ah, ne tu omnia," а въ другомъ „anne tu omnia или anne haec tu omnia? Первому соотвѣтствуетъ переводъ: „о, далеко не все," гдѣ не стоитъ вмѣсто non, или и ne, только не краткое ne, а протяжное ne, то же что non; а послѣднему—слѣдующій: „неужели все". Не станемъ говорить о томъ, что, вмѣсто ссылокъ на изданія, гораздо важнѣе было упомянуть о рукописяхъ; авторъ не коснулся этого, хотя чтеніе ah ne omnia основано только на упоминаніи Доната. Но нельзя никакъ утверждать, что ne въ этомъ чтеніи замѣняетъ собою non. Правда, Донатъ говоритъ: aut „ne" pro non" legitur aut „ne omnia," ut ne producatur et accipiatur pro non; но употребленіе отрицанія ne въ повѣствовательныхъ предложеніяхъ ограничивается немногими мѣстами Плавта, именно Most. I, 2, 29 ne volt; Aulul. II, 4, 7 ne velles, Most. I, 6, 43 ne parcunt (Draeger, Historische Syntax I, стр. 113); такъ какъ у Теренція нѣтъ никакого другаго мѣста въ этомъ родѣ, то мы не должны, полагаясь на авторитетъ Доната, навязывать ему упомянутый оборотъ; переводчикъ совершенно справедливо отвергаетъ другое толкованіе Доната, будто ne сказано вмѣсто an. Если стоитъ ne omnia, то ne, сохраняя свое обычное значеніе, выражаетъ желаніе „ахъ, лишь бы ты услышалъ не все".—IV, 4, 84: „Hic est ille (Chremes κατ' ἐξοχήν) т. е. quasi vir magnus et potens et metuendus" и ниже: „слова эти соотвѣтствуютъ словамъ iam tantus est". Такъ какъ о Хремесѣ было упомянуто уже выше, ст. 33—35, то нѣтъ никакой надобности мѣстоименію ille приписывать какое-нибудь необыкновенное значеніе. Hic est ille, т. е. это тотъ, о которомъ я говорилъ, короче: это онъ. Только противоположеніемъ Дава въ послѣдующихъ словахъ указывается на

Библиотека "Руниверс"

то, что это упомянутое лицо отличается прозорливостью.—IV, 4, 52: „Qui sciam-qui употреблено какъ нарѣчіе quomodo (qua ratione), unde, или же какъ мѣстоименіе въ творительномъ падежѣ вмѣсто qua, подразум. ratione". На самомъ дѣлѣ qui—старинная форма творительнаго падежа во всѣхъ родахъ и, какъ творительный средняго рода, обратилась въ нарѣчіе—иногда вопросительное, а иногда относительное—quomodo. Сл. Neue, Formenlehre der Lateinischen Sprache, II, стр. 229. При qua не подразумѣвается ratione, но, такъ какъ qua прежде всего употребляется въ мѣстномъ смыслѣ, какъ ea, eadem, hac и т. п. имѣется въ виду via; отъ мѣста это нарѣчіе перенесено на образъ дѣйствія.—IV, 5, 22: „Antiquum сказано ut aequum et bonum, quod antiqui solebant: или per ἔλλειψιν подразум. morem et ingenium seu animum". Подразумѣвать какое-нибудь существительное нѣтъ повода какъ здѣсь, такъ при всѣхъ остальныхъ прилагательныхъ средняго рода единственнаго числа.—V, 2, 5, согласно съ Донатомъ, замѣчено, что Давъ, говоря noster Chremes „какъ бы хочетъ дать знать имъ обоимъ (т. е. Симону и Хремесу), что Гликерія оказывается дочерью Хремеса, Пазибулою, и что Памфилъ долженъ жениться на ней". Такъ какъ Симонъ и Хремесъ объ этомъ открытіи еще и не думаютъ, и такъ какъ Давъ вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: omnia adparata iam sunt intus, то и нельзя приписывать ему означенное намѣреніе; остается noster отнести къ предстоящей, по видимому, свадьбѣ Памфила съ Филуменою.—V, 2, 13 „faxo вмѣсто faciam или fecero," но faxo само по себѣ—futurum exactum, хотя здѣсь и можно было бы поставить первое будущее.—V, 2, 15: „Quum faciem videas, videtur esse quantivis pretii; здѣсь facies означаетъ всю осанку человѣка". Конечно, Геллій говоритъ: Quidam faciem esse hominis putant os tantum et oculos et genas, quod Graeci πρόσωπον dicunt: quando facies sit forma omnis et modus et factura quaedam corporis totius; можно привести и другія мѣста, гдѣ это слово употреблено въ такомъ же смыслѣ: но здѣсь означается лицо, какъ видно изъ того, что въ послѣдующемъ стихѣ сказано: Tristis veritas inest in voltu. Дѣйствительно, довѣріе, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, больше всего внушается лицомъ, а не осанкою. Къ только что приведенному стиху замѣчено еще: „In voltu, вмѣсто in vultu: подобныя измѣненія гласныхъ встрѣчаются не только у поэтовъ, но и у прозаиковъ, напр. voster вмѣсто vester, existumare вмѣсто existimare, maxumus и maxume вмѣсто maximus и maxime"; можно было бы подумать, что о вмѣсто u или e составляетъ нововведеніе авторовъ, между тѣмъ, какъ это архаизмъ.—Странно при-

Библиотека "Руниверс"

мѣчаніе къ II, 2, 19, что lorarii „всегда находились при своихъ господахъ и сопровождали ихъ, какъ сопровождали ликторы высшихъ правительственныхъ лицъ, военныхъ и гражданскихъ“ Если не ошибаемся, замѣчаніе это основано на словахъ Геллія, X, 3: fin hi (т. е. Bruttiani) sequebantur magistratus; tanquam in scaenicis fabulis qui dicebantur lorarii. Геллій, однако, говоритъ о комедіяхъ, гдѣ lorarius, конечно, долженъ былъ находиться по близости отъ своего господина, чтобы въ случаѣ нужды, быть подъ рукою: переводчикъ имѣлъ въ виду, кажется, не то, ибо тутъ же, немного ниже, онъ сопоставляетъ lorarii съ козаками или гайдуками польскихъ помѣщиковъ.—V, 2, 28 въ выраженіи O, Chreme, pietatem gnati, мы вовсе не видимъ, подобно переводчику, ἔλλειψις словъ videsne? но просто accusativus exclamationis.—V, 3, 15: „sed quid ego?—подразумѣвается promoveo распространяюсь“. Во первыхъ promoveo не значитъ: распространяюсь; во вторыхъ, какъ вообще подразумѣваются только самыя общія понятія, такъ и здѣсь подразумѣвается ago—V, 3, 21 viceris переводчикъ считаетъ будущимъ вторымъ, вмѣсто будущаго втораго повелительнаго, но такимъ образомъ futurum exactum вовсе не употребительно. Viceris coniunctivus perfecti concessivus; и Цицеронъ говоритъ Verr. 1, 41: malus civis Cn. Carbo fuit. Fuerit aliis.—V, 3, 25: „Ego me amare hanc fateor. Говоритъ hanc, а не Glycerium, избѣгая даже напоминанія объ этомъ имени, чтобы не огорчить отца“; нѣтъ нужды прибѣгать къ такому объясненію; способъ обозначать свою возлюбленную однимъ указательнымъ мѣстоименіемъ можно встрѣтить, какъ въ латинской, такъ во всякой другой литературѣ. Памфилъ говоритъ IV 2, 13: Hanc mi expetivi—hanc nisi mors mi adimet nemo. А гораздо чаще употребляется illa, напр. Ter. Eun. I, 1, 26: Et illam scelestam esse et me miserum sentio; IV, 2, 9. Manendumst soli sine illa.—V, 3, 32: „Pro peccato magno paulum supplici satis est patri—за немаловажный проступокъ (подразум. сына) не мѣшаетъ и отцу понести легонькое наказаніе“. Подъ легкимъ наказаніемъ можно разумѣть здѣсь самую виновность, которую Симонъ готовъ принять на себя вмѣсто Памфила, такъ что по смыслу рѣчи онъ готовъ ожидать отъ него и обмана. Но satis est не значитъ „не мѣшаетъ,“ а достаточно отцу, или отецъ довольствуется; смыслъ выходитъ такой: отецъ не требуетъ большаго наказанія, даже за важный проступокъ сына,—здѣсь наказаніе относится естественнымъ образомъ къ тому же лицу, какъ и проступокъ, т. е. къ сыну. Эти слова Хремеса вызваны заявленіемъ Симона, что онъ со всѣмъ согласенъ, лишь бы обнаружи-

Библиотека "Руниверс"

лось, что сынъ не причастенъ обману. — Въ примѣчаніи къ V, 4, 5: eho tu Glycerium hinc civem esse ais не точно переведено: „ты хочешь знать, дѣйствительно ли Глицерія гражданка здѣшняя? Симонъ спрашиваетъ, не Критонъ ли увѣряетъ, что она гражданка?— V, 4, 51. Quia habet aliud magis ex sese et maius (то-есть negotium) объяснено: „потому что онъ крѣпко занятъ теперь другими дѣлами, которыхъ никакъ не можетъ оставить"; здѣсь словамъ „которыхъ никакъ не можетъ оставить" ничто не соотвѣтствуетъ въ подлинникѣ; ибо maius означаетъ только „важнѣе". За то слова „magis ex sese" остались безъ объясненій, а означаютъ они „болѣе ему соотвѣтственное", подобно тому, какъ говоритъ Цицеронъ Phil. VIII, 4, 18: bonos et utiles et e republica cives. V, 4, 52, слова IV, 2, 24: quadrupedem constringito переведены не точно „свяжи его по рукамъ и по ногамъ какъ четвероногое" Послѣднее было бы по латыни ut quadrupedem, а смыслъ Теренціевыхъ словъ: constringendo facito eum quadrupedem, то-есть свяжи его такъ, чтобы онъ ногами и руками касался къ землѣ.—V, 5, 8. выраженіе mea gavisurum gaudia не совсѣмъ справедливо названо ἀρχαισμός; ибо и Цицеронъ, или, вѣрнѣе сказать, Целій у Цицерона Fam. VIII, 2, 5. говоритъ: ut suum gaudium gauderemus, а Катуллъ LXI, 119: Quanta gaudia gaudeat.—V, 6, 6, къ словамъ pater amicus summus nobis замѣчено: „Памфилъ говоритъ Даву и эти и послѣдующія слова такъ громко, чтобы они слышны были и Харину". Ниже однако Памфилъ замѣчаетъ Харина (ст. 10. Qui homo—O Charin, in tempore ipso mi advenis); едва-ли поэтому можно допустить здѣсь подобное намѣреніе.—Къ послѣднему слову комедіи plaudite замѣчено, что находящаяся передъ нимъ въ изданіяхъ буква ω, происшедшая изъ о о, означаетъ ὁ ὄχλος, и будто этимъ знакомъ выражается, что plaudite должно быть произносимо не однимъ какимъ-нибудь актеромъ, а всею группою дѣйствующихъ лицъ. Доказательства приведены слѣдующіе. Если бы буква ω не означала ὁ ὄχλος, то она относилась бы или къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ, имя котораго начинается съ этого звука, и „въ такомъ случаѣ лице это было бы всегда одно и то же, или означала бы какое-нибудь имя нарицательное". Но она не означаетъ ни дѣйствующаго лица, ни нарицательнаго имени. Слѣдовательно, остается въ ней видѣть знакъ въ смыслѣ ὁ ὄχλος. Однако предположенію этому противорѣчитъ то, что у Плавта въ Asinaria передъ приглашеніемъ рукоплескать встрѣчается grex, а въ Captivi и Cistellaria — caterva, между тѣмъ, какъ въ другихъ комедіяхъ того же Плавта находимъ ω. Вѣдь нельзя же

Библиотека "Руниверс"

допустить, чтобы для нѣсколькихъ понятій существовалъ одинъ знакъ. Затѣмъ, ни откуда не слѣдуетъ, что если бы ω означало дѣйствующее лице, то имя этого лица должно было бы начинаться съ этого самаго звука. Въ Тринуммѣ Плавта, гдѣ въ Vetus Codex Camerarii (B у Ричля) дѣйствующія лица означаются также греческими буквами, имена ихъ вовсе не начинаются съ этихъ буквъ; напр. A означаетъ то Мегаронида, то Филтона, B—Калликла и т. д. Не вѣрно и то, будто ω не можетъ означать нарицательнаго имени. Напротивъ Горацій, ad Pison. 155, говоря donec cantor vos plaudite dicat, прямо указываетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ слово plaudite не ясно приписывается другому лицу, нужно выговаривать его cantor; это мнѣніе подтверждается еще тѣмъ, что Plaut. Pers. въ четырехъ рукописяхъ стоитъ plaudite pantio, вмѣсто чего Ричль пишетъ, руководствуясь основательною догадкой, Cantio (Prolegom. ad Plauti Trinummum, pag. XXX). Если судя по этимъ свидѣтельствамъ, несомнѣнно, что обыкновенно слово plaudite произносилъ пѣвчій, то мы имѣемъ полное право подъ буквою ω разумѣть его, какъ поступаетъ и Ричль l. l. Буква ω сама по себѣ этому ни мало не противорѣчитъ. Искать какой-нибудь внутренней связи между буквою и именемъ означаемаго лица, было бы совершенно излишне; нѣтъ также причины предполагать съ Бентлеемъ, что ω произошла изъ ca, то-есть, изъ сокращенія слова cantor, ибо другихъ греческихъ буквъ нельзя объяснить подобнымъ образомъ. Скорѣе можно думать, что послѣдняя буква азбуки была употреблена для означенія того лица, которое говоритъ заключительное слово.

Изъ сказаннаго видно, что въ примѣчаніяхъ переводчика, особенно касательно толкованія словъ подлинника, не мало промаховъ; находится, конечно, на ряду съ ними, вполнѣ вѣрныя и дѣльныя, и не бѣда въ томъ, что по большей части онѣ уже были высказаны другими. Вообще мы считаемъ книгу г. Подгурскаго не совсѣмъ безполезною для тѣхъ, которые хотятъ читать Теренція въ подлинникѣ, если только они обладаютъ достаточнымъ знаніемъ языка, чтобы въ различныхъ мѣстахъ не быть введенными въ заблужденіе переводчикомъ; кромѣ того, книга его можетъ оказать услуги и той части образованной публики, которая желаетъ познакомиться съ Теренціемъ, не прибѣгая къ оригиналу.

Р. Фохтъ.

Библиотека "Руниверс"

ментарныхъ начиная съ V кл., долженъ послѣдовать и курсъ высшій, сообразный съ понятіями и знаніями не дѣтскими, а уже юношескими, обогащенный разумѣніемъ иностранныхъ языковъ. И размѣръ курса долженъ быть обширнѣе, и самое направленіе должно быть не чисто догматическое, а болѣе историческое (§ 11). Въ VI кл. преподаватель не оставитъ озаботиться, чтобы ученики уразумѣли какимъ образомъ произошли всѣ важнѣйшія формы новаго языка изъ формъ древнихъ и въ чемъ именно заключаются достоинства новаго языка русскаго отдѣльно и сравнительно съ тѣми иностранными языками, которые ученикамъ извѣстны (§ 12). Изученіе словесности предполагается троякое: теоретическое, историческое и практическое. Изученіе теоріи словесности должно привести къ тому, чтобы ученикъ, вышедши изъ гимназіи, зналъ и понималъ всѣ тѣ правила словесности, которыя необходимы для образованнаго человѣка, и былъ бы приготовленъ пользоваться ими въ случаѣ надобности (§ 14, 15). Въ V кл. проходятся общая теорія словесности и общія понятія о сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ; въ VI кл. теорія сочиненій прозаическихъ и стихотворныхъ въ полномъ систематическомъ порядкѣ, но не слѣдуетъ обременять учениковъ излишними подробностями, имѣя въ виду, вмѣстѣ съ образованіемъ ума и вкуса, преимущественно то, что можетъ быть примѣнимо въ современномъ образованномъ обществѣ и въ современной литературѣ (§ 16, 17). Учители обязаны удаляться отъ того неумѣстнаго въ наше время направленія преподаванія, въ силу котораго допускались темныя и неопредѣлительныя объясненія. Нѣтъ надобности входить въ тонкости умозрѣнія тамъ, гдѣ все можетъ быть понято простымъ, здравымъ смысломъ (§ 19). Историческое изученіе словесности должно привести къ тому, чтобы ученикъ зналъ: 1) изъ писателей иностранныхъ по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые представляютъ образцы литературнаго совершенства у образованнѣйшихъ народовъ, и 2) исторію отечественной литературы, какъ часть отечественной образованности, умѣя цѣнить благодѣянія правительства, постоянно старающагося утвердить эту образованность на началахъ христіанской нравственности и своеобытной народности (еженедѣльно по одному уроку въ V и VI кл.). При изученіи исторіи русской литературы преимущественное вниманіе надлежитъ обращать на литературу религіозную, дидактическую и историческую (§ 20—23). Практическое изученіе словесности заключается: 1) въ чтеніи образцовъ русскаго слога съ ихъ разборомъ, имѣя преимущественно въ виду творенія митрополита Филарета, Карамзина, Жуковскаго и Пушкина; 2) въ опытахъ сочиненій; 3) въ письменныхъ переводахъ съ языковъ иностранныхъ и съ древняго русскаго; 4) въ составленіи лекцій (!) и 5) въ литературныхъ бесѣдахъ (на которыхъ, по § 34, дозволяется присутствовать ученикамъ и другихъ классовъ,

Библиотека "Руниверс"

въ видѣ награды за успѣхи въ русскомъ языкѣ и за благонравіе). Ученики должны записывать лекціи въ классѣ со словъ учителя и излагать ихъ съ возможною тщательностію и подробностію (§ 25)". Къ этимъ постановленіямъ были прибавлены еще *общія примѣчанія*. „Учители должны наблюдать, чтобы чтеніе и изучиваніе отрывковъ ограничивалось кругомъ писателей, признанныхъ по содержанію и по языку ихъ твореній образцовыми, а не тѣми, которые нравятся публикѣ только потому, что новы и занимаютъ ея досугъ (§ 26). При экзаменѣ переводномъ ученикъ долженъ въ познаніи теоретическомъ получить не менѣе 3 баллова, а за практическія упражненія не менѣе 4; при выпускномъ и въ знаніяхъ теоретическихъ и за упражненія практическія не менѣе 4 (§ 29). Для поощренія учениковъ къ успѣхамъ въ словесности и пріохочиванія ихъ къ чтенію, должно завести *читательныя бесѣды*. Онѣ раздѣляются на: 1) постоянныя, которыя бываютъ по крайней мѣрѣ по одному разу въ мѣсяцъ въ каждомъ классѣ. Учители русскаго языка и словесности назначаютъ для чтенія отрывки изъ образцовыхъ писателей и сочиненій по части теоріи и критики; учители исторіи и географіи—отрывки изъ сочиненій историческихъ, этнографическихъ и т. п., любопытныхъ не столько по изяществу изложенія сколько по содержанію. Ученикъ, получившій назначеніе читать въ бесѣдѣ, долженъ приготовиться къ этому многократнымъ прочтеніемъ статьи, ему назначенной, съ тѣмъ, чтобы прочесть ее передъ своими начальниками и товарищами не только безъ ошибокъ и внятно, но съ должнымъ выраженіемъ, и быть вмѣстѣ съ тѣмъ въ состояніи объяснить все, что не совсѣмъ общепонятно или общеизвѣстно; онъ долженъ также узнать нѣкоторыя подробности о писателѣ или сочиненіи, изъ котораго читаетъ. Вышедши для прочтенія на каѳедру, онъ объясняетъ своимъ товарищамъ наустно, стараясь говорить плавно, тѣ свѣдѣнія, которыя пріобрѣлъ о писателѣ и сочиненіи; затѣмъ читаетъ статью; окончивъ чтеніе, объясняетъ прочитанное и выслушиваетъ замѣчанія или объясненія учителя. Для каждой бесѣды назначается двѣ или три статьи, и всегда ученикамъ, оказавшимъ успѣхи въ изученіи языка и словесности, исторіи и географіи, въ знакъ поощренія ихъ старательности. 2) Случайныя читательныя бесѣды, которыя должны быть всякій разъ, когда какой-либо учитель не явится на урокъ, происходятъ подъ надзоромъ инспектора; статьи читаются по его выбору. О ходѣ бесѣдъ вообще и о лицахъ, участвующихъ въ нихъ, ведется особая записная книга, составляемая по извѣстному образцу. Копію съ оной директоры представляютъ попечителю округа по истеченіи каждаго полугодія, то-есть, въ январѣ и въ іюнѣ, донося особенно объ ученикахъ, отличающихся успѣхами въ искусствѣ чтенія и въ объясненіи читаемаго (§ 32)".

Библиотека "Руниверс"

Послѣдствіемъ такихъ чрезмѣрныхъ требованій отъ учениковъ были слабые ихъ успѣхи въ отечественномъ языкѣ. Одинъ изъ учителей, бывшій студентъ Московскаго университета, обыкновенно говорилъ ученикамъ, когда бывалъ имъ недоволенъ: „вы пишете по-русски какъ студенты“ Недостаточные успѣхи частію происходили отъ дурной методы: такъ, напримѣръ, при одной ревизіи казенныхъ училищъ замѣчено было „слишкомъ рабское слѣдованіе учебникамъ Кошанскаго“. Кромѣ того причина малоуспѣшности въ русскомъ языкѣ зависѣла отъ руководствъ: напримѣръ, ученики первыхъ двухъ классовъ „не могли понимать Востокова“. Г. Лосевъ разказываетъ, что въ двухъ гимназіяхъ, въ которыхъ онъ учился, господствовало заучиванье на память. „Придирка къ буквѣ и къ фразѣ у нѣкоторыхъ старыхъ педагоговъ доходила до крайней нелѣпости“. Молодые учители требовали, чтобъ ученики отвѣчали имъ своими словами. Господа эти хотѣли подѣйствовать на развитіе мысли, хотѣли возбудить въ насъ любознательность, пріучить къ самостоятельному труду, изъ школьниковъ сдѣлать добросовѣстныхъ, сознательно учившихся людей,—и для этого употребляли слѣдующіе педагогическіе пріемы: учитель русской словесности, напримѣръ, читалъ намъ въ V классѣ, пятнадцатилѣтнимъ мальчикамъ, Замогильныя записки Шатобріана, съ тѣмъ, чтобы мы на слѣдующій урокъ разказали ему то, что прослушали, тогда какъ мы не понимали даже цѣлой трети словъ. Другой учитель, тоже молодой, читалъ намъ въ V классѣ курсъ логики по лекціямъ профессора Московскаго университета. Можете представить, сколько мы поняли! Положимъ, онъ требовалъ, чтобы мы просили у него объясненій непонятнаго для насъ; но когда мы просили объясненій, то онъ обыкновенно повторялъ прежнее, почти въ тѣхъ же самыхъ словахъ и заключалъ такимъ образомъ: кажется, понятно теперь, господа... Былъ у насъ еще одинъ учитель русской словесности, также молодой, у котораго конекъ былъ—сочиненія. Онъ задавалъ намъ писать рецензіи на повѣсти, комедіи, драмы. Рецензіи наши были не что иное, какъ перефразировка журнальныхъ рецензій; критиковали мы комедіи Аристофана, и драмы Софокла и комедіи Мольера, не прочтя ни одной изъ нихъ, и молодой учитель оставался очень доволенъ. Разказывалъ онъ намъ и біографіи нашихъ знаменитыхъ писателей, но странная вещь: не прочелъ намъ ни одного изъ ихъ сочиненій“ Между темами для сочиненій находилась слѣдующая: „написать исторію музыки“ [1].

На методу преподаванія по всѣмъ предметамъ вообще имѣла весьма существенное вліяніе система „балловъ“. Наглядное описаніе

[1]) *Лосевъ*, Гимназіи сороковыхъ годовъ, въ *Русск. Вѣстн.* 1863, кн. 5, стр 300—321. *Русск. Вѣстн.* 1862, 6, 673. *Ж. М. Н. Пр.* CX, 1,128.

Библиотека "Руниверс"

практическаго примѣненія этой системы мы находимъ въ отрывкахъ изъ дневника К. „ветерана русскихъ школъ", уроженца Швейцаріи, который въ 1831 г. занялъ должность преподавателя французскаго языка въ одной изъ гимназій южной Россіи (не названной) и состоялъ въ этой должности 28 лѣтъ [1]). Прибывъ въ гимназію онъ въ первый же день, по приглашенію директора, присутствовалъ на урокѣ французскаго языка, который давалъ въ III классѣ нѣкто Филиппъ Львовичъ. Учениковъ было около 60. Учитель подзывалъ ихъ къ себѣ по два или по три за разъ и спрашивалъ у нихъ заданный имъ урокъ, затѣмъ выставлялъ въ спискѣ, находившемся предъ нимъ, цифры отъ 0 до 5 рядомъ съ фамиліею каждаго ученика. Спрошено было человѣкъ двадцать; другіе „сидѣли довольно спокойно, зѣвали и даже дремали". „Я началъ ставить баллы только чрезъ недѣлю, потому что хотѣлъ прежде всего ознакомиться покороче съ способностями моихъ учениковъ. Всю недѣлю они казались въ восторгѣ отъ меня и учились очень порядочно". Тогда учитель обратился къ директору съ просьбою не выставлять балловъ, на что тотъ и согласился. „Къ концу слѣдующаго урока я объявилъ ученикамъ IV класса, что, видя ихъ прилежаніе и вниманіе, ихъ доброе расположеніе ко мнѣ и проч., я считаю излишнимъ ставить баллы. Мои слова произвели на учениковъ такое радостное впечатлѣніе, что они, повидимому, готовы были носить меня на рукахъ". Два слѣдующіе урока прошли очень хорошо; въ третьемъ много шумѣли; половина учениковъ не знала урока; въ четвертомъ всего человѣкъ десять или пятнадцать могли отвѣчать; въ пятомъ всѣ рѣшительно ничего не знали и учитель былъ вынужденъ отослать двухъ шалуновъ къ главному надзирателю. Они рѣшились ставить баллы. Двѣ недѣли спустя ученики жаловались директору, что учитель несправедливъ, что они отвѣчали отлично, а все-таки получили не болѣе 3. Учитель оправдывался, говорилъ, что хотя дѣйствительно выученъ былъ урокъ удовлетворительно, но изъ объясненнаго имъ изустно никто не помнилъ ни слова. На это директоръ возразилъ, что ученики не совсѣмъ неправы, ибо баллы должны собственно означать, какъ они знали заданный урокъ; если же они невнимательны, или шумятъ въ классѣ, то ихъ слѣдуетъ записывать въ журналъ. „Мнѣ въ первый разъ приходилось слышать, что дѣлаютъ различіе между прилежаніемъ и вниманіемъ ученика во время урока. Директоръ думалъ, что я его не понялъ, и пустился въ болѣе подробныя разсужденія объ этомъ предметѣ: „согласитесь прежде всего, сказалъ онъ, въ необходимости отмѣтокъ; безъ нихъ учителямъ было бы невозможно запомнить отвѣты учениковъ, безъ балловъ ни я, ни инспекторъ, не имѣли бы

[1]) *Ж. М. Н. Пр.* CIX, 2, 1—46 (1861).

Библиотека "Руниверс"

возможности узнавать объ успѣхахъ и о поведеніи учениковъ...; особенно мы были бы лишены самыхъ дѣйствительныхъ средствъ знать, когда слѣдуетъ ученика наказать за лѣность и непослушаніе, или когда поощрить его за прилежаніе и успѣхи.... Почти во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ принято обозначать цифрами прилежаніе и успѣхи учениковъ. Мы употребляемъ цифры отъ 0 до 5. Нуль показываетъ, что ученикъ совсѣмъ не исполнилъ своихъ обязанностей; если онъ получаетъ два раза сряду такой баллъ, то подвергается тѣлесному наказанію. Единицу и двойку ставятъ тогда, когда онъ неудовлетворительно приготовилъ урокъ; тройку ставятъ за посредственное прилежаніе; четыре — когда ученикъ хорошо исполнилъ свои обязанности; пять получаетъ онъ только за отличное знаніе урока. Учитель ставитъ баллы лишь для того, чтобы показать, на сколько ученикъ зналъ заданное; онъ не хочетъ ими обозначить вниманіе или разсѣянность учениковъ во время класса; онъ не долженъ принимать въ разчетъ временное или постоянное прилежаніе, лѣта, умственное или физическое развитіе и пр. Если вы будете обращать вниманіе на подобныя обстоятельства, не прямо относящіяся къ уроку, то вы постоянно будете смѣшивать дурнаго ученика съ хорошимъ". Возраженія, „что надо обращать вниманіе на причины, вслѣдствіе коихъ ученикъ, не одаренный хорошею памятью, притомъ, можетъ быть, лишенный хорошаго домашняго воспитанія, но постоянно, часто даже неуспѣшно, борящійся съ этими затрудненіями, заслуживаетъ по крайней мѣрѣ такого же балла какъ и тотъ, который дурнымъ поведеніемъ въ классѣ, постоянною разсѣянностью, равнодушіемъ, ясно доказываетъ, что его хорошіе отвѣты были лишь дѣломъ случая, зависѣли отъ легкости урока, или отъ помощи гувернантки или репетитора", нисколько не убѣждали директора. „Намъ будетъ легко изъ вашихъ отмѣтокъ, продолжалъ онъ, дѣлать общіе выводы объ успѣхахъ учениковъ въ теченіе мѣсяца или даже трехъ. Простое ариѳметическое вычисленіе даетъ намъ для этого самое вѣрное и удобное средство... Такъ, напримѣръ, если воспитанникъ былъ спрошенъ девять разъ и получилъ 3, 4, 2, 0, 3, 2, 1, 3, то сумма этихъ балловъ составивъ 18; мы дѣлимъ 18 на 9, и въ частномъ получаемъ 2, баллъ, означающій, что ученикъ лѣнился въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. При переводѣ учениковъ въ высшіе классы поступаютъ точно такимъ же образомъ. Вслѣдствіе этого счастливаго открытія мы можемъ, безъ особеннаго труда и траты времени, съ *математическою вѣрностью* опредѣлить способности воспитанниковъ и степень ихъ прилежанія. Благодаря той же системѣ и родители не имѣютъ права жаловаться на насъ: баллы служатъ отвѣтомъ на всѣ возраженія съ ихъ стороны". „Посредствомъ балловъ", говорилъ далѣе директоръ, „мы достигаемъ тройкой цѣли: облегчаемъ учителю воз-

Библиотека "Руниверс"

можность представить во всякое время отчетъ о состояніи вверен-
наго ему класса; внушаемъ уважение къ строгости и возбуждаемъ въ
самолюбіи, и имѣемъ точныя свѣдѣнія о нравственномъ и умствен-
номъ состояніи класса. Безъ баловства нѣтъ дисциплины. Это почти
единственный способъ побѣждать непокорность и лѣнь. Надо при-
нять въ разчетъ привычки, нравы, разницу между публичнымъ и до-
машнимъ воспитаніемъ. Большинство родителей неспособно руково-
дить дѣтей въ частныхъ ихъ занятіяхъ, не принимаютъ никакого
участія въ дѣлѣ школьнаго воспитанія, и сваливаютъ всѣ его труд-
ности на насъ. Чѣмъ же дѣйствовать на дѣтей, поступающихъ въ
гимназію невѣждами, съ грубыми наклонностями, съ отвращеніемъ
ко всякому умственному труду, а иногда и съ порочными привычками?
Чѣмъ, если не средствами, внушающими имъ прежде всего спа-
сительный страхъ, поддерживающими ихъ вниманіе и впослѣдствіи
подстрекающими ихъ самолюбіе? Если въ иностранныхъ учебныхъ
заведеніяхъ не прибѣгаютъ къ ежедневнымъ балламъ, то это дѣлается
тамъ главнымъ образомъ потому, что взгляды вашихъ соотечествен-
никовъ на обязанности воспитателя и учителя гораздо возвышеннѣе
нашего. У насъ главная основа преподаванія—непрерывное возбуж-
деніе дѣятельности какъ учителей такъ и учениковъ, дружно тру-
дящихся вмѣстѣ; русскій же ученикъ видитъ въ учителѣ врага, на-
лагающаго на него обязанности, отъ которыхъ онъ старается всѣми
силами избавиться; мы противупоставляемъ этимъ условіямъ баллы".
Авторъ дневника, по совѣту директора, посѣтилъ еще разъ классъ
Филиппа Львовича. Подъ конецъ урока онъ обратился съ вопросомъ
къ этому мудрецу: какъ онъ дѣлаетъ, чтобы соблюдать порядокъ и
тишину въ такомъ многолюдномъ классѣ? Тотъ отвѣчалъ: „Средство
мое очень просто: страхъ получить дурной баллъ, строгость наказа-
ній и безпристрастная раздача пулей и пятерокъ вполнѣ объясняетъ
это чудо. Никто не можетъ меня обвинить, что я ошибочно поста-
вилъ кому-нибудь баллъ. Вотъ чѣмъ руководствуюсь я, въ управле-
ніи классами, и даже былъ бы въ состояніи управлять цѣлымъ міромъ,
еслибъ это было мнѣ поручено". Любознательный новичекъ присут-
ствовалъ и на урокахъ учителей исторіи и географіи. „Тотъ же ме-
тодъ, тотъ же результатъ! Задаваемые уроки показались мнѣ слиш-
комъ обширными—повторить 40 страницъ изъ греческой исторіи,
выучить наизусть три русскія губерніи къ нынѣшнему дню,—и все
это для того, чтобы забыть совершенно къ завтрашнему. Я видѣлъ
множество единицъ въ спискѣ". Одинъ лишь учитель русской сло-
весности позволялъ себѣ уклоняться отъ установленнаго порядка, но
и то контрабандою: классъ его состоялъ только изъ 12-ти учениковъ.
Для того, чтобы наглядно представить директору сущность дѣла,
наставникъ, изъ дневника коего мы приводимъ эти выписки, пригла-

Библиотека "Руниверс"

сказать, что на два пробныхъ урока, первый — по всѣмъ правиламъ, установленнымъ въ гимназіи, второй — „по примѣру иностранныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ ученіе менѣе связано съ дисциплиною и совершенно свободно отъ вышеупомянутыхъ препятствій“ Во второмъ урокѣ, въ V классѣ, „гдѣ почва болѣе благопріятствовала, потому что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ онъ успѣлъ ее нѣсколько обработать, и сѣмена начинали уже прозябать, весь классъ былъ въ движеніи, все шло порядочно; отвѣты большей части учениковъ удовлетворили директора, а тѣмъ, которымъ не пришлось отвѣчать, по крайней мѣрѣ не доставало времени дремать. „Это хорошо, сказалъ мнѣ директоръ, это очень хорошо. Но баллы? Вы не успѣли ихъ поставить?“ Изъ дневника, интереснаго уже потому, что онъ былъ напечатанъ въ *Журналѣ Министр. Народ. Просв.*, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь сужденія автора о вліяніи балловъ на развитіе умственныхъ способностей вообще и въ частности на успѣхи учениковъ въ наукахъ, равно какъ и на ихъ нравственность. „Баллы не позволяютъ ученикамъ горячо сочувствовать тѣмъ наукамъ, которыми они занимаются, вслѣдствіе чего ученики пріобрѣтаютъ ложныя убѣжденія, наконецъ баллы отнимаютъ много времени. Вторая часть урока, состоящая въ объясненіяхъ и упражненіяхъ выученнаго, и которую можно назвать дополнительнымъ или практичнымъ урокомъ, или совсѣмъ не входитъ въ составъ преподаванія, или не берется въ разчетъ при выставленіи балловъ, между тѣмъ какъ эта часть несравненно важнѣе предыдущей. Вотъ почему ученики имѣютъ такое ложное понятіе о томъ, что заслуживаетъ похвалы или наказанія, о томъ, что такое долгъ или проступокъ, о справедливости и несправедливости учителя. Увѣренный, что долгъ его заключается исключительно въ томъ, чтобы хорошо выучить, написать или сказать урокъ, ученикъ терметъ изъ виду остальное и думаетъ, что поведеніе и вниманіе не имѣетъ никакого отношенія къ ученію. Постановленіе дѣлать въ спискѣ особенныя примѣчанія на счетъ дурнаго поведенія ученика, служитъ ему только еще большимъ подтвержденіемъ сказаннаго. А такъ какъ, чтобы быть вполнѣ справедливымъ, приходилось бы часто записывать болѣе половины класса, то такимъ образомъ число всѣхъ учениковъ, которые должны быть наказаны, увеличилось бы до невѣроятности. Теперь понятно, что ученики, видя, что ихъ дурное поведеніе не имѣетъ никакого вліянія на баллы, твердо убѣждены въ томъ, что учитель не въ правѣ убавить поставленную 4 или 5. Мало того, по ихъ мнѣнію, самый лучшій учитель тотъ, который во время класса довольствуется только однимъ заданнымъ урокомъ; между тѣмъ какъ тотъ, который не довольствуется трехминутнымъ отвѣтомъ ученика, несправедливъ, придирчивъ... Если изъ 20 или 25 человѣкъ, которыхъ я успѣваю спросить, я посвящу

Библиотека "Руниверс"

каждому хоть три минуты... и по особенному благополучію тотъ же ученикъ и въ слѣдующихъ 5 урокахъ былъ спрошенъ, то вниманіе его было напряжено всего въ продолженіе 15 минутъ!.. Прибавьте еще къ этому время, потерянное въ теченіе праздниковъ, большихъ или малыхъ вакацій, имянинъ и дней рожденія воспитанника, его родныхъ, дядей и тетокъ, вслѣдствіе болѣзней, случайныхъ или подъ разными предлогами импровизованныхъ отлучекъ, и вы сознаетесь, что никогда трата времени не производилась въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Чтобы меня не обвиняли въ преувеличеніи, я соглашаюсь, что эти неудобства рѣже встрѣчаются въ высшихъ классахъ. Сверхъ того, баллы имѣютъ пагубное вліяніе на правила чести, на нравственныя свойства и даже на общественное положеніе нашихъ юношей. Никто, я думаю, не станетъ оспаривать, что ложь и недобросовѣстность развиты въ высшей степени между нашими дѣтьми. Гимназисту ничего не стоитъ солгать, чтобы провести учителя, отдѣлаться отъ докучнаго урока, или получить даромъ хорошую отмѣтку. Но всего грустнѣе то, что воспитанникъ, которому удалось обмануть пасъ, хвастается этимъ передъ товарищами. Если его уличили въ обманѣ, вмѣсто того, чтобы краснѣть отъ упрековъ, онъ встрѣчаетъ ихъ съ мѣднымъ лбомъ, съ невозмутимымъ равнодушіемъ; если же приходитъ въ смущеніе, то лишь изъ страха наказанія, или съ досады, что его поймали. Какъ учителю не тяготиться своею должностью, когда она уподобляетъ его полицейскому чиновнику?.. Соглашаюсь, что не школа развиваетъ зачатки этихъ порочныхъ наклонностей. Важнѣйшее обвиненіе падаетъ на частное воспитаніе, или скорѣе на совершенный недостатокъ разумнаго семейнаго воспитанія. Но не заключается ли трудная и священная обязанность публичнаго воспитанія въ томъ, чтобы исправлять недостатки, пріобрѣтенные ребенкомъ дома? Научное образованіе составляетъ лишь половину дѣла нашихъ учебныхъ заведеній; другая, самая важная, заключается въ образованіи сердца и направленіи нравственности. Кто можетъ, впрочемъ, поручиться, что эти дурныя наклонности пройдутъ со временемъ? Я съ своей стороны увѣренъ, что воспитанникъ, привыкшій лгать и обманывать впродолженіи 4 или 5 лѣтъ, не перестанетъ лгать и обманывать и въ такомъ возрастѣ, когда эти недостатки развиваются до степени пороковъ“ Подъ конецъ авторъ дневника говоритъ: „Я сужу по наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ собою. Давно усвоенныя привычки не позволяютъ мнѣ пренебрегать ввѣренными мнѣ обязанностями; но я не могу скрыть отъ себя, что уже не исполняю ихъ съ прежнимъ удовольствіемъ и участіемъ. Безпрерывная борьба между убѣжденіями и невозможностью примѣнить ихъ къ дѣлу, утомили меня. Подчиняясь по необходимости методу, освященному обычаемъ, я мало по малу забываю механизмъ болѣе усо-

Библиотека "Руниверс"

вершенствованнаго ученія, а недостатокъ сочувствія въ сотрудникахъ и воспитанникахъ моихъ сдѣлаетъ меня наконецъ мрачнымъ и эгоистомъ, чего долженъ избѣгать въ особенности воспитатель и преподаватель. Безпристрастіе мое къ ученикамъ называлось несправедливостью; негодованіе, съ какимъ я преслѣдовалъ ложь и обманъ, возбуждало смѣхъ гимназистовъ, а горячность, съ которою я ратовалъ въ пользу здраваго смысла, не разъ вызывала улыбку даже на устахъ моихъ товарищей"...

Не подлежитъ сомнѣнію, что это мнѣніе очевидца о томъ, какъ примѣнялась система балловъ, конечно, крайне преувеличенное, въ сущности вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. Еще въ 1860 г. въ журналѣ министерства [1]) появилась слѣдующая замѣтка о Полтавской гимназіи, съ выраженіемъ желанія, чтобы примѣръ этого учебнаго заведенія нашелъ подражаніе и въ другихъ: „Теперь учители Полтавской гимназіи поставили себѣ задачею сдѣлать изъ своихъ учениковъ не живыхъ автоматовъ, но развитыхъ людей. Они положили себѣ цѣлью не ограничиваться преподаваніемъ только частныхъ свѣдѣній, относящихся къ какой-нибудь наукѣ, но и объясненіемъ общихъ истинъ и дѣйствительнымъ развитіемъ своихъ учениковъ. Но они поняли, что этого никогда имъ не достигнуть, если въ ученикахъ будетъ существовать въ такой степени баллолюбіе, то-есть страсть къ выраженію мнѣнія объ успѣхахъ учениковъ посредствомъ цифръ, которое доходитъ въ опредѣленіи этихъ успѣховъ до сотыхъ частей единицы. Для пресѣченія этого зла, они положили: 1) сдѣлать обязательнымъ для ученика знать всегда все пройденное; 2) это знаніе опредѣлять только какъ достаточное и недостаточное; 3) употреблять всѣ усилія, чтобы ученики перестали затверживать фразы учебниковъ, часто безъ всякаго пониманія. Вмѣстѣ съ тѣмъ наставники захотѣли сблизиться съ воспитанниками, и съ этою цѣлью каждый изъ учителей взялся быть надзирателемъ одного класса (патрономъ)".

Послѣ всего сказаннаго не могутъ показаться странными несоразмѣрно выгодные отзывы объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ, помѣщенные въ исторической запискѣ о первой Казанской гимназіи. По свидѣтельству Владимірова, въ 1838—1839 году изъ 158 учениковъ безуспѣшныхъ былъ только одинъ; между тѣмъ, какъ отношеніе отлично успѣвшихъ къ общему числу выражалось 1:6, хорошо успѣвшихъ 1:3, а средственныхъ 1:7. Въ 1844—1845 году изъ 182 учениковъ оказалось: отличныхъ 26, хорошихъ 69, достаточно успѣвшихъ 70 и средственныхъ 17; переведено же было въ слѣдующіе классы только 120 чел., фактъ, объясняемый въ отчетѣ

[1]) СУ, 7, 113.

Библиотека "Руниверс"

правилами объ экзаменахъ, такъ какъ на основаніи предписанія попечителя отъ 12-го іюля 1844 г. испытаній изъ пропущеннаго предмета [illegible] „хотя бы ученикъ и продолжение года учился хорошо“ На вопросъ: „почему ученики, оказавшіе въ продолженіе года удовлетворительные успѣхи, на экзаменѣ оказали слабые?“ отвѣчаетъ такимъ образомъ: „экзаменъ бываетъ послѣ вакацій; ученики, отпущенные въ рекреацію, предаются свойственной возрасту ихъ разсѣянности, и немогіе [illegible] повторить пройденное, а потому большая часть являются къ экзамену безъ приготовленія“ Въ отчетахъ за послѣдующіе годы число успѣвшихъ учениковъ было не менѣе значительно: въ 1855—1856 году на 224 ученика приходилось 50 отличныхъ, 100 хорошихъ, 58 достаточныхъ, 19 средственныхъ и 2 слабыхъ; однако, несмотря на этотъ процентъ, 29 учениковъ остались въ классѣ. Въ 1859—1860 году изъ 326 учениковъ 286 оказали хорошіе успѣхи и только 40—посредственные [1]). Поведеніе учениковъ представляетъ почти то же отношеніе: на 174 ученика 80 отличныхъ, 54 хорошихъ, 24 добропорядочныхъ, 6 посредственныхъ или одного неодобрительнаго; или же изъ 209 учениковъ 63 отличныхъ, 86 хорошихъ, 43 добропорядочныхъ и 9 средственнаго и неодобрительнаго поведенія; или же, изъ 269 учащихся—224 хорошихъ и 45 посредственныхъ [2]).

Ключъ къ такимъ блестящимъ отчетамъ по Казанской гимназіи мы находимъ, независимо отъ изложенныхъ выше обстоятельствъ, въ слѣдующей замѣткѣ Владимірова: „вотъ изъ наставниковъ считался въ глазахъ инспектора Казанскихъ училищъ Антропова (занимавшаго эту должность около 20-ти лѣтъ) лучшимъ, у котораго въ спискѣ учениковъ на экзаменахъ было много отмѣтокъ по 5“ [3]). Есть основаніе предполагать, что то же самое повторялось и въ другихъ учебныхъ округахъ.

Въ высшей степени задерживали ходъ преподаванія пропущенные учителями уроки. Число ихъ въ первой Казанской гимназіи было весьма значительно, а не слѣдуетъ забывать, что гимназія эта находилась въ университетскомъ городѣ, на глазахъ попечителя. Въ 1845—1846 г. пропущено было учителями Казанской гимназіи 604, въ слѣдующемъ году 658 уроковъ, въ 1847—1848—547, въ 1850 г.—674, въ 1852 г.—879, въ 1853 г.—791, въ 1854 г.—1,123 урока (въ слѣдующемъ затѣмъ году министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, посѣтивъ гимназію, нѣсколько разъ выражалъ попечителю

---

[1]) *Владиміровъ*, II, 300, 341, 446, 461.
[2]) Тамъ же, 300, 343, 444.
[3]) Тамъ же, 275.

Библиотека "Руниверс"

[illegible] по внутреннему управленію заведеніемъ, такъ и за успѣшность преподаванія [1]). Наибольшее число пропущенныхъ уроковъ въ слѣдующіе годы пришлось на 1858 (838) и 1865 гг. (800). Для предупрежденія манкировокъ учителей уже въ 1844 г. составлены были, по порученію попечителя, правила и росписаніе цѣнности урока каждаго преподавателя, на случай вычета изъ жалованья за непосѣщеніе ими безъ уважительной причины классовъ. По этому росписанію назначенъ былъ слѣдующій вычетъ: за законъ Божій 60 коп., за логику и риторику 81, латинскій языкъ 69, математику 64, исторію 59, греческій языкъ 44, нѣмецкій 43, французскій 43, русскую грамматику 55, географію 60, рисованіе и черченіе 39, чистописаніе 19 коп. [2]). Одного учителя, за приходъ его въ классъ чрезъ 20 минутъ послѣ начала, попечитель предписалъ даже арестовать на двое сутокъ въ канцеляріи совѣта гимназіи [3]). Но никакія мѣры не оказывали продолжительнаго дѣйствія. Успѣшному ходу занятій сильно вредило также сокращеніе учебнаго времени,—зло, обнаруживавшееся въ разныхъ мѣстностяхъ, какъ это видно изъ циркуляра отъ 23-го января 1857 г., въ которомъ обращено было вниманіе на то, что вакаціи начинаются иногда ранѣе и оканчиваются позднѣе назначенныхъ сроковъ, экзамены производятся слишкомъ рано и ученики во множествѣ опаздываютъ являться въ училища послѣ вакацій, а потому уроки начинаются не во время, за необходимостію длить пріемныя испытанія. Такимъ образомъ, изъ 365 дней въ году, только немного болѣе одной трети этого времени употреблялось на ученье. Въ іюнѣ 1864 г. министерство угрожало напечатать въ своемъ журналѣ фамиліи наставниковъ съ обозначеніемъ, сколько пропущено ими уроковъ въ теченіи года. „Къ чему бы это повело?“ замѣчаетъ Владиміровъ: „прежде были такіе наставники, которые въ руки никогда не брали журнала“ Вмѣстѣ съ тѣмъ Владиміровъ говоритъ, подкрѣпляя свои слова примѣрами, что главнѣйшія причины, побуждавшія наставниковъ пропускать уроки, были: 1) недостатокъ получаемаго ими жалованья при возраставшей дороговизнѣ, которая заставляла ихъ давать уроки въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ; были между ними такіе, которые начинали уроки въ 9 часовъ утра и оканчивали въ 6 вечера. При первомъ удобномъ случаѣ являлось желаніе, подъ видомъ болѣзни или домашнихъ обстоятельствъ, не являться къ должности, и это дѣлалось такимъ образомъ: если на-

[1]) *Владиміровъ*, II, 425.

[2]) Тамъ же, II, 337.

[3]) Тамъ же, 290. Въ 1860 г. директоръ училищъ сказалъ одному уѣздному учителю: «*я тебя* на Кавказъ сошлю» (*Ж. М. Н. Пр.* CXIII, 3, 226).

Библиотека "Руниверс"

сами занимался въ трехъ заведеніяхъ, то въ первую недѣлю онъ не являлся къ какому-либо уроку въ одномъ изъ нихъ, на слѣдующую недѣлю въ этотъ же день пропускалъ уроки въ другомъ и т. д. 2) Нѣкоторые изъ учителей, занимаясь литературными трудами, или готовясь къ экзаменамъ на высшія ученыя степени, сохраняли за собою должности только для того, чтобы имъ считалась служба. Они обольщали себя мыслью, что при отличныхъ своихъ познаніяхъ, являясь въ классъ вмѣсто четырехъ разъ въ недѣлю только два раза, успѣютъ пройти все положенное по программѣ.

Постоянною и успѣшною заботою учебнаго начальства было поощреніе наставниковъ къ научнымъ работамъ. Въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ въ журналѣ министерства помѣщались заглавія ученыхъ трудовъ, коими занимались учителя. Труды эти большею частію были учебниками, иногда же дѣйствительно отличались ученымъ содержаніемъ; кажется, усерднѣе всѣхъ другихъ были преподаватели русскаго языка. Въ числѣ произведеній, принадлежавшихъ учителямъ 3-й С.-Петербургской гимназіи, перечисленныхъ Аничковымъ за періодъ времени съ 1826 по 1855 г., упоминается лишь о пяти латинскихъ рѣчахъ и диссертаціяхъ [1]).

Что касается школьной дисциплины, то она поддерживалась тѣми же средствами какъ и прежде. Стояніе на колѣнахъ лицомъ къ печкѣ или стѣнѣ, или же на классномъ столѣ, въ томъ мѣстѣ гдѣ укрѣплены были чернильницы и перья и откуда воспитанники должны были дѣлать поклоны до пояса, чему подвергался нерѣдко весь классъ (объ этихъ наказаніяхъ упоминаетъ Аѳанасьевъ), надѣваніе куртки и штановъ сѣраго солдатскаго сукна и высокаго картоннаго колпака, изображавшаго звѣриную морду, стояніе на ногахъ, причемъ провинившемуся клали на голову, на часъ или два времени, книгу,—вотъ роды употреблявшихся наказаній, въ сравненіи съ коими употребленіе розогъ представляетъ еще отрадное явленіе [2]). Однако и къ нимъ прибѣгали слишкомъ часто, и по этому поводу Андріяшевъ [3]) говоритъ, что съ 1828 года начинается періодъ безпощаднаго и безпрерывнаго сѣченія учениковъ, доводившаго многихъ изъ нихъ до ожесточенія. „Періодъ этотъ, продолжаетъ онъ, всегда будетъ составлять самую мрачную страницу въ лѣтописяхъ нашей школы". Этимъ объясняется тотъ, повидимому, неестественный фактъ, что едва ли найдутся „школьныя воспоминанія", въ которыхъ высказывалось бы чувство благодарности или привязанности къ школѣ: напротивъ, постоянно и даже у людей зрѣлаго возраста, оно уступаетъ ожесто-

---

[1]) *Воронов*ъ, II, 169—179. *Аничков*, Прилож. 19—36.
[2]) *Лосев*ъ, стр. 313.
[3]) Стр. 402.

Библиотека "Руниверс"

ченію вслѣдствіе преперѣшнихъ наказаній. Слѣдуетъ предположить, что тѣлесныя наказанія примѣнялись иногда съ нѣчѣмъ неописательнымъ педагогическою безтактностію. Лесовъ разсказываетъ, что употребленіе наказанія было дѣломъ надзирателей; одинъ изъ нихъ напримѣръ, „мастерски сѣкъ мочеными розгами, съ разстановками и съ прибаутками, даже декламировалъ при этомъ нѣмецкіе стихи и такъ драль, что народъ, ужь видресированный, и тотъ долго не выдерживалъ и начиналъ просить пощады". О степени употребленія розогъ даетъ намъ понятіе замѣтка въ журналѣ министерства [1]), въ которой сказано, что въ Кіевѣ въ теченіи одного лишь года изъ 4,109 учениковъ высѣчено было 551, въ Волынской гимназіи изъ 600—290 учениковъ. Неудивительно, что съ наступленіемъ новаго времени проявилось непреодолимое отвращеніе къ этого рода наказанію, господствующее и до нынѣ въ русской педагогикѣ.

Третій періодъ. Царствованіе Императора Александра II (съ 19-го февраля 1855 г.).

Въ періодѣ времени, о которомъ мы намѣреваемся теперь говорить, выступаетъ на видный планъ учебная реформа, первою гранью коей въ области среднихъ учебныхъ заведеній служитъ уставъ гимназій и прогимназій 19 ноября 1864 г.

Исторія учебнаго вѣдомства въ царствованіе Императора Александра II ознаменована была съ самаго начала дѣломъ гуманности: возстановленіемъ отнятаго, указомъ 5 ноября 1852 г., у учителей военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній права пользованія пенсіею послѣ 25-ти-лѣтней службы. Еще въ предшествовавшее царствованіе, а именно въ декабрѣ 1854 г., министръ вошелъ по сему предмету со всеподданнѣйшимъ докладомъ и получилъ Высочайшее соизволеніе представить означенный вопросъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. Къ запискѣ 25-го января 1855 г. по поводу возстановленія пенсій на прежнихъ основаніяхъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ то время главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, приказалъ присоединить свое мнѣніе, которое должно было имѣть тѣмъ болѣе вѣсу, что Его Высочество отличался живѣйшимъ участіемъ къ дѣлу преподаванія воввѣренномъ его высокому покровительству вѣдомствѣ. „Зная близко", сказано было въ этой запискѣ, „свойства и условія учебной службы Моего вѣдомства, нахожу, что она не только не можетъ быть подведена вполнѣ подъ правила общаго пенсіоннаго устава, но должна сохранить особыя данныя ей преимущества, если не хо-

[1]) CXIII, 3, 233.

Библиотека "Руниверс"

тать разрушить всего ближайшаго на умственное и нравственное образованіе и настоящаго и будущаго поколѣній юношей, какое произвели и производятъ уставы, даровавшіе этой службѣ благость и мудрость Государя Императора. Не говоря о томъ, что служба учебная требуетъ постоянно напряженной дѣятельности, и умственной и тѣлесной, мудрено сдѣлать очевидною для всѣхъ степень этого напряженія, большую, нежели какой требуетъ, говоря вообще, служба гражданская; скажу только одно несомнѣнное и очевидное для всѣхъ: служба учебная имѣетъ особыя свойства и требуетъ особенныхъ условій, не легкихъ къ исполненію и не встрѣчающихся въ другомъ родѣ служебной дѣятельности, какъ то: 1) служба учебная требуетъ особаго приготовленія, въ которомъ ученически проходятъ лучшіе годы того, кто въ ней готовится, тогда какъ его сверстники находятся уже на дѣятельной службѣ военной или гражданской. Можно принять, что средній возрастъ, съ котораго начинаютъ службу военную и гражданскую, есть 18 лѣтъ, а средній возрастъ, съ котораго начинается служба учебная, 26 годъ; слѣдственно служащіе военные и гражданскіе, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, 8 лѣтъ выслуги впереди противъ учителя. 2) Служба учебная не представляетъ движенія. Движеніе по степенямъ служебнымъ, военною и гражданскою представляемое, и естественное слѣдствіе этого движенія: улучшеніе своего быта и возвышеніе своего значенія въ обществѣ—всего этого не существуетъ для учителя; чѣмъ онъ былъ на первомъ году своей службы, тѣмъ останется и на послѣднемъ. Эта то неподвижность и есть главная причина, что до учебной службы мало охотниковъ. Безспорно, что одна изъ главнѣйшихъ потребностей правительства есть пріобрѣтеніе для молодаго поколѣнія учителей достойныхъ,—людей нравственныхъ, просвѣщенныхъ и способныхъ; единственное преимущество такихъ людей предъ чиновниками заключается только въ пенсіяхъ: если отмѣнить и ограничить это преимущество—много ли достойныхъ людей пойдетъ въ многотрудное учительское званіе? Допустить это званіе къ упадку было бы страшною политическою ошибкою; она отразилась бы горько для правительства и для Россіи въ будущихъ поколѣніяхъ. Вотъ причины, по которымъ Я всегда считалъ, что весьма полезно было бы для военно-учебныхъ заведеній не касаться вовсе благодѣтельнаго положенія 1836 года, которымъ дана новая жизнь этимъ заведеніямъ; а напротивъ, всякое измѣненіе есть ущербъ для того нравственнаго и умственнаго добра, которое сдѣлано было для нихъ съ 1836 года Государемъ Императоромъ. 5-го апрѣля 1855 г. суждено было Императору Александру II Высочайше утвердить то, что предложено было Имъ какъ Наслѣдникомъ престола.

Затѣмъ 4 декабря 1857 г. Государь Императоръ, движимый тѣмъ же чувствомъ человѣколюбія, „удостоивъ принять во всемилостивѣй-

Библиотека "Руниверс"

шее вниманіе улучшенію положенія учителей и училищъ вообще". Высочайше соизволено на возвышеніе платы за ученье во всѣхъ гимназіяхъ съ 7 р. на 10 и на установленіе таковой же платы въ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ, по усмотрѣнію мѣстнаго училищнаго начальства окажется это возможнымъ, что „было бы съ одной стороны справедливо и необременительно, по незначительности этой платы, а съ другой — необходимо для улучшенія положенія учебныхъ заведеній, а также учителей и бѣдныхъ учениковъ, какъ пользующихся изъ сбора за ученье наградами и единовременными вспомоществованіями". Послѣ того послѣдовалъ высочайшій указъ 17 апрѣля 1859 г. объ ежегодномъ отпускѣ изъ государственнаго казначейства необходимой на усиленіе средствъ низшихъ и среднихъ училищъ суммы. На содержаніе первыхъ изъ нихъ прибавлено къ прежде положенной суммѣ 330,443 р. 29 коп., а послѣднихъ 312,555 р. 97 к. ежегодно.

Кромѣ того запрещеніе отворять вновь частные пансіоны въ С.-Петербургѣ и Москвѣ было отмѣнено (17-го января 1857 г.), такъ какъ, сказано въ журналѣ Главнаго Правленія училищъ, „въ системѣ народнаго образованія имѣютъ важное значеніе частныя учебныя заведенія, замѣняющія по преимуществу домашнее воспитаніе и рѣдко имѣющія характеръ окончательныхъ, но болѣе только элементарныхъ или приготовительныхъ школъ для дѣтей, поступающихъ въ казенныя общественныя заведенія". По этому поводу впослѣдствіи въ журналѣ министерства обращено было вниманіе на то, что „какъ установленіе таксы на съѣстные припасы, такъ и постановленіе опредѣленнаго комплекта пансіоновъ и школъ, уничтоживъ свободную конкурренцію, послужило, напротивъ, къ ихъ упадку". Правительство стало даже поощрять открытіе частныхъ школъ, дабы, по примѣру Англіи и Сѣверной Америки, возбудить участіе самой публики въ дѣлу воспитанія юношества. Право разрѣшать открытіе частныхъ учебныхъ заведеній было (5-го іюня 1858 г.) снова предоставлено попечителямъ округовъ.

Если правительство было одушевлено гуманными намѣреніями, то публика, которой предоставлена была, широкая, сравнительно съ прежнимъ, свобода мнѣній, шла еще дальше; она не знала ничему предѣловъ въ чаду охватившаго ее настроенія. Обращая взоры на Европу, съ которою мы вели ожесточенную войну, мы безъ труда замѣчали, что наибольшій недочетъ нашъ, въ сравненіи съ нею, заключается въ образованіи. Не слышалось уже возгласовъ, въ родѣ напримѣръ такихъ, что „мы безъ тяжкихъ пожертвованій, безъ насильственныхъ переворотовъ, на пути просвѣщенія достигли той степени, для которой другимъ племенамъ нужнѣ былъ рядъ вѣковъ, преисполненный тревогъ и безпокойствъ" [1]). Мы обратились за совѣтами

[1]) *Ж. М. Н. Пр.* LXXV, II, 135—174.

въ иностранной педагогической литературѣ (такъ, напримѣръ, въ XCIII книжкѣ *Журнала Мин. Нар. Пр.* появился переводъ Квена „О направленіи и единствѣ воспитанія въ гимназіяхъ"; въ XCIV-й „Границы самостоятельности въ образованіи, Кюнера"; въ XCVI-й „Извлеченія изъ учебника о воспитаніи Куртмана" и т. п.); въ многочисленныхъ, старыхъ и вновь возникшихъ, газетахъ и журналахъ, общихъ и спеціальныхъ, высказывалось стремленіе разрѣшить вопросъ о наилучшей системѣ образованія. Призванные и непризванные приносили свою лепту на это дѣло. Первыхъ, конечно, не могло быть много, такъ какъ вообще всѣмъ недоставало главнаго условія—основательнаго школьнаго образованія. Даже позднѣе не переставали слышаться жалобы, что „ничѣмъ мы такъ не отличаемся отъ западноевропейскихъ государствъ, какъ недостаткомъ солидно-образованныхъ людей въ нашихъ служебныхъ сферахъ, не смотря на то, что служба вбираетъ въ себя все, что у насъ есть образованнаго въ обществѣ" [1]). Для публики главнѣйшимъ мѣриломъ при оцѣнкѣ образованія служила приносимая имъ матеріальная польза: для нея оно не было высокою цѣлію жизни, но только средствомъ, даже не всегда надежнымъ, къ улучшенію матеріальной стороны жизни. Даже сословіе, преимущественно призванное поддерживать въ юномъ поколѣніи священный огонь воодушевленія къ образованію и воспитанію, далеко отстало отъ своей задачи. „Учительское и профессорское званіе у насъ мало уважается въ обществѣ" говоритъ академикъ Я. К. Гротъ; „оттого ему немногіе и посвящаютъ себя. Хорошіе преподаватели вообще рѣдки; хорошіе русскіе преподаватели по весьма понятнымъ причинамъ еще рѣже: самая очевидная причина та, что ихъ мало;... другая причина та, что они къ своему званію по большей части не вполнѣ приготовлены: наша педагогика еще въ пеленкахъ, наша педагогическая литература—новорожденный младенецъ. Третья, и весьма важная, причина состоитъ въ томъ, что у насъ не только нѣтъ руководства къ педагогикѣ, но почти нѣтъ и вовсе никакихъ хорошихъ руководствъ по разнымъ предметамъ общаго образованія. *Большинство* нашихъ преподавателей не только не слѣдовало до настоящаго времени никакимъ твердо установленнымъ наукою правиламъ преподаванія, но многіе изъ нихъ оказывались и сами не довольно знающими по своей части" [2]). А вотъ еще любопытный отзывъ: „занятія педагогическихъ совѣтовъ почти исключительно состояли частію въ освидѣтельствованіи суммъ, частію въ назначеніи дней переводныхъ и окончательныхъ экзаменовъ и т. пр., и ни одинъ вопросъ, касающійся собственно улучшенія учебной части, не возникалъ въ этихъ

[1]) *Вѣстн. Европы* 1869 г., стр. 423.
[2]) *Ж. М. Н. Пр.* XCVIII, 7, 176.

Библиотека "Руниверс"

совѣщаніяхъ“ Между тѣмъ „эти собранія имѣютъ величайшую педагогическую важность, потому что они безспорно принадлежатъ къ числу самыхъ сильныхъ средствъ, возбуждающихъ дѣятельность наставниковъ, которая, какъ извѣстно по опыту, при отсутствіи подобныхъ средствъ и при участіи многихъ неблагопріятныхъ условій въ положеніи самихъ наставниковъ, способна быстро упасть до механической, не только лишенной всякаго образовательнаго значенія, но и вредной передачи изъ года въ годъ учебника по страницамъ“ [1]).

Въ *Морскомъ Сборникѣ*, издаваемомъ морскимъ ученымъ комитетомъ, былъ помѣщенъ въ 1856 г. рядъ статей о воспитаніи молодыхъ людей, готовящихся къ морской службѣ, а именно: въ 1-й книжкѣ „О воспитаніи“, Бема, въ 5-й — „Дополнительныя статьи къ этому разсужденію“, орд. акад. И. И. Давыдова, въ 7-й — „Мысли по поводу этой статьи“, В. Даля. Но ни одна изъ этихъ статей не произвела такого сильнаго впечатлѣнія, какъ „Вопросы жизни, отрывокъ изъ забытыхъ бумагъ, выведенный на свѣтъ неофиціальными статьями *Морскаго Сборника* о воспитаніи“ проф. Н. И. Пирогова [2]) (въ 9 кн.). Въ противоположность мнѣнію, болѣе или менѣе господствовавшему во всѣхъ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ, что спеціальное приготовленіе юношества должно начинаться возможно ранѣе, Пироговъ первый указалъ, въ простыхъ, но краснорѣчивыхъ словахъ, вѣчную цѣль всякаго образованія—*образованіе изъ человѣка человѣка*. Въ эпиграфѣ къ его статьѣ мѣтко выражена была основная ея мысль: „Къ чему вы готовите вашего сына“? кто-то спросилъ меня. „Быть

---

[1]) *Ж. М. Н. Пр.* CXI, 4, 108, изъ циркуляра попечителя Харьковскаго уч. окр.

[2]) Была перепечатана по приказанію министра въ *Ж. М. Нр. Пр.* XCI, 2, 339—380, ср. XCII, 2, 1—63; особою книжкою, съ другими статьями Пирогова, изд. А. Богдановскимъ и А. Георгіевскимъ, въ Одессѣ, 1858; появилась также на нѣмецкомъ языкѣ, въ переводѣ Ѳ. Громана, въ С.-Петербургской газетѣ 1856, № 246—257 и отдѣльно. Николай Ивановичъ Пироговъ родился въ 1810 г. Сперва слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ; затѣмъ въ 1828 г. отправился въ Дерптскій профессорскій институтъ, гдѣ окончилъ 1832 г. курсъ медицинскихъ наукъ, послѣ чего уѣхалъ за границу на четыре года для дальнѣйшаго научнаго образованія. Съ 1837—1841 г. былъ ординарнымъ профессоромъ въ Дерптѣ (въ 1839 г. вновь совершилъ ученое путешествіе въ Парижъ), а въ 1841 г. получилъ каѳедру при Императорской Медико-Хирургической Академіи. Къ этому времени относятся его обширные печатные труды (въ 1843 изданъ имъ Анатомія и т. д.), затѣмъ командировка на театръ военныхъ дѣйствій на Кавказъ. Во время Крымской кампаніи былъ главнымъ докторомъ дѣйствующей арміи. Статья его о воспитаніи доставила ему мѣсто попечителя сперва Одесскаго (съ 3-го сентября 1856 г. по 18-е іюля 1858 г.), потомъ Кіевскаго учебнаго округа (по 13-е марта 1861 г.). По увольненіи отъ послѣдней должности, назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, съ порученіемъ руководить занятіями молодыхъ русскихъ ученыхъ, отправляемыхъ заграницу для приготовленія къ профессорскому званію. Въ послѣднее время Пироговъ проживалъ въ своемъ Подольскомъ имѣніи.

Библиотека "Руниверс"

человѣкомъ", отвѣчалъ я. „Развѣ вы не знаете, сказалъ спросившій, что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ; это одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди". „Правда это или нѣтъ?" Эту главную тему Пироговъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ: „Мы живемъ въ XIX вѣкѣ, по преимуществу практическомъ. Несмотря на все наше уваженіе къ неоспоримымъ достоинствамъ реализма настоящаго времени, нельзя однако не согласиться, что древность какъ-то болѣе дорожила нравственною натурою человѣка. Въ самыхъ грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности, основанныхъ всегда на извѣстныхъ нравственно-религіозныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, проявляется все-таки существенный аттрибутъ духовной натуры человѣка—стремленіе разрѣшить вопросъ жизни о цѣли бытія. Ученіе Спасителя, разрушивъ хаосъ нравственнаго произвола, указало человѣчеству прямой путь, опредѣлило и цѣль и средоточіе житейскихъ стремленій. Найдя въ Откровеніи самый главный вопросъ жизни разрѣшеннымъ, казалось бы, человѣчество ничего другаго не должно дѣлать, какъ слѣдовать съ убѣжденіемъ и вѣрою по опредѣленной стезѣ. Но протекли столѣтія, а все осталось „яко же быть во дни Ноевы". Несмотря на преобладающую въ массѣ силу инерціи, у каждаго изъ насъ осталось еще столько внутренней самостоятельности, чтобы напомнить намъ, что мы, живя въ обществѣ и для общества, живемъ еще и сами собою, и въ самихъ себѣ. Но вотъ главная бѣда: самыя существенныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ общество. Мы—христіане, и, слѣдовательно, главною основою нашего воспитанія служитъ и должно служить Откровеніе. Вникая же въ существенное направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ, по крайней мѣрѣ, жизни практической, и даже отчасти и умственной, мы находимъ рѣзко выраженное, матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьѣ и наслажденіяхъ въ жизни здѣшней. Выступая изъ школы въ свѣтъ, мы, воспитанные въ духѣ христіанскаго ученія,... видимъ то же самое раздѣленіе общества на толпы, которое было и во времена паганизма,... тѣ же начала эпикуреизма, пиронизма, цинизма, платонизма, эклектизма,—но лишенныя корня, безжизненныя и въ разладѣ съ вѣчными истинами, перенесенными въ нашъ міръ Воплощеннымъ Словомъ. Убѣждаясь въ этомъ разладѣ основной мысли нашего воспитанія съ направленіемъ общества, намъ ничего болѣе не остается, какъ впасть въ одну изъ трехъ крайностей: или мы пристаемъ къ одной какой-нибудь толпѣ, теряя всю нравственную выгоду нашего воспитанія; или мы начинаемъ дышать враждою противъ об-

Библиотека "Руниверс"

щества (оставаясь еще вѣрными основной мысли христіанскаго ученія), или мы отдаемся произволу... Но вотъ бѣда: люди, родившіеся съ притязаніями на умъ, чувство, нравственную волю, иногда бываютъ слишкомъ воспріимчивы къ нравственнымъ основамъ нашего воспитанія, слишкомъ проницательны, чтобы не замѣтить рѣзкаго различія между этими основами и направленіемъ общества, слишкомъ совѣстливы, чтобы оставить безъ сожалѣнія и ропота высокое и святое... Этотъ разладъ сектаторовъ и испертной толпы, при самыхъ твердыхъ политическихъ основаніяхъ, можетъ все-таки рано или поздно поколебать общество. Единственный путь вывести человѣчество изъ этого ложнаго и опаснаго положенія есть: приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ, значитъ: „сдѣлать насъ людьми", то-есть тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна ваша реальная школа въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, съ самаго нашего дѣтства, негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ. Человѣку не суждено и не дано столько нравственной силы, чтобы сосредоточивать все свое вниманіе и всю волю, въ одно и то же время, на занятіяхъ, требующихъ напряженія совершенно различныхъ свойствъ ума. Ни одно образованное правительство, какъ бы оно ни нуждалось въ спеціалистахъ, не могло не убѣдиться въ необходимости общечеловѣческаго образованія. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ университетскіе факультеты почти превратились въ спеціальныя училища; но нигдѣ еще не исчезло совершенно ихъ существенное и первобытное стремленіе къ главной цѣли: общечеловѣческому образованію. Всѣ готовящіеся быть полезными гражданами, должны сначала научиться быть людьми. Поэтому всѣ, до извѣстнаго періода жизни, въ которомъ ясно обозначаются ихъ склонности и ихъ таланты, должны пользоваться плодами одного и того же нравственно-научнаго просвѣщенія. Не даромъ извѣстныя свѣдѣнія изстари называются: „humaniora" то-есть необходимыя для каждаго человѣка. Эти свѣдѣнія, съ уничтоженіемъ язычества, съ усовершенствованіемъ наукъ, съ развитіемъ гражданскаго быта различныхъ націй, измѣненныя въ ихъ видѣ, остаются навсегда однако же свѣтильниками на жизненномъ пути и древняго, и новаго человѣка. Это образованіе есть и самое удобное и для правительствъ, и для подданныхъ; для правительствъ, потому что всѣ воспитанники будутъ образовываться, руководимые совершенно однимъ и тѣмъ же направленіемъ, въ одномъ духѣ, съ одною и тою же цѣлью; для подданныхъ, потому что всѣ воспитанники до вступленія ихъ въ число гражданъ будутъ дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитанія. Нѣтъ ни одной потребности для какой бы то ни было страны, болѣе существенной и болѣе необходимой, какъ потребность „въ истинныхъ людяхъ" Количество не устоитъ передъ качествомъ, а если и превозможетъ, то все-таки, рано или

Библиотека "Руниверс"

поздно, подчинится непроизвольно самому его произведению), другой изъ нихъ качества. Это историческая аксіома... Но хорошо знаешь что исполинскіе успѣхи наукъ и художествъ нашего столѣтія одѣ лали спеціальность необходимою потребностію общества: ни въ какое время никогда не нуждались истинные специалисты такъ сильно въ предварительномъ общечеловѣческомъ образованіи, какъ именно въ нашъ вѣкъ. Односторонній специалистъ есть или грубый эмпирикъ, или уличный шарлатанъ".

Статья Пирогова въ то время была настоящимъ событіемъ. Независимо отъ глубокаго впечатлѣнія, производимаго именемъ геніальнаго и всѣми цѣнимаго знатока точныхъ наукъ, она имѣла и непосредственныя фактическія послѣдствія: низшіе классы многихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, состоявшихъ въ другихъ вѣдомствахъ, частію были закрыты, частію преобразованы согласно съ требованіями общаго образованія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство народнаго просвѣщенія дало возможность автору статьи осуществить его мысли на дѣлѣ, назначивъ его на видный административный постъ. Врядъ ли найдется фактъ, болѣе рѣзко выражающій цивилизованность нашего общественнаго настроенія, чѣмъ тотъ, что въ настоящее время не только статьи Пирогова почти забыты, но даже и начинанія его (правда, не всегда правильныя съ педагогической точки зрѣнія) давно неугадались изъ памяти: уже въ 1861 г. мы встрѣчаемъ жалобы, что литературные изданія, образовавшіеся, благодаря инициативѣ Пирогова, въ средѣ учителей, превратились въ карточные вечера [2]). Кромѣ главной темы, Пироговымъ былъ поднятъ также вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи, причемъ онъ самъ рѣшительно высказался въ послѣдней статьѣ. Этотъ вопросъ не могъ не занимать умы педагоговъ, тѣмъ болѣе, что самъ Пироговъ возвратился къ нему въ своихъ оффиціальныхъ предложеніяхъ и статьяхъ.

Предоставимъ для характеристики педагогическихъ мнѣній того времени слово прежде всего поборнику реальнаго образованія, человѣку особенно интересовавшемуся образованіемъ народнымъ — К. Ушинскому, который въ разборѣ статей Пирогова выражался слѣдующимъ образомъ [3]): „Самый вопросъ не въ томъ, что такое гуманное воспитаніе, къ какому идеалу должно оно стремиться, какими средствами, какими науками преимущественно развивается гуманность въ дѣтяхъ, этотъ вопросъ не только не разрѣшенъ до сихъ поръ сколько нибудь

---

[1]) *Ж. М. Н. Пр.* CXIII, 3, 124.

[2]) Тамъ же, CXII, 7, 88.

[3]) Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова. Ор. 1858. Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова, вышедшихъ въ управленіе его Кіевскимъ уч. окр. Кіевъ. 1861 г. *Ж. М. Н. Пр.* CXII, 8, 105—181.

Библиотека "Руниверс"

удивительнаго, не дадимъ и не пожелаемъ того серьезнаго разбора нашей литературы, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ... Мы прямо приступимъ къ тетрадямъ о школьныхъ реформахъ, не сознавъ вполнѣ той идеи, изъ которой должны вытекать всѣ эти реформы. Вотъ главная причина, почему во всѣхъ проектахъ такихъ реформъ выражается нерѣшительность, двойственность, появляются противорѣчія въ каждомъ пунктѣ.... Но такія же причины мѣшаютъ намъ до сихъ поръ дружно, общими усиліями, дойти до сознанія основной идеи образованія. Причинъ этихъ много; но мы укажемъ только три изъ нихъ. Первая: недостатки нашего собственнаго образованія. Ясно, что основная идея народнаго образованія есть прежде всего идея глубоко философская и идея психологическая... Недостатокъ философскаго образованія, на которое до послѣдняго времени смотрѣли у насъ съ какимъ-то недоброжелательствомъ и враждой, будетъ еще долго вліять на противорѣчія въ нашей воспитательной дѣятельности, и долго еще мы будемъ спорить о самыхъ легкихъ вопросахъ только потому, что не умѣемъ или не можемъ вывести наружу ту основную идею, на которую каждый изъ насъ безсознательно опирается въ своемъ спорѣ. Вторая причина заключается въ томъ, что мы безсознательно, по долговременной привычкѣ, полагаемся на западную Европу, какъ бы надѣясь, что она уже рѣшила этотъ вопросъ и намъ остается только воспользоваться ея рѣшеніемъ. Читая западныя педагогическія сочиненія, осматривая учебныя заведенія образованныхъ странъ западной Европы, мы хотѣли бы видѣть все тоже у себя; усвоивъ тѣ и другія воспитательныя начала сами и видя ихъ у насъ, мы наивно удивляемся, если, принимая ихъ у себя, находимъ, что они другъ другу противорѣчатъ. Если бы мы взяли на себя трудъ извлечь ту основную идею, на которой покоится народное воспитаніе въ той или другой странѣ западной Европы, то приняли бы, можетъ быть, къ неожиданному для насъ заключенію: мы убѣдились бы, что воспитательныя идеи каждаго народа проникнуты національностью болѣе, чѣмъ что либо другое, проникнуты до того, что невозможно и задумать перенести ихъ на чуждую почву; и не удивлялись бы тогда, отчего, при переносѣ этихъ идей къ намъ, мы переносимъ только ихъ мертвую форму, ихъ безжизненный трудъ, а не ихъ живое и оживляющее содержаніе. Третьей причины неясности нашей воспитательной идеи должны мы искать въ особой сложности нашего времени. Воспитаніе—такой предметъ, разсужденіе о которомъ, болѣе чѣмъ разсужденіе о другихъ предметахъ, требуетъ спокойствія, полной свободы мышленія и зрѣлой обдуманности. Однимъ отрицаніемъ, къ которому такъ склонно наше время, ничего здѣсь не сдѣлаешь. Если Ницше [illegible] защищаетъ старый гуманизмъ, съ его неизбѣжными классическими языками, съ его непониманіемъ христіанскаго міра, съ

Библиотека "Руниверс"

его полнымъ незнаніемъ современнаго человѣка и его современныхъ потребностей, съ его отчужденіемъ отъ той жизни, которая нынѣ теперь со всѣхъ сторонъ обниметъ, то авторъ будетъ имѣть въ рядахъ своихъ противниковъ и такихъ людей, какъ Маколей, Бостіа и др. (замѣтимъ отъ себя, что Маколей обладалъ блестящимъ классическимъ образованіемъ и никогда ничего не говорилъ противъ классицизма). Если мы хотимъ изучить человѣка, хотимъ научаться самихъ себя въ классическихъ писателяхъ, то и здѣсь сильно ошибемся; гражданинъ Греціи и Рима отдѣленъ непроходимою границею отъ современнаго человѣка. Возьмите лучшихъ представителей древняго міра, тѣ цвѣты его, до которыхъ онъ только и могъ развиться, и вы увидите, что и эти цвѣты классицизма никакъ, нельзя поставить образцами современному человѣку. Въ нихъ, въ этихъ Сократахъ, Аристотеляхъ, Тацитахъ, не смотря на все ихъ изумительное величіе, есть нѣчто такое, что противно современности, какъ черта дикости какого нибудь прокезца. Загляните въ политику Аристотеля и на первыхъ страницахъ вы найдете такія воззрѣнія на человѣка, на женщину, на чуждыя народности, которыхъ въ настоящее время не постыдится высказать разнѣ плантаторъ южныхъ штатовъ. Если человѣкъ, совершенно индифферентный въ дѣлѣ религіи, увидитъ, что Тацитъ, этотъ величайшій и благороднѣйшій изъ писателей древности, клеймитъ названіемъ нелѣпости и гнусности (absurdus et sordidus) признаніе Евреями Бога духовнымъ существомъ и повиненіе ему духомъ, то не можетъ не замѣтить, что христіанство самаго простаго человѣка поставило на столько выше великаго Тацита, на сколько понятіе о духовномъ и единомъ Богѣ выше низкой миѳологіи". (Замѣтимъ, что рецензентъ, напавъ безъ сомнѣнія на Tac. Hist. V, 5 inde eorum mos absurdus sordidusque, понялъ это мѣсто не вѣрно, такъ, какъ не будучи основательно знакомъ съ древними языками, не могъ имѣть историческаго взгляда на эти предметы). „Примѣръ другихъ народовъ, достигшихъ высокой степени гуманнаго образованія при исключительномъ господствѣ классицизма въ школахъ, ничего еще не значитъ: самый этотъ примѣръ мы должны подвергнуть критическому разбору. Авторъ указываетъ намъ на Англію; но не самъ ли онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что если англійскіе университеты, оставшись во власти англиканской церкви, сохранили образовательный характеръ, то за это они должны быть благодарны неподражаемой системѣ государственнаго правленія?... Не вправѣ ли и мы сказать, что если Англія извлекла такую пользу даже изъ исключительнаго классическаго образованія, то этимъ она единственно обязана своему государственному устройству и неподражаемому развитію своей общественной жизни? Если преимущественное изученіе классиковъ не оторвало Англичанина отъ дѣйствитель-

Библиотека "Руниверс"

ной жизни; но это единственно потому, что самая эта жизнь была слишком сильна, влияла на него и дома и въ школѣ. Классицизмъ господствовалъ также въ школахъ Германіи, Франціи, Италіи: почему же онъ принесъ вездѣ различные плоды? Нѣмца классическая древность не могла сдѣлать практическимъ человѣкомъ и не мѣшала ему до настоящаго времени (то-есть, до 1862 г.) оставаться кабинетнымъ ученымъ....

„Нѣмецъ извлекалъ изъ классиковъ грамматику, археологію и философію; Англичанинъ — уроки практической мудрости, точность и опредѣленность въ мысляхъ и выраженіяхъ; Французъ—ловкія фразы; а мы Русскіе извлекали до сихъ поръ только мертвую семинарщину, и наша проба продолжалась долго—цѣлое столѣтіе. Если по какимъ нибудь предметамъ могли у насъ образоваться хорошіе наставники, то конечно по древнимъ языкамъ. Отчего же знаніе классическихъ языковъ и классической литературы не сдѣлало дурныхъ преподавателей этихъ предметовъ хорошими? Видно въ классическомъ мірѣ нѣтъ для насъ образовательной, педагогической силы. Мы не отвергаемъ и того, что классическіе языки, какъ средство умственнаго развитія, имѣютъ нѣкоторыя преимущества передъ языками новыми; они имѣютъ ту законченность, которой не имѣютъ языки новые; но съ другой стороны они лишены той современной европейской жизни (!) которая дышетъ въ языкахъ новыхъ. Согласны мы и въ томъ, что въ твореніяхъ классическихъ писателей выражается часто та тѣсная связь между содержаніемъ и формою, которая попадается у писателей современныхъ только какъ исключеніе, согласны и въ томъ, что у классическихъ писателей мысль выражается съ тою непосредственностью, съ которою вообще выражается мысль совершенно самостоятельно возникшая въ душѣ человѣка. Но отчего это происходило? Не оттого ли самаго, что древній человѣкъ смотрѣлъ на міръ непосредственными своими глазами, безъ посредства чужихъ мыслей, безъ посредства долгой и обширной науки,—именно эта дѣтская и вмѣстѣ мудрая наивность мыслей дѣйствуетъ на насъ обаятельно при чтеніи классиковъ... Но не изученію какого нибудь иностраннаго языка обязаны Греки художественнымъ совершенствомъ языка отечественнаго и своими лучшими писателями. Ссылаться на вѣковой опытъ въ необходимости изученія древнихъ языковъ едва ли будетъ рационально. Реальныя школы только что учреждаются въ настоящее время, и другихъ школъ, кромѣ классическихъ, прежде не было" (!). „Изученіе древнихъ языковъ укоренилось въ западныхъ школахъ вовсе не вслѣдствіе сознанія необходимости ихъ для развитія высшихъ способностей духа, а вслѣдствіе причинъ историческихъ. Необходимость попомъ обратилась въ школьную привычку Европы, а ничто такъ не держится упорно, какъ

Библиотека "Руниверс"

школьныя привычки... Никто болѣе Германцевъ не гнался за подражаніемъ Грекамъ и никто менѣе германскаго ученаго не похожъ на Грека. Этому-то преимущественно книжному изученію классическаго міра приписываемъ мы ту раздвоенность жизни и науки, которая достигла въ Германіи поразительныхъ размѣровъ и надъ которою такъ язвительно издѣвался Гейне"..... „Мы поставили бы во главѣ гуманнаго образованія изученіе роднаго языка. Правда, изученіе древнихъ языковъ изощряетъ нашъ взглядъ на нашъ родной языкъ; но то же вліяніе оказываетъ и изученіе новыхъ языковъ. Правда и то, что древніе языки, по логичности ихъ построенія, могутъ быть признаны отчасти за логику языковъ; но правда и то, что изученіе древнихъ языковъ не мало мѣшало намъ при изученіи роднаго, заставляя насъ смотрѣть сквозь чуждые очки. Намъ могутъ замѣтить, что жизнь Греціи и Рима есть основаніе жизни современной Европы, юность человѣчества, и безъ изученія этой юности мы никогда не поймемъ вполнѣ современнаго развитія, а ничто такъ не вводитъ въ исторію народа, какъ его языкъ. Это замѣчаніе проистекаетъ прежде всего изъ ошибочнаго взгляда на исторію Греціи и Рима и вообще на исторію, происходящаго отъ тѣхъ германскихъ философовъ, которые хотѣли подвести подъ общіе законы не только прошедшее, но и будущее человѣчество. Старѣютъ отдѣльные люди, старѣли и вымирали отдѣльные—и то не христіанскіе — народы (ни одинъ христіанскій народъ еще не вымеръ). Человѣчество же вѣчно юно, а потому нельзя говорить о дѣтствѣ и юности человѣчества. Съ большимъ вѣроятіемъ мы можемъ средніе вѣка принять за дѣтство Европы. Не Грецію и не Римъ, а христіанство составляетъ основу европейской жизни... Развѣ можемъ мы разсчитывать на то, чтобы въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ изученіемъ греческаго языка ввести учениковъ въ греческую исторію, а изученіемъ латинскаго въ римскую? Лучшіе ученики гимназій только подъ конецъ гимназическаго курса достигали возможности кое-какъ, слово за словомъ, разбирать легчайшія мѣста Цицерона и сдѣлавшись въ тупикѣ надъ Тацитомъ, а древняя исторія проходилась тогда, когда ученики учились еще склонять mensa. Много ли вы найдете, даже между студентами, кончившими курсъ филологическаго факультета, такихъ, которые бы прочли двухъ, трехъ классическихъ авторовъ вполнѣ? По нашему мнѣнію, слѣдовало бы хорошее знаніе латинскаго языка и посредственное знаніе греческаго языка сдѣлать необходимымъ условіемъ только для поступленія въ филологическій факультетъ; посредственнаго знанія латинскаго требовать отъ поступающихъ только на факультеты медицинскій и юридическій; отъ тѣхъ же, которые желаютъ заниматься математическими и естественными науками, вовсе не требовать знанія древнихъ языковъ, то есть, цѣли возвратиться

Библиотека "Руниверс"

къ тому порядку, который существовалъ до сихъ поръ и который установленъ у насъ не уставомъ, а самою жизнью" Заимствуемъ изъ той же статьи слѣдующее мнѣніе: „Никакіе уставы, никакія реформы, никакіе штаты не сдѣлаютъ ничего въ такой практической и вмѣстѣ духовной области, каково образованіе народа, если люди, подобные Н. И. Пирогову, не внесутъ въ эту область всей живительной силы своего могучаго и до глубины искренняго духа. Самый геніальный уставъ не сдѣлаетъ того, что можетъ сдѣлать одинъ такой человѣкъ... Намъ нуженъ человѣкъ, примѣръ котораго увлекалъ бы насъ, жизнь котораго служила бы намъ великимъ образцомъ; а другой такой жизни, какова жизнь Н. И. Пирогова, мы не знаемъ въ Россіи, да и у другихъ народовъ такихъ жизней не много... Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ—и будущность нашего отечества будетъ обезпечена".

Къ счастію, не встрѣчалось у насъ недостатка и въ поборникахъ классическаго образованія. Многое, что можно было сказать въ пользу его примѣненія на русской почвѣ, было изложено въ запискѣ, представленной министру въ 1855 г., но только впослѣдствіи обнародованной. Авторомъ этой записки былъ блестящій профессоръ Московскаго университета. Т. Н. Грановскій, расположеніе къ которому его слушателей, равно какъ Московскаго общества, доходило до обожанія. Въ іюнѣ 1855 г. написалъ онъ, кажется, по предложенію министра А. С. Норова, статью свою: „Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны" [1]). Онъ начинаетъ свою записку обозрѣніемъ позднѣйшей судьбы русскихъ гимназій. „Отмѣна въ 1851 году преподаванія греческаго языка въ большей части русскихъ гимназій не безъ причины изумила и, смѣю сказать, опечалила всѣхъ, принимающихъ къ сердцу судьбы русскаго просвѣщенія и знакомыхъ съ ходомъ его развитія. Этою мѣрой безспорно нарушалось строгое единство системы, оправдавшейся на дѣлѣ

---

[1]) Сочиненія Грановскаго, изд. К. Солдатенкова, 2-е изд. Москва. 1866 г., II, стр. 379—390. См. и *Моск. Вѣдом.*, 1860 г., № 97. — Тимоѳей Николаевичъ Грановскій родился въ 1813 г. Получивъ сперва у родителей, а потомъ въ частномъ пансіонѣ довольно скудное образованіе и принявшійся только въ 1831 г. серіозно за изученіе латинскаго языка и математики, Грановскій въ 1832 г. поступилъ въ Петербургскій университетъ. Съ 1836 по 1839 г. посвятилъ себя изученію исторіи въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ лекціи Ранке, Вердера, Ганса, Риттера и Савиньи. Съ 1839 г. до своей кончины (4 октября 1855 г.) былъ профессоромъ исторіи въ Московскомъ университетѣ. Упомянутая записка его, казалось, должна была имѣть практическій успѣхъ (см. письмо его 5 сентября). Но уже 19 сентября писалъ онъ, что хотя министръ и доволенъ ею, однако дальнѣйшихъ послѣдствій отъ нея онъ не ожидаетъ. См. Біографическій очеркъ Станкевича. Москва 1869 г., а также статью H. Kaden и W. Wolfsohn въ Russische Revue. Leipzig, 1863. I, 305—325.

Библиотека "Руниверс"

въ семнадцатилѣтнее, столь богатое успѣхами всякаго рода, министерство графа С. С. Уварова. Державная мысль, которой гр. Уваровъ былъ счастливымъ и вѣрнымъ истолкователемъ, ясно опредѣлила задачу русскаго просвѣщенія, возвратить насъ къ коренными началамъ русской жизни, отъ которыхъ въ продолженіе полутора столѣтія мы болѣе или менѣе постоянно уклонялись. Исключительное и вредное преобладаніе иноземныхъ идей въ дѣлѣ воспитанія уступило мѣсто системѣ, истекшей изъ глубокаго пониманія русскаго народа и его потребностей. Эта система, изгоняя изъ нашихъ учебныхъ заведеній все ненужное, случайно занесенное извнѣ, значительно усилила чисто научную и учебную часть. Неоспоримые факты доказываютъ, какъ быстро двинулась у насъ наука въ эти семнадцать лѣтъ и на сколько стала она независимѣе и самостоятельнѣе. Обязанности русскаго преподавателя, отъ профессора университета до сельскаго учителя, были опредѣлены съ возможною отчетливостью. Каждому указана была цѣль его трудовъ, состоявшая въ преподаваніи слушателямъ *нужныхъ имъ* знаній въ надлежащей полнотѣ и современномъ, достойномъ науки видѣ, безъ сторонняго, не идущаго къ преподаванію примѣси. Умственная связь Россіи съ европейскою образованностію не была ослаблена, но отношеніе измѣнилось къ нашей выгодѣ. Мы продолжали учиться у старшихъ братьевъ нашихъ, мы не отрекались отъ благъ просвѣщенія, но пріобрѣли право критики и самостоятельнаго приговора. Мѣры, принятыя въ 1851 году, остановили правильнѣе развитіе системы, зрѣло обдуманной и превосходно приводимой въ исполненіе. Люди, понимавшіе дѣло, были тѣмъ болѣе огорчены, что мѣры эти должны были неизбѣжно вести къ усиленію тѣхъ именно идей, противъ которыхъ онѣ очевидно были направлены. Споръ между такъ называемымъ реальнымъ и классическимъ образованіемъ давно начался въ Европѣ. Односторонное направленіе, господствовавшее въ западныхъ школахъ, рано вызвало противодѣйствіе общественнаго мнѣнія". Затѣмъ слѣдуетъ краткое историческое обозрѣніе реализма: Монтень и Бэконъ, Вольфгангъ Ратихъ, Ж. Ж. Руссо, Геверъ и филантропы въ Дессау, причемъ очень мѣтко замѣчается, что девизомъ преобразователей было *худо понятое* изреченіе: non scholae, sed vitae discendum, и указывается на очевидное противорѣчіе въ томъ, если въ число причинъ французской революціи ставится преподаваніе древнихъ языковъ и древней исторіи въ школахъ. Политическія обстоятельства", продолжаетъ Грановскій, „помогали реальному направленію. Небывалое развитіе промышленности, послѣдовавшее за миромъ 1815 г., побудило европейскія правительства усилить средства техническаго образованія для подданныхъ. Сверхъ спеціальныхъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью заведеній, въ большей части обыкновенныхъ общеобразовательныхъ

Библиотека "Руниверс"

учениковъ, въ гимназіяхъ и т. д., введеніе преподаванія естественныхъ и математическихъ наукъ, почти всегда къ ущербу чисто классическаго элемента. Безразсудно было бы возставать противъ явленій, въ которыхъ выражалась существенная потребность, но удовлетворяя этой потребности, не слѣдуетъ терять изъ виду другихъ, быть можетъ, высшихъ благъ и цѣлей воспитанія. Не о единомъ хлѣбѣ сытъ человѣкъ. Рѣшительный переѣздъ положительныхъ, принѣнныхъ къ матеріальнымъ сторонамъ жизни знаній надъ тѣми, которыя развиваютъ и поддерживаютъ въ сердцахъ юношества любовь къ прекраснымъ, хотя, быть можетъ, и не осуществимымъ идеаламъ добра и красоты, неминуемо приведетъ европейское общество къ такой нравственной болѣзни, отъ которой нѣтъ другого лѣкарства кромѣ смерти.... Что общаго между греко-римскимъ міромъ и идеями коммунизма и соціализма? не ближе ли эти идеи, не родственнѣе ли онѣ такъ называемому реализму? Сохрани насъ Богъ отъ намѣренія заподозрѣвать въ дурномъ какую-либо науку. Наукъ вредныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Каждая заключаетъ въ себѣ часть божественной истины, открывающейся нашему разуму съ разныхъ сторонъ въ духѣ и во внѣшней природѣ. Не естественныя науки произвели французскую революцію или нынѣшнія нравственныя болѣзни западной Европы. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ рѣшительное преобладаніе въ воспитаніи, какъ всякая односторонность, вредно и опасно. Задача педагогіи состоитъ въ равномѣрномъ (гармоническомъ) развитіи всѣхъ способностей учащихся, изъ которыхъ ни одна не должна быть принесена въ жертву другой. Знакомя юношу только съ внѣшнею природой и съ ея механическими и химическими законами, естествознаніе, отрѣшенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму. Само по себѣ, оно не въ состояніи удовлетворить нравственныхъ потребностей человѣка. Шлецеръ, говоря о вліяніи отдѣльныхъ наукъ на просвѣщеніе народовъ, сказалъ, что можно представить себѣ цѣлый народъ отличныхъ математиковъ, погруженный въ глубокое варварство. Почти то же можно сказать и о естествовѣдѣніи. Можно предположить существованіе народа натуралистовъ, безъ всякихъ опредѣленныхъ и твердыхъ понятій о добрѣ и злѣ. Прибавимъ, что въ настоящую минуту естественныя науки находятся на особенной ступени развитія. Гордясь недавними и дѣйствительно блестящими успѣхами, онѣ присвоиваютъ себѣ право окончательнаго рѣшенія вопросовъ, въ продолженіе тысячелѣтій занимающихъ разумъ человѣческій и постоянно вынуждающихъ у него сознаніе собственнаго безсилія. Такое самоупоеніе науки, конечно, не можетъ быть продолжительно. Рано или поздно она должна признать снова существованіе роковыхъ граней, за которыя не дано перешагнуть нашей любознательности". (Замѣ-

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ легатъ, что это признаніе выражено на нашемъ для знаменитыхъ словомъ: ignoramus et ignorabimus). Но въ отношеніи нѣкоторыхъ возврата къ болѣе тѣснымъ и согласнымъ съ законами разума воззрѣніямъ, естествознаніе сообщаетъ нашимъ умамъ холодную самоувѣренность и привычку выводить изъ недостаточныхъ данныхъ рѣшительныя заключенія.... Но виной тому не самыя науки, а мѣсто, данное имъ въ господствующихъ системахъ воспитанія, упускающихъ изъ виду цѣлый рядъ способностей и потребностей, которыя такимъ образомъ остаются безъ надлежащей пищи и удовлетворенія. Принципъ изреченіе: non scholae и т. д. въ его настоящемъ смыслѣ, реалисты должны допустить, что или ихъ теорія недостаточна, или самое понятіе ихъ о жизни узко и скудно. Требованія жизни безконечно разнообразны: на нихъ можно отвѣчать только всесторонними развитіемъ всѣхъ силъ, которыхъ зародыши положены Творцемъ въ духѣ человѣка.... Но развѣ древніе языки должны быть вѣчною и неизбѣжною принадлежностью общаго образованія? Неужели, кромѣ исчерпаннаго до дна міра классической древности, намъ неоткуда болѣе вдохновенія идей, которыя можно было бы съ успѣхомъ противопоставить угрожающему намъ матеріализму? Неужели христіанскія исторіи новыхъ государствъ, въ этомъ отношеніи, бѣднѣе нашей?...? Отвѣчать на эти вопросы можно не иначе, какъ раздѣливъ ихъ на двѣ части—строго ученую, *научную*, и потомъ, *педагогическую*. Излишно было бы говорить о пользѣ, которую наученіе древнихъ филологіи успѣло уже принести всей совокупности нашихъ знаній. Мало найдется, которыхъ начала не примыкаютъ къ трудамъ прежнихъ мыслителей и ученыхъ. Но польза эта уже принесена.... Зачѣмъ же постоянно возвращаться къ этой точкѣ? говорятъ люди, считающіе себя по преимуществу представителями умственнаго движенія и защитниками прогресса. Но истинно великія произведенія духа человѣческаго отличаются именно своею неисчерпаемостью. Въ этомъ-то и заключается тайна ихъ безсмертія. Нельзя же намъ отказаться отъ наслажденія поэзіею древнихъ потому только, что отцы, дѣды и прадѣды удивлялись ея непреходящими красотами. Дѣло идетъ вовсе не о превосходствѣ античнаго искусства надъ новымъ, а о томъ, что одно не можетъ замѣнить другаго, что у каждаго есть своя, ему исключительно принадлежащая область и прелесть.... Кто осмѣлится сказать, что Софоклъ сталъ не нуженъ съ тѣхъ поръ, какъ явился Шекспиръ? Безсмыслію подобнаго приговора бросается въ глаза, потому что она объясняетъ рѣзкимъ примѣромъ, однако приговоръ этотъ встрѣчаетъ въ цѣлой теоріи. Къ счастію, наука не сочиняетъ такихъ отреченій своимъ согласіемъ и бережно хранитъ завѣщанныя ей сокровища до другихъ вѣковъ, болѣе способныхъ ихъ оцѣнить и ими воспользоваться. Но искусство, скажутъ намъ, не удовлетворяетъ всѣхъ

Библиотека "Руниверс"

потребностей современнаго человѣка, осужденнаго на бой съ дѣйствительностью, крайне положительною и трудною. Пусть наслаждается онъ имъ, какъ предметомъ роскоши, въ минуты досуга... Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, можно ли смотрѣть на искусство какъ на предметъ роскоши, и не будемъ повторять тысячу разъ приведенныхъ доказательствъ его благотворнаго вліянія на нравственную жизнь народовъ. Посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ намъ нечему болѣе учиться изъ древней науки; начнемъ съ той именно отрасли, которая, повидимому, наиболѣе совершила успѣховъ въ новое время— начнемъ съ естествовѣдѣнія. Относящіеся къ нему труды Аристотеля служатъ достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами о неисчерпаемости истинно великихъ произведеній разума... Неужели натуралисты истощили сполна запасъ истинъ, находящихся у безсмертнаго стагирита? Вмѣсто отвѣта, укажемъ на то, что высказали объ Аристотелѣ такіе авторитеты какъ Кювье и Жоффруа Сентъ-Илеръ. Но ихъ отзывы о трудахъ этого великаго мыслителя по части естественныхъ наукъ можно въ такой же мѣрѣ приложить ко всему, сдѣланному имъ и въ другихъ сферахъ знанія. Какой философъ, какой историкъ, политикъ или критикъ въ состояніи обойдтись безъ его сочиненій, когда дѣло идетъ о главныхъ вопросахъ философіи, политической жизни древнихъ или искусства? Но самъ Аристотель былъ только представителемъ того умственнаго движенія, которое началось гораздо прежде его и продолжалось еще долго по его смерти. Слѣдовательно, онъ можетъ быть изучаемъ только въ связи съ тѣмъ цѣлымъ, къ которому принадлежитъ. Какъ отдѣльное явленіе, онъ почти непонятенъ.... Изъ всѣхъ отдѣловъ древней исторіи одна только греко-римская представляетъ нѣчто оконченное и въ себѣ замкнутое. Въ ней одной находимъ мы полное развитіе народной жизни отъ младенчества до дряхлости и конечнаго разложенія. Можно сказать, что каждое значительное явленіе этого длиннаго жизненнаго процесса совершилось подъ солнцемъ исторіи, предъ глазами остальнаго человѣчества. Вотъ почему судьбы Греціи и Рима всегда были и останутся надолго любимымъ предметомъ думы и изученія для великихъ историковъ и мыслящихъ умовъ, ищущихъ въ исторіи такихъ же законовъ, какимъ подчинена природа. Явленія новой, христіанской исторіи еще далеки отъ своего завершенія; каждое можетъ своими послѣдними результатами представить горькое обличеніе невѣрности сужденій, которыхъ они были предметомъ. Чрезъ всѣ событія, составляющія содержаніе послѣднихъ 15 вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ Константина Великаго, тянется одна живая нить и концы ея въ рукѣ Божіей. Органическая нить, которою были связаны событія языческаго міра, перерѣзана христіанствомъ. Грецію и Римъ можно теперь сравнить съ превосходно сохранившимся трупомъ, надъ

Библиотека "Руниверс"

которымъ анатомъ-историкъ не только изучаетъ строеніе народныхъ организмовъ, но изъ котораго онъ извлекаетъ притомъ законы, приложимые и къ мимобѣгущей, неуловимой для него жизни. Для науки классическій міръ еще не утратилъ своего значенія; сокровища, хранящіяся въ его глубинѣ, еще не истощились и способны обогащать смѣлыхъ дѣятелей, не утратившихъ вѣры въ древнюю мудрость. Остается сказать нѣсколько словъ о томъ же вопросѣ съ *педагогической* точки зрѣнія. Non scholae, sed vitae discendum, говоритъ реальная школа и торопится снабдить юношу какъ можно бо́льшимъ количествомъ разнородныхъ свѣдѣній, какъ бы внушая ему тѣмъ, что въ жизни некогда учиться, что онъ долженъ взять на дорогу такой запасъ учености, котораго бы было достаточно до конца его земнаго странствованія... Но неужели реалисты въ самомъ дѣлѣ думаютъ дать въ школѣ все нужное для жизни и проводятъ такую рѣзкую черту между послѣднею и ученіемъ? Въ дѣйствительности существованія этого ошибочнаго воззрѣнія насъ отчасти убѣждаетъ самое накопленіе учебныхъ часовъ и предметовъ, которое встрѣчаемъ въ большей части реальныхъ школъ. Ясно, что здѣсь дѣло не въ качественномъ, внутреннемъ, а въ количественномъ, внѣшнемъ приготовленіи къ жизни. Осьмнадцатилѣтній мальчикъ, вставая въ послѣдній разъ со скамьи высшаго класса средняго реальнаго заведенія, долженъ обыкновенно знать законъ Божій, два новыхъ языка сверхъ отечественнаго, алгебру, геометрію, физику, химію, естественную исторію органическихъ царствъ природы, исторію, географію и даже право—на столько, на сколько этихъ свѣдѣній нужно для практическаго приложенія. Спрашиваемъ, есть ли возможность достигнуть этой цѣли безъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и тѣмъ самымъ охлажденія любознательности въ учащемся? Иначе понимаетъ свою задачу здравая педагогика, менѣе заботящаяся о накопленіи знаній и болѣе обращающая вниманіе на развитіе и упражненіе духовныхъ силъ. Ограничивая по мѣрѣ возможности число предметовъ преподаванія, она ставитъ на первомъ планѣ древнюю филологію, какъ незамѣнимое никакимъ другимъ средство нравственнаго, эстетическаго и логическаго образованія. Основательное изученіе древнихъ языковъ, которыхъ правила получили математическую точность и опредѣленность, не только сообщаетъ эти же свойства уму, но въ высшей степени облегчаетъ занятіе новыми языками, такъ что простое грамматическое знаніе греческаго и латинскаго языка ведетъ за собою цѣлый рядъ другихъ пріобрѣтеній, съ избыткомъ вознаграждающихъ за употребленное время. Но не въ этомъ заключается главная польза изученія классической литературы. Гдѣ, какъ не въ ея отборныхъ памятникахъ, найдемъ мы столь совершенное сочетаніе изящной формы съ благороднымъ содержаніемъ? Откуда вынесетъ юноша столь чистое

Библиотека "Руниверс"

памятію о красотѣ и столь возвышенныхъ чувствахъ нравственнаго долга и человѣческаго достоинства? Въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ Грековъ и Римлянъ было безконечно много ложнаго и непригоднаго къ быту нашихъ гражданскихъ обществъ; но умному наставнику не трудно отдѣлить мѣсто-историческое, временное, отъ общечеловѣческаго, вѣчно-истиннаго элемента, въ дарованіяхъ греческихъ поэтовъ и мыслителей. Вліяніе античныхъ политическихъ теорій могло быть опасно при незнакомствѣ съ исторіей; но въ настоящее время и эта опасность прошла, или по крайней мѣрѣ грозитъ уже совсѣмъ не съ той стороны. До 1851 г. русская гимназія шла медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ къ указанной нами цѣли. Имъ предстояла задача осуществить идеалъ средняго заведенія, приготовляющаго своихъ воспитанниковъ не къ одному университету, но и къ жизни, не чрезъ поверхностное многознаніе, а чрезъ основательное и всестороннее развитіе способностей. Цѣль эта теперь отодвинута на задній планъ. Но гдѣ же плоды 17-ти лѣтняго классическаго направленія? говорятъ его противники, ссылаясь на въ самомъ дѣлѣ неудовлетворительное состояніе древнихъ языковъ въ нынѣшнихъ гимназіяхъ. Отвѣтъ на этотъ упрекъ не труденъ: колеблющееся и плодотворное дѣйствіе филологіи возможно только при достаточномъ количествѣ хорошихъ, знающихъ дѣло и усердныхъ къ нему учителей." [1]).

Между тѣмъ какъ въ литературѣ велъ оживленный споръ за и противъ системы классическаго воспитанія и педагогическія идеи отчасти справедливыя, а по большей части неяснаго, либеральнаго направленія, произошла, по инициативѣ Норова, существенная перемѣна въ организаціи министерства, возстановленіемъ Главнаго Правленія Училищъ и Ученаго Комитета. Еще во всеподданнѣйшемъ докладѣ его 8 февраля 1854 г. было замѣчено, что „занятія Главнаго Правленія училищъ болѣе и болѣе сокращались и слабѣли, и то, что могло бы гораздо естественнѣе и удобнѣе исполняться посредствомъ уже созданнаго и существующаго органа администраціи, стало вѣряться или особымъ лицамъ, или комитетамъ, временно назначаемымъ для извѣстнаго случая или дѣла. Причиною такого экстра-

[1]) Приводимъ еще прекрасныя слова изъ другой статьи Грановскаго, напечатанной въ 1847 г. (Соч. II, 191): «Споръ между филологіею и естествовѣдѣніемъ имѣетъ не одно теоретическое значеніе; онъ касается высшихъ вопросовъ нравственныхъ и общественныхъ. Отъ его рѣшенія зависитъ воспитаніе и, слѣдовательно, участь будущихъ поколѣній. Смѣемъ думать, что побѣда остается не на сторонѣ такъ называемыхъ реалистовъ. Старая распря человѣка съ природою почти кончена: природа уступаетъ ему свои тайны и свои силы, но нравственныя потребности человѣка еще не удовлетворены такимъ торжествомъ. Природа есть только подножіе исторіи, въ которой совершается главный подвигъ человѣка, гдѣ онъ самъ является ваятелемъ и матеріаломъ».

Библиотека "Руниверс"

нія Главнаго Правленія училищъ отъ дѣлъ былъ, безъ сомнѣнія, самый составъ его, постепенно измѣнявшійся и слабѣвшій. Членами его въ послѣднее время состояли попечители учебныхъ округовъ и посторонніе лица, по первому, за исключеніемъ только попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, находясь при своихъ мѣстахъ внѣ столицы, не могли и не могутъ принимать участія въ его занятіяхъ; послѣдніе же, особенно нѣкоторые изъ нихъ, при всѣхъ своихъ заслугахъ и неотъемлемыхъ достоинствахъ, или по преклонности лѣтъ, или по малому знакомству съ ходомъ дѣлъ по министерству и съ ихъ спеціальнымъ характеромъ, при всемъ своемъ усердіи, не въ состояніи приносить ему желаемой пользы. Такимъ образомъ Главное Правленіе училищъ существуетъ только номинально" Вслѣдствіе этого доклада Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ „по подробномъ обсужденіи предположеній, войдти съ докладомъ объ окончательномъ устроеніи оныхъ". Новый планъ былъ утвержденъ 8 марта 1856 г. уже нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ, но съ тѣмъ, „чтобы Главное Правленіе училищъ было сколь возможно согласовано съ учрежденіемъ совѣта о военно-учебныхъ заведеніяхъ". Составъ Главнаго Правленія остался тотъ же, какъ и прежде, но при немъ долженъ былъ находиться особый ученый комитетъ изъ спеціалистовъ, принадлежащихъ къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. 5 мая 1856 г. послѣдовалъ указъ правительствующему сенату: „Признавая одною изъ самыхъ важныхъ государственныхъ Нашихъ заботъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія Нашей возлюбленной Россіи, Мы желаемъ, чтобы учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ Нашимъ наблюденіемъ и попеченіемъ. Въ этихъ видахъ, Мы признаемъ нужнымъ о всѣхъ важнѣйшихъ распоряженіяхъ имѣть постоянныя свѣдѣнія, и для того повелѣваемъ: 1) журналы Главнаго Правленія училищъ по всѣмъ дѣламъ, относящимся до измѣненій внутренняго устройства учебныхъ заведеній и внутренняго ихъ управленія, равно какъ и до измѣненій по части учебной и воспитательной вообще, представлять непосредственно на Наше воззрѣніе въ подлинникѣ. 2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда по мнѣніямъ Главнаго Правленія училищъ и министра народнаго просвѣщенія возникнетъ разногласіе, министру всеподданнѣйше повергать на Наше рѣшеніе, особымъ докладомъ, и мнѣніе свое и мнѣніе Главнаго Правленія училищъ" а затѣмъ: „6) Какъ отдѣльную часть Главнаго Правленія училищъ, возстановить при ономъ ученый комитетъ на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя Нами уже одобрены.... и 7) министру народнаго просвѣщенія составить и представить на Наше утвержденіе надлежащія правила для руководства ученому комитету въ его дѣйствіяхъ" Этими правилами, изданными 15 іюня 1856 г., постанов-

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CXCVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90 1.

1878.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

10. (6-го февраля 1878 года.) Указъ правительствующаго сената (по 1-му департаменту). О порядкѣ причисленія училищъ къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности.

По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ слушали: рапортъ министра народнаго просвѣщенія, отъ 21-го января 1878 года за № 958-мъ, при коемъ представляетъ правительствующему сенату, въ подлинникѣ, Высочайше утвержденное, въ 19-й день ноября 1877 года, мнѣніе государственнаго совѣта о порядкѣ причисленія училищъ къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности и доноситъ, что на основаніи сего Высочайшаго повелѣнія и по соглашенію съ военнымъ министромъ, имъ, министромъ народнаго просвѣщенія, причислены всѣ двухклассныя приходскія мужскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и трехклассное Ларинское приходское училище въ сел. Любучахъ, Рязанской губерніи, къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности. Означенное мнѣніе государственнаго совѣта слѣдующаго содержанія: государственный совѣтъ, въ особомъ присутствіи о воинской повинности и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленія Его Императорскаго Высочества намѣстника Кавказскаго, Его Императорскаго Высочества, главноуправляющаго IV отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и министра народнаго просвѣщенія о причисленіи нѣкоторыхъ

Библиотека "Руниверс"

училищъ къ IV разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, мнѣніемъ положилъ: не разрѣшая предположеній, содержащихся въ этихъ представленіяхъ, постановить слѣдующее правило: „Причисленіе училищъ къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности производится по соглашенію министра или главноуправляющаго, въ вѣдѣніи котораго состоитъ училище, съ министрами военнымъ и народнаго просвѣщенія". На мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о порядкѣ причисленія училищъ къ четвертому разряду учебныхъ заведеній въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Константинъ. 19-го ноября 1877 г. Приказали: о таковомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, для свѣдѣнія и должнаго, въ чемъ, до кого касаться будетъ, исполненія, увѣдомить Его Императорское Высочество, намѣстника Кавказскаго, министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, однихъ — указами, а другихъ—чрезъ передачу къ дѣламъ оберъ-прокурора 1-го департамента правительствующаго сената копій съ опредѣленія сената; равно послать указы: генералъ-губернаторамъ, военнымъ губернаторамъ, губернаторамъ, губернскимъ, войсковымъ и областнымъ правленіямъ; въ святѣйшій же правительствующій синодъ, во всѣ департаменты правительствующаго сената и общія оныхъ собранія сообщить вѣдѣнія, а въ департаментъ министерства юстиціи передать копію съ опредѣленія; для припечатанія же, въ установленномъ порядкѣ, конторѣ сенатской типографіи дать извѣстіе.

11. (15-го февраля 1878 года.) Объ учрежденіи стипендіи при Померанскомъ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе при Померанскомъ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ Новгородской губерніи, стипендіи для одного изъ крестьянскихъ дѣтей Любанской волости, на счетъ капитала, въ 600 руб., пожертвованнаго для сего крестьянами означенной волости, съ наименованіемъ сей стипендіи: „стипендія

Библиотека "Руниверс"

отставнаго гвардіи полковника князя Николая Давидовича Багратіона-Мухранскаго".

12. (15-го февраля 1878 года.) Объ учрежденіи стипендіи при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ.

Кронштадтскій городской голова доставилъ директору тамошняго реальнаго училища 5% билетъ восточнаго займа за № 3864 въ 1000 руб., для учрежденія, на проценты съ онаго, одной стипендіи при названномъ училищѣ имени покойнаго Кронштадтскаго городскаго головы Павла Алексѣевича Коргуева.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ какъ на принятіе означеннаго капитала, такъ и на учрежденіе, на проценты съ онаго, при Кронштадтскомъ реальномъ училищѣ одной стипендіи, съ наименованіемъ оной: „стипендія Павла Алексѣевича Коргуева".

При этомъ Высочайше повелѣно благодарить Кронштадтское городское общество.

13. (15-го февраля 1878 года.) Объ учрежденіи стипендій при Троицкой гимназіи.

Киргизы Николаевскаго уѣзда, Тургайской области, желая предоставить дѣтямъ своихъ однодворцевъ, не имѣющимъ достаточныхъ средствъ, возможность пріобрѣтать образованіе въ Троицкой мужской гимназіи, собрали капиталъ въ 8163 р. 42 к., каковой, обративъ въ 5% банковые билеты, передали директору названной гимназіи, для учрежденія при оной двухъ стипендій имени генералъ-маіора Льва Ѳедоровича Баллюзека.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе означеннаго капитала и на учрежденіе на проценты съ онаго при Троицкой гимназіи двухъ стипендій, съ наименованіемъ оныхъ: „стипендіи Льва Ѳедоровича Баллюзека".

При этомъ Высочайше повелѣно благодарить жертвователей.

14. (14-го февраля 1878 года.) Объ источникѣ для производства хозяйственныхъ расходовъ по испытательнымъ комитетамъ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣ-

Библиотека "Руниверс"

нія объ источникѣ для производства хозяйственныхъ расходовъ по испытательнымъ комитетамъ и на вознагражденіе дѣлопроизводителей сихъ комитетовъ, согласно съ настоящимъ представленіемъ, мнѣніемъ положилъ: предоставить министерству народнаго просвѣщенія на хозяйственные расходы по испытательнымъ комитетамъ и на вознагражденіе дѣлопроизводителей оныхъ отчислять нѣкоторую сумму, по усмотрѣнію его, министра, изъ кредита (ст. 1 § 4), отпускаемаго по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія въ распоряженіе попечителей учебныхъ округовъ на вознагражденіе членовъ испытательныхъ комитетовъ.

Государь Императоръ такое мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. ВЫСОЧАЙШІЙ ПРИКАЗЪ.

1-го января 1878 года. (№ 1). Производятся, за отличіе: въ дѣйствительные статскіе совѣтники: статскіе совѣтники: начальникъ Лодзинской учебной дирекціи Алексѣй Худзинскій и библіотекарь Императорской публичной библіотеки Рудольфъ Минцловъ.

Въ статскіе совѣтники: главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края, коллежскій совѣтникъ Александръ Кунъ.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать слѣдующія награды:

По министерству народнаго просвѣщенія, 1-го сего января:

Св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго попечителямъ учебныхъ округовъ: Кіевскаго, состоящему по армейской пѣхотѣ генералъ-лейтенанту Антоновичу и Варшавскаго, сенатору, тайному совѣтнику Витте, и постоянному члену отъ Правительства при управленіи главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, тайному совѣтнику Ульрихсу.

Бѣлаго Орла — попечителю казанскаго учебнаго округа, тайному совѣтнику Шестакову.

Библиотека "Руниверс"

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени: тайнымъ совѣтникамъ: попечителямъ учебныхъ округовъ: Харьковскаго—Жерве и Виленскаго — Сергіевскому; ординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета Ковалевскому и состоящему при Царскосельскихъ Николаевской мужской гимназіи, уѣздномъ и приходскомъ училищахъ врачемъ, почетному лейбъ-хирургу Жуковскому-Волынскому.

Св. Анны 1-й степени: тайнымъ совѣтникамъ: попечителямъ учебныхъ округовъ: С.-Петербургскаго, егермейстеру двора Его Императорскаго Величества князю Волконскому и оренбургскаго—Лавровскому, и директору и ординарному профессору Демидовскаго юридическаго лицея Капустину; помощнику попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба, генералъ-маіору Новикову; дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго: Березину, Васильеву и Бутлерову и Харьковскаго—Деллену; директору и ординарному профессору Дерптскаго ветеринарнаго института Унтербергеру; директорамъ гимназій: Калужской—Бибикову и Курской—Жаворонкову, и завѣдывающему гимназіею Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Струве.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: главному инспектору училищъ Восточной Сибири Мааку; окружному инспектору Кіевскаго учебнаго округа Ростовцеву; проректору и ординарному профессору Императорскаго университета св. Владиміра Рахманинову; заслуженнымъ ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — Бекетову и Дерптскаго—Миндингу; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Любимову, Казанскаго—Микшевичу и св. Владиміра—Незабитовскому; ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Науку; завѣдывающему Варшавскимъ институтомъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Паплонскому; директорамъ гимназій: Императорскаго человѣколюбиваго общества—Голицинскому, Николаевской Царскосельской—Пискареву, Вологодской—Красову и Ковенской—Феоктистову, и директору Казанской учительской семинаріи Ильминскому.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени: дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ: окружнымъ инспекторамъ С.-Петербургскаго учебнаго округа Нейлисову и Михайлову; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—

Библиотека "Руниверс"

Питрѣ и Казанскаго—Никольскому; ординарному профессору Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Назарьянцу; директорамъ гимназій: Костромской—Масленникову и Полтавской—Шафранову; директорамъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго—Рихтеру и Кронштатскаго—Александрову; директору Гатчинской учительской семинаріи Садокову; начальнику Калишской учебной дирекціи Тернавскому; инспектору Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Некрасову; члену археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія Семевскому и причисленному къ министерству Флоринскому; статскимъ совѣтникамъ: дѣлопроизводителю V-го класса департамента, народнаго просвѣщенія Аннину; ординарнымъ профессорамъ Императорскаго Московскаго университета: Павлову, Троицкому, Иванову и Борзенкову; начальнику Сувалкской учебной дирекціи Сидорскому; директорамъ гимназій: Московской 4-й — Гебелю, Елецкой—Воронову, Минской—Стефани и Томской — Смирнову; директорамъ реальныхъ училищъ: Псковскаго — Раевскому; Новозыбковскаго—Радкевичу и Бѣлостокскаго—Ронневскому; директору Новобугской учительской семинаріи Щерецкому; директору народныхъ училищъ Нижегородской губерніи Овсянникову; бывшему директору Минской дирекціи народныхъ училищъ Лялину; инспекторамъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской Добрашеву и Чечету; директору народныхъ училищъ Ярославской губерніи, коллежскому совѣтнику Шпееру.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени: статскимъ совѣтникамъ: директору Саратовской гимназіи Лакомтѣ; директору Виленской прогимназіи Шумовичу; директору Пензенской учительской семинаріи Хохрякову; исправляющему должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Лазареву; инспектору Брестской прогимназіи Малютину; секретарю Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ Коппу; преподавателю Московской 3-й гимназіи Медвѣдеву; преподавателямъ С.-Петербургскаго перваго реальнаго училища Мааку и Томасу, и преподавателю въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Виппперу; коллежскимъ совѣтникамъ, директорамъ гимназій: Кишиневской—Колловичу и Псковской—Гаазе; директору С.-Петербургской второй прогимназіи Гофману; директору Казанскаго реальнаго училища Орлову; секретарю совѣта Импера-

Библиотека "Руниверс"

торскаго университета св. Владиміра Виндингу; инспектору народныхъ училищъ Нижегородской губерніи Раевскому и члену археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія Карпову; надворнымъ совѣтникамъ: окружному инспектору Московскаго учебнаго округа Семеновичу; директору Бѣльской мужской гимназіи Строгину; директору Псковской учительской семинаріи Кестнеру; бухгалтеру и контролеру комитета правленія Императорской академіи наукъ Яковлеву и почетному смотрителю С.-Петербургскаго Рождественскаго городскаго училища Воронину; столоначальнику канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, коллежскому ассесору Жуковскому; директору Варшавской шестой мужской гимназіи, титулярному совѣтнику Стефановичу; почетному члену археологическаго института, коллежскому регистратору Биркенштедту; директору С.-Петербургской пятой гимназіи, состоящему въ V классѣ Шрамеку и старшему учителю лицея Цесаревича Николая состоящему въ VI классѣ Лавровскому.

Св. Станислава 2-й степени: инспекторамъ мужскихъ прогимназій: Вѣрненской—надворному совѣтнику Новаку и Ташкентской—коллежскому ассесору Янко, и титулярнымъ совѣтникамъ: директору училищъ Енисейской губерніи Еленеву и секретарю главнаго инспектора училищъ Западной Сибири Карбалову.

Св. Анны 3-й степени—исправляющему должность инспектора Ташкентской женской прогимназіи, губернскому секретарю Граціанскому.

Государь Императоръ, согласно удостоенію комитета министровъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 26-го декабря 1877 года, по министерству народнаго просвѣщенія ордена:

Св. Анны 2-й степени: статскимъ совѣтникамъ: директорамъ гимназій — Тверской — Фрезе; Астраханской — Рубцову; Варшавскихъ: второй мужской—Стефановичу и третьей мужской—Солнцеву; директорамъ реальныхъ училищъ: Калужскаго — Дейлидовичу; Сумскаго — Папкову; Влоцлавскаго — Лебедеву и Сызранскаго — Горскому; директору Ѳеодосійскаго учительскаго института—Шугурову; ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Столѣтову; св. Владиміра—Владимірскому-Буданову и Вунге; Харьковскаго — Лашкевичу и Шимкову; Новороссійскаго — Патлаевскому и Дерптскаго — Мюлау и Эрдману; инспектору и ординарному профессору историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Аристову; чи-

Библиотека "Руниверс"

новнику особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, VI класса, Шелашникову; экстраординарному академику Императорской Академіи наукъ Штрауху; начальнику учебнаго отдѣленія канцеляріи Варшавскаго учебнаго округа Космовскому; инспекторамъ гимназій: Кронштадтской — Цвѣткову и Саратовской — Никольскому; исправляющимъ должности инспекторовъ гимназій: Минской—Самойло и Слуцкой — Протопопову; инспекторамъ прогимназій: Московской первой—Кашкадамову и Московской второй — Студенникову; исправляющему должность инспектора Сергіево-Посадской прогимназіи Тихомирову; инспектору народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской Горовому; доценту Императорскаго Новороссійскаго университета Бернштейну; доценту Деритскаго ветеринарнаго института Клеверу; старшему учителю и помощнику директора училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Арроненту; заслуженнымъ преподавателямъ гимназій: Новгородской—Любицкому и Вологодской—Яблонскому; учителямъ гимназій: Псковской—Обидзинскому; С.-Петербургской пятой — Филиньеву; Калужской — Штрауху; Симбирской — Штейнгауеру; Кіевской третьей — Ределину; Тамбовской — Бланше-де-ла-Рошу; Воронежской — Сомме и Новочеркасской — Ковловскому; воспитателю С.-Петербургской третьей гимназіи Фрейтагу; бывшему учителю Ломжинской мужской гимназіи Дембовскому; заслуженнымъ преподавателямъ прогимназій: Введенской — Пьянкову и Острогской—Бургакъ-Абрамовичу; учителямъ прогимназій: Введенской—Штерну; С.-Петербургской второй—Сербулову и Кишиневской—Сырбу; коллежскимъ совѣтникамъ: окружному инспектору Казанскаго учебнаго округа Иновемцеву; директорамъ гимназій: Московской второй — Гулевичу; Варшавской пятой мужской — Хорошевскому и Уфимской — Любарскому; директорамъ реальныхъ училищъ: Мелитопольскаго — Радкевичу и Севастопольскаго — Попову; исправляющему должность директора Шуйской шестиклассной прогимназіи Миротвордеву; директорамъ учительскихъ семинарій: Коростышевской—Посядѣ; Благовѣщенской—Еремѣеву и Херсонской—Леонтовичу; ординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета Мартенсу; директору народныхъ училищъ Харьковской губерніи Жаворонкову; экстраординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — Сохоцкому и

Библиотека "Руниверс"

Поминовскому; Казанскаго—Щербакову и Харьковскаго Яцуковичу; библіотекарю Императорскаго Дерптскаго университета Каппу; инспекторамъ гимназій: Ришельевской въ Одессѣ Бѣлицкому и Николаевско-Александровской Месняеву; исправляющему должность инспектора С.-Петербургской пятой гимназіи Красному; исполняющему обязанности инспектора Нижегородской гимназіи, учителю сей гимназіи Шапошникову; исполняющему обязанности инспектора Харьковской третьей гимназіи, заслуженному преподавателю сей гимназіи Алексѣеву; исправляющему должность инспектора Бѣлостокскаго реальнаго училища, учителю сего училища Ходотову; инспекторамъ прогимназій: Вольской — Кильдюшевскому; Вознесенской—Финну и Павлоградской — Крейцеру; инспекторамъ народныхъ училищъ: Оловецкой губерніи — Петрову и состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской — Коленко, Гребенникову, Лосеву и Сомчевскому; инспектору Ковенской дирекціи народныхъ училищъ Олиферу; помощнику проректора Императорскаго Московскаго университета Должикову; учителямъ гимназій: С.-Петербургской шестой — Зеленину; Николаевской-Царскосельской — Смирнову; Московской пятой—Бѣлявскому и Казанской второй—Валицкому; учителямъ реальныхъ училищъ: Кременчугскаго—Петрову; Мелитопольскаго — Головачевскому и Варшавскаго — Мальму; врачамъ гимназій: Владимірской — Толпегину; Полтавской—Педашенко; Екатеринославской — Хорошевскому и Кишиневской — Бугаревичу; старшему учителю Дерптской гимназіи Паульсону и учителю училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Лебедкину; надворнымъ совѣтникамъ: директору института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи—Добровольскому; директорамъ гимназій: Вятской—Керенскому и Харьковской третьей — Левандовскому; чиновнику особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія, VI класса, Авсѣенко, исправляющему должность инспектора Варшавской второй мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Мазюкевичу; инспектору Воронежской прогимназіи Рощупкину; инспектору народныхъ училищъ Новгородской губерніи Лосинскому; учителямъ гимназій: Московской пятой—Фишеру; Императорской Казанской первой — Херувимову и Виленской — Юницкому; врачу Псковскаго реальнаго училища Бѣляеву и старшему учителю Аренсбургской гимназіи Гольцмайеру; нижнимъ чинамъ: ординарному профессору Император-

Библиотека "Руниверс"

скаго Казанскаго университета Арнштейну; исправляющему должность инспектора Люблинской мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Дахновичу; старшему учителю лицея Цесаревича Николая Пѣвницкому; инспектору-руководителю Холмской учительской семинаріи Гуглинскому; учителямъ Варшавской третьей мужской гимназіи Мазюкевичу и Гилюсу.

Св. Станислава 2-й степени: статскимъ совѣтникамъ: дѣлопроизводителю V класса департамента народнаго просвѣщенія Короваеву; ординарному профессору Императорскаго Дерптскаго университета Гофману; ординарнымъ профессорамъ институтовъ: историко-филологическаго князя Безбородко въ Нѣжинѣ — Будиловичу и Дерптскаго ветеринарнаго — Розенбергу; инспектору Рязанской прогимназіи Звѣреву; исправляющему должность доцента Императорскаго Новороссійскаго университета Лебедеву; старшему учителю Рижской городской гимназіи Гельмзингу; учителю С.-Петербургской шестой гимназіи Лыткину; учителю Виленскаго реальнаго училища Питону и врачу Зарайскаго реальнаго училища Масленникову; коллежскимъ совѣтникамъ: ординарнымъ профессорамъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго — Ермолаеву и Новороссійскаго — Шпилевскому; директорамъ реальныхъ училищъ Новгородскаго — Кошелькову; Вологодскаго — Мааку и Вольскаго — Можайскому; директору Самарской учительской семинаріи Адіясѣвичу; директору народныхъ училищъ Тамбовской губерніи Колосовскому; экстраординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Лясковскому; инспектору Коломенской прогимназіи Паркову; заслуженному преподавателю Архангельской гимназіи Фридрихсбергу; учителямъ гимназій: С.-Петербургской второй — Кутузову; Вологодской — Прохницкому; Олонецкой — Новаковскому; Костромской — Морену; Рязанской — Вернеру: Императорской Казанской первой — Сергѣеву; ревельской-александровской — Залему; Харьковской первой — Дидрихсону; Пензенской — Мальцову и Марпургу и Новочеркасской — Норову и врачу Одесскаго реальнаго училища Фіялковскому; надворнымъ совѣтникамъ: директору Рижской городской гимназіи и Рижскихъ городскихъ училищъ Шведеру; директору Харьковской второй гимназіи Скворцову; ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета Карасевичу; исправляющему должность инспектора Петровской мужской гимназіи, учителю сей гимназіи Геевскому; исполняющимъ обязанности инспекторовъ гимназій, учителямъ гимназій: Московской пятой

Библиотека "Руниверс"

— Михалевичу и Одесской третьей — Балыку; исполняющему обязанности инспектора Севастопольскаго-Константиновскаго реальнаго училища, учителю сего училища Недашковскому; исправляющему должность доцента въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Окромчаделову-Серебрякову; учителямъ гимназій: С.-Петербургской-лютеранской—Мааку и Спальвингу; Новгородской — Стайновскому; Императорскаго человѣколюбиваго общества — Виссу; Московской третьей — Виноградову; Черниговской — Тимошенко; Николаевской-александровской — Гайдебурову и Одесской третьей — Ходоровичу; учителямъ реальныхъ училищъ: Московскаго — Янчину; Виленскаго — Успенскому и Бѣлостокскаго — Горячкину; учителю Кіевской прогимназіи Трубину; воспитателю и преподавателю коллегіи Павла Галагана Тихомирову; врачу Симферопольской гимназіи Плешкову; почетнымъ смотрителямъ училищъ: крестецкаго городскаго Рашу; Псковскаго городскаго Дерюгину и Елабужскаго уѣзднаго Алашееву; штатнымъ смотрителямъ училищъ: Бердичевскаго двухкласснаго городскаго Гассовскому; Таращанскаго двухкласснаго городскаго Ганько и себежскаго уѣзднаго, учителю сего училища Мальчевскому; учителямъ гимназій: Дерптской — Фингеру, Блумбергу и Борелю; учителямъ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Вонжуру и Бауману; коллежскимъ ассесорамъ: директорамъ учительскихъ семинарій: Тотемской — Исполатову; Бѣлгородской — Бѣликову; Преславльской — Паховскому и Полоцкой Бѣлецкому; директору народныхъ училищъ Тверской губерніи Малову; правителю канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа — Евфимовскому-Мировицкому; инспектору Нарвской прогимназіи Келеру; доценту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи Мартену; лаборанту химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета Шмидту; помощнику проректора Императорскаго университета св. Владиміра Божовскому; учителямъ гимназій: Орловской — Долежелю и Кіевской третьей — Войнаховскому; наставнику Поливановской учительской семинаріи въ Подольскомъ уѣздѣ Савельеву; штатному смотрителю и учителю Гапсальскаго уѣзднаго училища Тадовскому и учителю Ревельской губернской гимназіи Фельдману; неимѣющимъ чиновъ: исправляющему должность директора Смоленской гимназіи Гобзѣ; завѣдывающему гимназіею, состоящею при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ Златоустовскому; ординарному про-

Библиотека "Руниверс"

фессору Императорскаго Варшавскаго университета, Билецкому; директору народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи Малеванскому; инспектору Уфимской гимназіи Лопатинскому; законоучителю Варшавской шестой гимназіи. — Меднигу; учителямъ гимназій: Таганрогской — Штейну; Холмской мужской Заусцинскому и Варшавской первой женской Мокіевскому-Зубку; учителю Варшавской второй мужской прогимназіи Маковельскому; штатному учителю Свинцкой учительской семинаріи Явдынскому и врачу Варшавской второй мужской гимназіи Любельскому.

Св. Анны 3-й степени: учителю Прилукской прогимназіи, статскому совѣтнику Штейну; коллежскимъ совѣтникамъ: инспектору Стерлитамакской прогимназіи Вакуленко и учителю Ровенскаго реальнаго училища Стахорскому; надворнымъ совѣтникамъ: инспектору Ялтинской прогимназіи Шульбаху; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Черниговской — Дымскому и Симбирской Стржалковскому; доценту Императорскаго Московскаго университета Ельцинскому; воспитателю С.-Петербургской третьей гимназіи Миллеру; учителю Митавскаго реальнаго училища Блосфельду и учителю Рижской губернской гимназіи Фоссару; коллежскимъ ассессорамъ: инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Тульской — Смирнову и Воронежской Блюму; учителямъ гимназій: Николаевской-Александровской Прокешу и Кронштадтской женской — Удальцову; учителю главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Миллеру; инспектору и главному учителю Дерптской учительской семинаріи Маасу; архитектору Кіевскаго учебнаго округа Шлейферу; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Грязовецкаго — Блинову; Шуйскаго — Рюминскому; Бронницкаго — Можжухину; Верейскаго — Степанову; Вѣльцкаго — Одобашу и Александровскаго — Малѣеву; оставшемуся за штатомъ штатному смотрителю Таганрогскаго уѣзднаго училища Виссору и эконому и смотрителю дома С.-Петербургской третьей гимназіи Лемке титулярнымъ совѣтникамъ: члену археографической коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія Гильтебрандту; исправляющему должность учителя-инспектора великолуцкаго городскаго училища Серебрянникову; столоначальнику канцеляріи попечителя Виленскаго учебнаго округа Камепецкому; исправляющему должность эконома пансіона при Кишиневской гимназіи Другамову; помощнику классныхъ наставниковъ Харьковской третьей гимназіи Дмитріеву; бухгалтеру Кіевской первой гимназіи Дюдину; коллежскимъ

Библиотека "Руниверс"

секретарямъ: учителю Саратовскаго реальнаго училища Чистякову; исправляющимъ должности воспитателей С.-Петербургской третьей гимназіи Кеммерлингу и Кейзеру; губернскимъ секретарямъ: штатному учителю Холмской учительской семинаріи Енько; архиваріусу конференціи Императорской Академіи наукъ Шеміоту и помощнику классныхъ наставниковъ и учителю приготовительнаго класса Варшавской второй мужской прогимназіи Хальковскому; неимѣющимъ чиновъ: учителямъ гимназій: Люблинской мужской — Козьминскому и Смоленской маріинской женской — Богословскому, учителю Влацлавскаго реальнаго училища — Коссовскому; и учителю Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Ефимову.

Св. Станислава 3-й степени: учителю Таганрогской гимназіи статскому совѣтнику Крамсакову; коллежскимъ совѣтникамъ: инспекторамъ прогимназій: Бѣлевской — Сюльку; Ржевской — Щеглову и Прилукской — Каменскому; инспектору народныхъ училищъ Смоленской губерніи Свѣщникову; астроному-наблюдателю Императорскаго Московскаго университета Громадскому; доценту Императорскаго Московскаго университета Шейдеру; помощнику библіотекаря Императорскаго Московскаго университета Вихману; учителямъ гимназій: Орловской — Горскому; Кіевской второй — Подгаецкому; Полтавской — Вельяру и Одесской второй — Шеттле; учителю Динабургскаго реальнаго училища Бѣляеву и учителю Елатомской прогимназіи Ширскому; надворнымъ совѣтникамъ: библіотекарю Императорской публичной библіотеки Гаркави; инспектору Кишиневской гимназіи Ронталеру; инспектору Ростовской на-Дону прогимназіи Свѣшникову; чиновнику особыхъ порученій при попечителѣ Виленскаго учебнаго округа Голубинову; воспитателю и преподавателю коллегіи Павла Галагана Комару; учителямъ гимназій: Николаевской-Царскосельской — Дюкро и Линднеру; Московской третьей — Марпу; Кіевской первой — Бергману; Ковенской — Макарову; Витебской — Осипову; Оренбургской — Сѣверному и Пермской — Горячеву; учителямъ реальныхъ училищъ: Одесскаго — Кальсадо и Казанскаго — Скрыпину; врачу Харьковской третьей гимназіи Ясинскому; учителю Златопольской прогимназіи Тесельскому; почетному смотрителю Бѣжецкаго уѣзднаго училища Павловскому; штатнымъ смотрителямъ училищъ: Радомысльскаго двухкляссиаго городскаго — Радченко и Рогачевскаго уѣзднаго, учителю сего училища — Петрожицкому, и учителю приготовительнаго класса Нарвской прогимназіи Нагорскому; коллежскимъ ассессорамъ: синдику Императорскаго

Библиотека "Руниверс"

Дерптскаго университета Лявену; инспектору Псковской гимназіи Ковеко; инспектору Одесской второй прогимназіи Мейеру; инспектору народныхъ училищъ Воронежской губерніи Минаеву; учителямъ гимназій: С.-Петербургской второй—Щепинскому; Московской четвертой—Нибергу; Саратовской—Павловскому; Астраханской—Рождественскому; Кіевской третьей — Грабовскому; Лубенской—Завистовскому; Уральской войсковой—Есиреву; Рижской-Александровской — Янчевецкому; Харьковской первой — Менжо и Самарской женской—Дудину; учителямъ реальныхъ училищъ: Лиепайскаго—Рудольфи; Ровенскаго—Коркушко; Виленскаго—Кюну и Одесскаго—Ждановскому; учителямъ прогимназій: С.-Петербургской третьей—Орлову; Нарвской—Петрову и Стерлитамакской—Шпеккеру; учителю С.-Петербургскаго учительскаго института Латышеву; учителю-инспектору Вологодскаго городскаго училища Достоинову; штатнымъ смотрителямъ двухклассныхъ городскихъ училищъ: Ольгопольскаго — Джуанату и Гайсинскаго — Булаху; учителю Пензенской женской прогимназіи Семибратову; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Старорусскаго — Валлерту; Лукояновскаго — Ратанову; Баускаго, учителю сего училища Сапіо; Переяславльскаго—Кузнецову и Тираспольскаго — Богопольскому; оставшемуся за штатомъ штатному смотрителю Павлоградскаго уѣзднаго училища Даниленко; бывшему смотрителю Николаевской главной астрономической обсерваторіи Дьячкову; помощникамъ классныхъ наставниковъ Кіевской первой гимназіи Грудзинскому и Кременчугскаго реальнаго училища: исправляющему должность письмоводителя сего училища Слѣсаревскому; учителямъ женскихъ гимназій: Нижегородской-Маріинской—Кочкину; Казанской-Маріинской—Иванову и Вятско-Маріинской Кошкареву; учителямъ уѣздныхъ училищъ: Курскаго—Филоненко-Чоновскому; Камышловскаго—Книзе и Николаевскаго — Филипповичу; учителю Ковельскаго двухкласснаго городскаго училища Дашкевичу и учителю начальнаго однокласснаго еврейскаго училища при Виленскомъ еврейскомъ учительскомъ институтѣ Ратновскому; титулярнымъ совѣтникамъ: учителямъ главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Бруннеру и Бекману: почетному смотрителю Аккерманскаго уѣзднаго училища, въ званіи камеръ-юнкера, Леонарду: бухгалтеру Императорскаго Московскаго университета Попову: старшему учителю Рижской губернской гимназіи Курцу; учителю Петрозаводскихъ мужской и женской гимназій Миловидову;

Библиотека "Руниверс"

штатному смотрителю Макарьевскаго на-Унжѣ уѣзднаго училища Векеневу; учителю Либавской Николаевской гимназіи Козину; помощнику классныхъ наставниковъ Вѣрненской мужской прогимназіи Богушевичу; письмоводителю Архангельской гимназіи Петряевскому; воспитателямъ гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества Еремину и Роговину и учителю Рижскаго городскаго реальнаго для гражданъ училища Реймерсу; коллежскимъ секретарямъ: помощнику проректора Императорскаго Новороссійскаго университета Кувминскому; учителю Пермской гимназіи Деннемарку; учителю Вѣрненской мужской прогимназіи Калинину; учителю Псковскаго реальнаго училища Епинатьеву; штатному учителю Бѣльской учительской семинаріи Дувину; помощнику завѣдывающаго читальною залою Императорской публичной библіотеки Грану; учителю приготовительнаго класса Кіевской прогимназіи Левицкому; учителю городскаго училища при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ Шерцингеру; помощнику классныхъ наставниковъ Бѣлгородской его королевскаго высочества герцога Эдинбургскаго гимназіи Черняевскому; исправляющему должность воспитателя С.-Петербургской, третьей гимназіи, комнатному надзирателю Белю; учителямъ приготовительныхъ классовъ гимназій: С.-Петербургской шестой — Васильеву и Казанской второй—Исленьеву; почетному смотрителю Сѣвскаго уѣзднаго училища, отставному гвардіи поручику барону Мейндорфу; губернскимъ секретарямъ: учителю Красноуфимскаго реальнаго училища Финевскому; наставнику Алферовской учительской семинаріи, Вяземскаго уѣзда, Зеленецкому и учителю Псковской гимназіи Жданко; помощнику прозектора Казанскаго ветеринарнаго института, коллежскому регистратору Гришину; неимѣющимъ чиновъ: помощнику директора и старшему учителю Рижской городской гимназіи Фривендорфу; инспектору Нижнечирской прогимназіи Яблонскому; инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Московской — Некрасову и Вятской—Канаеву; доценту института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи Антоновичу; дѣлопроизводителю канцеляріи Холмской учебной дирекціи Крыжановскому; наставнику Екатеринпнскаго учительскаго института въ Тамбовѣ Артюхову; исправляющему должность инспектора, учителю Кронштадтскаго реальнаго училища Доброхотову; учителямъ гимназій: С.-Петербургской первой — Зборилу и Соловьеву; Петрозаводской — Смирнову Смоленской—Крамаричу; Тульской — Розанову; Рязанской — Рейнеру; Тверской—Ѳедорову; Нижегородской—Омелянскому; Елец

Библиотека "Руниверс"

вой—Ланцу; Московскихъ: второй—Солнцеву; третьей—Державину; четвертой—Лебедеву и шестой—Кимаву; Калужской—Вѣлову; Императорской Казанской первой—Рѣдникову; Кіевской второй—Карсунскому; Ковенской—Гроссету; Шавельской: Рубцову, Полянскому и Семону; Могилевской—Бржезинскому; Екатеринбургской—Жилевичу; Тамбовской—Григоровскому; Курской: Гусановскому и Вяземину; Воронежской—Карпинскому; Керченской-Александровской: Лупшѣ-Донченко и Звѣнцову; Симферопольской—Смирнову; Кишиневской—Ребецу; Варшавскихъ мужскихъ: первой—Стефановичу; четвертой—Поплонскому и шестой—Диштейну; Бѣльской мужской—Семеновичу и Петроковской мужской—Яковскому; исправляющему должность учителя Минской гимназіи Андерсону; учителю Таганрогской-Маріинской женской гимназіи Кравченко; учителю приготовительнаго класса Ришельевской гимназіи Трофимову; учителямъ реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго—Волкову; Череповскаго Успенскому; Кронштадтскаго—Витману; Костромскаго—Зегеру; Александровскаго-Орловскаго—Цвѣтаеву; Кременчугскаго—Кошевому; Мелитопольскаго—Куделину; Одесскаго—Гольдерекеру; Ростовскаго-Петровскаго Мирзалису и Варшавскаго—Савицкому; учителямъ прогимназій: введенской Реммику; Брестской—Сикорскому и Феодосійской—Мышкину; учителю Виленскаго городскаго учительскаго института Спасскому; наставникамъ учительскихъ семинарій: Гатчинской—Фохту и Ковенской: Соловьеву и Орлову; учителю Одесскаго коммерческаго училища Шостаковскому; исправляющему должность учителя Виленскаго еврейскаго учительскаго института Орловскому; старшему учителю училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ Кенигу; врачу Одесскаго коммерческаго училища Латри; врачу Одесской второй прогимназіи Бренделю; старшему учителю Лобавской Николаевской гимназіи Вальдману; учителю Калишской мужской гимназіи Варциковскому; учителю Виленской прогимназіи Гортову; штатному смотрителю Рыбинскаго уѣзднаго училища Ильинскому; младшему надзирателю лицея Цесаревича Николая Тастевену; помощникамъ классныхъ наставниковъ: Ковенской гимназіи—Азлецкому и Херсонской прогимназіи—Шипову; учителю Вейверской учительской семинаріи—Войновскому; учителямъ городскихъ училищъ: Великолуцкаго—Аполлонову; Опочецкаго—Бедржицкому и Варшавскаго десятаго однокласснаго начальнаго мужскаго—Самоквасову.

Библиотека "Руниверс"

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

5. (7-го января 1878 г.) Положеніе о стипендіи имени генералъ-адъютанта Хрущова при Тобольской губернской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, послѣдовавшаго въ 4-й день апрѣля 1877 года, при Тобольской губернской гимназіи, на счетъ процентовъ съ капитала въ 3000 руб., собраннаго нѣкоторыми изъ жителей Тобольской губерніи, учреждается одна стипендія, съ наименованіемъ оной: „стипендія генералъ-адъютанта Хрущова".

2) Означенный капиталъ, обращенный въ 5% билеты государственнаго банка, причисляется къ спеціальнымъ средствамъ Тобольской гимназіи и остается неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ этого капитала употребляются на содержаніе и первоначальное обзаведеніе въ пансіонѣ Тобольской губернской гимназіи одного воспитанника изъ недостаточныхъ жителей города Кургана (Тобольской губерніи) или Курганскаго округа, а могущіе быть за такимъ назначеніемъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ основному капиталу, для образованія впослѣдствіи суммы на учрежденіе новой стипендіи.

4) Зачисленіе на стипендію предоставляется Курганской городской управѣ, по сношеніи о томъ Директора Тобольской гимназіи, право же смѣщенія со стипендіи за неодобрительное поведеніе и безуспѣшность принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи.

6. (4-го февраля 1878 г.). Циркулярное предложеніе гг. начальникамъ учебныхъ округовъ о замѣщеніи служительскихъ должностей въ учрежденіяхъ министерства ранеными въ послѣдней войнѣ нижними чинами.

Статскій совѣтникъ Вилькинсъ, имѣя въ виду, что въ настоящее время есть много нижнихъ воинскихъ чиновъ, которые, получивъ на полѣ сраженія раны или увѣчья, сдѣлались чрезъ то неспособными къ занятію ремеслами, полевыми и другими работами, требующими значительнаго напряженія физическихъ силъ, остаются однако вполнѣ способными къ исполненію болѣе легкихъ обязанностей, какъ-то: должностей сторожей, вахтеровъ, присяжныхъ, счетчиковъ, разсыльныхъ, надсмотрщиковъ, ключниковъ, артельщиковъ и т. п., открылъ,

Библиотека "Руниверс"

съ одобренія главнаго попечительства для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ, въ С.-Петербургѣ, въ 1-мъ ротѣ Измайловскаго полка въ домѣ подъ № 24 особую контору для пріисканія занятій увѣчнымъ нижнимъ воинскимъ чинамъ, въ которую могутъ обращаться словесно, или письменно, безъ всякой платы, какъ лица и учрежденія, готовыя опредѣлить на мѣста записанныхъ въ конторѣ кандидатовъ, такъ и нижніе воинскіе чины, ищущіе себѣ занятій. Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней, отъ 8-ми до 2-хъ часовъ.

Главное попечительство для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ, вполнѣ сочувствуя безкорыстной готовности статскаго совѣтника Вилькинса содѣйствовать попечительствамъ къ достиженію цѣли ихъ учрежденія и имѣя въ виду, что открываемая имъ контора можетъ значительно облегчить правительству возможность доставленія занятій тѣмъ изъ раненыхъ и изувѣченныхъ нижнихъ чиновъ, которые еще способны къ труду, — проситъ министерство народнаго просвѣщенія не оставить безъ вниманія означенное учрежденіе и сдѣлать распоряженіе, чтобы начальники учрежденій министерства, въ случаѣ открытія вакансій, годныхъ для увѣчныхъ нижнихъ воиновъ, сообщали объ оныхъ означенной конторѣ съ объясненіемъ всѣхъ необходимыхъ подробностей и вообще при открытіи служительскихъ вакансій давали предпочтеніе раненымъ нижнимъ воинскимъ чинамъ.

Получивъ отношеніе по сему предмету статсъ-секретаря Грота, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе по учрежденіямъ вѣреннаго вамъ учебнаго округа.

7. (18-го февраля 1878 г.) Положеніе о стипендіи почетнаго блюстителя Померанскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Новгородской губерніи, отставнаго гвардіи полковника князя Николая Давидовича Багратіона-Мухранскаго, учрежденной при названномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ капитала 600 руб., пожертвованнаго крестьянами Любанской волости, Новгородской губерніи и внесеннаго въ Новгородскій городской общественный банкъ, учреждается, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 15-го февраля 1878 года, при Померанскомъ двухклассномъ начальномъ народномъ училищѣ Мини-

Библиотека "Руниверс"

стерства народнаго просвѣщенія стипендія имени отставнаго гвардіи полковника князя Николая Даніиловича Багратіона-Мухранскаго.

2) Означенная стипендія производится одному изъ крестьянскихъ дѣтей Любанской волости, съ тѣмъ, чтобы стипендіатъ этотъ по окончаніи курса ученія въ училищѣ подготовился къ поступленію въ учительскую семинарію.

3) Право избранія стипендіата изъ числа учениковъ училища или выдержавшихъ вступительный экзаменъ и вновь принятыхъ въ оное предоставляется пожизненно князю Багратіону-Мухранскому, а по смерти его право это переходитъ къ Любанскому волостному сходу.

4) Стипендія выдается учителямъ училища для передачи стипендіату на его содержаніе.

5) Если преподаватели найдутъ избраннаго стипендіата недостойнымъ полученія стипендіи, то они сообщаютъ объ этомъ распорядителямъ стипендіею.

6) Въ случаѣ если почему-либо не будутъ израсходованы проценты съ пожертвованнаго капитала, таковые проценты обращаются на библіотеку училища.

7) Означенный въ 1-мъ пунктѣ капиталъ, въ 600 руб., составляя неприкосновенную собственность Померанскаго двухкласснаго училища, хранится въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ въ Новгородскомъ городскомъ общественномъ банкѣ, а по истеченіи сего срока обращается, по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и хранится въ Новгородскомъ губернскомъ казначействѣ.

V. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

21-го января 1878 года. (№ 1.) Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, деканъ физико-математическаго факультета, статскій совѣтникъ Цингеръ—проректоромъ сего университета на три года, съ увольненіемъ отъ должности декана.

Сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гогоцкій—въ званіи сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора сего университета, съ 20-го мая 1877 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго универси-

Библиотека "Руниверс"

тета, коллежскій совѣтникъ Юркевичъ—деканомъ физико-математическаго факультета сего университета, съ 1-го декабря 1877 года по 20-е іюля 1879 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брикнеръ—деканомъ историко-филологическаго факультета сего университета на три года, съ 1-го января 1878 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ гражданскаго права Малининъ — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ гражданскаго судоустройства и судопроизводства, съ 17-го ноября 1877 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, докторъ ботаники Варенецкій—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каѳедрѣ ботаники, съ 18-го ноября 1877 года.

Ординарный профессоръ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи, докторъ ботаники, статскій совѣтникъ Тимирязевъ—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета по каѳедрѣ ботаники, съ 21-го октября 1877 года, съ оставленіемъ на службѣ при Петровской академіи.

Доценты Московскаго университета: докторъ римской словесности Корнинъ и докторъ гражданскаго права Муромцевъ—экстраординарными профессорами сего университета по каѳедрамъ: первый — римской словесности, съ 3-го декабря 1877 года, и послѣдній—римскаго права, съ 10-го декабря 1877 года.

Исправляющій должность инспектора Варшавской VI мужской гимназіи, преподаватель оной Семеновичъ—инспекторомъ Императорскаго Варшавскаго университета, съ 31-го декабря 1877 года.

Доцентъ Казанскаго ветеринарнаго института, надворный совѣтникъ Блюмбергъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего института, съ 4-го января 1878 года.

Исправляющій должность директора Смоленской гимназіи Гобза—въ сей должности.

Инспекторъ Ростовской на Дону прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Свѣшниковъ—директоромъ Симферопольской гимназіи, съ 1-го января 1878 года.

Директоръ Елатомской прогимназіи, коллежскій асессоръ Канскій—директоромъ Новочеркасской гимназіи, съ 1-го января 1878 года.

Библиотека "Руниверс"

Директоръ училищъ области Войска Донскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ Робушъ—директоромъ народныхъ училищъ области Войска Донскаго, съ 1-го января 1878 года.

Инспекторъ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій совѣтникъ Оциферъ—директоромъ Гродненской дирекціи народныхъ училищъ.

Инспекторъ народныхъ училищъ Черниговской губерніи, коллежскій совѣтникъ Ждановичъ — директоромъ Дерптской второй учительской семинаріи, съ 1-го января 1878 года.

Учитель Пензенской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Мальцовъ—директоромъ Волчанской учительской семинаріи.

Въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, надворный совѣтникъ Граве — вновь почетнымъ попечителемъ Елатомской прогимназіи, на три года.

Потомственный почетный гражданинъ Мельниковъ—почетнымъ попечителемъ Вольской мужской прогимназіи, на три года.

Касимовскій городской голова, потомственный почетный гражданинъ Аляпчиковъ—почетнымъ попечителемъ Касимовской мужской прогимназіи, на три года.

Коллежскій ассесоръ Доброхотовъ и коллежскій регистраторъ Александровъ—членами попечительства Тамбовскаго реальнаго училище, на три года.

Коллежскій ассесоръ Лаваревскій, купцы: 1-й гильдіи, Векуновъ, 2-й гильдіи, Ѳедоровъ и Шульгинъ, потомственный почетный гражданинъ Кожевниковъ и Астраханскіе армяне Бурджаловъ и Поповъ—членами попечительства Астраханскаго реальнаго училища, на три года.

Надворные совѣтники: Окновъ, Потемкинъ и Синицынъ, купцы: 1-й гильдіи, Коняевъ, 2-й гильдіи, Свѣтогоровъ и потомственный почетный гражданинъ Свѣтогоровъ — членами попечительства Тверскаго реальнаго училища, на три года.

Назначаются: директоръ народныхъ училищъ Калужской губерніи, статскій совѣтникъ Львовъ—исправляющимъ должность директора Скопинскаго реальнаго училища. съ 1-го января 1878 года.

Инспекторъ народныхъ училищъ Калужской губерніи, коллежскій секретарь Унковскій—исправляющимъ должность директора народныхъ училищъ той же губерніи, съ 1-го января 1878 года,

Перемѣщается: директоръ Симферопольской гимназіи, надвор-

Библиотека "Руниверс"

ный Совѣтникъ Пятницкій—директоромъ въ Рижскую гимназію, съ 1-го января 1878 года.

Переводится на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія: канцелярскій служитель канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Сутковскій, съ назначеніемъ помощникомъ дѣлопроизводителя сего департамента, съ 5-го декабря 1877 года.

Опредѣляется на службу: сынъ штабсъ-капитана Николай Трапезниковъ, съ назначеніемъ помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, съ 16-го августа 1877 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: профессоръ православнаго богословія Императорскаго Харьковскаго университета, протоіерей Добротовскій, съ 31-го октября 1877 года.

Профессоръ православнаго богословія Императорскаго Дерптскаго университета, протоіерей Алексѣевъ, съ 5-го ноября 1877 года.

Окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вейнбергъ, съ 7-го декабря 1877 года.

Директоръ Московской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лебедевъ, съ 11-го декабря 1877 года.

Директоръ Виленскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Вѣлинъ, съ 31-го декабря 1877 года.

Директоръ Харьковской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тихоновичъ, съ 7-го января 1878.

Ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гревингъ, съ 21-го января 1878 года.

Командируются съ ученою цѣлію: хранитель зоологическаго музея Императорской академіи наукъ Руссовъ—на одинъ годъ, въ Туркестанскій край.

Хранитель кабинета этнографіи, древностей и искусствъ Императорскаго Казанскаго университета, кандидатъ Соколовскій—на полтора года, въ С.-Петербургъ и Москву.

Увольняются въ отпускъ: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, генералъ-маіоръ Новиковъ—на три недѣли, въ Москву.

Директоръ народныхъ училищъ Херсонской губерніи Исаннъ—на одинъ мѣсяцъ и девять дней, въ С.-Петербургъ.

За границу: доцентъ Императорскаго Варшавскаго Университета Шимановскій—на восемь дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго универ-

Библиотека "Руниверс"

ситета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бердяевичъ—на двадцать семь дней, по болѣзни.

Учитель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, статскій совѣтникъ Филеръ—на два мѣсяца, по болѣзни.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоръ Гродненской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Демьяновичъ, съ 27-го декабря 1877 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Инспекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Серно-Соловьевичъ, съ 31-го декабря 1877 года.

Проректоръ Императорскаго Московскаго университета, ординарный профессоръ сего университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Минъ, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: тайному совѣтнику Галагану—за пожертвованія на пользу народнаго образованія.

Землевладѣлицѣ Рижскаго уѣзда, Рязанской губерніи, женѣ полковника Кисловской—за пожертвованія въ пользу Пустотинскаго одноклассnаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія.

Почетному блюстителю С.-Петербургскаго Благовѣщенскаго двухклассnаго мужскаго училища Максимову—за пожертвованіе въ пользу дирекціи народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи.

Исключаются изъ списковъ умершіе: начальникъ Холмской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Марковъ и директоръ Омской гимназіи, надворный совѣтникъ Тихомировъ.

4-го февраля 1878 года. (№ 2). Утверждаются: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета сего министерства, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Флоринскій—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней, съ 17-го октября 1877 года, съ отчисленіемъ отъ министерства народнаго просвѣщенія и увольненіемъ отъ должности члена ученаго комитета.

Экстраординарные профессоры Императорскаго Варшавскаго университета по каѳедрамъ: хирургической госпитальной клиники, Ко-

Библиотека "Руниверс"

нинскій, теоретической хирургіи, Ефремовскій и спеціальной патологіи и терапіи, Траутфеттеръ—ординарными профессорами сего университета, съ перемѣщеніемъ на каѳедры: Косинскій—хирургической факультетской клиники, Ефремовскій—хирургической госпитальной клиники и теоретической хирургіи и Траутфеттеръ—кожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, изъ нихъ первый съ 1-го ноября 1877 года, а послѣдніе двое съ 14-го января 1878 года.

Доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ математики, надворный совѣтникъ Ермаковъ — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по каѳедрѣ чистой математики, съ 16-го декабря 1877 года.

Исправляющій должность инспектора Бѣльской мужской гимназіи, преподаватель оной, коллежскій совѣтникъ Левитскій—директоромъ сей гимназіи.

Исправляющій должность директора Минской дирекціи народныхъ училищъ, коллежскій асессоръ Котельниковъ — въ сей должности.

Назначается: директоръ Бѣльской мужской гимназіи, надворный совѣтникъ Стронинъ — начальникомъ Сѣдлецкой учебной дирекціи.

Перемѣщаются: начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, статскій совѣтникъ Рублевскій — начальникомъ Холмской учебной дирекціи.

Оставляются на службѣ: директоръ Кременчугскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Самусь—на два года, съ 6-го января 1878 года.

Директоръ С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рихтеръ—на пять лѣтъ, съ 10-го января 1878 года.

Увольняются въ отпускъ за границу: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Мещерскій и дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Васильевъ—на два мѣсяца.

Штатный смотритель Мещовскаго уѣзднаго училища; коллежскій ассесоръ Соколовъ и врачъ Валковскаго уѣзднаго училища Гинцбургъ—на три мѣсяца; изъ нихъ Соколовъ по болѣзни.

Дозволяется носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный: бывшему директору училищъ Иркутской губерніи, статскому совѣтнику Яковлеву.

Библиотека "Руниверс"

Увольняется отъ службы, за выслугою срока: директоръ Гольдингенской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Бауеръ, съ 22-го января 1878 года.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: директору Витебской дирекціи народныхъ училищъ, титулярному совѣтнику Масловскому—за полезную служебную дѣятельность.

Учителямъ гимназій: Орловской, коллежскому совѣтнику Рейслеру и Лютеру, Московской пятой, Ярешу, Смоленской, Толине, надзирателю Орловской гимназіи, титулярному совѣтнику Конде, учителю Духовщинскаго городскаго училища, завѣдывающему оными, Валтерову и преподавательницѣ Смоленской Маріинской женской гимназіи Аѳанасьевой—за усердную и полезную ихъ службу.

Почетному смотрителю Новоладожскаго городскаго училища, губернскому секретарю Табенцкому — за пожертвованіе въ пользу дирекціи народныхъ училищъ С.-Петербургской губерніи.

Доктору медицины Риттеру—за пожертвованный имъ Аренсбургской гимназіи участокъ земли.

Попечителю Бѣгощанскаго сельскаго училища, Путивльскаго уѣзда, Курской губерніи, дворянину Савицкому—за пожертвованія въ пользу сего училища.

Исключаются изъ списковъ умершіе: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мильгаузенъ и почетный попечитель Ростовскаго Петровскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Яновичъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра постановлено:— брошюру: „Объ отношеніи видовъ русскаго глагола къ греческимъ временамъ. Съ правилами для перевода видовъ русскаго глагола на греческій языкъ. Э. Чернаго.С.-Пб.1877 г." — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: „L'Homond. De viris illustribus urbis Romæ a Romulo ad Augustum. Для русскихъ учебныхъ заведеній обработалъ Шрамекъ

Библиотека "Руниверс"

Директоръ 5-й С.-Пбургской гимназіи, С.-Пбургъ, 1877", признать заслуживающею внесенія въ списокъ одобренныхъ министерства народнаго просвѣщенія учебныхъ пособій для II и III классовъ гимназій и прогимназій по латинскому языку.

— Книгу: „Упрощенный учебникъ русской грамматики въ связи съ практическими упражненіями. Синтаксисъ. Сост. А. Семеновъ, примѣнительно къ учебному плану. Выпускъ IV. С.-Петербургъ, 1878 года. Цѣна 35 коп. — одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи грамматики.

— Составленныя протоіереемъ церкви Маріинскаго Дворца Дмитріемъ Соколовымъ книги, подъ заглавіями:

1) Священная Исторія Ветхаго Завѣта, составленная въ объемѣ гимназическаго курса. Съ 17 рисунк., двумя картами мѣстностей, упоминаемыхъ въ св. Писаніи. Изданіе 9. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 30 коп.

2) Священная Исторія Новаго Завѣта, составленная въ объемѣ гимназическаго курса. Съ 21 рисунками, двумя картами мѣстностей, упоминаемыхъ въ св. Писаніи. Изданіе 9. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 30 коп.

3) Начальное наставленіе въ Православной христіанской вѣрѣ. Курсъ начальнаго народнаго училища и перваго класса городскихъ училищъ. Съ рисунками, картою и программою для испытанія отбывающихъ воинскую повинность съ льготою IV разряда. Изданіе 15-е исправленное. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 20 коп.

4) Молитвы, заповѣди и символъ вѣры съ объясненіемъ. Изд. 7-е, С.-Пб. 1877 г. Цѣна 15 коп.

5) Ученіе о богослуженіи православной церкви, съ 80 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 45 коп. — включить въ каталоги учебныхъ руководствъ, одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

6) Краткое ученіе о богослуженіи православной церкви, составленное протоіереемъ церкви Маріинскаго Дворца Д. Соколовымъ въ объемѣ городскихъ училищъ. Изд. 2-е исправленное съ рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1877 г. Цѣна 25 коп.—одобрить для употребленія въ городскихъ училищахъ въ качествѣ учебнаго руководства по предмету ученія о богослуженіи.

7) Исторія греческихъ героевъ, разсказанная Нибуромъ своему сыну. Съ 5-го нѣмецкаго изданія перевелъ М. Т. Марсовскій. Москва, 1876 г. Цѣна 40 коп. — одобрить для ученическихъ библіотекъ млад-

Библиотека "Руниверс"

шаго возраста гимназій и прогимназій, мужскихъ и женскихъ, и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ Е. Бѣлярскаго, преподавателя 5-й Московской гимназіи. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. Москва. 1878 г. Цѣна 65 коп." — одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи теоріи словесности въ гимназіяхъ.

— Книгу: Сборникъ географическихъ вопросовъ и задачъ для возбужденія самодѣятельности учащихся. Составленъ преподавателемъ 1-й военной гимназіи А. Овсянниковымъ. С.-Пб. 1878 г. Цѣна 60 к. — допустить въ видѣ пособія для гимназій, мужскихъ и женскихъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Русская и церковно-славянская этимологія для среднихъ учебныхъ заведеній съ приложеніемъ: 1) ореографическаго указателя; 2) отрывковъ изъ евангелія по списку Остромирову и по новому тексту; 3) примѣчаній и вопросовъ, руководящихъ при этимологическомъ разборѣ этихъ отрывковъ. Составилъ Левъ Поливановъ. Изд. 5-ое вновь переработанное и дополненное сближеніями съ этимологіей древнихъ языковъ. Москва. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 коп." — одобрить какъ учебникъ при изученіи этихъ языковъ въ гимназіяхъ.

— Книгу: „Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичъ и Б. А. Павловичъ. Ч. I. С.-Петербургъ, 1877 г. Цѣна 1 р. 60 коп." — признать полезнымъ учебнымъ пособіемъ при изученіи русской исторіи въ гимназіяхъ.

— Книгу: „Recits, descriptions et dialogues gradués suivis de divers extraits des auteurs classiques en vers et en prose pour la traduction du français en russe, avec un vocabulaire methodique, par Jean Fleury, lecteur en langue fançaise à l'université de St.-Petersbourg. Nouvelle edition St.-Petersbourg. 1878 года" — одобрить какъ пособіе при изученіи французскаго языка въ младшихъ и среднихъ классахъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Листокъ: „Таблица объ употребленіи греческаго глагола по грамматикѣ г. Курціуса. Состав. О. Н. Фрейбергъ. Дерптъ, 1877 г.", — допустить какъ учебное пособіе по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книги подъ заглавіями:

Библиотека "Руниверс"

1) „Братья-подобки и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка". А. Кочубинскаго. Одесса. 1873 г.—признать вполнѣ заслуживающею одобренія для всѣхъ основныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

2) „Собираніе растеній и составленіе гербарія. Практическія указанія для учениковъ реальныхъ училищъ и народныхъ школъ". А. Д. Корицкаго. Москва. 1878 г. Цѣна 10 к.—одобрить какъ учебное пособіе для реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, институтовъ и городскихъ училищъ.

3) „Начальныя основанія физики". Руководство для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій, съ вопросами и задачами. Составилъ А. Малининъ, директоръ Московскаго учительскаго института съ 273 политипажами. Москва. 1876 г. Цѣна 1 р.—одобрить въ видѣ руководства для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій.

4) „Историческій очеркъ русской литературы отъ Петра I до смерти Гоголя" (для учащихся). Составилъ Бураковскій, преподаватель Новгородскаго реальнаго училища. С.-Пб. 1878 г. Цѣна 1 р.—одобрить какъ учебное пособіе для справокъ, равно и для повторенія пройденнаго въ классѣ.

5) „Метафразы" для обратнаго перевода съ русскаго языка на греческій четырехъ книгъ Анабазиса Ксенофонта. Для IV и V классовъ гимназій. Сост. Э. Черный преподаватель древнихъ языковъ при Московской 3-й гимназіи. Москва. 1878 г. Цѣна 40 коп.—одобрить въ видѣ учебнаго пособія по греческому языку для IV и V классовъ гимназій и прогимназій.

6) „Начальная геометрія и коническія сѣченія. Сост. Ф. Симашко. Изд. 5-е дополненное. С.-Пб. 1876 г. Цѣна 2 р.—одобрить въ видѣ пособія для гимназій и реальныхъ училищъ, а равно для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „Руководство геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ" для уѣздныхъ и городскихъ училищъ. Сост. А. Малининъ, директоръ Московскаго учительскаго института. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Съ политипажами въ текстѣ. Москва. 1877 г. Цѣна 65 коп.,—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Картины изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта 2-е исправленное и дополненное изданіе по оригиналамъ, изданнымъ заведеніемъ метахромотипіи, подъ фирмою Ракочій Сидорскій и К°

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургъ. 1877 г. одобрить для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ и сельскихъ училищъ, преимущественно предъ заграничными изданіями.

— Книги подъ заглавіями:

1) „Cours gradué de langue française" à l'usage des classes moyennes et superieures de gymnases et des écoles, en quatre parties, par Aimé Guill Kercoff 2-e edition. Moscou. 1877 г. Цѣна 1 р. 25 коп.—вѣсовыхъ за 2 фунта,—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

2) „Императоръ Александръ I и его царствованіе". Соч. И. Ал. Галактіонова. С.-Пбургъ. 1877 г. Цѣна 1 р. 50 коп.,—одобрить для ученическихъ библіотекъ старшихъ классовъ гимназій, мужскихъ и женскихъ и реальныхъ училищъ.

3) „Руководство по всеобщей исторіи". Сост. Д. Иловайскій. Часть 1. Древній міръ. Древняя исторія. Курсъ втораго возраста. Изд. 9-е пересмотрѣнное. Москва. 1878 г. Цѣна 75 коп.—одобрить какъ руководство.

4) „Учебная нѣмецкая грамматика для русскаго юношества". Сост. учитель Златопольской прогимназіи К. Крафтъ. Кіевъ. 1877 г. Цѣна 1 р.—допустить какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка въ гимназіяхъ.

5) Книга для чтенія и упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ для употребленія дома и въ училищахъ. Часть 1. Приготовительный курсъ. Выборъ статей для упражненія въ письмѣ, чтеніи и переводахъ съ нѣмецко-русскимъ словаремъ. Составилъ Л. Миллеръ. Изданіе 8-е исправленное. С.-Петербургъ. 1878 г.

6) „Практическій Синтаксисъ" нѣмецкаго языка. Состав. Л. Миллеръ. С.-Петербургъ 1876 г.—рекомендовать въ видѣ учебнаго пособія для преподаванія нѣмецкаго языка мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ.

6) „Славянскій ежегодникъ". Календарь 1878 г. (високосный) годъ изданія первый. Составилъ Н. И. Задерацкій. Кіевъ. Цѣна 60 коп.

7) „Славянскій ежегодникъ", Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, 1877 г. Годъ изданія второй. Съ приложеніемъ нотъ славянскаго марша. Составилъ Николай Задерацкій. Кіевъ. Цѣна 60 коп.

8) „Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности". Сочиненіе доктора Я. Э. Воцеля. Переводъ съ Чешскаго Николая Задерецкаго, Кіевъ 1875 г. Цѣна 2 р.

Библиотека "Руниверс"

9) „Пазелъ-Іосифъ Шафарикъ". Очерки изъ исторіи чешской литературы XIX вѣка, по „Словянину научному" Николая Задерацкаго. Кіевъ 1875 г. Цѣна 25 коп.—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ, гимназій и реальныхъ училищъ.

—По опредѣленію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденному г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, книга подъ заглавіемъ: „Исторія Еврейскаго народа: 1) Отъ сотворенія міра до возстановленія храма. 2) Отъ возстановленія храма до возстановленія Варухъ—Кахбы". Составилъ А. Маргольенъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Варшава. 1877 г. Цѣна 50 коп.,—признана могущею быть допущенною для употребленія въ еврейскихъ начальныхъ училищахъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено—книгу: „Собраніе ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для письменнаго вычисленія". Сост. А. Вороновымъ. Часть II (дроби и тройныя правила). С.-Пбургъ. 1877 г. Цѣна 30 коп.—одобрить какъ полезное учебное пособіе для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, а также и въ городскихъ училищахъ.

— Изданіе: „Пѣсни для школы, дѣтскія и народныя, на одинъ, на два и на три голоса. Классное пособіе при обученіи пѣнію". Сост. Григорій Маренычъ, преподаватель при С.-Петербургской консерваторіи Императорскаго русскаго музыкальнаго общества. С.-Пбургъ. 1878 г. Цѣна 80 коп.—одобрить, согласно съ опредѣленіемъ совѣта профессоровъ С.-Петербургской консерваторіи объ этомъ изданіи, какъ классное пособіе при обученіи пѣнію для всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ преподается пѣніе.

— Книгу: „Сборникъ числовыхъ примѣровъ и ариѳметическихъ задачъ для приготовительнаго и систематическаго курса". Сост. В. Евтушевскій. Ч. 1. Цѣлыя числа. Десятое, вновь передѣланное и значительно дополненное изданіе. С.-Пбургъ. 1877 г. Стр. 86—46. Цѣна 40 к.—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Библиотека "Руниверс"

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ составленную С. Миропольскимъ книгу: Обученіе грамотѣ. Методическое руководство для учительскихъ семинарій учителей начальныхъ школъ и руководителей педагогическими курсами. Изд. 2-ое, вновь пересмотрѣнное, исправленное и дополненное С.-Пб. 1877. Цѣна 1 р. мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, признанъ возможнымъ одобрить и это изданіе для библіотекъ учительскихъ семинарій, учительскихъ институтовъ и начальныхъ училищъ.

— Особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ составленную В. Евтушевскимъ книгу: „Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное С.П.б. 1878 г. Ц. 75 коп. мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, призналъ возможнымъ допустить названную книгу въ библіотеки начальныхъ школъ, а также учительскихъ семинарій и институтовъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, въ 15 день февраля 1878 года, Высочайше соизволилъ на поставовку въ залѣ совѣта Псковской учительской семинаріи портрета г. министра народнаго просвѣщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Дмитрія Андреевича Толстого.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 15 день февраля сего года, Высочайше соизволилъ на поставовку въ Ставропольскомъ начальномъ народномъ училищѣ, Владимірскаго уѣзда, портрета попечителя сего училища купца 2-й гильдіи Родіона Ванюшова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшимъ докладамъ г. министра, въ 12 день декабря прошлаго 1878 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на поставовку въ актовыхъ залахъ реальныхъ училищъ: Пермскаго Алексѣевскаго—портрета Его Высочества великаго князя Алексія Александровича, Камышинскаго—портретовъ г. министра народнаго просвѣщенія, попечителя Казанскаго учебн. округа и Саратовскаго губернатора, и въ актовыхъ залахъ гимназій: Мензелинскихъ мужской и женской—портрета г. министра

Библиотека "Руниверс"

народнаго просвѣщенія, въ 3-ей Харьковской—портрета статскаго совѣтника Быковскаго, и въ актовомъ залѣ Пермскаго реальнаго училища—портрета Пермскаго городского головы, потомственнаго почетнаго гражданина Любимова.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшимъ докладамъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ 13 день прошлаго января, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: реальныхъ училищъ: Псковскаго Сергіевскаго—портрета г. министра народнаго просвѣщенія, Ливенскаго — портретовъ г. министра народнаго просвѣщенія и тайнаго совѣтника Иванова, Новочеркасскаго—портретовъ министра народнаго просвѣщенія, наказнаго атамана войска Донскаго генералъ-лейтенанта Краснощукскаго и попечителя Харьковскаго учебнаго округа, прогимназій: Касимовской—портрета г. министра народнаго просвѣщенія, Царицынской—портретовъ г. министра народнаго просвѣщенія и попечителя Казанскаго учебнаго округа, и въ актовомъ залѣ Новгородской гимназіи и въ залахъ совѣта городскихъ училищъ Псковской губерніи—портрета Г. министра народнаго просвѣщенія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: Вологодской гимназіи—портрета г. министра народнаго просвѣщенія, и Томскаго реальнаго училища—портретовъ г. министра народнаго просвѣщенія и генералъ-губернатора Западной Сибири.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: Олонецкой и Архангельской гимназій—портрета г. министра народнаго просвѣщенія, и въ актовомъ залѣ Пермскаго реальнаго училища—портрета г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ Кронштадтскихъ мужской и женской гимназій портрета графа Дмитрія Андреевича Толстого.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшимъ докладамъ г. министра народнаго просвѣщенія, въ 15 день прошлаго февраля, Всемилостивѣйше соизволилъ на постановку въ актовыхъ залахъ: прогимназій: Пултусской и Пинчовской—портретовъ г. министра народнаго просвѣщенія и попечителя Варшавскаго учебнаго округа и

Библиотека "Руниверс"

Гродненской гимназіи — портрета попечителя Виленскаго учебнаго округа.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ АДРЕСЪ ЧЛЕНОВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Всемилостивѣйшій Государь! Священная борьба, предпринятая Вашимъ Императорскимъ Величествомъ для освобожденія единовѣрныхъ братьевъ Русскаго народа отъ исконнаго ига, увѣнчалась желаннымъ миромъ. При благословеніи Божіемъ неимовѣрные подвиги, совершенные по манію Монарха доблестнымъ воинствомъ Его подъ предводительствомъ Братьевъ и Сыновъ Царевыхъ, привели къ событіямъ, которыя неизгладимыми чертами будутъ вписаны въ скрижали отечественной исторіи.

Государь! Академія Наукъ, раздѣляя восторженную радость, съ какою весь Русскій народъ, въ достопамятный и уже столь славный день воцаренія Вашего, встрѣтилъ вожделѣнную вѣсть о мирѣ, — осмѣливается повергнуть къ Стопамъ Вашего Императорскаго Величества благоговѣйныя поздравленія свои съ блестящимъ торжествомъ, которымъ Провидѣнію угодно было осуществить мудрыя предначертанія Ваши. Да пошлетъ Оно Вамъ на многіе и многіе годы отраду пожинать на лонѣ мира плоды великихъ дѣяній достославнаго царствованія! — Да усладится преисполненное благости сердце Ваше счастіемъ благословляющихъ Васъ, съ пламенною любовію и безграничнымъ довѣріемъ приверженныхъ къ своему Милосердому Монарху народовъ, готовыхъ по первому призыву не щадить никакихъ новыхъ жертвъ для упроченія добытыхъ столь дорогою цѣною успѣховъ и благъ! Подлинный подписали: Президентъ и Члены Академіи.

— Вслѣдствіе представленія г. управлявшаго Виленскимъ учеб. округомъ г. управлявшій министерствомъ разрѣшилъ оставить и на $187^{7}/_{8}$ учебный годъ существованія въ прошломъ году параллельныя отдѣленія при трехъ низшихъ классахъ Виленской гимназіи на прежнихъ условіяхъ, т. е. съ платою по шестидесяти р. въ годъ съ каждаго ученика.

— Вслѣдствіе представленія г. попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа г. министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ опредѣленный педагогическимъ совѣтомъ 2-ой С.-Петерб. прогимназіи размѣръ платы за ученіе въ этой прогимназіи съ 1-го августа 1878 г., въ приготовительномъ классѣ по тридцать три р., и въ прочихъ

Библиотека "Руниверс"

классахъ по пятидесяти р., а также разрѣшилъ открыть при III классѣ названной прогимназіи, съ начала будущаго 1878/9 учебнаго года, параллельное отдѣленіе, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода на спеціальныя средства прогимназіи.

— Вслѣдствіе представленій гг. попечителей Московскаго и Харьковскаго учеб. округовъ и предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ главнаго управленія Восточной Сибири, г. Управлявшій Министерствомъ утвердилъ опредѣленный педагогическими совѣтами Жиздринской прогимназіи и Пензенской и Иркутской гимназій размѣръ платы за ученіе: въ Жиздринской прогимназіи—въ приготовительномъ классѣ по десяти р., а въ прочихъ классахъ по пятнадцати р., въ гимназіяхъ: Пензенской — въ приготовительномъ классѣ по двадцати р., а въ прочихъ классахъ по тридцати р., и въ Иркутской: въ приготовительномъ классѣ по тридцати р., а въ прочихъ классахъ по сорока р., въ годъ съ каждаго ученика.

Открытіе училищъ.

1) Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1877 г. открыто инородческое для нехристіанъ начальное училище въ дер. Большомъ Кочакѣ, Бирскаго уѣзда, Уфимской губ., въ которое поступило 15 учениковъ.

2) Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1877 г. отрыты: а) русско-башкирское одноклассное начальное училище въ дер. Иткуловой 1-ой, Орскаго уѣзда, Оренбургской губ. при 15 ученикахъ и б) Русскій классъ при мухамеданскомъ училищѣ въ дер. Курчевой, Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губ. при 18 ученикахъ.

3) Инородческія начальныя школы въ Уфимской губерніи: въ дер. Новосельской, Кирюшкинской, Тертебашевской и Кульминовской Стерлитамакскаго уѣзда, преобразованы въ одноклассныя начальныя народныя училища министерства народнаго просвѣщенія (первыя три въ сентябрѣ, а послѣдняя въ ноябрѣ 1877 года). Во вновь преобразованныя школы поступило учениковъ: въ Новосельскую — 16, Кирюшкинскую 22, Тертебашевскую — 10 и Кузьминовскую 42 и

4) 11-го января текущаго года преобразовано одноклассное начальное училище въ с. Казевѣ, Бирскаго уѣзда, Уфимской губ., въ двухклассное училище вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія на средства земства. Въ день преобразованія сего училища было 25 учениковъ.

— 1-го минувшаго февраля послѣдовало открытіе одноклассnаго

Библиотека "Руниверс"

начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ с. Великой-Новоселицѣ, Новоградволынскаго уѣзда, Волынской губерніи.

— 10-го января текущаго года послѣдовало открытіе одноклассснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ сел. Вепринцѣ, Малоархангельскаго уѣзда, Орловской губерніи. Въ день открытія принято въ училище 40 учениковъ.

— 1-го минувшаго января открыто одноклассное начальное народное училище министерства народнаго просвѣщенія въ сел. Грузьской, Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Департамента Народнаго Просвѣщенія.

На заглавномъ листѣ и оберткѣ книжки: „Популярныя чтенія по общественной гигіенѣ. Состав. В. Т. Скрыльниковымъ, ординаторомъ Екатеринославской губернской земской больницы. Изданіе 2-е. Екатеринославъ. 1874 года“ — напечатано, что она рекомендована ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для библіотекъ при народныхъ училищахъ. Между тѣмъ ученымъ комитетомъ не только не было дано такой рекомендаціи второму изданію книги доктора Скрыльникова, но изданіе это признано симъ комитетомъ не заслуживающимъ одобренія, о чемъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СКАЗАНІЯ О КРАСАВИЦѢ ВЪ ТЕРЕМѢ И РУССКАЯ БЫЛИНА О ПОДСОЛНЕЧНОМЪ ЦАРСТВѢ.

Къ наиболѣе характернымъ показателямъ средневѣковыхъ нравственныхъ понятій, безспорно, принадлежатъ разказы о „женской злобѣ“, широко распространенные на западѣ какъ и у насъ. Извѣстно, что подъ „злыми женами“ разумѣлся не особый какой-либо классъ женщинъ, отличающихся нравственными недостатками, подходящими подъ категорію „злобы“. На языкѣ старинныхъ грамотѣевъ, и не однихъ только русскихъ, понятіе злобы или зла было обширнѣе, чѣмъ у насъ, потому что царству добра отводилось на землѣ мѣсто укромнѣе нашего, и въ этомъ царствѣ роль женщины была и того укромнѣе. Злая женщина—собственно слабая женщина, вѣтряная, открытая всякому вліянію; она можетъ быть и не зла сама по себѣ, но у нея нѣтъ надлежащей нравственной крѣпости, почему она всегда можетъ стать орудіемъ зла. Оттого-то всѣ женщины — злыя; онѣ всѣ пошли по стопамъ своей праматери Евы, и у всякой есть прирожденная склонность вкусить отъ запретнаго плода. Иногда онѣ борятся съ этою склонностью и побѣждаютъ ее—тогда онѣ могутъ быть названы добродѣтельными. Но когда понятіе зла исчерпывалось не столько присущими человѣку дѣятельными силами зла, сколько возможностью подчиниться ему, тогда опредѣленіе и самая возможность добра должна была сокращаться до микроскопическихъ размѣровъ. Послѣдовательные моралисты могли прямо заявить, что добродѣтельныхъ женщинъ вообще нѣтъ, потому что нѣтъ женщинъ сильныхъ духомъ.

Таково было въ общихъ чертахъ воззрѣніе средневѣковыхъ грамотѣевъ на „женскій вопросъ“. Оно поддерживалось въ обществѣ монашескою моралью, аскетическою исключительностью нѣкоторыхъ вѣроученій, проникавшихъ въ него разными проселочными путями, на-

Библиотека "Руниверс"

конецъ—правомъ сильнаго, то-есть, мужчины, который долженъ былъ находить выгоду въ ученіи, отдававшемъ въ его безотвѣтную власть цѣлую половину человѣческаго рода. Въ литературѣ это ученіе отразилось массой наставительныхъ трактатовъ и сборниковъ, афористически разработывавшихъ вопросъ о женской слабости; афоризмы были забыты, какъ скоро общество опередило ихъ нравственные принципы, но остались разказы, переиначенные и развитые согласно съ новымъ міровоззрѣніемъ. Въ этой живучести повѣствовательныхъ мотивовъ есть особая привлекательность для изслѣдователя; но она составляетъ и главное затрудненіе для него, особенно въ вопросѣ объ источникахъ, объ оригиналѣ и подражаніи. Какимъ бы самороднымъ, отлитымъ изъ одного металла, ни представлялся ему разказъ, ему необходимо прежде взглянуть назадъ и впередъ, не видать ли тамъ слѣдовъ какихъ-нибудь раннихъ или позднихъ пересказовъ того же мотива, которые дали бы поводъ взглянуть на лежащую передъ нимъ редакцію какъ на одну изъ многихъ въ ряду эволюцій. На повѣстяхъ о „женской злобѣ", напримѣръ, ему легко будетъ усмотрѣть два параллельныя явленія: устойчивость сказочныхъ типовъ и очертаній и постоянное измѣненіе нравственной оцѣнки лицъ и поступковъ. Средневѣковой ригористъ вѣрилъ, что женщина по природѣ падка на грѣхъ, что какъ ни берегли ее за семью замками, она и тамъ сумѣетъ согрѣшить, и онъ съ скрежетомъ зубовнымъ и сокрушеніемъ сердца разказывалъ по этому поводу быль или сказку о томъ, какъ такой грѣхъ дѣйствительно приключился. Новеллисту могъ понравиться его разказъ, и онъ пересказывалъ его снова, но не затѣмъ, чтобы пожалѣть о женской слабости, а чтобы поднять на смѣхъ глупаго мужа или недогадливаго любовника: вольно имъ было вѣрить, зачѣмъ было не смотрѣть въ оба. Затѣмъ въ романахъ тотъ же мотивъ проявляется снова и опять же съ новою нравственною оцѣнкой: женщина не только не принижена, но самая ея слабость вмѣнена ей въ силу, потому что безъ ея грѣхопаденія романистамъ и дѣлать было бы нечего.

Вообразите себѣ, что представленіе о женщинѣ, какъ о существѣ слабомъ, подверженномъ искусительной силѣ грѣха, осталось такое же, какое выработалось въ разказахъ о женской злобѣ, но что образъ и самая оцѣнка зла измѣнились: что оно болѣе не пугаетъ, что все демоническое въ немъ стерлось, на сколько оно могло наводить страхъ, и остались однѣ его привлекательныя, чарующія черты; что на мѣсто древняго демона, любившаго являться подъ личиной змѣя, сталъ

Библиотека "Руниверс"

вѣчно юный богъ, торжествующій „сиръ Амуръ“. Напрасно запоздалые моралисты стараются замаскировать эту перемѣну, совершившуюся въ сознаніи, отодвигая новое чувство въ то же царство зла, изъ котораго они любили пугать людей великими страхами. Для нихъ богиня Венера, заманившая Тангейзера въ свое подземелье, была по прежнему демономъ, ея чары—бѣсовскимъ наважденіемъ; а кругомъ нихъ общество начинало вѣрить въ особое царство Амура, побѣдоносно владѣющаго людьми. Амуръ—властелинъ, которому нѣтъ равныхъ на землѣ; ему подчинены старые и малые; его царство—царство веселья и наслажденій; его автономія не допускаетъ никакихъ счетовъ съ старыми опредѣленіями нравственности, съ различіемъ добра и зла. Что съ точки зрѣнія школьной морали должно было представляться паденіемъ, передъ лицомъ Амура было подвигомъ, и наоборотъ, добродѣтельный человѣкъ могъ являться измѣнникомъ передъ нимъ, невѣрнымъ слугою, боязливо зарывавшимъ въ землю ниспосланный ему талантъ любви.

Эта новая категорія нравственности, вызывавшая новую оцѣнку человѣческихъ дѣйствій, не отмѣнила прежнія, которыя слишкомъ глубоко засѣли въ средневѣковомъ сознаніи, поддерживаясь обычаемъ и авторитетомъ священныхъ текстовъ. Тутъ произошло то, что обыкновенно происходитъ въ исторіи, гдѣ новые принципы никогда не проходятъ въ жизнь въ чистомъ видѣ, безъ лигатуры, безъ смѣшенія съ прошлымъ. Царство Амура поспѣшило ужиться съ небомъ и преисподнею, вступивъ въ сдѣлку со школьною моралью. Съ точки зрѣнія новаго чувства, женщина, служащая сиру Амуру, была, собственно говоря, ни порочною, ни добродѣтельною; ея достоинства исключительно опредѣлялись ея вѣрностью избранному богу; на столько она могла быть сильна или слаба. И не смотря на то, она чаще всего изображается слабою, какъ въ поученіяхъ и прикладахъ угрюмыхъ моралистовъ. Она по прежнему слабый сосудъ, на который напряженно устремлены всѣ силы соблазна; она борется съ нимъ и чаще всего падаетъ; но ея противникъ не—темный геній похоти и злобы, а свѣтлый царь любви. Тѣмъ болѣе чести въ ея побѣдѣ; но и пораженіе есть тоже торжество. Не легко устоять ей, какъ ни помогаютъ ей Дѣвственность и Стыдливость и всѣ другія аллегорическія силы противъ побѣдоносныхъ полчищъ бога, передъ которыми не устояли и древніе мудрецы. Вспомните, что разказывала новелла о Виргиліи, объ Аристотелѣ и Гиппократѣ. Легенды о „женской злобѣ“ выступаютъ въ литературѣ въ новомъ окруженіи и съ инымъ пониманіемъ

Библиотека "Руниверс"

отношеній, потому что всѣ симпатіи теперь на сторонѣ слабаго и соблазняемаго. Такими являются онѣ у романистовъ.

Женщина по старому заключена, потому что надо же охранить ее отъ грѣха. Но вотъ тайкомъ, ощупью пробирается къ феодальному замку влюбленный витязь, или сама красавица сговаривается съ плѣнникомъ, порученнымъ ея надзору—и разказываются разнообразныя легенды объ „увозахъ". Или красавица по прежнему сидитъ въ теремѣ, за семью запорами, а любовникъ успѣваетъ ее увидѣть и условясь съ нею, или неожиданно, всякими, неправдами и хитростями проникаетъ въ заповѣдную горницу. Аршамбо женился на прекрасной Фламенкѣ и съ первыхъ же дней брака ощутилъ къ ней страшную ревность. Прямо съ брачнаго торжества онъ переселяетъ ее въ башню, гдѣ она, вмѣстѣ съ двумя подругами, принуждена вести затворническую жизнь, никуда не показываясь, не выходя даже въ церковь безъ сопровожденія мужа. Гильомъ де-Неверъ слышитъ объ этомъ, потому что по всей Оверни стали ходить насмѣшливыя пѣсни о ревности Аршамбо; и ему хочется попытать счастья. Поселившись противъ замка, въ которомъ жила Фламенка, онъ успѣваетъ, въ одеждѣ каноника и во время службы, объясниться съ нею въ церкви. Кстати Господь устроилъ такъ, что у Фламенки дѣтей не было, а мужъ отвратилъ ее отъ себя своимъ поведеніемъ, котораго она не заслужила, и ея сердце было свободно. Подземный ходъ, нарочно для того устроенный, даетъ Гильому возможность видѣться съ своею возлюбленной, и всѣ предосторожности мужа не послужили ни къ чему. А всему виной несносная ревность, дѣлавшая Аршамбо изъ человѣка звѣремъ; онъ самъ не свой, въ нѣмой тревогѣ, мечется, нервно зѣваетъ, кусаетъ губы и рветъ на себѣ бороду; онъ ревнуетъ даже къ волосамъ Фламенки, блестящимъ какъ золото, и хочетъ ихъ обрѣзать; онъ готовъ убить ее. „Я потерялъ голову", говоритъ онъ самъ себѣ;—„еще не было мужа, которому выпала бы на долю такая жена, какъ моя. Ты говоришь, что не умѣешь держать ее въ рукахъ", продолжаетъ онъ разсуждать самъ съ собою; „но какъ держать ее? Испытай побои. Бить ее? Но что я отъ того выиграю? Развѣ она станетъ отъ того мягче и обходительнѣе? Нѣтъ, она только сдѣлается злѣе; ударами не вколотишь вздорныхъ мыслей, въ любящемъ сердцѣ они только прибавятъ пылу, и тогда никакія стѣны, никакая крѣпость не воспрепятствуютъ ему рано или поздно достичь цѣли, въ которой оно стремится". И онъ набрасывается на жену съ потокомъ упрековъ, которыхъ та совсѣмъ не понимаетъ. „Что съ тобою?" спрашиваетъ она

Библиотека "Руниверс"

его въ недоумѣніи. „А! такъ ты такъ-то мнѣ отплачешь? Я, несчастный, умираю, а ты насмѣешься надо мной? Вотъ что сдѣлали ухаживатели! Но имъ здѣсь двери на запоръ. Дарокъ трудится тотъ, кто, желая сохранить свою даму, не начнетъ съ того, что запретъ ее въ такое мѣсто, гдѣ она была бы доступна лишь одному ея хозяину и сторожу. Это единственно вѣрное средство". Понятно, что всякое посѣщеніе ему въ тягость и возбуждаетъ его недовѣрительность. Пріѣдетъ ли къ нему гость, онъ принимаетъ озабоченный видъ, начинаетъ насвистывать и напѣвать, крутя концы своего плаща, и при этомъ щурится, изъ-подъ носатрпвая на жену, или же велитъ слугѣ подать себѣ воды на руки, чтобы дать понять приглашенному, что онъ готовится обѣдать. „Не отобѣдаете ли и вы съ нами", говоритъ онъ недогадливому;—„теперь время вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе, принявъ приглашеніе и будете имѣть случай понравиться мнѣ лишнимъ". Такъ онъ говоритъ, а самъ какъ-то скалитъ зубы, улыбаясь безъ улыбки. Иногда онъ покинетъ видъ, что идетъ гулять, а самъ притаится въ кухнѣ и оттуда наблюдаетъ за всѣми движеніями жены [1]).

И не смотря на это, онъ потерялъ ее, потому что хотѣлъ уберечь, что уберечь не возможно. Самъ же онъ говоритъ, что любовь не знаетъ ни стѣнъ, ни преградъ, и нѣмецкій миннезингеръ вторитъ ему, заставляя красавицу такъ спорить съ Амуромъ: Красавица: Я въ охранѣ добродѣтели.—Любовь: А у меня ключи Амура (MS. I, 186: Diu schône sprach: Ich bin mit wirdekheit behuot; Die Liebe sprach: Ich han der Minne slôzgewalt); они все откроютъ, почему всякая охрана становится ненужною. Безполезность терема, нѣм. huote, и вообще всей системы заключенія, какую испытывала средневѣковая женщина, становится общимъ мѣстомъ старосвропейской лирики; въ немъ сказывалось не признаніе за женщиной человѣческихъ достоинствъ и равноправности съ мужчиной—до чего общество еще не дожило,—а вѣра въ неисповѣдимые пути Амура. „Кто излишне заботится уберечь свою жену, напрасно тратитъ свой трудъ", говоритъ Конрадъ Вирцбургскій, сравнивая въ другомъ мѣстѣ мужей, слишкомъ заботливыхъ въ этомъ отношеніи, съ тѣмъ, кто несетъ розгу, которою самого себя будетъ бить. „Кто сторожитъ женщинъ и приручаетъ зайцевъ, тотъ сумасшествуетъ", учитъ въ XIII вѣкѣ авторъ Renner'a [2]);

---

[1]) Le roman de Flamenca, publié etc. par *Paul Meyer*. Paris. 1865.

[2]) См. *Massmann*, Eraclius, стр. 598—601. Die Huot.

Библиотека "Руниверс"

въ XII вѣкѣ на той же идеѣ построенъ романъ Готье изъ Арраса: Eracles, или лучше сказать, идея вытекаетъ изъ, первой и большей (5060 ст.) половины этого—не то романа, не то сказки. Вторая (отъ 5060 до 6464 ст.) обнаруживаетъ полевкій слой: автору (или болѣе древнему преданію, послужившему ему источникомъ) почему-то захотѣлось отожествить своего героя, нѣмаго мальчика Ираклія, съ императоромъ того же имени, заставить его воевать съ Хозроемъ и побѣдоносно вступить въ Іерусалимъ съ чудотворнымъ крестомъ, вырваннымъ изъ рукъ невѣрныхъ. Если это отожествленіе принадлежитъ Готье, то оно на столько же свидѣтельствуетъ о его исторической начитанности, на сколько введеніе нѣкоторыхъ историческихъ чертъ въ первую часть романа. Къ послѣднимъ принадлежитъ имя императрицы Атенаиды. Массманнъ, издавшій тексты Готье и и нѣмецкаго его подражателя Отте и снабдивший тотъ и другой обширными историко-литературными примѣчаніями, выбралъ изъ византійскихъ лѣтописцевъ разсказы, ходившіе объ этой императрицѣ; но сличеніе ихъ съ соотвѣтствующею личностью романа обнаруживаетъ лишь одно существенное сходство: что та и другая были изъ простаго званія и обличены въ невѣрности; затѣмъ все въ романѣ—сказка, тогда какъ у византійскихъ повѣствователей идетъ одна изъ самыхъ обычныхъ въ Византіи дворцовыхъ интригъ. Они разсказываютъ слѣдующее: Императоръ Ѳеодосій II проситъ сестру свою Пульхерію сосватать ему невѣсту, все равно—родовитую, или нѣтъ, лишь бы была красавица надъ красавицами. Пульхерія и другіе императора Павлины берутся помочь ему и пускаются на поиски. Въ это время прибыла въ Византію Атенаида, дочь философа Гераклита, съ жалобой на своихъ братьевъ Валеріана и Гезія или Генезія. Дѣло въ томъ, что отецъ ея, умирая, оставилъ все свое состояніе сыновьямъ, а дочери всего 100 золотыхъ. Но она не знаетъ, за что она такъ обдѣлена, когда ни въ чемъ не была повинна передъ отцомъ, и требуетъ у братьевъ равной части въ наслѣдствѣ. Тѣ отказываютъ ей, и она идетъ на нихъ жаловаться къ Пульхеріи, которая поражена ея красотой и сватаетъ ее брату. Ѳеодосій женится на ней въ 421 г., предварительно окрестивъ ее, потому что она еще была язычницей. При крещеніи ей дано было имя Евдокія. Другъ своего Павлина, содѣйствовавшаго его счастью, императоръ возвеличилъ почестями. Два года спустя, когда въ день Богоявленія Ѳеодосій отправился въ церковь, какой-то бѣднякъ поднесъ ему фригійское яблоко такой величины, что всѣмъ было на диво; императоръ велитъ выдать ему

Библиотека "Руниверс"

150 золотыхъ, а яблоко отсылаетъ Евдокія; та даетъ его, въ свою очередь Павлину, лежавшему дома съ больною ногой; Павлинъ же, не знавшій, черезъ какія руки прошло яблоко, вновь отсылаетъ его императору и тѣмъ возбуждаетъ его подозрѣніе. Ѳеодосій увѣренъ, что между Павлиномъ и Евдокіей существуютъ шашни, и начинаетъ допрашивать жену: что она сдѣлала съ яблокомъ? „Я его съѣла", отвѣчаетъ она и на вторичный вопросъ подтверждаетъ это клятвенно. Императоръ, убѣжденный въ ея виновности, разстается съ нею, а Павлина велитъ умертвить. Евдокія уѣзжаетъ въ Іерусалимъ и Антіохію и послѣ, умирая въ Іерусалимѣ, торжественно исповѣдаетъ свою и Павлинову невинность [1]).

Можно предположить, что Готье впервые ввелъ, ради исторической окраски, имя невѣрной Атенаиды въ повѣствовательный мотивъ, не имѣвшій къ ней никакого отношенія, или наоборотъ, легенду объ Атенаидѣ обставилъ сказочными подробностями. Массманнъ допускаетъ еще возможность, что вся сказка съ именемъ Атенаиды сложилась по слѣдамъ совершившагося факта уже на почвѣ Византіи, такъ что Готье только записалъ ее и прикрасилъ, а не составилъ. Въ его романѣ дѣйствительно являются греческія имена или имена греческаго типа: кромѣ Ираклія и Атенаиды — Меріадесъ, Паридесъ, Морфея. На сколько послѣднее обстоятельство вообще позволяетъ заключать о византійскомъ источникѣ того или другаго памятника средневѣковой повѣствовательной литературы — сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ. За греческое происхожденіе сказочной части въ Eracles говоритъ обстоятельство болѣе вѣсское: существованіе подобныхъ же мотивовъ въ одномъ средневѣковомъ греческомъ разсказѣ [2]).

---

[1]) См. *Massmann*, l. c., стр. 144—162 и 455—462. Я привелъ въ извлеченіи эту повѣсть, чтобы возможно было сличить ее съ содержаніемъ романа Готье и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ указать въ ней на одну старую сказочную черту: на мотивъ яблока, плода, драгоцѣннаго камня и т. п., передающагося изъ рукъ въ руки. Онъ встрѣчается въ Викрамачаритрѣ (Сл. Соломонъ и Китовврасъ, стр. 27) и цѣломъ рядѣ произведеній, о которыхъ см. у *Oesterley*, Baital-Pachisi, стр. 176 и слѣд. Oesterley, стр. 178, считаетъ этотъ мотивъ слишкомъ простымъ и естественнымъ, чтобъ онъ могъ дать поводъ говорить о заимствованіи. Такого рода комедія недоразумѣній должна была не разъ встрѣчаться въ жизни.

[2]) См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды въ *Ж. М. Н. Пр.* 1877 г. Май, Freiheit,—Элевсерій, стр. 81, прим. и Le Dit de l'empereur Constant въ *Romania*, № 22, р. 180, прим. 3.

Библиотека "Руниверс"

Перейдемъ къ содержанію романа Готье. Въ Римѣ жилъ былъ сенаторъ Меріадосъ и жена его Казина. Они были люди богобоязненные и щедрые на милостыню. Жили другъ съ другомъ семь лѣтъ, а дѣтей у нихъ не было. Тогда они стали молить Бога, и Господь услышалъ ихъ просьбу: во снѣ Казинѣ явился ангелъ, велѣлъ ей постлать на полу богатый коверъ и сверху шелковую ткань; въ эту ночь она зачнетъ сына, который будетъ радостью всего Рима; пусть на слѣдующій день отслужитъ обѣдню, коверъ и ткань подастъ въ церковь, а бѣднымъ надѣлитъ милостыню. Всѣ это исполнилось, и въ урочное время родился мальчикъ, котораго родители назвали Dieudonné (Богданъ), а въ крещеніи Ираклiемъ. На третій день по крещеніи на кроватку ребенка падаетъ письмо, на которомъ сверху было написано, чтобъ Ираклія отдали въ школу, когда будетъ тому пора и время, а до той поры письма не вскрывали бы. По пятому году мальчика отдали въ ученье, и его успѣхи такъ быстры, что другому не сдѣлать въ четыре года того, что онъ успѣлъ въ годъ. Мать, увидя его столь разумнымъ, ведетъ его въ церковь и тамъ передъ алтаремъ вручаетъ ему чудесное письмо. Ираклій читаетъ его и приходитъ въ великую радость: Господь обѣщалъ ему три таланта, которые онъ тотчасъ и ощущаетъ въ себѣ, едва окончивъ чтеніе: онъ становится знатокомъ драгоцѣнныхъ камней, какая въ каждомъ изъ нихъ находится сила; ему стоило увидѣть женщину, чтобы знать всю ея жизнь и нравственныя достоинства; наконецъ, изъ тысячи коней онъ умѣлъ бы безошибочно выбрать лучшаго. Ираклію было десять лѣтъ, когда умеръ его отецъ; мать предлагаетъ ему продать все ихъ имущество, земли и замки, и деньги отдать бѣднымъ, на монастыри и пріюты, во спасеніе души умершаго. „Ты проживешь своимъ знаніемъ (Tu ses tant de devinement, v. 311), а мнѣ много не нужно“,—говоритъ она сыну, и тотъ соглашается. Вскорѣ они стали такими же бѣдными, какъ любой нищій въ Римѣ; ихъ всѣ забыли; они ведутъ святую жизнь, мать кормитъ себя и Ираклія тѣмъ, что заработаетъ прялкой, но нѣтъ у нихъ денегъ на добрыя дѣла и на милостыню. И вотъ Казина предлагаетъ Ираклію — продать его самого. Въ то время былъ такой обычай, поясняетъ авторъ, — что родители могли свободно продавать своихъ дѣтей. „Тебѣ самому жить будетъ лучше (v. 400: car tu avras trop gregnor aise), когда люди оцѣнятъ твои знанія; я выручу за тебя большія деньги и раздамъ ихъ бѣднымъ во спасеніе души твоего родителя, а сама пойду спасаться въ монастырь“. Такъ говоритъ мать Ираклія, и тотъ не только не противорѣ-

Библиотека "Руниверс"

читъ, но еще наказываетъ ей—не уступать его менѣе, какъ за тысячу золотыхъ. Привязавъ къ его шеѣ свой поясъ, она выводитъ его на главный базаръ Рима, съ ярлыкомъ впереди, точно продажную лошадь. Покупатели подходятъ, но всѣ глумятся надъ высокою цѣной, назначенною за мальчика: „Если тысяча золотыхъ зашиты въ его платьѣ", тогда онъ точно ихъ стоитъ, говорятъ они. Но Ираклій успокоиваетъ мать: еще не явился тотъ, кому суждено его купить. Въ это время пріѣзжаетъ на рынокъ сенешалъ императора, и узнавъ цѣну, приходитъ въ такое же недоумѣніе, какъ и всѣ другіе. „Если вы не желаете покупать, то и не торгуйтесь", говоритъ ему Ираклій,— „но слишкомъ дорого вы за меня не заплатите: вы вѣдь не знаете, чего я стою. На вопросъ сенешала онъ объявляетъ ему о своихъ трехъ вѣщихъ знаніяхъ: „Еслибъ все это оказалось ложью, вы можете меня повѣсить, сжечь, либо выколоть мнѣ глаза". Сенешалъ покупаетъ его; но при дворѣ всѣ смѣются надъ его легковѣріемъ и считаютъ Ираклія за ловкаго обманщика, хотя и передъ лицомъ императора онъ подтверждаетъ о себѣ все то, что говорилъ сенешалу. Императоръ Лаисъ (Laïs) рѣшается испытать его: велитъ кликнуть кличъ по Риму, чтобы всякій, у кого найдется какой-нибудь цѣнный камень, принесъ его подъ страхомъ смерти въ указанный день въ означенное мѣсто. Всѣ повиновались, и устраиваются двѣ великолѣпныя выставки драгоцѣнныхъ камней; были между ними такіе, что за нихъ можно бъ отдать все золото, какое есть въ Тулузѣ. Ираклій долженъ выбрать между ними самый лучшій; императорскій служитель идетъ за нимъ: ему дано порученіе заплатить всякую сумму, какую ни потребуетъ мальчикъ. Всѣмъ на диво или въ смѣхъ становится, что онъ обходитъ ряды и ни на что не обращаетъ вниманія; вотъ уже всѣ ряды обошелъ, видитъ — въ самомъ концѣ купецъ торгуетъ перцомъ и другими пряностями, и тутъ же выложилъ камень: онъ нашелъ его случайно и захватилъ съ собою лишь потому, что не хотѣлъ ослушаться императорскаго указа. Ираклій прямо идетъ къ нему и спрашиваетъ о цѣнѣ камня. „Я охотно отдамъ вамъ его ",отвѣчаетъ купецъ; —„дайте мнѣ за него шесть копеекъ (sis deniers, v. 864). Я очень бѣденъ". — „Если уже такъ бѣденъ, какъ говоришь, то я дамъ тебѣ за него двадцать марокъ". „Грѣхъ вамъ глумиться надъ бѣднымъ человѣкомъ. Этого и Богъ не велѣлъ". „А коли такъ, то ты получишь не двадцать, а сорокъ марокъ", —и онъ тотчасъ же велѣлъ императорскому служителю заплатить ихъ. Тотъ повинуется, но неохотно и грозя Ираклію пожаловаться на него за такую напрасную растрату добра.

Библиотека "Руниверс"

Предупрежденный имъ императоръ встрѣчаетъ Ираклія немилостиво: „Ты видно хочешь и меня провести, какъ своего хозяина сенешала, когда за дрянной камень велѣлъ отдать сорокъ маровъ". „Этотъ камень стоитъ всей вашей казны", отвѣчаетъ Ираклій;—„заплати я за него шесть копѣекъ, онъ утратилъ бы всѣ свои качества. А сила его такова, что кто его носитъ, того не беретъ ни вода, ни огонь, ни оружіе". Императоръ обнаруживаетъ желаніе испытать тотчасъ же — все ли это правда: Ираклія бросаютъ въ Тибръ съ жерновомъ на шеѣ, и когда онъ уже долгое время былъ подъ водой, вытаскиваютъ его оттуда — живого и здороваго. Затѣмъ онъ входитъ въ огонь, нарочно для того разведенный, и съ такимъ-же результатомъ; послѣ него повторяетъ тотъ же опытъ императоръ: самъ Ираклій проситъ его о томъ, чтобы разубѣдить невѣрующихъ и завистниковъ, говорившихъ, что тутъ дѣло не въ камнѣ, а въ волшебствѣ самого Ираклія. Наконецъ онъ же испытываетъ на себѣ третью силу чудодѣйственнаго камня: на него нападаетъ съ мечемъ въ рукахъ силачъ, рубитъ на право и на лѣво — а ему ничего отъ того не дѣлается. Императоръ совершенно удовлетворенъ, и у него тотчасъ же является идея — воспользоваться вѣщимъ знаніемъ Ираклія — чтобы выбрать себѣ жену. Дѣло это, какъ извѣстно, трудное: иногда ничего не стоящій человѣкъ выберетъ себѣ прекрасную жену, а хорошій обочтется; тотъ возьметъ терніе, этотъ розу: вотъ чего боится императоръ. Но прежде того онъ еще хочетъ убѣдиться въ другомъ искусствѣ Ираклія—въ его знаніи лошадей. Снова кликнули кличъ, и къ назначенному дню приведены въ одно мѣсто всѣ лошади, какія только были на лицо; въ числѣ ихъ императоръ велѣлъ помѣстить, какъ будто на продажу, и своего собственнаго коня: лучшаго сыскать было трудно; если Ираклій его выберетъ, онъ дѣйствительно покажетъ себя знатокомъ. Но тотъ, къ великому горю сенешала, не обращаетъ на него никакого вниманія, и обойдя всѣхъ другихъ лошадей, подходитъ къ одному жеребенку, у котораго всего-то четыре зуба прорѣзались, онъ еще двухгодовалый; хуже его нѣтъ на всемъ рынкѣ (c'est li pires au voir dire, v. 1357). Между продавцемъ и Ираклiемъ завязывается разговоръ: тотъ проситъ за него двѣ съ половиной марки и даже готовъ уступить половину; ужь очень онъ бѣденъ; обманулъ его тотъ, кто далъ его ему, обѣщая, что жеребенокъ спасетъ его отъ нищеты. „Кто же подарилъ его тебѣ?" спрашиваетъ Ираклій. „Я его не знаю: онъ былъ бѣлѣе снѣга (plus blans bue nois, v. 1458), подарилъ мнѣ жеребенка — Бога ради (pour amour

Библиотека "Руниверс"

Dieu v. 1459) и болѣе не сказалъ ни слова". Ираклій сулитъ бѣдняку двадцать, а потомъ и сорокъ марокъ. Всѣ поражены этою странною покупкой, императоръ разгнѣванъ, но мудрый юноша (petit enfant, v. 1816) объясняетъ ему, что этотъ жеребенокъ одинъ стоитъ тысячи коней, какими его люди любовались на торгу. Пусть испытаютъ его на бѣгу съ тремя лучшими рысаками: онъ перебѣжитъ ихъ наѣрно, только самъ станетъ ни къ чему не годенъ; еслибъ обождать ему годъ, такой лошади не сыскать бы на всемъ свѣтѣ. Императоръ естественно принимаетъ это за хитрую увертку, и требуетъ, чтобы тотчасъ же былъ произведенъ опытъ. Ираклій самъ садится на жеребенка; съ нимъ бѣгутъ три лучшіе скакуна, такъ разставленные, что еще подъ конецъ бѣга ему приходится помѣряться съ сосѣдомъ свѣжею лошадью. Но косматушко (li poulains velus, v. 1643) всѣхъ ихъ уломалъ на смерть. Императору докладываютъ о результатѣ бѣга: теперь онъ увѣренъ, что все, что ему говорили о жеребенкѣ, справедливо. „Было справедливо, а теперь прошло", говоритъ Ираклій, — „сегодня это былъ лучшій изъ коней, теперь онъ ничего не стоитъ, все одно, что дерево. Велите подрѣзать ему на ногахъ: у него весь мозгъ вышелъ изъ костей и найдется между мясомъ и кожей [1]). До одного года на немъ не слѣдовало ѣздить". Посмотрѣли и убѣдились, что Ираклій говоритъ правду.

Императоръ, возъимѣвшій къ нему безграничную вѣру, проситъ его теперь помочь ему отыскать себѣ достойную супругу. Ираклій готовъ сослужить эту службу и велитъ оповѣстить всѣхъ родовитыхъ людей (as gentieus hommes semlemat v. 1950), чтобы всякій изъ нихъ, у кого есть красивая дочь, племянница или родственница, привезъ ихъ въ Римъ на смотрины, потому что императоръ намѣренъ выбрать изъ нихъ себѣ жену. Всѣ съѣхались и стали станомъ въ долинѣ подъ городомъ: наставили богатыхъ шатровъ, дѣвушки пріукрасились и припарядились; каждая изъ нихъ напередъ завидуетъ другой и въ тайнѣ питаетъ надежду, что на нее падетъ завидная доля — быть императрицей, но всѣ прослышали о знахарѣ Ираклія, и всѣ безпокоятся о себѣ, чтобъ онъ не открылъ всѣмъ какой-нибудь ихъ невавидной тайны. Ираклій проситъ ихъ сѣсть и начинаетъ обходить ихъ по

[1]) V: 1883: Qui la molle i ait ja très toute. у *Massmann*: q'il lmolle ist и т. д., что не даетъ никакого смысла. Надо замѣтить вообще, что текстъ франц. Eracles, напечатанный, Массманомъ требуетъ совершенной передѣлки, хотя бы даже съ помощью собранныхъ у него варіантовъ.

Библиотека "Руниверс"

порядку. Съ краю сидѣла дѣвушка, такая красивая, что другой такой не найдти во всемъ царствѣ; но отъ Ираклія не скрылся ея порокъ: жадность (avarisse). Это тяжкій недостатокъ, который и богатую женщину заставляетъ постоянно плакаться на бѣдность и желать большаго, а бѣдную побуждаетъ торговать всѣмъ — лишь бы нашлись охотники [1]). Ираклій обошелъ шестьдесятъ дѣвушекъ; вотъ сидитъ одна, такая скромная, кажется, и вода не замутитъ (se pert, ke face aighe trouble, v. 2258). Ираклій засмѣялся. А та думаетъ: „Вотъ подойдетъ и скажетъ: Милая, ты будешь императрицей. Жалко мнѣ императора, что довѣрился онъ вѣщуну, ничего-то онъ о мнѣ не знаетъ, что есть у меня другъ, котораго я люблю и любить не перестану. Вольно ему будетъ, когда я стану женой другаго; но пусть не безпокоится, мы будемъ часто видѣть другъ друга, я буду представляться больною, а онъ станетъ приходить ко мнѣ подъ видомъ врача. А отъ вѣщуна я сумѣю избавиться еще сегодня вечеромъ“. Вотъ отъ чего засмѣялся Ираклій; онъ велитъ позвать дѣвушку въ шатеръ и въ присутствіи четырехъ бароновъ говоритъ ей: „Мы здѣсь одни, и вамъ скрываться нечего. Не правда ли, вы тотчасъ думали, что я выберу именно васъ. Увѣряю васъ, что это невозможно. Признайтесь мнѣ во всемъ, или я самъ открою ваши мысли“. Та молчитъ, считая его придурковатымъ. „Я только напомню вамъ старую присказку: о врачѣ и о лѣкарствѣ“, продолжаетъ Ираклій, принуждая дѣвушку во всемъ сознаться.

Она снова садится на свое мѣсто къ великой радости подругъ, ужь успѣвшихъ ощутить въ ней сильную зависть. Но отъ этого неуспѣха имъ самимъ не легче: Ираклій всѣхъ ихъ минуетъ: одна слишкомъ горда, другая болтлива, эта — лжива, та сохранила дѣвственность и чистоту, но потому только, что не было случая потерять то и другое. Смотрины кончились ничѣмъ, ни на одну изъ собравшихся красавицъ не палъ выборъ Ираклія: съ тѣмъ пришли, съ тѣмъ и уѣхали. Ему самому и горько, и совѣстно; онъ одинъ возвращается въ Римъ и при самомъ въѣздѣ въ городъ встрѣчаетъ дѣвушку: онъ нашелъ, что ему нужно. Онъ потналъ за ней свою лошадь, но та замѣтила это и пугливо скрывается въ домъ своей тетки, у которой жила, такъ какъ ея мать и отецъ сенаторъ ужь умерли. Ираклій идетъ за нею слѣдомъ и объясняется съ теткой, которая

[1]) Et s'elle a teus fais encargié, Si fait de cant k'elle a marcié, Puis k'elle soit souvent requise. Vv. 2215—17. Это напоминаетъ изрѣченіе Секунда.

Библиотека "Руниверс"

сначала подозрѣваетъ въ немъ дурныя намѣренія, но потомъ успокоивается, когда Ираклій сказалъ о себѣ, что онъ и есть тотъ самый вѣщунъ (devin 2677; voire—dïeus 2568), которому императоръ поручилъ выборъ жены. Удаляясь, онъ приказываетъ старухѣ беречь Атенаиду, какъ зѣницу ока. „Одно дерево въ лѣсу — всему лѣсу царь, одна роза краше всѣхъ на розовомъ кустѣ, одинъ клерикъ надо всѣми клериками (vv. 2702—5): если Атенаида останется такою же, какая есть, не будетъ женщины ей равной". Узнавъ о выборѣ, императоръ велитъ готовить приданое; свадьбѣ быть черезъ три дня. „Теперь начинается сказка" (wimes coumencera li contes, v. 2726): въ томъ, что́ слѣдуетъ авторъ, очевидно полагалъ самую суть своего разказа: но и въ томъ, что предшествовало, есть сказочныя черты, не менѣе интересныя для изслѣдователя. Ираклій — чудный мальчикъ: самое рожденіе его окружено какою-то тайною символикой, его вѣщая мудрость дана ему свыше. Онъ велитъ продать себя и самъ назначаетъ за себя высокую цѣну. Мать выводитъ его на площадь на привязи. Разказчику самому казалась странною эта продажа, и онъ поспѣшилъ объяснить её себѣ старымъ обычаемъ. Но это не обычай, а сказка — о выученикѣ чорта, волшебника, о которомъ между прочимъ разказывается, что, принявъ образъ лошади, онъ велитъ вывести себя на продажу взнузданнаго, только узды не продавать и изъ рукъ не выпускать. Познанія Ираклія въ драгоцѣнныхъ камняхъ напоминаютъ восточныя легенды; выборъ коня, непригляднаго, косматаго, оказывающагося потомъ самымъ крѣпкимъ и быстрымъ, встрѣчается при сходныхъ обстоятельствахъ въ цѣломъ рядѣ народныхъ сказокъ. Нашъ бурушко-косматушко-троелѣтушко — это двухгодовалый жеребенокъ Ираклія, который, какъ нарочно называется, velus. Укажу, наконецъ, еще на одно обстоятельство въ разказѣ о выборѣ жены: на загадочный смѣхъ Ираклія, прозрѣвшаго тайныя мысли дѣвушки. Это напоминаетъ Мерлина-Китоврасса [1]) и подобные тому разказы, гдѣ встрѣчается то же положеніе.

Но послѣдуемъ далѣе за авторомъ.

Бракосочетаніе совершено въ храмѣ (moustier, v. 2779) св. Петра; императоръ счастливъ, Римляне не нахвалятся Атенаидой; такая она щедрая, справедливая и набожная. Ираклій въ большой чести, онъ вѣдаетъ всѣ важныя дѣла; его посвящаютъ въ рыцари.

---

[1]) Соломонъ и Китоврасъ, стр. 107—8, 112—13, 310—326. Dit de l'empereur Constant, l. c., p. 179—180.

Библиотека "Руниверс"

Такъ прошло семь лѣтъ (ст. v. 2918). Случилось, что непріятели императора овладѣли однимъ его городомъ. Онъ собирается въ походъ и хочетъ взять съ собою Ираклія. Но какъ ему быть съ женой? Взять ее съ собою—нельзя, потому что путь далекій; а оставить ее онъ боится: извѣстно, что всякій любовникъ ревнуетъ и живетъ въ страхѣ, боясь потерять то, чѣмъ владѣетъ. Онъ рѣшается наконецъ оставить ее и только совѣтуется съ Ираклiемъ, какимъ способомъ лучше устеречь жену. Но тотъ положительно отсовѣтываетъ всякую охрану: „Ее стеречь не зачѣмъ, оставьте эту мысль, если вы не хотите потерять жену. Есть такія женщины, которыхъ лишь строгое обхожденіе удерживаетъ отъ дурныхъ поступковъ; но есть другія, которыхъ излишняя строгость, побои и заключеніе выводятъ на путь порока. Пусть императрица живетъ на свободѣ: она будетъ посѣщать свои замки и помѣстья, будетъ видѣть своихъ подданныхъ и еще болѣе научится любить ту власть, отъ которой ей такой почетъ; заключите ее—она начнетъ скучать, будетъ проклинать свою судьбу, стѣсняя ее ненужнымъ образомъ, заставляя ее страдать за что-то; что до тѣхъ поръ ей и въ голову не приходило, вы сами наставите ее на дурное, и она сумѣетъ найдти средство избавиться отъ неволи. Тогда поздно будетъ раскаяваться". Но ревнивый императоръ не хочетъ слышать наставленій Ираклія и стоитъ на своемъ. Атенаида заперта въ башнѣ, подъ охраной двадцати-четырекъ старыхъ рыцарей, которые поселены тамъ вмѣстѣ съ своими женами: ихъ покои расположены кругомъ императрицына, такъ что съ постели каждаго можно было видѣть постель заключенной. Кромѣ сторожей и прислуги никто не долженъ проникать въ башню.

Пока императоръ воюетъ, дома у него случилось то, о чемъ предупреждалъ его Ираклій: Атенаида не только скучаетъ, она нравственно страдаетъ отъ своего заключенія. Чѣмъ она его заслужила, въ чемъ ея вина? Развѣ въ томъ, что облака ходятъ по небу, и луна свѣтитъ ярче солнца [1]). Дурно дѣлаетъ тотъ, кто воздаетъ злымъ за добро. Или быть можетъ, тутъ не чужая вина, а виновата во всемъ лихая доля (malëurtés, v. 3254): чтобы быть хорошимъ человѣкомъ—и на то надо таланну быть, и неправду говорятъ иные, что доля тутъ не при чемъ:

---

[1]) Vv. 3219 и слѣд. *Mastmann*, пересказывая далѣе содержаніе романа, не понялъ этого мѣста; см. стр. 403.

Библиотека "Руниверс"

Bien puet cascuns iestre asëur,
Qu' à biel siervir convient ëur.
Mais cil ne croient mie bien,
Ki dient k' eürs monte à rien (vv. 3259—62.)

„Часто я видѣла, что негодяй лучше бываетъ вознагражденъ за дурныя дѣла, чѣмъ другой за свою добродѣтель". И она еще долго продолжаетъ размышлять на ту же тему, заключая, что лучше бѣдной быть, да въ чести, чѣмъ императрицей да въ такомъ стыдѣ.

Въ то время въ Римѣ былъ обычай, который потомъ вывелся изъ употребленія; старые люди его еще помнятъ: праздновался большой праздникъ, который длился восемь дней. Весь народъ принималъ въ немъ участіе, даже изгнанники; исключались одни приговоренные къ наказанію злодѣи (v. 3356 fors seul li laron espani); дамы и дѣвушки съѣзжались къ нему, и обыкновенно приходила императрица: таковъ былъ обычай,—а извѣстно, что старый обычай имѣетъ силу закона (et vous saves, c' on claime droit En çou ke la coustume doit, vv, 3391—3392). Потому и Атенаидѣ пришлось явиться на праздникъ, какъ ни непріятно это было рыцарямъ, которыхъ охранѣ она была поручена [1]). Римляне встрѣчаютъ съ большимъ почетомъ императрицу, явившуюся къ нимъ со свитой своихъ сторожей: молодые люди пляшутъ и поютъ, бѣгаютъ въ запуски; веселье общее. Всѣхъ болѣе отличился своею игрой сынъ одного сенатора, красавецъ Паридесъ. Атенаида влюбляется въ него, возбуждая въ немъ взаимную страсть, на описаніе которой авторъ не щадитъ цвѣтовъ средневѣковой амурной реторики. Паридесъ любитъ, но его останавливаетъ мысль, что женщина, овладѣвшая его сердцемъ, стоитъ для него слишкомъ высоко; новая привязанность заставляетъ Атенаиду взглянуть еще печальнѣе на свою дѣйствительность: „Женщина, которую онъ полюбитъ, была бы счастливѣе меня, владычицы имперіи, обреченной жить въ горѣ и досадѣ. Развѣ моя жизнь заслуживаетъ названія жизни?" Въ ней происходитъ долгая борьба долга и любви, въ теченіе которой у нея вырывается даже такая фраза: „Я утрачу мою честь, я не могу иначе; я не первая и не послѣдняя". Праздникъ кончился, Атенаида и Паридесъ удаляются, и каждый изъ нихъ желаетъ, чтобы поскорѣе зашло солнце, оставивъ ихъ однихъ съ своими мыслями. Императрицѣ это труднѣе, она подъ присмотромъ и не можетъ открыто проявить свое горе; Паридесъ совсѣмъ ему отдался:

[1]) *Massmann*, ib., стр. 402, совсѣмъ не понялъ этого мѣста.

Библиотека "Руниверс"

въ три дня онъ такъ поблѣднѣлъ и измѣнился, что мать начинаетъ серьезно опасаться за его жизнь. Рядомъ съ ихъ дворцомъ жила старая знахарка; къ ней часто обращались за помощью. Услышавъ о болѣзни Паридеса, котораго она любила, она приходитъ поглядѣть на него и скоро догадывается, что причина нездоровья не болѣзнь, а нѣчто другое. Въ разговорѣ съ Паридесомъ съ глазу на глазъ, она выпытываетъ у него, что онъ влюбленъ, и влюбленъ именно въ Атенаиду. Какъ это ни трудно, она вызывается помочь ему. У нея въ огородѣ росло вишневое дерево, и каждый годъ передъ Ивановымъ днемъ она носила вишни въ подарокъ императрицѣ. На этотъ разъ она по обыкновенію отправилась со своею корзинкой; въ башнѣ она нерѣдко бывала, почему сторожъ пропустилъ ее тотчасъ. Въ разговорѣ съ Атенаидой она начинаетъ жалѣть о ея горькой долѣ: „Васъ не видать ни на играхъ, ни на праздникахъ". „Я предпочла бы то и другое", отвѣчаетъ Атенаида,—„и предпочла бы быть женой простаго человѣка, чѣмъ при такихъ условіяхъ владѣть всѣмъ Римомъ". „Но вы молоды, отчего вы не придумаете какого нибудь средства, чтобы развлечься? Влюбитесь". Разговоръ, начатый такимъ образомъ, вскорѣ доходитъ до Паридеса. Обѣ женщины договорились; но Атенаида прерываетъ бесѣду, боясь чтобы кто не подслушалъ ее. Она отпускаетъ старуху, обѣщая на слѣдующій же день прислать ей подарокъ: подарокъ пусть возьметъ себѣ, а что будетъ лишнее, пусть отдастъ ея милому. Это лишнее—записка Атенаиды, спрятанная подъ корку пирога. Въ письмѣ говорилось, чтобы Паридесъ позаботился устроить подземный покой въ домѣ старухи; чтобы яму, находившуюся передъ самымъ входомъ, наполнили водой, и къ извѣстному времени держали бы въ домѣ разведенный огонь. Паридесъ все исполнилъ по указанію, и когда наступилъ срокъ, спрятался въ свой тайникъ; а императрица въ то же время выѣхала изъ замка въ сопровожденіи своей свиты; у самыхъ дверей знахарки она стегнула свою лошадь, отчего та дала скачекъ, и ее сбросило въ лужу. Атенаида вымокла и жалуется на старую боль, которая возобновилась въ ней отъ паденія. Она проситъ отнести ее въ ближайшій домъ, гдѣ видитъ,—разведенъ огонь: ей хочется обогрѣться и переодѣться. Ее несутъ туда; приближенные императрицы, узнавъ знахарку, спокойно оставляютъ ихъ вдвоемъ, а сами ждутъ на улицѣ. Между тѣмъ старуха отворила потаенный покой, и влюбленные могутъ увидѣться и наговориться — хотя страхъ объ Ираклія не оставляетъ Атенаиду и въ эту минуту: „Я увѣрена, что онъ теперь уже разка-

Библиотека "Руниверс"

залъ обо всемъ императору. Но мнѣ мало горя, когда я добьюсь того, что мнѣ по сердцу, что мнѣ нравится".

Когда кончилось свиданіе, императрица выходитъ къ своимъ людямъ, все еще жалуясь на боль, и вмѣстѣ съ ними отправляется на праздникъ, гдѣ Паридесъ играетъ еще лучше прежняго, но уже не жалуется на Амура.

Между тѣмъ Ираклій дѣйствительно обо всемъ предупредилъ императора, который, все оставивъ, спѣшитъ домой. Онъ поспѣлъ къ пожару, когда уже почти было и тушить. На привѣтъ императрицы онъ отвѣчаетъ упреками и угрозами: онъ все знаетъ, между ними любовь покончилась; пусть назоветъ своего полюбовника. Только теперь она начинаетъ просить пощады: пусть на нее падетъ наказаніе, она одна виновата, ея милый ни при чемъ. Угрозы заставляютъ ее произнести имя Паридеса, котораго она и теперь любитъ, и сознается въ этомъ мужу. „Ты, стало быть, вышла за меня по неволѣ?" спрашиваетъ ее императоръ. „Если бы все золото, какое Богъ создалъ, было собрано вмѣстѣ и отдано мнѣ, я не вышла бы за васъ, если бы тогда любила Паридеса, какъ люблю теперь; я отдала бы весь свѣтъ, будь онъ въ моей власти, чтобы пробыть съ нимъ одну недѣлю". И Паридесъ отвѣчаетъ, въ виду смерти, что умереть за вѣрную любовь — не постыдное дѣло. Ираклій уговариваетъ императора воздержаться отъ кары: въ сущности вся вина его: не запирай онъ жены, она осталась бы ему столь же вѣрною, какъ была прежде. Пусть разводится съ нею — чего ему еще надо? Но императоръ не только разводится съ женой, а, отдавъ ей отцовское наслѣдіе и ежегоднаго дохода сто марокъ, выдаетъ ее замужъ за Паридеса.

„Далѣе повѣствовать о Лансѣ, о Паридесѣ и Атенаидѣ — не мое дѣло", говоритъ Готье; — „я стану разсказывать вамъ объ Ираклія", то-есть, объ императорѣ Ираклія, котораго онъ отожествилъ съ мудрымъ мальчикомъ первой части своего разсказа. Передавать вторую половину романа я не стану; что касается первой, содержаніе которой я назвалъ, то вмѣстѣ съ романомъ о Фламенкѣ они относятся къ тому кругу сказаній, которыя по своему основному мотиву могли бы быть названы повѣстями о заключенной красавицѣ. П. Мейеръ назвалъ Фламенку нравоописательнымъ романомъ, roman de moeurs; очень вѣрно, но самомъ дѣлѣ, что какое-нибудь событіе изъ общественной жизни стараго Прованса послужило канвой безыменному романисту; но съ болѣе общей теоретической точки зрѣнія и Ираклій, и цѣлый рядъ подобныхъ ему повѣстей могли бы быть названы

Библиотека "Руниверс"

правописательными. Разказы о заключенныхъ женахъ, о дочеряхъ, сидящихъ въ заперти, несомнѣнно могли произойдти или развиться въ средѣ съ извѣстнымъ узкимъ взглядомъ на назначеніе женщины, и вслѣдствіе того съ сильно развитою теремною системой. Такія разказы могли попадать въ подобную среду и извнѣ, но если принимались тамъ и давали поводъ къ развитію, то потому, что встрѣчали тѣ же жизненныя условія и то же пониманіе вещей, потому что самая среда способна была произвести изъ себя такіе же разказы. Разбирая сюжеты, подобные указаннымъ, задаваться вопросомъ—не произошло ли тутъ съ какой-либо стороны заимствованія, перенесенія нѣкоторыхъ повѣствовательныхъ чертъ—дѣло тѣмъ болѣе опасное, чѣмъ легче усмотрѣть въ нихъ отраженіе общихъ культурно-историческихъ положеній. Гипотеза заимствованія представляется возможною лишь въ томъ случаѣ, когда эти черты на столько типичны и спеціальны, что онѣ могли развиться и имѣть живой смыслъ лишь въ очень опредѣленномъ окруженіи, а въ другомъ являются загадочными и темными общими мѣстами. Встрѣчая ихъ съ послѣднимъ характеромъ, мы можемъ заявить въ видѣ догадки, что либо тутъ произошло искаженіе, обычное въ позднихъ пересказахъ, либо загадочность объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что эти подробности привнесены изъ другаго источника и на новой почвѣ утратили свою прозрачность. Обыкновенно заключенія подобнаго рода не простираются на ряды сходныхъ признаковъ, на цѣлые разказы и эпическія нити; за то отдѣльные мотивы часто даютъ къ нимъ поводъ, и обязанность изслѣдователя—уяснить себѣ причины ихъ сходства: объяснить ли его историческимъ путемъ, простирается ли оно только на мотивы, или на ихъ группы, общія эпическія мѣста, которыми сказатели пользовались по своему произволу, не слишкомъ заботясь объ ихъ происхожденіи; или же наконецъ вопросъ сходства и другіе, съ нимъ связанные, не слѣдуетъ ограничивать мотивами, давшими къ нимъ поводъ, и необходимо разсматривать ихъ въ связи съ ихъ окруженіемъ, съ повѣствовательною канвой, въ которую они вставлены. Отвѣты на эти вопросы могутъ явиться разнообразные, какъ разнообразенъ матеріалъ подобнаго рода изслѣдованій. Floire проникаетъ въ башню, гдѣ ревнивый эмиръ заключилъ его возлюбленную, Blanceflor, проникаетъ—спрятавшись въ корзину цвѣтовъ. Идея столь естественная, что она могла возникнуть самостоятельно, почему кажется лишнимъ предположеніе, что самый образъ могъ быть изобрѣтенъ по какому-нибудь иному поводу. Но помѣстите этотъ самый

Библиотека "Руниверс"

образъ [illegible] въ какую-нибудь изъ старыхъ карнавальныхъ хроникъ безъ представленія на столько искусственныхъ, на сколько грубыхъ и непосредственныхъ декорацій, окружающихъ его героевъ, и приспособленіе, что сюда они должны внести, — взятся само собою. Въ обстановкѣ Bloire et Blanchefleur, напримѣръ, у мѣстами [illegible] сквозь [illegible] фасадовъ и фигурой и [illegible] архитектоническихъ, которыя отличаютъ этотъ лучшій изъ западныхъ переводовъ византійскаго романа.

Цѣлая группа мелкихъ эпическихъ мотивовъ, подобныхъ разсказанному, примкнула къ легендѣ о заключенной красавицѣ. Я думаю разсмотрѣть нѣкоторые изъ нихъ.

Въ Mambriano, романѣ Francesco Belli (по прозванію il Cieco di Ferrara, XV вѣка), составленномъ отчасти по болѣе древнимъ источникамъ Carmiñiano, развивается въ XVI-й пѣснѣ слѣдующая новелла: Agrippo заключилъ въ башню жену свою Lipomena, которая любитъ Filomerse, и имъ любима. При помощи матери своей, Liminoры, Filomerse проникаетъ въ башню, скрытый въ ящикѣ (forsiere). Далѣе новелла переходитъ къ сюжету Божьяго суда, какъ онъ обработанъ въ романѣ о Тристанѣ и Изольдѣ [1]: Lipomena готова поклясться въ своей невинности передъ изображеніемъ льва, что стояло у зерцала истины (Il qual sta, come sai, vicino al specchio di veritade, st. LXXVII), и дѣлало всѣхъ клятвопреступниковъ. При этомъ находился и Filomerse, переодѣтый и притворившійся юродивымъ. Lipomena говоритъ, что кромѣ мужа да развѣ вотъ этого юродиваго, она не касалась ни одного мужчины.

Сходна съ этою, по содержанію (и еще по именамъ: Licanora — Licanoro) другая новелла Mambriano (canto II, st. XLII—CXV), которой суждено было имѣть большую популярность. Разсказывается о королѣ Кипра Ликанорѣ (Licanoro), заключившемъ въ башню свою дочь Alcenia; къ ней проникаетъ Cassandro, притаившись въ изображеніи гуся, искусно сдѣланномъ для него племянникомъ его няньки Эврипиды (Euripide). Новелла эта такъ понравилась, что выдѣленная изъ романа часто печаталась особою книжкой, какъ приникнувъ къ поговоркѣ: perchè si dice l'è fatto il becco all'oca (почему говорится, что гусь остался съ носомъ? [2]), и Мунуччи внесъ ее въ

[1]) См. Соломонъ и Китоврасъ, стр. 23—25 и на стр. 25, прим. 1.

[2]) La storia perchè si dice l'è fatto il becco all'oca. In Bologna, alla Colomba. An. Bonucci недавно перепечаталъ эту новеллу въ Delizie d. bibliofili toscani. Firenze. Molini. Замѣчу кстати, что обычай комментировать народныя поговорки

Библиотека "Руниверс"

своей комментарій къ Malmantile racquistato, Lorenzo Lippi [1]). Но онъ старше ферраресаго поэта, потому что уже въ концѣ XIV вѣка дама содержаніе одному разсказу Пекороне (giorn. IX, nov. 2), и было бы интересно узнать, откуда взялъ его самъ Giovanni: изъ литературнаго или изъ народнаго источника, не исключающаго съ своей стороны болѣе древняго литературнаго пересказа? Въ литературѣ, по крайней мѣрѣ, она является раньше Пекороне или одновременно съ нимъ. Такъ въ старо-французскомъ романѣ о Тезеѣ (Roman de Theseus) говорится объ этомъ геройѣ:

Et pour Flore de Romme fille Evmore le grant,
Emprint grant hardement, s'en ot a faire grant,
Et en terre et en mer maint damnaige pesant,
La pucelle conquist par un aigle luysant
Ou il se fit porter, par un ytel couvenant
Qu'en aigle estoit entré que nul ne l'aist veant [2]).

Въ другомъ старо-французскомъ романѣ XIV вѣка, Ciperis de Vignevaux, такъ именуется этотъ Theseus de Cologne, братъ св. Baudour, основательницы Керкёйскаго монастыря:

Elle fu de un roy à qui Cologne appent,
Seur fut de Thesens, se l'hystoire ne ment,
Cil qui entra en l'aigle de fin or qui resplent
Pour l'amour d'une dame qu'il amoit loyalment [3]).

Откуда явствуетъ, что Тезей велѣлъ себя заключить въ изображеніе золотаго орла и такимъ образомъ внесенъ былъ въ покои любимой имъ Флоры. Въ новеллѣ Пекороне Арригетто также прячется въ изображеніе золотаго орла.

Съ другой стороны, существуетъ цѣлый рядъ итальянскихъ сказокъ, въ которыхъ тотъ же самый сюжетъ возвращается съ разнообразными отмѣнами: юноша (иногда воръ) проникаетъ къ красавицѣ, спрятанный то въ статую орла, то въ изображеніе льва или даже угодника: позднѣйшее искаженіе, можетъ быть, объясняется требо-

разсказами, будто бы давшими къ нимъ поводъ, большею частью выдуманными, иногда народными, былъ въ ходу въ Италіи и даже сталъ своего рода литературнымъ пріемомъ. Я укажу только на Proverbii Occitanici.

[1]) Отсюда она была недавно перепечатана, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, въ книжкѣ *Tessier*: Novelette di Paolo Minucci estratte dalle note al Malmantile racquistato di Lorenzo Lippi. Venezia, tipogr. d. commercio 1870. Новелла о Лизаноръ помѣщена подъ № III.

[2]) *P. Meyer*, Documents manuscrits de l'ancienne littérat. de la France, 1-re partie, p. 81.

[3]) Hist. litt. de la France, XXVI, въ разборѣ Ciperis de Vignevaux.

Библиотека "Руниверс"

замѣнили вѣроятности, какъ страшная замѣна орла—гусемъ (въ Mambriano),—стремленіемъ приладить новеллу къ народной поговоркѣ. Въ одной сказкѣ изъ Палермо (Lu cuntu di l'acula) разсказывается о царѣ державномъ свою дочь въ подземелье, о которомъ никто не зналъ; кто найдетъ ее, получитъ ея руку. Пытаются это сдѣлать два сына купца, но неудачно, и оба каменѣютъ; третій, Джузеппе, по совѣту одной старухи велитъ себѣ сдѣлать орла-автомата, и скрывшись въ немъ, велитъ отнести себя во дворецъ, гдѣ царь любуется диковинкой: орелъ ходитъ взадъ и впередъ, а старушка подгоняетъ его золотымъ жгутомъ. Царь такъ прельщенъ имъ, что хочетъ показать его своей дочери и велитъ тайкомъ спустить его въ ея подземелье. Ночью Джузеппе выходитъ изъ своего убѣжища и тотчасъ же подружился съ царевной; на слѣдующій день старушка приходитъ за своимъ орломъ, куда Джузеппе ужъ успѣлъ спрятаться, и выноситъ его изъ дворца. Такимъ образомъ юноша узналъ, гдѣ спрята царевна, и въ награду получаетъ ея руку [1]). Сходна съ этою другая сказка изъ Мессины, изданная г-жей Гонценбахъ: разница въ томъ, что орелъ замѣнилъ золотой левъ [2]), какъ и въ тосканской сказкѣ объ Argentofo [3]), въ которой кромѣ того, и завязка подставлена другая: Argentofo расхвастался, что золотомъ можно достигнуть всего на свѣтѣ; царь узнаетъ объ этомъ и подъ страхомъ смерти принуждаетъ его отыскать, гдѣ спрятана его дочь. Въ третьей сицилійской сказкѣ (Pitrè, ib. № XCV; ср. № XCVI), записанной въ Geraci Siculo (L'acula chi sona), опять является орелъ, устроенный съ такимъ искусствомъ, что онъ издаетъ чудныя мелодіи: этимъ и прельстился царь и отсылаетъ его на показъ своей дочери. Дальнѣйшее развитіе то же. Иногда мѣсто любовника занимаетъ разбойникъ или магъ: царевна, похищенная первымъ, спаслась отъ него бѣгствомъ и онъ проникаетъ во дворецъ и въ ея комнату, спрятанный въ статуѣ серебрянаго орла, чтобы тамъ убить ее [4]); въ другомъ случаѣ волшебникъ входитъ въ серебряную статую св. Николая, для подобной же цѣли [5]).

[1]) Я обязанъ сообщеніемъ этой сказки г. Питрѣ; она не вошла въ его собраніе. Ср. его Fiabe, novelle e racconti pop. siciliani, прим. къ XCV стр. 318.

[2]) Sicilianische Märchen v. *Gonsenbach*, Leipzig. 1870. 2-й томъ, 68 разсказъ (vom goldenen Löwen).

[3]) Novelline di S. Stefano in Calcinaja di *A. D'Ancona*. Torino 1869, № 7 (Argentofo).

[4]) *Gonsenbach*, ib., № 10.

[5]) Ib. № 23. Ср. библіографію сказки у *Imbriani*, Fiabe, въ примѣчаніяхъ къ № XCV и vol. I V, p. 391—392 и 437. См. *Comparetti*, Novelline popol. ital., № XVIII и XX.

Библиотека "Руниверс"

Я остановлюсь на главныхъ чертахъ разбираемаго мотива. Онъ проникаетъ къ своей возлюбленной, скрываясь въ механическую фигуру, которую приносятъ въ ея комнату. Что въ этомъ замыслѣ много искусственности—въ этомъ согласится всякій. Чтомеханическая фигура по большей части изображаетъ птицу, указываетъ, быть можетъ, на болѣе раннюю и болѣе естественную форму сказанія: птицу не приносили, она сама прилетала, далеко не всякій любитъ браконьерствовать волшебной птицей, или она была хитро устроенный автоматъ, на которомъ прилетали волшебники или богатыри. Разбирая пятый разсказъ первой книги Панчатантры [1]), Бенфей собралъ нѣсколько указаній на разныя эпическія дивовища, представителемъ которыхъ служитъ въ нашихъ сказкахъ коверъ-самолетъ. Такимъ переносится черезъ далекія пространства на волшебномъ тронѣ или стулѣ, на механическомъ конѣ, въ летучемъ ящикѣ, либо въ птицѣ автоматѣ, какъ въ Панчатантрѣ, въ Сиддхикарѣ, въ Bahar-Danush (II, 288: деревянная птица). Въ Панчатантрѣ царевичъ устраиваетъ себѣ фигуру божественной птицы Гаруды, которая могла летать и двигаться по желанію сидѣвшаго въ ней; она приноситъ его во дворецъ, гдѣ жила царская дочь. Гаруда считалась птицей бога Вишну, за котораго тотъ и выдаетъ себя и тѣмъ склоняетъ къ любви изумленную царевну [2]). Я представляю себѣ, что такое или почти такое было содержаніе сказки, изъ которой выработались наши разсказы о механическомъ орлѣ, гусѣ и т. п., странные своей причудливостью, потому что за сказкою представляется естественнымъ, что Вишну прилеталъ на Гарудѣ, на столько мотивъ автомата кажется выдумкой. Изъ такой болѣе простой формы могли выработаться, съ одной стороны, повѣсти о механическихъ птицахъ, и съ другой, вслѣдствіе извѣстнаго процесса дифференцированія,—цѣлый рядъ разсказовъ о томъ, какъ птица склоняетъ дѣвушку къ любви, выдавая себя за бога либо сверхъестественное существо. Такъ въ одной новеллѣ Декамерона (IV, 2), въ 69-й новѣсти Морлини, у Колоціа (Stan obwieszenie Polski) и въ малорусской сказкѣ у Драгоманова [3]).

Замѣной волшебной птицы, можетъ быть, еще болѣе ея популяр-

---

[1]) *Benfey*, Pantschatantra, I, p. 159.

[2]) Въ сказкѣ 1001-й Ночи (*Scott*, Tales and anecdotes 1, 37) одинъ работникъ прилетаетъ къ султанской дочери на волшебномъ стулѣ, выдавая себя за ангела Смерти Израила. *Benfey*, ib., 162.

[3]) См. мой отчетъ о его Малорусскихъ преданіяхъ и т. д. въ *Древней и Нов. Россіи* 1877 г., февраль.

ной въ сказкахъ Востока и Запада, былъ волшебный конь, на которомъ путешествуютъ сказочные любовники. Онъ встрѣчается въ сказкѣ Тысячи одной Ночи; его далекое отраженіе представляетъ знаменитый Clavileño Сервантесова романа[1]; Чосеръ ввелъ его въ свою Squier's Tale; безъ него наконецъ не существовало бы поэмы о Клеомадесѣ, пересказанной въ XIII вѣкѣ Аденетомъ (Adenès li rois), вѣроятно, изъ вторыхъ или изъ третьихъ рукъ[2]. На источникахъ Аденета я намѣренъ остановиться подробнѣе. Вотъ содержаніе этого разсказа:

— Маркадигасъ, король Сердальи (Sartaigne), женится на Ynabele, наслѣдницѣ всей Испаніи. У нихъ три дочери: Elyador, Feniadisse и Marine и сынъ Cléomadès, герой поэмы. Романъ открывается войной, которую пять королей (Португаліи, Гаскони, Тулузы, Арагоніи и Галиціи) ведутъ противъ Маркадигаса; онъ остается побѣдителемъ, особенно благодаря храбрости Клеомадеса, возвращагося изъ Франціи гдѣ онъ оканчивалъ воспитаніе.

Съ 1473-го стиха начинается завязка дѣйствія. Въ то время жили въ Африкѣ (1474; el regne des Aufricans) три царя негроманта: Meloeandis (rois de Barbarie, v. 2183), Baldigans (de Grenate fu rois et sire v. 2241; v. 1498; de Maroc?) и Crompars (De Bougie fu rois clamés v. 1506). Прослышавъ о красотѣ дочерей Маркадигаса, они хотятъ за нихъ посвататься; но безобразный Crompars боится получить отказъ и уговариваетъ своихъ товарищей поступить такимъ образомъ: всѣ они отправятся въ Испанію, и каждый подносетъ королю какую нибудь рѣдкость съ тѣмъ, чтобъ онъ обѣщалъ каждаго отдарить, чѣмъ кто захочетъ. Когда онъ подобщаетъ, они попросятъ руки его дочерей; а Маркадигасъ сдержитъ свое слово. На томъ всѣ согласились. Мелоеандисъ сдѣлалъ изъ золота насѣдку съ тремя цыплятами, которые ходили и сладко пѣли; Baldigans—золотаго трубача, который начиналъ трубить всякій разъ, какъ его владѣльцу грозила опасность; Crompars—лошадь изъ чернаго дерева: стоило только пожать ту или другую пружину (chevilles), и она поднималась и летѣла въ ту или другую сторону по желанію сѣздока. Всѣ трое отправляются въ Испанію, въ Севилью (Sebile la Graut), подносятъ свои подарки Маркадигасу, и заручившись его обѣщаніемъ, сватаются за его дочерей: Crompars—за Марину, Мелоеандисъ—за Elyador, Baldigans, за Feniadisse. Маркадигасъ поздно спохватился, и больно ему, что онъ такъ

[1]) *P. Wolf*, Ueber d. altfranz. Heldengedichte etc. 33, прим. 1.

[2]) Li romans de Cleomadès, par Adenès li rois, ed. *André van Hasselt*. 2 vv. Bruxelles. 1865.

Библиотека "Руниверс"

необдуманно далъ свое слово; не смотря на то, онъ намѣренъ его исполнить. Старшія сестры тотчасъ же успокоились, имъ нравятся ихъ женихи; но Марина въ страшномъ горѣ, что достанется она такому уроду, какъ Crompars; Cléomadès заступается за нее передъ отцомъ, но напрасно: „По крайней мѣрѣ испытайте напередъ коня—таковъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ о немъ говорятъ“. Cléomadès самъ готовъ произвести опытъ. Crompars не только не противится, но и радъ случаю отмстить человѣку, готовившемуся помѣшать его браку: когда Cléomadès сѣлъ на лошадь, Crompars повернулъ одну пружину — и конь и всадникъ тотчасъ же исчезли изъ глазъ; но онъ съ умысломъ не открылъ Cléomadès'у тайны другихъ пружинъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы управлять полетомъ лошади и воротиться. Маркадигасу онъ говоритъ съ притворнымъ горемъ, что забылъ о томъ. Тутъ только догадались, почему затрубилъ чудный трубачъ: онъ предвѣщалъ измѣну, но на него тогда не обратили вниманія.

Всѣ въ горѣ по Cléomadès'ѣ: свадьба старшихъ сестеръ отложена, пока не получатся о немъ какія-нибудь вѣсти, а Crompars посаженъ въ темницу. Между тѣмъ Cléomadès, несясь по воздуху, начинаетъ пробовать одну за другою всѣ пружины механическаго коня и вскорѣ научился направлять его направо и налѣво, вверхъ и внизъ. Въ какомъ направленіи находилась Испанія, онъ не зналъ и предпочелъ опуститься. Онъ опустился въ Тосканѣ на башню замка Chastiau noble, гдѣ въ одной комнатѣ находитъ спящаго великана-евнуха (vv. 2927—2928) Rustemans, по прозванію Desrainables; въ слѣдующемъ покоѣ четыре постели: въ одной, на-диво сработанной, спитъ красавица Clarmondine, дочь царя Carmans и Clarmonde'ы; съ нею вмѣстѣ ея подруги Florete, Gaiete и Lyadès; великанъ приставленъ для ихъ охраны. Cléomadès не можетъ удержаться, чтобы не поцѣловать спящую Клармондину; та просыпается въ страхѣ при видѣ незнакомаго мужчины. Какъ осмѣлился онъ проникнуть сюда? Или это, быть можетъ, Bleopatris, сынъ Balcabé, царя d'Arcage, которому отецъ ее просваталъ? Онъ говоритъ ей, что такого, какъ онъ красавца, не найдти—Cléomadès подходитъ къ этому описанію; онъ оставляетъ ее въ этомъ заблужденіи, которое раздѣляютъ и ея подруги. Всѣ вмѣстѣ идутъ на лугъ, гдѣ ведутъ любовную бесѣду; но тутъ подсмотрѣлъ за ними проснувшійся между тѣмъ великанъ и идетъ обо всемъ донести царю Carmans, который самъ является, и не узнавъ въ незнакомцѣ Bleopatris'а, велитъ схватить его какъ обманщика. Clarmondine опечалена, потому что Cléomadès унесъ ея сердце. На вопросъ

Библиотека "Руниверс"

царя, нашимъ образомъ онъ попалъ въ башню, Cléomadès отвѣчаетъ выдумкой: будто онъ подвергся плѣненію феи, которые черезъ нѣкіе три года сватаютъ его спящаго и посадятъ на деревяннаго коня, мчатъ его во всѣ стороны, а въ концѣ третьяго дня оставляютъ на какой-нибудь возвышенности или башнѣ. Такъ случалось и на этотъ разъ; ему хотѣлось узнать, гдѣ онъ находится, оттого онъ и спустился въ башню и съ тѣмъ же намѣреніемъ разбудилъ Клармондину; назвалъ ее своей Dicoronis'омъ не намѣренно, а вызванный въ тому нѣжнымъ вопросомъ дѣвушки. Въ доказательство всего этого разказа онъ указываетъ на деревянную лошадь, которая снесена съ башни на показъ всѣмъ. Многіе, въ числѣ другихъ царица, заинтересованы Cléomadès'омъ; но въ совѣтѣ царя положено наградить его — повышеніемъ. Тогда онъ проситъ себѣ послѣдней милости: чтобъ ему позволено было умереть, какъ рыцарю, сидя на конѣ, хотя бы на этомъ деревянномъ, и тогда пусть сынлются на него удары. Но едва онъ сѣлъ на своего коня, какъ повернулъ пружину и улетѣлъ, къ изумленію всѣхъ присутствовавшихъ. Но сердце его осталось съ Клармондиной.

Описывается затѣмъ его пріѣздъ въ Ченилію, въ Севилью, гдѣ родные встрѣчаютъ его съ радостью. Онъ проситъ отца выпустить изъ темницы Стопрага, который еще разъ дѣлаетъ предложеніе Маріи и также безуспѣшно. Затѣмъ вновь, онъ переселяется въ Севилью, занимаясь лѣченіемъ больныхъ, до самой Солуни (Salerique) пошелъ слухъ объ искусномъ врачѣ. На четвертый день по пріѣздѣ Cléomadès снова собирается въ путь за Клармондиной, вѣрномъ на своемъ волшебномъ конѣ. Переѣхавъ въ Тоскану, онъ въ лѣсу выжидаетъ ночи и спускается возлѣ знакомой башни. На этотъ разъ онъ открылся Клармондинѣ и ея подругамъ, которыя все приготовляютъ къ побѣгу. Разсвѣло, когда любовники поднялись надъ Chastiau noble; Clarmondine еще успѣваетъ съ лошади увидѣть отца и мать, а Cléomadès — назвать себя. Carmine и Clarmonde поражены этою вѣстью, кинулись въ башнѣ великанъ еще спалъ, а подруги Клармондины притаились спящими, какъ будто увозъ совершился безъ ихъ вѣдома.

Уже Севилья была въ виду у путешественниковъ, когда Клармондина, почувствовавшая усталость, попросила позволить ей отдохнуть въ саду, подъ стѣнами города. Пока она отдыхаетъ, Cléomadès идетъ извѣстить родителей о своемъ пріѣздѣ, а Clarmondine поетъ любовныя пѣсенки. Въ саду находился тогда Стопрагъ, приходившій сюда

Библиотека "Руниверс"

но утромъ для собиранія цѣлебныхъ травъ. Онъ слышитъ голосъ, имя Cléomadès'a, видитъ стоящую въ сторонѣ свою лошадь, и понялъ въ чемъ дѣло, тотчасъ же составляетъ планъ мести. Ему не отдали Марины, за то Клармондина будетъ его любовницей. Она испугалась его вида, но онъ клянется ей увѣреніемъ, что самъ Cléomadès прислалъ его за нею; онъ же указалъ ему, какъ надо управлять лошадью. Успокоенная такимъ образомъ, она соглашается сопутствовать ему, и онъ ее увозитъ. Во второй разъ загрубилъ у короля Марокканца волшебный трубачъ, и опять на него не обратили вниманія: такъ всѣ были заняты и такъ обрадованы Клеомадесомъ.

Я не стану разсказывать, какъ ѣдетъ за Адонетомъ, какъ его герой былъ встрѣченъ звонко, въ какой торжественной процессіи они отправились за Clermondine, и какъ не найдя въ саду ни ея, ни лошади, Клеомадесъ предался неутѣшному горю. Въ это время прибыли ко двору посолы Carmans'a узнать объ участи его дочери; но имъ могли только объявить, что она вторично исчезла. Узнавъ о томъ мать ея умираетъ съ печали.

Клармондина скоро узнала, что она въ рукахъ у злаго Cromparis'a, и тогда ея отчаянію не было границъ. Онъ хочетъ сдѣлать ее своею женой, царицей de Bougie; она ничего не хочетъ слышать и даже прибѣгаетъ къ обману, говоря о себѣ, что она дитя простого званія, мастерица изъ Милана, по имени Сарра (Sare, v. 6475); Cléomadès взялъ ее съ собою, чтобы помѣстить ее къ сестрамъ; хорошо она въ жены не годится. Но Cromparis только обѣщаетъ ей лошадь пока ея дѣвственность, предоставляя себѣ жениться на ней въ ближайшемъ городѣ. Этотъ городъ—Салерно; тамъ царитъ тогда Meniadus, властитель всей Terra di Lavoro (terre de Labour, v. 6513), такой любитель новостей, что черезъ его владѣнія не смѣлъ проѣхать ни одинъ человѣкъ, не явившись къ нему и не разсказавъ, что онъ зналъ или слышалъ о войнахъ и турнирахъ и т. д. И своихъ людей онъ награждалъ, если они сообщали ему новости. Cromparis съ Клармондиной останавливаются на лугу, не доѣзжая города; онъ не хочетъ вступить въ Салерно прежде ночи, чтобы не обратить на себя вниманіе; ему нездоровится, и онъ ложится отдохнуть, положивъ голову на колѣни Clermondine, которая продолжаетъ плакать и сѣтовать на свою судьбу. Въ то время сходились вблизи люди Meniadus'a; ихъ сеньоръ забылъ корону неподалеку отъ того мѣста, гдѣ находился Cromparis со своею добычей, и одотвязи ихъ открыли. Они поражены красотой дѣвушки и уродствомъ ея спутника, и подозрѣваютъ тутъ что-

Библиотека "Руниверс"

то недоброе. Одинъ изъ нихъ хочетъ поскорѣе привѣстить обо всемъ Меніадуса, который радъ великой новости и самъ отправляется посмотрѣть на странную пару. Онъ допрашиваетъ Стомпарга: откуда она и кто эта женщина. Стомпаръ отвѣчаетъ, что онъ думалъ и намѣренъ поселиться въ славномъ Салерно (Car moult est Salerne loée Et prisie en mainte contrée, vv. 6703—4), а Клармондина его жена. Но та отрицаетъ это: она никогда не была и не будетъ его женой. Меніадусъ интригуетъ этотъ двоякій отвѣтъ, и онъ велитъ отвести обоихъ пришельцевъ въ свой дворецъ, чтобы тамъ разобрать дѣло. Больной Стомпаръ такъ разсосадовался этою неудачей, что помѣшался; при вторичномъ допросѣ царь не добился отъ него ни слова и велитъ посадить его въ тюрьму, гдѣ онъ умираетъ отъ недуга и досады.

А Клармондина помѣщена во дворцѣ, ее всѣ любуются, о ней заботится мать короля (Et avoit á non Bien-doit-plaire, v. 7156) и его сестра Argente; самъ Меніадусъ къ ней влюбился и положилъ жениться на ней, не смотря на различіе состояній. Она рада, что такъ счастливо избавилась отъ Stompars'a; но что ей дѣлать далѣе? Какъ избавиться отъ Меніадуса, который въ свою очередь признается ей въ любви и хочетъ на ней жениться? Тогда она поднимается на новую хитрость: говоритъ, что о себѣ она сказала ему неправду; она дѣйствительно жена Stompars'a, по имени Trovée; она, найденыш, родилась vers le mons de Mongieu (v. 7207, [1]), не помнитъ ни отца, ни матери; ея мужъ жилъ постоянно въ Римѣ и былъ отличнымъ менестрелемъ, умѣлъ играть на различныхъ инструментахъ, между прочимъ,—на томъ деревянномъ копѣ. Если прежде она сказала, что не жена ему, то сдѣлано это было изъ отместки: передъ тѣмъ онъ ее побилъ, она и хотѣла ему досадить, не предполагая, чтобы это могло быть причиной его смерти. Теперь она неутѣшна. Не отвергая Меніадуса, она проситъ его повременить три мѣсяца, чтобъ не дать повода къ злословью, что она такъ поспѣшила бракомъ, по смерти перваго мужа; Меніадусъ согласенъ ждать и проситъ Клармондину переѣхать сюда изъ Trouvée въ Bele-Perdue. Но три мѣсяца скоро прошли и Клармондина не находитъ лучшаго средства уберечь себя, какъ представившись сумасшедшею: она начинаетъ бросаться на людей и даже кусаетъ. Несчастный Меніадусъ принужденъ запереть ее, поручивъ ее попеченіямъ десяти дѣвушекъ и сестры Argente. Онѣ не попе-

[1] Van Hasselt объясняетъ въ примѣчаніи: Monza, près de Milan? Но развѣ нѣтъ Mons Jovis, нынѣшній St. Bernard. Cf. Chron. de Phil. Mouskes, v. 602.

рялъ надежды, что она выздоровѣетъ; а Клармондина думаетъ этимъ выгадать время.

Но мы оставимъ ее, чтобы вернуться къ Клеомадесу, который тогда только нѣсколько оправился отъ тяжелаго горя, когда въ немъ явилось убѣжденіе, что похитить его милую могъ никто иной, какъ Cromparis: кто иные могъ бы управлять волшебною лошадью? И вотъ у него является желаніе снова отправиться за нею на поиски. Сначала его отговариваютъ, но потомъ самъ отецъ предлагаетъ ему свою казну — пусть беретъ сколько хочетъ, и сто рыцарей въ спутники, пусть только дастъ слово вернуться къ нему черезъ годъ, разумѣется, если тому не помѣшаетъ болѣзнь или плѣнъ. Путь Клеомадеса идетъ на Францію, Англію, Валлисъ и Шотландію, затѣмъ онъ снова возвращается во Францію, блуждаетъ по Германіи, Богеміи (Bahaigne) и Австріи (Osterice), Вентріи, Пруссіи и Ольшѣ (Polane), всюду разпрашивая о Клармондинѣ. Далѣе они переходятъ черезъ Braz Saint-Jorge и добираются до Греціи, куда слава Cléomadès'a ужъ успѣла проникнуть; Греки гордятся имъ тѣмъ болѣе, что онъ получилъ воспитаніе въ ихъ странѣ:

Miex en amoient lor pays
Pour ce que il i fu norris (vv. 8421—2; ср. vv. 226—227).

Здѣсь Cléomadès принимаетъ участіе въ войнѣ Грековъ съ Халдейскимъ царемъ Primonus, котораго онъ побѣждаетъ и беретъ въ плѣнъ, и заключаетъ миръ столь выгодный для Грековъ, что они объявляютъ себя готовыми къ его услугамъ, когда онъ только потребуетъ. Послѣ этого, можетъ быть, слишкомъ длиннаго эпизода (v. 8423—9030), путешествіе Cléomadès'a продолжается: онъ переѣхалъ въ Сицилію, оттуда въ Венецію и Mestre, всюду распрашивая и вездѣ по напрасну. Тогда у него является идея — ѣхать далѣе одному искать Клармондины, отыскать ее или умереть. Онъ выѣзжаетъ тайкомъ отъ своихъ людей, слѣдуя не проѣзжими дорогами, тѣ хватились своего господина, но проискавъ его напрасно, возвращаются въ Испанію, гдѣ нерадостная вѣсть сводитъ его отца въ могилу.

Между тѣмъ Cléomadès ѣдетъ дремучимъ лѣсомъ и къ ночи прибылъ въ одинъ замокъ, по прозванію Mont Estrais. Его принимаютъ дружелюбно; и такъ какъ онъ говоритъ о себѣ, что ищетъ приключеній, то и приключеніе готово: ему придется сражаться одному противъ двухъ рыцарей. Одинъ изъ нихъ хозяинъ замка Durbans Dabel, другой — Sartans de Satre. Таковъ старый обычай, что всякій рыцарь, вступившій въ этотъ замокъ, долженъ былъ оставить въ немъ коня и оружіе, либо

Библиотека "Руниверс"

отказаться не должно, а вѣдомо что обыкновеніе съ дѣтъ поръ, какъ далей-то повѣдомилъ, подросшій здѣсь мальчикъ, неробкій, неподкупенъ, почему, хозяинъ, его жену и дѣтей и всѣхъ жителей замка и затѣмъ скрылся. Клеомадесъ, назвавшій себя D'amours mescheans (v. 9816), объявляетъ, разумѣется, поединокъ; онъ вызываетъ Дурбана, кажется побѣжденнымъ и отнимаетъ на вѣки потерянный обликъ; а Сартана пажомъ ударомъ такъ сильно, что у него кровь пошла изъ рта, носа и ушей. Это не мѣшаетъ ему тотчасъ же подружиться съ своими противниками. Сартанъ страдаетъ не столько отъ своего паденія, сколько отъ мысли, что онъ не будетъ въ состояніи явиться къ сроку—защитникомъ своей племянницы Liadé, вызванный Клеомадесомъ, онъ начинаетъ разсказывать ему его же собственную исторію: какъ онъ похитилъ Клармондину, какъ ея подруги помогли ихъ побѣгу, и никто не подозрѣвалъ ихъ въ этомъ, пока случайно не проговорилась о томъ Liadès. Слухъ о томъ дошелъ до жениха Клармондины, Bleopatris, который обвиняетъ въ измѣнѣ Liadé и ея подругъ; три рыцаря, присланные имъ въ Chastel Noble, докажутъ это съ оружіемъ въ рукахъ; если никто не явится на защиту обвиненныхъ, онѣ будутъ сожжены. Сартанъ желалъ быть защитникомъ Liadès, но его мѣшаетъ его нездоровье,—вотъ о чемъ онъ горюетъ. Но Durbans успокоиваетъ его: онъ его замѣнитъ; вторымъ защитникомъ будетъ Cléomadès, котораго не могли не смутить нѣсти, такъ близко касавшіяся его самого. Они скоро собрались въ путь, сопровождаемые менестрелемъ Дурбана, Pinchonnès. Все въ Chastel Noble наводитъ Клеомадеса на грустныя мысли о его милой, почему онъ не хочетъ тамъ оставаться и въ ожиданіи поединка поселяется въ замкѣ отца Liadès, Verde Coste; Durbans между тѣмъ договорился съ Carmandru и Bleopatris'омъ объ условіяхъ поединка, то-есть, что онъ и его товарищъ будутъ сражаться противъ троихъ. Какъ и можно было ожидать, бойцы Bleopatris'а побѣждены, и героиня дня былъ никѣмъ не узнанный Cléomadès. Принятый съ почестями въ Verde Coste, онъ старается подъ рукой разузнать что-нибудь о Клармондинѣ; не развѣдавъ ничего, онъ рѣшается продолжать далѣе свои поиски, но переодѣтый купцомъ, чтобы легче было укрыться отъ людей, которые могли искать его. Онъ объявляетъ Дурбану о своемъ намѣреніи, прося его отпустить съ нимъ одного менестреля Pinchonnès, который съ этихъ поръ принимаетъ дѣятельное участіе въ романѣ.

Они отправляются по дорогѣ въ Римъ; Pinchonnès — идеалъ не-

пестрели часто онъ разыскалъ задумчиваго Cléomadès'a, и думаетъ, почему онъ такъ часто мѣняетъ путь съ утра до вечера, то направо, то налѣво, такъ что ему не въ толкъ—куда они ѣдутъ. Онъ рѣшается спросить его о томъ. Клеомадесъ вспомнилъ, что менестрели народъ бродячій, имъ многое приходится видѣть и слышать; не слыхалъ ли чего Пиншонне? Надо попытать его—и Клеомадесъ разказываетъ ему въ общихъ чертахъ свои приключенія, говоритъ, чего онъ ищетъ, называя себя, впрочемъ, только служителемъ Cléomadès'a. Пиншонне даетъ совѣтъ отправиться вмѣстѣ въ Салерно къ любителю новостей, царю Меніадусу: если есть какія-нибудь вѣсти о Клармондинѣ, то ихъ навѣрно можно будетъ тамъ услышать. Они ѣдутъ въ Салерно, гдѣ хозяинъ гостинницы разказываетъ имъ приключеніе съ красавицей и безобразнымъ человѣкомъ, какъ ихъ нашелъ Меніадусъ, какъ Crompars умеръ, а Clarmondine, объявленная царскою невѣстой, сошла съ ума и содержится въ заперти. Клеомадесъ внѣ себя отъ радости при этой вѣсти; сердце его подсказало, что Клармондина притворилась помѣшанною ради него, а обычай Меніадуса—не пропускать ни одного проѣзжаго, не видавъ его, доставитъ ему случай къ ней проникнуть. Онъ проводитъ ночь въ башнѣ, нарочно отведенной для того королемъ, и на слѣдующій день, увидѣвшись съ нимъ, говоритъ о себѣ, что онъ родомъ изъ Португаліи, живетъ въ Гаскони и пробирается въ Сицилію (vv. 12619—12621): зовутъ его Desievez (vv. 12848); онъ слышалъ, что здѣсь больная дѣвушка, и берется ее вылѣчить. „Вы наградите меня по окончаніи лѣченья; въ случаѣ неудачи, всѣ издержки—мои. Я слышалъ, какъ найдена была дѣвушка, слышалъ объ ея уродливомъ спутникѣ и деревянной лошади, и увѣренъ, что вся ея болѣзнь отъ послѣдней. Я видѣлъ такой случай. Если вы сохранили лошадь и я имѣлъ бы ее въ моемъ распоряженіи, дѣвушка вылѣчилась бы непремѣнно“ Меніадусъ тотчасъ же соглашается на всѣ условія и велитъ отвести къ Клармондинѣ мнимаго врача. Когда влюбленные увидѣли другъ друга, они съ трудомъ удержались, чтобы не измѣнить себѣ. Но Clarmondine не вышла изъ роли: на вопросъ Клеомадеса, здорова ли она, она отвѣчаетъ безсмыслицей — такъ, по крайней мѣрѣ, оно всѣмъ показалось; по Клеомадесъ понимаетъ ея намеки на Севилью, на коня, на Chastian Noble. Для него ясно, что она только представляется, и онъ велитъ принести деревяннаго коня и поставить возлѣ ея постели: самъ развязываетъ ей руки, и Клармондина [illegible]тается совершенно спокойна, не бѣснуется. Лѣченіе началось удачно. „Но на первый разъ довольно“, говоритъ Клеомадесъ; — „не-

Библиотека "Руниверс"

лите отдыхъ и накормить больную, потому что сегодня же утромъ ее придется привязать къ лошади". Пока его приказанія исполняются, Клеомадесъ, возвратившись въ гостиницу, въ первый разъ называетъ себя Пиншонне: онъ нашелъ Клармондину и сегодня же увезетъ ее въ Испанію; пусть идетъ и сообщитъ о томъ ея отцу, Liadès'y, Дурбану и Сартану; онъ всѣхъ ожидаетъ къ себѣ на свадьбу. Пиншонне умиляется, узнавъ, что онъ находился въ услуженіи столь знаменитаго рыцаря, и сопровождаетъ его въ замокъ, чтобы присутствовать при послѣднемъ актѣ лѣченія. Лошадь вынесли на лугъ, привязали къ ней Клармондину, вмѣстѣ съ нею садится и Клеомадесъ, предупредивъ присутствовавшихъ, чтобъ они не удивились, если случится что-нибудь необыкновенное. Улетая, онъ называетъ себя и Клармондину, и Пиншонне подтверждаетъ все это изумленному королю.

Романъ собственно кончился, но Аденетъ нашелъ возможнымъ присоединить къ уже разсказанному еще тысячу пять стиховъ (всего въ романѣ 18688 стиховъ), чтобы сообщить, какъ Пиншонне объѣхалъ всѣхъ знакомыхъ Клеомадеса, извѣщая ихъ объ его успѣхѣ, какъ юная чета возвратилась въ Испанію и что затѣмъ послѣдовало. Много мѣста отведено описанію празднествъ и турнира по поводу вѣнчанія и свадьбы Клеомадеса и Клармондины: на нихъ присутствуетъ Карманъ и Меніадусъ съ сестрой и матерью, подруги Клармондины и Пиншонне, Сартанъ и Дурбанъ и даже тѣ пять царей, которые въ началѣ романа ведутъ войну противъ короля Испаніи. Прибыли также женихи старшихъ сестеръ Клеомадеса и въ одно время съ нимъ празднуютъ свою свадьбу; Меніадусъ женился на Маринѣ; Argente и подруги Clarmondine также пристроены; авторъ нашелъ возможнымъ сочетать бракомъ даже стараго Carmans съ вдовой Маркадигаса—Ynabel! Клеомадесъ дѣлаетъ Пиншонне рыцаремъ и всѣхъ богато награждаетъ. Между прочимъ онъ даритъ Карману золотаго трубача, волшебную курицу—матери Меніадуса, коня же, главную причину своего счастья, оставилъ себѣ. Затѣмъ гости разъѣзжаются, Клеомадесъ съ Клармондиной провожаютъ того или другаго гостя до дому, и Аденетъ еще долго забавляется описаніемъ празднествъ и торжественныхъ встрѣчъ.

Онъ написалъ свой романъ по порученію королевы Французской Маріи и Бланки, дочери Людовика Святаго, вдовы инфанта Кастиліи Fernando de la Cerda, возвратившейся во Францію въ 1275 году. Онъ нѣсколько разъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ и

Библиотека "Руниверс"

даже сохранилъ имена своихъ покровительницъ въ аристократіи (см. vv. 18531—18569). Можетъ быть, онѣ сами разсказали ему исторію о волшебномъ конѣ. Я укажу на одно мѣсто романа (vv. 5525—5527), не замѣченное van Hasselt'омъ, и дающее поводъ къ такому заключенію: въ отсутствіи Клеомадеса Клармондина поетъ: спѣла двѣ пѣсенки: но я не забылъ и третью, прибавляетъ авторъ:

La tierce n'ai pas oubliée
D'ainsi qu'ele me fut moustrée
Des dames par cui soi le conte.

Прочли ли онѣ эту conte въ какой-нибудь книгѣ, или слышали ее и попросили Аденета разсказать ее стихами, въ которыхъ онъ былъ такой мастеръ? Замыселъ волшебнаго копя — совершенно восточный, думаетъ Кейтли [1]); онъ могъ быть занесенъ въ Испанію Арабами; содержаніе Клеомадеса кажется заимствованнымъ изъ испанско-мавританскихъ преданій, главныя дѣйствующія лица, выведенныя въ немъ — Испанцы или Сарацины, говоритъ P. Paris [2]); Бланкѣ Кастильской оно могло быть извѣстно, отъ нея услышалъ его Аденетъ. Но легко также предположить, что испанская обстановка романа принадлежитъ перескащику, и къ ней дало поводъ посвященіе труда испанской принцессѣ, такъ что на вопросъ объ источникѣ самаго разказа она не проливаетъ никакого свѣта.

Популярность Клеомадеса засвидѣтельствована многочисленными подражаніями, говоритъ фанъ-Гассельтъ [3]), указывая на романы о Cheval de Fust, Celinde et Meliarchus, Valentin et Orson и др. Оставляя въ сторонѣ послѣдній, замѣтимъ, что въ обозначеніи втораго заглавія, по всей вѣроятности, произошла ошибка, и вмѣсто Meliarchus слѣдуетъ читать Meliacins. Романъ о Meliacin et Celinde упоминаетъ уже De la Rue, точно также отличающій его отъ Cheval de Fust, какъ и van Hasselt [4]), хотя въ сущности это только два заглавія од-

[1]) *Keightley*, Tales and popular fictions, p. 43, 71 и слѣд. Ср. *Reiffenberg*, Chron. de Philippe Mouskes, I, p. CLXXII: Le sujet de Cléomadès nous vient d'Asie.

[2]) Hist. litter. de la France, t. XX, p. 710—718. На томъ же основаніи предполагали, что сюжетъ Floire et Blancefior принесенъ изъ Испаніи. См. изд. *Du Meril*, стр. CLI предисловія.

[3]) L. c., p. XXIV.

[4]) «Le roman de Cleomades, le roman de Meliacins et de Celinde et le roman du Cheval de fust sont un seul et même ouvrage; il n'y a de différence que dans les titres et le noms des personnage et ceux de. auteurs et quelques altérations évidemment calculées. Le premier de ces romans est du roi Adenez... les deux autres sont attribués à Girard d'Amiens».

Библиотека "Руниверс"

ной и той же поэмы, дѣйствующія лица которой носятъ имена: Meliacin и Celinde.

Романъ о Cheval de Fust, сколько мнѣ извѣстно, пока не напечатанъ; отрывки изъ него, безъ имени автора, были сообщены Келлеромъ [1]) по неполной риккардіанской рукописи, пересмотру которой я могъ посвятить лишь нѣсколько часовъ. Мои извлеченія вышли не полныя, и я не могъ сообразовать ихъ, въ цѣляхъ сравненія, съ текстомъ Cléomadès'a, котораго у меня въ ту пору не было подъ руками. Особенно интересно было бы сличить, въ томъ и другомъ романѣ лирическіе отрывки и пѣсни, тамъ и здѣсь перемежающіе разказъ. Такого рода литературный пріемъ, какъ украшеніе разказа эпизодами лирическаго характера, составляетъ вообще одинъ изъ признаковъ позднѣйшей романтики; сравненіе этихъ эпизодовъ въ Cléomadès'ѣ и Cheval de Fust было бы тѣмъ полезнѣе, что, быть можетъ, оно бросило бы свѣтъ на отношенія, предполагаемыя между авторами того и другаго романа.

Поэма о Cheval de Fust существуетъ во многихъ рукописяхъ; кромѣ риккардіанской я могъ еще пользоваться рукописью Парижской публичной библіотеки, fonds franç., 1633, XIII вѣка, которая позволила мнѣ восполнить пробѣлы предыдущей. Для моей цѣли этого было достаточно, такъ какъ я имѣлъ въ виду не установленіе текста, а чисто литературный вопросъ, обусловленный содержаніемъ разказа.

Автору Cheval de Fust, какъ и Аденету, онъ былъ подсказанъ именитою дамой. Вотъ его заявленіе въ началѣ поэмы (f. franç. 1633, f. 1. r. c. 2—v. c. 2):

au cuer m'est pris envie
D'un trop bel conte en rime metre,
Et pour ce m'en voel entremetre
Ke li contes est deduisans
Et a oïr biaus et plaisans.
Et s'en avons la ramenbrance
Par bele dame d'ounourance,
Pour coi li contes doit mut plaire,
Car chose ne poroit desplaire
Ke si bele dame fesist
Ne dont ele s'entremesist,
Car ele est franche et debonaire
Et estraite de si bon aire
Ke ce qu'ele fait plaist à tous,
Kar ses gens cors est d'onear tous,

[1]) Romvart, стр. 99—117.

Библиотека "Руниверс"

Tant est et bele et bone et sage,
Et si est de si fait lignage
Comme fille de poissant roi;
Mais ja pour ce orgueil ne desroi
En son gent cors ne trouvéres,
Me france et sage la verres
Et de tres douce noureture
Et plaine de bone aventure.
Et d'une autre chose me vant:
Plus bele dame n'est vivant,
Plus douce ne plus amiable,
Ele est tant bone et agreable
Que nus n'i sauroit que reprendre.
Et pour ce voel je garde prendre
Ke je ne faille a men emprise
Et pour la dame bien aprise
Et pour ce qu'il m'est commandé
D'un chevalier qui amendé
A de son cors tout son lignage,
Car puis que loial home et sage
Le troeuve on, bien s'en doit passer:
Cil n'a mie mis son penser,
En vilaine oeure porchacier,
Ains met en son cors avancier
Tout quant k'il puet, et force et paine,
Car tous lieus ou chemins le maine
Est-il bien chevaliers trouvés
Preus et hardis et esprouvez.
Ce dient cil qui le connoissent
Ki de son pris son renon croissent
Et en dient du bien assez.
Il est sage et apensez;
De son estre plus ne vous di
Car de bouche me deffendi
Ke ja tant de lui me souffrisse
Que plus mention n'en feisse.
E pour ce atant m'en soufferrai
Ke plus mention n'en ferai
De lui ne d'autre à cestui point.

Кто тотъ рыцарь, о которомъ говоритъ авторъ, мы не знаемъ, и не болѣе того знаемъ о дамѣ, сообщившей ему содержаніе разказа. Ее онъ поминаетъ еще разъ въ послѣднихъ строкахъ своей поэмы, при чемъ называетъ себя по имени (l. c. f. 156 v. c. 2—157 r. c. 1),

Girardins d'Amiens ki plus n'a
Oi de cest conte retraire
N'i voet pas menconges atraire

Библиотека "Руниверс"

Ne chose dont il fust repris:
Ainsi qu'il a le conte apris,
L'a rimé au miex k'il savoit.
Et s'amender riens i avoit
Il n'i faut que le commander,
Kar pou est chose ou amender
Ne puist on et miex faire encore.
Mais je m'en soufferai a ore
Tant ke du conte plus apregne,
Kar ne voeil pas que je mespreigne
Vers cele dont li contes vint.
Et sachies, tout ainsi avint
Ke je vous ai dit et conté;
Et on set bien de verité
Ke Virgile et maint autre sage
Firent mainte chose sauvage
Et d'oevres asses plus soutilles
Ki du cheval et des chevilles.
Dont je vous ai le conte fait.
Et ki ne veut croire le fait
Je n'en puis autre chose faire,
Kar pensser a un[e] autre afaire
M'estuet que je ne puis desdire,
Mais Deu pri qui['l] gart tous ceus d'ire
Ki de bon cuer l'escouteront
Et ki escrire le feront [1]).

Girardins d'Amiens извѣстенъ какъ авторъ компилятивной поэмы изъ Карловингскихъ дѣяній (Charlemagne), написанной имъ для Карла Валуа, брата Филиппа Краснаго и внука Людовика Святаго; Cléomadès былъ написанъ Аденетомъ для второй супруги его отца, Маріи Брабантской. Dinaux [2]), называющій его Girard de Cambray, едвали справедливо отличаетъ его отъ Girard d'Amiens, съ которымъ онъ одно и то же лицо. О послѣднемъ Dinaux говоритъ, что онъ былъ ученикомъ брабантскаго трувера Аденета, и ставитъ ему въ упрекъ, что онъ пытался присвоить себѣ одно изъ произведеній своего учителя, именно романъ о Клеомадесѣ, перемѣнивъ въ немъ лишь имена дѣйствующихъ лицъ. Дѣло идетъ о Cheval de Fust, въ которомъ Meliacin играетъ роль Cléomadès'a, Целинда—Клармондины и т. д., но дѣйствіе и замыселъ существенно тѣ же, что въ романѣ Аденета. Жирарденъ, по словамъ Dinaux, не что иное какъ безсовѣстный пла-

[1]) Рки. Риккардіаны прибавляетъ въ связи съ послѣднимъ стихомъ и на слѣдующей строкѣ имя писца: (Et qui escrire le feront) A Mori.

[2]) *Dinaux*, Les trouvères cambresiens, 3-me ed.: Girard de Cambray, p. 115, прим.

Библиотека "Руниверс"

гіаторъ [1]). Почти также, хотя въ менѣе опредѣленныхъ чертахъ, понимаетъ эти отношенія Рейфенбергъ [2]): Girardin у него современникъ Аденета, написавшій продолженіе къ роману о Бертѣ (разумѣется, романъ Аденета: Berte as grans piés) и стихами повѣсть о Клеомадесѣ (Girardins d'Amiens... a mis aussi l'histoire de Cléomadès en rimes). Мы видѣли выше, что въ глазахъ v. Hasselt'a Cheval de Fust — подражаніе Клеомадесу.

Чтобъ уяснить себѣ вопросъ литературнаго заимствованія или плагіата, знакомство съ романомъ Жирардена становится необходимымъ. Я сообщу его содержаніе по двумъ извѣстнымъ мнѣ рукописямъ.

Въ великой Арменіи (Ermenie, la grant Ermenie; въ одномъ мѣстѣ съ опредѣленіемъ: outre Esclavonie), въ городѣ Savarnon, царитъ Nubiens, у котораго отъ покойной жены (у Аденета жена Marcadigas'a=Nubiens еще въ живыхъ) сынъ Meliacins и три дочери: Melide, Yde и Glorjande. Ничего не говорится о воспитаніи Meliacin'a (=Cléomadès) и нѣтъ разказа о войнѣ противъ непріятельскихъ королей, ненужнымъ образомъ помѣщеннаго въ началѣ Аденетова романа.

При дворѣ Nubien праздникъ.

Uns jours fu de sollempnité
Que cil rois ot grant plenté
Chevaliers et dames ensamble,
Car coustume estoit. samble,
Que chascuns rois en ramembrance
Avoit le jour de la naissance
Comme de sa nativité
Et mettoit en auctorité
Cel jour plus que nulle aut
Et portoit corronne en sa teste.

(Ср. Cleomades, v. 1893 и слѣд.:

A tans coustume avoient
Li grant ur, que il faisoient
De celui jour qu'il erent né
Grant feste et grant sollempnité).

Въ это время вѣрили въ волшебство и всякое вѣщее знаніе:

E cel tenz en augories
Creoit et sorceries,
En avisions et en
Et en truffes et en
E li clerc haut homme restoient
Qui de s'entremetoient

[1]) L. c., p. 116.
[2]) Chron. de Phil. Mousquet, I, CLXXII.

Библиотека "Руниверс"

(Сл. Cléomades, v. 1481 и слѣд.:

Car à celui tans vraiement
Ert coustume communaument
Que li grant seigneur qui estoient
Adont de clergie savoient [illegible]).

Такіе три клерика являются одинъ за другимъ (у Аденета они, сговорившись, являются вмѣстѣ) ко двору Nubien. Они приносятъ ему диковинные дары и напередъ выговариваютъ себѣ награду. Одинъ изъ нихъ, Cleomatans (сынъ Leomedon'a, царя Дамаска) даритъ ему:

Une géline en i platel
Et avoecques de poucins siz,
Mais sachiez que d'or fin massiz
Furent par engin tresgeté [1]).

Они начинаютъ ходить, всѣ бросились посмотрѣть на диковинку:

Mais aussi comme chascunz court
À une merveille esgarder,
I courut chascunz demander,

(См. Cléomades, v. 2147 и слѣд.:

Car moult durement désiroient
Cil et celes qui là estoient
Celle merveille à esgarder),

назначеніе которой нѣгромантъ поясняетъ:

Car faite est par tel nigromance
La géline et d'uevre si fine
Et li pouein qu'ele traine
Qu'à jor droite heure les orrez
Chanter quant oir les vorrez.

(у Аденета золотая насѣдка съ тремя цыплятами, которые также ходятъ и начинаютъ doucement—Et très plaisamment à chanter, vv. 2156—2157).

Второй клерикъ, старшій сынъ Салоникскаго (Salenique, Salenike) царя, по имени Floires li biax, приноситъ

une ymagete
Qui molt ert cointe et joliete
Toute de fin or tresgetée [2]),
En sa bouchete avoit entée
Une bèlle trompe d'argent.
. .
Ja nus puis pour engien qu'il porte

[1]) Пар. рук.: Furent compoz et tresgeté.
[2]) Пар. рук. Tout de fin coure entrejetée.

Библиотека "Руниверс"

Dedens la vile n'entrera
Ou l'ymage mise sera
Que la trompe ne soit sonnée.

Начинается пиршество, когда является третій философъ, Clamazars, котораго безобразіе описывается особенно подробно. Онъ самъ знаетъ, что безобразенъ:

ne sui mie de tel pris
Ne si biax ne si gentils hons,
Mais terre ai et granz mansions

Clamazart de Nuffles me claiment
Mi conoissant et cil qui m'aimment,
Duz sui et marcis de Lorente.

Его даръ—извѣстная лошадь, cheval de fust

D'un fust que l'on benus [1]) apèle

(Cléomadès, v. 1619: Lichevaus ert tous de bénus), на которую онъ самъ садится, чтобъ убѣдить Nubien въ ея достоинствахъ (у Аденета этой подробности нѣтъ) [2]).

Далѣе завязка романа та же, что и въ Cléomadès'ѣ: Cleomatans проситъ руки Мелиды, Floire сватается за Ydę, Clamazars за Глоріанду, которая также опечалена обѣщаніемъ отца, и за которую также заступается братъ. Meliacins выражаетъ сомнѣніе въ качествѣ подарка Clamazart'a, это—обманъ (truferies); онъ испытываетъ коня при обстоятельствахъ, ужь извѣстныхъ намъ изъ романа Аденета [3]). Meliacins уносится въ даль, а Clamazars посаженъ въ темницу. Во время своего воздушнаго путешествія Meliacins узнаетъ секретъ всѣхъ пружинъ (chevilles), при помощи которыхъ можно было управлять конемъ, и это даетъ ему возможность спуститься къ ночи [4]) въ неизвѣстномъ городѣ, который оказывается Филиппополемъ (Philippople), на башнѣ одного замка (chastel), гдѣ находитъ въ одной комнатѣ спящаго великана Maucuidars, страшнаго съ виду:

E n'avoit nules genitaires
Dont moult forment se vergondait.

---

[1]) Въ пикардіанской рук. и въ Roumart: venus.

[2]) На этомъ мѣстѣ романа кончаются извлеченія Кёлера.

[3]) Clamazars «la cheville du col tourna»; въ Cléomadès'ѣ, vv. 2449 — 51 (о Crompars): Au front dou cheval vint tout droit. Une chevillete y avoit, Un petitelet la tourna.

[4]) Tant ala waucrant qu'il fu nuis. Ср. Cléomadès, v. 2709: une nuit et mains d'un jour.

Библиотека "Руниверс"

Въ слѣдующей комнатѣ, убранство которой описывается, стоитъ постель:

La penne qui estoit dessuz
Estoit d'oisiaus moult tres sauvages
Que l'on apele lydorages,
Et sont pris à moult grant ahan
En la terre prestre Jehan
E sont autressi comme herminez.

Въ постелѣ спящая красавица, дочь Персидскаго царя Alfinus:

N'il n'avoit si poissant en Yude [1]);
Sa fille avoit à non Celynde.

Ея мать умерла (въ Клеомадесѣ Кларисса умираетъ вносятъ-дствіи), а отецъ, который очень ее любитъ, сторожитъ ее въ этой башнѣ съ двумя подругами, Oriande и Saville (у Аденета подругъ три), подъ присмотромъ великана. Меліасинъ будитъ поцѣлуемъ Целинду; она говоритъ ему:

Se fils estes le roi de Serre
Qui avoir me doit a moiller,
Vous me poez bien esveillier....
Quar on li ot dit et conté
Que li rois l'avoit asenée
E au roi de Serre donnée
Pour son fil qui moult estoit biax,

по имени Sabiaus (Sabiax, Sabel; у Аденета Bleopatris). Meliacins оставляетъ ее въ этомъ заблужденіи, и они влюбляются другъ въ друга; но великанъ мѣшаетъ ихъ бесѣдѣ, хватаетъ Меліасина и на слѣдующій день передаетъ его отцу Целинды, который сначала хочетъ убить его, но потомъ соглашается на его просьбу—позволить ему очистить себя отъ подозрѣнія поединкомъ. Онъ одинъ будетъ сражаться противъ пятерыхъ, сидя на своемъ деревянномъ конѣ. Надъ Меліасиномъ смѣются, сносятъ съ башни его коня; онъ садится на него и улетаетъ, унося съ собою любовь Целинды. Припомнимъ, что у Аденета эта часть разказа нѣсколько иначе мотивирована, и о поединкѣ нѣтъ рѣчи.

Маліасинъ возвращается домой. Общая радость; выпускаютъ Clamazart'a, который остается при дворѣ, помышляя о мести. Слѣдуетъ затѣмъ довольно длинный эпизодъ (отвѣчающій, быть можетъ, вступительному разказу въ Cléomadès'ѣ?) о томъ, какъ два Армянскіе царя, двоюродные братья Synacus (Symachus) и Antiocus, идутъ войною на сосѣда своего Nubien:

---

[1]) Пар. рук. Il n'avoit si riche home en Yude.

Библиотека "Руниверс"

Si homme lige estre devoient,
Mais pour l'envie qu'il avoient
De ce qu'il ert tant honnourés
S'est chascunz vers lui parjurés.

Ночью они подходятъ подъ замокъ Savarnon, но какъ ни тайно они это сдѣлали, о нихъ возвѣстилъ чудный трубачъ, такъ что у Nubien и его людей (сенешалъ Triadomins, Alestans, Antenor, Merioles, Eurioles) было время приготовиться къ защитѣ и устроить засаду. Общее пораженіе непріятелей, со стороны которыхъ упоминается, между прочимъ, Valpirus de Valgensé, cousins d'Antiochus. Synacus умираетъ отъ ранъ.

Меліасинъ вздыхаетъ по Целиндѣ, а она по немъ. Онъ снова ѣдетъ за нею на чудномъ конѣ, спускается на ту же башню, но не смѣетъ войдти въ комнату. Это было наканунѣ того дня, когда Sabiaus de Serre долженъ былъ жениться на Целиндѣ. Разсвѣло, и Меліасину нельзя болѣе оставаться на башнѣ: онъ прячется въ саду, въ кустахъ. Объясненіе съ Целиндой; онъ увозитъ ее, напередъ предупредивъ (уже сидя на конѣ) ея отца. Оба пріѣзжаютъ въ Savarnon, отдыхаютъ въ саду; Меліасинъ, оставивъ Целинду одну, идетъ впередъ, чтобъ сповѣстить Nubien и приготовить своей невѣстѣ торжественную встрѣчу; между тѣмъ Clamazars похищаетъ дѣвушку на cheval de fust. Целинда въ страшномъ горѣ, жалуется на усталость. Они спускаются: Целинда заснула подъ деревомъ, Клямазара также одолѣлъ сонъ. Проѣзжаетъ мимо duc de Galisse, „qui d'Espaigne est moult gentils hons"; какимъ образомъ онъ попалъ на востокъ, мѣсто дѣйствія нашего романа, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что его дядя („rois d'Acre", „que l'on apeloit li norois") далъ ему земли въ Сиріи (Surie). Видъ Целинды и Клямазара заставляетъ его подозрѣвать, что здѣсь произошло похищеніе: онъ велитъ взять „философа" и его лошадь и увести плачущую Целинду, отъ которой не можетъ толкомъ узнать причину ея горя, потому что не понимаетъ ея языка. Онъ влюбляется въ нее и дѣлаетъ ей предложеніе, но она продолжаетъ тосковать и готова скорѣй убить себя, чѣмъ выйдти за немилаго; а пока, чтобъ удалить эту возможность, представляется сумасшедшей. Ее пришлось связать.

Между тѣмъ опечаленный Меліасинъ отправился искать ее (его спутники: Duz de Clarentine Macions или Mancions; его братъ Orcions; Espies, Merioles, Cantioles, Antenor, Jasson, Felis, Esclaudubais или Esclardubais, Cantalus или Cantalis, Escansion, Josseaus, Flo-

Библиотека "Руниверс"

rentin, Cassiens, Cadrialan, Felinor, Pynadrian, Pantenor, Pyrus) и послѣ разныхъ приключеній (эпизодъ съ разбойниками, которыхъ укрощаетъ Meliacins) прибылъ въ Персію, царство отца Целинды, гдѣ узнаетъ, что объ ея подруги, Oriande и Saville (или Sabile), одна дочь графа Hardouins (его замокъ: Mont Esclaire), другая — его сестра, осуждены на сожженіе за потворство въ ея увозѣ. Меліасинъ освобождаетъ ихъ, убивъ великана [1]). Sabians устраиваетъ ему засаду, но самъ взятъ въ плѣнъ и умираетъ въ бѣшенствѣ; его отецъ идетъ войною на Гардуина и Меліасина. Поединокъ послѣдняго съ Ругаbel'емъ, племянникомъ roi de Serre: Гардуинъ даетъ Меліасину „l auqueton„. Une fée, la belle Orable—La me donna"; онъ отлично вооруженъ, у него великолѣпная лошадь, на Пирабелѣ haubere, также подаренный феей: „la très belle fée Esclarmonde—Qui tant n'amoit rien en cest monde". Рыцари бьются, но Меліасинъ нечаянно схваченъ людьми, посланными королемъ de Serre; негодованіе Пирабеля; онъ освобождаетъ Меліасина, который возвращается въ Mont-Esclaire, но не надолго. Оправившись отъ ранъ, онъ снова принимается блуждать, отыскивая свою невѣсту. Новая засада roi de Serre и вторичный плѣнъ, изъ котораго Меліасинъ также освобожденъ при помощи Пирабеля. На этотъ разъ Меліасинъ отправляется далѣе, одѣтый въ рубище во избѣжаніе опасностей. Встрѣча съ характернымъ vilain, который чувствуетъ къ нему нѣжность; Пирабелю онъ также полюбился, и онъ самъ ѣдетъ искать Меліасина, который между тѣмъ случайно прибылъ въ замокъ, гдѣ содержалась его невѣста.

Какъ видно, въ разсказѣ о послѣдней поѣздкѣ ихъ героя Girardins и Adenes всего сильнѣе расходятся другъ съ другомъ.

Съ тѣхъ поръ какъ хозяинъ замка
ot Celynde
La douce damoisele d'Inde,

онъ никогда не покидалъ своего дома и цѣлые три года не былъ въ Испаніи (La mer d'Espaigne ne passa). Меліасинъ приходитъ въ Biau Repaire схваченъ и, посаженъ въ тюрьму съ Clamazart'омъ (у Аденета Crompars умеръ до прихода Клеомадеса) и слышитъ его жалобы, то-есть, всю его исторію съ Глоріандой и т. д. Онъ заговариваетъ съ нимъ, называя себя Driapolides, родомъ изъ Дамаска. Узнавъ, что Целинда въ замкѣ, онъ выдаетъ себя людямъ герцога за салернскаго медика

mires de Salerne
Qui s'en revenoit de Palerne,

[1]) Въ Пар. рип., v. 1633, между f. 56 и 57 пропускъ.

Библиотека "Руниверс"

и готовъ вылѣчить больную. Слѣдуетъ затѣмъ свиданіе мнимаго доктора съ Целиндой, кончающееся тѣмъ, что оба умчатъ на cheval de fust.

Прибывъ въ Арменію, они празднуютъ свадьбу. Saville выходитъ за Antiocus, Оріанда—за duc de Calisse, двѣ сестры Meliacina—за мудрецовъ, Глоріанда—за Пирабеля. По этому поводу Nubiens отдаетъ Alliuus'у волшебную насѣдку, Пирабелю коня, а трубача оставляетъ въ своей землѣ, по просьбѣ бароновъ. Клеомадесъ, наоборотъ, не рѣшается разстаться съ чудною лошадью, по побужденіямъ болѣе сантиментальнаго свойства.

Сходство между разказами Аденета и Жирардена такое полное, что вопросъ о подражаніи устраняется, невольно уступая мѣсто подозрѣнію въ плагіатѣ. Мы видѣли, какъ единодушны изслѣдователи въ признаніи, что жертвой его былъ Аденетъ, а плагіаторомъ Жирарденъ. На чемъ основано такое именно рѣшеніе вопроса?

Замѣтимъ прежде всего, что переносить въ средніе вѣка современное понятіе плагіата едва ли не ошибочно. Мы поступимъ вѣрнѣе, замѣнивъ его другимъ, болѣе подходящимъ ко вкусамъ и обычаямъ средневѣковаго литературнаго ремесла: понятіемъ передѣлки, плохо скрывающей свой источникъ, можетъ быть, потому, что скрывать его никому и не приходило въ голову. Извѣстно, что былъ цѣлый періодъ въ развитіи французскаго эпоса, когда новые поэты принялись пересказывать огуломъ старыя героическія пѣсни, по прежнему интересовавшія своимъ содержаніемъ, но не удовлетворявшія своею формой и стилемъ измѣнившемуся, болѣе изощренному вкусу. Старыя поэмы охорашивались, одѣвались въ новую стихотворную одежду, украшались модными поэтическимъ скарбомъ; поэмы эти были либо безыменныя, либо сохранившія имя своихъ темныхъ авторовъ, сказателей; между ними и эпохой передѣлокъ прошло нѣсколько поколѣній, въ теченіе которыхъ литературные вкусы могли на столько измѣниться, что вызвали потребность въ новой перелицовкѣ пѣсеннаго преданія. На такого рода стилистическихъ перелицовкахъ построилъ свою славу Аденетъ: не обладая ни самостоятельностью, ни творческимъ талантомъ, онъ искупалъ тотъ и другой недостатокъ отличнымъ знаніемъ языка и умѣніемъ красиво пересказывать забытыя вещи. Его Enfances Ogier не что иное, какъ парафраза старой chanson de geste начала XIII вѣка, авторомъ которой былъ Raimbert de Paris; его Bueves de Commarchis находится въ такомъ же отношеніи къ Siège be Barbastre, эпизоду (branche) древняго эпическаго цикла,

Библиотека "Руниверс"

разсказывавшаго объ Aimery de Narbonne и его дѣтяхъ и т. п. Его литературные пріемы — пріемы всякаго средневѣковаго поэта-пересказчика; онъ только плодовитѣе и разнообразнѣе другихъ, лучше владѣетъ амплификаціей, то-есть, сущностью литературной парафразы, которая, не трогая основныхъ очертаній повѣсти, разставляетъ ее эпизодами описательнаго, психологическаго, даже ученаго характера. Цѣлыя сочни стиховъ могли уходить на описанія празднествъ и турнировъ, поэтическихъ подвиговъ и убранства покоевъ; волшебныя диковинки, принесенныя въ даръ мудрецами, дали Аденету поводъ удѣлить 175 стиховъ воспоминанію о легендарномъ волхвѣ—Виргиліи, о которомъ Жирарденъ говоритъ въ той же связи, не всего въ четырехъ стихахъ. Въ другой разъ Аденетъ могъ воспользоваться случаемъ—похвастать своимъ знаніемъ сердца и еще болѣе знакомствомъ съ тѣмъ модными направленіемъ, которое создало въ европейскихъ литературахъ цѣлый періодъ аллегоризма. Здѣсь онъ чувствовалъ свою силу, онъ любитъ проникать въ тайны душевныхъ движеній, и при помощи своей реторической лупы, открывать тамъ аллегорическія силы, Anuis и Tristece, Deduis и Solas и т. п. Слѣдующему кончетти позавидовалъ бы любой маринистъ XVII вѣка: Клеомадесъ разсуждаетъ съ своимъ сердцемъ, потому что его „любовныя мысли были приготовлены въ соусѣ боязни“:

Li pensers fu de fine amour
Comfis en sausse de paour, vv. 12705—6.

Жирарденъ былъ такой же пересказчикъ стихами, какъ и Аденетъ: его Charlemagne — компилятивная поэма, построенная изъ болѣе древняго матеріала chansons de geste. Но въ сравненіи съ прославившимся Аденетомъ, онъ поэтъ темный; къ тому же онъ—его современникъ. Онъ могъ расчитывать на извѣстное вниманіе, пересказывая древнія забытыя поэмы; но чтобъ онъ возмечталъ о себѣ, какъ о соперникѣ Аденета, и вздумалъ пересказывать его самого, когда Аденетова слава была во всемъ цвѣтѣ—вотъ чему трудно повѣрить.

Кстати, еще другое соображеніе. Эпопеи карловингскаго цикла большею частью привязаны къ Испаніи и Италіи; названіе бретонскихъ романовъ прямо указываетъ на ихъ географическое пріуроченіе; но обычною сценой романовъ съ приключеніями (romans d'aventures) былъ востокъ, столь же неопредѣленный и фантастичный по своей географіи, какъ фантастичны были самыя приключенія. У средневѣковыхъ разказчиковъ этотъ пріемъ былъ на столько общимъ

Библиотека "Руниверс"

что, избравъ мѣстомъ дѣйствія для своихъ героевъ Испанію и Италію, Аденетъ былъ сравнительно оригиналенъ, въ его пріемѣ есть свое, естественно объясняющееся изъ его литературныхъ и жизненныхъ отношеній. Онъ писалъ своего Клеомадеса для испанской принцессы— и сценой романа явилась Испанія; цари, ведущіе войну съ Маркадигасомъ, должны были сосѣдить съ нимъ; они властвуютъ надъ Португаліей, Гасконью, Тулузой и т. п.; въ 1285 году Филиппъ Смѣлый овладѣваетъ Сердальей, Маркадигасъ царствуетъ въ ней [1]). Съ другой стороны, самъ Аденетъ былъ въ Италіи вмѣстѣ съ арміей Карла Анжуйскаго, въ 1270 — 1271 годахъ проѣхалъ ее изъ конца въ конецъ, отъ Трапани до большаго Saint-Bernard [2]), и это дало ему поводъ пріурочить большую часть своего романа къ итальянскимъ мѣстностямъ: онъ упоминаетъ Ломбардію и Тоскану, Миланъ, Павію и Сенъ-Бернаръ (Mongieu), Феррару и Болонью; описываетъ тосканскій обычай майскихъ праздниствъ [3]) и заставляетъ своего героя проѣхаться отъ Сициліи до Венеціи и Mestre, въ Римъ и Салерно.

Если, какъ полагаютъ, Жирарденъ не стѣснился заимствовать у Аденета и канву разказа, и многое другое, то является страннымъ, почему именно онъ такъ послѣдовательно измѣнилъ одну его географію. Онъ не могъ расчитывать замаскировать этимъ свой „плагіатъ“, въ которомъ обвиняютъ его и теперь, не смотря на измѣненную имъ географическую обстановку: обвиненіе въ нецеремонномъ заимствованіи основано не на названіяхъ мѣстностей, а на коренномъ сходствѣ всего разказа съ разказомъ Аденета. Остается предположить, что если Испанію и Италію Жирарденъ предпочелъ обстановку Востока, то нашелъ ее, вмѣстѣ съ канвой своей поэмы, въ какомъ-нибудь другомъ источникѣ, помимо Аденета. Сходство Клеомадеса съ поэмой Жирардена пришлось бы объяснить въ такомъ случаѣ не зависимостью послѣдней отъ перваго, а общими ихъ отношеніями къ третьему, намъ неизвѣстному разказу. На такой разказъ, съ дѣйствіемъ на Востокѣ, указываетъ, быть можетъ, и одно неудачно мотивированное положеніе въ романѣ Аденета. У Жирардена Целинда находится во власти герцога de Galisse, царящаго гдѣ-то въ Сиріи, и притворилась помѣшанною; туда является Меліасинъ и объявляетъ себя салернскимъ врачомъ. Въ средніе вѣка Салерно былъ знаменитъ

[1]) Van *Hasselt*, l. c., I, p. XXII—III.

[2]) L. c., p. XI—III.

[3]) vv. 2893—2894. Эта цитата приведена въ моей «Вилла Альберти», стр. 331—333.

Библиотека "Руниверс"

своею медицинскою школою, званіе салернскаго врача было рекомендаціей; въ романѣ Chrestien de Troies: Cligès, три врача, берущіеся оживить умирающую Soie d'amor, приходятъ изъ Салерно. Если Меліасинъ, явившись въ Сиріи, такъ рекомендуетъ себя, то это въ порядкѣ вещей. — У Аденета соотвѣтствующія событія происходятъ въ Италіи; согласно съ этимъ, Клеомадесъ (= Меліасинъ), открывающій, послѣ долгихъ поисковъ, мѣстопребываніе Клармондины = Целинда долженъ сказаться медикомъ, но уже не изъ Салерно — это было бы слишкомъ близко — а изъ Гаскони. Между тѣмъ упоминаніе Салерно осталось въ этомъ эпизодѣ Аденета — только въ неловкомъ приуроченіи, заставляющемъ предположить, что это географическое опредѣленіе находилось въ его подлинникѣ, и что онъ не сумѣлъ съ нимъ распорядиться какъ слѣдуетъ. Дѣло въ томъ, что онъ заставляетъ свою Клармондину жить въ Салерно у царя Меніадуса, отчего выходитъ та неловкость, что Клеомадесъ, выдающій себя врачомъ изъ Гаскони, является въ городъ, надъ всѣми знаменитый именно своими медиками. Можетъ быть, Аденетъ самъ чувствовалъ, что роль Салерно въ его разсказѣ недостаточно мотивирована, почему и присочинилъ новый, вполнѣ не совсѣмъ удачный мотивъ — о Меніадусѣ, любителѣ новостей, и этою его страстью старается объяснить, почему Клеомадесъ направился именно въ Салерно.

Сказанное приводитъ ясно къ предположенію, что самъ Аденетъ воспользовался для своей поэмы болѣе древнимъ разсказомъ, географическая декорація котораго была почти такая же, какъ у Жирарда, то-есть, восточная. Что этотъ разсказъ не принадлежалъ Жирарду — въ этомъ нельзя сомнѣваться, если, какъ говорятъ, — Жирардъ былъ не только современникомъ, но и ученикомъ Аденета. Всего естественнѣе объяснить себѣ дѣло такимъ образомъ, что оба поэта слышали или прочли одну и ту же старинную повѣсть и каждый обработалъ ее независимо — можетъ быть, по просьбѣ или вызову одной и той же высокопоставленной дамы? Вспомнимъ, что Аденетъ написалъ свою поэму по порученію Французской королевы Маріи Брабантской, а Жирарденъ — своего Charlemagne для ея пасынка, Карла Валуа; не ее ли слѣдуетъ подразумѣвать въ той дамѣ, которая дала ему сюжетъ для его поэмы? Онъ называетъ ее „bele dame d'ounourance“ и „fille de poissant roi“. Послѣднее названіе скорѣе идетъ къ Бланкѣ, дочери Людовика Святаго, а мы знаемъ, что Аденетъ написалъ своего Cléomadès'а не только для королевы Маріи, но и для Бланки Кастильской.

Библиотека "Руниверс"

Содержаніе разказа, общаго источника Аденета и Жирардена, было заимствовано, быть можетъ, изъ какой-нибудь восточной повѣсти, въ родѣ сказки Тысячи и одной Ночи, на которую мы указывали далѣе. Самый разказъ, посредствовавшій, по нашему мнѣнію, между этимъ восточнымъ оригиналомъ и стихотворными передѣлками, о которыхъ идетъ рѣчь, не дошелъ до насъ, но мы можемъ возстановить отчасти его общіе мотивы и даже нѣкоторыя частныя подробности—возводя къ нему тѣ черты сходства, какія представились намъ въ поэмахъ Аденета и Жирардена. Онъ долженъ былъ представлять существенно то же содержаніе и тѣ же отношенія дѣйствующихъ лицъ; въ немъ уже находились: упоминаніе Салерно и мага Виргилія, можетъ быть, какая-нибудь географическая подробность объ Испаніи, которою Аденетъ воспользовался съ лихвою, въ угоду испанской принцессѣ, тогда какъ у Жирардена она сохранилась въ памяти объ отношеніяхъ duc de Galisse: онъ „d'Espaigne ert moult gentils hom" и властвуетъ въ Сиріи, гдѣ его дядя далъ ему земли. Слѣдуетъ также предположить, что соотвѣтствующіе другъ другу типы Пиншонне (у Аденета) и виллана (у Жирардена) выработались изъ какого-нибудь общаго типа, находившагося въ утраченномъ разказѣ, который по стилю и развитію мы могли бы гадательно сблизить съ провансальскими новеллами XIII вѣка, изданными Моланомъ (Moland) и д'Ерико (d'Héricault).

Къ этому утраченному разказу оба пересказчика отнеслись каждый по-своему, измѣняя и переставляя его своеобразно. Жирарденъ, напримѣръ, удержалъ его восточную обстановку; Аденетъ оставилъ ее, развивъ на ея счетъ географическіе намеки на Испанію и Италію. Очень вѣроятно, что къ его же измышленію относятся и имена, данныя имъ своимъ героямъ, особенно главному: онъ очевидно желалъ, чтобъ его Кдеомадесъ былъ принятъ за Грека, не только по имени, но и по воспитанію, иначе онъ не настаивалъ бы на этомъ обстоятельствѣ. Предполагать, въ объясненіе его, что между французскимъ источникомъ Аденета и его подлинникомъ, то-есть, какою-нибудь восточною повѣстью, посредствовалъ византійскій пересказъ—нѣтъ особой надобности, хотя такое посредство само въ себѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Дѣло въ томъ, что въ средневѣковой литературѣ можно прослѣдить цѣлое направленіе, состоящее въ томъ, что героямъ романовъ даютъ греческія или quasi—греческія имена, какъ въ XVI вѣкѣ ими будутъ награждать живыхъ людей. Если въ послѣднемъ случаѣ кличка выражала цѣлое направленіе мысли то,

Библиотека "Руниверс"

въ первомъ она была простою игрой аммысла: герой отъ нея выгадывалъ, становился на пьедесталъ, либо удалялся въ какую-то заманчивую, фантастическую даль. Какого рода бывали эти клички, подчасъ въ уровень съ классическою ученостью нашихъ предковъ, лучше всего показываетъ полу-латинское, полу-греческое названіе извѣстнаго сказочнаго сборника—Dolopathos. На столько этой учености хватало, чтобы при надобности изобрѣсть подходящее имя. Такъ нѣмецкій поэтъ Otte, передѣлавшій французскаго Ираклія, нашелъ нужнымъ назвать старуху-знахарку, оставленную тамъ безъ имени, Морфеей (Morphea, var. Ronphea). Имя Клеомадеса относится, быть можетъ, къ изобрѣтеніямъ совершенно такого же свойства и также мало даетъ повода заключать объ одномъ изъ посредствующихъ источниковъ романа, какъ и многочисленныя имена съ греческимъ оттѣнкомъ, разсѣянныя въ средневѣковыхъ сказаніяхъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не сознаться, что талантливая попытка Эдлестанъ-Дю-Мериля—указать на византійскіе и вообще классическіе источники средневѣковой романтики, требуетъ тщательнаго пересмотра. Мнѣ представляется необходимымъ различать нѣсколько категорій въ памятникахъ, могущихъ дать поводъ къ подобному разсмотрѣнію. Есть между ними такіе, которые дѣйствительно основаны на классическихъ преданіяхъ, хотя бы измѣненныхъ въ легендарной передѣлкѣ; ихъ принимали на вѣру средневѣковые поэты и только пересказывали на свой ладъ, приладивая къ своему быту и пониманію что имъ представлялось дѣйствительною исторіей. Къ этой категоріи могутъ быть отнесены Троянскія Дѣянія Benoit de St. Maure, его же Eneas и др. Особый отдѣлъ должны составить тѣ романы, ставшіе извѣстными европейскимъ труверамъ уже въ романтической обстановкѣ, какъ готовые замыслы, происхожденіе коихъ обличаютъ не столько имена дѣйствующихъ лицъ, которыя могли быть замѣнены и новыми [1]), сколько идеи и стиль представленнаго въ нихъ быта. Вотъ этито особенности и побуждаютъ насъ главнымъ образомъ говорить о византійскихъ отношеніяхъ Floire и Blancefior, хотя мы и не въ состояніи опредѣлить ихъ въ частности. Есть, наконецъ, третій разрядъ романовъ, преимущественно иныхъ рода romans d'aventures, со-

[1]) См. отношеніе Jourdain le Blaivies къ Аполлонію Тирскому, на которыя указалъ *Hoffmann*, Ueber Jourdain von Blaivies, Apollonius von Tyrus, Salomon und Marcolf, въ *Sitzungsb. d. philosoph.—philolog. u. hist. Cl. d. k. b. Ak. d. W. zu München* 1871, IV, стр. 418—433.—*Koch*, Ueber Jourdain de Blaivies. Königsberg. 1875.

Библиотека "Руниверс"

держаніе которыхъ можетъ быть восточное, либо византійское, если не народное (все это должно быть, по возможности, опредѣлено для каждаго отдѣльнаго случая), но въ которыхъ имена дѣйствующихъ лицъ только облечены въ псевдо-восточную или псевдо-классическую фонетику. Это было своего рода литературная мода; всѣ эти Клеомадесы, Паламидесы, Меніадусы и т. п. сами по себѣ также мало ведутъ къ предположенію византійскаго подлинника, какъ греческіе инаръ и фариж, которыми захотѣлъ бы похвастать списатель какой-нибудь древне-русской повѣсти.

Мы можемъ передать теперь содержаніе сказки Тысяча-одной Ночи [1]), которая познакомитъ насъ съ характеромъ восточнаго подлинника, предположеннаго нами въ основѣ поэмъ Аденеза и Жирардена.

У Персидскаго царя Сабура, большого любителя философіи и геометріи, три дочери и сынъ по имени Kamr-ul-Akmâr; три мудрые мужа приходятъ къ нему съ подарками: одинъ Индусъ, другой Грекъ, третій Персіанинъ. Первый приноситъ ему золотую, украшенную драгоцѣнными камнями статую съ золотою трубою въ рукѣ; если въ городъ проникнетъ соглядатай, статуя тотчасъ затрубитъ, шпіонъ задрожитъ и падетъ мертвымъ. Подарокъ Грека—серебряный сосудъ съ золотымъ павлиномъ, окруженнымъ 24 дѣтенышами; онъ показываетъ часы, дотрогиваясь клювомъ, по истеченіи часа, одного изъ дѣтенышей, и мѣсяцы, раскрывая ротъ, въ которомъ тогда показывается луна. Персидскій мудрецъ даритъ Сабуру коня изъ чернаго дерева, великолѣпно убраннаго, конь этотъ летаетъ по воздуху такъ быстро, что въ одинъ день проносился черезъ пространство, которое обыкновенной лошади не пробѣжать и въ годъ. — Принявъ подарки, Сабуръ обѣщаетъ исполнить всѣ желанія мудрецовъ, которые, показавъ ему, какъ дѣйствуютъ ихъ диковинки (при чемъ Персіанинъ садится на коня и несется по воздуху), просятъ въ награду руки царскихъ дочерей. Сабуръ соглашается, и брачный контрактъ подписанъ. Принцессы присутствовали, сидя за занавѣсомъ, при всемъ происходившемъ; младшая и самая красивая изъ нихъ—въ горѣ при видѣ своего жениха, Персіанина, престарѣлаго и уродливаго. Ея братъ, только что вернувшійся изъ путешествія, заступается за нее передъ отцомъ въ присутствіи жениха-волшебника, который начинаетъ питать къ нему злобу. Отецъ говоритъ ему: пусть попытаетъ самъ свойство чуднаго коня, тогда онъ не будетъ болѣе противиться исканію мудреца.

[1]) *Weil*, 1001 Nacht, I, стр. 338 и слѣд. (Geschichte vom Zauberpferde).

Библиотека "Руниверс"

Принцъ садится на коня, волшебникъ долженъ показать, какъ управлять имъ, но, озлобленный противъ юноши, онъ показываетъ ему лишь одну пружину по правую сторону лошади, при помощи которой можно было пустить ее въ полетъ; другія же утаилъ—по забывчивости, какъ онъ объясняетъ позже, сваливая часть вины на гордаго принца, не позаботившагося спросить его о томъ. Его бьютъ и заточаютъ; всѣ въ горѣ, потому что принцъ скрылся изъ глазъ, несется въ пространствѣ; онъ уже въ сосѣдствѣ солнца и близокъ къ смерти, когда, снова принявшись пытать устройство своего коня, нашелъ по лѣвую его сторону пружину, повернувъ которую началъ спускаться. Онъ видитъ большой городъ, спускается на террасу замка, вокругъ котораго ходили 40 вооруженныхъ рабовъ, а съ террасы по лѣстницѣ—во внутренній дворъ; идетъ по направленію свѣта и находитъ дверь, передъ которой спалъ рабъ, ростомъ съ дерево, шириной въ каменную лаву, точно одинъ изъ духовъ Соломона. Около него горѣла свѣча, лежалъ мечъ и стоялъ столикъ, который принцъ относитъ въ сторону, и сдернувъ съ него завѣсу, находитъ прикрытыя яства. Наѣвшись и напившись до сыта и отдохнувъ, онъ ставитъ столикъ на прежнее мѣсто, подкрадывается къ спящему, у котораго похищаетъ мечъ изъ ноженъ; приподнимаетъ занавѣсь у двери и видитъ въ слѣдующемъ покоѣ тронъ изъ слоновой кости, украшенный драгоцѣнными камнями: у его подножья спали четыре рабыни, на тронѣ покоилась красавица Schems-al-nahâr. Принцъ будитъ ее поцѣлуемъ: „Я твой рабъ и любовникъ", отвѣчаетъ онъ ей на ея вопросы;—„Господь и судьба привели меня къ тебѣ". Царевна, которую отецъ ея помолвилъ съ однимъ изъ именитыхъ людей города, принимаетъ принца за своего суженаго и влюбляется въ него. Между тѣмъ проснувшіяся рабыни будятъ сторожа, который осыпаетъ незнакомца бранью, но, когда тотъ бросился на него, спасается бѣгствомъ и идетъ обо всемъ донести царю. Царь застаетъ принца сидящимъ съ дочерью, кидается на него съ мечомъ, но тотъ подставилъ ему свой мечъ и объявляетъ, кто онъ. Царь хочетъ его казнить, но принцъ предлагаетъ ему другой способъ расправы: пусть соберетъ свое войско, онъ будетъ противъ всѣхъ сражаться; если его побѣдятъ, то онъ понесетъ заслуженную кару; если онъ побѣдитъ, то съ нимъ будутъ обходиться почтительнѣе: людей нельзя косить и мѣрить какъ жито. Царь согласенъ; принцъ велитъ принести свою лошадь съ террасы, сѣлъ на нее, войско окружило его со всѣхъ сторонъ, чтобы умертвить его; но онъ повернулъ пружину и былъ та-

Библиотека "Руниверс"

конь. Принцесса въ большомъ горѣ; за то домой, куда Кашчей-Акинаг прибылъ обратно, горе смѣнилось на радость, праздники и пиры; за столомъ одна рабыня поетъ подъ звуки лютни: „Не вѣрь, чтобы я забылъ тебя вдали; о чемъ и думать мнѣ, если я тебя забуду? Время проходитъ, но моя любовь къ тебѣ вѣчна; съ тобою я умру, съ тобою и воскресну“

Эти слова будятъ въ сердцѣ принца любовь; тайкомъ отъ отца онъ садится на коня, прилетѣлъ въ царство своей возлюбленной, опустился на террасу, засталъ раба спящимъ и слышитъ за второй завѣсой плачъ милой и ея разговоръ съ служанками. Когда она заснула, онъ снова прокрался къ ней, будитъ ее, велитъ накормить себя и хочетъ удалиться, обѣщая ей возвращаться каждую недѣлю. Но красавица не желаетъ съ нимъ разстаться, и онъ предлагаетъ ей ѣхать съ собою. Захвативъ свои драгоцѣнности, она улетаетъ съ нимъ, не замѣченная прислужницами. Они остановились въ саду подъ столицей Персіи; здѣсь принцъ велитъ дѣвушкѣ подождать, самъ онъ пойдетъ оповѣстить родителей: визири и все войско выйдутъ ей на встрѣчу въ подобающемъ блескѣ.

Между тѣмъ волшебникъ-Персіанинъ, выпущенный изъ темницы по возвращеніи принца, видѣлъ все происходившее въ саду, гдѣ онъ часто живалъ у садовника. Замысливъ месть, онъ стучится въ бесѣдку, гдѣ осталась красавица, которой говоритъ, что прислалъ за нею принцемъ, потому что его мать не можетъ выйдти такъ далеко ей на встрѣчу. Дѣвушка сначала путается уродливаго посланца, но онъ увѣряетъ ее, что у его господина одинъ рабъ красивѣе другаго, и выбралъ онъ его, уродливаго, изъ ревности. Она повѣрила ему, и волшебникъ увозитъ ее на конѣ, по направленію къ Китаю.

Горе принца и его ближнихъ, когда они не нашли царевны. Изъ словъ садовника принцъ догадывается, что она похищена Персіаниномъ; а тотъ между тѣмъ спустился съ своею ношей въ Китаѣ, на равнинѣ, подъ деревомъ у источника. На вопросъ красавицы, гдѣ его господинъ, его отецъ и мать, волшебникъ отвѣчаетъ: „Будь они всѣ прокляты; теперь я твой хозяинъ!“ Онъ старается приласкать ее, но она его отталкиваетъ и плачетъ. Персіанинъ заснулъ; такъ застаетъ его Китайскій король, выѣхавшій на охоту; онъ удивляется красотѣ дѣвушки и спрашиваетъ о ней у волшебника, котораго разбудилъ, толкнувъ ногою. Тотъ отвѣчаетъ, что она его жена; но царевна разказываетъ, какъ было дѣло. Царь велитъ наказать виновнаго палочными ударами и заключить. На вопросъ, что это за ло-

Библиотека "Руниверс"

шадь; царевна отвѣчаетъ, что не най дется тотъ человѣкъ, выдѣлывая разныя хитрыя штуки. Царь велитъ поставить ее въ казнохранилище и въ тотъ же вечеръ дѣлаетъ царевнѣ предложеніе. Но она представляется сумасшедшею; царь приставилъ къ ней женщинъ и въ теченіе цѣлаго года ищетъ повсюду докторовъ и астрологовъ, которые взялись бы излѣчить ее.

Царевичъ также ищетъ свою любезную, добрался до Китая и здѣсь въ столицѣ на базарѣ слышитъ разсказъ о ея приключеніяхъ. Переодѣвшись астрологомъ, онъ является во дворецъ и предлагаетъ излѣчить больную. Онъ успѣваетъ увидѣть ее наединѣ и обѣщаетъ попытаться освободить ее. Царю онъ показываетъ свое искусство: вводитъ его въ комнату больной, которая неистовствуетъ, и вдругъ становится тиха и разсудительна: принцъ подошелъ къ ней, пробормоталъ какія-то заклинанія, подулъ ей въ лицо и ущелкнулъ ухо, прошептавъ: „Встань теперь и съ достоинствомъ подойди къ царю, поцѣлуй ему руку и будь любезна“ Она такъ и дѣлаетъ, и царь расположенъ вѣрить всѣмъ совѣтамъ астролога. Принцъ велитъ отвести больную въ баню, такъ чтобъ ея ноги не коснулись земли; надѣть на нее драгоцѣнные уборы, чтобъ ея сердце забыло горе, и повести за городъ, на то мѣсто, гдѣ ее нашли: потому что на томъ мѣстѣ и вселился въ нее злой духъ. Когда все было исполнено, принцъ объявляетъ царю, что по его соображеніямъ, злой духъ, вселившійся въ дѣвушку, имѣетъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ тѣло какого-то животнаго, сдѣланнаго изъ чернаго дерева; если оно не будетъ найдено, злой духъ будетъ посѣщать ее каждый мѣсяцъ. Царь догадался, въ чемъ дѣло, и удивляясь мудрости астролога, велитъ привести чуднаго коня. Убѣдившись въ его сохранности, принцъ садится на него и велитъ посадить позади себя дѣвушку; пока въ огонь бросаютъ, по его указанію, обрѣзки бумаги, средство къ изгнанію злого духа, влюбленные улетаютъ, принцъ успѣваетъ еще сообщить царю о себѣ и своей милой, и царю остается лишь горевать въ теченіе всей жизни объ утратѣ дѣвушки и чудной лошади.

Слѣдуетъ прибытіе влюбленной четы домой и общая радость. Извѣщаютъ объ этомъ отца невѣсты, который посылаетъ богатые подарки. Чудный конь поставленъ въ казнохранилищѣ,—какъ и у Аденет'а его герой не желаетъ съ нимъ разстаться. Въ этой чертѣ Аденетъ остался вѣрнѣе своему восточному (хотя и не непосредственному) оригиналу, чѣмъ Жирарденъ; и не въ этой одной: какъ и въ сказкѣ Тысяча и одной Ночи царевна говоритъ о волшебникѣ, что, сидя

на конѣ, онъ продѣлывалъ разныя хитрыя штуки, послѣ чего хоть же конь является необходимымъ средствомъ для врачеванія,—такъ и въ Клеомадесѣ Кларионина видитъ коня за музыкальный инструментъ, а подъ конецъ высказывается, что въ немъ-то и заключена тайная врачующая сила.

Я говорю о восточномъ (не непосредственномъ) оригиналѣ Аденета и Жирардена, не считая нужнымъ указывать подробно на сходства поэмъ съ сообщенною нами сказкой и не считая возможнымъ предположеніе, что какая-нибудь западная повѣсть могла послужить, наоборотъ, источникомъ восточныхъ пересказовъ, въ родѣ Тысячи и одной Ночи. Евнухи-великаны у Аденета и Жирардена, ревниво охраняемыя красавицы,—все это отзывается восточными отношеніями и должно было создаться на востокѣ. Аденетъ и Жирардонъ нашли ихъ въ новеллѣ, пересадившей на французскую почву какой-нибудь арабскій, можетъ быть, испано-арабскій разсказъ, что объясняло бы упоминаніе Испаніи у Жирардена, развитое подробнѣе въ поэмѣ его современника [1]). Въ этомъ смыслѣ подтвердилось бы мнѣніе П. Париса объ испанско-мавританскомъ происхожденіи Клеомадеса. Можетъ быть, и имя одного изъ дѣйствующихъ лицъ можетъ служить указаніемъ на такой источникъ; если принцу Kamr-ul-akmâr = луна лунъ, не отвѣчаетъ ни Клеомадесъ, ни Мелаіасинъ, то по крайней мѣрѣ Кларионина указываетъ на понятіе свѣта, а Schems-ul-nahâr значитъ солнце дней.

Восточная сказка о красавицѣ въ теремѣ, о дивовидныхъ подаркахъ и звѣрѣ-самолетѣ проникла въ Европу и другимъ путемъ—въ русскую былину о Подсолнечномъ царствѣ. Какимъ именно путемъ—сказать трудно; очевидно—не тѣмъ, какимъ проникло въ Европу сказаніе, воспѣтое французскими трувэрами. Источникомъ русской былины была та разновидность повѣсти, въ которой роль коня-самолета играла волшебная птица; мы видѣли, что это разновидность довольно распространенная. Астрологи обратились въ хитрыхъ мистеровъ; мотива сватанья нѣтъ, и нѣтъ мести озлобленнаго волшебника; сказка отдала былинѣ одинъ небольшой и притомъ полуисчезнувшій эпизодъ, сливающійся подъ конецъ съ другимъ эпическимъ мотивомъ. Вотъ начало пѣсни [2]):

---

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить средневѣковое названіе Сиріи — Hispania, у Вильгельма Тирскаго и Raymond d'Aguilers.

[2]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, III, 319—328: О царствѣ Подсолнечномъ, царѣ Иванѣ Васильевичѣ и царевичѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ.

Библиотека "Руниверс"

При царѣ было Васильѣ Михайловичѣ,
Жило при царѣ два мастера,
Одной работой занималися
И между собой поразодрали.
И призывалъ ихъ Василій Михайловичъ,
Самъ говорилъ такова слова:
«Когда вы сдѣлаете по штукѣ молодецкія
«И другъ другу про себя не скажете,
«Тогда васъ обоихъ пожалую».
Одинъ сдѣлалъ орла самолетнаго,
Другой утушку золоты-крылья.
Разъ ю вылилъ, положилъ въ тазъ воды,—
Его утушка не заплавала.
Это дѣло ему не полюбилося:
Сломалъ онъ свою утушку,
Перелилъ ю на другой разъ;
Какъ положилъ ю во тазъ воды,
Его утушка стала плавати.
И взялъ яичко вареное,
Положилъ на поле тазовое,
Его утушка стала клевать яйцо,
Ея дѣтушки тожа клюютъ.

Онъ приноситъ свою подѣлку къ царю, которому она приглобилася. Второй мастеръ

Приходитъ съ орломъ самолетнимъ,
Вызываетъ царя на широкій дворъ,
Вынимаетъ орла самолетнаго
Изъ-подъ той полы сподъ правыя,
Садился на орла самолетнаго,
Улеталъ онъ въ чисто поле
Подъ тыя подъ облака высокія,
Прилеталъ онъ назадъ съ поля.
Этотъ орелъ царю поправился,
И тутъ обоихъ царь пожаловалъ.
У того царя Василья Михайловича
Былъ сынъ Иванъ Васильевичъ,
Своимъ глупымъ умомъ разумомъ
Заходилъ въ кладовыя въ отцовскія,
Бралъ орла самолетнаго,
Садился молодецъ на того орла,
Улеталъ въ далече чисто поле,
Подъ тыя подъ облака высокія,
Увидѣлъ царство подъ солнышкомъ,
Подъ солнышкомъ царство великое.

Онъ возвращается назадъ и захватилъ золотой казны, царскую одежу и перстень, снова летитъ въ подсолнечное царство, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

Стоитъ теремъ золоти-верхъ,
Кругъ этого терема былъ бѣлый дворъ
О тыхъ воротахъ о двѣнадцати,
О тыхъ сторожахъ о строгихъ.
Онъ началъ у нихъ выспрашивать,
Онъ началъ у нихъ вѣдывать:
«Для чего построенъ бѣлый дворъ
«О тыхъ воротахъ о двѣнадцати?
«Ты ей-же удаленькій добрый молодецъ!
«У нашего царя Подсолнечнаго
«Есть у него дочи любимая
«Молодая Марья Лиховидьевна;
«Посажена она въ высокъ теремъ
«И поставлены сторожа строгіе.
«И сказали ему бѣлицы-волшебницы,
«Что твоя будетъ дочи любимая
«На шестнадцатомъ году въ поночникѣ».

Царевичъ начинаетъ ходить вокругъ двора, высмотрѣлъ подъ крышей полукруглое окно („полуциркольно"), одна половина котораго была не заперта, и вернувшись въ чистое поле (гдѣ оставилъ орла?), садится на самолетную птицу и проникаетъ въ теремъ Марьи Лиховидьевны:

Онъ началъ съ ней разговаривать
И началъ съ ней угощатися
И во разныя забавы занимати.

Съ той поры онъ часто леталъ въ подсолнечное царство, забавляясь съ царевной, распѣвая съ ней пѣсни на два голоса. Услышали это сторожа, донесли царю; на его вопросъ царевна проситъ не вѣрить навѣтамъ: Когда я весела радосна, я пою пѣсни веселыя, нѣжнымъ голосомъ; когда порастоскуюсь, пою пѣсни унылыя, „и пою голосомъ другіимъ".

Здѣсь собственно кончается въ русской былинѣ заимствованіе изъ разсмотрѣннаго выше сказочнаго цикла. Что слѣдуетъ далѣе, можетъ быть сообщено въ краткомъ очеркѣ: Марья Лиховидьевна родитъ царевичу Ивану сына, Ѳедора Ивановича, котораго отецъ отдаетъ на воспитаніе „бабушкѣ задворенкѣ", вмѣстѣ съ ларцемъ съ золотою казной, царскою одеждой и своимъ золотымъ перстнемъ: все это она должна отдать сыну, когда онъ спроситъ у нея про своего батюшку. Ѳедору шестнадцать лѣтъ, когда онъ узнаетъ объ отцѣ, котораго пѣсня величаетъ далѣе „грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ". Отправившись къ нему, Ѳедоръ узнаетъ, что отецъ его сватаетъ дочь великаго боярина, Анну Дмитріевну. Тогда онъ

Библиотека "Руниверс"

нанимается въ приказчики къ одному боярскому сыну; царская невѣста, покупая у него „товаровъ на свадебку", влюбилась въ него, и они начинаютъ жить вмѣстѣ: устроили подземные подкопы между невѣстинымъ домомъ и лавкой, и Анна Дмитріевна ходитъ въ приказчику „во часы ночные". Вдѣсь увидѣли ее тоже набацкіе, которыхъ пріютилъ у себя Ѳедоръ, и проговорились о томъ въ пьяномъ видѣ. Вѣсть о томъ доходитъ до царя Ивана: на слѣдующій разъ онъ самъ „накрутился" тоже набацкою, вмѣстѣ съ другими стучится ночью въ лавку Ѳедора и видитъ тамъ свою невѣсту. Онъ велитъ казнить Ѳедора: самъ станетъ по крылечку похаживать, платочкомъ помахивать; какъ въ третій разъ махнетъ, такъ рубить Ѳедору бѣлую голову. А Ѳедоръ Ивановичъ надѣлъ подъ купеческую одежду—одежду царскую, надѣлъ и перстень; царь махнулъ платкомъ въ третій разъ, сняли съ Ѳедора одежду верхнюю палачи немилостные, а голову рубить не рѣшаются:

Нельзя ему рубить бѣлая голова,
На немъ есть одежа царская
И есть золотой царскій перстень.

Тутъ только царь призналъ своего сына, беретъ за ручки бѣлыя, цѣлуетъ во уста сахарныя и женитъ на Аннѣ Дмитріевнѣ, а самъ беретъ за себя его мать Марью Лебедь бѣлую.

Былина о Подсолнечномъ царствѣ интересна во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего по своему сказочному содержанію, сближающему ее, напримѣръ, съ тѣми пѣснями былиннаго характера, въ которыхъ сохранились мотивы старыхъ сокольниковскихъ сказокъ (см. былину о Васильѣ Окульевичѣ), съ восточною повѣстью о Русланѣ Залазаревичѣ и т. п. Какъ Руслань покидаетъ свою первую жену, индійскую царевну, для красавицы, царствующей въ Солнечномъ городѣ, такъ Иванъ забываетъ дочь Подсолнечнаго царя для Анны Дмитріевны; какъ Иванъ велитъ отдать будущему своему сыну, Ѳедору, знавши его царскаго происхожденія, когда онъ будетъ на возрастѣ и спроситъ о своемъ отцѣ,—такъ поступаетъ и Руслань, разставаясь со своею первою женой: онъ даетъ ей чудный камень и говоритъ: „Если родится у тебя послѣ меня сынъ, ты тотъ камень на руку ему возложи; коли дочь, ты ей въ томъ камени серги доспѣй". Въ отсутствіе Руслана, который между тѣмъ женился на солнечной царевнѣ, а „прошлую свою вѣнчальную жену" совсѣмъ забылъ, послѣдняя родитъ ему сына Руслана, который, узнавъ о своемъ происхожденіи, ѣдетъ отъискивать отца, вступаетъ съ нимъ въ бой, не

Библиотека "Руниверс"

узнанный имъ; когда взаимное признаніе совершилось, побуждаетъ его покинуть незаконную жену и вернуться къ прежней.

Такова въ общихъ чертахъ разсказа и пѣсни о Солнечномъ царствѣ; отмѣны, представляемыя ею, объясняются, быть можетъ, вліяніемъ другихъ сказочныхъ сюжетовъ. Иванъ, напрудивающійся голью и такимъ образомъ открывающій связь сына Ѳедора со своей невѣстой, напоминаетъ народныя сказки о Грозномъ, который также пристаетъ къ шайкѣ воровъ и присоединяется къ Шибаршѣ (см. мои „Сказки объ Иванѣ Грозномъ", въ Древн. и Нов. Россіи 1876, № 4).

Это приводитъ меня къ вопросу объ историческихъ пріуроченіяхъ, открывающихся намъ въ пѣсни о солнечномъ царствѣ. Нельзя сомнѣваться, что Василій Михайловичъ просто искажено въ ней изъ Василья Ивановича; грозный царь Иванъ Васильевичъ говоритъ самъ за себя, какъ и сынъ его Ѳедоръ Ивановичъ; болѣе того: конецъ пѣсни о подсолнечномъ царствѣ представляется варіантомъ къ извѣстнымъ былинамъ, въ которыхъ поется о томъ, какъ царь Иванъ велитъ казнить сына Ѳедора, оговореннаго братомъ и спасеннаго боляриномъ Никитой Романовичемъ [1]). Мы, стало быть, имѣемъ дѣло съ прикрѣпленіемъ сказочнаго матеріала къ историческимъ именамъ и мнимо—историческимъ положеніямъ. Прикрѣпленіе это совершилось, стало быть, не ранѣе XVII вѣка; совершилось ли оно тогда впервые, или замѣнило какое—нибудь другое, болѣе древнее, мы не знаемъ, хотя считаемъ послѣднее предположеніе менѣе вѣроятнымъ. Трудно, напримѣръ, предположить, при популярности Владимірова цикла на Руси, что Ѳедоръ и Иванъ устранили какихъ-нибудь владиміровскихъ богатырей. Можно сказать вообще, что сюжетъ Подсолнечнаго царства перешелъ изъ сказки въ былину, когда, отвѣчая какому-то народно-поэтическому требованію, историческіе дѣятели дали свои имена безыменнымъ и безличнымъ героямъ сказки. Такой же процессъ легко можно представить себѣ при переходѣ международнаго текучаго сказочнаго матеріала въ прочный циклъ былинъ, обступившихъ Кіевскаго Владиміра.

Александръ Веселовскій.

---

[1]) Ср. напримѣръ, *Рыбниковъ*, I, стр. 402; *Кирша Данил.*, стр. 334 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРІЯ БОЛГАРЪ ВЪ ТРУДѢ К. О. ИРЕЧКА.

Иречекъ К. Исторія Булгаръ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *В. А. Яковлева*. Два выпуска. Варшава. 1877.

Появленіе русскаго перевода труда К. О. Иречка въ настоящее время какъ нельзя болѣе кстати: наше общество едва ли когда столько интересовалось Болгаріей, какъ нынѣ. Имѣя въ виду, что по извѣстнымъ обстоятельствамъ этимъ переводомъ будутъ пользоваться между прочимъ и такіе читатели, которые не занимаясь спеціально болгарскою исторіей и притомъ не имѣютъ въ рукахъ подлинника, считаемъ полезнымъ разсмотрѣть слѣдующіе два вопроса: во-первыхъ, на сколько вѣренъ съ подлинникомъ переводъ, изданный подъ редакціею г. Яковлева, и во-вторыхъ, на сколько удовлетворителенъ въ научномъ отношеніи самый трудъ К. О. Иречка.

Надъ первымъ вопросомъ мы не будемъ долго останавливаться. Переводъ вообще удовлетворителенъ, хотя далеко не безупреченъ. Главный его недостатокъ заключается въ неправильномъ склоненіи и чтеніи славянскихъ названій; такъ читаемъ: въ Призрѣ (стр. 24) вмѣсто въ Призрену, отъ города Прилѣпъ (стр. 26) вмѣсто Прилѣпа, между Ловечемъ и Плевне (стр. 52) вм. Ловчею и Плевною и т. п.; имя хорватскаго ученаго Рачкаго почему-то не склоняется: „на основаніи труда Рачки (стр. 165 и др.)" нѣмецкій ученый Гинцель называется Гинцелемъ (стр. 143), вмѣсто Дубровчане читаемъ Рагузяне (стр. 486 и др.) и т. п. Встрѣчается и невѣрный переводъ, особенно въ концѣ 2-го выпуска; такъ напримѣръ, на стр. 485 читаемъ слѣдующую безсмыслицу: „Григоровичъ въ 1845 году нашелъ въ монастырѣ св. Наума одного только игумена безъ монаховъ; Грекъ (то-есть, игуменъ) свободно распоряжался съ 30 монахами въ обширномъ монастырѣ", что

Библиотека "Руниверс"

по нѣмецки читается такъ: „Grigorovič traf 1845 in Kloster St. Naum am Ochrida-See den Igumen allein ohne Mönche; der Grieche schaltete mit 30 Knechten frei in dem geräumigen Kloster (s. 513)": изъ knecht'овъ (парики по болгарски, крѣпостные) переводчикъ сочинилъ монаховъ; на той же страницѣ, нѣсколько выше, читаемъ: „Онъ... палъ въ Добруджѣ въ борьбѣ съ Москвитянами", чему соотвѣтствуетъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ: „Er... fiel in der Dobrudža in Kampfe gegen die „Moskov": переводчикъ не обратилъ вниманія на то, что слово не нѣмецкое „Moskov" поставлено въ ковычкахъ, чѣмъ уже указывалось на то, что этому слову придается особое значеніе, и ему легко было бы справиться, что это слово у Турокъ, Болгаръ и Сербовъ обозначаетъ вообще Русскаго, и у Турокъ Москов-гяуръ бранное слово, а у южныхъ Славянъ (у Сербовъ) Москов одъ Москова—высшая похвала (найлучшій изъ Русскихъ); на стр. 488 читаемъ: „самые греческіе свертки теперь уже давно растасканы. (=jene griechischen Pergamente sind jetzt schon längst verschleppt", стр. 516)". Встрѣчаются такіе германизмы; напримѣръ: „гдѣ онъ самъ исполнялъ должность проигумена (стр. 490=wo er selbst das Amt eines Proigumen verwaltete)". Есть и пропуски, извращающіе смыслъ, такъ напримѣръ, на стр. 93 — 94 читаемъ: „они (южные Славяне) сражались большею частію пѣшіе, часто совершенно нагіе", что по нѣмецки читается такъ: „Sie kämpften zumeist zufuss, oft bis auf's Beinkleid unbekleidet" (стр. 100). Но что всего удивительнѣе, редакторъ перевода позволялъ себѣ, нисколько не стѣсняясь, дѣлать прибавленія въ примѣчаніяхъ и даже въ текстѣ, вовсе этого не отмѣчая. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ примѣчаніи на стр. 90, г. Яковлевъ приводитъ сочиненія трехъ русскихъ ученыхъ, о которыхъ не упоминаетъ г. Иречекъ ни въ чешскомъ, ни въ нѣмецкомъ изданіи своей „Исторіи Болгаръ". Въ примѣчаніи 3-мъ на стр. 121, онъ ссылается на Д. И. Иловайскаго, „Разысканія о началѣ Руси", между тѣмъ какъ г. Иречекъ въ примѣчаніи на стр. 137 ясно говоритъ, что трудъ г. Иловайскаго былъ ему неизвѣстенъ: „Die Abhandlung des russischen Historikers Ilovajski über den Slavismus der alten Bulgaren ist uns bis zur Stunde nicht zu Gesicht gekommen". Въ примѣчаніяхъ на стр. 156—161 упоминается изслѣдованіе М. С. Дринова, „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ", которымъ также не могъ воспользоваться г. Иречекъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ въ „Nachträge und Berichtigungen": „Die soeben im Druck befindliche Abhandlung des Herrn Drinov „Die Slaven und die Byzan-

Библиотека "Руниверс"

tiner im X. Jahrhundert" stellt die Geschichte Symeon's in ein ganz neues Licht, vorzüglich durch Aufdeckung neuen Quellenmaterials". На стр. 163, какъ въ текстѣ, такъ и въ примѣчаніи, упоминается изслѣдованіе г. Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ", о существованіи котораго г. Иречекъ вовсе не зналъ. На стр. 174 въ примѣч. 1 находимъ ссылку на „новое изслѣдованіе профессора С.-Петербургскаго университета Васильевскаго" (подразумѣвается „Византія и Печенѣги" въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 года), которое также было неизвѣстно г. Иречку, и т. д.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что на переводъ г. Іовлева не всегда можно полагаться, и что необходимо иногда провѣрять его съ подлинникомъ.

Замѣтимъ наконецъ, что въ самомъ заглавіи перевода: „Исторія Булгаръ" находится ошибка противъ русскаго языка: г. Іовлеву должно бы быть извѣстно, что старо-славянское сочетаніе лъ переходитъ у насъ въ ол, а не въ ул, а слѣдовательно старо-славянскому Вългаре будетъ соотвѣтствовать въ русскомъ языкѣ форма Волгаре, а не Булгаре.

Русскій переводъ сдѣланъ по изданію на нѣмецкомъ языкѣ (Geschichte der Bulgaren, Prag. 1876, стр. XI, 587). Одновременно съ нимъ вышло чешское изданіе (Dějiny národa Bulharského, V Praze 1876, стр. VIII, 536). Въ обоихъ изданіяхъ находится предисловіе, не переведенное г. Іовлевымъ, и алфавитный указатель, облегчающій справки и опущенный, къ сожалѣнію, переводчикомъ.

Тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ „Исторіи Болгаръ" М. С. Дриновъ написалъ въ Болгарское ученое общество въ Браилѣ письмо (Прага, февраль 1876 года), въ которомъ положилъ свое мнѣніе о трудѣ г. Иречка. Это письмо было напечатано въ изданіи Браиловскаго общества: Периодическо списание на Българското Книжовно Дружество (1876 г., кн. XI—XII), и вслѣдъ затѣмъ, появилось въ переводахъ—чешскомъ (Časopis Českeho Musea 1876) и нѣмецкомъ (Archiv für Slavische Philologie, II Bd., 1 Heft). Помѣщая въ своемъ журналѣ рецензію г. Дринова, профессоръ Ягичъ сдѣлалъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: „Es wird wohl keiner Rechtfertigung bedürfen, dass ich diese Anzeige eines in erster Linie allerdings geschichtlichen, aber auch für die Literaturgeschichte und Alterthumskunde des betreffenden Volkes viel wichtiges enthaltenden Werkes in unsere der slav. Philologie gewidmeten Zeitschrift aufgenommen habe. Die Anzeige rührt von einem Manne her, der wohl heute als der competenteste Beurtheiler

dieses Werkes angesehen werden darf, nicht blos darum, weil ihm als geborenen Bulgaren die heutigen Verhältnisse am nächsten liegen, sondern auch weil er selbst durch eine Reihe von Beiträgen gerade für die Erforschung der bulg. Geschichte bahnbrechendes geleistet hat". Изъ этихъ словъ видно, какъ высоко цѣнитъ г. Ягичъ трудъ г. Иречка и рецензію г. Дринова. Въ двухъ другихъ примѣчаніяхъ почтенный редакторъ Архива Славянской Филологіи упоминаетъ объ изслѣдованіяхъ гг. Иловайскаго (О началѣ Руси) и Дринова (Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ). Кромѣ того, въ примѣчаніи на стр. 171 онъ обращаетъ вниманіе на болгарскія собственныя имена въ рукописномъ Евангеліи въ Cividale. Такъ какъ г. Ягичъ придаетъ большое значеніе для болгарской исторіи одной записи въ этой рукописи, то мы позволимъ себѣ немного остановиться на ней.

По мнѣнію Бетмана и Ваттенбаха, чивидальская рукопись относится къ V—VI столѣтію, а записи, состоящія изъ именъ поклонниковъ, „qui venerunt in isto monasterio" (вѣроятно, въ Аквилеѣ), не старше конца VIII и не моложе конца X вѣка. Въ числѣ этихъ именъ встрѣчаемъ имена болгарскія, хорватскія, паннонскія и моравскія: по мнѣнію К. О. Иречка, эти имена были внесены въ чивидальскую рукопись въ концѣ IX вѣка (Časop. Česk. Mus. 1876, str. 776). Между болгарскими именами находятся имена Болгарскаго царя Георгія Михаила (Hic sunt nomina de Bulgaria, inprimis rex illorum Georg Michael), двухъ его братьевъ (Dox et Gabriel), жены Маріи, четырехъ сыновей (Rasate, Gabriel, Simeon et Jacob) и двухъ дочерей (Praxi et Anna). Г. Ягичъ, подобно г. Иречку (стр. 775), подъ Георгіемъ Михаиломъ разумѣетъ Бориса-Михаила, перваго христіанскаго государя Болгаръ. Имена болгарскаго княжескаго семейства внесены въ чивидальскую рукопись, какъ полагаетъ г. Ягичъ, по просьбѣ перваго болгарскаго поклонника, о коемъ упоминается въ запискѣ, писанной тою же рукою, которая записала имена членовъ этого семейства: De Bulgaria qui primus venit in isto monasterio nomen ejus Sondoke (далѣе слѣдуютъ имена двухъ его женъ, отца, матери, двухъ сыновей и пятерыхъ дочерей, а потомъ читаемъ): ... et alius homo bonus Petrus.... et Georgius. Г. Иречекъ утверждаетъ, что подъ именами Petrus и Sondoke въ этой запискѣ разумѣются Петръ, родственникъ Бориса и посолъ его къ папѣ въ 869 году, и Sundicus, болгарскій боляринъ, присутствовавшій на Константинопольскомъ соборѣ 870 года; но такому объясненію противорѣчатъ слова: „et alius homo bonus (Petrus)": извѣстно, что въ западной

Библиотека "Руниверс"

Европѣ богомилы назывались boni homines; слѣдовательно, Petrus былъ богомилъ, но по запискѣ второй (alius) изъ поступившихъ монастырь, первымъ же, конечно, былъ вписанъ его записанный Sondoice (Сѫдъкъ). Наша догадка оправдывается еще тѣмъ, что одна изъ дочерей Сѫдъка называлась, по записи, Bogemilla,— имя, указывающее на принадлежность къ богомильской ереси (Богомилъ = Θεόφιλος, ученикъ апостола Павла, былъ въ особомъ почитаніи у богомиловъ и павликіанъ). Если же Сѫдъкъ и Петръ были богомилы, то запись не можетъ относиться въ IX вѣку, и упоминаемый въ ней rex Bulgarorum не можетъ быть Борисъ Михаилъ. По нашему мнѣнію, вышеупомянутыя записи относятся къ началу XI вѣка, когда стало распространяться богомильское ученіе въ Италіи вообще и въ сѣверной ея части въ особенности (въ Веронѣ, Тревизѣ, Бергамо, Мантуѣ, Миланѣ) и когда впервые появились въ ней миссіонеры болгарскихъ богомиловъ. Къ болѣе позднему времени эти записи нельзя отнести, потому что съ 1018 года у Болгаръ не было уже царей (до возстановленія царства въ концѣ XII вѣка); а въ это время, то-есть, въ началѣ XI вѣка, въ Болгаріи царствовалъ Гавріилъ Романъ Радомиръ, который вмѣстѣ съ женою своею былъ самымъ ревностнымъ послѣдователемъ богомильскаго ученія, и мы полагаемъ, что его слѣдуетъ разумѣть подъ rex Georg Michael, не смотря на несходство имени (что можетъ быть различнымъ образомъ объясняемо), ибо немыслимо, чтобы богомилъ сталъ вносить въ такую священную книгу, какъ Евангеліе, имя православнаго царя, особенно же Бориса-Михаила, жившаго почти за два вѣка передъ тѣмъ. Въ пользу нашей догадки говоритъ еще то обстоятельство, что у Романа Гавріила было столько же дѣтей, сколько упоминается въ записи: пять сыновей и двѣ дочери (пятый сынъ, вѣроятно, родился позже записи). Намъ могутъ возразить, что невозможно допустить, чтобы богомилы, отвергавшіе церковную іерархію, не почитавшіе иконъ и мощей, ходили на поклоненіе въ католическій монастырь. На это мы отвѣтимъ, что вышедшая рукопись приписывалась въ средніе вѣка апостолу Марку, что апостолы и особенно евангелисты были въ большомъ почитаніи у богомиловъ, и что поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если они ходили въ католическій монастырь вписывать свои имена въ такую священную книгу, какъ собственноручное Евангеліе апостола Марка.

Что касается рецензіи г. Дринова, то при всемъ уваженіи къ его знаніямъ, мы далеко не раздѣляемъ мнѣнія о ней г. Ягича. Она написана подъ первымъ впечатлѣніемъ—поспѣшно и необдуманно. По

Библиотека "Руниверс"

всей вѣроятности, онъ не предполагалъ, что она пріобрѣтетъ такую извѣстность, и вслѣдствіе того, будетъ подвергнута критикѣ. Г. Дриновъ, какъ Болгаринъ и притомъ писавшій для Болгаръ, слишкомъ увлекся: онъ приписалъ труду г. Иречка такія достоинства, какихъ книга не имѣетъ, и унизилъ предшественниковъ ея автора. Не отрицая трудолюбія и извѣстнаго литературнаго таланта г. Иречка, допуская даже нѣкоторую долю самостоятельности въ его трудѣ, мы не можемъ согласиться съ отзывомъ г. Дринова о) научномъ значеніи „Исторіи Болгаръ“ и объ отношеніи ея къ предшествовавшимъ ей изслѣдованіямъ. Его „Исторія Болгаръ“, говоритъ рецензентъ, — „на долго будетъ исходною точкою, отъ которой будутъ отправляться всѣ изслѣдователи нашей прошлой жизни; а многочисленныя открытія (многобройнитѣ откривания, въ чешскомъ переводѣ смягчено: četné samostatné výsledky, также и въ нѣмецкомъ: Die vielen selbstänndiggewonnenen Resultate), которыя онъ внесъ въ свою книгу, останутся навсегда драгоцѣннымъ вкладомъ въ славянскую науку“. Къ сожалѣнію, эти открытія весьма немногочисленны и притомъ не всегда надежны, какъ постараемся доказать въ настоящей статьѣ. Особенныхъ похвалъ удостоился г. Иречекъ за исторію втораго Болгарскаго царства, которую, по словамъ рецензента, „изложилъ съ такою полнотою, подробностью и основательностію, что эта до сихъ поръ малоизвѣстная часть нашей исторіи можетъ нынѣ считаться наиболѣе извѣстною и наилучше обработанною“. Г. Дриновъ предполагаетъ, что г. Иречку предстоялъ огромный трудъ — собирать разнообразный матеріалъ, разбросанный по разнымъ книгамъ, очищать критикою, приводить въ порядокъ и объяснять. Онъ говоритъ, что г. Иречку только въ весьма немногихъ вопросахъ помогли труды его предшественниковъ. Сравнивъ съ этими трудами „Исторію Болгаръ“, мы пришли къ убѣжденію, что г. Иречекъ прибавилъ весьма мало къ тому, что уже прежде было извѣстно, — что это малое не имѣетъ существенной важности, что онъ скорѣе справлялся съ источниками, нѣмъ изучалъ ихъ, и что исторія втораго Болгарскаго царства была разъяснена прежде него русскими учеными, — какъ будетъ доказано ниже. Точно также мало новаго сказалъ г. Иречекъ о Болгаріи подъ турецкимъ владычествомъ, хотя, по мнѣнію г. Дринова, ему предстоялъ при этомъ большой и тяжелый трудъ (голѣмъ и тежъкъ трудъ). Только относительно 25-й главы (внутренняя исторія Болгаріи въ XIII и XIV вѣкахъ) мы готовы согласиться съ г. Дриновымъ, хотя не раздѣляемъ его увлеченія. Что касается остальныхъ частей „Исторъ Болгаріи“ (за исключеніемъ тодо-

Библиотека "Руниверс"

графическаго описанія послѣдній о новѣйшей болгарской литературѣ), то самъ рецензентъ не признаетъ ихъ трудомъ самостоятельнымъ и согласѣется о разныхъ ошибкахъ и промахахъ, встрѣчающихся въ нихъ.

Вообще, по нашему мнѣнію, ошибочно смотрѣть на книгу г. Иречка, какъ на трудъ ученый, самостоятельный и критическій: самостоятельнаго въ ней мало, а трудами своихъ предшественниковъ г. Иречекъ пользуется некритически, принимая обыкновенно послѣднее по времени мнѣніе за послѣднее слово науки и относясь слишкомъ раболѣпно къ мнѣніямъ Шафарика, Миклошича и другихъ западно-славянскихъ ученыхъ. Отъ того въ его книгѣ много ошибокъ и промаховъ, которые постараемся поправить. Кромѣ поправокъ, представляемъ наши дополненія къ труду г. Иречка и замѣчанія по поводу рецензіи г. Дринова, которую будемъ имѣть постоянно въ виду.

Исходя изъ положенія, что „все умственное развитіе народа въ значительной степени обусловливается устройствомъ поверхности и характеромъ мѣстности, на которой онъ поселился", г. Иречекъ начинаетъ свой трудъ географическимъ и гидрографическимъ описаніемъ земель, входившихъ нѣкогда въ составъ Болгарскаго царства: это — первая глава „Исторіи Болгаръ" При ея составленіи, авторъ пользовался многочисленными трудами какъ иностранцевъ (Ганъ, Гризебахъ, Каница, Петерсъ, Рокштро, Гопштеттеръ, Фалльмерайеръ — на нѣмецкомъ языкѣ, Ами-Буэ, Бланки, Лежанъ, Пру — на французскомъ), такъ и Славянъ (Верковичъ и Григоровичъ на русскомъ языкѣ, Заларіевъ, Панаіотъ Питовъ и Юрко Поляковъ на болгарскомъ, Мачай и Милюевичъ — на сербскомъ). Кромѣ того, встрѣчаемъ указанія на Страбона, Византійцевъ (Кедрина, Никита Хонскій, Нимфоръ Григора, Кантакузина), впрочемъ лѣтописи Музаки, болгарскія и сербскія грамоты, акты Константинопольскаго патріархата, сербскія лѣтописи и даже болгарскія пѣсни и поэму „Османъ" знаменитаго дубровницкаго поэта Гундулича. На основаніи этихъ источниковъ авторъ представляетъ характеристику каждой мѣстности, приводя при этомъ, рядомъ съ нынѣ употребительными названіями, употреблявшіяся въ древности и въ средніе вѣка. Придирчивая критика могла бъ указать автору на то, что онъ кое-чѣмъ не воспользовался, и что его заимствованія изъ Византійцевъ отличаются случайностью. Мы ограничимся только двумя замѣчаніями на эту главу — безспорно одну изъ лучшихъ въ книгѣ г. Иречка: 1) говоря о хроникѣ Музаки, онъ ссылается на отрывки, изданные нами въ V книгѣ Трудовъ Югославянской Академіи, конечно, не зная, что вся хроника

Библиотека "Руниверс"

изданіи кенигсбергскимъ профессоромъ Карломъ Гопфомъ въ 1873 году въ его „Chroniques Gréco-Romanes"; 2) производство названія „Добруджа" отъ имени „Добротичъ" филологически невозможно и исторически невѣрно: удѣлъ Болгарскаго деспота Добротича (въ половинѣ XIV вѣка) находился не въ Добруджѣ, а на югъ отъ Варны по берегу Чернаго моря и по теченію рѣки Камчика.

Слѣдующія двѣ главы („Трако-Иллирійцы и Римляне" и „Славянская колонизація на Балканскомъ полуостровѣ) составлены преимущественно по извѣстному изслѣдованію харьковскаго профессора М. С. Дринова: „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами" (Москва, 1873 г.). Отъ себя авторъ прибавилъ во II-й главѣ замѣтки о курганахъ на Балканскомъ полуостровѣ, о языкѣ и образѣ жизни Иллирійцевъ и о покореніи полуострова Римлянами (по Захаріеву, Рёслеру, Форбигеру, Моммзену и мн. др.). Археологическія свѣдѣнія, почерпнутыя г. Иречкомъ въ небольшомъ трудѣ Захаріева (Описаніе Татарпазарджикскаго округа), можно въ настоящее время пополнить извѣстіями, сообщенными Ефремомъ Кѣсяковымъ въ описаніи Кратовскаго округа, лежащаго между рѣками Брѣгалницею, на берегахъ которой, по преданію, начиналась апостольская дѣятельность св. Кирилла, и Кривою („Описание на Кратовската каза" въ „Периодич. Спис. на Блъгарското Книжовно Дружество", кн. XI и XII, 1876). Въ концѣ этой главы авторъ касается любопытнаго вопроса объ автохтоніи Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Принимая мнѣніе г. Дринова, что Славяне появляются за Дунаемъ не ранѣе II—III столѣтія по Р. Х., авторъ приводитъ примѣры „курьезныхъ коверканій географическихъ названій", на которыхъ основана трако-славянская теорія. „Вся шаткость этой теоріи", говоритъ въ заключеніе г. Иречекъ,—„лучше всего видна въ толкованіи Bylazora (Βολαζόρα). Городъ этотъ лежалъ въ верхней Македоніи, гдѣ теперь стоитъ Велесъ, и упоминается въ первый разъ въ 316 году до Р. Х. Имя якобы чисто славянское: Byla-zora — Бѣлая заря. Дѣйствительно, странное названіе! По нашему мнѣнію, совершенно непонятно, какъ могла зародиться странная мысль назвать городъ такимъ поэтическимъ именемъ. Кромѣ того, заря обыкновенно алая, а не бѣлая. Прибавимъ сюда еще сильное филологическое опроверженіе. Названіе съ незапамятныхъ временъ могло произноситься по болгарски не Была, а только Бѣла зора. Дѣйствительнаго, смысла названія приходится искать въ языкѣ Албанцевъ (?!). На этомъ языкѣ ura, ure, которое, очевидно (!) входитъ въ составъ нашего названія (Byla-ora), значитъ

Библиотека "Руниверс"

мостъ, и Ганъ справедливо говоритъ, что природа какъ бы сама назначила мѣсто, гдѣ теперь стоитъ Велесъ, для моста черезъ бѣшеный Вардаръ, который, вѣроятно, и былъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ только люди стали строить мосты. Также Турки, называя Велесъ, албанскій Вьлъсъ, византійскій и новогреческій Βελεσσός или Βελεσά, переводя Bylazora Kjöprülü отъ kjöprü — мостъ „(русскій переводъ", стр. 67). Отъ такого словопроизводства, не будь въ обиду сказано, почтеннѣйшій М. С. Дриновъ пришелъ въ восторгъ. Въ своей рецензіи (Периодич. Спис. Българското книжовно Дружество кн. XI и XII, стр. 218—219) онъ говоритъ: „Това обяснение е, колкото остроумно, толкова и основателно. Съ него г. Иречекъ е нанесълъ послѣденъ ударъ на трако-илирската теория". Ежели дѣйствительно такимъ словопроизводствомъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ ѳрако-славянской теоріи, то честь его принадлежитъ не г. Иречку, а англійскому путешественнику Лику (Leake), который въ своемъ „Travels in Northern Greece" (III, 470) производитъ Βολάζορα отъ албанскаго Welese и are, ura; но въ несостоятельности такого словопроизводства указалъ уже знаменитый албанологъ Ганъ. Въ „Reise von Belgrad nach Salonik" (Wien, 1861, стр. 102) онъ говоритъ: „Sobald wir den Namen als albanesisches Wort fassen und bedenken, dass die Hellenen das gedeckte albanesische e durch andere Laute ersetzen mussten, so erscheint Leake's Zusammenstellung von Welese mit dem alten Bylazora (Βολάζορα) als ganz unbedenklich. Auffallend ist nun, dass ura, bestimmt ura im Albanesischen die Brücke heisst, und dass sich demnach Bylazora mit Wellesbrücke übersetzen liesse, wenn wir eine ähnliche albanesische Composition beibringen könnten, in welcher, wie im Türkischen, der Genitiv vor dem Nominativ steht. Bei allen uns bekannten albanesischen Compositis folgt jedoch der Genitiv dem Nominativ nach". Ни смотря на такое опроверженіе, основанное на духѣ албанскаго языка, г. Иречекъ заимствовалъ у Лика словопроизводство Βολάζορα и чистосердечно вѣритъ въ его непогрѣшимость; поэтому считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ загадочномъ названіи. Въ немъ суффиксъ ор напоминаетъ часто встрѣчающійся у Византійцевъ суффиксъ ур=ор въ названіяхъ племенъ: Утургуры и Угигуры (у Прокопія) = Угиндуры и Виллигуры у Агаѳія и Менандра (=Витугоры у Іорнанды), Кутургуры (у Прокопія) = Котригуры у Агаѳія и Менандра = Бутраги у Ѳеофана и Никифора, Амалзуры (у Присца); Ултинзуры (у Прокопія и Агаѳія) = Ултцингуры (у Іорнанда) и т. п. Что всѣхъ этихъ племенныхъ

Библиотека "Руниверс"

названныхъ ур—ор есть суффиксъ, видно изъ того, что Котригуры называются также Котраги (срв. Котрагъ — предводитель Болгаръ, переходившихъ въ первый разъ за Дунай). Какому языку принадлежитъ этотъ суффиксъ — трудно рѣшить, потому что онъ встрѣчается у народовъ Тюркскихъ, Финскихъ и Германскихъ (Амалзуры, Германдуры). Что касается корня слова Βυλάζωρα, то Bylaz напоминаетъ Byllis, названіе римской колоніи въ Эпирѣ, и селеніе Bylla тамъ же, въ Дельвинской области, Филіатскаго округа (Ἀραβαντινός, χρονογραφία τῆς Ἠπείρου, τ. II, сал. 355). Что бы значило и на какомъ языкѣ названіе Βυλάζωρα, мы не беремся объяснять, считая это непроизводительною тратою времени: можемъ только сказать рѣшительно, что оно не значитъ ни Бѣлая заря, ни Велесовъ мостъ. Такимъ образомъ, попытка г. Иречка уничтожить однимъ ударомъ славяно-славянскую теорію оказывается столь же неудачною, какъ сама теорія, которой, впрочемъ, онъ касается слегка, повторяя въ немногихъ словахъ сказанное г. Дриновымъ (Погледъ върху произхождението на Блъгарски народъ, стр. 82—87; Засл. Валк. пол. Слав., стр. 26—40).

III-я глава — „Славянская колонизація на Балканскомъ полуостровѣ" — вся написана по магистерской диссертаціи г. Дринова. Дополненія незначительны и неумѣстны: такъ, на двухъ страницахъ (71—72) говорится о Троянѣ у Славянъ въ доказательство того, что они сохранили до сихъ поръ память о побѣдителѣ Даковъ, хотя славянскій Троянъ — личность далеко не историческая; такъ же не кстати приводятся славянскія названія деревень въ Трансильваніи (стр. 78), гдѣ еще въ прошломъ столѣтіи говорили по болгарски: о славяно-болгарскихъ поселеніяхъ въ Трансильваніи въ V—VI вѣкѣ не можетъ быть и рѣчи; это — поселенія позднѣйшія, времени турецкаго владычества. Страсть автора къ этимологизированію сказалась въ этой главѣ изобрѣтеніемъ царя Манжука (онъ читаетъ Μουσούκιος, Μουβούκιος, вмѣсто Μοσόκιος).

Въ IV-й главѣ г. Иречекъ обѣщаетъ говорить о славянскомъ миѳосѣ — о жизни, нравахъ, поселеніяхъ, происхожденіи пришлыхъ Славянъ и ихъ отношеніи къ коренными обитателямъ. Сказать обо всемъ этомъ обстоятельно въ одной главѣ изъ 26 страницъ мудрено, и авторъ сдѣлалъ бы хорошо, если бы раздѣлилъ весь этотъ матеріалъ на двѣ или на три главы: онъ самъ чувствовалъ необходимость раздѣленія этого матеріала и подѣлилъ IV-ю главу на четыре части. Первая часть, озаглавленная „Образъ жизни Славянъ", состоитъ всего изъ 8 страницъ: на первыхъ двухъ страницахъ говорится о наруж-

Библиотека "Руниверс"

ности и характерѣ Славянъ и о ихъ общественномъ и государственномъ бытѣ; на слѣдующихъ двухъ же страницахъ — о постройкахъ, о занятіяхъ, о домашней жизни и военныхъ обычаяхъ; остальныя четыре страницы посвящены миѳологіи.

„Мы не имѣемъ намѣренія", говоритъ авторъ, — „представить здѣсь картину жизни Славянъ до ихъ переселенія на западъ и югъ съ первоначальной ихъ родины и ограничимся только указаніемъ богатой литературы по этому предмету" — и при этомъ ссылается на пять сочиненій.

Очень жаль, что г. Иречекъ отнесся такъ легко къ столь важному предмету, какъ бытъ Славянъ до ихъ разселенія: только знай, чѣмъ были Славяне до ихъ перехода за Дунай, можно опредѣлить, чѣмъ они стали потомъ, подъ вліяніемъ народовъ, съ которыми они потомъ сосѣдили и находились въ дружественныхъ или непріязненныхъ отношеніяхъ, которыхъ подчиняли себѣ, или которымъ сами подчинялись физически или нравственно. Возможно ли историку Болгаръ опредѣлить, какое вліяніе имѣли на нихъ туземцы, которыхъ они нашли на Балканскомъ полуостровѣ, и особенно, какъ измѣнился ихъ бытъ подъ вліяніемъ пришлой орды Аспаруха, потомъ Византіи, Румыновъ, Половцевъ, Татаръ, и наконецъ — Турокъ, если онъ не будетъ имѣть самыхъ точныхъ свѣдѣній объ общественномъ и государственномъ устройствѣ, о нравахъ и обычаяхъ, о религіи Славянъ до занятія ими земель, вошедшихъ въ составъ Болгарскаго царства? Такимъ образомъ г. Иречку слѣдовало бы представить вѣрную и полную картину жизни Славянъ до ихъ переселенія за Дунай, а не ограничиваться случайными замѣтками, не всегда даже основательными.

Посмотримъ, что и какъ сообщаетъ намъ г. Иречекъ о бытѣ Славянъ.

Онъ начинаетъ съ наружности Славянъ: „По Прокопію, всѣ Славяне были большаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія. Волосы они имѣли ни свѣтлые, ни совершенно темные, но по большей части русые".

При этомъ г. Иречекъ опустилъ весьма важную черту, отмѣченную Прокопіемъ (De bello Gothico, lib. III, cap. XIV, p. 336, ed. Bonn.): „цвѣтъ лица имѣютъ не совсѣмъ бѣлый". Какъ слѣдуетъ понимать это выраженіе Прокопія, можно видѣть изъ арабскихъ писателей (Ибнъ-Фодланъ, Казвини, Якутъ и др.), по словамъ которыхъ Славяне отличались красноватымъ цвѣтомъ лица: отъ того у Арабовъ

Библиотека "Руниверс"

Склабъ (Славянинъ) было синонимомъ красноволосаго человѣка. Какъ типъ, такъ и одежда Славянъ имѣютъ не маловажное значеніе при опредѣленіи происхожденія Болгарской орды Аспаруха, а потому г. Иречку слѣдовало бы быть болѣе точнымъ въ описаніи наружности Славянъ и представить общій итогъ того, что говорятъ объ этомъ предметѣ Византійцы (кромѣ Прокопія, напримѣръ, Ѳеофилактъ, Hist. lib. VI, cap. II, p. 244 по бонняск. изд.), западные лѣтописцы (Einhardi Vita Caroli, lib. II, p. 29 Widukindi Gesta Saxon. lib. II, c. XX, p. 444 и др.) и Арабы (см. извѣстные труды Френа, Шармуа, Хвольсона, Гаркави). Объ одеждѣ Славянъ г. Иречекъ совсѣмъ умалчиваетъ, хотя они отличались ею отъ пришлыхъ Болгаръ, что весьма важно при оцѣнкѣ славяно-болгарской теоріи. Прокопій, показаніемъ котораго нужно особенно дорожить по отношенію къ Задунайскимъ Славянамъ, упоминаетъ объ одеждѣ нижней (рубаха) и верхней (плащъ) и о короткихъ портахъ (гати или гашти, срв. серб. гаћи, нѣмск. gatё, подъск. gacie). Послѣдними Славяне отличались отъ Болгаръ, носившихъ широкія шаровары.

О характерѣ Славянъ г. Иречекъ приводитъ только отзывъ Маврикія, по словамъ котораго они были добродушны, открыты и гостепріимны. Характеристику Славянъ можно было бы пополнить по Византійцамъ (напримѣръ Прокопій, Ѳеофанъ, Левъ Діаконъ), западнымъ лѣтописцамъ (Фредегаръ, Титмаръ, Адамъ Бременскій, Гельмольдъ и др.) и Арабамъ (Ибнъ-Фодланъ, Массуди, Аль-Бекри, Идриси и др.), при чемъ не слѣдуетъ забывать дурныхъ сторонъ въ характерѣ Славянъ: честные, добродушные, гостепріимные, храбрые и отважные, Славяне были мстительны и въ местѣ доходили до свирѣпости, постоянно ссорились и враждовали между собою, „ни въ чемъ между собою не соглашались", какъ говоритъ Маврикій; „если одни въ чемъ согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе; ибо всѣ пищатъ другъ къ другу враждебно, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому".

О задругѣ или семейной общинѣ г. Иречекъ повторилъ сказанное Воцелемъ въ его „Pravěk země české", II, 341—344 (или по русск. переводу г. Задеранскаго: „Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности", стр. 157—161). Жаль, что г. Иречекъ говоря о семейной общинѣ, ни слова не сказалъ о семьѣ; это—вопросъ очень важный въ славянскихъ древностяхъ. Уже Шлейхеръ (Краткій очеркъ жизни сѣв.-вост. отдѣла индо-германск. языковъ въ Зап. И. др Отд. Ак. Н. 1865, VIII, 1), доказалъ, что еще въ общe-арійскій

Библиотека "Руниверс"

періодъ Славяне имѣли правильно организованную семью и точно различали степени родства и сродства, а слѣдовательно, уже въ столь отдаленную эпоху у нихъ существовало одноженство. Если же выводы Шлейхера основательны, то мы должны съ большими ограниченіями принимать показанія иностранцевъ о многоженствѣ у Славянъ (срв. Котляревскаго, Древности права Балт. Слав., I, 86—87). И здѣсь опять мы имѣемъ случай противопоставить Славянамъ Болгаръ, у которыхъ господствовало многоженство.

На основаніи извѣстныхъ словъ Прокопія (Τὰ γὰρ ἔθνη ταῦτα, Σκλαβηνοί τε καὶ Ἄνται, οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς ἑνός, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι) г. Иречекъ говоритъ, что у Славянъ былъ демократическій образъ правленія, изъ чего читатель имѣетъ полное право заключать, что они составляли демократическія республики. Авторъ не потрудился уяснить себѣ, что̀ понималъ Прокопій подъ выраженіемъ ἐν δημοκρατίᾳ. Еслибъ онъ сталъ на точку зрѣнія Византійца и сравнилъ слова Прокопія съ многочисленными показаніями византійскихъ, западныхъ и арабскихъ писателей, то понялъ бы, что подъ δημοκρατία Прокопія разумѣется правленіе монархическое, ограниченное вѣчемъ и боярскою думою, въ противоположность неограниченной монархіи въ Византіи, Западной Европѣ и у Арабовъ. Кромѣ того, Славяне не составляли одного государства, не повиновались одному государю, „а имѣли много царьковъ (πολλῶν δὲ ὄντων ῥηγῶν)", „по выраженію Маврикія,—„и эти царьки были между собою несогласны". Эти Славянскіе царьки не походили ни на Византійскихъ василевсовъ, ни на Западныхъ императоровъ и королей, ни на Арабскихъ калифовъ, и потому иностранные писатели не находили на своемъ языкѣ выраженій, соотвѣтствующихъ значенію верховной власти у Славянъ, и употребляли то то, то другое, какъ попало: Византійцы—ἄρχοντες, κατάρχοντες, ἀρχηγοί, ἡγέμονες, ἡγεμονεύοντες, ἡγήτορες, ῥήτορες и т. п., западные лѣтописцы — duces, primores, rectores, reges, reguli, subreguli и т. п. Вирочемъ встрѣчаются у нихъ и славянскія названія: ζουπάνος, ἀρχιζούπανος, βοάνος, βοεβόδος, — zupanus, banus. Кромѣ титуловъ жупана, бана и воеводы, славянскіе государи носили титулъ князя, и это былъ самый распространенный титулъ, на сколько можно судить по тому, что слово князь существуетъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ: ст.-слав. кънѧзь, серб.-хорв. словенск. с.-луж. кнез, ст. чеш. kniaz, ново-чеш. kníže, польск. książe и ksiądz. Правда, не у всѣхъ Славянъ оно сохранилось въ одинаковомъ значеніи (у Сербовъ и Хорватовъ оно означаетъ сельскаго ста-

Библиотека "Руниверс"

росту (knez) и въ то же время владѣтельныхъ князей Сербіи и Черногоріи (князь); у Поляковъ ksiądze то же, что русское князь, и ksiądz—священникъ; у Сербовъ-Лужичанъ knez значитъ господинъ); но разнообразіе въ значеніи слова князь у Славянъ объясняется его происхожденіемъ: въ словѣ кънѧзь, родственномъ герм. koning, koning, kŏnig корень кън (=чл)=санскр. kan, gan (рождать, срв. kuni—родъ); слѣдовательно князь значитъ родоначальникъ (конъ = на-чл-ло), а князь—начальникъ рода былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вождемъ: отсюда понятенъ переходъ отъ значенія князя къ значенію священника (то же самое случилось и съ словомъ жупанъ, которое въ формѣ жупникъ значитъ у Далматинцевъ приходскій священникъ). Подобно другимъ Славянамъ, и у Болгаръ существовалъ княжескій титулъ; были у нихъ также и воеводы; но нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобъ у нихъ существовали жупаны и баны. Князья у Болгаръ, какъ и у другихъ Славянъ, не пользовались неограниченною властью, а напротивъ того, зависѣли отъ вѣча и боярской думы, какъ видно изъ Ѳеофана и Кедрина. Нѣтъ сомнѣнія, что и у Болгаръ, какъ у Сербовъ, членами вѣча были духовныя лица, бояре и люди служилые, и что простой народъ не имѣлъ права присутствовать на вѣчѣ. Такимъ образомъ у Славянъ, прозвавшихся Болгарами, государственныя учрежденія вовсе не имѣли характера демократическаго, какъ полагаетъ г. Иречекъ.

Г. Иречекъ жестоко ошибается, увѣряя, что у Славянъ не было укрѣпленныхъ городовъ. Онъ даже самъ себѣ противорѣчитъ, такъ какъ нѣсколько выше говоритъ, что „центръ жупы составляетъ градъ — укрѣпленіе жупы“. Вѣдь слово градъ (городъ) обозначаетъ ни что иное, какъ мѣсто огороженное, укрѣпленное; но такіе грады—города не имѣли постояннаго народонаселенія: сюда собирался народъ для жертвоприношенія и для общественныхъ дѣлъ, здѣсь онъ укрывался отъ непріятелей. Славянскій градъ называется у Византійцевъ то χάστρον, у латинскихъ лѣтописцевъ—castrum, castellum. Такихъ градовъ у всѣхъ Славянъ было значительное число. Нѣкоторые изъ нихъ были сильными крѣпостями. Въ пригородахъ или слободахъ помѣщалось торговое и промышленное народонаселеніе: изъ нихъ развились торговые города, особенно славившіеся у Болгарскихъ и Русскихъ Славянъ.

Говоря о постройкахъ Славянъ по Прокопію и Маврикію, г. Иречекъ сообщаетъ замѣчательный курьёзъ съ столь же замѣчательнымъ объясненіемъ: „Лучшее свое имущество они закапывали въ землю.

Библиотека "Руниверс"

Это занесло отъ нихъ неосѣдлости и продолжалось до тѣхъ поръ, пока они не поселились окончательно на полуостровѣ. Что Славяне прятали подъ землею свое имущество, говоритъ Маврикій (Strategicum lib. XI, c. 5); но это бывало только при приближеніи непріятеля, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Гельмольда: „Славяне не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а обыкновенно сплетаютъ себѣ избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды. Едва раздается кликъ военной тревоги, они поскорѣе заберутъ весь хлѣбъ, спрячутъ его съ золотомъ, серебромъ и всѣми дорогими вещами въ ямы, уведутъ женъ и дѣтей въ надежныя убѣжища, въ укрѣпленія, а не то въ лѣса, и не останется на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ однѣхъ избъ, о которыхъ они не жалѣютъ ни мало" (Chron. Slav., lib. II, cap. 13). Что касается построекъ Славянъ въ древнѣйшую эпоху, то онѣ далеко не были такъ дурны, какъ говорятъ Прокопій и Гельмольдъ. О жилищахъ и образѣ жизни Славянъ имѣются любопытные факты языка. У всѣхъ Славянъ существуетъ слово домъ; слѣдовательно, они строили дома до разселенія своего изъ прародины. Всѣмъ Славянамъ извѣстны и части дома: стрѣха, стѣна, кровля, окно, печь и т. д. Дома строили изъ дерева, и для окраски стѣнъ употребляли известь (вапно, вапъ). Въ домахъ были столы и стулья. Кушанье варилось въ котлахъ; ѣли ложками, пили чашами. Много или нѣсколько домовъ составляли село (весь). Такимъ образомъ еще на прародинѣ Славяне имѣли постоянныя жилища, вели жизнь осѣдлую. Главнымъ ихъ занятіемъ было земледѣліе: изъ земледѣльческихъ орудій они знали плугъ, рало, косу, серпъ, мотыку, лопату и цѣпъ; они сѣяли рожь, пшеницу, ячмень, овесъ и просо, вязали въ снопы, складывали въ стоги, молотили въ гумнѣ; на жерновахъ и млинахъ мололи муку и изъ нея приготовляли хлѣбъ и квасъ; изъ овощей имъ были извѣстны дыня, рѣпа, горохъ (грахъ), бобы, лукъ и чеснокъ, изъ плодовыхъ деревьевъ — яблоня, груша, вишня, черешня, слива и орѣхъ. Они разводили пчелъ, и изъ ихъ меда варили любимый свой напитокъ, а изъ воска (и сала свинаго) дѣлали свѣчи. Изъ домашнихъ животныхъ издревлѣ они держали коровъ (крава), быковъ, воловъ, телятъ, овецъ, свиней, поросятъ, козъ, коней (ихъ запрягали въ кола и телѣги) и гусей. Пища ихъ была мясная и мучная (каша); они варили и пекли ее въ каменныхъ печахъ. Славянамъ были извѣстны нѣкоторыя ремесла: они умѣли прясть и ткать, употребляя для этого веретено (врѣтено), прялку, станокъ, кросны, челнокъ и бердо; они выдѣлывали полотно и сукно, шили

Библиотека "Руниверс"

кошули, гачи и плащи, дѣлали кожухи и обувь (дрѣнье); они тесали и ковали, дѣлали корыта, обручи, сита, рѣшета, ложки, котлы, подковы. Изъ металловъ имъ были извѣстны желѣзо, олово, серебро и золото. Изъ драгоцѣнныхъ металловъ они дѣлали обручи для украшенія плечей и рукъ и перстни, изъ желѣза же—копья, сулицы, мечи, стрѣлы и щиты. Вѣроятно также, ихъ пѣнязи были металлическіе. Таковы свидѣтельства языка о бытѣ Славянъ въ древнѣйшую эпоху: они подтверждаются позднѣйшими сказаніями иностранцевъ. По этимъ двумъ источникамъ можно представить весьма обстоятельный очеркъ быта Славянъ до переселенія ихъ за Дунай. Само собою разумѣется, что въ сказаніяхъ иностранцевъ слѣдуетъ отличать черты общія всѣмъ Славянамъ отъ такихъ, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ племенамъ; такъ напримѣръ, не всѣ Славяне занимались винодѣліемъ и горнымъ промысломъ, не у всѣхъ въ одинаковой степени были развиты рыболовство и торговля. Относительно послѣдней замѣтимъ, что слово тръгъ обще всѣмъ Славянамъ, слѣдовательно, и тѣ изъ нихъ, которые поселились за Дунаемъ, были знакомы съ торговымъ промысломъ, и мѣстныя условія только способствовали развитію торговыхъ сношеній Славянъ-Болгаръ, сношеній, которыя достигли замѣчательныхъ размѣровъ въ IX—X вѣкахъ. Всякій съ нами согласится, что исторіину Болгарскаго народа слѣдовало бы представить обстоятельныя свѣдѣнія о бытѣ Славянъ, а не ограничиваться нѣсколькими случайными указаніями.

Подробнѣе говоритъ г. Иречекъ о военныхъ обычаяхъ южныхъ Славянъ (по Маврикію); но тутъ мы встрѣчаемъ недоразумѣнія и неточности, которыя легко было бъ устранить, сравнивъ сказаніе Маврикія съ сказаніями другихъ иностранцевъ, особенно же Византійцевъ (срв. Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и наше разсужденіе: Сказанія иностр. о бытѣ и нравахъ Славянъ, стр. 129 — 130, 151 — 153). Что касается сказанія Маврикія объ умѣньи Славянъ скрываться въ рѣкѣ при помощи камышей, то одна ли можно отнести его къ другимъ Славянамъ, кромѣ Днѣпровскихъ. Вообще о военномъ искусствѣ Славянъ мы имѣемъ много свѣдѣній (изъ Византійцевъ, кромѣ Маврикія, у Прокопія, Агаѳія, Ѳеофилакта, Ѳеофана, Льва Діакона, Константина Багрянороднаго Порф., изъ латинскихъ лѣтописцевъ—у Фредегара, Павла Варнефрида, Видукинда, Гельмольда и друг., изъ Арабскихъ писателей у Масуди, Казвини и др.).

„Труднѣйшая часть Славянскихъ древностей есть мифологія", го-

Библиотека "Руниверс"

ворить г. Иречекъ. — „Частью по скудости и темнотѣ источниковъ, частью же по безплодности объясненій новыхъ писателей, въ этой интересной области царствуетъ ужасающій хаосъ. Только въ послѣдніе годы и здѣсь безпристрастная критика начинаетъ прокладывать себѣ дорогу. До сихъ поръ одни ученые безразлично соединяли въ одно все, что только они находили у различныхъ славянскихъ народовъ и въ различные періоды ихъ исторіи и все это приписывали одинаково всѣмъ Славянамъ различныхъ временъ; другіе же терялись въ безпредѣльномъ лѣсу арійскихъ миѳовъ и давали полный просторъ комбинаціямъ своей разнузданной фантазіи" (по русск. изд. стр. 94—95). Кто прочтетъ такой суровый приговоръ объ изслѣдованіяхъ по части славянской миѳологіи, невольно подумаетъ, что г. Иречекъ стоитъ несравненно выше всѣхъ ученыхъ, занимавшихся славянскою миѳологіей и что онъ откроетъ намъ тайны науки; но на повѣрку оказывается, что онъ только повторилъ сказанное Вогелемъ преимущественно о чешскихъ миѳологахъ, въ чемъ убѣдится каждый, кто сравнитъ вышеприведенныя слова г. Иречка (особенно въ чешскомъ подлинникѣ стр. 80) съ слѣдующими словами въ „Правѣкѣ земли чешской" (II, стр. 361—362): Vůbec tvrditi lze, že bádání v oboru mythologie slovanské k nejnesnadnějším školům v okresu starožitností slovanských náleží. Starší spisovatelé, jenž se o rozřešení otázky té pokoušeli, úkol ten sobě dosti snadným učinili, pojímajíce v obor bájesloví nějakého kmene slovanského na př. českého, vše co o bohoslužbě Slovanů vůbec ve starších i novějších, na mnoze nekritických a podezřelých pramenech nalezli, tak že se jim podařilo ohromný pantheon českopohanský postaviti, jenž však, jak mile se ho přísnější poněkud kritika dotkula, ihned v rumy se rozpadě.—Novější někteří badatelé, snažíce se rozplašiti husté mlhy, prostor slovanského bájesloví zahalující, ponořují se do hlubiny temných, záhadných mythů starých pronarodů a osnují nové sistemy mythologie slovanské na základě smělých kombinací a laciných výpisků a citatů z pramenů klasických i neklasických, perských, indických ano i egyptských. (Вообще можно утверждать, что изслѣдованія въ области славянской миѳологіи принадлежатъ къ труднѣйшимъ задачамъ славянскихъ древностей. Прежніе писатели, пытавшіеся разрѣшить этотъ вопросъ, значительно облегчили себѣ эту задачу тѣмъ, что принимали въ область миѳологіи какого бы то ни было Славянскаго племени, напримѣръ, Чешскаго, все, что нашли о религіи Славянъ вообще въ источникахъ древнихъ и новыхъ, большею частію некритическихъ и сомнительныхъ, и такимъ образомъ

Библиотека "Руниверс"

имъ удалось поставить огромный пантеонъ чѣшско-языческій, но лишь только его коснулась нѣсколько болѣе строгая критика, онъ разлетѣлся въ прахъ. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, силясь разсѣять густой туманъ, покрывающій горизонтъ славянской миѳологіи, погружаются въ пучину темныхъ, загадочныхъ миѳовъ первобытныхъ Арійцевъ и основываютъ новыя системы славянской миѳологіи на смѣлыхъ домыслахъ и дешевыхъ выпискахъ и цитатахъ изъ источниковъ классическихъ и неклассическихъ, персидскихъ, индѣйскихъ и даже египетскихъ)" Изъ приведенной выписки видно, что г. Иречекъ причисляетъ ко всѣмъ изслѣдователямъ славянской миѳологіи отзывъ Воцеля о такихъ чешскихъ миѳологахъ, какови Кроллмусъ и Ганушъ. Первое примѣчаніе къ стр. 362 ясно показываетъ, что знаменитый чешскій археологъ выдѣлялъ изъ ряда писакъ по славянской миѳологіи В. Бернгарди, котораго Bausteine zur Slav. Mythol. (Jahrbücher für Slav. Liter. von Jordan, I), служатъ до сихъ поръ основнымъ камнемъ славянской миѳологіи, а слѣдовательно, и И. И. Срезневскаго и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ ученыхъ, которые держались той же системы въ своихъ изслѣдованіяхъ. Къ сожалѣнію, слѣпое подражаніе нѣмецкимъ миѳологамъ слишкомъ увлекло такихъ почтенныхъ ученыхъ, какъ Аѳанасьевъ и г. Потебня, которые поставили себѣ цѣлью отыскать, во что бы то ни стало, въ славянской миѳологіи тѣ же самыя явленія, какія встрѣчаются въ миѳологіи другихъ Арійскихъ народовъ: трудъ былъ большой, собрано много любопытнаго и важнаго матеріала, а результаты изслѣдованій оказались ненаучные. Впрочемъ мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что все-таки лучшія изслѣдованія по славянской миѳологіи принадлежатъ русскимъ ученымъ, и что на оборотъ западно-славянскіе ученые (исключая Шафарика, но не исключая самого Воцеля) внесли въ эту науку много ни на чемъ не основанныхъ фантазій: таковы труды Осипа Иречка и отчасти Эрбена, Трстенякa, Крека и др.

„Количество источниковъ (по славянской миѳологіи) весьма ограничено", говоритъ г. Иречекъ;—„многое должно разъясниться критическимъ изслѣдованіемъ современныхъ сказокъ и пѣсенъ, повѣрій и обычаевъ. Мы намѣрены представить здѣсь только то, что уже не составляетъ сомнѣнія въ наукѣ" (стр. 95). Нельзя согласиться съ авторомъ, что количество источниковъ (разумѣется, письменныхъ) весьма ограничено; но за то вполнѣ соглашаемся, что разработка народной словесности и изученіе повѣрій и обычаевъ прольетъ новый свѣтъ на славянскую миѳологію: начало такой разработкѣ народныхъ сказокъ

Библиотека "Руниверс"

и пѣсенъ уже полезнаго, а въ ожиданіи будущихъ, болѣе серьезныхъ трудовъ, посмотримъ, что нашъ авторъ считаетъ несомнѣнными положеніями науки славянской миѳологіи.

Приведя извѣстное сказаніе Прокопія (Bell. Goth., lib. III, cap. XIV, p. 335), авторъ замѣчаетъ: „Всю природу они (Славяне) считали населенною существами, подчиненными верховному божеству. Они различали боговъ отъ бѣсовъ: одни были благосклонны къ человѣку, вторые—враждебны. Идоловъ, какъ Греки и Римляне, древніе Славяне не имѣли, равно какъ жрецовъ и храмовъ. Только у Полабскихъ Славянъ и Русскихъ христіанскіе проповѣдники находили храмы съ идолами. Особенное сословіе жрецовъ развилось только у Полабскихъ Славянъ".

О бѣсахъ у Славянъ г. Иречекъ вычиталъ въ статьѣ отца своего, Осипа: „Studia v oboru mythologie české (Čas. mus. král. česk. 1868, sv. I, str. 19—24): „Контрастъ между тѣмъ, что казалось добрымъ, и тѣмъ, что казалось злымъ, былъ первымъ основаніемъ миѳологіи языческихъ Славянъ. Добро и зло они опредѣляли не по началамъ этики, но брали въ смыслѣ вполнѣ эмпирическомъ. Все, что только было человѣку противно, что причиняло ему боль и скорбь, было злое; все, что ему благопріятствовало, что возбуждало въ немъ радость и утѣху, было доброе. Касалось ли то или другое духа или тѣла, или одинаково обоихъ, было все равно. Но такъ какъ каждое явленіе природы они приписывали нѣкоему невидимому высшему существу, то было дѣломъ естественнымъ, что и самыя эти существа, смотря по ихъ дѣйствіямъ, дѣлили на добрыя и злыя. Существа добрыя называли богами, существа злыя—бѣсами"

Эти слова г. Осипа Иречка повторилъ безъ всякой критики. Воцель (Pravěk země české, II, 364, по русск. перев. 190), столь требовательный къ славянскимъ миѳологамъ: „Контрасты, проявляющіеся въ дѣйствіяхъ силъ природы, были причиною того, что Славяне раздѣлили силы природы, обусловливающія благосостояніе человѣка, на добрыя, то-есть, боги, и на злыя или бѣсы, стараясь у силъ благотворныхъ вымолить дары и счастіе, а злыя вліянія бѣсовъ отвратить отъ себя жертвами. На этихъ-то воззрѣніяхъ и идеяхъ зиждется главная основа славянской миѳологіи, которая впрочемъ у разныхъ Славянскихъ племенъ принимала различныя формы, а съ теченіемъ времени и вслѣдствіе іерархическихъ вліяній должна была подвергнуться различнымъ измѣненіямъ".

Такъ какъ авторитетомъ Воцеля освящается и вводится въ науку

Библиотека "Руниверс"

домыселъ г. О. Иречка о дуализмѣ, какъ основаніи славянской миѳологіи, и такъ какъ авторъ исторіи Болгарскаго народа причисляетъ этотъ домыселъ къ несомнѣннымъ истинамъ науки, то мы считаемъ умѣстнымъ и далеко не безполезнымъ высказать объ этомъ вопросѣ наше мнѣніе.

Домыселъ г. Иречка о дуализмѣ въ славянской миѳологіи опирается главнымъ образомъ на показаніи Гельмольда (Chron. Slav., lib. I, cap. 52), по словамъ котораго Славяне (Балтійскіе) отличали добраго бога отъ злаго и этого послѣдняго называли діаволомъ или Чернобогомъ (malum deum sua lingua Diabol sive Scernoboch, id est nigrum deum, appellant). Это—единственное свидѣтельство современника о дуализмѣ въ славянской миѳологіи, и потому слѣдуетъ отнестись къ нему критически. По нашему мнѣнію, выраженіе Гельмольда „malum deum sua lingua Diabol sive Scernoboch, id est nigrum deum, appellant", достаточно указываетъ на происхожденіе Чернобога, и слѣдовательно, дуализма въ миѳологіи Балтійскихъ Славянъ: слово діаволъ могло къ нимъ перейдти только отъ христіанъ, а Чернобогъ есть толкованіе этого слова (на языкѣ Люнебургскихъ Славянъ Чернобогомъ назывался діаволъ) [1]). Наше мнѣніе подтверждается еще тѣмъ, что Гельмольдъ былъ христіанскимъ миссіонеромъ у Балтійскихъ Славянъ и жилъ и писалъ во второй половинѣ XII вѣка, когда они падали подъ ударами креста и меча Нѣмцевъ, когда старыя вѣрованія должны были уступать мѣсто новымъ, христіанскимъ. Кромѣ того, какъ писатель христіанскій, какъ священникъ, онъ могъ внести въ свои сказанія личныя свои воззрѣнія на начала добра и зла въ природѣ, воззрѣнія, основанныя на христіанскомъ ученіи, а вслѣдствіе того, приписать Славянамъ то, что не входило въ кругъ ихъ религіозныхъ понятій. Что личныя воззрѣнія лѣтописца могли играть въ данномъ случаѣ важную роль, видно изъ примѣровъ, приводимыхъ г. Оо. Иречкомъ (стр. 20—21) изъ памятниковъ русскихъ и чешскихъ, гдѣ слово бѣсъ употребляется вмѣсто языческаго бога (вообще, а не только злаго, какъ онъ полагаетъ).

Прежде всего онъ приводитъ выдержки изъ Нестора (по изданію Миклошича). Чтобы вполнѣ понять смыслъ словъ древнѣйшей нашей лѣтописи, мы приведемъ цѣлый отрывокъ, сюда относящійся, по нынѣ имѣющемуся у насъ подъ руками изданію профессора Тимковскаго (стр.

[1]) Поэтому мы отвергаемъ, какъ неосновательное, мнѣніе Гильфердинга о дуализмѣ въ миѳологіи Балтійскихъ Славянъ (Ист. Балт. Слав., 230—235).

Библиотека "Руниверс"

50—51): „В лѣто 6472. Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ, и иде Киеву, и творяще потребу кумиромъ с людми своими. И рѣша старци и боляре княземъ жребии на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемь богомъ. Паше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ. Бѣше Варягъ то пришелъ изъ Грекъ, держаще вѣру хрестеньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею, на сего паде жребии по задости дьяволи. Не терпяшеть бо дьяволъ, власть имый надо всѣми, и се бяшеть ему яко терн в сердци, тъщащеся потребити окаяньны и наоусти люди. Рѣша приведше послании к нему: яко паде жребии на сынъ твои, изволища бо и бози собѣ, да створимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо; днесь есть, а оутро изгнеетъ; не ядять бо, ни пиють, ни молвять, но суть дѣлани рукама в деревѣ; а Богъ есть единъ, ему же служать Грьци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, далъ есть ему жить на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ. Ини же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружье, поидоша нань, и розьяша дворъ около его, онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: вдан сынъ своего, да вдаемы богомъ. Инъ же рече: аще суть бози, то единаго собе (сынъ себѣ) наслють бога, да имуть сынъ мои; а вы чему претребуете?" и т. д.

Кажется, ясно, что здѣсь говоритъ Варягъ-христіанинъ съ русскими язычниками, и противополагая единаго христіанскаго Бога языческимъ богомъ, по христіанскому возрѣнію почитаетъ ихъ бѣсами. Къ словамъ Варяга-христіанина сдѣлалъ свои дополненія лѣтописецъ-монахъ.

Далѣе г. О. Иречекъ ссылается на названіе въ Словѣ о Полку Игоревомъ Половцевъ дѣтями бѣсовыми. Стоило только прочесть нѣсколькими строками ниже: „тамо лежать поганыя головы Половецкыя", чтобы понять, что эпитеты „бѣсовый" и „поганый" — равныя и не имѣютъ ничего общаго съ миѳологіей, хотя бы поганый происходилъ отъ paganus (въ томъ случаѣ было бы противоположеніе между Русскими-христіанами и Половцами-язычниками, что весьма возможно со стороны книжника, обработавшаго народное сказаніе о походѣ Игоря Святославича противъ Половцевъ).

Что касается чешскихъ памятниковъ, въ которыхъ употребляется слово бѣсъ, то лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія г. О. Иречка служитъ переводъ въ древнѣйшихъ чешскихъ псалтыряхъ изреченія

Библиотека "Руниверс"

95-го псалма: „Omnes dii gentium daemonia", „Všickni bozi pohanští běsové". Въ такомъ же смыслѣ слово бѣсъ употребляется и въ Александріи; въ легендѣ же о св. Прокопіѣ и въ Пассіоналѣ слово бѣсъ означаетъ христіанскаго діавола. Такой же смыслъ имѣютъ и повѣрья Чеховъ XVI вѣка о діаволахъ или злыхъ духахъ, приводимыя г. О. Иречкомъ (стр. 23—24); что же касается его лингвистическихъ доводовъ (стр. 21 — 22), то на нихъ считаемъ излишнимъ останавливаться. Замѣтимъ только для примѣра, что польское bestwić происходитъ не отъ славянскаго бѣсъ, а отъ латинскаго bestia, и значитъ буквально—„уподобляться животному".

Мы не сомнѣваемся, что принципъ дуализма былъ внесенъ въ вѣрованія Славянъ христіанствомъ, хотя нѣкоторые ученые (а въ числѣ ихъ и наиболѣе осторожный, П. А. Лавровскій) полагаютъ, что этотъ принципъ былъ основнымъ принципомъ общеарійскаго вѣроученія. Оставляя въ сторонѣ древне-индѣйскія сказанія о борьбѣ Индры съ Асурами, замѣтимъ, что Зороастрово ученіе о борьбѣ двухъ началъ—добраго и злаго, перешло въ ересь маникейскую, а изъ нея въ богомилаиъ, которые учили, что „два начала сутъ: одно убо благо, другое зло (quod duo sint dii)". Богомильское ученіе распространилось почти по всей западной Европѣ, но въ особенности оно было сильно у южныхъ Славянъ, отъ которыхъ перешло и къ намъ; богомильскія (болгарскія) басни были у насъ любимою книгою для чтенія еще въ XVII вѣкѣ. Имѣли ли манихеизмъ и богомильство вліяніе на западныхъ Славянъ—вопросъ, еще не тронутый въ наукѣ: мы можемъ сказать одно только, что у всѣхъ Славянъ олицетвореніе злаго начала—діаволъ или чортъ является въ обстановкѣ христіанской, что впрочемъ могло быть и независимо отъ вліянія манихеевъ и богомиловъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ народной словесности Славянъ.

У Караджича (во 2-му изд. № 18) есть сказка о діаволѣ и архангелѣ. Она начинается такъ: „Когда діаволы (паволи) отпали отъ Бога и убѣжали на землю, тогда они унесли съ собою и солнце, и діаволъскій царь воткнулъ его на копьѣ и носилъ на плечѣ. Когда земля стала жаловаться Богу, что она вся сгоритъ отъ солнца, Богъ послалъ св. архангела отнять солнце у діавола". Далѣе разсказывается, какъ архангелъ хитростью отнялъ у діавола солнце и отнесъ его на небо къ Богу: они стали купаться въ морѣ, и тутъ діаволу пришло въ голову поспорить съ архангеломъ, кто нырнетъ глубже; архангелъ нырнулъ и вынесъ въ зубахъ песку морскаго;

Библиотека "Руниверс"

нырнулъ и діаволъ, но архангелъ перекрестилъ рукою море, и оно покрылось льдомъ въ девять аршинъ толщиною; тогда онъ схватилъ солнце, которое діаволъ воткнулъ на копьѣ въ землю, и побѣжалъ съ нимъ къ Богу.—Начало сказки указываетъ на заимствованіе изъ христіанской догматики; роль и самое названіе архангела, равно какъ и крещеніе имъ моря, дополняютъ христіанскую ея обстановку. Вторая половина этой сербской сказки сходна съ малороссійскою о созданіи Богомъ земли; но въ ней архангела замѣняетъ Богъ, а діавольскаго царя—чортъ (Эрбена, Сто слав. народн. сказ., № 50). Открещиванье отъ діавола встрѣчается и въ другой сербской сказкѣ у того же Караджича № 19 (Ђавола маштанија и Божја сила); а въ польской сказкѣ o mądrym kmiotku i o głupim djable (у Глинскаго, III, 216) на границахъ Польши стояли желѣзные кресты для защиты отъ діаволовъ.

Еще болѣе христіанскимъ характеромъ отличается моравская сказка „Сапожникъ и Чортъ“ (Ševc a čert, у Эрбена, № 14): Одинъ бѣдный сапожникъ, который своимъ ремесломъ не могъ содержать семьи своей, продалъ себя съ женой и сыновьями чорту, за что чортъ приносилъ ему ежедневно пять австрійскихъ гульденовъ. „А это было въ то самое время, когда Господь Богъ ходилъ по землѣ со св. Петромъ“. Подъ вечеръ они пришли на ночлегъ къ сапожнику. Жена его накормила ихъ ужиномъ и уложила спать. Когда утромъ, послѣ завтрака, Христосъ (Kristus Pán) спросилъ, что слѣдуетъ за угощенье и ночлегъ, сапожникъ отвѣчалъ: „Я желаю, во-первыхъ, чтобы тотъ, кто сядетъ на мою табуретку, остался на ней какъ бы приклеенный до тѣхъ поръ, пока я захочу; во-вторыхъ, чтобы тотъ, кто посмотритъ на меня съ улицы въ окно, не могъ уйдти до тѣхъ поръ, пока я не захочу, и въ-третьихъ, чтобы тотъ, кто потрясетъ въ саду моемъ грушу, не могъ двинуться отъ нея, пока я не захочу“. И сынъ Божій (syn Boží) сказалъ: „Да будетъ такъ, какъ ты желаешь“. И ушелъ вмѣстѣ съ св. Петромъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ сапожникъ легко отдѣлался отъ чорта; но когда онъ умеръ, то св. Петръ не пускалъ его въ рай (do nebe), потому что онъ не пожелалъ царства Божія (království Boží), а въ адъ чорти боялись его пустить; наконецъ, сапожникъ рѣшился хитростью и силой овладѣть раемъ, и Христосъ, сынъ Божій, оставилъ его тамъ изъ милости.

Въ другой моравской сказкѣ (Čertové sídlo a studené, въ сборникѣ Меншика, ч. I, № 3) Богородица спасаетъ душу богача Вертыя

Библиотека "Руниверс"

отъ преслѣдованій чорта, а въ третьей (Had z raje: тамъ же, № 24), при входѣ въ адъ, сидитъ прабабка Люцифера.

Въ верхне-лужицкой сказкѣ Swjatej Marcyne knotnistwo (у Смолера и Эрбена, № 24) діаволъ (diabol) представленъ кумомъ на крестинахъ у одного бѣдняка вмѣстѣ съ св. Петромъ и св. Маріей.

Краинская сказка о смерѣ діавола съ человѣкомъ за обладаніе землею (Kurent i človjek, у Эрбена, № 87) говоритъ, что Богъ прогналъ человѣка съ неба за то, что онъ напился виномъ — изобрѣтеніемъ діавола. Невольно при этомъ приходитъ на память ученіе богомиловъ о діавольскомъ происхожденіи вина: „Діавола велѣніе... вино пити“ (пресвитеръ Козьма).

Польская сказка „Djabli tanek“ (у Эрбена, № 40) о плясунѣ діаволѣ, уплясавшемъ до смерти дочь одной бѣдной ремесленницы, напоминаетъ старинное наше сказаніе „о пляшущемъ бѣсѣ“ (Памятн. стар. русск. литер., вып. I, стр. 202) и извѣстную легенду о св. Исаакіѣ Далматскомъ. Въ этой польской сказкѣ діаволъ называется молодымъ барономъ, одѣтымъ въ короткое платье (krótko ubrany panicz), то-есть, нѣмецкое: извѣстно, что Поляки изображали чорта въ образѣ Нѣмца. Достаточно припомнить слѣдующую строфу изъ баллады Мицкевича „Pani Twardowska“:

Djablik to był w wódce na dnie:
Istny Niemiec, sztuczna kukły
Skłonił się gościom układnie,
Zdjął kapelusz i dał susa.

Кстати вспомнимъ здѣсь, что въ старину русскіе люди представляли чорта въ образѣ Поляка. Такъ въ нашей лѣтописи читаемъ: „Въ же и другой старець, именемъ Мисаилъ, бѣ прозорливъ... видѣ обиходяща сѣса въ образѣ Ляха, въ судѣ, и ходяща въ приполѣ цвѣтки, яже глаголется лѣнокъ“ (Лаврент. лѣт. по изд. археогр. ком.: Полн. собр. русск. лѣт., I, 81—823).

Изъ послѣднихъ двухъ примѣровъ видно, что на представленіе злаго духа, діавола или чорта, у Славянъ имѣли вліяніе не только христіанство, но и международныя отношенія.

Мы привели только нѣсколько примѣровъ, случайно намъ попавшихся; считая болѣе обстоятельное изслѣдованіе занимающаго насъ вопроса неумѣстнымъ. Эти примѣры, кажется, достаточно подтверждаютъ наше мнѣніе, что представленіе о діаволѣ или чортѣ возникло у Славянъ подъ вліяніемъ христіанства.

Защитники дуализма въ славянской миѳологіи могутъ намъ воз-

Библиотека "Руниверс"

разить, что начало зла олицетворялось у Славянъ не только въ дiволѣ или чортѣ, но также въ другихъ миѳическихъ существахъ, напримѣръ, въ вѣдьмахъ, вѣштицахъ, вукодлакахъ, змѣяхъ и т. п. На это мы замѣтимъ, что вѣдьмы или вѣштицы, тожественныя по значенію съ знахарками, чародѣйками, колдуньями, никогда не были обоготворяемы Славянами, не принадлежали къ высшимъ, божественнымъ существамъ, что имъ часто смѣшиваются съ вѣштицами, что происхожденіе вѣры въ вукодлаковъ или упырей еще не разъяснено (вспомъ Іеремія или Богомилъ считался вукодлакомъ, а въ богомильскую ересь вошли сказанія иранскаго происхожденія), что миѳъ о змѣѣ у Славянъ требуетъ еще обстоятельнаго разъясненія на почвѣ преимущественно славянской, и что не слѣдуетъ спѣшить сравненіемъ его съ индѣйскимъ Аги-Вритрой, иранскимъ Аги-дахака и т. д. Вообще же, по нашему мнѣнію, чтобы толковать объ основаніяхъ славянской миѳологіи, нужно поближе ознакомиться съ ея источниками (письменными и устными), подвергнуть ихъ сравнительному изученію, обратить вниманіе на вліяніе христіанства, на языческія вѣрованія Славянъ и на возможность заимствованія путемъ христіанства изъ вѣрованій восточныхъ народовъ: вмѣсто того новѣйшіе наши миѳологи, увлекшись трудами нѣмецкихъ ученыхъ и не обладая ихъ знаніемъ и умѣніемъ, отыскиваютъ въ славянскихъ миѳахъ обще-арійскія начала, далеко еще не выясненныя. Что эти начала еще не выяснены достаточно, видно изъ знаменитаго труда Адольфа Пикте: „Les origines Indo-européennes ou les Aryas primitifs". Въ послѣднемъ параграфѣ своего произведенія (Les phases réligieuses) онъ отрицаетъ принципъ дуализма не только у Арійцевъ, но и у Иранцевъ, вопреки общепринятому мнѣнію (стр. 716—717 II-го тома), а между тѣмъ допускаетъ въ славянской миѳологіи: „Chez les peuples slaves, l'ancien polythéisme a pris la forme d'un dualisme bien prononcé, et qui se rapproche à quelques égards de la religion réformée de Zoroastre. Bielbog, le dieu blanc, et Zernebog, le dieu noir, y sont à la tête de deux séries de divinités inférieures, et de génies du bien et du mal, comme Ormuzd et Ahriman. Le nom de Svantovit, qui est donné au Bielbog, rappelle tout à fait celui de Çpentô mainyu qui appartient à Ormuzd, et on a vu que le Bogu slave répond exactement au Boga, deus, des inscriptions de Persépolis. Ce dualisme même semble avoir été dans l'origine plus rapproché de la doctrine iranienne au point de vue du monothéisme; car daprès le témoignage le plus ancien, celui de Procope, les Slaves orientaux (sic!) adoraient un seul

Библиотека "Руниверс"

Dieu armé de la foudre, Démiurge, et unique maître de tout ce qui existe, et suivant Helmold, la croyance à un Dieu unique était aussi celui des Wendes" (стр. 719—720). Имяне ввели въ заблужденіе названія Чернобогъ и Бѣлобогъ: первое, какъ выше было сказано, встрѣчается у Гельмольда, второе—въ чешскихъ глоссахъ Mater verborum, нынѣ отвергнутыхъ критикою (см. изслѣдованіе А. О. Патеры въ Časop. Česk. Mus. 1877). Что касается мѣстныхъ названій, то въ данномъ случаѣ мы не придаемъ имъ никакого значенія (см. О. Пречка, Studia z myth. české: Čas. Č. M. 1863, I, 27—28).

Читатели, быть можетъ, будутъ насъ упрекать въ томъ, что мы слишкомъ распространились о дуализмѣ въ славянской миѳологіи; но мы сочли нужнымъ это сдѣлать потому, что этому вопросу, криво толкуемому, придаютъ весьма важное значеніе въ наукѣ, а г. Пречекъ причисляетъ его къ вопросамъ рѣшеннымъ, о которыхъ не можетъ быть сомнѣнія, что противорѣчитъ истинѣ.

Иначе представляется вопросъ объ идолахъ, храмахъ и жрецахъ: это вопросъ, давно поднятый Бернгарди, Срезневскимъ и другими на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, а потому мы на немъ останавливаться не будемъ и пожелаемъ только, чтобы въ слѣдующемъ изданіи своей „Исторіи Болгаръ" г. Пречекъ выражался въ этомъ случаѣ поточнѣе, такъ какъ сомнѣній быть не можетъ.

Но стоитъ остановиться на его перечисленіи славянскихъ боговъ: тутъ такая смѣсь былей съ небылицами, что невольно удивляешься, какъ г. Пречекъ могъ все это считать непреложными истинами науки.

Совершенно вѣрно, что верховный богъ у Славянъ назывался Сваротомъ, и что это имя обозначаетъ бога неба (санск. svar—небо, буквально: свѣтлое); но можемъ усомниться, чтобъ у Чеховъ сваръ употреблялось въ старину въ значеніи зодіака, такъ какъ это слово въ такомъ значеніи употребляется только въ подложныхъ глоссахъ Mater verborum. Объясненіемъ этого слова занимались Шафарикъ (O Svatovíovi bohu pohanských Slovanův въ Časop. Česk. M. 1844), Срезневскій (въ изслѣдованіи объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г. № 51), Ордынъ (въ Письмахъ слав. миѳологіи въ Русской Бесѣдѣ, 1857, IV) и другіе, и нѣтъ сомнѣнія, что въ славянскомъ языкѣ существовалъ нѣкогда корень слова, соотвѣтствующій санск. svar—небо, sur—блистать, sura—богъ, то-есть блестящій, свѣтлый (тоже, что Dêva = Deus, θεός, Ζεύς). Къ тому, что ужъ извѣстно, прибавимъ имя Славянина Сваруна у Агаѳія

Библиотека "Руниверс"

(Σωσιβόας Σλάβος ἀνήρ). Но этотъ верховный богъ, всемогущій богъ боговъ, богъ прародитель, какъ называетъ его Гельмольдъ, былъ болѣе извѣстенъ у Славянъ подъ именемъ бога (bhaga въ Ведахъ значитъ богъ: это слово Пикте (II, 654) производитъ отъ санскр. bhag — colere, а потому богъ, по его объясненію, значитъ „l'Etre adorable, digne de respect et d'amour"). Подъ этимъ именемъ онъ упоминается въ народной словесности Славянъ, гдѣ ему придаются эпитеты—старый, прабогъ (срв. нѣм. der alte vater, der alte got, греч. Κρόνος), высочайшій, великій, всемогущій и т. д.

Г. Иречекъ говоритъ о двухъ сыновьяхъ Сварога и умалчиваетъ о ихъ матери, какъ будто Славяне не знали ея. Извѣстно, что не только у Арійцевъ, но и у народовъ вовсе имъ не родственныхъ—Угрофиновъ, Китайцевъ, у дикарей Америки и Австраліи (Alfr. Maury, Histoire des religions de la Grèce antique, I, 71—2; A. Pfizmaier, Der Geisterglaube in dem alten China въ Sitzungsberichte der K. Akad. d. Wissensch. Wien. 1871, Heft. III, ss. 641—642 и другіе)—небо и земля представляются предвѣчною, первичною четою (le couple primordiale). Въ письменныхъ источникахъ не упоминается о матери-землѣ у Славянъ, но за то хорошо знаютъ ее произведенія народнаго творчества, гдѣ она называется матерью солнца, мѣсяца и вѣтра и представляется старицею, прядущею золотую кудель на золотой прялкѣ, и доброю хозяйкою. По всей вѣроятности, Славяне, подобно родственнымъ народамъ, называли ее не иначе, какъ матерью землею. Срв. санскр. Pṛthivî mâter (la terre-mère), греч. Δημήτηρ = Γημήτηρ, римск. Terra mater, tellus mater, герм. Iordh (Erde, Nerthus у Тацита) и т. д. и названія у насъ неба—отцемъ, батюшкою и земли—матушкою, кормилицею.

Одинъ изъ сыновей бога неба былъ богъ солнца: онъ назывался, какъ пишетъ г. Иречекъ,—Даждьбогъ и Хорсъ. Написаніе Даждьбогъ, вмѣсто употребляемаго въ Ипатской лѣтописи и въ Словѣ о Полку Игоревѣ Дажьбогъ, показываетъ, что г. Иречекъ принимаетъ объясненіе этого имени, предложенное Миклошичемъ и повторенное въ послѣднее время г. Крекомъ (Einleitung in die Slav. Literaturgeschichte, I, Graz, 1874), по этому объясненію Даждь есть повелит. наклоненіе отъ глагола дати, а богъ значитъ богатство; слѣдовательно, Даждьбогъ значитъ „дай богатство", dispensator divitiarum. Такому странному толкованію имени бога солнца противорѣчитъ то, что слово богъ никогда не могло значить богатство, а обозначало божественное существо (ведическое bhaga употребляется въ смыслѣ бога вообще,

Библиотека "Руниверс"

а древне-персидское baga въ смыслѣ верховнаго божества, Ормузда). Притомъ возможно ли, чтобы богъ назывался дѣльнымъ предложеніемъ, обозначающимъ молитвенное къ нему обращеніе. Мы упомянули о такомъ словопроизводствѣ потому, что оно проникло и въ русскую литературу путемъ западно-славянскимъ. Также неудовлетворительно, по нашему мнѣнію, и объясненіе другаго имени бога солнца—Святовитъ, предложенное Гильфердингомъ (Ист. Балт. Слав., I, 226) и принятое гг. Иречкомъ, Крекомъ и др.: на основаніи поздняго Житія св. Беннона (конца XV или начала XVI столѣтія), Гильфердингъ утверждалъ, что Святовитъ значитъ святой свѣтъ или святой свѣтлый (витъ=санск. вити—свѣтъ). Жаль, что никто изъ славянскихъ миѳологовъ не обратилъ вниманія на весьма остроумное сопоставленіе Адольфомъ Пиктэ славянскаго Святовита съ иранскимъ Cpento maiñyo, l'Esprit saint, le vrai Dieu (o. c. II, 717): славянское святъ вполнѣ соотвѣтствуетъ иранскому çpento; суффиксъ витъ Пиктэ сравниваетъ съ древне-персидскимъ vitha, épithète des divinités (p. 719, n. 2); этотъ суффиксъ встрѣчаемъ въ именахъ Поревитъ, Яровитъ, Руевитъ и въ словахъ яровитый, плодовитый, ядовитый и т. д. По этому объясненію Святовитъ былъ бы однозначителенъ съ богомъ, что согласно и съ показаніями современниковъ, по которымъ Святовитъ у Балтійскихъ Славянъ почитался верховнымъ богомъ, вытѣснивъ изъ народной памяти стараго бога, настоящаго бога, Сварога.

„О почитаніи Святовита и Перуна, столь развитомъ у Полабскихъ Славянъ и Русскихъ", говоритъ г. Иречекъ (стр. 96),—„у южныхъ Славянъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ. То же можно сказать и о Триглавѣ". Изъ этихъ словъ можно было бы заключить, что г. Иречекъ считаетъ Святовита и Триглава божествами отличными отъ Хорса-Дажьбога, между тѣмъ какъ общеизвѣстно, что подъ именами Святовита, Триглава и друг. было обоготворяемо Балтійскими Славянами солнце, о почитаніи котораго у всѣхъ Славянъ свидѣтельствуютъ памятники народной словесности. Моравяне и Малороссы называютъ солнце богомъ: первые, обращаясь къ востоку, поютъ: Svitaj, Boże, svitaj, Aby skoro den byl, Abych sa podíval, V kerém sem domě byl; а Малороссъ: „и къ сонечку промовляе: поможъ, Боже, человику". Словаки называютъ солнце божіимъ, а Русскіе — свѣтомъ божіимъ. Клятва солнцемъ весьма обычна у Славянъ: соньце-бъ тя побило (у Малороссовъ)—дама изгори слънце-то (у Болгаръ)—тако ми сунца! тако ми оне жраке небеске (у Сербовъ)—sunce te osvětilo (у Хорватовъ)—sonce mi in Boga (у Словенцовъ).

Библиотека "Руниверс"

Въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ Славянъ солнце изображается братомъ мѣсяца и вѣтра и сыномъ Бога (неба, Сварога); въ нихъ говорится и о солнцевой матушкѣ. Сказанія о солнцѣ весьма распространены у Славянъ, но здѣсь было бы неумѣстно останавливаться на нихъ. Замѣтимъ только, что у Болгаръ и Сербовъ не рѣдки пѣсни о женитьбѣ солнца на звѣздѣ-деницѣ; въ этихъ пѣсняхъ солнце обращается съ жалобами то къ Богу единому, то къ своей матушкѣ (см. сборники Миладиновыхъ, Дозона, Караджича и др.; недавно М. С. Дриновъ напечаталъ въ Період. списс. (X—XI, 153—157) любопытную пѣсню: „Женитьба на слънце-то"

Еще менѣе можно отрицать почитаніе у южныхъ Славянъ Перуна. Свидѣтельство Прокопія объ единомъ богѣ-громовержцѣ имѣетъ такое же значеніе по отношенію къ южнымъ Славянамъ, какое показаніе Титмара и Гельмольда о первенствѣ Святовита между богами Балтійскихъ Славянъ, то-есть, что у первыхъ (быть можетъ, по вліянію греческому) развился преимущественно культъ Перуна, а у послѣднихъ—культъ Святовита. Если слово Перунъ не сохранилось въ языкѣ южныхъ Славянъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ они никогда не знали бога небеснаго, или какъ Сербы выражаются, живаго огня: не только у западныхъ и восточныхъ Славянъ, но и у южныхъ сохранились народныя пѣсни и сказки, въ которыхъ Перунъ представляется въ образѣ огненнаго краля или мужа, огненнаго змѣя или краля змѣевъ. Такія пѣсни и сказки извѣстны и Болгарамъ (Раковскаго, Българска старина, I, 165 — 166). Что огнепоклоненіе было общераспространено между Славянами, подобно солнцепоклоненію, свидѣтельствуютъ арабскіе писатели (см. Хвольсонъ, Ибнъ-Даста, стр. 30; Гарнави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 125 и др.).

Къ двумъ Сварожичамъ, извѣстнымъ изъ письменныхъ памятниковъ, г. Иречекъ присоединяетъ еще третьяго—мѣсяцъ (и сестру ихъ—утреннюю зарю), ограничивая, впрочемъ, область его культа юго-славянскими землями. Основываясь на памятникахъ народной словесности, къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще четвертаго—вѣтеръ, извѣстный у насъ подъ именемъ Стрибога. Но не только у южныхъ, но и у другихъ Славянъ мѣсяцъ и вѣтеръ представляются братьями солнца и обыкновенно являются въ троицѣ и притомъ съ одинаковыми титулами (краль или панъ); такой же титулъ носитъ и огонь, хотя ихъ братомъ и не называется. Такимъ образомъ, на основаніи народныхъ сказаній, будемъ имѣть четырехъ Сварожичей.

Библиотека "Руниверс"

Что касается женскаго персонала славянскаго Олимпа, то о немъ мы умолчимъ за неимѣніемъ точныхъ указаній (кромѣ матушки-земли); что же касается почитанія Трояна и Дыя, то объ этомъ было бы лучше г. Иречку совсѣмъ не упоминать.

Жаль, что г. Иречекъ не воспользовался превосходнымъ изслѣдованіемъ И. И. Срезневскаго о Рожаницахъ (въ Архивѣ Калачева, кн. II) для объясненія темнаго сказанія Прокопія о томъ, что Славяне не вѣрятъ въ Судьбу (О томъ же писалъ Валявецъ во II-мъ томѣ Književnika). Съ сказаніями о Рожаницахъ или Судицахъ слѣдуетъ сравнить сказанія объ Усудѣ (у Сербовъ) или Осудѣ (nemilosrdny osud у Чеховъ), подъ которымъ разумѣется fatum.

Вопросъ о Вилахъ (Самовилахъ, Самодивахъ, Юдахъ, у Болгаръ) достаточно разъясненъ Какулевинемъ (въ I т. Arkiva za poviestn. Jugoslavensku) и профессоромъ Буслаевымъ (О родствѣ славянскихъ видъ, русалокъ и полудницъ съ нѣмецкими эльфами и кельпіями въ I т. Историч. очерковъ). Къ ихъ изслѣдованіямъ можно было бы сдѣлать дополненія и поправки преимущественно по болгарскимъ источникамъ. Какъ Рожаницы, такъ и Вилы, играютъ весьма важную роль въ вѣрованіяхъ южныхъ Славянъ, а потому было бы не излишне сообщить о нихъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія.

Этимъ мы оканчиваемъ наши замѣчанія на первую часть IV-й главы, касающуюся славянскихъ древностей и особенно славянской миѳологіи: при будущемъ изданіи Исторіи Болгаръ, мы совѣтуемъ автору всю эту часть совершенно переработать и значительно дополнить, при чемъ относиться болѣе критически къ источникамъ и пособіямъ и не увлекаться мнимыми авторитетами.

Вторая часть IV-й главы—„Славянская колонизація"—представляетъ нѣкоторыя указанія, какъ измѣнялись Болгарами старинныя названія мѣстностей, и какъ назывались ихъ поселенія. Въ третьей части говорится объ отношеніи Славянъ къ кореннымъ жителямъ Балканскаго полуострова очень кратко и не всегда вѣрно. Позволимъ себѣ сдѣлать два-три замѣчанія.

Г. Иречекъ справедливо замѣчаетъ, что Румыны или Волохи обратно переселились за Дунай гораздо ранѣе XIII вѣка, какъ полагаетъ профессоръ Реслеръ (Romänische Studien. Untersuchungen zur älteren Geschichte Romäniens von Robert Roesler, Leipzig, 1871, III). Противъ теоріи Реслера можно было бы привести значительное число лѣтописныхъ показаній: по синдѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, Угры покорили Задунайскихъ Румынъ въ 900 году; о Волохахъ въ

Библиотека "Руниверс"

Угорской земль говоритъ анонимный нотарій короля Белы I (1061—1063 г.), которому послѣдовательно не довѣряетъ Р. Рослеръ, подробно нѣкоторыми другими учеными въ XI и XII вѣкахъ къ сѣверу отъ Дуная, въ Дакіи, жили Волохи по словамъ Анны Комниной, Никита Хонскій и Георгій Акрополитъ говорятъ о помощи, которую получали Болгаре отъ Задунайскихъ Волоховъ въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій и т. д.

Совершенно невѣрныхъ мы считаемъ то, что говоритъ г. Иречекъ, ссылаясь на Миклошича (Die Slawischen Elemente im Rumunischen), о вліяніи ерако-иллирскаго, то-есть, албанскаго языка на языки Балканскаго полуострова: „Во всѣхъ языкахъ полуострова находятся лингвистическія особенности, которыя нельзя объяснить ни греческимъ, ни романскимъ, ни славянскими языками. Онѣ могутъ имѣть свое начало только въ албанскомъ, и какъ этотъ языкъ древнѣйшій на полуостровѣ, мы вправѣ сдѣлать заключеніе, что эти особенности, безъ сомнѣнія, нуждаго происхожденія, взяты отъ застарѣлаго здѣсь туземнаго (alteinheimischen) и теперь исчезнувшаго ерако-иллирійскаго языка. Ерако-иллирійскій языкъ есть то основаніе, на которомъ одинаково измѣнялся рядъ чуждыхъ здѣсь языковъ (durch welche die darüber gelagerten Sprachschichten überall auf gleiche Weise modificirt worden). Изъ этихъ особенностей наиболѣе замѣчательны: образованіе будущаго времени, отсутствіе неопредѣленнаго наклоненія, замѣняющая склоненія постановка члена послѣ имени въ албанскомъ, румынскомъ и болгарскомъ языкѣ, а также удареніе въ этихъ языкахъ глухаго гласнаго ъ“ (стр. 106).

Русскій переводчикъ почему-то опустилъ слѣдующее опредѣлительное примѣчаніе автора (по нѣм. изд. стр. 114, прим. 1) съ ссылкою на Миклошича: „1) Die Bildung des Futurums durch Verbindung eines Verbums des Wollens mit dem Inf. (alb. rum., ngr. bulg.; нѣтъ да тѣ, serb.: nucaty); 2) der Mangel des Inf. im Alb., Bulg., Ngr., mit unter auch im Rum. und Serb., 3) die Bezeichnung des Gen. und Dat. durch die selbe Form (alb., rum., bulg.); 4) der hinten nachgehängte Artikel, alb. bestimmt masc. i, fem. e, unbestimmt тъ, чита masc. l, le, fem. o, oa, bulg. тъ, та, то; 5) das häufige Vorkommen des ъ im alb., rum., bulg.: fast jedes unbetonte a wird verdunkelt; 6) die häufige Veiwechslung von l und r, alb, rum., ngr., bulg. selten; 7) die Veränderung des o in u in unbetonten Sylben, im alb. rum. und in Dialecten besonders der Ost Bulgaren. Dazu kommen noch Syntaktische Erscheinungen“. (1) Образованіе будущаго времени при помощи неопред. накл.

Библиотека "Руниверс"

и настоящ. времени отъ глагола хотѣть (алб. рум. итреч., болг.: шта да пишъ, серб. писаћу); 2) Отсутствіе неопред. накл. въ алб., бол., и греч., отчасти въ рум. и серб.; 3) Обозначеніе Родит. и Дат. п. тою-же самою формою (алб., рум., и болг.); 4) Членъ поставленный послѣ имени, алб. опред. муж. и, жен. е, неопред. тѣ, рум. муж. л, лѣ, жен. о, оа, болг. ѣтъ, та, то; 5) Господство глухихъ въ алб., рум., болг.: почти каждое неударяемое *а* произносится глухо; 6) Частая мѣна *л* и *р* алб., рум., и греч., болг., рѣдко; 7) Переходъ *о* въ *у* въ неударяемыхъ слогахъ, въ алб., рум., и говорахъ преимущественно Восточной Болгаріи. Къ этому присоединяются еще синтаксическія особенности).

Г. Иречекъ чувствуетъ необыкновенное пристрастіе къ албанскому языку, которымъ старается объяснить и темныя мѣстныя названія, и непонятныя ему явленія въ исторіи славянскихъ нарѣчій. Еслибъ онъ былъ болѣе знакомъ съ славянскими нарѣчіями въ живомъ ихъ употребленіи и въ историческомъ развитіи, то не приписалъ бы албанскому вліянію указываемыя имъ особенности, встрѣчающіяся въ языкѣ не только Болгаръ, но и другихъ Славянъ, на которыхъ Албанцы не могли имѣть никакого вліянія. Разсмотримъ отдѣльно каждую изъ этихъ особенностей.

1) Образованіе будущаго времени посредствомъ настоящаго времени вспомогательнаго глагола хочу и неопредѣленнаго наклоненія глагола спрягаемаго употребляется не только въ болгарскомъ и сербскомъ нарѣчіяхъ, но также въ хорватскомъ и старословенскомъ, и притомъ примѣръ для болгарскаго приведенъ г. Иречкомъ не подходящій къ выраженію: шта да пишъ первая половина шта=хощетъ, вторая же да пишъ есть не неопредѣленное наклоненіе, а цѣлое предложеніе (да пишѫ). Такая сложная форма будущаго употребляется въ сѣверовосточномъ говорѣ болгарскаго нарѣчія (ште да идѫ или ште ми се да идѫ); въ югозападномъ (македонскомъ) ей соотвѣтствуетъ he да ида. Но кромѣ этой формы, употребляются еще двѣ: 1) ште идѫ (=хощетъ идѫ) въ сѣверовосточномъ говорѣ или he ида въ югозападномъ (идешь, идѐ, идеме, идете, идот или идѣтъ) и 2) играштъ, играштешь, играштеме, играштете, играштътъ въ сѣверовосточномъ или игра-he,-hешь,-he-heме,-hете,-hат въ югозападномъ говорѣ. Эту послѣднюю форму слѣдовало г. Иречку привести въ примѣръ, такъ какъ она дѣйствительно представляетъ соединеніе глагола хочу съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (играштъ=играти+хоштъ). Эта форма общеупотребительна

также въ сербскомъ и хорватскомъ (въ штокавскомъ и чакавскомъ говорахъ) нарѣчіяхъ. Она была и въ старомъ словенскомъ (хочу быти исповѣдыи моих грѣхов въ Фрейзингенской рукописи).

2) Г. Иречекъ говоритъ, что въ болгарскомъ и отчасти въ сербскомъ нарѣчіи пропало неопредѣленное наклоненіе, которое замѣняется придаточнымъ предложеніемъ (der Mangel und die Umschreibung des Infinitivs): относительно сербскаго нарѣчія это совсѣмъ невѣрно; что же касается болгарскаго, то въ немъ, рядомъ съ описаніемъ (можете, да ми вѣрувате), употребляется неопредѣленное наклоненіе въ сокращенной формѣ, безъ окончанія ти (можешъ ли испи вм. испити), а въ македонскомъ говорѣ даже въ полной формѣ; такъ, напримѣръ, въ Кратовскихъ пѣсняхъ, записанныхъ г. Карановымъ (Period. списс., XI — XII, 177 — 8) читаемъ: на скути къемъ болен бити,—на раце къемъ примирати,—на груди къемъ душа дати.

3) Непонятно, какимъ образомъ г. Иречекъ могъ сказать, что въ болгарскомъ нарѣчіи родительный и дательный падежи имѣютъ ту же самую форму, когда ему извѣстно, что Болгаре утратили склоненія. Въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ смѣшеніе этихъ падежей дѣйствительно встрѣчается, но это указываетъ только на паденіе склоненій, а не на заимствованіе изъ чужаго языка.

4) Что касается члена, поставляемаго въ болгарскомъ нарѣчіи послѣ имени (тъ, та, то), то онъ употребляется, хотя и рѣдко, въ старомъ русскомъ языкѣ и находится въ живомъ употребленіи до сихъ поръ въ нашемъ народѣ. Странное выраженіе — „der die Declination ersetzende, dem Namen hinten angehängte Artikel": извѣстно, что склоненіе замѣняется не членомъ, а предлогами, и не только въ болгарскомъ нарѣчіи (на, отъ), но и въ говорѣ Молизскихъ Славянъ въ южной Италіи, гдѣ употребляется до вм. отъ (сыръ до вонь, cacicavallo). Что членъ въ болгарскомъ нарѣчіи есть явленіе самостоятельное, а не заимствованіе изъ албанскаго языка, доказывается разнообразіемъ его формы въ македонскомъ говорѣ, въ которомъ, смотря по значенію, употребляется одна изъ слѣдующихъ трехъ формъ: 1) въ, ва, во, когда говорится о предметѣ близко находящемся (коникоѵ не болит, рована не болит, момчево); 2) тъ, та, то, когда рѣчь идетъ о предметѣ отдаленномъ (момчето), и 3) нъ, на, но, когда вспоминается предметъ отсутствующій (момчено).

5) Г. Иречекъ говоритъ, что въ болгарскомъ нарѣчіи весьма распространенъ глухой звукъ и что почти каждое неударяемое а произносится глухо: это также, по его мнѣнію, вліяніе албанскаго языка.

Библиотека "Руниверс"

На это замѣтимъ: 1) что употребленіе глухихъ въ этомъ нарѣчіи гораздо болѣе распространено, чѣмъ полагаетъ г. Иречекъ: въ немъ не только не ударяемое *a*, но и *o*, *e* и *a* выговариваются глухо (вольбъ=голубь, бѣдъ=бѣдѣ, ходът=ходятъ), а гласные неударяемые опускаются (удря вм. *у д а* ры, колко вм. колико, готвя вм. готовя, сборва вмѣсто сборува), и 2) что подобное же явленіе встрѣчается у Словенцевъ и Молизскихъ Славянъ: въ словенскомъ нарѣчіи всякая гласная безъ ударенія произносится глухо (*zrnje*=зрнье, *prèpelj*=припелъ, *človȇk*=чловѣкъ), а особенность молизскаго говора составляетъ глухое произношеніе окончаній (земль травъ пухъ, олнъ шумъ вунъ, хомъ домъ=пойдемъ домой).

6) Мѣна *л* и *р* встрѣчается и въ русскомъ языкѣ.

7) Переходъ *o* въ *y* весьма обыченъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ: болг. кубила, прудал, маслу; хорв. (кайкавск. гов.), вулик, оплување се, жунум; словенское госпуд, нуч; чешск. původ, přeběhlí, člowkův; польск. córka, cóż, wróg, lasów, Bóg, piórka; русск. сударь, сосѣдъ, суслонъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ перечисленныхъ г. Иречекомъ лингвистическихъ особенностей, не оказывается ни одной, которая не объяснялась бы славянскими нарѣчіями и была бы заимствована изъ албанскаго языка.

Въ доказательство родственности албанскаго и румынскаго языковъ г. Иречекъ, между прочимъ, приводитъ названіе Болгарина у Албанцевъ Шкьяу (Болгарія=Шкенія), у Румынъ Шкеу; но очевидно, что это названіе заимствовано у Италіанцевъ (Schiavo вмѣсто Sclavo, Schiavone вмѣсто Sclavone, Schiavonia вм. Sclavonia по духу италіанскаго языка, замѣняющаго въ подобныхъ случаяхъ звукъ *l* звукомъ *i*), потому что только изъ италіанскаго языка можно объяснить это названіе. Изъ италіанскаго же языка Молизскіе Славяне заимствовали свое Шьявунъ. Возможность такого заимствованія объясняется исторически: сначала южные Италіанцы, а потомъ Венеціанцы владѣли частью Албаніи, которую Малаторра называетъ Болгаріей. О вліяніи языковъ албанскаго и румынскаго (равно какъ греческаго, мадьярскаго и турецкаго) на болгарскій и обратно имѣется нѣсколько обстоятельныхъ изслѣдованій Миклошича: Die slavischen Elemente im Neugriechischen (1870), Die slavisch. Elemente im Rumunischen (1861), Albanesische Forschungen (1870—1871) и Die Fremdewörter in den Slavischen Sprachen (1867). Кромѣ того, на русскомъ языкѣ имѣемъ г. Дестуниса. Матеріалы для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ Сла-

Библиотека "Руниверс"

вписать въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ (Матер. для грам. слов. и грам., т. III и V), и Ордынскаго: О слѣдахъ славянства въ языкѣ Новогрековъ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1854 г.) По этимъ изслѣдованіямъ можно было бъ наложить обстоятельно взаимное вліяніе этихъ языковъ, не вдаваясь въ подробности, излишнія въ Исторіи Болгаръ.

Не останавливаясь на нѣкоторыхъ промахахъ и предубѣжденіяхъ въ послѣдней части IV-ой главы—„О Славянахъ на Балканскомъ Полуостровѣ и въ Морѣѣ"—замѣтимъ только, что вопросъ о славянствѣ Цаконовъ (по русск. перев. стр. 116, по нѣм. изд. стр. 124—125) далеко не рѣшенъ, какъ можно видѣть изъ сочиненія Густава Девилля: Etude du dialecte tzakonien (Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de Paris, par Gustave Deville, ancien membre de l'école française d'Athènes. Paris 1866, съ картой Цаконіи). Г. Девилль утверждаетъ, что Славяне не проникали въ Цаконію (стр. 23), что Цаконы суть Геродотовы Κυνούριοι, VIII, 73), и что цаконскій говоръ есть „le dialecte laconien". Въ заключеніе онъ говоритъ слѣдующія замѣчательныя слова (Conclusion, p. 131): „Je n'ai pas à défendre les Grecs contre Fallmerayer. Cependant, il est bon de dire, en terminant, qu'au moral comme au phisique, les arrière-petits-fils des périvcques de Sparte sont bien les frères des autres Grecs, et que s'ils ont gardé dans leur langue beaucoup d'archaïsmes, ils n'en ont pas moins modifié, comme ceux-ci, la syntaxe et la prononciation; ce qui fait voir que tout ce qu'on pourrait reprocher à la langue ou au caractères des Grecs ne prouve rien contre le maintien de la race, et que cette race a résisté en définitive à ces mélanges partiels ou temporaires dont on s'est plu à exagérer l'importance. Les calamités n'ont pu l'anéantir. Elle a supporté la longue lethargie byzantine et la servitude ottomane, mélange de brutalité et d'abâtissement. Elle semble aussi énergiquement enracinée au sol que l'olivier, ce vieil emblème de l'Attique, si robuste qu'il défie les étés brulants et les vents, impétués de l'hiver, si sobre, pour ainsi dire, qu'il se contente de la terre la plus maigre et même du rocher". Въ приложеніи къ своему труду (Appendice, 132—138) г. Девилль представилъ образцы цаконскаго говора: надписи, пѣсни, поговорки. Въ нихъ мы не нашли ни одного славянскаго слова.

Въ V-й главѣ—„Переселеніе Болгаръ"—разсматривается любопытный вопросъ о происхожденіи Болгаръ: авторъ принимаетъ ученіе Шафарика, развитое его послѣдователями, Гильфердингомъ и Дриновымъ,

Библиотека "Руниверс"

что Болгаре были происхожденія чудскаго или финскаго, слѣдовательно, родичи нашихъ Вотяковъ, Черемисовъ и Зырянъ. Надъ разборомъ теоріи славянскаго происхожденія Болгаръ (Венелина, Савельева-Ростиславича, Иловайскаго и друг.) авторъ не останавливается, хотя въ послѣднее время эта теорія пріобрѣла двухъ новыхъ поборниковъ въ лицѣ Д. И. Иловайскаго у насъ и Гавріила Крыстьовича—у Болгаръ. Г. Крыстьовичъ въ своей Болгарской исторіи (Исторія блъгарска, ч. I, Цариградъ 1871) утверждаетъ, что Болгаре первоначально были извѣстны подъ именемъ Гунновъ (еще у Эратосѳена за 250 л. до Р. Х.), и что Гунны были Славяне (Аорси вм. Аорци вм. Оарци, а Оарци то же, что Болгарци то-есть, Болгаре, потому что у Геродота Волга называется Оаръ; Сираки вм. Хасираки=Хазираци, Хазраци, Хазаря и т. п.); а потому онъ подробно излагаетъ (на 600 стран.) древнѣйшую исторію Гунновъ-Болгаръ. Руководителемъ г. Крыстьовича въ изслѣдованіяхъ о Гуннахъ былъ Савельевъ-Ростиславичъ, доказывавшій, что подъ Гуннами слѣдуетъ разумѣть Русскихъ Славянъ (именно изъ Великороссіянъ и Болгаръ), что Русскіе Славяне назывались Русами (Rise), Обрами и Гуннами (hun, hune на древне-сѣверномъ нѣмецкомъ нарѣчіи значитъ великанъ) по необыкновенно большому росту и т. п. (Новыя извѣстія о Скивахъ, Сарматахъ, Гуннахъ и т. д. въ Славянскомъ Сборникѣ Н. В. Савельева-Ростиславича, особ. стр. 25 и 29). Теорія г. Крыстьовича, хотя того не заслуживала, была обстоятельно разобрана М. С. Дриновымъ въ статьѣ „Хунни ли сме? (Гунны-ли мы?)“ въ Період. Спис., кн. V—VI, стр. 210—238.

Книги Д. И. Иловайскаго „Разысканія о началѣ Руси“ (М., 1876) г. Иречекъ не имѣлъ подъ руками (см. по нѣм. изд. примѣч. 137), а потому о его теоріи славянскаго происхожденія Дунайскихъ Болгаръ (стр. 345—410) не сказалъ ни слова. Но такъ какъ г. Иловайскій старается доказать, что тюрко-финская теорія о происхожденіи болгаръ, принятая г. Иречкомъ, не выдерживаетъ критики, то мы считаемъ долгомъ разсмотрѣть его доводы.

„Первое и самое важное основаніе, на которомъ построена означенная теорія“, говоритъ г. Иловайскій (стр. 347),—„есть наименованіе Болгаръ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ Гуннами“. Это положительно невѣрно. Шафарикъ, на котораго ссылается г. Иловайскій, выражается иначе: „Всѣ византійскіе лѣтописцы, а въ числѣ ихъ Ѳеофанъ (817) и Никифоръ (828), выдаютъ Болгаръ, пришедшихъ съ Волги и Дона, за родичей (příbuzné) Гунновъ и Кутургуровъ, а не Славянъ. И самъ нашъ почтенный Несторъ (изд. Тимковскаго, стр. 6—7), слѣдуя общему

Библиотека "Руниверс"

народному преданію, помѣщаетъ Болгаръ въ ряду не Славянскихъ народовъ, а напротивъ ихъ главныхъ непріятелей, то-есть, Аваровъ, Угровъ и Хазаровъ, выводя ихъ изъ Скиѳіи или земли Хазаровъ вмѣстѣ съ Аварами, Уграми и Хазарами. Слѣдовательно, кто признаетъ Болгаръ Славянами, тотъ долженъ считать таковыми же Гунновъ, Аваровъ, Хазаровъ, Угровъ или Мадьяръ и т. д. и считать родиною Славянъ Уралъ (Slovanské Starožitnosti, II, 176—17, по изд. 1863 г.) Между этими словами Шафарика и тѣмъ, что приписываетъ ему г. Иловайскій,—огромная разница: авторъ Славянскихъ Древностей менѣе, чѣмъ кто другой, могъ основывать свою теорію на названіи Болгаръ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ Гуннами; онъ говоритъ не объ имени, а о родствѣ Болгаръ съ Гуннами, Аварами, Хазарами и Уграми, на основаніи Византійцевъ и Нестора. Но не только Шафарику, но и никому изъ его послѣдователей, сколько намъ извѣстно, не приходило въ голову доказывать финское происхожденіе Болгаръ тѣмъ, что они смѣшиваются у лѣтописцевъ съ Гуннами, хотя г. Иловайскій настойчиво утверждаетъ, что „это обстоятельство послужило важнѣйшимъ основаніемъ для тюрко-финской теоріи“ (стр. 346).

Переходимъ къ этнографическимъ доказательствамъ г. Иловайскаго (стр. 367—388). Мы не будемъ останавливаться на соображеніяхъ, въ силу которыхъ онъ признаетъ невозможность перерожденія Болгарской орды Аспаруха въ Славянъ-Болгаръ и называетъ теорію Шафарика „совершенно произвольною, неосновательною ни на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ и прямо несообразною съ историческимъ смысломъ“ (стр. 874): это увлекло бы насъ слишкомъ далеко и принудило бы проверить другую славянскую теорію г. Иловайскаго о происхожденіи Руси. Примѣры, приведенные Шафарикомъ и г. Иречкомъ (стр. 128 русск. перев.), показываютъ, что такія явленія были въ исторіи европейскихъ народовъ. Отвѣтимъ только на вызовъ, сдѣланный намъ, славистамъ, г. Иловайскимъ, въ примѣчаніи къ стран. 374, которое буквально читается такъ: „Рѣшенію вопроса о народности Болгаръ можетъ способствовать также особое изслѣдованіе о той болгарской колоніи, которая по баснословному разсказу Византійцевъ перешла въ Италію прямо отъ Азовскаго моря съ пятымъ сыномъ Куврата; а по извѣстіямъ Фредегара (гл. 72) и Павла Діакона (кн. X, гл. 29) просто дружина Болгаръ, „происходившихъ изъ азіатской Сарматіи“, бѣжала изъ Баваріи отъ преслѣдованій короля Дагоберта въ числѣ 700 человѣкъ подъ начальствомъ своего князя Альзека, и около 667 года поселилась въ герцогствѣ Беневентскомъ

Библиотека "Руниверс"

съ дозволенія короля Примоальда. Они заняли здѣсь три селенія: Сепино, Изернію и Болно... Дальнѣйшія судьбы этой колоніи неизвѣстны. Въ XV вѣкѣ въ тѣхъ же мѣстахъ поселились новые славянскіе выходцы, именно изъ Сербіи (см. о томъ „Письма" де-Рубертиса въ Чт. Об. И. и Д. 1858, I). Обращаемъ на этотъ предметъ вниманіе нашихъ славистовъ. Можетъ быть, когда-нибудь имъ удастся открыть слѣды упомянутой болгарской колоніи въ мѣстныхъ средневѣковыхъ источникахъ, какови: грамоты, преданія, топографическія имена и т. п." Занимавшись въ бытность въ Неаполѣ отыскиваніемъ слѣдовъ славянскихъ поселеній въ южной Италіи въ средніе вѣка и посѣтивъ даже Молизскихъ Славянъ въ Водѣ Живѣ или Кручѣ, считаемъ себя достаточно компетентными, чтобъ отвѣчать на вызовъ г. Иловайскаго. Отъ болгарской колоніи Альзека не осталось никакого слѣда, ни воспоминанія; о славянскихъ же поселеніяхъ въ южной Италіи извѣстія въ архивныхъ грамотахъ начинаются съ 1133 года. Въ греческихъ грамотахъ XII и XIII вѣковъ встрѣчаются имена Славянъ — чиновниковъ, свидѣтелей и монастырскихъ людей; въ латинскихъ памятникахъ (Анжуйскіе реформы) XIII—XV вв. упоминается цѣлый рядъ славянскихъ поселеній въ Неаполитанскомъ королевствѣ и перечисляются по именамъ Славяне, изъ которыхъ многіе занимали видныя государственныя должности при Анжуйцахъ. При Арагонцахъ, во второй половинѣ XV вѣка, послѣдовалъ новый наплывъ Славянъ въ южную Италію; а къ концу XVI в. относятся послѣднія въ ней славянскія поселенія. Остатки ихъ сохранились понынѣ въ Молизскомъ графствѣ въ числѣ 4500 душъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскіе поселенцы называются Σκλάβοι, позже (XII—XV вв.) — Sclavi, Sclavoni, Sclavelli и Bulgari, Bulgarelli. Bulgarus въ первый разъ упоминается въ 1290 году (Stephanus Bulgarus de Yscla, то-есть, съ острова Искіи). Къ народному имени иногда прибавляется названіе мѣста происхожденія (de Catharo, de Dalmacia и т. д.) Нѣтъ сомнѣнія, что славянскія поселенія въ южной Италіи начались раньше XII, и что поселенцы были какъ изъ Сербскаго, такъ и изъ Болгарскаго племени. (Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ нашихъ статьяхъ: Италіанскіе архивы: II. Неаполь и Палермо, Прилож. къ XIX т. Зап. Ак. Н. № 6, стр. 4—5, 67—76, и О Славянахъ Молизскаго графства, — тамъ же, 1870 г.)

Главнымъ доказательствомъ тюрко-финской теоріи суть черты бытовыя. „Эти доказательства", говоритъ г. Иловайскій,—"набросаны поверхностно, имѣютъ только подобіе научныхъ пріемовъ и лишены

всесторонняго, критическаго разсмотрѣнія" (стр. 375). И вслѣдъ затѣмъ онъ приводитъ извѣстныя слова Шафарика объ образѣ жизни и обычаяхъ Болгаръ, не обращая вниманія на то, что̀ онъ сказалъ нѣсколько выше объ отношеніи Дунайскихъ Славянъ къ Камскимъ и Волжскимъ, которыхъ Арабы и русскіе лѣтописцы изображаютъ народомъ не-славянскимъ (l. c., стр. 177). Было бы здѣсь неумѣстнымъ повторять то, что̀ сказано людьми компетентными о не-славянскомъ происхожденіи Волжскихъ и Камскихъ Болгаръ: замѣтимъ только, что арабскіе писатели строго отличаютъ Болгаръ отъ Славянъ и Руси и сближаютъ ихъ съ Хозарами (см. Ибнъ-Даста г. Хвольсона, стр. 22, 80—90 и Сказ. мусульм. писат. о Слав. г. Гаркави, стр. 218—222); только Ибнъ-Фодланъ (у Гаркави, стр. 85) называетъ Болгаръ Славянами, но уже Френъ показалъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова Ибнъ-Фодлана (то-есть, что славянскій элементъ въ X вѣкѣ былъ господствующимъ въ Камско-Волжской Болгаріи, см. тамъ же, стр. 105), и его объясненіемъ пока мы должны довольствоваться,—въ ожиданіи новыхъ изслѣдованій.

Г. Иловайскій не придаетъ особой важности бытовымъ чертамъ въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ: по нашему мнѣнію, важны не отдѣльныя черты, а масса ихъ, а кто прочтетъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ Шафарикомъ описанію быта Болгаръ, тотъ долженъ будетъ признать ихъ не Славянами, имѣя даже поверхностныя понятія о древнемъ ихъ бытѣ. Допустимъ, что нѣкоторыя черты (клятва на обнаженномъ мечѣ, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, жертвоприношеніе людей и животныхъ, многоженство, одежда и прическа) могутъ считаться особенностями „не столько извѣстной народности, сколько извѣстной степени гражданственности" или же показывать „вліяніе одного народа на другіе сосѣдніе и особенно на покоренные", напримѣръ, Аваровъ и Болгаръ на Славянъ; но за то ни г. Иловайскому, ни кому другому не удастся доказать, что у Славянъ существовало священное омовеніе ногъ въ морѣ (или вообще въ текучей водѣ, какъ напримѣръ, у Евресвъ), что ихъ жены (и притомъ множество) падали ницъ на земь при видѣ князя и славили его, что у нихъ употреблялся конскій хвостъ (бунчукъ) вмѣсто знамени, что они сидѣли задомъ на пятахъ, поджавъ ноги, что мужчины носили на головѣ тюрбаны, а женщины закрывали лица, что клятву скрѣпляли разсѣченіемъ на части собакъ и т. п. черты, указываемыя Шафарикомъ, Гильфердингомъ и друг; это—такія черты, которыя противорѣчатъ положительнымъ нашимъ свѣдѣніямъ о бытѣ, нравахъ и обы-

Библиотека "Руниверс"

чаяхъ не только Славянъ, но и родственныхъ имъ народовъ, и указываютъ на народъ чужаго, не арійскаго происхожденія, какимъ въ дѣйствительности были Болгаре. А въ виду такихъ чертъ, общечеловѣческія черты теряютъ великое значеніе, и слѣдовательно, этнографическія доказательства Шафарика и его послѣдователей остаются въ прежней силѣ.

Филологическія доказательства г. Иловайскаго еще слабѣе этнографическихъ. Сказанное имъ о Шафарикѣ и его послѣдователяхъ болѣе примѣнимо къ нему самому, то-есть, что его филологическія доказательства несостоятельны и произвольны: иныхъ выраженій мы не находимъ для его толкованій личныхъ именъ у Болгаръ. Едва ли кто согласится съ нимъ, что Куврать то же, что Кодоврать,—что Батбай происходитъ отъ славянскаго бат-я, бат-ушка,—что Котрагъ указываетъ на старо-чешское Кутра, — что Тервель или Тербель одного корня съ Требинье и происходитъ отъ глагола трѣбити или теребить, означающаго будто бы укрѣплять,—что Кормезій одного корня съ кормило и кормчій, а Крумъ съ нашими названіями: Кромы, Кремль, кремнякъ и кремень и т. д.

Такимъ образомъ опровержепіе, представленное г. Иловайскимъ, тюрко-финской теоріи оказывается неудачнымъ, а его доказательства въ пользу славянскаго происхожденія Болгаръ слѣдуетъ признать не состоятельными и произвольными. Сожалѣемъ, что намъ приходится употреблять такія выраженія о трудѣ (вдрочемъ, одномъ изъ самыхъ слабыхъ) заслуженнаго нашего историка: этимъ мы нисколько не хотимъ умалить его заслугъ для русской исторической науки.

Но возвратимся къ г. Иречку.

Въ VI-й главѣ описываются событія въ Болгаріи съ 679 по 864 годъ; эти событія гораздо обстоятельнѣе изложены покойнымъ Гильфердингомъ (Ист. Серб. и Болг. въ Собр. сочин., т. I, стр. 31—41). Жаль только, что г. Иречекъ, подобно Гильфердингу, слишкомъ увлекся надписью объ Омортагѣ, найденною будто бы Даскаловымъ въ Тырновской мечети (Открытія въ древней столицѣ Болгарской, Тырновѣ, стр. 15 — 18): это не болѣе, не менѣе, какъ pia fraus болгарскихъ патріотовъ.

VII-я глава посвящена описанію правленія Бориса. Политическія событія описаны по Шафарику и Гильфердингу; но вопросъ о крещеніи Болгаръ изложенъ по сочиненію г. Голубинскаго (Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, М. 1871 г.). Извѣстно, что г. Голубинскій, по примѣру Гинцеля

Библиотека "Руниверс"

(Geschichte der Slavenapostel. Leitmeritz, 1857), „признаетъ за несомнѣнное, что не принимали никакого участія въ обращеніи Болгаръ къ христіанству первоучители славянскіе Константинъ и Меѳодій, ни оба вмѣстѣ, ни который нибудь въ отдѣльности", стр. 22); по его мнѣнію, Борисъ принялъ крещеніе изъ политическихъ расчетовъ при замиреніи съ императоромъ Михаиломъ III въ концѣ 864 или въ началѣ 865 года (стр. 23—26). Мнѣніе г. Голубинскаго основано на сказаніи неизвѣстнаго продолжателя Амартола, X вѣка. Никита Пафлагонскій, какъ современникъ, заслуживающій наиболѣе довѣрія, говоритъ о крещеніи Болгаръ глухо, но относитъ это событіе къ концу 861 или началу 862 года. У остальныхъ Византійцевъ, повторяющихъ одинъ другаго, находимъ легенды, не имѣющія существеннаго значенія, исключая одного только архіепископа Болгарскаго Ѳеофилакта (XI вѣка), который говоритъ о крещеніи Болгаръ священниками, присланными изъ Византіи, по просьбѣ Бориса. Изъ западныхъ источниковъ имѣютъ значеніе только показанія Бертинской лѣтописи и короля Нѣмецкаго Людовика (въ письмѣ къ папѣ) о годѣ крещенія Болгаръ, но ихъ значеніе только относительное, такъ какъ о годѣ этого событія имѣются самыя разнорѣчивыя показанія въ разныхъ источникахъ, допускающія различныя толкованія. Славянскіе источники не приняты во вниманіе г. Голубинскимъ, хотя они отчасти древнѣе византійскихъ или по крайности современны имъ и во всякомъ случаѣ достовѣрнѣе. Не слѣдовало бъ игнорировать и позднѣйшихъ болгарскихъ сказаній, потому что они могутъ быть основаны на не дошедшихъ до насъ древне-болгарскихъ лѣтописяхъ, существовавшихъ, по всей вѣроятности, уже при Симеонѣ. Вообще доводы г. Голубинскаго далеко не убѣдительны, односторонни и пристрастны, а потому г. Иречку слѣдовало бъ отнестись къ нимъ критически, и не провѣривъ, не вносить въ свою Исторію Болгаръ того, что не согласно съ историческою истиною. Напрасно г. Иречекъ полагаетъ, что послѣднее по времени мнѣніе есть послѣднее слово науки. Напрасно также онъ увлекается авторитетомъ западно-славянскихъ ученыхъ, писавшихъ въ послѣднее время о славянскихъ первоучителяхъ: въ ихъ трудахъ слишкомъ ясно проглядываетъ тайное ихъ желаніе присвоить дѣятельность св. Кирилла и св. Меѳодія исключительно славянско-католическому западу.

VIII-я глава — „Правленіе царя Симеона" — написана опять по Гильфердингу: она должна быть совершенно передѣлана по изслѣдованію М. С. Дринова „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ" (М. 1876 г.).

Библиотека "Руниверс"

Г. Дриновъ въ своемъ изслѣдованіи воспользовался письмами Константинопольскаго патріарха Николая Мистика, лично знавшаго Симеона и принимавшаго весьма дѣятельное участіе въ сношеніяхъ Византіи съ Болгаріей; эти письма, числомъ 30, проливаютъ новый свѣтъ на болгарскую исторію начала X вѣка. Ими, этимъ важнѣйшимъ источникомъ для исторіи царствованія Симеона, не пользовались ни Шафарикъ, ни Палаузовъ. Гильфердингъ во второмъ изданіи своей исторіи Сербовъ и Болгаръ воспользовался только четырьмя письмами, перепечатанными покойнымъ профессоромъ Григоровичемъ при его изслѣдованіи: „Какъ выражались отношенія Константинопольской церкви къ окрестнымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X столѣтія“ (Одесса, 1866). Кромѣ того, профессоръ Дриновъ тщательно пересмотрѣлъ общеизвѣстные источники. Общій результатъ его замѣчательнаго изслѣдованія, по собственнымъ его словамъ (стр. 2), заключается въ слѣдующемъ: „Внимательное изученіе всѣхъ, относящихся къ нашей задачѣ, писемъ патріарха Николая въ связи съ другими источниками, привело насъ къ нѣкоторымъ новымъ выводамъ относительно той политической роли, которую Болгарія играла на юго-востокѣ Европы въ царствованіе Симеона. Роль эта весьма видная, такъ какъ политическое движеніе Болгаръ въ это время захватывало на своемъ пути не только весь южно-славянскій міръ, но и оказывало весьма могущественное давленіе и на жизнь сосѣднихъ иноплеменныхъ народовъ, и прежде всего, конечно, на Византію. Въ отношеніяхъ Симеона къ послѣдней всего яснѣе обозначается настоящій характеръ этого политическаго давленія“.

Результаты изслѣдованія г. Дринова не-ограничиваются этими новыми выводами относительно политической роли Болгаріи въ началѣ X вѣка: оно разъясняетъ и нѣкоторые темные вопросы въ юго-славянской исторіи этого вѣка, и замѣчательную личность Симеона.

По словамъ патріарха Николая, Симеонъ отличался „несравненнымъ благородствомъ души, здравымъ разсудкомъ, по уму не имѣлъ себѣ равнаго, ненавидѣлъ зло, отвращался отъ несправедливости, былъ украшенъ всѣми добродѣтелями“. Въ частной своей жизни онъ хранилъ замѣчательную простоту, отличался „трезвостію, не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ“; вообще жизнь его „мало отличалась отъ жизни отшельниковъ“. Этотъ простой, суровый образъ жизни не былъ однако послѣдствіемъ какихъ-нибудь аскетическихъ воззрѣній, прибавляетъ г. Дриновъ, — а обусловливался напряженною ум-

Библиотека "Руниверс"

ственною и правительственною дѣятельностью, которая, по словамъ патріарха, снискала Симеону „всеобщее удивленіе, а Болгарскій народъ довела до вершины славы“ (стр. 5). Показанія Лиутпранда и Іоанна экзарха Болгарскаго объ учености Симеона и любви его къ наукамъ и литературнымъ занятіямъ подтверждаются Николаемъ Мистикомъ. Даже подъ старость (когда ему было 50 лѣтъ, въ 923 г.) онъ, по словамъ патріарха, „ежедневно наполнялъ свою прекрасную душу живоносною водой ученія и любознательно перечитывалъ книги древнихъ“.

Изъ шестого письма того же патріарха узнаемъ, что послѣ пораженія при Болгарофигѣ, въ 893 году, Византія обязалась платить ежегодную дань Болгаріи: объ этомъ до сихъ поръ не было извѣстно.

Не знали также, почему Симеонъ, подступивъ, въ августѣ 913 г., къ Константинополю съ цѣлью овладѣть имъ, вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе, вступилъ съ Византійцами въ переговоры и затѣмъ отступилъ въ Болгарію. Гильфердингъ (стр. 99), полагаясь на византійскихъ лѣтописцевъ, говоритъ, что причиной тому былъ недостатокъ средствъ для настоящей осады; но невозможно предположить, чтобы Симеонъ, воспитанный въ Византіи, не зналъ, какія для этого нужны средства, и легкомысленно приступилъ къ ея осадѣ. Г. Дринову, на основаніи писемъ Николая Мистика и свидѣтельства арабскаго писателя Эльмакина, удалось открыть настоящую причину такого неожиданнаго поступка Симеона: такъ какъ у малолѣтняго императора Константина VII Порфиророднаго не было ни братьевъ, ни сестеръ, и онъ былъ единственнымъ представителемъ императорскаго дома, то Симеонъ вздумалъ предложить ему въ жены одну изъ своихъ дочерей, чтобы, ставъ такимъ образомъ василеопаторомъ, пріобрѣсти права на византійскій престолъ. Опекуны малолѣтнаго императора, а во главѣ ихъ патріархъ Николай, испугавшись огромныхъ приготовленій Симеона къ завоеванію Константинополя, согласились на его предложеніе; и былъ заключенъ „не бывалый“ еще миръ (стр. 12—15). Но вскорѣ брачный договоръ былъ нарушенъ матерью императора, Зоею, стоявшею во главѣ Византійскаго правительства, и „страшно оскорбленный“ этимъ, Симеонъ рѣшился силой оружія привести въ исполненіе свои замыслы: такова была, также неизвѣстная до сихъ поръ, причина возобновленія войны въ 914 году. Слѣдствіемъ блистательнаго похода во Оракію въ этомъ году и пораженія Византійцевъ на рѣкѣ Ахелоѣ (917 г.) былъ государствен-

Библиотека "Руниверс"

ный переворотъ въ имперіи: адмиралъ Романъ Лакапинъ, бѣдный Армянинъ, былъ избранъ въ соправители съ титуломъ втораго императора; вскорѣ онъ оттѣснилъ на задній планъ Константина VII, котораго женилъ на своей дочери, и сталъ управлять имперіей самовластно. Тогда Симеонъ, увидѣвъ, что поступками Романа Лакапина преграждень ему мирный путь къ византійскому престолу, сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе: онъ открыто объявилъ о своемъ намѣреніи занять тронъ Константина Великаго, не соглашался на прекращеніе войны иначе, какъ подъ условіемъ признанія себя императоромъ, и не дожидаясь отвѣта изъ Византіи, принялъ титулъ „царя Болгаръ и Грековъ". Война возобновилась съ большимъ ожесточеніемъ (919 г.): Ѳракія, Македонія, Ѳессалія, Фокида, Віотика и Аттика были страшно опустошены; подъ стѣнами Константинополя были разбиты византійскія войска и окрестности столицы разорены (922 г.); наконецъ взятъ Адріанополь (923 г.), и Симеонъ явился у Влахернскихъ воротъ и началъ осаду. На всевозможныя предложенія Византійцевъ онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ требованіемъ торжественнаго въѣзда въ столицу имперіи и уступки ему всѣхъ византійскихъ владѣній въ Европѣ. Посредничество папы Анастасія III также ни къ чему не повело. Казалось, никто не могъ уже спасти Византію, какъ вдругъ Симеонъ принимаетъ предложеніе о мирѣ, входитъ въ переговоры съ патріархомъ Николаемъ и византійскими вельможами, назначаетъ свиданіе Роману Лакапину и потомъ удаляется въ Болгарію. Что была за причина такого страннаго поступка Симеона? Гильфердингъ (стр. 106) предполагаетъ неудачу сношеній съ Арабскимъ халифомъ сѣверной Африки Фатимомъ, или же опасность со стороны сѣверныхъ народовъ (Руси, Печенѣговъ, Аланъ и Мадьяръ), которыхъ Византія старалась вооружить противъ Болгаріи. Рамбо (L'empire Grec au X-me siècle, pp. 335 — 336), слишкомъ довѣряя византійскимъ лѣтописцамъ, полагаетъ, что на свиданіи Симеона съ Романомъ Лакапинымъ предстала вся нравственная сила Византіи, предъ которою Болгаре должны были безотчетно преклониться. Настоящую причину открылъ опять профессоръ Дриновъ: это былъ политическій союзъ Далматинцевъ и Сербовъ противъ Болгаръ, образованный около 923 года усиліями Византіи и Рима. Опасность, угрожавшая Симеону съ этой стороны, принудила его отсрочить осуществленіе его видовъ на византійскую столицу.

IX-я труда г. Иречка глава озаглавлена „Богомилы". Въ ней говорится о царствованіи Петра Симеоновича и о ереси Богомиловъ, появив-

Библиотека "Руниверс"

шейся въ его время. Правленіе Петра Симеоновича описано по исторіи Гильфердинга и по изслѣдованію профессора Дринова „Начало-то на Самуилова-та държава", напечатанному въ Період. Спис., кн. IX—XII. Жаль, что и въ этомъ случаѣ г. Иречекъ не могъ воспользоваться другимъ, болѣе важнымъ изслѣдованіемъ того же автора: „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ", о которомъ мы только что говорили. III-я и IV-я главы этого изслѣдованія посвящены описанію царствованія Петра Симеоновича. По этому изслѣдованію можно было бы представить живую характеристику святоши Петра, указать на важную роль, которую игралъ въ то время въ Болгаріи опекунъ Петра, дядя его по матери, Георгій Сурсувулъ, обстоятельнѣе изложить условія мира съ Византіей (927 г.), отказавшемся отъ завоеванныхъ у нея Симеономъ областей, сообщить свѣдѣнія о государственномъ и церковномъ управленіи Болгаріи и выяснить причины, благопріятствовавшія успѣху Богомиловъ. Мы остановимся только на двухъ послѣднихъ весьма важныхъ вопросахъ, впервые обслѣдованныхъ профессоромъ Дриновымъ.

Государственное устройство Болгаріи окончательно сложилось при Петрѣ Симеоновичѣ. Органы правительственной власти назывались боляраии. Они дѣлились на три разряда: великихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ боляръ. Великіе боляре, числомъ шесть, составляли государственный совѣтъ Болгарскаго царя. Они имѣли важное политическое значеніе въ государствѣ, хотя и неизвѣстно, на чемъ оно основывалось,—на личныхъ ли заслугахъ или на историческихъ правахъ. Внутренніе боляре составляли очень многочисленную чиновную іерархію, учрежденную по византійскому образцу. Они дѣлились на множество ступеней и чиновъ—придворныхъ и гражданскихъ, и носили большею частію византійскіе титулы. Такая чиновная іерархія начала вводиться въ Болгарію еще при Борисѣ, а окончательно организовалась при Симеонѣ и особенно при сынѣ его, Петрѣ. Внѣшніе боляре были областными правителями. Обширное Болгарское царство, простиравшееся, по словамъ Вильгельма Тирскаго, на 30 дней пути въ длину и на 10 или болѣе въ ширину, дѣлилось на множество правительственныхъ округовъ, называвшихся властями (то-есть, волостями, comitatus). Такихъ властей при Петрѣ было, вѣроятно, около 40. Областные правители (властители) назначались царемъ. Они дѣлились на великихъ воеводъ и просто воеводъ. Кромѣ того, были наслѣдственные правители областей и подручники Болгарскаго царя: они титуловались князьями (архонты у Византійцевъ, principes у

Библиотека "Руниверс"

Діоклайца). Упоминаются архонты Моравскій, Моленскій, Бѣлградскій (въ ю. Албаніи) и нѣсколько другихъ. Можно полагать, что въ X вѣкѣ такихъ князей было девять. Они пользовались весьма важнымъ политическимъ значеніемъ въ государствѣ: они принимали непосредственное участіе въ переговорахъ съ иностранными государями и посылали отъ себя письма къ нимъ; безъ ихъ согласія былъ невозможенъ ни одинъ важный государственный актъ.

Прѣславскій дворъ отличался такою роскошью, что въ сравненіи съ нимъ византійскій казался очень бѣднымъ. Такую роскошь ввелъ Симеонъ. Его высокій каменный дворецъ въ Прѣславѣ, по сказанію современника, Іоанна, экзарха Болгарскаго, былъ украшенъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями; по стѣнамъ была живопись. Самъ Симеонъ ходилъ въ порфирѣ, осыпанной жемчугомъ; на шеѣ у него была огромная золотая гривна, на рукахъ золотые обручи, а при бедрѣ золотой мечъ. Его бояре (внутреніе) носили гривны, обручи и пояса изъ золота; а его многочисленная гвардія имѣла позолоченные и посеребренные щиты и копья.

Договоромъ 927 года Византія признала независимость Болгарскаго патріархата, учрежденнаго при Симеонѣ съ разрѣшенія папы. При Петрѣ церковная іерархія окончательно сложилась по образцу византійской. Болгарскому патріарху было подчинено около 40 епископовъ. Обстановка патріарха и епископовъ не уступала въ роскоши обстановкѣ византійскаго высшаго духовенства. При особѣ Болгарскаго патріарха состояло столько же клириковъ, сколько при особѣ Константинопольскаго патріарха, то-есть, до 40. Епископы имѣли не менѣе 20 клириковъ. Судебная власть епископовъ была въ Болгаріи, кажется, еще обширнѣе, чѣмъ въ Византіи. Высшее духовенство имѣло большое вліяніе на государственныя дѣла и усердно поддерживало монархическую власть, а потому Болгарскіе государи щедро дарили ему земли и приписанныхъ къ нимъ крѣпостныхъ (парики). Высшее духовенство соперничало въ роскоши съ византійскимъ. Оно щеголяло богатою одеждою, содержало большую свиту и вело жизнь невоздержную. Корыстолюбіе клириковъ вело къ злоупотребленіямъ: по словамъ пресвитера Козьмы, они „творили несправедливый судъ, грабили, обижали беззащитныхъ".

Такая „испорченность духовенства, достигшая при Петрѣ крайнихъ предѣловъ", по мнѣнію М. С. Дринова,—„дала сильный толчекъ ереси богомиловъ, возникшей въ это время въ Болгаріи. Духовенство содѣйствовало развитію ея тремя путями: вопервыхъ, нерадѣ-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ о духовномъ просвѣщеніи своей паствы; вовторыхъ, своимъ соблазнительнымъ образомъ жизни, и втретьихъ, защитою ненавистныхъ народу византійскихъ порядковъ. Еретики встрѣчали большое сочувствіе въ средѣ народа" (стр. 74). Причина этого заключается отчасти въ устройствѣ и управленіи богомильскихъ общинъ, отчасти въ соціально-политическихъ идеалахъ богомиловъ. Богомильскія общины, какъ уже замѣтилъ г. Рачкій въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи (Rad Jugoslav. Акад., кн. X, стр. 208—209), составляли югославянскія задруги съ общимъ имуществомъ (на этотъ вопросъ г. Дриновъ не обратилъ вниманія). „У богомиловъ были и свои политическіе и общественные идеалы", замѣчаетъ г. Дриновъ, но не разъясняетъ, какіе именно. Намъ кажется, что эти идеалы богомиловъ выражены въ слѣдующихъ обличительныхъ словахъ пресвитера Козьмы: „Учатъ же свояси не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыя, царь ненавидятъ, ругаються старѣйшинамъ, укоряютъ Воляры, мрзъкы Богу мнятъ работающая царю, и всякому рабу не велятъ работати господину своему". Въ этихъ словахъ намъ слышится не только протестъ противъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ въ Болгаріи того времени, но также отголосокъ соціально-политическаго ученія богомиловъ, сущность котораго заключалась въ свободѣ и равенствѣ всѣхъ гражданъ. Такое либеральное ученіе должно было сильно дѣйствовать не только на Болгаръ, у которыхъ, по примѣру Византіи, былъ заведенъ двойной деспотизмъ, свѣтскій и духовный, но также и на всю Западную Европу, гдѣ низшіе классы народа страдали подъ гнетомъ высшаго. Этимъ ученіемъ, мы полагаемъ, по преимуществу объясняется легкій успѣхъ богомильской проповѣди какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ Италіи, Франціи и Германіи, хотя нѣтъ сомнѣнія, что много содѣйствовала этому успѣху примѣрная жизнь богомиловъ — ихъ воздержаніе отъ излишней пищи и пьянства, ихъ трудолюбіе, благочестіе, скромность и т. д.

Г. Дриновъ называетъ богомиловъ „людьми чуткими къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, и притомъ дѣятельно хлопотавшими объ осуществленіи своего соціально-политическаго идеала. Хотимъ сказать, что ересь эта не была безъ вліянія на внутреннюю жизнь Болгарскаго царства въ занимающую насъ пору, напротивъ того, была главнымъ дѣятелемъ происходившихъ тогда событій, явилась противодѣйствіемъ сильно утверждавшемуся византизму съ его роскошнымъ клиромъ, съ его придворными кознями, съ его государ-

Библиотека "Руниверс"

ственнымъ всемогуществомъ и общественными порядками" (стр. 78). Если же г. Дриновъ придаетъ такое важное значеніе богомиламъ, то ему слѣдовало бы разъяснить ихъ соціально-политическое ученіе, тѣмъ болѣе, что свое изслѣдованіе онъ называетъ „культурно-историческимъ" (стр. 2).

Г. Иречекъ не только не обратилъ вниманія на соціально-политическое ученіе богомиловъ, но даже не потрудился обстоятельно изложить ихъ богословскую систему, хотя и пользовался изслѣдованіемъ Рачкаго. Онъ, напримѣръ, допускаетъ такія фантазіи, основанныя на вышеупомянутомъ трудѣ своего отца: „Для богомила была весьма нетрудная задача обратить народъ, еще недавно погруженный въ язычество, въ религію, которая, подобно славянской миѳологіи о богахъ и бѣсахъ, учила о двухъ высшихъ существахъ, то-есть, о добромъ и зломъ божествѣ". Во-первыхъ, славянская миѳологія не знала дуализма, какъ мы старались показать выше; во-вторыхъ, богомилы не признавали двухъ боговъ, добраго и злаго, какъ можно было бы заключать изъ хорошо извѣстной намъ венеціанской рукописи; они признавали два начала—доброе и злое: „Два начала есть", говоритъ пресвитеръ Козьма,—„едино убо благо, другое зло". Доброе начало они называли богомъ, злое—діаволомъ или сатанаиломъ. Это противоположеніе между богомъ и діаволомъ проводится во всемъ ученіи богомиловъ: міръ сотворенъ не Богомъ, а діаволомъ, потому что Богъ не создаетъ того, что уничтожается; Богъ благій не могъ сотворить ничего временнаго и несовершеннаго: это—дѣло лукаваго, нечестиваго діавола; человѣкъ созданъ Сатанаиломъ изъ земли и воды, а Богъ вдунулъ въ него душу: оттого человѣкъ принадлежитъ имъ обоимъ; діаволъ владѣлъ человѣкомъ исключительно до пришествія Спасителя и т. д.

Въ небольшой X-й главѣ разказывается вкратцѣ о походѣ великаго князя Святослава въ Болгарію. Авторъ пользовался сочиненіемъ Гильфердинга и статьею г. Дринова въ IX кн. Період. списанія. IV-я глава докторской диссертаціи харьковскаго профессора совершенно измѣняетъ прежній взглядъ на этотъ предметъ. „Взглядъ этотъ", по словамъ М. С. Дринова,—„крайне ошибоченъ; онъ держится на ложномъ представленіи политическаго состоянія Болгарской земли во время нападенія на нее Руссовъ и выведенъ изъ невѣрнаго толкованія нѣкоторыхъ весьма важныхъ историческихъ свидѣтельствъ" (стр. 91—92). Общій результатъ изслѣдованія г. Дринова формулированъ въ слѣдующихъ словахъ (стр. 108 — 109): „Только Силистрійская,

Библиотека "Руниверс"

Мало-Прѣславская (въ печати, по ошибкѣ, Рущукская), Прѣславская Филиппопольская и нѣсколько другихъ съ ними областей подверглись русскому завоеванію и были затѣмъ подчинены Цимискіемъ Византійской имперіи. Это—тѣ области, которыя остались вѣрными царю Петру въ то время, какъ другія отложились отъ него и составили особенное политическое цѣлое подъ управленіемъ Шишмана и его рода. Другими словами, только восточное Болгарское царство, въ которомъ царствовала древняя династія, было покорено въ это время сначала Русскими, а потомъ Византійцами. Что же касается западнаго Болгарскаго царства, то оно осталось не тронутымъ какъ со стороны Руссовъ, такъ и со стороны Византійцевъ: эта половина Болгарской земли тогда удержала свою политическую самостоятельность".

Изъ примѣчанія покойнаго О. М. Бодянскаго на стр. 95 г. Иречекъ можетъ узнать о положеніи, неизвѣстномъ ему, Переяславца: Малая Прѣсдава, Русскій Переяславецъ, находилась на Дунаѣ, у самой дельты его, на югъ отъ него.

XI-я глава—„о Шишмановичахъ и покореніи Западной Болгаріи Византійцами"—также должна быть отчасти передѣлана по изслѣдованію г. Дринова, изъ котораго оказывается, что: 1) Шишмановичи не могли происходить изъ Трнова, какъ полагаетъ г. Иречекъ вслѣдъ за Гильфердингомъ,—потому что Трново въ X вѣкѣ не существовало и было основано только въ XII в.; и 2) Самуилъ вступилъ на престолъ не въ 976 году, а нѣсколько позже. Хронологію первыхъ Шишмановичей г. Дриновъ исправляетъ такъ: Шишманъ I царствовалъ въ 963—967 г., старшій сынъ его, Давидъ,— въ 968—977 гг.; а „между 977 и 979 г. власть перешла въ руки Самуила, который въ 980 году уже находился во главѣ правленія" (стр. 117). Борьба царя Самуила съ Василіемъ Болгаробойцемъ заслуживала болѣе обстоятельнаго изложенія, что было бы весьма легко сдѣлать по сочиненіямъ Гильфердинга и Рачкаго (Borba Južnich Slovena za državnu neodvisnost u XI vieku, Zagreb, 1875).

Въ XII-й главѣ, озаглавленной „Византійское господство въ Болгаріи въ XI и XII столѣтіяхъ",—говорится сначала, впрочемъ очень кратко, объ административныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ Болгаріи по завоеваніи ея Византійцами, потомъ о возстаніяхъ Петра Деляна и Константина Бодина, о вторженіяхъ Печенѣговъ и Половцевъ, и наконецъ, о завоеваніи Албаніи Норманнами. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ находятся у Рачкаго, а также въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, на которыя укажемъ ниже.

Библиотека "Руниверс"

Говоря о томъ, что императоръ Василій II, по окончательномъ завоеваніи Болгаріи, призналъ независимость Болгарской церкви отъ Константинопольскаго патріарха, г. Иречекъ упустилъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство, именно, что Болгарскіе архіепископы, переставшіе титуловаться патріархами, были назначаемы и утверждаемы Византійскими императорами, и что всѣ преемники архіепископа Іоанна, поставленнаго Василіемъ II Болгаробойцею, начиная съ Льва, который называется „πρῶτος ἐκ Ῥωμαίων χαρτοφύλαξ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας (Константинопольской патріархіи), были Греки. „Такимъ образомъ", замѣчаетъ г. Голубинскій (стр. 41), —„архіепископія Охридская, завѣдуя народомъ Болгарскимъ, совершенно превратилась изъ болгарской въ греческую". Понятно, что греческіе архіепископы, при посвященіи въ епископы и священники, отдавали предпочтеніе своимъ землякамъ передъ Болгарами, и что пришлое духовенство греческое заботилось не о христіанскомъ просвѣщеніи и благосостояніи своей паствы, а о собственномъ карманѣ, по извѣстнымъ своимъ корыстолюбію и нравственной порчѣ (см. Голубинскаго, Ист. св. православ. церкви, стр. 40 и слѣд., и Дринова: Истор. прегледъ на Българска-та цьрква, стр. 55 и слѣд.).

Г. Иречку слѣдовало также сказать, что императоръ Василій II, назначивъ греческихъ правителей въ болгарскія области, оставилъ неприкосновенными, по свидѣтельству Кедрина, областное самоуправленіе и систему податей, установленную Самуиломъ, а именно, что каждый Болгаринъ, владѣвшій парою воловъ, долженъ былъ вносить въ казну ежегодно одну мѣру пшеницы, одну мѣру проса и одну корчагу вина. Кромѣ того, Болгаре должны были служить въ императорскомъ войскѣ.

Сообщаемыя г. Иречкомъ свѣдѣнія о заведенномъ Василіемъ II управленіи Болгаріи должны быть исправлены по Рачкому (стр. 107—108) слѣдующимъ образомъ: Начальники областей (themata) титуловались стратигами или архонтами. Стратиги были въ Скопіѣ, Охридѣ, Драчѣ, Колонеѣ и Дринополѣ; въ Болгарской Моравіи былъ архонтъ; въ теченіе вѣка число ихъ увеличилось (въ Дунайской Болгаріи, въ Преспѣ и Пологѣ, въ Дѣволи и Костурѣ). Единство болгарскихъ земель выражалось въ особѣ воеводы (δούξ) „всей Болгаріи", который былъ императорскимъ намѣстникомъ и имѣлъ резиденцію въ Скопіѣ, главномъ городѣ Болгаріи. Области были раздѣлены на округи (turma, bandos), которыми управляли греческіе чиновники, подвластные стратигу. Сборщики податей зависѣли не отъ стратиговъ, а отъ Лого-

Библиотека "Руниверс"

ества. По словамъ Болгарскаго архіепископа Оеофилакта, эти чиновники „смотрѣли не какъ Богъ и посланники императорскія, какъ на паутину, въ которой запутывается только маленькая и безсильная муха, но которую раздереть звучащая оса". Сборщиковъ податей онъ называетъ „настоящими разбойниками" и „грабителями". Но такіе порядки существовали только въ Западной Болгаріи; жители же Придунайской Болгаріи не только не платили никакихъ податей, но сами получали ежегодно изъ Константинополя богатые подарки, и въ нихъ земли греческіе стратиги имѣли только номинальную власть. Такъ снисходительно поступало съ своими византійское правительство съ тѣмъ, чтобъ имѣть въ нихъ защитниковъ отъ вторженій Печенѣговъ, Торковъ (Узовъ) и Половцевъ. Г. Иречекъ не вникъ въ историческое значеніе набѣговъ этихъ варваровъ на Византійскую имперію и отнесся къ этому вопросу слишкомъ поверхностно, ограничившись кое-какими свѣдѣніями, почерпнутыми въ книгѣ г. Рачкаго; а между тѣмъ еще въ 1872 году было напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (ч. 164) замѣчательное изслѣдованіе профессора Васильевскаго: „Византія и Печенѣги" (1048—1094 гг.). Это изслѣдованіе проливаетъ новый свѣтъ на исторію Византіи (а потому и Болгаріи) XI вѣка.

„Около половины XI столѣтія Печенѣги перешли за Дунай. Это событіе, оставляемое безъ вниманія во всѣхъ новыхъ историческихъ сочиненіяхъ, имѣло" по словамъ г. Васильевскаго, — „громадное значеніе въ исторіи человѣчества. По своимъ послѣдствіямъ оно почти такое важно, какъ переходъ за Дунай Западныхъ Готовъ, которымъ начинается такъ-называемое переселеніе народовъ". Это громадное историческое значеніе перехода Печенѣговъ за Дунай нѣсколько ниже объясняется такъ: „Непосредственною причиной великаго движенія съ запада на востокъ, то-есть, перваго крестоваго похода, на сколько эта причина заключалась въ положеніи Восточной имперіи, были не столько завоеванія Сельджуковъ въ Азіи, сколько грозныя и страшныя массы орды Печенѣжской, угрожавшей самому Константинополю. Вообще эти движенія Печенѣжской орды послѣ перехода за Дунай необходимо прослѣдить шагъ за шагомъ, во всей подробности, которая намъ доступна при существующихъ источникахъ. Не смотря на утомительное однообразіе описаній печенѣжскаго грабительства и разбоя, здѣсь можно найдти нѣкоторыя довольно важныя указанія и намеки для исторіи восточной Европы. Византійская политика предъ первымъ крестовымъ походомъ и въ самомъ первомъ крестовомъ походѣ не можетъ

Библиотека "Руниверс"

быть ясно понята безъ постояннаго вниманія къ печенѣжскому вопросу. Отношенія Византіи къ князьямъ Русскимъ, вѣроятно, получатъ новый свѣтъ отъ болѣе подробнаго изученія исторіи Печенѣговъ и Половцевъ" (стр. 132).

Если таково вообще историческое значеніе вторженій Печенѣговъ и Половцевъ въ Византійскую имперію, то оно еще важнѣе по отношенію къ Болгаріи: чтобы понять то участіе, которое принимали Половцы (преемники Печенѣговъ) въ возстановленіи Болгарскаго царства и въ войнахъ Болгаръ съ Латинскою имперіей въ Константинополѣ, необходимо уяснить себѣ взаимныя ихъ отношенія въ XI вѣкѣ; кромѣ того, Болгарія наиболѣе страдала отъ этихъ варваровъ, поселившихся на ея земляхъ; она была въ ихъ рукахъ, и за Византіей осталась только одна тѣнь власти въ болгарскихъ земляхъ. Поэтому вопросъ печенѣжско-половецкій долженъ быть обстоятельно изложенъ въ исторіи Болгаріи. Не вдаваясь въ неумѣстныя здѣсь подробности, мы ограничимся нѣсколькими поправками и указаніями въ надеждѣ, что г. Иречекъ воспользуется ими при второмъ изданіи своей книги.

Г. Иречекъ описываетъ образъ жизни Половцевъ по Роберту де-Клари, отрывки изъ мемуаровъ котораго были напечатаны нами въ V-й книгѣ Rada Jugosl. Akademije; къ сожалѣнію, множество опечатокъ, вкравшихся въ это изданіе, затрудняетъ пониманіе текста. Г. Иречку слѣдовало бъ обратиться къ полному изданію профессора Гопфа (Chroniques Greco-Romanes, гдѣ, на стр. 52, находится LXV-я глава мемуаровъ Клари, въ которой говорится о Половцахъ). Кромѣ того, характеристику Половцевъ нужно пополнить по Евстасію Солунскому и Раббѣ Петахіи (у Васильевскаго, стр. 120—121). Объ образѣ жизни Печенѣговъ г. Иречекъ ничего не говоритъ; можно было бы воспользоваться характеристикой ихъ у Өеофилакта Болгарскаго (тамъ же, стр. 119) и свѣдѣніями, разбросанными у Византійцевъ, западныхъ лѣтописцевъ и Арабовъ (на указанія послѣднихъ г. Васильевскій не обратилъ вниманія; см. напр. у Хвольсона, Ибнъ-Даста, стр. 46—51).

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Иречкомъ о переходѣ Печенѣговъ за Дунай въ половинѣ XI вѣка, отчасти неточны: 1) Кегенъ былъ не полководцемъ Тираха, а его соперникомъ. Избѣгая мести Тираха, онъ, съ двумя улусами, въ числѣ 20,000 человѣкъ, переправился черезъ Дунай и получилъ отъ императора во владѣніе три дунайскія крѣпости: это было первое переселеніе Печенѣ-

Библиотека "Руниверс"

горѣ въ Болгаріи, о которомъ упоминаютъ г. Иречекъ и его руководитель п. Рачкій (стр. 129). 2) Тирахъ вторгся во владѣнія Византіи не изъ-за лесовавшаго зрѣнія, отказаннаго императоромъ Кегену, а изъ-за набѣговъ его, не смотря на миръ съ Византіей, на печенѣжскіе улусы, оставшіеся мирными (числомъ 11) Тираху. 3) Тирахъ перешелъ Дунай по льду зимою 1048 года со всею своею ордою, состоявшею изъ 800,000 человѣкъ (Васильевскій, стр. 126), а не 80,000, какъ говоритъ г. Пречекъ со словъ г. Рачкаго (стр. 130). 4) Орда Тираха была побѣждена не византійскими полководцами, а „молодымъ виномъ и славянскими національными медовыми напитками, приготовленными Болгарами“: отъ неумѣреннаго употребленія ихъ началась страшная смертность между Печенѣгами, и они добровольно покорились Византійцамъ. Византійское правительство поселило ихъ въ опустѣвшей Болгаріи, преимущественно около Сѣрдца, Ниша и на Овчемъ полѣ. Между ними была набрана 15,000 конница, которую отправили въ Малую Азію противъ Сельджуковъ; но они произвольно возвратились въ Сѣрдецъ и взбунтовали своихъ сплеменниковъ, которыхъ византійское правительство вздумало пріучать къ земледѣлію: косы и серпы замѣнили имъ отобранное оружіе, и они принялись опустошать окрестности Сѣрдца и Ниша, послѣ чего перешли Балканы. По совѣту всѣхъ Печенѣжскихъ князей, была выбрана удобная для кочевья равнина между Балканами и Дунаемъ. Отсюда они дѣлали опустошительные набѣги на Ѳракію и Македонію, разбивали высылаемыя противъ нихъ византійскія войска и заставляли императора покупать у нихъ миръ дорогою цѣною. Они были усмирены только въ 1059 году, когда Печенѣжскіе князья дали обѣщаніе сохранить вѣрность, т. е., впрочемъ, не мѣшало имъ грабить [illegible] своихъ сосѣдей—Болгаръ.

Г. Иречекъ не придаетъ никакого значенія переправѣ черезъ Дунай Узовъ (Торковъ); со словъ г. Рачкаго (стр. 138) онъ говоритъ, что въ 1065 г. они переправились черезъ Дунай, и въ числѣ 60,000 заняли Болгарію до самой Эллады, но были истреблены моровою язвой, Болгарами и Печенѣгами, а остатки ихъ поселились въ Македоніи. Г. Васильевскій (стр. 138—139) представляетъ это переселеніе Узовъ совершеннымъ въ иномъ видѣ: „Въ сентябрѣ 1064 года Узы явились на Дунаѣ. Это было настоящее переселеніе: цѣлое племя, въ числѣ 600 тысячъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ, толпилось на лѣвомъ берегу рѣки. Всѣ усилія воспрепятствовать ихъ переправѣ были напрасны... Болгары и Греки, которые хо-

Библиотека "Руниверс"

тѣли удержать ихъ, были разбиты; двое сановниковъ императорскихъ попались въ плѣнъ. Дунайская равнина была во власти страшной орды. Скоро нашествіе коснулось и болѣе отдаленныхъ областей имперіи; одна часть Узовъ отдѣлилась отъ прочей массы и бросилась на юго-западъ: Солунская область и самая Эллада испытали всѣ ужасы варварскаго нашествія. Императоръ Константинъ X Дука, услышавъ о страшномъ бѣдствіи, совѣтъ дотерялъ голову... Въ опустошенной еще Печенѣгами Болгаріи многочисленныя толпы Узовъ не находили себѣ удовлетворительной добычи, ни даже достаточнаго пропитанія. Вмѣсто того, чтобы возвращаться назадъ (какъ ихъ упрашивалъ императоръ), они стремились все впередъ. Македонія и Эпирія пострадали подобно Солунской области. Набѣги кочевниковъ доходили почти до стѣнъ Константинополя. Горесть и отчаяніе жителей столицы достигли послѣдней степени. Они начинали серьезно разсуждать между собою о необходимости выселенія изъ Европы"... Вотъ каково было это переселеніе Узовъ, о которомъ г. Иречекъ сталъ достаточнымъ упоминать въ нѣсколькихъ словахъ!

Эту страшную орду покорили византійское золото, болѣзни и голодъ: подкупленные Византійцами, узцы ушли обратно за Дунай вмѣстѣ съ своими полчищами; болѣзни и голодъ сдѣлали свое дѣло; имъ помогли Болгаре и Печенѣги; оставшіеся въ живыхъ Узы были поселены въ Македоніи, обязавшись служить въ имперагорскомъ войскѣ. Вмѣстѣ съ Печенѣгами они составляли легкую конницу и принимали дѣятельное участіе въ Турецкихъ походахъ Вейлы IV.

Въ это время находимъ Печенѣговъ въ Придунайской Болгаріи. Въ Доростолѣ (Силистріи) властвовали Печенѣгъ Татуша. Болгаре, недовольные византійскимъ правительствомъ за то, что оно лишило ихъ ежегодныхъ даровъ, вошли съ нимъ въ союзъ, въ который вовлекли и вестарха Нестора, родомъ Славянина, и сообща задумали завладѣть Константинополемъ (1074 г.). Союзники перешли Балканы, опустошили Адріанопольскую область и подошли къ самымъ стѣнамъ столицы имперіи, но потомъ отступили, неизвѣстно по какой причинѣ. Четыре года позже Печенѣги снова появляются за Балканами въ качествѣ наемниковъ сначала Михаила VII, а потомъ Никифора Вріенія и Василаки, грабятъ Адріанопольскую область и получаютъ за свою службу огромную сумму денегъ. Въ походѣ Василаки, стратига Драча, на Солунь участвуютъ вмѣстѣ съ Печенѣгами Половцы (Куманы). Придунайскіе города остаются въ рукахъ Печенѣговъ. Они владѣютъ также страной между Балканами и Дунаемъ. Болгаре

Библиотека "Руниверс"

подвинулся власти ихъ главой, и вмѣстѣ съ ними ходятъ за Балканы. Особенно сильную поддержку они находятъ въ богомилахъ. Между ними находятся даже бранные сомы Богомилы Лека и Добромиръ, возбуждаютъ Печенѣговъ къ нападенію на византійскія области, и Печенѣги опустошаютъ окрестности Средца и Ниша (1078 г.). Нѣсколько позже (1086 г.) „бесчисленное множество" Печенѣговъ, подкупаетъ Траяну, главѣ богомильской общины, взбунтовавшемуся противъ императора Алексѣя Комнина, и грабятъ окрестности Филиппополя. Въ 1087 году 80,000 Печенѣговъ и Половцевъ, подговоренныхъ Угорскимъ королемъ Саломономъ, вторглись въ Македонію и только недалеко отъ Константинополя встрѣтили византійскія войска у городка Кулы, гдѣ потерпѣли пораженіе, и послѣ того удалились за Балканы. Императоръ Алексѣй, возгордившись успѣхомъ, задумалъ изгнать Печенѣговъ изъ Болгаріи и съ этою цѣлію лично повелъ противъ нихъ войска, но къ югу отъ Дрестры потерпѣлъ сильное пораженіе и едва спасся бѣгствомъ (1088 г. Онъ долженъ былъ заплатить огромный выкупъ за знатныхъ Византійцевъ, взятыхъ въ плѣнъ Печенѣгами; изъ-за этого выкупа Печенѣги перессорились съ своими союзниками Половцами; отъ ссоры дошло до борьбы изъ-за византійскаго золота, и болѣе сильные Половцы разбили Печенѣговъ и загнали ихъ въ болота около низовьевъ Дуная. Но вскорѣ они вернулись къ Балканамъ, а вслѣдъ за ними пришли туда Половцы. Императору пришлось откупаться отъ тѣхъ и другихъ золотомъ. Печенѣги, по удаленіи Половцевъ, нарушили миръ, стали грабить Подбалканскіе города и села, заняли Филиппополь, куда давно призывали ихъ богомилы, и безпокоили самую столицу. Императоръ долженъ былъ просить у нихъ мира. Тѣмъ не менѣе печенѣжскіе набѣги продолжались, доходя до самыхъ стѣнъ столицы. Одновременно съ Печенѣгами угрожали Константинополю Турки Сельджуки со стороны моря, а съ суши—Половцы, собиравшіе шестидесятитысячную орду. Имперія находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи, и императоръ, по собственнымъ его словамъ, „былъ принужденъ бѣгать предъ лицемъ Турокъ и Печенѣговъ". Въ отчаяніи онъ взывалъ о помощи къ Западной Европѣ (1091 г.), прося, чтобы Латины заняли Константинополь, прежде чѣмъ онъ достанется въ руки Турокъ и Печенѣговъ (Переводъ этого окружнаго посланія императора у Васильевскаго, стр. 271—273). А между тѣмъ, въ ожиданіи прибытія на берега Босфора Франковъ, въ руки которыхъ Алексѣй Комнинъ хотѣлъ отдать судьбу своей имперіи, были вооружены Болгаре, Влахи

Библиотека "Руниверс"

и жители другихъ областей, свободныхъ отъ печенѣжскаго нашествія. Самъ императоръ сталъ во главѣ новой арміи. Его укрѣпленный лагерь находился въ Эдессѣ у устьевъ Гебра. На помощь несмѣтнымъ полчищамъ Печенѣговъ пришла сорокатысячная орда Половцевъ; но императоръ умѣлъ привлечь на свою сторону Половцевъ, и съ помощью ихъ истребилъ большую часть Печенѣжской орды, а остальныхъ взялъ въ плѣнъ. Плѣнные Печенѣги были поселены въ Мосленской области, на востокъ отъ рѣки Вардара.

Что касается похода Половцевъ на Адріанополь со самозванцемъ Константиномъ Діогеновичемъ (Девгеновичемъ, по русскимъ лѣтописямъ), то походъ этотъ состоялся не въ 1094 году, какъ говоритъ г. Иречекъ, а въ 1092.

Такъ, по нашему мнѣнію, должны быть исправлены и дополнены свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ „Исторіи Болгаръ" о столкновеніяхъ Печенѣговъ и Половцевъ съ Византійскою имперіей.

Г. Иречекъ не упоминаетъ о походѣ крестоносцевъ черезъ Болгарію и ихъ столкновеніяхъ съ Болгарами, хотя имѣются объ этомъ любопытныя свѣдѣнія. Еще въ 1065 году Болгаре грабили пилигримовъ, отправлявшихся черезъ Угорское королевство и Византійскую имперію въ Святую землю; а въ 1096 году, во время прохода чрезъ ихъ земли крестоносцевъ, они нападали на нихъ, какъ на враговъ своихъ: передовой ихъ отрядъ, подъ предводительствомъ рыцаря Вальтера, былъ разбитъ Болгарами въ Бѣлградѣ, который они грабили и опустошали, и 140 крестоносцевъ, затворенныхъ ими въ одной церкви, задохлись отъ дыму, остальные же съ большими опасностями пробрались черезъ Болгарскія лѣса въ Нишъ и Срѣдецъ, а оттуда въ Константинополь; нѣсколько позже, Болгаре истребили подъ Нишемъ до 10,000 изъ 40,000 крестоносцевъ, предводительствуемыхъ Петромъ Пустынникомъ, за ихъ варварскіе поступки въ Бѣлградѣ и по пути; въ Пологѣ (въ Македоніи) рыцари Боэдмунда опустошили земли богомиловъ не за то только, что считали ихъ еретиками, а также въ отмщеніе Болгарамъ за ихъ нерасположеніе, которое проявлялось въ томъ, что они не хотѣли снабжать ихъ провіантомъ, не давали имъ проводниковъ и даже нападали на нихъ въ горныхъ тѣснинахъ и лѣсахъ, за что крестоносцы обращались самымъ варварскимъ образомъ съ болгарскими плѣнными: выкалывали имъ глаза и отрубали руки и ноги; въ Скадрѣ, не смотря на побратимство Будина съ графомъ Раймундомъ, Славяне нападали на безоружныхъ крестоносцевъ, грабили ихъ и убивали.

Библиотека "Руниверс"

Гораздо опаснѣе сосѣдями-западныхъ кочевниковъ, говоритъ г. Иречекъ,— были Нормане, завоевавшіе Албанію и Македонію до Вардара,— и не смотря на это, ограничивается нѣсколькими строками о походахъ Роберта Гискара и его сына Боэмунда. Хотя мы и не раздѣляемъ взгляда автора „Исторіи Болгаріи" на кратковременныя норманскія завоеванія, тѣмъ не менѣе считали бы необходимымъ сказать нѣсколько подробнѣе объ отношеніяхъ Болгаръ къ Норманнамъ. Правда, эти отношенія опредѣлить довольно трудно по причинѣ противорѣчія источниковъ и двуличности Бодина, титулярнаго царя Болгаръ. Сначала вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Сербскимъ краленъ Миханломъ, онъ былъ на сторонѣ Норманновъ, а потомъ былъ сторонникомъ императора Алексѣя Комнина, но послѣ пораженія императорскихъ войскъ (1081 г.) онъ оставилъ его и возвратился въ Зету. Есть извѣстія, что жители Албаніи, большинство которыхъ были Болгаре, отказали Норманнамъ въ провіантѣ и дани, что въ войскахъ императора былъ вспомогательный отрядъ богомиловъ (изъ 2800 человѣкъ); но въ то же время извѣстно, что сами Болгаре призывали Боэмунда въ Охриду и передали въ его руки бывшую столицу Западной Болгаріи. Нѣкоторыя указанія на отношенія Болгаръ къ Норманнамъ можно найдти въ изслѣдованіи неаполитанскаго профессора де-Блазіиса (Giuseppe de Blasiis): La insurrezione Pugliese e la conquista Normanna nel secolo XI (Napoli, 1864, 2 vol.)

Въ XIII-й главѣ, подъ заглавіемъ „Внутреннее состояніе Болгаріи въ XI и XII вѣкахъ", сообщаются свѣдѣнія объ эллинизаціи Охридской церкви, о распространеніи богомильства по Балканскому полуострову и Западной Европѣ и о различныхъ народностяхъ на этомъ полуостровѣ. Что касается эллинизаціи Болгарской церкви, то объ этомъ слѣдовало сказать въ предыдущей главѣ, какъ было выше замѣчено. Объ успѣхахъ богомильскаго ученія въ XI—XII вв. г. Иречекъ говоритъ очень кратко, руководствуясь извѣстнымъ изслѣдованіемъ г. Рачкаго. Было бы желательно, чтобъ яснѣе показано было отношеніе западныхъ патареновъ и катаровъ къ болгарскимъ богомиламъ, и особенно, чтобы были сообщены болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ послѣднихъ. У Византійцевъ есть много любопытныхъ свѣдѣній о богомилахъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ числѣ ихъ есть такія, которыя невольно возбуждаютъ удивленіе: такъ напримѣръ, упоминается объ участіи богомиловъ въ византійскихъ войнахъ, о богомильскихъ вспомогательныхъ отрядахъ, между тѣмъ какъ богомилы считали войну грѣхомъ. Есть свѣдѣнія о богомилахъ и въ болгарскихъ источникахъ

Библиотека "Руниверс"

такъ напримѣръ, въ Житіи преп. Иларіона, епископа Моглѣнскаго († 1164 г.), страстнаго обличителя богомиловъ, читаемъ слѣдующія строки объ успѣхахъ ихъ ученія: „Толико они възмогли бѣше ереси, такоже и куръ Мануилу царю Грѣческому въ мали не отъпасти отъ благочьстивые нашее вѣры, аще не блаженнымь Иларіономь оукрѣпленъ би догматьскыми словесы и отверьжденъ нечьстивое онѣхъ велѣніе отъ срьдьца его далече нѣгде прогна, православіа же сѣме въ немъ оусоугоуби, (Starine I, 81).

Вообще надъ исторіей богомиловъ въ Болгаріи слѣдуетъ еще потрудиться самостоятельно; нужно тщательно изслѣдовать византійскіе, западные и болгарскіе источники, и притомъ обратить вниманіе преимущественно на ихъ соціально-политическое ученіе и на ту роль, какую они играли въ государствѣ. Такого спеціальнаго изслѣдованія мы не въ правѣ, конечно, требовать отъ г. Иречка, а выражаемъ только желаніе, чтобы кто-нибудь изъ молодыхъ славистовъ занялся этимъ важнымъ вопросомъ.

Не понимаемъ, какую связь имѣетъ съ исторіей Болгарской церкви этнографическій обзоръ Балканскаго полуострова: такой обзоръ былъ бы умѣстенъ въ IV-й главѣ, гдѣ говорится объ отношеніяхъ Славянъ къ старожиламъ полуострова, и онъ вышелъ бы удачнѣе, еслибъ авторъ обратилъ поболѣе вниманія на сербскія грамоты и Законникъ Душана. Исправляемъ одну только важную ошибку, сдѣланную притомъ съ ссылкою на наши „Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка“: намъ никогда не приходило въ голову утверждать, что славянскій элементъ совершенно исчезъ въ Албаніи; напротивъ, намъ очень хорошо извѣстно, что въ сѣверной ея части до сихъ поръ живутъ Сербы, нимало не утратившіе своей народности, и что внутри ея, напримѣръ, въ Дебряхъ, уцѣлѣло еще болгарское народонаселеніе. Вообще содержаніе этой главы не соотвѣтствуетъ заглавію: о внутреннемъ состояніи Болгаріи въ ней нѣтъ почти и помину.

Викентій Макушевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Geschichte der Serben von ältesten Zeiten bis 1815 von *Benjamin* von *Kallay*, General-Consul in Belgrad. Aus dem Ungarischen mit Zustimmung des Verfassers ins Deutsche übertragen von Professor *J. Schwicker*. Erster Band, (**Исторія Сербовъ съ древнѣйшихъ временъ до 1815 г.** *Веніамина фонъ-Каллая*, генеральнаго консула въ Бѣлградѣ. Переводъ съ мадьярскаго на нѣмецкій языкъ профессора *И. Швикера*, съ согласія автора. т. I). Budapest, Wien und Leipzig. 1878.

Трудъ г. Каллая состоитъ изъ введенія (въ пяти главахъ), въ которомъ излагается исторія Сербовъ съ появленія ихъ на Балканскомъ полуостровѣ до конца XVIII столѣтія, и изложенія настоящаго предмета книги, то-есть, исторіи Сербовъ съ конца XVIII в. по 1815 г. Уже самое раздѣленіе сочиненія не вѣрно: если первая часть (такъ-называемое введеніе), въ которой излагается древнѣйшая исторія Сербовъ, не входитъ въ составъ главнаго предмета книги, то лучше бы авторъ совсѣмъ опустилъ ее и не давалъ бы заглавія своему труду: „Исторія Сербовъ съ древнѣйшихъ временъ". Но пойдемъ за авторомъ.

Въ первой главѣ (введенія) — „Иллиро-Ѳракійскій полуостровъ ко времени вторженія Сербовъ"—авторъ представляетъ въ общихъ чертахъ первоначальную исторію Балканскаго полуострова. Нѣтъ, говоритъ онъ,—ни одной страны въ Европѣ, которая испытала бы столько переворотовъ, какъ Балканскій полуостровъ. Упомянувъ о первыхъ, извѣстныхъ исторіи жителяхъ Балканскаго полуострова—Ѳракійцахъ и Иллирахъ (ибо о жителяхъ до нихъ населявшихъ этотъ полуостровъ, нѣтъ извѣстій), потомками которыхъ считаетъ Албанцевъ и Македоно-Валаховъ, да затѣмъ перечисливъ, какіе народы перебывали здѣсь, авторъ останавливается на племени Славянскомъ. Первое появленіе

Библиотека "Руниверс"

Славянъ въ этой странѣ онъ относитъ ко II—III столѣтіямъ нашей эры; подъ именемъ Карповъ они вмѣстѣ съ Готами опустошали Византійскую имперію; настоящее же вторженіе Славянъ (Славяне и Анты) относится, по мнѣнію г. Калая къ концу V вѣка. Изъ такого сопоставленія фактовъ можно бы заключать, что авторъ держится мнѣнія тѣхъ ученыхъ, которые появленіе Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ ставятъ въ связь съ великимъ переселеніемъ народовъ. Мнѣніе это опровергъ М. С. Дриновъ въ своемъ изслѣдованіи: „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами" (гл. II), и притомъ доказалъ, что начало появленія здѣсь Славянъ восходитъ въ періодъ до великаго переселенія народовъ. Но дальше нашъ авторъ какъ будто отказывается отъ этого мнѣнія, когда говоритъ: „Древнія названія мѣстностей и другія обстоятельства заставляютъ признать, что Славяне явились здѣсь не чрезъ завоеваніе, а чрезъ колонизацію, устроенную Византійскими императорами, или наконецъ, такимъ образомъ, что изъ Славянскихъ ордъ, нерѣдко вторгавшихся на Балканскій полуостровъ съ ранняго времени, извѣстная часть могла здѣсь осѣдать" Признавая, что первоначальное утвержденіе Славянъ на полуостровѣ было не вслѣдствіе завоеванія, г. Калай принимаетъ однако, что дальнѣйшее, постепенное ихъ усиленіе здѣсь произошло путемъ завоеванія. Очевидно, авторъ не составилъ себѣ вполнѣ яснаго понятія объ этомъ важномъ предметѣ.

Къ нападеніямъ Славянъ на Византійскую имперію, продолжаетъ нашъ авторъ,—присоединились вторженія Аваровъ. Но не столь опасны были вторженія этихъ варваровъ, какъ Персовъ, между которыми въ первой половинѣ VII вѣка начало распространяться ученіе Магомета. Поэтому все вниманіе Византійскаго императора Ираклія (610—641 гг.) было обращено въ эту сторону; сѣверныхъ же варваровъ онъ или задобривалъ золотомъ, или возбуждалъ другъ противъ друга—Славянъ противъ Аваровъ, и наоборотъ. Послѣдніе далеко уже проникли въ византійскія владѣнія—въ Панноніо, въ нынѣшнюю Босну и Далмацію. Къ этому-то времени, говоритъ г. Калай,—относится движеніе на Балканскій полуостровъ сначала Кроатовъ (то-есть Хорватовъ), а чрезъ нѣсколько лѣтъ и родичей ихъ Сербовъ, искавшихъ себѣ новыхъ жилищъ. Императоръ Ираклій принялъ ихъ радушно и поселилъ за р. Савою, въ направленіи къ Адріатическому морю, съ цѣлью имѣть въ нихъ форпостъ противъ вторженій Аваровъ.

Послѣ такого, скажемъ, вступленія, автору всего естественнѣе было бы прямо приступить къ изложенію исторіи новыхъ поселенцевъ

Библиотека "Руниверс"

Балканскаго полуострова — Хорватовъ, и Сербовъ, или вѣрнѣе, къ исторіи собственно Сербовъ, какъ того требуетъ заглавіе сочиненія. Какъ показываетъ заголовокъ второй главы: „Von der Einwanderung der Serben bis zur Begründung des Königreichs", авторъ и вознамѣрился посвятить ее этому предмету. Но спрашивается: какъ выполнилъ авторъ то, что обозначилъ въ заголовкѣ этой главы? Тутъ мы находимъ больше лишняго, не идущаго къ дѣлу, чѣмъ самаго дѣла. Не принося ничего новаго, что было-бъ еще неизвѣстно въ литературѣ славянской и иностранной, авторъ впадаетъ въ большія ошибки и силится рѣшить то, что не по силамъ не только ему, не ознакомленному съ первыми источниками по этому предмету, но и ученымъ, всецѣло посвятившимъ себя изученію его. Къ чему, спрашивается, авторъ, задавшись цѣлью написать „Исторію Сербовъ", говоритъ о выходѣ Славянъ изъ Арменіи и т. д., однимъ словомъ, о первоначальной исторіи Славянскихъ народовъ, когда въ началѣ этой главы онъ замѣтилъ, что на этомъ вопросѣ лежитъ глубокая тьма (стр. 12)? Развѣ только для того, чтобы упомянуть о томъ, что уже давно извѣстно — именно: что Славянскія племена издревле извѣстны были подъ именемъ „Сербовъ". Къ чему, спросимъ автора, браться за предметъ трудный для рѣшенія даже корифеямъ славянской филологіи, какой вопросъ о праязыкѣ славянскомъ. Нельзя не удивляться автору, что онъ, будучи знакомъ съ изслѣдованіемъ патріарха славянской филологіи, чешскаго ученаго Добровскаго утверждаетъ совершенный абсурдъ, будто „въ то время, какъ языки романскіе, германскіе и скандинавскіе обнаруживаютъ въ себѣ смѣсь разнородныхъ элементовъ, славянскіе языки не представляютъ такого процесса превращенія и образованія" (стр. 14). Но уже слѣдующія затѣмъ слова автора показываютъ, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ: „Die Wortwurzeln sind mit unwesentlichen Abweichungen bei allen bestehenden Slavischen Sprachen dieselben, welcher Umstand deutlich beweist, dass sämmtliche aus derselben Ursprache ohne Hinzutreten eines fremden Sprachelementes entstanden sind" (тамъ же). Авторъ, такимъ образомъ, считаетъ эти отклоненія не существенными; но такъ ли на самомъ дѣлѣ? На дѣлѣ оказывается совершенно противное. Еслибъ авторъ при этомъ хоть однимъ словомъ коснулся исторіи сербскаго языка, тогда это ненужное разсужденіе о славянскомъ языкѣ имѣло бы свое оправданіе съ точки зрѣнія логической послѣдовательности. Но страдая недостаткомъ въ отношеніи логики оно въ то же время оказывается совершенно невѣрнымъ: вышеизложенному мнѣнію г. Калая мы проти-

Библиотека "Руниверс"

вопоставляемъ первый опытъ рѣшенія вопроса „объ иноплеменныхъ стихіяхъ, съ которыми сталкивалась славянская народность на Балканскомъ полуостровѣ", представленный М. С. Дриновымъ въ упомянутомъ уже его сочиненіи [1]): изъ него видно, что языки Ѳрако-Иллировъ (нынѣшнихъ Албанцевъ), Римлянъ, Грековъ, Нѣмцевъ (Готовъ), Гунновъ, Аваровъ и др. оказали свое вліяніе на языкъ селившихся между ними Славянъ [2]). Авторъ поступилъ бы, гораздо раціональнѣе еслибы все это выпустилъ, а тщательнѣе изложилъ бы исторію Сербовъ, на сколько это возможно, не говорю, на основаніи первыхъ источниковъ, а хоть бы извѣстныхъ уже въ Европейской литературѣ изслѣдованій по этому предмету. Г. Калаю неизвѣстно вышеупомянутое прекрасное изслѣдованіе М. С. Дринова, въ которомъ почтенный славистъ критически отнесся къ свидѣтельствамъ византійскихъ и другихъ источниковъ относительно появленія и утвержденія Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; критическая оцѣнка этихъ источниковъ дала ему возможность исправить ошибки П. І. Шафарика и другихъ ученыхъ; ему, между прочимъ, удалось опредѣлить настоящее значеніе повѣсти Константина Багранороднаго въ его „De administrando imperio" о занятіи Далматіи Славянами (Сербо-Хорватами), которое будто устроено было самимъ Ираклiемъ, пригласившимъ ихъ для противодѣйствія Аварамъ, которые въ половинѣ V вѣка утвердились въ Далматіи. М. С. Дриновъ доказалъ, что самая завязка этой повѣсти „исторически несостоятельна", и что утвержденіе Славянъ въ этой части Балканскаго полуострова произошло не въ царствованіе императора Ираклія, а напротивъ—„еще за-долго до Ираклія тамъ были уже болѣе или менѣе значительныя славянскія поселенія, которыя въ царствованіе этого императора увеличились приливомъ новыхъ переселенцевъ съ сѣвера, приходомъ двухъ воинственныхъ славянскихъ дружинъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сербовъ и Хорватовъ" [3]).

[1]) Заселеніе, стр. 136—145.

[2]) Не можемъ не замѣтить кстати, что почтенный славистъ ошибочно полагаетъ, что славянское *пость* явилось изъ нѣмецкаго Faste, готскаго fastan; возможно ли отказать славянскому языку въ этомъ самостоятельномъ словѣ въ виду того, что въ исходномъ праязыкѣ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ — санскритѣ существуетъ слово *упа—васта* = жизнь подъ извѣстными условіями, изъ коего, по отпаденіи предлога *упа*, образовалось славянское — *пость* — слово, которое несомнѣнно должно было существовать съ древнѣйшихъ временъ, а не возникнуть чрезъ заимствованіе у готскаго (нѣмецкаго) языка.

[3]) Заселеніе, стр. 128.

Библиотека "Руниверс"

Что затѣмъ сказать о попыткѣ автора опредѣлить границы Хорватовъ и Сербовъ, равно и границы отдѣльныхъ сербскихъ областей, управлявшихся своими отдѣльными жупанами? Самъ г. Калай сознается, что вѣрно намѣтить границы эти чрезвычайно трудно и даже невозможно, вслѣдствіе недостатка источниковъ, — и все-таки берется за этотъ не по силамъ для него трудъ, въ добросовѣстномъ выполненіи котораго мы положительно сомнѣваемся; онъ дѣлаетъ тутъ однѣ предположенія, которыя самъ не расположенъ считать вполнѣ вѣрными,—что проистекаетъ отъ полнаго довѣрія сказанію Константина Багрянороднаго о положеніи разныхъ колѣнъ Сербскаго племени. Но г. Дриновъ уже доказалъ, что Константинъ Багрянородный знакомитъ насъ съ положеніемъ отдѣльныхъ славянскихъ областей на Балканскомъ полуостровѣ и взаимными ихъ отношеніями лишь „на столько, на сколько то и другое было ему извѣстно изъ современной ему дѣйствительности. Что же касается отношеній ихъ въ древнѣйшія времена, то“— по мнѣнію г. Дринова,— „извѣстія его объ этомъ предметѣ не имѣютъ въ основѣ своей какихъ-нибудь положительныхъ данныхъ и явственно обличаютъ въ себѣ домыслъ и соображенія, опирающіяся на весьма шаткія основанія“ [1]). Г. Калаю неизвѣстенъ этотъ вѣрный взглядъ почтеннаго слависта, какъ и вообще новѣйшія прекрасныя изслѣдованія по этому предмету, которыя много облегчили бы его трудъ, и пожалуй, избавили бъ его отъ тщательнаго изученія источниковъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу; авторъ же вообще неохотно, или лучше сказать, совсѣмъ не справляется ни съ пособіями, ни съ источниками. Правда, при рѣшеніи именно этого вопроса авторъ—судя по ссылкѣ—принялъ во вниманіе сербскія лѣтописи (стр. 22). Но видно, добросовѣстно же изучилъ онъ этотъ важный источникъ, когда заимствуетъ изъ него данныя для рѣшенія такого вопроса, котораго самъ этотъ источникъ не касается! Автору неизвѣстно, что сербскія лѣтописи начинаютъ свою повѣсть съ жупана Степана Немани, основателя Сербскаго государства, и совершенно умалчиваютъ объ исторической судьбѣ Сербовъ до этого періода; что родъ основателя государства Немани баснословно выводится сербскою лѣтописью отъ императора Константина Великаго чрезъ посредствующее звено мучителя христіанъ Ликинія, родомъ Серба, за котораго Константинъ Великій выдалъ свою дочь Констанцію.

---

[1]) Заселеніе, стр. 160.

Библиотека "Руниверс"

Не представивъ настоящей исторіи Сербовъ въ этотъ періодъ, авторъ все свое разсужденіе въ этой главѣ резюмируетъ догадкою, что Сербамъ въ этотъ періодъ недоставало чувства національнаго единства и необходимости единаго общаго государства, а преобладалъ въ нихъ полный партикуляризмъ (стр. 35).

Въ третьей главѣ (Die dynastische Staatsentwickelung) авторъ представляетъ постепенное развитіе государственной идеи, зародившейся въ основателѣ Сербскаго государства Степанѣ Немани и достигшей полнаго своего развитія при царѣ Степанѣ Душанѣ (Сильномъ). Важное значеніе въ исторіи развитія Сербскаго государства въ этотъ періодъ онъ придаетъ королю Милутину Урошу II, благодаря энергической дѣятельности коего Сербія вступаетъ на путь завоеваній (стр. 539); но это вовсе не доказано авторомъ. Одно, по нашему мнѣнію, именно—этой главы сочиненія, составляетъ достоинство, что авторъ коварную политику Сербскихъ королей, противодѣйствіе сербскихъ бояръ королямъ и тому подобныя обстоятельства объясняетъ естественнымъ ходомъ развитія всякаго государства, чему аналогическіе примѣры приводитъ изъ исторіи Англіи,—и такимъ образомъ не выдѣляетъ Сербское государство, какъ страну варварскую, изъ концерта европейскихъ государствъ, а показываетъ естественное ихъ сходство. Не отрицая затѣмъ популярнаго значенія этой главы сочиненія, мы должны однако замѣтить, что авторъ не сказалъ въ ней ничего новаго. Авторъ нашъ говоритъ (стр. 63), что исторія Сербскаго государства значительно темнѣе исторіи другихъ европейскихъ государствъ; но съ своей стороны, онъ ничего не сдѣлалъ для ея прояснѣнія, а напротивъ того, еще болѣе затемняетъ; онъ повторяетъ ошибки другихъ, которыя, при настоящемъ состояніи исторіи Сербіи, легко можно исправить. Такова, напримѣръ, ошибка относительно вѣнчанія королевскою короною Степана Первовѣнчаннаго. Гг. Майковъ [1]) и Крстичъ [2]) объясняютъ свидѣтельство житія св. Симеона [3]) (Степана Первовѣнчаннаго) тѣмъ, что первый Сербскій архіепископъ св. Савва посылалъ къ папѣ епископа Меѳодія за короною для Степана (Первовѣнчаннаго), такимъ образомъ, что Степанъ Первовѣнчанный сначала былъ коронованъ папою, вслѣдствіе чего склонился было къ западу; въ этомъ оба историка усматриваютъ причину того, что св. Савва оставилъ

[1]) Исторія сербскаго языка въ связи съ исторіей народа, 1857 г., стр. 220.
[2]) Историја српскы народа, 1864 г., св. II, стр. 97—8.
[3]) Изд. *Даничича*, 1865 г., стр. 245—7.

Библиотека "Руниверс"

своего брата и ушелъ на Аѳонъ. Но когда затѣмъ Степанъ Первовѣнчанный опять возвратился въ лоно восточной церкви, св. Савва прибылъ къ нему и вѣнчалъ его вторично, какъ бы для забвенія папскаго вѣнчанія. Они относятъ это второе вѣнчаніе къ 1222 г. Но вотъ одинъ источникъ, говорящій противъ такого мнѣнія. Въ 7-й книгѣ „Древностей“ (Starine) г. Рачкій издалъ письмо Степана Первовѣнчаннаго къ папѣ Гонорію III отъ 1220 г. (оставшееся послѣ Августина Тейнера [1]), изъ котораго видимъ, что Степанъ, послѣ вѣнчанія (rex coronatus), отправилъ епископа Меѳодія къ папѣ и требовалъ чрезъ него отвѣта на свои обѣщанія: „ita nos desideramus sancte romane ecclesie et vestri fidelem filium nominari, affectans quod benedictio et confirmatio dei et vestra sit, si placet, super coronam et ferram nostram semper manifeste“. Послѣ этого приходится отвергнуть мнѣніе г. Майкова и Крстича, которое повторяетъ и г. Калай, (стр. 47), и наоборотъ—признать совершенно вѣрнымъ свидѣтельство „Житія св. Симеона“, понимая его въ томъ смыслѣ, что епископъ Меѳодій посланъ былъ св. Саввою къ папѣ за благословеніемъ для Сербіи и для Степанова вѣнца. Неупоминаніе въ этомъ письмѣ о св. Саввѣ оправдывается тѣмъ, что тутъ была извѣстная цѣль, въ которой заинтересованъ былъ самъ св. Савва. Такого же рода ошибка сдѣлана и относительно года вступленія Степана Душана на сербскій престолъ; по этому предмету г. Калай приводитъ два мнѣнія: по одному—1336 г., а по другому—1332 г. (стр. 61), и оба невѣрны. Г. Руварацъ въ прекрасной статьѣ „о первыхъ годахъ правленія Душана“ доказалъ, что Душанъ вступилъ на сербскій престолъ 1331 г. [2]).

Если, положимъ, можно снисходительно отнестись къ ошибкамъ этого рода, то нельзя не осудить г. Калая за ошибки, вносимыя имъ вслѣдствіе недобросовѣстнаго изученія тѣхъ источниковъ, на которые онъ ссылается. Откуда, напримѣръ, — спросимъ мы автора — взялъ онъ, что сербскія лѣтописи приписываютъ Урошу, отцу Драгутина, титулъ „велики краль“ (стр. 50). Стоитъ взять любую сербскую лѣтопись, и ошибка г. Калая обнаружится яснѣе дня. Въ лѣтописи Копривницкой, въ спискѣ 1453 г., читаемъ: „по сѣмъ прѣсѣлѣть кралѣвство брать сѣго прьвыи оурошь иже и нарѣчѣнны храпавыи краль“ [3]); въ лѣтописи Сѣченицкой, въ

[1]) Письмо это не вошло въ его Monumenta Slavorum meridionalium.

[2]) *Rad jugoslav. akad.*, кн. XIX, стр. 180.

[3]) *Schafarik*, Památky pismn., стр. 51, 69.

Библиотека "Руниверс"

сискѣ 1501 года сказано: „Прїѣ начѣльствѣо краѣѣвства сынь жоупана (Степана Первовѣнчаннаго) стєфань прьвїи оуроснь нарѣчєни храпави краль". Быть можетъ въ читателѣ возбудитъ сомнѣніе приписанный тутъ Степану Первовѣнчанному титулъ „жоупана"; но въ той же лѣтописи, чрезъ десять строкъ выше читаемъ: „Сь же стєфань прьвовѣньчани краль„ [1]). Ясно, снова повторимъ, г. Калай вовсе не заглядывалъ въ сербскія лѣтописи.

Переходимъ къ 4-й главѣ: Die Glanzperiode des Serbischen Reiches. Признавая относительную вѣрность взгляда автора на Степана Душана, высказаннаго въ началѣ этой главы, какъ на великаго Сербскаго государя, нельзя не замѣтить, что во всемъ прочемъ здѣсь представляется смѣсь смѣлыхъ, неосновательныхъ предположеній и явныхъ невѣрностей, недомолвокъ. Авторъ берется за рѣшеніе такихъ вопросовъ (и рѣшаетъ ихъ гадательно), которые не по силамъ даже ученымъ, самымъ тщательнымъ образомъ изучившимъ всѣ источники, относящіеся къ этимъ вопросамъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть на его собственное новое мнѣніе, что христіанская проповѣдь у язычниковъ Сербовъ, начатая вторично въ IX вѣкѣ славянскими апостолами Кирилломъ и Меѳодіемъ, сравнительно съ первою проповѣдью при Византійскихъ императорахъ Ираклiѣ и Василiѣ, обязана своимъ успѣхомъ не столько тому, что эта новая проповѣдь была на славянскомъ языкѣ, сколько необходимости, являющейся у всякаго народа, достигшаго извѣстной степени развитія (стр. 89)? Какъ вяжется съ этимъ мнѣніемъ слѣдующее затѣмъ замѣчаніе, что язычество у Сербовъ продолжалось еще въ началѣ XIII вѣка? Затѣмъ спрашивается: откуда авторъ взялъ, что Степанъ Душанъ обращался къ папѣ съ изъявленіемъ готовности принять католицизмъ въ то самое время, какъ узналъ, что Венгерскій король Людовикъ I Великій собралъ громадное войско противъ него (стр. 70). Авторъ положительно перепуталъ здѣсь событія. Сношенія по этому поводу были, но прежде—до снаряженія Людовикомъ I похода противъ него; автору неизвѣстно, на сколько были искренни заявленія Душана передъ папой о готовности принять католицизмъ. Исторія показываетъ, что онѣ были плодомъ дипломатической тонкости Сербскихъ государей; когда же дѣло доходило до приведенія въ исполненіе этихъ обѣщаній, они совершенно отказывались отъ нихъ. Одинъ изъ такихъ примѣровъ былъ предъ началомъ войны Людовика I Великаго съ Степаномъ Душаномъ. Душанъ высокомѣрно принялъ папскаго легата, явившагося въ

Библиотека "Руниверс"

Сербію для приведенія въ исполненіе даннаго предъ тѣмъ Душаномъ обѣщанія о введеніи католицизма въ Сербіи; онъ нанесъ папскому легату обиду, въ отмщеніе за которую Людовикъ I предпринимаетъ походъ на Душана, съ благословенія папы. Г. Калай, касаясь этого событія въ своей „Исторіи", не указываетъ причины, заставившей Людовика I обратить прежде свое оружіе на союзницу Душана, Венеціанскую республику; ему неизвѣстно неудовольствіе папы на то, что Людовикъ сталъ дѣйствовать противъ венеціанскихъ владѣній въ Далмаціи, а не прямо противъ владѣній схизматика Душана. Какъ затѣмъ могло случиться, что Степанъ Душанъ, принявъ 1346 г. [1]) титулъ царя Сербовъ, Грековъ, Болгаріи, Поморья и западныхъ странъ, передалъ собственную Сербію въ управленіе юному сыну Урошу, при чемъ вѣнчалъ его королевскою короною (?!) (стр. 70),—когда исторія свидѣтельствуетъ, что по смерти Душана (1355 г.) его сынъ Урошъ V не могъ принять бразды правленія по несовершеннолѣтію. Интересно также знать, изъ какого источника авторъ заимствовалъ свѣдѣніе, что въ каждомъ жупанствѣ былъ отдѣльный, независимый епископъ—(Bischof oder Oberpriester (стр. 91). Въ образецъ вполнѣ не основательныхъ предположеній автора я приведу, напримѣръ, хотъ слѣдующее: „Степанъ Неманя преслѣдовалъ еретиковъ-патареновъ; католиковъ же въ приморскихъ странахъ оставилъ въ покоѣ, изъ опасенія не возбудить противъ себя тамошнихъ католиковъ-Сербовъ,—какъ будто преслѣдованіемъ патареновъ-Сербовъ онъ пріобрѣталъ себѣ симпатіи сихъ послѣднихъ (стр. 93). Откуда авторъ взялъ, что Сербская церковь приняла, со времени вступленія Сербскаго государства на путь завоеваній, характеръ ecclesiae militantis; что въ завоевываемыхъ провинціяхъ сербское духовенство устраивало непремѣнно сербскую церковь (стр. 96)?

Съ цѣлью представить вѣрный взглядъ на состояніе Сербскаго государства въ періодъ его величайшаго могущества при царѣ Степанѣ Душанѣ, авторъ дѣлаетъ очеркъ внутренняго состоянія сербскаго общества на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ Душанова Законника. Говоря о судопроизводствѣ у Сербовъ, авторъ замѣчаетъ, что вслѣдствіе недостаточности данныхъ по этому предмету, онъ можетъ представить вообще очень неудовлетворительный очеркъ этого предмета (стр. 124); равнымъ образомъ, касаясь уголовнаго права, дѣлаетъ такое же замѣчаніе. Вообще, въ своемъ изслѣдованіи авторъ

---

1) Г. Калай замѣчаетъ, что по инымъ извѣстіямъ, дѣло это случилось 1348 г.

Библиотека "Руниверс"

остановливается на самыхъ выдающихся фактахъ по этому вопросу (стр. 131). При скудости данныхъ, кажется, слѣдуетъ принимать ихъ всѣ во вниманіе, а не дѣлать изъ нихъ выбора. Автору слѣдовало эти пробѣлы дополнить данными, заимствованными изъ грамотъ: между тѣмъ онъ ссылается на нихъ только раза два-три, и то какъ-бы мимоходомъ. При обзорѣ внутренняго устройства сербскаго общества, важныя данныя можно заимствовать изъ житій сербскихъ святыхъ; автору могъ бы послужить въ этомъ случаѣ важнымъ пособіемъ „Рјечник из књиж жевних старина српских" Даничича. Но и этотъ источникъ не употребленъ имъ въ дѣло. При этомъ не можемъ не замѣтить, что г. Калай въ своей „Исторіи" обнаруживаетъ какую-то страсть къ неточностямъ. Такъ напримѣръ, вмѣсто того, чтобы прямо сказать: „такой-то лѣтописецъ свидѣтельствуетъ то и то", онъ употребляетъ неточное выраженіе: „одинъ лѣтописецъ..." Nach der Behauptung eines Chronisten", (стр. 139).

Не умаляя интереса сообщенныхъ въ разбираемой главѣ свѣдѣній по исторіи внутренняго быта Сербовъ, должно замѣтить, что нельзя вполнѣ положиться на ихъ достовѣрность. Какъ на образчикъ невѣрности укажемъ, между прочимъ слѣдующее: Авторъ говоритъ, что при Душанѣ мы видимъ у Сербовъ оживленную литературную дѣятельность. Первыми произведеніями были церковныя пѣсни, которыя позднѣе вызвали появленіе хроникъ и біографій (житій) религіознаго характера (стр. 151). Но это невѣрно: въ то время литература у Сербовъ клонилась уже къ упадку и даже не можетъ быть сравниваема съ начальнымъ разцвѣтомъ сербской письменности, при первомъ сербскомъ архіепископѣ св. Саввѣ; житія Немани, писанныя св. Саввой и Степаномъ Первовѣнчаннымъ и житіе Симеона (Степана Первовѣнчаннаго), писанное Доментіаномъ, оставляютъ далеко за собою произведенія, явившіяся впослѣдствіи.

Одно несомнѣнное достоинство въ этомъ очеркѣ внутренняго быта представляетъ сравненіе тогдашняго общественнаго состоянія Сербовъ съ состояніемъ народовъ Западной Европы въ соотвѣтствующую эпоху; при этомъ авторъ указываетъ преимущество положенія сербскаго общества предъ западно-европейскимъ (стр. 151). Впрочемъ, на сколько вѣрно это сравненіе — не беремся судить.

Переходимъ къ пятой главѣ: „Паденіе сербскаго государства" (Verfall und Untergang des Serbischen Staates). И этотъ періодъ сербской исторіи, не смотря на то, что, сравнительно съ предыдущимъ, онъ имѣетъ нѣсколько больше источниковъ, изложенъ авторомъ са-

Библиотека "Руниверс"

мымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Это опять-таки свидѣтельствуетъ, что авторъ не занимался источниками въ подлинникѣ. Но кромѣ того, мы наталкиваемся здѣсь на столь поразительные промахи и ошибки, что трудно себѣ представить ихъ возможность для ученаго, добросовѣстно изслѣдующаго извѣстный предметъ. Такъ, напримѣръ, какъ долженъ читатель произведенія г. Калая смотрѣть на его разсказъ (стр. 152) о томъ, что Сербскій народъ охарактеризовалъ недѣятельнаго преемника Душанова, его сына Уроша V, эпитетомъ „слабый" (немоћи), и что это свойство его видно между прочимъ въ томъ, что дядя его Симеонъ (Синиша), братъ Душана, зная слабость своего племянника, двинулся походомъ на собственную Сербію изъ своего удѣла въ Албаніи съ цѣлью занять сербскій престолъ? (стр. 152). Прежде всего слѣдуетъ спросить автора, когда Урошъ могъ заявить свою слабость, если навѣрно извѣстно, что движеніе Синиши на Сербію произошло тотчасъ по смерти Душана, какъ самъ же авторъ говоритъ нѣсколько ниже? (стр. 160). Да къ тому жъ извѣстно, что въ первые годы по смерти Душана даже и не Урошъ управлялъ Сербскимъ государствомъ, а его опекунъ Вукашинъ, — о чемъ авторъ тоже говоритъ ниже (стр. 158—159). Очевидно, авторъ самъ себѣ противорѣчитъ. Къ противорѣчію присоединяется невѣрная передача фактовъ. Откуда, напримѣръ, взялъ авторъ, что Синиша въ 1357 г. предпринялъ вторичный походъ въ Сербію, въ союзѣ съ Греками и Турками? (стр. 169). Византійскіе лѣтописцы: Кантакузенъ и Григора ясно свидѣтельствуютъ, что этотъ походъ предпринималъ Матѳѣй Кантакузенъ. Не можетъ не показаться смѣшнымъ, что авторъ при этомъ выражается такимъ образомъ: „О возстаніи Синиши, происшедшемъ въ первый годъ правленія Уроша V, была уже рѣчь", хотя на самомъ дѣлѣ выше сдѣлано только упоминаніе, и то, какъ бы мимоходомъ. Между тѣмъ на этотъ походъ слѣдовало-бъ обратить болѣе серьезное вниманіе: онъ имѣетъ важное значеніе въ исторіи Сербскаго царства и былъ продолженіемъ неудачнаго похода при жизни самого Душана. Упомянувъ объ этомъ походѣ лишь вскользь, авторъ упустилъ изъ виду общность интересовъ Сербіи и Венеціанской республики. Однимъ упоминаніемъ ограничился авторъ и о походѣ Венгерскаго короля Людовика I Великаго на Сербію (1358 г.) При поверхностномъ отношеніи въ данномъ случаѣ автора къ этому походу и къ предшествовавшему ему нападенію Грековъ, ускользнуло отъ вниманія автора важное явленіе въ исторіи Сербскаго государства, именно — точное исполненіе сербскими областными намѣстниками воли царя Степана Душана

Библиотека "Руниверс"

въ первые годы послѣ по смерти, въ тѣ тяжелые дни испытанія для юной южнославянской монархіи. Слѣдовавшая затѣмъ неравная борьба Лазаря Гребельяновича съ Вукашиномъ, въ которой первый поднялъ знамя за права юнаго Уроша V, изложена авторомъ тоже необстоятельно. Какъ видно, автору неизвѣстны главные источники по этому предмету: двѣ сербскія лѣтописи: 1) „Обштн лист" и „Троношская", грамота Венгерскаго короля Людовика I отъ 1359 г., а равно и свидѣтельство Виллана, приведенное Райнальдомъ въ „Annales ecclesiss", томъ VII, стр. 143, и Энгелемъ въ Geschichte von Servie. Еслибъ авторъ воспользовался двумя послѣдними источниками, онъ не выразился бы предположительно о томъ, что̀ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, именно—что „войною Лазаря съ Вукашиномъ воспользовались, какъ кажется (wie es scheint), Венгерцы" (стр. 163). Очень жаль, что авторъ не указываетъ своихъ источниковъ; ибо въ самомъ дѣлѣ интересно знать, какою хроникою пользуется авторъ, когда утверждаетъ будто „въ войскѣ Вукашина въ битвѣ съ Турками на рѣкѣ Марицѣ не было Сербовъ, а только Греки, Македоно-Валахи и Албанцы"; изъ этого факта онъ выводитъ заключеніе, что Сербскій народъ отдѣлилъ свои собственные интересы отъ интересовъ Вукашина (стр. 163). Вѣроятно, изъ того же источника авторъ заимствуетъ свѣдѣніе, будто Вукашинъ, избѣжавшій смерти на полѣ битвы у р. Марицы, былъ убитъ во время его бѣгства, однимъ Туркомъ, у котораго онъ искалъ защиты... (стр. 164). Значитъ, авторъ принимаетъ, что турецкія поселенія въ то время простирались уже такъ далеко въ глубь Македоніи, какъ то было, по свидѣтельству исторіи, только послѣ этой битвы на р. Марицѣ (1371 г.) Значеніе этого важнаго въ исторіи покоренія Турками Балканскаго полуострова событія вовсе не показано. Точно также и Косовская битва не представлена въ надлежащемъ свѣтѣ: не видно, чтобъ авторъ проштудировалъ хотя главнѣйшіе источники, касающіеся этого событія. Дальнѣйшія событія этого періода сербской исторіи до окончательнаго покоренія Сербіи Турками (1459 г.) авторъ излагаетъ чрезвычайно кратко.

Между исторіей Сербіи и исторіей Босніи, Герцеговины и Зеты (нынѣшней Черногоріи) существуетъ тѣснѣйшая связь. Авторъ указываетъ на необходимость коснуться исторіи Босніи и Зеты и посвящаетъ этому всего лишь двѣ страницы. Не смотря на такую краткость, читатель все-таки въ правѣ требовать отъ автора свѣдѣній: о томъ, когда и какъ Боснія была покорена Турками, но ничего этого не

Библиотека "Руниверс"

находитъ въ „Исторіи“ т. Калая; равнымъ образомъ, когда и какъ покорена Герцеговина: о послѣдней авторъ даже и не вспомнилъ.

О судьбахъ Сербовъ въ XVI в. авторъ не сообщаетъ ничего, хотя есть на то довольно источниковъ. Почти столько же свѣдѣній найдетъ читатель и по исторіи Сербовъ въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII. Свой разказъ о древней и средней исторіи Сербовъ авторъ оканчиваетъ упоминаніемъ о переходѣ Ипекскаго патріарха Арсенія III (котораго, впрочемъ, онъ не называетъ здѣсь по имени [1]) со многими тысячами Сербовъ въ Венгрію (1690 г.).

Вслѣдъ затѣмъ авторъ приступаетъ къ изложенію событій новѣйшаго времени (съ 1780 г.), что, по его заявленію составляетъ настоящій предметъ его сочиненія (стр. 174). Нужно отдать справедливость автору, что эта часть его труда довольно интересна, хотя не приноситъ въ науку ничего новаго. Первая глава 1-й книги (обнимающей время отъ 1780 по 1806 г.) „Положеніе Сербовъ въ концѣ XVIII вѣка“ — составлена на основаніи изслѣдованій, существующихъ въ иностранной и сербской литературахъ; въ ней представлены ненормальныя отношенія побѣдителей-Турокъ къ побѣжденнымъ Сербамъ Бѣлградскаго пашалыка, вытекавшія изъ религіозной политики османскаго правительства. Въ этихъ аномальныхъ отношеніяхъ авторъ справедливо усматриваетъ причину сербскаго возстанія.

Во второй главѣ—„Австро-турецкая война“ 1788 — 1790 гг. — авторъ, воспользовавшись главнымъ образомъ мемуарами Сербскаго князя Матвѣя Ненадовича (сына Алексы Ненадовича, современника и главнаго вожака сербскаго возстанія до перехода австрійскихъ войскъ чрезъ Дунай въ предѣлы нынѣшняго Сербскаго княжества) и нѣкоторыми другими пособіями, сообщилъ много интересныхъ свѣдѣній. Война эта изложена самымъ обстоятельнымъ образомъ; авторъ тщательно собралъ свѣдѣнія о дѣятельномъ участіи въ ней Сербскаго народа, и ея значеніе авторъ справедливо усматриваетъ въ томъ, что порабощенные Сербы тутъ на опытѣ убѣдились, что Турки не непобѣдимы. Съ этого момента въ угнетенныхъ Сербахъ возродилось сознаніе собственнаго національнаго достоинства (стр. 264) [2]). Слѣдовавшія затѣмъ вопіющія оскорбленія народнаго само-

[1]) Авторъ называетъ его по имени только въ слѣдующемъ отдѣлѣ своего сочиненія, стр. 198.

[2]) О развитіи такого самосознанія въ Сербскомъ народѣ лучше всего свидѣтельствуетъ 8-я статья требованій, предъявленныхъ Сербами 1801 г. въ г. Землинѣ австрійскому генералу Генсйну, явившемуся посредникомъ со стороны австрійскаго правительства возстановленія мирнаго положенія между Сер-

Библиотека "Руниверс"

сознанія со стороны четырекъ дагіенъ (начальниковъ янычаръ) послужили толчкомъ къ новому возстанію Сербовъ — сначала въ союзѣ съ Турками, съ бѣлградскимъ визиремъ Мустафою-пашею противъ виддинскаго паши Пасванъ-Оглу, поддерживавшаго янычаръ. Неутомимый Пасванъ-Оглу выдержалъ съ 12,000-мъ гарнизономъ въ Виддинѣ, укрѣпленномъ польскими инженерами (стр. 808), осаду 120,000 турецкаго войска, отправленнаго противъ него султаномъ Селимомъ II, и при заключеніи мира съ султаномъ, потребовалъ возвращенія янычаръ въ Бѣлградскій пашалыкъ. Это несчастное для Сербскаго народа обстоятельство предало бѣдную Сербію произволу янычаръ, которые снова стали здѣсь полными хозяевами. Прежде всего имъ удалось убить главнаго своего врага Мустафу-пашу; вслѣдъ затѣмъ принялись они за истребленіе сербскихъ князовъ. Отъ руки янычаръ погибли главные вожаки Сербовъ (въ числѣ ихъ и Алекса Ненадовичъ), кромѣ Кара-Георгія Петровича, который явился съ этого времени руководителемъ народа. Всѣ эти событія составляютъ содержаніе третьей главы — „Предъ революціей". Глава эта представляетъ въ трудѣ г. Калая большой интересъ. Подобный же отзывъ слѣдуетъ сдѣлать и о слѣдующихъ главахъ. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать сказаннаго уже выше, что авторъ не сообщаетъ ничего столь новаго, что еще было бы неизвѣстно въ сербской литературѣ. Весь этотъ дѣльный отдѣлъ разбираемаго сочиненія составленъ на основаніи изслѣдованій Караджича, Дурича, Хаджича, Пантелеича и мемуаровъ очевидца событій, Матвѣя Ненадовича; свѣдѣнія, разбросанныя въ этихъ сочиненіяхъ, хорошо сопоставлены авторомъ.

Подобно 3-й главѣ, четвертая — „Открытое возстаніе" — представляетъ интересную повѣсть о сербскомъ возстаніи, подъ предводительствомъ Кара-Георгія Петровича, до начала 1805 года. Здѣсь авторъ сообщаетъ, какимъ образомъ Сербы отъ Австріи обратились къ Россіи за протекторатомъ. Главное вліяніе въ этомъ событіи авторъ приписываетъ Сербскому митрополиту въ Венгріи Стратимировичу, составившему своего рода меморандумъ, который, чрезъ посредство духовника великой княгини Александры Павловны, о. Сам-

---

бами и султаномъ; въ ней Сербы требовали права выбора своего представителя, который долженъ быть утверждаемъ султаномъ; онъ долженъ быть постоянно при бѣлградскомъ визирѣ: съ нимъ бѣлградскій визирь долженъ обсуждать дѣла, непосредственно касающіяся Сербскаго народа (стр. 380). Это же требованіе Сербы повторили чрезъ своихъ пословъ въ Константинополѣ 1805 г. (стр. 455).

Библиотека "Руниверс"

борскаго, былъ переданъ русскому министру иностранныхъ дѣлъ, князю Чарторыйскому. Хотя этому важному акту не данъ былъ ходъ Чарторыйскимъ, но идея, высказанная здѣсь впервые, не прошла безслѣдно: руководствуясь ею, сербскіе князы отправили 1804 г. въ Петербургъ посольство, состоявшее изъ Матвѣя Ненадовича, Чардакліи и Ивана Протича, съ цѣлью добиться протектората Россіи. Сколько можно заключать изъ „мемуаровъ" Матвѣя Ненадовича, говоритъ авторъ, — сербскіе депутаты не достигли своей цѣли: они даже не имѣли аудіенціи у императора Александра I. Но не смотря на то, Матвѣй Ненадовичъ, по возвращеніи изъ Россіи въ Сербію (въ началѣ 1805 г.), заявилъ всему сербскому народу, что Русскій царь требуетъ присяги ему всего народа на богатомъ евангеліи, которое ему подарили въ Петербургѣ. Однако, при этомъ Матвѣй Ненадовичъ не скрылъ отъ собранія совѣтъ князя Чарторыйскаго — ничего не предпринимать противъ султана (собственно), съ которымъ русское правительство находилось въ мирѣ. Совѣтъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ согласовался съ общественнымъ мнѣніемъ въ Сербіи, что война ведется не противъ султана, а противъ узурпаторовъ-янычаръ, угнетавшихъ народъ.

Въ слѣдующей пятой главѣ — „Внутреннія дѣла и отношенія къ иностраннымъ державамъ" авторъ главнымъ образомъ останавливается на внутреннемъ устройствѣ сербской страны; онъ старается уяснить, какимъ образомъ народное представительство вѣрно сохранилось въ угнетенномъ Сербскомъ народѣ, и главную причину того усматриваетъ въ народномъ эпосѣ, который живо сохранилъ въ памяти народа важнѣйшія событія его прошлой жизни. Правда, этотъ интересный въ исторіи Сербовъ фактъ изложенъ авторомъ не вполнѣ обстоятельно: очень ясно видно, что авторъ не вполнѣ основательно изучилъ народныя сербскія пѣсни. Сочиненіе г. Калая имѣло бы несомнѣнное преимущество въ этомъ случаѣ передъ другими изслѣдованіями по новой исторіи Сербовъ, еслибъ этотъ драгоцѣнный источникъ — народныя пѣсни, былъ изученъ авторомъ надлежащимъ образомъ и примѣненъ какъ слѣдуетъ къ дѣлу.

Что касается самого устройства Сербовъ съ момента ихъ освобожденія отъ Турокъ подъ водительствомъ Кара-Георгія Петровича, то авторъ не представилъ въ своемъ изложеніи ничего такого новаго, что не было-бъ уже извѣстно какъ въ сербской литературѣ, такъ и въ русской, какъ въ объемистыхъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ журнальныхъ статьяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Не вполнѣ примѣнимъ подобный отзывъ къ шестой главѣ разбираемаго сочиненія „Побѣдоносный успѣхъ революціи". Здѣсь совершенно умѣстно, полагаемъ, будетъ сказать слова два объ отношеніи труда г. Калая къ труду Н. А. Попова: „Россія и Сербія", какъ самому позднему послѣ труда перваго.

Если взять во вниманіе подробность въ изложеніи періода времени съ 1780 по 1806 г., составляющаго предметъ перваго тома книги г. Калая (стр. 174 — 601), то краткость изложенія того же періода въ книгѣ г. Попова представится поразительною. Это обстоятельство отмѣтилъ отчасти самъ же г. Калай въ предисловіи къ своему труду, замѣтивъ, что г. Поповъ мелькомъ пробѣжалъ первые годы сербскаго возстанія за освобожденіе (въ предисловіи, стр. VII), остановившись главнымъ образомъ на событіяхъ, слѣдовавшихъ за возвышеніемъ Милоша Обреновича. При этомъ г. Калай дѣлаетъ замѣчаніе, что въ трудѣ г. Попова нѣтъ вѣрной критики источниковъ, и что два объемистые тома этого сочиненія представляютъ ни что иное, какъ полемическое сочиненіе въ защиту русскаго вліянія въ Сербіи (тамъ же). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всякій, кто читалъ сочиненіе г. Попова, признаетъ такое мнѣніе невѣрнымъ. Подобное мнѣніе можетъ высказывать только тотъ, кто или не читалъ сочиненія г. Попова, а лишь имѣлъ его подъ руками и прочелъ одно заглавіе, или задался предвзятою мыслію. Самъ же г. Калай является, въ его собственномъ мнѣніи, безпристрастнымъ историкомъ сербскимъ. Въ этомъ именно онъ полагаетъ главное преимущество своего труда, и присоединяетъ сюда еще одно обстоятельство, именно что онъ воспользовался грамотами не изданными, числомъ 600, хранящимися въ Бѣлградскомъ архивѣ.

Что касается того, на сколько г. Калай безпристрастенъ, мы не беремся судить; но что критически относиться къ источникамъ онъ не умѣетъ, мы, кажется, показали достаточно, когда рѣчь шла о древнемъ періодѣ. Въ изложеніи новѣйшей исторіи сербской авторъ основывается непосредственно на источникахъ и ссылается на нихъ обстоятельно.

Въ шестой главѣ онъ пользуется и не изданными документами. Поэтому-то глава эта имѣетъ несомнѣнное значеніе, какъ представляющая нѣчто новое, чего не найдти въ другихъ изслѣдованіяхъ по этому предмету. Но при всемъ томъ нельзя сказать, чтобъ авторъ вполнѣ критически относился къ этимъ источникамъ: пользуясь не изданными документами, авторъ не имѣетъ еще никакого права игно-

Библиотека "Руниверс"

рировать документы, которые изданы другими изслѣдователями. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду прекрасную статью г. Дубровина: „Сербскій вопросъ при императорѣ Александрѣ I“ [1]), которая составлена по архивнымъ памятникамъ и является важнымъ дополненіемъ къ „Исторіи Сербіи“, Л. Ранке.

Мы упомянули уже, что шестая глава перваго тома сочиненія г. Каля имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ въ ней авторъ пользуется не изданными документами. Смѣемъ надѣяться, что второй томъ этого сочиненія, который имѣетъ появиться въ скоромъ времени, представитъ еще больше новаго. Желательно только, чтобъ авторъ побольше заимствовалъ изъ этихъ не изданныхъ документовъ и меньше вдавался бы въ разсужденія, не прямо относящіяся къ дѣлу.

Владиміръ Качановскій.

---

[1]) Статья эта помѣщена въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1863 г., т. 46; въ текстѣ и приложеніи документы изданы цѣликомъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ, КАКЪ НАУЧНЫЙ И УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТЪ.

(По поводу рецензій Педагогическаго Музея на учебники по словесности).

Никакъ не рискуемъ мы ошибиться, если скажемъ, что за послѣднее время ни одинъ предметъ гимназическаго курса не возбуждалъ столько разнообразныхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ толковъ, какъ русская словесность и ея преподаваніе. Въ нашей журналистикѣ есть даже спеціальный органъ Педагогическій Музей, который ежемѣсячно обозрѣваетъ періодическую литературу и учебныя пособія, а въ числѣ ихъ — руководства и по словесности. Не проходитъ почти ни одного номера, чтобы не было въ немъ удѣлено хотя нѣсколько строкъ на этотъ предметъ. Оставляя въ сторонѣ 1876 годъ, съ котораго началъ издаваться этотъ небольшой журналъ, мы обратимъ вниманіе только на годъ 1877, какъ годъ ближайшій и непосредственно связанный съ значительными перемѣнами, сдѣланными въ программѣ министерства народнаго просвѣщенія, особенно по преподаванію русской словесности. Предъ нами лежатъ мартовская, іюльская, октябрьская и ноябрьская книжки „Педагогическаго Музея“, и въ нихъ помѣщено шесть отдѣльныхъ замѣтокъ по словесности. Особенно много трудятся по этому предмету въ „Педагогическомъ Музеѣ“ гг. Мандельштамъ, Воскресенскій и Прокопьевъ, бывшіе постоянными сотрудниками этого журнала и въ 1876 году. Аккуратность ихъ въ обозрѣніи учебныхъ пособій по словесности была всегда примѣрная: только что появится въ свѣтъ какая нибудь книжка или по русской литературѣ, или по теоріи словесности, непремѣнно тотчасъ же появляется и рецензія объ ней въ

Библиотека "Руниверс"

„Педагогическомъ Музеѣ". За это, конечно, получали они не рѣдко спасибо отъ многихъ преподавателей словесности въ гимназіяхъ; многихъ избавили они отъ лишняго труда выписывать ненужныя и неудовлетворительныя пособія и многихъ побудили пріобрѣсти такія прекрасныя книжки, какъ напримѣръ, „Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній" Л. Эккардта. Но при всемъ томъ мы никакъ не можемъ согласиться съ ними во взглядахъ на преподаваніе теоріи словесности, какъ отдѣльнаго предмета въ ряду другихъ предметовъ гимназическаго курса.

Основываясь на статьяхъ ихъ, помѣщенныхъ въ Педагогическомъ Музеѣ, мы приходимъ къ заключенію, что почтенные рецензенты положительно вооружены противъ теоріи словесности и—лишь заходитъ о ней рѣчь—никогда не сохраняютъ спокойствія и хладнокровія, которыя такъ необходимы въ дѣлѣ оцѣнки учебныхъ пособій. Почти на каждомъ шагу видишь субъективное отношеніе къ дѣлу и часто нескромное порицаніе того, что несогласно съ ихъ собственными взглядами. Отвѣтъ взять нѣсколько отрывковъ изъ ихъ замѣтокъ, и вы убѣдитесь въ справедливости нашихъ словъ.

Г. Прокопьевъ въ разборѣ „Учебника періодической рѣчи" г. Богдашевича говоритъ: „притомъ здѣсь еще новость: относительные періоды, какъ будто и безъ этой новости (?) еще мало напускается туману (?) въ головы учениковъ?..." (185 стр.). А гг. Воскресенскій и Мандельштамъ еще болѣе рѣзко и опредѣленно высказываются противъ всякой теоріи словесности. Г. Воскресенскій свою статью: „Словесность, какъ учебный предметъ", можно сказать, испестрилъ подобнаго рода выраженіями: „Новые учебные планы министерства народнаго просвѣщенія снова вызвали къ жизни теорію словесности, заживо погребенную во время педагогической паники (?)" (стр. 759). „Пока сохраняется вѣра въ научное достоинство теоріи и есть досугъ и желаніе удовлетворить требованіямъ программы, свято охраняющей неприкосновенность рутины (?!), отъ учебниковъ словесности нельзя ожидать содержанія, заслуживающаго серьезнаго вниманія (стр. 760)". Что же касается г. Мандельштама, то онъ идетъ еще далѣе и далеко затмѣваетъ своихъ сотоварищей-рецензентовъ. Послушайте, что онъ говоритъ при разборѣ „Учебника словесности" Филонова: „Всякій, кто взглянетъ на оглавленіе учебника словесности, вспомнитъ старину, но не добромъ конечно: читатель (?) съ отвращеніемъ бросится прочь отъ схоластики, какою повѣетъ отъ книги. По нашему мнѣнію, нужно быть жестокимъ человѣкомъ,

Библиотека "Руниверс"

чтобы практиковать подобныя вещи съ учениками, а тѣмъ болѣе не читать подобныя вещи. Нашему вѣкомѣшеству, задыхающемуся (?) отъ мучительно тяжелой и безплодной (!) работы въ школѣ, работы насущнѣйшій (!) умъ, по признанію многихъ (!), преподносится подъ именемъ „глубоко-образовательнаго" предмета такой хламъ всякой негодности (?!), что проклянетъ (!!) книжникъ свой вѣкъ (?), проклянетъ свое ученье (?!)—и возненавидитъ словесность, какъ злѣйшаго врага своего (!) (стр. 889).

Достаточно этихъ трехъ-четырехъ мѣстъ, чтобы видѣть, какъ относятся гг. Прокопьевъ, Воскресенскій и Мандельштамъ къ теоріи словесности. По ихъ мнѣнію, теорія словесности есть такой предметъ въ гимназическомъ курсѣ, который, былъ заживо погребенъ въ свое время, къ несчастію снова вызванъ къ жизни въ новыхъ учебныхъ планахъ министерства народнаго просвѣщенія; онъ иссушаетъ умъ учащейся молодежи; отъ него задыхается наше юношество въ школѣ; онъ есть хламъ всякой негодности; съ отвращеніемъ броситъ ее всякій читатель, а ученики проклянутъ свой вѣкъ проклянутъ свое ученіе и возненавидятъ словесность, какъ злѣйшаго врага своего; и все это отъ того, что въ гимназіяхъ преподается теорія словесности, какъ отдѣльный и самостоятельный предметъ гимназическаго курса!... А кто бы, вы думали, виноватъ въ этомъ? Министерская программа, свято охраняющая неприкосновенность рутины!.. Нужно быть положительно озлобленнымъ, чтобы рѣшиться высказать такое рѣзкое и неумолимое сужденіе; и это не мимолетное мнѣніе, не случайно вырвавшаяся подъ извѣстнымъ впечатлѣніемъ фраза, а повидимому, упорное убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла, убѣжденіе, соединенное съ настойчивымъ преслѣдованіемъ своей цѣли. Будь это высказано мимоходомъ и въ другомъ какомъ нибудь не спеціальномъ журналѣ или газетѣ,—можно было бы оставить безъ вниманія столь парадоксальный взглядъ. Но „Педагогическій Музей" есть органъ спеціальный; главная задача его — обозрѣніе періодической литературы, учебныхъ пособій и книгъ по педагогикѣ и училищевѣдѣнію; его выписываютъ преподаватели; бываетъ и въ рукахъ учениковъ. Какими глазами послѣ этого посмотрятъ послѣдніе на словесность, если они увидятъ подобные взгляды въ печати? Какъ они будутъ смотрѣть на занятія этимъ предметомъ? Сколько должно быть употреблено усилія со стороны преподавателя, чтобы показать пользу и необходимость этого предмета, заставить учениковъ отказаться отъ вычитаннаго ими въ „Педагогическомъ Музеѣ"; а между тѣмъ не

Библиотека "Руниверс"

нужно забывать, что все появляющееся въ печати или „печатное", имѣетъ магическую силу для мальчика и заставляетъ его вѣрить, какъ въ непогрѣшимый какой-то авторитетъ.

Гг. рецензенты, или по крайней мѣрѣ двое изъ нихъ, Мандельштамъ и Воскресенскій, съ одной стороны отвергаютъ вообще возможность теоріи словесности, какъ научнаго предмета, а съ другой стороны отрицаютъ необходимость ея въ гимназическомъ курсѣ, еслибы она и была возможна. Слѣдовательно мы имѣемъ дѣло съ двумя вопросами: во 1-хъ, есть ли и возможна ли вообще теорія, какъ научный предметъ, и во 2-хъ, необходима ли она въ гимназическомъ курсѣ? Согласиться съ рецензентами конечно могли бы мы только подъ однимъ условіемъ, еслибы они представили достаточныя основанія въ подтвержденіе своего взгляда. Однако, въ указанныхъ нами статьяхъ основаній этихъ нѣтъ. Можетъ быть, они представлены были ими прежде; но мы этого не помнимъ и, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ руками ни одной книжки „Педагогическаго Музея" за 1876 г., гдѣ бы могли справиться объ этомъ.

И такъ, первый вопросъ есть ли и возможна ли теорія словесности, какъ научный предметъ? Намъ хотѣлось бы прежде всего отвѣтить на этотъ вопросъ также вопросомъ: а возможна ли и существуетъ ли теорія чего бы то ни было вообще? То-есть, возможна ли, напримѣръ, и есть ли теорія живописи, теорія музыки и т. д.? Если нѣтъ, то, конечно, не можетъ быть и теоріи словесности, какъ научнаго предмета. Но мы знаемъ, что всякій живописецъ, прежде чѣмъ дѣлается художникомъ въ своемъ искусствѣ, проходитъ первоначальную школу живописи, или теорію ея. Прежде чѣмъ нарисовать всю фигуру человѣка, онъ рисуетъ отдѣльныя части ея, чертитъ глаза, руки и ноги, голову, спину, грудь и т. д., и потомъ уже, научившись рисовать каждую часть въ отдѣльности, соединяетъ ихъ вмѣстѣ въ одну цѣлую фигуру человѣка. Притомъ же, и при рисованіи каждой отдѣльной части и соединеніи ихъ въ фигуру, онъ поступаетъ не непроизвольно или какъ ему захочется, но пользуется извѣстными правилами, основанными на строеніи человѣческаго тѣла. Не соблюдай онъ этихъ правилъ, и нарисованная имъ фигура вышла бы уродливая, недостойная кисти истиннаго художника. Значитъ, теорія живописи не только возможна, но и существуетъ на самомъ дѣлѣ. То же самое и въ области музыки. Чтобы сдѣлаться вполнѣ артистомъ, изучи сперва начальную школу музыки, усвой тѣ правила, которыя предлагаются теоріей музыки, и тогда ты толь-

Библиотека "Руниверс"

ко въ состояніи будешь безукоризненно выполнить сложныя пѣсни. Далѣе въ такомъ обыкновенномъ и болѣе всего распространенномъ занятіи, каково земледѣліе, которому посвящаетъ себя крестьянинъ, есть своего рода теорія. Каждый хлѣбопашецъ, напримѣръ, очень хорошо знаетъ, что если почва не плодородна, то нужно унавозить, удобрить ее; знаетъ, что по нѣскольку лѣтъ сряду нельзя сѣять одинъ и тотъ же хлѣбъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, потому что ничего не получитъ, хотя можетъ быть, и не знаетъ, почему это такъ бываетъ; знаетъ, что по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ земля безъ удобренія перестанетъ родить хлѣбъ, потому что землѣ отдохнуть надо. Все это знаетъ каждый хлѣбопашецъ и знаній этихъ держится, какъ правилъ, какъ закона въ своемъ родѣ и никогда не отступитъ отъ нихъ, если не принудитъ его къ тому горькая нужда. Значитъ, и для простаго земледѣльца есть своя теорія обработыванія полей. Нечего говорить о томъ научномъ веденіи сельскаго хозяйства, гдѣ каждая отрасль имѣетъ свою отдѣльную науку, свою отдѣльную теорію.

Отчего же, послѣ этого, одна только словесность, это благороднѣйшее изъ благороднѣйшихъ занятій и произведеній человѣческаго ума, не можетъ имѣть и не имѣетъ, по мнѣнію рецензентовъ, своей теоріи? Правда, они не отрицаютъ факта существованія теорій словесности, потому что, еслибы не было теорій словесности, которыя существуютъ въ гимназіяхъ въ качествѣ учебниковъ, то не было бы и указанныхъ нами статей, посвященныхъ разбору этихъ теорій словесности; но что̀ это за теоріи, отъ изученія которыхъ „изсушается умъ“ учащагося нашего юношества, — какъ говоритъ одинъ изъ рецензентовъ, — теоріи, которыя составляютъ „хламъ всякой негодности“ и за которыя юноша „проклянетъ свой вѣкъ, проклянетъ свое ученье“? Ясное дѣло, что они признаютъ существованіе только теорій словесности, какъ учебниковъ, но не теоріи словесности, какъ научнаго предмета. А что мы говоримъ правду, то можете убѣдиться, прочитавъ на страницѣ 760-й „Педагогическаго Музея“ слѣдующія строки: „Пока сохраняется вѣра въ научное достоинство теоріи и есть досугъ и желаніе удовлетворить требованіямъ программы, свято охраняющей неприкосновенность рутины, отъ учебника словесности нельзя ожидать содержанія, заслуживающаго серьезнаго вниманія“. И потомъ далѣе, на страницѣ 761 и 762: „одно несомнѣнно: до сихъ поръ эстетики не представляли даже намека на здравую теорію поэтическаго творчества..... теоріи поэзіи до сихъ поръ не существуетъ;

Библиотека "Руниверс"

остается одна стилистика, которая обыкновенно сводится на объясненіе литературныхъ терминовъ". Это ли не доказательство, что мы говоримъ правду, что, по мнѣнію нашихъ рецензентовъ, теорія словесности, какъ научнаго предмета, вовсе не существуетъ?

Между прочимъ, въ доказательство того, что теоріи поэзіи не можетъ быть, г. Воскресенскій приводитъ слѣдующій аргументъ. „Теоріею прозы (?) не объясняются поэтическія произведенія; самое педантическое изученіе ораторскаго (?) искусства не даетъ возможности отвѣтить на вопросъ: что такое поэтическое произведеніе? Какимъ психическимъ процессамъ обязано оно своимъ существованіемъ (стр. 761)?" — Прежде всего — теорія прозы и не беретъ никогда объяснить поэтическихъ произведеній, равно какъ отъ ораторскаго искусства нельзя и ждать отвѣта на вопросъ: что такое поэтическое произведеніе?

А затѣмъ—это еще не есть вѣскій аргументъ въ пользу того, что не можетъ быть теоріи поэзіи. Вопервыхъ, теоріею поэзіи объясняется поэтическое произведеніе, на сколько возможно, и психическіе процессы, которымъ обязано бываетъ всякое поэтическое произведеніе, есть не что иное, какъ ассоціація мыслей и представленій, присущихъ уму и творческому воображенію извѣстнаго поэта. Если что и трудно для точнаго теоретическаго объясненія въ поэтическихъ произведеніяхъ, такъ это то, что̀ выражено въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина:

«Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ»,

то-есть, трудно объяснить, какимъ причинамъ обязано то состояніе поэта, въ которомъ онъ можетъ творить и которое обыкновенно называется поэтическимъ вдохновеніемъ, и съ другой стороны—что̀ за психическіе законы, которыми руководится творческая фантазія поэта. Но изъ-за одного труднаго пункта, и при томъ относящагося скорѣе къ области психологіи вообще, а не теоріи поэзіи,—нельзя еще отказывать теоріи словесности въ правѣ на мѣсто среди другихъ научныхъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что теорія словесности на все остальное даетъ достаточно удовлетворительные отвѣты. А это, при систематичности изложенія, и даетъ право теоріи словесности быть научнымъ предметомъ. Обратитесь, напримѣръ, къ области прозы. Здѣсь теорія словесности даетъ настоящія понятія о каждомъ родѣ

Библиотека "Руниверс"

и видѣ прозаическихъ сочиненій, указываетъ на составные элементы ихъ, предлагаетъ правила, которыми нужно руководствоваться при составленіи описаній, повѣствованій, разсужденій и т. д. Обратитесь въ области поэзіи и здѣсь присутствіе теоріи словесности еще болѣе ощутительно. Она опредѣляетъ что̀ такое поэзія, и выдѣляетъ ее изъ области прозы, давая тѣмъ отчетливое понятіе о поэтическихъ сочиненіяхъ; указываетъ главные три рода поэзіи—эпосъ, лирику и драму съ ихъ характеристическими свойствами. Дѣлитъ каждый родъ на виды и объясняетъ ихъ и т. д. Мы, конечно, только въ общихъ чертахъ указали на содержаніе того, что называется теоріей словесности; но сдѣлали это съ намѣреніемъ, потому что для тѣхъ, кто признаетъ существованіе теоріи словесности, достаточно и этого общаго напоминанія объ ея главномъ содержаніи; для гг. же рецензентовъ „Педагогическаго Музея“ безполезно было бы обнаруживать всѣ подробности содержанія, такъ какъ они въ эти-то подробности и не вѣруютъ, надъ ними-то и глумятся, отрицая всякую возможность предлагаемыхъ теоріею словесности правилъ. Г. Мандельштамъ, напримѣръ, въ разборѣ учебника словесности г. Филонова, на страницѣ 692-й говоритъ: „Глава II трактуетъ о сочиненіяхъ ораторскихъ: опять Цицеронъ, опять Квинтиліанъ, опять Аристотель, а потомъ приступъ, предложеніе, раздѣленіе, повѣствованіе, доводы, патетическая часть и проч. и проч.“. Но что̀ же тутъ вызывающаго насмѣшку, если въ самомъ дѣлѣ, полная ораторская рѣчь состоитъ изъ всѣхъ этихъ частей? Вѣдь г. Филоновъ не отъ себя же придумалъ приступъ, предложеніе и т. д. въ ораторскихъ рѣчахъ. Пусть г. рецензентъ прочтетъ хоть первую рѣчь Цицерона противъ Катилины или Олинѳскія рѣчи и „Περὶ τοῦ στεφάνου“ Демосѳена, этихъ величайшихъ ораторовъ древне-классическаго міра, — и онъ увидитъ, что дѣйствительно въ нихъ есть и приличный содержанію рѣчи приступъ, и тема, на которую говоритъ ораторъ, и раздѣленіе для болѣе удобнаго усвоенія рѣчи, и доводы для подтвержденія мыслей, и часть патетическая — одна изъ существеннѣйшихъ принадлежностей всякой ораторской рѣчи, чтобы сильнѣе подѣйствовать на слушателей и т. д. Впрочемъ, такое расположеніе ораторскихъ рѣчей свойственно не одному классическому міру: тѣ же самые пріемы встрѣчаются и у ораторовъ современныхъ. Рѣдко можно обойдтись безъ приступа въ ораторской рѣчи, нельзя не установить темы, на которую говорится рѣчь; безъ доводовъ ораторская рѣчь не мыслима, точно также какъ невозможна она и безъ части патетической, потому что

Библиотека "Руниверс"

въ противномъ случаѣ вышла бы не рѣчь, а сухое разсужденіе, и слушателямъ самимъ пришлось бы убѣждать себя согласиться съ тѣмъ, что говоритъ ораторъ. Такимъ образомъ, что тутъ рецензентъ находитъ такого, что бы могло возмущать его? Или быть можетъ непріятны ему самыя названія частей ораторской рѣчи, отзывающіяся схоластикой, по выраженію тѣхъ же рецензентовъ? Въ такомъ случаѣ пусть онъ замѣнитъ ихъ для себя новыми именами, хотя и въ этомъ мы не находимъ ничего возмущающаго. Наконецъ, быть можетъ, „ученіе о краснорѣчіи въ нашихъ школахъ" рецензенты считаютъ лишнимъ и безцѣльнымъ, какъ и заявляетъ г. Воскресенскій, потому что „у насъ нѣтъ" якобы „ни образцовъ ораторскаго искусства, ни возможности серьезнаго приложенія его въ жизни, ни ораторовъ-учителей" (стр. 760 и 761)? Но не говоря уже о томъ, что подобныя причины слишкомъ несостоятельны, такъ какъ у насъ есть и образцы ораторскаго искусства — цѣлая напримѣръ, область духовнаго краснорѣчія; есть и возможность приложенія въ жизни при существующихъ учрежденіяхъ; нѣтъ, наконецъ, нужды въ ораторахъ-учителяхъ, потому что нужны главнымъ образомъ при изученіи ораторскаго искусства образцы краснорѣчія, а не учителя-ораторы, — не говоря уже о всемъ этомъ, ученія объ ораторскомъ краснорѣчіи нельзя считать лишнимъ и безцѣльнымъ въ теоріи словесности, какъ скоро въ области ея оно составляетъ цѣлое звено. Можетъ быть, на приступы, предложенія и т. д. рецензенты смотрятъ какъ на ненужный хламъ потому, что подобный строй ораторской рѣчи самъ по себѣ извѣстенъ и доступенъ здравому смыслу. Но не нужно забывать, что вѣдь, собственно говоря, ничего нѣтъ новаго подъ луною, и все, что пишется или говорится, должно быть доступно здравому смыслу. Вполнѣ, напримѣръ, извѣстно каждому хлѣбопашцу, что сперва нужно поле запахать, потомъ посѣять и наконецъ заборонить; тѣмъ не менѣе вы все-таки непремѣнно встрѣтите въ систематическомъ изложеніи сельскаго хозяйства эту самую простую и вполнѣ извѣстную истину.

Но не одни только приступы, предложенія и т. д. составляютъ притчу во языцѣхъ въ глазахъ нашихъ рецензентовъ. Они смотрятъ тѣми же глазами, если только не хуже, и на всѣ другіе отдѣлы теоріи словесности. „Если мы устранимъ изъ теоріи прозы ученіе объ искусствѣ краснорѣчія, говоритъ г. Воскресенскій въ ней не останется ничего достойнаго и даже возможнаго для изученія. Что зна-

Библиотека "Руниверс"

читъ теорію лѣтописи, мемуаровъ, автобіографій? Можно сказать, что занимается лѣтописью, біографіей и т. п., но едва ли кто нибудь слышалъ о существованіи теоріи различныхъ описаній и повѣствованій. Опредѣленіе словъ (терминовъ) и теорія — двѣ совершенно различныя вещи". — Совершенно согласны, что опредѣленіе терминовъ и теорія не одно и то же. Но вѣдь въ теоріи словесности и не найдете вы одно только опредѣленіе терминовъ. Даже въ отдѣлѣ объ описаніяхъ, „о существованіи теоріи которыхъ едва ли кто слышалъ", какъ вы выражаетесь,—и тутъ находится не одно только опредѣленіе слова: описаніе. Тутъ вы встрѣтите, напримѣръ, очень полезное правило, котораго нужно держаться и вамъ, и всякому другому, — что признаки описываемаго предмета нужно располагать не какъ вздумается, но дѣля ихъ по группамъ съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія. Развѣ это заключается въ опредѣленіи слова: описаніе; а не есть ли это правило теоріи, извлеченное изъ образцовыхъ описаній? А что сказать о теоріи поэзіи и особенно драмы, этого высшаго рода словесныхъ произведеній? Ужели, по вашему, и тутъ дѣло ограничивается однимъ только опредѣленіемъ терминовъ?!

Теперь переходимъ къ другому вопросу, возбужденному нашими рецензентами: необходима ли теорія словесности въ гимназическомъ курсѣ, какъ учебный предметъ? Правда, и безъ знанія теоріи живописи и музыки были хорошіе живописцы и музыканты, и безъ знанія теоріи словесности были замѣчательные писатели; а если возвратиться ко временамъ древнѣйшимъ, то въ концѣ концовъ должны будемъ прійдти даже и къ тому, что первый живописецъ написалъ свою картину въ то время, когда еще не было никакой теоріи живописи, а первые писатели и музыканты составили свои произведенія, когда не могло быть теоріи словесности и музыки. До Эсхила не существовало ни одного драматическаго произведенія въ законченно-художественной формѣ; при написаніи первой своей трагедіи и всѣхъ остальныхъ, онъ не руководился никакими теоріями о драмѣ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Ужели то, что если Эсхилъ, безъ всякой теоріи драмы, могъ написать нѣсколько прекрасныхъ въ своемъ родѣ трагедій, то теорія драмы не нужна и для другихъ и даже вовсе не нужна? Конечно, нѣтъ, потому что не всѣ могутъ быть Эсхилами и не всѣ пишутъ драмы при такихъ условіяхъ, при какихъ писалъ Эсхилъ. Этотъ древній трагикъ былъ талантъ великій, а содержаніе его драмъ просто и несложно; фабулы

Библиотека "Руниверс"

ихъ созданія были не самимъ поэтомъ, но цѣликомъ взяты изъ греческихъ миѳовъ: миѳы были для поэта и всегдашнимъ, и руководящею теоріей при созданіи трагедій: въ миѳѣ черпалъ онъ и завязку и развязку дѣйствія, и драматическое положеніе героевъ, что, разумѣется, чрезвычайно облегчало сложность драматической работы. Тою же самою причиной объясняется, конечно, созданіе художественныхъ трагедій Софокла и Еврипида, при отсутствіи теоріи драмы. И эти трагики, подобно Эсхилу, были съ одной стороны великіе таланты, а съ другой — цѣликомъ черпали содержаніе своихъ произведеній изъ готоваго источника — миѳологіи. Сверхъ того, они имѣли уже для образца трагедіи Эсхила, который и служилъ для нихъ въ своемъ родѣ теоріей драмы. А потомъ, когда драматическія произведенія становились сложнѣе, и содержаніе для нихъ стало браться не изъ миѳологіи только, но и изъ современной жизни политической, каковы напримѣръ, комедіи Аристофана, — тогда явилась нужда составить уже теорію драмы на основаніи существующихъ художественныхъ драматическихъ произведеній. И вотъ, является первое теоретическое изслѣдованіе драматическаго искусства Аристотеля, жившаго въ одномъ вѣкѣ съ Аристофаномъ. Съ этой поры теорія драмы Аристотеля сдѣлалась закономъ для всѣхъ драматическихъ писателей. Она послужила поводомъ къ появленію и псевдоклассической теоріи во Франціи; ее имѣлъ въ виду и великій Лессингъ, опровергшій ложную французскую теорію и установившій истинный взглядъ на искусство вообще и поэтическое въ частности. Самобытный геній Шекспира окончательно утвердилъ своими произведеніями истинные взгляды на драматическое искусство. Теорія драмы такимъ образомъ установилась; общія требованія ея стали закономъ, и имъ подчинялись не только посредственные драматическіе писатели, но и такіе великіе таланты, каковы Гёте, Шиллеръ, нашъ Пушкинъ. Ужели еще и послѣ этого не было исторической, такъ сказать, нужды созданія теоріи драмы? Ужели въ ней нѣтъ необходимости и вообще?

Но въ гимназическомъ курсѣ, гдѣ имѣется въ виду главнымъ образомъ научить учениковъ не писать драматическія сочиненія, потому что для этого нужно имѣть природный талантъ, а понимать, въ чемъ состоитъ сущность драмы, и такимъ образомъ постепенно подготовить ихъ къ умѣнью, по возможности, вѣрно оцѣнивать художественныя произведенія,—въ гимназическомъ курсѣ, говоримъ мы, теорія драмы еще болѣе необходима. Ибо невозможно же положиться на одно только инстинктивное, такъ сказать, чутье учениковъ и до-

Библиотека "Руниверс"

ваться общею фразой, что это произведеніе нравится ему потому оно хорошо, а другое не нравится, и потому что худо, хотя можетъ, въ то же время, слѣдуетъ дорожить и инстинктивнымъ пониманіемъ и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое получаетъ ученикъ при чтеніи извѣстнаго произведенія; то-есть, мы хотимъ сказать, что это инстинктивное пониманіе должно быть возведено въ пониманіе разумное, сознательное; нужно научить учениковъ понимать сознательно, разъяснить имъ, почему нравится или не нравится разбираемое произведеніе; а такого пониманія, то-есть отчетливаго, сознательнаго, разумнаго требовать отъ учениковъ безъ руководящей помощи невозможно. И такъ, необходима теорія драмы, долженствующая служить пособіемъ и руководствомъ при разборѣ драматическихъ произведеній.

Все, что сказано о драмѣ, относится и къ другимъ поэтическимъ произведеніямъ, хотя, разумѣется, и не въ одинаковой степени. Произведенія поэтическія, отличающіяся бо́льшею объективностію, каковы эпосъ и драма, по самому существу предмета, нуждаются и въ бо́льшемъ разъясненіи; сочиненія же субъективныя, какова лирика, требуютъ разъясненій меньшихъ со стороны теоріи словесности и представляютъ сравнительно болѣе простора собственному пониманію и чутью учениковъ.

Нѣсколько другимъ характеромъ отличаются въ теоріи словесности теорія прозы и стилистика. Между тѣмъ, какъ теорія поэзіи необходима главнымъ образомъ для правильнаго пониманія и уясненія сущности поэтическихъ произведеній, теорія прозы и стилистика преимущественно имѣютъ въ виду научить учениковъ писать правильнымъ и стройнымъ языкомъ съ соблюденіемъ логической послѣдовательности въ мысляхъ.

Отсюда и нужда въ нихъ является главнымъ образомъ не при устныхъ, а при письменныхъ работахъ и занятіяхъ; вслѣдствіе чего теорія словесности, какъ учебникъ, менѣе всего должна удѣлять мѣста на своихъ страницахъ для теоретическихъ правилъ по этимъ двумъ отдѣламъ. Такъ чистота, точность и изобразительность слога должны практиковаться почти исключительно на ученическихъ упражненіяхъ; рѣчь періодическая должна быть усвоена при чтеніи Цезаря еще въ IV классѣ, такъ чтобы въ V классѣ осталось только сгруппировать и привести въ окончательную извѣстность то, что выработано было практическимъ путемъ въ IV классѣ. Изъ теоріи прозы должно обратить особенное вниманіе на разсужденія. Для этого, по

Библиотека "Руниверс"

нашему мнѣнію, слѣдуетъ предварительно прочитать одно или два образцовыхъ разсужденія, дать отчетъ сперва въ главныхъ, а потомъ и въ частныхъ мыслях, указать на основаніи этого разбора построеніе разсужденія и важнѣйшія части его.

Н. Бѣлоруссовъ.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНІИ МАТЕМАТИКИ.

Учебными планами министерства народнаго просвѣщенія преподаваніе математики установлено въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ совершенно такъ, какъ господствуетъ оно повсюду въ европейской школѣ. Мы позволяемъ себѣ однако предпослать нѣсколько замѣчаній по поводу той части въ курсѣ этого предмета, которая отнесена у насъ къ III классу упомянутыхъ учебныхъ заведеній.

Въ этомъ классѣ прежде проходили въ одинъ, а теперь въ два недѣльныхъ урока слѣдующее:

„Приложеніе ариѳметическихъ дѣйствій къ рѣшенію разнаго рода задачъ такъ называемыхъ: правила тройнаго простаго и сложнаго, правила процентовъ, учета векселей, правила цѣпнаго, пропорціональнаго дѣленія и смѣшенія".

Бо́льшая часть этихъ правилъ была изобрѣтена коммерсантами и юристами, иногда весьма плохо понимавшими, что́ значитъ доказать ходъ рѣшенія задачи и ровно ничего не понимавшими въ дѣлѣ преподаванія. Вызваны были эти правила преимущественно потребностями коммерціи, ничего не имѣющими общаго съ нашими общеобразовательными учебными заведеніями. Никто не заботился о разъясненіи этихъ правилъ; они были предлагаемы подобно рецептамъ и по нимъ изготовлялись извѣстныя вычисленія. Чтобы судить о механизмѣ, порождённомъ ими, нужно только заглянуть въ любую нѣмецкую ариѳметику прошлаго столѣтія. Укажемъ на извѣстнѣйшія въ то время: Willich, Gründliche Vorstellung der Reesischen Regel 1759 г. и Schmid, die Rechnenkunst 1774.

Весьма интересно появленіе такъ называемаго математическаго учета векселей. У насъ до сихъ поръ называютъ его учетомъ вѣр-

Библиотека "Руниверс"

ными и противопоставляютъ его учету коммерческому, который всѣ признаютъ не точнымъ. Ошибку эту дѣлаютъ теперь многіе изъ составителей учебниковъ, а преподаватели повторяютъ ее и увѣряютъ учениковъ въ вѣрности математическаго учета.

Въ XVII вѣкѣ учетъ, называемый у насъ коммерческимъ, былъ узаконенъ въ Германіи и всѣ, кому было нужно, пользовались имъ. Въ 1683 г. великій математикъ Лейбницъ въ своемъ сочиненіи „Acta eruditorum" доказалъ неправильность и незаконность такого учета и предложилъ новый, правильный, основанный на непрерывномъ наростаніи процентовъ или на формулѣ

$$K = a\left(1 + \frac{p}{100}\right)^t$$

гдѣ t означаетъ число мѣсяцевъ, если учетъ дѣлается мѣсячный, а p мѣсячный процентъ, такіе вычисленный по формулѣ сложныхъ процентовъ; если учетъ дѣлается годовой, то t означаетъ число дней, а p процентъ за одинъ день.

Для убѣжденія въ справедливости этого учета стоитъ рѣшить задачу какъ по этой формулѣ, такъ и по принятымъ у насъ учетамъ.

Чтобы учетъ Лейбница могъ имѣть практическое примѣненіе, нужны особыя таблицы, такъ какъ каждый разъ вычислять по этой формулѣ затруднительно, а на практикѣ для многихъ невозможно. Вѣроятно, вслѣдствіе этой сложности, учетъ Лейбница не былъ введенъ въ общее употребленіе, а остался, хотя при не точномъ, но болѣе простомъ—коммерческомъ.

Непониманіе учета Лейбница простиралось до того, что нѣкто Полманъ, юристъ, въ своей „Mathesis forensis", доказывалъ, будто по этому учету изъ ничего въ нѣсколько лѣтъ возростаетъ нѣкоторый капиталъ.

Такъ продолжалось почти полстолѣтія. Въ 1780 г. Гофманъ въ сочиненіи своемъ „Mugheit hauszuhalten" снова доказалъ неправильность учета коммерческаго, но кстати отвергъ и учетъ Лейбница и на мѣсто его поставилъ свой собственный, который мы называемъ математическимъ. На примѣрѣ перучета легко убѣдиться въ несправедливости этого учета.

Не знаемъ, какимъ образомъ учетъ Гофмана попалъ въ наши курсы: былъ ли онъ заимствованъ кѣмъ либо изъ его книги или самостоятельно изобрѣтенъ, но у насъ онъ пріобрѣлъ право гражданства. Странно только, что этимъ правомъ онъ пользуется и до сихъ поръ. Математически онъ не вѣренъ, а на практикѣ не употребите-

Библиотека "Руниверс"

лять. Въ программѣ о немъ не упоминается, но тѣмъ не менѣе онъ вѣроятно подразумѣвается, ибо въ 1876 году записная задача по ариѳметикѣ для выпускного экзамена въ Харьковскомъ учебномъ округѣ требовала такъ называемаго математическаго учета.

Укажу еще на задачу, совершенно несообразную съ дѣйствительностью, но входящую въ курсъ: это—задача на сложное правило товарищества въ такомъ видѣ:

Одинъ купецъ началъ торговать 1-го января 1870 года, внеся 10.000 руб., другой присоединился къ нему 1-го іюля 1870 г. съ 15.000 руб., третій 1-го ноября 1871 г. съ 20.000 руб. Перваго января 1872 г. они раздѣлили 5.000 руб. общей прибыли; сколько приходится каждому?

Интересно знать, бывали ли когда нибудь такіе примѣры, чтобы купецъ, пригласивъ компаньона, не удержалъ бы для себя столько прибыли, которую онъ заработалъ пока торговалъ одинъ. Если же это было сдѣлано, то вся прибыль, которую получили два компаньона до приглашенія третьяго, придется дѣлить только пропорціонально капиталу, а не времени, и потому не нужно будетъ для рѣшенія задачи прибѣгать къ какимъ-то воображаемымъ капиталамъ, отданнымъ на одинъ мѣсяцъ.

Мы не думаемъ ограничить вообще задачи на сложное правило товарищества; оно не затруднительно, если задача сообразна съ дѣйствительностью. Можно предлагать даже и довольно сложныя, какъ напримѣръ, предложенная въ 1876 г. въ Московскомъ округѣ на выпускномъ экзаменѣ:

На фабрикѣ сдѣланы два заказа той же матеріи: первый — въ 145 кусковъ по 30 арш. длины въ кускѣ, а ширина въ $1^1/_2$ арш.; второй—въ 1,25 раза менѣе кусковъ; длина составляетъ 0,82333.... часть длины куска перваго заказа, а ширина въ 1,3333.... раза болѣе ширины перваго заказа. По окончаніи работы всего уплачено 212 руб. 50 коп., причемъ каждой партіи работниковъ выдана плата, пропорціонально количеству исполненной ею работы" и т. д.

Здѣсь всякій ученикъ можетъ понять, что нужно знать количество работы, а не воображаемый капиталъ. Если онъ хорошо учился ариѳметикѣ, то послѣднюю задачу рѣшитъ легко, первую же рѣшитъ только тотъ, который знакомъ со способомъ рѣшенія задачъ подобнаго типа.

Было время, когда въ курсъ ариѳметики входили только простыя задачи, то-есть, такія, для рѣшенія коихъ нужно выполнить одно

Библиотека "Руниверс"

дѣйствіе. При изученіи дѣйствій съ цѣлыми числами и дробями не давали рѣшать сложныхъ задачъ. Въ старыхъ нашихъ задачникахъ помѣщалось весьма мало задачъ подъ заглавіемъ „на всѣ дѣйствія“ и при томъ задачи эти, сравнительно съ находящимися въ новѣйшихъ задачникахъ, крайне просты. Тогда всѣ сложныя задачи были относимы къ концу курса, послѣ прохожденія теоретической ариѳметики. Такъ какъ во время прохожденія курса ученики практиковались главнымъ образомъ въ вычисленіи, а не въ рѣшеніи, то конечно нельзя было и требовать, чтобы по окончаніи курса они могли самостоятельно рѣшать сложныя задачи, которыя отчасти требовались практикою, отчасти были поддѣланы подъ требованія практики. Оставить такого ученика безпомощнымъ невозможно, самостоятельно рѣшать онъ не умѣетъ, оставалось одно—дать ему извѣстные образцы или шаблоны, такъ называемыя „правила“, и пріучать его пользоваться ими.

Рѣшать задачи по шаблону такъ же легко, какъ рисовать по шаблону, но какъ рисующій по шаблону не съумѣетъ ничего нарисовать съ натуры, такъ и рѣшающій шаблонныя задачи останется безпомощнымъ, если ему дать задачу, хотя менѣе сложную, но другаго образца.

Въ разныхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ мнѣ случалось встрѣчать иногда учениковъ, знающихъ всѣмъ правила заключительнаго отдѣла ариѳметики, но, не смотря на это, не умѣющихъ рѣшать не особенно замысловатыхъ задачъ другаго типа. Нѣтъ сомнѣнія, что ученикъ, рѣшавшій при прохожденіи курса задачи, помѣщаемыя въ задачникахъ новаго типа, не нуждается въ упомянутыхъ правилахъ: онъ можетъ самостоятельно рѣшить всякую изъ нихъ. Можетъ быть, это рѣшеніе будетъ сложнѣе, чѣмъ образцовое рѣшеніе, предписанное однимъ изъ правилъ, но если ученикъ умѣетъ упрощать и преобразовывать формулы, то онъ тотчасъ же упроститъ задачу. Нѣсколько лишнихъ минутъ, потраченныхъ на написаніе неупрощенной формулы, съ избыткомъ вознаграждаются драгоцѣннымъ самостоятельнымъ разсужденіемъ при рѣшеніи задачи. Даже практически полезнѣе избрать предлагаемый нами путь, чѣмъ придерживаться шаблоновъ. При заучиваніи можетъ измѣнить память, при правильномъ же разсужденіи ученикъ не находится въ зависимости отъ памяти и случая.

Вотъ почему, кажется намъ, было бы раціональнѣе, если-бы ученикъ съ самаго начала ариѳметическаго курса рѣшалъ разнообразныя

Библиотека "Руниверс"

задачи и потомъ уже, зная значеніе умноженія и дѣленія на дробь, писалъ формулы рѣшенія и привыкалъ преобразовывать ихъ, не выполняя дѣйствій. Составленіе и преобразованіе ариѳметическихъ формулъ есть лучшая подготовка къ курсу алгебры. Еслибы вмѣсто всякихъ такъ называемыхъ „правилъ" ученикъ пріучался обращаться съ формулой, то вполнѣ заканчивался бы курсъ ариѳметики и былъ бы упроченъ послѣдовательный переходъ отъ одного къ другому; мы не стали бы больше дробить предметъ, какъ дѣлаемъ теперь, а достигли бы единства въ преподаваніи ариѳметики и алгебры.

Для избѣжанія недоразумѣнія я долженъ разъяснить, какъ слѣдуетъ поступать съ одною изъ существенныхъ частей послѣдняго отдѣла ариѳметики—съ ознакомленіемъ учениковъ съ чуждыми для нихъ понятіями: процентъ, проба, вексель и проч.

Этотъ вопросъ надо раздѣлить на двѣ части. Во-первыхъ, слѣдуетъ рѣшить, какія понятія должны быть сообщаемы, нужно ли брать ихъ только изъ области коммерціи или и изъ другихъ областей? Мнѣ кажется, что у насъ господствуютъ въ этомъ дѣлѣ только коммерческіе термины по наслѣдству отъ временъ, когда ариѳметика преподавалась для цѣлей коммерческихъ. Что именно полезно и нужно сообщать въ курсѣ ариѳметики—вопросъ весьма важный, достойный отдѣльнаго обстоятельнаго обсужденія. Я не предрѣшаю его теперь и для удобства предполагаю, что всѣ сообщаемыя въ ариѳметикѣ практическія указанія необходимы. Затѣмъ является второй вопросъ: когда именно эти указанія слѣдуетъ сообщать ученикамъ?

При старомъ преподаваніи, учениковъ знакомили съ мѣрами, послѣ того какъ, покончивъ съ числами отвлеченными, переходили къ составнымъ именованнымъ. Теперь порядокъ измѣнился и измѣнился несомнѣнно къ лучшему: съ мѣрами знакомятъ постепенно во время всего курса, почти съ первыхъ уроковъ. Точно такъ же съ самаго начала ученія выясняютъ ученику, что значитъ выручка, прибыль, убытокъ и проч. Подобно этому нужно поступать и при ознакомленіи съ понятіями о процентѣ, векселѣ, пробѣ и проч. Какъ размѣстить все это по курсу, это дѣло подробной программы. Укажу лишь на одинъ примѣръ. Что можетъ мѣшать, приступая къ умноженію и дѣленію десятичныхъ дробей, сообщить ученикамъ понятіе о процентѣ, опредѣляя это слово, напримѣръ, такъ: „процентъ есть всякая сотая часть числа?" Тутъ не нужно говорить ни о банкахъ, ни о процентныхъ бумагахъ; ученики отлично поймутъ такую простую вещь и рѣ-

Библиотека "Руниверс"

шать всякую задачу, будетъ ли она касаться прибыли и убытка или даже возростанія народонаселенія.

Учителя-практики особенно защищаютъ правило тройное. Дѣйствительно, это еще самое практичное изъ всѣхъ; практичность его основана на томъ, что оно даетъ удобную для вычисленій формулу. Но если ученикъ умѣетъ обращаться съ формулами, то нѣтъ нужды давать особое правило, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ поражаетъ неосновательностью своихъ выводовъ.

Возьмемъ задачу, написанную въ обычной схемѣ:

6	нед.	по 5	дн.	по 12	час.	15	раб.	216 руб.
16	„	„ 6	„	„ 9	„	X	„	622,08 „

Способъ пропорціи уже давно уступаетъ мѣсто болѣе понятному способу приведенія къ единицѣ; но этотъ способъ въ примѣненіи къ сложному тройному правилу сдѣлали слишкомъ механическимъ.

Сущность рѣшенія приведенной нами задачи заключается въ слѣдующемъ: взять число работниковъ (15), поставить надъ чертой, и затѣмъ это число послѣдовательно дѣлить и умножать на каждую пару чиселъ, ставя одно изъ чиселъ пары выше черты, а другое подъ чертой. При этомъ надо разсуждать такъ:

Еслибы работу нужно было окончить въ недѣлю, то работниковъ потребовалось бы въ 6 разъ больше, слѣд. 15×6, а такъ какъ работу слѣдуетъ окончить не въ одну, а въ 16 недѣль, то работниковъ требуется въ 16 разъ меньше и т. д. Уже при этомъ мы получаемъ странный выводъ, хотя и временный: число работниковъ равно $\frac{15 \cdot 6}{16}$, то-есть дробному числу. Далѣе дѣло идетъ, однако, хуже: приходится задавать себѣ вопросъ: сколько работниковъ можно нанять за 1 рубль? Пріучить учениковъ къ такимъ вопросамъ не трудно, но нельзя же забывать, что это разсужденіе насильственное, идущее въ разрѣзъ съ обычнымъ способомъ разсужденія и можетъ быть удержано только памятью. Притомъ польза подобнаго способа весьма сомнительна: ученикъ рѣшитъ задачу только въ томъ случаѣ, когда въ заголовкѣ напечатано: „задачи на сложное тройное правило“. Небольшое уклоненіе отъ обычнаго образца уже затрудняетъ его.

Въ Германіи способъ приведенія къ единицѣ былъ встрѣченъ весьма сочувственно, когда задачи рѣшались преимущественно по способу пропорцій. Способъ этотъ назвали почетнымъ именемъ „Denkrechnen“ или „Schlussrechnen“, ибо предполагали, что при употребленіи его будетъ особенно возбуждена дѣятельность мышленія. Но

Библиотека "Руниверс"

группировка дѣйствій по правиламъ тройнымъ и проч. привела къ тому, что и „Denkrechnen“ обратился въ механическую сноровку. Не думаю, чтобъ всѣ, ратовавшіе за замѣну способа пропорцій способомъ приведенія къ единицѣ, остались довольны такимъ широкимъ примѣненіемъ его.

Чтобы и здѣсь не ограничиваться отрицательною стороною дѣла, я изложу, какимъ образомъ можно было бы вести его иначе. Ученики должны быть знакомы съ употребленіемъ способа приведенія къ единицѣ гораздо раньше, еще тогда, когда умѣютъ только одновременно пользоваться умноженіемъ и дѣленіемъ цѣлыхъ чиселъ даже въ ограниченныхъ предѣлахъ Они должны прилагать его во всѣхъ случаяхъ, когда это покажется имъ нужнымъ. Приступая къ умноженію и дѣленію на дробь, ученикъ не долженъ затрудняться, если задача, по характеру относящаяся къ сложному тройному правилу, хотя съ пятью данными, попалась бы ему въ числѣ другихъ задачъ. Называть эти задачи особымъ именемъ нѣтъ нужды. Ученики, веденные подобнымъ образомъ и ничего не слыхавшіе о тройныхъ правилахъ, рѣшали предыдущую задачу приблизительно такъ: во первыхъ они опредѣляли, сколько получитъ 1 работникъ въ первомъ случаѣ за 1 часъ работы. Выражалось это слѣдующею формулой:

$$\frac{216}{6\ .\ 5\ .\ 12\ .\ 15}\ \text{руб.}$$

Затѣмъ, они опредѣляли, сколько получатъ всѣ работники во второмъ случаѣ также за 1 часъ работы:

$$\frac{622{,}08}{16\ .\ 6\ .\ 9}\ \text{руб.}$$

Наконецъ, чтобы узнать число рабочихъ во второмъ случаѣ, слѣдовало узнать, сколько разъ число, выраженное въ первой формулѣ, содержится во второй, а для этого производилось дѣленіе:

$$\frac{622{,}08}{16\ .\ 6\ .\ 9} \qquad \frac{216}{6\ .\ 5\ .\ 12\ .\ 15}$$

Съ этого момента ученики различно приступали къ вычисленію формулы: одни сокращали прямо, другіе же преобразовывали и получали обычную формулу:

$$\frac{622{,}08\ .\ 6\ .\ 5\ .\ 12\ .\ 15}{16\ .\ 6\ .\ 9\ .\ 216}$$

Остается только это сократить.

Приведенное мною рѣшеніе имѣетъ двоякую выгоду: 1) ученики самостоятельно рѣшаютъ задачи; 2) не тратится время на разъясненіе способовъ рѣшенія задачъ различныхъ типовъ.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ объ алгебраическихъ задачахъ въ ариѳметикѣ, то-есть о такихъ, рѣшеніе коихъ помощью уравненій значительно упрощается. Въ курсѣ III класса это—задачи на правило смѣшенія втораго рода.

Алгебраическія задачи, конечно, не слишкомъ трудныя, весьма полезны даже при начальномъ курсѣ (напримѣръ, какое число я задумалъ, если послѣ умноженія его на 5 и отнятія 8 получилось 47?). Въ начальномъ курсѣ эти задачи не слѣдуетъ рѣшать при помощи уравненій или, какъ говорятъ ученики I класса, „съ иксами". Нельзя предрѣшить, до какой степени можно вести усложненія подобныхъ задачъ. Нѣкоторые рѣшаютъ ариѳметически задачи, по характеру относящіяся къ уравненіямъ съ двумя неизвѣстными, другіе же почти избѣгаютъ рѣшать ариѳметически даже приведенную мною задачу. Вѣроятно, истина лежитъ въ золотой серединѣ. Задачи на правило смѣшенія втораго рода можно рѣшать и при помощи уравненія и ариѳметически, но въ такомъ случаѣ не указывая способа рѣшенія, а предоставляя отыскать самимъ ученикамъ болѣе для нихъ удобный. Въ замѣнъ этого въ нашихъ ариѳметическихъ курсахъ помѣщаютъ особый способъ, пригодный только для задачъ этого рода и приводящій въ концѣ концовъ опять-таки къ правилу товарищества. Я говорю о способѣ, выражающемся обыкновенно слѣдующимъ образомъ:

Задача. По скольку нужно взять каждаго сорта чаю въ 3 руб 20 к. и 4 р. 80 коп., чтобъ составить 48 фунтовъ смѣси въ 4 руб. 30 коп.

Рѣшеніе.

$$\begin{matrix} 320 \\ 480 \end{matrix} \; 430 \; \begin{matrix} + \; 110 \quad 5 \\ - \; \; 50 \quad 11 \end{matrix} \Big\} 16$$

$$\frac{48 \,.\, 5}{16} = 15 \text{ и } \frac{48 \,.\, 11}{16} = 33$$

Правда, способъ очень наглядный, но не надо забывать, что и слишкомъ частный. Ни въ IV, ни въ V и VI классахъ этой схемы прилагать не придется; къ тому же, не смотря на наглядность, она скоро забывается.

Если ученику не по силамъ рѣшить приведенную задачу безъ указанія шаблона, то надо дать общій способъ рѣшенія всѣхъ затруднительныхъ задачъ — способъ уравненій. Предъ ученикомъ, напримѣръ, II класса нѣтъ нужды упоминать объ этомъ новомъ для него названіи, онъ воспользуется уравненіемъ, не зная даже, что

Библиотека "Руниверс"

прибѣгаетъ къ нему, а въ III классѣ почему не объяснить, что̀ такое уравненіе? Назначеніе особыхъ уроковъ на алгебру и ариѳметику, конечно, не имѣло цѣлью отчуждать одинъ отдѣлъ математики отъ другаго. Если нужно помочь ученику въ рѣшеніи задачи, то лучше всего служитъ для этого уравненіе. Оно вводитъ однообразіе — это правда, но однообразіе все-таки полезное, ибо безъ уравненія нельзя обойдтись и въ другихъ классахъ, а ариѳметическія такъ называемыя „правила", употребляемыя въ III классѣ, для другихъ классовъ уже непригодны.

К. Маевскій.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ И ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ ЗА 1876 И 1877 ГОДЫ [1].

Торжественное собраніе, на которое мы, по обычаю, сходимся ежегодно въ настоящій день, было въ минувшемъ году посвящено празднованію стопятидесятилѣтняго юбилея Академіи. Это празднество составитъ эпоху въ лѣтописяхъ нашего учрежденія: мы имѣли счастье видѣть здѣсь нашего Августѣйшаго Покровителя, Государя Императора, вмѣстѣ съ членами Царственнаго дома, и съ благоговѣніемъ услышали изъ устъ Монарха выраженіе милостиваго вниманія къ трудамъ нашимъ. Среди чтеній на этомъ засѣданіи, по самому характеру своему посвященномъ воспоминаніямъ о минувшихъ судьбахъ Академіи, не оставалось мѣста для нашего обычнаго годоваго отчета.

Представляя поэтому теперь вниманію вашему, мм. гг., обзоръ дѣятельности Академіи за послѣдніе два года, мы, къ прискорбію, должны начать свою рѣчь воспоминаніемъ о тяжкихъ утратахъ, постигшихъ въ это время Академію въ средѣ ея дѣйствительныхъ членовъ: 25-го апрѣля 1876 г. смерть внезапно вырвала изъ среды нашей всѣми искренно любимаго товарища, О. И. Сомова. Горечь этой потери была для насъ тѣмъ ощутительнѣе, что заслуженный геометръ покинулъ насъ въ то время, когда наука въ правѣ была ожидать еще столь многаго отъ его любви къ труду и отъ его замѣчательнаго математическаго таланта. Утѣшеніемъ намъ можетъ лишь служить мысль, что и сдѣланнаго имъ вполнѣ достаточно, дабы имя

[1] Составленъ непремѣннымъ секретаремъ академикомъ К. С. Веселовскимъ и читанъ имъ въ публичномъ собраніи Академіи 28-го декабря 1877 года.

Библиотека "Руниверс"

его навсегда осталось въ числѣ лучшихъ математиковъ нашего времени.

Въ томъ же году, 16-го ноября, тихо угасло въ Дерптѣ одно изъ свѣтилъ естествознанія — К. М. Бэръ. Основатель столь важной въ настоящее время науки, эмбріологіи, стяжалъ себѣ громкую славу во всѣхъ центрахъ научной дѣятельности въ Европѣ, и геніальные труды его будутъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе цѣны въ глазахъ ученаго міра, по мѣрѣ того, какъ біологія будетъ двигаться впередъ по пути, указанному ей Бэромъ.

Наконецъ, 15-го января нынѣшняго года, сошелъ въ могилу академикъ Н. И. Жолѣзновъ, [illegible] имѣютъ въ виду пользу земледѣлія и садоводства.

Въ числѣ почетныхъ членовъ нашихъ мы оплакиваемъ утрату его великогерцогскаго высочества герцога Георгія Мекленбургъ-Стрелицкаго; графа М. А. Корфа, который своею біографіей Сперанскаго вписалъ имя свое въ число лучшихъ русскихъ литераторовъ, и оказалъ незабвенную услугу русскому просвѣщенію пересозданіемъ здѣшней Публичной Библіотеки; Эрнберга—знаменитаго берлинскаго изслѣдователя, открывшаго для ученыхъ цѣлый міръ существъ, видимыхъ только въ микроскопъ; Рунеберга — одного изъ первоклассныхъ поэтовъ нашего времени, пѣвца народной жизни финскаго сѣвера.

Изъ списка нашихъ членовъ-кореспондентовъ назовемъ знаменитый Леверье, упрочившій за собою мѣсто среди первостепенныхъ астрономовъ всѣхъ временъ и народовъ: физикъ Погендорфъ; ботаникъ Броньяръ; отличнѣйшіе русскіе палеонтологи Фольбортъ и Эйхвальдъ; А. Н. Поповъ, даровитый писатель, содѣйствовавшій своими трудами успѣхамъ отечественной исторіи; Бѣлевскій — ученый библіотекарь института Оссолинскихъ во Львовѣ, трудившійся надъ разработкою польской исторіи; Ф. Палацкій, прославившійся своими трудами по исторіи Чешскаго народа и всего Славянскаго племени; многозаслуженные оріенталисты Лассенъ и Петерманъ; остроумный изслѣдователь романскихъ языковъ Дицъ, и наконецъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ классической древности, графъ Конестабиле делла Стафа.

Приступая къ обзору занятій Академіи за послѣднее двухлѣтіе, изчислимъ, прежде всего совершенныя въ это время путешествія и экспедиціи, которыми Академія старалась, по мѣрѣ предоставленныхъ ей средствъ, увеличить запасъ данныхъ для изученія нашего отечества.

Библиотека "Руниверс"

Проживающій въ Красноярскѣ горный инженеръ И. А. Лопатинъ, совершивъ, по порученію Академіи, въ предшествующіе годы нѣсколько геологическихъ поѣздокъ по Енисейской губерніи, въ минувшемъ году изслѣдовалъ значительную часть береговъ Средней или Подкаменной Тунгузки. О результатахъ этихъ изслѣдованій Академія уже получила предварительный отчетъ [1]), изъ котораго видно, что г. Лопатинъ открылъ на упомянутой рѣкѣ значительныя обнаженія верхне-силурійской системы, весьма богатыя окаменѣлостями. Это открытіе поведетъ къ ближайшему познанію, въ средней части Восточной Сибири, значительнаго силурійскаго бассейна, существованіе котораго можно было предполагать на основаніи коллекцій, привезенныхъ гг. Маакомъ и Павловскимъ съ Вилюя, г. Чекановскимъ — съ Оленека и Нижней Тунгузки, и академикомъ Шмидтомъ, равно какъ и самимъ г. Лопатинымъ, съ береговъ средней части Енисея. Всѣ эти коллекціи, хранящіяся нынѣ въ нашемъ музеѣ, г. Шмидтъ предполагаетъ слить въ одно цѣлое съ тѣмъ, чтобы на основаніи ихъ составить возможно полное описаніе сказаннаго бассейна, которое, безъ сомнѣнія, будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки.

Въ интересахъ геологіи совершены также поѣздки академикомъ Г. П. Гельмерсеномъ въ Прибалтійскія губерніи, и академикомъ Ф. Б. Шмидтомъ—по вѣдомой губерніи. Цѣлью послѣдняго путешествія было—разъяснить, на сколько тѣ слои нижне-силурійской формаціи, которыя г. Шмидтъ различалъ въ Эстляндіи, простираются и въ Петербургской губерніи. Предположенія нашего ученаго оказались совершенно вѣрными; на пространствѣ отъ береговъ Волхова, чрезъ всю Петербургскую и Эстляндскую губерніи, до острова Эланда и до большихъ шведскихъ озеръ Венера и Ветера, можно прослѣдить одни и тѣ же подраздѣленія нижне-силурійской формаціи, съ однѣми и тѣми же характеристическими окаменѣлостями. Наконецъ, г. Черскій, по порученію Академіи, сдѣлалъ близъ Байкала раскопки нѣсколькихъ пещеръ, въ особенности Балаганской, богатыхъ остатками допотопныхъ и вымершихъ животныхъ.

Обогащеніе нашихъ естественно-историческихъ коллекцій матеріалами для познанія еще существующей фауны Сибири было плодомъ посылки ученаго хранителя нашего музея И. С. Полякова въ Кузнецкій край, Западный Алтай, Семирѣчинскую область, въ предгорія Алатау и къ озерамъ Ала-кулю и Балхашу. Въ числѣ приве-

[1]) Чит 25-го октября и 8-го ноября 1877 г.—*Записки Академіи.*

Библиотека "Руниверс"

венныхъ имъ собраній, особенно цѣнными должны считаться коллекціи рыбъ изъ упомянутыхъ озеръ и просачивающихся изъ степей, лежащихъ между этими озерами.

Найдя нужнымъ пополнить нѣкоторые пробѣлы въ исторіи развитія стерляди, а также изслѣдовать неизслѣдованнаго паразита въ стерляжьей икрѣ, академикъ Ф. В. Овсянниковъ провелъ лѣто минувшаго года на Волгѣ, въ Симбирскѣ и Самарѣ.

Юго-восточная часть Петербургской губерніи была, по порученію Академіи, изслѣдована въ ботаническомъ отношеніи ученымъ хранителемъ нашего музея К. Ю. Мейнгаузеномъ, уже много лѣтъ занимающимся здѣшнею флорой и готовящимъ къ изданію обширное сочиненіе объ этомъ предметѣ.

Въ заключеніе упомянемъ, что нашъ знатокъ финскихъ нарѣчій, академикъ Ф. И. Видеманъ, посвятилъ лѣтніе мѣсяцы обоихъ послѣднихъ годовъ собиранію въ Прибалтійскомъ краѣ матеріаловъ, долженствующихъ пополнить собою запасъ наблюденій этого ученаго для граматическаго и лексикографическаго изученія эстскаго языка.

Обзоръ ученыхъ трудовъ, бывшихъ предметомъ чтенія въ засѣданіяхъ Академіи, начинаемъ отдѣломъ математики.

Нашъ многоуважаемый вице-президентъ, академикъ В. Я. Буняковскій, продолжалъ съ неослабною дѣятельностью разработывать различные любопытные вопросы, какъ въ видахъ обогащенія самой науки, такъ и для практическаго ея примѣненія къ потребностямъ жизни. Въ одной изъ своихъ записокъ [1]) нашъ ученый, пользуясь выведеннымъ имъ прежде новымъ выраженіемъ Лежандрова символа $\left(\frac{a}{b}\right)$, освободилъ опредѣляющую его формулу, въ одномъ довольно объемлющемъ случаѣ, отъ численной функціи, обыкновенно изображаемой буквою E, и такимъ образомъ получилъ возможность доказать нѣкоторыя новыя предложенія, относящіяся до означеннаго символа. Другая записка г. Буняковскаго [2]) предлагаетъ такой способъ для опредѣленія размѣра пожизненныхъ пенсій, при помощи котораго вычисленія этого рода значительно упрощаются, позволяя вмѣстѣ съ тѣмъ достигать достаточной степени приближенія. Продолжая свои занятія по усовершенствованію числительныхъ приборовъ, маститый геометръ сдѣлалъ новое улучшеніе въ изобрѣтенныхъ имъ лѣтъ десять

[1]) Чит. 21-го сентября 1876. *Bulletin*, XXII, 358.

[2]) Чит. 8-го ноября 1877. *Записки Акад.*

Библиотека "Руниверс"

тому назадъ самоспѣхъ, примѣненіе ихъ особенно къ опредѣленію среднихъ ариѳметическихъ величинъ [1]).

Академикъ П. Л. Чебышевъ сообщилъ намъ свои изслѣдованія о приближенныхъ выраженіяхъ линейныхъ относительно двухъ полиномовъ [2]).

Двѣ записки, читанныя академикомъ Е. И. Золотаревымъ, имѣли своимъ предметомъ — одна [3]) комплексныя числа, а другая [4]) — приложеніе эллиптическихъ функцій къ вопросамъ о функціяхъ, наиболѣе и наименѣе отклоняющихся отъ нуля. Въ послѣднемъ трудѣ предложено рѣшеніе нѣсколькихъ задачъ, составляющихъ новое приложеніе эллиптическихъ функцій въ алгебрѣ.

Сверхъ означенныхъ работъ, вниманіе математиковъ остановятъ на себѣ, изъ нашихъ изданій, замѣчательные труды нашего почтеннаго члена-корреспондента Миндинга о нѣкоторыхъ изопериметрическихъ задачахъ [5]), профессора Гельсингфорсскаго университета Болсдорфа о предложенномъ имъ рѣшеніи одной задачи, весьма важной въ теоріи кривыхъ 3-го порядка [6]), и о развитіи нѣкоторыхъ формулъ, при помощи которыхъ можно одни коэфиціенты бинарныхъ формъ выразить черезъ другіе [7]), и наконецъ, наблюдателя Дерптской астрономической обсерваторіи Баклунда, предложившаго, въ сообщенной имъ запискѣ, свой способъ для замѣны функціи, часто встрѣчающейся при вычисленіи возмущеній въ движеніяхъ планетъ и кометъ, сходящимся рядомъ отдѣльныхъ членовъ [8]).

По астрономіи академикъ О. В. Струве въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ занимался изданіемъ 40-лѣтнихъ своихъ микрометрическихъ измѣреній звѣздъ. Первая часть ихъ, обнимающая собою звѣзды, открытыя отцомъ г. Струве въ Дерптѣ и самимъ г. Струве въ Пулковѣ, почти ужъ окончена печатаніемъ. Наблюденія эти пріобрѣтутъ особенное значеніе для будущихъ вычисленій относительно движеній въ этихъ системахъ, по своей многочисленности и продолжительности, но въ особенности еще тѣмъ, что кромѣ наблюденій не-

[1]) Чит. 20-го апрѣля 1876. *Записки Акад.* XXVII, № 4.
[2]) Чит. 8-го марта 1877. *Записки Акад.* XXX, № 4.
[3]) Чит. 13-го сентября 1877. *Bull.* XXIV, 340.
[4]) Чит. 5-го апрѣля 1877. *Bull.* XXIV, 305 и *Записки Ак.* XXX, № 5.
[5]) Чит. 13-го сентября 1877. *Bull.* XXIV, 398.
[6]) Чит. 23-го августа 1877. *Bull.* XXIV, 409.
[7]) Чит. 23-го августа 1877. *Bull.* XXIV, 320.
[8]) Чит. 13-го сентября 1877. *Bull.* XXIV, 509.

Библиотека "Руниверс"

бесныхъ свѣтилъ, производились и наблюденія искусственныхъ звѣздъ. Помощью послѣднихъ г. Струве вывелъ систематическія погрѣшности своихъ измѣреній, и чрезъ то сообщилъ своимъ выводамъ большую степень точности. Ученому свѣту извѣстны изслѣдованія г. Струве о нѣкоторыхъ двойныхъ звѣздахъ. Къ изслѣдованіямъ этого рода прибавилось за отчетный періодъ разсужденіе о двойной звѣздѣ Σ.2120=Негсилія 210 [1]), въ которомъ авторъ доказываетъ, что многочисленныя наблюденія ея, произведенныя въ послѣднее полустолѣтіе, еще не могутъ окончательно рѣшить вопроса, физически ли связаны между собою составляющія ее двѣ звѣзды, или же только оптически кажутся соединенными. Кромѣ того, г. Струве сообщилъ Академіи главные выводы изъ своихъ изысканій о замѣчательной двойной звѣздѣ 61 Лебедя [2]). По изслѣдованію В. Я. Струве, относительное движеніе этой системы до 1852 г. еще можно было съ достаточною точностію представить прямою линіей, и заключеніе о физической связи обѣихъ звѣздъ могло быть основано, хотя и съ большою вѣроятностью, единственно на тожественности огромныхъ собственныхъ движеній обѣихъ звѣздъ. Наблюденія же послѣдняго 25-лѣтія, въ совокупности съ прежними, даютъ для этого движенія кривую, вогнутую къ сторонѣ общаго центра тяготѣнія, что несомнѣнно указываетъ на существованіе физической связи между обѣими свѣтилами.

Наблюденія надъ планетами продолжали занимать академика А. Н. Савича, который въ двухъ запискахъ изложилъ выводы изъ этихъ наблюденій [3]). Независимо отъ того, онъ предложилъ любителямъ практической астрономіи свои замѣчанія объ употребленіи пассажнаго инструмента въ вертикалѣ Полярной звѣзды [4]) и дополнилъ прежде изданную имъ статью о предварительномъ вычисленіи солнечныхъ затмѣній [5]).

Пулковскою обсерваторіей въ послѣдніе два года изданъ VII-й томъ ея наблюденій, заканчивающій собою 30-лѣтній рядъ произведенныхъ меридіаннымъ кругомъ обсерваторіи точныхъ наблюденій надъ Брадлеевыми звѣздами. Теперь приступлено къ обработкѣ этихъ

---

[1]) Чит. 13-го января 1876. *Bull.* XXI, 350.

[2]) Чит. 24-го февраля 1876. Напечатано въ *Memorie Римской Академіи dei Lyncei.*

[3]) Чит. 20-го апрѣля 1876, *Bull.*, XXII, 198, — и 8-го марта 1876. *Bull.* XXIII, 521.

[4]) Чит. 30-го ноября 1876. — *Записки Акад.* XXX, 1

[5]) Чит. 14-го декабря 1877. *Записки Акад.*

Библиотека "Руниверс"

наблюденій и къ составленію изъ нихъ окончательнаго каталога звездъ. Эта работа имѣетъ особенно важное значеніе въ настоящее время; когда предпринятое, по предложенію и при содѣйствіи обсерваторіи, нашимъ членомъ-корреспондентомъ г. Ауверсомъ новое приведеніе наблюденій самого Брадлея на столько окончено, что уже можно приступить къ печатанію этого труда [1]). Съ увѣренностью можно ожидать, что подобно тому какъ знаменитыя Fundamenta Astronomiae Бесселя, опиравшіяся на тѣхъ же наблюденіяхъ Брадлея, въ теченіе истекшаго полустолѣтія служили главнымъ основаніемъ звѣздной астрономіи, такъ точно, и даже еще болѣе, издаваемый Академіей трудъ г. Ауверса въ предстоящемъ столѣтіи будетъ служить исходною точкою всѣхъ изслѣдованій въ этой отрасли астрономіи.

Колоссальное предпріятіе опредѣленія всѣхъ звѣздъ сѣвернаго полушарія, до 9-й величины включительно, задуманное міждународнымъ астрономическимъ обществомъ при совокупномъ содѣйствіи 15 различныхъ обсерваторій, должно быть основано на фундаментальныхъ опредѣленіяхъ, произведенныхъ въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ въ Пулковѣ. Чтобы дать различнымъ наблюдателямъ возможность скорѣе приступить къ вычисленію ихъ наблюденій, гг. Вагнеръ и Нюренъ въ послѣднее двухлѣтіе посвятили себя приведенію этихъ фундаментальныхъ опредѣленій, и въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать появленія составляемаго ими новаго каталога такъ-называемыхъ Пулковскихъ главныхъ звѣздъ.—Въ связи съ этою работою находится записка г. Нюренъ о точкахъ равноденствія для 1865 г. [2]) Изъ нея видно, до какой степени тонкости доведено въ настоящее время искусство наблюденія: разности въ 3—4 сотыхъ доли секунды уже составляютъ для астронома предметъ заботъ и серьезныхъ разсужденій.

Адъюнктъ-астрономъ Пулковской обсерваторіи фонъ-Астенъ, какъ извѣстно, уже нѣсколько лѣтъ занятъ точнѣйшими изысканіями о движеніи кометы Энке. Въ послѣднее время онъ напечаталъ въ нашихъ изданіяхъ пространную записку о нынѣшнемъ положеніи этихъ изысканій. Особенно любопытно, что въ обращеніи кометы съ 1868 по 1871 годъ не представляется того ускоренія средняго движенія, которое обнаруживалось во всѣхъ предыдущихъ обращеніяхъ, какъ

[1]) Трудъ г. Ауверса представленъ Академіи въ засѣданіи 14-го декабря 1877 г. и будетъ напечатанъ въ видѣ особаго изданія, въ 3-хъ томахъ.

[2]) Чит. 30-го августа 2876. *Mém. de l'Acad.* XXIII, № 3.

Библиотека "Руниверс"

дѣйствіе, по мнѣнію Энке, сопротивляющейся среды, и которое снова проявляется, почти въ тѣхъ же размѣрахъ, въ двухъ слѣдовавшихъ затѣмъ обращеніяхъ. Теперь старанія г. фонъ-Астена преимущественно направлены къ объясненію этого странаго явленія [1]). Можно приписать его столкновенію кометы около 1868 года съ какою-либо еще неизвѣстною малою планетой или же, можетъ быть, дѣйствію въ нашей солнечной системѣ до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ силъ. Можно надѣяться, что дальнѣйшія изслѣдованія г. фонъ-Астена прольютъ новый свѣтъ на этотъ темный вопросъ.

Обработка матеріала, собраннаго русскими экспедиціями для наблюденія прохожденія Венеры въ 1874 году, поспѣшенно производится подъ руководствомъ В. К. Деллена. Предпринятое Академіей изданіе этихъ наблюденій будетъ состоять изъ двухъ частей: первая представитъ отчеты о наблюденіяхъ прикосновеній и другихъ телескопическихъ явленій, а также о географическихъ опредѣленіяхъ мѣстъ наблюденій; вторая же будетъ содержать въ себѣ родъ монографій по геліометрическимъ и геліографическимъ наблюденіямъ. Для первой части всѣ вычисленія уже окончены, за исключеніемъ лишь наблюденій покрытій звѣздъ, имѣющихъ второстепенное значеніе. Въ составъ второй части уже вошло сочиненіе адъюнкта-астронома Пулковской обсерваторіи г. Гессельберга, заключающее въ себѣ разработку фотогеліографическихъ снимковъ, полученныхъ имъ въ портѣ Посьетѣ [2]).

Изъ числа трудовъ по части геодезіи упомянемъ о сочиненіи Пулковскаго астронома Цингера, наложившаго въ немъ свои наблюденія надъ качаніями принадлежащаго Академіи поворотнаго маятника Репсольда [3]). Тщательныя изслѣдованія г. Цингера доказали, что всѣ наблюденія, произведенныя этимъ снарядомъ, какъ академикомъ Савичемъ, такъ и англійскими геодезистами въ Индіи и г. Стебницкимъ и самимъ г. Цингеромъ въ Пулковѣ, вполнѣ согласны между собою и отличаются большою точностью. Въ настоящее время этотъ снарядъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ онъ будетъ употребленъ для опредѣленія относительнаго притяженія земли въ этомъ краѣ, столь любопытномъ по своему геологическому строенію.

---

[1]) Записка объ этомъ предметѣ чит. 21-го сентября 1876 г.; *Bull.* XXII, 550.

[2]) Чит. 31-го мая 1877.

[3]) Чит. 14-го декабря 1876 г. *Зап. Акад.* XXIX, № 4.

Библиотека "Руниверс"

Изслѣдованіе атмосферныхъ явленій на обширномъ пространствѣ Россійской имперіи получило въ послѣдніе два года замѣчательное развитіе. Устроенное при главной физической обсерваторіи въ половинѣ 1876 года отдѣленіе морской метеорологіи положило прочное основаніе для правильнаго изученія законовъ атмосферныхъ движеній при неоцѣнимомъ пособіи, какое для этого представляютъ теперь телеграфы. Въ настоящее время, отдѣленіе ежедневно получаетъ телеграммы о погодѣ болѣе чѣмъ изъ 90 мѣстъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ, и пользуется этими данными для составленія метеорологическаго бюллетеня, для начертанія синоптическихъ картъ погоды и для посылки предостереженій о буряхъ въ порты Балтійскаго моря и на Ладожское озеро. Успѣхъ этого послѣдняго дѣла значительно увеличивается по мѣрѣ того, какъ означенныя карты даютъ возможность лучше и лучше изучать пути, по которымъ направляются бури по поверхности Россіи. Другое учрежденіе, долженствующее въ значительной мѣрѣ обогатить собою средства къ изученію климатологіи, а именно магнитная и метеорологическая обсерваторія въ Павловскѣ, окончена постройкою съ такою быстротой и осмотрительностью, что уже въ августѣ можно было приступить тамъ къ наблюденіямъ метеорологическимъ, а съ половины текущаго мѣсяца уже начаты всѣ предназначенныя нормальныя наблюденія.

Обработка метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, продолжалась на главной физической обсерваторіи съ прежнимъ успѣхомъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, по части повѣрочныхъ наблюденій, изданы три тома Лѣтописей обсерваторіи, содержащіе въ себѣ наблюденія за 1874, 1875 и 1876 годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ шла разработка всего запаса термометрическихъ наблюденій, произведенныхъ когда-либо въ Россіи. Этотъ обширный трудъ, котораго уже готова первая часть [1]), посвященная суточному ходу температуры, появится въ Метеорологическомъ Сборникѣ, издаваемомъ Академіей въ смыслѣ центральнаго органа всего того, что дѣлается по метеорологіи въ нашемъ отечествѣ. Въ этомъ же сборникѣ нашли себѣ мѣсто изслѣдованія: г. Рыкачева—о третьемъ максимумѣ суточныхъ показаній барометра зимою въ умѣренномъ поясѣ [2]); г. Ф. Миллера—о магнитномъ наклоненіи въ Петер-

[1]) Представлена 23-го августа 1877 г. *Метеор. Сборн.*

[2]) Чит. 3-го мая 1877 г. *Bulletin* XXIV, 168.

Библиотека "Руниверс"

бургѣ въ 1863 и 1864 гг. [1]); г. Штелинга—объ испареніи въ Тифлисѣ [2]); г. Фрелиха—о небесной теплотѣ, о температурѣ небеснаго пространства и о средней температурѣ атмосферы [3]); барона А. Врангеля—о причинѣ происхожденія боры въ Новороссійскѣ [4]); г. Фритше—о магнитномъ наклоненіи въ Пекинѣ [5]), о наблюденіяхъ во время плаванія изъ Петербурга въ Китай и о климатѣ Пекина [6]). Сверхъ того, г. Фритше обработалъ для амурскаго путешествія академика Шренка всю метеорологическую часть, представляющую собою монографическое обозрѣніе климата вообще Восточной Сибири [7]). Рядомъ съ ученою обработкою наблюденій, заботы главной физической обсерваторіи были направлены къ увеличенію числа метеорологическихъ станцій въ Россіи и къ тому, чтобы наблюденія на этихъ станціяхъ производились сколь возможно правильнѣе. Съ этою цѣлью, по распоряженію обсерваторіи, были сдѣланы объѣзды станцій въ Сибири г. Фритше, по берегу Чернаго моря—г. Рыкачевымъ и на Ладожскомъ озерѣ—г. Дорандтомъ. Въ то же время наши физики приложили старанія объ усовершенствованіи снарядовъ и способовъ для производства метеорологическихъ наблюденій. Къ этому разряду трудовъ относятся три записки г. Вильда, изъ которыхъ одна имѣетъ предметомъ устраненіе погрѣшности барографа, зависящей отъ волосности [8]), другая—нормальные барометры и ихъ сравненіе [9]), а третья—нынѣшнее состояніе анемометріи и повѣрку анемометровъ [10]). Г. Тиссеранъ предложилъ теорію Робинсонова анемометра съ чашечками [11]), а г. Дорандтъ вычислилъ постоянныя величины для того же прибора испытаннаго на открытомъ воздухѣ [12]). Наконецъ сюда же относится опытъ профессора А. фонъ-Эттингена устроить анемографъ,

[1]) Чит. 17-го августа 1876. *Метеор. Сборн.*
[2]) Чит. 21-го сентября 1876. *Метеор. Сборн.*
[3]) Чит. 30-го ноября 1876. *Метеор. Сборн.*
[4]) Чит. 10-го февраля 1876. *Метеор. Сборн.*
[5]) Чит. 23-го марта 1876. *Метеор. Сборн.*
[6]) Чит. 17-го августа 1876. *Метеор. Сборн.*
[7]) Чит. 9-го марта 1876 и 19-го апрѣля 1877.
[8]) Чит. 8-го марта 1877 *Bulletin* XXIII, 492.
[9]) Чит. 16-го ноября 1876. *Bulletin* XXIII, 86.
[10]) Чит. 30-го ноября 1876. *Bulletin* XXIII, 139
[11]) Чит. 30-го ноября 1876. *Метеор. Сборн.*
[12]) Чит. 30-го ноября 1876, *Bulletin* XXIII, 159.

Библиотека "Руниверс"

для непосредственнаго графическаго изображенія составныхъ силъ вѣтра [1]).

Обращаясь къ трудамъ по прочимъ отдѣламъ физики, упомянемъ, что г. Вильдъ сообщилъ намъ продолженіе своихъ наблюденій надъ разсѣянными небеснымъ свѣтомъ, произведенныхъ помощью особаго, устроеннаго имъ для этой цѣли, спектра [2]), а также результаты своихъ изслѣдованій относительно магнитнаго дѣйствія желѣза [3]). Изготовленіе новыхъ прототиповъ мѣръ и вѣсовъ на основаніи Парижской международной конвенціи, предпринятое для достиженія въ этомъ трудномъ дѣлѣ возможныхъ въ настоящее время точности и совершенства, возбудило многіе вопросы науки, которые должны были остановить на себѣ внимательность ученыхъ. Принимая самое живое участіе въ преобразованіи прототиповъ мѣръ и вѣсовъ, г. Вильдъ произвелъ цѣлый рядъ метрологическихъ изслѣдованій и изложилъ ихъ въ особомъ разсужденіи, напечатанномъ въ нашихъ Мемуарахъ [4]).

Извѣстный въ физикѣ, такъ называемый законъ Кирхгофа относительно распредѣленія тока былъ доказанъ экспериментальнымъ путемъ только для твердыхъ проводниковъ. Нашъ членъ-корреспондентъ, профессоръ Р. Э. Ленцъ, произведя рядъ опытовъ, доказалъ допускавшуюся до сихъ поръ только гипотетически приложимость этого закона и къ жидкимъ проводникамъ [5]). Тому же ученому обязаны мы изысканіями надъ вліяніемъ температуры на электрическое сопротивленіе Сименсовой нейзильберной проволоки [6]) и надъ электрическимъ сопротивленіемъ галоидныхъ солей [7]). Другой членъ-корреспондентъ Академіи, профессоръ Авенаріусъ, сообщилъ намъ свои изслѣдованія о причинахъ, обусловливающихъ собою критическую температуру [8]). Наконецъ, молодому физику г. Хвольсону принадлежитъ въ нашихъ изданіяхъ статья о дѣйствіи накаливанія на гальваническое сопротивленіе твердыхъ проволокъ [9]) и описаніе опытовъ,

---

[1]) Чит. 21-го сентября 1876. *Метеор. Сборн.*
[2]) Чит. 11-го января 1877. *Bulletin* XXIII, 290.
[3]) Чит. 3-го мая 1877. *Bulletin* XXIV, 1.
[4]) Чит. 9-го марта 1876. *Mém. de l'Acad.* XXIII, № 8.
[5]) Чит. 5-го октября 1876. *Bulletin* XXII, 440.
[6]) Чит. 19-го апрѣля 1877. *Bulletin* XXIII, 565.
[7]) Чит. 30-го ноября 1876. *Bulletin* XXIII, 250.
[8]) Чит. 31 го августа 1876. *Bulletin* XXII, 378.
[9]) Чит. 8-го февраля 1877. *Bulletin* XXIII, 465.

Библиотека "Руниверс"

произведеннымъ имъ въ нашемъ физическомъ кабинетѣ надъ ртутнымъ реостатомъ, построеннымъ по идеѣ покойнаго академика В. С. Якоби [1]).

Въ числѣ трудовъ, печатаемыхъ въ нашихъ Мемуарахъ и Бюллетенѣ, съ каждымъ годомъ является все большее и большее число работъ русскихъ химиковъ, которые пользуются этими изданіями для доведенія своихъ изслѣдованій и опытовъ до свѣдѣнія иностраннаго ученаго міра. Такъ и за два послѣдніе года, мы можемъ указать на цѣлый рядъ подобныхъ трудовъ. Сюда прежде всего относятся работы академика Н. Н. Зинина объ изопеленденѣ [2]) и объ анаровой кислотѣ и ея гомологахъ [3]), академика А. М. Бутлерова объ изодибутиленѣ [4]). Нашъ членъ-корреспондентъ И. М. Сѣченовъ изслѣдовалъ поглощеніе углекислыми сѣрною кислотой и ея смѣсями съ водою [5]). Профессору одѣсскаго университета Н. А. Меншуткину принадлежатъ четыре записки: 1) о составѣ діалуровислыхъ солей [6]), 2) о тартронаминовой кислотѣ [7]), 3) объ этил- и метилсуцинимидѣ [8]) и 4) о вліяніи изомеріи алкоголей и кислотъ на образованіе сложныхъ эфировъ [9]). Г. Вышнеградскій, въ представленномъ имъ разсужденіи, доказалъ, что въ амиленѣ и амильномъ спиртѣ броженія, которые до сихъ поръ были у химиковъ подъ руками, представляютъ собою смѣси, а также разъяснилъ въ значительной степени натуру этихъ смѣсей [10]). Результаты этихъ изслѣдованій должны повести къ пересмотру многихъ прежде собранныхъ данныхъ, относящихся къ амиленамъ и амильному спирту броженія.

Наконецъ, академиками Зининымъ и Бутлеровымъ представлены Академіи, для помѣщенія въ ея изданіяхъ, работы другихъ лицъ: г. Вагнера—о дѣйствіи цинкэтила на уксусный альдегидъ [11]), г. Виноградова—о дѣйствіи бромистаго бромаллетила на цинкэтилъ и цин-

[1]) Чит. 21-го іюня 1876. *Bulletin* XXII, 409.
[2]) Чит. 19-го октября 1876. *Bulletin* XXIII, 79.
[3]) Чит. 31-го мая 1877. *Bulletin* XXIV, 146.
[4]) Чит. 5-го октября 1876. *Mém. de l'Acad.* XXIII, № 1.
[5]) Чит. 24-го февраля 1876. *Bulletin* XXII, 102.
[6]) Чит. 24-го февраля 1876. *Bulletin* XXI, 519.
[7]) Чит. 24-го февраля 1876. *Bulletin* XXII, 138.
[8]) Чит. 24-го февраля 1876. *Bulletin* XXII, 145.
[9]) Чит. 27-го сентября 1877. *Mém. de l'Acad.* XXV, № 5.
[10]) Чит. 5-го апрѣля 1877. *Mém. de l'Acad.* XXIV, № 6.
[11]) Чит. 27-го января 1876. *Bulletin* XXI, 366.

Библиотека "Руниверс"

катилъ [1]), г. Жданова—о діэтилэтилгликолевой кислотѣ, новомъ членѣ кислотъ этиленовой [2]), г. Павлова—о дѣйствіи кислотныхъ хлоргидратовъ на цинкорганическія соединенія [3]), и г. Лавриновича—о пинаконѣ и пинаколинѣ, получаемыхъ изъ этил-ацетилацетона [4]).

По части минералогіи, и въ особенности кристаллографіи, наши изданія удостоились принять на свои страницы новые ученые труды нашего августѣйшаго почетнаго члена Его Императорскаго Высочества герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго—о микроскопическихъ свойствахъ зеленаго авантюрина изъ Индіи, и лейхтенбергита въ чистомъ видѣ и въ метаморфическомъ состояніи [5]).

Неясность и запутанность, которыя до сего времени встрѣчались въ наукѣ относительно кристаллизаціи слюды, побудили академика Н. И. Кокшарова подвергнуть внимательному пересмотру всѣ мнѣнія ученыхъ по этому предмету, высказанныя въ послѣднія 60 лѣтъ, со времени появленія знаменитыхъ работъ Брюстера и Біо объ этомъ древнѣйшемъ и наиболѣе распространенномъ минералѣ, а также произвести длинный рядъ кристаллографическихъ измѣреній надъ большимъ числомъ образцовъ слюды изъ весьма различныхъ мѣстъ нахожденія. Результаты этихъ изслѣдованій помѣщены въ обширной запискѣ, вошедшей въ составъ нашихъ Мемуаровъ [6]). Кромѣ того, нашъ уважаемый минералогъ изслѣдовалъ, въ кристаллографическомъ отношеніи, красносвинцовую руду [7]), вальуевитъ [8]) и перовскитъ [9]). Кристаллическія формы ильменорутила были предметомъ изслѣдованія нашего члена-корреспондента П. В. Еремѣева [10]). Другой корреспондентъ нашъ, знаменитый французскій ученый Дамуръ, сообщилъ намъ анализъ фатіагофата, сдѣланный имъ надъ образцомъ, привезеннымъ изъ окрестностей Байкальскаго озера [11]).

Геологія Сибири, еще столь мало разработанная, получила цѣнный

---

[1]) Чит. 3-го мая 1877. *Bulletin* XXIV, 11.
[2]) Чит. 20-го апрѣля 1876. *Bulletin* XXIII, 140.
[3]) Чит. 2-го ноября 1876. *Bulletin* XXII, 497.
[4]) Чит. 2-го ноября 1876. *Bulletin* XXII, 488.
[5]) Чит. 23-го марта 1876. *Bulletin* XXI, 509 и 512.
[6]) Чит. 17-го мая 1877. *Mém. de l'Acad.* XXIV, № 9.
[7]) Чит. 8-го марта 1877. *Mém. de l'Acad.* XXIV, № 5.
[8]) Чит. 23-го августа 1877. *Mém. de l'Acad.* XXV, № 1.
[9]) Чит. 23-го августа 1877. *Bulletin* XXIV, 300.
[10]) Чит. 25-го октября 1877. *Bulletin*.
[11]) Чит. 8-го февраля. 1877. *Bulletin* XXIII, 163.

Библиотека "Руниверс"

вкладъ въ трудѣ г. Комлина, о ледяныхъ слояхъ въ Восточной части этого края [1]). Въ этомъ трудѣ, замѣчательномъ по богатству наблюденій автора, ледъ разсматривается какъ геологическая порода, и сообщаются изслѣдованія, сдѣланныя г. Комлинымъ на берегахъ острова Сахалина, въ золотыхъ пріискахъ Витимской системы и въ новѣйшихъ отложеніяхъ низовьевъ Енисея. Эти изслѣдованія могутъ послужить къ объясненію нѣкоторыхъ фактовъ, встрѣчающихся при изученіи явленій ледниковаго періода.

Семёновъ, возникшій относительно вопроса о вулканахъ Центральной Азіи, считавшагося послѣ трудовъ Гумбольдта почти рѣшеннымъ, послужили для г. Мушкетова поводомъ заняться этимъ вопросомъ. На основаніи какъ своихъ непосредственныхъ наблюденій, такъ и мѣстныхъ распросовъ и изученія геологическихъ коллекцій, привезенныхъ изъ Средней Азіи, онъ пришелъ къ заключенію, что многія мѣстности этого края, предполагавшіяся вулканическими, не могутъ считаться таковыми [2]).

Геологія другаго интереснаго края Россіи—Кавказа, продолжаетъ питать пытливость и остроуміе почетнаго члена Академіи Г. В. Абиха, поставившаго себѣ задачею живое изученіе своеобразнаго характера земной коры этого края. На нынѣшній разъ, онъ подѣлился съ ученымъ міромъ своими изысканіями о минеральныхъ веществахъ, содержащихъ въ себѣ парафинъ, на Апшеронскомъ полуостровѣ [3]), и разсужденіемъ о геологическомъ возрастѣ нѣкоторыхъ угольныхъ песчаниковъ на сѣверномъ Кавказѣ и о встрѣчающейся въ нихъ натуральной селитрѣ въ долинѣ Кубани [4]). Особенно же любопытно по своимъ выводамъ не только для геологіи, но и для мѣстной климатологіи, его сочиненіе о предѣлахъ вѣчнаго снѣга и о нынѣшнихъ ледникахъ Кавказскихъ горъ [5]).

Подобнымъ же образомъ, столь же живой геологическій и вмѣстѣ съ тѣмъ климатологическій интересъ представляютъ изслѣдованія профессора К. Г. Шмидта и г. Дорандта о количествѣ воды и содержащагося въ ней ила въ низовьяхъ Аму-Дарьи [6]). Точныя наблюденія, произведенныя по этому предмету, въ связи съ выводами о силѣ испаренія воды

[1]) Чит. 18-го мая 1876. *Записки Акад.* XXIX, № 1.
[2]) Чит. 5-го октября 1876. *Bulletin*, XXIII, 70.
[3]) Чит. 10-го февраля 1876. *Bulletin*, XXI, 493.
[4]) Чит. 23-го марта 1876. *Bulletin*, XXII, 148.
[5]) Чит. 31-го мая 1877. *Bulletin*, XXIV, 258.
[6]) Чит. 23-го августа 1877. *Mém. de l'Acad.* XXV, № 3.

Библиотека "Руниверс"

и о количествѣ атмосферныхъ осадковъ въ тѣхъ мѣстахъ, позволили вывести съ большою степенью вѣроятности то заключеніе, что уровень Аральскаго моря понижается и въ настоящее время.

Начатый нѣсколько лѣтъ тому назадъ на нашихъ изданіяхъ рядъ статей дерптскаго профессора К. Г. Шмидта закончены теперь помѣщеніемъ двухъ записокъ, въ которыхъ представленъ химическій анализъ водъ изъ различныхъ водоемовъ, какъ русскихъ, такъ и многихъ другихъ [1]).

Академикъ Р. Н. Гельмерсенъ, изслѣдовавъ мѣсторожденія янтаря по Балтійскому прибрежью, представилъ въ особой запискѣ описаніе такихъ мѣсторожденій въ Курляндіи, приводящее къ тому выводу, что отъ поисковъ янтаря въ этой губерніи можно ожидать большаго успѣха [2]).

Прежде чѣмъ разстаться съ областью геологіи, мы должны упомянуть о двухъ запискахъ, которымъ имя автора придаетъ особый интересъ. Это—почти послѣдніе въ жизни литературные труды знаменитаго К. М. Бэра, разсмотрѣвшаго вопросъ о томъ, справедливо ли сравненіе Каспійскаго моря съ ледникомъ [3]), и сообщившаго нѣсколько дополнительныхъ соображеній о вліяніи суточнаго обращенія земли на образованіе русла рѣкъ [4]).

Вслѣдствіе ученыхъ экспедицій, снаряжавшихся въ разное время въ Восточную Сибирь, въ музеяхъ Академіи образовался богатый, единственный въ своемъ родѣ запасъ палеонтологическихъ матеріаловъ для изученія растительности этого края въ отдаленнѣйшія эпохи существованія земного шара. Заботясь объ извлеченіи изъ этого запаса возможно большихъ пріобрѣтеній для науки, Академія съ искреннимъ удовольствіемъ воспользовалась заявленнымъ ей желаніемъ нашего члена-корреспондента, профессора Цюрихскаго университета Геера, извѣстнаго знатока ископаемой флоры, занятыя обработкой означенныхъ матеріаловъ. Плодомъ этихъ занятій были три обширныя сочиненія, изъ которыхъ одно—о юрской флорѣ Иркутской губерніи и Амурскаго края [5]), появилось въ свѣтъ еще въ 1876 году и признано спеціалистами за самое полное и обстоятельное изъ всѣхъ сочиненій, какія были изданы о юрской флорѣ вообще. Другое сочине-

[1]) Чит. 3-го мая и 23-го августа 1877. *Bulletin*, XXIV 177 и 419.
[2]) Чит. 16-го ноября 1876.
[3]) Чит. 10-го февраля 1876. *Bulletin*, XXI, 289.
[4]) Чит. 24-го февраля 1876. *Bulletin*, XXI, 426.
[5]) Чит. 23-го марта 1876. *Mém. de l'Acad.* XXII № 12.

Библиотека "Руниверс"

ніе, оповѣщенное печатаніемъ въ 1877 году [1]), въ особенности важно по описанію юрскихъ растеній съ устья Лены, доказывающихъ связь между юрскою флорою острова Шмидтбергена и такою же флорою Иркутской губерніи и Амурскаго края. Наконецъ, третье сочиненіе нашего почтеннаго члена-корреспондента, лишь недавно предоставленное Академіи [2]), имѣетъ своимъ предметомъ третичную флору острова Сахалина, обработанную по коллекціямъ, которыя были собраны въ 1861 и 1862 гг. академикомъ Ѳ. Б. Шмидтомъ и г. Глѣнскимъ. Изъ 74-хъ описанныхъ здѣсь видовъ растеній 31—совершенно новы для науки; изъ растеній же, бывшихъ извѣстными еще прежде, значительная часть оказывается тожественною съ третичными растеніями Аляски, фактъ, дающій новый матеріалъ къ тому, что въ началѣ третичнаго періода не существовало Берингова моря, и Америка была соединена съ Азіей широкимъ перешейкомъ. При взглядѣ на современное распредѣленіе растеній весьма поразительнымъ представляется тотъ фактъ, что флора Восточной Азіи имѣетъ больше сходства съ флорою восточной части Сѣверной Америки, чѣмъ съ флорою западной ея части. Изслѣдованіе третичныхъ растеній доказало, что въ прежнее время одна и та же флора простиралась отъ Восточной Азіи чрезъ всю Сѣверную Америку; но вслѣдствіе погруженія материка и образованія на его мѣстѣ Берингова моря климатическія свойства западныхъ береговъ Америки измѣнились, вслѣдствіе чего флора этихъ береговъ получила иной характеръ.

Другая часть собранныхъ въ нашемъ музеѣ матеріаловъ по ископаемой флорѣ Сибири была передана для обработки И. Ѳ. Шмальгаузену, который уже и окончилъ описаніе растеній нижняго яруса каменноугольной формаціи Минусинскаго округа [3]), а нынѣ занятъ изслѣдованіемъ юрскихъ растеній съ береговъ Нижней Тунгуски.

Въ заключеніе обзора работъ по палеонтологіи, укажемъ на обширный трудъ профессора горнаго института В. И. Меллера о спирально свернутыхъ корнеотрасляхъ каменноугольнаго известника [4]), и на составленную А. фонъ-деръ-Паленомъ полную монографію балтійско-силурійскихъ видовъ рода плечеротихъ Orthisina, весьма харак-

---

[1]) Чит. 23-го августа 1877. *Mém. de l'Acad.*

[2]) Чит. 14-го декабря 1877, будетъ напечатано въ *Мемуарахъ* Академіи.

[3]) Чит. 9-го марта 1876. *Bulletin*, XXII. 277, и *Записки Акад.* XXVII. 133.

[4]) Чит. 3-го мая 1877, печатается въ *Мемуарахъ* Академіи.

Библиотека "Руниверс"

тернаго для нижне-силурійскихъ пластовъ С.-Петербургской и Эстляндской губерній [1]).

По ботаникѣ отдѣлъ систематики получилъ приращеніе въ сдѣланныхъ академикомъ К. И. Максимовичемъ опредѣленіяхъ новыхъ растеній, свойственныхъ Японіи и Манджуріи и вообще Азіатскому материку [2]), а также въ мемуарѣ г. Гоби о красныхъ водорослях Финскаго залива [3]). Физіологія растеній обогатилась изслѣдованіями гг. А. Фаминцына объ образованіи почекъ у хвоща [4]), Л. Ценковскаго—о морфологіи Улотрихей [5]) и Бактерій [6]), г. Шмальгаузена—о млечныхъ сосудахъ растеній [7]), и г. Бабикова — о развитіи цефалодій на слоевищѣ Peltigera aphtosa [8]).

Неизчерпаемымъ предметомъ изслѣдованій для нашихъ зоологовъ служили и по сію пору служатъ остатки огромныхъ допотопныхъ животныхъ, заселявшихъ въ началѣ потретичнаго періода сѣверъ Стараго Свѣта и преимущественно Сибирь; мы разумѣемъ мамонтовъ, допотопныхъ носороговъ и пр. Изслѣдованію ихъ въ послѣднее двухлѣтіе было посвящено два труда: академикъ Брандтъ, желая точнѣе опредѣлить мѣсто, занимаемое въ системѣ сибирскимъ носорогомъ, подвергнулъ подробному критическому разбору все семейство носороговъ, какъ нынѣ живущихъ, такъ и вымершихъ [9]). Съ другой стороны, г. Шмальгаузенъ, для рѣшенія вопроса, чѣмъ питался живши нѣкогда въ Сибири носорогъ, произвелъ рядъ изысканій надъ веществами, выдѣленными изъ зубовъ этого животнаго, вслѣдствіе чего подтвердилось и подробнѣе выяснилось уже прежде высказанное положеніе, что въ пищу служили ему растенія и преимущественно древесныя породы, еще и нынѣ водящіяся въ Сибири [10]). Далѣе, къ спеціальнымъ трудамъ по фаунѣ Россіи принадлежитъ статья одного

---

[1]) Чит. 22-го февраля 1877. *Mém. de l'Acad.* XXIV, № 8.

[2]) Чит. 20-го апрѣля и 2-го ноября 1876 и 19-го апрѣля 1877. *Bulletin*, XXII, 209; XXIII, 305 и XXIV, 26.

[3]) Чит. 5-го апрѣля 1877. *Mém. de l'Acad.*, XXIV. № 7.

[4]) Чит. 20-го апрѣля 1876. *Bulletin*, XXII, 194.

[5]) Чит. 23-го марта 1876. *Bulletin*, XXI, 529.

[6]) Чит. 17-го мая 1877. *Mém. de l'Acad.*, XXV, № 2.

[7]) Чит. 25-го января 1877. *Mém. de l'Acad.*, XXIV, № 2.

[8]) Чит. 22 го ноября 1877; будетъ напечатано въ *Запискахъ Академіи* и въ *Бюллетенѣ*.

[9]) Чит. 17-го мая 1877 г.; печатается въ *Мемуарахъ* Акад.; см. также *Bulletin*, XXIV, 167.

[10]) Чит. 9-го марта 1876. *Bulletin*, XXII, 291.

Библиотека "Руниверс"

изъ хранителей зоологическаго музея Академіи, г. Вольдштедта, объ ихнемонидахъ окрестностей Петербурга [1]), замѣчательная особенно и потому, что знакомитъ насъ съ отдѣломъ животныхъ, который, несмотря на большое у насъ число любителей энтомологіи, до сихъ поръ оставался почти въ полномъ пренебреженіи. Въ другой статьѣ г. Вольдштедтъ разсматриваетъ тотъ же отдѣлъ насѣкомыхъ по богатой коллекціи, составленной въ Силезіи [2]). Говоря о трудахъ по фаунѣ Россіи, замѣтимъ впрочемъ, что съ расширеніемъ въ послѣднее двадцатилѣтіе нашихъ азіатскихъ владѣній, и фауна Россіи пріобрѣла объемъ значительно большій противъ прежняго. Такъ, на крайнемъ востокѣ, съ тѣхъ поръ какъ въ составъ Россіи поступило длинное побережье по Японскому морю, чуждыя намъ прежде моря Желтое и Китайское стали для насъ морями пограничными и сосѣдними, а вмѣстѣ съ тѣмъ и фауна ихъ получила для насъ болѣе живой интересъ. Академія потому охотно дала въ своихъ изданіяхъ мѣсто обширному труду о морскихъ кольчатыхъ животныхъ Филиппинскихъ острововъ, составленному лучшимъ въ настоящее время знатокомъ этого отдѣла животныхъ, нашимъ членомъ-кореспондентомъ, профессоромъ Грубе въ Бреславлѣ [3]).

Не меньшимъ разнообразіемъ отличаются помѣщенные за послѣднее двухлѣтіе въ изданіяхъ Академіи труды по части анатоміи, гистологіи и физіологіи животныхъ и человѣка. Такъ, профессоръ Казанскаго университета Догіель, въ мемуарѣ своемъ объ анатоміи и физіологіи сердца личинки Coretrha plumicornis [4]), составилъ полное во всѣхъ отношеніяхъ описаніе строенія этого органа и пояснилъ вліяніе на него разныхъ физіологическихъ условій и ядовъ. Академикъ Овсянниковъ сообщилъ результаты произведенныхъ имъ, вмѣстѣ съ г. Анфимовымъ, опытовъ надъ нервами, съуживающими и расширяющими кровеносные сосуды [5]). Хранитель анатомическаго музея Академіи, г. Великій, сдѣлавъ рядъ опытовъ надъ кроликами и кошками, подвергнутыми дѣйствію яда кураре, вывелъ изъ нихъ заключенія о вліяніи депрессорнаго нерва на количество лимфы [6]). Другой трудъ посвященъ изслѣдованіямъ, которыя г. Великій произвелъ вмѣ-

[1]) Чит. 25-го января 1877. *Bulletin*, XXIII, 432.

[2]) Чит. 21-го сентября 1876. *Bulletin*, XXII. 390.

[3]) Чит. 11-го января 1877, печатается *Мемуарахъ* Академіи.

[4]) Чит. 23-го марта 1876. *Mém de l'Acad.*, XXIV, № 10.

[5]) Чит. 5-го апрѣля 1877 г.

[6]) Чит. 5-го апрѣля 1877. *Bulletin*, XXIII, 524.

Библиотека "Руниверс"

стѣ съ г. Истоминымъ надъ депрессорными и ускоряющими центрами спиннаго мозга [1]). Весьма значительный научный интересъ представляютъ статьи профессора Дерптскаго университета Ветхера—объ открытомъ имъ новомъ способѣ изслѣдованія красныхъ кровяныхъ шариковъ [2]) и о сдѣланныхъ съ его помощью изысканіяхъ надъ этими гистологическими элементами у человѣка и у верблюда [3]); авторъ доказываетъ именно присутствіе въ означенныхъ шарикахъ ядра, которое гистологи въ послѣднее время отвергали. Здѣсь же мѣсто указать на интересный трудъ нашего члена-кореспондента Г. В. Струве объ осмотическихъ явленіяхъ, производимыхъ дѣйствіемъ эѳира въ растительныхъ и животныхъ клѣточкахъ [4]). Наконецъ, упомянемъ, что и въ истекшее двухлѣтіе нашъ членъ-кореспондентъ, неутомимый анатомъ профессоръ Груберъ, пользуясь поступающимъ къ нему обильнымъ матеріаломъ, обогатилъ науку тремя обширными монографіями, изъ которыхъ одна имѣетъ своимъ предметомъ зернообразное тѣльце и добавочныя мышцы боковыхъ подъязычнощитовидныхъ связокъ [5]), другая—образованіе нижнеглазничнаго края безъ участія верхне-челюстной кости [6]), а третья — двойную первую клиновидную пяточную кость у человѣка [7]).

Отъ физико-математическихъ наукъ переходимъ къ исторіи и филологіи.

Академикъ О. Н. Ветлингъ, едва окончивъ свой монументальный двадцатитрехлѣтній трудъ, навсегда связавшій его имя съ санскритскою лексикографіей, тотчасъ же приступилъ къ новой работѣ, столько же обширной, сколько и важной, а именно—къ приготовленію пространной санскритской хрестоматіи и слѣдующаго къ ней словаря. Хрестоматія, составляющая собственно второе, совершенно переработанное изданіе прежней хрестоматіи г. Ветлинга, уже вышла въ свѣтъ [8]); она представляетъ собою, какъ по значительности объема, такъ и по разнообразію содержанія, драгоцѣнное пособіе для занимающихся

[1]) Чит. 22-го февраля 1877. *Bulletin*, XXIII, 460.

[2]) Чит. 11-го января 1877. *Bulletin*, XXIII, 286.

[3]) Чит. 23-го марта 1876. *Mém. de l'Acad.*, XXII, № 11.

[4]) Чит. 5-го октября 1876. *Bulletin*, XXII, 533.

[5]) Чит. 20-го апрѣля 1876. *Mém. de l'Acad.*, XXIII, № 2.

[6]) Чит. 8-го февраля 1877. *Mém. de l'Acad.* XXIV, № 3.

[7]) Чит. 3-го мая 1877. *Mém. de l'Acad.*, XXII, № 11.

[8]) Предст. 20-го января 1876. Напечатана особою книгою, подъ заглавіемъ. Sanskrit-Chrestomathie, von *Otto Böthlingk*. Zweite gänzlich umgearbeitete Auflage: 1877.

Библиотека "Руниверс"

изученіемъ санскрита. Польза этого изданія еще увеличится, когда выйдетъ въ свѣтъ печатаемый нынѣ ручной словарь, назначенный служить дополненіемъ къ большому словарю г. Бетлинга и вмѣстѣ съ тѣмъ пособіемъ, болѣе доступнымъ для учащихся, чѣмъ это дорогое семитомное изданіе. Кромѣ того, тотъ же академикъ напечаталъ дополненіе ко второму изданію своихъ „Индѣйскихъ изрѣченій“ [1]) и сдѣлалъ переводъ одной изъ древнѣйшихъ и труднѣйшихъ для истолкованія индѣйскихъ драмъ, приписываемой царю Судракѣ, подъ заглавіемъ: „Мрдчакатика или глиняная тележка“ [2]). Къ этому переводу присоединено множество критическихъ примѣчаній и поправокъ санскритскаго текста. Изъ прочихъ трудовъ г. Бетлинга укажемъ на записку о правописаніи въ якутскомъ языкѣ [3]) и на замѣчанія о древне-славянскихъ корняхъ со слогообразовательными *р* и *л* [4]); эти замѣчанія были вызваны выходомъ въ свѣтъ 2-го тома Сравнительной грамматики славянскихъ языковъ знаменитаго вѣнскаго слависта Миклошича, со взглядами котораго нашъ сочленъ не считаетъ возможнымъ согласиться.

Другой нашъ лингвистъ, академикъ А. А. Шифнеръ, продолжая свои занятія по изученію древне-индѣйскаго быта, преимущественно на основаніи буддійскихъ источниковъ въ тибетскомъ переводѣ, издалъ цѣлый рядъ индійскихъ разказовъ, переведенныхъ по тибетскому тексту Канджура [5]). Эти тексты чрезвычайно разнообразны и относятся отчасти къ весьма древнимъ разказамъ, извѣстнымъ изъ Дзангглуна, Панчатантры, Гитопадесы и другихъ сборниковъ. Главнѣйшій интересъ они представляютъ по встрѣчающимся въ нихъ даннымъ для сравненія съ разказами, бывшими въ ходу у древнихъ Грековъ и Римлянъ, а затѣмъ въ средніе вѣка у разныхъ народовъ Европы. Независимо отъ того, продолжая свои занятія надъ граматическими особенностями тибетскаго языка, г. Шифнеръ напечаталъ разсужденіе объ обозначеніяхъ множественнаго числа въ этомъ языкѣ, при чемъ

---

[1]) Чит. 21-го декабря 1876. *Bulletin*, XXIII, 401.

[2]) Предст. 12-го апрѣля 1877. Напечатана особою книгою, подъ заглавіемъ. Mrkkakatika, d. i. das irdene Wägelchen, ein dem König Cûdraca zugeschriebenes Schauspiel, übersetzt von *Otto Böhtlingk*. St-Petersb. 1877.

[3]) Чит. 17-го февраля 1876. *Bulletin*, XXI, 512.

[4]) Чит. 25-го мая 1876. *Bulletin*, XXII, 312.

[5]) Чит. 17-го февраля, 27-го апрѣля и 12-го октября 1876 и 15-го марта 1877 года. *Bulletin*, XXI, 433; XXII, 123; XXIII, 1 и 529.

Библиотека "Руниверс"

обратилъ особенное вниманіе на разныя формы множественнаго числа, встрѣчающіяся въ стихахъ [1]).

Изданіе лингвистическихъ трудовъ Кастрена побудило г. Шифнера, въ свое время, заняться изученіемъ, въ числѣ другихъ сибирскихъ нарѣчій, также и тунгузскимъ. Въ настоящее время онъ обработалъ лексикографическіе матеріалы, собранные А. Л. Чекановскимъ у Кондогирскихъ Тунгузовъ [2]). При этомъ нашъ сочленъ воспользовался случаемъ указать на разныя словообразованія, свойственныя всѣмъ тунгузскимъ нарѣчіямъ, извѣстнымъ намъ по матеріаламъ, которыми мы обязаны г. Мааку и академику Максимовичу.

Къ числу трудовъ, имѣющихъ лингвистическій интересъ, относятся также печатаемые нынѣ на счетъ Академіи Курдская граматика извѣстнаго знатока иранскихъ нарѣчій профессора Юсти и обработанный имъ же курдско-русско-французскій словарь г. Жабы [3]). Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть объ изготовленной академикомъ Дорномъ третьей части Сборника матеріаловъ для познанія иранскихъ языковъ; эта часть заключаетъ въ себѣ гилянскіе тексты [4]).

Извѣстно, какую замѣтную долю въ трудахъ нашихъ оріенталистовъ составляютъ такіе, которые, по связи Россіи съ Востокомъ, имѣютъ значеніе для разъясненія древнѣйшихъ періодовъ отечественной исторіи. Къ трудамъ этого рода нынѣ присоединяется весьма важное изданіе, въ которыхъ профессоръ баронъ В. Р. Розенъ сообщилъ извѣстія Аль-Бекри о Славянахъ и ихъ сосѣдяхъ [5]), а академикъ А А. Куникъ снабдилъ эти извѣстія своими примѣчаніями. Приложеніемъ къ сочиненію барона Розена служатъ кромѣ того сдѣланныя г. Гаркави извлеченія изъ Масуди, относящіяся до Славянъ и Руссовъ [6]), и записка г. Лерха о сѣверныхъ частяхъ Европы и Азіи по Мухамеду Эль-Бируни [7]).

Вышедшій въ свѣтъ за два года предъ симъ сборникъ подобныхъ же, заимствованныхъ изъ восточныхъ писателей историческихъ источниковъ, подъ заглавіемъ „Каспій“, подалъ поводъ г. Ламбину составить

---

[1]) Чит. 20-го сентября 1877. *Mém. de l'Acad.* XXV, № 1.

[2]) Чит. 26-го апрѣля 1877. *Bulletin*, XXIV, 89.

[3]) Предст. 12-го апрѣля 1876; появятся въ свѣтъ въ видѣ особыхъ изданій.

[4]) Чит. 20-го января 1876. Напечатано особою книгою: Beiträge zur Kenntniss der iranischen Sprachen, III Bd.

[5]) Чит. 13-го апрѣля 1876.

[6]) Чит. 25-го мая 1876.

[7]) Чит. 25-го мая 1876.

Библиотека "Руниверс"

довольно обширную хронологическую замѣтку о годѣ смерти Святослава Игоревича, великаго князя Кіевскаго. Она явилась въ свѣтъ въ сопровожденіи составленныхъ по ея поводу статей академика А. А. Куника и профессора Васильевскаго [1]).

Академикъ М. И. Броссе читалъ намъ статью объ одной грузинской надписи на церкви въ Мцхетѣ [2]), содержащую въ себѣ весьма тщательное изслѣдованіе относительно перваго дня новаго года по персидскому календарю. Кромѣ того, онъ представилъ обзоръ новѣйшей армянской исторической литературы [3]) и статью о грузинской романической литературѣ [4]). Наконецъ онъ принималъ самое живое участіе какъ въ снаряженіи Академіей въ 1873 г. археологической экспедиціи г. Бакрадзе въ Гурію, такъ и въ изданіи отчета о результатахъ этого путешествія, долженствующаго вскорѣ выйдти въ свѣтъ [5]).

Академикъ Б. А. Дорнъ, внимательно слѣдя за новостями восточной нумизматики, сообщилъ намъ по этой части три записки, изъ которыхъ въ одной онъ указалъ на неточности и недостатки, вкравшіеся въ извѣстное сочиненіе Англичанина Раулинсона: „The seventh greath Oriental Monarchy", (London, 1876), относительно сассанидскихъ монетъ [6]); а въ другой—описана замѣчательная тимуридская монета, чеканенная около 1492 г. въ Самаркандѣ и подаренная азіатскому музею Академіи г. Скайлеромъ [7]). Третья записка посвящена описанію серебряныхъ монетъ съ пеглевійскими надписями изъ коллекціи московскаго нумизмата Горнунга [8]). Независимо отъ сего, г. Дорнъ описалъ въ Бюлетенѣ собраніе восточныхъ рукописей, пріобрѣтенное Академіей для ея азіатскаго музея отъ г. Фонтона [9]).

Копенгагенскому профессору Мерену принадлежитъ въ нашихъ изданіяхъ статья о медали Абу-Саида Бегадура (1316—1336 гг.), найденной въ Минусинскомъ округѣ, близъ китайской границы [10]).

---

[1]) Чит. 13-го апрѣля 1876. *Записки Академіи*, XXVIII, 119—182.

[2]) Чит. 15-го февраля 1877. *Bulletin*, XXIII, 499.

[3]) Чит. 25-го мая 1876. *Bulletin*, XXII, 303.

[4]) Чит. 16-го августа 1877. *Bulletin*, XXIV, 282.

[5]) Донесеніе г. Броссе объ археологическомъ трудѣ г. Бакрадзе читано въ засѣданіи истор.-филол. отдѣленія 2-го марта 1876, и напечатано въ *Bulletin*, XXII, 264.

[6]) Чит. 7-го декабря 1876. *Bulletin*, XXIII, 284.

[7]) Чит. 2-го марта 1876. *Bulletin*, XXI, 517.

[8]) Чит. 1-го марта 1877. *Bulletin*, XXIII, 513.

[9]) Чит. 23-го ноября 1876. *Bulletin*, XXIII, 279.

[10]) Чит. 20-го сентября 1877. *Bulletin*, XXIV, 317.

Библиотека "Руниверс"

Желаніе разъяснить вопросъ о подлинности нѣкоторыхъ изъ памятниковъ еврейской древности, собранныхъ гг. Фирковичами, побудило академика А. А. Куника обнародовать обширную записку о двухъ изкаженныхъ еврейскихъ надписяхъ и двухъ вымышленныхъ лѣтосчисленіяхъ [2]), а молодому здѣшнему гебраисту г. Гаркави изложить въ особомъ мемуарѣ обстоятельную критику древнѣйшихъ изъ памятниковъ, найденныхъ г. Фирковичемъ въ Крыму [3]).

Какъ любопытное пріобрѣтеніе для знакомства съ исторіей, географіей и этнографіей крайняго востока Азіи, отмѣтимъ сдѣланный покойнымъ нашимъ членомъ-кореспондентомъ Конономъ фонъ-деръ-Габеленцомъ и изданный Академіей переводъ Манджурской исторіи Великихъ Ляо, династіи, царствовавшей въ Китаѣ съ 916 по 1202 годъ [4]).

Въ отдѣлѣ трудовъ по части классической археологіи академикъ Л. Э. Стефани представилъ объясненіе предметовъ древняго искусства, найденныхъ въ Россіи въ 1873 г. и истолковалъ значеніе изображеній на замѣчательныхъ росписныхъ вазахъ Императорскаго эрмитажа [5]). Нѣсколько болѣе мелкихъ археологическихъ статей своихъ онъ напечаталъ въ видѣ продолженія къ ряду замѣтокъ, уже нѣсколько лѣтъ появляющихся подъ общимъ заглавіемъ Parerga archaeologica [6]).

Филологическіе труды академика А. К. Наука состояли въ исправленіи текста Гомера и Софокла, а также въ изслѣдованіяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ о греческомъ глаголѣ, предпринятыхъ по поводу выхода въ свѣтъ сочиненія профессора Курціуса по этому предмету [7]).

Въ заключеніе обзора чтеній въ нашихъ засѣданіяхъ, намъ остается указать, по исторіи византійскаго права,—на мемуаръ члена-кореспондента Академіи Цахаріе фонъ-Лингенталя о греческихъ номоканонахъ [8]), и по международному праву—на записку академика В. П. Безобразова объ учрежденномъ въ Гентѣ въ 1873 году инсти-

---

[2]) Чит. 17-го февраля 1876. *Записки Академіи*, XXVII; № 3.

[3]) Чит. 3-го февраля 1876 *Mém. de l'Acad.*, XXIV, № 1.

[4]) Чит. 12 октября 1876. Напечатано особою книгою, подъ заглавіемъ: Geschichte der Grossen Liao, aus dem Mandschu, übersetzt von *H. Conon von der Gabelentz*. 1877.

[5]) Чит. 21-го мая 1877, напечат. въ Отчетѣ Имп. Археолог. комиссіи за 1874 г.

[6]) Чит. 27-го апрѣля и 12-го октября 1876. *Bulletin*, XXII, 107 и 402.

[7]) Чит. 24-го мая 1877. *Bulletin*, XXIV, 337.

[8]) Чит. 20-го янв. 1876. *Mém. de l'Acad.*, XXXIII, № 7.

Библиотека "Руниверс"

тутѣ для вспомоществованія успѣхамъ этаго права [1]). Кромѣ этой записки, нашъ сочленъ сообщилъ Академіи о предпринятомъ имъ составленіи систематическаго курса науки о государственныхъ финансахъ, съ особымъ примѣненіемъ къ Россіи.

Сверхъ печатанія въ своихъ изданіяхъ спеціальныхъ изслѣдованій, какъ членовъ своихъ, такъ и постороннихъ ученыхъ, Академія оказываетъ научнымъ трудамъ поддержку инаго рода, состоящую въ наградахъ, которыя она раздаетъ, чрезъ извѣстные сроки, за лучшія изъ появляющихся новыхъ сочиненій по различнымъ отраслямъ науки.

Въ истекшее двухлѣтіе происходило соисканіе почетной золотой медали и денежной преміи, учрежденныхъ въ честь К. М. Бэра. Первая была присуждена бывшему профессору Дерптскаго университета А. А. Бунге за пятидесятилѣтніе его труды по части ботаники; денежною же преміей награжденъ профессоръ Гетте за физіологическія изысканія надъ жерлянкою.

Очередь присужденія Ломоносовской преміи въ 1876 г. принадлежала изслѣдованіямъ и открытіямъ, сдѣланнымъ въ Россіи въ области физики, химіи и минералогіи. При этомъ Академія имѣла случай отличить такою преміей химическія работы профессора здѣшняго технологическаго института Бейльштейна надъ бензоловымъ рядомъ, какъ такія изысканія, которыя значительно обогатили науку и могутъ послужить образцомъ для работъ подобнаго рода. Что же касается до соисканія Ломоносовской преміи въ настоящемъ году, назначеннаго, согласно правиламъ объ этой преміи, для изслѣдованій по русской и славянской филологіи, то между трудами, имѣвшими право участвовать въ этомъ конкурсѣ, не оказалось ни одного такого, который представлялъ бы въ себѣ соединеніе всѣхъ качествъ, требующихся для полученія преміи. Вслѣдствіе этого она осталась никому не присужденною и отложена, по установленному порядку, до слѣдующаго соотвѣтствующаго конкурса.

Равнымъ образомъ не нашлось ни одного сочиненія по части анатомико-микроскопическихъ изслѣдованій центральной нервной системы, которое могло бы быть удостоено преміи Рклицкаго. Эта премія также отложена до будущаго конкурса, долженствующаго происходить въ 1880 г.

За отчетный періодъ времени состоялись два соисканія наградъ

[1]) Чит. 25-го мая 1876. *Bulletin*, XXII, 173.

Библиотека "Руниверс"

графа Уварова: девятнадцатое и двадцатое. Въ первомъ участвовало 13 историческихъ сочиненій и 5 драматическихъ пьесъ, причемъ Академія имѣла удовольствіе отличить преміями, въ 500 руб. каждая, шесть произведеній, болѣе или менѣе важныхъ для русской и славянской исторіи. Къ участію же въ двадцатомъ Уваровскомъ конкурсѣ, имѣвшемъ мѣсто въ истекающемъ году, были принимаемы исключительно историческіе труды, такъ какъ учредитель наградъ призналъ умѣстнымъ отмѣнить на будущее время право участія въ конкурсахъ на нихъ драматическихъ пьесъ—въ томъ соображеніи, что положеніе нашихъ драматическихъ писателей въ настоящее время значительно измѣнилось въ лучшему сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ оно было при учрежденіи премій, и что этотъ родъ литературныхъ произведеній уже не нуждается въ поощреніи, какъ было въ прежнее время. Принявъ такимъ образомъ въ нынѣшнемъ году къ соисканію наградъ графа Уварова 15 историческихъ трудовъ, Академія увѣнчала 9 изъ нихъ меньшими преміями.

Въ заключеніе, считаемъ для себя пріятною обязанностію заявить, что число средствъ, находящихся въ распоряженіи Академіи для поддержки занятій наукою, недавно увеличилось чрезъ учрежденіе еще одной, новой премія. По случаю происходившаго 12-го января 1876 г. празднованія пятидесятилѣтія ученой дѣятельности нашего заслуженнаго сочлена академика Ѳ. Ѳ. Брандта, между его друзьями и почитателями была собрана, посредствомъ подписки, довольно значительная сумма денегъ. Одна ея часть была употреблена на выбитіе медали въ честь юбиляра, а другая образовала, съ Высочайшаго соизволенія, капиталъ, проценты съ котораго будутъ раздаваемы Академіею, въ видѣ преміи имени Брандта за самостоятельныя изысканія въ области зоологіи, зоогеографіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи животныхъ. Подробныя правила, составленныя Академіей для присужденія этой преміи, были въ свое время доведены до всеобщаго свѣдѣнія. По нимъ соисканіе ея назначено впервые въ 1881 г., и затѣмъ оно станетъ повторятся чрезъ каждое пятилѣтіе. Такимъ образомъ новоучрежденная премія Брандта будетъ служить на вѣчныя времена къ пощренію у насъ занятій тѣми отраслями науки, которыя такъ много любилъ и надъ которыми такъ много потрудился нашъ маститый зоологъ.

К. Веселовскій.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪ УЧАСТІИ ГОРОДСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ НА ДѢЛО ОБРАЗОВАНІЯ.

Сознаніе настоятельной необходимости правильнаго образованія для массы населенія, какъ городскаго, такъ и сельскаго, распространяется въ нашемъ обществѣ съ каждымъ годомъ все больше и больше. Теперь уже большинство нашихъ общественныхъ дѣятелей проникнуто пониманіемъ той непреложной истины, что самое дѣйствительное средство для улучшенія не только нравственной, но и матеріальной жизни общества, заключается въ распространеніи въ немъ правильнаго образованія. Правда, въ этомъ сознаніи мы еще далеко стоимъ позади западныхъ европейскихъ обществъ, въ которыхъ трудно найдти населенную мѣстность, не стремящуюся къ улучшенію своего образованія, а еще труднѣе—указать на общественныхъ дѣятелей, которые имѣютъ смутное понятіе о школѣ и ея назначеніи; тогда какъ у насъ встрѣчаются и общественные дѣятели и цѣлыя общества, которые смотрятъ еще и теперь на школу,— и особенно на правильно организованную, а потому и дороже стоющую,—какъ на излишнюю роскошь, составляющую бремя для общественнаго и даже государственнаго бюджета. Но наша духовная жизнь и самостоятельная дѣятельность еще такъ новы, что указанные взгляды весьма естественны; и не смотря на ихъ существованіе, сопряженное со вредомъ для духовнаго нашего движенія впередъ, нельзя не радоваться и тѣмъ результатамъ распространенія въ нашемъ обществѣ пониманія необходимости правильнаго образованія, которые въ послѣднее время достигнуты если и не вездѣ, то во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества.

Степень общественнаго сознанія необходимости правильнаго образованія находится, очевидно, въ зависимости отъ степени сочув-

Библиотека "Руниверс"

ствія къ нему со стороны обществъ, а степень такого сочувствія зависитъ отъ размѣра пожертвованій ихъ на образованіе; поэтому для надлежащей оцѣнки того, что̀ сдѣлано городскими обществами для образованія, представляются слѣдующія статистическія данныя.

1) Бюджеты различныхъ городовъ и посадовъ съ показаніемъ, сколько общества жертвуютъ изъ сихъ бюджетовъ на дѣло образованія (вѣдомость 1).

2) Распредѣленіе губернскихъ городовъ по количеству населенія, съ показаніемъ размѣра жертвуемыхъ ими суммъ на образованіе, выраженныхъ въ числѣ % относительно общихъ городскихъ расходовъ; въ этой же вѣдомости показывается и размѣръ суммы, жертвуемой на тотъ же предметъ изъ всего расхода каждымъ отдѣльнымъ горожаниномъ (в. 2).

3) Списокъ тѣхъ уѣздныхъ городовъ и посадовъ, которые изъ своего бюджета отдѣляютъ на предметъ образованія болѣе 10% (в. 3), съ показаніемъ расхода для той же цѣли, который приходится на отдѣльнаго горожанина.

Примѣчаніе. Эти свѣдѣнія касаются только городовъ, за исключеніемъ Кавказскихъ и относятся преимущественно къ 1876 г. Они заимствованы изъ смѣтъ городовъ и губернаторскихъ отчетовъ.

4) Наконецъ, для сравненія приведенныхъ данныхъ и выводовъ, которые изъ нихъ вытекаютъ, съ однородными съ ними свѣдѣніями другихъ странъ представляются и нѣкоторыя подобныя данныя, касающіяся нѣсколькихъ городовъ западной Европы и сѣверной Америки.

1. Изъ 1-й вѣдомости видно, что города и посады, въ числѣ 778, употребляютъ изъ мѣстныхъ средствъ на свои расходы свыше 34 милліоновъ рублей, и что изъ этой суммы они отдѣляютъ на образованіе около 2 милліоновъ рублей, что̀ составляетъ около 6% всѣхъ городскихъ расходовъ. Эта сумма достигла показаннаго размѣра только въ послѣдніе годы, когда многіе города стали устроивать у себя гимназіи, прогимназіи, реальныя училища и другія учебныя заведенія. Въ концѣ же 60-хъ годовъ ея размѣръ былъ весьма незначителенъ.

Изъ этой вѣдомости видно, что по количеству %, жертвуемыхъ изъ общихъ городскихъ расходовъ на дѣло образованія, губерніи распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 15%, или около того, жертвуютъ губерніи Тамбовская и Уфимская.

14%—Казанская.

Библиотека "Руниверс"

13%—Екатеринославская.

12%—Владимірская, Новгородская, Херсонская и Ярославская.

11%—Тверская и Амурская область.

10%—Рязанская и Семипалатинская область.

9%—Оренбургская, Орловская, Пермская, Псковская, Саратовская, Таврическая и Бессарабская.

8%—Пензенская, Самарская, Сувалкская и Забайкальская область.

7%—Воронежская, Иркутская и Черниговская.

6%—Енисейская, Костромская, Лифляндская, Минская, Полтавская, Симбирская, Смоленская, Томская, Тульская и Харьковская.

5%—Астраханская, Вологодская, Гродненская, Калужская, Кіевская, Курляндская, Курская и Ломженская.

4%—Архангельская, Витебская, Вятская, Ковенская, Московская, Нижегородская, Олонецкая и Приморская область.

3%—Варшавская, Виленская, Тобольская и Якутская область.

2%—Калишская, Кѣлецкая, Люблинская, Могилевская, Плоцкая, Подольская и Радомская.

1%—Волынская, Петроковская, Петербургская и Эстляндская. Менѣе 1%—Сѣдлецкая. 0%—Акмолинская.

Распредѣленіе это показываетъ, что: а) наибольшее число губерній изъ городскихъ бюджетовъ отдѣляютъ на образованіе 6%, т. е., % близкій къ среднему %, жертвуемому всѣми городами; в) губерніи, въ городахъ которыхъ преобладаетъ по преимуществу русское населеніе, жертвуютъ на образованіе изъ городскаго бюджета больше, чѣмъ губерніи, въ городахъ которыхъ русская національность смѣшана въ значительной степени съ другими національностями. Что касается Петербургской губерніи, то низкій ея % пожертвованій на образованіе объясняется значительно низкимъ % того же рода самой столицы: за исключеніемъ Петербурга, другіе города этой губерніи жертвуютъ на образованіе отъ 4% до 5%.

2. Изъ разсмотрѣнія 2-й вѣдомости видно, что размѣръ расходовъ губернскихъ городовъ и столицъ на образованіе, причитающійся на одного горожанина, только въ Тамбовѣ достигаетъ почти 2 р., во всѣхъ же остальныхъ онъ не доходитъ и до 1 р.

О пожертвованіяхъ городовъ Ковно, Самарканда, Новочеркаска, Вятки, Уральска, Акмолинска и Николаевска нѣтъ офиціальныхъ свѣдѣній; потому что одни изъ нихъ ничего и не отдѣляютъ изъ своего бюджета на предметъ образованія, тогда какъ жертвы другихъ, вѣроятно, сливаются съ пожертвованіями земства. Къ такимъ горо-

Библиотека "Руниверс"

дамъ слѣдуетъ отнести Вятку, которая не можетъ не сочувствовать образованію при томъ значительномъ къ нему сочувствіи, которымъ проникнута вся губернія.

Всѣ губернскіе города по размѣру пожертвованій на образованіе, причитающихся на одного горожанина, можно распредѣлить на слѣдующія категоріи:

Къ I-й относятся слѣдующіе города, жертвующіе отъ 1 до 5 к. включительно: Петрозаводскъ, Вильно, Могилевъ, Минскъ, Житоміръ, Ревель, Люблинъ, Витебскъ, Плоцкъ, Сувалки, Петроковъ, Кельцы и Сѣдлецъ.

Ко II-й относятся города, жертвующіе отъ 5 до 10 к. включительно, а именно: С-Петербургъ, Полтава, Гродно, Митава, Тобольскъ и Черниговъ.

Къ III-й—жертвующіе отъ 10 до 20 копѣекъ: Кишиневъ, Орелъ, Калуга, Уфа, Смоленскъ, Рязань, Калишъ, Симферополь, Владиміръ, Благовѣщенскъ, Чита, Красноярскъ, Якутскъ, Семипалатинскъ и Варшава.

Къ IV-й—жертвующіе отъ 20 до 30 копѣекъ: Москва, Кіевъ, Херсонь, Самара, Курскъ, Пенза, Нижній-Новгородъ, Томскъ, Кострома, Ярославль, Пермь, Псковъ и Таганрогъ.

Къ V-й—жертвующіе отъ 30 до 50 копѣекъ: Казань, Астрахань, Новгородъ, Вологда, Тверь, Иркутскъ, Симбирскъ, Екатеринославль, Архангельскъ и Благовѣщенскъ.

И наконецъ, къ VI-й—жертвующіе отъ 50 к. до 1 р. 98 к.: Одесса, Рига, Саратовъ, Воронежъ, Керчь и Тамбовъ, удѣляющій на образованіе по 1 р. 98 к. за каждаго изъ своихъ горожанъ. Итакъ если принять за мѣру сочувствія городовъ къ образованію размѣръ части городскаго бюджета, отдѣляемой ими для образовательныхъ цѣлей, то Тамбовъ слѣдуетъ считать въ этомъ отношеніи первымъ губернскимъ городомъ въ цѣлой Россіи.

Распредѣляя губернскіе города по количеству %, отдѣляемыхъ на образованіе изъ городскихъ бюджетовъ, получимъ слѣдующія категоріи.

I-ю составятъ города, жертвующіе до 1% включительно; въ нее войдутъ слѣдующіе губернскіе города: Петрозаводскъ, С.-Петербургъ, Могилевъ, Сѣдлецъ, Каменецъ-Подольскъ и Ревель.

II-ю составляютъ жертвующіе отъ 1% до 5%: Москва, Варшава, Одесса, Харьковъ, Вильна, Самара, Астрахань, Курскъ, Оренбургъ, Минскъ, Калуга, Нижній-Новгородъ, Гродно, Витебскъ, Люблинъ,

Библиотека "Руниверс"

Смоленскъ, Митава, Пермь, Плоцкъ, Рязань, Сувалки, Тобольскъ, Калишъ, Симферополь, Черниговъ, Петроковъ, Ломжа, Якутскъ и Чита.

III-й—города, которые даютъ отъ 5% до 10%: Кіевъ, Рига, Самара, Воронежъ, Пенза, Иркутскъ, Томскъ, Симбирскъ, Кострома, Ярославль, Уфа, Екатеринославъ, Псковъ, Архангельскъ, Новгородъ, Вологда, Семипалатинскъ и Красноярскъ.

И IV-й—города, которые жертвуютъ болѣе 10%, а именно: Благовѣщенскъ, Кишиневъ, Казань, Херсонъ, Тверь, Таганрогъ, Керчь и Тамбовъ, отдѣляющіе изъ своего бюджета на образовательныя средства болѣе 28% всего своего расхода.

Расходъ Петербурга на дѣло образованія, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, весьма незначителенъ: онъ въ 1876 г. составлялъ всего сумму въ 57839 р. и въ томъ числѣ: собственно на училища (начальныя) 14571 р., а 43268 р.—на стипендіи и пособія въ разныхъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ столицы. Такимъ образомъ, весь расходъ, падавшій на каждаго жителя Петербурга въ пользу образованія, при общемъ расходѣ въ 5728707 р. и при населеніи въ 668 тысячъ жителей, составлялъ въ 1876 г. всего 8 коп., достигая только 1%, по отношенію ко всему расходу. Въ предшествовавшіе 7 лѣтъ онъ былъ еще меньше и составлялъ 46764 руб., какъ это сообщается въ городской смѣтѣ на 1878 г. Въ 1877 г. бюджетъ столицы на образованіе исчисленъ въ 101017 р., при чемъ сумма на начальныя школы увеличена, противъ 1876 г., съ 14571 на 57000 руб.

Незначительность пожертвованій Петербурга на дѣло образованія объясняется различными причинами; къ такимъ причинамъ можно отнести: 1) Сосредоточеніе въ столицѣ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, содержимыхъ почти исключительно на средства всего государства. Къ такимъ заведеніямъ относятся: гимназіи гражданскія, военныя, женскія, институты и пр. Этими заведеніями пользуются, по преимуществу, средніе и высшіе классы столицы, и пользуются не только ученіемъ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и содержаніемъ. 2) Включеніе въ обязательные расходы нѣкоторыхъ изъ такихъ расходовъ, которые отчасти должны бы быть относимы на счетъ всего государства. Къ такимъ расходамъ нѣкоторые относятъ, напр., содержаніе С.-Петербургскаго градоначальства и полиціи (въ 1878 г. на этотъ расходъ дума предполагаетъ употребить 1.020.568 р.). Хотя нельзя отрицать нѣкоторой доли справедливости доводовъ тѣхъ лицъ, которыя утверждаютъ, что такъ какъ

Библиотека "Руниверс"

Петербургъ есть столица всего государства, то на него падаютъ нѣкоторые особенные расходы, свойственные только столичнымъ городамъ, и что поэтому такіе расходы должны быть относимы на счетъ всего государства; что значительную часть его населенія составляютъ не коренные жители столицы, а пріѣзжіе изъ другихъ мѣстностей, что многіе изъ нихъ, не имѣя недвижимой собственности, не несутъ прямыхъ налоговъ въ пользу города и пр.; и что поэтому содержаніе С.-Петербургской полиціи должно отнести не на счетъ одной столицы, а на счетъ всего государства. Но сторонники такого мнѣнія упускаютъ изъ виду, что если бы не было пришлаго населенія въ Петербургѣ, то онъ не имѣлъ бы и настоящаго числа зданій, магазиновъ, промышленныхъ различнаго рода заведеній; что цѣны на квартиры не дошли бы до теперешней высоты, и что поэтому Петербургъ далеко не обладалъ бы тѣмъ доходомъ свыше 5 милліоновъ руб., какой онъ теперь получаетъ. Поэтому относить весь расходъ на поддержаніе порядка въ столицѣ посредствомъ полиціи исключительно на государство было бы несправедливо; хотя съ другой стороны часть расхода на этотъ предметъ должна быть принята и на средства государственнаго казначейства.

Но такъ какъ изъ послѣдней смѣты С.-Петербургской думы видно, что 432,987 р. государственное казначейство дѣйствительно отпускаетъ на содержаніе полиціи, то поэтому отнесеніе остальнаго расхода на средства города нельзя не признать правильнымъ [1]). Изъ предыдущаго видно, что значительность нѣкоторыхъ обязательныхъ городскихъ расходовъ врядъ ли можно считать достаточнымъ основаніемъ незначительности пожертвованій Петербурга для образовательныхъ цѣлей, и особенно если принять во вниманіе, что этотъ городъ, преимущественно предъ другими мѣстностями Россіи, пользуется многими учебными заведеніями, учрежденными и содержимыми на счетъ государства. Если недостаточность пожертвованій столицы на предметъ образованія не можетъ быть объяснена второю причиною, то остается допустить слѣдующую третью причину такого явленія, отчасти объясняемую первою. Эта причина заключается въ равнодушіи городского общества, съ коимъ оно относилось къ распространенію и улучшенію образованія въ столицѣ. Такое равнодушіе отчасти можно объ-

[1]) Содержаніе полиціи обходится Лондону въ 21.000,000 ф., Парижу — 16.091,313 ф., при чемъ государство приняло на себя: 5,207,000, такъ что собственно городу полиція стоитъ, 11.887,310; Берлину—1.744,000 (см. Statistique internationale des finances des grandes villes, rédigée par *Körosi*, Budapest 1877).

Библиотека "Руниверс"

яснить составомъ гласныхъ думы. Большинство ихъ, благодаря своимъ средствамъ и правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ, не ощущало особенной надобности въ открытіи новыхъ на счетъ города какъ это происходитъ во многихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Россіи; а между тѣмъ слѣдовало бы прислушаться къ голосу общества, изъ года въ годъ все больше и больше твердящему о недостаткѣ мѣстъ въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и другихъ заведеніяхъ. Прежде правительство устроивало въ столицѣ по преимуществу учебныя заведенія, не только общія, но и особенныя—для привиллегированныхъ классовъ, заведенія, которыя, по всей справедливости, должны бы быть и содержимы на счетъ этихъ классовъ; теперь же очередь за обществомъ: теперь его дѣло разширять и улучшать существующія заведенія, удовлетворяющія общимъ потребностямъ столицы и открывать по мѣрѣ надобности новыя. Со вступленіемъ въ составъ городскаго управленія людей, безпристрастно и со вниманіемъ относящихся къ потребностямъ въ образованіи столицы, такія потребности, нѣтъ сомнѣнія, будутъ удовлетворяемы постепенно. Лучшимъ доказательствомъ возможности такого предположенія служитъ увеличеніе столичнаго бюджета на образованіе въ послѣдніе два года. Въ 1876 г. онъ составлялъ сумму всего 57,839 руб.; въ 1877 г. уже—101,017 руб.; а на 1878 г. предположено отпустить 123,077 руб. Доказательствомъ улучшенія отношеній адѣшняго общества къ образованію служитъ еще и то обстоятельство, что въ послѣдніе два года городское управленіе приступило къ открытію и начальныхъ училищъ, заведеній для обученія дѣтей того класса людей, которые рѣдко, по недостаточности средствъ, попадаютъ въ гласные думы, и которые, поэтому, весьма рѣдко могутъ заявить городскому управленію о потребностяхъ для нихъ въ образовательныхъ средствахъ, которые, по недостаточности своего развитія, иногда не вполнѣ и сознаютъ такія потребности. Желательно только, чтобы городскія средства, идущія для образовательныхъ цѣлей, употреблялись по возможности производительнѣе, а потому и съ наибольшею пользою для общества.

3) Изъ вѣдомости № 1 видно, что уѣздные города своими матеріальными жертвами принимали болѣе участія въ улучшеніи образованія, чѣмъ города губернскіе и обѣ столицы. Въ то время, какъ изъ числа послѣднихъ отдѣляютъ для этой цѣли болѣе 10% изъ своего бюджета только 11 городовъ изъ 71, или 15% всего числа губернскихъ городовъ, о которыхъ здѣсь представляются свѣдѣнія, первые

Библиотека "Руниверс"

то-есть уѣздные, даютъ въ такомъ же размѣрѣ процентовъ, на тотъ же предметъ, въ числѣ 128 городовъ изъ 707, или 18% числа уѣздныхъ городовъ, поименованныхъ въ вѣдомости № 1.

Губерніи, которыхъ уѣздные города и посады наиболѣе проявили участія на пользу образованія своими пожертвованіями, суть слѣдующія: Херсонская, въ ней 10 городовъ, отдѣляли изъ своихъ общихъ расходовъ, свыше 10% на учебныя заведенія: въ Тверской и Новгородской такихъ мѣстностей было по 9; въ Таврической—7; въ Костромской и Ярославской по 6; во Владимірской, Екатеринославской, Московской, Орловской, Псковской и Харьковской по 5.

Наименьшее участіе въ улучшеніи своего образованія принимали уѣздные города и посады губерній: Архангельской, Волынской и областей Акмолинской, Якутской и Приморской. Въ первой, третьей и четвертой въ 1876 г. совсѣмъ не было пожертвованій на предметы образованія.

Такое отношеніе названныхъ губерній и областей къ своимъ насущнымъ потребностямъ можно объяснить отчасти бѣдностью населенія, за исключеніемъ Волынской губерніи, а больше недостаточностью развитія самихъ обществъ.

Города, въ которыхъ размѣръ пожертвованій на образованіе превышаетъ 1 руб. на одного горожанина, суть слѣдующіе:

1) Череповецъ, Новгородской губерніи; въ немъ пожертвованіе каждаго горожанина составляетъ 3 р. 25 к., самый высшій предѣлъ всѣхъ городскихъ пожертвованій:

2) Павловскъ, Воронежской губерніи по.	2 р.	59 к.	на горож.
3) Тирасполь, Херсонской губерніи по	2 „	39 „	„
4) Рыбинскъ, Ярославской губерніи по	1 „	77	„
5) Чистополь, Казанской губерніи по	1 „	76 „	
6) Павлоградъ (Екатеринославской губ.)	1 „	42 „	
7) Ростовъ на Дону (Екатеринославской губ.)	1 „	36	
8) Бердянскъ, Таврической губерніи	1 „	33	
9) Троицкъ, Оренбургской губерніи.	1 „	30 „	
10) Шуя, Владимірской губерніи	1 „	21	
11) Скопинъ, Рязанской губерніи			
12) Владивостокъ, Приморской области.	1 „	20	
13) Весьегонскъ, Тверской губерніи	1 „	12 „	„
14) Пошехонье, Ярославской губерніи.	1 „	08 „	„ „

Значительныя пожертвованія поименованныхъ городовъ на образо-

Библиотека "Руниверс"

ваніе зависятъ главнымъ образомъ отъ хорошаго состава гласныхъ думъ, и въ особенности отъ разумнаго вліянія на эти собранія тѣхъ членовъ ихъ, которые понимаютъ пользу образованія для общества.

Мы укажемъ на слѣдующій примѣръ благотворнаго вліянія на общество доброжелательныхъ и разумныхъ его членовъ: намъ положительно извѣстно сколько пользы для Череповца сдѣлалъ городской голова этого города Н. А. Милютинъ своимъ полезнымъ вліяніемъ на своихъ согражданъ.

При его содѣйствіи и нѣсколькихъ земскихъ дѣятелей устроено въ Череповцѣ реальное училище, женская гимназія, учительская семинарія и училища: 3-хъ-классныя городскія, начальное одноклассное, техническое училище и училище для рабочихъ на тамошнемъ извѣстномъ механическомъ заводѣ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что реальное училище, учительская семинарія, женская гимназія и училища—начальное, техническое и училище для рабочихъ имѣютъ хорошія помѣщенія, выстроенныя для первыхъ двухъ преимущественно на счетъ земства, а для послѣднихъ, на счетъ города.

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что по мѣрѣ распространенія въ нашемъ обществѣ сознанія необходимости въ правильномъ образованіи, стали проявляться замѣтнѣе и участіе его, а нерѣдко и инициатива въ учрежденіи различнаго рода учебныхъ заведеній въ той или другой мѣстности. Такой утѣшительный фактъ общественнаго сознанія сталъ обнаруживаться весьма недавно, въ послѣдніе 10 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, когда городскія и земскія учрежденія стали внимательнѣе и серьезнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и когда между дѣйствіями этихъ учрежденій и учебнаго вѣдомства начали установляться согласіе и связь, которыя могутъ существовать только при точномъ опредѣленіи круга дѣйствія каждаго вѣдомства и при неукоснительномъ исполненіи, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, закона, касающагося такихъ дѣйствій. При такомъ согласіи въ дѣйствіяхъ должны получиться и получатся самые благотворные результаты въ дѣлѣ образованія. Изъ приведенныхъ данныхъ также видно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, общества, которыхъ привыкли къ правительственной заботливости о нихъ по части образованія въ теченіе десятковъ лѣтъ, обнаружились и участіе и инициатива въ улучшеніи своего образованія менѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ общества не избалованы такою заботливостью. Этимъ объясняется главнымъ образомъ и различіе въ пожертвованіяхъ на дѣло образованія въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ.

Библиотека "Руниверс"

Для сравненія участія нашихъ городскихъ обществъ въ пожертвованіяхъ на дѣло образованія въ своихъ городахъ съ подобнымъ участіемъ нѣкоторыхъ городовъ Западной Европы и Сѣверной Америки, въ вѣд. № 4 приводятся нѣсколько данныхъ, изъ которыхъ можно видѣть въ какой мѣрѣ тамъ проявляется такое участіе. Изъ этихъ данныхъ видно: 1) что изъ числа городовъ, поименованныхъ въ этой вѣдомости, жертвуютъ наибольшее число % изъ своего бюджета слѣдующіе города: Франкфуртъ на Майнѣ (25%), Бреславъ (23%), Лейпцигъ (19%), Берлинъ (18%) и Санъ-Франциско (15%); 2) по размѣру пожертвованій на образованіе, приходившемуся на 1 горожанина, занимаютъ высшее мѣсто слѣдующіе изъ нихъ: Санъ-Франциско (17 фр. или 5 р. 27 коп.), Бостонъ (14 фр.=4,34 р.), Лейпцигъ (12 фр.=3,72 р.), Франкфуртъ на Майнѣ (10,5 фр.=3,26 р.), Вѣна (6,8 ф.=2,10 р.) и Берлинъ (6,7 ф.=2,07 р.). Всѣ эти города отдѣляютъ, изъ общихъ своихъ расходовъ, болѣе значительную часть, чѣмъ даже Тамбовъ, котораго пожертвованія на предметъ образованія составляютъ высшій предѣлъ между пожертвованіями для той же цѣли какъ обѣихъ столицъ, такъ и всѣхъ нашихъ губернскихъ городовъ; 3) всѣ поименованные въ вѣдомости № 4 города, за исключеніемъ лишь Букареста, по своимъ пожертвованіямъ на дѣло образованія стоятъ, безъ всякаго сравненія, выше Петербурга, жертвовавшаго въ 1876 г. на училища и на пособія учащимся всего только по 8 коп.=0,25 фр. на одного горожанина. Если размѣръ такого пожертвованія принять, приблизительно, за мѣру общественнаго сочувствія къ образованію, то окажется, что сочувствіе къ образованію нашего общества (въ 1876 г.) ниже такого же сочувствія города С.-Франциска почти въ 70 разъ, Бостонскаго—въ 56 р., Лейпцигскаго—въ 50, Франкфуртскаго—въ 30 р., Вѣнскаго—въ 20 р. и Берлинскаго тоже въ 20 разъ. Петербургъ по своимъ пожертвованіямъ на образованіе можетъ быть сравниваемъ съ однимъ Букарестомъ изъ числа всѣхъ иностранныхъ городовъ, приведенныхъ въ вѣд. № 4; да и этотъ какъ по размѣру расхода на образованіе, который приходился на 1 горожанина (10 коп.=0,32 фр.), такъ и по числу %, отдѣляемыхъ изъ всего расхода на училища (1,6%), стоитъ нѣсколько выше нашей столицы.

Различіе между большинствомъ городовъ нашихъ и названныхъ въ вѣд. № 4 иностранныхъ будетъ еще разительнѣе, если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ приведенныхъ пожертвованіяхъ послѣднихъ на училища не показаны суммы, нерѣдко весьма значи-

Библиотека "Руниверс"

тельныя, отпущенныя нѣкоторыми изъ нихъ на постройку и ремонтъ учебныхъ зданій. Такъ, Вѣна употребила съ 1874 г. на такой предметъ 804,520 фр., Парижъ—224,000 фр. и пр.

Большее или меньшее количество пожертвованій, дѣлаемыхъ тѣмъ или другимъ городомъ на дѣло образованія, зависитъ отъ разныхъ причинъ, какъ-то: степени сочувствія городскаго общества къ этому дѣлу, сочувствія, обусловливаемаго степенью его развитія умственнаго и нравственнаго; большаго или меньшаго спроса въ обществѣ на людей образованныхъ: въ обществѣ, въ которомъ дается преимущество имущественному цензу предъ образовательнымъ, гдѣ общественными дѣятелями могутъ быть люди даже совсѣмъ неграмотные, тамъ, очевидно, такой спросъ нельзя считать великимъ; и наконецъ, главнымъ образомъ, отъ матеріальнаго благосостоянія общества: чѣмъ доходность города при извѣстномъ числѣ жителей въ немъ будетъ возрастать, тѣмъ, почти всегда, будетъ возрастать и матеріальное его благосостояніе, а съ симъ послѣднимъ, по большей части, и стремленіе его къ улучшенію образованія.

Считая доходность города находящеюся въ связи съ матеріальнымъ его благосостояніемъ, а это послѣднее въ связи съ стремленіемъ городскаго общества къ улучшенію образованія, выражающимся въ его пожертвованіяхъ на этотъ предметъ, мы находимъ не только умѣстнымъ, но даже интереснымъ представить разницу между городами, показанными въ вѣдомствахъ №№ 1, 2 и 4, по отношенію къ ихъ доходности. Такая разница укажетъ, хотя приблизительно, и на степень матеріальнаго благосостоянія сихъ городовъ, а слѣдовательно и на большую или меньшую возможность съ ихъ стороны принимать дѣятельное участіе въ улучшеніи своего образованія посредствомъ матеріальныхъ пожертвованій.

Назовемъ число жителей извѣстнаго города буквою a, годовой доходъ (или расходъ) его b, а доходъ или расходъ на 1 жителя его c; это послѣднее количество и будетъ выражать доходность города, и получится отъ дѣленія b на a. Итакъ:

$$C = \frac{b}{a} \qquad (1)$$

Но такъ какъ доходность города находится въ опредѣленномъ отношеніи съ $^0/_0$, жертвуемымъ обществомъ изъ своего бюджета на образованіе, и количествомъ пожертвованія на этотъ предметъ, причитающимся на 1 горожанина; то поэтому доходность города, выра-

Библиотека "Руниверс"

женную формулою (1), можно также выразить чрезъ послѣднія двѣ величины.

Назовемъ %, жертвуемый городомъ изъ своего бюджета (полагая, что доходъ=расходу), на образованіе буквою p_o, а размѣръ пожертвованія на образованіе, отдѣляемый городомъ изъ своего расхода буквою b_o; — то $b : p_o = \frac{100b_o}{b}$; откуда: $b = \frac{100b_o}{p_o}$. (2).

Назовемъ число рублей, отдѣляемыхъ изъ общаго расхода на образованіе 1-мъ горожаниномъ буквою C_o, то $C_o = \frac{b_o}{n}$; откуда $A = \frac{b_o}{a_o}$. (3).

Подставивъ въ формулу (1) вмѣсто b и a ихъ величины, выраженныя формулами (2) и (3), получимъ:

$$C = \frac{100c_b}{p_o} \qquad (4)$$

Формулы (1) и (4) будутъ выражать доходность города.

Примѣняя ту или другую изъ нихъ къ Петербургу, получимъ: $C_{пет.} = 8$. Такимъ же образомъ найдемъ для Москвы: $C_м = 6$ и т. д.

Но если бы мы пожелали опредѣлить доходность различныхъ городовъ, принимая доходность Петербурга за 1, въ такомъ случаѣ выраженія для C, въ формулахъ (1) и (4), слѣдовало бы раздѣлить на 8, и тогда мы получимъ слѣдующія двѣ формулы доходности (а отчасти и матеріальнаго благосостоянія) различныхъ городовъ, при доходности Петербурга, равной 1.

$$C = \frac{6}{8a}. \qquad (5), \text{ или } C = \frac{25c_o}{p_o} \qquad (6)$$

Первая изъ нихъ (5) служитъ къ опредѣленію доходности какого бы то ни было города по величинѣ его дохода и числу жителей; а вторая (6)—къ опредѣленію его доходности по числу %, отдѣляемыхъ изъ общаго дохода (расхода) на предметъ образованія, и части расхода (или дохода), отдѣляемой на тотъ же предметъ, и причитающійся на 1 горожанина.

Посредствомъ примѣненія той и другой формулы къ главнымъ городамъ, показаннымъ въ вѣдомостяхъ подъ №№ 1, 2, 3 и 4, составлено подъ № 5 распредѣленіе доходности сихъ городовъ (а отчасти, приблизительно, и матеріальнаго благосостоянія ихъ). Изъ этого распредѣленія видно, что:

1) Первое мѣсто по доходности занимаютъ: Бостонъ, Парижъ и С.-Франциско. Доходность 1-го—въ 16, 2-го—въ 7, а 3-го—въ 4, 4 разъ больше доходности Петербурга.

Библиотека "Руниверс"

2) Петербургъ, по своей доходности, стоитъ ниже всѣхъ показанныхъ въ таб. № 5 иностранныхъ городовъ, исключая Бухареста.

3) Изъ русскихъ городовъ занимаютъ высшее мѣсто по доходности: Одесса, Рыбинскъ, Череповецъ, Чита, Рига и Ревель.

И наконецъ 4) послѣднее мѣсто занимаютъ: Кишиневъ (не смотря на 104,000 жителей), Могилевъ, Минскъ, Житомиръ, Гродно, Витебскъ, Кам. Подольскъ, Плоцкъ, Сувалки, Петроковъ, Семипалатинскъ, Ломжа и Сѣдльце; т. е. почти всѣ города, занимающіе западную и сѣверозападную полосу Россіи и достаточно населенные, между прочимъ, евреями, народомъ промышленнымъ. Доходность нѣкоторыхъ изъ сихъ городовъ ниже доходности Бостона почти въ 150 разъ, а Парижа въ 70 разъ. Почти всѣ изъ названныхъ городовъ и по участію въ изысканіи средствъ на образованіе занимаютъ послѣднее мѣсто.

Хотя цифры доходности, приведенныя въ семъ распредѣленіи, и не могутъ служить вполнѣ точною мѣрою благосостоянія соотвѣтственныхъ городовъ, но во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ не служить указаніемъ приблизительнымъ на относительную разницу въ такомъ благосостояніи ихъ; нельзя не отрицать, что почти всѣ города категоріи, доходность которой выражена цифрами 0,1 и 0,2, принадлежатъ къ бѣднѣйшимъ городамъ Россіи, не столько по бѣдности отдѣльныхъ жителей ихъ, сколько по внѣшнему и внутреннему ихъ устройству, небрежному веденію городскаго хозяйства, недостаточно правильному распредѣленію налоговъ на имущества и наконецъ по неясному пониманію своихъ общественно-городскихъ интересовъ, заключающихся какъ во внѣшнихъ улучшеніяхъ городовъ, такъ, въ особенности, умственной и нравственной стороны обществъ посредствомъ изысканія мѣстныхъ средствъ къ развитію въ ихъ средѣ правильнаго образованія.

Библиотека "Руниверс"

№ 1.

ВѢДОМОСТЬ

о доходахъ и расходахъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, и нѣкоторыхъ посадовъ, а также о суммахъ, жертвуемыхъ городскими обществами на образованіе, съ обозначеніемъ сихъ послѣднихъ суммъ въ % по общимъ расходамъ.

(Свѣдѣнія, заключающіяся въ этой вѣдомости, заимствованы изъ дѣлъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ за 1876 г.).

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма пожертвованія.		Число % пожертвованія по общимъ расходамъ.	Замѣчанія.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.	
	I. Архангельская губерні								
1	Архангельскъ.	119,566		119576		6142	14	5,13	
	Кемь.			6829	40		—		
	Холмогоры	4,191		4878	93				
4	Мезень	3,058	96	2971		—	—		
	Пенжекія Унскія и Лудскія волости	1,091	63	1511			—		
6	Онега	5,926	30	7503	71				
	Пинега	3,622	71	3430	43	—	—		
8	Шенкурскъ	3,410	69	3386	99				
9	Сумскія посады	1,915		1922			—		
10	Кола	645	59	521	63				
		—	—	152533	40	6142	14	4,02	

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число "о жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
	II. Астраханская:							
11	Астрахань.	445242	89¼	465202	58¼	23203	14	4,98
12	Царевъ.	64153	79	64255	74½	607	33	0,94
13	Енотаевскъ	10455	85¾	9113	85	1068	57	11,72
14	Черный Яръ	11627	51¾	12348	60¼	796	29½	6,44
15	Красный Яръ	15736	43½	14722	55	798	57	5,42
		—	—	565643	33	26473	90½	4,68
	III. Варшавская:							
16	Варшава	1660535	29	1660535	29	45357	—	2,72
17	Ново-Минскъ.	2157	9	2056	35	—	—	—
18	Гройцы.	7543	42½	8200	13½	105	—	1,28
19	Сохачевъ.	5827	15	1829	49½	90	—	1,86
20	Блоне.	3198	72	3184	80½	—	—	—
21	Гора-Кальварія	4722	21	4396	63	—	—	—
22	Скерневицы	8004	7	9267	50	85	—	0,91
23	Нешава.	4640	½	3786	91	—	—	—
24	Ловчъ	20706	25½	16535	33	285	—	1,71
25	Гостынинъ.	9448	66	9448	66	90	—	0,95
26	Влоцлавскъ.	18163	94	16250	12	499	95	3,07
27	Радимининъ	2396	49½	2918	8	—	—	—
28	Новый Дворъ	2936	63	3052	65	—	—	—
29	Мозоновъ	5356	94	5301	87	—	—	—

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число о о жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ Рубляхъ.
30	Брестъ .	2839	89	2806	91½	—	—	—
31	Варка	6141	71	4666	52	75	—	1,60
32	Гомбинъ	5931	80½	5871	84½	—	—	—
33	Кутно	7998	25	7570	8½	—	—	—
34	Калушинъ	1964	13	1927	7	—	—	—
				1772616	26	46586	95	2,62
	IV Виленская.							
35	Вильно	117835	65	118342	79	3000	—	2,53
36	Ошмяны.	2915	93	2915	93	145	—	4,97
37	Лида.	3425	96½	3228	32	340	—	10,53
38	Вилейка.	2640	46¼	2912	14	163	—	5,60
39	Сесьницины	2773	96¾	2571	6¼	260	—	10,11
40	Троки	4948	29¼	5163	7	90	—	1,74
41	Дисна	3862	56¼	3230	—	—		—
42	Радашковичи	886	92	830	76	—	—	—
43	Друя.	559	86	360	—	—	—	—
		—	—	139554	7¼	3998	—	2,86
	V Витебская.							
44	Динабургъ .	27004	21¾	27004	21¾	900	—	
45	Полоцкъ	12296	36	12599	55¾	346	—	2,74
46	Витебскъ	41612	96	41612	96	1402	37	3,36
47	Рѣжица.	5782	8¾	5633	46¼	374	19	8,42
48	Невель	4679	7½	4081	68	346	86	8,52

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число ₰ жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
49	Городокъ	2298	27½	2379	97		—	
50	Себежъ.	4183	42	4178	21	146	86	3,49
51	Суражъ.	1499	35½	1010	95	—	—	—
52	Ленель	3240	94		29	146	86	6,56
53	Велижъ.	10654	91	11939	93	846	86	7,18
54	Дрисса.	4189	75	4792	58	278	46	5,8
55	Люцинъ.	3666	17	3550	26	460	—	12,95
				120991	80	5248	46	4,33
	VI. Владимірская.							
56	Шуя	90687	47	91247	77	1273	28	13,95
57	Владиміръ.	44495	31½	43602	18	1945	62½	4,46
58	Александровъ.	17773	31	20332	64	2608	81	12,82
59	Вязники	20912	49	26275	56½	1300		4,94
60	Меленки	15184	6	14661	49	1110	—	7,57
61	Муромъ	29207	¼	32618	75½	9864	68	30,24
62	Гороховецъ	8390	1½	13481	76	1512		11,21
63	Суздаль.	19060	60	17307	20½	4502	89	26,01
64	Киржачъ	14513	89	13428	15	1110	—	7,57
65	Покровъ	7619	6	8450	35	500	—	5,91
66	Иваново-Вознесенскъ	40045	95	32401	77	1900		5,86
67	Ковровъ	19416	92¼	12804	31½	649	92	4,79
68	Судогда	6808	46	7527	38½	600	—	7,96
69	Переяславль	15714	72¾	14870	24¼	1321	65	8,88

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыя на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
70	Гавриловскій посадъ	4321	25¾	3837	13	930	31	25,97
71	Юрьевъ.	11441	30½	11511	92½	1108	3	9,62
		—		364361	65	43696	22	11,99
	VII. **Вологодская.**							
72	Вологда.	74157	50¼	75473	16	5384	95	7,13
73	Устюгъ.	22813	79	21734	1	968	35	4,45
74	Грязовецъ	19219	31½	15778	96½	418	40	2,64
75	Устьсысольскъ	6165	88½	6813	28	547	85	8,02
76	Тотьма.	9900	68¼	10148	67	260	—	2,56
77	Кадниковъ.	6690	77¾	6688	82¼	687	—	10,27
78	Красноборскъ.	4309	98	4399	62½	387	7	11,38
79	Лальскъ	3792	43	3375	60	10	—	0,29
80	Сольвычегодскъ	2621		3423	48¼		—	—
81	Верховажскій посадъ	2404	81¼	2158	97¼	196	5	9,88
82	Никольскъ.	3651	26¼	6986	69¼	—	—	—
83	Вельскъ	4348	74½	4149	70	—	—	—
84	Яренскъ	3728	9¾	3204	62	—	—	—
		—	—	164335	60½	8859	67	5,39
	VIII. **Волынская:**							
85	Житоміръ	30907	6	30910	13	340	—	1,11
86	Новоградволынскъ	8475	44¾	8069	95½		—	
87	Острогъ	3282	6	3178	38½	—	—	
88	Кременецъ.	4523	11	4523	11	—	—	—

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
89	Ковель	5275	73	4040	43½		—	—
90	Луцкъ	5636	29¾	6365	91	200	—	3,14
91	Владиміръ	3153	44¼	2748	37	—	—	
92	Старокостянтиновъ	4355	55	5258	78¼	—	—	—
93	Заславль	2978	56	2722	93	—	—	—
94	Ровно	4794	56¼	6946	44			
95	Дубна	2597	49¾	4391	34½		—	
96	Овручъ	2935	16¾	2707	31½		—	
		—		81863	10¾	540	—	0,65
	IX. Воронежская.							
97	Воронежъ	229241	26½	294632	13¼	23161	56	7,86
98	Острогожскъ	49036	76¼	43008	57	4150	47	9,65
99	Павловскъ	25466	88	25575	18¼	3463		13,54
100	Новохоперскъ	24677	60¼	23621	12¾	1939	34	8,21
101	Богучаръ	17485	37½	17967	87	2734	16	15,21
102	Бобровъ	22579	37½	22533	60¼	1464		6,50
103	Валуйскъ	11545	82	17659	37	896	94	4,51
104	Землянскъ	12078	17½	9350	66½	882	13	9,43
105	Задонскъ	18796	8½	18850	88	3976	65	20,96
106	Коротоякъ	10147	64½	8809	81¼	482	8½	5,38
107	Бирючъ	27201	27	12096	77½	523	98	4,32
108	Нижнедѣвицкъ	8003	88¼	8003	88¾	1070	11	13,37
		—	—	502109	88½	44744	94½	7,07

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образовательные къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
	X. Вятская:							
109	Котельничъ	24419	65	22676	47¼	1222	—	5,38
110	Орловъ	14705	56	13675	91½	680	—	4,97
111	Слободскъ	22525	45½	18887	24	504	—	2,67
112	Яранскъ	19667	24¾	14564	9¼	1316	43	9,03
113	Вятка	40174	33	38109	37½	—	—	—
114	Сарапулъ	36400	8¼	37226	66¼	—	—	—
115	Малмыжъ	12621	36	11436	83	1530	45	13,38
116	Нолинскъ	9965	75	9076	47¼	550	4	6,10
117	Глазовъ	9902	85	7410	30¼		—	—
118	Царевококшайскъ	12621	36	4920		376	30	7,64
119	Уржумъ	15276	38¾	10995	8¼	540	25	4,91
120	Елабуга	30433	30	26389	3	2288	60	8,45
			—	215367	51¾	9008	7	4,18
	XI. Гродненская:							
121	Гродно	45194	77	41421	9¾	2003	—	4,83
122	Слонимъ	4416	32¾	4416	32¾	360	—	8,15
123	Брестъ-Литовскъ	16569	25¼	15921	72¼	290	—	1,82
124	Гонёндзъ	469	40	406	92½	—	—	—
125	Бѣльскъ	6490	90¼	6490	90¼	525	—	8,08
126	Кнышинъ	469	51	279	66½	—	—	—
127	Бѣлостокъ	15317	3¼	15308	89¼	215	—	1,40
128	Соколка	3862	53¼	3388	47¼	180	—	5,31

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
129	Васильковъ	455	74	431	84	—	—	—
130	Парва	596	95½	596	95½	244	—	40,94
131	Клещели	1023	84½	1023	84½	210	—	20,52
132	Кобринъ	4483	31	3937		190	—	4,82
133	Суражъ.	308	55	239	44	—	—	—
134	Корицинъ	562	87	562	87		—	—
135	Пружаны	3138	15¼	2935	80¼	775	—	26,40
136	Одельскъ	206	9	139	92¼		—	—
137	Брянскъ	47	74½	47	74½		—	—
138	Волковыскъ	3899	56½	3735	21	190	—	5,08
139	Яновъ	154	44½	148	38¼	—	—	—
140	Дрогичинъ.	666	41	666	41	260	—	39,03
141	Новодворъ	224	46	219	41	21	—	9,58
142	Суховаля	220	54½	215	54¼	—	—	—
143	Мельникъ	110	76	110	76	—	—	—
144	Домброва	76	7	70	13½	—	—	—
145	Кузница	154	25¼	153	4	—	—	—
146	Заблудовъ	15	—	14	6¼	—	—	—
		—	—	102883	5½	5463	—	5,31
	XII. Екатеринославская:							
147	Нахичеванъ	78710	40½	87797	15	2201	—	2,50
148	Ростовъ	411398	17	410495	33	60509	52	14,74
149	Екатеринославль.	151005	81½	150791	33	8656	77	5,74

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыя на предметы образованія.		Число % арт. вуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
150	Новомосковскъ	19897	9¼	20416	18½	844	60	4,13
151	Бахмутъ	49371	45¼	35284	8	258	67	0,73
152	Маріуполь	75268	4¾	74945	67	26300	80	35,09
153	Азовъ посадъ	21161	95¼	22253	9	2289	37	10,27
154	Павлоградъ	56894	63½	59871	77¼	16182	6¼	27,02
155	Александровскъ	24730	8	29866	81	1920		6,43
156	Верхнеднѣпровскъ	14033	81½	14520	99	1917	90	13,20
157	Славяносербскъ	15329	97¾	7246	71	432	—	5,96
			—	918489	11¼	121512	69½	13,30
	XIII. Енисейская:							
158	Енисейскъ	21021	19¼	35204	89	1670	—	4,74
159	Красноярскъ	30702	43¼	35631	55¼	2359	85	6,62
160	Ачинскъ	12069	32	11384	37¼	600	—	5,27
161	Канскъ	11460	69¾	10144	18½	1431	89½	14,10
162	Минусинскъ	35574	32	34180	31¼	1125	—	3,29
163	Туруханскъ	159	85	159	85	—	—	—
		—	—	126705	17¼	7186	74½	5,67
	XIV. Иркутская:							
164	Иркутскъ	273706	60¼	241593	97¼	16571	6	6,85
165	Нижнеудинскъ	9378	60¼	8811	7¾	1043	30	11,83
166	Киренскъ	8020	11½	6590	29½	720	—	10,92

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходомъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп	Рубли	Коп.	Въ рублѣхъ.
167	Балаганскъ	3435	60	3769	3	100	—	2,65
168	Илимскъ	360	88¼	360	88¼	—	—	—
		—	—	261125	25¼	18434	36	7,05
	XV. Казанская:							
169	Казань	363699	36¼	305785	½	37631	4	10,72
170	Чистополь	54337	86	53634	96½	7244	88	13,50
171	Чебоксары	14165	87	14302	58½	1262	19¼	8,82
172	Мамадышп.	10416	47¼	10193	60	759	95	7,44
173	Свіяжскъ	8175	38¼	7104	23	575	60	8,09
174	Спасскъ	10802	81	10696	54	561	74½	5,24
175	Козьмодемьянскъ	13201	58¼	13115	11½	400	—	3,05
176	Цивильскъ	9925	95	8649	7	524	54	6,06
177	Царевококшайскъ	6390	5½	5122	64	427	—	8,34
178	Маріинскій посадъ	8821	93¼	8100	91	953	45½	11,76
179	Лаишевъ	9068	33	8888	74	563	79	6,33
180	Тетюши	7984	42	7900	49¼	535	—	6,77
181	Ядринъ	7257	1¼	7490	64¼	250	—	3,33
182	Троицкій посадъ	1496	28	1476	71	41	31	2,78
183	Арскъ	2748	22	2605	33	—	—	—
		—	—	365066	58½	51730	50¾	14,17
	XVI. Калишская.							
184	Калишъ	58604	96	57432	81½	1843	50	3,20
185	Канинъ	8881	74½	6256	33½	—	—	—

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
186	Коло .	8278	23¼	7254	90½	146	—	2,01
187	Домбе .	3062	99	2415	12½	60		2,48
188	Озорковъ .	4932	35½	5115	88½	30	—	0,58
189	Ленчица .	15167	41	12034	13½	214	50	1,77
190	Здуиская Воля .	3128	17	3124	62	57	—	1,82
191	Серадзъ .	5403	72¼	5214	87	420	—	2,30
192	Турекъ .	7656	61	10566	16½	—	—	—
193	Слупцы .	5674	49¼	5216	28	—	—	—
194	Велюнь .	6640	36½	5646	95	255	—	4,51
195	Блашки .	4666	15	3576	6½	60	—	1,68
196	Варта .	5812	46¼	4521	4	—	—	—
		—	—	128376	19	2786	—	2,17
	XVII. Калужская:							
197	Калуга .	127703	79	126172	38½	5775	—	4.57
198	Сухиничи	12788	74	10282	94½	1068	—	10,38
199	Малоярославецъ .	15629	81¼	14020	3½	1090	91	7,77
200	Перемышль .	14626	60	12623	69¼	536	—	4,25
201	Медынь .	22737	9	18790	23	779	—	4.15
202	Козельскъ .	17930	4	17900	54½	837		4.67
203	Жиздра .	109160	29¾	106871	35	1542	66	1.33
204	Мещовскъ .	10909	48	10609	48	850	—	8,01
205	Таруса .	32220	38¾	16334	95½	863	91	5,28
206	Боровскъ .	13191	83	12583	98		26	6,14

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число о о жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
207	Мосальскъ.	10824	90½	10824	90½	2325	98½	21,48
208	Сергіевскъ.	4370	86½	3026	72	495	84	16,35
209	Воротынскъ	2479	68	2176	1½	396	60	18,19
210	Лихвинъ	5170	37¼	4670	37¼	232	77¾	3,13
		—	—	366887	61	17566	99¼	4,78
	XVIII. **Келецкая:**							
211	Кельцы.	30873	98	25495	99½	300	—	1,17
212	Олькушъ	12762	32½	10486	91	355	—	3,38
213	Хенцины	7397	98½	6471	94	120	—	2,19
214	Мѣховъ.	10767	½	6373	35	150	—	2,35
215	Хмѣльникъ	4498	15	3581	52	—	—	—
216	Пинчовъ	5001	45¼	3736	96	—	—	—
217	Дзялошице.	2375	4½	1548	36½	—	—	—
		—	—	57695	4	925	95	1,60
	XIX. **Кіевская:**							
218	Кіевъ	670017	73¾	628672	70¾	35039	82	5,57
219	Чигиринъ	15556	65½	20559	24¼	3362	19¾	16,35
220	Бердичевъ.	38771	80½	47339	97	—	—	—
221	Уманъ	25790	89¾	27891	40¼	—	—	—
222	Черкассы	39542	74½	39542	74½	2130	11¼	5,39
223	Звенигородка	19035	51¼	15200	24¼	608	66¾	4,00
224	Сквира.	9890	93½	12917	49¾	599	52¼	4,63
225	Каневъ.	11932	15¼	12130	4¾	745	10	6,15

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыя на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
226	Тараща.	7760	10¾	8227	86½	543	11¾	6.60
227	Радомысль.	6802	84	6922	16	280	—	4,04
228	Васильковъ	13076	30¾	14574	47½	689	70	4,73
229	Липовецъ	4475	94½	5559	35¾	—	—	—
		—	—	839537	71½	43998	23¼	5,24
	XX. Ковенская:							
230	Ковно							
231	Новоалександровскъ.	3374	65½	4601	37½	25	7	0,54
232	Вилкоміръ.	4445	93¾	4822	61¾	190	—	3,94
233	Видзы	1688	34½	1618	34½	—	—	—
234	Россіены	7189	82¾	7673	83	110	—	1,43
235	Поневѣжъ.	4265	37¾	4021	54½	290	—	7,21
236	Шавли.	5744	80¼	4174	10	535	—	4,76
237	Тельши.	3543	4	3626	61	—	—	—
238	Шабоно.	257	68	220	75	—	—	—
		—	—	30759	17½	1150	7	3,73
	XXI. Костромская:							
239	Кострома	139809	43	116545	9½	6078	1½	5,21
240	Кинешма	26462	57¾	28481	6¼	483	56¾	1,70
241	Юрьевецъ	21783	13½	19619	35	1128	25	5,75
242	Галичъ.	22475	19¾	22673	8½	2480	70	10,9
243	Нерехта	23047	37	19412	74	959	83	4,94
244	Макарьевъ.	17099	95	15137	49¾	1514	34	10,24

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ. ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
245.	Плесъ.	10404	82¼	11594	78	467	90	4,02
246	Лухъ	8167	73	7655	75½	815	98½	10,64
247	Пучежъ.	10187	9	6922	76½	622	43	8,99
248	Ветлуга.	8520	22¼	8520	22¼	915	57	10,73
249	Буй	9580	23	6088	36	558	32	9,17
250	Судиславль.	4843	31¾	4816	64¾	300	—	,22
251	Чухлома	6750	42½	7433	61½	1374	17	18,48
252	Варнавинъ.	6924	56½	5248	50½	208	—	3,96
253	Солигаличъ	5467	74½	5043	—	335	—	5,63
254	Большія Соли.	4499	95½	4942	46	—	—	—
255	Парфентьевъ посадъ.	2833	14	3311	27	500	—	15,10
256	Кадый	972	75	972	75	68	—	6,69
257	Кологривъ	3957	98¼	5136	23	408	72	7,94
258	Унжа	3481	75¼	1235	9¼	—	—	—
		—	—	301690	28¼	19218	79¾	6,37
	XXII. Курляндская:							
259	Либава	62455	25½	57610	33	4042	—	7,01
260	Митава.	64534	37¾	57180	31½	1500	—	2,62
261	Баускъ.	10633	22	9310	33½	128	58	1,37
262	Фридрихштадтъ	9069	11½	9359	28¼	395	—	4,22
263	Гольдингенъ	6840	49¾	7563	74	318	64	4,20
264	Якобштадтъ	5773	93½	4646	16¼	668	50	13,08
265	Газенпотъ.	6956	97¼	6896	34	—	—	—

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублихъ.
266	Пильтенъ	1282	51½	1113	52½	—	—	—
267	Туккумъ	6067	44	5930	71	30	—	0,50
268	Грабинъ	3695	2	3720	25		—	—
269	Виндава	16548	12½	17146	78½	2665	50	15,54
		—	—	179977	78½	9748	22	5,41
	XXIII. Курская.							
270	Курскъ.	271905	69½	268051	49½	11304	30	4,21
271	Бѣлгородъ.	59459	28¾	51608	51½	4228	43	8,19
272	Грайворонъ.	18881	49	17859	79	3100	73	17,35
273	Корича.	18678	49	18006	85	2253	—	12,51
274	Фатежъ.	10507	48	10680	75¼	534	94	5,00
275	Рыльскъ	22100	53¼	28188	68	1650	—	5,98
276	Старый Оскол	22261	44	22255	53½	743	50	2,88
277	Дмитріевъ.	11764	51	13807	54¾	300		2.22
278	Путивль	15001	11	13842	48	503	68	3,63
279	Обоянь.	15994	72	14596	54¾	660	—	4,52
280	Льговъ.	11748	44	13385	18	511	52	3,82
281	Тимъ	5085	1	5937	33	—	—	
282	Щигры	8695	11½	8404	83¼	382	82	4,54
283	Новый Оскол	4623	43	4594	74	250	—	5,44
284	Суджа	9802	3¾	10436	77½	1016	50	9,76
		—	—	501657	5	27439	42	5,46

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыя на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
	XXIV Лифляндская:							
285	Рига.	1196683	48	1232463	69½	72600	—	5,89
286	Перновo	85896	79½	85896	79½	8296	70	9,65
287	Дерптъ.	67342	60¾	67474	28½	2000	—	2,96
288	Аренсбургъ	11187	44	11856	44	1196	85	10,08
289	Феллинъ	12709	39	12036	96	1280	45	10,63
290	Вендент	14784	72½	14765	93½	1520	—	10,29
291	Шлокъ посадъ	3835	57	3688	21½	200	—	5,42
292	Валкъ	8579	82½	8586	32½	1878	—	33,62
293	Вольмаръ	6618	40	8189	32	750	—	9,16
294	Лемзаль	4151	99	4112	59½	830	—	20,18
295	Верро	9029	37¼	7702	83	800	—	10,39
		—	—	1450773	39½	91352	—	6,27
	XXV Ломжинская.							
296	Ломжа	16505	46¾	16477	17¾	750	—	4,55
297	Остроленка	6926	31½	6914	52¼	300	—	4,33
298	Кольно.	2970	64	2964	3½	145	—	4,89
299	Пултускъ	6502	48	6502	48	400	—	6,15
300	Остроно	7482	78½	7440	34	200	—	2,68
301	Насельскъ.	2601	16	2595	16½	100	—	3,85
302	Шучинъ	3366	8	3342	90½	200	—	5,99
303	Моковъ.	9174	89½	9166	86½	450	—	4,90
		—	—	55403	48	2545	—	4,59

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
	XXVI. Люблинская:							
304	Люблинъ	87576	38¹/₂	78788	91¹/₂	1332	50	1,69
305	Замостье	6206	42	6163	9	105	—	1,70
306	Краспостанъ	14677	14¹/₂	9914	51¹/₂	330		3,33
307	Дубенка	2868	72³/₄	2185	67¹/₂	45		2.06
308	Щебрешинъ	2010	51³/₄	1772	58	30	—	1,69
309	Томашевъ	4285	10	3103	52	90		2,90
310	Бѣлгорай	6671	67¹/₂	4516	27	30	—	0,65
311	Ленчна	3567	50³/₄	1683	55	7	50	0,41
312	Любартовъ	4173	29	2462	51¹/₂	—	—	—
313	Яновъ	6515	91¹/₂	3504	21¹/₂	—	—	—
314	Красникъ	6004	93¹/₂	1699	88¹/₂	—	—	—
315	Грубешовъ	10050	22¹/₂	5456	87	105	—	1,92
316	Холмъ	11406	64	6943	53	148	57¹/₂	2,13
		—	—	128195	13	2223	57	1,73
	XXVII Минская:							
317	Минскъ	66725	88	60028	65	2159	—	3,60
318	Бобруйскъ	7774	85¹/₄	7286	54¹/₂	297	24	4,07
319	Борисовъ	4847	41	4789	98¹/₂	505	—	10,54
320	Слуцкъ	5347	30	5347	30	360	—	6,73
321	Рѣчица	3923	75¹/₄	3841	27¹/₂	745		19,40
322	Пинскъ	9570	55¹/₄	7891	3²/	460	—	5,82
323	Новогрудокъ	7682	85¹/₄	6033	69¹/₄	260	—	4.31

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
324	Игуменъ	3107		3077	1½	295	—	9,58
325	Несвижъ	1044	45	1014	96	200	—	19,72
326	Мозырь.	3041	56	3073	96	460	—	14,97
327	Докшицы	812	95½	793	72	—	—	—
		—	—	103178	14½	5741	24	5,56
	XXVIII. **Могилевская.**							
328	Могилевъ	49690	36	49690	36	499	15	1,00
329	Чериковъ	2073	42½	1743	35½	345	16	19,74
330	Быховъ	2956		2838	13	—	—	—
331	Мстиславль	3706	96	2849	65½	387	—	8,57
332	Рогачевъ	6713	16½	7763	84	145	72	1,87
333	Чаусы	2371	26	2394	53	131	43	5,47
334	Климовичи.	4225	99½	4744	21½	—	—	—
335	Гомель.	5168	32	5168	32	—	—	—
336	Орша	7262	83	7259	83	202	—	2,78
337	Копысь.	855	14	748	64	—	—	—
338	Горки	4321	8½	4250	58½	—	—	—
339	Бабиновичи	505	38	509	5½		—	—
340	Сѣнно	3088	86	2961	77	—	—	—
		—	—	92922	23½	1710	91	1,84
	XXIX. **Московская:**							
341	Москва.	4278895	83½	4278895	83½	148633	23	3,47
342	Коломна	67873	31½	54979	94½	11528	23½	19,37

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыми на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
343	Серпуховъ.	108329	26¼	117115	43½	4925	—	4,20
344	Дмитровъ	32501	1	32501	1	2267	—	6,98
345	Павловскій посадъ	21179	34	24680	7	3159	5	12,80
346	Бронницы	13796	60½	14510	96¾	920	—	6,34
347	Верея	8904	3½	9213	28¾	920	—	9,99
348	Можайскъ.	8468	28¾	8460	44¼	882	50	10,42
349	Руза.	7377	29	7082	15	1020	46	14,40
350	Богородскъ	56764	77	30618	83½	2885	18	9,42
351	Клинъ	9683	27¼	10649	98	420		3,94
352	Подольскъ.	16086	98½	15856	98½	150	—	0,94
353	Сергіевскій посадъ	35474	86½	35194	6½	4190	60	11,91
354	Волоколамскъ.	18565	21½	6393	75	128	70	2,00
355	Звенигородъ	15639	62½	7448	49	130		1,75
356	Воскресенскъ.	10208	36	10954	65	—	—	—
		—	—	469055	90¾	182161	95½	3,90
	XXX. Нижегородская.							
357	Нижній Новгородъ	291807	38¾	280222	78¼	9545	90	3,43
358	Арзамасъ	33579	56¼	31594	17¼	2772	25	8,77
359	Васильсурскъ.	14157	38½	3605	73	460	—	12,76
360	Балахна	13799	96¾	13196	75½	328		2,49
361	Ардатовъ	8593	76½	8574	28¼	281	61	3,27
362	Горбатовъ	12855	63	12855	63	332	55	2,58
363	Лукьяновъ.	6895	98	6648	71½	90	—	1,35

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
364	Семеновъ	15038	99½	14061	43		—	—
365	Макарьевъ.	3866	15½	4324	98½	156		3,61
366	Сергачъ.	2277	50	2277	50	—	—	—
367	Княгининъ	5009	65½	4793	77			—
		—	—	382155	75½	13966	31	3,65
	XXXI. **Новгородская:**							
368	Новгородъ.	73845	21¼	67194	66	5602	67¼	8,33
369	Старая Русса	60817	12½	478.	12	3504	99	7.32
370	Череповецъ	48339	74	47711	81	11376	¼	23,83
371	Бѣлозерскъ	19764	17	20827	42	1955		9,39
372	Маловишерскій пос	729	59¾	1332	69		—	—
373	Тихвинъ	21136	33¾	22165	81½	2368	4	10,54
374	Кириловъ	11004	36	9498	14	1085	4	11,42
375	Боровичи	16882	29	17844	¼	2170	48	13,84
376	Устюжна	10265	¼	10200	90¼	1963		19,24
377	Валдай.	5267	76¼	4705	78	596		12,66
	Крохиновъ посадъ	2721	79¼	2329	26	386	67	16,57
379	Крестцы	4804	31½	4783	34	324	72	6.77
380	Олонецкій посадъ	1768	46¼	1304	27		56	26,99
381	Демьянскъ.	3125	14	3114	16	419	46½	12,27
		—	—	261171	21¼	32407	44¼	12,25
	XXXII. **Олонецкая:**							
382	Петрозаводскъ	27788	44¾	27893	44	50	—	0.17
383	Вытегра	12580	14½	13979	58¾	1022	86	7,31

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ Рубляхъ.
384	Каргополь	7042	56¾	7722	75¼	499	12¾	6,46
385	Олонецъ	7813	87¼	4498	7	425	1	9,45
386	Пудожъ	3048	50¼	3436	90	60	—	1,74
387	Повѣнецъ	2446	53	2627	35	145	—	5,51
388	Лодейное поле	4039	23	4751	81½	71	42	1,49
		—	—	64809	92	2273	41¾	3,50
	XXXIII. Оренбургская:							
389	Оренбургъ	153762	42¼	144595	6½	4359	64¾	3,08
390	Верхнеуральскъ	12899	21½	15571	96¾	1408	51	9,04
391	Троицкъ	54981	24	45810	75½	10831	50	23,64
392	Челябинскъ	34114	73¼	35475	65	5545	86¾	15,63
393	Орскъ	18305	19	16152	45¼	1425	17½	8,82
394	Изецкъ	2075	95	2075	95	—	—	—
		—	—	259681	83	23571	—	9,07
	XXXIV. Орловская:							
395	Елецъ	70714	28¾	68331	16	11664		17,06
396	Орелъ	174884	72	174884	72	8000	—	3.63
397	Ливны	41521	31	41021	25	8391	—	20,45
398	Мценскъ	28472	—	28472	—	—	—	—
399	Трубчевскъ	11685	45¾	11685	45½	1442	30	12,34
400	Сѣвскъ	25643	85¾	23283		3218	—	13,82
401	Брянскъ	22822	53	23887	60	1774		7,43
402	Карачевъ	16840	50	15697		—	—	—

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
403	Болховъ	32479	49	32479	49	5427	—	16,70
404	Дмитровскъ	10347	10	10347	10	995	—	9,61
		—	—	440095	67¾	40911	40	9.29
	XXXV. Пензенская:							
405	Пенза	141840	49¼	123106	23¼	9254	20¼	7,52
406	Саранскъ	21947	42	22607	48½	3793	—	16,77
407	Городище	7828	11¾	7828	11¾	724	84	9,25
408	Чембаръ	14113	80¼	14145	7	581	43	4,10
409	Верхній Ломовъ (заштат.)	2802	77	1529	97	—	—	—
410	Краснослободскъ	15817	71	14676	53	1142	—	9,03
411	Нижній Ломовъ	17420	53¼	15262	28¾	1125	90	7,37
412	Троицкъ	1128	31	1134	85	—	—	—
413	Мокшаны	10160	3¾	8641	94½	905	—	10,48
414	Инсаръ	15529	11	11222	1	880	—	8,02
415	Шишкѣевъ (заштат.)	1142	32½	735	99	—	—	—
416	Наровчатъ	5609	60¼	4084	29¼	200	—	4,89
417	Керенскъ	10688	40¾	8943	46¼	220	20	2,46
		—	—	253918	24½	19126	57¾	8,17
	XXXVI. Пермская:							
418	Екатеринбургъ	117827	17¼	118432	43	17358	59	14,65
419	Соликамскъ	17541	62½	17965	93	895	38	4,98
420	Ирбитъ	50210	57	49549	55½	4835	—	9,75
421	Шадринскъ	26586	47	26925	8¾	1590	—	5,90

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыя на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ, на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
422	Камышловъ	26869	23½	24107	32½	200	—	0,82
423	Пермь	145967	21½	149048	34½	4942	—	3,32
424	Кунгуръ.	34414	1½	37110	14½	300	—	0,81
425	Чердынь.	6266	87½	5591	85	453	—	8,10
426	Оса	10361	20½	10361	20½	915	—	8,83
427	Красноуфимскъ	8485	29¼	8926	45	660	60	7,39
428	Верхотурье.	7712	25¾	7712	25¾	946	—	12,26
429	Дедюхинъ	950	—	934	—	—	—	—
430	Долматовъ	4942	24	1813	67¼	—	—	—
431	Охотскъ.	7309	34¼	7089	58¾	—	—	—
432	Аланаевскъ	1232	90	682	—	—	—	—
		—	—	466249	84	33095	57	8,93
	XXXVII. Петроковская.							
433	Петроковъ	19350	13	19350	7	480	—	2,48
434	Ласкъ	4752	11½	4416	90½	—	—	—
435	Згержъ	17001	71	11335	70	275	—	2,42
436	Бендень.	20979	71½	16081	90½	650	—	4,04
437	Томашевъ	8644	16½	9660	55	150	—	1,55
438	Пабіяницы	6404	22½	6856	82½	100	—	1,45
439	Рава	9718	23¼	7775	65½	270	80	3,47
440	Ченстоховъ.	24049	14	16005	83	225	—	1,40
441	Новорадомскъ.	15787	57½	14548	57	160	—	1,10

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли	Коп.	Въ рубляхъ.
442	Брезины.	8693	71½	4988	79½	195	—	3,90
443	Лодзи	60958	60	67134	20	—	—	—
				178155	1	2505	80	1.40
	XXXVIII. **Плоцкая:**							
444	Плоцкъ	40307	61	36564	21½	449	50	1,22
445	Праснышъ	10322	58	7691	46	220	—	2,85
446	Рыпинъ	9936	45	4344	97	180	—	4,14
447	Вышегродъ.	5001	43	3715	29½	112	50	3,01
448	Добржинъ	4659	27½	3828	60	—	—	—
449	Цѣхановъ	12712	30	6573	10½	315	—	4,79
450	Млава	21122		12314	17	300	—	2,43
451	Закрочимъ	5754	50½	3829	83½	124	83	
452	Липно	8813	1¼	7440	49	155	—	2,08
453	Плоскъ.	6569	57½	559	83½	295	—	3,90
454	Серпецъ.	6835	14	5020	62	105	—	2,09
		—	—	98885	60½	2256	83	2,08
	XXXIX. **Подольская:**							
455	Каменецъ-Подольскъ	30440	23	30606	47¼	200	—	0,65
456	Балта.	19804	47¾	17387	4½	—	—	—
457	Винница	10259	67½	10204	19½	—	—	—
458	Баръ	4371	11³	4263	36¼	433	—	10,15
459	Проскуровъ	9742	75¾	7493	23¾	160	—	2,13
460	Могилевъ	12624	17	10163	63¼	530	—	4,47

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп	Рубли.	Коп	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
461	Хмѣльникъ.	3715	70¾	3745	70	360	—	9,61
462	Литинъ	5110	9	5052	69¼	—	—	—
463	Новая Ушица.	12755	3¼	11643	87½	—	—	—
464	Ольгополь	532	48½	8432	7¼	440	—	5,21
465	Старая Ушица	3657	22	2838	41¼		—	—
466	Сальница	2125	93	1938	14	470	—	24,25
467	Летичевъ	7472	92½	6316	72½	—	—	—
468	Брацлавъ	8711	90	8711	40	—	—	
469	Гайсинъ.	7896	24¾	7896	24¼	200	—	2,53
470	Ямполь	3047	27	2410	22¼	—	—	—
471	Тульчинъ	1923	47	1923	47	—	—	—
472	Вербовецъ	563	11½	562	76	—	—	—
		—	—	141589	77¼	2793	—	1,97
	XL. Полтавская.							
473	Полтава.	213329	72¾	218532	47½	2580	63	1,18
474	Кременчугъ	138197	55¼	125250	2½	22973	14¼	18,34
475	Ромны	28672	96¾	28605	12¼	898	10	3,13
476	Прилуки	19834	3¼	21268	29¾	2587	5	12,16
477	Гадячъ.	9982	6¾	10018	61½	624	—	6,22
478	Переяславъ	17373	1¾	22564	80	262	50	1.16
479	Пирятинъ	9344	76	537	82¾	530	—	6,20
480	Лубны	17057	26¾	20884	21	619	87	2,96
481	Лохвица	6827	57¼	5797	66	350	—	4.09

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыя на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублахъ.
482	Золотоноша.	9375	88¾	9041	27¼	461	76½	5,09
483	Миргородъ.	6925	22¼	7210	80½	726	25	10,07
484	Зеньковъ	11045	80¼	11156	83	176	45	1,57
485	Кобелякъ	12394	35½	12531	82¼	683	22	5,45
486	Хоролъ.	6879	64¾	7577	78¼	485	65½	6,40
487	Градижскъ.	5743	73½	6235	14¾	150	—	2,40
488	Глинскъ	963	53¼	921	60	—	—	—
489	Константиноградъ	22082	14½	23198	21½	340	—	—
		—	—	539332	50½	34448	51½	6,38
	XLI. Псковская:							
490	Псковъ.	60322	48	60229	81	4428	—	7,35
491	Островъ	15645	45	18132	52	562	50	3,10
492	Порховъ	13867	78	13171	74¾	1528	75	11,60
493	Холмъ	9880	33	8586	48	1361	78	15,84
494	Сольцы посадъ	10868	73	10026	78	947	51	9,44
495	Опочка.	38429	79¼	24936	57	2966	72	11,89
496	Торопецъ	12167	96½	9667	96	783	93	8,09
497	Великія Луки.	15896	58	12221	34	1616	52	13,22
498	Печеры.	1691	78	1684	90	—	—	—
499	Новоржевъ	5368	44	5205	16½	589	—	11,31
500	Александровскій пос.	1103	58½	930	36	—	—	—
501	Красный пригор.	949	16	712	46	—	—	—
		—	—	165506	9½	14784	71	8,93

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублахъ.
	XLII. Радомская:							
502	Радомъ.	36479	5¼	30000	18½	804	14½	2,68
503	Опатовъ.	3656	39¼	3227	35½	—	—	
504	Савдомиръ.	8407	57	3925	52½		—	2 16
505	Сташевъ	11935	82½	2947	86	15	—	0,52
506	Опочка.	4729	7	3212	46½	131		4,17
507	Пржедборжъ	6019	44	3847	40½	80	—	2,07
508	Островецъ	3454	10½	2960	45½	—	—	—
509	Конскъ.	4107	11¼	3926	14½	23		0,58
510	Шидловецъ	5917	82½	5502	96½	75	—	1.36
511	Завихостъ.	3702	65½	3040	97	50	—	1,64
512	Козеницы	4555	20¼	3206	5½	95	—	2,96
		—	—	65797	38½	1361	14½	2,06
	XLIII. Рязанская:							
513	Рязань.	57761	92	395	70½	2790	52	
514	Скопинъ	95219	62¼	91221	80¼	11509	83¾	14,15
515	Спасскъ	24362	26¾	18285	39¼	2471	¾	13,51
516	Раненбургъ	15826	50	15610	96¼	2887	4¼	18,49
517	Касимовъ	21440	88¾	20607	14¾	—	—	—
518	Зарайскъ	38313	½	44305	12	11971	40	27,01
519	Егорьевскъ	47935	6	60123	81¾	1980	72	3,29
520	Пронскъ	5883	27	5168	79½	392	—	7,58
521	Михайловъ	17003	50	17244	87¾	487	—	2,82

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе въ общихъ расходахъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
522	Данковъ .	6152	43¼	7305	79¾	404	7	5,53
523	Сапожокъ .	18063	82¾	16000	70¼	815	—	5,09
524	Ряжскъ. .	12592	45	6890	90	454	—	6,58
		—	—	361161	2	36162	59¾	10,01
	XLIV. Самарская:							
525	Самара. .	288536	7¾	248001	23¾	14590	74	5,88
526	Бугульма .	24694	41½	21034	49¾	2044	28	9,71
527	Бузулукъ .	25398	8½	25821	62	3525	—	13,65
528	Николаевскъ .	19950	95	19624	23	2287	—	11,62
529	Бугурусланъ .	17655	66½	19309	49¼	2353	—	12,18
530	Новый Узень. .	34220	86	27645	22¼	2197	—	7,94
531	Ставрополь .	14097	30	12725	69	1473	—	11,57
532	Сергіевскъ. .	1236	91	2354	80	—	—	—
		—	—	376516	78	28470	2	7,56
	XLV. С.-Петербургская:							
533	С.-Петербургъ. .	6172687	39½	5728707	97½	57839	27	1,00
534	Кронштадтъ .	188032	86½	171005	5	8206	29	4,79
535	Новая Ладога. .	19910	16	17197	38	995	65	5,78
536	Нарва .	39797	81	43118	57	3286	—	7,62
537	Шлиссельбургъ .	15412	55	14586	11½	—	—	—
538	Гдовъ .	4711	50	4632	11	100	—	2,15
539	Ямбургъ .	7309	63½	6692	8	—	—	—

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
540	Луга	15134	66	17488	96¾	—	—	—
541	Ораніенбаумъ	25542	44¼	17999	18	836	40	4,64
		—	—	6021427	42¾	71263	61	1,18
	XLVI. **Саратовская:**							
542	Саратовъ	541161	7½	562317	66	67065	59	11,92
543	Вольскъ	134019		134019	5	15774	63	11,77
544	Камышинъ	56641	71¾	54054	98½	—		—
545	Хвалынскъ	70059	¼	70026	99½	3632	60½	5,18
546	Дубовка посадъ	41687	57	34213	27	3335	96	9,74
547	Балашевъ	36615	12½	34021	98¼	2100	45	6,17
548	Петровскъ	23176	38	23776	38	1822	80	7,66
549	Кузнецкъ	26277	53	20657	23	820		3,96
550	Царицынъ	87380	84	90840	47½	2959	4	3,25
551	Аткарскъ	23835	76¾	21253	37	1970	40	9,26
552	Сердобскъ	25100		22643	35	1535	77	6,77
		—	—	1667824	74¾	101017	22½	9,45
	XLVII. **Симбирская:**							
553	Сызрань	86107	20	75237	81	11044	75	14,67
554	Корсунъ	21946	95¼	35200	17½	1072	39	3,04
555	Симбирскъ	167988	8½	140521	12½	11451	94	8,14
556	Сенгилей	12919	5¼	12379	86½	1050	65	8,48
557	Буинскъ	10682	88½	15973	44¾	1044	—	6,53
558	Алатырь	13406	4¾	9994	29½	1802	75	18,03

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
559	Ардатовъ	14600	68½	16320	18	404	1	2,45
560	Курмышъ	10567	23½	9234	29	1263	10	13,67
561	Алатырскій посадъ...	2851	99	2728	70½	368	73	13.49
		—	—	317589	89¼	19502	32	6,14
	XLVIII. **Смоленская:**							
562	Гжатскъ	16724	38	16724	48	882	85½	5,27
563	Смоленскъ.	58813	36½	60103	4½	2918	—	4,85
564	Вязьма.	17344	34	18742	96	—	—	—
565	Порѣчье	6897	57½	6486	49	422		6,50
566	Дорогобужъ	15140	30½	14561	84¼	1137	42¾	7,80
567	Сычевка	8601	71½	8601	71½	779	72	9,05
568	Бѣлой	7716	31	7715	70	—	—	—
569	Рославль	16081	66	1548:	7¾	1683	85	10,86
570	Ельня	6409	41	6409	41	370	—	5,77
571	Юхновъ.	6516	60	6516	60	2374	—	36,43
	Красный	745	40¾	5845	40¾	—	—	—
	Духовщина.	608:	53	608.	53	350	—	5 75
			—	173283	26¼	11117	85¼	6,41
	XLIX. **Сувалкская:**							
574	Сувалки	21101	11	19151	96		—	3,95
	Кальварія	5839	13	5799	72	542	50	9.34
576	Владиславовъ.	4945	60		41	390	—	17,16
577	Сейны	2956	28	2205		193	—	8,7:

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
578	Вержболова	9761	69	9010	33	443	50	4,91
579	Волковышки	5805	58	3835	35	269	—	7.01
580	Маріамполь	9927	13	8012	77	480	—	5,99
581	Прены	2229	38	2056	78	240	—	11,67
582	Августовъ	8367	84	8161	84	1380	—	16,91
583	Шаки	1921	86	1612	65	219	—	13,58
		—	—	62018	83	4914		7,92
	L. Сѣдлецкая:							
584	Сѣдлецъ	20344	—	19183	60	120	—	0,65
585	Соколовъ	2330	51½	3230	51½	22	50	0,68
586	Венгровъ	3592	14	3592	14	30	—	0,80
587	Бѣла	4433	9	4433	9	30	—	0,67
588	Влодава	2665	95¼	2665	95¼	—	—	
589	Терасполь	924	9	924	9	—	—	—
590	Парчевъ	1954	53½	1954	53½	7	50	0,35
591	Радинъ	2480	99	2480	99	—	—	—
592	Межирѣчье	4688		4688	57	—	—	—
593	Луковъ	4355	52	4355	52	—	—	—
594	Гарвалинъ	3330	71½	3330	71½	22	50	0,94
595	Желѣзовъ	1996	57	1473	57		—	
		—	—	51313	29	232	50	0,45

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыя на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
	LI. **Таврическая:**							
596	Бердянскъ.	101978	17	131389	39	16635	12	12,66
597	Перекопъ	10858	38½	10858	38¾	1053	—	10,61
598	Осодосія	20203	96½	49826	40½	8251	50	16 56
599	Симферополь	106005	40½	104060	83½	1850	—	1,77
600	Севастополь	145329	73¼	192827	81¼	14651	96	7,59
601	Карасубазаръ.	17363	91	18414		2024	64	10,99
602	Евпаторія	21594	88½	16723	59	2010	—	12,01
603	Бахчисарай	7720	11½	7227	20¼	376	9	5,20
604	Орѣховъ	11802	76¼	12792	70¼	361	48	2,82
605	Ногайскъ	30170	82	32125	66	3230	80	10,05
606	Мелитополь	31723	3¾	21565	40	3321	42	15,40
607	Старый Крымъ	954	—	746	—			
608	Алешки.	5174	12½	4940	69½	—	—	—
609	Ялта	36701	22	29317	61¼		—	—
610	Балаклава	2843	6	3255	78	—	—	—
		—	—	626071	52¾	53769	1	8,58
	LII. **Тамбовская.**							
611	Тамбовъ	162332	1	179639	54½	51359	47	28,59
612	Козловъ	63198	24½	70810	49¼	3299	45	4,65
613	Моршанскъ	42552	21¼	42502	72¼	2917	50	6,86
614	Борисоглѣбскъ	40573	54	40276	40½	4424	62	10,98
615	Лебедянь	36238	75	34037	49	3635	—	10,67

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
616	Липецкъ	32065	91½	42101	4¾	4137	93	9,82
617	Темниковъ.	10476	6½	9939	39½	668	98	6,72
618	Елатьма	19177	29½	22732	71	792	55½	3,48
619	Кадомъ.	10439	32	8929	40¼	596	24½	6,67
620	Шацкъ.	15211	47¾	13028	63	—	—	—
621	Кирсановъ.	18401	51	18401	51	448	—	2,43
622	Усмань.	32220	86	26566	53	3188	6	12,00
623	Спасскъ	10761	21	5959	83	561	66	9,41
		—	—	514925	71	76029	86	14,76
	LIII. Тверская.							
624	Вышній-Волочекъ	28584	54	24995	66¾	1396	62½	5,58
625	Весьегонскъ	33508	85½	33968	92	4024	—	11,84
626	Тверь	159839	90	154727	26½	15947	37	10,30
627	Торжокъ	29524	66¾	26863	7¾	3531	8	13,15
628	Кашинъ	22011	26	21538	3	2751	13	12,77
629	Калязинъ	17275	31	16005	72	3296	97	20,59
630	Ржевъ	32494	69¾	31277	81½	2852	92	9,11
631	Красный Холмъ	11340	56¾	10138	60	1605	—	15,83
632	Селижаровъ посадъ	2684	47	2485	94	413	32	16,61
633	Бѣжецкъ	19746	84½	20450	95½	676	70	3,30
634	Старица	16430	74	16344	6	1004	35½	6,75
635	Зубцовъ	5560	17	5570	25	1015	30	20,01

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число о жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
636	Осташковъ.	16486	32	17553	36	2949	47	16,80
637	Корчева	9856	2	9677	11	1068	36	13.89
638	Погорѣлое городище.	3012	89½	2889	91	—	—	—
		—	—	394486	57½	42532	60	10,78
	LIV. **Тобольская:**							
639	Березовъ	1772	39	1643	88		—	—
640	Ишимъ	26847	87	26847	87	1258		4,68
641	Тюмень.	69619	48	69619	48	293	68	0,42
642	Курганъ	17424	79½	17424	79½	1337	—	6,52
643	Тобольскъ	41544	8¾	41544	8¾	1485	—	3.57
644	Ялуторовскъ	8018	63¼	8018	63½	801	10	9,99
645	Тара	9046	9¾	9008	91	672	—	7,46
646	Туринскъ	5537	—	5537	—	519	—	9,37
647	Тюкалинскъ	8500	—	8075	38¼	871	—	13.57
		—	—	187720	4	7236	78	3,06
	LV **Томская:**							
648	Томскъ.	139694	99¼	139691	99¾	7292	86	5,22
649	Каинскъ	6984	76¼	8584	76¾	—	—	—
650	Бійскъ.	5044	70	4617	9¾	940	—	20,35
651	Маріинскъ.	18193	43	4962	65¼	517	45	10,41
652	Барнаулъ	9820	27¼	6986	66¼	300	—	4,19
653	Кузнецкъ	3862	47½	3862	97½	300	—	7,76

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
654	Нарымъ	1645	17½	1645	17½	192	85½	11,67
655	Колывань	3335	39½	2912	85½	—	—	—
		—	—	173367	18¾	9543	16½	5,50
	LVI. Тульская.							
656	Бѣлевъ.	25353	84¼	25323	61½	1702	96	6,72
657	Тула	124918	46¾	124918	46¾	3449	95	2,76
658	Ефремовъ	34501	55	34014	83	1210	—	3,55
659	Богородицкъ	18071	37½	15629	38½	1300	—	8,31
660	Алексинъ	14089	58½	12588	65	600	—	4,76
661	Кашира.	17895	57	16172	69	2157	13	13,09
662	Крапивна	9885	14	9885	14	1256	90	12,70
663	Одоевъ.	6214	38	5385	80½	252	32½	4,67
664	Веневъ.	11976	96½	11781	91	1408	25	11,95
665	Новосиль	10817	23	10817	23	805	7	7,44
666	Черпь	4654	27¼	4636	89¼	277	8	5,97
667	Епифань	9204	75½	7589	99	1139	10	1,50
		—	—	279044	60½	15558	76½	5,57
	LVII. Уфимская:							
668	Уфа.	61496	63¼	67526	66	4709	95½	7,00
669	Стерлитамакъ.	19980	20¼	17609	96½	4229	9½	24,01
670	Белебей.	14638	5	13738	40¼	403		2,93
671	Бирскъ.	19638	63¼	17430	92¼	3164	—	18,15

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
672	Мензелинскъ	54732	20½	80057	38½	18099	67½	22,60
673	Златоустъ	6060	73¼	6285	94	—	—	—
		—	—	202649	28	30605	77½	15,10
	LVIII. Харьковская:							
674	Харьковъ	335605	22¼	395990	50	16728	65	4,22
675	Старобѣльскъ.	18983	68¼	20617	63½	3639	27½	11,88
676	Изюмъ	19878	48¼	19150	41¾	4798	51	25,05
677	Славянскъ.	21272	25½	23437	17½	3887	6	11,62
678	Сумы	62918	56	58481	61¼	1691	53	2,89
679	Лебединъ	12533	37¼	13512	3	270		1,99
680	Купянскъ	11404	79	10038	88¾	1033	69¼	10,29
681	Волчанскъ.	10575	6½	14450	27¼	732	70½	5,06
682	Бѣлополье	16246	1¾	15990	79½	2056	93	12,85
683	Ахтырка	16459	88	16220	81½	1523	59	9,38
684	Валки	7180	26¾	8615	76¼	39	13¾	0,45
685	Богодуховъ	5773	78¾	4021	19¼	14	28	0,34
686	Зміевъ	4702	59	3431	92¾	11	44	0,22
6	ригайловъ	2237	91¾	3098	91½	249	74½	8,03
688	Краснокутскъ.	2825	4½	2866	90	43	33	1,50
689	Золочевъ	4893	49½	4670	96	189	65¼	4,04
690	Чугуевъ	16240	84¾	17858	40	41	79	0,22
		—	—	632454	193¾	36951	89	5,84

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыя на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ
	LIX. Херсонская:							
691	Тирасполь .	34953	22½	39412	94	3991	82½	10,13
692	Григоріополь	14711	39	14789	77½	1484	—	10,03
693	Ананьевъ	19206	30	24196	50	4110	—	16,99
694	Новая Прага пос.	4699	2½	4187	27	100	—	2,38
695	Очаковъ.	16058	57	22311	23¾	1590	63	7,12
696	Бобринецъ.	18169	86	17866	7¼	3672	63	20,55
697	Маяки	12869	27	12869	27	1432	—	11,12
698	Дубоссары.	6842	70	6761	85¼	247	50	3,65
699	Новогеоргіевскъ	6288	20	6275	10	600	—	9,56
700	Александрія	17345	15	16855	16½	1850	—	10,97
701	Овидіополь.	15972	95¼	10215	18¼	925	—	9,05
702	Херсонъ	133422	2	137310	73½	14924	58	10,86
703	Берославъ .	15245	80¼	13031	98½	2264	16½	17,36
704	Елисаветградъ	199911	76¾	113843	92	17383	16	15,27
705	Ольвіополь.	17455	17	17545	94	1531	9	8,72
706	Вознесенскъ	18565	16¼	18341	59½	3312	—	18,05
707	Новомиргородъ	12154	58	9708	57	1104	65	11,37
		—	—	485522	51	60526	31½	12,46
	LX. Черниговская:							
708	Черниговъ .	62157	99½	63986	30¾	1452	12½	2,26
709	Нѣжинъ	24985	4½	27494	89½	1805	—	6,56
0	Кролевецъ .	12918	80	13095	70¼	565	—	4,31

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублѣ.
711	Глуховъ	29850	78½	29693	47	7540	89	25,39
712	Сгародубъ	18143	10¾	12275	72½	830	—	6,76
713	Остеръ	4405	69½	4383	7	349	94	7,96
714	Козелецъ	5818	85½	5112	11½	452	49	8,84
715	Новозыбковъ	8919	7	10606	74½	405	—	3,82
716	Добрянка пос.	5147	1¼	4655	25	518	18	11,12
717	Воронокъ пос.	3343	94	3171	68	—	—	—
718	Новгородсѣверскъ	12484	77¾	11730	72¾	1080	—	9,20
719	Борзна	5831	92¼	5617	22	460	—	8,18
720	Сосница	6805	43	4788	36	493	36	7,26
721	Городня	3202	95½	3773	38¾	390	—	10,07
722	Мглинъ	7357	15	8060	1¾	359	98¾	4,45
723	Погаръ	2666	25¼	3058	41½	125	2	4,08
724	Коропъ	3085	34½	2156	56½	—	—	—
725	Березна	4522	44	3421	86¾	466	83½	13,62
726	Суражъ	2593	18	3028	5	166	44	5,48
727	Ковотопъ	11190	86	13784	87½	832	84	6,03
728	Клинцы посадъ	23182	35	12325	18	—	—	—
		—	—	246219	62½	18283	5¾	7,42
	LXI. Ярославская:							
729	Ярославль	154188	66½	135791	99½	7149	65	5,26
730	Ростовъ	52480	23½	48406	95	5790	50	11,96
731	Рыбинскъ	239856	49¾	227787	59	26860	54	11,79

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемыя на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
732	Молога.	22669	65	24229	50¼	2384	31	9,83
733	Романово-Борисоглѣбскъ	21162	95½	21737	26	1856	17	8,53
734	Угличъ	30941	12½	35606	99¼	13734	61	38,56
735	Даниловъ	15541	34¾	10782	30	1274	24	11,81
736	Любимъ.	9964	29¼	9039	16	546	—	6,04
737	Пошехонье.	15613	56	13124	31	4356	24	33,19
738	Мышкинъ.	6505	42¼	6993	65	449	40	6,51
739	Петровскъ.	4247	98	3551	28	534	25	15,05
740	Норскій посадъ	2846	13	2788	62½	265	—	9,50
		—	—	539839	61½	65200	91	12,07
	LXII. Эстляндская:							
741	Ревель	262583	39	232335	16	200	—	0,08
742	Вейссенштейнъ	5052	95	4309	53	112	—	2,59
743	Балтійскій портъ.	8979	21	9445	12	400	—	4,23
744	Везенбергъ	8230	65	9794	79	710	—	7,24
745	Гапсаль.	4322	17¼	3878	64½	366	—	9,43
		—	—	259763	24½	1788	—	0,68
	ОБЛАСТИ.							
	LXIII. Бессарабская:							
746	Кишиневъ	128260	4	128260	3½	14460	10	11,27
747	Аккерманъ	20375	54	21807	39¼	1860	—	8,52
748	Бендеры	22024	32¾	22010	56¼	2020	73	4,17

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
749	Шабо пос.	9051	34	8387	49½	842	64	10,03
750	Папушскій пос.	3102	27½	2948	51½	419	96	14,21
751	Сорока.	23547	15	24431	77	987	29	4,03
752	Турлакъ пос.	3544	8	4029	80	395	75	12,28
753	Хотинъ.	16188	50½	23764	58	800	—	3,36
754	Оргѣевъ	4262	9½	3471	20½	487	29	12,50
755	Бѣльцы.	2677	9	3355	75	321	48	9,56
		—	—	242467	12½	22595	19	9,31
	LXIV. Забайкальская:							
756	Чита.	23161	26¾	23161	26¾	600	—	2,59
757	Верхнеудинскъ	17161	11	17561	11	1067	—	6,07
758	Селенгинскъ	4965	20	4241	33¼	980	—	23,10
759	Нерчинскъ.	24226	75½	24226	75½	2483	—	10,24
760	Баргузинъ.	785	95¾	1080	40	—	—	—
761	Троицко-Савскъ	20573	7	20573	7	2192	45	10,16
		—	—	90843	93½	7322	45	8,06
	LXV. Семипалатинская:							
762	Семипалатинскъ.	19265	—	19225	29	1702	—	8,85
763	Усть-Каменогорскъ	7402	94¾	7972	81¾	646	54½	8,10
764	Конпекты.	1062	72¾	1417	87	502	80	35,42

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА, МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рублях.
765	Павлодаръ.	5402	94¾	4811	26½	801	39	16,64
766	Каркаралинское городское поселеніе	1283	68½	279	73	—	—	—
		—	—	33706	91¼	3652	73	10,83
	LXVI. Акмолинская:							
767	Акмолинскъ	5241	25	5241	25	—	—	—
		—	—	5241	25	—	—	—
	LXVII. Якутская:							
768	Якутскъ	14890	71	26305	62	860	—	3,34
		—	—	26305	62	860	—	
	LXIII. Приморская:							
769	Охотскъ	226	76½	153	30	—	—	—
770	Сожійскъ	896	36	620	—	—	—	—
771	Гижига.	30	—	24	—	—	—	—
772	Петропавловскъ	510	8	485	50	—	—	
773	Владивостокъ пос.	4870	—	4870	—	600	—	12,32
774	Николаевскъ	8115	—	7975	26	—	—	—
		—	—	14128	6	600	—	4,34
	LXIX. Амурская:							
775	Благовѣщенскъ	10551	70¼	10551	70¼	1300	—	11,25
		—	—	10551	70¼	1300	—	11,25

Библиотека "Руниверс"

№	ГУБЕРНІИ, ГОРОДА МѢСТЕЧКИ И ПОСАДЫ.	Доходы.		Расходы.		Сумма жертвуемая на предметы образованія.		Число % жертвуемыхъ на образованіе къ общимъ расходамъ.
		Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Рубли.	Коп.	Въ рубляхъ.
	LXX. **Керчъ-Еникальская:**							
776	Керчь-Еникале .	117150	49¾	120109	6¾	19189	37	15,97
		—	—	120109	6¼	19189	37	15,97
	LXXI. **Одесская:**							
777	Одесса .	1370421	85	2272641	41	108695	94	4,78
		—	—	2272641	41	108695	94	4,78
	LXXII. **Таганрогская:**							
778	Таганрогъ . .	173365	94¾	166017	34½	18969	56½	11,42
		—	—	166017	34½	18969	56½	11,42
	Всего . .	—	—	—	—	—	—	—

Библиотека "Руниверс"

№ 2.

Распредѣленіе губернскихъ городовъ по числу % отчисляемыхъ изъ городского бюджета на учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Названіе губернскихъ городовъ, распредѣленныхъ въ порядкѣ количества ихъ населенія.	Число тысячъ жителей въ городахъ.	Размѣръ суммы жертвуемой на образованіе.	Сколько приходится изъ пожертвованной суммы на 1 жителя.	% городск. суммъ, употребленныхъ на образованіе относительно всей расходной суммы городского бюджета.
С.-Петербургъ	668	57839	0,08	1
Москва	612	148633	0,24	8,5
Варшава	300	45357	0,15	2,7
Одесса	140	108695	0,77	4,8
Кіевъ	116	35039	0,30	5,8
Кишиневъ	104	14466	0,14	11,2
Рига	102	72600	0,71	5,9
Казань	99	37631	0,40	10,7
Саратовъ	88	67065	0,75	12
Харьковъ	81	16728	0,21	6,2
Ташкентъ	78	—	—	—
Вильна	65	3000	0,05	2,5
Тула	57	3449	0,06	2,8
Самара	54	14600	0,27	6,9
Орелъ	50	8000	0,16	3,6
Астрахань	48	23203	0,48	5
Херсонъ	46	14924	0,33	10,9
Оренбургъ	46	4359	0,09	3
Воронежъ	45	23161	0,51	7,8
Курскъ	41	11304	0,28	4,2

Библиотека "Руниверс"

Названіе губернскихъ городовъ, распредѣленныхъ въ порядкѣ количества ихъ населенія.	Число тысячъ жителей въ городахъ.	Размѣръ суммы жертвуемой на образованіе.	Сколько приходится изъ пожертвованной суммы на 1 жителя.	% городск. суммъ, употребленныхъ на образованіе относительно всей расходной суммы городского бюджета.
Могилевъ	40	500	0,01	1
Минскъ	40	2159	0,05	3,6
Житомиръ	39	340	0,01	1,1
Калуга	38	5775	0,15	4,6
Тверь	38	15947	0,42	10,3
Полтава	35	2580	0,07	1,2
Ковно	35	—	—	—
Пенза	34	9254	0,24	7,5
Нижній Новгородъ	33	9545	0,29	3,4
Иркутскъ	33	16571	0,50	6,8
Самаркандъ	32	нѣтъ	свѣдѣній.	—
Ревель	31	200	0,01	0,08
Гродно	31	2003	0,06	4,8
Витебскъ	31	1402	0,04	3,3
Томскъ	29	7292	0,25	5,2
Симбирскъ	27	11451	0,42	8,1
Кострома	27	6078	0,22	5,2
Ярославль	26	7149	0,26	5,2
Люблинъ	26	1332	0,05	1,7
Тамбовъ	26	51359	1,98	28,6
Новочеркаскъ	26	нѣтъ	свѣдѣній.	—
Уфа	26	4709	0,14	7
Смоленскъ	25	2918	0,12	4,9
Екатеринославль	25	8656	0,34	5,7

Библиотека "Руниверс"

Названіе губернскихъ городовъ, распредѣленныхъ въ порядкѣ количества ихъ населенія.	Число тысячъ жителей въ городахъ.	Размѣръ суммы, жертвуемой на образованіе.	Сколько приходится изъ пожертвованной суммы на 1 жителя.	% городск. суммъ, употребленныхъ на образованіе относительно всей расходной суммы городского бюджета.
Митава	24	1500	0,06	2,6
Каменецъ-Подольскъ	23	200	0,01	0,6
Пермь	22	4942	0,23	8,3
Вятка	22	—	0	—
Плоцкъ	21	449	0,02	1,2
Рязань	20	2790	0,14	4,8
Сувалки	20	757	0,04	4
Псковъ	19	4428	0,23	7,3
Архангельскъ	19	6142	0,32	5,1
Тобольскъ	19	1485	0,08	3,6
Калишъ	18	1843	0,10	3,2
Новгородъ	18	5602	0,31	8,3
Уральскъ	18	—	—	—
Вологда	17	5384	0,32	7,1
Симферополь	17	1850	0,11	1,8
Черниговъ	16	1452	0,09	2,3
Петроковъ	16	480	0,03	2,5
Владиміръ	16	1945	0,12	4,4
Вѣрный	15	—	—	—
Семипалатинскъ	14	1702	0,12	8,9
Ломжа	13	750	0,06	4,5
Красноярскъ	13	2359	0,18	6,6
Петрозаводскъ	12	50	0,005	0,2
Радомъ	11	804	0,07	2,7

Библиотека "Руниверс"

Названіе губернскихъ городовъ, распредѣленныхъ въ порядкѣ количества ихъ населенія.	Число тысячъ жителей въ городахъ.	Размѣръ суммы жертвуемой на образованіе.	Сколько приходится изъ пожертвованной суммы на 1 жителя.	% городск. суммъ, употребленныхъ на образованіе относительно всей расходной суммы городскаго бюджета.
Сѣдлецъ.	11	120	0,01	0,6
Кѣльцы	8	300	0,04	1,2
Акмолинскъ	6	—	—	—
Николаевскъ	5	—	—	—
Якутскъ.	5	860	0,17	3,3
Благовѣщенскъ.		1300	0,43	11,2
Чита.	3	600	0,20	2,6
Керчь-Ениколь.	225	19189	0,85	16
Таганрогъ	482	18969	6,38	11,4

Библиотека "Руниверс"

№ 3.

Уѣздные города, жертвующіе изъ своихъ суммъ на образованіе въ размѣрѣ, превышающемъ 10% всего расхода.

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Населеніе уѣздныхъ городовъ и посадовъ.	Число жителей въ городахъ, въ сотняхъ.	Размѣръ суммъ жертвуемыхъ.	Сколько жертвуется на каждаго горожанина.	% жертвуемой суммы въ отношеніи ко всему расходу.
Астраханская	Енотаевскъ .	25	1068	0,42	11,7
Виленская	Лида .	33	340	0,10	10,5
	Свенцяны .	59	260	0,05	10,1
Витебская	Люцинъ. .	38	460	0,12	12,9
Владимірская	Шуя. .	105	12732	1,21	13,9
	Александровъ. .	68	2608	0,38	12,8
	Муромъ. .	107	9864	0,92	30.2
	Суздаль. .	71	4502	0,63	26
	Гавриловскій посадъ .	20	930	0,46	25,9
Вологодская. .	Кадниковъ. .	16	687	0,43	10,2
Воронежская	Павловскъ. .	72	3463	0,48	13.5
	Богучаръ .	—	2734	—	15.2
	Задонскъ .	91	3976	0,44	20,9
	Нижнедѣвицкъ .	22	1070	0,49	13,3
Вятская .	Малмыжъ .	26	1530	0,59	13.

Библиотека "Руниверс"

№ №	НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Населеніе уѣздныхъ городовъ и посадовъ.	Число жителей въ городахъ, въ сотняхъ.	Размѣръ суммъ жертвуемыхъ.	Сколько жертвуетъ на каждаго горожанина.	% жертвуемой суммы въ отношеніи ко всему расходу.
	Гродненская.	Дрогичинъ.	11	280	0,23	39
		Новогрудокъ.	12	244	0,20	40,9
		Клещели	15	210	0,14	20,5
		Пружаны	50	775	0,15	26,4
	Екатеринославская.	Ростовъ	445	60509	1,36	14,7
		Маріуполь.	98	26300	0,27	35
		Азовъ	168	2289	0,14	10,2
		Павлоградъ	114	16182	1,42	27
		Верхнеднѣпровскъ	41	1917	0,46	13,2
	Енисейская.	Канскъ.	26	1431	0,55	14,1
	Иркутская.	Нижнеудинскъ	27	1043	0,38	11,8
		Киренскъ	8	720	0,90	10,9
	Казанская.	Чистополь.	41	7244	1,76	13,5
		Мамадышскій посадъ.	29	953	0,33	11,7
	Калужская.	Сухиничи	65	1068	0,16	10,3
		Мосальскъ.	22	2325	1,06	21,4
		Серпейскъ.	20	495	0,25	16,3
		Воротынскъ.	15	396	0,26	18,1
	Кіевская.	Чигиринъ	97	3362	0,34	16,3

Библиотека "Руниверс"

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Названіе уѣздныхъ городовъ и посадовъ.	Число жителей въ городахъ, въ сотняхъ.	Размѣръ суммъ жертвуемыхъ.	Сколько жертвуетъ на каждаго горожанина.	% жертвуемой суммы въ отношеніи ко всякому расходу.
Костромская.	Галичъ.	56	2480	0,44	10,9
	Макарьевъ.	52	1514	0,29	10,2
	Лухъ	20	815	0,40	10,6
	Ветлуга.	40	915	0,20	10,7
	Чухлома	20	1374	0,68	18,4
	Парфентьевъ посадъ.	10	500	0,50	15,1
Курляндская	Якобштадтъ	46	668	0,14	13
	Виндава	41	2665	0,65	15,5
Курская	Грайворонъ	46	3100	0,68	17,3
	Короча.	66	2253	0,34	12,5
Лифляндская	Аренсбургъ	31	1196	0,38	10,08
	Феллинъ	29	1280	0,44	10,2
	Лемзаль	14	830	0,59	20
	Верро	20	800	0,40	10,3
Минская	Борисовъ	57	505	0,09	10,5
	Рѣчица.	42	745	0,17	19,4
	Несвижъ	73	200	0,03	19,7
	Мозырь.	42	460	0,11	14,9
Могилевская	Черниковъ	39	345	0,09	19,7

Библиотека "Руниверс"

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Названіе уѣздныхъ городовъ и посадовъ.	Число жителей въ городахъ, въ сотняхъ.	Размѣръ суммъ жертуемыхъ.	Сколько жертуетъ на каждаго гражданина.	% жертуемой суммы въ отношеніи ко всему расходу.
Московская .	Коломна .	188	11528	0,61	19,3
	Павловскій посадъ .	45	3159	0,70	12,8
	Можайскъ .	42	882	0,21	10,4
	Руза .	40	1020	0,28	14,4
	Сергіевскій посадъ	275	4192	0,17	11,9
Нижегородская .	Васильсурскъ .	25	460	0,18	12,7
Новгородская .	Череповецъ .	35	11376	3,25	23,8
	Тихвинъ .	60	2368	0,39	10,5
	Кириловъ .	31	1085	0,35	11,4
	Боровичи .	83	2470	0,29	13,8
	Устюжна .	69	1963	0,28	19,2
	Валдай .	37	596	0,16	12,6
	Крохиновъ посадъ .	12	386	0,32	16,5
	Опеченскій посадъ .	16	352	0,22	27
	Демянскъ .	15	419	0,27	12,2
Оренбургская .	Троицкъ .	83	10831	1,30	23,6
	Челябинскъ .	58	5545	0,95	15,6
Орловская	Елецъ	305	11664	0,38	17
	Ливны .	130	8391	0,64	20,4
	Трубчевскъ	55	1442	0,26	12,3

Библиотека "Руниверс"

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Населеніе уѣздныхъ городовъ и посадовъ.	Число жителей въ городахъ, въ сотняхъ.	Размѣръ суммъ жертвуемыхъ.	Сколько жертвуетъ на каждаго горожанина.	% жертвуемой суммы въ отношеніи ко всему расходу.
Орловская.	Сѣвскъ.	87	3218	0,37	13,8
	Болховъ	192	5427	0,28	16,7
Пензенская.	Саранскъ	134	3793	0,28	16,7
	Мокшаны	144	905	0,07	10,4
Пермская	Екатеринбургъ	251	17358	0,65	14,6
	Верхотурье	35	946	0,27	12,2
Каменецъ-Подольская.	Баръ	75	433	0,06	10,1
Полтавская	Кременчугъ	305	22973	0,75	18,3
	Миргородъ.	75	726	0,09	10,07
Псковская	Порховъ	34	1528	0,45	11,6
	Холмъ	47	1361	0,28	15,8
	Опочка.	36	2966	0,82	11,8
	Великіе Луки.	57	1616	0,28	13,2
	Новоржевъ.	17	589	0,34	11,3
Рязанская	Скопинъ	95	11509	1,21	14,5
	Спасскъ	37	2471	0,67	13,5
	Раненбургъ	46	2887	0,62	18,4
	Зарайскъ	50	11971	2,39	27

Библиотека "Руниверс"

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Названіе уѣздныхъ городовъ и посадовъ.	Число жителей въ городахъ, въ сотняхъ.	Размѣръ суммы жертвуемыхъ.	Сколько жертвуетъ на каждаго горожанина.	% жертвуемой суммы въ отношеніи ко всему расходу.
Самарская	Бузулукъ .	149	3525	0,23	13,6
	Николаевскъ .	98	2287	0,23	11,6
	Бугуруслань	79	2353	0,29	12,2
	Ставрополь .	43	1473	0,34	11,6
Саратовская. .	Вольскъ .	—	15774	—	11,7
Симбирская.	Сызрань .	195	11044	0,56	14,6
	Алатырь .	85	1802	0,21	18
	Курмышъ .	19	1263	0,66	13,6
	Алатырскій посадъ .	—	368	—	13,5
Смоленская . .	Рославль .	66	1683	0,25	10,9
	Юхновъ .	31	2374	0,76	36,4
Сувалкская	Владиславовъ. .	96	390	0,03	17
	Прены .	31	240	0,08	11,7
	Августовъ . .	97	1380	0,14	16,9
	Шаки .	35	219	0,06	13,6
Таврическая. .	Бердянскъ. .	122	16635	1,33	12,6
	Перекопъ .	43	1053	0,24	10,6
	Осодосія .	85	8251	0,97	16,5
	Карасубазаръ. .	117	2024	0,17	11

Библиотека "Руниверс"

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Населеніе уѣздныхъ городовъ и посадовъ.	Число жителей въ городахъ, въ сотняхъ.	Размѣръ суммъ жертвуемыхъ.	Сколько жертвуетъ на каждаго горожанина.	% жертвуемой суммы къ отношенію ко всему расходу.
Таврическая	Евпаторія.	83	2010	0,24	12
	Ногайскъ	30	3230	1,07	10,05
	Мелитополь	49	3321	0,68	15,4
Тамбовская	Борисоглѣбскъ	126	4424	0,35	11
	Усмань.	75	3188	0,42	12
Тверская.	Весьегонскъ	36	4024	1,12	11,8
	Торжокъ	129	3531	0,29	13,1
	Кашинъ.	75	2751	0,37	12,8
	Калязинъ	72	3296	0,45	20,6
	Красный Холмъ	19	1605	0,89	15,8
	Селижаровъ посадъ	12	413	0,34	16,6
	Зубцовъ.	33	1015	0,31	20
	Осташковъ.	108	2949	0,27	16,8
	Корчева.	19	1068	0,56	13,9
Тобольская	Тюкалинскъ	15	871	0,58	13,6
Томская	Маріинскъ.	53	517	0,09	10,4
	Нарымъ	19	192	0,10	11,7
Тульская.	Кашира.	39	2157	0,55	13,1
	Крапивна	25	1206	0,48	12,7
	Веневъ.	45	1408	0,31	12

Библиотека "Руниверс"

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Населеніе уѣздныхъ городовъ и посадовъ.	Число жителей въ городахъ, въ сотняхъ.	Размѣръ суммъ жертвуемыхъ.	Сколько жертвуетъ на каждаго горожанина.	% жертвуемой суммы въ отношеніи ко всему расходу.
Уфимская	Стерлитамакъ.	60	4229	0,70	24
	Бирскъ.	40	3164	0,79	18,1
	Мензелинскъ.	50	18099	3,62	22,6
Харьковская	Старобѣльскъ.	130	3639	0,28	11,9
	Изюмъ.	130	4798	0,36	25
	Славянскъ.	117	3887	0,33	11,6
	Купянскъ.	43	1033	0,24	10,3
	Бѣлополье.	123	2056	0,16	12,8
Херсонская	Тирасполь.	167	3994	0,24	10,1
	Григоріополь	68	1484	0,22	10,03
	Ананьевъ	160	4110	0,25	17
	Бобринецъ.	71	3672	0,51	20,5
	Маяки.	78	1432	0,18	11,1
	Александрія	105	1850	0,84	11
	Берославль.	81	2264	0,28	17,3
	Елисаветградъ	352	17383	0,48	13,3
	Вознесенскъ	95	3312	0,34	18
	Новомиргородъ	59	1104	0,18	11,4
Черниговская	Глуховъ	134	7540	0,56	25,4
	Добрянка посадъ.	56	518	0,09	11,1
	Городня посадъ.	24	380	0,15	10,07
	Березна.	98	466	0,03	13,6

Библиотека "Руниверс"

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ.	Населеніе уѣздныхъ городовъ и посадовъ.	Число жителей въ городахъ, въ сотняхъ.	Размѣръ суммъ жертвуемыхъ.	Сколько жертвуетъ на каждаго горожанина.	% жертвуемой суммы въ отношеніи ко всему расходу.
Ярославская.	Ростовъ.	97	5790	0,59	12
	Рыбинскъ	151	26860	1,77	11,8
	Угличъ.	131	13734	1,04	38,5
	Даниловъ	44	1274	0,29	11,8
	Пошехонье.	40	4356	1,08	33,2
	Петровскъ.	16	534	0,33	15
Бессарабская обл.	Оргѣевъ	59	487	0,08	12,5
	Шабы посадъ.	24	842	0,35	10,03
	Папушайскъ посадъ.	—	419	—	14,2
	Турлакскій посадъ	67	395	0,06	12,2
Забайкальская обл.	Селенгинскъ	10	980	0,98	23,1
	Нерчинскъ.	37	2483	0,66	10,2
	Троицкосавскъ	47	2192	0,47	10,1
Семипалатинск. обл.	Кокпекты	37	502	0,14	35,4
	Павлодаръ.	13	801	0,61	16,6
Приморская обл.	Владивостокъ.	5	600	1,20	12,3
Амурская обл.	Благовѣщенскъ	34	1300	0,38	11,2
Керчь-Еник.-градон.	Керчь-Еникль	225	19189	0,85	16
Таганрогск. градон.	Таганрогъ.	482	18969	0,38	11,4

Библиотека "Руниверс"

№ 4.

Названіе главнѣйшихъ городовъ Европы и двухъ городовъ Сѣверной Америки, съ показаніемъ въ нихъ числа жителей, размѣра доходовъ и расходовъ вообще и въ частности—расходовъ на дѣло образованія.

Названіе городовъ въ порядкѣ ихъ населенности, съ показаніемъ ея въ тысячахъ.		Доходъ города вообще во франкахъ.	Расходъ города вообще во франкахъ.	Расходъ его на образованіе во франкахъ.	Количество расхода, причитающееся на 1 горожанина на дѣло образованія во фр. и руб. пол. 1 фр.=31 к.	Число %, отдѣляемыхъ изъ всего расхода, на образованіе.
Лондонъ.	3356	нѣтъ свѣд.	182.458,275	11,104,075	фр. руб. 3,31=1,02	6,4%
Парижъ.	1852	357.617,000	320.988,000	10.314,000 (безъ рас. на постр.).	5,57=1,72	3,1%
Берлинъ.	966	44.918,939 а за исключ. экстр. 98.102,594	46.124,020 ордин. и чрезв. 35.566,785	6,513,791, не считая расход. на строит. надобн.	6,7 =2,07	18%
Вѣна.	670	78.948,519 а безъ экстрени. 35.851,312	67.416,973 доход. и расход. 30.991,949	4.556,464 (безъ рас. на постр.).	6,8 =2,1	11%
Будапештъ	295	15.547,736 а безъ экстрени. 14.289,661	16,309.956 доход. и расход. 12.508,117	1.759,878 (безъ рас. на постр.).	5,9 =1,86	14%
Бостонъ (Сѣв. Амер.).	251	110.406,528	110.406,528	3.516,199	14 =4,34	8,2%

Библиотека "Руниверс"

Названіе городовъ въ порядкѣ ихъ населенности, съ показаніемъ ея въ тысячахъ.		Доходъ города вообще во франкахъ.	Расходъ города вообще во франкахъ.	Расходъ его на образованіе во франкахъ.	Количество расхода, причитающееся на 1 горожанина на дѣло образованія во фр. и руб. пол. 1 ф.=31 к.	Число %, отдѣляемыхъ изъ всего расхода, на образованіе.
Римъ •	250	20.478,084 а за искл. экстр. 16.159,061	19.377,984 доход. и расход. 14,405,637	857,948	фр. руб. 3,4 =1,05	5,8%
Бреславъ.	235	9.066,076	8.486,335 за искл. экстр. расх. 8.363,821	1.961,719	8,1 =2,51	23%
Генуа .	235	11.661,804 а за искл. экстр. 9.306,518	11.661,209 доход. и расход. 7.396,662	862,539	3,6 =1,11	11%
Турипъ	213	13.044,080 а за искл. экстр. 10.676,848	12.554,256 доход. и расход. 9.410,657	986,639	4,6 =1,43	10%
С. Франциско (Сѣв. Ам.).	204	24.251,456	22.508,934	3.553,251	17 —5,27	15%
Бухарестъ	200	8.428,577 а за искл. экстр. 3.752,643	7.719,675 доход. и расход. 3.803,750	64,286	0,32=0,1	1,6%
Мюнхенъ.	193	9.924,190	5.340,333	705,028	3,6 =1,11	13%
Копенгагенъ.	182	8.134,453	7.787,107	454,386	2,5 =0,78	5,8%

Библиотека "Руниверс"

Названіе городовъ въ порядкѣ ихъ населенности, съ показаніемъ ея въ тысячахъ.		Доходъ города вообще во франкахъ.	Расходъ города вообще во франкахъ.	Расходъ его на образованіе во франкахъ.	Количество расхода, причитающееся на 1 горожанина на дѣло образованія во фр. и руб. по. 1 фр.=31 к.	Число %, отдѣляемыхъ изъ всего расхода, на образованіе.
Флоренція	177	15.328,542 а за искл. экстр. 13.122,619	23.712,050 доход. и расход. 16.040,192	786,153	5,1=1,59	4,9%
Стокгольмъ	150	8.939,466	7.385,699	558,950	3,7=1,15	7,5%
Лейпцигъ.	125	6.816,258	7.842,101	1.509,912	12=3,72	19%
Трестъ	123	8.473,215	9.330,547	794,734	6,4=1,96	8,5%
Франкфуртъ на Майнѣ	102	10.558,830 а за искл. экстр. 5.338,650	10.558,830 доход. и расход. 4.264,880	1.076,460	10,5=3,26	25%
Штутгардтъ	92	23.132,100 а за искл. экстр. 3.385,100	30.025,700 доход. и расход. 3.699,500	423,100	4,6=1,43	11%
Христіанія	75	6.249,660 а за искл. экстр. 3.044,660	6.195,192 доход. и расход. 2.072,937	283,942	3,7=1,15	9%

Библиотека "Руниверс"

№ 5.

Главнѣйшіе изъ городовъ, показанныхъ въ таб. №№ 1, 2, 3, и 4. по ихъ доходности.

Иностранные города.	Русскіе города, распредѣленные по степени ихъ доходности.	Числа, выражающія доходность городовъ, принимая доходность Петербурга за 1.
Бостонъ.		16
Парижъ.		7
Санъ-Франциско.		4,4
Флоренція.		4
Тріестъ.		2,8
Вѣна и Лейпцигъ.		2,4
Берлинъ.		2,3
Римъ.		2,2
Лондонъ.	Одесса.	2
Стокгольмъ.	—	1,9
Туринъ и Франкфуртъ на Майнѣ.	Рыбинскъ и Череповецъ.	1,7
Будапештъ, Штутгардтъ Христіанія и Копенгагенъ.	Чистополь.	1,6
—	Рига и Ревель.	1,5
Бреславль.	Бердянскъ, Ногайскъ и Шуя.	1,3
Генуа.	Ростовъ на Дону, Весьегонскъ, Владивостокъ и Астрахань.	1,2
Мюнхенъ.	Скопинъ и Нижній Новгородъ.	1,05—1,09
—	Петербуртъ.	1
Бухарестъ.	Москва, Иркутскъ, Новочеркаскъ, Чита, Пермь и Тамбовъ (6 гор.).	0,9
	Керчь, Павлоградъ, Троицкъ, Воронежъ, Курскъ, Полтава, Варшава, Кіевъ, Саратовъ, Екатеринославъ, Симферополь и Архангельскъ (12 г.).	0,7 и 0,8

Библиотека "Руниверс"

Иностранные города.	Русскіе города, распредѣленные по степени ихъ доходности.	Числа, выражающія доходность городовъ, принимая доходность Петербурга за I.
	Павловскъ (Ворон. губ.), Казань, Харьковъ, Самара, Орелъ, Тверь, Кострома, Ярославль, Вологда, Черниговъ, Томскъ, Якутскъ, Благовѣщенскъ и Симбирскъ (14 гор.).	0,6 и 0,5
	Таганрогъ, Тирасполь, Пошехонье, Вильна, Тула, Херсонъ, Оренбургъ, Калуга, Пенза, Люблинъ, Уфа, Смоленскъ, Митава, Псковъ, Калишъ, Новгородъ, Владиміръ, Красноярскъ, Петрозаводскъ, Радомъ, Кѣльце и Рязань (22 г.).	0,4 и 0,3
	Кишиневъ, Могилевъ на Днѣпрѣ, Минскъ, Житоміръ, Гродно, Витебскъ, Кам.-Подольскъ, Плоцкъ, Сувалки, Петроковъ, Семипалатинскъ. Ломжа и Сѣдльце (13 губ.).	0,2 и 0,1

Библиотека "Руниверс"

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣятельности С.-Петербургскаго университета въ 1877 году: личный составъ преподавателей; вакантныя каѳедры; распоряженія по распредѣленію предметовъ и порядка преподаванія; объ усиленіи учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей и состоящихъ при университетѣ лицъ; публичныя лекціи; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; приготовленіе къ профессорской дѣятельности и къ испытанію на степень магистра; командированія съ ученою цѣлью; бюджетъ университета; свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; ученыя общества при университетѣ.

Въ С.-Петербургскомъ университетѣ состояло къ концу 1877 года, сверхъ профессора православнаго богословія, слѣдующее число штатныхъ преподавателей: въ историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ—8, экстраординарныхъ—4, доцентовъ—6 (въ числѣ ихъ одинъ преподаватель латинскаго языка), лекторовъ—4; въ физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ—11, экстраординарныхъ — 5, доцентовъ — 2 (сверхъ того одинъ доцентскій окладъ производится сверхштатному ординарному профессору); въ юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ—8, экстраординарный—1, доцентовъ—5 (изъ нихъ одинъ доцентъ по каѳедрѣ судебной медицины, предмету неположенному по уставу 1863 года); въ факультетѣ восточныхъ языковъ: ординарныхъ профессоровъ — 6, экстраординарныхъ—3 (въ томъ числѣ одинъ преподаватель персидскаго языка по найму съ жалованьемъ экстраординарнаго профессора), доцентовъ—5 (въ томъ числѣ одинъ преподаватель манчьжурскаго языка по найму съ доцентскимъ окладомъ), лекторовъ — 4. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей было: профессоръ православнаго богосло-

Библиотека "Руниверс"

вія—1, ординарныхъ профессоровъ—33, экстраординарныхъ—13, доцентовъ—18, лекторовъ—8, всего—73 лица. Сверхштатныхъ преподавателей состояло—5, именно: два—по зоологіи и по одному—по физіологіи, по латинскому языку и по греческому языку. Приватъ-доцентовъ въ теченіе года было: по математикѣ—2, по физикѣ—5, по ботаникѣ—2, по зендскому языку—1. Изъ положенныхъ по уставу каѳедръ оставались незамѣщенными двѣ, именно: исторіи законодательствъ древнихъ и новыхъ и исторіи славянскихъ законодательствъ.

Въ 1877 году факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій—24, физико-математическій—27, юридическій—26, факультетъ восточныхъ языковъ—19. Въ отношеніи распредѣленія предметовъ и порядка преподаванія послѣдовали слѣдующія распоряженія совѣта: по физико-математическому факультету утвержденъ проектъ распредѣленія спеціальныхъ лекцій въ 3-мъ и 4-мъ курсахъ разряда естественныхъ наукъ, заключающійся въ слѣдующемъ: а) химія—спеціальные курсы по всѣмъ частямъ химіи и минералогіи; б) зоологія—спеціальный курсъ зоологіи со сравнительной анатоміей и ботаника, спеціальный курсъ гистологіи животныхъ, практическій курсъ анатоміи растеній и спеціальный курсъ споровыхъ растеній; в) физіологія—спеціальный курсъ физіологіи животныхъ и растеній, спеціальный курсъ гистологіи, практическій курсъ анатоміи растеній; г) геологія—спеціальные курсы по геологіи и палеонтологіи, по зоологіи и ботаникѣ по указанію факультета, практическія занятія по аналитической химіи въ полномъ объемѣ; д) агрономія—спеціальные курсы по всѣмъ частямъ химіи, агрономіи и зоотоміи; по историко-филологическому факультету: установлены, начиная съ 3-го курса, особые спеціальные курсы и, кромѣ того, съ разрѣшенія начальства округа, къ концѣ года, устроены особыя практическія занятія по древнимъ языкамъ для студентовъ, получающихъ обязательныя стипендіи и приготовляющихся къ занятію учительскихъ должностей; факультетъ восточныхъ языковъ, признавая необходимымъ дать студентамъ сего факультета возможность прослушать курсы лекцій исторіи Персіи и по новой исторіи Турціи и не имѣя въ составѣ университета особыхъ преподавателей для этихъ предметовъ, входящихъ въ составъ исторіи арійскихъ и семитскихъ народовъ, поручилъ чтеніе лекцій: по исторіи Персіи—ординарному профессору Патканову и по исторіи Турціи—доценту Смирнову. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ служили практическія занятія ихъ подъ руководствомъ профессоровъ и преподавателей. Такъ, по славянской

Библиотека "Руниверс"

филологіи студенты IV курса занимались приготовленіемъ ученыхъ изслѣдованій по памятникамъ древней словесности, какъ письменныхъ отвѣтовъ по спеціальному курсу. По русской словесности нѣкоторыми студентами представлены были профессору письменныя работы, изъ которыхъ особенно выдается сочиненіе студента III курса о реценэіи проповѣдника XIII столѣтія Серапіона Владимірскаго. По русской исторіи, независимо отъ слушанія лекцій, студенты занимались практическимъ изученіемъ источниковъ. По римской словесности, по примѣру прежнихъ лѣтъ, практическія занятія профессора со студентами 3-го и 4-го курсовъ, избравшими своею спеціальностію классическую филологію, состояли въ разработкѣ темъ, относившихся къ частнымъ вопросамъ латинскаго языка, литературы и древностей; сверхъ того, и при чтеніи латинскихъ писателей на общихъ курсахъ слушатели были упражняемы въ переводѣ древнихъ текстовъ на русскій языкъ и въ ихъ интерпретаціи. Студенты спеціальныхъ курсовъ имѣли также постоянныя практическія занятія по греческому языку подъ руководствомъ профессора. По всеобщей исторіи происходили вечернія занятія со студентами по одному разу въ недѣлю, которыя состояли изъ разбора надписей и чтенія Антифонта, Демосѳена и Полибія. По ботаникѣ студенты занимались опредѣленіемъ растеній по сухимъ экземплярамъ; въ 1-мъ курсѣ въ продолженіе одного полугодія, а въ высшихъ курсахъ постоянно—по анатоміи и физіологіи растеній. По зоологіи постоянно происходили занятія, въ особенности послѣднихъ курсовъ. Отъ 6 до 8 студентовъ, оканчивавшихъ курсъ занимались спеціальными работами, имѣя въ виду представить эти работы какъ кандидатскія диссертаціи. Подъ руководствомъ приватъ-доцента М. Богданова студенты занимались анатоміей птицъ и другихъ высшихъ животныхъ: студентъ П. Павловъ занимался наблюденіями надъ періодическими явленіями въ жизни птицъ Рязанской губерніи, студентъ Архангельскій—изученіемъ птичьихъ яицъ. По физіологіи практическія занятія происходили 3 раза въ недѣлю и состояли въ практическомъ изученіи гистологіи. Каждый оконченный препаратъ сдавался профессору лично, при чемъ студенты демонстрировали аппараты. Изъ произведенныхъ студентами старшихъ курсовъ изслѣдованій особеннаго вниманія заслуживаетъ работа г. Еленева „О строеніи мозжечка лягушки и миноги“ По физикѣ 148 человѣкъ сдѣлали 559 опытовъ, а студентъ Слугиновъ занимался опытами надъ гальваническою поляризаціей, результаты которыхъ напечатаны въ Журналѣ Филологическаго Общества. Не смотря на необязатель-

Библиотека "Руниверс"

ность занятій, число занимающихся въ физическомъ кабинетѣ ежегодно возростаетъ. По палеонтологіи происходили ежедневно занятія въ палеонтологическомъ кабинетѣ. Студенты Петропавловскій и Соломинъ занимались, какъ спеціалисты, изученіемъ нѣкоторыхъ горныхъ породъ Сибири и съ верховьевъ Енисея. По математикѣ практическія занятія ведены были по интегральному исчисленію, при чемъ преподаватели съ особенною похвалою отзывались о занятіяхъ студентовъ 4-го курса. По астрономіи студенты высшаго курса, подъ наблюденіемъ студента-стипендіата Левицкаго, упражнялись въ производствѣ астрономическихъ наблюденій на малой академической обсерваторіи. По статистикѣ, подъ руководствомъ профессора, въ университетскомъ статистическомъ кабинетѣ, разработывались со студентами 3-го и 4-го курсовъ административнаго разряда данныя по движенію народонаселенія въ Россіи за 1868—1870 гг. По полицейскому праву, кромѣ общихъ лекцій, профессоромъ назначены были спеціальныя практическія лекціи: въ первомъ полугодіи — о страхованіи, во второмъ — о значеніи союзнаго строя, какъ фактора полицейской дѣятельности, при чемъ студентами прочитываемы были составленные ими рефераты изъ историческихъ памятниковъ и указанныхъ сочиненій. По церковному праву сдѣланъ былъ въ 1877 году опытъ практическаго и наглядnаго ознакомленія студентовъ съ греческими и русскими рукописями, заключающими въ себѣ памятники и сборники церковнаго законодательства греческой и русской церкви. Для производства этого опыта, по распоряженію управленія Императорской публичной библіотеки, отведено было одно изъ залъ библіотеки и открыты хранящіяся въ библіотекѣ сокровища. На первый разъ около 20-ти студентовъ 2-го курса старались по греческимъ и русскимъ рукописямъ ознакомиться съ источниками церковнаго права за время отъ XII до XVII вѣка. Подобными опытами профессоръ надѣется привлечь и подготовить молодыхъ людей къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ въ исторіи церковнаго права, которая проливаетъ свѣтъ на весьма многія стороны юридической и государственной жизни русскаго народа. По международному праву предложены были студентамъ 4-го курса для рефератовъ двѣ темы: а) о каперахъ и б) о правѣ невмѣшательства, на которыя были представлены сочиненія тремя студентами; кромѣ того студентъ 4-го курса Лилайенъ написалъ рефератъ „Двѣ книги Бофремонъ“. Представленныя сочиненія читались авторами у профессора на квартирѣ въ присутствіи другихъ студентовъ, а по окончаніи чтенія происходили пренія, про-

Библиотека "Руниверс"

должавшіяся иногда до полночи. По политической экономіи профессоръ со студентами 1-го курса читалъ съ толкованіями сочиненія А. Смита, а со студентами 2-го курса — сочиненіе Рихарда; студенты 3-го и 4-го курсовъ разработывали самостоятельно различные вопросы по политической экономіи. На всѣ эти занятія употреблялось по четыре лекціи въ недѣлю. По римскому праву открыти были практическія занятія со студентами, заключающіяся въ чтеніи, переводѣ и объясненіи Институцій Юстиніана. По подробномъ ознакомленіи слушателей съ содержаніемъ и системою этого источника, профессоръ перешелъ къ спеціальному разсмотрѣнію втораго титула 1-й книги (de rerum divisione), руководясь которымъ объяснилъ различные способы пріобрѣтенія права собственности. Занятія происходили въ формѣ бесѣды преподавателя съ учащимися, которыми нерѣдко предлагались вопросы, свидѣтельствующіе о вниманіи, съ которымъ они слѣдятъ за дѣломъ. Изъ вопросовъ же, предлагаемыхъ преподавателемъ, онъ могъ убѣдиться, что слушатели вынесли большую пользу изъ этихъ занятій. По факультету восточныхъ языковъ студенты, являясь на лекціи, должны предварительно подготовиться надлежащимъ образомъ, то-есть разобрать и уяснить себѣ при помощи словарей и грамматики, на сколько это возможно, текстъ переводимаго на лекціи автора, безъ чего профессорская лекція не будетъ имѣть надлежащаго значенія; студентамъ весьма часто приходится переписывать восточные тексты для перевода ихъ на лекціяхъ; для постоянныхъ же практическихъ занятій въ изученіи языковъ арабскаго, турецкаго, персидскаго и монгольскаго, при факультетѣ состоятъ четыре лектора. Профессоръ по каѳедрѣ турецко-татарскихъ нарѣчій И. Н. Березинъ, сверхъ своего предмета, читалъ студентамъ лекціи по восточной нумизматикѣ, съ объясненіемъ монетъ, находящихся въ университетскомъ нумизматическомъ кабинетѣ; подъ руководствомъ профессора В. П. Васильева студентъ 4-го курса Кацюцевичъ занимался собираніемъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ изъ турецкихъ источниковъ.

Для соисканія наградъ медалями предложены были студентамъ слѣдующія темы, на которыя представлены сочиненія: въ историко-филологическомъ факультетѣ—„О заслугахъ канцлера Н. П. Румянцева для научнаго изученія прошедшаго Россіи", „Представить критическую оцѣнку съ приложеніемъ отрывковъ въ русскомъ переводѣ Хроники Козьмы Пражскаго", „Разобрать критически, съ приложеніемъ перевода на русскій языкъ, извѣстія о крещеніи Волгаръ и

Библиотека "Руниверс"

изложить отношенія Болгаріи при Борисѣ къ Риму и Цареграду" и „Греческіе государственные акты Римской республики, сохранившіеся въ надписяхъ"; въ физико-математическомъ — „Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій при помощи непрерывныхъ дробей"; въ юридическомъ—„О международномъ третейскомъ судѣ" и „Объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами"; въ факультетѣ восточныхъ языковъ—„Сличить Сирійскій Параллипоменонъ съ еврейскимъ оригиналомъ". За сочиненія на названныя темы награждены слѣдующіе студенты: золотыми медалями: историко-филологическаго факультета—Евгеній Шмурло, Павелъ Моравскій, Вильгельмъ Регель, Матвей Соколовъ и Полихроній Сырку; физико-математическаго—Андрей Марковъ и Николай Ертелевъ; юридическаго—Петръ Храбро-Василевскій, Александръ Марковъ и Игнатій Тютрюмовъ; факультета восточныхъ языковъ—Яковъ Израельсонъ; серебряными: историко филологическаго факультета—Петръ Колевъ и Николай Поповъ; физико-математическаго—Николай Ливановъ, Евгеній и Аркадій Борисовы; юридическаго—Владиміръ Теленщицкій, Ксаверій Мрочковскій, Александръ Гамбургеръ и Рейститутъ Сумарокъ. А сочиненія студентовъ: историко-филологическаго факультета—Льва Рутковскаго, физико-математическаго — Ивана Хоботова, Василія Соллертинскаго и Василія Кутневича и юридическаго—Константина Витта, Семена Загорскаго, Лазаря Гантовера, Михаила Кусакова и Михаила Чистякова—удостоены почетныхъ отзывовъ.

Въ 1877 году преподаватели С.-Петербургскаго университета и другія служащія въ ономъ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: И. И. Срезневскій — продолжалъ изданіе свѣдѣній о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ и другія начатыя работы; на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ, въ числѣ представленныхъ докладовъ далъ мѣсто заявленіямъ о вновь имъ отмѣченныхъ тамъ памятникахъ русской древности. Нѣкоторые изъ памятниковъ, отмѣченныхъ во время путешествія, онъ изслѣдовалъ уже по возвращеніи въ Петербургъ. Въ филологическомъ обществѣ и при открытіи археологическаго института изложилъ свои мысли объ археологіи и о необходимости, предметѣ и содержаніи археологической энциклопедіи, какъ особенной отрасли науки древностей; В. Г. Рождественскій—печаталъ первый выпускъ сочиненія „Историческое обозрѣніе священныхъ книгъ новаго завѣта"; М. П. Сухомлиновъ—написалъ рѣчь по случаю сто-

Библиотека "Руниверс"

лѣтней годовщины рожденія Императора Александра I и помѣщалъ статьи въ журналахъ „Русская Старина“ и „Древняя и Новая Россія“; О. Ѳ. Миллеръ—издалъ сборникъ его критическихъ и публицистическихъ статей подъ заглавіемъ „Славянство и Европа“, напечаталъ вторымъ дополненнымъ изданіемъ публичныя лекціи „О современной русской литературѣ“ и въ Вѣстникѣ Европы помѣстилъ статью „Лордъ Байронъ и его судьба“; А. Н. Веселовскій—помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей въ Вѣстникѣ Европы и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; Г. С. Дестунисъ—издалъ, перевелъ и объяснилъ средневѣковую греческую былину „Объ Артурѣ“ (въ Запискахъ историко-филологическаго факультета); И. В. Помяловскій—издалъ: а) въ серіи: „Древніе классики для русскихъ читателей“ Платона, Горація, Ювенала, Теренція и Овидія, въ общедоступномъ изложеніи, б) „Переписку А. Н. Оленина съ Н. И. Гнѣдичемъ по поводу предпринятаго послѣднимъ перевода Гомеровой Иліады“, в) „Очеркъ науки древности Ф. А. Вольфа“ и по порученію св. синода составилъ „Христоматію изъ латинскихъ христіанскихъ писателей до Карла Великаго“; А. Н. Бекетовъ—занимался, въ качествѣ редактора, изданіемъ VIII тома Трудовъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, и напечаталъ: переводъ II тома сочиненія Гризбаха „Растительность земнаго шара“ и „Объ уродливости цикорія“; А. С. Фаминцынъ—приготовилъ къ печати курсъ физіологіи растеній; А. Н. Савичъ—помѣстилъ: въ Запискахъ Академіи Наукъ—статью „О вычисленіи солнечныхъ затмѣній“ и въ Бюллетенѣ Академіи—результаты его наблюденій надъ положеніемъ планетъ въ 1876 году; П. Л. Чебышевъ—напечаталъ въ Запискахъ Академіи Наукъ мемуаръ подъ заглавіемъ „О приближенныхъ выраженіяхъ линейныхъ относительно двухъ количествъ“; А. Н. Коркинъ—напечаталъ записку „О частныхъ дифференціальныхъ уравненіяхъ втораго порядка“; Ю. В. Сохоцкій—издалъ мемуаръ „Transformation du premier degré des fonctions elliptiques et sur le symbol de Léganodre“; Е. И. Золотаревъ—напечаталъ: въ Запискахъ Академіи Наукъ—„Приложеніе эллиптическихъ функцій къ вопросамъ о функціяхъ, наименѣе и наиболѣе отклоняющихся отъ нуля“ и „Объ ученыхъ трудахъ академика Сомова“ и въ Бюллетенѣ Академіи — замѣтку „Sur les nombres complexes; Ѳ. Ѳ. Петрушевскій—напечаталъ въ Журналѣ физическаго общества изложеніе сдѣланныхъ имъ опытовъ и фонометренныхъ измѣреній съ электрическимъ свѣтомъ; Р. Э. Ленцъ—напечаталъ статьи: „О гальваническомъ сопротивленіи галондальныхъ

Библиотека "Руниверс"

солей" и „О вліяніи температуры на сопротивленіе проволоки Симета"; К. Ф. Кесслеръ — напечаталъ сочиненіе „Рыбы аралo-каспійско-понтійской ихтіологической области"; Д. И. Менделѣевъ—напечаталъ, 3-е изданіе „Основъ химіи", „О коэфиціентѣ расширенія газовъ подъ равными давленіями" и въ Revue scientifique—„L'origine du pétrole"; А. Н. Бутлеровъ—помѣстилъ въ Журналѣ Химическаго Общества мемуаръ объ изодибутиленѣ"; Н. А. Меншуткинъ — напечаталъ 3-мъ изданіемъ „Аналитическую химію", помѣстилъ въ Мемуарахъ академіи наукъ статью „О вліяніи изомерій спиртовъ и кислотъ на образованіе сложныхъ кислотъ", редактировалъ нѣмецкій переводъ „Аналитической химіи", сдѣланный докторомъ Балономъ и изданный въ Лейпцигѣ, и редактировалъ IX томъ Журнала Русскаго Химическаго Общества; Ф. В. Овсянниковъ—продолжалъ изслѣдованіе надъ сосудодвигательными нервами и надъ строеніемъ головнаго мозга; весною 1877 года былъ на Волгѣ, гдѣ занимался изученіемъ развитія нѣкоторыхъ стадій зародышей стерлядей; А. А. Иностранцевъ—напечаталъ отдѣльною книгою „Геологическій очеркъ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи и его рудныхъ мѣсторожденій" съ двумя картами и тремя хромолитографированными таблицами; А. В. Совѣтовъ—переработалъ, сообразно съ новѣйшими данными, свое сочиненіе „О кормовыхъ травахъ", которое и поступило въ печать, редактировалъ сельско-хозяйственный журналъ Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества; по поводу сдѣланнаго имъ въ 1876 году агрономическаго путешествія по центральнымъ черноземнымъ губерніямъ Россіи, сдѣлалъ нѣсколько сообщеній въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ и въ Петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ о положеніи хозяйства въ этихъ губерніяхъ. Сообщенія эти напечатаны въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, а одно въ газетѣ Голосъ; Ю. Э. Янсонъ—напечаталъ „Опытъ изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и о платежахъ" и печаталъ книгу „Россія и западная Европа. Опытъ сравнительной статистики Европы"; на предстоящую въ Маѣ 1878 года антропологическую и этнографическую выставку въ Парижѣ приготовилъ отчасти свои, отчасти студенческія работы по движенію населенія въ Россіи, въ видѣ атласа изъ 50 картограмъ и 10 діаграмъ; И. Е. Андріевскій—напечаталъ въ V томѣ Сборника государственныхъ знаній статью „Реформа исполнительной полиціи въ Россіи" и приступилъ къ печатанію составленнаго подъ его редакціею и издаваемаго Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ „Земскаго ежегодника за 1876 годъ"; А. Д.

Библиотека "Руниверс"

Градовскій—помѣстилъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній статью подъ заглавіемъ „Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европейской Россіи"; В. И. Сергѣевичъ—напечаталъ: въ Вѣстникѣ Европы—„О причинахъ неудачъ Екатерининской законодательной комиссіи" и въ Русской Старинѣ—„Отвѣтъ на защиту г. Пахмана"; Н. С. Таганцевъ—редактировалъ Журналъ гражданскаго и уголовнаго права; М. И. Горчаковъ—помѣстилъ нѣсколько критическихъ статей и замѣтокъ въ V томѣ Сборника государственныхъ знаній, въ Русской Старинѣ и другихъ періодическихъ изданіяхъ; Ф. Ф. Мартенсъ—напечаталъ IV томъ „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами", снабдивъ его историческими комментаріями; помѣщалъ отдѣльныя статьи въ Journal du droit international privé, въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ, въ Сборникѣ государственныхъ знаній и въ нѣкоторыхъ другихъ заграничныхъ и русскихъ повременныхъ изданіяхъ, составилъ для Annuaire de l'Institut de droit international отдѣлъ, касающійся Россіи; сочиненіе его „Etude historique sur la politique russe dans la question d'Orient" вышло въ Парижѣ и Гентѣ, а затѣмъ переведено на нѣмецкій языкъ и издано съ значительными дополненіями подъ заглавіемъ „Die russische Politik in der orientalischen Frage"; Э. Р. Вреденъ — приготовилъ къ печатанію второе изданіе своего курса политической экономіи; И. Н. Березинъ — издалъ въ свѣтъ VII, VIII и IX выпуски „Русскаго энциклопедическаго словаря"; В. П. Васильевъ — помѣщалъ въ періодическихъ изданіяхъ статью по восточному вопросу и въ Вѣстникѣ Европы — о нынѣшнемъ состояніи Турціи; К. А. Коссовичъ — продолжалъ обширный свой трудъ объ отношеніяхъ Арійской отрасли языковъ къ языкамъ семитскимъ и изготовилъ къ печати нѣсколько древнихъ аремейскихъ текстовъ, сопровождаемыхъ сравнительной грамматикой и глоссаріемъ; К. П. Паткановъ — напечаталъ: „Сочиненіе Ананія Ширакаци, автора VII вѣка, на древне-армянскомъ языкѣ и "Текстъ и переводъ армянской географіи VII вѣка, съ объяснительными примѣчаніями"; Д. А. Хвольсонъ — напечаталъ три статьи подъ заглавіемъ „Послѣдняя пасхальная вечеря Іисуса Христа и день Его смерти" и статью „Возможны ли въ Турціи реформы въ отношеніи христіанскихъ подданныхъ"; В. Ѳ. Гиргасъ—занимался составленіемъ Арабскаго словаря къ изданной имъ христоматіи. Доценты: В. Г. Васильевскій — продолжалъ изслѣдованіе о Византійской исторіи въ отношеніи къ Русской и напечаталъ отно-

Библиотека "Руниверс"

сящіяся сюда три статьи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ заглавіемъ „Русско-Византійскіе отрывки“ Ѳ. Ѳ. Соколовъ — изготовилъ и напечаталъ рѣчь по случаю столѣтней годовщины Императора Александра I; Д. К. Бобылевъ — напечаталъ сочиненіе „О распредѣленіи электричества на проводникахъ, состоящихъ изъ неоднородныхъ частей“, представленное имъ на степень доктора физики; И. Я. Фойницкій — по порученію Географическаго Общества составилъ программу для собиранія обычаевъ по уголовному праву, помѣщенную въ Трудахъ Общества, и напечаталъ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права статью „О судебныхъ кодексахъ Германіи 1876 и 1877 годовъ“; К. И. Малышевъ — печаталъ: третій томъ курса гражданскаго судопроизводства и первый томъ курса гражданскаго права; В. А. Лебедевъ—помѣстилъ въ Сборникѣ государственныхъ знаній нѣсколько рецензій объ иностранныхъ и русскихъ новыхъ книгахъ, относящихся къ финансовому праву; баронъ В. Р. Розенъ — напечаталъ каталогъ арабскимъ рукописямъ Петербургскаго института восточныхъ языковъ, который и издалъ на счетъ азіатскаго департамента; А. А. Цагарели—напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія статью „Изъ поѣздки въ Закавказскій край лѣтомъ 1877 г.“ и особо — переводъ съ объясненіями Сборника грузинскихъ сказокъ и басенъ XVII и XVIII столѣтій, извѣстнаго подъ названіемъ „Книга мудрости и лжи Саввы Сулхана Орбеліани“. Приватъ-доценты: Н. И. Вакстъ—напечаталъ въ Archiv für Anatomie und Physiologie статью статью „О дѣйствіи максимальныхъ раздраженій различной продолжительности на нервъ, ускоряющій сердце“; Х. Я. Гоби — напечаталъ въ Трудахъ общества естествоиспытателей — „Багрянки или красивыя водоросли (Floridеae)“ и „Объ одномъ изъ способовъ возрастанія слоевища фэоспоровыхъ водорослей“ и въ Botanische Zeitung — „Ueber einige Phaeosporeen der Ostsee und des Finnischen Meerbusens“ и приготовилъ къ печати: „О флорѣ водорослей Бѣлаго моря“ и „О хлорофиллеоносныхъ (зеленыхъ) водорослях Финскаго залива“; И. И. Борманъ — сдѣлалъ изслѣдованіе надъ гальваническимъ сопротивленіемъ, помѣщенное въ Журналѣ физическаго общества; Н. Е. Егоровъ—помѣстилъ въ томъ журналѣ изслѣдованіе надъ электрическимъ фотометромъ; Н. А. Гевехусъ — въ томъ же журналѣ напечаталъ изслѣдованіе надъ упругостію палладія; И. Ф. Шмальгаузенъ — напечаталъ: въ Трудахъ общества естествоиспытателей—„Изслѣдованіе надъ развитіемъ млечныхъ вмѣстилищъ рас-

Библиотека "Руниверс"

тений", въ Бюллетенѣ Академіи Наукъ—„Растительные остатки Яруса Урса Восточной Сибири", участвовалъ въ разработкѣ туркестанской флоры директора ботаническаго сада Е. Регеля и статьи по этому предмету печаталъ въ Трудахъ сада; А. А. Гриммъ — напечаталъ: „Каспійское море и его фауна", выпускъ 2-й съ картой и тремя таблицами, „Къ ученію о простѣйшихъ животныхъ", „Къ познанію фауны Балтійскаго моря и исторіи ея возникновенія" (въ Трудахъ общества естествоиспытателей), „О дождевыхъ червяхъ", „Къ вопросу объ охраненіи рыбъ" и „О зависимости появленія вредныхъ насѣкомыхъ отъ степени культуры мѣстности", послѣднія три статьи въ Трудахъ вольнаго экономическаго общества; С. П. Глазенапъ— окончилъ слѣдующія три работы: „Опредѣленіе массы Юпитера по наблюденіямъ астронома доктора Фогеля надъ элонгаціями III и IV спутниковъ Юпитера", „Геліометрическія наблюденія разстояній центровъ Венеры и Солнца въ постъ Кэмнерыболовъ, произведенныхъ имъ въ 1874 году во время прохожденія Венеры передъ Солнцемъ" и „Вычисленіе абсолютныхъ возмущеній Юпитера"; эта послѣдняя работа предпринята по предложенію германскаго астрономическаго общества; М. Н. Богдановъ — напечаталъ: въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества—„О черноземѣ и его практическомъ и научномъ значеніи" и въ Journal für Ornithologie—„Der Saxant-Höcher" и Sorgfältige Mittheilung über die Calandrilla-Arten der Russischen Fauna"; О. Д. Хвольсонъ — напечаталъ: „О вліяніи проваливанія на электрическое сопротивленіе желѣзныхъ проволокъ", „О прохожденіи электрическаго тока черезъ плоскія пластинки", „Объ электрической теоріи Эдлунда" и „О функціи намагниченія" и приготовилъ къ печати статью „О магнитныхъ индукціяхъ на двухъ шарахъ"; К. Г. Залеманъ—напечаталъ замѣтки о пеглійской надписи на серебряномъ кувшинѣ, хранящемся въ Императорскомъ эрмитажѣ. Лекторы: протоіерей Н. Н. Дорджеевъ — составилъ разговорный монголо-бурятско-русскій словарь; И. И. Флёри — напечаталъ: „Récits, descriptions et dialogues gradués, suivis de divers extraits en vers et en prose, pour la traduction du français en russe, avec un vocabulaire méthodique"; „Разказы и описанія изъ лучшихъ русскихъ авторовъ"; (5-е изд.). „Un peuple réveillé par la grammaire" (Extrait des Mémoires de la société académique de Cherbourg), „Lettre sur la poésie populaire du pays de la Hayue (Manche); publiée dans Méludine à Paris,"; К. И. Тёрнеръ — напечаталъ: „Instruction for schools and Homes. Lection by B. Holymayer, — translated from the original Ger-

Библиотека "Руниверс"

man", „Series of 14 articles under the general titre of Studies in Russian litterature published in Fraser's Magazine"; **М. А. Пинто**—написалъ драму въ пяти дѣйствіяхъ, на итальянскомъ языкѣ „Николо-де-Лапи", напечатанную въ С.-Петербургѣ въ русскомъ переводѣ и представленную на сцену. Преподаватели: **А. И. Невоженовъ** — напечаталъ въ журналѣ Женское Образованіе статью подъ заглавіемъ „Нѣмецкій способъ преподаванія русской словесности"; **И. И. Захаровъ** — продолжалъ печатаніе составленной имъ Манчжурской грамматики. Лаборанты: **М. Львовъ**—занимался изслѣдованіемъ надъ полимеризаціей бромистаго винила; **Вагнеръ** — сдѣлалъ въ Химическомъ Обществѣ сообщеніе о вновь открытомъ спиртѣ винил-этилкарбинолѣ; **Любавинъ** — издалъ второй, послѣдній выпускъ физической химіи, въ химическомъ обществѣ сдѣлалъ сообщеніе объ изслѣдованіи молочнаго пуклеина; **Фанъ-деръ-Флитъ**—напечаталъ въ Журналѣ Физическаго Общества двѣ статьи объ электричествѣ; **Лермонтовъ**—сдѣлалъ изслѣдованіе о фотографическомъ процессѣ, которое напечатано въ Журналѣ Физическаго Общества и въ Journal de Physique. Консерваторы: геологическаго кабинета **В. В. Докучаевъ** — приготовилъ къ печати магистерскую диссертацію, какъ результатъ изслѣдованія имъ вопроса о происхожденіи рѣки; агрономическаго кабинета **В. М. Яковлевъ**—производилъ изслѣдованіе посѣвныхъ сѣмянъ урожая 1877 г., полученныхъ изъ разныхъ губерній, помѣщенное въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, принималъ участіе въ составленіи „Обзора народной ученой литературы", издававшагося комитетомъ грамотности при вольномъ экономическомъ обществѣ, и составилъ брошюру „Описаніе видовъ и свойства сорныхъ травъ, характеризующихъ физическія и химическія свойства почвы". Ассистентъ по судебной медицинѣ **В. А. Истоминъ**—произвели изслѣдованіе въ лабораторіяхъ университетской и Академіи наукъ по слѣдующимъ вопросамъ: „О разложеніи мочевины въ крови", б) О новыхъ канюляхъ, приготовленныхъ изъ сосудовъ животнаго, в) О депрессорныхъ и ускоряющихъ сердцебіеніе центрахъ въ спинномъ мозгу, г) О вліяніи салициловой кислоты на сердце лягушки, д) О вліяніи спиннаго мозга въ дѣлѣ отравленія салициловою кислотою. Работы эти, предварительно сообщенныя на засѣданіяхъ общества естествоиспытателей, напечатаны въ St.-Petersburger Medicinsche Wochenschrift, а частію въ Бюллетеняхъ Академіи наукъ. Публичныя лекціи читали: ординарный профессоръ **О. Ѳ. Миллеръ** — О русской литературѣ XVIII столѣтія и приватъ-до-

Библиотека "Руниверс"

центъ А. И. Незеленовъ — О героическихъ личностяхъ русской поэзіи.

Совѣтъ С.-Петербургскаго университета имѣлъ въ теченіе 1877 года 16 засѣданій, на которыхъ обсуждались и рѣшались всѣ дѣла, которыя, на основаніи университетскаго устава, подлежатъ вѣдѣнію совѣта. Утверждены въ степени доктора магистры: Иванъ Лучицкій, Ѳедоръ Фортинскій и Александръ Трачевскій—всеобщей исторіи, Иванъ Цвѣтаевъ—римской словесности, Иванъ Шмальгаузенъ—ботаники, Дмитрій Бобылевъ и Петръ Фанъ-деръ-Флитъ—физики, Иванъ Дитятинъ—государственнаго права; въ степени магистра: докторъ Геттингенскаго университета Михаилъ Усовъ и кандидатъ Николай Бѣлецкій—зоологіи; кандидаты: Николай Егоровъ—физики, Николай Суворовъ—церковнаго законовѣдѣнія, Николай Веселовскій—исторіи Востока. Затѣмъ удостоены степени кандидата: по историко-филологическому факультету—8, по физико-математическому—20, по юридическому — 50, по факультету восточныхъ языковъ—5, всего—83; званія дѣйствительнаго студента: по историко-филологическому факультету—7, по физико-математическому — 9, по юридическому—42, по факультету восточныхъ языковъ—2, всего—60. Для приготовленія къ профессорскому званію отправлены были за границу кандидаты: Андрей Исаевъ — по политической экономіи, Алексѣй Позднѣевъ — по монгольскому языку, Николай Тарарыховъ—по зоологіи и кандидатъ Дмитрій Дубяго — по астрономіи. Оставлены были при университетѣ для приготовленія къ экзамену на степень магистра кандидаты: Трессъ — по древней филологіи, Бережковъ—по русской исторіи, Радловъ — по философіи, Флоринскій—по славянской филологіи, Левицкій—по астрономіи, Вышнеградскій—по химіи, Пташицкій—по математикѣ, Ларіоновъ—по исторіи русскаго права, Трифоновъ—по государственному праву, Крыловъ—по персидской словесности. Всѣ названныя лица пользовались стипендіями на счетъ суммы государственнаго казначейства или изъ средствъ университета. Безъ назначенія стипендій оставлено было при университетѣ для приготовленія къ экзамену на магистерскую степень: по историко-филологическому факультету — 6, по физико-математическому—13, по юридическому — 3. Съ тою же цѣлію пользовались стипендіями: частныя лица — 2 кандидата юридическаго факультета, С.-Петербургскаго Собранія сельскихъ хозяевъ—1 физико-математическаго и IV Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи—1 юридическаго факультета. Изъ числа

Библиотека "Руниверс"

преподавателей командированы были съ ученой цѣлію профессоры: Бекетовъ и Мартенсъ. Первый — на конгрессъ ботаниковъ и садоводовъ въ Амстердамѣ, при чемъ онъ посѣтилъ съ научною цѣлію и Парижъ. Въ пятидневное пребываніе въ этомъ городѣ, онъ сообщалъ свою новую работу въ собраніи французскаго Ботаническаго Общества, котораго онъ считается членомъ. Кромѣ того, ему удалось сдѣлать весеннюю ботаническую экскурсію въ Медонъ, куда онъ отправлялся съ однимъ изъ своихъ сочленовъ по обществу. Въ Амстердамѣ профессоръ Бекетовъ участвовалъ въ засѣданіяхъ и преніяхъ ботаническаго конгресса, и, не смотря на раннее время года, могъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ обширнымъ Гарлемскимъ садоводствомъ. Во время прогулки, устроенной Гарлемскими жителями въ знаменитый Гарденъ-Даль, члены конгресса могли убѣдиться личнымъ наблюденіемъ, что классическая страна тюльпановъ и гіацинтовъ и до сихъ поръ производитъ милліоны этихъ растеній. Они видѣли цѣлыя десятины, покрытыя исключительно названными лилейными, бывшими тогда въ полномъ цвѣту. Профессору Бекетову удалось также осмотрѣть знаменитую ферму г. Амерфорста, занимающую часть сравнительно недавно осушеннаго Гарлемскаго озера. Подъ этою фермой всего около 200 десятинъ, а между тѣмъ она приноситъ до 100 т. франковъ годоваго дохода. Поля обрабатываются тамъ паровымъ плугомъ, рогатый скотъ преимущественно гренингенской породы, лошади — смѣшанной породы. Французской или ганноверской съ чистокровной англійской. Локомобиль, служащій при дѣйствіи пароваго плуга, служитъ также для изготовленія пищи скоту. Г. Амерфорстъ, самъ ученый натуралистъ, именно геологъ, съ величайшею любезностью объяснялъ профессору Бекетову работы по осушенію Гарлемскаго озера, въ которыхъ онъ принималъ главное участіе. Въ его рабочемъ кабинетѣ имѣется рельефная карта всей мѣстности озера, исполненная имъ собственноручно. Профессоръ Мартенсъ командированъ былъ въ Цюрихъ на конгрессъ института международнаго права; на этомъ конгрессѣ ученые представители Англіи, Австро-Венгріи, Германіи, Бельгіи, Голландіи, Италіи, Франціи и Россіи составили декларацію, въ которой самымъ безпощаднымъ образомъ бичуются звѣрства турецкихъ войскъ въ отношеніи русскихъ раненыхъ и строго осуждаются дѣйствія турецкаго правительства. Ученыя экскурсіи внутрь Россіи совершили слѣдующіе преподаватели университета и состоящія при этомъ лица: профессоры Овсяниковъ, Вагнеръ и Иностранцевъ, доцентъ Цагарели, приватъ-доцентъ Гоби

Библиотека "Руниверс"

и консерваторъ Докучаевъ. Профессоръ Овсянниковъ былъ на Волгѣ, гдѣ занимался изученіемъ нѣкоторыхъ стадій развитія зародышей стерляди. Профессоръ Иностранцевъ изслѣдовалъ долину Невы. Однимъ изъ главныхъ результатовъ этого изслѣдованія является крайне — неожиданный фактъ, что долина Невы въ основныхъ своихъ чертахъ была образована раньше отложенія настоящаго ледниковаго наноса. Самый же характеръ наноса, выполняющій долину, представилъ, благодаря этимъ изслѣдованіемъ, полныя детали въ своемъ строеніи, а съ тѣмъ вмѣстѣ далъ матеріалъ и для знакомства съ геологическимъ строеніемъ почвы нашей столицы. Г. Цагарели путешествовалъ по Закавказскому краю съ цѣлію изслѣдованія языковъ иверійской группы (грузинскаго, мингрельскаго, лазскаго и сванетскаго) и собранія нужнаго для того матеріала. Онъ проѣхалъ Мингрелію въ двухъ разныхъ направленіяхъ, побывалъ въ мѣстностяхъ, гдѣ въ лучшемъ видѣ сохранился мингрельскій языкъ, и записалъ на немъ значительное число произведеній народнаго творчества, какъ-то пѣсни, сказки, пословицы и т. п., равно перевелъ на мингрельскій языкъ 12 генигельскихъ притчей. Профессоръ Вагнеръ путешествовалъ на Бѣлое море. На этотъ разъ онъ ограничился изученіемъ фауны бухты Соловецкаго монастыря, причемъ дополнилъ и привелъ въ порядокъ свои прежнія изслѣдованія. Соловецкій монастырь предложилъ мѣсто для одной изъ зоологическихъ станцій въ своей странноприимной гостинницѣ. Консерваторъ Докучаевъ принялъ участіе въ предпринятой вольнымъ экономическимъ обществомъ экспедиціи для новыхъ изслѣдованій черноземной полосы Европейской Россіи, причемъ на г. Докучаева возложена была геологическая сторона этого предпріятія, съ каковою цѣлію онъ и объѣхалъ значительную часть юго-западнаго края. Результатами его экскурсіи были: а) значительное исправленіе границъ черноземной полосы; б) раздѣленіе черноземныхъ почвъ, въ зависимости отъ характера коренныхъ породъ, на нѣсколько типовъ; в) окончательное устраненіе нѣкоторыхъ гипотезъ о происхожденіи черноземной почвы и новыя геологическія данныя, подкрѣпляющія извѣстную теорію академика Рупрехта; г) новый взглядъ на причины отсутствія чернозема въ сѣверной Россіи, и д) собраніе огромнаго числа почвъ съ ихъ подпочвами и коренными породами и выясненіе вопроса о нормальномъ разлаганіи чернозема. Въ качествѣ депутатовъ С.-Петербургскаго университета командированы были: профессоры Менделѣевъ и Янсонъ—въ Упсальскій университетъ для привѣтствія по случаю четырехсотлѣтняго юбилея сего университета, а профес-

Библиотека "Руниверс"

соры Срезневскій, Бестужевъ-Рюминъ, Васильевъ и доценты Смирновъ — въ Казань, для участія на происходившемъ тамъ археологическомъ съѣздѣ.

По финансовой смѣтѣ къ отпуску изъ государственнаго казначейства на содержаніе С.-Петербургскаго университета въ 1877 году было ассигновано: на содержаніе личнаго состава — 209.233 руб., на хозяйственные расходы и учебныя пособія — 74.950 руб., на стипендіи и пособія студентамъ — 73.983 руб., всего 349.166 руб. Спеціальныя средства университета находились въ слѣдующемъ положеніи: 1876 года оставалось — 31.992 руб. 26½ коп., въ теченіе 1877 года поступило — 39.057 руб. 45 коп., израсходовано — 42.307 руб. 97 коп., затѣмъ въ остаткѣ къ 1-му января 1878 года имѣлось — 28.741 руб. 74½ коп. Главнѣйшія статьи расхода изъ спеціальныхъ средствъ были слѣдующія: на содержаніе личнаго состава преподавателей сверхъ штата и на вознагражденіе приватъ-доцентовъ — 15.966 руб. 61 коп., на содержаніе личнаго состава не преподавателей: лаборантовъ, консерваторовъ и другихъ лицъ — 1.785 руб., на печатаніе сочиненій преподавателей и диссертацій на ученыя степени — 3.493 руб. 27 коп., на ученыя командировки и путешествія — 3.400 руб., на выдачу пособій на погребеніе и въ другихъ случаяхъ — 3.250 руб., на лекарство и вообще на медицинскую часть — 807 руб. 30 коп., на кабинеты и учебно-вспомогательныя учрежденія — 2.345 руб., на изготовленіе медалей, на пособіе студентамъ, на содержаніе университетской церкви и другіе расходы — 10.491 руб. 69 коп.

Студентовъ къ 1-му января 1877 года состояло на лицо — 1.236, въ теченіе года вновь поступило — 612 (изъ правительственныхъ гимназій — 283, изъ частныхъ гимназій — 7, изъ духовныхъ семинарій — 191, изъ Гатчинскаго Сиротскаго института — 14, изъ трехъ училищъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій — 9, изъ лицея цесаревича Николая — 1, изъ Эстляндскаго рыцарскаго училища — 1, изъ Нижегородскаго Александровскаго института — 3, изъ историко-филологическаго института — 1, изъ другихъ университетовъ — 55, изъ Демидовскаго юридическаго лицея — 3, изъ бывшихъ студентовъ С.-Петербургскаго университета — 44); въ теченіе 1877 года выбыло: по окончаніи курса — 133, до окончанія курса — 297 (умершихъ — 14, уволенныхъ какъ пробывшихъ два года въ курсѣ — 6, уволенныхъ за невзносъ платы за слушаніе лекцій — 80, уволенныхъ за выслушаніемъ полнаго курса, но недержавшихъ окончательнаго испытанія — 22, уволенныхъ

Библиотека "Руниверс"

сотнями прошеній, по болѣзни, домашнимъ обстоятельствамъ, и для перехода въ другіе университеты и высшія учебныя заведенія—168); затѣмъ къ 1-му январю 1878 года оставалось на лицо—1.418, которые были распредѣлены по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическомъ—214, на физико-математическомъ—593 (въ разрядѣ математическихъ наукъ—301, въ разрядѣ естественныхъ наукъ—292), на юридическомъ—584, (въ разрядѣ юридическомъ—548, въ административномъ разрядѣ—36), на факультетѣ восточныхъ языковъ—27. Постороннихъ слушателей было: къ 1-му январю 1877 года—76, къ 1-му января 1878 года—81. Изъ общаго числа студентовъ освобождено было отъ платы за слушаніе лекцій: въ первомъ полугодіи изъ 1.236—414, во второмъ полугодіи изъ 1418-ти—485; слушавшихъ за уменьшенную плату было: въ первомъ полугодіи—59, во второмъ—43. Стипендіями пользовались 382 студента, именно: 201—на сумму 70.620 руб., 57 изъ средствъ государственнаго казначейства, 37—на сумму 8.062 руб. 65 коп. изъ процентовъ пожертвованныхъ капиталовъ, и 44—на сумму 12.488 руб. на счетъ суммъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Размѣръ стипендій составленъ отъ 85 руб. до 600 руб. включительно. Пособій выдано было студентамъ на сумму 7.382 руб. 50 коп. Студентовъ, лишившихся въ 1877 году стипендій, за невыдержаніемъ установленнаго экзамена, было—60, именно: по юридическому разряду—14, по административному—2, по математическому—18, по естественному—14, по историко-филологическому факультету—11, по факультету восточныхъ языковъ—1.

Учебно-вспомогательныя учрежденія С.-Петербургскаго университета къ 1-му января 1878 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библіотекѣ—53.320 сочиненій въ количествѣ 124,023 томовъ цѣнностію на 269,683 руб.; въ кабинетѣ практической механики: приборовъ по механикѣ—38, моделей—58, книгъ—286 экземпляровъ, всего на сумму 9,642 руб.; въ физическомъ кабинетѣ—712 различныхъ приборовъ и инструментовъ на сумму 30,239 руб.; въ астрономической обсерваторіи—29 инструментовъ на 4,927 руб.; въ химической лабораторіи разныхъ приборовъ и инструментовъ—4,308 нумеровъ на 18,117 руб.; въ технической лабораторіи: разныхъ предметовъ—628 нумеровъ на 3,748 руб.; въ минералогическомъ кабинетѣ: 9,481 нумеровъ въ количествѣ 9,559 экземпляровъ на сумму 14,945 руб.; въ геологическомъ и палеонтологическомъ кабинетахъ—6,099 нумеровъ на 19,132 руб.; въ ботаническомъ каби-

Библиотека "Руниверс"

нетѣ: микроскоповъ, приборовъ, таблицъ и коллекцій — 931 нумеръ на 6,375 руб.; въ ботанической оранжереи: живыхъ растеній — 5,026 экземпляровъ, сухихъ растеній въ гербаріяхъ — 51,700 экземпляровъ, справочныхъ книгъ — 150 экземпляровъ, всего на сумму 8,660 руб.; въ зоологическомъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ — 14,220 экземпляровъ на 13,350 руб.; въ зоологическомъ кабинетѣ: разныхъ предметовъ — 889 экземпляровъ на 5,243 руб.; въ физіологическомъ кабинетѣ — 607 нумеровъ на 7,372 руб.; въ агрономическомъ кабинетѣ: медалей и другихъ приборовъ — 858 нумеровъ на 7,386 руб.; въ кабинетѣ восточныхъ монетъ и медалей — 9,109 нумеровъ на сумму 12,900 руб.

При С.-Петербургскомъ университетѣ состоятъ пять ученыхъ обществъ: Филологическое, Физическое, Русское химическое, Юридическое и Общество естествоиспытателей. Дѣятельность этихъ обществъ въ теченіе 1877 года и состояніе ихъ выразилось въ слѣдующемъ. Въ засѣданіяхъ Филологическаго Общества (учреждено 6 февраля 1869 г.) принимали участіе своими заявленіями преподаватели университета: гг. Васильевскій, Дестунисъ, Ламанскій, бар. Розенъ, Срезневскій и Хвольсонъ. Особенно любопытно по новости содержанія было заявленіе Г. С. Дестуниса о старинной греческой былинѣ объ Артурѣ, представившей собою первый образецъ народной эпической поэмы изъ того рода, къ которому относятся какъ великорусскія былины, такъ и юнацкія пѣсни Сербовъ и Болгаръ. Подлинникъ найденъ въ старинной рукописи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ. Г. С. Дестунисъ предложилъ свой переводъ съ объясненіями. — Въ Физическомъ Обществѣ (учрежд. 11 марта 1877 г.) состояло 99 членовъ, было сдѣлано, въ 9-ти засѣданіяхъ, 40 сообщеній и издано 9 книжекъ журнала. Капиталъ Общества — 10,500 руб. Въ 1877 году Физическое Общество вошло въ составъ Русскаго Физико-химическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ — Русское химическое Общество издало въ 1877 году IX томъ своего журнала. Первый отдѣлъ этого тома заключаетъ въ себѣ 45 различныхъ мемуаровъ членовъ Общества; въ немъ находятся труды профессоровъ и студентовъ почти всѣхъ нашихъ университетовъ. Второй отдѣлъ до 600 рефератовъ и корреспонденцій изъ заграничныхъ научныхъ центровъ по всѣмъ отдѣламъ химіи. Такимъ образомъ имѣется картина движенія химіи за 1877 годъ въ Россіи и заграницей. Въ 1877 году положено основаніе библіотеки Общества, благодаря пожертвованію члена Общества, профессора П.

Библиотека "Руниверс"

А. Ильенкова, завѣщавшаго Обществу свою библіотеку, такъ что къ концу года, вмѣстѣ со многими другими пожертвованіями, уже составилось 1,500 томовъ. — Общество естествоиспытателей (учр. 21 дек. 1868 г.) состояло изъ 230 членовъ, въ томъ числѣ 57 иногородныхъ. Это число распредѣлялось по отдѣленіямъ слѣдующимъ образомъ: въ зоологическомъ отдѣленіи — 118 членовъ, въ томъ числѣ 25 иногородныхъ; въ ботаническомъ — 64, иногородныхъ 15; въ отдѣленіи геологіи и минералогіи — 48, изъ нихъ иногородныхъ — 17. Дѣятельность Общества за 1877 годъ оказалась менѣе значительна, нежели въ предыдущіе годы. По независѣвшимъ отъ Общества причинамъ большая часть предположенныхъ Обществомъ экскурсій не состоялась; состоялись четыре экскурсіи академика Шмидта, профессора Иностранцева, приватъ-доцента Гоби и члена-сотрудника Общества, студента университета Мережковскаго. Академикъ Шмидтъ осмотрѣлъ силурійскія образованія Петербургской губерніи, между прочимъ, въ слѣдующихъ пунктахъ: на рѣкѣ Тоснѣ близъ села Никольскаго, на рѣкѣ Мгѣ около Чепенскаго и деревни Сологубовки, у Копорья и наконецъ на Волховѣ и Сяси. Профессоръ Иностранцевъ занимался изслѣдованіемъ долины Невы. Приватъ-доцентъ Гоби экскурсировалъ по Финскому заливу, продолжая свои прежнія изслѣдованія по изученію водорослей флоры этого залива. Ближайшею цѣлію было прослѣдить переходъ отъ флоры прѣсноводной къ флорѣ морской. Результаты изслѣдованій, являющіеся дополненіемъ къ прежде уже опубликованнымъ работамъ г. автора, будутъ вскорѣ напечатаны. Г. Мережковскій, при посѣщеніи своемъ Бѣлаго моря въ 1877 году, ограничился изслѣдованіемъ морской фауны близъ Соловецкихъ острововъ, избравъ мѣстомъ пребыванія Соловецкій монастырь. Эти изслѣдованія должны были служить дополненіемъ къ произведеннымъ имъ розысканіямъ Бѣлаго моря вдоль „Зимняго“ берега за Мезенью и полуострова Колы, включая и часть его въ Ледовитомъ океанѣ отъ Святаго Носа до Іокайской бухты. По представленному г. Мережковскимъ отчету, ему удалось посредствомъ безпрерывнаго драгированія на глубинахъ отъ 5—75 футовъ, найдти въ обѣ эти поѣздки до 400 видовъ животныхъ, если включить въ это число и формы прилежащихъ прѣсныхъ водъ. Изъ 400 формъ оказались до 60 видовъ совершенно новыхъ (для Бѣлаго моря) и нѣсколько новыхъ родовъ и даже одно семейство изъ гидроидовыхъ Кромѣ того г. Мережковскій привезъ и небольшую коллекцію водорослей, переданныхъ для разработки г. Гоби, который уже опредѣлилъ ихъ и изложилъ подробно результаты своихъ изслѣдованій въ

Библиотека "Руниверс"

ботаническомъ отдѣленіи. По примѣру предыдущихъ лѣтъ, къ годичному собранію Общества долженъ былъ выйдти новый томъ трудовъ его. Въ виду значительнаго объема тома предположено было выпустить первый выпускъ въ 20 печатныхъ листовъ. Въ выпускъ этотъ, кромѣ протоколовъ общихъ и частныхъ собраній, вошли слѣдующія научныя статьи: Шмальгаузена—„О млечныхъ сосудахъ", Бекетова—„Объ уродливости цвѣтковъ цикоріи", Гоби—„Багряныя или красные водоросли Финскаго залива, и объ одномъ изъ способовъ возрастанія слоевища феоспоровыхъ водорослей", Гримма—„Къ познанію фауны Балтійскаго моря и его возникновеніе", Домгера—„Современное состояніе вопросовъ о стилолитахъ и ихъ происхожденіи", Воронина—„Организмы, причиняющіе капустнымъ растеніямъ болѣзнь, извѣстную подъ названіемъ „килы", некрологъ Н. И. Желѣзнова, составленный профессоромъ Кесслеромъ, и біографія К. М. Бэра,—профессора Овсянникова. Общихъ собраній общества состоялось четыре. По отдѣленію зоологіи было шесть засѣданій и заслушано 20 научныхъ сообщеній; въ физіологической секціи было четыре засѣданія, на которыхъ сдѣлано 14 сообщеній; по отдѣленію ботаники—3 засѣданій и заслушано 16 сообщеній; по отдѣленію геологіи и минералогіи—6 засѣданій и заслушано 15 оригинальныхъ сообщеній и 2 реферата. Юридическое общество, открытое лишь съ 22 января 1877 года, имѣло уже 150 дѣйствительныхъ членовъ, что, вмѣстѣ съ 30 членами-учредителями, составило 180 дѣйствительныхъ членовъ, которые распредѣлились почти уравнительно по двумъ существующимъ отдѣленіямъ общества, гражданскому и уголовному. Въ теченіе года состоялось 6 общихъ собраній, 6 засѣданій совѣта, 1 соединенное собраніе совѣта и редакціонныхъ комитетовъ отдѣленій, 10 засѣданій редакціоннаго комитета гражданскаго отдѣленія, 10 засѣданій такого же комитета уголовнаго отдѣленія, 7 засѣданій гражданскаго и 7—уголовнаго отдѣленій. Общія собранія были посвящены избранію членовъ и должностныхъ лицъ и разсмотрѣнію внесенныхъ совѣтомъ правилъ дѣлопроизводства общества. Засѣданія совѣта посвящались разсмотрѣнію заявленій о лицахъ, изъявившихъ желаніе поступить въ члены общества, разработкѣ правилъ дѣлопроизводства, опредѣленію порядка счетоводства и храненію денежныхъ средствъ общества, разсмотрѣнію расходовъ, произведенныхъ на нужды общества, и ревизіямъ казначейскихъ книгъ и суммъ общества. Совѣтъ вошелъ въ ближайшія сношенія съ другими отечественными юридическими обществами, предположивъ имъ обмѣнъ протоколовъ. Въ засѣданіяхъ

Библиотека "Руниверс"

гражданскаго отдѣленія разсмотрѣны рефераты дѣйствительныхъ членовъ: А. К. Рихтера — „Объ уменьшеніи наемной платы при случайномъ уничтоженіи части находящагося въ наймѣ имущества“ А. А. Герка — „О значеніи правъ желѣзнодорожныхъ обществъ на недвижимыя и движимыя имущества желѣзныхъ дорогъ“, С. Ѳ. Платонова — „О неудовлетворительности дѣйствующаго порядка взысканій по безспорнымъ обязательствамъ“ и С. В. Пахмана — „О русскомъ конкурсномъ процессѣ, сравнительно съ германскимъ конкурснымъ уставомъ 10 февраля 1877 г.“. По поводу реферата г. Платонова были представлены два сообщенія дѣйствительныхъ членовъ Карницкаго и Люстиха. На засѣданіяхъ уголовнаго отдѣленія разсмотрѣны два реферата: В. Д. Спасовича — „О заключительномъ словѣ предсѣдателя присяжнымъ засѣдателямъ“ — Н. А. Неклюдова — „О преступленіяхъ противу брака“. Кромѣ того были сдѣланы два сообщенія дѣйствительныхъ членовъ: И. Я. Фойницкаго — „О судебно-уголовныхъ кодексахъ Германіи 1876 и 1877 гг.“ и В. Д. Спасовича — „О проектѣ итальянскаго уголовнаго уложенія“.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

1 (13) февраля 1878.

I.

Пренія въ палатѣ депутатовъ по поводу бюджета министерства народнаго просвѣщенія еще разъ доказали, какъ ревностно заботятся у насъ объ успѣшномъ ходѣ учебнаго дѣла. Прежде назначенія своего министромъ г. Барду былъ докладчикомъ комиссіи, разсматривавшей означенный бюджетъ, — слѣдовательно ему лучше чѣмъ кому нибудь извѣстно, какими средствами пользуется министерство и какъ оно должно располагать ими. На потребность его въ текущемъ году ассигновано болѣе 53 милліон. фр.; изъ этой суммы 27,109.413 фр. предназначены собственно на народное образованіе, но въ сущности эта цифра простирается болѣе чѣмъ до 40 милліоновъ, ибо къ ней слѣдуетъ еще отнести 13,602.620 фр., долженствующихъ поступить отъ департаментскихъ генеральныхъ совѣтовъ и отъ общинъ. Соразмѣряя эту сумму съ числомъ дѣтей, мы видимъ, что на образованіе каждаго ребенка расходуется во Франціи по 16 фр. 75 сант. ежегодно. Нѣкоторыя государства гораздо щедрѣе въ этомъ отношеніи: такъ, напримѣръ, въ Даніи расходуютъ по 25 фр., а въ одномъ изъ сѣвероамериканскихъ штатовъ, въ Массачусетѣ, болѣе чѣмъ по 57 фр., но во всякомъ случаѣ, сравнительно съ прежнимъ, мы сдѣлали значительный шагъ впередъ.

Многіе ораторы принимали участіе въ упомянутыхъ мною преніяхъ и между прочимъ одинъ изъ нихъ — занимавшійся нѣкогда преподаваніемъ въ лицеяхъ — доказывалъ необходимость измѣнить теперешніе учебные планы, ибо они возлагаютъ на учениковъ несоразмѣриыя съ ихъ силами обязанности. „Въ настоящее время, говорилъ онъ, добросовѣстный и трудолюбивый ученикъ класса реторики долженъ рабо-

Библиотека "Руниверс"

тать не менѣе двѣнадцати часовъ въ день. Не знаю, много ли между нами — взрослыми людьми — такихъ, которые охотно подвергались бы подобному испытанію. Подумайте только: двѣнадцать часовъ упорнаго труда, молчанья, сидѣнья на одномъ и томъ же мѣстѣ, двѣнадцать часовъ безпрерывнаго напряженія мысли, и это въ возрастѣ отъ 16 до 17 лѣтъ, когда физическія силы особенно требуютъ упражненія. Начиная съ нынѣшняго года, учебный курсъ постоянно расширяется. Обратитесь, напримѣръ, къ 1802 году и увидите, что въ то время — въ эпоху возникновенія нашего Университета — курсъ ограничивался лишь двумя предметами: латинскимъ языкомъ и математикою. Съ тѣхъ поръ присоединили къ нему у насъ греческій языкъ, физику, естественную исторію, химію, исторію и географію, не говоря уже о чтеніи и изученіи французскихъ классиковъ. Довольно ли всего этого? Ограничатся ли этимъ? Едва ли. Такъ, напримѣръ, что касается до меня, то я совѣтовалъ бы ввести въ лицеяхъ историческое изученіе французскаго языка. Но если то и дѣло расширять курсъ, то необходимо что-нибудь и исключать изъ него, ибо и теперь, точно такъ же какъ въ 1802 году, день состоитъ изъ 24 часовъ, изъ коихъ не малая доля должна быть назначена на сонъ, отдыхъ и ѣду; и теперь, точно также какъ въ 1802 году, ощущается необходимость въ тѣлесныхъ упражненіяхъ". Развивая эту мысль, ораторъ подкрѣпилъ ее слѣдующими примѣрами изъ своей практики: „Помню, что когда я исполнялъ обязанности преподавателя въ одномъ изъ лицеевъ, то между нами, то-есть преподавателями, возникали довольно сильные раздоры, по поводу числа часовъ, которыми каждый изъ насъ хотѣлъ распоряжаться для различнаго рода упражненій, задаваемыхъ ученикамъ. Преподаватель реторики требовалъ для себя, разумѣется, львиную часть, а между тѣмъ мы могли располагать только сорока часами въ недѣлю: ему хотѣлось бы захватить ихъ всѣ, и подобное желаніе отнюдь нельзя было считать неумѣреннымъ съ его стороны, имѣя въ виду, какую обширную задачу возлагала на него программа. Но другіе преподаватели предъявляли точно такія же требованія. Такъ какъ намъ самимъ не удавалось придти къ соглашенію, то мы обращались за рѣшеніемъ спора къ провизору. Обыкновенно онъ повторялъ намъ одно и то же: „успокойтесь, потерпите, — это не можетъ продолжаться; въ министерствѣ вырабатываютъ новое распредѣленіе часовъ, которое удовлетворитъ всѣхъ васъ". Мы ждали, товарищи мои ждутъ и теперь, и вѣроятно имъ придется еще ждать очень долго."

Библиотека "Руниверс"

Практическій выводъ изъ всего этого, по мнѣнію оратора, — тотъ, что необходимо исключить изъ учебнаго курса нѣкоторые предметы, особенно же тѣ, которые не согласуются съ назначеніемъ лицеевъ, какъ строго классическихъ учебныхъ заведеній.

Министръ отвѣчалъ, что онъ находитъ подобныя соображенія вполнѣ заслуживающими вниманія, но въ настоящее время не можетъ высказаться относительно ихъ, дабы не затронуть главнымъ образомъ вопросомъ о народномъ образованіи. Прежнія по поводу высшихъ учебныхъ заведеній не ознаменовались ничѣмъ особенно замѣчательнымъ. Упомянемъ только, что г. Барду намѣренъ учредить въ Алжирѣ высшую школу словесныхъ и точныхъ наукъ: это будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей колоніи.

Министръ представилъ на обсужденіе палаты два законодательные проекта, выработанные еще его предшественникомъ г. Вальдингтономъ: первый изъ этихъ проектовъ касается постройки зданій для сельскихъ школъ, а второй — отмѣны платы за обученіе въ народныхъ школахъ. Въ значительной части нашихъ общинъ школьныя помѣщенія представляютъ самое жалкое зрѣлище, и неудивительно, ибо средства для этого очень скудны. Надо построить вновь или расширить по крайней мѣрѣ 30.000 училищныхъ зданій. Предположено, что общины заключатъ съ гарантіею правительства, заемъ въ 60 милліоновъ фр., которые они обязаны будутъ постепенно выплачивать въ теченіе тридцати лѣтъ. Тѣ изъ нихъ, которыя захотятъ ввести у себя даровое начальное обученіе, получатъ право прибѣгать къ добавочному налогу для означеннаго цѣля. Первый изъ упомянутыхъ проектовъ, касающійся школьныхъ помѣщеній, былъ охотно утвержденъ палатою; что касается втораго — о даровомъ начальномъ обученіи — то онъ еще разсматривается въ средѣ комиссіи.

Упомяну затѣмъ объ одномъ весьма важномъ проектѣ, имѣющемъ цѣлью изъять учителей начальныхъ школъ изъ вѣдѣнія префектовъ и подчинить ихъ ректорамъ академій. (должность эта имѣетъ много сходнаго съ должностью попечителей учебныхъ округовъ въ Россіи). Въ такое смутное время, какое переживаетъ теперь Франція, среди ожесточенной борьбы политическихъ партій, учители нерѣдко и противъ воли становятся орудіями этой борьбы. Новый проектъ закона долженъ обезпечить ихъ независимость въ этомъ отношеніи. Министръ народнаго просвѣщенія разослалъ также циркуляръ къ префектамъ въ которомъ предлагаетъ имъ озаботиться, чтобы въ каждомъ депар-

Библиотека "Руниверс"

таменъ было учреждено по одной учительской семинаріи для лицъ женскаго пола: что и весьма важное улучшеніе.

Нѣсколько времени тому назадъ происходило въ Парижѣ торжественное открытіе новаго этнографическаго музея. Въ музеѣ этомъ должны храниться различные предметы, относящіеся къ этнографіи, доставляемые лицами, которыхъ правительство ежегодно командируетъ для ученыхъ изслѣдованій въ отдаленныя страны — Азію, Африку и Америку. На первый разъ уже находится въ немъ замѣчательная коллекція перуанскихъ древностей, собранная г. Вивероэ, австрійцемъ, поступившимъ во французскую службу. По случаю упомянутаго торжества розданы были различныя награды; нѣкоторые изъ ученыхъ получили разрѣшеніе читать въ Музеѣ лекціи о результатахъ своихъ изысканій.

II.

Переходя къ обзору замѣчательнѣйшихъ литературныхъ произведеній, появившихся въ послѣднее время, я долженъ упомянуть прежде всего о дополненіи къ обширному словарю г. Литтре. Дополненіе это состоитъ изъ одного тома in-4°, болѣе чѣмъ въ 400 стр., слѣдовательно по размѣрамъ равняется цѣлому словарю. Авторъ включилъ сюда не только пропущенныя имъ слова, неологизмы, но множество совершенно новыхъ замѣчаній, относящихся къ исторіи и этимологіи уже прежде объясненныхъ имъ словъ. Между прочимъ обратилъ онъ особое вниманіе на слова стариннаго провансальскаго нарѣчія, очень часто встрѣчающіяся въ литературныхъ памятникахъ, но которыя не подвергались до сихъ поръ надлежащему изслѣдованію. Издателемъ принята счастливая мысль присоединить къ этой книгѣ этимологическій указатель словъ восточнаго происхожденія (еврейскаго, арабскаго, персидскаго, малайскаго), составленный г. Марселемъ Девикомъ. Этотъ превосходный трудъ, уже появившійся нѣсколько времени тому назадъ отдѣльно, былъ значительно пополненъ и совершенно по праву занимаетъ мѣсто, на ряду съ капитальнымъ произведеніемъ нашего ученаго академика.

Г. Литтре пролилъ не мало свѣта на начальные среднѣковые памятники французской литературы, а въ настоящее время не перестаютъ безпрерывно появляться изслѣдованія по этому предмету. Особенно замѣчательно одно изъ нихъ, появившееся почти на дняхъ, подъ заглавіемъ: „Recueil général des fabliaux des treizième et quatorzième siècles“ („Сборникъ фабліо XIII и XIV вѣковъ“). Авторъ его,

Библиотека "Руниверс"

г. Монтеглонъ (de Montaiglon) помѣстилъ въ этомъ сборникѣ уже извѣстные публикѣ фабліо, а также и никогда еще не обнародованные, тщательно придерживаясь старинныхъ текстовъ. Въ предшествовавшихъ изданіяхъ критика играла къ сожалѣнію самую незначительную роль, но г. Монтеглонъ приступилъ къ дѣлу съ совершенно иными воззрѣніями. „Фабліо, говоритъ онъ, есть не что иное, какъ разсказъ о самомъ обыкновенномъ приключеніи; но большей части исключительно о немъ и идетъ рѣчь, при чемъ изложеніе отличается тономъ скорѣе простодушнымъ и наивнымъ, чѣмъ изящнымъ и сентиментальнымъ. Все несбыточное, все что имѣетъ отношеніе къ исторіи, все проникнутое характеромъ религіознымъ, дидактическимъ, все, на чемъ лежитъ печать романтической фантазіи и поэтическаго вдохновенія, не имѣетъ тутъ мѣста." Г. Монтеглонъ руководился, главнымъ образомъ, этими соображеніями при составленіи своего сборника. Онъ тщательно приводитъ варіанты всякій разъ, когда имѣетъ предъ собою нѣсколько текстовъ. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Ecole des chartes, г. Маріусъ Сепе, ревностный сотрудникъ различныхъ нашихъ ученыхъ изданій (Polyblion, Revue des questions historiques и т. д.), выступилъ нынѣ съ весьма интереснымъ изслѣдованіемъ о средневѣковой христіанской драмѣ. Первая часть этого труда посвящена подробному обзору различныхъ драматическихъ серій, къ которымъ подавали поводъ праздники Рождества и Пасхи, затѣмъ авторъ говоритъ о чудесахъ и житіи святыхъ, которыя также служили обильною темою для средневѣковыхъ драматическихъ представленій; въ заключеніе всего этого идетъ рѣчь о христіанской драмѣ въ XVI вѣкѣ. Г. Маріусъ Сепе—ревностный католикъ и страстный поклонникъ среднихъ вѣковъ. Книга его написана съ энтузіазмомъ, но энтузіазмъ не исключаетъ глубокаго и основательнаго изученія предмета. Общество библіографовъ, къ дѣятельнымъ членамъ коего принадлежитъ г. Сепе, сосредоточило, какъ кажется, свои занятія преимущественно на средневѣковой литературѣ: оно поручило, между прочимъ, упомянутому нами ученому издать подъ заглавіемъ: „Petits mémoires sur l'histoire de France", интересное собраніе лѣтописей, долженствующихъ пополнить наши свѣдѣнія о средневѣковой исторіи Франціи. До сихъ поръ уже появились въ этомъ сборникѣ „Жизнь Людовика Святаго" и „Послѣдніе каролинги". Кромѣ того общество библіографовъ приступило къ печатанію образцовыхъ произведеній классическихъ писателей, отечественныхъ и иностранныхъ, и успѣло уже издать Корнеля, г-жу Севинье, пѣснь о Ро-

Библиотека "Руниверс"

ландѣ (на современномъ французскомъ языкѣ), испанскій Романсеро, и т. д.

Весьма важнымъ пособіемъ для изученія среднихъ вѣковъ нужно считать глоссарій Лакюрна де-С.-Пале, который хранился доселѣ въ рукописи въ Національной Библіотекѣ. Авторъ этого произведенія, членъ французской академіи, умеръ въ 1781 году, посвятивъ болѣе тридцати лѣтъ своей жизни составленію французскаго глоссарія, который по справедливости можетъ быть поставленъ на ряду съ капитальными трудами Дюканжа. Онъ успѣлъ напечатать только одинъ его томъ. Теперь одинъ изъ провинціальныхъ нашихъ книгопродавцевъ, г. Фаврѣ, задумалъ издать его вполнѣ и четыре тома уже появились въ свѣтъ; всѣхъ ихъ будетъ 15; даже и при существованіи словаря Литтре, трудъ этотъ окажется далеко не лишнимъ и обратитъ на себя вниманіе серьезныхъ ученыхъ.

Востокъ продолжаетъ быть у насъ предметомъ глубокаго и всесторонняго изученія: все, что выходитъ наиболѣе замѣчательнаго по этой части, подвергается тщательному разбору въ ежегодныхъ отчетахъ Азіатскаго общества и на основаніи послѣдняго изъ нихъ я считаю не лишнимъ упомянуть о важнѣйшихъ относящихся сюда новостяхъ. Подъ заглавіемъ „Bibliothèque orientale elzévirienne" издается книгопродавцемъ Леру очень интересная коллекція, пользующаяся большимъ успѣхомъ у спеціалистовъ. Въ послѣднихъ томахъ ея напечатаны: „Галатея", греческая драма съ переводомъ г. д'Эстурнелля, „Сказки и легенды древней Индіи" г-жи Маріи Соммеръ, которая уже обратила на себя вниманіе своею книгою о буддистахъ, „Исламизмъ, его возникновеніе, вліяніе и будущность" д-ра Перрона, „Китайскій театръ" въ переводѣ г. Ходзько, который занималъ нѣкогда должность русскаго консула въ Персіи и извѣстенъ своею грамматикой персидскаго языка. Кромѣ означенной коллекціи тотъ же книгопродавецъ Леру издалъ слѣдующія сочиненія: „Le pays d'Annam, étude sur la position politique et sociale des Annamites" одного изъ нашихъ моряковъ, г. Е. Луро; краткій очеркъ исторіи Египта съ эпохи первыхъ династій до настоящаго времени" г. Роне и „Завоеваніе Александріи или хроника Петра I Лузиньянскаго". Обнародованіе этой хроники принялъ на себя г. Масъ-Латтри (Mas Lattrie) подъ редакціею общества латинскаго Востока (Société de l'Orient latin). Не говорю подробно о каждомъ изъ поименованныхъ мною изданій, ибо это завлекло бы меня слишкомъ далеко за предѣлы моего письма.

Библиотека "Руниверс"

Пользующаяся отличною репутаціей коллекція указателей для путешественниковъ, извѣстная подъ названіемъ Guide Joanne, обогатилась въ послѣднее время новымъ томомъ, представляющимъ интересъ не для тѣхъ только, кто собирается путешествовать по Востоку. Я говорю о второмъ томѣ „Путеводителя описательнаго, историческаго и археологическаго по Востоку" (Itinéraire descriptif, historique et archéologique de l'Orient) д-ра Изамбера (Isambert); этотъ добросовѣстный, ученый уже издалъ превосходное описаніе Европейской Турціи и Греціи, а новый его трудъ посвященъ Египту, Нубіи, Абиссиніи и Синайскому полуострову; мы имѣемъ предъ собою полную и какъ нельзя лучше составленную энциклопедію, въ которой принимали участіе наиболѣе извѣстные наши ученые: г. Масперо, профессоръ египтологіи въ Collége de France, просматривалъ всѣ корректурные листы и исправлялъ географическія карты; Маріеттъ-Бей редактировалъ статьи, относящіяся до верхняго Египта и самъ занялся описаніемъ Вулканскаго нумея; д-ръ Гами, весьма уважаемый членъ нашего общества антропологіи, завѣдывалъ этнографическою частью. Общему указателю отведено немногіе 200 стр., на которыхъ изложено все, что можетъ оказаться необходимымъ простому туристу или ученому изслѣдователю. Въ другомъ, весьма обширномъ, отдѣлѣ книги помѣщены свѣдѣнія о іероглифахъ, изъ коихъ многіе воспроизведены очень изящно, и о главнѣйшихъ египетскихъ божествахъ также съ рисунками. Расходы по изданію были столь значительны, что по необходимости цѣна за книгу назначена довольно высокая (30 фр.). Вообще же это—самый нельзя болѣе удачный трудъ, нисколько не уступающій тѣмъ, которыми гордятся Англичане и Нѣмцы. Къ сожалѣнію на немъ и прекратилась дѣятельность г. Изамбера, который слишкомъ преждевременно для науки былъ похищенъ смертью.

На ряду съ мусульманскимъ Востокомъ и Востокъ эллинскій не перестаетъ возбуждать у насъ живѣйшій интересъ. Недавно одинъ изъ профессоровъ Аѳинскаго университета г. Папарригопуло издалъ на французскомъ языкѣ „Исторію эллинской цивилизаціи" (Histoire de la civilisation hellénique, par M. Paparrigopoulo). Это скорѣе защитительная рѣчь pro domo sua нежели исторія въ настоящемъ смыслѣ слова. Авторъ нигдѣ не обозначаетъ источниковъ, которыми пользовался, и изображаетъ событія въ слишкомъ общихъ чертахъ. Главная его цѣль — доказать, что цивилизація Грековъ отличается строгимъ единствомъ и преемственностью со временъ Гомера до нашихъ дней,

Библиотека "Руниверс"

и если, по словамъ его, укоренилось совершенно ложное мнѣніе на этотъ счетъ, то происходитъ это будто бы отъ того, что объ этомъ предметѣ писали преимущественно не сами Греки, а иностранцы. „Можно себѣ представить, восклицаетъ онъ, какова была бы исторія Франціи, еслибы разработку ея приняли на себя Англичане и Нѣмцы! Что бы ни говорили о національномъ самолюбіи, въ предразсудкахъ и чувствахъ каждаго народа таится обильный источникъ истины, который не привлекалъ къ себѣ вниманія и не былъ оцѣниваемъ по достоинству самыми высокими умами только потому, что они, по происхожденію, принадлежали къ другой средѣ. Задача наша состоитъ въ томъ, чтобы возстановить непонятое доселѣ надлежащимъ образомъ единство эллинской цивилизаціи, выяснить истинное значеніе различныхъ ея элекъ, заставить выслушать голосъ самой Греціи въ томъ историческомъ процессѣ, который судился, такъ сказать, заочно для нея. Книга, съ которою мы выступаемъ предъ публикою, является плодомъ тридцатилѣтняго труда, она — не болѣе какъ сокращеніе другаго обширнаго нашего сочиненія въ 5 томахъ, изданнаго на греческомъ языкѣ". Нечего и говорить, что яростный патріотизмъ г Паппригопуло не допускаетъ его быть сколько-нибудь безпристрастнымъ относительно Славянъ. Для него не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Константинополь долженъ быть столицею Греческаго государства. По этому поводу онъ говоритъ между прочимъ: „Повидимому западная Европа и теперь намѣрена дѣйствовать на Востокѣ точно такъ же какъ прежде, то есть, вопреки своимъ истиннымъ интересамъ. Шестьсотъ лѣтъ тому назадъ она рѣшилась разрушить могущественное государство для того, чтобы замѣнить его Латинскою имперіей и этимъ самымъ проложила путь мусульманскому завоеванію. Нынѣ старается она поддержать имперію мусульманскую, дошедшую до послѣдней степени упадка, и по странному противорѣчію беретъ подъ свое покровительство Славянъ, увеличивая этимъ скорбь Эллинскаго племени (когда же это западная Европа покровительствовала Славянамъ?). Если суждено будетъ восторжествовать подобной политикѣ, то этимъ будетъ лишь подготовлено торжество панславизма....

Панславизмъ служитъ какимъ-то пугаломъ для Грековъ. Я помню, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилось мнѣ присутствовать на одномъ изъ уроковъ современнаго греческаго языка г. Врюне де Прэля, профессоръ остановился на словѣ βραχολιάχος; и позволилъ себѣ высказать предположеніе, что оно происходитъ отъ: „влекодлакъ". Какой-то старикъ, сидѣвшій не далеко отъ меня, вос-

кликнулъ съ простью: „панславизмъ все попираетъ на своемъ пути; онъ хочетъ, кажется, проникнуть и въ этимологію".

Быть можетъ, читатели вашего журнала найдутъ не лишеннымъ интереса извѣстіе о находкѣ, сдѣланной однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ эллинистовъ. Г. Гро, редакторъ Revue de philologie, былъ командированъ недавно въ Грецію для ознакомленія съ греческими рукописями, находящимися въ различныхъ библіотекахъ этой страны. Въ библіотекѣ Гренадскаго университета нашелъ онъ, между прочимъ, рукопись славянскую, о которой и сообщилъ мнѣ свѣдѣнія. Повидимому это—святцы. На первой страницѣ находится латинская надпись слѣдующаго содержанія: Liber hic noster est in lingua illyrica antiquitus, sed multis ex libris armenis, turcis, arabibus et moscovitis et nullam quasi rationem ejus mihi dederunt. Означенная рукопись принадлежитъ коллегіи іезуитовъ въ Гренадѣ; вторая часть ея написана другимъ почеркомъ чѣмъ первая. Г. Гро списалъ, между прочимъ, изъ нея слѣдующія строки:

Йзложеніе сты҃ бг҃оно́сныхъ ѻц҃ъ, о рожденіе
чл҃вчестѣ мужеска по́лу и женеска.

Судя по бумагѣ, г. Гро—отличный знатокъ этого дѣла—полагаетъ, что рукопись относится къ XIV или, самое позднее, къ XV вѣку.

Не проходило почти мѣсяца, чтобы не сообщалъ я вамъ о какомъ нибудь новомъ французскомъ произведеніи, относящемся къ Россіи. Даже въ провинціяхъ наши ученые занимаются ея изученіемъ. Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году профессоръ словеснаго факультета въ Каанѣ, г. Бюхнеръ, читаетъ лекціи о русской литературѣ въ XIX вѣкѣ. Мнѣ неизвѣстно — знаетъ ли г. Бюхнеръ по русски, но уже нѣсколько времени тому назадъ онъ издалъ въ Каанѣ брошюру о Крыловѣ и его басняхъ. Конечно, вы не найдете въ этой брошюрѣ ничего новаго, но все-таки я считаю не лишнимъ упомянуть о ней. Къ болѣе замѣчательнымъ трудамъ принадлежитъ книга г. Гиппо о народномъ просвѣщеніи въ Россіи. Авторъ не знаетъ русскаго языка, онъ не могъ пользоваться источниками, но—какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи—нѣкоторые изъ нихъ были ему доставлены (вѣроятно въ переводѣ), благодаря обязательному содѣйствію русскаго посла въ Парижѣ князя Н. А. Орлова; кромѣ того чрезъ посредство лектора при С.-Петербургскомъ университетѣ, г. Ж. Флери, собралъ онъ интересныя для насъ свѣдѣнія о женскихъ институтахъ и гимназіяхъ. Особенно же пользовался онъ отчетомъ г. министра народнаго про-

Библиотека "Руниверс"

свѣщенія за 1874 годъ. Г. Гиппо былъ пораженъ успѣхами женскаго образованія въ Россіи; по словамъ его, оно нигдѣ не стоитъ такъ высоко, какъ въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Вообще книга г. Гиппо, — особенно если принять во вниманіе трудности, съ которыми приходилось бороться автору, происходящими отъ незнанія имъ русскаго языка,—составлена довольно полно.

Изъ отзывовъ, появляющихся въ вашихъ газетахъ, я вижу, что русская публика уже оцѣнила по достоинству прекрасный трудъ г. Віолле Ле-Дюка о русскомъ искусствѣ.

Въ истекшемъ году извѣщалъ я васъ о новомъ періодическомъ изданіи Mélusine, появившемся подъ редакціей г. Гедоза и Роллана. Сборникъ этотъ тотчасъ же пріобрѣлъ сочувствіе нашихъ ученыхъ, но къ сожалѣнію, онъ долженъ былъ прекратиться за неимѣніемъ достаточнаго числа подписчиковъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, ибо Мелюзина отличалась несомнѣнными достоинствами, и я убѣжденъ что съ теченіемъ времени всѣ книжки ея постепенно будутъ раскуплены. А между тѣмъ въ Италіи появляется въ настоящую минуту точно такое же періодическое изданіе, посвященное народной литературѣ—Rivista di litteratura populara, подъ редакціей гг. Сабатини и Питрѣ.

Двое изъ нашихъ историковъ сошли недавно въ могилу—П. Ланфрей и Бутарикъ. Первый изъ нихъ, родившійся въ 1808 году, занимался преимущественно новою исторіей. Кромѣ „Политической исторіи папъ", ему принадлежатъ „Церковь и философы въ XVIII вѣкѣ", „Опытъ о французской революціи" и „Исторія Наполеона I", оставшаяся не оконченною. Г. Бутарикъ посвящалъ свою ученую дѣятельность среднимъ вѣкамъ; онъ пріобрѣлъ весьма почетную извѣстность изслѣдованіями о старинной французской монархіи, объ эпохѣ Филиппа Красиваго, о Людовикѣ святомъ и о военныхъ учрежденіяхъ Франціи. Мѣсто его въ Академіи надписей и изящной словесности занялъ одинъ изъ нашихъ синологовъ, г. Герве де-Сенъ-Дени.

Л. Л—ръ.

Библиотека "Руниверс"

НАЧАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Годъ тому назадъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія была помѣщена замѣтка о вновь учреждаемомъ Обществѣ любителей древней письменности. Съ тѣхъ поръ это Общество успѣло организоваться и начать свои работы. Считаемъ поэтому не лишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько свѣдѣній о ходѣ его начальной дѣятельности, пользуясь для того собственными его протоколами и отчетами [1]).

6-го мая минувшаго года послѣдовало Высочайшее соизволеніе Государя Императора на учрежденіе Общества; 18-го числа того же мѣсяца утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія уставъ его, а 8-го іюня состоялось уже первое собраніе членовъ-учредителей Общества для выбора должностныхъ лицъ. Въ засѣданіи этомъ образованъ былъ для завѣдыванія дѣлами Общества временный комитетъ, въ составъ котораго вошли князь П. П. Вяземскій, Д. Ѳ. Кобеко, А. А. Куникъ и Н. Н. Селифонтовъ. Комитетъ рѣшилъ неотложно приступить къ обнародованію нѣкоторыхъ памятниковъ древней письменности и къ созваннному на 10-е ноября чрезвычайному собранію Общества могъ уже представить нѣсколько изданій, частію совсѣмъ оконченныхъ, частію же дѣятельно изготовляемыхъ и окончаніе которыхъ ожидается въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Большая часть этихъ изданій исполнена на средства Общества, а нѣкоторыя, и притомъ самыя роскошныя, — на частныя средства нѣ-

[1]) Настоящая замѣтка, впрочемъ, не лишаетъ редакцію права дать со временемъ на страницахъ журнала спеціальную оцѣнку тѣхъ или другихъ изданій Общества.

Библиотека "Руниверс"

которыхъ изъ членовъ, пожелавшихъ однако включить изданные ими памятники въ коллекцію изданій Общества.

Изданія, совершенно оконченныя къ 10-му ноября, были слѣдующія:

1) „Буквица языка словенскаго"—старинная (XVII в.) азбука, изданная по роскошному рукописному свитку, принадлежащему Императорской публичной библіотекѣ. Эта азбука отличается чрезвычайнымъ изяществомъ рисунка какъ самыхъ буквъ, такъ и заставныхъ орнаментовъ, свидѣтельствующимъ о высокомъ развитомъ вкусѣ художника. Она состоитъ изъ двухъ частей, соотвѣтствующихъ приблизительно половинѣ всей длины свитка; первая половина, 9 листовъ, занята непрерывною цѣпью заставныхъ знаковъ, измѣняющихся въ своей формѣ почти на каждомъ листѣ, но имѣющихъ одинъ общій стиль. Въ длинной заставной цѣпи и среди рисунковъ находятся вязи буквъ, большею частію содержащія заглавія и изреченія церковнаго содержанія; напримѣръ, первая красная вязь: „Законъ Моисею Богомъ данъ бысть, благодать же и истина Іисусомъ Христомъ Богомъ"; въ кругу: „Ангелъ предстатель небеси посланъ бысть рещи Богородице радуйся безплотными гласы" и т. п., а также житейское изреченіе въ родѣ учебной поговорки: „задняя забирая, на переднее простираяйся". Два раза повторено заглавіе Буквицы: первый разъ въ самомъ началѣ — „Буквица Словенска", и въ концѣ заставной цѣпи передъ началомъ алфавита—„Буквица языка словенскаго". Вторая часть свитка, собственно содержаніе Буквицы, есть русскій алфавитъ. Каждой важной буквѣ посвящено треть листа; каждая представлена во всевозможныхъ видахъ, при чемъ изящно нарисованныя занимаютъ самое видное мѣсто и украшены орнаментомъ изъ дубовыхъ вѣтвей съ листьями и желудями. Ниже ихъ большею частью три простыя буквы—для менѣе важныхъ началъ уставнаго вида; изъ нихъ одна или двѣ обыкновенно красныя. Между всѣми этими образцами буквъ размѣщено множество мелкихъ скорописныхъ, представляющихъ весьма полезный матеріалъ для изученія старинной скорописи. Надобно удивляться ловкости пера русскаго каллиграфа, котораго почеркъ можетъ быть воспроизведенъ съ полнымъ сохраненіемъ пошиба только фотографическимъ способомъ. Буквица, какъ образецъ каллиграфическаго искусства, возбуждаетъ интересъ еще потому, что вся она рисована и писана тушью, и только нѣкоторыя буквы киноварью, да буква *и* обведена гуммигутомъ. Это можетъ дать поводъ предполагать, что Буквица была составлена не какъ образецъ каллиграфіи, не какъ прописи, а какъ образецъ для составленія типограф-

Библиотека "Руниверс"

скихъ инціаловъ, печатавшихся черными или красными чернилами. Изданіе Буквицы исполнено посредствомъ свѣтопечати г. Рейнгардтомъ подъ наблюденіемъ Вяч. И. Срезневскаго.

2) „Краткое описаніе двадесять монастырей, обрѣтающіяся во Святой горѣ Аѳонской". — Это описаніе собственно не есть древній памятникъ: оно было издано церковно-славянскою печатью въ 1839 г. въ Солунской типографіи, основанной, по словамъ покойнаго В. И. Григоровича, въ этомъ же году Болгариномъ Ѳеодосіемъ, архимандритомъ Синайскимъ, и существовавшей весьма не долго; но съ библіографической точки зрѣнія оно очень любопытно, такъ какъ о немъ не упоминается въ Хронологическомъ указателѣ славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1419 по 1864 г. — В. М. Ундольскаго, изданномъ въ 1871 г. съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Е. Викторова; въ этой книгѣ упомянуто только одно солунское изданіе 1839 г.—Служеніе Еврейско. Описаніе изложено на церковно-славянскомъ языкѣ и имѣетъ значеніе въ историческомъ, географическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Какъ рѣдкость книги, такъ и мѣсто ея изданія, съ которымъ неразрывно соединяются имена первоучителей славянскихъ, и послужили причиною, побудившею Общество любителей древней письменности воспроизвести Описаніе посредствомъ свѣтопечати г. Рейнгардта съ экземпляра, принадлежащаго кн. П. П. Вяземскому.

3) „Обрѣтеніе главы Пророка и Крестителя Христова Іоанна Предтечи пресвитеромъ и архимандритомъ Маркелломъ въ Емесѣ въ царствованіе Валентиніана и Маркіана" (въ 452 году).—Воспроизведено чрезъ прозрачную бумагу изъ пергаменнаго сборника XV вѣка, принадлежащаго библіотекѣ святѣйшаго правительствующаго синода въ С.-Петербургѣ, № 78. Въ этомъ изданіи помѣщены двѣ редакціи одного и того же повѣствованія. Хронологическія данныя, находящіяся въ этой рукописи относительно обрѣтенія главы Іоанна Предтечи, весьма важны, а лѣтосчисленіе показано здѣсь отъ Рождества Христова, что встрѣчается на востокѣ весьма рѣдко, въ особенности въ нашей древней письменности.

4) „Въ 29 день мѣсяца августа Слово Іоанна Златоустаго на Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи и о Иродіи и о Добрыхъ женахъ и злыхъ".—Воспроизведено чрезъ прозрачную бумагу съ вышеупомянутой рукописи библіотеки святѣйшаго синода, № 78. Въ изданіи помѣщены два слова, изъ коихъ первое весьма любопытно по распространенію его до настоящаго времени; патріархъ Фотій и Монфо-

Библиотека "Руниверс"

конъ не признаютъ подлинности этого слова; но современники Іоанна Златоуста, Сократъ и Созоменъ, и около двухъ вѣковъ спустя, Іоаннъ Дамаскинъ приводятъ цитаты изъ этой рѣчи, совершенно согласныя съ церковно-славянскимъ текстомъ. Для насъ эта рѣчь, направленная противъ императрицы Евдокіи, замѣчательна тѣмъ, что позднѣйшая редакція этого слова сходствуетъ со Словомъ Даніила Заточника.

5) „Службы: мѣсяца сентября 23, на зачатіе Честнаго Предтечи и Крестителя Іоанна; мѣсяца іюня 24, на Рождество святаго и славнаго Пророка Іоанна; мѣсяца іюня 25, святыя преподобныя мученицы Февроніи, отданіе праздника Предтечи".—Воспроизведены чрезъ прозрачную бумагу изъ сентябрьской и іюньской Служебныхъ Миней, принадлежащихъ князю П. П. Вяземскому, № LVII, въ 4-ку. Обѣ минеи расположены по Іерусалимскому уставу и писаны въ XVI вѣкѣ, послѣ собора 1547 года.

6) „Іоанна Дамаскина Слово на Благовѣщеніе, Владычица наша Богородица сутъ же здѣ глаголи буквамъ греческимъ Архангелови и Богородичны вѣщанія и отвѣти".—Воспроизведены чрезъ прозрачную бумагу съ пергаменнаго сборника XV в., принадлежащаго библіотекѣ святѣйшаго синода въ С.-Петербургѣ, № 78. Слово это, приписываемое у насъ Іоанну Дамаскину, находится также въ Торжественникѣ 1675 г. Московской синодальной библіотеки. Греческій текстъ того же Слова, изданный Комбефисомъ, приписывается патріарху Константинопольскому Герману. Въ сборникѣ Румянцевскаго музея № 188, XV в., вшиты двѣ тетради въ 4 и 5 листовъ, содержащія въ себѣ бесѣду архангела, а также, въ послѣдней тетради, бесѣды праведнаго Іосифа съ Богоматерью; здѣсь слово приписывается Іоанну Дамаскину. Изданный Обществомъ текстъ согласенъ съ текстомъ, находящимся въ Макарьевскихъ Четьи-Минеяхъ подъ 25-мъ марта.

Послѣднія четыре изданія воспроизведены чрезъ прозрачную бумагу литографическими чернилами и отпечатаны въ типографіи г. Бегрова подъ ближайшимъ наблюденіемъ члена П. И. Савваитова.

7) „Аллегорическое изображеніе покоренія города Кизикермена" — гравюра, воспроизведенная посредствомъ свѣтопечати г. Рейнгардтомъ съ листка изъ польской книги, посвященной фельдмаршалу Б. П. Шереметеву Петромъ Терлецкимъ.

8) „Азбука съ исправленіями императора Петра Великаго и указомъ его о введеніи въ употребленіе гражданскаго шрифта".—Фотолитографическое воспроизведеніе корректурнаго листка, подлинникъ ко-

Библиотека "Руниверс"

тораго хранится въ присутственной залѣ святѣйшаго синода въ особомъ ковчегѣ. На оборотѣ обертки рукою Петра написано: „сими литеры печатать историческіе і манискактурныя книги а которыя подчернены вышеписанныхъ книгахъ не употреблять". Къ этому изданію, сдѣланному подъ наблюденіемъ Н. И. Григоровича, изготовляется приложеніе, въ которомъ долженъ быть помѣщенъ краткій историческій обзоръ начала въ Россіи гражданской печати; здѣсь между прочимъ будутъ находиться оттиски и образцы шрифтовъ славянскаго и гражданскаго 1708 и 1709 годовъ, взятые изъ дѣла московской синодальной типографіи, открытаго инспекторомъ оной В. Е. Румянцевымъ.

Кромѣ этихъ изданій, имѣющихъ уже законченность, начатыми и значительно подвинутыми впередъ показаны были еще слѣдующія:

9) „Девять изображеній чудотворныхъ иконъ Божіей Матери: Мателинскія, Милетинскія, Вихленскія, Мценскія, Кіево-Печерскія, Римскія, Шуйскія, Купятицкія и Черниговскія".—Воспроизведены со старинныхъ гравюръ въ свѣтопечатнѣ г. Рейнгардта. На оборотѣ семи изображеній переданы свѣтопечатью же находящіеся тексты; на оборотѣ двухъ остальныхъ изображеній нѣтъ текста, какъ нѣтъ его и въ подлинникахъ; на 10-мъ листѣ воспроизведенъ также свѣтопечатью образецъ рукописи, среди коей помѣщены гравюры; два листа воспроизводятъ подписи и помѣты, находящіяся на первомъ и послѣднемъ листахъ рукописи. Къ этимъ изображеніямъ имѣетъ быть присоединенъ и текстъ той рукописи, въ которой они находятся.

10) „Челобитная дьяка ямскаго приказа Григорія Всполохова, поданная царю Алексѣю Михайловичу въ 1672 году". Издается по рукописи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ. Внѣшній видъ челобитной—свитокъ въ 20 слишкомъ аршинъ длины, иллюстрированный въ разныхъ мѣстахъ текста пятью раскрашенными изображеніями, изъ коихъ наибольшее имѣетъ въ длину 12 вершковъ; въ нихъ представлены царь Алексѣй, царица Наталья Кирилловна, новорожденный царевичъ Петръ, государственный гербъ и пр. Содержаніе челобитной слѣдующее: За растрату государевыхъ денегъ Всполоховъ былъ заключенъ въ тюрьму; первая его челобитная, относящаяся къ 1671 году, о которой знаемъ только съ его словъ, была, кажется, оставлена безъ вниманія; поэтому на другой годъ Всполоховъ, воспользовавшись событіемъ рожденія Петра Великаго, пишетъ новую, необычайную по содержанію, по пріемамъ, и наконецъ, по тѣмъ иллюстраціямъ, какими онъ ее украсилъ. Всполоховъ

Библиотека "Руниверс"

представилъ въ ней свою біографію съ разными подробностями о давнишнемъ своемъ обѣтѣ принять монашество, о двукратномъ бѣгствѣ въ Кіевъ, о пакостяхъ, содѣланныхъ ему на пути отъ діавола, объ измѣнѣ обѣту, о женитьбѣ, о причинахъ растраты государевыхъ денегъ и пр. Все это авторъ изложилъ довольно витіевато и употребляя весьма часто тексты изъ Священнаго Писанія. Вообще, содержаніе челобитной представляетъ не мало данныхъ, характеризующихъ древнюю Русь, порядокъ управленія государевою казной, отношенія къ ней дьяковъ и подъячихъ и пр. Соотвѣтственно длинѣ челобитной, изданіе ея будетъ состоять изъ 28-ми листовъ, изъ коихъ можно составить альбомъ или свитокъ. Челобитная эта воспроизводится въ хромолитографіи Х. Э. Брандта, и изданіе ея представитъ первый образецъ большого свитка, писаннаго скорописью XVII вѣка и украшеннаго иллюминованными рисунками. Кромѣ этого воспроизведенія рукописи facsimile, предполагается для облегченія его чтенія напечатать въ годовомъ отчетѣ Общества текстъ челобитной, строка въ строку и буква въ букву; для удобства же справокъ въ обоихъ изданіяхъ будетъ обозначенъ счетъ строкъ.

11) „Житіе Алексѣя Митрополита".—Издается по списку начала XVII вѣка, хранящемуся въ Императорской публичной библіотекѣ. Списокъ этотъ состоитъ изъ двухъ половинъ или книгъ, равняющихся вмѣстѣ 39½ листамъ или 316 страницамъ. Важно оно не по содержанію своему, не по тексту, который есть сочиненіе сербскаго выходца Пахомія Логоѳета, а по тѣмъ рисункамъ, какими украшена почти каждая страница рукописи, представляющей такимъ образомъ тщательно иллюстрированную біографію св. Алексѣя Митрополита: каждое событіе въ жизни святителя, почти каждый его шагъ имѣетъ свой нарочитый рисунокъ. Помимо лицъ и одеждъ, въ рисункахъ помѣщены зданія (преимущественно храмы и монастыри), способы сообщеній, орудія для постройки, ханскіе дворцы (изображенные при описаніи поѣздки св. Алексѣя въ Золотую Орду для излѣченія ханьши Тайдулы); контуры въ рисункахъ исполнены весьма тщательно и точно и обличаютъ въ старинномъ рисовальщикѣ замѣчательное искусство. Въ первой половинѣ Житія рисунки раскрашены, но не всѣ одинаково полно и одновременно: только на первыхъ восьми листахъ или 64 страницахъ находятся рисунки, раскрашенные одновременно съ написаніемъ текста, на остальныхъ же 12 листахъ первой половины есть рисунки, оставленные совсѣмъ безъ раскраски, или раскрашенные по частямъ, но отъ этого, конечно, достоинство древняго кон-

Библиотека "Руниверс"

тура и его значеніе нисколько не пострадали: наглядное изученіе старинnаго русскаго быта и искусства можетъ быть безпрепятственно производимо на основаніи этихъ рисунковъ. Рукопись эта воспроизводится хромолитографически.

Наблюденіе за изданіемъ какъ челобитной Всполохова, такъ и Житія св. Алексѣя, принялъ на себя П. А. Гильтебрандтъ.

12) „Римскія Дѣянія"—собраніе повѣстей, извѣстное въ западной Европѣ подъ названіемъ Gesta Romanorum и переведенное—по мнѣнію преосв. Филарета, архіепископа Черниговскаго, — на славяно-русскій языкъ въ XVII в. іеродіакономъ Ѳеофаномъ, библіотекаремъ Чудова монастыря. Памятникъ этотъ печатается по рукописи XVII же вѣка, принадлежащей князю П. П. Вяземскому, крупнымъ шрифтомъ, спеціально пріобрѣтеннымъ содержателемъ типографіи А. И. Траншелемъ для Общества и приспособленнымъ къ воспроизведенію всякаго рода древнихъ и старинныхъ рукописей.

13) „Списаніе Антіоха Великаго о звѣрехъ, нарицаемыхъ Стефанида и Ихнилада"—собраніе индѣйскихъ басенъ въ переводѣ съ греческаго текста Симеона Сиѳа. Памятникъ этотъ печатается по рукописи, принадлежащей князю П. П. Вяземскому, съ означеніемъ отличій отъ двухъ южно-славянскихъ списковъ — Бѣлградскаго и Карловацкаго, изданныхъ г. Даничичемъ въ Загребѣ. Изданіе это, кромѣ своего самостоятельнаго значенія, должно также служить поясненіемъ къ церковно-славянскому тексту сербской редакціи того же памятника, который сохранился въ одной рукописи XV в., находящейся въ Московскомъ публичномъ музеѣ и также предположенной къ изданію подъ наблюденіемъ А. Е. Викторова. Для выясненія важнаго значенія этого сборника басенъ въ литературѣ разныхъ народовъ составлено Ѳ. И. Булгаковымъ введеніе, содержащее въ себѣ историческое изслѣдованіе о его происхожденіи и распространеніи въ переводахъ и передѣлкахъ на разные языки. Кромѣ того, въ видѣ особаго приглашенія къ Стефаниду и Ихниладу предполагается издать переводъ тибетскаго текста: „О снахъ царя Индѣйскаго", который сдѣланъ также Ѳ. И. Булгаковымъ и будетъ печататься подъ ближайшимъ наблюденіемъ академика А. А. Шифнера.

14) „Сѵнодикъ Дѣдовской пустыни въ Тотемскомъ уѣздѣ".—Воспроизводится по рукописи, принадлежащей члену Общества П. И. Савваитову. Сорокъ отдѣльныхъ листовъ воспроизведены facsimile посредствомъ нѣсколькихъ камней; къ листамъ Сѵнодика приложена не-

Библиотека "Руниверс"

большая статья объ основаніи пустыни и нѣсколько листовъ со внесеніемъ именъ усопшихъ.

15) Сборникъ, состоящій изъ трехъ листовъ въ десть и вошедшій въ составъ большаго энциклопедическаго сборника, писаннаго въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны и принадлежащаго кн. П. П. Вяземскому, № XVI. Сборникъ содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Слово о премудрости царя Соломона и о Южской царицѣ; 2) Сказаніе о Египетскомъ царствѣ; 3) Пророчество Исаіи, сына Амосова, о послѣднихъ днѣхъ; 4) Вопросъ на колико серебренникъ прода Іюда Господа Нашего Іисуса Христа; 5) О снахъ царя Шигайши и о послѣднихъ днѣхъ и лѣтѣхъ слово іерихонскаго мудреца Мамера; 6) Сказаніе о Муромскомъ чудотворномъ крестѣ; 7) О написаніи иконы Богородицы евангелистомъ Лукою; 8) О введеніи въ церковь Богородицы; 9) О царѣ Соломонѣ и о Китоврасѣ; 10) О царѣ Валтазарѣ Вавилонскомъ; 11) Повѣсть о винѣ и како отъ чего сперва сотвориса винное сидѣніе; 12) Заговоръ. Рукопись издана facsimile, или правильнѣе, автографически и отпечатана съ камня г. Рейнгардтомъ. При этомъ сборникѣ приложено нѣсколько листовъ изъ той же рукописи съ лицевыми изображеніями, псалмами и крюковыми нотами.

Наконецъ, приготовленными къ изданію заявлены были слѣдующіе памятники: 1) Повѣсть о семи мудрецахъ, 2) Сказка о Бовѣ Королевичѣ — объ по рукописямъ XVII в., принадлежащимъ Императорской публичной библіотекѣ, 3) Счетная мудрость, и 4) Мудрость четвертая: первое изученіе мусикійскихъ согласій. Первые два памятника приготовлены къ печати кн. П. П. Вяземскимъ, послѣдній — членомъ Общества А. П. Крыжинымъ, а третій приготовлялся сперва членомъ же Ю. В. Толстымъ, а за кончиной его порученъ П. И. Савваитову.

Обо всѣхъ этихъ изданіяхъ доложено было въ состоявшемся 10-го ноября 1877 года чезвычайномъ собраніи Общества. Присутствовавшіе, разсмотрѣвъ представленныя имъ работы, признали ихъ заслуживающими полнаго интереса, и утвердивъ всѣ сдѣланные временнымъ комитетомъ по нимъ расходы, постановили—изданія, не доведенныя до конца, окончить на средства Общества. Затѣмъ, въ томъ же засѣданіи произведены были выборы почетнаго предсѣдателя Общества и членовъ распорядительнаго комитета. На должность почетнаго предсѣдателя избранъ единогласно членъ-учредитель П. А. Валуевъ, а въ составъ комитета — графъ С. Д. Шереметевъ, графъ А. В. Бобринскій, князь П. П. Вяземскій и Г. Ѳ. Карповъ, а кандидатами къ нимъ —

Библиотека "Руниверс"

Ѳ. Н. Ладыженскій, А. П. Крымовъ, В. А. Даниковъ и П. И. Савваитовъ; предсѣдателемъ комитета избранъ гр. С. Д. Шереметевъ.

Въ томъ же собраніи заявлены были и различныя соображенія о дальнѣйшей дѣятельности Общества и о тѣхъ предпріятіяхъ, которыя оно могло бы взять на себя.

Членъ-учредитель князь П. П. Вяземскій представилъ собранію докладъ о результатахъ своей поѣздки въ Москву для собранія въ тамошнихъ книгохранилищахъ свѣдѣній о тѣхъ рукописяхъ и книгахъ, которыя, по мнѣнію его, соотвѣтствуютъ задачамъ Общества любителей древней письменности, и которыми было бы возможно воспользоваться для изданій. Перечисливъ въ этомъ докладѣ замѣчательнѣйшія славяно-русскія рукописи, хранящіяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ комнатахъ теремнаго двора, въ библіотекѣ Московскаго печатнаго двора, въ Московскомъ публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ, въ Синодальной библіотекѣ, въ библіотекахъ Троицко-Сергіевой Лавры и Московской духовной академіи, и наконецъ, въ частныхъ книгохранилищахъ Е. В. Барсова, А. И. Хлудова и Ѳ. И. Буслаева, князь П. П. Вяземскій объяснилъ, что А. И. Хлудовъ изъявилъ полную готовность служить своимъ богатымъ собраніемъ задачамъ Общества, а профессоръ Московскаго университета Ѳ. И. Буслаевъ выразилъ обязательное желаніе издать для Общества образцы изображеній изъ имѣющихся у него разныхъ рукописей Апокалипсисовъ (отъ XVI в. до 1705 г.). Вообще, князь П. П. Вяземскій заявилъ предъ собраніемъ, что въ Москвѣ онъ встрѣтилъ въ высшей степени живое отношеніе и горячую преданность дѣлу изученія древнихъ памятниковъ нашей умственной жизни, а также свѣтлый взглядъ при оцѣнкѣ значенія этихъ памятниковъ для современной науки. По сообщенному кн. Вяземскимъ мнѣнію московскихъ ученыхъ (гг. Тихонравова, Ключевскаго, Барсова, Буслаева и Викторова), издавать древніе памятники слѣдуетъ отдѣльными статьями, не придерживаясь какой-либо системы и не увлекаясь мечтой дѣлать изъ этихъ изданій нѣчто сводное и монументальное. Для знакомства же съ памятниками въ ихъ полномъ составѣ необходимо прежде всего имѣть обстоятельныя описанія памятниковъ, на подобіе того, какое составлено А. Н. Пыпинымъ въ его „Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“, и сверхъ того, располагать обстоятельными обозрѣніями, подобными тѣмъ, какія сдѣланы В. О. Ключев-

Библиотека "Руниверс"

скимъ относительно житій святыхъ, и А. Н. Поповымъ—относительно хронографовъ.

Справедливость такого взгляда на изданіе древнихъ памятниковъ нашей умственной жизни, продолжалъ князь Вяземскій,—не можетъ подлежать сомнѣнію, особенно, если принять въ соображеніе, что вообще мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о внутреннемъ содержаніи и достоинствахъ нашихъ рукописей. До сего времени, напримѣръ, еще неизвѣстно содержаніе цѣлой массы древнихъ русскихъ сборниковъ. При такомъ положеніи дѣла не оцѣнка, а изданіе текстовъ должно составлять главную, почти исключительную задачу Общества. Для перваго отдѣла изданій Общества, въ составъ котораго входятъ рукописи Священнаго Писанія, житія святыхъ, пастырскія поученія, слова, бесѣды и другія статьи духовнаго содержанія, по мнѣнію кн. Вяземскаго,—надежнымъ пособіемъ можетъ послужить добросовѣстный и обстоятельный трудъ, приготовленный къ печати Н. П. Барсуковымъ, по порученію завѣдующаго первымъ отдѣломъ графа С. Д. Шереметева. Библіографическій трудъ этотъ будетъ заключать въ себѣ сборную опись рукописей житій русскихъ святыхъ, составленную преимущественно по каталогамъ нашихъ книгохранилищъ, изданныхъ до сихъ поръ, а именно Императорской публичной библіотеки, Московской синодальной, Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, библіотекъ Соловецкаго монастыря, графа А. С. Уварова, Академіи Наукъ, Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, А. И. Хлудова, и нѣкоторыхъ заграничныхъ, въ коихъ славяно-русскія рукописи были описаны С. М. Строевымъ. Кромѣ этихъ печатныхъ описаній библіотекъ, а также нѣкоторыхъ сочиненій, въ коихъ содержатся свѣдѣнія о рукописяхъ житій святыхъ, г. Барсуковъ предполагаетъ воспользоваться для своего труда каталогами нѣкоторыхъ библіотекъ рукописными. Соотвѣтственно тому П. И. Савваитовымъ доставлены выписки изъ неизданнаго каталога библіотеки Троицко-Сергіевой лавры, составленнаго іеромонахомъ Арсеніемъ.

Подобно труду г. Барсукова, по мнѣнію кн. Вяземскаго, весьма полезно было бы для Общества изданіе всего вышеупомянутаго труда іеромонаха Арсенія. Каталогъ библіотеки Троицко-Сергіевой лавры, давно имъ оконченный и переданный нѣсколько лѣтъ тому назадъ покойному О. М. Бодянскому, еще ожидаетъ издателя. Было бы желательно, по мнѣнію князя П. П. Вяземскаго, пріобрѣсти право на изданіе этого добросовѣстнаго и обстоятельнаго описанія знаменитаго книгохранилища, и потому князь предложилъ обратиться по сему

Библиотека "Руниверс"

предмету отъ имени Общества къ намѣстнику лавры, архимандриту Леониду, которымъ обѣщано содѣйствіе. Точно также князь Вяземскій признавалъ полезнымъ воспользоваться для Общества каталогомъ библіотеки Московской духовной академіи, который составленъ г. Богоявленскимъ и охотно предоставляется имъ въ распоряженіе Общества.

Въ заключеніе своего доклада князь П. П. Вяземскій съ увѣренностью отозвался, что дѣятельность Общества встрѣчаетъ живѣйшее участіе и поддержку въ средѣ почтенныхъ изслѣдователей древнерусской письменности, какими богата Москва.

Другой докладъ князя П. П. Вяземскаго въ засѣданіи 10-го ноября касался вопроса о шрифтѣ для изданій Общества. При этомъ представлены были образцы шрифта, отлитаго содержателемъ типографіи А. И. Траншелемъ по указаніямъ князя для изданій по литературному отдѣлу Общества, съ добавкою нѣкоторыхъ буквъ гражданскаго начертанія, чтобъ имѣть полную возможность печатать изданія Общества древне-славянскими и гражданскими литерами. По мѣрѣ надобности, алфавитъ предполагается пополнять встрѣчающимися въ рукописяхъ и древнихъ печатныхъ изданіяхъ—особыхъ начертаній буквами и монограммами, что дастъ возможность воспроизводить съ точностію даже особенности памятниковъ, писанныхъ скорописью.

Третье заявленіе въ засѣданіи 10-го ноября принадлежало члену-учредителю Г. Ѳ. Карпову. Онъ заявилъ, что желалъ бы предпринять изданіе знаменитаго памятника славянской письменности XI в., такъ-называемаго Сборника 1073 года, хранящагося въ Московской синодальной библіотекѣ. Изданіе это должно быть сдѣлано посредствомъ свѣтопечати или другихъ подобныхъ способовъ, дабы рукопись была воспроизведена вполнѣ согласно съ подлинникомъ. Средства на изданіе Сборника предоставляются членомъ Общества Т. С. Морозовымъ.

Доклады эти были выслушаны собраніемъ вполнѣ сочувственно, и оно постановило: вопервыхъ, предоставить кн. Вяземскому войдти съ кѣмъ слѣдуетъ въ сношеніе относительно труда іеромонаха Арсенія; вовторыхъ, употреблять по возможности для изданій Общества шрифтъ, предлагаемый г. Траншелемъ, и втретьихъ, принять съ признательностью предложеніе г. Карпова и содѣйствіе г. Морозова.

Сверхъ сего, сдѣланы были заявленія и нѣкоторыхъ другихъ лицъ о ихъ готовности содѣйствовать Обществу какъ доставленіемъ ма-

Библиотека "Руниверс"

теріаловъ, такъ и своими трудами; но эти предложенія собраніе признало себя вынужденнымъ частію вполнѣ отклонить, частію же отложить на нѣкоторое время ихъ осуществленіе.

Послѣ того какъ въ засѣданіи 10-го ноября администрація Общества получила окончательное устройство, а работы, начатыя по иниціативѣ временнаго комитета, заслужили одобреніе общаго собранія, дѣятельность Общества могла принять вполнѣ твердое направленіе. Изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣній видно, что нѣкоторыя изъ изданій его, упомянутыя выше какъ не конченныя, уже приближаются къ концу; другія же вышли или готовятся къ выходу въ свѣтъ отдѣльными выпусками. Таково, между прочимъ, изданіе Стефанита и Ихнилата, котораго первый выпускъ, содержащій въ себѣ введеніе и начало текста, уже обнародованъ, а второй и послѣдній—печатается. То же предполагается сдѣлать и съ нѣкоторыми роскошными изданіями, Что касается новыхъ предпріятій, то распорядительнымъ комитетомъ предположено въ текущемъ году, кромѣ окончанія начатыхъ трудовъ, издать еще слѣдующіе памятники:

1) Принесенные въ даръ Обществу Ѳ. Л. Солярскимъ шесть древнихъ актовъ (XIII — XVII вѣковъ), изъ коихъ три писаны на пергаменѣ, а три—на бумагѣ. Наибольшій изъ пергаменныхъ актовъ (рядная) состоитъ изъ 17 строкъ; при этомъ актѣ находилась печать, о чемъ свидѣтельствуютъ оставшіяся нитки; второй по величинѣ пергаменный актъ (правая) со свинцовою печатью Іевля Тимоѳеевича, состоитъ изъ 18 строкъ; третій, также пергаменный актъ состоитъ изъ 9 строкъ. Изъ бумажныхъ документовъ древнѣйшій (правая) въ 29 строкъ съ двумя восковыми печатями; другой есть благословенная грамота патріарха Филарета 1626 года на имя попа Ксенофонта, разрѣшающая постройку церкви во имя Успенія Богородицы на Сѣверной Двинѣ; третій бумажный актъ есть надпись, находившаяся при свиткѣ, въ коемъ заключались двѣ грамоты патріарха Адріана на имя архіепископа Холмогорскаго Аѳанасія 7203 года, и двѣ грамоты послѣдняго къ настоятелю Соловецкаго монастыря 7204 года. Акты эти предполагается издать фотохромолитографически, и сверхъ того, въ транскрипціи гражданскими буквами, съ краткимъ объясненіемъ.

2) „Житіе святителя Николая“—рукопись, находящаяся въ библіотекѣ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ и замѣчательную по бойкости, оригинальности, разнообразію и вѣрности рисунковъ, изображающихъ многосложныя дѣянія Святителя. Рукопись

Библиотека "Руниверс"

эта писана въ большой листъ, красивымъ полууставомъ XVI вѣка, на 400 листахъ; рисунковъ въ ней болѣе 400; на многихъ листахъ по два рисунка, то-есть, на лицевой и на оборотной сторонѣ листа. Каждая картина занимаетъ половину или двѣ трети страницы, а другія во всю страницу. Судя по почерку и рисункамъ, которые ярко раскрашены красками искусно подобранныхъ цвѣтовъ и золотомъ, нельзя сомнѣваться, что происхожденіе рукописи относится къ эпохѣ Іоанна Грознаго, а роскошная отдѣлка экземпляра заставляетъ думать, что онъ приготовленъ по заказу какого-нибудь важнаго лица придворными мастерами. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ по своей древности и рѣдкости, такъ и по важности для исторіи нашей иконописи и живописи, а равно и для исторіи русскаго быта, рукопись эта, въ кругу подобныхъ ей памятниковъ, должна занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Въ концѣ рукописи помѣщено 39 рисунковъ, также раскрашенныхъ и одного съ нею времени, хотя они и принадлежатъ другой, болѣе искусной рукѣ. Содержаніе ихъ, какъ и приложеннаго къ нимъ текста, составляютъ библейскія событія изъ времени Ноева Потопа и столпотворенія Вавилонскаго.

3) „Чинъ постриженія и погребленія иноковъ"—изъ пергаменнаго Требника XIV вѣка, принадлежавшаго извѣстному любителю русской старины гр. А. И. Мусину-Пушкину, а нынѣ находящагося въ библіотекѣ его внука гр. В. И. Мусина-Пушкина. Памятникъ этотъ имѣетъ быть воспроизведенъ въ роскошномъ видѣ.

4) „Преніе по поводу катехизиса Лаврентія Зизанія". Хотя этотъ памятникъ, интересный одинаково въ церковномъ и историческомъ отношеніяхъ, изданъ уже въ Лѣтописяхъ русской литературы и древностей въ 1859 году, тѣмъ не менѣе изданіе его по другому списку, который къ тому же оказывается гораздо правильнѣе помянутой редакціи, представляется не менѣе важнымъ и любопытнымъ. Самый текстъ Бесѣдословія списанъ литографическими чернилами, черезъ прозрачную бумагу, изъ рукописнаго катехизиса патріарха Филарета, по рукописи, принадлежащей князю П. П. Вяземскому. Миніатюра при текстѣ, изображающая диспутъ Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Ильей и справщикомъ Григоріемъ, по изяществу исполненія и опредѣлительности очертаній, склоняетъ къ убѣжденію, что это—древнѣйшій рисунокъ, въ точности сохранившій историческіе типы.

5) „Философія" — старинный курсъ, составленный Христофовичемъ.

Библиотека "Руниверс"

6) „Рука реторическая" — учебникъ, составленный Стефаномъ Яворскимъ въ концѣ XVII в., во время бытности его профессоромъ Кіевской коллегіи.

7) Космографія, подъ заглавіемъ: „Описаніе всего свѣта земель и государствъ великихъ", по рукописи 1670 г., на 258 лл., принадлежащей Московской синодальной библіотекѣ.

8) Хронографъ Іоанна Антіохійскаго Малалы, византійскаго писателя IX вѣка, въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ въ X в. для Болгарскаго царя Симеона, „книголюбца, извыкшаго чести вся книги", по принадлежащей Московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ рукописи, писанной во второй половинѣ XV в. съ болѣе древняго списка—1261 года. На хронографъ этотъ давно уже обращено вниманіе русскихъ ученыхъ, такъ какъ изъ него были дѣлаемы многочисленныя заимствованія русскими лѣтописцами; но кромѣ того, славянскій переводъ Малалы драгоцѣненъ и потому, что въ немъ существуетъ начало этого памятника, не сохранившееся въ единственной греческой рукописи Малалы, принадлежащей библіотекѣ Оксфордскаго университета. Такимъ образомъ изданіе хронографа Малалы представитъ интересъ не только для русскихъ историковъ и филологовъ, но и для византинистовъ.

Таковы первые начатки почтенной дѣятельности Общества любителей древней письменности; энергическими усиліями своими оно обѣщаетъ дать несомнѣнно любопытные матеріалы для научныхъ работъ, и тѣмъ полезнѣе будутъ его труды, чѣмъ капитальнѣе по своему значенію памятники, избираемые имъ для изданія.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Общество отправило свои изданія на Парижскую всемірную выставку, и мы не сомнѣваемся, что эти изящныя произведенія русскаго печатнаго искусства займутъ непослѣднее мѣсто въ ряду другихъ подобныхъ изданій.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

OBSERVATIONES RHETORICAE IN DEMOSTHENEM [1]).

DE SIMILITUDINIBUS ATQUE IMAGINIBUS.

Παραβολῆς eam de qua nos agimus significationem iam apud Isocratem reperimus, qui Panath. § 226 Spartanorum et piratarum atque latronum concordia inter se comparata § 227 haec addit: εἰ δέ τισι δοκῶ τὴν παραβολὴν ἀπρεπῆ πεποιῆσθαι. Anaximeni autem, quantum ex eius arte colligi potest, hoc nomen ignotum erat; qui inter sententiarum exempla duo postrema eius modi affert, quae nos sine ulla dubitatione similitudinibus adnumeremus (cf. Sp. I, p. 199); quas sententias ille γνώμας ἐκ παρομοιώσεως nominat. Demosthenes ipse orat. de cor. § 227 Aeschinis similitudinem allatam non παραβολήν, sed παράδειγμα appellat.

Ut iam supra vidimus, est Aristoteli παράδειγμα exemplum, quod orator ex rerum gestarum copia depromit, παραβολή autem, quod ipse fingit et propter simile, quod in eo inest, ad id de quo agitur demonstrandum apponit. Ceterum praeter duo Socratica exempla, quae ad illustrandam παραβολῆς significationem allata sunt et praeceptum de fingenda similitudine tamquam in praetereundo datum (p. 98, 31 sqq.) ab Aristotele de hac re nihil amplius discimus.

Qui post Aristotelem rhetoricam docebant, multas definitiones protulerunt, discrimen autem inter exemplum et similitudinem ab Aristotele factum interdum non satis dilucide expresserunt, ut Cornificius (IV, 45, 59): Similitudo est oratio traducens ad rem quampiam aliquid ex re dispari simile; et Cicero (de inven. I, 30, 49, cui παραβολή collatio dicitur): Collatio est oratio rem cum re ex similitudine conferens [2]).

---

[1]) Pars posterior, cf. supra p. 91 sqq.

[2]) Idem statuendum est de plurimis posterioribus artium scriptoribus. Quorum definitiones qui accuratius cognoscere vult, inspiciat indices Walzianae vel Spengelianae rhetorum graecorum editionis s. v. παραβολῆς, vel Monsii dissertationem, insertam indici scholarum gymnasii Waldenburgensis a. 1874, quae inscribitur «Veterum rhetorum de sententiarum figuris doctrina»; p. 11 sqq.

Библиотека "Руниверс"

Unde παραβολῆς vocabulum derivatum sit, optime Eustathius ad Hom. Il. β, 87 his verbis docet: λέγεται δὲ παραβολή, διότι τοῖς λεγομένοις παραβάλλει, τουτέστι συγκρίνει καὶ παρατίθησι πρᾶγμά τι γνώριμον εἰωθὸς ἀεὶ γίνεσθαι. Apud latinos rhetores Quintiliano teste (V, 11, 1) similitudo eadem significatione adhibebatur, qua apud Graecos παραβολή, uno Cicerone excepto, apud quem similitudinis vim latius patere quam collationis intellegimus ex Top. c. 10, quod tamen non prohibebit, quominus utroque vocabulo promiscue utamur. Per comparationis vocem latini homines παραβολὴν fere nunquam reddiderunt, quamquam id fieri potuit; comparatio autem, quae a Graecis σύγκρισις appellabatur atque ad amplificandam orationem adhiberi solebat, a similitudine eo differt, quod per eam duae personae vel duo facta eiusdem generis inter se conferuntur, ut cognoscatur, quae similia et quae dissimilia in iis insint. Ita apud Demosthenem or. Aristocr. §§ 196 sqq. respublica maiorum et oratoris aetatis, vel de cor. §§ 256 sqq. Demosthenes cum Aeschine comparatur. In euangelio denique et apud recentiores παραβολὴ allegoriam significat.

Tota periodus, in qua similitudo reperitur, ex duobus constat: alterum enim comparandi causa aliunde asciscitur, alterum comparatur. Simile, quod in utraque re inest, recentiores tertium comparationis nominare consueverunt; quod unum utrique commune est, cetera omnia disparia atque dissimilia. Quod iam Cornificius monuit (IV, 48, 61): non enim res tota totae rei necesse est similis sit, sed id ipsum, quod confertur, similitudinem habeat oportet. Eustathius quoque (l. l.) demonstrat Homerum adhibuisse similitudinem πρὸς ἓν καὶ μόνον, οὐ πρὸς ὅλον τὸ πρᾶγμα, οὐ γὰρ ἡ παραβολὴ ὅλη τῷ πράγματι ὅλῳ προσαρμόζειν δύναται. Quo longius inter se distant quae dissimilia sunt, eo clarius atque evidentius simile apparet, quod rectissime Quintilianus observavit (VIII, 3, 74): nam quo quaeque longius petita est, hoc plus affert novitatis atque inexspectata magis est.

Similitudo igitur primum ad probandum assumitur. Praecepta, quae ad hunc usum referuntur, pauca tantum et maximam partem ex iis, quae de exemplis in universum artium scriptores dixerunt, elicienda sunt. Primum igitur in fingenda collatione requiritur, ut simile in utraque re videas. Cf. Aristot. Rhet. II, 20 (Sp. p. 98, 31 sq.): ποιήσασθαι γὰρ δεῖ (sc. fabulas Aesopicas) ὥσπερ καὶ παραβολάς, ἂν τις δύνηται τὸ ὅμοιον ὁρᾶν, ὅπερ ῥᾴδιον ἐστιν ἐκ φιλοσοφίας. Tum debet iis qui audiunt tempore aut loco proxima ac nota, rei autem propria atque accomodata esse. Cf. Anaximenis verba (p. 221, 3 sq.): δεῖ δὲ τὰ παραδείγματα

Библиотека "Руниверс"

οἰκεῖα τῷ πράγματι καὶ τὰ ἐγγύτατα τοῖς ἀκούουσι χρόνῳ ἢ τόπῳ, et Minuciani (Sp. I, p. 418): δεῖ δὲ τὰ παραδείγματα γνώριμα εἶναι τοῖς ἀκούουσι καὶ προσεχῆ τῷ πράγματι. Similitudines ductas ex mutis animalibus aut inanimis adhibere Quintilianus dissuadet, cum eas eludere facile sit (V, 13, 23). Exemplis autem utendum est, si argumenta non praesto sunt, tamquam probationibus, non deficientibus autem argumentis tamquam testimoniis, quod Aristoteles docet (p. 99, 5 sqq.): δεῖ δὲ χρῆσθαι τοῖς παραδείγμασι μὴ ἔχοντα μὲν ἐνθυμήματα, ὡς ἀποδείξειν· ἡ γὰρ πίστις διὰ τούτων· ἔχοντα δὲ ὡς μαρτυρίοις, ἀπιλόγῳ χρώμενον τοῖς ἐνθυμήμασιν. Quoniam similitudines in infirmioribus argumentis numerantur, non solae ad rem demonstrandam afferendae, sed aliis argumentis adiungendae sunt. Eiusmodi enim argumenta „si non possunt valere, quia magna sunt, valebunt quia multa sunt", cf. Quintil. V, 12, 5.

Iam igitur his praemissis exempla ex Demosthenicis orationibus desumpta afferentes ostendemus, quomodo orator similitudinibus ad demonstrandum eam imprimis in confirmationibus, tum aliis quoque locis usus sit.

I, 11 Demosthenes explicat, deos quidem Atheniensibus pulcherrimas rei gerendae occasiones dare, hos autem eas negligentes nullam gratiam diis referre, quod similitudine a re pecuniaria ducta confirmat. Comparat enim tempus rei gerendae in republica oblatum cum quaesita pecunia in vita privata. Qui parta tenet, fortunae gratiam habet; qui non, ingratus esse solet, ita etiam in republica: ἀλλ' οἶμαι παρόμοιόν ἐστιν ὅπερ καὶ περὶ τῆς τῶν χρημάτων κτήσεως· ἂν μὲν γὰρ ὅσα ἄν τις λάβῃ καὶ σώσῃ, μεγάλην ἔχει τῇ τύχῃ τὴν χάριν, ἂν δ' ἀναλώσας λάθῃ, συναπόλωσε καὶ τὸ μεμνῆσθαι τὴν χάριν. καὶ περὶ τῶν πραγμάτων οὕτως οἱ μὴ χρησάμενοι τοῖς καιροῖς ὀρθῶς, οὐδ' εἰ συνέβη τι παρὰ τῶν θεῶν χρηστὸν μνημονεύουσιν.—Eiusdem orationis §. 15 haec suis civibus praedicit: Si desides fueritis nec quemimus Philippus urbes expugnet prohibueritis, per brevissimum quidem tempus in otio atque securi eritis, postea vero in summum periculum cum Philippo de Attica ipsa decertandi venietis. Quam sententiam demonstraturus hominis prodigi similitudine utitur, qui magnis usuris pecunia mutua accepta parvo quidem temporis spatio commodum sibi parat, postea vero totam rem familiarem amittit: δέδοικα, μὴ τὸν αὐτὸν τρόπον, ὥσπερ οἱ δανειζόμενοι ῥᾳδίως ἐπὶ τοῖς μεγάλοις τόκοις μικρὸν εὐπορήσαντες χρόνον ὕστερον καὶ τῶν ἀρχαίων ἀπέστησαν, οὕτω καὶ ἡμεῖς ἅμ' ἐπὶ πολλῷ φανῶμεν ἐρῥᾳθυμηκότες καὶ ἅπαντα πρὸς ἡδονὴν ζητοῦντες, πολλὰ καὶ χαλεπὰ ὧν οὐκ ἠβουλόμεθα

Библиотека "Руниверс"

ὕστερον εἰς ἀνάγκην ἔλθωμεν ποιεῖν καὶ κινδυνεύσωμεν περὶ τῶν ἐν αὐτῇ τῇ χώρᾳ.

II, 10 orator haec gravissima verba pronuntiat: Non est potestas solida atque firma, nisi iustitia et veritate nitatur; quae illustri similitudine a fundamentis aedificiorum ducta confirmat: ὥσπερ γὰρ οἰκίας, οἶμαι, καὶ πλοίου καὶ τῶν ἄλλων τῶν τοιούτων τὰ κάτωθεν ἰσχυρότατα εἶναι δεῖ, οὕτω καὶ τῶν πράξεων τὰς ἀρχὰς καὶ τὰς ὑποθέσεις ἀληθεῖς καὶ δικαίας εἶναι προσήκει.

Si quid calamitatis Philippo acciderit, inquit Demosthenes § 21 eiusdem orationis, mala in eius civitate, quae nunc rebus prospere gestis obumbrantur atque operta sunt, statim erumpent. Quod collatione a sano atque aegroto corpore ducta confirmavit: ὥσπερ γὰρ ἐν τοῖς σώμασιν, ἕως ἂν ἐρρωμένος ᾖ τις, οὐδὲν ἀπαισθάνεται, ἐὰν δὲ ἀῤῥώστημά τι συμβῇ, πάντα κινεῖται, κἂν ῥῆγμα κἂν στρέμμα κἂν ἄλλο τι τῶν ὑπαρχόντων σαθρὸν ᾖ, οὕτω καὶ τῶν πόλεων καὶ τῶν τυράννων, ἕως μὲν ἂν ἔξω πολεμῶσιν, ἀφανῆ τὰ κακὰ τοῖς πολλοῖς ἐστιν, ἀπειδὰν δὲ ὅμορος πόλεμος συμπλακῇ, πάντα ἀποίησεν ἔκδηλα.

III, 17 Demosthenes Atheniensibus iterum praedicit, eos propter desidiam atque neglegentiam calamitate afflictos in aliis culpam esse collaturos, ad quod demonstrandum similitudinem e re militari petitam affert: nam ibi quoque clade accepta militum unusquisque culpam a se demovere atque in alium transferre solet. Verba eius haec sunt: οὐ γὰρ αὐτοί γ' αἴτιοι φήσομεν εἶναι, σαφῶς οἶδα τοῦτ' ἐγώ. οὐδὲ γὰρ ἐν τοῖς τοῦ πολέμου κινδύνοις τῶν φυγόντων οὐδεὶς ἑαυτοῦ κατηγορεῖ, ἀλλὰ τοῦ στρατηγοῦ καὶ τῶν πλησίον καὶ πάντων μᾶλλον, ἤτηνται δ' ὅμως διὰ πάντας τοὺς φυγόντας δήπου· μένειν γὰρ ἐξῆν τῷ κατηγοροῦντι τῶν ἄλλων, εἰ δὲ τοῦτ' ἀποίει ἕκαστος, ἐνίκων ἄν.

Qui rempublicam suis consiliis moderantur, ii ex Demosthenis sententia res dirigere, non sequi debent, quod ille orat. Phil. I, § 39 his verbis confirmat: καὶ τὸν αὐτὸν τρόπον ὥσπερ τῶν στρατευμάτων ἀξιώσειέ τις ἂν τὸν στρατηγὸν ἡγεῖσθαι, οὕτω καὶ τῶν πραγμάτων τοὺς βουλευομένους, ἵν' ἃ ἂν ἐκείνοις δοκῇ, ταῦτα πράττηται καὶ μὴ τὰ συμβάντα ἀναγκάζωνται διώκειν.

In prima parte orat. Phil. III orator Athenienses exhortatur, ut Philippum, qui iniurias Graecis iam intulerit, ulciscantur; inter alia quibus utitur argumenta similitudinem quoque adhibet dicens, inter Graecos et Philippum in totius Graeciae rebus administrandis idem discrimen intercedere atque inter filios legitimos et non legitimos vel servos in patrimonio administrando. Ut igitur si filius legitimus non

Библиотека "Руниверс"

bene rem familiarem administret, hoc non tam aegre ferendum sit quam si eam non legitimus vel servus perdat: ita si Athenienses vel Lacedaemonii ceteris Graecis nocebant, hoc non tam aegre ferendum erat, quam si iis Philippus iniuriam facit. Ab hac sententia Demosthenes exorsus esse videtur. Ut vero capitalem hostem maiore ignominia afficeret, similitudinem ita conclusit, ut Philippum ne dignum quidem esse diceret, qui ad Graecos ita referretur ut filius non legitimus vel servus ad liberos legitimos. Quae Demosthenes §§ 30—31 hoc modo expressit: καὶ μὴν κἀκεῖνό γε ἴστε, ὅτι ὅσα μὲν ὑπὸ Λακεδαιμονίων ἢ ὑφ' ὑμῶν ἔπασχον οἱ Ἕλληνες, ἀλλ' οὖν ὑπὸ γνησίων γε ὄντων τῆς Ἑλλάδος ἠδικοῦντο, καὶ τὸν αὐτὸν τρόπον ἄν τις ὑπέλαβε τοῦτο, ὥσπερ ἂν εἰ υἱὸς ἐν οὐσίᾳ πολλῇ γεγονὼς γνήσιος διῴκει τι μὴ καλῶς μηδ' ὀρθῶς, κατ' αὐτὸ μὲν τοῦτο ἄξιον μέμψεως εἶναι καὶ κατηγορίας, ὡς δ' οὐ προσήκων ἢ ὡς οὐ κληρονόμος τούτων ὢν ταῦτα ἐποίει, οὐκ ἐνεῖναι λέγειν. εἰ δέ γε δοῦλος ἢ ὑποβαλιμαῖος τὰ μὴ προσήκοντα ἀπώλλυε καὶ ἐλυμαίνετο, ὅσῳ μᾶλλον δεινὸν καὶ ὀργῆς ἄξιον πάντες ἔφησαν εἶναι. Quae in iis quae sequuntur ad Philippum referuntur.

Eiusdem orationis § 69 Demosthenes contendit, dum respublica integra sit et conservari possit, omnibus operam esse navandam. Hanc sententiam confirmat similitudine a navi in mari fluctuoso iactata desumpta: ἕως ἂν σώζηται τὸ σκάφος ἄν τε μεῖζον ἄν τε ἔλαττον ᾖ, τότε χρὴ καὶ ναύτην καὶ κυβερνήτην καὶ πάντ' ἄνδρα ἐξῆς προθύμους εἶναι καὶ ὅπως μήθ' ἑκὼν μήτ' ἄκων μηδεὶς ἀποστρέψει, τοῦτο σκοπεῖσθαι· ἐπειδὰν δὲ ἡ θάλαττα ὑπέρσχῃ, μάταιος ἡ σποδή· καὶ ἡμεῖς τοίνυν, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, ἕως ἐσμὲν σῶοι, πόλιν μεγίστην ἔχοντες, ἀφορμὰς πλείστας, ἀξίωμα κάλλιστον—τί ποιῶμεν;

Cum Persarum rex magnam pecuniam ad bellum contra Graecos gerendum paratam haberet idque Atheniensibus metum iniceret, Demosthenes (XIV, 30) demonstrare conatur similitudine adhibita maximos quoque thesauros minui, si quis multum atque saepe ex iis depromat: καὶ γὰρ τὰς κρήνας καὶ τὰ φρέατ' ἐπιλείπειν πέφυκεν, ἐάν τις ἀπ' αὐτῶν ἀθρόα καὶ πολλὰ λαμβάνῃ;

Iam sub finem orat. de Rhodiorum libertate (§§ 32 — 33) Demosthenes contra oratores, qui paucorum potestati favebant, tamquam excursionem faciens similitudinem e re militari ductam adhibuit, qua demonstrat illos oratores a republica administranda esse removendos. Nam ut in bello qui stationem deserit, propterea civitatem amittit, ita etiam qui a reipublicae administrandae ratione a maioribus accepta recedit, eadem poena afficiendus est: ἐχρῆν γάρ, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τὴν

Библиотека "Руниверс"

αὐτὴν ἔχειν διάνοιαν ὑμᾶς περὶ τῆς ἐν τῇ πολιτείᾳ τάξεως, ἥνπερ περὶ τῆς ἐν ταῖς στρατείαις ἔχετε. τίς οὖν ἐστιν αὕτη; ὑμεῖς τὸν λείποντα τὴν ὑπὸ τοῦ στρατηγοῦ τάξιν ταχθεῖσαν ἄτιμον οἴεσθε προσήκειν εἶναι καὶ μηδενὸς τῶν κοινῶν μετέχειν. χρὴ τοίνυν καὶ τοὺς ὑπὸ τῶν προγόνων τάξιν ἐν τῇ πολιτείᾳ παραδεδομένην λείποντας καὶ πολιτευομένους ὀλιγαρχικῶς ἀτίμους τοῦ συμβουλεύειν ὑμῖν αὐτοῖς ποιεῖσθαι.

XVIII, 194 negat Demosthenes victoriae Philippi et Graecorum cladis culpam in se conferri posse, quod confirmat similitudine a domino navis petita: εἰ δ' ὁ συμβὰς σκηπτὸς ἢ χειμὼν μὴ μόνον ἡμῶν ἀλλὰ καὶ πάντων τῶν ἄλλων Ἑλλήνων μείζων γέγονε· τί χρὴ ποιεῖν; ὥσπερ ἂν εἴ τις ναύκληρον πάντ' ἐπὶ σωτηρίᾳ πράξαντα καὶ πᾶσι κατασκευάσαντα τὸ πλοῖον ἀφ' ὧν ὑπελάμβανε σωθήσεσθαι εἶτα χειμῶνι χρησάμενον καὶ πονησάντων αὐτῷ τῶν σκευῶν ἢ καὶ συντριβέντων ὅλως τῆς ναυαγίας αἰτιῷτο. ἀλλ' οὔτε ἐκυβέρνων τὴν ναῦν, φήσειεν ἄν, (ὥσπερ οὐδ' ἐστρατήγουν ἐγώ), οὔτε τῆς τύχης κύριος ἦν, ἀλλ' ἐκείνη τῶν πάντων. Dissenus ad hunc locum recte adnotavit: Observabis hanc comparationem nunc excusationis causa scite a Demosthene positam.

Quam apte orator Aeschinis similitudinem in rem suam converterit, eiusdem orationis § 227 videmus. Aeschines enim (III, 59) iudices monuit, ut opinione de Demosthene, quam domo attulissent, deposita eam acciperent, quae ex ipsius oratione sequeretur, et ad confirmandam sententiam similitudinem adhibuit, quam Demosthenes hoc loco affert: ut enim iudices, si cui pecuniam superesse suspicati sint, reddita ratione opiniones suas mutant, ita nunc quoque oratione Aeschinis habita opinionem de Demosthene iis esse mutandam: ὥσπερ δ' ὅταν οἰόμενοι περιεῖναι χρήματά τῳ λονίζησθε, ἂν καθαιρῶσιν αἱ ψῆφοι καὶ ῥηδὲν περτῇ, συγχωρεῖτε, οὕτω καὶ νῦν τοῖς ἐκ τοῦ λόγου φαινομένοις προσθέσθαι (sc. προσήκει). Hoc igitur Aeschinis argumento efficitur ab adversario ipso concedi Demosthenem esse secundum opinionem omnium patriae amicum.

Orat. contra Timocratem § 213 contendit orator Timocratem poena afficiendum esse, quoniam legem ineptam tulerit. Ad quod demonstrandum sub finem totius orationis exemplo Solonis utitur, qui in simili causa collatione adhibita demonstravit, eum qui leges corrumperet multo magis puniendum esse quam qui pecuniam corrumperet. Similitudo autem, laxiore quodam vinculo coniuncta, haec est: εἰπεῖν (sc. Σόλωνα), ὅτι αὐτὸς ἡγεῖται ἀργύριον μὲν νόμισμ' εἶναι τῶν ἰδίων συναλλαγμάτων ἕνεκα τοῖς ἰδιώταις εὐρημένον, τοὺς δὲ νόμους ἡγεῖτο νόμισμα τῆς πόλεως εἶναι.

Hae similitudines fere sunt, quas Demosthenes ad probandas sen-

Библиотека "Руниверс"

tentias attulerit [1]). Quae quam propriae et ad confirmandum aptae et ex rebus iis qui audiunt proximis ductae sint, non opus est monere. Verum oratoris est non solum ea quae proposuerit demonstrare, sed etiam quae contra eum faciant, si non refutare, at certe extenuare, ridicula facere, acerbitate atque ironia perstringere. De quo usu cum infra latius dicturi simus, hoc loco eas tantum collationes, quae ad hunc usum pertinent, enumerabimus.

III, 33 comparat orator pecuniam theatralem, ut eius aestimationem extenuet atque comminuat, cum cibis, qui a medico aegrotis porriguntur, qui nec vires augent, nec mori nos sinunt: τοιούτων λημμάτων ἀπαλλαγείητε, ἃ τοῖς ἀσθενοῦσι παρὰ τῶν ἰατρῶν αἰτίοις διδομένοις ἔοικε. καὶ γὰρ οὔτ' ἰσχὺν ἐκεῖνα ἐντίθησιν οὔτ' ἀποθνήσκειν ἐᾷ· καὶ ταῦτα, ἃ νέμεσθε νῦν ὑμεῖς, οὕτω τοσαῦτά ἐστιν, ὥστε ὠφέλειαν ἔχειν τινὰ διαρκῆ, οὐτ' ἀπαγόντας ἄλλο τι πράττειν ἐᾷ, ἀλλ' ἔστι ταῦτα τὴν ἑκάστου ῥᾳθυμίαν ὑμῶν ἐκαυξάνοντα. Quam proprie Demosthenes hac similitudine usus esset, iam scholiasta ad hunc locum observavit, (qui ceteroquin hanc oratoris partem minus respiciebat, quamquam eius scholia fere in sola enarratione oratoria versantur): οἰκείως τῇ παραβολῇ ἐχρήσατο, δεικνὺς ὅτι νοσοῦσιν ἄνοιαν.

Acerba similitudo orat. Phil. I, 40 reperitur, ubi Demosthenes Athenienses cum Philippo bellum gerentes cum barbarorum pugilibus comparat: ut enim hi in pugilatione icti solum vulneri manus admovent plagam contrectantes, neque impetum adversariorum cavere et propulsare conantur, ita etiam Athenienses tantum eo exercitum mittunt, ubi a Philippo iniuria iis facta est, neque undique eum prohibere student: οὐδενὸς δ' ἀπολείπεσθε ὥσπερ οἱ βάρβαροι πυκτεύουσιν οὕτω πολεμεῖν Φιλίππῳ. καὶ γὰρ ἐκείνων ὁ πληγεὶς ἀεὶ τῆς πληγῆς ἔχεται, κἂν ἑτέρωσε πατάξῃ τις, ἐκεῖσέ εἰσιν αἱ χεῖρες· προβάλλεσθαι δ' ἢ βλέπειν ἐναντίον οὔτ' οἶδεν οὔτ' ἐθέλει. καὶ ὑμεῖς, ἂν ἐν Χερσονήσῳ πύθησθε Φίλιππον, ἐκεῖσε βοηθεῖν ψηφίζεσθε κτλ. Non inepte Reuterus ad hunc locum: Valde, inquit, hanc cum barbaris comparationem Athenienses, qui omnem barbariem maxime despiciebant, pupugisse existimandum est.

Huc spectat etiam orat. de cor. § 248: Aeschines rebus iam infeliciter gestis et republica calamitate afflicta prodierat atque demonstrabat, quid antea faciendum fuisset. Quod ut ineptum et stultum Demosthe-

[1]) Pulchram Demosthenicam similitudinem Plutarchus servavit (Vit. Dem. c. 23): ὡς τοὺς ἐμπόρους ὁρῶμεν, ὅταν ἐν τρυβλίῳ δεῖγμα περιφέρωσι, δι' ὀλίγων πυρῶν τοὺς πολλοὺς πιπράσκοντας, οὕτως ἐν ἡμῖν λανθάνετε πάντας αὐτοὺς συνεκδίδοντες.

Библиотека "Руниверс"

nes similitudine acerba a medico petita perstringit: ὥσπερ ἂν εἴ τις ἰατρὸς ἀσθενοῦσι μὲν τοῖς κάμνουσιν εἰσιὼν μὴ λέγοι μηδὲ δεικνύοι ἃ' ὧν ἀποφεύξονται τὴν νόσον, ἐπειδὴ δὲ τελεστήσειέ τις αὐτῶν καὶ τὰ νομιζόμενα αὐτῷ φέροιτο ἀκολουθῶν ἐπὶ τὸ μνῆμα διεξίοι „εἰ τὸ καὶ τὸ ἐποίησεν ἄνθρωπος οὑτοσί, οὐκ ἂν ἀπέθανεν". ἐμβρόντητε, εἶτα νῦν λέγεις;—

Oratori videndum est non solum quae dicat, sed etiam quomodo dicat, cuius rei praecepta ab antiquis rhetoribus in ea artis oratoriae parte traduntur, in qua de elocutione agunt. Summa autem totius doctrinae est orationem ornatam esse debere: nam (ut cum Volkmanno loquar. l. l. p. 348) non solum gravia, sed etiam splendida arma certantem decorant. Quod quid utilitatis afferat, optime docet Quintilianus (VIII, 3, 5): Qui libenter audiunt, et magis attendunt et facilius credunt; plerumque ipsa delectatione capiuntur, nonnunquam admiratione auferuntur.—Qui ornatus non debet esse nimis artificiosus atque infucatus, quoniam eiusmodi „cincinni ac fucus" celerrime eos qui audiunt fastidio implent. Rectissime igitur Tullius praecipit (de Orat. III, 26, 103): Ita sit nobis ornatus et suavis orator, ut suavitatem habeat austeram et solidam, non dulcem atque decoctam. Qua arte Demosthenes in universum in elocutione versatus sit, iam Dionysius Halicarnassensis (de admir. vi dic. in Dem., c. 32) aptissima collatione adhibita monstrat: καί μοι δοκεῖ τις οὐκ ἂν ἁμαρτεῖν εἰκάσας τὴν Δημοσθένους διάλεκτον εὐκάρπῳ καὶ παμφόρῳ γῇ καὶ οὔτε τῶν ἀναγκαίων εἰς βίον, οὔτε τῶν περιττῶν εἰς τέρψιν σπανιζούσῃ.

Cornificius testatur (IV, 13) ornamenta orationis in verborum et sententiarum exornationes dividi: „verborum exornatio est, quae ipsius sermonis insignita continetur perpolitione; sententiarum exornatio est, quae non in verbis, sed in ipsis rebus quandam habet dignitatem". Quam divisionem Cornificius ut cetera artis rhetoricae praecepta a Graecis mutuatus est, qui σχήματα τῆς λέξεως καὶ τῆς διανοίας distinguebant. Inter sententiarum exornationes affert similitudinem (IV, 45, § 59). Cicero (de Orat. III, 53, 205) lumina sententiarum enumerans: Tum duo illa, inquit, quae maxime movent, similitudo et exemplum. Ceterum a Cicerone hac in re parum discimus, quoniam eo tempore, quo haec praecepta gravia esse putabat, tantum duo libri de inventione ei exciderunt (ut eius verbis utar de Orat. I, 2, 5), postea autem haec omnia tamquam puerilia, communia, trita respuebat. Plura apud Quintilianum reperimus, qui ipse saepissime similitudinibus usus copiosius eas tractavit. Eius verba sunt (VIII, 3, 72): Praeclare vero ad inferendam rebus lucem repertae sunt similitudines; quarum aliae sunt,

Библиотека "Руниверс"

quae probationis gratia inter argumenta ponuntur, aliae ad exprimendam rerum imaginem compositae.

Similitudines igitur, ut vidimus, ad exornandam orationem adhibendae sunt. Quid vero orator faciet, ne contra Demetrii praeceptum peccet, qui a similitudinibus exornandae orationis causa adhibendis dehortatur his verbis (Sp. III, p. 320): αἱ παραβολαὶ δὲ τῇ δεινότητι οὐκ ἐπιτήδειαι διὰ τὸ μῆκος· οἷον τὸ „ὥσπερ δὲ κύων γέννασος, ἄπειρος, ἀκρονοήτως ἐπὶ κάπρον φέρεται“ κάλλος γὰρ καὶ ἀκρίβειά τις ἐν τούτοις ἐμφαίνεται· ἡ δὲ δεινότης σφοδρόν τι βούλεται καὶ σύντομον καὶ ἐγγύθεν πλήττουσαν ἔοικεν. Et iam antea (p. 283), ubi duabus Xenophonteis similitudinibus allatis haec addit: τὰς δὲ παραβολὰς οὔτε ῥᾳδίως ἐν τοῖς πεζοῖς λόγοις τιθέναι δεῖ, οὔτε ἄνευ πλείστης φυλακῆς. Quae controversia quomodo solvenda esset, divinus ille orator, cuius δεινότης non satis laudibus efferri potest, optime docuit. Nam in omnibus collationibus, quas modo ad ornandam orationem adhibuit, supervacaneis partibus ex similitudine remotis tantum eas retinuit, quae ad exprimendam comparandi causa allatam notionem necessaria esse viderentur. Hoc autem modo contracta atque coartata similitudinis forma, ut infra videbimus, rhetoribus εἰκών vel εἰκασία, imago dicitur. Iam igitur ad Demosthenicas imagines accedemus, si prius quae veteres de hac re dixerint attulerimus.

Quod ad imaginis definitiones attinet, ut supra in similitudine, ita hic quoque varias sententias reperimus. Aristoteli (p. 138, 25 sq., cf. p. 128, 30 sqq.) est ἡ εἰκὼν μεταφορὰ διαφέρουσα προθέσει (ut ὥσπερ vocis). Eadem sententia Demetrii est (p. 280, 29): εἰκασία δ' ἔστι μεταφορὰ πλεονάζουσα. Qui in fingenda imagine brevitati studendum nec quidquam praeter ὥσπερ addendum esse praecipit (p. 282, 31 sqq.): ἐπὰν μέντοι εἰκασίαν ποιῶμεν τὴν μεταφοράν, στοχαστέον τοῦ συντόμου καὶ τοῦ μηδὲν πλέον τοῦ ὥσπερ προτιθέναι, ἐπεί τοι ἀντ' εἰκασίας παραβολὴ ἔσται ποιητική. Sed haec est tantum brevissima imaginum forma et Aristoteles ipse exemplis quae attulit, imaginis vim latius patere monstrat. Ex Minuciani sententia (Sp. I, 419, 2 sqq.) imago idem est atque similitudo, quod tamen nimium est: ἡ δὲ εἰκὼν ἔστι μὲν ἡ αὐτὴ τῇ παραβολῇ, ἐναργέστερον δὲ ποιεῖ τὸν λόγον, ὥστε μὴ μόνον ἀκούειν, ἀλλὰ καὶ ὁρᾶν δοκεῖν. Hoc alterum Trypho quoque imaginis proprium esse dicit (Sp. III, p. 200, 6 sq.): εἰκών ἐστι λόγος ἐναργῶς ἐξομοιοῦν πειρώμενος διὰ τοῦ παραλαμβανομένου, πρὸς ὃ παραλαμβάνεται. Ex latinis rhetoribus est Cornificio (IV, 49, 62) imago formae cum forma cum quadam similitudine collatio; Ciceroni autem (I, 30, 49 de invent.) oratio demonstrans corporum aut naturarum similitudinem. Quintilianus denique (V, 11, 24):

Библиотека "Руниверс"

εἰκόνα, inquit, Graeci vocant, quo exprimitur rerum aut personarum imago. Ceteris definitionibus minus aptis atque accuratis supersedebimus.

Posteriores quidam artium scriptores παραβολήν, παράδειγμα, εἰκόνα ὁμοιώσεως species esse dicebant, ut Polybius Sardianus (Sp. III, p. 106, 17) et Trypho (Sp. III, p. 200, 5); quam divisionem iam apud Ciceronem legimus de inv. I, 30. Cocondrius sex τῆς ὁμοιώσεως species enumerat (Sp. III, p. 239, 28 sq.): παραβολήν, εἰκόνα, εἰκονογραφίαν [1]), χαρακτηρισμόν, εἰδωλοποιΐαν, παράδειγμα. Herodiano denique (Sp. III, p. 104, 4 sqq.) ὁμοίωσις idem esse videtur atque εἰκών, dicit enim: διαφέρει δὲ τῆς παραβολῆς, ὅτι διὰ συντόμων ὡς ἐπὶ πλεῖστον λέγεται καὶ χαρὶς ἀνταποδόσεως φράζεται.

Imago igitur primum ad exornandas atque illustrandas sententias adhibetur. Huc pertinent Demosthenicae imagines e natura ductae, quarum quattuor in orat. de cor. exstant: § 153 clades a Philippo Atheniensibus illata cum imbre comparatur: ὥσπερ χειμάρρους ἂν ἅπαν τοῦτο τὸ πρᾶγμα εἰς τὴν πόλιν εἰσέπεσεν. § 188. praeteriens in republica periculum cum nimbo confertur: τὸ ψήφισμα τὸν κίνδυνον παρελθεῖν ἐποίησεν ὥσπερ νέφος, et § 214 illuvies, quae regionem operuit, cum tempore perfecto: ὥσπερ ἂν εἰ κατακλυσμὸν γεγενῆσθαι τῶν πραγμάτων ἡγούμενοι, et denique § 308. Aeschines subito prodiens cum vento: ἐπὶ τῷ καιρῷ ῥήτωρ ἐξαίφνης ἐκ τῆς ἡσυχίας ὥσπερ πνεῦμ' ἐφάνη. Duae imagines ad illustrandum adhibitae a pendendo sumptae sunt, quarum altera orat. de pace § 12 reperitur: ὅταν δ' ἐπὶ θάτερα ὥσπερ εἰς τροτάνην ἀργύριον προσενέγκῃς, οἴχεται φέρον καὶ καθαίλκυκε τὸν λογισμὸν ἐφ' αὑτό. Demosthenes igitur τὰ πράγματα et τὸ συμφέρον ἀπ' αὐτῶν perpendit, alii vero, qui corrupti sunt, in altera lance ad τὸ συμφέρον utilitatem, quam inde capiunt, id est pecuniam addunt, quo fit, ut lanx cum utilitate inclinetur et iudicium eorum perversum sit; Demostheni autem, ab omni corruptione longissime remoto, τὸ συμφέρον φαίνεται ὀρθόν. Eadem imago de eadem re orat. de cor. § 298 legitur: οὐδ' ὅσα συμβεβούλευκα ὁμοίως ὑμῖν ὥσπερ τροτάνῃ ῥέπων ἐπὶ τὸ λῆμμα συμβεβούλευκα, ἀλλ' ἀπ' ὀρθῆς καὶ δικαίας καὶ ἀδιαφθόρου τῆς ψυχῆς.

[1]) R. Nicolai in libro qui inscribitur »Griechische Literaturgeschichte« iterum edito (T. I, P. 2, p. 423) inter auxilia quae ad Demosthenis dicendi facultatem cognoscendam adhiberi possint Papadopuli quoque commentationem affert, quae inscribitur Περὶ τοῦ Δημοσθένους καὶ τῆς εἰκονογραφίας αὐτοῦ. Ibi autem agitur non de iis quas nos tractamus imaginibus, sed de statua, quam Athenienses oratori publice posuerunt et ubi similes statuae reperiantur.

Библиотека "Руниверс"

Aliud praeceptum, quod ad imaginum usum pertinet, affert Cornificius (IV, 49, 62): Sumitur aut laudis aut vituperationis causa, vituperationis, ut in odium aut in invidiam aut in contemptionem adducat.— Laudandi causa (ut de forti milite dici potest: pugnat ut leo), Demosthenes ne semel quidem imagine usus est, vituperandi autem saepius. Posteriorum rhetorum quidam hanc imaginum speciem εἰκασμόν vel εἴκασμα appellaverunt, ut Trypho (p. 202, 2 sqq.): εἰκασμός ἐστιν ὁμοιότης εἴδους, παρισοῦσα τὴν φαντασίαν πρὸς τὸ γελοιότερον, ὃ δὴ ὑπό τινων σκῶμμα καλεῖται. διαφέρει δὲ εἰκάνος, ὡς γένος εἴδους· ἡ μὲν γὰρ εἰκὼν οὐκ εὐθέως εἰκασμός, ὁ δὲ εἰκασμὸς πάντως εἰκών. Herodianus quoque (Sp. III, p. 92, 7 sqq.) inter εἰρωνείας species εἰκασμόν numerat et porro (27 sq). ita definit: εἰκασμὸς δέ ἐστιν ὅταν μετὰ τοῦ παραπλῆναι τὸ ὅμοιον καθαιρῶμεν τοὺς πέλας. Apud Cocondrium denique haec descriptio exstat (Sp. III, p. 286, 15 sq.): τὸ δὲ εἰκασμά ἐστι σκῶμμα καθ' ὁμοιότητα. Iam igitur ad singula exempla enumeranda accedamus.

Orat. Phil. I, 26 Atheniensium duces per acerbissimam imaginem cum fictis imagunculis conferuntur, tamquam praeter spectacula in foro ad nullam rem graviorem utiles sint: ὥσπερ γὰρ οἱ πλάττοντες τοὺς πηλίνους εἰς ἀγορὰν χειροτονεῖτε τοὺς ταξιάρχους καὶ τοὺς φυλάρχους, οὐκ ἐπὶ τὸν πόλεμον.

In Phil. orat. III duas imagines usurpavit: Philippus enim § 29 cum febri vel alio morbo, quo ille quoque, qui longe abest atque in tuto sese versari putat, corripi solet, apte comparatur: ὥσπερ περίοδος ἢ καταβολὴ πυρετοῦ ἢ ἄλλου τινὸς κακοῦ καὶ τῷ πάνυ πόρρω δοκοῦντι νῦν ἀφεστάναι προσέρχεται; § 33 orator Graecos propter desidiam vituperat, cum agricolis eos comparans, qui appropinquante procella tantum pro sese quisque optant, ne calamitate affligantur, prohibere vero eam nemo conatur: τὸν αὐτὸν τρόπον ὥσπερ ἐκὴν χάλαζαν ἕμοιγε δοκοῦσι θεωρεῖν, εὐχόμενοι μὴ καθ' ἑαυτοὺς ἕκαστοι γενέσθαι, κωλύειν δ' οὐδεὶς ἐπιχειρῶν. Simili modo populo inconstantiam atque mobilitatem exprobrat XIX, 136, cum vento in mari eum conferens: ὡς ὁ μὲν δῆμός ἐστιν ἀσταθμητότατον πρᾶγμα τῶν πάντων καὶ ἀσυνθετώτατον, ὥσπες ἂν θαλάττῃ πνεῦμα ἀκατάστατον, ὡς ἂν τύχῃ, κινούμενον [1]).

[1]) Aristotele teste (Sp. I, 129, 22) Demosthenes populum etiam cum iis comparavit, qui in navibus nauseant. Ceterum Aristoteles praeter hunc locum bis Demosthenis mentionem fecit (p. 106, 28, p. 117, 6 sq.) et p. 102, 16 sententiam de malo vicino afferens initium orationis contra Calliclem respicere videtur. Itaque minime probari potest sententia, quam R. Nicolai (l. l. p. 398) his verbis expressit: Bald war die Redekunst unter vorzugsweiser Berufung auf Demosthenes durch Aristoteles

Библиотека "Руниверс"

Alia et ea quidem acerbissima imago XVIII, 198 reperitur, ubi Aeschines, qui temporibus quietis, cum de salute reipublicae ageretur, tacebat, si vero patria calamitate afflicta erat, statim prodibat et loquebatur, cum inveteratis morbis comparatus est: πράττεταί τι τῶν ὑμῖν δοκούντων συμφέρειν· ἄφωνος Αἰσχίνης· ἀντέκρουσέ τι· πάρεστιν· Αἰσχίνης· ὥσπερ τὰ ῥήγματα καὶ τὰ σπάσματα, ὅταν τι κακὸν τὸ σῶμα λάβῃ, τότε κινεῖται. Eiusdem orationis § 122 conferuntur ea, quae quispiam in pacta statua requirit, cum iis quae a reipublicae gubernatore exiguntur: τοιαῦτα λέγεις, ὥσπερ ἀνδριάντα ἐκδεδωκὼς κατὰ συγγραφήν, εἶτ' οὐκ ἔχοντα ἃ προσῆκεν ἐκ τῆς συγγραφῆς κομιζόμενος. Recte addidit scholiasta ad h. l. inter alia haec: διασύρει οὖν τῇ παραθέσει τὸν λογισμόν. Aliam imaginem orat. contra Aristocrat. 201 legimus, ubi ii, qui merces minimo pretio vendant, cum Atheniensium oratoribus comparantur, qui minimo lucro adducti in contionibus proponunt, ut homines indigni honoribus afficiantur: τὰς τιμὰς καὶ τὰς παρ' ὑμῶν δωρεὰς ὥσπερ οἱ τὰ μικρὰ καὶ κομιδῇ φαῦλα ἀποκηρύττοντες οὕτω κωλοῦσιν ἐκνευωλίζοντες. Huc quoque referri potest XIX, 96, ubi pax Philocratea cum pecunia grandi fenore accepta comparatur: ἣν (sc. εἰρήνην) δέδοικα μὴ λελήθαμεν, ὥσπερ οἱ δανειζόμενοι ἐπὶ πολλῷ ἄγοντες.

Iam sub finem huius partis ceteras quae nobis praesto sunt brevissimas imagines apponimus, quarum complures in proverbiorum consuetudinem venerunt. Ita II, 30 ὥσπερ ἐκ τοραννίδος de infinita potestate, quae parti cuidam conceditur; III, 7 ὥσπερ ἐμπόδισμά τι de impedimento; IX, 39 ὥσπερ ἐξ ἀγορᾶς de venditis ab oratoribus rerum gestarum occasionibus; XIX, 328 ὥσπερ αἴνιγμά τι de re incerta; XVIII, 50 ὥσπερ ἑωλοκρασίαν de rebus inveteratis, (quod vocabulum proprie faecem significat); ibid. 122 ὥσπερ ἐξ ἀμάξης de usu impudentium verborum; ibid. 263 λαγὼ βίον ἔζης de Aeschinis meta; ibid. 269 ὥσπερ ἐν τραγῳδίᾳ βοῶντα, et de falsa leg. 120 ἀγῶνας καινοὺς ὥσπερ δράματα αἱρεῖς δώκων, quibus Demosthenes Aeschinis partium tertiarum munus, quo ille antequam orator factus est, fungebatur, facete denotat ut iam scholiasta vidit, qui ad priorem locum: καὶ ἆρα, inquit, εἰς τὴν τέχνην ἀποσκώπτει; et ad posteriorem: τὸ δὲ ὥσπερ δράματα διὰ τὸ εἶναι ὑποκριτὴν εἶπεν; orat. Leptin. § 152 ὥσπερ ἐργασία de aliena sententia saepe defendenda; orat. Midianae § 149 ὥσπερ ἐν τραγῳδίᾳ de incerta origine,

---

und Theophrast mit philosophischem Geist erörtert. Cf. Fr. Blassii librum qui inscribitur Die attische Beredsamkeit P. II, p. 112 sq. Aristoteles praecipiebat, quae optima essent, Demosthenes dicebat: igitur non mirum est, si usus oratoris et praecepta philosophi inter se minime contraria sunt.

Библиотека "Руниверс"

orat. contra Boeotum p. 1026 ὥσπερ ἀπὸ μηχανῆς de teste, qui subito atque contra omnium exspectationem prodiit.

Quam aptae Demosthenis similitudines atque imagines fuerint, veteres rhetores praecipue eo testantur, quod iis tamquam exemplis ad praecepta sua confirmanda utuntur. Ita, ut exempla quaedam afferam, illam praeclaram II, 10 similitudinem a firmis aedificiorum fundamentis ductam complures laudant, ut Apsines (Sp. I, p. 373, 2 sq.), Minucianus (Sp. I, p. 418, 32 sqq.), Rufus (Sp. I, p. 468, 24 sqq.), Gregorius Corinthius (Walz. VII, p. 1150). Item Aristides (Sp. II, p. 466, 11 sqq.) praecepto de imaginum usu allato (τὸ εἰκόσι χρῆσθαι σεμνότητα καὶ ἀξίωμα ἔχοντα τὸν λόγον ἐξεργάζεται) tria exempla ex Demosthenis orationibus petita (orat. de falsa leg. § 136, de cor. § 153, Phil. III, § 29) ad id quod dixit demonstrandum affert. Minucianus quoque (l. l.) ex oratione contra Aristogitonem (p. 786) haud ineptum exemplum adhibuit: πορεύεται διὰ τῆς ἀγορᾶς Ἀριστογείτων ὥσπερ ὄφις ἢ σκορπίος ἡρῳὸς τὸ κέντρον, ἕτταν τῆδε κἀκεῖσε. Quod exemplum equidem in enumerandis imaginibus omisi, quoniam non satis certum est, utrum haec oratio Demosthenica sit, necne.

Unus tantum ex tota antiquitate fuit, qui in hac quoque re Demosthenem calumniaretur, eius aequalis atque inimicissimus Aeschines orator, qui orat. Ctesiph. § 166 inter alia intolerabilia et fastidiosa Demosthenis verba haec quoque affert: ἐπὶ τὰ σεσηπότα τινες ὥσπερ τοὺς βελόνας διαίρουσιν. Sed iam antiquis temporibus Demosthenes defensorem nactus est Dionysium Halicarnassensem, qui l. de admir. vi dic. in Dem. c. 57: οὐδὲν, inquit, εὑρίσκω τούτων παρὰ Δημοσθένει κείμενον. Quid igitur haec Aeschinis verba sibi volunt? Aut eum mendacii argues, aut, quod mihi verisimilius esse videtur, cum Spengelio (ad Aristot. rhet. III, 4) censendum erit Demosthenem audaciora verba in scriptis vitantem in contione non fugisse [1]).

Cicerone (de Orat. II, 66, 265 sq.) et Quintiliano (VI, 3, 57, sqq.) testibus similitudines et imagines etiam idcirco ab oratoribus adhibentur, ut iudices vel coronam ad risum commoveant. Quod quid utilitatis afferat, recte Tullius docet (de Orat. II, 58, 236): est oratoris movere

[1]) Inter orationem habitam et scriptam quod ad dicendi genus attinet multum interesse multaque in illa concedi, quae in scripta tolerari non possint, monet Aristoteles (p. 145, 18 sqq): δεῖ δὲ μὴ λελῆθέναι ὅτι ἄλλη ἑκάστῳ γένει ἁρμόττει λέξις. οὐ γὰρ ἡ αὐτὴ γραφικὴ καὶ ἀγωνιστική. Et porro: ἔστι δὲ λέξις γραφικὴ ἡμὲν ἡ ἀκριβεστάτη, ἀγωνιστικὴ δὲ ὑποκριτικωτάτη. Cf. Blass. l. l. p. 115.

Библиотека "Руниверс"

risum, maxime quod odiosas res saepe, quas argumentis dilui non facile est, ioco risuque dissolvit. A Demosthene hic usus est alienus, exceptis paucissimis exemplis (ut illa similitudine de stulto medico et imaginibus, ὥσπερ ἑωλοκρασίαν, λαγὼ βίον ἕζης), quod iam Quintilianus scite observavit atque oratorem cum Cicerone componens his verbis expressit (VI, 3, 2): Plerique Demostheni facultatem defuisse huius rei credunt, Ciceroni modum. Nec videri potest noluisse Demosthenes, cuius pauca admodum dicta nec sane ceteris eius virtutibus respondentia palam ostendunt, non displicuisse illi iocos, sed non contigisse [1]). Et § 21. ita pergit: Demosthenem urbanum fuisse dicunt, dicacem negant. Significat vero, ut ipse dicit, dicacitas proprie sermonem cum risu aliquos incessentem; urbanitas autem (quod § 17 docet), est sermo praeferens in verbis et sono et usu proprium quendam gustum urbis, et iam Aristotele monente (p. 138, 23) ut aliis rebus ita imaginibus quoque efficitur: ποιοῦσι μὲν οὖν καὶ αἱ τῶν ποιητῶν εἰκόνες τὸ αὐτό (sc. τὸ ἀστεῖον, τὴν ἀστειότητα). Demosthenem revera severi ingenii fuisse praeter Quintiliani testimonium hoc quoque demonstrat, quod et adversarii eum aquae potorem appellantes ut hominem difficilem et morosum deridebant [2]), et in statuis, quae in museis nostris asservantur, faciem oratoris minime affabilem hilaremque fuisse videri potest [3]). Quae severitas mea quidem sententia Demostheni potius decori atque ornamento esse debet, quam ut ob eam causam de eius gloria aliquid detrahas: nam idcirco iocosas imagines afferre, ut iudicem facetiis a vero abductum corrumpat, oratorem a religione officii non declinantem minime decet, neque illo serio tempore, quo ultimum certamen de libertate atque summa salute Graecis instabat, patriae amantissimus quisque iocari potuit. Ceterum Demosthenes non solum non adhibuit iocos, sed etiam suos cives, qui facetis verbis delectati plerumque res dimitterent, acerbe increpuit or. in Aristocr. p. 689: ὑμᾶς δ' ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, τοὺς τὰ μέγιστα ἁμαρτάνοντας καὶ φανερῶς ἐξελεγχομένους, ἂν ἓν ἢ δύο ἀστεῖα εἴπωσιν... ἀφίετε.

---

[1]) Cf. etiam Dionys. Hal. l. l. c. 54: πᾶσας ἔχουσα τὰς ἀρετὰς ἡ Δημοσθένους λέξις λείπεται εὐτραπελίας, ἣν οἱ πολλοὶ καλοῦσι χάριν.

[2]) Cf. VI, 30 ἔγωγε ὕδωρ πίνων εἰκότως δύστροπος καὶ δυσκόλος εἰμί τις ἄνθρωπος, et XIX, 44.

[3]) Vide E. Q. Visconti, Iconographie grecque, T. I, p. 256, qui pulcherrimam Demosthenis ex «villa Albani» staturam describens haec dicit: Les traits de cette figure et le front carré annocent la force du génie; mais il faut convenir, que la physionomie n'est pas prévenante, et ne promet pas un caractère aimable.

Библиотека "Руниверс"

Si quis omnes quas enumeravimus Demosthenis similitudines atque imagines perlustraverit, facere non poterit, quin primum miretur, cur in tot orationibus tam paucae reperiantur, cum Homerus in sola Iliade (ut Velsenus de comparationibus Homericis p. 5 docet), centum septuagiata octo similitudinibus usus sit? In qua re optime versatum esse oratorem intellegemus, si consideraverimus et similitudines, quae confirmandi causa adhibeantur, inter artificialia argumenta numerari atque arte refutari posse, et imagines potius poetam quam oratorem decere ideoque modice tantum adhibendas esse, ut Aristoteles docuit (p. 129, 3 sqq.): χρήσιμον δὲ ἡ εἰκὼν ἐν λόγῳ, ὀλιγάκις δέ· ποιητικὸν γάρ. Omnem vero artem quam sollertissime oratori occultandam esse imprimis latini rhetores praecipiunt, ut Cornificius (I, 10; II, 30; IV, 7), Cicero (de Orat. II, 41, 177), praecipue autem Quintilianus, qui I, 11, 3: nam si qua, inquit, in his ars est dicentium, ea prima est, ne ars esse videatur. Et porro (IV, 1, 9) causam adfert: iudex religiosus libentissime patronum audit, quem iustitiae suae minime timet. Inde illa veterum circa occultandam eloquentiam simulatio. Cum quibus conferas IV, 2, 127; VI, 3, 33; VIII, procem., 18; 3, 2.

Alterum, quod mirabile esse videtur, hoc est, quod omnes similitudines ex deliberationibus tantum atque causis publicis desumptae sint neque ullae (paucissimis ut ita dicam vestigiis exceptis) reperiantur in causis privatis. Hoc quoque a Demosthene optime factum est, imprimis si elocutionem respicis. Nam inter singula orationis genera in eloquendo multum interest, ita ut genus demonstrativum a deliberativo atque iudiciali, in hoc autem iterum causae publicae a privatis in exornandis verbis valde differant. Splendidissimum ornatum genus demonstrativum desiderat, tenui atque cotidiano dicendi genere in iudicio in causis privatis utendum est, ut recte Quintilianus monet (VIII, 3, 14): An non pudeat certum creditam periodis postulare? aut circa stillicidia affici? aut in mancipii redhibitione sudare?—In deliberationibus autem et causis publicis sublimius atque ornatius dicendi genus adhibendum. (Cf. Quintil. VIII, 3, 11 sqq.; IV, 2, 61; 117; Cic. de Orat. II, 24, 100; 82, 337 sq.; III, 55 210; Anonym. Sp. I, 323, 19 sqq). Quod discrimen a Demosthene rite observatum esse iam Dionysius Halicarnassensis l. l. c. 10 monet, ubi oratorem τὴν ἐξηλλαγμένην καὶ περίεργον διάλεκτον praecipue in Philippicis adhibuisse dicens haec addit: πολλὰ δὲ καὶ ἐν τοῖς δικανικοῖς ἀγῶσι, τοῖς γ'οὖν δημοσίοις· καὶ σχεδὸν ἔν τε τούτοις καὶ ταῖς δημηγορίαις. Planius de hac re disputat c. 45: οὐδὲ τοὺς αὐτοὺς ᾤετο δεῖν πᾶσι προσήκειν κόσμους· ἀλλὰ τοῖς μὲν δημηγορικοῖς

Библиотека "Руниверс"

τὸ ἀξίωμα καὶ τὴν μεγαληγορίαν μᾶλλον ἁρμόττειν, αὐτῶν δὲ τῶν δικανικῶν πάλιν ἐν μὲν τοῖς δημοσίοις, ἔνθα τὸ ἀξίωμα ἔδει τῆς πόλεως φυλάξαι, ταῖς μεγαλοπρεπεστέραις (sc. ἁρμονίαις κέχρηται) πλείοσιν· ἐν δὲ τοῖς ἰδιωτικοῖς ἐλάττοσιν. De causis privatis agit idem c. 56: ἐν δὲ τοῖς ἰδιωτικοῖς λόγοις, οὓς περὶ μικρῶν συμβολαίων ἰδιώταις ἀνθρώποις ἔγραψε, τὴν κοινὴν καὶ συνήθη λέξιν ἐπιτηδεύει, σπανίως δέ ποτε τὴν περιττὴν καὶ οὐδὲ ταύτην ἀπ' αὐτοφώρῳ, ἀλλ' ὥστε λαθεῖν.

Non erit inutile neque a re alienum tamquam in praetereundo videre, quae ratio inter Demosthenicas imagines et similitudines Homericas intercedat. Id eo magis licet quod veteres Homerum ut omnis poeseos atque omnium artium, ita dicendi quoque parentem et primum magistrum esse persuasum habebant, ut Quintilianus (X, 1, 46) docet: Hic enim omnibus eloquentiae partibus exemplum et ortum dedit.—Inter alia quae huc pertinent, § 49 similitudines quoque affert. Recte autem iis quae antecedunt (§ 28) monet, non esse in omnibus poetas oratori sequendos, cum id genus ostentationi comparatum solam voluptatem petat. In hoc quoque Demosthenes posterioribus viam monstravit. Loci enim, unde similitudines ducuntur, tres sunt: natura, vita humana, animus. Quod ad primum attinet, Homerus plurimas collationes huc spectantes imprimis ad pugnas describendas adhibuit et singulas earum partes suo more dilatavit: Demosthenica vero quinque vel sex eiusmodi exempla reperimus et ea quidem fere semper in artissimam imaginum formam contracta. Vita humana utrique materiem suppeditabat, Demosthenes autem vitam urbanam magis respiciebat, ita ut apud eum complures similitudines a vendendo, numerando, pendendo, re pecuniaria ductae inveniantur. Quod optime ab oratore institutum esse nemo non videt, cum haec omnia iis qui audiebant, proxima atque notissimarum sint ideoque ad sententias demonstrandas apte quadrarent. Ex eo quem tertium nominavi loco Homerus duas imagines hausit (Il. XV, 80; Od. VII, 36), Demosthenes nullam, et summo iure: nam iis tantum quae sensibus subiecta sunt usus, artificii suspicionem prorsus evitavit.

His igitur absolutis, ut supra in sententiis, ita hic quoque quaedam de ordine et forma, de coniunctionum, temporum, modorum usu imprimis ad similitudines pertinentia afferemus. De ordine iam Quintilianus (VIII, 3, 77 sqq.) haec monuit: In omni autem parabole aut praecedit similitudo, res sequitur aut praecedit res et similitudo sequitur. Sed interim libera et separata est: interim, quod longe optimum est, cum re, cuius est imago, connectitur, collatione

Библиотека "Руниверс"

invicem respondente, quod facit redditio contraria, quae ἀνταπόδοσις dicitur... Redditio autem illam rem utramque velut subicit oculis et pariter ostendit. Cum quo conferas Polybii Sardiani (Sp. III, p. 107, 1 sq.) haec verba: αἱ δὲ τῶν παραβολῶν αἱ μὲν ἀνταποδοτικαί, αἱ δὲ ἀπόλουθοι, vel ὅλως ἀνταποδόσεως, ut infra dicit; Herodianus (Sp. III, p. 104, 8 sq.) eam redditionem contrariam ita definit: ἀνταπόδοσις δὲ φράσις ἀνταποδιδομένη τῇ παραβολῇ καὶ συναπλοῦσα τοῖς πραττομένοις αὐτήν.

Quod igitur ad ordinem similitudinis et rei comparatae attinet, apud Demosthenem similitudo plerumque praecedit, res sequitur; ordo contrarius in imaginibus tantum reperitur. XVIII, 248 affertur antea res comparata, tum similitudo sequitur et res comparata sub finem repetitur.

Utriusque rei separatae et libere positae, quae similitudinis forma simplicissima est, duo vel tria exempla reperiuntur, ut XXIV, 213 in Solonis verbis, ubi modo per ἀντίθεσιν μὲν et δὲ vocabulorum hae duae partes sibi respondent. Huc pertinet IX, 69, ubi similitudini antecedenti res καὶ ἡμεῖς τοίνυν verbis adiungitur; cf. etiam III, 17, ubi similitudo οὐδὲ vocabulo adnexa est.

Quod e Quintiliani sententia longe optimum est, huius plurima exempla apud Demosthenem inveniuntur. Similitudo enim ὥσπερ adverbio inducitur (ὡς simplex nunquam in similitudinibus apud Demosthenem reperitur), res autem comparata ab οὕτω(ς) incipit. Ad augendam comparandi significationem varia vocabula adduntur, ita I, 15 τὸν αὐτὸν τρόπον, idem IX, 31 (ubi οὕτως deest); καὶ additum legitur II, 10; ὥσπερ—οὕτω καί; ibid. 21 et XVIII, 227 ὥσπερ—οὕτω καὶ νῦν. Interdum tota sententia ei rei inservit, ut I, 11: παρόμοιόν ἐστιν, ὅπερ καί. Sed in eiusmodi locis liberius tota similitudo instituta est, ita ut potius ad eas similitudines, de quibus supra diximus, numerari possit. Ita I, 11 similitudo per sententiam primariam sine comparativa coniunctione expressa est, res autem καὶ οὕτως verbis adnexa. Ita etiam IV, 10 similitudo primum in universum designatur verbis: οὐδενὸς ἀπολείπεσθε ὥσπερ—οὕτω, incipit autem a καὶ coniunctione, itemque res comparata. Similiter inducitur parabole III, 33 primum in universum verbis τοιούτων—ἃ ἔοικεν. Utraque pars a καὶ coniunctione incipiens per sententiam primariam exprimitur. Cf. etiam XV, 32—33. Ibi quoque similitudo primum in universum vocabulis τὴν αὐτήν—ἥνπερ designatur. Similitudo ipsa est sententia primaria sine coniunctione, res comparata per τοίνυν particulam adiungitur. In re comparata οὕτως adverbium inter-

Библиотека "Руниверс"

dum omittitur, imprimis ubi similitudo disiuncta rem subsequitur, ut XVIII, 198, 194 et 203.

Coniunctio, qua Demosthenes ad adnectendas imagines utitur, est, ut supra, hic quoque ὥσπερ, cf. IV, 26; XIX, 96 et saepius aliis locis; orat. Phil. III, 33 praeter ὥσπερ addita sunt vocabula τὸν αὐτὸν τρόπον; interdum cum ὥσπερ particula ἄν coniungitur, ut XVIII, 153, 298; porro ὥσπερ ἂν εἰ ibid. 214. ἄν et ἂν εἰ particulae e similitudinibus non contractis ductae sunt, ubi in protasi conditionali ab εἰ coniunctione incipiente adhibitae erant [1]). Non praetermittenda est singularis imaginis forma XVIII, 263: λαγὼ βίον ζῇς, quod significat idem atque ὥσπερ λαγὼς ζῇς.

Quod ad tempora attinet, frequentissimum praesens est, quo similitudinem saepius inveniri significatur. At interdum aoristum quoque invenies, ut I, 15 ὥσπερ—ἀπέστησαν; ibid. 11, ubi orator utrumque adhibuit: ἔχει et συνανάλωσεν. Qui aoristus eandem significationem habet atque in sententiis (γνώμαις), cf. supra p. 109.

Ex modis indicativo nullus est frequentior. Optativum legimus, XVIII, 194 ὥσπερ ἂν εἴ τις—αἰτιῷτο, ibid. 243 ὥσπερ ἂν εἰ ἰατρὸς—μὴ λέγοι μηδὲ δεικνύοι—διεξίοι. Etiam in re comparata plerumque indicativum praesentis reperimus, interdum etiam indicativum aoristi gnomici, ut II, 21, ubi cum praesenti coniunctus est: ἀφανῆ ἐστι — ἀποίησαν. IX, 69 Demosthenes interrogatione rhetorica usus est, quo rem comparatam gravius exprimeret: τί ποιῶμεν; Tota denique similitudo ab alio verbo pendet, ut I, 15 a verbo δέδοικα et in Solonis antithesi XXIV, 213 ut accusativus cum infinitivo a verbo ἡγεῖται.

Ioannes Lunák.

[1]) Simili modo apud Homerum ὡς ὅτε et ὡς ὅτ' ἄν reperitur, de quo usu cf. Holzmani diss. phil. «De comparationis quae dicuntur in graeca et latina lingua particulis», Halis, a. 1866, p. 18 sq.

Библиотека "Руниверс"

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ГЛАГОЛОВЪ

ΘΕΙΔΟΜΑΙ и ΦΘΙΝΩ.

1) Φείδομαι.

Этимологія этого слова, кажется, еще не изслѣдована; по крайней мѣрѣ и помину нѣтъ о немъ ни въ четвертомъ изданіи Курціуса „Grundzüge d. griech. Etym." ни въ третьемъ изданіи Фика: „Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen". Изъ всѣхъ мнѣ доступныхъ книгъ по сравнительному языкознанію только въ четвертомъ томѣ (стр. 35) журнала Куна: „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung" сопоставляется безъ всякаго объясненія φείδομαι съ findo и въ сравнительной грамматикѣ Льва Мейера принимаются два корня bhid „разсѣкать" и bhid = φιδ „щадить"; а такъ какъ вышеупомянутые авторитеты по этимологіи, Курціусъ и Фикъ, вѣроятно не нашли въ нихъ ничего заслуживающаго вниманія, то считаю не лишнимъ высказать свое мнѣніе объ этомъ словѣ.

Прежде всего необходимо припомнить себѣ Гомеровскія формы этого слова и значеніе его.

Мы находимъ у Гомера въ слѣдующихъ мѣстахъ φείδομαι и производные отъ него φειδώ и φειδωλή „пощада, бережливость":

Il. 5,202. ἵππον φειδόμενος.

тутъ-же (678) имя Φείδιππος.

Il. 15,215. Ἰλίου αἰπεινῆς πεφιδήσεται.

Il. 20,464. εἴ πώς Ζεὺ πεφίδοιτο.

Il. 21,101. τόφρα τί μοι πεφιδέσθαι ἐνὶ φρεσὶ φίλτερον ἦεν — Τρώων.

Il. 24,158. ἀλλὰ μάλ' ἐνδυκέως ἰκέτεω πεφιδήσεται ἀνδρός; тотъ-же стихъ повторяется Il. 24,187.

Библиотека "Руниверс"

Il. 24,235 и 6. Οὐδέ νυ τοῦ περ φείσατ' ἐνὶ μεγάροις ὁ γέρων.

Od. 16,185. φείδεο ἡμέων.

Od. 22,54. οὐ δὲ φείδεο λαῶν.

Od. 9,277 и 8. οὐδ' ἂν ἐγὼ Διὸς ἔχθος ἀλεύαμενος περιδοίμην οὔτε σεῦ οὐθ' ἑτάρων.

Φειδώ является:

Il. 7,409. οὐ γάρ τις φειδὼ νεκύων κατατεθνηώτων—γίγνεται.

Od. 14,92. Κτήματα δαρδάπτουσιν ὑπάρβιον οὐδ' ἔτι φειδώ. 16,315 тотъ же стихъ.

Φειδωλή встрѣчается:

Il. 22,243 и 4, Μηδέ τι δούρων—ἔστω φειδωλή.

Другія производныя слова отъ φείδομαι φειδός (8) и φιδός бережливый, φειδωλός (2 или 3) бережливый, φειδωλία=φειδωλή. φείδων=φειδωλός, также означаетъ сосудъ для масла съ узкимъ горлышкомъ и является какъ имя собственное; φειδμωγή и φειδασμός = φειδώ; имена собственныя: Φειδίας, Φείδυλλα, Φειδό-λαος,-λεως,-λᾶς; Φειδόστρατος; наконецъ ἀφειδής не щадящій, ἀφειδέω, ἀφειδία.

Итакъ Гомеровскія формы: περιδοίσθαι, περίδοιτο, περιδήσεται, устраняютъ всякое сомнѣніе, что греческій корень отъ φείδομαι есть φιδ. Значеніе же этого слова у Гомера „щадить" есть то же самое, которое и въ послѣдствіи вездѣ является въ греческой литературѣ.

Это значеніе развилось изъ болѣе осязательнаго „удерживаться", чему служитъ доказательствомъ зависящій отъ φείδομαι родительный падежъ и медіальныя формы этого глагола. Понятіе же „удерживаться" основывается на понятіи „раздѣляться". Вотъ эта только сохранившаяся медіальная форма глагола φείδομαι и недоведеніе понятія „щадить" до осязательнаго начала мѣшали до сихъ поръ, по моему мнѣнію, опредѣленію настоящей этимологіи этого слова.

Еслибы сохранился въ греческомъ языкѣ дѣйствительный залогъ *φείδω, то значеніе его было бы „разсѣкать" „раздѣлять" и ни одинъ опытный этимологъ не сомнѣвался бы въ томъ, что гр. корень φιδ есть самый точный рефлексъ индо-европ. корня bhid, санск. bhid (bhinatti или bhedate разсѣкаетъ, раздѣляетъ), готскаго bit (beitith кусаетъ). Такъ какъ со стороны звуковъ нѣтъ ни малѣйшаго затрудненія для такого предположенія, то для доказательства вѣрности его слѣдуетъ только привести аналогическое происхожденіе понятія „щадить" въ другихъ языкахъ.

Самую подходящую аналогію я нахожу въ нашемъ словѣ „щадить", слав. штѧдѣти, съ тѣмъ же значеніемъ „parcere, θησαυρίζειν

Библиотека "Руниверс"

(скопить)" и съ тѣмъ же самымъ происхожденіемъ этого значенія отъ первоначальнаго „разсѣкать", „раздѣлять", которое еще проявляется въ сан. chid (chinatti), въ лат. scid (scindit), въ гр. σχιδ (σχίδνημι и σχίζω), въ литов. sked (skedžiu), а также въ лат. cid (caedit), нѣм. scheiden.

Индо-европ. корень всѣхъ этихъ словъ есть skad, skand, отъ котораго также происходитъ наше слово „часть".

Такое же происхожденіе понятія „щадить" отъ понятія „раздѣлить", „отдѣлить", можно вывести изъ нѣмецкаго „sparen" въ сравненіи съ „sperren". Отъ значенія индо-европ. корня spar, первоначально похожаго на bhid, что доказываетъ лат. sparus, древне-нѣм. spër (копье), сан. sparitar (врагъ) и производные sprdh и spardhâ (битва) (сравни „споръ"), развилось не только значеніе „лягаться", но и „раздѣлять", „отдѣлять для себя", то-есть, „щадить, копить"; сравни санск sphur (sphurati), зендс. çpar (çparaiti), греч. σπαρ, (α)-σκαίρει), лит. spir. (spirie), нѣм. er sperrt sich, всѣ со значеніемъ „лягаться"; значеніе же „отдѣлять" и „щадить" мы видимъ въ нѣм. sperren и sparen и въ литовск. sparus (бережливый). Латинское же spernere первоначально значитъ отдѣлять (nunc spes, opes, auxiliaque a me segregant spernuntque se. Plautus Captivi 3, 3, 2.), затѣмъ пренебрегать, и parcere, также видоизмѣненіе корня spar, значитъ „щадить". Ср. Corssen Aussprache et cet. I, 475, а относительно того, что корень spar теряетъ *s* Журн. Мин. Нар. Пр. январь 1874. Отдѣлъ классической филологіи, стр. 11 12.

Этими тремя аналогіями образованія понятія „щадить" изъ понятія „раздѣлить", при полномъ совпаденіи звуковъ, я считаю доказаннымъ происхожденіе слова φείδομαι отъ индо-европ. корня bhid=разсѣкать. См.: „Curtius Grundz. d. Etym. 111.

Но упомянутые три корня: bhid, spar, ska(n)d относительно семасіологіи такъ интересны и показываютъ, кромѣ указанныхъ аналогій, еще такъ много поразительнаго сходства въ произведенныхъ отъ нихъ словахъ, что не могу не поговорить подробнѣе о нихъ.

Сходство въ развитіи понятій въ самомъ дѣлѣ поразительно. Какъ германская вѣтвь отъ индо-европ. bhid „разсѣкать" дошла посредствомъ готск. beitan „кусать" до понятія „ein bischen" „кусочекъ, немножко", такъ многія европейскія вѣтви развили то же самое понятіе отъ корня spar, хотя переходъ значенія послѣдняго не такъ ясенъ, какъ при bhid. Сравни нѣм. spärlich (древ. нѣм. spar), греч. σπαρνός, лат. parum, parvus; лит. sparas (скудный). Но, кажется, съ помощію

Библиотека "Руниверс"

того-же значенія „кусать" (срав. санск. khad (khâdati) (кусать), греч. χναδάλλειν (грызть); χνώδαλον (звѣрь), лат. coesna и древ. лат. coesna-s, сабинск. scesnas, лит. kąs-ti вмѣсто kąd-ti, слав. кѫсъ (вмѣсто kąd-su), у Славянъ развилось отъ того-же корня ska(n)d понятіе скудности. Сравни скѫдъ (скудный) съ его отпрысками, между которыми скѫдостнѫ въ священномъ писаніи (П. Коринѳ. 9. 6) есть переводъ греческаго φειδομένως, а заимствованное, по моему мнѣнію отъ слав. скѫда (defectus), нѣм. schande, готск. skanda; какъ и польское paskudny, сходно съ латинскимъ spernere, получили значеніе презрѣнія. Наконецъ въ нашемъ корнѣ ska(n)d посредствомъ очень частой метафоры (срав. нѣм. es spaltet mir das Herz) развились понятія: „горести, заботливости, сострадания", близкія понятію „щадить". Это доказываютъ сан. khid (khidati prf. cikheda и çakhâda) греч. κήδω, κήδομαι (горюю, забочусь); κεχήδη = çakhâda, слав. штедръ (misericors, а затѣмъ magnanimus = щедрый) съ производными отъ нихъ словами. Ср. также φείδομαι = ἐλεεῖν у Гесихія.

Основываясь на столь поразительномъ сходствѣ словъ произведенныхъ отъ корней bhid и ska(n)d, я прихожу еще къ слѣдующему заключенію относительно этимологіи: fidelia, φιδάχνη, πίθος и παθάκνη. Какъ славянское скѫдѣлъ (глиняная посуда и кирпичъ) (нѣм. schüssel, греч. и лат. κάδος и cadus одного корня съ нимъ, а schindel тоже самое слово) производится отъ корня ska(n)d, такъ, по моему мнѣнію, хотя Фикъ „Wörterbuch" объ этомъ разсуждаетъ иначе, отъ корня fid образовались [1]) fidelia, φιδάχνη, παθάκνη и πίθος (послѣднія два съ переходомъ аспираціи вѣроятно потому, что вслѣдствіе исчезновенія изъ греческаго языка первоначальнаго значенія корня fid они примыкали къ корню πι (пить). Но по какому качеству или значенію названа въ такомъ случаѣ эта посуда? Вѣроятнѣе всего, что эти сосуды названы по изготовленію ихъ посредствомъ разсѣкающаго инструмента, какъ рѣзца или зубрила, что для меня доказываютъ также слова происходящія отъ корня ska(n)d: „κάδος и

[1]) Съ fidelia я отождествляю греч. φιάλη эту «crux etymologorum». Слово φιάλη искажено изъ φιδιάλη. (Сравни относительно окончанія αλη Курціуса Grundz. d. Etym. 668 и относительно потери d. стр. 647). Этому замѣчательному искаженію слова могло содѣйствовать исчезновеніе первоначальнаго значенія корня φιδ и вообще незначительный ростъ его, притомъ въ одномъ только значеніи «щадить» въ греч. языкѣ.

Замѣчательно также, что φείδομαι слагается *только* съ предлогами ὑπό и περί въ рѣдко употребляемыхъ словахъ ὑποφείδομαι «немножко щадить» и περιφείδομαι «щадить».

Библиотека "Руниверс"

cadus = кадь, кадушка", которыя нельзя отдѣлить отъ лат. caedere, caelare = рѣзать, вырѣзать, caelum = долото. Ае въ этихъ словахъ объясняется измѣненною формою нашего корня ska(n)d въ skid. Этимологія Фика, который fidelia, φιδάκνη, πιθάκνη и κῶθος сравниваетъ съ германскимъ bottich (бочка) и производитъ отъ индо-европ. bhandh (связывать), противорѣчитъ коренная гласная i и главнымъ образомъ значеніе этихъ словъ, которыя, какъ глиняная, стеклянная или наконецъ металлическая посуда, исключаютъ мысль о бондарствѣ.

Наконецъ замѣчу вкратцѣ, что въ греч. и лат. языкахъ еще происходитъ отъ нашего корня bhid. Кромѣ bifidus, bifidatus (дважды разсѣченный) и ясныхъ отпрысковъ его въ лат. языкѣ съ двумя s, напримѣръ, fissum, fissicula, fissura навѣрно отъ него происходитъ finis вмѣсто fidnis (сравни нѣм. scheide (отъ корня ska(n)-d и слав. край отъ кроить. scindere); fistula труба всякаго рода, какъ вещь, отдѣляющая воздухъ или воду, можетъ быть, названная по отдѣляющимъ колѣнамъ камыша, этой первоначальной, неискусственной трубы; потомъ fistuca коперъ свайбитный, какъ машина, разсѣкающая землю; fibra вмѣсто fid-bra волокно и fimbria того-же значенія и всѣ производныя отъ нихъ слова. Можетъ быть и filex вмѣсто fidex папоротникъ, при довольно частомъ переходѣ d въ l въ лат. языкѣ, произошло отъ корня fid, какъ папоротникъ отъ словъ сходнаго съ нимъ по значенію корня spar.

Въ греч. языкѣ сохранилось, по моему мнѣнію, первоначальное значеніе корня φιδ въ словѣ Гесихія φιδίαι = λιθοξόοι (каменосѣки) и Фидій, знаменитый греческій ваятель, имя котораго по Фику: „Griech. Personeinnamen" сокращено изъ φειδόλα(ο)ς, гдѣ λά(ο)ς одно слово съ λᾶς (камень), является, какъ бы самою судьбою назначеннымъ для своего ремесла.

Также предыдущее понятію „щадить" значеніе „раздѣлить" я вижу наконецъ въ словѣ τὰ φιδίτια, которое отдѣлять отъ корня φιδ,— какъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые, нѣтъ никакой причины, φιδίτια (общій обѣдъ Лакедемонянъ) происходитъ отъ φιδίτης, слова производнаго отъ предполагаемаго существительнаго, φεῖδος, а можетъ быть отъ существующаго φειδώ въ несохраненномъ значеніи „отдѣлъ", „часть" съ суффиксомъ -ιτη-ς, который выражаетъ участіе въ дѣлѣ, такъ что φιδίτης значитъ „участвующій въ какомъ нибудь отдѣлѣ общаго обѣда [1]), а фи-

[1]) Πλουτάρχου Λυκοῦργος 12. συνέρχοντο δὲ κατὰ πεντεκαίδεκα καὶ βραχεῖ τούτων ἐλάττους καὶ πλείους.

Библиотека "Руниверс"

δίτια, на что указываетъ множественное число, „всѣ отдѣленія общаго обѣда (трапезы)“. Сравни относительно значенія суффикса -ιτη-ς λοχίτης участвующій въ лохѣ (въ сотнѣ), δειπνίτης участвующій въ обѣдѣ, ὁπλίτης принадлежащій къ вполнѣ вооруженнымъ, θρανίτης, ζυγίτης, θαλαμίτης, отъ θρᾶνος, ζυγόν и θάλαμος гребцы сидящіе на высшей, средней и самой нижней скамьѣ тріэры; ζευγίτης отъ ζεῦγος (запряженный въ одно ярмо). Можетъ быть предполагаемое понятіе отдѣленія было отдѣленіе отъ семейнаго обѣда и [1]) „ἡ ἀφίππος ἡμέρα“, день, въ который Спартанецъ не присутствовалъ на общественномъ обѣдѣ, соединялъ его опять съ семействомъ.

Слово же Гесихія φειδώλιον со значеніями δίφρος, σφέλας, χόρτος, которое Поттъ въ „Kuhn Zeitschrift V, 240 какъ и φείτια производитъ, не находя впрочемъ подражателей, отъ сложнаго глагола ἀφίζεσθαι и переводитъ „сѣдалище“, можно подвести подъ корень φιδ со значеніемъ отдѣльнаго помѣщенія, такъ какъ δίφρος имѣетъ также значеніе кузовъ, σφέλας, кромѣ главнаго значенія „скамейки“ тоже значитъ вырубленный чурбанъ для помѣщенія чего нибудь [2]), а χόρτος какъ нашъ „городъ“, „огородъ“, лат. hortus, нѣм. garten означаетъ тоже огороженное мѣсто. Срав. нѣм. sperrsitz и sparbüchse.

Разсматривая такимъ образомъ индо-европейскій корень bhid въ главныхъ европейскихъ отрасляхъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ сравненіи съ ростомъ его въ Индіи, полнымъ жизни, корень этотъ въ Европѣ только прозябаетъ и что его преодолѣли корни spar и ska(n)d. Можетъ быть, что болѣе смѣлый и опытный этимологъ найдетъ еще отпрыски корня bhid въ нашихъ европейскихъ языкахъ, особенно въ славянской вѣтви, гдѣ онъ, на сколько я знаю, еще не отысканъ. Я могъ бы намекнуть, что тамъ есть „бѣда“, которая можетъ быть происходитъ отъ корня bhid разсѣкать, раздѣлять; но такъ какъ этимологическіе авторитеты—какъ Курціусъ, Фикъ, Ле-

---

[1]) Сравни съ φειδώλιον въ этомъ значеніи подходящее, а по корню и суффиксу сходное fidelia; легко можетъ быть, что такой вырубленный чурбанъ былъ первоначальная fidelia.

[2]) О такомъ днѣ говоритъ Плутархъ въ той же 12-ой главѣ: ἐξὴν γὰρ οἴκοι δειπνεῖν, ὁπότε θύσας τις ἀπαρχὴν καὶ θηρεύσας μέρος ἔπεμψεν εἰς τὸ συσσίτιον. По другой же причинѣ не позволялось дома обѣдать, чему свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто той же главы: Ἀγιδος γοῦν τοῦ βασιλέως, ὡς ἐπανῆλθεν ἀπὸ τῆς στρατείας, καταπολεμηκὼς Ἀθηναίους βουλόμενος παρὰ τῇ γυναικὶ δειπνεῖν καὶ μεταπεμπόμενος τὰς μηρίδας, οὐκ ἔπεμψαν οἱ πολέμαρχοι.

Библиотека "Руниверс"

синѣ—производитъ „бѣду“ отъ другаго индо-европейскаго корня bhandh(связывать), то я ограничиваюсь данными семазіологическими замѣчаніями и приступаю къ слѣдующей, съ предыдущими изслѣдованіями тѣсно связанной, этимологіи.

2) Φθίνω (φθι).

Греч. корень φθι-, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, сопоставляется съ санскр. корнемъ kši, индо-европ. ski. Этого мнѣнія держится болѣе другихъ Фикъ. См. его „Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas“ pag. 26: „So ist unzweifellos φθίνω mit Curtius dem skr. kši (verderben) gleichzusetzen“ 7). Рядъ переходовъ звуковъ у него слѣдующій: skı, skFi, sκι (φι), sπι и наконецъ φθι. Посредствующее sκι онъ находитъ въ діалектическихъ словахъ σπίνος [1]) (худощавый) и φίνομαι (потерять плоды).

Хотя и я считаю такое измѣненіе корня σκι возможнымъ и значенія глаголовъ φθίνω и kšnâmi сходными, все-таки позволяю себѣ усомниться въ такомъ искаженіи корня skı, потому что въ индо-европ. языкахъ есть другой корень, отъ котораго можно произвести φθίνω безъ всякаго фонетическаго затрудненія. Сомнѣніе это тѣмъ болѣе позволительно, что начинательная индо-европ. группа sk, въ чемъ и Фикъ l. c. сознается, еще недостаточно изслѣдована.

Корень съ которымъ, по моему мнѣнію, должно сравнить греч. φθι, я нахожу въ томъ же самомъ bhid, который мы въ предыдущей замѣткѣ подробно разсмотрѣли. Φθίνω произошло вслѣдствіе столь частаго въ греч. языкѣ метатезиса отъ φίδ-νω и настоящее время его сходно образовано съ санскр. bhinadmi, лат. findo, мамду тѣмъ какъ φείδεται по образованію настоящаго соотвѣтствуетъ санскр. bhedati. Ему же соотвѣтствуетъ съ принятою перестановкою сохранившееся у грамматиковъ φθείω, которымъ совершенно вѣрно F. Meyer въ „Bezzenberger Beiträge zur Kunde der indog. Sprachen“ I, 2, 82 объясняетъ приведенное Геродіаномъ φθειο-γόνῳ (Il. 2, 838) и двѣ только существующія основы настоящаго безъ ν φθίης и ἔφθιεν Od. 2, 368 и Il. 18, 446.

Итакъ въ звуковомъ отношеніи ничѣмъ не затрудняется сопоставленіе корня bhid и φθι, если мы только сочтемъ поводомъ къ такой

---

[1]) Что σπίνος въ самомъ дѣлѣ=санскр. kšîna-s, худощавый, и вмѣстѣ съ φίνομαι происходитъ отъ индо-европ. корня skı и я не хочу отрицать; но отъ этихъ словъ до φθίνω еще далеко.

Библиотека "Руниверс"

перестановкѣ столь часто обнаруживающееся въ языкахъ стремленіе къ выраженію расходящихся значеній одного и того же корня или слова и различною звуковою формою. Это же стремленіе (по Курціусу Differenzierungstrieb) тѣмъ болѣе могло произвести перестановку корня φιδ на φθι, что корень этотъ въ греч. языкѣ, какъ мы видѣли, не достигъ значительнаго роста и первоначальное значеніе его почти совершенно изчезло.

Если мы теперь обратимся относительно значенія глагола φθίνω къ Гомеру, важнѣйшему источнику для этимологическихъ изслѣдованій по греч. языку, то изъ многочисленныхъ мѣстъ (70), мною провѣренныхъ, гдѣ встрѣчаются: φθίνω, φθινύθω, φθινυθάσκω съ своими сложными словами, явствуютъ слѣдующія значенія:

I. Переходящее въ дѣйствительномъ залогѣ: „растерзать", „уничтожить", „погубить", „убить" и пр.

1) Растерзать:

Il. XVIII, 446. ἤτοι ὁ τῆς ἀχέων φρένας ἔφθιεν.

Od. X, 485. οἳ μεο φθινύθουσι φίλον κῆρ.

Il. XVI, 589, 40. οὕ σέθεν εἵνεκα τῆλε φίλων ἀπὸ πατρίδος αἴης— θωμὸν ἀποφθινύθουσι.

2) Уничтожать:

Od. I, 250 и 51 и Od. XVI, 127. τοὶ δὲ φθινύθουσι ἕδοντες Fοῖκον ἐμόν.

Od. XIV, 95. Fοῖκον δὲ φθινύθουσιν ὑπέρβιον ἐξαρούντες.

3) Погубить:

Il. VI, 407. φθίσει σε τὸ σὸν μένος.

Il. XXII, 60, 61, ὅν ῥα πάτηρ Κρονίδης ἐπὶ γήραος οὐδῷ — αἴσχῃ ἀναρχαλέῃ φθίσει.

Od. XX, 67. τῆσι τοκῆας μὲν φθίσαν θεοί.

4) Убить:

Il. XVI, 460, 61. τὸν Fοι Πάτροκλος ἔμαλλεν φθίσειν ἐν Τροίῃ ἀριβώλακι τηλόθι πάτρης.

Od. V, 341. Οὐ μὴν δή σε κατοφθίσει, μάλα περ μενεαίνων. И пр.

II. Среднее значеніе въ дѣйствительномъ залогѣ: „гибнуть", „исчезать".

Od. V, 160—1. μηδέ τοι αἰὼν—φθινέτω.

Сравни Od. XVIII, 203, 4. ἵνα — αἰῶνα φθινύθω (дѣйствительное значеніе).

Od. II, 343. τούσδε δ' ἔτι φθινύθειν ἕνα καὶ δύο.

Il. V, 643. φθινύθουσι δὲ λαοί.

Библиотека "Руниверс"

Od. XI, 188. φθίνουσιν νέκυες τε καὶ ἤματα δέκροχεόσῃ, и пр.

III. Среднее и страдательное значеніе въ общемъ и страдательномъ значеніи: „гибнуть", „исчезать", „быть убитымъ", „умереть".

Od. XI, 538. ἀχνύμενοι φθιμένοιο δαμέντερός (о погибшемъ).

Il. VIII, 359. χερσὶν ὑπ' Ἀργείων φθίμενος ἐν πατρίδι γαίῃ (убитый).

Il. XVI, 571. Πατρόκλῳ δ' ἄρ' ἄχος γένετο φθιμένοιο ἑτάροιο (убитый).

Od. IV, 363. καί νύ κεν ἤια πάντα κατέφθιτο καὶ μένε' ἀνδρῶν (исчезли).

Od. XV, 356, 7. ἣ Fε μάλιστα—ἤχαχ' ἀποφθιμένη καὶ ἐν ὠμῷ γήραϊ θῆκεν (умершая), и пр.

Не трудно доказать, что всѣ эти значенія произошли отъ первоначальнаго понятія „разсѣкать, раздѣлять", то-есть, отъ значенія индо-европ. корня bhid. Къ понятію „разсѣкать" подходятъ приведенныя мѣста, напримѣръ: φθινύθεσκε φίλον κῆρ; οἵ μεο φθινάθουσι φίλον κῆρ въ сравненіи съ нѣм. „es zerreisst, es spaltet mir das Herz", какъ и приведенныя мѣста Od. I, 250—1, Od. XIV, 95, гдѣ говорится о хищническомъ раззореніи имущества Одиссея. Значеніе „раздѣлять" ясно еще видно въ Od. V, 353: Διὶ δ' εὔχεται ἀεὶ θυμὸν ἀπὸ μελέων φθίσαι—онъ все молится Зевсу, чтобы душа отдѣлилась отъ тѣла. Понятіе же „разсѣкать" легко переходитъ въ „убить", „губить", „уничтожить", каковое значеніе bhid часто имѣетъ въ Ведахъ, напримѣръ Rgv. VIII, 44, 11. „Agneni pâhi nas tvám prati sehmá devarisbatah—bhindhí dveshah sahaskrta" = Agni защити насъ, о ты боже, отъ вредящихъ (намъ), убей, о сильно-рожденный, враговъ,—или съ предлогомъ ара=ἀπό Rgv. VIII 45, 40 „bhindhí viçra apa dveshah" = отбей всѣхъ ненавидящихъ (насъ). Въ этомъ значеніи также важны сложныя слова φθισίμβροτος (Ἀθηναίη), Od. XXII, 297 и φθισήνωρ или φθεισ ήνωρ (πόλεμος) Il. II, 833 „убивающій людей, мужей". Въ высшей степени наглядно рисуется убійство словомъ φθισίμβροτος въ Il. XIII, 339, напр. ἔφριξεν δὲ μάχη φθισίμβροτος ἐγχείῃσιν — μακρῇς, ἃς εἶχον ταμεσίχροας. Первая часть отъ φθισί-μβροτος, φθις-ήνωρ сродна со второй частью „bhid" въ ведскихъ сложныхъ словахъ какъ pur—bhid = „разворяющій, уничтожающій крѣпости" (эпитетъ Индры).

Что же касается очень частыхъ среднихъ значеній глагола φθίνω = „погибнуть", „умереть", то они совершенно такимъ же образомъ развились отъ первоначальнаго „разсѣкать", „раздѣлять", какъ отъ сходнаго, по значенію, индо-европ. корня sk(a)(n)d „исчезнуть", дѣйствительный залогъ котораго „искажать" произведенъ отъ слав.

Библиотека "Руниверс"

исказа detrimentum. Такой же переходъ показываютъ нѣм. „scheiden“ (раздѣлить) въ „scheiden“ (разставаться) въ сравненіи съ сложными „hinscheiden, verscheiden“, и στοφθίμενος часто хорошо переводится на нѣмецкій языкъ посредствомъ „verschieden“ (умершій).

Ср. также наконецъ мою статейку въ Kuhn Zeitschrift XVII, 311, гдѣ я отождествленіемъ корней отъ λήγειν и Ερηγόνοι доказалъ совершенно такое же развитіе значенія „исчезнуть“ отъ понятія „сломать“.

Шенбергъ.

Библиотека "Руниверс"

О NIHIL ALIUD NISI у ЦИЦЕРОНА.

Въ отдѣлѣ касающ. фил., сент. 1877 года, стр. 46 сл., мы уже имѣли случай оспаривать нерѣдко встрѣчавшееся за прежнее время въ заграничныхъ грамматикахъ и комментаріяхъ мнѣніе будто у Цицерона существуетъ между nihil aliud nisi и nihil aliud quam та разница, что первое „исключаетъ все прочее изъ выше приведеннаго", а послѣднее „заключаетъ въ себѣ сравненіе и выражаетъ тождество". Оспаривали мы эту мнимую разницу на основаніи того, что nihil-aliud quam по новѣйшимъ результатамъ критики Цицеронъ вовсе не употреблялъ; единственный примѣръ, Cic. de leg. 8, 25, приводимый въ грамматикахъ въ доказательство противнаго, исправленъ въ изданіи Гальма такъ: est virtus nihil aliud nisi perfecta.... natura, при чемъ не слѣдовало бы обходить молчаніемъ, что это исправленіе текста сдѣлано на основаніи лучшихъ рукописей, представляющихъ вм. nisi очевидную описку inse. Появленіе слова quam въ большей части новѣйшихъ и худшихъ рукописей представляетъ интересный примѣръ вытѣсненія изъ рукописей подлиннаго чтенія подъ вліяніемъ того, что въ то время, когда рукописи переписывались, очевидно было принято выражаться иначе, чѣмъ во времена Цицерона; для доказательства мы воспользуемся вышедшимъ недавно подъ редакціей К. Ф. В. Миллера вторымъ изданіемъ комментарія М. Зейфферта къ Лелію Цицерона, чтобы пополнить вышесказанное и указать на тѣ мѣста у знаменитаго писателя, гдѣ въ прежнихъ изданіяхъ еще читался оборотъ nihil aliud quam, устраненный въ новѣйшихъ критическихъ изданіяхъ. Вотъ мѣста, собранныя К. Ф. В. Миллеромъ въ упомянутой книгѣ:

Tusc. I 31, 75 читается въ рукописяхъ: nec quicquam aliud emori discere, вм. чего принято читать: ecquid aliud est quam mori disce-

Библиотека "Руниверс"

re. Миллеръ справедливо замѣчаетъ, что по крайней мѣрѣ не съ меньшею вѣроятностью можно читать: ecquidnam aliud est nisi mori d.

Rab. perd. 2, 4 чтеніе лучшихъ рукописей: agitur enim nihil aliud in hoc causa, Quirites, ut....., а худшихъ: .....Quirites, quam ut.... Гальмъ пишетъ: nisi ut.

Caecin. § 103 однѣ рукописи: ut id non minus... contenderit aliud, quam..., другія: aliquid quam; ни aliud, ни aliquid не имѣетъ смысла, вслѣдствіе чего слѣдуетъ читать: non minus, quam.

ad Att. III 15, 5 рукописи: nec quicqam aliud opus est quam abrogari: смыслъ требуетъ, чтобы quam было выпущено.

Наконецъ неточность грамматическаго правила, будто послѣ утвердительнаго alius не слѣдуетъ ставить quam, а ac (atque), доказываютъ слѣдующія мѣста: De inv. I, 18, 26 и 47, 87. Pro domo s. 12, 31. Ne aliter quam находится de inv. II, 22, 66 и Verr. I, 9, 24.

Э. Вертъ.

Библиотека "Руниверс"

ОТЧЕТЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГИКИ ЗА 1874—1877 ГОДЫ.

Уставъ Общества Классической Филологіи и Педагогики утвержденъ 3 іюня 1874 г. Такимъ образомъ Общество вступило нынѣ въ четвертый годъ своего существованія.

Учрежденіе Общества Классической Филологіи и Педагогики есть прямое и логическое слѣдствіе послѣднихъ реформъ, которыя произведены въ учебной системѣ нашихъ гимназій.

Мысль объ учрежденіи Общества принадлежитъ теперешнему его предсѣдателю А. И. Георгіевскому. Пять лѣтъ тому назадъ, когда новый уставъ гимназій и реальныхъ училищъ только еще осуществлялся; 2 декабря 1872 года въ частномъ собраніи преподавателей, профессоровъ и другихъ лицъ, преданныхъ дѣлу развитія классическаго образованія въ Россіи, А. И. Георгіевскій представилъ доказательства пользы и необходимости учрежденія Общества классической филологіи и педагогики. „Отдадимъ себѣ отчетъ,— говорилъ онъ между прочимъ,— среди какихъ условій должно совершиться это великое дѣло введенія стомилліоннаго народа въ обладаніе общимъ наслѣдіемъ всего образованнаго человѣчества. Оно представляло бы немаловажныя трудности и въ томъ случаѣ, если бы въ обществѣ относились къ нему сочувственно. Но вамъ извѣстно, что общество или равнодушно къ этому великому дѣлу, или сбито съ толку, даже и враждебно, и эту враждебность свою переноситъ на главныхъ двигателей дѣла—на преподавателей древнихъ языковъ. Не находя столь естественнаго сочувствія и содѣйствія себѣ ни со стороны родителей, ни даже со стороны своихъ учениковъ,—гдѣ и въ чемъ они могутъ

Библиотека "Руниверс"

искать себѣ одобренія и опоры? — ибо не всѣ, даже и твердаго характера люди могутъ находить себѣ достаточное утѣшеніе и достаточное ободреніе въ сознаніи величія совершаемаго ими дѣла, особенно же когда это дѣло является въ формѣ непрерывнаго, не рѣдко мелочнаго, не всегда притомъ успѣшнаго труда. Гдѣ и въ комъ искать этого, необходимаго для всѣхъ ободренія, освѣженія нравственныхъ своихъ силъ, сочувствія, какъ не въ средѣ своихъ же собратьевъ по труду, людей, поставленныхъ въ такое же трудное положеніе? И вотъ первая не маловажная, нравственная польза, которой можно ожидать отъ предполагаемаго нынѣ русскаго Общества Классической Филологіи и Педагогики. Самый фактъ возникновенія подобнаго общества ободритъ и придастъ силу и энергію всѣмъ, разсѣяннымъ по лицу Русской Земли и окруженнымъ не всегда сочувственною къ нимъ средою, труженикамъ на поприщѣ возрожденія классическаго образованія въ Россіи".

„Вслѣдъ за этою нравственною цѣлію учрежденія общества были указаны въ рѣчи и другія цѣли — именно сближеніе между собою разрозненныхъ преподавателей, и вслѣдствіе сближенія и обмѣна мыслей — собственное ихъ усовершенствованіе въ наукѣ, оживленіе и улучшеніе ихъ преподаванія, пробужденіе къ ученo-литературной дѣятельности, а слѣдовательно, и обогащеніе нашей учебной и учебной литературы по предметамъ классической филологіи; все же вмѣстѣ несомнѣнно должно послужить обезпеченію успѣха и упроченію нынѣшней учебной реформы.

Тѣ же соображенія высказаны и въ представленіи г. министра народнаго просвѣщенія комитету министровъ относительно утвержденія устава нашего Общества.

И надобно съ радостію признать, что важное дѣло, которому Общество призвано служить, теперь находится въ несравненно болѣе выгодномъ положеніи, нежели въ 1872 г., когда оно только еще зарождалось. Теперь классическое образованіе у насъ значительно окрѣпло и не далеко уже то время, когда оно будетъ находить сознательную поддержку въ самомъ обществѣ. Разъ извѣдавъ на опытѣ могучую образовательную силу древнихъ языковъ къ дѣлѣ развитія своихъ дѣтей, общество наше само все болѣе и болѣе будетъ становиться на его сторону, все болѣе проникаясь убѣжденіемъ, что изученіе древнихъ классическихъ языковъ и ихъ литературы есть истинная основа всякаго высшаго научнаго образованія.

Открытое сначала только въ Петербургѣ, теперь Общество Класси-

Библиотека "Руниверс"

ческой Филологіи и Педагогики имѣетъ свои отдѣленія въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Казани, и предполагается къ открытію въ Одессѣ. Дѣйствительныхъ членовъ всего состоитъ 163: въ Петербургскомъ отдѣленіи 62, въ Московскомъ 39, въ Кіевскомъ 22, Казанскомъ 29, Одесскомъ 20. Почетными членами состоятъ единогласно избранные: г. министръ народнаго просвѣщенія графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой и профессоръ лицея Цесаревича Николая Рудольфъ Георгіевичъ Вестфаль.

Предсѣдатели отдѣленій: С.-Петербургскаго и вмѣстѣ предсѣдатель всего Общества А. И. Георгіевскій, Московскаго — М. Н. Катковъ, Кіевскаго—И. Я. Ростовцевъ, Харьковскаго—Н. Е. Скворцовъ, Казанскаго—попечитель округа П. Д. Шестаковъ.

Собранія С.-Петербургскаго отдѣленія общества происходили на основаніи § 13 устава разъ въ мѣсяцъ, за исключеніемъ іюня, іюля и августа—времени каникулъ. С.-Петербургское отдѣленіе, со времени своего офиціальнаго утвержденія, имѣло 22 засѣданія. Занятія Общества, кромѣ текущихъ дѣлъ, состояли или въ обсужденіи рефератовъ (сообщеній), содержаніемъ коихъ служили научные вопросы по классической филологіи, а также рецензіи и отзывы о сочиненіяхъ, поступавшихъ отъ авторовъ для изданія ихъ на счетъ Общества, и статьяхъ, присылаемыхъ въ редакцію филологическаго отдѣла Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, или въ разсмотрѣніи вопросовъ учебно-практическаго характера.

За три истекшіе года были сдѣланы, между прочимъ, слѣдующія сообщенія во время засѣданій С.-Петербургскаго отдѣленія Общества:

1) Профессоромъ Ричардомъ Фохтомъ о сочиненіи гг. Миротворцева и Стовика: „Образецъ русско-латинской фразеологіи“ и Ромашкевича: „Краткій словарь латинскихъ синонимовъ“

2) Г. Пустонскимъ: разборъ перевода 1 и 2 идиллій Ѳеокрита г. Янчевецкаго.

3) Г. Коздеркой о статьѣ: „Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Саллюстія“ г. Зарацкаго.

4) Профессоромъ Люціаномъ Миллеромъ (на латинскомъ языкѣ): о басняхъ Федра.

5) Г. Гофманомъ: реценэія на объясненіе 6 и 7 сатиръ 1-й книги Горація, сдѣланное г. Маровевичемъ, и разборъ перевода 1-й филиппики Демосѳена, сдѣл. г. Христофоровымъ.

6) Г. Пустонскимъ: разборъ соч. г. Боровиковскаго: „О поэтическихъ сравненіяхъ, выбранныхъ изъ Энеиды Виргилія“ и отзывъ о

Библиотека "Руниверс"

рецензіи г. Коздерки на словарь къ Анабазису Ксенофонта, составленный г. Тихоновичемъ.

7) Профессоромъ Вейсманомъ: „О Гомеровскомъ лексиконѣ" неизвѣстнаго автора.

8) Профессоромъ Миллеромъ и академикомъ Наукомъ: о сочиненіи г. Деллена: „Doctrinae metricae Summarium".

9) Г. Гофманомъ о слѣдующихъ статьяхъ: „Объ эолійскомъ нарѣчіи" г. Канскаго; „Славяно-литовская миѳологія въ связи съ классическою" г. Батыря; „Пиндаръ и его эпиникіи" г. Иноземцева.

10) Г. Пустонскимъ о трудѣ г. Дьячана подъ заглавіемъ: „О родинѣ, родныхъ и мѣстѣ рожденія Геродота".

11) Г. Майковымъ былъ читанъ отрывокъ изъ перевода трагедіи Эсхила: „Агамемнонъ".

12) Г. Гофманомъ разборъ статьи г. Цвѣтаева: „Къ вопросу о постепенномъ развитіи падежныхъ окончаній".

13) Профессоромъ Фохтомъ: „Логическая связь мыслей въ первой книгѣ тускуланскихъ бесѣдъ Цицерона".

14) Г. Гельбке: о двухъ статьяхъ Герцога, касающихся вопроса о введеніи сравнительнаго языкознанія въ преподаваніи древнихъ языковъ въ гимназіи.

15) Г. Коздерой разборъ статьи: „О формахъ заключенія браковъ у Римлянъ" г. Азаревича.

16) Г. Крутковымъ: о переводѣ г. Кузьмина съ греческаго на русскій картины Кивита Ѳивскаго.

17) Г. Кеммерлингомъ: о переводѣ двухъ одъ Горація Гозадиковымъ.

18) Г. Пустонскимъ о соч. г. Войтасевича „Жизнь и произведенія Сафо".

19) Читаны были два письма профессора Цвѣтаева изъ Рима о дѣлаемыхъ имъ снимкахъ съ осскихъ надписей, найденныхъ въ развалинахъ Помпеи.

20) Профессоромъ Вейсманомъ: о статьѣ г. Добіаша, „Прибавленіе къ учебнику по греческому языку".

21) Г. Янко о статьяхъ: „О синтаксисѣ латинскомъ сравнительно съ русскимъ" г. Кильдюшевскаго; „О нѣкоторыхъ правилахъ синтаксиса латинскаго" г. Ронталера, и „Къ ученію о повелительномъ наклоненіи" г. Мейера.

22) Рефератъ коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ ака-

Библиотека "Руниверс"

демика Наука. „О словарѣ къ филиппикамъ Демосѳена, составленномъ г. Ракушаномъ".

23) Г. Вертомъ разборъ брошюры г. Модестова: „Объ одномъ славянскомъ имени въ помпейскихъ надписяхъ".

24) Г. Праховымъ: о переводѣ съ греческаго на русскій въ стихахъ трагедіи „Андромаха", сдѣланномъ г. Котеловымъ.

25) Г. Бюргомъ: рецензія на статью Г. Расмуссена: „О двухъ преданіяхъ у Геродота". Г. Вертъ прочелъ свою статью, составляющую отвѣтъ г. Модестову на его разборъ перваго тома Сборника статей по класс. фил.

26) Г. предсѣдателемъ разборъ перевода трагедіи Филоктетъ, состав. г. Иноземцевымъ.

Замѣчанія г. Модестова на разборъ его статьи и возраженія г. Верта.

27) Отзывъ бывшей подъ предсѣдательствомъ академика А. К. Наука коммиссіи о греческомъ словарѣ (части труда), составляемомъ г. Вейсманомъ.

Многіе изъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ, по опредѣленію собранія были напечатаны въ особомъ отдѣлѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія; а сочиненіе профессора Деллена: Latinæ metricæ Summarium" напечатано на счетъ Общества отдѣльнымъ изданіемъ.

Изъ учебно-педагогическихъ вопросовъ между прочимъ слѣдующіе были предметомъ обсужденія во время засѣданій Общества: a) о мѣрахъ для возвышенія уровня успѣховъ по древнимъ языкамъ; b) объ учебникѣ по греческому и латинскому синтаксису; c) о количествѣ главъ и стиховъ, какое можетъ быть переводимо изъ латинскихъ авторовъ въ IV классѣ.

Библіотека С.-Петербургскаго отдѣленія общества пока состоитъ изъ выписываемыхъ имъ и періодическихъ изданій:

1) Rheinisches Museum.
2) Philologus.
3) Hermes.
4) Philologischer Anzeiger.
5) Филологическія записки.
6) Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumswissenschaft.
7) Zeitschrift für die vergleichende Sprachwissenschaft.
8) Révue philologique.

Библиотека "Руниверс"

9) Neue Jahrbücher für Philologie und Pædagogik.
10) Zeitschrift für die österreichischen Gymnasien.
11) Zeitschrift für das Gymnasialwesen.
12) Mnemosyne.
13) Указатель по дѣламъ печати.

Средства общества составляютъ членскіе взносы не менѣе 10 р. въ годъ и одновременныя пожертвованія. Движимый сочувствіемъ къ успѣхамъ основательнаго образованія въ Россіи и къ цѣлямъ нашего Общества Двора Его Императорскаго Величества камергеръ А. А. Араповъ пожертвовалъ 100 р., которые пріобщены къ капиталу общества.

Сверхъ того, его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія назначилъ изъ суммъ министерства въ одинъ годъ 2,005 р. 50 к., въ другой—565 р. 94 к. въ пособіе Обществу на предположенное имъ изданіе учебнаго греческо-русскаго словаря.

Члены Общества Классической Филологіи и Педагогики, за два года до офиціальнаго утвержденія своего устава, въ своихъ неоднократныхъ собраніяхъ не разъ заявляли насущную потребность въ учебномъ греческо-русскомъ словарѣ, который могъ бы быть составленъ и изданъ при содѣйствіи и помощи имѣвшаго учредиться общества. Къ этой мысли общество возвращалось неоднократно и въ послѣдствіи, и она, какъ указано выше, нашла полное сочувствіе и поддержку со стороны его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія.

Въ собраніи 12-го декабря 1872 г. членъ общества М. В. Праховъ заявилъ желаніе приступить къ составленію греческаго словаря, и при этомъ представилъ планъ и образецъ съ приложеніемъ странички на букву зета.

26-го октября 1876 года членъ Общества А. Д. Вейсманъ обратился съ просьбою о ссудѣ для напечатанія составленнаго имъ греческо-русскаго словаря; при этомъ онъ вкратцѣ объяснилъ собранію планъ своего труда и сообщилъ небольшую часть рукописи. На основаніи § 25 п. подъ буквою *б* устава Общества Классической Филологіи и Педагогики собраніе поручило разсмотрѣніе рукописи особой коммиссіи изъ слѣдующихъ, избранныхъ единогласно, лицъ: академика А. К. Наука, Ѳ. А. Струве, покойнаго Н. И. Савинова, Н. Ѳ. Фоккова, М. В. Пустонскаго и Э. А. Верта.

Коммиссія представила свой докладъ собранію чрезъ мѣсяцъ, 30-го ноября 1876 г. По выслушаніи доклада, собраніе постановило: а) сообщить г. Вейсману въ подлинникѣ замѣчанія коммиссіи, б) просить

Библиотека "Руниверс"

его предварительно окончить его почтенный трудъ и в) тщательно пересмотрѣть весь словарь и исправить на основаніи сдѣланныхъ комиссіею замѣчаній. Въ настоящее время г. Вейсманъ довелъ свой трудъ до слова στίβος и приступилъ уже къ печатанію его въ одной изъ лейпцигскихъ типографій на свой собственный счетъ и безъ ссуды со стороны общества.

Кромѣ того г. министръ народнаго просвѣщенія, по ходатайству Общества, назначилъ изъ суммъ министерства 1,000 р. на изданіе членомъ Общества доцентомъ Варшавскаго университета, а нынѣ профессоромъ Московскаго университета, Цвѣтаевымъ Осскихъ надписей.

Въ продолженіи своего недолговременнаго существованія Общество понесло тяжелую, невознаградимую потерю въ лицѣ предсѣдателя Московскаго отдѣленія П. М. Леонтьева, скончавшагося 24-го марта 1875 г.

27-го марта въ 9 ч. вечера, Московское отдѣленіе общества имѣло, по случаю кончины П. М. Леонтьева, экстренное засѣданіе въ обычномъ мѣстѣ своихъ собраній, въ одной изъ залъ лицея Цесаревича Николая. Засѣданіе это, посвященное исключительно памяти одного изъ достойнѣйшихъ представителей Общества, привлекло многочисленныхъ членовъ и сторонникъ посѣтителей. По открытіи засѣданія, предсѣдатель Общества А. И. Георгіевскій въ произнесенной рѣчи указалъ на то значеніе, какое имѣлъ покойный профессоръ для нашего просвѣщенія, нашего учебно-воспитательнаго дѣла и въ частности для Общества Классической Филологіи и Педагогики, въ которомъ покойный видѣлъ одинъ изъ залоговъ прочности и преуспѣянія нашего учебно-воспитательнаго дѣла, нашей доброй русской школы, устроенной на общечеловѣческихъ, испытанныхъ вѣками, основахъ.

1877 года 26-го марта скончался Н. И. Савиновъ, членъ-учредитель Общества Классической Филологіи и членъ совѣта Общества. Н. И. Савиновъ былъ однимъ изъ самыхъ полезныхъ членовъ Общества. Магистръ греческой словесности, долгое время служившій преподавателемъ греческаго и латинскаго языковъ, въ послѣднее время состоявшій окружнымъ инспекторомъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, Н. И. соединялъ знаніе древнихъ языковъ съ основательнымъ изученіемъ русскаго языка и русской литературы и былъ практически знакомъ съ нуждами русской школы и нашего педагогическаго дѣла. Оттого

Библиотека "Руниверс"

всѣ замѣчанія его при разсмотрѣніи различныхъ вопросовъ, касавшихся преподаванія классическихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ, и вопросовъ о наиболѣе пригодныхъ для нашихъ учениковъ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ, отличались мѣткостію сужденія, часто бывали остроумны и всегда практичны.

Истекшее трехлѣтіе можетъ быть обозначено какъ время организаціи Общества и его отдѣленій. За это короткое время оно можетъ указать лишь на весьма немногія услуги свои дѣлу классическаго образованія въ Россіи и въ особенности на веденный при его содѣйствіи и подъ его руководствомъ отдѣлъ классической филологіи въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, который, будучи отпечатанъ особо, составилъ 5 томовъ Сборника статей по части классической филологіи. Общество позволяетъ себѣ разчитывать на болѣе широкое и болѣе производительное развитіе своей дѣятельности въ ближайшемъ будущемъ и не забудетъ золотаго правила: concordia res parvae crescunt, discordia maximae dilabuntur.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ

С.-Петербургскаго Отдѣленія Общества классической филологіи и педагогіи по 1 января 1878 года.

ПРИХОДЪ

1875-й годъ.

1) Отъ 45 членовъ общества (въ томъ числѣ отъ одного 25 рублей, отъ одного 20 руб., а отъ прочихъ по 10 руб. отъ каждаго) . . .	475 р. — к.
2) Отъ Харьковскаго отдѣла общества . . .	184 » — »
3) Отъ господина министра народнаго просвѣщенія	2005 » 50 »
4) Отъ каммергера Арапова	100 » — »
5) Отъ продажи 25 сентябрьскихъ купоновъ облигацій С.-Петербургскаго городскаго кредитнаго общества .	62 » 50 »
Итого	2827 р. — к.

РАСХОДЪ

1875-й годъ.

1) На покупку 25 облигацій С.-Петербургскаго городскаго кредитнаго общества во сто руб. каждая	2295 р. 55 к.

Библиотека "Руниверс"

2) На покупку разныхъ періодическихъ журналовъ въ книжномъ магазинѣ Бесселя . .	83 » 85 »
3) На пріобрѣтеніе печати общества, на отпечатаніе и разсылку по почтѣ циркуляровъ членамъ общества	38 » 35 »
4) Уплачено за чай, освѣщеніе и прислугѣ за пять вечеровъ . .	25 » — »
5) На покупку приходорасходной книги	1 » — »
Итого	2448 р. 75 к.

ПРИХОДЪ

1876-й годъ.

1) Отъ 36 членовъ общества (въ томъ числѣ отъ одного 25 р., а отъ прочихъ по 10 р. отъ каждаго) всего	375 р. — к.
2) Отъ Харьковскаго отдѣла общества	85 » — »
3) Отъ Кіевскаго отдѣла общества	138 » — »
4) Отъ попечителя Казанскаго учебнаго округа.	210 » — »
5) Отъ господина министра народнаго просвѣщенія	565 » 94 »
6) Отъ продажи 7 экз. Doctrinae Metricae по 1 р.	7 » — »
7) Отъ продажи мартовскихъ и сентябрьскихъ купоновъ отъ облигацій С.-Петербургскаго городскаго кредитнаго общества	125 » — »
Итого	1503 р. 94 к.

РАСХОДЪ

1876-й годъ.

1) На напечатаніе сочиненія профессора Деллена Doctrinae metricae summarium .	360 р. 67 к.
2) На покупку періодическихъ педагогическихъ журналовъ	89 » 10 »
3) За книгу для библіотеки общества	3 » — »
4) Переплетчику Бородину за брошюровку книги профес. Деллена .	18 » — »
5) Почтовые расходы на пересылку книгъ пр. Деллену	4 » 20 »
6) За разсылку по почтѣ Филологическаго Сборника гг. членамъ . .	12 » 23 »
7) За чай, освѣщеніе и прислугѣ, за 1876 годъ.	30 » — »
8) По счетамъ редакцій газетъ Голосъ и С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за напечатаніе объявленій о книгѣ профессора Деллена . .	7 » 80 »
9) На покупку 10 облигацій С.-Петербургскаго городскаго кредитнаго общества .	899 » 53 »
10) За храненіе облигацій въ государственномъ банкѣ 1 р. 70 к. и 40 к. за гербовую марку, и того	2 » 10 »
Итого	1426 р. 83 к.

Библиотека "Руниверс"

ПРИХОДЪ

1877-й годъ.

1) Членскіе взносы отъ 29 членовъ общества	290 р. — к.
Членскіе взносы отъ 4-хъ членовъ за 1876 годъ .	40 » — »
2) Отъ попечителя Казанскаго учебнаго округа	177 » 11 »
3) Отъ продажи 2-хъ экз. Doctrinae Metricae по 1 р.	2 » — »
4) Отъ директора Историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ за 40 экз. Doctrinae Metricae по 1 р. съ уст. 30%	28 » — »
5) Получено (процентовъ съ 3500 р.) за мартовскіе купоны 87 р. 50 к. и за сентябрьскіе 87 р. 50 к.	175 » — »
6) Отъ продажи двухъ городскихъ облигацій, вышедшихъ въ тиражъ	200 » — »
Итого	912 р. 11 к.

РАСХОДЪ

1877-й годъ.

1) На покупку двухъ облигацій въ замѣнъ вышедшихъ въ тиражъ, по биржевой ихъ цѣнѣ	174 р. 30 к.
2) Уплачено за напечатаніе двухъ чековыхъ книжекъ	4 » 50 »
3) Уплачено въ государственный банкъ за храненіе облигацій за годъ . .	1 » 70 »
4) Книгопродавцу Шмитцдорфу за журналы	106 » — »
5) Куплено 8 облигацій С.-Петербургскаго городскаго кредитнаго общества .	706 » 28 »
6) За вечерній чай въ министерствѣ народнаго просвѣщенія 29 ноября . . .	3 » 80 »
7) За разсылку по почтѣ пригласительныхъ повѣстокъ и писемъ за три года . .	12 » — »
8) Почтовыя марки къ письмамъ о взносѣ денегъ въ общество	— » 35 »
9) Уплачено Э. А. Верту за переплетъ 10 книгъ библіотеки .	5 » 5 »
Итого	1013 р. 98 к.

Всего къ 1-му января 1878 года состояло на лицо:

1) Облигацій С.-Петербургскаго городскаго кредитнаго общества	4300 р. — к.
2) Наличными	355 » 49 »

Библиотека "Руниверс"

лено было слѣдующее: Ученый комитетъ состоитъ изъ лицъ, служащихъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, обладающихъ тѣми спеціальными свѣдѣніями, кои необходимы для успѣшнаго производства работъ, на комитетъ возлагаемыхъ. Въ него назначается по одному члену по слѣдующимъ отраслямъ преподаванія: 1) по россійской словесности, 2) древней филологіи, 3) новой филологіи, 4) исторіи и географіи, 5) математическимъ наукамъ и 6) естественнымъ наукамъ (впослѣдствіи присоединился еще членъ по педагогикѣ). Для распредѣленія работъ и необходимаго постояннаго наблюденія за самыми работами и направленія ихъ къ одной цѣли, назначается одинъ изъ членовъ Главнаго Правленія училищъ въ качествѣ предсѣдательствующаго. Этотъ членъ, какъ и другіе, избирается и утверждается въ своемъ званіи министромъ народнаго просвѣщенія на три года. На ученый комитетъ, по приказаніямъ министра и по опредѣленіямъ Главнаго Правленія училищъ, возлагается: а) сужденіе о курсахъ въ учебныхъ заведеніяхъ; б) составленіе или разсмотрѣніе программъ для учебныхъ руководствъ; в) разсмотрѣніе и оцѣнка учебныхъ руководствъ; г) разсмотрѣніе другихъ книгъ и рукописей и д) разсмотрѣніе проектовъ и представленій по ученой, учебной и воспитательной части и другихъ тому подобныхъ дѣлъ. Сверхъ того, на обязанности ученаго комитета лежитъ: 1) постоянное наблюденіе за тѣмъ, въ какихъ руководствахъ нуждаются учебныя заведенія и изысканіе средствъ къ удовлетворенію этой потребности переводомъ ли образцовыхъ иностранныхъ учебниковъ, или изданіемъ новыхъ въ Россіи; 2) предупрежденіе распространенія въ публикѣ такихъ издаваемыхъ частными людьми всякаго рода учебныхъ книгъ и руководствъ, кои по своему достоинству не заслуживаютъ одобренія и не обѣщаютъ той пользы, какой отъ изданій сего рода желать надлежитъ. Для достиженія послѣдней цѣли комитетъ въ краткихъ статьяхъ указываетъ на существенные недостатки сказанныхъ книгъ, и статьи сіи печатаетъ въ *Журн. Мин. Народн. Просв.*, а также въ *С.-Петербургскихъ* и *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. По составленіи комитетомъ программъ для учебныхъ руководствъ, объявляется конкурсъ для изготовленія по онымъ самыхъ руководствъ. Для большаго поощренія къ составленію учебниковъ, постановляется, что второй, послѣ одобреннаго, учебникъ, если впрочемъ онъ признанъ будетъ удовлетворяющимъ своему назначенію, даетъ право автору на полученіе преміи, смотря по важности труда и достоинству выполненія, отъ 300 до 1.500 руб. Предсѣдательствующему и членамъ производится добавочное жалованье по 1.000 руб. въ годъ. На вознагражденіе за письмоводство, на покупку письменныхъ и другихъ матеріаловъ и т. д. назначено было до 1.000 руб. въ годъ. Для покрытія этихъ расходовъ предполагалось образовать при департаментѣ

Библиотека "Руниверс"

народнаго просвѣщенія особую сумму посредствомъ ежегоднаго двухъ-процентнаго вычета съ полнаго сбора какъ платы за ученье въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, (съ распространеніемъ такого вычета и на низшія училища, гдѣ сборъ за ученье существуетъ или впредь будетъ установленъ), такъ равно и платы, поступающей за содержаніе пансіонеровъ.

Когда вслѣдствіе означенной перемѣны во внутреннемъ устройствѣ министерства упраздненъ былъ комитетъ 1850 г. (22-го августа 1856 г.), то ученый комитетъ принялся за выполненіе трудной задачи—опредѣлить свое положеніе относительно разнородныхъ требованій, возникшихъ въ обществѣ, выбравъ изъ нихъ то, что могло оказаться наиболѣе пригоднымъ. При этомъ главнымъ вопросомъ являлся вопросъ объ учебномъ планѣ и о системѣ приготовленія учителей.

1. Что касается *учебнаго плана*, то первоначальный проектъ его, выработанный ученымъ комитетомъ, нѣсколько разъ подвергался передѣлкамъ, въ виду различныхъ, высказанныхъ по этому предмету мнѣній. Такимъ образомъ дѣло затянулось до февраля 1860 г., когда первая редакція была окончена и трудъ этотъ обнародованъ подъ названіемъ „Проэкта устава низшихъ и среднихъ учебныхъ училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія". Разработка учебнаго плана совершилась по мысли и подъ руководствомъ, во всѣхъ главныхъ пунктахъ [1]), министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго, человѣка, пользовавшагося, благодаря благородному, прямому своему характеру всеобщимъ уваженіемъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что Ковалевскій только со времени назначенія его въ 1856 г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа, слѣдовательно, за два года до принятія имъ министерства, пришелъ въ ближайшее соприкосновеніе съ вопросами учебнаго вѣдомства, а потому врядъ ли обладалъ спеціальною подготовкою къ этому дѣлу, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы не увлечься порывами времени. Упомянутый нами выше проектъ былъ препровожденъ ко всѣмъ попечителямъ округовъ, для обсужденія его въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій, и обнародованъ въ *Жур-*

[1]) Евграфъ Петровичъ К. родился въ 1792 г., сперва учился, но не долго, въ Харьковской гимназіи, откуда перешелъ въ Горный корпусъ; въ 1810 г. поступилъ на службу по горному вѣдомству, въ которомъ прошелъ всѣ ступени до директора Горнаго Института и члена совѣта Горнаго Департамента. Въ 1830 г. былъ назначенъ Томскимъ гражданскимъ губернаторомъ и главнымъ начальникомъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ, въ 1837 г. — директоромъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, 1843 г.—сенаторомъ. Литературную извѣстность К. пріобрѣлъ своими этнографическими очерками Кавказа, помѣщенными въ *Вѣстникѣ Европы* 1867 г. Должность министра народ. просв. занималъ съ 1858 по 1861 г., скончался въ 1866 году.

Библиотека "Руниверс"

нашу министерства народнаго просвѣщенія [1]), въ *С.-Петербургскихъ* и *Московскихъ вѣдомостяхъ*, ибо для министерства весьма важно было знать „какъ люди опытные, а также и не спеціалисты, но принимающіе близко къ сердцу великое дѣло общественнаго образованія въ Россіи, смотрятъ на настоящее и вновь предполагаемое устройство гимназій и приходскихъ училищъ и какой взглядъ они имѣютъ на уѣздныя училища."

По проекту устава учебныя заведенія раздѣляются на три разряда; 1) низшія — школы грамотности и народныя училища; 2) среднія — гимназіи; 3) высшія — университеты, отдѣльные ихъ факультеты и лицеи. Народныя училища, по числу и объему предметовъ ученія, раздѣляются на низшія и высшія; послѣднія изъ нихъ, назначаемыя преимущественно для лицъ промышленнаго и торговаго класса, должны быть открываемы, по крайней мѣрѣ по одному, въ каждомъ уѣздѣ, и слѣдовательно замѣняютъ собой уѣздныя училища. Они должны имѣть 4 класса и шесть учителей, кромѣ инспектора.

При составленіи проекта устава гимназій имѣлись преимущественно въ виду недостатки прежняго плана. Нашли, что онъ слишкомъ обширенъ и не соотвѣтствуетъ учебному времени; что, кромѣ того, занятія несоразмѣрно распредѣлены по каждому отдѣльному классу, а потому гимназическое ученіе обратилось для большинства учениковъ въ бремя и не могло принести зрѣлыхъ плодовъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній, гимназія, по проекту, долженствовала имѣть цѣлію „посредствомъ правильнаго воспитанія и обученія общеобразовательнымъ наукамъ развить молодыхъ людей въ умственномъ и нравственномъ отношеніи такъ, чтобы они могли или съ успѣхомъ начать свое спеціальное образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, или прямо приступить къ полезной на избранномъ ими поприщѣ общественной дѣятельности". Гимназіи состоятъ изъ восьми классовъ и въ каждой изъ нихъ полагается, при директорѣ и инспекторѣ, по восьми преподавателей наукъ и языковъ, кромѣ законоучителя и учителя рисованія, черченія и чистописанія. Что касается преподаванія наукъ въ гимназіяхъ, то первоначально имѣлось въ виду устроить, начиная съ VI класса, отдѣленія филологическое и естественныхъ и математическихъ наукъ (слѣдовательно, бифуркація); однако эта мысль была отвергнута, главнымъ образомъ потому, „что такимъ образомъ гимназическое обученіе, вмѣсто общеобразовательнаго, обратится въ спеціальное, особливо въ трехъ высшихъ классахъ, гдѣ преимущественно оканчивается развитіе ученика". Положено было учредить двоякаго рода гимназіи: съ латинскимъ и греческимъ языкомъ, названныя гимназіями съ нормальнымъ курсомъ, и такія, въ кото-

[1]) CV, 83—163.

Библиотека "Руниверс"

рыхъ преподавался бы лишь латинскій языкъ, а вмѣсто греческаго математика и естественныя науки въ большемъ объемѣ. Проектированный планъ по разсчету часовъ (на каждый урокъ полагалось по $1^1/_4$ ч.) имѣлъ слѣдующій видъ:

	Курсъ нормальный.	Курсъ реальный.
Законъ Божій.	$13^3/_4$ часовъ.	$13^3/_4$ часовъ.
Русскій языкъ.	30 „	30 „
Латинскій языкъ (съ III-го класса).	30 „	$23^3/_4$ „
Греческій языкъ (съ V-го класса)	$21^1/_4$ „	— —
Математика	$27^1/_2$ „	35 „
Естествовѣдѣніе и физика	20 „	$31^1/_4$ „
Исторія	$16^1/_4$ „	$18^3/_4$ „
Географія	$11^1/_4$ „	$11^1/_4$ „
Нѣмецкій языкъ	$28^3/_4$ „	30 „
Французскій языкъ	$28^3/_4$ „	30 „
Рисованіе, черченіе и чистописаніе.	$12^1/_2$ „	$13^3/_4$ „
Всего.	240 часовъ.	$237^1/_2$ часовъ.

Кромѣ того, гласилъ проектъ, учреждаются четырехклассныя прогимназіи. При гимназіяхъ могутъ быть открываемы педагогическіе курсы для приготовленія молодыхъ людей къ должности учителей высшихъ народныхъ училищъ, равно какъ дополнительные курсы, съ цѣлію доставить молодымъ людямъ спеціальныя свѣдѣнія въ предметахъ, имѣющихъ прямое приложеніе къ жизни.

Подробныя программы были обнародованы въ іюлѣ подъ заглавіемъ: „планъ и распредѣленіе преподаванія предметовъ“.

Между тѣмъ какъ ученый комитетъ обсуждалъ поступившіе въ него оффиціальные отзывы, въ журналѣ министерства появился „сводъ печатныхъ рецензій на проектъ устава среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній [1]). Въ этихъ рецензіяхъ вѣрныя замѣчанія были перемѣшаны со множествомъ поражавшихъ своею странностью. Нашлись люди, которые отвергали преподаваніе русской грамматики и совѣтовали вмѣсто того обратить вниманіе на стилистику и ознакомленіе учениковъ съ возможно большимъ числомъ современныхъ (!) отечественныхъ писателей; такіе и преподаваніе всеобщей исторіи считали они излишнимъ. „Неужели, читаемъ мы въ этихъ отзывахъ, для исполненія общественныхъ обязанностей необходимо знать, что во время Перикла Аѳины достигли самаго блестящаго образованія, въ какомъ году начались пуническія войны, когда Карѳагенъ былъ взятъ и разрушенъ Римлянами? какъ усомниться въ разумности рутины, столѣтія держащейся въ Германіи, Франціи и Англіи и оттуда къ

[1]) CIX, I, 149—189, 244—310 (1861 г.).

Библиотека "Руниверс"

намъ перенесенной цѣликомъ, безотчетно? Мы *смело* можемъ ограничиться только отечественною исторіею, но гораздо важнѣе и полезнѣе подробное ознакомленіе учениковъ съ современнымъ состояніемъ отечества. Поэтому нужно на ряду съ политическою географіею Россіи ввести въ преподаваніе статистику, съ присоединеніемъ краткихъ историческихъ свѣдѣній тамъ, гдѣ они приходились бы кстати". Одни находили такъ называемый нормальный курсъ недостаточно классическимъ, а реальный — недостаточно реальнымъ. „Устройство школы, такъ выражались поборники этого мнѣнія, обусловливается потребностями жизни. Первая задача жизни есть трудъ. Имѣя въ виду безконечное разнообразіе частнаго труда школа обязана готовить къ главнымъ его родамъ. Этихъ родовъ два: трудъ бываетъ физическій и умственный. Относительно послѣдняго, духовная дѣятельность прилагается къ человѣку или къ вещественной природѣ. Сфера дѣятельности судьи, адвоката, священника, воспитателя, ученаго — духъ человѣческій: это дѣятельность гуманная. Купецъ, фабрикантъ, инженеръ, военный, прилагаютъ умственную свою дѣятельность къ вещественному міру: это дѣятельность реальная. Каждая изъ этихъ дѣятельностей требуетъ для себя особой, спеціальной подготовки: гуманная — общаго гуманнаго образованія; реальная — общаго реальнаго образованія. Спеціальностямъ духовной дѣятельности соотвѣтствуютъ факультетскіе курсы въ университетахъ; спеціальностямъ реальной — заведенія, по преимуществу, называемыя спеціальными. Общее приготовительное гуманное образованіе дается гимназіею; для реальнаго же образованія у насъ нѣтъ учебныхъ заведеній и не будетъ по новому уставу, и это его главный недостатокъ. Назначеніе гимназій — давать общегуманное и общереальное образованіе — хуже самаго недостатка. Гимназія въ томъ видѣ, въ какомъ ее предполагаетъ проектъ, не можетъ служить достаточнымъ приготовленіемъ къ университету. Изученіе классической древности, необходимое для него, будетъ соотвѣтствовать своей цѣли только въ гимназіяхъ съ нормальнымъ курсомъ, а такихъ будетъ очень мало. Да и тутъ 24 урока латыни и 17 греческаго языка едва-ли будетъ достаточно. Въ ненормальныхъ гимназіяхъ латынь будетъ изучаться въ такомъ объемѣ, что лучше бы вовсе не изучить ее. Вліяніе, оказываемое изученіемъ древнихъ языковъ на умственное развитіе, важно и необходимо только въ гуманномъ образованіи; въ реальномъ съ большимъ успѣхомъ для той же цѣли служатъ другіе предметы. Поэтому нужно устроить, кромѣ гуманныхъ гимназій, реальныя, въ которыхъ тонъ, колоритъ преподаванія задаютъ естествовѣдѣніе и географія; математика должна занимать гораздо болѣе видное мѣсто, мѣсто древнихъ языковъ заступаютъ, на сколько могутъ, отечественный и новые языки; но гимназіи эти уже и не должны думать объ университетской карьерѣ для учениковъ

Библиотека "Руниверс"

своихъ. Такое примѣненіе главныхъ началъ даже совершеннѣе, чѣмъ то, какое они нашли себѣ въ организаціи русскихъ и французскихъ училищъ, гдѣ реальныя школы не могли еще избавиться отъ господства латыни"

Мнѣнія, высказанныя въ пользу древнихъ языковъ, требовали установить преподаваніе этихъ языковъ такъ, чтобъ ознакомить учениковъ съ внутреннею семейною и гражданскою жизнію Грековъ и Римлянъ, съ ихъ нравами и обычаями, съ содержаніемъ образцовыхъ твореній ихъ литературы. „Только этимъ путемъ можно перемѣнить мнѣніе общества въ пользу означенныхъ предметовъ, — общества, которое, за исключеніемъ весьма немногихъ личностей, никогда не благоволило предъ древними языками, и время, употребляемое дѣтьми на обученіе имъ, считало потеряннымъ безъ пользы. Можно ли ожидать, чтобы дѣти съ любовью и успѣхомъ занимались какимъ либо учебнымъ предметомъ, о которомъ дома твердятъ имъ, что онъ безполезенъ въ жизни и выдуманъ для того только, чтобъ мучить ихъ? Такіе отзывы слышались сплошь и рядомъ, въ самыхъ образованныхъ кружкахъ. Отчего же это? Главною причиною нерасположенія то, что одни родители получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ древніе языки не входятъ въ составъ учебнаго курса; другіе, хотя и учились имъ и можетъ быть учились прилежно нѣсколько лѣтъ, но, по самому свойству преподаванія древнихъ языковъ въ этихъ заведеніяхъ, не могли изъ своего ученія вынести удовлетворительныхъ результатовъ и остановились на половинѣ пути. Поэтому они смотрятъ на предметъ только съ внѣшней стороны, то-есть, со стороны ученическаго труда и житейской пользы; педагогической пользы они или не подозрѣваютъ, или не вѣрятъ въ нее". Какъ бы въ подтвержденіе этого взгляда журналъ министерства помѣстилъ на своихъ страницахъ слѣдующее удивительное мнѣніе одного „отца семейства" [1]): „Дайте намъ что нибудь прочесть изъ жизни Греціи и Рима въ удобочитаемомъ переводѣ, или въ дѣльной ученой статьѣ, мы прочтемъ съ удовольствіемъ; а учиться для этого древнимъ языкамъ, извините, у насъ нѣтъ времени. Что касается нашихъ дѣтей, то научите ихъ *немножко* правильнѣе писать по русски, да *немножко* понимать по французски и по нѣмецки; латынь же служитъ только къ тому, что они по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю остаются безъ обѣда, а это очень вредитъ ихъ здоровью. Если же хотите поболѣе развить ихъ, то познакомьте ихъ съ тѣми знаніями, которыхъ наиболѣе требуетъ современная жизнь и наука: мы не хотимъ видѣть ихъ ни Греками и ни Римлянами, а образованными Европейцами и Русскими; мы не думаемъ дѣлать изъ нихъ

[1]) ОКІ, 1, 114.

Библиотека "Руниверс"

какихъ нибудь ремесленниковъ, но и не желаемъ, чтобы они уже съ дѣтства приготовлялись быть спеціальными учеными и притомъ по наукѣ, которая ни намъ, ни имъ не по сердцу".

Противники классическаго образованія приводили иногда въ доказательство своего взгляда въ высшей степени курьезныя соображенія. „Очень замѣчательно", говорили они, „что всѣ писатели, съ наибольшимъ успѣхомъ воспроизводившіе у насъ греческую простоту и пластику, совсѣмъ не получили классическаго образованія (Жуковскій, Батюшковъ)... Мы совсѣмъ другимъ путемъ достигли (!) тѣхъ результатовъ, какіе въ Европѣ вырабатывались постепеннымъ изученіемъ древняго міра, продолжавшимся много вѣковъ" [1]).

Весьма страннымъ представляется мнѣніе, высказанное съ разныхъ сторонъ противъ VIII класса въ гимназіяхъ. Уже теперь, гласило оно, ученики высшихъ классовъ 17, 18 и даже 19 лѣтъ, слишкомъ велики для дѣтскаго ученья и съ нетерпѣніемъ ждутъ ученья, болѣе сообразнаго съ ихъ развитіемъ, даже съ ихъ лѣтами. Кромѣ того, молодые люди будутъ оканчивать гимназическій курсъ большею частію въ такомъ возрастѣ, въ которомъ не могутъ быть приняты ни въ одно изъ спеціальныхъ заведеній, ибо самыя снисходительныя изъ этихъ заведеній опредѣляютъ пріемный возрастъ въ спеціальные классы не свыше 17 лѣтъ.

Вообще говоря, примирительная система, принятая Ученымъ Комитетомъ, не удовлетворяла никого: справедливо замѣтилъ баронъ Николаи, что если классическій элементъ въ проектѣ удержалъ за собою первенство de jure, какъ признанный въ § 270 курсомъ нормальнымъ, то по § 271 онъ de facto утратилъ его вслѣдствіе предпочтенія, оказаннаго естествознанію и математикѣ.

Между тѣмъ Ковалевскаго смѣнилъ адмиралъ графъ Путятинъ (съ 28 іюня по 25 декабря 1861 г.) [2]), которому удалось, въ короткое время управленія министерствомъ достигнуть увеличенія бюджета учебнаго вѣдомства на полмилліона [3]). Преемникомъ гр. Путятина былъ статсъ-секретарь А. В. Головнинъ [4]) (съ 25 декабря 1861 г.

---

[1]) Тамъ же I, 105—120.

[2]) Евгеній Васильевичъ Путятинъ родился въ 1806 г.; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ 1822 г. участвовалъ на фрегатѣ «Крейсеръ» въ кругосвѣтномъ путешествіи; впослѣдствіи былъ участникомъ въ войнѣ за освобожденіе Греціи, отличался въ турецкой кампаніи и въ кавказскомъ походѣ. Въ 1856 г. имѣлъ дипломатическое порученіе въ Парижѣ и Лондонѣ; въ 1857 г. назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Китай.

[3]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, CXV, 133.

[4]) Александръ Васильевичъ Головнинъ родился въ 1821 г., воспитаніе получилъ въ Александровскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, въ которомъ кончилъ курсъ съ отличіемъ; въ 1840 г. поступилъ въ канцелярію Государыни Императрицы, по отдѣленію учебныхъ и благотворительныхъ заведеній; отсюда перешелъ въ

Библиотека "Руниверс"

по 14 апрѣля 1866 г.). При немъ не только окончены были законодательныя работы по преобразованію учебной части, но и возникли новыя благодѣтельныя учрежденія, какъ напримѣръ Одесскій университетъ, основанію коего починъ сдѣланъ Пироговымъ [1]). Мысль о предоставленіи возможности публичнаго обсужденія министерской дѣятельности была въ широкихъ размѣрахъ осуществлена при г. Головнинѣ: не только извлеченія изъ [illegible] Ученаго Комитета, но и періодическіе отчеты попечителей округовъ и ревизоровъ о состояніи учебныхъ заведеній стали появляться на страницахъ министерскаго журнала (см. томы CVIII, 1, 42; CXIV, 99, 255; CXV, 1, 46; CXXII, 2, 522). Сверхъ того устроиваемы были собранія учителей и публиковались результаты ихъ совѣщаній (Харьковскій съѣздъ въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* CXVII, 348; CXVIII, 15; съѣздъ въ Одессѣ—CXXIV). Наконецъ, не мало пользы принесли „Сборникъ Постановленій" и „Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія", изданные въ 1864 году.—Большую заслугу А. В. Головнина составляетъ та откровенность, съ которою онъ указывалъ на признанные недостатки учебныхъ заведеній. Это откровенное сознаніе въ особенности высказывается въ изданномъ въ 1865 г. „Обзорѣ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія и подвѣдомственныхъ ему учрежденій въ 1862, 1863 и 1864 гг." [2]), изъ коего мы приведемъ нѣсколько выдержекъ.

Относительно вопроса о гимназической реформѣ министерству пришлось идти по избранному имъ самимъ пути, выслушивая всѣ замѣчанія и соображаясь съ ними по мѣрѣ возможности. Но эта система повела лишь къ тому, что только какое либо направленіе во вліятельныхъ сферахъ брало верхъ, сообразно съ нимъ мѣнялись и предположенія министерства, вслѣдствіе чего необходимо должны были поколебаться основы реформы, что конечно не могло способствовать успѣху дѣла.

Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ, „по замѣчаніямъ, полученнымъ отъ учебныхъ заведеній и явившимся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а еще болѣе доставленнымъ въ рукописяхъ", былъ передѣланъ въ ученомъ комитетѣ; въ 1862 г. появилась въ печати вторая его редакція [3]) подъ названіемъ „Проекта устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній" (десять главъ въ 415 §§).

министерство внутреннихъ дѣлъ, а въ 1848 г. — на морское министерство. Въ 1859 г. назначенъ статсъ-секретаремъ (8 сентября) и въ томъ же году (9 ноября) сдѣланъ членомъ Главнаго Правленія училищъ.

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* CXXIII, 4, 47.

[2]) Также въ нѣмецкомъ переводѣ Вольдемара. Пет. 1865 г.

[3]) Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ. С.-Петерб. 1862. Часть I, стр. 1—98. Объяснительная записка къ проекту, стр. 99—146.

Библиотека "Руниверс"

Учебныя заведенія раздѣлены были на: 1) народныя училища (одно— двухъ- или трехклассныя) 2) прогимназіи и 3) гимназіи. Прогимназіи служатъ переходными заведеніями для желающихъ довершить курсъ общаго образованія въ гимназіяхъ. При каждой гимназіи находится непремѣнно прогимназія; но, кромѣ того, въ городахъ и мѣстечкахъ болѣе многолюдныхъ открываются, по мѣрѣ возможности, и отдѣльныя прогимназіи. Учебный ихъ планъ, разсчитанный на 4 класса съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ и подъ управленіемъ инспектора, утверждаемаго попечителемъ учебнаго округа, на семь преподавателей (кромѣ учителей пѣнія и гимнастики) установилъ для учебныхъ предметовъ слѣдующее число недѣльныхъ уроковъ (часовыхъ): законъ Божій — 7, русскій языкъ — 18, исторія — 7, естествовѣдѣніе съ географіею — 14, математика — 17, нѣмецкій языкъ — 14, французскій языкъ — 14, чистописаніе, черченіе и рисованіе — 13. Преподаваніе русскаго языка должествовало вести преимущественно къ развитію природнаго дара слова въ учащихся до такой степени, чтобы они могли отчетливо выражаться и правильно писать на родномъ языкѣ. Иностранные языки изучаются путемъ практическимъ и т. п. Гимназіи, имѣющія цѣлію также общее образованіе, равномѣрно и всесторонне развивающія нравственныя и умственныя силы юношества, и вмѣстѣ съ тѣмъ служащія приготовительными заведеніями для молодыхъ людей, стремящихся къ высшему, болѣе спеціальному образованію, раздѣляются, по различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, на филологическія и реальныя. Предметы ученія какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ гимназіяхъ проходятся въ продолженіе четырехъ годичныхъ курсовъ, составляющихъ четыре класса.

Таблица числа недѣльныхъ уроковъ (часовыхъ) была слѣдующая:

Въ филологической гимназіи.		Въ реальной гимназіи.	
Законъ Божій.	6	Законъ Божій.	6
Русская словесность	13	Русская словесность	15
Латинскій языкъ	24	Латинскій языкъ	18
Греческій языкъ	22	Естествовѣдѣніе съ физикой и математич. и физической географіею	19
Исторія.	12	Исторія	12
Математика съ физикой и матем. и физ. географіею	12	Математика	16
Нѣмецкій языкъ	12	Нѣмецкій языкъ.	12
Французскій языкъ	8	Французскій языкъ	11
Всего	109	Всего	109

Библиотека "Руниверс"

Рисованіе для желающихъ 2 урока, послѣ классныхъ уроковъ; гимнастика и пѣніе, для всѣхъ, также внѣ класснаго времени.

Преподаваніе древнихъ языковъ, сказано въ § 207, имѣетъ цѣлію, съ одной стороны, посредствомъ грамматическаго изученія ихъ формъ, отличающихся полнотою и разнообразіемъ, знакомить учениковъ съ системою логическаго развитія мысли и черезъ то упражнять ихъ умъ въ послѣдовательномъ мышленіи, а съ другой—развить ихъ вкусъ чрезъ ознакомленіе съ содержаніемъ древнихъ литературъ, представляющихъ образцовыя произведенія по всѣмъ отраслямъ словесности. По окончаніи полнаго курса, ученики филологической гимназіи должны быть въ состояніи читать на этихъ языкахъ свободно прозаическія произведенія, по крайней мѣрѣ историческаго содержанія, и, съ приготовленіемъ, произведенія поэтическія. Въ реальныхъ гимназіяхъ по латинскому языку признается достаточнымъ пониманіе римскихъ историковъ золотаго вѣка и нравственно-философскихъ сочиненій Цицерона.

Въ предисловіи къ объяснительной запискѣ указывается на выгоды такого устройства училищъ (которое въ сущности было не что иное какъ возстановленіе прежняго устройства ихъ по уставу 1804 года). Вслѣдствіе преобразованія уѣздныхъ училищъ въ прогимназіи, изъ прогимназій можно будетъ переходить въ гимназіи. При той степени развитія, которой могутъ достигнуть окончившіе курсъ въ прогимназіяхъ, 4-лѣтній срокъ, для довершенія общаго образованія въ гимназіяхъ, признается вполнѣ достаточнымъ; считается даже, вопреки мнѣнію опытныхъ педагоговъ, возможнымъ для учащагося оказать хорошіе успѣхи въ изученіи древнихъ языковъ, которые положено было начинать только въ гимназіи. Въ филологическихъ гимназіяхъ, гласило предисловіе къ объяснительной запискѣ, это даже очень возможно, потому что во 1) такія гимназіи будутъ предпочитаемы имѣющими склонность къ языкамъ, во 2) сюда будутъ поступать воспитанники, уже ознакомившіеся съ общими грамматическими основаніями, и въ 3) на древніе языки здѣсь назначается половина всего учебнаго времени (?); въ реальныхъ же латинскій языкъ служитъ не столько цѣлію, сколько средствомъ для развитія; слѣдовательно, здѣсь дѣло будетъ заключаться не въ количествѣ знаній, а въ самой методѣ ученія.

Въ объяснительной запискѣ были установлены слѣдующія основныя положенія: I. Наши низшія и среднія учебныя заведенія должны имѣть характеръ общеобразовательный. II. Всѣ общеобразовательныя учебныя заведенія слѣдуетъ сосредоточить въ одномъ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. III. Необходимо обратить особенное вниманіе на приготовленіе способныхъ воспитателей и учителей съ предоставленіемъ имъ правъ, соразмѣрныхъ съ важностію ихъ обя-

Библиотека "Руниверс"

занностей. IV. Необходимо доставить каждому учебному заведенію возможность самодѣятельно совершенствоваться въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи. V. Необходимо облегчить способы къ распространенію образованія. Относительно перваго изъ этихъ отдѣловъ, наиболѣе важнаго, было высказано, что „главною задачею всѣхъ учебныхъ заведеній поставляется: воспитаніе человѣка, то-есть гармоническое развитіе его нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ, и преподаваніе должно имѣть одну эту формальную цѣль. Только стремясь исключительно къ формальной цѣли, они дѣлаются способными воспитать человѣка, достигая вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріяльной цѣли, то-есть сообщая учащимся знанія, пригодныя для практической жизни. Наоборотъ, если поставить на первомъ планѣ цѣль матеріальную, то училища будутъ приготовлять изъ учащихся не людей съ нравственными убѣжденіями, а безжизненные складочные магазины, болѣе или менѣе наполненные грузомъ разнаго рода знаній, имѣющихъ только достоинство внѣшности. Только при всесторонемъ и равномѣрномъ развитіи въ обучающемся юношествѣ всѣхъ силъ возможны разумное, согласное съ человѣческимъ достоинствомъ, воззрѣніе на жизнь и вытекающее изъ него умѣнье пользоваться жизнію (идея, высказанная Пироговымъ). Наши уѣздныя училища и гимназіи приняли характеръ учебныхъ заведеній, преслѣдующихъ спеціальныя цѣли, и стали преимущественно приготовительными заведеніями для лицъ, поступающихъ на службу. Съ уничтоженіемъ, въ настоящее время, крѣпостнаго состоянія и съ дарованіемъ чрезъ то правъ гражданскихъ и человѣческихъ всѣмъ лицамъ безъ исключенія, такое направленіе воспитанія, естественно, не можетъ продолжаться. Теперь оказывается, болѣе чѣмъ когда либо, настоятельная необходимость приготовлять людей для всѣхъ поприщъ и для всякой дѣятельности. Чтобы пользоваться разумно правами человѣческими, необходимо развить въ массахъ сознаніе этихъ правъ, возбудить любовь къ труду разумному и поселить въ каждомъ уваженіе къ самому себѣ и къ человѣку вообще. Только при такихъ условіяхъ можетъ уничтожиться господствующее еще у насъ разъединеніе между сословіями и явиться разумное распредѣленіе занятій между всѣми общественными дѣятелями.

„Въ прогимназіяхъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, чтобы остаться вѣрнымъ воспитательному своему характеру, должно строго отличаться отъ преподаванія собственно-гимназическаго. Здѣсь, по возрасту и развитію учащихся, болѣе всего умѣстенъ катихизическій способъ ученія. Постоянная бесѣда съ учениками съ образовательною цѣлію, умѣнье вести всю работу преимущественно въ классѣ подъ своимъ руководствомъ—вотъ задачи, къ осуществленію которыхъ долженъ стремиться преподаватель прогимназіи.

Библиотека "Руниверс"

„Что касается до гимназій, то всѣ предметы признаются общеобразовательными, всѣ считаются, какъ показалъ опытъ, въ большей или меньшей степени необходимыми для полноты образованія; но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что развивать учащихся посредствомъ всѣхъ этихъ предметовъ въ одномъ учебномъ заведеніи было бы крайне трудно и даже невозможно, потому что ученикамъ пришлось бы, въ такомъ случаѣ, схватывать только верхушки каждаго предмета, къ явному вреду своего развитія, или употреблять нечеловѣческія усилія для яснаго уразумѣнія всего проходимаго въ классѣ, или, бросивъ вовсе нѣкоторые предметы, обратить усиленное вниманіе на остальные, или наконецъ, упавши подъ бременемъ непомѣрной тяжести, оставить вовсе ученіе и перейти въ разрядъ неуспѣшныхъ. Въ Англіи, въ тѣхъ школахъ, гдѣ ученіе основано на древнихъ языкахъ, проходятся весьма коротко математика, исторія и географія, а естествовѣдѣніе и новые языки большею частію вовсе не преподаются. Въ Германіи по предметамъ ученія средніе училища раздѣлены на гимназіи и реальныя училища, гдѣ преобладаютъ математика и естествовѣдѣніе съ прикладными къ нимъ науками" (едва-ли можно сказать это о прусскихъ реальныхъ училищахъ 1-го разряда). „По этимъ основаніямъ ученый комитетъ считаетъ необходимымъ и у насъ учрежденіе двоякаго рода гимназій: реальныхъ и филологическихъ. Гимназіямъ реальнымъ—и въ этомъ заключается отличительная черта этого проекта отъ предыдущаго — *ученый комитетъ даетъ перевѣсъ учрежденіемъ изъ въ большемъ количествѣ*, на томъ основаніи, что во 1) для успѣшнаго логическаго развитія посредствомъ языковъ онъ считаетъ достаточнымъ въ гимназіи занятіе языкомъ отечественнымъ и изъ иностранныхъ — однимъ древнимъ, латинскимъ, и однимъ изъ новыхъ; во 2) находитъ необходимымъ дать приличное мѣсто въ гимназическомъ курсѣ и изученію другихъ наукъ, какъ-то закона Божія, исторіи, математики и естествовѣдѣнія—первымъ двумъ по важности содержанія, имѣющаго огромное образовательное значеніе, а послѣднимъ двумъ и особенно математикѣ потому, что по этимъ предметамъ выработаны вполнѣ раціональныя методы ученія, какъ нельзя болѣе согласныя съ формальною цѣлью образованія; 3) достиженіе такъ называемаго гуманнаго, то-есть общечеловѣческаго образованія, считаетъ возможнымъ и безъ изученія греческаго языка, не только въ гимназіяхъ, обладающихъ значительными образовательными средствами, но даже и въ народныхъ училищахъ, чему блистательныя доказательства представляютъ результаты ученія въ народныхъ училищахъ Саксоніи, Пруссіи, и Швейцаріи (нельзя не изумляться недоразумѣнію, обнаруженному въ этихъ словахъ относительно понятія о гуманномъ образованіи) и въ 4) находитъ возможнымъ пріобрѣтеніе и такъ называемаго ученаго обра-

Библиотека "Руниверс"

зованія, безъ знанія греческаго языка, съ достаточнымъ знаніемъ языка латинскаго и одного изъ новыхъ языковъ (!). Ученый комитетъ, хотя и признаетъ вполнѣ образовательное значеніе греческаго языка, но, находя невозможнымъ сохраненіе его въ курсѣ всѣхъ гимназій безъ ущерба прочимъ предметамъ и считая языкъ этотъ болѣе или менѣе спеціальностію, необходимою преимущественно для филолога, полагаетъ достаточнымъ, по небольшому спросу на такую спеціальность, ограничиться учрежденіемъ меньшаго числа филологическихъ гимназій" По § 178 предполагалось имѣть „филологическія гимназіи только во всѣхъ университетскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ по одной)", а въ городахъ, имѣющихъ нѣсколько гимназій, „открывать гимназіи съ филологическимъ, или реальнымъ курсомъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ". Очевидно, что это значило почти совершенно возвратиться къ порядку вещей, установленному въ 1852 году.

Для гимназическаго образованія предписывалось „преимущественно употребленіе способа акроаматическаго, состоящаго въ изложеніи предмета самимъ учителемъ: только изложеніе это должно заключать въ себѣ условія, необходимыя для возбужденія любви къ предмету и самодѣятельности въ учащихся. Какъ въ прогимназіяхъ почти весь процессъ ученія долженъ совершаться въ классахъ, такъ здѣсь ученикамъ, и особенно въ высшихъ классахъ, слѣдуетъ предоставить болѣе времени для домашнихъ самостоятельныхъ занятій; ученику предоставляется работать болѣе самому; дѣло учителя заключается въ исправленіи ошибокъ, въ указаніи уклоненій отъ истины и въ направленіи учащагося на прямой путь"

„При изученіи новѣйшихъ иностранныхъ языковъ", сказано въ § 208, „въ гимназіи, куда поступаютъ молодые люди, уже ознакомленные съ грамматическими ихъ основаніями, главное вниманіе обращается на чтеніе съ разборомъ писателей и на переводы ихъ на русскій языкъ; цѣлью же такого изученія должно быть поставлено доведеніе учениковъ до свободнаго пониманія безъ лексикона всѣхъ, по крайней мѣрѣ, прозаическихъ сочиненій, кромѣ философскихъ". Только одинъ изъ новыхъ языковъ считался обязательнымъ.

Въ проектѣ были удержаны дополнительные курсы (§ 253—259) при гимназіяхъ и прогимназіяхъ, „которые проходятся преимущественно въ высшемъ классѣ, наравнѣ съ общими предметами, или излагаются отдѣльно воспитанникамъ, уже окончившимъ общій курсъ; въ послѣднемъ случаѣ къ слушанію ихъ допускаются и посторонніе лица". „Къ этимъ предметамъ относятся: законовѣдѣніе, технологія, сельское хозяйство, строительное искусство, товаровѣдѣніе, бухгалтерія, гигіена, иностранные языки и вообще всѣ предметы, имѣющіе цѣлію приложеніе какой-либо науки къ промышленности, торговлѣ, или вещественному улучшенію быта народнаго".

Библиотека "Руниверс"

Изъ другихъ частей проекта приводимъ слѣдующіе: 1) § 189 директоры гимназій обязаны преподавать въ какомъ либо классѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ учебныхъ предметовъ. „Такая мѣра", сказано въ запискѣ, „совершенно необходима какъ для бо́льшаго сближенія ихъ съ учителями, такъ и для поддержанія въ нихъ вообще интереса къ педагогическимъ вопросамъ. Нынѣшніе директоры (и штатные смотрители) не только легко отвыкаютъ отъ учительскихъ занятій, но даже хладѣютъ къ нимъ и нерѣдко, къ сожалѣнію, привыкаютъ даже смотрѣть свысока на своихъ сотрудниковъ, а отсюда является тотъ постоянный антагонизмъ, который существуетъ между начальниками учебныхъ заведеній и ихъ подчиненными, къ существенному вреду для юношества". 2) Постановлено было (§ 246—252) открывать педагогическіе курсы при двухъ, по крайней мѣрѣ, гимназіяхъ въ каждомъ учебномъ округѣ, для приготовленія молодыхъ людей въ учители прогимназій. Въ эти курсы, „принимаются молодые люди безукоризненнаго поведенія, не моложе 17-лѣтняго возраста, окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ въ гимназіи или выдержавшіе удовлетворительно испытаніе въ предметахъ сего курса. На полное прохожденіе педагогическаго курса назначается два года".

Проектъ устава гимназій и прогимназій къ которому присоединены были и вновь выработанные проекты общаго устава университетовъ и устройства народныхъ училищъ, снова сдѣлался предметомъ публичнаго обсужденія. Всѣ эти проекты были разосланы также нѣкоторымъ педагогамъ и ученымъ Германіи, Англіи и Франціи [1]). Впрочемъ, сравнительно лишь немногіе изъ 42 отзывовъ, полученныхъ изъ-за границы (они составляютъ томъ въ 417 стран.), касались устройства гимназій.

Собственно же изъ Россіи поступило въ министерство 365 отзывовъ (изъ нихъ 110 отъ университетовъ и педагогическихъ совѣтовъ, а 255 принадлежали частнымъ лицамъ), которые были напечатаны въ 6 томахъ (это вышеупомянутыя „Замѣчанія"). Затѣмъ были составлены и изданы въ 1863 г. (одинъ томъ въ 630 стр.) „Своды замѣчаній на проектъ" и т. д., раздѣленные на 18 главъ, редакція коихъ была поручена особымъ референтамъ (три первыя главы: „О раздѣленіи гимназій на филологическія и реальныя" Р. Шарбе; „Сводъ мнѣній о классическомъ и реальномъ образованіи" В. Водовозову; „О направленіи курса общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній" А. Власову). На основаніи этого обширнаго матеріала проектъ устава былъ снова подвергнутъ обсужденію въ ученомъ комитетѣ, въ апрѣлѣ и маѣ 1863 г. („Журналы ученаго коми-

[1]) Нѣмецкое изданіе, составленное подъ редакціею статсъ-секретаря Таѣева, явилось въ Лейпцигѣ у Вагнера въ 1862 г.

Библиотека "Руниверс"

тета Главнаго Правленія Училищъ по разсмотрѣнію проекта устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній") и одобрена третья редакція (тамъ же, стр. 65—140), на этотъ разъ подъ названіемъ: проектъ устава гимназій и прогимназій въ трехъ главахъ и 152 §§. Такъ какъ мы не находимъ возможнымъ изложить вкратцѣ даже рефераты, не говоря уже о мнѣніяхъ, коихъ представлено было множество и которыя частію значительно расходятся между собою, то въ нижеслѣдующемъ будемъ главнымъ образомъ придерживаться приложенной къ проекту „объяснительной записки" (тамъ же, стр. 97—135).

Проектъ возвращается къ восьмикласснымъ гимназіямъ и даетъ прогимназіямъ курсъ четырехъ низшихъ классовъ гимназій. Онъ сохраняетъ раздѣленіе гимназій на два рода, а именно: общія и классическія. Такъ называемыя „общія" поставлены на первомъ планѣ, а о классическихъ упоминается только мимоходомъ.

Таблица числа недѣльныхъ уроковъ (по разсчету часовъ) была слѣдующая:

а) въ общей гимназіи:

ПРЕДМЕТЫ.	Классы:								
	I.	II	III.	IV	V	VI.	VII	VIII	Всего.
Законъ Божій.					1	1	1	1	12
Русскій языкъ съ церк.-слав. и словесность.	6		4	4					41
Латинскій языкъ	—	—					3		20
Нѣмецкій языкъ.		4	3	4	4	4	4	4	32
Французскій языкъ	—	4							21
Исторія.	—	—			3	3	4	4	19
Географія						—	—		15
Математика		4		4	4	3			
Естествовѣдѣніе физикон.	4	4	4	4	4	4	6		35
Чистописаніе, рисованіе и черченіе					—	—	—	—	12
		30		30					234

Библиотека "Руниверс"

б) въ классической гимназіи.

ПРЕДМЕТЫ.	Классы. I	II.	III	IV	V	VI.	VII	VIII.	Всего.
Законъ Божій.					1	1	1	1	12
Русскій языкъ съ церк.-слав. и словесность			4	4				1	34
Латинскій языкъ									36
Греческій языкъ	—								27
Исторія									15
Географія.					2		—		14
Математика.		4		4			1	1	
Физика и начальныя свѣдѣнія изъ физ.	1	1	1	1					19
Нѣмецкій языкъ		4		4					24
Французскій языкъ		1							18
Чистописаніе, черченіе и рисованіе									12
	30	30	30	30					234

Въ прогимназіяхъ, для учениковъ, оканчивающихъ въ нихъ свое образованіе, назначались въ послѣднемъ классѣ, сверхъ общихъ классовъ, дополнительные уроки по географіи и французскому языку, причемъ такіе ученики, по желанію, освобождались отъ языка латинскаго (§ 35). Точно также и въ „общихъ“ гимназіяхъ, начиная съ V класса, обученіе латинскому языку *предоставлено было на волю желающихъ* (§ 38). Не обучавшіеся же ему въ высшихъ четырехъ классахъ могли поступать въ студенты университета только по физико-математическому факультету.

Раздѣленіе гимназій на два рода въ объяснительной запискѣ мотивируется такимъ образомъ. „Общеобразовательными предметами считаются: 1) законъ Божій, показывающій наши отношенія и обязанности къ Богу, какъ верховному Творцу человѣка и всего міра; 2) науки, знакомящія насъ съ духовною стороною человѣка и съ проявленіями духовной его дѣятельности во внѣшнемъ мірѣ — языко-

Библиотека "Руниверс"

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Observationes rhetoricae in Demosthenem Ioannes Luniak.

Этимологическія замѣтки. Шенберга.

0 nihil aliud nisi у Цицерона. Э. Верта.

Отчетъ С.-Петербургскаго общества классической филологіи и педагогики за 1874—1877 годы.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи (Продолженіе). Е. Шмида.

Редакторъ **Е. Осоктистовъ.**

(Вышла 1-го апрѣля.

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРОТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки **двѣнадцать рублей**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой въ другіе города **тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку)**. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (послѣдній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки журнала — по **пятидесяти копѣекъ** за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"